

Class D 20

Book .W 3717

YUDIN COLLECTION

16.

Сур.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Weber
Георга Вебера.

II.

416
761

Переводъ со второго изданія,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

—
томъ десятый.

—
Перевелъ Андреевъ.

—
Изданіе К. М. Солдатенкова.

Цѣна 4 руб.

Москва.

Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, домъ Архипова.

1888.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

(ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ).

- Буассье, Гастона. Римская религія. Пер. М. Корсакъ. М. 1878 г. Ц. 5 р.
— — Цицеронъ и его друзья — — М. 1880 г. Ц. 2 р.
Бэна, А. Стилестика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. А. Грузинскаго. М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.
Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 части. Переводъ Э. Циммермана. М. 1876 г. Ц. 7 р. 50 к.
Вебера, Г. Всеобщая Исторія, Т. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII и IX. М. 1887 г. Ц. за 9 т. 44 р.
Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Н. Веселовскаго. М. 1881 г. Ц. 3 р.
Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 5 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. В. Часова и И. Васильева. М. 1879 г. Ц. 20 р.
Веселовскаго, А. Н. Этюды о Мольерѣ. Мизантронъ. М. 1881 г. Ц. 2 р.
Викторова, П. Ученіе о личности, вып. 1-й М. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к.
Гайма, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Пер. В. Невъдомскаго. М. 1888 г. Т. I. Ц. 5 руб.
Гартмана. Сущность міроваго процесса или философіи безсознательнаго, т. II. А. Козлова. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.
Геттнера. Исторія всеобщей литературы XIII вѣка. Т. III, кн. I и III. М. 1872 г. Ц. 4 р. 75 к.
Гиббона, Э. Исторія упадка и разруш. римской имперіи съ портретомъ автора. Пер. В. Невъдомскаго. Т. I, II, III, IV, V, VI и VII. М. 1885 г. Цѣна 26 руб.
Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. И. Г. Виноградова. М. 1877 г. Ц. 4 р.
Гнейстъ, Руд. Исторія Государств. учрежденій Англіи, пер. съ нѣмецкаго, С. Венгеровъ. М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.
Забѣлина, И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
Зибера, Н. И. Очерки первобытной эконо. культуры. М. 1883 года. Ц. 4 р. 50 к.
Игеринга. Борьба за право. Пер. И. Волкова. М. 1872 г. Ц. 75 к.
Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV. Пер. Е. Корша. М. 1874 г. Ц. 16 р.
Кольцова, А. В. Стихотворенія. Изданіе 9-е. М. 1887 г. Ц. 20 к.
Корсакъ. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.
Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Перев. Е. Корша. 2 ч. М. 1870 г. Ц. 10 р.
— Руководство къ исторіи живописи. Пер. И. Васильева. М. 1870 г. Цѣна 7 р.

(См. 3-ю страницу обложки).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

Weber, Georg

Vseobshchaya

ВСЕОБЩАЯ

Istoriia

ИСТОРИЯ

Георга Вебера.

Переводъ со второго изданія,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ПЕРЕРАБОТАННАГО ПРИ СОДѢЙСТВІИ СПЕЦІАЛИСТОВЪ.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

Перевелъ Андреевъ.

Издание К. М. Солдатенкова.

Москва.

Типографія В. В. Исленьева, Большая Кисловка, домъ Архипова.

1888.

В Ъ К Ъ

РЕФОРМАЦІИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе къ русскому переводу	XII
Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи. 4. Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ.	XXXVI
ВѢКЪ РЕФОРМАЦІИ.	
А. Эпоха Карла V. Основаніе новаго порядка.	
Литература	1
1. Общій обзоръ	2
1. Политическія отношенія	—
2. Распространеніе реформаціи по западной Европѣ.	6
II. Нидерланды и Испанія.	9
1. Молодость Карла V	—
2. Испанія при началѣ правленія Карла	12
3. Возстаніе комунеровъ	15
4. Подавленіе возстанія. Расширеніе королевской власти.	22
5. Культура на Пиренейскомъ полуостровѣ	27
I. Испанская литература	—
1. Народные романсы. Религіозная поэзія.	—
2. Прозаическая литература. Дидактическая поэзія	32
3. Очеркъ мусульманской литературы.	38
II. Испанская литература въ XV и XVI столѣтіяхъ.	42
1. Развѣтіе испанской литературы въ XV столѣтіи.	—
2. Первый періодъ развитія испанской драмы.	48
3. Лирическая и буколическая поэзія. „Ласарильо“ Мендосы.	55
4. Португальская литература. Эпическая поэзія	60
III. Германія. Начало реформаціи.	66
Литература.	—
1. Германія и римская церковь передъ началомъ реформаціи. Ученіе объ индульгенціяхъ.	67
2. Лютеръ	73
а) Молодость.	—
б) Годы душевной борьбы	79

	<i>Стр.</i>
3. Политическое положеніе Германіи. Выборъ новаго импера- тора	92
а) Борьба по дѣлу о выборѣ Карла императоромъ.	—
б) Вюртембергскія дѣла	95
1. Правленіе Эбергарда I и Эбергарда II	—
2. Первое время правленія Ульриха	97
3. Убіиство Ганса Гуттена.	—
4. Изгнаніе Ульриха.	100
с) Гильдесгеймская война.	101
4. Отлученіе Лютера отъ церкви.	102
IV. Вормсскій сеймъ и время жизни Лютера въ Вартбургѣ. . . .	108
1. Вормсскій сеймъ.	—
а) Ходъ дѣла до вызова Лютера въ Вормсъ	—
б) Лютеръ въ Вормсѣ	112
с) Вормсскій эдиктъ.	118
2. Лютеръ въ Вартбургѣ	120
а) Волненіе въ Германіи.	—
б) Карльштадъ и анабаптисты	122
с) Возвращеніе Лютера въ Виттенбергъ. Переводъ Библии. .	125
V. Дальнѣйшій ходъ реформациі. Начало религіознаго распадѣнія Германіи	127
1. Распространеніе евангелическаго ученія.	—
2. Народныя религіозныя пѣсни.	131
3. Война Зикингена съ государями	137
4. Регенсбургскій съѣздъ.	141
VI. Крестьянская война	145
1. Карльштадъ и Мюнцеръ	—
2. Прежніе мятежи поселянъ	150
3. Возстанія въ Шварцвальдѣ и южной Швабіи. Двѣнадцать статей.	153
4. Возстаніе во Франконіи	158
5. Возстанія въ другихъ частяхъ Германіи	162
6. Томасъ Мюнцеръ. Тюрингское возстаніе	163
7. Гейльброннскій проектъ	165
8. Отношенія Лютера къ инсургентамъ	166
9. Подавленіе крестьянскаго возстанія.	168
10. Результаты возстанія	172
VII. Итальянская война	174
1. Завоеваніе герцогства миланскаго императоромъ	—
2. Битва при Павіи. Мадридскій миръ.	182
3. Папская лига. Взятіе Рима	187
4. Побѣды императорскихъ войскъ	191
5. Миръ	195
6. Покореніе Флоренціи	197
VIII. Итальянская культура	198
А. Цвѣтушій періодъ итальянской поэзіи	199
1. Общій характеръ ея.	—
2. Развитіе литературы при дворѣ Медичи.	201

	<i>Стр.</i>
3. Боярдо и Аріосто	204
4. Современники Боярдо и Аріосто	208
5. Торквато Тассо	210
6. Драма и сатпра	213
В. Проза.	216
1. Обзоръ прозаической литературы.	217
2. Макиавелли	218
3. Исторіографія.	222
С. Періодъ упадка	223
1. Поэмы.	224
2. Прозанки	227
Д. Эпоха высочайшаго развитія искусства въ Италіи	228
1. Главные дѣтели.	—
а) Ліонардо да Винчи	231
б) Рафаэль.	232
с) Микель Анджело	234
д) Архитектура. Микель Анджело. Браманже. Построеніе храма Петра	237
2. Другіе художники	239
а) Ломбардская, флорентійская, сієнская школы.	241
б) Корреджіо	242
с) Сотрудники и подражатели Рафаэля и Микель-Анджело.	243
д) Скульптура и архитектура	244
е) Венеціанская школа.	246
3. Періодъ упадка	248
а) Живописцы.	249
б) Архитектура и скульптура.	251
IX. Реформація въ Швейцаріи. Ульрихъ Цвингли	252
1. Положеніе швейцарскаго союза. Молодость Цвингли.	—
2. Дѣятельность Цвингли въ Цюрихѣ	256
3. Введеніе реформациі въ Цюрихѣ и другихъ кантонахъ	262
X. Устройство лютеранской церкви. Протестація.	272
1. Положеніе партій въ Германіи.	—
2. Организациія лютеранской церкви. Женитьба Лютера.	275
3. Полемика Лютера съ Генрихомъ VIII и съ Эразмомъ.	280
4. Дѣло Пака. Шпейерская протестація.	282
5. Марбургское собесѣдованіе.	286
6. Отношенія нѣмецкихъ протестантовъ къ императору	289
XI. Аугсбургскій сеймъ.	291
1. Начало сейма	—
2. Аугсбургское исповѣданіе	294
3. Вліяніе Лютера на ходъ дѣлъ въ Аугсбургѣ	296
4. Попытки примиренія.	299
5. Постановленіе аугсбургскаго сейма.	300
XII. Ходъ реформациі въ Германіи и Швейцаріи до нюрнбергскаго мира	302
1. Шмалькальденскій союзъ. Выборъ Фердинанда въ санъ короля.	—

	<i>Стр.</i>
2. Швейцарскія дѣла. Смерть Цвингли	306
3. Нюрнбергскій мѣръ	315
XIII. Дальнѣйшій ходъ реформаціи. Мюнстерскіе анабаптисты. . .	319
1. Вюртембергскія дѣла. Кадепскій мѣръ	—
2. Развитіе лютеранскаго богослуженія и церковнаго устройства. . .	321
3. Мюнстерскіе анабаптисты	326
XIV. Скандинавскія государства. Любекскія дѣла. Вулленвеберъ .	334
1. Христіанъ II	—
2. Швеція въ правленіе Густава Вазы.	339
3. Реформація въ Даніи. Арестованіе Христіана II	348
4. Борьба за датскій престолъ. Вулленвеберъ	351
5. Окончательное установленіе реформаціи въ скандинавскихъ государствахъ.	356
XV. Англія; правленіе Генриха VIII. Шотландія; династія Стюар- товъ.	364
1. Генрихъ VIII и кардиналъ Уольси	465
2. Отмѣна папскаго приматства въ Англіи. Основаніе націо- нальной церкви	370
3. Исторія женъ Генриха. Мятежъ католиковъ. Завершеніе секуляризаціи монастырей	378
4. Послѣдніе годы царствованія Генриха	382
5. Шотландія при Стюартахъ.	388
XVI. Южная Европа. Дѣятельность Кальвина въ Женевѣ.	394
1. Мусульманскіе корсары. Взятіе Туниса Карломъ.	—
2. Новая война Карла съ Францискомъ.	397
3. Реформація въ Женевѣ	404
а) Борьба партій.	—
б) Переселеніе Кальвина въ Женеву, его изгнаніе и возвра- щеніе	409
с) Церковное устройство, введенное въ Женевѣ Кальвиномъ. . .	414
XVII. Нѣмецкая реформація. Послѣдняя война Карла съ Франци- скомъ	419
1. Побѣда протестантства въ сѣверной Германіи	—
2. Попытки примиренія.	424
3. Войны Карла съ Францискомъ, турками и герцогомъ кле- вскимъ.	431
XVIII. Французская культура въ XVI вѣкѣ	437
1. Правленіе Франциска I и Генриха II.	—
2. Французская культура и литература	447
а) Изученіе классической древности	—
б) Марбó и его современники.	450
с) Раблѣ.	454
д) Ронсаръ и Плеяда.	459
е) Малербъ. Начало французскаго классицизма.	462
XIX. Шмалькальденская война.	466
1. Кельнскія дѣла.	—
2. Пріготовленія къ войнѣ. Смерть Лютера.	471
3. Военныя дѣйствія въ южной Германіи	475
4. Отношенія императора къ папѣ.	481

	<i>Стр.</i>
5. Походъ на Эльбу.	484
6. Полное торжество императора	487
XX. Интеримъ и пассаускій договоръ.	490
1. Аугсбургскій сеймъ 1548 года	—
2. Введеніе интерима.	495
3. Планы Карла V	498
4. Морицъ саксонскій.	503
5. Пассаускій договоръ.	509
XXI. Послѣднее время правленія Карла V	513
1. Походы Альбрехта Кульмбахскаго. Смерть Морица.	—
2. Аугсбургскій миръ.	520
3. Отреченіе Карла V. Жизнь его въ монастырѣ и смерть.	523
4. Царствованіе Филиппа II до като-камбрезійскаго мира	530
5. Подавленіе реформаціи въ Испаніи.	540
XXII. Основаніе англиканской и пресвитеріанской церквей.	543
1. Реформація въ Англіи при Эдуардѣ VI.	—
2. Смерть Эдуарда VI. Борьба за престолъ	551
3. Царствованіе Маріи. Католическая реакція.	555
4. Царствованіе Елизаветы. Возстановленіе англиканской церкви	564
5. Шотландія во время регентства. Борьба католичества съ реформаціей.	571
XXIII. Нѣмецкая литература въ эпоху реформаціи.	580
1. Характеръ и развитіе литературы и образованности.	—
2. Подробности.	586

Предисловіе къ русскому переводу.

Пополнимъ новыми замѣтками то, что говорили мы о характерѣ нашего перевода въ предисловіи къ шестому тому его.

Начнемъ и теперь, какъ было тогда, замѣчаніями о транскрипціи звуковъ иностранныхъ собственныхъ именъ. Тогда мы говорили о восточныхъ, въ частности арабскихъ именахъ; теперь будемъ говорить о западныхъ.

Латинскій алфавитъ, употребляемый всѣми западными народами, обозначалъ буквами звуки своего языка очень удовлетворительно. Для передачи звуковъ греческаго языка въ немъ были сдѣланы приспособленія, тоже очень удовлетворительныя. Новые народы, принявшіе латинскій алфавитъ, приспособили его къ обозначенію звуковъ своихъ языковъ. Нѣкоторые сдѣлали это очень хорошо; напримѣръ, итальянская орѳографія превосходна; заслуживаетъ названія прекрасной и испанская; нѣмецкая несравненно хуже испанской, не говоря ужь объ итальянской, но все таки не очень дурна; англійская—мученье для самихъ англичанъ, ужасъ для иностранцевъ; французская не лучше ея, и менѣе ужасаетъ иностранцевъ только потому, что ея мученія претерпѣло и преодолѣло, потому сроднилось съ нею очень много людей во всѣхъ европейскихъ земляхъ.

Но дурно ль или хорошо въ какомъ нибудь изъ новыхъ западныхъ языковъ приспособленъ латинскій алфавитъ къ передачѣ звуковъ этого языка, все таки онъ приспособленъ въ немъ первоначально лишь для него; и чтобы сдѣлать свой алфавитъ способнымъ передавать звуки, чуждые національному языку, каждый западный народъ долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя пополненія.

Въ итальянскомъ, испанскомъ, французскомъ языкахъ пополненія національнаго алфавита для передачи чужихъ звуковъ сдѣланы—на сколько сдѣланы—по правиламъ удовлетворительнымъ. Такъ, напри-

мѣръ, во французскомъ алфавитѣ принято обозначать чуждый французскому языку англійскій звукъ j сочетаніемъ буквъ dj, и это сочетание во французской транскрипціи иностранныхъ словъ всегда соотвѣтствуетъ тому звуку, который въ англійскомъ алфавитѣ обозначается буквою j (а въ русской транскрипціи иностранныхъ словъ сочетаніемъ буквъ дж, совершенно соотвѣтствующимъ французскому сочетанію dj). Въ нѣмецкой литературѣ еще не установилось такой точности приспособленій алфавита къ передачѣ звуковъ, чуждыхъ нѣмецкому языку; такъ, напримѣръ, сочетание буквъ dj въ одной нѣмецкой книгѣ соотвѣтствуетъ англійскому языку j (дж), въ другой русскому звуку дъ, въ третьей русскому сочетанію звуковъ дй; такимъ образомъ, иногда сомнительно, какъ слѣдуетъ прочесть слово djak— «джакъ» или «дьякъ», слово djed, соотвѣтствуя въ одной книгѣ слову «джедъ», въ другой соотвѣтствуетъ слову «дѣдъ». — Подобная сбивчивость въ приспособленіяхъ національнаго алфавита къ транскрипціи чужихъ словъ есть и у англичанъ. Правда, и англичане и нѣмцы заботятся теперь устранить шаткость изъ своихъ транскрипцій иностранныхъ словъ, но еще не успѣли достичь полного успѣха въ томъ.

Къ чему было говорено это? Не къ тому ли, чтобы напомниманіе о шаткости транскрипціи въ нѣмецкихъ и англійскихъ книгахъ служило извиненіемъ ошибокъ или недосмотровъ при передачѣ иностранныхъ собственныхъ именъ въ нашемъ переводѣ? Нѣтъ, рѣчь о нашихъ личныхъ ошибкахъ этого рода будетъ послѣ. Теперь мы хотѣли выставить на видъ необходимость дѣла, которое можетъ быть исполнено только соглашеніемъ между важнѣйшими издательскими фирмами, редакціями главныхъ журналовъ и газетъ, опытными и хорошо образованными корректорами. Мы говоримъ о необходимости ввести въ нашъ алфавитъ точныя приспособленія къ передачѣ иностранныхъ собственныхъ именъ русскими буквами.

Мы хотѣли напомнить, что каждый національный алфавитъ составленъ для передачи только тѣхъ звуковъ, которые находятся въ языкѣ народа, употребляющаго этотъ алфавитъ; что самъ по себѣ, онъ не имѣетъ знаковъ, соотвѣтствующихъ звукамъ, чуждымъ этому языку; что для передачи ихъ онъ нуждается въ прибавкѣ особыхъ приспособленій, и что всѣ народы, имѣющіе литературу, какую должна имѣть нація, чтобы заслуживать имя народа европейской цивилизаціи, ввели въ свои алфавиты такія приспособленія; что поэтому, нуждается въ нихъ и русскій алфавитъ.

Теперь мы не имѣемъ возможности сноснымъ образомъ написать по-русски французское слово, начинающееся буквой «u» или сочета-

ніемъ буквъ «eu», нѣмецкое слово, начинающееся буквой «ö» или буквой «ü»; не имѣемъ даже возможности сносно написать ни одно изъ безчисленныхъ греческихъ, латинскихъ, испанскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ словъ, имѣющихъ въ своемъ составѣ звукъ «h»;—прилично ли цивилизованному народу оставлять свой алфавитъ въ такомъ безпомощномъ положеніи?

Дѣло было бы довольно извинительно, если бы мы оставляли свой алфавитъ не имѣющимъ способовъ обозначать только тѣ чуждые нашему языку звуки, произношеніе которыхъ усваивается нами съ трудомъ, какъ напримѣръ нѣмецкій звукъ «ng» или англійскій носовой звукъ въ сочетаніяхъ «ng» и «nk», или (въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ) французскій носовой звукъ, или англійскіе звуки твердое «th» и мягкое «th»; но нѣтъ: мы не имѣемъ способа точно написать французскіе звуки «eu», «u», нѣмецкіе «ö», «ü», хотя каждый русскій, разъ услышавъ, ужь умѣетъ сносно произнести ихъ. И, что еще предосудительнѣе для насъ, мы не позаботились дать нашему алфавиту способъ изображать звукъ «h», который имѣемъ мы въ своемъ языкѣ. (Напримѣръ, въ словахъ господинъ, госпожа, богатый, и который всѣ мы, говорящіе литературнымъ нарѣчіемъ, произносимъ превосходно во всей его чистотѣ).

Есть два способа приспособлять алфавитъ народа къ транскрипціи звуковъ, для которыхъ онъ не имѣетъ особыхъ буквъ: можно сдѣлать прибавку какого нибудь особаго значка къ основной фигурѣ буквы, или можно обозначать звукъ сочетаніемъ буквъ. Намъ легко воспользоваться тѣмъ и другимъ способомъ, потому что оба они ужь привычны намъ: мы превращаемъ букву, соотвѣтствующую звуку латинскаго «i» въ букву, обозначающую латинскій звукъ «j», ставя надъ нею дугу концами вверху: «и», «й»; мы обращаемъ знакъ нашего звука «е» въ знакъ звука «о» слѣдующаго за йотированнымъ произношеніемъ согласной, ставя надъ нимъ двѣ точки: «е», «ё»; употребляя другой способъ, мы пишемъ «дж» для обозначенія звука англійскаго «j».

По какому способу и въ какомъ именно видѣ произвести то или другое изъ надобныхъ намъ приспособленій нашего алфавита къ транскрипціи иностранныхъ словъ, это должно быть рѣшено соглашеніемъ между издательскими фирмами, редакціями періодическихъ изданій и корректорами.

Перечислимъ тѣ звуки важнѣйшихъ западныхъ языковъ, для транскрипціи которыхъ особенно нужны приспособленія, потому что на-

добность въ нихъ встрѣчается особенно часто; будемъ держаться порядка латинскаго алфавита:

короткое англійское «а» (напримѣръ, въ словахъ an, and); звукъ, болѣе близкій къ латинскому «е» (нашему «э»), чѣмъ къ латинскому (и нашему) «а»,

французское «е» *muet* въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ (напримѣръ, въ предлогѣ *de*)

французское «eu» и близкое къ нему нѣмецкое «ö», латинское, испанское, англійское, нѣмецкое «h».

французское носовое «п», Англійское «п» въ сочетаніяхъ *ng*, *nk* и нѣмецкое *ng* не одинаковы, но достаточно сходны съ нимъ, чтобы для нихъ годился знакъ, избранный для него;

англійское «г», когда за нимъ не слѣдуетъ гласный звукъ (напр. въ словахъ *or*, *por*);

англійское твердое «th» (напримѣръ, въ словахъ *thing*, *think*)
Буква *ø* не годится для обозначенія этого звука, потому что у насъ укоренилась привычка произносить ее какъ ф;

англійское мягкое «the» (напр. въ словахъ *the*, *that*);

французское «и». Нѣмецкое *ü* достаточно близко къ нему, чтобы быть отмѣчаему тѣмъ же знакомъ (выброшенная изъ гражданской азбуки ижица не годна для обозначенія этого звука, потому что мы привыкли произносить ее какъ наше и)

англійское короткое «и» (напр. въ словахъ *but*, *cut*);

англійское *w*; итальянское, испанское, нѣмецкое «и» въ *au* и тому подобныхъ сочетаніяхъ.

Кромѣ приспособленій для этихъ звуковъ, нужны еще нѣкоторыя; но лишь были бы сдѣланы эти, легко будетъ сдѣлать по ихъ образцу всѣ другія.

Переходимъ къ замѣткамъ о транскрипціи иностранныхъ собственныхъ именъ въ нашемъ переводѣ.

Мы не хотѣли дѣлать никакихъ нововведеній въ азбукѣ, считая для такого преобразованія надобнымъ соглашеніе, о которомъ говорили. При слишкомъ недостаточной приспособленности нашего алфавита къ изображенію звуковъ, чуждыхъ русскому языку и даже нѣкоторыхъ, существующихъ въ немъ, и при происходящей отъ этого невозможности удовлетворительно переложить на знаки нашей азбуки очень значительную часть иностранныхъ именъ, транскрипція многихъ разрядовъ этихъ словъ колеблется между двумя или даже тремя,

четырьмя способами, изъ которыхъ одинъ все таки менѣе дурень, чѣмъ другой или другіе, мы держались того, который казался намъ наименѣе дурень. Но въ нѣкоторыхъ именахъ иногда уклонялись отъ него по привычкѣ къ старому, худшему, и потомъ нѣкоторые изъ этихъ ошибокъ оставались по недосмотру не поправлены нами. Такъ напримѣръ, изъ двухъ употребительныхъ въ нашей литературѣ транскрипцій англійскаго короткаго «а», старая, сохраняющая букву «а», гораздо хуже новой, замѣняющей ее буквою «э»; мы держались новой, но по привычкѣ къ старой иногда дѣлали опіску, не всегда замѣчали ее, перечитывая рукопись, и по недосмотру оставляли ее неисправленною. Такимъ образомъ, имя Cranmer, которое должно писать по-русски «Крэнмеръ», нѣсколько разъ было написано нами «Кранмеръ»; гдѣ замѣчена была нами эта ошибка, она исправлена; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣроятно ускользнула отъ нашего вниманія и осталась непоправленною. Такіе недосмотры досадны намъ. Но еще хуже то, что мы не всегда находили надобныя намъ указанія на истинное произношеніе именъ, которыхъ не умѣли съ достовѣрною точностью прочесть безъ справокъ. На французскомъ и англійскомъ языкахъ встрѣчаются имена, произношеніе которыхъ несообразно съ правилами орфографіи этихъ языковъ; когда мы не находили указаній на ихъ произношеніе, то, читая ихъ по догадкѣ, могли въ нѣкоторыхъ случаяхъ ошибаться, и, вѣроятно, иной разъ ошибались. Ошибки незнанія по всей вѣроятности также встрѣчаются у насъ въ именахъ, принадлежащихъ языкамъ, орфографія которыхъ недостаточно извѣстна намъ. Такъ, напримѣръ, мы полагаемъ, что сдѣлали нѣсколько ошибокъ незнанія при возстановленіи португальскихъ формъ личныхъ именъ португальцевъ, которыхъ нѣмцы называютъ личными именами въ нѣмецкой формѣ. Нѣмцы не шокируются, называя португальскаго генерала или писателя *João*; по-русски нелѣпо было бы называть его «Іоанномъ», надобно называть Жоано, по португальской формѣ его личнаго имени. Не во всѣхъ случаяхъ мы знали или могли найти португальскія формы личныхъ именъ. По всей вѣроятности есть у насъ ошибки и въ чтеніи нѣкоторыхъ португальскихъ фамилій.

Это очень досадно. Но если и предположить, что мы ошиблись во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось намъ дѣлать транскрипцію безъ увѣренности въ ея правильности, число ошибочныхъ транскрипцій въ нашемъ переводѣ не велико. И мы надѣемся, что, сожальѣя вмѣстѣ съ нами о нашихъ ошибкахъ, русскіе ученые, занимающіеся исторіею западной Европы, найдутъ въ нашемъ переводѣ Вебера

нѣкоторое облегченіе своимъ заботамъ о правильной транскрипціи именъ: мы дали ее многимъ именамъ, не имѣвшимъ ея. Кромѣ нѣкоторыхъ португальскихъ, кельтскихъ, датскихъ и западно-славянскихъ именъ, въ сложности, очень немногихъ, и быть можетъ двухъ, трехъ изъ французскихъ или англійскихъ именъ, произносимыхъ не по правиламъ орѳографіи транскрипція, у насъ вездѣ надежна. Опечатки въ именахъ не мѣшаютъ этому: онѣ вообще таковы, что рассказывать и поправлять ихъ дѣло легкое.

Начиная нашъ переводъ, мы считали падобнымъ строго держаться подлинника, пока не приобрѣтемъ у публики довѣріе, которое уполномочить насъ улучшать переводимую нами книгу.

Въ первыхъ четырехъ томахъ мы не дозволяли себѣ никакихъ отступленій отъ подлинника. По всей вѣроятности, мы заслужили бѣ одобреніе публики, если бы менѣе долго оставались не принимающими на себя это право. Но мы и въ пятомъ томѣ взяли на себя это право лишь въ размѣрѣ, очень незначительномъ. На страницѣ 263 мы сдѣлали оговорку, что будемъ пользоваться имъ, предупредили читателей, что въ отдѣлахъ разсказа, относящихся къ нѣмецкой части франк-скаго государства будемъ отбрасывать подробности, не интересныя для людей не-нѣмецкой національности, напримѣръ, будемъ въ перечисленіяхъ монастырей сокращать подробности о тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли важнаго историческаго значенія; мы говорили, что всѣ эти выпуски, взятые вмѣстѣ, составятъ лишь нѣсколько страницъ. Подводя теперь точный счетъ, мы видимъ, что они составили около 17 страницъ (изъ 765, которыя имѣетъ пятый томъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ).

Гораздо больше свободы дѣлать выпуски дозволили мы себѣ при переводѣ шестаго тома. Въ предисловіи къ нему, мы говорили объ этомъ такъ: «Веберъ поддается увлеченіямъ, господствующимъ въ нѣмецкой исторической литературѣ. Большинство нѣмецкихъ историковъ» продолжаетъ восхищаться побѣдами своихъ предковъ въ X, XI, XII вѣкахъ въ Италіи. — Эти походы, гибельные для итальянцевъ, были гибельны и для самихъ нѣмцевъ. Нѣмецкое государство, окрѣпшее, благодаря благоразумію Генриха I, было расшатано походами Оттона I и слѣдующихъ императоровъ въ Италію; Гоэншткуфены своими войнами въ Италіи разрушили свое государство и погубили свою династію. — Въ переводѣ выброшены почти всѣ лирическія тирады, которыхъ довольно много въ разсказѣ Вебера объ итальянскихъ походахъ нѣмцевъ». — Къ этому мы, повторяя предувѣдомле-

іе, сдѣланное въ предисловіи русскаго изданія пятаго тома, прибавляли, что «изъ разсказа о дѣлахъ, происходившихъ въ самой Германіи, выброшены тѣ мелочи, которыя не интересны для людей другихъ націй.»

Мы продолжали дѣлать такъ и при переводѣ слѣдующихъ томовъ. Поговоримъ теперь подробнѣе о томъ, почему и въ какомъ размѣрѣ дѣлали мы это.

Между нами, русскими, едва ли найдется много людей, которые не имѣли бы любви къ своей націи. И если они есть, то не принадлежатъ къ составу русской публики. Въ ней нѣтъ ни одного такого человѣка. Потому норма, на основаніи которой мы будемъ судить объ отношеніяхъ русской націи къ нѣмецкой, не подлежитъ опасности быть отвергнутой кѣмъ нибудь изъ людей русской публики. Эта норма—любовь русскихъ къ русской націи.

Любовь къ своей націи обязываетъ людей быть признательными къ тѣмъ народамъ, вліяніе которыхъ было полезно для нея. Изъ этого слѣдуетъ, что мы, русскіе, пока мы помнимъ, что не какіе нибудь другіе люди, а русскіе, обязаны имѣть признательность къ французамъ, англичанамъ и нѣмцамъ, при помощи которыхъ мало по малу выходимъ изъ бѣдственнаго положенія, въ какое повергло насъ поработеніе монголами; обязаны быть признательными и къ итальянцамъ, при содѣйствіи которыхъ вышли изъ варварства народы, ставшіе непосредственными руководителями нашими въ дѣлѣ улучшенія нашего умственного, нравственного и матеріальнаго состоянія; мы обязаны также имѣть признательность къ грекамъ и римлянамъ, у которыхъ учились итальянцы и потомъ, при помощи итальянцевъ, французы, англичане и нѣмцы. Мы можемъ быть неодинаковыхъ между собою мнѣній о томъ, какой изъ этихъ шести народовъ имѣетъ наибольшее право на нашу признательность; но исторія общей европейской и въ частности нашей русской цивилизаціи свидѣтельствуетъ, что каждый изъ нихъ имѣетъ очень большое право на это наше чувство.

Есть другая болѣе высокая точка зрѣнія на взаимныя отношенія между людьми; съ нея очевидно, что каждый народъ долженъ желать добра всякому другому; но не всѣ мы судимъ о человѣческихъ дѣлахъ по этому возвышенному нравственному принципу, и когда рѣчь идетъ въ частности о нашихъ обязанностяхъ относительно народовъ, бывшихъ непосредственно, какъ нѣмцы, англичане и французы, или черезъ ихъ посредство—какъ греки, римляне и итальянцы, нашими учителями, нѣтъ необходимости говорить о томъ, что мы обязаны

имѣть добрыя чувства ко всѣмъ народамъ; относительно этихъ пяти націй (пяти, потому что итальянцы въ сущности та же самая нація, которая въ началѣ нашей эры называлась римской) у насъ есть особенныя обязанности быть не только доброжелательными, но и признательными къ нимъ. Обязанностямъ, возлагаемымъ, по нашему мнѣнію, на русскихъ любовью къ своей націи, соответствуетъ характеръ мыслей, развиваемыхъ въ нашихъ «Очеркахъ» по вопросамъ, касающимся исторіи грековъ или римлянъ, итальянцевъ или французовъ, англичанъ или нѣмцевъ. Но чувство признательности, какое долженъ имѣть ко всѣмъ этимъ народамъ каждый русскій, пока онъ помнитъ, что онъ русскій, заставляло насъ въ нашихъ «Очеркахъ» разъяснять несправедливость порицаній, какимъ подвергается тотъ или другой изъ нихъ по дѣламъ, въ которыхъ виновность была не на его сторонѣ, защищать его отъ утрированныхъ и потому несправедливыхъ упрековъ за пороки или нравственныя слабости отдѣльныхъ лицъ его, какъ будто за общія преступленія всей его массы. Такъ, напримѣръ, мы имѣли случаи разъяснять неосновательность обвиненія грековъ послѣ Пелопоннесской войны и римлянъ позднѣйшихъ временъ имперіи въ трусости. Представлялись намъ случаи защищать отъ такого же обвиненія итальянцевъ. Такимъ же тономъ признательнаго доброжелательства мы говорили о французахъ, англичанахъ и нѣмцахъ, когда рѣчь касалась какихъ нибудь несправедливыхъ порицаній имъ.

Это чувство руководило нами и въ дѣлѣ очищенія книги Вебера отъ клеветы на нѣмцевъ, имѣющей характеръ безразсуднаго повторенія похвалъ свирѣпостямъ, какія были дѣлаемы нѣмецкими войсками въ Италіи. Въ предисловіи къ VI тому мы говорили, что дурная привычка хвалиться побѣдами въ походахъ, дѣланныхъ для завоеванія или грабежа, принадлежитъ большинству публики и, по вліянію общественнаго мнѣнія, большинству историковъ не у однихъ нѣмцевъ, а у всѣхъ народовъ. Если бы мы переводили англійскую или французскую историческую книгу, написанную обыкновеннымъ у этихъ націй тономъ, намъ встрѣтились бы такія же многочисленныя и такія же отвратительныя похвалы злодѣйскимъ походамъ войскъ той націи, къ которой принадлежитъ и для которой пишетъ авторъ.

Разсудимъ, какъ обязанъ былъ бы поступать человѣкъ, которому приходилось бы переводить чей нибудь рассказъ объ отдѣльномъ лицѣ, имѣвшемъ свои слабости, часто дѣлавшемъ, какъ и всякій человѣкъ, нехорошія дѣла, но заслуживающемъ уваженія другими своими качествами и поступками болѣе важными. Предположимъ, на-

примѣръ, что мы должны переводить біографію человѣка добраго и умнаго, который въ минуты раздраженія обижалъ другихъ и въ минуты увлеченія поступалъ безразсудно. Онъ могъ по слабости, общей всѣмъ людямъ, ставить въ похвалу себѣ нѣкоторыя изъ качествъ и дѣлать достойныхъ не похвалы, а порицанія; его родные тоже хвалили ихъ, имѣя сами такія же слабости; одинъ изъ нихъ написалъ для чтенія имъ біографію его въ этомъ тонѣ. Въ ихъ мнѣніи она не компрометируетъ человѣка, жизнь котораго рассказываетъ съ неразборчивымъ панегиризмомъ; но если попадется въ руки людямъ, не участвовавшимъ въ дурныхъ дѣлахъ этого лица и свободнымъ отъ его слабостей, то возбудитъ въ нихъ омерзѣніе къ нему. Предположимъ, на примѣръ, что безусловно восхваляемый за все человѣкъ, поддаваясь, по слабости характера, обычаю своего вѣка, напивался иногда до пьяна и въ пьянствѣ буйствовалъ. Въ біографіи, написанной родственникомъ и поклонникомъ его, вставленъ по поводу всякаго пьянаго кутежа панегирикъ пьянству, по поводу всякаго буйства, сдѣланнаго пьянымъ—панегирикъ буйству. Посторонніе люди, читая такую біографію, легко могутъ прійти къ мнѣнію, что герой ея былъ негодяй и злодѣй. А на самомъ дѣлѣ онъ, какъ мы говорили, былъ добрый и честный человѣкъ, виновный лишь въ слабости характера, и тѣ пошлости, въ какія вовлекался онъ, поддаваясь дурному обычаю современниковъ, далеко перевѣшивались массой разумныхъ трудовъ, которыми занимался онъ, и честныхъ поступковъ, которые дѣлалъ въ обыкновенномъ своемъ здоровомъ душевномъ состояніи. Если вы переводите для другой публики біографію этого дѣятеля, написанную поклонникомъ его для родныхъ, имѣвшихъ одинаковыя привычки относительно пьянства и буйства, считавшихъ пьянство не безхарактерностью, а явленіемъ душевной энергіи, буйство не пошлостью вредной и для самого буйнаго, какъ для жертвъ его, а героизмомъ, то вы обязаны сдѣлать одно изъ двухъ: или къ каждой пошлой тирадѣ, превозносящей пьяныя, буйныя дѣла присоединять опроверженіе, разъясняющее истинный характеръ дурныхъ дѣлъ, извиняющее ихъ безразсудствомъ дѣлавшаго ихъ, напоминающее, что не въ этихъ дурныхъ, а въ другихъ, хорошихъ дѣлахъ состоитъ его право на добрую славу; или вы должны безъ церемоніи выбрасывать пустословныя изліянія пошлаго восторга. Если вы избереете второй способъ, то вы оставите два, три такіе панегирика, чтобы читатели вашего перевода видѣли, какія предубѣжденія господствовали въ кругу родныхъ этого дѣятеля и были раздѣляемы авторомъ переводимой вами книги; давъ эти образцы, вы прибавите отъ

себя замѣчаніе, что въ книгѣ находится много подобныхъ мѣстъ и что вы исключили ихъ изъ вашего перевода по ихъ пустотѣ и пошлости. Мы предпочли этотъ второй способъ не только потому, что онъ избавляетъ русскую публику отъ скуки читать множество однообразныхъ пустословныхъ тирадъ и по необходимости монотонныхъ опроверженій ихъ; у насъ былъ и другой мотивъ дѣлать такъ. Никакими опроверженіями дурныхъ похвалъ нельзя разсѣять омерзѣніе, возбуждаемое въ безпристрастныхъ людяхъ панегириками біографа слабостямъ и дурнымъ дѣламъ его героя. Мы не хотѣли, чтобы въ русскомъ изданіи книга Вебера оставалась, подобно книгамъ большинства нѣмецкихъ историковъ, мнѣнія которыхъ раздѣляетъ онъ, дающей несправедливо дурное мнѣніе о нѣмецкой націи.

Такъ поступили бы мы съ французской книгой, превозносящей безразсудства и злодѣйства французовъ, съ англійской, превозносящей безразсудства и злодѣйства англичанъ. Наше уваженіе къ французской или англійской націи обязывало бы насъ къ этому. Но книга, переводимая нами, не французская или англійская, а нѣмецкая. Мы поступаемъ съ нею, какъ поступали бы съ французской или англійской, и потому что имѣемъ и къ нѣмцамъ такое же чувство какъ къ французамъ и англичанамъ. Нѣмцы тоже имѣютъ право на признательность русскихъ и тоже дурно было бы съ нашей стороны оставлять въ говорящей о нихъ книгѣ самохвальство, искажающее благородныя черты нѣмецкой націи, создававшей свое благосостояніе разумнымъ, честнымъ умственнымъ и физическимъ трудомъ. Подобно французской, англійской и всякой другой, она дѣлала много безразсудствъ, вредившихъ ей, много несправедливостей, уменьшавшихъ славу, какой заслуживаетъ она своими хорошими качествами и дѣлами. Къ числу этихъ дурныхъ ея слабостей принадлежитъ общая ей со всѣми другими націями привычка къ самохвальству. Мы не скрывали отъ нашихъ читателей, что въ переводимой нами книгѣ много тирадъ самохвальныхъ, но считали обязанностью уваженія къ нѣмецкому народу выбросить эти мѣста, искажающія его характеръ. Чѣмъ было виновато въ итальянскихъ походахъ огромное большинство нѣмцевъ, жившихъ въ періодъ ихъ? Только тѣмъ, что не умѣло остановить ихъ; осуждая ихъ, оно только не могло помѣшать имъ, какъ не могло помѣшать и многому другому такому, что осуждало. Хвалили эти дурныя дѣла только соучастники ихъ. Это забываютъ потомки; таково вообще происхожденіе національнаго самохвальства: забвеніе о страданіяхъ большинства предковъ отъ дурныхъ дѣлъ

меньшинства, забвение о томъ, что оно порицало эти дурныя дѣла меньшинства.

Мы не желали, чтобы историческая дѣятельность нѣмецкой націи выставлялась въ нашемъ переводѣ почти исключительно съ дурной стороны, какъ это дѣлается нѣмецкими историками, раздѣляющими грубыя—правда ослабѣвающія, но все еще остающіяся слишкомъ сильными—предубѣжденія нѣмецкой публики.

Выбрасывая дурныя лирическія тирады въ прославление грабительскихъ нашествій нѣмцевъ на Италію, мы видѣли, что страницы очищаемыя отъ этихъ риторическихъ украшеній получаютъ характеръ простоты, которой не достаетъ многимъ другимъ изъ страницъ того (шестаго) тома, переводимыхъ нами съ такою же точностью, какую ставили мы себѣ правиломъ при переводѣ первыхъ пяти томовъ книги. Мы оставляли въ переводѣ VI тома эту разнохарактерность слога, чтобы читатели, замѣчая ее, видѣли, до какой степени можно было бы сократить изложеніе мыслей на нѣкоторыхъ изъ страницъ, оставленныхъ нами безъ всякой передѣлки. Тѣ изъ читателей, которые обратили вниманіе на разнохарактерность слога въ переводѣ VI тома, безъ сомнѣнія убѣдились, что черезъ упрощеніе слога можно было бы сокращать нѣкоторыя мѣста на половину, не выпуская ни одного факта, ни одной мысли автора. Съ VII тома мы стали дѣлать упрощеніе слога. Разъяснимъ, почему мы считаемъ его улучшающимъ книгу.

У каждой націи, имѣющей богатую литературу, есть своя особенная рутинная реторика. Едва ли можно сказать о русскихъ, что они приобрѣли такія прочныя понятія о достоинствахъ и недостаткахъ слога, какъ французы, англичане и нѣмцы. Есть и у насъ рутинная реторика, но она смѣсь французской, англійской и нѣмецкой рутинъ, и элементы для этой смѣси берутся разными авторами изъ трехъ своихъ источниковъ не въ одинаковыхъ пропорціяхъ, такъ что характеръ русской рутинной реторики у однихъ авторовъ близокъ къ французской рутинѣ, у другихъ къ нѣмецкой или англійской. Но и у русскихъ, какъ у нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, есть влеченіе избавиться отъ риторическаго пустословія. Въ частности русской публикѣ нравится та манера писать прозой, которой держался Пушкинъ. Онъ любилъ въ прозѣ простоту, чуждался витіеватости. На сколько русскіе писатели умѣютъ слѣдовать его примѣру, они пишутъ просто. Изъ иностранныхъ обычныхъ способовъ прозаическаго изложенія русскимъ болѣе нравятся французскій и англійскій, чѣмъ нѣмецкій. По всей вѣроятности они правы въ этомъ предпочтеніи.

Но есть и въ англійской и во французской прозѣ дурная рутинная погоня за излишними украшеніями рѣчи. Напримѣръ, большинство англійскихъ прозаиковъ любятъ щеголять юморомъ, большинство французскихъ антитезами, остроумными оборотами словъ, напыщеннымъ эмфазомъ. Но каковы бы ни были дурныя излишества украшеній слога въ англійской и французской реторической рутинѣ, нѣмецкая гораздо хуже; она—смѣсь тяжелаго педантства съ поэтическими оборотами рѣчи пригодными только для стиховъ, нелѣпыми въ прозѣ. Разумѣется, какъ и всякая дурная привычка, манера нѣмецкихъ прозаиковъ писать смѣсью педантскаго слога съ поэтическимъ объясняется исторіей. Массу нѣмецкихъ писателей до сихъ поръ составляютъ люди, неимѣющіе доступа въ свѣтское общество: они такъ бѣдны, что не могутъ вести знакомства съ свѣтскими людьми на условіяхъ равноправности; потому возвращаются въ кругу такихъ же кабинетныхъ тружениковъ, какъ сами они, и если не служатъ учителями, то приобрѣтаютъ складъ мыслей, какимъ повсюду отличаются отъ обыкновенныхъ людей такъ называемые школьные педанты. Національную славу нѣмцевъ въ литературѣ доступной всѣмъ, не ученой, а читаемой всѣми образованными людьми, создающей умственные привычки публики, составляетъ не проза, а та часть поэзіи, которая имѣетъ стихотворную форму. Гёте и Шиллеръ много писали прозой, но знаменитѣйшія и дѣйствительно геніальнѣйшія произведенія ихъ тѣ, которыя написаны стихами. Равнаго имъ вліянія не имѣлъ еще никто изъ послѣдующихъ нѣмецкихъ писателей; потому натурально, что нѣмецкіе прозаики до сихъ поръ впутываютъ въ свои ученыя книги обороты мыслей, слагающіеся подъ воспоминаніями о стихахъ. Къ этимъ національнымъ источникамъ странностей нѣмецкой прозы присоединяется у большинства нѣмецкихъ прозаиковъ желаніе показать, что они умѣютъ строить антитезы и всякіе остроумные обороты словъ не хуже французовъ. Въ добавленіе къ тому, огорчаясь своей репутаціей педантовъ, пишущихъ тяжелымъ языкомъ, они усердствуютъ щеголять легкостью, великосвѣтскимъ изяществомъ слога. Въ результатъ всего этого получается такой хаотическій и изысканный слогъ, который не можетъ нравиться никому, кромѣ нѣмцевъ и людей, выросшихъ на нѣмецкихъ книгахъ.

Одно изъ его качествъ растянутасть. Если отбросить тяжеловѣсныя украшенія, имѣющія притязаніе придавать рѣчи поэтичность, остроуміе, глубокомысліе и вмѣсто того дѣлающія ее тяжелой и многословной, то при сохраненіи всѣхъ оттѣнковъ мысли нѣмецкаго ученаго, пишущаго обыкновеннымъ нѣмецкимъ слогомъ, мы получаемъ

изъ четырехъ страницъ его разсужденій три или даже двѣ. Веберъ пишетъ тѣмъ же слогомъ, какъ большинство нѣмецкихъ историковъ и другихъ ученыхъ.

Съ VII тома мы стали отбрасывать лишнія реторическія украшенія. Не всѣ страницы переводимой нами книги одинаково растянуты ими. На многихъ преобладаетъ разсказъ о фактахъ, и мало разсужденій; на нѣкоторыхъ факты загромождены реторическими разсужденіями. Отъ этой разницы происходитъ неодинаковость пропорціи, на какую уменьшается въ нашемъ переводѣ объемъ тѣхъ отдѣловъ книги, въ которыхъ рѣчь идетъ не о нѣмецкихъ дѣлахъ и въ которыхъ мы не дѣлаемъ никакихъ сокращеній, кромѣ происходящихъ отъ замѣны витіеватаго слога простымъ.

Въ отдѣлахъ, разсказывающихъ о внутреннихъ дѣлахъ Германіи, мы, какъ уже нѣсколько разъ говорили, отбрасываемъ мелочныя подробности, неинтересныя для читателей ненѣмецкой національности.

Такимъ образомъ, въ нашемъ переводѣ, начиная съ VI тома, число страницъ выходитъ значительно меньше, чѣмъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ. Приведемъ цифры, замѣтивъ, что русскія страницы равны величиною нѣмецкимъ.

Томы.	Число Нѣмецкаго подлинника.	страницъ Русскаго перевода.
VI.	823.	742.
VII.	913.	760.
VIII.	918.	793.
IX.	926.	629.
X.	920.	1000.

Мы увѣрены, что разсудительные люди одобрятъ выпускъ мелочныхъ подробностей въ изложеніи нѣмецкихъ дѣлъ и упрощеніе слога для приспособленія русскаго перевода нѣмецкой книги къ интересамъ и вкусу русской публики, какъ одобряются французами и англичанами подобныя приемы при переводахъ нѣмецкихъ книгъ на ихъ языки. Само собою разумѣется, что нельзя дѣлать этого при переводѣ твореній великихъ стилистовъ. Но Веберъ не имѣетъ притязаній быть Титомъ Ливіемъ. Онъ пишетъ, какъ большинство нѣмецкихъ историковъ и ставитъ свою заслугу не въ слогъ, а въ добросовѣстной передачѣ существеннаго содержанія тѣхъ монографическихъ трудовъ, которые считаются наилучшими. Удовлетворительное исполненіе такого труда дѣлаетъ его книгу лучшимъ изъ трактатовъ, излагающихъ всеобщую исторію въ подробномъ фактическомъ раз-

сказѣ. У разсудительныхъ людей не можетъ быть и вопроса о томъ. должны ли книги подобнаго рода быть при переводѣ приспособляемы къ надобностямъ публики, для которой дѣлается переводъ. Вопросъ можетъ быть лишь о томъ, хорошо ли передѣлывали мы переводимую нами книгу, и объ этомъ дѣйствительно долженъ быть вопросъ. Мы полагаемъ, что заслужили довѣріе читателей на столько, чтобъ они были расположены предполагать нашу передѣлку производимой хорошо. Специалисты, разумѣется, не имѣютъ права удовлетвориться этимъ предположеніемъ безъ провѣрки. Мы просили бъ ихъ сличать нашъ переводъ съ подлинникомъ. Безъ сомнѣнія, каждому изъ нихъ при такомъ сличеніи показалось бы, что онъ сумѣлъ бы исполнить передѣлку лучше, нежели исполняется она нами. У нѣкоторыхъ изъ нихъ это мнѣніе будетъ, вѣроятно, справедливо. Но каждый, имѣющій знанія, надобныя для основательнаго сличенія, увидитъ, что въ нашемъ переводѣ книга Вебера лучше, нежели въ подлинникѣ. — Значитъ ли это, что мы довольны нашимъ переводомъ? Нѣтъ, мы полагаемъ, что слѣдовало бы намъ улучшить книгу гораздо больше, нежели мы дѣлаемъ. Но толковать о тѣхъ своихъ намѣреніяхъ, которыхъ не исполняешь, — дѣло напрасное.

Веберъ писалъ очень добросовѣстно. Благодаря тому, фактическихъ ошибокъ у него мало. Но понятно, что въ такомъ громадномъ трудѣ недосмотры неизбѣжны. Нѣкоторые изъ нихъ, безъ сомнѣнія, остались не замѣчены нами. Но мы съ увѣренностью можемъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ они нами исправлены.

ОЧЕРКЪ НАУЧНЫХЪ ПОНЯТІЙ ПО НѢКОТОРЫМЪ ВОПРОСАМЪ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

4.

Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ.

Самыя существенныя различія между людьми тѣ, которыя состоятъ въ разницахъ умственнаго и нравственнаго развитія ихъ и въ степени ихъ матеріальнаго благосостоянія. Говорятъ, что въ племенахъ, находящихся на очень низкой степени развитія, всѣ люди даннаго племеннаго общества имѣютъ одинаковыя понятія, знанія, нравственныя привычки. Это мнѣніе — реторическая утрировка того факта, что разница между людьми по привычкамъ и понятіямъ въ малочи-

сленномъ и мало цивилизованномъ племени менѣе велики, чѣмъ въ многочисленной высоко цивилизованной націи. Онѣ въ немъ менѣе велики, чѣмъ въ ней; но все таки онѣ въ немъ есть, и притомъ большія. Иначе и быть не можетъ. Даже въ стадѣ животныхъ замѣчается большая разница между его членами по привычкамъ и занятіямъ. Такъ напримѣръ. не говоря уже о различіи характера между самцами и самками, тотъ самецъ, который имѣетъ авторитетъ вождя стада, выказываетъ гораздо больше сообразительности, находчивости, осторожности и смѣлости, чѣмъ остальные самцы, привыкшіе руководиться его внушеніями. Дикари на самой низкой ступени развитія все таки имѣютъ умъ болѣе развитый, чѣмъ даже слоны или орангутанги; изъ этого должно заключать, что между людьми одного дикарскаго племени разницы по обширности знаній и характеру привычекъ должны быть гораздо больше, нежели различій между животными одного стада.

Но отлагая этотъ спорный вопросъ по его сравнительной мало-важности для исторіи, и обращая вниманіе только на тѣ племена и народы, которые имѣютъ сколько-нибудь важное историческое значеніе, мы видимъ, что въ каждомъ изъ нихъ нѣкоторые люди значительно превосходятъ умственными или нравственными качествами средній уровень своего племени и народа, нѣкоторые другіе далеко не достигаютъ его. Разницы такъ велики, что въ самой цивилизованной націи находится довольно много людей уступающихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ наиболѣе развитымъ людямъ племени мало возвысившагося въ общемъ своемъ составѣ надъ дикарствомъ. Возьмемъ для примѣра тотъ разрядъ знаній, относительно котораго особенно легко рѣшать, въ какомъ размѣрѣ обладаетъ имъ тотъ или другой человѣкъ,—умѣнье считать. Въ Англіи, Франціи, Германіи находится множество взрослыхъ физически и умственно здоровыхъ людей, не умѣющихъ рѣшать ариѳметическіе вопросы, безъ труда разрѣшаемые торговыми людьми или сборщиками налоговъ въ негритянскихъ государствахъ Центральной Африки. Сравненіе людей по нравственному ихъ достоинству гораздо сбивчивѣе, чѣмъ опредѣленіе ихъ умственного уровня; но и тутъ мы можемъ дѣлать довольно прочные выводы, если будемъ сравнивать не всю сумму нравственныхъ качествъ, а какое нибудь опредѣленное качество, напримѣръ то, какъ обращается отецъ или мать съ дѣтьми. Взявъ для сравненія именно этотъ элементъ нравственнаго развитія, мы должны будемъ признать, что въ племенахъ ведущихъ очень грубую жизнь находится много родителей, обращающихся съ дѣтьми менѣе безжа-

лостно, чѣмъ многіе родители, принадлежащіе по своей національности къ передовымъ народамъ.

Такимъ образомъ каждый народъ, имѣющій историческое значеніе, представляетъ соединеніе людей очень различныхъ между собою по степенямъ умственного и нравственного развитія. Часть его составляютъ люди, похожіе своимъ невѣжествомъ и нравственной грубостью на самыхъ невѣжественныхъ и безжалостныхъ дикарей; другія части занимаютъ всяческія среднія степени между этой низшей и наилучшими представителями своей націи.

Потому, когда говорятъ о какой нибудь націи, что она достигла высокой степени образованности, это не значитъ, что всѣ люди, составляющіе ее, много выше дикарей по своимъ привычкамъ и умственному развитію; но тѣмъ самымъ, что этой націи дается названіе высоко-цивилизованной, уже высказывается мнѣніе, что большинство людей, составляющихъ ее, далеко превосходятъ дикарей своимъ умственнымъ развитіемъ и достоинствомъ нравственныхъ привычекъ.

Теперь всѣ серьезныя ученые согласны между собой въ признаваніи той истины, что всѣ особенности, которыми возвышаются надъ грубѣйшими и невѣжественнѣйшими изъ дикихъ племенъ цивилизованные люди, составляютъ историческое приобрѣтеніе.

Спрашивается, какими жъ элементами произведено это улучшение понятій и привычекъ?

Чтобы ясно было, какова необходимо должна быть сущность отвѣта на этотъ вопросъ, поставимъ вопросъ болѣе широкій: спросимъ себя не о томъ, какими элементами произведено повышеніе нѣкоторыхъ людей въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ надъ нѣкоторыми другими людьми, а вообще о томъ, чѣмъ произведено все повышеніе человѣческой жизни надъ жизнью другихъ живыхъ существъ, имѣющихъ организацію тѣла, подобную человѣческой. Отвѣтъ извѣстенъ съ незапамятныхъ временъ всѣмъ людямъ, достигшимъ такого умственного развитія, чтобъ сознавать разницу между человѣкомъ и такъ называемыми неразумными животными.

Всѣ мы знаемъ, что всѣ тѣ преимущества, какія имѣетъ человѣческая жизнь надъ жизнью млекопитающихъ, не одаренныхъ такой силою ума, какъ человѣкъ—результаты умственного превосходства человѣка.

Это общеизвѣстное и общепризнанное рѣшеніе общаго вопроса о происхожденіи всѣхъ преимуществъ человѣческой жизни, заключаетъ въ себѣ съ очевидной ясностью отвѣтъ на частный вопросъ о силѣ, производящей прогрессъ въ жизни народовъ: основная сила воз-

вышавшая человѣческій бытъ—умственное развитіе людей. Само собою разумѣется, что и умственной силой, какъ всякой другой, человѣкъ можетъ злоупотреблять такъ, что она будетъ производить не пользу, а вредъ или для другихъ людей, или даже и для него самого. Такъ, напримѣръ, интересы честолюбца обыкновенно бываютъ неодинаковы съ благомъ его націи, и свое умственное превосходство надъ ея массой онъ употребляетъ во вредъ ей; въ случаѣ успѣха онъ очень часто привыкаетъ къ такому необузданному удовлетворенію своихъ страстей, что разрушаетъ собственное умственное, а наконецъ даже и физическое здоровье; что бывало съ отдѣльными людьми, увлекавшимися честолюбіемъ, бывало и съ цѣлыми народами. Такъ афиняне губили другихъ грековъ и погубили самихъ себя, злоупотребляя своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ большинствомъ другихъ грековъ; такъ потомъ римляне погубили всѣ цивилизованные народы и самихъ себя, злоупотребляя своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ испанцами, галлами и другими малообразованными народами Европы и сосѣднихъ съ Европою частей Африки и Азии. Умственная сила можетъ производить и часто производитъ вредные результаты; но производить ихъ лишь подъ давленіемъ силъ или обстоятельствъ, искажающихъ природный характеръ ея. Подъ вліяніемъ страстей человѣкъ очень умный и просвѣщенный можетъ поступать гораздо хуже огромнаго большинства своихъ соотечественниковъ, не имѣющихъ ни такого сильного природнаго ума, ни такой высокой образованности; но теперь признано, что всѣ такіе поступки лишь результаты обстоятельствъ, помѣшавшихъ нормальному развитію душевной жизни этого человѣка. Само по себѣ умственное развитіе имѣетъ тенденцію улучшать понятія человѣка о его обязанностяхъ относительно другихъ людей, дѣлать его болѣе добрымъ, развивать въ немъ понятія о справедливости и честности.

Всякая переменѣна въ народной жизни—сумма переменъ въ жизни отдѣльных людей, составляющихъ націю; потому, когда мы хотимъ опредѣлить, какія обстоятельства благопріятны и какія неблагопріятны улучшенію умственной и нравственной жизни націи, мы должны рассмотреть, отъ какихъ обстоятельствъ улучшается или портится въ умственномъ или нравственномъ отношеніяхъ отдѣльный человѣкъ.

Въ старыя времена вопросы этого рода были очень затемнены грубыми понятіями, остававшимися у большинства ученыхъ людей отъ варварской старины ихъ націй. Теперь дѣло не представляетъ большихъ затрудненій въ теоретическомъ отношеніи. Основныя истины ясны для большинства просвѣщенныхъ людей передовыхъ націй, и

меньшинство, находящее эти истины несообразными съ своей личной выгодой, уже стыдится отрицать ихъ, принуждено вести борьбу противъ нихъ казуистическимъ способомъ: оно говоритъ, что вообще раздѣляетъ честныя убѣжденія большинства, оно только старается доказывать, что эти истины не вполне примѣняются къ данному частному случаю, въ которомъ онѣ противорѣчатъ выгодамъ его. Такихъ оговорокъ всегда можно найти много, но фальшивость ихъ обыкновенно бываетъ очевидна для всѣхъ, неимѣющихъ личной выгоды называть ихъ основательными.

Въ наиболѣе мрачныя времена среднихъ вѣковъ господствовало между учеными людьми мнѣніе, что человѣкъ по своей природѣ расположенъ къ дурному и дѣлаетъ хорошее только по принужденію. Примѣняя это къ вопросу объ умственномъ развитіи, педагоги тѣхъ временъ утверждали, что преподаваніе теоретическихъ знаній бываетъ успѣшно, лишь когда ведется посредствомъ жестокихъ наказаній. Ученые, писавшіе о нравственной жизни общества, точно также говорили, что масса людей расположена вести порочную жизнь, совершать всяческія преступленія, и что единственнымъ основаніемъ общественнаго порядка должно быть угнетеніе, что только насиліе дѣлаетъ людей трудолюбивыми и честными. Всѣ мнѣнія этого рода признаны теперь невѣжественными, противорѣчащими человѣческой природѣ.

Изъ наукъ о законахъ общественной жизни первая выработала точныя формулы условій прогресса политическая экономія. Она установила, какъ неизблемый принципъ всякаго ученія о человѣческомъ благосостояніи, ту истину, что только добровольная дѣятельность человѣка производитъ хорошіе результаты, что все дѣлаемое человѣкомъ по внѣшнему принужденію выходитъ очень плохо, что успѣшно дѣлаетъ онъ только то, что самъ желаетъ. Политическая экономія примѣняетъ эту общую идею къ разъясненію законовъ успѣшности матеріальнаго человѣческаго труда, доказывая, что всѣ формы не добровольной работы не производительны и что матеріальнымъ благосостояніемъ можетъ пользоваться только то общество, въ которомъ люди пахутъ землю, изготовляютъ одежду, строятъ жилища, каждый по собственному убѣжденію въ полезности для него заниматься той работой, надъ которой онъ трудится.

Примѣняя тотъ же принципъ къ вопросу о пріобрѣтеніи и сохраненіи умственныхъ и нравственныхъ благъ, другія отрасли общественной науки признали теперь, что просвѣщенными и нравственными становятся только тѣ люди, которые сами желаютъ сдѣлаться такими и что не только повышаться въ этихъ отношеніяхъ, но и оста-

ваться на достигнутой высотѣ человѣкъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ самъ желаетъ этого, добровольно заботится объ этомъ. Дѣйствительно, всѣ мы по житейскимъ наблюденіямъ знаемъ, что если ученый человѣкъ утратилъ любовь къ наукѣ, онъ быстро теряетъ пріобрѣтенныя знанія и мало по малу обращается въ невѣжду. То же самое и по другихъ сторонахъ цивилизаціи. Если, на примѣръ, человѣкъ утратитъ любовь къ честности, онъ быстро вовлечется въ такое множество дурныхъ поступковъ, что пріобрѣтетъ привычку къ безчестнымъ правиламъ жизни. Никакое внѣшнее принужденіе не можетъ поддержать человѣка ни на умственной, ни на нравственной высотѣ, когда онъ самъ не желаетъ держаться на ней.

Во времена господства свирѣпыхъ педагогическихъ системъ говорили, что люди—въ данномъ случаѣ люди еще не взрослыхъ лѣтъ, дѣти—выучиваются чтенію, письму, ариметикѣ и такъ далѣе, только по принужденію, по страху наказаній за лѣность. Теперь всѣ знаютъ, что это вовсе не такъ, что каждый здоровый ребенокъ имѣетъ природную любознательность и, если внѣшнія обстоятельства досадны для него не заглушаютъ ее, то учится охотно, находитъ наслажденіе въ пріобрѣтеніи знаній.

Люди, дѣйствующие въ историческихъ событіяхъ не дѣти, а люди, умъ и воля которыхъ сильнѣе дѣтскихъ. Если жизнь ребенка шла сколько нибудь удовлетворительно въ матеріальномъ отношеніи и не чрезвычайно дурно въ умственномъ, то, по достиженіи юношескихъ лѣтъ, онъ оказывается человѣкомъ, понимающимъ вещи разсудительнѣе, способнымъ держать себя благоразумнѣе, чѣмъ лѣтъ за пять передъ тѣмъ. Вообще говоря, десятилѣтній ребенокъ знаетъ больше, разсуждаетъ умнѣе, имѣетъ больше силы характера, чѣмъ пятилѣтній, а пятнадцатилѣтній подростокъ много превосходитъ всѣми этими качествами десятилѣтняго ребенка, и если жизнь его въ слѣдующіе годы пойдетъ не чрезвычайно дурно, то въ 20 лѣтъ онъ станетъ человѣкомъ еще болѣе знающимъ, умнымъ, разсудительнымъ, имѣющимъ болѣе твердую волю. Менѣе быстръ становится прогрессъ человѣка въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ по достиженіи полного физическаго развитія; но какъ физическія силы человѣка продолжаютъ возрастать довольно много лѣтъ послѣ совершеннолѣтія, такъ по всей вѣроятности продолжаютъ возрастать и умственные его силы и способность быть твердымъ въ исполненіи своихъ намѣреній. Можно полагать, что возростаніе силъ прекращается обыкновенно около 30-ти лѣтняго возраста, а при благопріятномъ ходѣ жизни длится нѣсколькими годами больше. Когда

оно прекращается, физическія, умственные и нравственные силы человека довольно долго держатся приблизительно на высшемъ достигнутомъ уровнѣ и по всей вѣроятности не раньше, чѣмъ начинаетъ хилѣть организмъ человека въ отношеніи физической силы, начинается у здороваго человека упадокъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Такъ теперь думаютъ натуралисты, занимающіеся изученіемъ человеческого организма.

Съ какихъ лѣтъ человекъ начинаетъ считать себя равнымъ по уму и нравственной силѣ съ людьми, достигшими полного развитія? Подъ вліяніемъ самолюбія эта мысль обыкновенно овладѣваетъ человекомъ раньше того, чѣмъ было бы справедливо ему начать думать о себѣ такъ. Но громадное большинство людей, которыхъ старшіе называютъ несовершеннолѣтними, всетаки сохраняетъ расположение слѣдовать примѣру старшихъ, и на примѣръ пятнадцатилѣтніе юноши вообще стараются подражать примѣру своихъ старшихъ родныхъ или знакомыхъ. Такимъ образомъ о большинствѣ людей даже уже довольно близкихъ къ совершеннолѣтію всѣ мы положительно знаемъ, что ихъ развитіе опредѣляется качествами старшаго поколѣнія. Они, какъ имѣли съ младенчества, такъ и по достиженіи уже высокаго физическаго роста и пріобрѣтеніи довольно значительной физической силы сохраняютъ влеченіе сдѣлаться такими, какъ ихъ старшіе; потому нѣтъ надобности ни въ какомъ насиліи для того, чтобы дѣти и подростающіе юноши или дѣвушки развивались именно такъ, какъ желаютъ старшіе: у нихъ самихъ есть очень сильное стремленіе къ этому; для воспитанія ихъ нужно не принужденіе, а только доброжелательное содѣйствіе тому, чего сами они желаютъ; не мѣшайте дѣтямъ становиться умными, честными людьми — таково основное требованіе нынѣшней педагогіи; на сколько умѣете, помогайте ихъ развитію, прибавляетъ она, но знайте, что меньше вреда имъ будетъ отъ недостатка содѣйствія, чѣмъ отъ насилія; если вы не умѣете дѣйствовать на нихъ иначе, какъ принужденіемъ, то лучше для нихъ будетъ оставаться вовсе безъ вашего содѣйствія, чѣмъ получать его въ принудительной формѣ.

Мы напоминаемъ объ основномъ принципѣ педагогіи потому, что до сихъ поръ остается въ большомъ обыкновеніи сравнивать иноземныя необразованныя племена и низшія сословія своей націи съ дѣтьми и выводить изъ этого сравненія право образованныхъ націй производить насильственные перемѣны въ бытѣ подвластныхъ имъ не цивилизованныхъ народовъ и право господствующихъ въ государствѣ просвѣщенныхъ сословій поступать такимъ же способомъ съ

бытомъ невѣжественной массы своей націи. Выводъ фальшивъ ужъ и по одному тому, что сравненіе совершеннолѣтнихъ необразованныхъ людей съ дѣтьми—пустая риторическая фигура, уподобляющая одно другому два совершенно различные рязряда существъ. Самые грубѣйшіе изъ дикарей—вовсе не дѣти, а такіе же взрослые люди, какъ и мы; тѣмъ меньше одинаковости съ дѣтьми у простолюдиновъ цивилизованныхъ націй. Но примемъ на минуту, что фальшивое сравненіе не фальшиво, а вѣрно. Все таки оно не даетъ ни малѣйшаго полномочія какимъ бы то ни было, хотя бы самымъ просвѣщеннѣйшимъ и доброжелательнѣйшимъ людямъ, насильственно измѣнять тѣ стороны быта простолюдиновъ или хотя бы дикарей, о которыхъ идетъ рѣчь, при оправданіи произвольныхъ распоряженій относительно образа ихъ жизни. Пусть они маленькія дѣти (вѣроятно впрочемъ уже не грудные младенцы, потому что сами своими руками берутъ пищу и своими зубами жуютъ ее, а не питаются молокомъ женъ своихъ просвѣщенныхъ попечителей). Пусть мы нѣжнѣйшіе отцы этихъ—вѣроятно ужъ не двухмѣсячныхъ, а не меньше, какъ двухлѣтнихъ—малютокъ; что жъ изъ того? Дозволяетъ ли педагогія отцу стѣснять двухлѣтняго ребенка больше, чѣмъ необходимо для сохраненія цѣлости рукъ и ногъ, лба и глазъ малютки? Дозволяетъ ли она принуждать этого малютку не дѣлать ничего такого, чего не дѣлаетъ отецъ, и дѣлать все то, что онъ дѣлаетъ? Отецъ вѣстъ при помощи вилки, долженъ ли онъ сѣчь двухлѣтняго ребенка, хватающаго куски кушанья рукой? «Но малютка обожжетъ себѣ пальчики о кусокъ жаркого». Пусть обожжетъ, бѣда не такъ велика, какъ сѣченіе. Впрочемъ любители сравненія дикарей или простолюдиновъ съ дѣтьми вѣроятно даютъ предметамъ своихъ нѣжныхъ заботъ пашущимъ землю, или пасущимъ скотъ, или хотя собирающимъ ягоды для своего пропитанія, никакъ не меньше десятилѣтняго возраста. Хорошо; какія же права имѣетъ не то, что посторонній воспитатель, а родной отецъ надъ десятилѣтнимъ ребенкомъ? Имѣетъ ли право хотя бы принуждать его учиться? Педагогія говоритъ: «Нѣтъ; если десятилѣтній мальчикъ не любитъ учиться, причина тому не онъ, а его воспитатель, заглушающій въ немъ любознательность дурными пріемами преподаванія или непригоднымъ для воспитанника содержаніемъ его. Надобность тутъ не въ принужденіи воспитанника, а въ томъ, что воспитателю должно перевоспитать самого себя и переучиться: ему слѣдуетъ сдѣлаться изъ скучнаго, безтолковаго, суроваго педанта добрымъ и разсудительнымъ преподавателемъ, отбросить дикія понятія, которыми загроможденъ здравый

смыслъ въ его головѣ, пріобрѣсти въ замѣнъ ихъ разумныя. Когда эти требованія науки будутъ исполнены воспитателемъ, мальчикъ станетъ охотно учиться всему, что найдетъ тогда надобнымъ преподавать ему учитель, сдѣлавшійся человѣкомъ разсудительнымъ и добрымъ. Принудительная власть взрослыхъ людей надъ десятилѣтнимъ мальчикомъ ограничивается тѣмъ, чтобъ удерживать его отъ нанесенія вреда самому себѣ и другимъ. Но вредъ вреду рознь. Когда рѣчь идетъ о принудительныхъ мѣрахъ для предотвращенія вреда, то ясно само собою, что не годится предотвращать менѣе значительный вредъ нанесеніемъ болѣе значительнаго. Принужденіе по самой сущности своей вредно: оно приноситъ огорченіе стѣсняемому и наказываемому, оно портитъ его характеръ, возбуждая въ немъ досаду на запрещающихъ и наказывающихъ, вводя его во враждебныя столкновенія съ ними. По этому разсудительные родители, другіе старшіе родные, воспитатели считаютъ дозволителнымъ для себя употребленіе насильственныхъ мѣръ противъ десятилѣтняго мальчика лишь въ немногихъ наиболѣе важныхъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ поступки его вредны ему по ихъ мнѣнію. Когда вредъ не очень важенъ, они дѣйствуютъ на мальчика только совѣтами и доставленіемъ ему удобствъ отвыкать отъ вреднаго; они справедливо полагаютъ, что мелочныя шалости, отъ которыхъ не будетъ большой бѣды ни самому мальчику, ни другимъ, не должны быть предметами угрозъ и наказаній; пусть сама жизнь отвлечетъ его отъ этихъ шалостей, думаютъ они, помогаютъ дѣлу совѣтами, стараются доставить шалуну другія, лучшія развлеченія, и ограничиваются этимъ.—Впрочемъ, безспорно, бываютъ случаи, въ которыхъ вредъ воспрещаемаго болѣе великъ, чѣмъ вредъ воспрещенія. Въ такихъ дѣлахъ, принудительныя мѣры оправдываются разумомъ и предписываются совѣстью; конечно, съ оговоркой, что онѣ не будутъ болѣе суровы или стѣснительны, чѣмъ необходимо для пользы мальчиковъ, подвергаемыхъ имъ. Предположимъ, напримѣръ, что воспитатель получилъ въ свое завѣдываніе толпу мальчиковъ, имѣющихъ привычку драться между собой камнями и палками. Онъ обязанъ воспретить имъ эти драки, къ которыхъ часто получаютъ увѣчья, иной разъ даже бывающія смертельными.—О дѣлахъ ли подобнаго рода ведется рѣчь, когда принудительныя мѣры противъ уподобляемыхъ дѣтямъ простолюдиновъ или дикарей оправдываются обязанностью воспитателя запрещать дѣтямъ вредныя для нихъ поступки? Нѣтъ, къ фактамъ этого разряда не могутъ относиться подобныя разсужденія. Во первыхъ, если имѣть въ виду эти факты, то не о чемъ вести

споръ, нечего доказывать; право правительства воспрещать драки не отрицается никѣмъ; во вторыхъ, когда говорится о воспрещеніи дракъ, то нельзя говорить въ частности о воспрещеніи ихъ какому нибудь особому разряду людей: рѣчь должна относиться ко всѣмъ людямъ, дерущимся между собою; какова степень ихъ образованности, все равно: они дерутся между собой, этого достаточно; кто бы ни были они, знатные или незнатные, ученые или певѣжды, одинаково надобно прекратить ихъ драку. И правительству ли только принадлежитъ право прекратить ее?—Нѣтъ; всякому разсудительному человеку совѣсть велитъ прекратить—если онъ можетъ—всякую драку, какую онъ видитъ, и законы всѣхъ цивилизованныхъ земель одобряютъ каждого, исполнившаго эту обязанность совѣсти. Какая жъ надобность толковать, что и правительство имѣетъ право прекращать драки? Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ существуетъ и одобряется всѣмъ населеніемъ ихъ законъ, не то что дающій правительству право,—нѣтъ, возлагающій на него обязанность прекращать драки. Въ каждой цивилизованной странѣ все населеніе непрерывно требуетъ отъ правительства исполненія этого закона. И во всякой цивилизованной землѣ онъ одинъ и тотъ же для всего ея населенія; никакихъ исключительныхъ льготъ или стѣсненій въ дѣлѣ дракъ нѣтъ ни для какого класса людей, знатнаго ль или низкаго, просвѣщеннаго ль или невѣжественнаго; нѣтъ ихъ, и не нужно. Ни въ какой цивилизованной странѣ нѣтъ никакихъ споровъ ни о чемъ изъ этого. Къ чему жъ было бы толковать въ частности о простолюдинахъ, и о томъ, что простолюдины подобны дѣтямъ, а правительство подобно должно быть школьнымъ учителямъ этихъ мнимыхъ школьниковъ, здоровенныхъ мужчинъ и сѣдыхъ стариковъ, если бы разсуждающіе о сходствѣ простолюдиновъ съ дѣтьми желали только доказывать, что правительство имѣетъ право прекращать драки простолюдиновъ? Ясно, что любители уподобленія простолюдиновъ дѣтямъ имѣютъ въ виду не воспрещеніе дракъ, а нѣчто совершенно иное; имъ хочется, чтобы простолюдины жили по ихъ фантазіямъ, имъ хочется передѣлывать народные обычаи по своему произволу. Предположимъ, что всѣ не нравящіяся имъ черты быта простолюдиновъ дѣйствительно дурны, что всѣ правила быта, которыми желаютъ они замѣнить эти черты, дѣйствительно были бы сами по себѣ хороши. Но они—любители насилія, хоть и умѣютъ говорить языкомъ цивилизованнаго общества, остаются въ душѣ людьми варварскихъ временъ.

Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ масса населенія имѣетъ много дурныхъ привычекъ. Но искоренять ихъ насиліемъ значитъ приучить

народъ къ правиламъ жизни еще болѣе дурнымъ, принуждать его къ обману, лицемерію, безсовѣстности. Люди отвыкаютъ отъ дурнаго только тогда, когда сами желаютъ отвыкнуть; привыкаютъ къ хорошему только когда сами понимаютъ, что оно хорошо и находятъ возможность усвоить его себѣ. Въ этихъ двухъ условіяхъ вся сущность дѣла: въ томъ, чтобы человѣкъ узналъ хорошее, и въ томъ, чтобы нашелъ возможнымъ усвоить его себѣ; въ желаніи усвоить его себѣ никогда не можетъ быть недостатка у человѣка. Не желать хорошаго—не въ натурѣ человѣка, потому что не въ натурѣ, какого бы то ни было живаго существа. Нечего и говорить о томъ, желаютъ ли хорошаго себѣ существа, дышашія, подобно человѣку, легкими, имѣющія высоко развитую нервную систему; всмотримся въ движеніе червяка: даже и онъ ползетъ отъ того, что кажется ему дурнымъ, къ тому, что кажется ему хорошимъ. Влеченіе къ тому, что кажется хорошимъ—коренное качество природы всѣхъ живыхъ существъ.

Если мы, просвѣщенные люди какого нибудь народа, желаемъ добра массѣ нашихъ соплеменниковъ, имѣющей дурныя, вредныя для нея привычки, наша обязанность состоитъ въ томъ, чтобы знакомить ее съ хорошимъ и заботиться о доставленіи ей возможности усвоить его. Прибѣгать къ насилію — дѣло совершенно неумѣстное. Когда препятствіе къ замѣнѣ дурнаго хорошимъ только незнаніе хорошаго, намъ легко достичь успѣха въ желаніи улучшить жизнь нашихъ соплеменниковъ; тѣ истины, которыя надобно узнать имъ, не какія нибудь головоломныя теоремы спеціальныхъ наукъ, а правила житейскаго благоразумія, совершенно доступныя пониманію всякаго взрослого человѣка, хотя бы самаго невѣжественнаго. Трудность дѣла не въ томъ, чтобы растолковать простолюдинамъ вредность дурнаго, полезность хорошаго; важнѣйшія истины этого рода хорошо извѣстны огромному большинству простолюдиновъ каждаго народа нашей европейской цивилизаціи. Оно само желаетъ замѣнить свои дурныя привычки хорошими, и не исполняетъ своего желанія только потому, что не имѣетъ средствъ вести такую жизнь, какую считаетъ хорошей и желало бы вести. Оно нуждается не въ назиданіяхъ, а въ приобрѣтеніи средствъ для замѣны дурнаго хорошимъ. Меньшинство, желающее жить по правиламъ, которыя справедливо кажутся дурными просвѣщеннымъ людямъ, ничтожно по количеству въ каждой изъ націй цивилизованнаго міра; оно состоитъ изъ людей, которыхъ считаетъ дурными и масса простолюдиновъ, какъ масса образованнаго общества. Кромѣ этихъ немногихъ, нравственно больныхъ людей,

всѣ остальные простолюдины, какъ и всѣ остальные просвѣщенные люди, желаютъ поступать хорошо; и если поступаютъ дурно, то лишь потому, что дурная обстановка ихъ жизни принуждаетъ ихъ къ дурнымъ поступкамъ; всѣ они тяготятся этимъ, всѣ желаютъ улучшить обстановку своей жизни такъ, чтобы не быть вводимыми ею въ дурные поступки. Обязанность людей, желающихъ добра своему народу, состоитъ въ томъ, чтобы помогать осуществленію этого желанія огромнаго большинства людей всѣхъ сословій. Не насиліе противъ простонародья или какого другаго класса націй тутъ нужно, а содѣйствіе исполненію всеобщаго желанія.

Таковы должны быть отношенія просвѣщенныхъ людей къ массѣ ихъ соотечественниковъ. И должно сказать, что ужь съ довольно давняго времени всѣ правительства цивилизованныхъ государствъ держатся этихъ разумныхъ понятій; варварскій способъ производить перемѣны въ народной жизни насильственными мѣрами давно отброшенъ правительствами всѣхъ европейскихъ государствъ; всѣхъ безъ исключенія; даже и турецкое правительство отказалось отъ попытокъ доставлять своему народу что нибудь хорошее насиліемъ надъ нимъ; даже и оно теперь знаетъ, что насильственные мѣры не улучшаютъ, а только портятъ жизнь того народа, къ національному составу котораго принадлежитъ оно.

Тѣ ученые, которые желаютъ, чтобы правительство какой нибудь цивилизованной страны принимало насильственные мѣры для преобразованія жизни своего народа, люди менѣе просвѣщенныхъ понятій. чѣмъ правители турецкаго государства.

Французы ль мы, или нѣмцы, русскіе ль, или испанцы, шведы ль или греки, мы имѣемъ право думать о своемъ народѣ, что онъ менѣе невѣжественъ, нежели турецкій; потому имѣемъ право требовать отъ ученыхъ нашей національности, чтобы они не отказывали своему народу въ томъ уваженіи, какое оказываютъ своему народу турецкіе паши.

Нѣкоторые изъ ученыхъ, стыдящихся требовать насилій надъ жизнью своего народа, не считаютъ постыднымъ говорить, что правительство цивилизованной націи имѣетъ обязанность принимать насильственные мѣры для улучшенія обычаевъ подвластныхъ ему нецивилизованныхъ иноплеменниковъ.

Власть надъ чужими землями пріобрѣтается и поддерживается военной силой. Такимъ образомъ, вопросъ о правахъ правительствъ цивилизованныхъ націй надъ нецивилизованными племенами сводится къ вопросу о томъ, въ какихъ случаяхъ разумъ и совѣсть могутъ

оправдывать завоеваніе. Всѣ эти случаи подходятъ подъ понятіе самообороны. Ни одинъ осѣдлый народъ не имѣетъ такихъ обычаевъ, которые дѣлали бы для какого нибудь другаго народа необходимой мѣрой самообороны завоеваніе его. Каждый осѣдлый народъ ведетъ мирный образъ жизни, добываетъ себѣ пропитаніе честнымъ, спокойнымъ трудомъ. Военныя столкновенія между осѣдлыми народами возникаютъ не изъ основныхъ правилъ ихъ жизни, а только изъ недоразумѣній или порывовъ страстей. Если осѣдлый народъ имѣетъ такое превосходство силы надъ другимъ тоже осѣдлымъ народомъ, что можетъ покорить его своему владычеству, то ясно самой собою, что онъ имѣетъ силу, болѣе нежели достаточную для отраженія нападеній этого народа. Потому завоеваніе осѣдлаго народа никогда не можетъ быть признано необходимостью для самообороны народа, покоряющаго себѣ его. Интересы каждаго осѣдлаго народа требуютъ спокойствія. Если народъ, болѣе сильный, заботится соблюдать справедливость относительно осѣдлаго сосѣда, менѣе сильнаго, то очень рѣдко будетъ подвергаться нападеніямъ отъ него. Нападеніе слабаго должно кончиться неудачей, по превосходству силы обороняющагося. Если сильный, отразивъ нападеніе слабаго, заключить съ нимъ миръ на справедливыхъ условіяхъ, не злоупотребить своей побѣдой, то побѣжденный на долго утратитъ желаніе возобновить войну. Такимъ образомъ, болѣе сильный народъ всегда имѣетъ возможность устроить свои отношенія къ менѣе сильному осѣдлому сосѣду такъ, что преобладающій характеръ ихъ будетъ мирный. Завоеваніе осѣдлаго народа всегда нарушеніе справедливости; а нарушеніе справедливости никогда не можетъ быть полезнымъ для подвергающихся ему, всегда наноситъ имъ вредъ. — Итакъ, покореніе осѣдлаго народа, никогда не бывая необходимостью самообороны покоряющаго, никогда не можетъ имѣть оправданія себѣ. — Иное дѣло, отношенія осѣдлыхъ народовъ къномадамъ. Они могутъ быть таковы, что покореніе сосѣдняго кочеваго племени необходимая мѣра самообороны осѣдлаго народа. Нѣкоторые номады миролюбивы; покореніе ихъ никогда не можетъ быть надобностью. Но многіе номады имѣютъ принципомъ своего быта грабежъ сосѣдовъ. Покореніе такихъ номадовъ можетъ бывать дѣломъ необходимости, и въ такихъ случаяхъ оправдывается разумомъ и совѣстью. Спрашивается: имѣютъ ли цивилизованные завоеватели право принуждать завоеванныхъ номадовъ къ перемѣнѣ ихъ обычаевъ?—Имѣютъ, насколько это необходимо для достиженія той цѣли, которой оправдывается завоеваніе, то есть для прекращенія разбойничества. Покоренные дикари разбойничали. Завоеватель

не только имѣть право, имѣть обязанность запретить имъ это. Но когда онъ воспрещаетъ имъ разбой, о чемъ тутъ идетъ дѣло? О томъ ли, чтобъ улучшить нравы дикарей? — Нѣтъ, улучшение ихъ нравовъ можетъ быть (и часто бываетъ) результатомъ прекращенія разбоевъ; но мотивомъ запрещенія разбоевъ служить надобность цивилизованнаго народа, а не забота о благѣ разбойничавшихъ дикарей. Потребность цивилизованныхъ завоевателей въ безопасности для своего мирнаго труда возлагаетъ на ихъ правительство обязанность прекратить разбойничество покоренныхъ дикарей. Полезно ль это для дикарей, или нѣтъ, все равно. Это можетъ стать полезнымъ для нихъ; но не для ихъ пользы дѣлается это, а для пользы ихъ завоевателей. Правительство цивилизованнаго народа ловитъ и наказываетъ въ своей землѣ разбойниковъ и воровъ, принадлежащихъ къ одной съ нимъ національности; для чего оно дѣлаетъ это? Для пользы ль этихъ разбойниковъ и воровъ? Нѣтъ, для пользы мирнаго, честнаго населенія своей земли; нація находитъ надобнымъ для себя, чтобъ они были ловимы и наказываемы, и возлагаетъ на правительство обязанность исполнять это. Поимкой и наказаніемъ грабителей ограничивались до недавняго времени отношенія правительства къ нимъ и желанія общества относительно ихъ даже у передовыхъ націй. Теперь просвѣщенное общество считаетъ своей надобностью заботиться объ улучшеніи правилъ жизни пойманныхъ и наказанныхъ грабителей и воровъ. Правительства цивилизованныхъ націй стараются исполнить эту добрую и разумную мысль просвѣщенныхъ классовъ, и когда дѣло ведется хорошо, то многіе изъ наказанныхъ грабителей и воровъ становятся людьми трудолюбивыми, честными. Но какими способами достигается этотъ результатъ? Тѣмъ, что администрація облегчаетъ судьбу наказываемыхъ, доставляетъ имъ средства трудиться съ выгодною для нихъ и хорошія, благородныя развлеченія во время ихъ тюремной жизни, сокращаетъ срокъ ихъ неволи въ награду за исправленіе. Итакъ, чѣмъ же улучшаются эти люди? Мѣрами кротости и заботливости, смягчающими ихъ наказанія, возбужденіемъ въ нихъ расположенія къ хорошему правиламъ жизни, а не насиліемъ, не наказаніями. Лишеніе свободы само по себѣ раздражаетъ людей, портитъ ихъ, развиваетъ въ нихъ низкія и злыя склонности; тѣмъ еще хуже дѣйствуютъ наказанія болѣе суровыя, чѣмъ простое заключеніе въ темницу. Точно также, отнявъ у разбойническаго племени независимость для избавленія своей земли отъ его грабежей, правительство цивилизованнаго народа можетъ заботиться о доставленіи по-

кореннымъ дикарямъ свѣдѣній о хорошемъ и средствъ для его пріобрѣтенія; это будетъ не насиліе, а дѣло доброжелательства; при хорошемъ исполненіи его, нравы дикарей будутъ смягчаться, и по мѣрѣ ихъ улучшенія завоеватели могутъ облегчать тяготу своей власти надъ побѣжденными; эта благородная политика будетъ сильно содѣйствовать улучшенію жизни покоренныхъ. Такимъ образомъ, когда завоеванное племя получаетъ что нибудь хорошее отъ завоеванія, то всѣ хорошіе результаты производятся не насиліемъ, а кротостью и уменьшеніемъ насилія.

О людяхъ нашего времени достовѣрно извѣстно, что насиліе ухудшаетъ ихъ, что кроткое доброжелательное обращеніе съ ними улучшаетъ нравственные ихъ качества. Такъ ли было и въ прежнія времена?—Естествознаніе отвѣчаетъ, что такъ было всегда не только въ жизни людей, но и раньше того, въ жизни предковъ людей. Та часть зоологіи, которая занимается изслѣдованіемъ умственной и нравственной жизни существъ, имѣющихъ теплую кровь, доказала, что всѣ безъ исключенія классы, семейства и виды ихъ раздражаются, нравственно портятся отъ насилій надъ ними, улучшаются въ своихъ нравственныхъ качествахъ при доброжелательномъ заботливомъ и кроткомъ обращеніи съ ними. Ставить вопросъ шире чѣмъ обо всѣхъ живыхъ существахъ съ теплой кровью нѣтъ надобности при изслѣдованіи законовъ человѣческой жизни; и кажется еще не собраны матеріалы для разъясненія формъ и законовъ нравственной жизни нѣкоторыхъ изъ позвоночныхъ, имѣющихъ холодную кровь и большинства безпозвоночныхъ живыхъ существъ. Но относительно существъ съ теплой кровью естествознаніе вполне разъяснило, что общій законъ нравственной жизни всѣхъ ихъ состоитъ въ ухудшеніи отъ всякой жестокости, всякаго насилія надъ ними, въ улучшеніи ихъ нравственныхъ качествъ при добромъ обращеніи съ ними.

Но какъ же думать о достовѣрности множества историческихъ свѣдѣтельствъ, говорящихъ, что насиліе улучшало нравы дикарей, покоренныхъ цивилизованными націями?—Точно такъ же, какъ о достовѣрности всякихъ другихъ рассказовъ или разсужденій, противорѣчащихъ законамъ природы. Для историка, знакомаго съ законами человѣческой природы, не можетъ быть сомнѣнія, что всякіе рассказы подобнаго рода—вздорныя сказки; задача его относительно ихъ состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить, какъ возникли онѣ, найти источники ошибокъ или мотивы преднамѣренной лжи, которыми онѣ порождены.

Теперь признано, что всѣ живыя существа, способныя ощущать впечатлѣнія, производимыя на нихъ внѣшними предметами, и чувствовать боль или пріятное состояніе своего организма, стремятся приспособить обстановку своей жизни къ своимъ потребностямъ, занять въ ней наиболѣе пріятное для себя положеніе и съ этой цѣлью стараются какъ можно лучше узнать ее. Относительно всѣхъ тѣхъ существъ, у которыхъ органы слуха и зрѣнія устроены болѣе или менѣе сходно съ нашими, то есть, между прочимъ, относительно всѣхъ млекопитающихъ, извѣстно теперь, что кромѣ желанія изучать обстановку своей жизни съ практической цѣлью для лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей они имѣютъ и теоретическую любознательность: имъ пріятно смотрѣть на нѣкоторые предметы, слушать нѣкоторые звуки. Они имѣютъ склонность смотрѣть и слушать собственно потому, что это пріятно имъ, независимо ни отъ какой выгоды въ матеріальномъ смыслѣ слова. Послѣ того какъ зоологія установила эти факты относительно всѣхъ млекопитающихъ, нѣтъ возможности отрицать въ человѣкѣ врожденное стремленіе къ улучшенію своей жизни и врожденную любознательность. Эти качества, которыхъ не можетъ человѣкъ утратить, пока сохраняется здоровая дѣятельность его нервной системы, это первая двѣ изъ основныхъ силъ, производящихъ прогрессъ.

Есть живыя существа, враждебныя къ одинаковымъ съ ними. Такъ говорятъ о паукахъ. Но между тѣми существами, которыя по зоологической классификаціи причисляются къ высшимъ отдѣламъ класса млекопитающихъ нѣтъ ни одного вида подходящаго подъ рядъ существъ враждебныхъ подобнымъ себѣ. Всѣ они, напротивъ того, имѣютъ доброжелательное расположеніе къ существамъ одного съ ними вида. Нѣкоторые изъ нихъ ведутъ одинокую жизнь, какъ напримѣръ волки; но это лишь необходимость, налагаемая на нихъ трудностью добывать пищу; такъ охотники расходятся далеко одинъ отъ другаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало добычи для нихъ; всѣмъ извѣстно, что волки при всякой возможности соединяются въ маленькія общества: имъ пріятно быть вмѣстѣ. Тѣ существа, которыя по формѣ зубовъ и устройству желудка менѣе далеки отъ человѣка, чѣмъ волкъ, и питаются или исключительно или преимущественно растительными веществами, ведутъ общественную жизнь.

О половой привязанности нѣтъ надобности говорить много: всѣ знаютъ, что она въ высшихъ отдѣлахъ млекопитающихъ очень сильна. А когда всѣмъ намъ извѣстно, что левъ и львица нѣжно любятъ другъ друга, что тигръ ходитъ добывать пищу для своей подруги,

кормящей дитя, то нелѣпо было бы сомнѣваться, что половое чувство у людей располагаетъ мужчину и женщину къ взаимному доброжелательству. У млекопитающихъ сильно развита материнская любовь къ дѣтямъ; безъ этого чувства не могъ бы существовать ни одинъ видъ ихъ, потому что дѣти каждого очень долго живутъ только благодаря заботливости матери, кормящей ихъ грудью. У каждого вида млекопитающихъ мать очень сильно любитъ дѣтей въ продолженіе всего того времени, пока они не могутъ обходиться безъ ея заботъ. Потому нѣтъ возможности сомнѣваться, что въ человѣческомъ родѣ мать имѣетъ природную сильную любовь къ своимъ дѣтямъ и что ея любовь къ дитятѣ сохраняетъ свою силу на всѣ тѣ годы жизни ребенка, въ которые онъ не способенъ самъ прокормить себя и самъ защищаться отъ враговъ. А этотъ періодъ у человѣка очень продолжителенъ. Едва ли въ какой бы то ни было мѣстности, самой благопріятной для легкаго добыванія пищи человѣкомъ и наиболѣе безопасной для него, можетъ не умереть съ голода пятилѣтній ребенокъ, оставшійся совершенно безъ попеченія старшихъ. Вообще говоря, періодъ заботъ матерей о дѣтяхъ въ человѣческомъ родѣ длится гораздо больше пяти лѣтъ. Но если мы возьмемъ этотъ срокъ времени, очевидно слишкомъ короткій, то все таки надобно будетъ признать, что онъ имѣетъ продолжительность болѣе, чѣмъ достаточную для возникновенія привычки матери и ребенка жить вмѣстѣ.

Теперь говорятъ, что семейный бытъ не первоначальная форма человѣческой жизни, что нѣкогда люди жили многолюдными нераздѣльными группами, въ которыхъ не существовало никакихъ прочныхъ индивидуальныхъ отношеній между мужчинами и женщинами. Намъ здѣсь нѣтъ надобности разбирать, слѣдуетъ ли считать достовѣрной эту теорію въ томъ видѣ, въ какомъ она обыкновенно излагается. Если и допустить, что первоначально женщины и мужчины, жившіе вмѣстѣ не различали никакихъ отношеній кромѣ признаваемыхъ въ своемъ стадѣ антилопами, этимъ нисколько не измѣняются изложенныя нами понятія о томъ, какія силы слѣдуетъ признавать двигателями прогресса въ человѣческой жизни. Пусть та женщина, которая родила малютку не была признаваема имѣющей болѣе близкія отношенія къ нему, чѣмъ другія женщины того же племеннаго общества; допустимъ даже такое предположеніе, хотя оно противорѣчитъ факту, существующему у всѣхъ млекопитающихъ. Корова знаетъ своего теленка и любитъ кормить своимъ молокомъ этого теленка. То же самое у всѣхъ млекопитающихъ. Наперекоръ

этому факту, допустимъ, что было время, когда женщина не знала, какое изъ дѣтей ея племенной группы рождено ею или, по крайней мѣрѣ, не считала себя обязанной и не имѣла влеченія кормить грудью именно того ребенка, который рожденъ ею. Все таки дѣти людей того времени не могли оставаться живы иначе, какъ будучи питаемы грудью, и если родъ человѣческій не исчезъ, то значитъ малютки тѣхъ временъ были кормимы грудью какихъ-нибудь женщинъ, своихъ ли матерей или другихъ женщинъ; и все таки группа дѣтей этого племеннаго общества была предметомъ заботливости группы женщинъ, имѣвшихъ въ груди молоко, выростала только потому, что была предметомъ заботливости этой группы.

Мы дѣлаемъ приверженцамъ теоріи, о которой говоримъ, всѣ уступки, какихъ могутъ они желать; мы готовы даже признать существа уже имѣвшія человѣческую организацію, стоявшими въ умственномъ и нравственномъ отношеніи ниже овецъ, лишь бы только были приведены факты, дѣлающіе вѣроятнымъ такое предположеніе. Но должно сказать, что для этого понадобилось бы передѣлать фізіологію нервной системы и доказать, что существо, имѣвшее очертанія тѣла, сходныя съ нынѣшними человѣческими, могло имѣть головной мозгъ менѣе высоко организованный, чѣмъ у овцы. Пока этого не сдѣлаю, пока фізіологія будетъ говорить то, что нынѣ говорить о соотношеніяхъ между устройствомъ человѣкоподобнаго головного мозга съ человѣкоподобными формами тѣла, должно будетъ думать, какъ велитъ думать теперь фізіологія, что тѣ существа, которыя были людьми, превосходили овецъ умомъ; должно полагать также, что дѣти этихъ существъ нуждались въ материнскихъ заботахъ гораздо долѣе, чѣмъ ягнята, и остается несомнѣнной истиной, что существованіе человѣческаго рода обуславливалось и тогда, какъ теперь, любовью матерей къ дѣтямъ. Допустимъ, наперекоръ сравнительной анатоміи, даже то, что существа, имѣвшія человѣческую форму тѣла находились когда нибудь на такой ступени умственного и нравственнаго развитія, которая должна быть названа болѣе низкой, чѣмъ степень развитія не только овецъ, но и всякихъ другихъ существъ, имѣющихъ теплую кровь. Пусть люди тогда не имѣли никакихъ добрыхъ чувствъ, все таки они жили какими нибудь группами, хотя бы состоящими каждая только изъ одной женщины и ея дѣтей того возраста, въ которомъ они еще не умѣютъ сами добывать себѣ пищу. Пусть эта мать нисколько не любила дѣтей; пусть она давала новорожденному сосать ея грудь только по инстинктивному ея стремленію избавиться отъ стѣснительнаго ощущенія

производимого избыткомъ накопившагося молока; и пусть когда она переставала кормить ребенка своимъ молокомъ она не дѣлилась съ нимъ своей пищей, пожирала сколько могла, отгоняя ребенка, и онъ питался только остатками, которыхъ не могла она сѣсть сама; все таки ея дѣти довольно долго жили вмѣстѣ съ нею; они видѣли, что она дѣлаетъ; пусть она не заботилась учить ихъ, хоть объ этомъ заботится не только собака или кошка, но и корова; они все таки научались примѣромъ ея, если и не брала она на себя труда учить ихъ.

Было, разумѣется не такъ. Съ той поры, какъ живутъ на сѣѣтѣ существа человѣческихъ формъ тѣла, было у нихъ нѣкоторое влеченіе къ взаимному доброжелательству. Это влеченіе, независимое ни отъ какихъ половыхъ или родственныхъ отношеній, производило тотъ фактъ, что взрослые мужчины находили пріятнымъ разговаривать между собою; если ихъ языкъ еще не былъ человѣческимъ, то умѣли жъ они выражать звуками голоса хоть тѣ мысли и чувства, которыя выражаются въ бесѣдахъ волковъ, лошадей или овецъ между собою, и умѣли жъ они пояснять звуки своего голоса какими нибудь движеніями, какъ умѣютъ всѣ млекопитающія. Но пусть вовсе не умѣли они выражать своихъ ощущеній и обмѣниваться мыслями, какъ умѣютъ всѣ существа дышашія легкими, имѣющія дыхательное горло съ голосовыми связками; все-таки этимъ мужчинамъ было пріятно сидѣть вмѣстѣ, смотрѣть другъ на друга. Точно также было пріятно сидѣть вмѣстѣ женщинамъ. Половое влеченіе должно было производить въ мужчинъ и женщинъ хоть такое же взаимное расположеніе, какое существуетъ между тигромъ и тигрицей. Связь матери съ ребенкомъ была не менѣе нѣжна и болѣе продолжительна, чѣмъ у тигрицы или овцы съ ихъ дѣтьми, и не могло не быть того, чтобы мать не учила свое дитя, чтобы мужчины не были защитниками женщинъ и дѣтей отъ опасностей. Добрыя чувства, существовавшія между людьми съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ возникли существа, имѣющія человѣческую форму тѣла, помогали врожденному стремленію каждого изъ нихъ улучшать свою жизнь и удовлетворять своей любознательности. Младшіе по природному влеченію слѣдовали примѣру старшихъ; дѣти учились, молодые люди пріобрѣтали опытность, наблюдая дѣйствія болѣе опытныхъ, стараясь усвоивать себѣ ихъ житейскія знанія. Эти влеченія существуютъ у всѣхъ млекопитающихъ, потому не возможно сомнѣваться, что они съ самаго начала существованія людей принадлежали къ основнымъ свойствамъ человѣческой природы.

Итакъ мы имѣемъ два разряда силъ, производящихъ улучшеніе человѣческой жизни; одинъ изъ нихъ образуетъ стремленіе человѣка

заботиться о хорошемъ удовлетвореніи потребностей своего организма и желаніе пріобрѣтать свѣдѣнія независимо отъ практической полезности ихъ собственно потому, что пріобрѣтеніе ихъ пріятно; другой разрядъ составляютъ тѣ отношенія между людьми, которыя возникаютъ изъ взаимнаго ихъ доброжелательства; это разные виды пріятности и пользы, получаемой людьми отъ жизни въ одной группѣ и двѣ болѣе сильныя формы взаимнаго доброжелательства, производимыя не только потребностями нервной системы, какъ взаимное доброжелательство между посторонними другъ другу мужчинами или посторонними одна другой женщинами, но принадлежащія къ числу такъ называемыхъ фізіологическихъ функцій организма: одна изъ этихъ формъ доброжелательства—половое влеченіе и возникающая изъ него любовь между мужчиной и женщиной; другая форма его—материнская любовь и влеченіе мужчины заботиться о женщинѣ, съ которой сожительствуетъ онъ, и о своихъ дѣтяхъ отъ нея.

Эти силы дѣйствуютъ и въ жизни другихъ млекопитающихъ. Всматриваясь въ характеръ ихъ вліянія, мы должны признать, что собственно ими было производимо улучшеніе тѣхъ организмовъ, которые въ ихъ нынѣшнихъ формахъ мы называемъ млекопитающими существами.

У человѣка, благодаря какимъ-то особенностямъ исторіи его предковъ, головной мозгъ пріобрѣлъ такое развитіе, какого не достигъ ни у одного изъ существъ подобныхъ ему формами тѣла. Въ чемъ состояли эти особенности исторіи, которыми произведено болѣе высокое развитіе умственныхъ силъ у предковъ человѣка? Общій характеръ ихъ ясно опредѣляется нашими фізіологическими знаніями. О потребностяхъ мы можемъ составлять догадки, очень правдоподобныя; но едва ли найдены историческіе факты, которые давали бы достовѣрнымъ чертамъ отвѣта ясность болѣе той, какая дается имъ фізіологіей; она показываетъ, что улучшеніе организмовъ производится благопріятными для ихъ жизни обстоятельствами. На основаніи этого мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что если предки человѣка поднялись въ умственномъ отношеніи выше другихъ существъ, съ которыми стояли иѣкогда на одномъ уровнѣ, то исторія ихъ должна была имѣть характеръ болѣе благопріятный для ихъ органическаго развитія, чѣмъ исторія существъ не поднявшихся такъ высоко надъ прежнимъ общимъ уровнемъ. Это фізіологическая истина. Но въ чемъ именно состояли обстоятельства, благопріятствовавшія фізіологическому развитію предковъ людей, мы можемъ только догадываться. Очень правдоподобно, что предки людей по какому нибудь

счастливному обстоятельству приобрѣли больше безопасности отъ враговъ, чѣмъ какую имѣли другія существа сходныя или одинаковыя съ ними. Это могло быть переселеніе въ какую нибудь мѣстность болѣе прежней удобную для спокойной жизни, имѣвшую много хорошихъ пріютовъ въ родѣ пещеръ, куда не могли проникать ни ядовитыя змѣи, ни большія хищныя животныя; или переселеніе въ обширный лѣсъ, свободный отъ этихъ враговъ или имѣвшій много такихъ деревьевъ, жить на которыхъ было удобно и безопасно; или, быть можетъ, преимущество мѣстности состояло въ томъ, что она была обильнѣй хорошей пищей, чѣмъ тѣ мѣстности, въ которыхъ остались или куда принуждены были переселиться существа, начавшія послѣ того отставать отъ предковъ людей въ своемъ умственномъ развитіи. Эти и тому подобныя догадки сообразны съ законами фізіологическаго развитія, потому правдоподобны; какія изъ нихъ соотвѣтствуютъ дѣйствительно происходившимъ фактамъ, мы еще не имѣемъ свѣдѣній.

Но какимъ бы то ни было путемъ предки людей, по вліянію какихъ-то благопріятныхъ обстоятельствъ своей жизни, приобрѣли такое высокое умственное развитіе, что сдѣлались людьми. Только съ этого времени начинается та исторія ихъ жизни, относительно которой возникаютъ вопросы не общаго фізіологическаго содержанія, а спеціально относящагося къ человѣческой жизни.

Эти существа далеко превосходили умомъ всѣ тѣ виды млекопитающихъ, которые по своей физической силѣ были подобно имъ довольно безопасны отъ враговъ. Собственно превосходствомъ ума и объясняется весь дальнѣйшій прогрессъ человѣческой жизни. Само собою понятно, что существа несравненно болѣе умныя, чѣмъ буйволъ или верблюдъ, несравненно легче преодолевали препятствія къ улучшенію своей жизни. Буйволъ не умѣетъ придумать, какъ ему устроить для своего сна полную безопасность отъ большаго хищнаго звѣря или отъ ядовитой змѣи; дикари, находящіеся на самой низкой фактически извѣстной намъ ступени человѣческаго развитія, знаютъ эти средства обезпечить себѣ безопасность сна, и мы видимъ, что простѣйшія изъ этихъ средствъ безъ труда могли быть найдены людьми даже менѣе развитыми въ умственномъ отношеніи, чѣмъ низшіе изъ нынѣшнихъ дикарей. Говорятъ, и по всей вѣроятности справедливо, что умѣнье взять въ руку камень или толстую палку и бить этимъ оружіемъ по врагу увеличило безопасность людей, дало имъ возможность улучшить свою матеріальную жизнь и, благодаря ей улучшенію, получить большее развитіе умственныхъ способностей. Мы видимъ, что умнѣйшія изъ другихъ млекопитающихъ не

достигли искусства ловко пользоваться этимъ способомъ защиты отъ сильныхъ враговъ. Говорятъ, что орангъ-утангъ и горилла хорошо дерутся камнями или палками, но въ этихъ оцѣнкахъ ихъ искусства слово «хорошо» употребляется не по сравненію съ человѣческой ловкостью въ подобной оборонѣ, а лишь въ смыслѣ сравненія съ очень плохимъ умѣньемъ медвѣдя бросать во врага глыбами земли. Еслибъ орангъ-утангъ или горилла умѣли драться палками не то, что съ такимъ же искусствомъ, какъ дикари, а хотя бы не совсѣмъ плохо по сравненію съ дикарями, они выгнали бы людей изъ тѣхъ земель, въ климатѣ которыхъ могутъ жить, не было бы ни одного человѣка ни въ той полосѣ Африки, гдѣ живетъ горилла, ни на Борнео. Изгнаніе людей неотвратимо произошло бы для завладѣнія продуктами ихъ земледѣльческаго труда.

Какими именно путями люди, находившіеся на степени развитія болѣе низкой, чѣмъ грубѣйшіе изъ нынѣшнихъ дикарей, поднялись до ихъ сравнительно высокаго умственного развитія, мы опять не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Всѣ серьезные ученые признали за основное правило научныхъ объясненій тотъ законъ логики, что когда фактъ, о происхожденіи котораго нѣтъ у насъ прямыхъ свѣдѣній, объясняется дѣйствіемъ силъ, производящихъ одинаковыя съ нимъ факты на нашихъ глазахъ, то мы не имѣемъ права предполагать его произведеннымъ какими нибудь другими силами, должны считать его результатомъ дѣйствія тѣхъ силъ, которыми теперь производятся одинаковыя съ нимъ факты. Мы положительно знаемъ, что улучшение организма людей производится благопріятными обстоятельствами жизни ихъ, что съ улучшеніемъ организаціи головного мозга улучшаются умственные силы человѣка, что нравственный и матеріальный прогрессъ—результатъ улучшенія умственныхъ и нравственныхъ силъ; эти достовѣрные знанія о ходѣ прогресса въ наше время и въ прежнія эпохи, хорошо извѣстныя намъ, совершенно достаточны для объясненія прогресса человѣческой жизни въ тѣ эпохи, объ исторіи которыхъ мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній.

Беремъ для примѣра три громадныя улучшенія человѣческой жизни: приобрѣтеніе искусства пользоваться огнемъ и поддерживать или зажигать его, прирученіе животныхъ и открытіе искусства воздѣлывать землю для производства хлѣбныхъ растений. Для того, чтобы можно было сдѣлать эти житейскія открытія, необходимы были какія-нибудь счастливыя обстоятельства давшія возможность сдѣлать ихъ.

Теперь предполагаютъ, что люди, не знавшіе употребленія огня, жили не только въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣлый годъ безъ перерыва

длится достаточная для человека теплота атмосферы, но и въ земляхъ, имѣющихъ холодное время года. Если было такъ, то племена или маленькія группы людей, жившія въ климатахъ, имѣющихъ холодные мѣсяцы, болѣе страдали отъ холода, чѣмъ жившіе близко къ экватору; но слѣдуетъ ли предполагать, что именно у людей, болѣе страдавшихъ отъ холода было сдѣлано открытіе искусства охранять себя отъ стужи разведеніемъ огня? Нѣтъ, это соображеніе справедливо считается совершенно излишней гипотезой. Люди подъ экваторомъ тоже нуждались въ огнѣ. Ночи болѣе прохладныя, чѣмъ пріятно для людей привыкшихъ жить въ очень тепломъ воздухѣ, бываютъ и подъ экваторомъ. Надобность согрѣвать себя была и у людей экваторіальнаго пояса такъ велика, что искусство разводить огонь не могло не казаться драгоценнымъ улучшеніемъ жизни и для нихъ; слѣдовательно дѣло объясняется не разностью степеней пользы отъ огня для жителей разныхъ климатовъ, а только тѣмъ, въ какой землѣ произошли факты, которыми воспользовались люди для открытія способовъ поддерживать и зажигать огонь. Человекъ, два дня не ѣвшій ничего, съ радостью схватитъ и станетъ ѣсть попавшуюся ему пищу; но и человекъ, не ѣвшій ничего только одни сутки, сдѣлаетъ при такой же находкѣ то же самое; голодъ одного изъ нихъ сильнѣе, но и у другаго онъ настолько силенъ, что находка пищи будетъ большой радостью для него; потому нелѣпо было бы сказать: «людямъ, голодавшимъ въ продолженіе двухъ сутокъ, пріятна возможность поѣсть»; ограниченіе содержанія мысли опредѣленіемъ надобности въ двухсуточномъ голодѣ — искажаетъ фізіологическую истину; мы выразимся правильно лишь въ томъ случаѣ, когда отбросимъ это излишнее опредѣленіе и скажемъ вообще: «людямъ, проголодавшимся пріятна возможность поѣсть». Сколько именно времени не ѣлъ проголодавшійся человекъ, — двѣнадцать ли часовъ или цѣлыя сутки, или двое сутокъ — не относится къ дѣлу. Разницы этихъ сроковъ имѣютъ значеніе по другимъ фізіологическимъ вопросамъ, но не по вопросу о пріятности ѣды для проголодавшагося. Если человекъ часто голодалъ по двои сутокъ, то онъ сталъ физически слабъ; этого вреднаго вліянія не имѣютъ на обыкновенныхъ здоровыхъ людей интервалы между ѣдой, длящіеся только по 12 часовъ. Правда, къ концу такого интервала физическая сила человека значительно уменьшается, но никакого расстройства организма не происходитъ, и человекъ, проводящій безъ пищи въ каждыя сутки по 12 часовъ, остается черезъ годъ такой жизни такъ же силенъ, какъ былъ въ началѣ; а годъ, состоящій изъ двухсуточныхъ интерваловъ между ѣдой, рассла-

бить самага крѣпкаго человѣка; и если ужъ примѣнять понятія о разницѣ этихъ двухъ видовъ голоданія къ вопросу о способности находить средства для удовлетворенія голода, то слѣдуетъ сказать: чѣмъ продолжительнѣе періоды между удовлетвореніемъ голода, тѣмъ меньше имѣетъ человѣкъ способности пріобрѣтать себѣ пищу; это ясно, потому что онъ слабѣе физически, меньше способенъ работать или если пища пріобрѣтается не работой, а хожденіемъ за добычей, собираніемъ какихъ нибудь дико-растущихъ фруктовъ, ягодъ, корней, то не можетъ столько ходить для ея пріобрѣтенія, какъ сильный человѣкъ. Примѣнимъ такое же соображеніе къ вопросу объ открытіи употребленія огня для защиты тѣла отъ холода. Предполагаютъ, что обстоятельствами, которыя повели къ этому открытію были какіе нибудь факты горѣнія, производимые самой природой. Человѣкъ увидѣлъ, что отъ молніи вспыхнуло дерево; горѣніе еще продолжалось, когда гроза миновала и когда человѣкъ успокоился; подошедши тогда къ горящему дереву, онъ почувствовалъ теплоту, пріятную для него при понизившейся отъ грозы температурѣ; присматриваясь, онъ замѣтилъ, что сосѣднія съ понизившимся до земли огнемъ сухія вѣтки хвороста загораются и т. д. Въ этомъ родѣ обыкновенно рассказывается исторія ряда наблюденій, кончающагося открытіемъ способа долго сохранять раскаленные угли подъ пепломъ и зажигать новый огонь при ихъ помощи. Она не имѣетъ положительной достовѣрности; дѣло могло происходить какъ-нибудь иначе; но слѣдуетъ назвать ее очень правдоподобной. Хорошо, сообразимъ же въ какой землѣ было больше шансовъ произвести этотъ рядъ наблюденій. Подъ экваторомъ дикарь проводитъ на открытомъ воздухѣ круглый годъ; въ странѣ, гдѣ онъ сильно страдаетъ отъ холода значительную часть года, онъ старается проводить ее въ какомъ нибудь закрытомъ отъ вѣтра пріютѣ; эта часть года пропадаетъ для наблюденій, предполагаемыхъ правдоподобнѣйшимъ рассказомъ о вѣроятномъ способѣ открытія искусства зажигать огонь; соотвѣтственно пропорціи непригоднаго для этихъ наблюденій числа дней въ году шансы открытія искусства пользоваться огнемъ обращаются противъ предположенія, что оно было сдѣлано вдалекѣ отъ экватора, свидѣтельствуютъ въ пользу мысли, что искусство сохраненія и зажигания огня было открыто людьми, жившими въ поясѣ вѣчно высокой температуры.

Справедливо говорятъ, что прирученіе животныхъ было очень важнымъ улучшеніемъ человѣческой жизни. Разсудимъ же относительно опредѣленныхъ частныхъ фактовъ этого дѣла, при какихъ обстоя-

тельстввахъ могли произойти они. Начнемъ соображенія съ прирученія того животнаго, потомки котораго называются теперь нашими европейскими домашними собаками. Кто были предки этихъ собакъ, вопросъ, кажется, еще не разъясненный съ полной достовѣрностью, но несомнѣнно, что это былъ какой-нибудь видъ животныхъ подобныхъ нынѣшнимъ волку, шакалу или динго. Спрашивается теперь, какія качества характера должно предполагать въ этой породѣ хищныхъ животныхъ, болѣе враждебныя человѣку или менѣе враждебныя, чѣмъ у наиболѣе непріязненныхъ человѣку породъ волка. Каждый скажетъ, что чѣмъ менѣе враждебна была человѣку эта порода, чѣмъ легче поддавалась прикармливанію и ласкѣ, тѣмъ больше былъ шансъ успѣха въ ея прирученіи. Такимъ образомъ, всѣ мы согласны въ томъ, что сравнительная мягкость характера животнаго, способнаго помогать человѣку въ ловлѣ добычи, въ защитѣ отъ другихъ хищныхъ животныхъ, въ охраненіи пріобрѣтеннаго имущества отъ другихъ людей, была обстоятельствомъ, облегчившимъ этотъ важный шагъ къ улучшенію человѣческой жизни.

Переходимъ къ земледѣлію. Въ какой мѣстности началось оно: въ такой ли, гдѣ находились растенія, въ дикомъ состояніи дававшія зерно, пригодное человѣку для ѣды, или въ такой, гдѣ не было этихъ растеній? И какую почву стали первые земледѣльцы воздѣлывать для искусственнаго размноженія этихъ растеній,—ту, которая казалась имъ плодородна или бесплодную? Всѣ мы считаемъ вѣроятнымъ, что земледѣліе началось въ какой нибудь странѣ, гдѣ въ дикомъ состояніи росло много тѣхъ злаковъ, которые теперь, улучшившись отъ воздѣлыванія, стали пшеницей, ячменемъ или рожью, что для первыхъ опытовъ посѣва ихъ были выбраны клочки земли подобные тѣмъ, на которыхъ они хорошо росли въ дикомъ состояніи; такимъ образомъ, удобства для дѣланія первыхъ попытокъ искусственнаго размноженія хлѣбныхъ растеній были по мнѣнію всѣхъ насъ обстоятельствами, повысившими людей изъ кочеваго быта въ осѣдлый земледѣльческій.

Соображенія, изложенныя нами, вѣроятно не покажутся никому содержащими въ себѣ что нибудь новое; вѣроятно каждый читатель скажетъ, что они давно извѣстны ему и что онъ всегда держался ихъ съ той поры, какъ сталъ по своимъ лѣтамъ способенъ интересоваться бытовыми вопросами и читать серьезныя книги. Эти общезвѣстныя и общепринятыя рѣшенія вопросовъ о началѣ употребленія огня, прирученія животныхъ и воздѣлываніи земли изложены нами именно для того, чтобы напомнить, какъ рассуждаютъ всѣ объ

обстоятельствахъ, производящихъ прогрессъ. Когда мы судимъ о нихъ по правиламъ здраваго смысла и по выводамъ изъ нашего житейскаго опыта, мы всё находимъ, что успѣхи цивилизаціи производятся фактами, благопріятными для человѣческой жизни.

Такъ велятъ думать разсудокъ и житейскій опытъ.

Вѣкъ реформаціи.

А. Эпоха Карла V. Основаніе новаго порядка.

Литература по исторіи Карла V и общаго хода событій въ его время. Подобно самой исторіи, исторіографія получаетъ съ начала XVI вѣка характеръ, различный отъ прежняго. Средневѣковыя лѣтописи дѣлали очеркъ всеобщей исторіи основаніемъ для разсказовъ о событіяхъ въ своей странѣ, своемъ городѣ или монастырѣ или для біографій государей и другихъ замѣчательныхъ людей. Съ начала XVI вѣка этотъ методъ измѣняется: спеціальная исторіографія расширяетъ свой объемъ, излагаетъ факты подробнѣе прежняго и съ болѣе внимательнымъ изслѣдованіемъ достовѣрности своихъ матеріаловъ; но вмѣстѣ съ исторіей отдѣльной страны разсказываются событія, происходившія въ сосѣднихъ и даже отдаленныхъ земляхъ. Это было результатомъ того, что политическій горизонтъ расширился, событія одной страны имѣли тѣсную связь съ общимъ ходомъ дѣлъ въ Европѣ. Потому сочиненія, разсказывающія исторію правленія Карла V, излагаютъ общую исторію западной Европы въ ту эпоху. Таковы принадлежащія тому времени труды Сепульведы *De rebus gestis Caroli V imperatoris* (Madrid, 1780) и Сандоваля, *Historia de la Vida y Hechos del Emperador Carlos V* (Valladolid, 1604—1606) и знаменитый трудъ Робертсона, *The History of the reign of the Emperor Charles V* (London, 1769). Такое же широкое содержаніе имѣютъ изданія хранящихся въ брюссельскомъ и симанканскомъ архивахъ писемъ и актовъ по исторіи Карла V: *Correspondenz Karls V*, herausgegeben von Lanz (3 тома, Leipzig, 1844—1846); другое изданіе Ланца *Staatspapiere zur Geschichte Karls V* (Stuttgart, 1845), изданіе Гейне: *Briefe Karls V an seinen Beichtvater* (Berlin, 1845), и монографіи, составленныя по документамъ: *Commentaires de Charles Quint*, par Kervyn de Lettenhove (Bruxelles, 1862); *Charles Quint et Marguerite d'Autriche* par Juste (Bruxelles, 1858); *Geschichte Karls V*, von Baumgarten (томъ 1, Stuttgart, 1885). Мы уже говорили, что обширные труды Гвиччардини *Istoria de'sui tempi* и Павла Ювія (Паоло Джовіо): *Historiarum sui temporis libri XLV* подробно излагаютъ исторію первой половины XVI вѣка (разсказъ Павла Ювія идетъ съ 1494 до 1547 года). Классическій по достоинству изложенія трудъ Де Ту (по латинской формѣ фамилии, Туана) *Thuani Historia sui temporis* разсказываетъ о событіяхъ во всѣхъ европейскихъ земляхъ, начиная съ 1494. (Первыя 18 книгъ изданы въ 1604 году. Первое полное изданіе напечатано въ Лондонѣ, въ 1733). Изъ новыхъ трудовъ нѣмецкихъ ученыхъ назовемъ: Fr. Raumer, *Geschichte Europas seit dem Ende des XV Jahrhunderts* (8 томовъ, Leipzig, 1832—1850) и рядъ трактатовъ Леопольда Ранке, представляющій полную исторію вѣка реформаціи: *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494—1535* (Leipzig und Berlin, 1824); *Fürsten und Völker von Südeuropa im XVI und XVII Jahrhundert* (Hamburg, 1827); *Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation* (5 изд., 6 томовъ, Berlin

1873—1874); Römische Päpste, ihre Kirche und ihr Staat (5 изд., 3 тома, Leipzig, 1867); Französische Geschichte, vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert (5 томовъ, Stuttgart, 1856—1861); Englische Geschichte, vornehmlich im XVI und XVII Jahrhundert (7 томовъ, Berlin 1859—1869). Назовемъ также Egelhaaf, Deutsche Geschichte der Reformation, 1885; Giuseppe de Leva, Storia documentata di Carlo V in correlazione all'Italia (Venezia, 1863 и слѣд. годы) и Rösler, Die Kaiserwahl Karls V (Wien, 1868).

1. ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

1. Политическія отношенія.

Карль V
1519—1556.
† 1558.

Въ первой половинѣ XVI вѣка, бургонско-габсбургская династія владѣла государствомъ, подобнаго которому обширностью не было въ западной Европѣ со времени Карла Великаго. Главою этой династіи былъ Карль V, родившійся въ Гентѣ 24 февраля 1500 года. Человѣкъ очень разсчетливый, умный, хитрый, неутомимо дѣятельный, искусный правитель, храбрый полководецъ, вѣрный приверженецъ ученія католической церкви, онъ держалъ въ своей рукѣ всѣ нити политики и дѣйствовалъ ими по затаеннымъ въ душѣ планамъ, при исполненіи которыхъ пользовался всяческими средствами, не отступая и передъ вѣроломствомъ. Онъ былъ человѣкъ слабаго здоровья, преждевременно изнуренный подагрой; блѣдное лицо его съ меланхолическимъ выраженіемъ не давало при первомъ взглядѣ предполагать въ немъ быстрого и сильнаго ума. Еще бывши ребенкомъ, онъ сталъ государемъ Нидерландовъ, доставшихся ему по наслѣдству отъ отца; юношей онъ послѣ смерти дѣда по матери, Фердинанда Католическаго, сталъ обладателемъ испанской монархіи, королевства неаполитанскаго и сицилійскаго, востъ-индскихъ острововъ и новооткрытыхъ американскихъ государствъ; около того времени, какъ достигъ совершеннолѣтія, онъ наслѣдовалъ владѣнія Габсбургской династіи (которыя впрочемъ скоро уступилъ своему младшему брату Фердинанду) и по выбору курфирстовъ сдѣлался преемникомъ своего дѣда по отцу, Максимилиана, въ санѣ нѣмецкаго императора. Онъ справедливо могъ сказать, что солнце никогда не заходитъ въ его владѣніяхъ.—Въ каждомъ изъ этихъ государствъ были враждебныя монарху силы. Въ Нидерландахъ горожане, гордые своимъ богатствомъ, сильные цеховымъ устройствомъ, недовѣрчиво слѣдили за каждымъ дѣйствіемъ государя, охраняя свои права, и были всегда готовы взяться, по примѣру предковъ, за оружіе на защиту своей свободы. Въ Испаніи надобно было подавлять недовольство вельможъ и городовъ; и хотя кортесы были ослаблены, политическая самостоятельность феодалныхъ владѣтелей и корпорацій была уничтожена, но испанская національная гордость представляла опасности для власти государя, нуженъ былъ внимательный надзоръ за спокойствіемъ

страны. Османскіе и сѣверо-африканскіе корсары дѣлали нападенія на берега Сициліи и Южной Италіи, мѣшали торговлѣ, увозили христіанъ въ рабство.—На юговосточныя границы австрійскихъ владѣній нападали турки, нашествія ихъ угрожали самой Вѣнѣ. Нѣмецкіе государи и имперскіе рыцари опасались возстановленія сильной императорской власти, которая стѣснила бѣ ихъ права; потому курфюрсты, избирая Карла императоромъ (въ октябрѣ 1520), связали ему руки капитуляціей (избирательными условіями). Но самая большія затрудненія Карлу V въ Германіи представляла реформація, въ борьбѣ съ которой онъ хотѣлъ подавить независимость нѣмецкихъ государей и шелъ наперекоръ желаніямъ нѣмецкаго народа. Онъ не могъ преодолѣть всѣхъ своихъ противниковъ, но велъ борьбу довольно успѣшно по всѣмъ дѣламъ, кромѣ борьбы съ реформаціей: онъ потерпѣлъ неудачу въ своемъ стремленіи подчинить себѣ нѣмецкихъ государей, возстановить единство церкви, возвратить прежній блескъ императорской коронѣ. Онъ ненавидѣлъ реформацію, республиканское устройство имперскихъ городовъ, стремился поработить нѣмецкихъ областныхъ государей; но у него не достало силъ подавить реформацію и установить въ Германіи абсолютную монархію.

Современниками Карла V были и во Франціи и въ Англіи энергическіе государи—Францискъ I и Генрихъ VIII. Оба они по своимъ рыцарскимъ склонностямъ и по страстной любви къ охотѣ походили на средневѣковыхъ государей, а по своему покровительству ученымъ и художникамъ, по своему волокитству и деспотизму—на итальянскихъ государей новой гуманистической эпохи. Францискъ и Генрихъ оба были легкомысленны, дѣйствовали опрометчиво; этимъ они рѣзко отличались отъ осмотрительнаго, благоразумнаго Карла. Они давали женщинамъ сильное вліяніе на политическія дѣла. При Францискѣ началось владычество фаворитокъ, сдѣлавшееся постоянной чертой французской исторіи, а Генрихъ, по желанію жениться на Аннѣ Болинъ, отдѣлилъ англійскую церковь отъ римской. Карлъ не допускалъ своихъ любовницъ вмѣшиваться въ политику; онъ слѣдовалъ своимъ соображеніямъ и совѣтамъ опытныхъ, умныхъ, государственныхъ людей, вліятельнѣйшимъ изъ которыхъ былъ кардиналъ Гранвелла; женщинамъ онъ поручалъ только такія дѣла, въ которыхъ онѣ были полезны ему. Большимъ счастьемъ для независимости Германіи было то, что эти три государя враждовали между собою. Францискъ и Карлъ были непримиримыми соперниками, потому что каждый изъ нихъ хотѣлъ сдѣлаться могущественнѣйшимъ государемъ Европы. Это соперничество проявилось въ стремленіи обоихъ получить по смерти Максимилиана императорскую корону. Карлъ восторжествовалъ, и съ той поры Францискъ постоянно старался ослабить его, поддерживая всѣхъ его враговъ. Къ числу ихъ принадлежалъ Генрихъ Альбре, сынъ Іоанна, короля наваррскаго, у котораго Фердинандъ Католиче-

Францискъ I
1515—1547.
Генрихъ VIII
1509—1547.

скій отнялъ Наварру. Генрихъ желалъ возвратить себѣ эту область; онъ былъ женатъ на сестрѣ Франциска Маргаретѣ, и король французскій помогалъ ему. Другими врагами Карла были нидерландскіе областные государи: Карлъ Эгмонтъ, герцогъ гелдернскій, защищавшій свою независимость, Робертъ, графъ маркскій, поссорившійся съ канцлеромъ брабантскимъ по вопросу о предѣлахъ своей судебной власти, и Вильгельмъ, герцогъ клевскій, защищавшій оружіемъ противъ Карла свои права наследовать Гелдернъ. Врагами Карла были также протестантскіе государи Германіи. Францискъ поддерживалъ всѣхъ ихъ и даже вступилъ въ союзъ съ турками противъ своего ненавистнаго соперника. Карлъ думалъ, что Францискъ участвовалъ и въ возбужденіи возстанія комунеровъ въ Кастиліи. При такихъ непріязненныхъ отношеніяхъ неизбѣжно должна была возникнуть война между Карломъ и Францискомъ за герцогство миланское, которымъ владѣлъ король французскій. Карлъ утверждалъ, что государемъ миланскимъ долженъ быть опъ, какъ императоръ нѣмецкій, потому что это герцогство— имперскій ленъ. Онъ хотѣлъ также отнять у короля французскаго тѣ владѣнія бургонской династіи, которыя присоединилъ къ Франціи Людовикъ XI. Если бы Генрихъ VIII былъ серьезный государственный человѣкъ, то могъ бы извлечь себѣ болішія выгоды изъ вражды между Карломъ и Францискомъ. Но онъ руководился капризами и переходилъ съ одной стороны на другую безъ политическаго разсчета; потому не получилъ сильнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Впослѣдствіи, когда развелся съ Катариной Арагонской, онъ сталъ враждебенъ Карлу, ея племяннику, и тѣснѣе прежняго сблизился съ Францискомъ.

Нѣмецкая
имперія.

Межъ тѣмъ какъ на Пиренейскомъ полуостровѣ, во Франціи, въ Англіи монархическая власть подавила феодальныхъ государей и быстро ослабляла участіе государственныхъ сеймовъ въ управленіи дѣлами, попытки возстановить государственное единство Германіи оставались безуспѣшны; центральная власть была такъ слаба, что не могла прекратить междоусобій. Императоръ вполнѣ зависѣлъ отъ имперскаго сейма, члены котораго ревниво противились увеличенію императорской власти. Междоусобія оставались очень часты. Во время выбора Карла на сѣверѣ шла война за епископство гильдесгеймское, на югѣ война швабскаго союза съ герцогомъ вюртембергскимъ; имперскіе рыцари на Рейнѣ и во Франконіи воевали между собой и съ мелкими сосѣдними государями, нападали на города; въ нижней Саксоніи герцогъ лауэнбургскій воевалъ съ епископомъ бременскимъ. Война, объявленная Зикингеномъ курфирсту трирскому, была началомъ волненія, предшествовавшаго крестьянской войнѣ. Независимость областныхъ государей становилась все прочнѣе. Идея объ императорѣ и имперіи еще оставалась; но габсбургская династія была отвлечена отъ нѣмецкихъ дѣлъ заботами о своихъ огромныхъ вла-

дѣніяхъ, не входившихъ въ составъ имперіи, была занята планами новыхъ завоеваній. Областные государи, пользуясь этимъ, сдѣлались почти совершенно независимыми отъ императорскаго правительства и привыкли считать нарушеніемъ своихъ правъ всякое вмѣшательство центральной власти въ ихъ управленіе. Мелкіе государи, прелаты и города заключали между собою союзы для общей обороны; важнѣйшимъ изъ нихъ былъ швабскій союзъ, имѣвшій довольно большое войско. Сначала габсбургская династія покровительствовала ему, но впослѣдствіи возбудила его неудовольствіе противъ себя, овладѣвъ герцогствомъ вюртембергскимъ; тогда онъ сталъ дѣйствовать по согласію съ герцогами баварскими, и одинъ изъ нихъ, Вильгельмъ Мюнхенскій, былъ назначенъ союзнымъ главнокомандующимъ. Сплнѣйшими послѣ габсбургской династіи были: веттинская, владѣвшая Саксоніей, виттельсбахская, владѣвшая Рейнскимъ Пфальцемъ и Баваріей, и гоэнцоллернская, владѣвшая Бранденбургомъ и частью Франконіи. Принцы этихъ династій были избираемы на многія епископскія кафедръ.—Во время смерти Максимилиана, глава эрненстинской линіи веттинскаго дома, Фридрихъ Мудрый, владѣлъ Тюрингіей и тою частью Саксоніи, которая называлась курфиршествомъ, а его родственникъ Георгъ, глава альбертинской линіи, владѣлъ мейсенской частью Саксоніи (IX, стр. 80). Столицею Фридриха былъ Виттенбергъ, въ которомъ началось реформаціонное движеніе. Онъ, его братъ Іоаннъ, наслѣдовавшій ему, и сынъ Іоанна, Іоаннъ Фридрихъ, были твердыми защитниками Лютера и приверженцами реформаціи; Герцогъ Георгъ, столицей котораго былъ Дрезденъ, остался до конца жизни защитникомъ католичества.—Двѣ главныя линіи виттельсбахской династіи тоже стали по дѣлу реформаціи на разныя стороны. Это усплило давнюю вражду между ними. Людвигъ V, курфирстъ пфальцскій, имѣвшій своей резиденціей гейдельбергскій замокъ, правитель благо-разумный и энергическій, мудро воздерживался отъ участія въ религіозной борьбѣ; благодаря его вѣротерпимости, реформація распространялась въ подвластныхъ ему земляхъ. Герцоги баварскіе, Вильгельмъ Мюнхенскій и его братъ Людвигъ Ландсгутскій, получивъ отъ папы власть надъ духовенствомъ и церковными доходами своихъ государствъ, стали такими же горячими противниками реформаціи, какъ императоръ Карлъ; братъ ихъ Эрнстъ, бывшій сначала епископомъ пассаускимъ, потомъ архіепископомъ зальцбургскимъ, усердно помогалъ имъ. Ингольштадскій университетъ сдѣлался центромъ фанатическихъ противниковъ реформаціи.—Государи гоэнцоллернской династіи тоже стали въ неодинаковыя отношенія къ реформаціи. Курфирстъ бранденбургскій Іоахимъ I до самой смерти оставался приверженцемъ католичества; его братъ Альбрехтъ, архіепископъ майнцскій, подалъ поводъ къ возстанію противъ римской церкви, допустивъ продажу индульгенцій въ Германіи. Но младшая линія Гоэнцоллер-

Швабскій
союзъ.

Саксонія.

Рейнскій
Пфальцъ и Ба-
варія.

Бранденбургъ.

новъ, владѣвшая франконскими землями, приняла сторону протестантовъ. Старшій изъ сыновей маркграфа Фридриха Казиміръ уже выказалъ сочувствіе Лютеру. По его смерти второй братъ Георгъ, сдѣлавшійся его преемникомъ, открыто перешелъ на сторону протестантовъ, а третій братъ Альбрехтъ, гротмейстеръ Нѣмецкаго ордена, ввелъ реформацію въ Пруссіи и сдѣлался свѣтскимъ государемъ ея.—

Брауншвейгъ. Династія Вельфовъ, раздѣлившаяся на нѣсколько линій, ослабляла себя междоусобіями. Главными линіями были люнебургская, вольфенбюттельская, каленбергская и грубенгагенская. Кромѣ того принцы вельфской династіи были епископами въ Падерборнѣ, Оснабрюкѣ, Мюнстерѣ, Минденѣ, Бременѣ, Верденѣ. Эрихъ Каленбергскій, Филиппъ и Эрнстъ Грубенгагенскіе, Эрнстъ Люнебургскій приняли сторону реформации; Генрихъ Вольфенбюттельскій былъ горячимъ ея противникомъ.

2. Распространеніе реформации по западной Европѣ.

Лютеранская
церковь.

Изъ виттенбергскаго университета вышло религіозное движеніе, потрясшее средневѣковую іерархію. Новое вѣроисповѣданіе, введенное въ Саксоніи и Гессенѣ, распространилось по сосѣднимъ землямъ, достигло владычества въ сѣверной Германіи, приобрѣло большіе успѣхи во Франконіи, Швабіи, на Рейнѣ, на Дунаѣ, проложило себѣ изъ Страсбурга путь въ Эльзасъ и Лотарингію. Цвѣтушіе имперскіе города стали центрами лютеранскаго ученія, нравившагося ихъ образованнымъ жителямъ. Оно скоро распространилось до Вислы. Гротмейстеръ Нѣмецкаго ордена, Альбрехтъ Бранденбургскій, тѣснимый поляками и воинственными гражданами Данцига и Эльбинга, призналъ себя въ 1525 году вассаломъ Польши, сдѣлалъ Пруссію свѣтскимъ герцогствомъ и принялъ лютеранство. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тоже сдѣлалъ гермейстеръ меченосцевъ въ Курляндіи и Лифляндіи. Нѣмецкій орденъ и Орденъ меченосцевъ, покинутые почти всѣми своими членами, были уничтожены, орденскія имущества секуляризованы, немногіе рыцари, еще сохранявшіе это званіе, сложили съ себя монашескіе обѣты, стали свѣтскими людьми. Лютеранское ученіе перешло и за Балтійское море. Густавъ Ваза въ 1527 году ввелъ въ Швеціи аугсбургское исповѣданіе и взялъ въ королевское владѣніе часть прежнихъ церковныхъ доходовъ. Въ Даніи, Норвегіи, Исландіи побѣда евангелической вѣры была рѣшена исходомъ войны за датскій престолъ, кончившейся тѣмъ, что на немъ удержался лютеранинъ Христіанъ III. Въ Богеміи пробудился духъ прежняго гуситства и облегчилъ распространеніе лютеранскаго уче-

нія. Но ни въ Богеміи, ни въ Венгріи и Трансильваніи оно не одержало полной побѣды, потому что габсбургская династія поддерживала во всѣхъ своихъ владѣніяхъ католичество. Лютераны только получили въ этихъ земляхъ свободу исповѣданія. Нѣмецкіе духовные государи почти всѣ остались вѣрны прежней церкви, опасаясь лишиться свѣтской власти и государственныхъ доходовъ, если отступятъ отъ нея. Только архіепископъ кельнскій, 76-лѣтній старикъ, Германъ Видъ, хотѣлъ ввести въ своемъ государствѣ реформацію. Но побѣда императора при Мюльбергѣ отняла у него архіепископство, и его нововведеніе было подавлено.

Одновременно съ лютеранскимъ движеніемъ въ Саксоніи началась реформація въ Швейцаріи, гдѣ главнымъ дѣятелемъ ея былъ Ульрихъ Цвингли. Лютеръ, мучимый душевными страданіями отъ мыслей о грѣховности человѣка, искалъ спасенія очищеніемъ вѣры; монархистъ по убѣжденію, онъ оставлялъ неприкосновеннымъ существовавшій въ Германіи порядокъ дѣлъ, заботясь лишь о догматикѣ и нравственности. Цвингли, республиканецъ, человѣкъ практической жизни, хотѣлъ улучшить ее, преобразовать Швейцарію не только въ нравственномъ и церковномъ, но и въ политическомъ отношеніи; его богословское ученіе стремилось возстановить христіанство первыхъ вѣковъ и было гораздо болѣе рѣшительнымъ разрывомъ съ римской догматикой, чѣмъ ученіе Лютера; оно укоренилось въ Цюрихѣ, Бернѣ, долинѣ Рейна, восточныхъ кантонахъ и, вѣроятно, утвердилось бы во всей Швейцаріи, если бъ его распространеніе не было остановлено битвой при Каппелѣ, въ которой погибли отважнѣйшіе граждане Цюриха и самъ Цвингли. Болѣе широкій успѣхъ имѣло ученіе Кальвина, который одинаково съ Лютеромъ держался суровыхъ понятій Августина о предопредѣленіи, но въ мысляхъ о церковномъ устройствѣ былъ согласенъ съ Цвингли. Женева, въ которой пріобрѣлъ духовное владычество Кальвинъ, стала разсадникомъ его демократическаго ученія, быстро распространившагося во французской Швейцаріи, восторжествовавшаго въ сѣверной части Нидерландовъ, имѣвшаго болѣе 2.000 церковныхъ общинъ въ южной Франціи, проникшаго въ Италію и въ Испанію, получившаго владычество въ Шотландіи. Кальвинизмъ проникъ и въ Германію и увеличилъ религіозную раздробленность ея. Онъ былъ принятъ въ Рейнскомъ Пфальцѣ; это такъ раздражило лютеранскихъ государей, что курфирстъ опасался ихъ нападеній и заключилъ для своего огражденія отъ нихъ союзы съ Нидерландами, Англіей и Франціей. Во Франціи кальвинизмъ долго боролся съ католичествомъ. Францискъ I, находясь въ союзѣ съ протестантскими государями Германіи и съ отложившимся отъ католичества королемъ англійскимъ, понималъ, что ему было бы выгодно отступить отъ римской церкви. Онъ думалъ объ этомъ, посылалъ Меланхтону приглашенія пріѣхать къ

Реформатская
церковь.

нему. Но папа заключилъ съ нимъ конкордатъ, расширившій его власть надъ французскимъ духовенствомъ, и казался ему необходимымъ союзникомъ въ войнѣ съ Карломъ за Миланъ, потому онъ остался послѣдователемъ католичества. Онъ былъ равнодушенъ къ дѣламъ вѣры, руководился только политическимъ расчетомъ. Рѣшившись остаться католикомъ, онъ запретилъ привозить во Францію кальвинистскія и лютеранскія книги, подвергъ протестантскихъ проповѣдниковъ гоненію; многіе изъ нихъ были сожжены; нѣсколько селеній вальдійцевъ въ Провансѣ были разрушены.

Протестантство проникло, какъ мы говорили, въ Испанію, но инквизиція истребила его тамъ. Многіе изъ его послѣдователей были сожжены, другіе умерли въ темницахъ.—Итальянскіе гуманисты сочувствовали реформациі. Она пріобрѣла послѣдователей во всѣхъ большихъ городахъ Италіи; особенно много ихъ было въ Феррарѣ, гдѣ покровительствовала имъ герцогиня. Но римская курія приняла суровыя мѣры; въ 1542 году былъ учрежденъ инквизиціонный трибуналъ для безпощаднаго преслѣдованія итальянскихъ протестантовъ; многіе изъ нихъ бѣжали за Альпы; другіе были бросаемы въ темницы, ссылаемы на галеры, тайно убиваемы. Въ Калабріи дѣлали облавы на вальдійцевъ, какъ на дикихъ звѣрей. Къ концу XVI вѣка исчезли всѣ слѣды протестантскихъ общинъ въ Италіи. При жестокости гоненія на еретиковъ, въ Испаніи и въ Италіи возникли ученія, отступавшія отъ католичества такъ далеко, что и сами протестанты возненавидѣли ихъ. Въ Италіи Лелій Социнъ и его племянникъ Фавстъ основали секту, отрицавшую догматъ Троицы; испанецъ Серветъ также отрицалъ этотъ догматъ и былъ сожженъ за то по требованію Кальвина въ Женевѣ. Социніанство пріобрѣло много приверженцевъ въ Польшѣ. Генрихъ VIII подвергалъ жестокому преслѣдованію лютеранъ въ Англіи; потомъ, поссорившись съ папой по дѣлу о своемъ разводѣ съ Катериной Арагонской, отдѣлилъ англійскую церковь отъ римской, уничтожилъ монастыри, запретилъ поклоненіе иконамъ; по преслѣдуя католиковъ, продолжалъ вмѣстѣ съ ними вѣшать и лютеранъ. При его сынѣ Эдуардѣ VI было введено въ Англіи евангелическое ученіе; сестра Эдуарда, Марія, возстановила католичество, но наслѣдовавшая ей другая дочь Генриха VIII, Елизавета, окончательно ввела въ Англіи протестантство. Въ Ирландіи народъ остался вѣренъ католичеству, хотя англійское правительство преслѣдовало его и конфисковало все имущество католической церкви.

II. НИДЕРЛАНДЫ И ИСПАНІЯ.

1. Молодость Карла V.

Дитя инфанты Іоанны и эрцгерцога Филиппа Австрійскаго, родившееся 24 февраля 1500 въ Гентѣ и получившее имя Карла, было предназначено судьбой стать государемъ монархіи подобной своей обширностью государству Карла Великаго. Фландрія, Брабантъ и другія нидерландскія области, постепенно соединившіяся подъ властью герцоговъ бургонскихъ, были богаты, имѣли населеніе образованное, трудолюбивое, любящее свободу. Благодаря ихъ богатству, Филиппъ Добрый и Карлъ Смѣлый дали своему двору великолѣпіе. Картины Ванъ Эйка и его брата Гюберта возбуждаютъ и теперь удивленіе своей красотой; ученикъ Гюберта, Янъ Брюггскій, довелъ живопись масляными красками до высокаго совершенства. Лувенская и Брюссельская ратуши, гентскій и антверпенскій соборы продолжаютъ и теперь считаться дивными зданіями.—Фландрскіе, брабантскіе и голландскіе города имѣли громадное торговое и промышленное значеніе во всей Европѣ. Нидерландцы были народъ веселый, счастливый своими свободными учрежденіями; они усердно трудились, но любили и пировать. Связь между нидерландскими областями не доходила до полного сліянія въ одно цѣлое, но ихъ населеніе было расположено составлять одно государство по сходству характера, по общности исторіи, одинаковости общественнаго устройства. Оно было энергично и многолюдно, страна была покрыта цвѣтущими городами. Корабли нидерландцевъ вели всемірную торговлю. Народъ умѣлъ защищать свои права и на сушѣ и на морѣ.—Нидерландскія фабрики славились повсюду; многіе купцы и фабриканты имѣли княжескія богатства, жили съ царской роскошью, пользовались широкимъ политическимъ вліяніемъ. Все городское населеніе было одушевлено любовью къ свободѣ.

Нидерланды.

Нидерландцы радовались рожденію Карла, потому что любили эрцгерцога Филиппа, сына прославляемой ими Маріи, жившаго обыкновенно въ ихъ землѣ. Но Филиппъ умеръ въ молодости. Карлу было тогда только шесть лѣтъ; отецъ поручилъ воспитаніе ребенка одному изъ знатнѣйшихъ фландрскихъ вельможъ Гильіому Круа, сеньеру Шьевру, которому далъ должность оберъ-гофмейстера. Онъ долженъ былъ научить своего воспитанника свѣтскому обращенію, политическому искусству и военному дѣлу; другимъ занятіямъ училъ Карла утрехтскій священникъ Адріанъ Флорисзонъ, человѣкъ незнатнаго рода, но обширной учености и строгой нравственности. Карлъ навсегда сохранилъ признательную любовь къ Шьевру и Адріану. Онъ пріобрѣлъ отъ Адріана твердую преданность католической вѣрѣ, но

Воспитаніе
Карла.

способность къ наукамъ развивалась въ немъ медленно. Въ верховой ѣздѣ и другихъ рыцарскихъ искусствахъ онъ скоро сталъ необыкновеннымъ мастеромъ.

Регентство. Какъ по смерти Маріи Максимилианъ былъ регентомъ Нидерландовъ въ малолѣтство сына, такъ и теперь онъ, не встрѣчая сопротивленія, принялъ на себя регентство въ малолѣтство внука. Но онъ былъ занятъ нѣмецкими дѣлами, войной въ Италіи, другими войнами; потому не имѣлъ досуга самъ править Нидерландами и назначилъ своей намѣстницей тамъ свою дочь Маргарету, вдову герцога савойскаго, женщину умную, образованную, имѣвшую правительственные таланты, способную заботливо охранять интересы своей династіи.

Гельдернъ. Годы регентства были несчастны для Нидерландовъ. Карлъ Смѣлый присоединилъ къ своимъ владѣніямъ герцогство гелдернское (VIII, стр. 697). Но сынъ умершаго герцога Арнольда, Карлъ Эгмонтъ, хотѣлъ возвратить себѣ родовое государство; ему помогалъ король французскій, съ которымъ онъ былъ въ родствѣ по своей матери Катеринѣ, принцессѣ бургонской. Онъ имѣлъ много приверженцевъ въ Гельдернѣ. Еще при жизни эрцгерцога Филиппа онъ при ихъ помощи завоевалъ значительную часть Гелдерна и отбивался отъ Максимилиана и Филиппа; наконецъ былъ заключенъ договоръ, по которому онъ призналъ себя вассаломъ Филиппа, обѣщавшись сопровождать его въ Испанію и пріѣхавъ къ нему въ Антверпенъ. Но онъ бѣжалъ оттуда, возвратился въ Гельдернъ и отказался отъ исполненія договора. По смерти Филиппа онъ возобновилъ войну. Ему помогалъ фризійскій корсарь, страшный Большой Петръ (Groote Pier), сильно вредившій голландской морской торговлѣ. Самъ Карлъ дѣлалъ опустошительныя набѣги на сосѣднія съ Гелдерномъ части Нидерландовъ. Король французскій, воевавшій съ Максимилианомъ въ Италіи, помогалъ противнику династіи своего соперника. Карлъ получалъ деньги изъ Франціи; а имѣя деньги можно было набирать въ Нидерландахъ много наемниковъ. Карлъ доходилъ до окрестностей Амстердама, овладѣлъ Арнгеймомъ, ходилъ въ епископство утрехтское, занялъ Фрисландію и Гронингенъ, принадлежавшіе къ владѣніямъ Максимилиана.

Фрисландія. Въ концѣ XV вѣка Максимилианъ назначилъ наследственнымъ намѣстникомъ во Фрисландіи герцога саксонскаго, Альбрехта Мужественнаго. Фризы, ревниво охранявшіе свою свободу, воспротивились этому; но ссорились между собою и были принуждены покориться Альбрехту, дѣйствовавшему умно и твердо. Только городъ Гронингенъ не подчинился ему, предпочитая оставаться подъ покровительствомъ епископа утрехтскаго. Нѣмецкія дѣла заставили Альбрехта уѣхать въ Германію. Онъ поручилъ управленіе Фрисландіей своему сыну Генриху. Фризы возстали; Альбрехтъ собралъ войско изъ нѣмецкихъ наемниковъ, пошелъ во Фрисландію. Его ландскнехты одолѣли нестройныя толпы поселянъ; онъ опустошилъ Фрисландію, свирѣпо истреблялъ непокорныхъ и восстановилъ свою власть. Онъ жестоко наказалъ даже городъ Леварденъ за то, что граждане держали себя нейтрально. По смерти Альбрехта (12 сентября 1500) во фризахъ пробудилась надежда свергнуть съ себя его. Эдзардъ, графъ остфрисландскій, сталъ вождемъ инсургентовъ и овладѣлъ городомъ Гронингеномъ. Сынъ Альбрехта Георгъ, котораго императоръ назначилъ преемникомъ отца, призвалъ въ 1506 году изъ сѣверной Германіи наемниковъ, называвшихся по цвѣту своего вооруженія Чернымъ войскомъ. Ихъ начальникомъ былъ Генрихъ, герцогъ брауншвейгскій, опытный полководецъ. Всѣ свѣтскіе и духовные государи сѣверной Германіи отъ Ольденбурга до Помераніи, отъ

Грубенгагена до Бентгейма, помогали походу этихъ и другихъ наемниковъ противъ фри- зійскихъ поселянъ, ненавистныхъ имъ своей демократической свободой. Наемники опу- стошали всю Фрисландію, ходили и въ епископство утрехтское, и въ Голландію. Они осадили Гронингенъ. По совѣту Эдзарда граждане попросили помощи у герцога гель- дернскаго. Онъ пошелъ во Фрисландію, освободилъ Гронингенъ; этотъ городъ и его область объявили, что отдаются подъ покровительство короля французскаго. Но и гро- нингенцы и фризы хотѣли только спастись отъ свирѣпыхъ наемниковъ императорскаго намѣстника, вовсе не желая впутываться въ войну короля французскаго съ Максими- лианомъ. Потому они были рады, когда Георгъ, израсходовавъ всѣ свои средства на содержаніе наемниковъ и увидѣвъ себя въ невозможности продолжать войну съ герцо- гомъ гельдернскимъ, заключилъ въ 1515 году съ брюссельскимъ правительствомъ дого- воръ, по которому за 350.000 гульденовъ передалъ свои права на Фрисландію эрцгер- цогу Карлу. Черное войско разошлось; часть его поступила на службу нидерландскому правительству, другая ушла въ Италію, гдѣ можно было получать большое жалованье и пріобрѣтать богатую добычу. Герцогъ гельдернскій продолжалъ войну; нидерландское правительство, при помощи нѣмецкихъ наемниковъ, защищало отъ него города Леварденъ и Гарлингенъ и тѣ округи Фрисландіи, которые приняли подданство эрцгерцогу Карлу, имѣвшему теперь уже 15 лѣтъ и объявленному совершеннолѣтнимъ.

Герцогъ гельдернскій заключилъ перемиріе съ нидерландскимъ прави- тельствомъ, пошелъ къ своему покровителю, новому королю французскому Франциску I, сопровождалъ его на походъ въ Италію, участвовалъ въ сраженіи при Мариньяно. Въ Ломбардіи онъ нанялъ снова на свою службу тѣхъ солдатъ Чернаго войска, которые ушли въ Италію, повелъ ихъ въ Нидерланды и (въ 1517 году) возобновилъ войну во Фрисландіи и Голлан- діи, сжегъ городъ Меденбликъ, отдалъ на разграбленіе своимъ наемникамъ Алькмаръ, ходилъ до окрестностей Гарлема и Амстердама, опустошая страну. Эрцгерцогъ Карлъ назначилъ правителемъ Голландіи Генриха Нассаускаго. Этотъ храбрый полководецъ вытѣснилъ герцога гельдерн- скаго изъ Фрисландіи, убѣдилъ его отказаться отъ притязаній на нее, давъ ему за это 100.000 талеровъ. Но Гельдернъ остался во владѣніи герцога. Генрихъ нассаускій былъ женатъ на Клавдіи, принцессѣ оранжской (оран- жской), сестрѣ знаменитаго полководца Филиберта. По смерти Филиберта сынъ Клавдіи и Генриха, Ренатъ (Ренé) Нассаускій, наследовалъ княжество оранжское, и по смерти отца сдѣлался правителемъ Голландіи и Зеландіи. Этимъ было положено основаніе могуществу нассау-оранжской династіи.

Епископами утрехтскими обыкновенно были принцы бургонской дина- стіи. Въ 1525 году утрехтская кафедра сдѣлалась вакантною. Герцогъ гель- дернскій хотѣлъ доставить ее одному изъ своихъ родственниковъ; но ка- питулъ выбралъ епископомъ кельнскаго каноника Генриха, принца бавар- ской династіи. Герцогъ гельдернскій напалъ на епископство; Генрихъ, не имѣя силы удержаться противъ него, отказался (въ 1527 году) отъ свѣт- ской власти, передалъ ее Карлу V, получивъ за то пенсію. Герцогъ гель- дернскій, раздраженный этимъ, послалъ своего полководца Мартина ванъ Россюма опустошать южную Голландію. Россюмъ взялъ и разграбилъ Гагу, бывшую въ то время богатымъ городомъ. Но вскорѣ послѣ того импера- торъ заключилъ миръ съ королемъ французскимъ. Герцогъ гельдернскій увидѣлъ себя въ необходимости помириться съ Карломъ и, по горкюмскому договору (5 декабря 1528), призналъ себя вассаломъ его. Когда возобно- вилась война императора съ Францискомъ, герцогъ гельдернскій, бывшій въ то время ужь старикомъ и не имѣвшій дѣтей, объявилъ, что даритъ Гельдернъ королю французскому. Но дворянство и депутаты городовъ на нимвегенскомъ сеймѣ воспротивились этому, и герцогъ, уступая требованію

Присоединеніе
Гельдерна и
епископства
утрехтскаго.

сейма, согласился (въ 1538 году), чтобы герцогство гельдернское было присоединено къ герцогству клевскому, владѣтель котораго заявлялъ права наследовать это государство. Императоръ Карлъ очень досадовалъ, что Гельдернъ переходитъ не въ его руки, но не могъ помѣшать заключенію договора, по которому Вильгельмъ IV, герцогъ клевскій и юлихскій, присоединилъ къ своему государству Гельдернъ (въ 1539 году). Черезъ четыре года это герцогство перешло во владѣніе Карла V, какъ мы расскажемъ въ одномъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ.

2. Испанія при началѣ правленія Карла.

Юридическія
отношенія
Карла къ его
матери.

Карлъ спѣшилъ заключить перемиріе съ герцогомъ гельдернскимъ для того, чтобы уѣхать въ Испанію. Наперекоръ желанію его тетки Маргареты онъ былъ 5 января 1515 объявленъ совершеннолѣтнимъ. Сеймы нидерландскихъ областей присягнули ему. Это было устроено интригами Шьева, рассчитывавшаго править государствомъ отъ имени своего 15-лѣтняго воспитанника. Черезъ годъ послѣ того умеръ (23 января 1516) Фердинандъ Католическій. Законной наследницей испанской монархіи была его дочь Іоанна, мать Карла; но она, по смерти своего мужа, страдала душевной болѣзною и жила въ Тордесильясѣ подъ строгимъ надзоромъ; къ ней не пускали никого. Она была теперь провозглашена королевой, но ей былъ данъ лишь титулъ; власть перешла къ ея сыну. Нѣкоторые новѣйшіе историки доказываютъ, что она была жертвой властолюбія отца, мужа и сына, что они коварно объявляли ее сумасшедшей лишь для того, чтобы держать въ своихъ рукахъ власть, принадлежавшую ей, что и кардиналъ Хименесъ былъ ихъ сообщникомъ. Но другіе историки утверждаютъ, что прежнее мнѣніе справедливо, что Іоанна дѣйствительно страдала умственнымъ расстройствомъ. Мы уже говорили, что она еще при жизни мужа находилась въ экзальтированномъ состояніи, а по смерти его впала въ меланхолію. Трудно рѣшить, доходило-ль это болѣзненное настроеніе ея души до помѣшательства, и если даже такъ, то не бывало ли у нея періодовъ, когда рассудокъ прояснялся. Какъ бы то ни было, Іоанна считалась неспособной къ правленію, и власть надъ Кастиліей и Арагоніей должна была по закону и по предсмертному распоряженію Фердинанда перейти къ ея сыну.

Начало прав-
ленія Карла.

Мы говорили, что, благодаря уму и энергіи кардинала Хименеса, назначеннаго регентомъ, Карлъ былъ признанъ королемъ, хотя надменность и алчность фламандскихъ совѣтниковъ и любимцевъ молодого неопытнаго государя возбуждали сильное неудовольствіе въ испанцахъ. Вскорѣ по пріѣздѣ Карла Хименесъ умеръ (8 ноября 1517); смерть его была ускорена неблагодарностью короля. Осво-

божденный ею отъ всякаго стѣсненія, Карлъ увеличивалъ раздраженіе испанцевъ неблагоразумными поступками. Онъ конфисковалъ имущество Хименеса, назначилъ на его мѣсто архіенископомъ толедскимъ, первымъ духовнымъ сановникомъ Испаніи, двадцатилѣтняго юношу, Фламандца Гильіома Круа, племянника Гильіома Шьевра. Братъ Карла, Фердинандъ, родившійся и воспитанный въ Испаніи, пользовался расположеніемъ народа, былъ любимцемъ покойнаго короля, привлекалъ къ себѣ всѣхъ веселой любезностью характера. Карлъ отнялъ у него придворный штатъ и отослалъ его въ Богемію. Молодой государь совѣтовался только съ нидерландцами, раздавалъ имъ высшія должности; по совѣту Шьевра, подкупленнаго королемъ португальскимъ Эммануиломъ, выдалъ за него, уже старика, изуродованнаго болѣзнями, свою сестру, молодую красивую дѣвушку Леонору. Шьевръ грабилъ Испанію; жена его, такая же алчная, какъ онъ, добилась того, что ей былъ отданъ весь жемчугъ, присланный изъ Америки; она поѣхала съ Леонорой въ Португалію, чтобы грабить и тамъ. Все это возбуждало негодованіе въ испанцахъ. Совѣтники Карла были по своей національности французы; нѣкоторые изъ нихъ были подкуплены королемъ французскимъ; другіе и безъ того были расположены къ союзу съ Франціей. Это казалось испанцамъ измѣной. Но Изабелла, Фердинандъ и Хименесъ установили королевскую власть такъ прочно, что при всемъ негодованіи испанцы не сопротивлялись распоряженіямъ Карла. Кастильскіе кортесы, созванные въ Вальядолидѣ, желали, чтобы король далъ присягу соблюдать законы государства и обязался не вводить иноземцевъ съ собой въ ихъ засѣданія. Нѣкоторые члены кортесовъ говорили, что сначала онъ долженъ дать эту присягу и только послѣ того можетъ требовать, чтобы дана была присяга на вѣрность ему. Но большинство согласилось быть уступчивымъ. Въ началѣ февраля (1518 года) объ присяги были даны одновременно, и формула присяги короля была написана такъ, что въ ней не было выражено яснаго обѣщанія устранить иноземцевъ отъ участія въ управленіи королевствомъ кастильскимъ. Карлъ почти еще вовсе не зналъ по-испански, былъ отъ природы молчаливъ. Этимъ онъ тоже производилъ дурное впечатлѣніе. Кортесы 16 февраля заявили требованіе объ отмѣнѣ причинъ къ неудовольствію; этотъ актъ перечислялъ 88 желаній кастильскаго народа. Но дѣло кончилось тѣмъ, что кортесы дали Карлу на три года доходъ въ 600.000 испанскихъ дукатовъ. Такой суммы налоговъ еще не было никогда даваемо кастильскими кортесами ни Изабеллѣ, ни прежнимъ королямъ. Послѣ того (въ маѣ 1518) были созваны въ Сарагоссѣ арагонскіе кортесы, а въ февралѣ 1519 въ Барселонѣ каталонскіе кортесы, засѣданія которыхъ длились до декабря. Переговоры съ ними были еще тяжеле, чѣмъ съ кастильскими; но присягнули и они, получивъ отъ Карла присягу соблюдать законы; они назначили и

налоги для пособія королевскимъ надобностямъ, впрочемъ не въ такомъ размѣрѣ, какъ желалъ онъ. Еще во время засѣданій каталонскихъ кортесовъ пришло извѣстіе, что Карлъ выбранъ нѣмецкимъ императоромъ (это было въ іюлѣ). Оно произвело на испанцевъ очень дурное впечатлѣніе; они полагали, что теперь онъ будетъ жертвовать интересами Испаніи для своихъ нѣмецкихъ дѣлъ, что она станетъ для него лишь землею, изъ которой можно ему брать деньги и войско для увеличенія другихъ своихъ владѣній. Когда Карлъ переѣхалъ съ своимъ дворомъ въ Сарагоссу, потомъ въ Барселону, онъ жилъ тамъ на деньги, присылаемыя изъ Кастиліи. Это длилось почти два года. Ни одно изъ 88 желаній, заявленныхъ кастильскими кортесами, не было исполнено. Фламандскіе любимцы Карла продолжали грабить Кастилію. Въ ней поднялось наконецъ волненіе. Городъ Толедо, раздраженный назначеніемъ иноземца въ санъ архіепископа, еще въ 1518 году вступилъ въ переговоры съ городами Авила и Сеговией, и отъ имени всѣхъ трехъ этихъ городовъ было тогда же послано Карлу заявленіе ихъ жалобъ на его распоряженія. Теперь депутація города Толедо пріѣхала въ Барселону съ просьбой, чтобы король не уѣзжалъ изъ Испаніи, не давалъ должностей иноземцамъ, и чтобы былъ прекращенъ вывозъ золота и серебра изъ Испаніи. Карлъ отвѣчалъ учтиво, но уклончиво. Онъ собирался поѣхать въ Германію, и ему нужно было много денегъ на подарки нѣмецкимъ государямъ, на расходы коронованія въ императорскій санъ. Ему не откуда было взять эти огромныя суммы, кромѣ какъ изъ богатой Кастиліи. Въ февралѣ 1520 онъ созвалъ кастильскихъ кортесовъ въ Сантіаго, чтобы получить отъ нихъ новыя субсидіи для поѣздки въ Германію. Папа Левъ X разрѣшилъ ему брать подъ предлогомъ войны съ турками десятину съ имѣній испанскаго духовенства. Оно было раздосадовано этимъ, и многіе прелаты стали поддерживать оппозицію горожанъ на кортесахъ въ Сантіаго. Одинъ изъ современниковъ писалъ тогда: «Испанцы уже смотрятъ мрачно, кусаютъ себѣ губы, ропщутъ, что они, завоеватели многихъ государствъ, подвергаются обидамъ отъ людей, единственныхъ божества которыхъ Бахусъ и Венера». Волненіе было очень сильно. Въ мартѣ, когда Карлъ жилъ въ Вальядолидѣ, ремесленникъ взшелъ на колокольню одной изъ церквей и ударилъ въ набатъ; граждане собрались и кричали, что не отпустятъ короля, перебьютъ его злыхъ совѣтниковъ; нѣсколько человѣкъ было арестовано, но правительство увидѣло себя въ необходимости освободить ихъ. Король торопливо уѣхалъ изъ Вальядолида.

Отъѣздъ Карла изъ Испаніи. Созваніе кастильскихъ кортесовъ въ Сантіаго, галисійскомъ городѣ, было оскорбительно для кастильской гордости. Когда кортесамъ было объявлено, что король уѣзжаетъ въ Германію и проситъ денегъ, собраніе взволновалось. Депутаты города Толедо стали говорить очень

рѣзко. Двое изъ нихъ, Педро Ласо де ла Вега и Алонсо Суаресъ, были удалены изъ собранія по приказанію Меркурино Гаттинары, занимавшаго теперь должность канцлера. При этомъ извѣстїи городъ Толедо взволновался, Карлъ хотѣлъ запугать гражданъ, потребовалъ къ своему суду вождей оппозиціи, Фернандо Авалоса и Хуана Падилью. Но народъ (21 апрѣля) прогналъ дворянъ, требовавшихъ повиновенія королю, остановилъ отъѣздъ Авалоса и Падильи, передалъ управление городомъ общинному совѣту (Comunidad). Въ это время засѣданія кортесовъ были ужь перенесены изъ Сантіаго въ Корунью. Тамъ они небольшимъ числомъ голосовъ назначили Карлу субсидію. Совѣтники Карла стали разсуждать, не должно ли королю снѣшить въ Толедо для подавленія возстанія, но нашли это дѣло не такимъ важнымъ, чтобъ изъ-за него замедлять отъѣздъ Карла. Ссора съ королемъ французскимъ, раздраженнымъ побѣдой Карла на выборахъ въ императорскій санъ, возростающее волненіе въ Германіи, необходимость войти въ дружескія отношенія съ королемъ англійскимъ требовали, чтобы Карлъ ускорилъ свой отъѣздъ; отложить его изъ-за безпорядковъ, произошедшихъ въ Толедо и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, значило бы, по мнѣнію совѣтниковъ Карла, придавать слишкомъ большую важность этимъ дѣламъ. Потому Карлъ, назначивъ вице-королемъ кастильскимъ своего учителя Адріана (ужь бывшаго тогда великимъ инквизиторомъ и епископомъ тортоескимъ), отплылъ 20 мая изъ Коруньи.

3. Возстаніе комунеровъ.

Отъѣздъ Карла усилилъ волненіе въ Кастиліи. Народъ досадовалъ на кортесовъ за то, что они дали королю деньги, не получивъ удовлетворенія своимъ требованіямъ. Всѣхъ оскорбляло то, что правителемъ государства назначенъ иноземецъ, тяжелый недантъ, не знающій ни законовъ, ни нравовъ Кастиліи. Всѣ негодовали на то, что фламандцы, по примѣру Шьевра, обогащаются въ Кастиліи, посылаютъ нажитыя деньги въ Нидерланды, роптали на беспощадную жестокость инквизиціи подъ управленіемъ фанатика Адріана. Волненіе росло съ каждымъ днемъ. Въ Саморѣ народъ 29 мая таскалъ по улицамъ соломенные чучела, изображавшія депутатовъ, возбудившихъ неудовольствіе своей уступчивостью въ собраніи кортесовъ. Въ Сеговіи толпа убила сборщика налоговъ, хотѣвшаго разогнать ее, и повѣсила его съ нѣсколькими акцизными служителями за ноги на висѣлицѣ. На другой день собралось на улицахъ еще больше народа.

Возстаніе въ
Кастиліи.

Онъ бушевалъ; въ особенности разгорячены были работники суконныхъ фабрикъ. Народъ схватилъ одного изъ городскихъ начальниковъ, Тордеспльаса, бывшего членомъ кортесовъ и подавшего голосъ за назначеніе субсидіи королю, убилъ его, разграбилъ и зажегъ его домъ, прогналъ съ должностей всѣхъ королевскихъ чиновниковъ. Въ іюнѣ произошли такія же возстанія въ Мадридѣ, Бургосѣ, Сигенсѣ; простолюдины захватили управленіе въ этихъ городахъ, прогнавъ съ должностей дворянъ и богатыхъ негоціантовъ, назначили новые городскіе совѣты (комунідады, общины). Волненіе проникло и въ Арагонію; но тамъ администрація была менѣе сурова, потому консервативное чувство было сильнѣе, и революціонное движеніе было подавлено самимъ населеніемъ.

Возстаніе
въ Валенсіи.

Опаснѣе, чѣмъ въ собственной Арагоніи было волненіе въ королевствѣ валенсійскомъ и особенно въ столицѣ его, городѣ Валенсіи, гдѣ народъ всегда былъ расположенъ къ послушанію. Съ согласія покойнаго короля Фердинанда въ королевствѣ валенсійскомъ сформировалась городская милиція для обороны отъ мавровъ и африканскихъ пиратовъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и для сопротивленія самоуправству дворянъ, которые занимали всѣ должности, запрещали простолюдиномъ носить оружіе и поступали съ ними сурово. Королевство валенсійское, пограничное съ гранадскимъ царствомъ, постоянно подвергалось до покоренія Гранады нападеніямъ мавровъ; дворяне, любившіе воевать, переселялись изъ арагонскаго королевства въ валенсійское, становились тамъ грубыми воинами; потому дворянство въ этомъ королевствѣ было болѣе буйно, чѣмъ въ остальной Испаніи; оно презирало простолюдиновъ, въ особенности людей мавританскаго происхожденія, составлявшихъ значительную часть его. Валенсійскіе дворяне сопротивлялись учрежденію городскихъ милицій, хотя горожане соглашались выбирать начальниками исключительно дворянъ. Дворяне мѣшали и развитію цеховыхъ корпорацій, держали въ угнетеніи ремесленниковъ даже въ самомъ городѣ Валенсіи, хотя онъ былъ многолюденъ. По смерти Фердинанда валенсійскіе кортесы отказывались присягнуть на вѣрность Карлу, пока онъ не пріѣдетъ самъ въ Валенсію и не дастъ присяги соблюдать законы королевства, какъ требовало того коренное правило валенсійскаго государственнаго порядка. Но въ первое время по пріѣздѣ Карла въ Испанію въ городѣ Валенсіи была чума, и онъ боялся ѣхать туда, потомъ говорилъ, что не имѣетъ времени пріѣхать въ Валенсію, спѣша отправиться въ Германію; онъ хотѣлъ прислать уполномоченнаго, который дастъ присягу отъ его имени; но валенсійскіе кортесы отвѣчали, что этого недостаточно, что присягу долженъ дать лично самъ онъ. „Кортесы скорѣе дадутъ выколоть себѣ глаза“, писалъ Мартинъ Гаттинаръ, „чѣмъ присягнуть и назначить субсидію королю до его пріѣзда“. Отказъ Карла пріѣхать и лично дать присягу волновалъ народъ. Отъ заразы въ городѣ Валенсіи остановилась промышленность и торговля; народъ голодалъ; это содѣйствовало увеличенію безпорядковъ. Народъ шумѣлъ на улицахъ; въ одномъ изъ такихъ столпленій 24 августа 1519 Хуанъ Лоренсо, суконщикъ, человекъ умный, честный, краснорѣчивый, пользовавшійся уваженіемъ, произнесъ рѣчь, которая увлекла слушавшую его толпу. Онъ говорилъ: „Неужели жители нашего прекраснаго города должны оставаться въ рабствѣ? Чиновники быстро обогащаются, граждане впадаютъ въ нищету; нѣтъ

безпристрастія въ судѣ; дворянство захватило всѣ права, а на насъ налагаются всѣ тяжести“. Онъ предложилъ возстановить прежнія военныя братства (Germanias), распредѣлить эту милицію на отряды, ввести равноправность всѣхъ сословій и отправить къ королю депутацію цеховъ съ просьбой объ утвержденіи этихъ мѣръ. Народъ принялъ его предложенія и отправилъ депутацію въ Барселону, гдѣ находился тогда король. Карлъ, досадовавшій на непокорность валенсійскаго дворянства, далъ по совѣту Шьевра и Адріана одобреніе просьбѣ депутатовъ. По ихъ возвращеніи, граждане Валенсіи составили изъ себя милицію; она училась военному дѣлу по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ, пріобрѣла увѣренность въ своихъ силахъ. Граждане перестали выносить дерзости дворянства; оно стало жаловаться королю на обиды отъ простолюдиновъ. Карлъ послалъ въ Валенсію Адріана разобратъ дѣло. Но валенсійскіе кортесы, въ которыхъ преобладало дворянство, по прежнему отказывались присягнуть королю, пока онъ не пріѣдетъ въ Валенсію самъ и не дастъ присяги соблюдать законы; потому онъ отвергъ жалобы дворянства и далъ новое утвержденіе городской милиціи. Въ досадѣ на простолюдиновъ, не дозволявшихъ дворянству прежняго самоуправства и безъ сомнѣнія платившихъ ему обидами за прежнія притѣсненія, многіе вельможи и прелаты уѣхали изъ города Валенсіи въ свои имѣнья, высказывая неудовольствіе на правительство, требуя, чтобы распущена была городская милиція и возстановлены были прежнія привилегіи дворянства. Правительство колебалось въ своихъ рѣшеніяхъ, временами хотѣло распустить городскую милицію, но вслѣдъ за тѣмъ соглашалось на ея требованія. Эта шаткость Карла и его совѣтниковъ увеличивала безпорядки. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Испаніи Карлъ назначилъ вице-королемъ валенсійскимъ Діэго Мендосу, графа Мелито. Онъ принялъ сторону дворянъ и прелатовъ и въ маѣ 1520 потребовалъ распущенія городской милиціи и того, чтобы городской совѣтъ и судьи были по прежнему избираемы исключительно изъ дворянъ. Въ іюнѣ разнесся слухъ, что Сороля, одинъ изъ главныхъ вождей народнаго движенія, арестованъ, и что вице-король хочетъ подвергнуть его пыткамъ; народъ собрался къ дворцу вице-короля; успокоился, увидѣвъ Соролю свободнымъ; но черезъ два дня безпорядки возобновились. Вице-король и многіе вельможи бѣжали изъ города. Народъ буйствовалъ; Лоренсо убѣждалъ его не грабить домовъ ненавистныхъ ему людей, но былъ осмѣянъ, пошелъ сопровождаемый ругательствами въ свой домъ и упалъ пораженный апоплексическимъ ударомъ отъ печали.

Изъ Города Валенсіи возстаніе быстро распространилось по другимъ городамъ королевства. Простолюдины, увлекаемые демагогами, Соролей, Пересомъ и кондитеромъ Хуаномъ Каро, повсюду захватывали власть. Отважный и хитрый авантюристъ Хуанъ Вильвао (Bilbao), сынъ кастильскаго еврея, принявшій имя дона Энрикеса Манрике де Риверы и выдававшій себя за вельможу, потомка кастильскихъ королей, сталъ главой возстанія въ городѣ Хативѣ, потомъ явился въ городъ Валенсію, овладѣлъ и тамъ довѣріемъ народа. Инсургенты назначили правительственный комитетъ, состоявшій изъ 13 членовъ. Вильвао былъ выбранъ въ число ихъ, подчинилъ товарищей своему вліянію и, поддерживаемый Соролей, пріобрѣлъ диктаторское могущество во всемъ королевствѣ валенсійскомъ. Только городъ Морелья отказался участвовать въ возстаніи. Жители его

объявили, что скорѣе убьютъ женъ и дѣтей, чѣмъ нарушать вѣрность королю. Всѣ другіе города сформировали отряды милиціи и приняли сторону инсургентовъ. Жители острова Мальіорки тоже возстали подъ предводительствомъ суконщика Хуана Креспино.

Авильская
хунта. Хуанъ
Падилья.

Въ королевствѣ валенсійскомъ, какъ и въ Толедо, возстаніе было дѣломъ низшаго сословія; но зажиточные граждане не отваживались сопротивляться ему. Города заключали между собою союзы для общей обороны. Возстаніе распространялось по Кастиліи. Вице-король кастильскій послалъ въ Сеговію алькальда Ронкилью съ отрядомъ войска, велѣвъ ему арестовать и предать суду вождей возстанія. Ронкилью былъ человѣкъ бездарный. Граждане Сеговіи отразили его нападеніе. Центромъ возстанія былъ городъ Толедо; по предложенію толедскихъ инсургентовъ многіе города послали депутатовъ въ Авила для совѣщаній о сопротивленіи вице-королю. Этимъ собраніемъ (хунтой) было 29 іюля 1520 рѣшено сформировать войско. Предсѣдателемъ хунты былъ Педро Ласо дела Вега, тотъ депутатъ, который былъ удаленъ правительствомъ изъ сантіагскаго собранія кортесовъ. Но вождемъ возстанія сдѣлался Хуанъ Падилья, человѣкъ сравнительно еще молодой (ему было тогда 36 лѣтъ); онъ былъ вельможа и горячій приверженецъ свободы. На него имѣла сильное вліяніе его жена Марія Пачеко, урожденная графиня Тендилья, красавица, отважная энтузіастка, превосходившая мужа умомъ. Она и онъ были одушевлены патріотизмомъ и честолюбіемъ, желали освободить отечество отъ ненавистныхъ иноземцевъ и надѣялись пріобрѣсти могущество при новомъ порядкѣ дѣлъ. Ихъ понятія о свободѣ были не осуществимы при тогдашнемъ положеніи испанскаго народа, и они пошли путемъ, который неизбѣжно велъ къ гибели.

Возстаніе имѣло демократическій характеръ, потому дворянство и богатые горожане, за немногими исключеніями, устранились отъ участія въ немъ. Привычка къ повиновенію исчезла въ простолюдинахъ. Они рѣзко порицали короля, проклинали иноземцевъ, во власть которыхъ отдалъ онъ Кастилію. Всѣ кастильскіе города были охвачены мятежнымъ духомъ; вездѣ были избираемы хунты, входившія въ сношенія съ толедской и сеговійской. Вице-король держалъ себя нерѣшительно; члены его совѣта спорили между собой о томъ, что надо дѣлать, бездѣйствіе правительства ободряло комунеровъ, (защитниковъ самоуправленія), какъ и называли себя инсургенты.

Одинъ изъ кастильскихъ военачальниковъ, Антоніо Фонсека, хотѣлъ 12 августа взять изъ Медины дель Кампо тяжелую артиллерію для осады Сеговіи. Народъ дозволилъ ему взять ее. Онъ сдѣлалъ изъ бывшихъ у него пушекъ нѣсколько выстрѣловъ калеными ядрами; они зажгли городъ; сгорѣли около 900 домовъ и магазины, въ которыхъ находились большіе склады товаровъ, привезенныхъ для наступающей ярмарки. Раздраженный народъ убивалъ всѣхъ приверженцевъ правительства, которыхъ могъ схватить. Одинъ изъ простолюдиновъ (прядильщикъ) убилъ городского начальника; тѣло убитого

было выброшено изъ окна. Сожженіе Медины дель Кампо произвело раздражающее впечатлѣніе на всѣ другіе города. Вальядолидъ присоединился къ возстанію. Ронкильо и Фонсека бѣжали въ Португалію (и оттуда уѣхали во Фландрію). Вице-король увѣрялъ, что Фонсека дѣйствовалъ безъ его приказанія, что онъ очень сожалѣетъ о несчастіи, постигшемъ Медину дель Кампо, распустилъ войско, собранное Фонсекой; но все было напрасно.

Всѣ кастильскіе города присоединились къ возстанію, послали депутатовъ въ авильскую хунту. Она требовала отставки вице-короля, удаленія иноземцевъ отъ всѣхъ свѣтскихъ и церковныхъ должностей, отмѣны привилегій, освобождавшихъ духовенство и дворянство отъ налоговъ; но главнымъ ея требованіемъ было то, чтобы король созывалъ каждые три года кортесовъ и не стѣснялъ свободы ихъ совѣщаній. На сторонѣ хунты были довольно многіе духовные сановники. Антоніо Акунья, епископъ саморскій, 65-ти лѣтній старикъ оставшійся еще бодрымъ, храбрый, искусный воинъ, собралъ отрядъ, состоявшій изъ 400 человекъ, въ числѣ которыхъ находилось много священниковъ, присоединился къ войску комунеровъ и сражался самъ въ его рядахъ.

Депутаты инсургентовъ перенесли свои засѣданія въ Тордесильясъ, гдѣ содержалась подъ надзоромъ королева Іоанна, прогнали маркиза Денію, которому было поручено стеречь ее, прогнали служанокъ, бывшихъ помощниками этого тюремщика, который не пускалъ никого видѣться съ ней; объявили, что королева лживо объявлена помѣшанной, что она находится въ здоровомъ умѣ, потому управление государствомъ принадлежитъ ей. Это было въ сентябрѣ. Нѣсколько депутатовъ хунты отправились къ Іоаннѣ во дворецъ, имѣли разговоръ съ нею. Тѣ слухи, которые проникали теперь въ народъ, подтверждали мнѣніе, что королева находится въ полномъ умѣ. Но она не соглашалась подписывать никакихъ государственныхъ актовъ, и, вѣроятно, этому Карлъ былъ обязанъ тѣмъ, что власть его надъ Испаніей возстановилась. Инсургенты дѣйствовали отъ имени королевы. Падилья, назначенный главнокомандующимъ, послалъ регентству приказаніе сложить съ себя власть, потребовалъ вице-короля къ отвѣту на судъ хунты; Адріанъ не поѣхалъ, былъ арестованъ въ Вальядолидѣ; Падилья отдалъ его подъ стражу. Онъ бѣжалъ ночью, пріѣхалъ 15 октября въ Медину Ріо Секко; члены регентства, разогнаннаго инсургентами, собрались туда. Адріанъ обнародовалъ отъ имени короля прокламаціи, успокоивавшія народъ обѣщаніями, что иноземцамъ не будетъ даваемо никакихъ свѣтскихъ или церковныхъ должностей, что налоги будутъ уменьшены до того размѣра, какой имѣли при Фердинандѣ. Карлъ назначилъ помощниками вице-короля двухъ кастильскихъ вельможъ, коннетабля Иниго Фернандеса Веласко и адмирала Федрике Энрикеса, герцога Медина-Сидонію. Король считывалъ ослабить этимъ ропотъ на предоставленіе иноземцу власти

Комунеры
овладѣваютъ
королевой
Іоанной.

въ Кастиліи. Но эти мѣры уже запоздали. Депутаты инсургентовъ, засѣдавшіе въ Тордесильясѣ, отправили къ Карлу актъ, излагавшій ихъ требованія, установили и обнародовали законы о составѣ и правахъ кортесовъ, о порядкѣ взиманія налоговъ, объ устройствѣ администраціи и трибуналовъ, воспретили вывозъ денегъ за границу, объявили всѣхъ иноземцевъ лишенными должностей, воспретили отчужденіе королевскихъ имѣній, отмѣнили всѣ пожалованія привилегій, данныя по смерти Изабеллы.

Дворянство
принимаетъ
сторону правитель-
ства.

Но межъ тѣмъ какъ комунеры принимали рѣшенія, преобразовывавшія государственное устройство, а народъ восхвалялъ мудрость устанавливаемыхъ ими законовъ, возвращавшихъ ему свободу, вельможи и дворяне энергически готовились подавить возстаніе. Комунеры уменьшали привилегіи дворянства; оно видѣло, что если они восторжествуютъ, то отберутъ у него имѣнья, пожалованныя по смерти Изабеллы, и не дозволятъ королю вновь раздавать государственныя имущества вельможамъ и кліентамъ ихъ. Оно рѣшилось всѣми силами бороться за свои выгоды. Коннетабль Веласко, старикъ, но человѣкъ очень энергичный, съумѣлъ воспользоваться соперничествомъ Бургоса съ Толедо; онъ въ ноябрѣ любезностями и обѣщаніями отклонилъ гражданъ Бургоса отъ участія въ хунтѣ комунеровъ. Присоединеніе столицы старой Кастиліи къ защитникамъ правительства подало другимъ городамъ примѣръ отступничества отъ общаго дѣла. Въ хунтѣ комунеровъ возникъ споръ о томъ, отъ имени ли Карла, или отъ имени Іоанны должны быть издаваемы распоряженія. Это разногласіе ослабило хунту. Вельможи примирились съ правительствомъ, собрали свои войска, присоединились къ королевскому войску, главнокомандующимъ котораго былъ Педро Веласко, графъ Гаро, сынъ коннетабля. Депутаты вельможъ и правительства пріѣхали въ Тордесильясъ, говорили королевѣ, что комунеры—враги государственнаго порядка, что она должна остерегаться ихъ. Она вѣрила этимъ внушеніямъ. Уполномоченные хунты на колѣнахъ умоляли ее подписать воззваніе къ народу, объявлявшее, что она принимаетъ на себя управленіе государствомъ, принадлежащее ей по закону. Возстановленная противъ комунеровъ депутатами вельможъ, она отвѣчала: «Граиды и дворяне—мои вѣрные слуги» и велѣла уполномоченнымъ хунты уйдти. Ея несогласіе подписывать распоряженія хунты подрывало силу комунеровъ. Народъ потерялъ довѣріе къ законности возстанія. Карлъ не принялъ депутацію хунты, пріѣхавшую къ нему въ Германію съ просьбой подписать правила государственнаго управленія. Примѣръ Бургоса ободрялъ въ другихъ городахъ партію, желавшую примиренія съ правительствомъ. Въ хунтѣ комунеровъ шла борьба между радикалами и умѣренными; она мѣшала послѣдовательности и энергіи распоряженій. Хуанъ Падилья, искренній приверженецъ свободы, былъ лишенъ начальства надъ войскомъ хунты; на его мѣсто былъ назначенъ болѣе

знатный вельможа Педро Хиронъ, честолюбецъ, человѣкъ недобросовѣстный, принявшій сторону инсургентовъ по эгоистическимъ расчетамъ. Военныя дѣйствія пошли дурно для комунеровъ; королевское войско подступило къ Тордесильясу, резиденціи хунты. Войско ея было многочисленно и сражалось очень храбро, но Хиронъ распоряжался такъ дурно, что ночью 5 декабря войско короля и вельможъ ворвалось въ крѣпость. Іоанна радостно приняла явившихся къ ней грандовъ; въ числѣ ихъ находился и маркизь Денія, снова занявшій теперь должность ея тюремщика. Взятіе королевы подъ стражу правительствомъ Карла нанесло тяжелый ударъ возстанію. Хиронъ потерялъ довѣріе инсургентовъ; его называли измѣнникомъ; онъ удалился или по сознанію своей виновности, или потому, что нашелъ невыгоднымъ оставаться противникомъ королевскаго правительства.

Взятіе
Тордесильяса.

Начальство надъ войскомъ хунты было возвращено Падильѣ; онъ перенесъ свою главную квартиру въ Вальядолидъ; народъ встрѣтилъ его тамъ съ восторгомъ. Важнѣйшими помощниками его были могущественный вельможа графъ Сальватіерра и отважный епископъ саморскій. Но въ это время получили успѣхъ хлопоты матери и жены герцога Медины-Сидоніи, дѣйствовавшихъ въ Андалузіи: Севилья, Кордова, Гранада, Хересь, Кадиксъ и другіе андалузскіе города заключили между собою союзъ для поддержанія королевской власти. Андалузскій союзъ формировалъ войско для борьбы съ кастильскими инсургентами. Король португальскій и нѣкоторые изъ патріотическихъ кастильскихъ вельможъ убѣждали инсургентовъ примириться съ правительствомъ Карла, если онъ сдѣлаетъ какія нибудь уступки, внушали вице-королю, что должно склонять Карла къ уступкамъ. Но Карлъ былъ такъ озабоченъ нѣмецкими дѣлами, что не имѣлъ досуга заняться испанскими. Вице-король настойчиво упрашивалъ его возвратиться въ Испанію, онъ медлилъ отвѣчать. — Падилья овладѣлъ крѣпостью Торре де Ловатономъ, стоявшей неподалеку отъ Тордесильяса, но согласился (20 февраля 1521) заключить перемиріе. Его жена находила, что это ошибка, убѣждала мужа и вліятельныхъ комунеровъ не вѣрить обѣщаніямъ вице-короля. Она пользовалась очень большимъ уваженіемъ у инсургентовъ. При ея поддержкѣ одержала въ хунтѣ верхъ партія, подобно ей думавшая, что только побѣдой можетъ быть восстановлена свобода испанскаго народа, введенъ справедливый порядокъ и безпристрасный судъ. Перемиріе плохо соблюдалось и 28 марта было прекращено. Хунта комунеровъ объявила своихъ противниковъ измѣнниками отечеству. Но королевскія войска были усилены во время перемирія; они со всѣхъ сторонъ пошли къ Торре де Ловатону, гдѣ было сосредоточено войско инсургентовъ. Потому оно было сильнѣе королевскаго и не было у него недостатка въ мужествѣ; но королевское войско имѣло больше дисциплины, состояло изъ воиновъ по ремеслу, превосходило непріа-

Битва при
Вильяларѣ.
Смерть
Падилья.

теля числомъ конницы, и генералы его были искусные помощниковъ Падильи. Увидѣвъ опасность своего положенія, онъ рѣшился идти въ Торо, окопаться подъ защитой этой крѣпости и дожидаться прибытія подкрѣпленій. Но когда войско его подъ проливнымъ дождемъ пришло къ Вильялару, непріятельская конница напала на аррьергардъ (23 апрѣля 1521). Идти дальше было почти невозможно, потому что мѣстность была очень размыта дождями. Комунеры были принуждены принять сраженіе. Они шли въ бой съ крикомъ «Сантіаго» (свѣтой Іаковъ) и «Свобода». Боевой крикъ королевскаго войска былъ «святая Марія и Карлъ». Комунеры сражались храбро, но позиція ихъ была неудобна. Королевское войско стало одолевать, разорвало ихъ ряды; они обратились въ бѣгство. Падилья сражался до послѣднихъ силъ, упалъ раненый и былъ взятъ въ плѣнъ. Многие другіе начальники побѣжденныхъ и около тысячи воиновъ тоже попали въ плѣнъ. Около 800 комунеровъ было убито. Уронъ побѣдителей былъ очень невеликъ. Они поступили съ побѣжденными жестоко. Одинъ изъ вельможъ королевскаго войска Хуанъ Уллоа билъ раненнаго Падилью по лицу. Падилья и его плѣнные помощники были преданы суду и послѣ короткаго допроса приговорены къ смерти, какъ мятежники. «Ты лжешь», сказалъ читавшему приговоръ судебному чиновнику Хуанъ Враво (Bravo), бывшій начальникомъ сеговійскаго отряда: «мы были защитниками свободы государства». Падилья, думавшій въ послѣднія минуты только о женѣ, отечествѣ и о своемъ душевномъ спасеніи, держалъ себя спокойно. Онъ сказалъ: «Вчера было время сражаться, какъ слѣдуетъ рыцарю, нынѣ время умереть, какъ долженъ христіанинъ». Нѣжнымъ письмомъ онъ простился съ женой. Въ письмѣ къ гражданамъ своего родного города Толедо онъ говорилъ имъ, что умираетъ за свободу, какъ достойный сынъ славнаго города, и выразилъ надежду, что явится изъ среды гражданъ Толедо мститель за него. Онъ твердыми шагами взошелъ на эшафотъ, шутливо сказалъ, увидѣвъ казненнаго Хуана Враво: «Вы здѣсь, честный рыцарь» и мужественно принялъ смерть. Съ такимъ же безстрашіемъ умеръ Франсиско Мальдонадо, бывшій начальникомъ саламанкскаго отряда. Ихъ головы были повѣшены на деревѣ, подъ которымъ былъ построенъ эшафотъ. Они были казнены 24 апрѣля.

4. Подавленіе возстанія. Расширеніе королевской власти.

Черезъ четыре дня послѣ сраженія при Вильяларѣ, 27 апрѣля, вице-король и его помощники торжественно вступили въ Вальядолидъ; тамъ уже не было враговъ. Хунта разошлась при извѣстіи о

вплъяларскомъ пораженіи, разбитое войско разсѣялось. Королевское правительство, казнивъ еще нѣсколькихъ вождей возстанія, объявило амнистію, и почти всѣ города, принимавшіе участіе въ возстаніи, покорились. Только граждане Толедо рѣшились обороняться. Обод-Марія Пачеко. рыемые женою Падильи, Маріею Пачеко, они полгода выдерживали осаду. Марія Пачеко, одѣтая въ трауръ, ходила по рядамъ защитниковъ города, убѣждая ихъ мужественно сражаться. Отъ нихъ уходила въ госпитали заботиться о больныхъ и раненныхъ. Но духовенство было враждебно ей, между прочимъ и потому, что она взяла сокровища церквей на расходы обороны города. Пренная причина досады толедскаго духовенства исчезла: Гильомъ Круа, иноземецъ, назначенный архієпископомъ толедскимъ, умеръ въ январѣ 1521, и слѣдовало полагать, что должность его будетъ отдана королемъ испанцу. Когда большинство горожанъ стало падать духомъ, Марія Пачеко съ храбрѣйшими защитниками города заперлась въ цитадели, чтобъ обороняться тамъ до послѣднихъ силъ. Духовенство возбуждало противъ нея массу горожанъ, называло ее колдуньей, говорило, что мавританская гадальщица внушила ей и ея мужу надежду пріобрѣсти кастильскій престолъ, что она дѣйствовала только по личному честолюбію. Епископъ леонскій поднялъ престолюдиновъ противъ нея, повелъ ихъ штурмовать цитадель; она отразила это нападеніе. Въ февралѣ слѣдующаго (1522) года силы защитниковъ цитадели истощились. Тогда Марія Пачеко, переодѣвшись поселянкой и взявъ корзину съ яйцами, прошла черезъ пѣль карауловъ и, счастливо избѣжавъ всѣхъ опасностей, уѣхала съ сыномъ въ Португалію. Домъ ея въ Толедо былъ разрушенъ, и на мѣстѣ его была поставлена колонна съ надписью, говорившей, что она мятежница, лишенная всѣхъ правъ. Она прожила въ изгнаніи девять лѣтъ, терпѣла нищету, но сохраняла твердость души. Умирая, она выражала желаніе, чтобы тѣло ея было погребено въ родной землѣ рядомъ съ тѣломъ мужа. Но испанское правительство не дозволило этого. — Епископъ саморскій хотѣлъ бѣжать во Францію, но былъ схваченъ. Его отвезли въ Симанкасъ и бросили въ темницу. Въ 1526 году онъ убилъ тюремнаго сторожа, надѣясь бѣжать, но былъ задержанъ и казненъ.

За побѣдой вельможъ и королевскаго правительства въ Кастиліи слѣдовало подавленіе возстанія Валенсіи и Мальіорки. Въ Валенсіи и Мальіорки. инсургенты подъ предводительствомъ Сарольи, Периса и шарлатана Хуана Вильвао прогнали вице-короля и всѣхъ королевскихъ чиновниковъ, уничтожили податные реестры и одержали нѣсколько побѣдъ въ мелкихъ сраженіяхъ съ войсками вельможъ. На Мальіоркѣ власть также перешла въ руки инсургентовъ, вождемъ которой былъ Креспино. Населеніе мстило дворянству за пренія притѣсненія, преслѣдовало и тѣхъ подданныхъ вельможъ, которые защищали своихъ господъ. Комитетъ Тринадцати, завѣдывавшій милиціею горожанъ въ

королевствѣ валенсійскомъ, не могъ остановить ея революціонныхъ порывовъ. Страна подверглась бѣдствіямъ ожесточеннаго междоусобія; горожане и вельможи оказывали одинаковую жестокость; война между ними длилась два года. Войско вельможъ и короля разбило нестройную милицію горожанъ въ сраженіи 17 іюля 1521 при Мурвіэдро. Но городъ Валенсія оставался въ рукахъ инсургентовъ. Они раздѣлились на двѣ партіи. Одну составили умѣренные люди, желавшіе прекращенія войны; другая не хотѣла дѣлать никакихъ уступокъ вельможамъ и королевскому правительству. Умѣренная партія вступила въ переговоры съ непріятелемъ. Въ городѣ Валенсіи началось междоусобіе. Перисъ, диктаторски правившій этимъ городомъ, былъ 3 марта 1522 убитъ въ сраженіи на улицахъ; умѣренная партія побѣдила. Тѣло Периса было повѣшено; побѣдители повѣсили восемь человѣкъ изъ его помощниковъ. Вскорѣ послѣ того приверженцы мира восторжествовали и въ другомъ центрѣ возстанія, Хативѣ. Вильвао, владычествовавшій тамъ, пошелъ въ Валенсію возстановить господство радикальной партіи, но былъ выданъ измѣнниками непріятелю и казненъ. Войска вельможъ и короля пошли къ Хативѣ, разбила инсургентовъ при Вельюсѣ (Belluz), и въ сентябрѣ Хатива была послѣ упорной обороны взята. Соролья и трое другихъ демагоговъ были повѣшены и мертвыя тѣла ихъ четвертованы. Послѣ того партія умѣренныхъ одолѣла радикаловъ и на Мальіоркѣ. Креспино былъ арестованъ и казненъ. Прогнанный изъ Мальіорки и жившій на Ивисѣ королевскій намѣстникъ Гурреа получилъ приглашеніе возвратиться; онъ пріѣхалъ 7 марта 1523 и возстановилъ прежній порядокъ дѣлъ.

Пріѣздъ Карла въ Испанію. Король въ это время находился снова въ Испаніи. Онъ съ нѣсколькими тысячами нѣмецкихъ ландскнехтовъ поплылъ изъ Нидерландовъ въ Испанію лѣтомъ 1522 и 16 іюля вышелъ на берегъ въ Сантандерѣ. Онъ твердо рѣшился установить въ Испаніи неограниченную монархическую власть. Ему было теперь еще только 22 года, но онъ уже пріобрѣлъ большую житейскую опытность и сдѣлался самостоятельнымъ политическимъ человѣкомъ. Шьевръ, совѣтами котораго руководился онъ, умеръ въ Вормсѣ 28 мая 1521; борьба съ политическими противниками въ Германіи и Нидерландахъ научила Карла привѣтственному искусству. Онъ понималъ теперь, что главной опорой его могущества должна служить Испанія, и рѣшился заяться упроченіемъ своего владычества надъ ней. Вельможи, помогавшіе его правительству подавить возстаніе, ждали отъ него награды; населеніе городовъ, участвовавшихъ въ возстаніи, трепетало въ ожиданіи тяжелыхъ наказаній. Онъ ловко пользовался этимъ положеніемъ дѣлъ, расчетливо награждалъ, по хладнокровному соображенію наказывалъ или миловалъ, поступалъ вообще великодушно и съумѣлъ примирить побѣжденных съ порядкомъ дѣлъ, который

установилъ. Онъ медленно подвигался изъ Сантандера въ Палепсію, предоставляя трибуналамъ время кончить политическіе процессы и казнить тѣхъ вождей возстанія, которые казались ему опасны. Такимъ образомъ были въ это время казнены Мальдонадо Пиментель, лиценсіатъ Бенардино, Франсиско Меркадо. Когда Карлъ въ концѣ октября доѣхалъ до Вальядолида, были уже казнены тѣ инсургенты, которыхъ не хотѣлъ онъ помиловать. Въ ноябрѣ онъ устроилъ торжественную церемонію на главной площади Вальядолида и, явившись тамъ народу во всемъ блескѣ могущества, объявилъ амнистію. Лишь немногіе знатные люди или простолюдины были исключены изъ нея. Вообще говоря, казней было немного. Карлъ надѣялся пріобрѣсти любовь народа милосердіемъ. Когда услужливый придворный донесъ королю, гдѣ скрывается Авалось, толедскій вельможа, осужденный на смертную казнь, Карлъ презрительно сказалъ доносчику: «Вы сдѣлали бы лучше, посовѣтовавъ ему, какъ спастись, чѣмъ сообщая мнѣ, гдѣ могу я арестовать его». Другому доносчику онъ сказалъ: «Пролилось довольно крови». Онъ назначилъ правительницей Валенсіи вдову своего дѣда, королеву Жермену, вышедшую за Іоанна, принца бранденбургскаго, и поручилъ ей дѣйствовать снисходительно. Валенсія успокоилась послѣ казни нѣсколькихъ вождей возстанія и по уплатѣ контрибуцій, наложенныхъ на города.

Мавританское населеніе Валенсіи участвовало въ возстаніи. Карлъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобъ усилить стѣснительныя мѣры противъ этихъ новокрещенныхъ, подозрѣваемыхъ въ вѣрности прежней религіи. Онъ заставилъ ихъ платить десятину и далъ инквизиціи полный просторъ преслѣдовать ихъ. Въ 1524 году папа, по желанію короля, освободилъ его отъ обязанности соблюдать договоры, заключенные прежними королями арагонскими съ морисками. Въ слѣдующемъ году, при заключеніи мадридскаго мира съ королемъ французскимъ, онъ вставилъ въ этотъ трактатъ условіе, по которому Францискъ обязывался помогать ему въ войнѣ съ невѣрными. Ссылаясь на эту статью, онъ утверждалъ, что долженъ преслѣдовать невѣрныхъ въ своемъ государствѣ.

Одною изъ причинъ возстанія была ненависть народа къ наглости и алчности иноземцевъ, которымъ Карлъ роздалъ много должностей въ Испаніи. Всѣ сословія раздѣляли эту ненависть, потому что духовенство и дворянство сначала одобряли сопротивленіе горожанъ правительству; но когда комунеры стали говорить о равноправности сословій, привилегированные классы соединились съ правительствомъ для защиты своихъ правъ. Эта противоположность сословныхъ интересовъ дала побѣду королевскому абсолютизму. Дворянство увидѣло, что должно поддерживать королевскую власть для огражденія себя отъ стремленія простолюдиновъ, отнять у него привилегіи, и такимъ образомъ развилась та безусловная преданность дворянъ королю, которая выставляется высшей обязанностью, первой добродѣтью дво-

Результатъ по-
давленія воз-
станія.

рянства въ драмахъ Лопе де Веги и Кальдерона. Горожане нуждались въ защитѣ отъ притѣсненій вельможъ, занимавшихъ высшія административныя и судебныя должности, и ждали покровительства себѣ отъ короля, потому развилась и въ нихъ привычка къ покорности всѣмъ его распоряженіямъ.

Карлъ искусно пользовался этимъ настроеніемъ испанской націи, дѣлалъ преобразованія, увеличивавшія силу правительства, стараясь по возможности щадить національную гордость. Чтобы не раздражать ее, онъ оставилъ прежнія формы государственнаго устройства, но ограничилъ права политическихъ корпорацій, такъ что онѣ утратили самостоятельность. У многихъ городовъ онъ отнялъ часть муниципальныхъ правъ, а совѣщанія кортесовъ подчинилъ такимъ правиламъ, при которыхъ не могла возникнуть оппозиція правительству. Онъ постановилъ, что кортесы должны прежде всего заниматься удовлетвореніемъ денежныхъ требованій правительства и только по волеизъявленію налоговъ могутъ переходить къ изложенію своихъ желаній; что каждое изъ трехъ сословій должно совѣщаться особо и воспретилъ общія засѣданія ихъ; правительство вело переговоры съ каждымъ сословіемъ отдѣльно, и каждое изъ нихъ, не имѣя опоры въ другихъ, принуждено было подчиняться волѣ правительства. Депутаты городовъ были избираемы по такимъ правиламъ, что противники правительства не попадали въ число депутатовъ, и сословіе горожанъ въ кортесахъ сдѣлалось послушнымъ орудіемъ правительства. Вельможъ правительство склоняло на свою сторону подарками и почестями. Духовенство не могло сопротивляться королю, потому что папа былъ союзникомъ Карла и находился въ зависимости отъ него. Такимъ образомъ Карлъ, продолжая дѣло, начатое Изабеллой и Фердинандомъ, прочно установилъ въ Испаніи абсолютизмъ. Но будучи человекомъ осторожнымъ, онъ не отмѣнилъ въ Кастиліи кортесовъ. По подавленіи возстанія онъ созвалъ ихъ въ 1523 году въ Вальядолидъ и терпѣливо допускалъ споры противъ своихъ денежныхъ требованій, иногда и противъ политическихъ своихъ дѣйствій. Не имѣя общихъ засѣданій, кортесы были безсильны. Противоположность интересовъ между привилегированными сословіями и горожанами мѣшала имъ соединиться въ оппозицію правительству.

Смерть Іоанны.

Много содѣйствовала развитію монархическаго чувства въ испанцахъ національная гордость. Карлъ теперь льстилъ ей. Онъ выучился хорошо говорить по-кастильски и давалъ должности только испанцамъ. Эпоха его могущества начинается съ подавленія испанскаго возстанія; о его матери уже не было рѣчи послѣ того; она прожила по усмиреніи возстанія больше 30 лѣтъ, но оставалась заперта въ тордесильяскомъ дворцѣ. Сначала у нея могли бывать періоды просвѣтлѣнія разсудка, но въ послѣдствіи она непрерывно находилась въ тупой апатіи. Она скончалась 12 апрѣля 1555.

Одною изъ причинъ милосердія, выказаннаго Карломъ по подавленіи возстанія комунеровъ, была безъ сомнѣнія боязнь новаго вмѣшательства французовъ. Король французскій вошелъ въ сношенія съ инсургентами, желая воспользоваться междоусобіемъ для завоеванія Наварры. Мы говорили, что Жанъ д'Альбре и Катерина, у которыхъ Фердинандъ Католическій отнялъ Наварру, находились въ близкомъ родствѣ съ французской королевской династіей; потому Францискъ желалъ возвратить ихъ сыну, Генриху, Наварру. Когда поднялось волненіе въ Испаніи, король французскій послалъ за Пиренеи войско подъ начальствомъ Леспарра (брата Лотрека). Въ маѣ 1521 Леспарръ перешелъ горы, подступилъ къ Памплонѣ; она сдалась послѣ непродолжительной обороны. (При защитѣ цитадели былъ раненъ Игнатій Лойола, служившій въ испанскомъ войскѣ. Эта рана отняла у него возможность продолжать военную службу и обратила его на иной путь жизни.) Въ нѣсколько недѣль французы овладѣли всей Наваррой. Леспарръ пошелъ въ Кастилію на соединеніе съ инсургентами; но на самой границѣ Кастиліи онъ былъ задержанъ храброй обороной города Логронью. Пока онъ стоялъ подъ нимъ, инсургенты были разбиты. На него двинулось сильное испанское войско; онъ 11 іюня снялъ осаду, отступилъ въ Памплону. Испанцы шли за нимъ, разбили его и взяли въ плѣнъ, быстро вытѣснили за Пиренеи остатки его войска.—Черезъ нѣсколько лѣтъ Генрихъ, сохранившій титулъ короля наваррскаго, женился на Маргаретѣ, сестрѣ Франциска. Дочь его и Маргареты, Жанна д'Альбрé, вышла за Антуана Бурбона и была матерью Генриха IV.

Наварра.

5. Культура на Пиренейскомъ полуостровѣ.

Литература. Исторія испанской и португальской литературъ дѣятельно разрабатывается и за границами Пиренейскаго полуострова. Въ Германіи особенно усердно занимались этимъ дѣломъ романтики, по примѣру, поданному Августомъ Вильгельмомъ Шлегелемъ въ его *Vorlesungen über dramatische Kunst und Literatur* (Heidelberg, 1811). Отдѣлы объ испанской и португальской литературахъ въ знаменитомъ трудѣ Галлама (Hallam, *Introduction to the literature of Europe in the XV, XVI and XVII centuries*, 4 тома, London, 1837—1839) теперь отчасти устарѣли. Изъ новыхъ трудовъ назовемъ: De los Rios, *Historia critica de la literatura Espanola* (7 томовъ, Madrid, 1861—1867); Ticknor, *History of Spanish literature* (3 тома, New York, 1849); Lemcke, *Handbuch der spanischen Literatur* (3 тома, Leipzig, 1855, 1856). О трактатахъ Бутервека, Грессе, Розенкранца, Сисмонди мы ужъ упоминали въ прежнихъ перечисленіяхъ трудовъ по исторіи литературы. Изъ монографій назовемъ: Clarius, *Darstellung der spanischen Litteratur im Mittelalter* (2 тома, Mainz, 1846); Schack, *Geschichte der dramatischen Litteratur und Kunst* (3 тома, Berlin, 1845, 1846). По исторіи португальской литературы авторъ пользовался статьями, сообщенными ему г. Арендшильдомъ, переводчикомъ сонетовъ Камонса на нѣмецкій языкъ.

1. ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

1. Народные романы. Религіозная поэзія.

Время правленія Изабеллы и Фердинанда, соединившее Кастилію и Арагонію въ одно государство, создало общее испанское національное чувство, изъ котораго развилась классическая литература Испаніи.

Литературное
возвышеніе
кастильскаго
нарѣчія при
Изабеллѣ.

Благодаря прекращенію междоусобій, могущество и благосостояніе Кастиліи поднялось при Изабеллѣ. Завоеваніемъ Гранады и Малаги границы королевства раздвинулись до Средиземнаго моря; кастильскіе гидальго начали покореніе Новаго Свѣта. Благодаря возвышенію могущества Кастиліи, нарѣчіе ея приобрѣло перевѣсъ надъ другими испанскими нарѣчіями, сдѣлалось литературнымъ языкомъ всѣхъ испанскихъ областей. Языкъ Каталоніи, близкій къ провансальскому и лимузенскому, имѣвшій блестящую эпоху во времена валенсійскихъ и барселонскихъ трубадуровъ, вышелъ изъ литературнаго употребленія. Послѣднимъ замѣчательнымъ поэтомъ, писавшимъ на каталонскомъ нарѣчіи, былъ Аусіасъ Марчъ, валенсійскій вельможа, другъ несчастнаго принца віанскаго (IX, 291), прославившійся пѣснями во вкусѣ Петрарки. Взятіемъ Гранады заключились средне-вѣковыя времена Испаніи, жизнь ея пошла новымъ путемъ. Въ станѣ подъ Гранадой, изъ котораго сформировался городъ св. Вѣры (Santa Fé), Изабелла подписала договоръ съ Колумбомъ, дала ему средства плыть на западъ, и результатомъ этого было открытіе Новаго Свѣта. Изъ Италіи сталъ проникать въ Испанію гуманизмъ, начиналась и въ ней эпоха возрожденія искусствъ. При отцѣ Изабеллы Іоаннѣ II, покровителѣ ученыхъ и поэтовъ, Вильена и Сантильяна уже писали во вкусѣ новой итальянской поэзіи; она скоро вытѣснила изъ моды прежнюю народную поэзію, формою которой былъ романсъ. При Іоаннѣ II Алонсо Ваэна (Ваена), крещенный еврей, бывший секретаремъ короля, составилъ первый сборникъ романсовъ, *Cançionero*. Онъ внесъ въ него пѣсни больше чѣмъ 50 поэтовъ; эта книга была, какъ онъ говоритъ, составлена «для препровожденія времени и развлеченія королю при отдыхѣ отъ бремени государственныхъ заботъ». Послѣ того было составлено нѣсколько другихъ сборниковъ народныхъ эпическихъ пѣсенъ; пора было собирать ихъ, потому что новая поэзія начинала вытѣснять эти пѣсни изъ памяти народа, въ которой хранились онѣ. Нѣкоторые сборники ихъ называются *Cançionero*, другіе *Romancero*. Пѣсни о гражданской войнѣ были послѣднимъ отголоскомъ прежней народной поэзіи. Теперь стала развиваться новая поэзія, подражавшая итальянской и классической, замѣнявшая прежнюю естественность и простоту ученыхъ щегольствомъ.

Романсы.

Во времена непрерывныхъ войнъ съ маврами, когда испанецъ долженъ былъ постоянно держать себя готовымъ къ бою и даже, ложась спать, клалъ подлѣ себя оружіе, народныя пѣсни естественно должны были имѣть военный характеръ и съ тѣмъ вмѣстѣ религіозный колоритъ: война съ маврами была священная. Тѣ идеи, которыми были произведены крестовые походы, сохранялись въ Испаніи цѣлыми двумя вѣками дольше, чѣмъ въ остальной Европѣ. Эта воинственно-религіозная поэзія состояла изъ романсовъ, эпическо-

лирических пѣсень, рассказывавшихъ о геройскихъ подвигахъ знаменитыхъ воиновъ. При всемъ разнообразіи содержанія, романсы имѣютъ одинаковую форму, ходъ и характеръ мыслей въ нихъ одинъ и тотъ же. Нѣкоторые изъ нихъ давно пріобрѣли извѣстность во всей Европѣ, какъ напримѣръ романсъ о графѣ Аларкосѣ, убивающемъ страстно любимую жену для спасенія чести своего короля и для исполненія воли его. Арабское нашествіе изгладило у испанцевъ всѣ воспоминанія о прежней исторіи. Потому ихъ народная эпическая поэзія рассказывала лишь о событіяхъ, начинающихся временами Пелайю.

Самыя старыя испанскія военныя пѣсни состоятъ изъ рифмованныхъ строфъ хорейскаго размѣра; онѣ называются редондильями. Онѣ слагались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій, о которыхъ рассказываютъ, и не были записываемы. Лишь немногія изъ нихъ долго хранились въ памяти народа; большею частью прежнія редондильи забывались для новыхъ. Размѣръ ихъ очень легокъ; для рифмы достаточно, чтобъ одинакова была послѣдняя гласная буква стиха; такія рифмы, называемыя ассонансами, подбираются на испанскомъ языкѣ безъ всякаго труда; потому слагать пѣсни въ этой формѣ не представляло затрудненій.

Къ числу самыхъ старыхъ испанскихъ эпическихъ пѣсень принадлежатъ романсы о Сидѣ; ихъ дошло до насъ около сотни; они хранились нѣскольکو столѣтій или только въ пѣніи, или записанные на отдѣльныхъ листкахъ; когда въ XVI столѣтіи были составлены сборники романсовъ, эти пѣсни были внесены въ нихъ. Первыми изъ такихъ сборниковъ были *Silva de varios Romances*; *Cancionero de Romances*; *Primavera y flor de Romances*; изъ нихъ составлены новыя сборники, какъ напримѣръ *Romancero General*.—Въ романахъ о Сидѣ факты перемѣшаны съ вымыслами. Но самъ Сидъ — лицо не вымышленное. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, Родриго (или въ сокращенной формѣ имени Рун) Діасъ, названный Бойцомъ, *Campeador*, и Господиномъ, *Cid*, происходилъ отъ знатнаго кастильскаго рода и пріобрѣлъ знаменитость своими подвигами при Фердинандѣ I, королѣ леонскомъ (умершемъ въ 1064 году) и его сыновьяхъ Санчо II и Альфонсѣ VI. Теперь доказана историческая достовѣрность многихъ событій, рассказываемыхъ въ романахъ о немъ; такъ, напримѣръ, онъ дѣйствительно потребовалъ, чтобъ Альфонсъ, жившій изгнанникомъ у мавровъ и заявившій права на леонскій престолъ по смерти Санчо, убитаго подъ Саморой, очистилъ себя присягой отъ подозрѣнія въ убійствѣ старшаго брата. Альфонсъ сердился за это на Сиду и черезъ нѣсколько времени (въ 1081 году) изгналъ его изъ государства, хотя онъ былъ женатъ на принцессѣ королевской династіи, Хименѣ. Онъ собралъ волонтеровъ и велъ партизанскую войну съ мусульманами, воевалъ также съ графомъ барселонскимъ; былъ приглашенъ возвратиться изъ изгнанія, потомъ снова изгнанъ, прославился новыми подвигами и въ особенности взятіемъ Валенсіи (при которомъ, впрочемъ, коварно нарушилъ обѣщаніе, данное побѣжденнымъ сарацинамъ пощадить ихъ жизнь, и сжегъ взятаго въ плѣнъ эмира). Это было въ 1094 году. Въ 1098 онъ завоевалъ Альменару и Мурвіэдро. Пять лѣтъ онъ держался въ Валенсіи противъ нападеній морабетовъ. Въ іюль 1099 онъ умеръ отъ печали о пораженіи, которое нанесли при Куэнсѣ мусульмане отряду войска его, находившемуся подъ начальствомъ его родственника и помощника, Альвара Фаньеса. Его жена Химена два года защищала Валенсію отъ морабетовъ; но Альфонсъ объявилъ ей, что она не должна ожидать помощи отъ него;

Романсы
о Сидѣ.

тогда она удалилась изъ Валенсіи, взявъ съ собой тѣло мужа. Она умерла въ 1104 году и была похоронена подлѣ мужа въ монастырѣ Санъ Педро де Карденья. Сидъ имѣлъ двухъ дочерей; одна изъ нихъ, Христина, вышла за Рамиро, инфанта наваррскаго; другая, Марія, за Рамона Беренгарія III, графа барселонскаго, и потомки ея стали королями испанскими. Эти факты скоро по смерти Сиды стали предметомъ поэтическихъ прикрасъ, такъ что еще въ XII вѣкѣ онъ уже сдѣлался въ народныхъ пѣсняхъ представителемъ кастильскаго національнаго характера. Съ теченіемъ времени пѣсни о немъ постоянно передѣлывались фантазією народа.

Поэма
о Сидѣ.

Кромѣ народныхъ романсовъ испанская литература имѣетъ поэмы, прославляющія національнаго героя; знаменитѣйшая изъ нихъ собственно такъ называемая „Поэма о Сидѣ“ Poema del Cid, состоящая болѣе, чѣмъ изъ 3.000 стиховъ, написана, вѣроятно, въ концѣ, а быть можетъ даже въ половинѣ XII вѣка. Форма ея безыскусственна, языкъ и размѣръ не имѣютъ изящества, но въ ней много живыхъ картинъ военнаго быта тогдашней Испаніи. Она превозноситъ Сиду, какъ героя войны съ невѣрными, но придаетъ еще больше важности тому, что онъ предокъ королевской династіи, выставляетъ на первый планъ его преданность королю, несправедливо изгнавшему его, и подробно рассказываетъ исторію его дочерей.

Поэма начинается изгнаніемъ Сиды. Онъ, повинувшись королю, выдалъ своихъ дочерей, донью Эльвиру и донью Солю за графовъ Карріоновъ (то-есть, владѣтелей карріонскихъ). Зятья его навлекаютъ на себя своею трусостью насмѣшки сподвижниковъ Сиды. Въ отмщеніе за это они, возвращаясь домой, подло нападаютъ на своихъ женъ въ лѣсномъ ущельѣ и покидаютъ ихъ плавающими въ крови. Сидъ требуетъ отъ короля наказанія злодѣямъ. Король созываетъ въ Толедо кортесовъ судить ихъ. Разсказъ о томъ, что происходило на этомъ судѣ,—самая живая часть поэмы. Графы Карріоны присуждены возвратить полученное отъ Сиды оружіе и приданое; три вассала Сиды вызываютъ на судъ Божій трехъ рыцарей изъ свиты графовъ Карріоновъ; дѣлаются приготовленія къ ихъ бою, но прежде чѣмъ начинается онъ, входятъ въ собраніе послы инфантовъ наваррскаго и арагонскаго сватать за нихъ дочерей Сиды. Онъ отправляется въ Валенсію. О смерти его говорится очень кратко. Главная цѣль поэмы—разсказать, какъ изъ униженія, которому подвергли Сиды враги и завистники, возникаетъ величіе его рода: сыновья королей считаютъ за честь себѣ вступить въ родство съ нимъ. „Поэма о Сидѣ“—первое извѣстное намъ произведеніе кастильской письменной, а не изустной поэзіи.

Другіе раз-
сказы о Сидѣ.

Кромѣ названной нами поэмы возникло много другихъ разсказовъ о Сидѣ. До насъ дошла „Хроника о Сидѣ“ Cronica del Cid, вѣроятно передѣлка той части „Всеобщей испанской хроники“, которая относится къ подвигамъ этого героя; дошли латинскія лѣтописи, говорящія о немъ и „Римованная хроника о Сидѣ“ Cronica, rimada del Cid, написанная, вѣроятно, въ XV вѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ разсказовъ главное значеніе придается геройскимъ подвигамъ Сиды, въ другихъ тому, что онъ предокъ королевскаго рода, въ нѣкоторыхъ тому, что онъ сражался за вѣру и угодилъ этимъ Богу, который даже наградилъ его даромъ совершать чудеса.

Такимъ образомъ съ XII до XV столѣтія Сидъ былъ у испанцевъ идеаломъ всѣхъ національных доблестей, соединявшимъ въ себѣ все, чѣмъ гордились испанскіе рыцари: знатность рода, храбрость, благочестіе, вѣрность слову, преданность королю. Изустныя преданія, переходившія отъ поколѣнія къ поколѣнію, и непрерывно передѣлываемыя фантазією, стали въ послѣдствіи служить матеріаломъ для поэмъ, писанныхъ по образцу французскихъ рыцарскихъ эпикъ, называвшихся Chansons de Geste и для римованныхъ хроникъ на испанскомъ и на латинскомъ языкахъ. Стихи этихъ

поэмъ и хроникъ неправиленъ и грубъ, полнозвучныя рѣмы часто замѣняются въ нихъ ассонансами; но высокое поэтическое достоинство романсовъ, по которымъ составлены онѣ, отчасти сохранено въ нихъ. Авторы ихъ были люди разныхъ направленій мыслей. Одинъ выбиралъ главнымъ предметомъ своего разсказа одну сторону національнаго идеала, другой другую. Авторы нѣкоторыхъ разсказовъ интересуются всего больше военными подвигами Сиды, другіе выставляютъ на первый планъ его вѣрность королю, хотя и поступившему съ нимъ несправедливо, или слава его служитъ средствомъ для возвеличенія королевскаго рода; авторы, принадлежавшіе къ духовному сословію, выставляютъ Сиду усерднымъ слугою церкви; они придали ему татую религіозность, что Филиппъ II просилъ папу причислить его къ лику святыхъ.

Преданія о Сидѣ составляли главный, но не единственный матеріалъ народныхъ эпическихъ романсовъ: рыцари, прѣзжавшіе изъ Прованса, изъ другихъ частей Франціи, изъ Нидерландовъ и Англіи въ Испанію биться съ невѣрными, привозили съ собою свои эпическія пѣсни. Такимъ образомъ возникло у испанцевъ много романсовъ изъ легендъ о Карлѣ Великомъ. Таковы пѣсни, въ которыхъ дѣйствуютъ графъ Ирлосъ, донъ Гайферосъ и Мелисендра, мавръ Калайносъ. Позднѣйшіе рыцарскіе романсы, написанные испанцами и прославляющіе испанскихъ героевъ, носятъ на себѣ слѣды иноземныхъ вліяній, отчасти западныхъ, отчасти арабскихъ.

Другіе
историческіе
романсы.

Иноземныя вліянія замѣтны уже и въ романсахъ о Бернардо дель Карпіо, который былъ любимѣйшимъ послѣ Сиды героемъ кастильской народной поэзіи. Въ романсахъ о Сидѣ воспѣвается законная супружеская любовь; въ поэтической исторіи Бернардо дель Карпіо играетъ важную роль преступная любовь, составляющая одну изъ существенныхъ принадлежностей рыцарскихъ поэмъ о паладинахъ Карла Великаго, объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго стола. Романсы о графѣ Фернанѣ Гонсалесѣ, основателѣ королевства кастильскаго, изображаютъ любовь въ духѣ поэзіи трубадуровъ. Есть поэма о Фернанѣ Гонсалесѣ, рассказывающая отчасти по народнымъ преданіямъ, отчасти по лѣтописямъ исторію Испаніи отъ нашествія вестготовъ до 967 года и прославляющая подвиги, которые совершалъ графъ Фернанъ при помощи святыхъ Пелайо, Мильяна и Яго. Она составлена, вѣроятно, въ XIV вѣкѣ, и ей предшествовали хроники, рассказывавшія о подвигахъ графа Фернана. Въ исторіи семи дѣтей Лары перемѣшаны съ христіанскими легендами арабскія. Испанцы многое заимствовали у мавровъ, войны съ которыми перерывались нерѣдко мирными сношеніями. Кастильскіе рыцари взяли мавровъ своими образцами въ почтительной любви къ прекраснымъ дамамъ, и въ испанскую поэзію вошли передѣлки арабскихъ любовныхъ пѣсенъ нѣжныхъ и граціозныхъ. «Мавританскія баллады» говоритъ Прескоттъ, «представляютъ замѣчательное соединеніе европейскихъ рыцарскихъ понятій съ блескомъ и роскошной изысканностью Востока. Онѣ краткія изображенія поэтическихъ моментовъ жизни прелестныя и кажушіяся такими безыскусственными, какъ будто возникли подъ впечатлѣніемъ минуты. Онѣ переносятъ насъ въ свѣтлыя жилища могущественныхъ мавровъ, рисуютъ намъ великолѣпное веселье, какимъ отличалась жизнь ихъ до самаго конца, описываютъ вирамбальскій бой быковъ, тростниковые шалаши, влюбленныхъ рыцарей, прославляютъ царственныхъ Абенсерраговъ и геройское самоотверженіе ихъ, описываютъ мавританскихъ дѣвушекъ, смотрящихъ на военныя игры, тайныя свиданія, въ которыхъ любовники высказываютъ свои чувства пламеннымъ языкомъ арабскихъ сравненій и гиперболей. Легкій хореическій размѣръ этихъ пѣсенъ, довольствующихся вмѣсто рѣмы небрежными ассонансами, дѣлаетъ ихъ форму способной къ выраженію самыхъ разнообразныхъ чувствъ». Большая часть ихъ написаны, вѣроятно, кастильскими поэтами, но нѣкоторыя могли быть сложены и маврами, между которыми было очень распространено знаніе кастильскаго языка.

Народная лирика испанцевъ охватывала всѣ стороны жизни, описывала природу и жилища, обычаи и чувства. Многія изъ этихъ пѣсенъ сопровождались танцами. Старый національный танецъ, называвшійся саравандой, всегда происходилъ подъ пѣніе, отъ того въ послѣдствіи названіе сараванда стало обозначать старинныя пѣсни. При легкости размѣра испанецъ безъ труда привыкалъ слагать пѣсни. Въ сборникахъ романсовъ (Cancionero) очень много любовныхъ пѣсенъ; есть пастушескія идилліи, есть шутливыя и сатирическія пѣсни, есть даже пѣсни нищихъ; во многихъ описываются обычаи и развлечения народа.

Религіозная
поэзія.

Рыцарство въ Испаніи имѣло тѣсную связь съ религіей; войны съ маврами были борьбой за вѣру, потому религіозная поэзія получила въ Испаніи большое развитіе. Содержаніемъ ея служатъ легенды, общія всему католичеству; но изъ нихъ съ особенной любовью разрабатываются относящіяся собственно къ Испаніи.

Версео.

Самый старый изъ извѣстныхъ намъ духовныхъ поэтовъ Кастиліи, бенедиктинскій монахъ Гонсало де Версео (Verseo), жившій въ первой половинѣ XIII вѣка, написалъ поэмы о святыхъ Доминго (Доминикѣ) и Мильянѣ (Эмилианѣ), издавна пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ въ Испаніи. Версео рассказываетъ, что Мильянъ 40 лѣтъ жилъ отшельникомъ въ родныхъ горахъ; Дидимъ, епископъ таррагонскій, велѣлъ ему возвратиться въ человѣческое общество на службу церкви, и онъ повиновался, хотя это противорѣчило его влеченію; онъ устоялъ противъ всѣхъ искушеній діавола, совершалъ чудеса и по своей смерти помогъ кастильцамъ одержать побѣду надъ Абдеррахманомъ; поэма о немъ представляетъ церковную параллель пѣснямъ о Сидѣ. Двѣ другія поэмы Версео «Мученичество св. Лаврентія Кордовскаго» и «Жизнь св. Оріи» (Аврей) тоже взяты изъ легендъ, относящихся къ Испаніи. Но ему приписываются и такія произведенія, содержаніе которыхъ не спеціальное испанское, а общее католическое: въ поэмѣ о литургической жертвѣ онъ объясняетъ символическое значеніе ветхозавѣтныхъ жертвоприношеній и обрядовъ католической литургіи; «скорбь Пресвятой Дѣвы въ дни страданій сына ея» рассказываетъ страданія Христа; поэма «Знаменія Страшнаго Суда» изображаетъ чудеса и катастрофы, которыя будутъ предшествовать страшному суду; описываетъ страшный судъ, наказанія злыхъ и блаженство праведныхъ. Въ четвертой поэмѣ, состоящей изъ 911 строфъ, Версео рассказываетъ «Чудеса Богоматери». Онъ пишетъ александрійскимъ размѣромъ и первый ввелъ строфу, состоящую изъ четырехъ такихъ стиховъ, соединенныхъ одною римой. Языкъ у него болѣе изященъ, чѣмъ въ «Поэмѣ о Сидѣ», говоритъ Тикноръ, но у него нѣтъ той энергіи и живости разсказа, какъ въ ней. По образцу Версео другой духовный поэтъ, бывшій священникомъ въ Уведѣ (Ubeda), потому извѣстный подъ именемъ уведскаго Бенефициата, написалъ александрійскими стихами «Житіе св. Ильдефонса» и «Житіе св. Магдалины».

2. Прозаическая литература. Дидактическая поэзія.

Альфонсъ
Мудрый. Раз-
витіе прозы.

Вліяніе другихъ западныхъ народовъ на испанскую умственную и литературную жизнь стало особенно сильно со времени Альфонса X Мудраго. Мы говорили о заслугахъ этого короля дѣлу развитія испанской прозаической литературы, исторіографіи, юриспруденціи, астрономіи и другихъ наукъ. Ему приписывается много сочиненій, въ томъ

числѣ «Сокровище» (Tesoro), поэма о превращеніи дешевыхъ металловъ въ золото, и «Книга жалобъ», въ которой говорится о невѣрности вассаловъ; эти жалобы написаны превосходными стихами. При Альфонсѣ X испанцы вошли въ тѣсныя сношенія съ французами и итальянцами; потому проникли въ Испанію формы и тѣмы поэзіи этихъ народовъ. Самъ Альфонсъ писалъ пѣсни (Cantigas) во вкусѣ провансальскихъ поэтовъ. Онѣ посвящены прославленію Богоматери, въ честь которой онъ въ 1279 года учредилъ рыцарскій орденъ, и написаны на старомъ галисійскомъ нарѣчьи (изъ котораго впослѣдствіи развился португальскій языкъ). Должно полагать, что это нарѣчіе было болѣе роднымъ ему въ молодости, чѣмъ кастильское, для разработки котораго онъ такъ много сдѣлалъ въ болѣе поздніе годы жизни. По его порученію была переведена на кастильскій языкъ Библія; сводъ законовъ (Siete partidas), составленный по его распоряженію, написанъ также на кастильскомъ языкѣ; онъ ввелъ этотъ языкъ и въ судопроизводство. Благодаря тому, выработалась кастильская проза и пріобрѣтена была возможность писать ею такъ хорошо, какъ написано «Великое заморское завоеваніе», La Gran Conquista de ultramar, Исторія крестовыхъ походовъ, переведенная съ французскаго перевода «Исторіи» Вильгельма Тирскаго; къ переводу прибавлено много рассказовъ, взятыхъ изъ рыцарскихъ поэмъ; одинъ изъ такихъ эпизодовъ — Исторія о рыцарѣ Лебеда, легендарномъ предкѣ Готфрида Бульионскаго. «Всеобщая хроника» (Cronica General), составленная по порученію Альфонса X, послужила образцомъ для послѣдующихъ многочисленныхъ хроникъ, написанныхъ прозой. Много было у испанцевъ и риёмованныхъ хроникъ.

Переводъ исторіи Вильгельма Тирскаго показываетъ, что испанцы интересовались Александрида крестовыми походами въ Палестину, хотя почти вовсе не принимали участія въ нихъ. Разказы о восточныхъ земляхъ, возникшіе подъ вліяніемъ крестовыхъ походовъ, проникли и въ испанскую литературу. Какъ французскіе поэты писали поэмы объ Александрѣ Великомъ, такъ и въ Испаніи была написана Александреида. Авторъ ея — Хуанъ Лоренсо Сегура, занимавшій должность приходскаго священника въ Асторгѣ. Мы говорили, что поэмы объ Александрѣ были результатомъ любви къ разсказамъ о Востока, возбужденной крестовыми походами. Александръ, европеецъ, завоевавшій Азію, считался предшественникомъ крестоносцевъ. Легенды о немъ говорили, что онъ ходилъ въ Іерусалимъ. Монахи могли писать поэмы о немъ безъ нарушенія приличія, запрещавшаго лицамъ духовнаго сословія разсказывать любовныя приключенія: легенды объ Александрѣ отличались отъ другихъ рыцарскихъ легендъ тѣмъ, что не имѣли этого элемента; Сегура писалъ по французскимъ источникамъ, въ частности по латинской поэмѣ Готье Шатильона и какой-то другой поэмѣ, написанной на французскомъ языкѣ. Его эпопея переполнена безчисленными эпизодами, чужда всякаго знакомства съ греческой древностью; онъ не замѣчаетъ никакихъ историческихъ и географическихъ несообразностей въ сказкахъ, которыми пользуется. При посѣщеніи Трои, Александръ у него разсказываетъ своимъ пѣрамъ исторію Троянской войны. Мать Ахиллеса, не желавшая, чтобъ онъ участвовалъ въ троянской войнѣ, спрятала его въ женскій монастырь. По поводу того, что Александръ пришелъ въ Вавилонъ, разсказывается исторія столпотворенія вавилонскаго и смѣшенія языковъ; въ числѣ 72 языковъ, возникшихъ тогда,

находились нѣмецкій, англійскій, орлеанскій, шотландскій, британскій. Въ слѣдующихъ пѣсняхъ Александръ съ двумя слугами опускается въ стеклянной бочкѣ въ глубину моря, остается тамъ нѣсколько дней, видитъ все, что дѣлается тамъ. Существа, живущія въ морѣ, приплываютъ или приходятъ заявить свою преданность ему; они похожи на разныя существа, живущія на землѣ; сильные и тамъ притѣсняютъ слабыхъ. Природа жалуется Богу на дерзкаго смертнаго, стремящагося проникнуть все ея тайны, сходить въ адъ, возбуждаетъ демоновъ остановить Александра; по поводу этого Сегура подробно описываетъ адъ; нѣкоторыя черты описанія ада у него имѣютъ сходство съ тѣмъ, что рассказываетъ Данте. Чтобы увидѣть всю величину земли, Александръ хочетъ подняться на воздухъ; два грифа поднимаютъ его очень высоко. Онъ умеръ отъ отравы. Разсказъ кончается описаніемъ всеобщей печали о его смерти. Нѣкоторыя мѣста поэмы прекрасны. Прибавленіемъ къ ней служатъ два письма Александра къ матери, написанныя прозой. Онъ увѣдомляетъ мать, что скоро умретъ, и старается утѣшить ее. Эти письма превосходны и по языку и по содержанію. Поэма Сегуры пользовалась большой популярностью; кажется по образцу ея вошло въ обычай у испанцевъ писать эпическія поэмы александрійскимъ стихомъ. Сервантесъ причисляетъ Александра Македонскаго къ странствующимъ рыцарямъ; это показываетъ, до какой степени укоренилось у испанцевъ то представленіе объ Александрѣ, которое дается чтеніемъ поэмы Сегуры.

Рыцарскія
поэмы.

«Александренда» Сегуры показываетъ, что Пиренейскій полуостровъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ пересталъ быть страной, замкнутой отъ вліянія другихъ европейскихъ земель, былъ охваченъ тою же умственной жизнью, которая была тогда общей для всего запада. Къ испанцамъ проникли рыцарскія понятія, въ которыхъ религіозные элементы соединялись съ поклоненіемъ женщинѣ; эротическій элементъ рыцарства развился у испанцевъ съ особенной силой подъ вліяніемъ арабской культуры. Испанцы очень долго были сосѣдами мусульманскихъ государствъ, заимствовали изъ нихъ восточныя легенды; фантазія, возбуждаемая этими сказками, теряла историческую почву; этимъ объясняется то, что возникли наконецъ романы объ Амадисахъ, не имѣющіе никакой исторической основы. Многочисленныя хроники, написанныя прозой, и другія прозаическія книги облегчили испанцамъ переходъ отъ рыцарскихъ поэмъ къ длиннымъ прозаическимъ романамъ о приключеніяхъ рыцарей.

Дидактическая
поэзія.

Въ XIV вѣкѣ повсюду развилась дидактическая поэзія, произведенія которой имѣли обыкновенно форму краткихъ разсказовъ съ нравственными выводами. Она была естественной реакціей разсудка и житейскаго опыта противъ фантазерства рыцарской поэзіи. Такъ было и въ Испаніи, но съ той разницей отъ другихъ земель, что дидактическіе разсказы очень часто писались не стихами, а прозой, уже давно вошедшей въ литературное употребленіе, и элементъ восточныхъ сказокъ въ дидактикѣ у испанцевъ сильнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ. Популярнѣйшей книгой этого рода былъ «Графъ Луканоръ», инфанта Хуана Мануэля, о политической дѣятельности котораго мы говорили въ разсказѣ о царствованіяхъ Фердинанда IV и Альфонса XI. Ему, вѣроятно, часто случалось бывать въ такихъ затруднительныхъ положеніяхъ, какъ его графъ Луканоръ, подъ именемъ кото-

Графъ Лука-
норъ.

раго онъ изображаетъ, по всей вѣроятности, самого себя. Разсказъ его изященъ и натураленъ. Книга его—руководство для государей и принцевъ.

Графъ Луканоръ часто попадаетъ въ нравственныя и политическія затрудненія. Онъ въ этихъ случаяхъ проситъ совѣта у своего друга Патроніо. Другъ отвѣчаетъ ему или небольшимъ разсказомъ или басней; практическій смыслъ отвѣта выражается стихомъ, прибавляемымъ въ концѣ. Такихъ разсказовъ собрано 49. Нѣкоторые заимствованы изъ общаго запаса западно-европейской дидактики, какъ напримѣръ басни Эзопа и разсказъ объ укрощеніи сварливой жены, но большинство взято изъ собственно испанскихъ народныхъ разсказовъ, между которыми многіе имѣютъ восточное происхожденіе. Такимъ образомъ книга Хуана Мануэля представляетъ соединеніе западной нувеллистики съ восточной. Она пользовалась очень большою популярностью и послѣдующіе писатели часто дѣлали заимствования изъ нея. Авторъ человекъ умный, имѣющій большую житейскую опытность и по своимъ понятіямъ довольно много возвышается надъ своимъ временемъ.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній дидактической и сатирической поэзіи XIV вѣка принадлежитъ Хуану Руису, бывшему архипресвитеромъ въ мѣстечкѣ Гитѣ (Hita), неподалеку отъ Гуадалахары. Между 1337 и 1350 онъ былъ по распоряженію архіепископа толедскаго заключенъ въ темницу, вѣроятно, за образъ жизни, неприличный духовному лицу. Отъ скуки въ темницѣ онъ написалъ рядъ стихотвореній, связью между которыми служитъ разсказъ о любовныхъ приключеніяхъ его самого. Въ эту рамку вставлены маленькія повѣсти, афоризмы, басни, многія изъ которыхъ имѣютъ ироническій характеръ. Тикноръ сравниваетъ архипресвитера гитскаго съ Чосеромъ. Сходство состоитъ между прочимъ въ томъ, что они ввели новые размѣры стиха и улучшили прежнюю версификацію. Лирическія стихотворенія у архипресвитера гитскаго написаны обыкновенно шестисложными или осьмисложными стихами, какими писались редондилы, раздѣлены на небольшія строфы, имѣютъ полновзвучныя рифмы, а не ассонансы; въ повѣствовательныхъ и нравоучительныхъ мѣстахъ онъ употребляетъ александрійскую строфу.

Архипресви-
теръ гитскій
† 1351.

Авторъ завязываетъ и поддерживаетъ любовныя связи то съ одной, то съ другой красавицей черезъ разныхъ посредниковъ или посредницъ, обыкновенно черезъ Урраку, занимающую должность разсылной въ женскомъ монастырѣ (Trotaconventos). Эти любовныя приключенія, вѣроятно, вымыслы, придуманные по образцу трубадуровъ, воспѣвавшихъ воображаемую любовь; вставленные въ эту рамку разсказы, басни и пѣсни взяты частью изъ латинскихъ, а еще чаще изъ французскихъ источниковъ; но передѣланы такъ, что получаютъ національный колоритъ; вообще они переданы съ драматической живостью. Одинъ разсказъ прямо взятъ изъ латинской средневѣковой комедіи и отчасти даже сохранилъ драматическую форму (Содержаніе его состоитъ въ томъ, что авторъ по совѣту госпожи Венеры принимаетъ имя дона Метона де ла Гуэрты, черезъ посредничество Урраки дѣлаетъ предложеніе вдовѣ Эндринѣ и женится на ней). Многіе разсказы имѣютъ аллегорическій смыслъ, многіе непристойны (также какъ у Боккаччіо и Чосера). Извиненіемъ непристойности служатъ прологи, объясняющіе нравственную цѣль неприличныхъ анекдотовъ.

Въ этотъ періодъ дидактика была однимъ изъ любимыхъ видовъ поэзій; формы ея были очень разнообразны. Одна изъ лучшихъ дидактическихъ поэмъ называется «Совѣты и назиданія еврея Рабби Сантоба Карріонскаго королю Петру». Этотъ король—Петръ Жестокій; испанскіе поэты, и въ особенности драматурги изображаютъ его менѣе дурнымъ, чѣмъ былъ онъ, выставляя его жестокость только строгимъ правосудіемъ. Поэма написана тѣмъ размѣромъ, какъ рондильи. Авторъ даетъ совѣты только что вступившему на престолъ и говоритъ, что не слѣдуетъ пренебрегать его словами изъ-за того, что онъ еврей. Въ той же рукописи находится другая поэма, которую поэтому ошибочно приписывали тому же автору. Она называется «Христіанское ученіе», *Doctrina Cristiana* излагаетъ христіанскую догматику и нравственность. Нѣкоторое родство съ ней имѣетъ поэма «Всеобщій танецъ смерти» *La Danza general de la muerte*, очень ярко изображающая неизбѣжность одного и того же конца жизни для всѣхъ людей. Мысль изображать смерть скелетомъ, увлекающимъ за собой всѣхъ людей, была очень популярна повсюду въ западной Европѣ, особенно со времени ужасной чумы, опустошившей Европу въ половинѣ XIV вѣка.

«Совѣты» Сан-тоба.

Въ испанской поэмѣ послѣ краткаго вступленія автора смерть провозглашаетъ, что всѣ люди будутъ похищены ею. Послѣ того выступаетъ проповѣдникъ, убѣждающій людей готовиться къ неизбѣжной судьбѣ добродѣтельной жизнью. Смерть начинаетъ хватать людей и влечетъ ихъ въ свою пляску: первыми она хватается нѣсколькихъ дѣвушекъ, потомъ хватается людей всякихъ сословій по ихъ средневѣковому порядку. Каждому сословію она провозглашаетъ свой призывъ одной строфой, а въ другой строфѣ призываемый оплакиваетъ свой горькій жребій. Въ послѣдней строфѣ высказывается благочестивая покорность судьбѣ.

Поэма объ Іосифѣ.

Дидактическій характеръ имѣетъ и эпическая поэма объ Іосифѣ, написанная на испанскомъ языкѣ арабскими буквами и рассказывающая жизнь Іосифа не по Библии, а по Корану. Она замѣчательный примѣръ тѣснаго сближенія испанцевъ съ маврами. Авторъ ея—или мавръ, принявшій христіанство, или испанецъ, жившій между арабами.

Лопесъ Аяла.

Въ концѣ XIV вѣка жилъ Перо Лопесъ де Аяла, государственный человѣкъ, воинъ, поэтъ и ученый. Онъ былъ очень знатный кастильскій вельможа, занималъ при четырехъ короляхъ высокія должности, но подвергался тяжелымъ бѣдствіямъ; два раза онъ былъ взятъ въ плѣнъ: англичанами въ битвѣ при Нарехѣ (въ 1367 году) и португальцами въ битвѣ при Альжубарротѣ. Отвезенный въ Англію, онъ долго томился въ темницѣ и описывалъ свои страданія. Онъ умеръ въ 1407 году въ Испаніи.

Племянникъ Аялы Фернанъ Пересъ Гусманъ говорилъ о немъ: «Онъ былъ кротокъ, разговорчивъ, очень добросовѣстенъ и богобоязненъ, очень любилъ ученость, много занимался книгами, потому что хотя былъ храбрый рыцарь и умный практическій че-

ловѣкъ, имѣлъ природную склонность къ наукамъ. Слѣдуя ей, онъ проводилъ значительную часть времени въ изученіи юридическихъ книгъ, философіи, исторіи. Къ женщинамъ онъ имѣлъ очень много любви, больше чѣмъ приличествовало такому ученому рыцарю».

Дидактическія поэмы Аялы «Стихотвореніе о дворцѣ» *Rimado de Palacio* — вѣрное Поэма о при-
изображеніе современнаго ему быта. Говорятъ, что часть ея написана имъ въ англій- дворной жизни.
скомъ плѣну. Онъ излагаетъ мысли мудрыхъ людей о хорошемъ устройствѣ придворнаго штата, объ искусствѣ правленія, обязанностяхъ короля и вельможъ, присоединяетъ къ этимъ совѣтамъ сатирическія изображенія тогдашняго кастильскаго государственнаго и церковнаго быта, пороковъ и безразсудствъ, господствующихъ въ разныхъ сословіяхъ. Онъ говорилъ очень умно, выказывалъ себя опытнымъ государственнымъ человѣкомъ, хорошо изучившимъ жизнь и людей. Поэма начинается изложеніемъ раскаянія автора въ его ошибкахъ, переходитъ къ объясненію правилъ нравственности по десяти заповѣдямъ и церковному ученію о семи смертныхъ грѣхахъ и четырнадцати дѣлахъ благочестія, потомъ разсуждаетъ объ управленіи государствомъ, о королевскихъ совѣтникахъ, о купцахъ, ученыхъ, сборщикахъ налоговъ и людяхъ другихъ сословій, кончается, какъ начиналась, молитвой. Къ нравственнымъ разсужденіямъ примѣшаны лирическія стихотворенія религіознаго содержанія, между прочимъ, молитвы и хвалы Пресвятой Дѣвѣ. Аяла подражалъ Архипресвитеру Гитскому, но говоритъ о порокахъ и безразсудствахъ людей не шутливымъ тономъ, какъ онъ, а рѣзкимъ сатирическимъ. По образцу Архипресвитера, Аяла пишетъ дидактическія поэмы александрійскими строфами, а лирическія размѣромъ романовъ, называвшихся редондильями.

Аяла знаменитъ не только какъ поэтъ; ему принадлежитъ также Хроника Аялы. слава улучшенія испанской исторіографіи. До него были только лѣтописи, въ которыхъ сухіе перечни фактовъ перемѣшивались съ баснословными разсказами, взятыми изъ романовъ и народныхъ преданій. Онъ написалъ прагматическую исторію событій борьбы Петра Жестокаго съ Генрихомъ Трастамарой; онъ былъ на сторонѣ Генриха, потому рѣзко выставляетъ свирѣпость Петра Жестокаго. Разсказъ объ убійствѣ этого злодѣя Аяла кончаетъ словами: онъ убилъ много людей въ своемъ государствѣ, потому и подвергся всему этому несчастію. Въ награду за вѣрность Генрихъ назначилъ Аялу великимъ канцлеромъ. Онъ продолжалъ занимать эту высокую должность и при слѣдующихъ двухъ короляхъ Іоаннѣ I и Генрихѣ III.

Разсказъ Аялы начинается 1350 годомъ, которымъ кончается хроника Альфонса XI, и идетъ до 1396. Такимъ образомъ Аяла пишетъ исторію событій, въ которыхъ участвовалъ самъ. Онъ подражаетъ Ливію, исторію котораго перевелъ на кастильскій языкъ, и подобно ему вставляетъ въ свой разсказъ рѣчи, характеризующія людей, отъ имени которыхъ излагаются въ нихъ предположенія автора объ ихъ мысляхъ. Тикноръ говоритъ: «Исторія Аялы не имѣетъ той завлекательности, какую даетъ хроникѣ Альфонса Мудраго поэтическое легковѣріе, съ восторгомъ пересказывающее народныя преданія; у Аялы нѣтъ и ребяческаго восхищенія блестящими подвигами, которое сообщаетъ занимательность хроникѣ его современника Фруассара, взамѣнъ того, у него виденъ проницательный умъ опытнаго государственнаго человѣка, понимающаго людей; и подобно Компнью онъ не считаетъ надобнымъ скрывать преступленія». Объективное спокойствіе и простота разсказа Аялы представляютъ рѣзкій контрастъ кровавому характеру событій, излагаемыхъ имъ, и производитъ сильное впечатлѣніе.

Хроника
Переса
Гусмана.

Слѣдующіе лѣтописцы подражали Аялѣ; особенно замѣтно это въ хроникѣ царствованій Генриха III и Іоанна II, веденной нѣсколькими лицами и заключенной Фернаномъ Пересомъ Гусманомъ. Въ ней разсказъ тоже прерывается рѣчами, которыя составлены самими лѣтописцами; но факты излагаются въ хорошемъ порядкѣ на основаніи документовъ; авторы не свободны отъ пристрастія, но заботятся оставаться справедливыми; въ хроникѣ помѣщено много подлинныхъ писемъ и другихъ документовъ; описанія праздниковъ и турнировъ при дворѣ любившаго ихъ Іоанна II даютъ живое понятіе о нравахъ той эпохи. Хроника написана хорошимъ слогомъ.

3. Очеркъ мусульманской литературы.

Въ 1492 году, когда со взятіемъ Гранады мусульманство лишилось послѣдней своей опоры на западѣ, умеръ послѣдній великій поэтъ мусульманскаго міра, Джами. Въ VI томѣ нашего труда мы разсказали о культурѣ и поэзіи, развившейся при дворахъ халифовъ Востока и Андалузіи. Теперь мы сдѣлаемъ очеркъ послѣдняго блестящаго періода арабско-персидской поэзіи, съ упадкомъ которой прекратилось и вліяніе мусульманской цивилизаціи на Европу. Христіанскіе народы продолжали и послѣ того имѣть важныя отношенія къ мусульманскимъ, но съ половины XV вѣка эти отношенія были исключительно военными столкновеніями. Прежде христіане не только воевали съ мусульманами, но и учились у нихъ многому. Владычество Османовъ подавило литературное развитіе мусульманскаго міра. Турки только душили умственную жизнь другихъ народовъ, не создавая сами ничего. Они лишь писали подражанія персидскимъ поэтамъ; ничего оригинальнаго не произвели. Поэтическій геній персіянъ и арабовъ былъ силенъ и развився быстро, но произведенія его не имѣютъ разнообразія, и скоро онъ истощилъ свои силы.

Персидская
поэзія въ XIV
вѣкѣ.

Гафизъ.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ мусульманская поэзія сохраняла прежній характеръ. Персія была родиной мистической лирики, распространившейся изъ нея по всему мусульманскому міру и придавшей однообразіе всѣмъ его поэтическимъ произведеніямъ. Ширазъ былъ родиной одного изъ величайшихъ восточныхъ поэтовъ, Мухаммеда Шемседдина Гафиза, умершаго между 1389 и 1394 годами; и гробъ его въ предмѣстьѣ Моселлѣ на берегу прославленнаго имъ Рокнабада долго былъ посѣщаемъ толпами мусульманъ. Пламенный и граціозный пѣвецъ любви, вина и наслажденій, Гафизъ добровольно оставался бѣднякомъ на родинѣ, предпочитая тихую мечтательную жизнь роскоши багдадскаго двора, куда приглашалъ его султанъ Ахмедъ Ильхани; потому набожные мудрецы, послѣдователи суфизма, давали мистическое истолкованіе его пѣснямъ о чувственныхъ

наслажденіяхъ, межъ тѣмъ какъ ортодоксальные мусульмане рѣзко осуждали его, какъ вольнодумца, соблазняющаго людей, и хотѣли отказать его тѣлу въ почести погребенія. Гафизъ прославлялъ династію Мозаффера; онъ родился во время основанія царства ея и умеръ съ ея прекращеніемъ. Тимурленъ выказывалъ уваженіе къ нему. Его стихотворенія, написанныя легкимъ, очаровательнымъ языкомъ были собраны по его смерти, и надъ объясненіемъ ихъ трудилось множество комментаторовъ. Онъ былъ исключительно лирическій поэтъ, одаренный свѣтлой и богатой фантазіей, воспѣвавшій радости жизни. Если въ нѣкоторыхъ изъ его стихотвореній дѣйствительно есть мистическій оттѣнокъ, то, въ цѣломъ, сборникъ ихъ непрерывный призывъ къ наслажденію.

Мухаммедъ Шемседдинъ Гафизъ, то-есть Мухаммедъ Солнце вѣры Достославный, получилъ также названіе «Хранитель Корана», потому что зналъ наизусть всю эту книгу. Онъ говорилъ: «Я получилъ отъ Корана все, что сдѣлалъ». Онъ занимался богословскими и грамматическими трудами; къ нему собиралось множество учениковъ. Его поэзія имѣетъ характеръ противоположный тому, какого слѣдовало бы ожидать, судя по его ученымъ занятіямъ; она, какъ мы говорили, прославляетъ радости жизни, научая человѣка довольствоваться скромной долей, потому что для истиннаго счастья достаточно имѣть необходимое. Пѣсни Гафиза до сихъ поръ поются погонщиками верблюдовъ и муловъ; такъ велика и прочна его популярность. Гаммеръ говоритъ: Гафизъ не придаетъ никакой цѣны исполненію мусульманскихъ обрядовъ и смѣется надъ дервишами, хотя самъ былъ дервишъ.

Знаменитѣйшимъ персидскимъ прозаикомъ того времени былъ Ходжа Абдаллахъ Васафъ, получившій названіе аль-Хазретъ, панегиристъ, за то, что прославлялъ султана Абу Саида, одного изъ потомковъ Чингизхана. Главное его сочиненіе исторія потомства Чингизхана, написанная съ поэтическими прикрасами; изобиліе риторическихъ украшеній дѣлаетъ слогъ его темнымъ, но это считается у азіатцевъ великимъ искусствомъ. Третьимъ знаменитымъ персидскимъ писателемъ XIV вѣка былъ Эмиръ Хосру, уроженецъ Туркестана, очень долго занимавшій важную должность при дворѣ султановъ дельхійскихъ. Въ старости онъ удалился отъ двора и выбросилъ изъ собранія своихъ стихотвореній тѣ, въ которыхъ не находилось ничего кромѣ лести. Низами и Саади были для него образцами нравственности и поэзіи. Онъ написалъ очень много произведеній историческаго и научнаго содержанія и кромѣ лирическихъ стихотвореній, раздѣленныхъ на четыре книги по четыремъ періодамъ его жизни, циклъ пяти поэмъ по образцу Низами и отчасти одинаковаго содержанія съ его поэмами.

Слѣдующій, XV вѣкъ персидской литературы Гаммеръ называетъ періодомъ застоя. Въ концѣ его жилъ послѣдній знаменитый персидскій поэтъ Джами, главное достоинство котораго состоитъ въ правильности и плавности слога. Онъ былъ подражатель; творческой силы у него мало. Цари династіи Тимурлена покровительствовали поэтамъ и ученымъ. Одинъ изъ нихъ, Эмираншахъ, далъ 1000 золотыхъ монетъ за двустигшіе, понравившееся ему напыщенной лестью. Нѣкоторые изъ этихъ царей сами были ученые или поэты. Особенно знаменитъ своими учеными трудами Улугбегъ. Понятно, что при покровительствѣ царей ученымъ и поэтамъ было множество людей, писавшихъ книги; особенно въ Самаркандѣ жило много поэтовъ, историковъ и другихъ ученыхъ. Но творчество изсякло. Поэты этого періода подражали прежнимъ, щеголяли ученостью, считали главнымъ достоинствомъ своихъ произведеній изящество формы, писали религіозныя пѣсни и аллегорическія поэмы, въ которыхъ излагали метафизическія и нравственныя

идея подъ оболочкой рассказовъ о любовныхъ приключеніяхъ. Историкъ также цѣнилъ реторическія прикрасы больше простоты и ясности; историческихъ трудовъ было написано тогда много. Величайшій поэтъ этого вѣка, Мевлана Джамъ, то же былъ подражатель. Отецъ его былъ родомъ изъ Испаніи, но поселился въ мѣстечкѣ Гарджардѣ въ области Джамѣ, потому Мевлана и получилъ фамилію Джамъ (Джамскій). Мы уже говорили, что онъ, по примѣру Низамъ, написалъ циклъ, состоящій изъ пяти поэмъ; потомъ онъ прибавилъ къ нимъ еще двѣ. По образцу „Гюлистана“ (розоваго сада) Саади, онъ написалъ „Бегаристанъ“ (весенній садъ), сборникъ рассказовъ и афоризмовъ, въ которомъ стихи перемѣшаны съ прозой.

Гете говоритъ: Джамъ изложилъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ всѣ результаты религіозной, философской, научной и поэтической дѣятельности своихъ предшественниковъ. Онъ очень разсудителенъ: понятія его ясны; мистицизмъ былъ не въ его характерѣ, но безъ этого элемента поэзія его не была бы полнымъ отраженіемъ всей національной культуры; потому онъ пересказываетъ какъ историкъ всѣ фантастическія попытки мистиковъ соединиться духомъ съ божествомъ.

Джамъ мастерски владѣлъ и стихомъ, и прозой. Письма его до сихъ поръ считаются образцовыми. Знаменитѣйшій изъ его историческихъ трудовъ—рядъ біографій представителей суфизма. Но главную славу его составляютъ поэтическія произведенія, служившія образцами для всѣхъ османскихъ поэтовъ. Онъ пользовался большою благосклонностью султана Абу Саада и дожилъ до глубокой старости въ большомъ почетѣ. Онъ умеръ 82 лѣтъ.

Поэтическія
произведенія
Джамъ.

Произведенія Джамъ дѣлятся на три класса: стихотворныя, прозаическія и написанныя смѣсю стиховъ съ прозой. Важнѣйшія изъ его поэтическихъ произведеній: четыре «Дивана» (сборникъ лирическихъ стихотвореній) и циклъ пяти поэмъ. Стихотворенія раздѣлены на четыре сборника по четыремъ періодамъ жизни автора, какъ мы уже говорили. Последній изъ нихъ показываетъ, что Джамъ сохранялъ и въ глубокой старости богатство фантазіи. Пять поэмъ, составляющія одинъ циклъ, не всѣ имѣютъ одинаковый характеръ; двѣ первыя изъ нихъ дидактическія поэмы, три другія—эпосы. Первая поэма называется *Tohfet al ebrar*, «Подарокъ праведныхъ», имѣетъ религіозное содержаніе, начинается рассказомъ о сотвореніи міра, служащаго зеркаломъ совершенствъ творца и о созданіи человѣка по образу Божію, излагаетъ ученіе о добродѣтеляхъ, религіозныхъ обязанностяхъ, душевныхъ состояніяхъ человѣка разныхъ возрастовъ, объ обязанностяхъ государей, везирей, о качествахъ истинныхъ мудрецовъ. Вторая поэма *Sushet al ebrar* «Четки праведныхъ» служитъ продолженіемъ первой и раздѣлена на «узлы», какъ четки; каждый узелъ имѣетъ три части: объясненіе (шерхъ), рассказъ, относящійся къ этому объясненію (хикайэтъ), и молитвенное воззваніе (мунаджатъ), служащее обыкновенно переходомъ къ слѣдующему узлу. Поэма состоитъ изъ 40 узловъ; она излагаетъ ученіе о божественномъ вдохновеніи, о языкѣ, главномъ отличіи человѣка отъ животныхъ, о сущности души. Къ теоретическому изложенію присоединены житейскія правила нравственности. Третья часть цикла—прекрасная поэма «Юсуфъ и Зулейха», рассказъ о любви Іосифа и жены Пентефрія, называемой въ Коранѣ Зулейхой. Четвертая поэма «Меджнунъ и Леила» исторія несчастной любви; Леила имѣетъ спокойный характеръ; Меджнунъ сходитъ съ ума отъ несчастной страсти къ ней.—Исторія Іосифа и Зулейхи рассказана по Корану, выставляющему Зулейху женщиной благородной души, характеръ ея страстный, но божественная благодать спасаетъ ее; она обращается въ истинную вѣру и сочетается бракомъ съ Іосифомъ. Онъ строитъ для нея храмъ молитвы истинному Богу и умираетъ; вскорѣ—и она отъ печали о немъ. Пятая поэма «Искендеръ-Намѣ», книга объ Александрѣ. Исторія его у Джамъ только служитъ рамкой для изложенія правилъ мудрости. При всякомъ удобномъ случаѣ персидскіе и индійскіе му-

дрецы произносятъ поучительныя рѣчи.—Въ старости Джами присоединилъ къ этимъ пяти поэмамъ еще двѣ «Золотую цѣпь» и «Абсаль и Сельманъ». — Знаменитѣйшее изъ тѣхъ произведеній Джами, въ которыхъ стихи перемежаны съ прозой, «Бегаристанъ» (Фруктовый садъ), раздѣленный на восемь садовыхъ частей; онѣ 1, благовонныя травы изъ жизни шейха Джонеида и рассказы о другихъ благочестивыхъ шейхахъ; 2, философскіе анекдоты (рассказы о философахъ); 3, процвѣтаніе государствъ мудростью и справедливостью; 4, плодоносный разсадникъ великодушія и щедрости; 5, о соловьяхъ сада любви; 6, тихія вѣянія шутокъ; 7, о пѣвчихъ птицахъ рѣчи и попугаяхъ поэзіи (краткія замѣтки о знаменитѣйшихъ персидскихъ поэтахъ; названіе попугай не имѣетъ насмѣшливаго характера въ персидской поэзіи, означаетъ только способность говорить); 8, естественный языкъ безсловесныхъ существъ (небольшой сборникъ басенъ). — Изъ прозаическихъ произведеній Джами важнѣйшее — Исторія суфизма, о которой мы уже упоминали.

Въ XVI вѣкѣ султаны и везиры оставались покровителями наукъ и поэзіи. Узунъ-Гасанъ, съ которымъ воевалъ Мухаммедъ II, былъ человѣкъ ученый; нѣкоторые другіе цари персидскихъ областей походили на него любовью къ наукѣ; но и наука и поэзія падала въ это время подъ гномъ турокъ: завоеванія Селима убили умственную жизнь мусульманскаго міра. Довольно хорошимъ поэтомъ въ XVI вѣкѣ былъ Хатифи, племянникъ Джами, жившій въ саду того же селенія Гарджарда, въ которомъ жилъ отецъ Джами. Онъ, подражая прежнимъ поэтамъ, написалъ циклъ пяти поэмъ, въ которыхъ пересказывалъ съ нѣжнымъ чувствомъ любовныя исторіи Хосру и Шеринъ, Ленлы и Меджнуна и другихъ героев и героинь поэмъ своихъ предшественниковъ. Любовь у него имѣетъ платоническій характеръ. Послѣ него восточная поэзія падаетъ. Поэты, подражая прежнимъ, замѣняютъ ихъ личическое одушевленіе заботами о гладкости стиха и холодной игрой фантазіи. Большинство только повторяетъ прежнія тѣмы. Нѣкоторые берутъ предметами поэмъ недавнія историческія событія; но у нихъ рассказъ сухъ и прозаиченъ, какъ въ римованныхъ хроникахъ западной Европы; такова напримѣръ поэма Хатифи, воспѣвающая побѣды Тимурлена. Довольно большой извѣстностью пользовались въ это время Мирза Касимъ, хорасанскій вельможа, подражатель Фирдавси и Джами, и Саибъ, дидактическій поэтъ. Изъ прозаиковъ замѣчательны историкъ Мирхондъ и сынъ его Хондимиръ. Въ концѣ XVI вѣка персидская лите-

Хатифи.

Абуль-Фазль и
Фейзи.

По смерти индійскаго шаха Акбара (въ 1605 году) и персидскаго шаха Аббаса (въ 1629) совершенно угасъ блескъ персидской поэзіи и прозаической литературы. Послѣ того уже не было ни одного знаменитаго поэта и ни одного историка равнаго прежнимъ. Ученые стали больше всего щеголять мастерствомъ писать письма. Дворы царей соперничали между собой красотой слога и каллиграфическимъ изяществомъ граматъ, отправляемыхъ съ послами отъ одного къ другому. Посланниками были выбираемы люди, помнящіе много стиховъ и умѣющіе ловко вставлять ихъ въ свои рѣчи. Ученость посла должна была показывать, что царь и его везиръ имѣютъ умныхъ совѣтниковъ, а красивый почеркъ граматъ служилъ доказательствомъ искусства секретарей. Эти граматы сплетены изъ кудрявыхъ выраженій, которыя считались важнѣе, чѣмъ ясность изложенія дѣла.

Турецкая
поэзія.

Этими словами Гаммера мы заключимъ обзоръ мусульманской поэзіи. Османы не остались чужды научной и поэтической дѣятельности, но въ поэзіи они были только подражателями прежнимъ поэтамъ другихъ мусульманскихъ народовъ; по ихъ примѣру писали касиды и газели, въ которыхъ прославляли любовь и вино, подъ этими символами выражая чаще персіянъ и арабовъ мистическія фантазіи по своей фанатической преданности исламу; писали поэмы изъ старыхъ преданій по образцамъ персидскихъ поэтовъ; въ томъ же духѣ воспѣвали и подвиги своихъ султановъ. Гаммеръ называетъ турецкаго лирическаго поэта Баки равнымъ Гафизу и Мотанебби, но самъ прибавляетъ, что вообще у турокъ не было самостоятельныхъ поэтическихъ произведеній. Они только усвоивали себѣ персидскую и арабскую культуру. Благодаря этому, сохранились въ турецкихъ пререводахъ или передѣлкахъ многія произведенія персидскихъ и арабскихъ поэтовъ, погибшія въ подлинникахъ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ персидская литература изучалась въ Константинополѣ такъ усердно, что сами турки часто писали по-персидски.

Послѣднее
время арабской
поэзіи въ
Андалузін.

Въ то время, когда турки основывали огромное государство и знакомились съ арабской и персидской литературами, мусульманская поэзія погибала въ Испаніи. Въ XIV и XV столѣтіяхъ она имѣла вліяніе на испанскую, но блескъ мусульманскаго могущества въ Испаніи угасалъ и съ нимъ вмѣстѣ исчезала у испанскихъ арабовъ та бодрость духа, которая оживляетъ поэзію; веселыя пѣсни смѣнились выраженіями печали о паденіи прежняго счастья. Покоряя мусульманскіе города, испанцы истребляли арабскія книги. Потомки испанскихъ мавровъ или утратили свою національность или скитаются номадами въ сѣверной Африкѣ.

II. ИСПАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ XV И XVI СТОЛѢТІЯХЪ

1. Развитие испанской литературы въ XV столѣтіи.

Дворъ
Іоанна II.

Испанскіе историки считаютъ началомъ высокаго развитія кастильской литературы царствованіе Іоанна II, отца Изабеллы. Человѣкъ слабого характера, неспособный самостоятельно править дѣлами, онъ любилъ науку и поэзію, забывая въ занятіяхъ ими свою печаль о неповиновеніи вельможъ. Въ числѣ приближенныхъ его были даровитые ученые и поэты. Маркизь Энрике Вильена, потомокъ королей кастильскихъ и арагонскихъ, имѣлъ по своему высокому общественному положенію и по своимъ дарованіямъ сильное вліяніе на развитіе умственной жизни въ Испаніи. Онъ основалъ общество «веселаго искусства», то-есть поэзіи, написалъ первый ученый трактатъ о поэзіи, перевелъ Virgilіа и Данте. По его примѣру стали интересоваться

Вильена
† 1434.

литературой другіе вельможи. Лопе Вартіэнтось (сдѣлавшійся впоследствии епископомъ куэнскимъ), которому было по смерти Вильены поручено королемъ пересмотрѣть его бібліотеку, сжегъ больше 100 томовъ, находя, что они учатъ волшебству. Лейбъ-медикъ короля, Мена 1412—1456. сообщая объ этомъ поэту Хуану Менѣ, смѣется надъ невѣжествомъ Вартіэнтоса; Мена въ своемъ «Лабиринтѣ» также осмѣиваетъ его. Изъ этого мы видимъ, что невѣжество въ Кастиліи было еще очень грубо, но уже находились люди, возвышавшіеся надъ суевѣріемъ.

Поэма Мены Laberinto или по другому названію La Trecientas (триста строфъ) холодное подражаніе Данте. Она имѣетъ аллегорическій и дидактическій характеръ: въ ней много историческаго элемента, много мифологической учености какъ у Данте. Мена горячій патриотъ. Онъ смотритъ на круговращеніе планетъ и припоминаетъ замѣчательныхъ людей испанской исторіи, прославляетъ своего покровителя, короля Іоанна, и Альваро Луну, правившаго государствомъ отъ имени короля. Іоаннъ такъ цѣнилъ произведенія Мены, что они всегда лежали у него на столѣ подлѣ молитвенника. Какъ у Данте является руководительницей поэта по раю Беатриче, олицетвореніе богословія, такъ въ поэмѣ Мены ведетъ поэта по вселенной олицетвореніе Провидѣнія. Онъ видитъ историческія и баснословныя сцены; нѣкоторыя изъ этихъ картинъ очень живо напоминаютъ Данте своей простотой и энергіей; но между ними тянутся скучныя разсужденія. Въ послѣднее время жизни Мена писалъ другую нравственно-аллегорическую поэму «Трактатъ о порокахъ и добродѣтеляхъ». Онъ хотѣлъ изобразить въ ней борьбу страстей съ разумомъ. Она осталась не кончена.

Одно изъ тѣхъ произведеній Мены, которыми восхищались современники, было стихотвореніе по поводу возложенія поэтическаго вѣнка на его покровителя, маркиза Сантильяну, бывшаго главнымъ лицомъ въ обществѣ поэтовъ и ученыхъ при дворѣ Іоанна. Иннго Лопесъ де Мендоса, маркизъ Сантильяна, замѣчательный государственный человѣкъ и полководецъ, славился, какъ поэтъ. Говорятъ, что иноземцы пріѣзжали въ Испанію видѣть его. Онъ имѣлъ благородный характеръ, домъ его былъ школою рыцарскихъ и гражданскихъ доблестей, центромъ даровитыхъ и ученыхъ людей. Онъ не былъ геніальнымъ поэтомъ, но оказалъ большія услуги испанской литературѣ. Онъ писалъ аллегорическія поэмы нравственной тенденціи.

Поэма Сантильяны «Плачь о смерти маркиза Вильены» напоминаетъ своимъ началомъ «адъ» Данте. Поэтъ идетъ по густому лѣсу и слышитъ печальныя пѣсни нимфъ, прославляющихъ маркиза Вильену; другая поэма «Нравственное руководство для частныхъ людей» (El doctinal de Privados), написанная по поводу казни Альваро Луны, представляетъ рядъ размышленій о жизни. Знаменито также «Посланіе», излагающее древнѣйшую исторію испанской поэзіи. Прескоттъ говоритъ: «Дидактическія произведенія Сантильяны написаны слогомъ болѣе изящнымъ, чѣмъ прежнія испанскія поэмы; мысли въ нихъ благородны; но онѣ скучны для насъ, потому что въ нихъ слишкомъ много мифологіи и риторическихъ украшеній. Сантильяна имѣлъ однако же поэтическую душу и его патристическія редондильи прекрасны». Онъ ввелъ въ испанскую поэзію сонетъ; Восканъ напрасно приписывалъ себѣ эту заслугу.

Любовь къ литературѣ, пробудившаяся при кастильскомъ дворѣ въ царствованіе Іоанна II, ослабѣла при его преемникѣ Генрихѣ IV, утратившемъ уваженіе своихъ подданныхъ. Одинъ изъ поэтовъ того времени, Хорхе Манрике, восклицаетъ: «Гдѣ турниры, гдѣ пѣніе трубадуровъ и благозвучная музыка ихъ, гдѣ танцы и прекрасные наряды танцовавшихъ? Не погибли-ль они, какъ зелень луговъ? «Государство казалось разрушающимся, по всей Кастиліи владычествовала анархія. Вельможи не заботились давать хорошее воспитаніе дѣтямъ; въ Кастиліи не было той любви къ искусству и наукѣ, которая развивалась въ другихъ европейскихъ земляхъ. Но когда упрочилась власть Изабеллы, возникла сильная умственная дѣятельность. Изабелла не получила хорошаго образованія въ дѣтствѣ, но, какъ мы говорили, старалась пополнить его недостатокъ. Будучи уже королевой, она выучилась латинскому языку; она была любознательна, ей нравилась поэзія. По ея вліянію сталъ покровительствовать литературѣ даже Фердинандъ, не интересовавшійся умственной жизнью. Это была въ Италіи эпоха энтузіазма къ изученію классическихъ литературъ; классицизмъ проникъ оттуда въ Испанію, благодаря заботамъ Изабеллы о просвѣщеніи. Она приглашала итальянскихъ ученыхъ преподавать науки дѣтямъ испанскихъ вельможъ. Мы говорили, что графъ Тендилья, испанскій посланникъ въ Римѣ, племянникъ кардинала Мендосы, убѣдилъ Петра Мартира переселиться въ Кастилію. Мартиръ и другой итальянскій ученый Маринео Сиколо успешно заботились объ улучшеніи школъ и распространеніи классическаго образованія въ Кастиліи. Ученые переселялись туда не изъ одной Италіи; португалецъ Аріасъ Барбоза очень много сдѣлалъ для распространенія знакомства съ греческимъ языкомъ въ Кастиліи, написалъ для испанцевъ хорошія книги о версификаціи и о нѣкоторыхъ другихъ отдѣлахъ классической науки. Нѣмцы основали типографіи въ нѣсколькихъ городахъ Кастиліи и продавали книги, изданныя за границей. Многіе молодые испанцы ѣздили въ Италію учиться классицизму. Изъ нихъ пріобрѣлъ въ послѣдствіи большую славу, какъ профессоръ и писатель, Антоніо Лебриха (по латинской формѣ фамиліи Antonius Nebrissensis). Подъ покровительствомъ Изабеллы наука поднялась въ Испаніи до такой высоты, что саламанкскій и алькальскій университеты сравнялись съ итальянскими, нѣмецкими, французскими, и многіе испанскіе ученые пріобрѣли европейскую знаменитость, какъ напримѣръ братья Вергары, Нуньесъ Гусманъ и въ особенности Вивесъ, котораго Эразмъ называлъ однимъ изъ первыхъ ученыхъ въ цѣлой Европѣ. Павелъ Іовій въ своемъ панегирикѣ Лебрихѣ говоритъ, что испанскіе вельможи считаютъ неприличнымъ для знатнаго человѣка быть холоднымъ къ наукѣ, а Мариніо въ одномъ изъ своихъ писемъ называетъ Саламанку матерью наукъ и добродѣтелей, знаменитой и благородными рыцарями, и учеными людьми.

Число студентовъ въ саламанкскомъ университетѣ доходило до 7.000, и говорятъ, что они учились очень усердно. Когда Петръ Мартиръ началъ свои лекціи о сатирахъ Ювенала, аудиторія была такъ переполнена слушателями, что они тѣснились и на лѣстницѣ; Мартира внесли въ залъ на плечахъ. Одинъ изъ воспитанниковъ саламанк-скаго университета, Хуанъ Энсина, знаменитый авторъ духовныхъ драмъ, составилъ изъ стиховъ и полустихій Буколикъ Виргилія раз-сказъ, излагавшій событія царствованія Изабеллы и Фердинанда. Въ Саламанкѣ и Алькалѣ усердно занимались кромѣ гуманизма юриспру-денціей, медициной, математикой, исторіей, географіей. Профессоры этихъ университетовъ разработывали все отрасли знаній. Изабелла основала библіотеки въ Толедо и Эскориалѣ, государственный архивъ въ Симанкасъ, другой архивъ въ Бургосѣ. Развитие ученой дѣятель-ности въ Испаніи представляло странный контрастъ происходившимъ въ то же время гоненіямъ на евреевъ и другимъ свирѣпостямъ ин-квизиціи. Правительство съ наивною беззаботностью открывало про-свѣщенію доступъ въ государство, сожигая всѣхъ уклонявшихся съ узкаго пути церковнаго ученія и выказывая самый мрачный фанатизмъ.

Но скоро оно замѣтило несовмѣстность свободы науки съ инквизиціей. Въ 1502 году было постановлено, что никакая книга не можетъ быть печатаема, привозима изъ-за границы или продаваема безъ особаго пра-вительственнаго разрѣшенія. Вскорѣ послѣ того былъ учрежденъ цензурный трибуналъ подъ предсѣдательствомъ великаго инквизитора. Онъ сумѣлъ поставить границы умственной дѣятельности. Произведенія испанской ли-тературы, славившіяся даже за границей, какъ напримѣръ драма „Селестина“, были подвергаемы запрещенію; свобода мысли была подавлена въ самомъ зародышѣ.

Духовная
цензура.

Къ числу первыхъ книгъ, напечатанныхъ въ Испаніи, принадлежали „Амадисъ Галльскій“, отецъ многочисленнаго потомства, и другой романъ „Тиранте Бѣлый“, бывшій попыткой перейти изъ фантастическаго міра въ дѣйствительный (IX, 220), и сборникъ пѣсенъ на лимузенскомъ и ва-ленсійскомъ нарѣчіяхъ во славу Богоматери. Въ 1511 году былъ напечатанъ пѣсенникъ „Cancionero General, составленный Фернандо дель Кастилью. Безъ типографскаго искусства многіе изъ этихъ пѣсенъ погибли бы или дошли бы до насъ только въ искаженномъ видѣ. Въ сборникъ Кастилью внесены романсы 136 поэтовъ XV вѣка. Они расположены по содержанію. Первый отдѣлъ составляютъ религіозныя пѣсни; онѣ слабѣе другихъ, въ нихъ нѣтъ поэтическаго одушевленія; оно замѣняется фанатизмомъ, развившимся въ испанцахъ отъ войнъ съ маврами. Нравственныя пѣсни тоже слабы; лишь въ немногихъ замѣтна теплота чувства или возвышенность нравственныхъ понятій.—Далѣе слѣдуютъ поэмы кастильскаго вельможи Гомесъ Манрике и его племянника Хорхе. Аллегорическо-дидактическая поэма Гомеса Манрике, „Зеркало государей“ даетъ совѣты Изабеллѣ и Фердинанду; достоинство ея состоитъ только въ благонамѣренности, поэзи въ ней нѣтъ. Coplas (строфы) его племянника Хорхе Манрике—пѣснь плача о смерти отца, умершаго въ 1474 году; это рядъ возвышенныхъ размышленій о мимолетности земного существованія и о загробной жизни. Очень хороши отдѣлы пѣсенъ о любви; это редондилы, проникнутыя искреннимъ чув-

Рыцарскіе
романы.

Cancionero
General.

Гомесъ Ман-
рике. Хорхе
Манрике.

ствомъ; но во многихъ изъ нихъ выраженіе его испорчено риторическими украшеніями, между прочимъ, игрою словъ. „Зеркало изящной жизни“ Діаго Лопеса Гаро—довольно длинная поэма, въ которой Разумъ и Мысль бесѣдуютъ между собой о дѣлахъ любви. Особый отдѣлъ составляютъ 156 пѣсень, состоящихъ каждая изъ 12 стиховъ, въ которыхъ развѣвается какой нибудь афоризмъ. Онѣ граціозны. Похожи на нихъ другія пѣсни, называющіяся Вильянсеко; такая пѣсня начинается афоризмомъ, высказываемымъ двумя или тремя стихами; онъ разъясняется одной или нѣсколькими строфами, состоящими каждая изъ семи стиховъ. Испанцы и португальцы любили эту поэтическую игру мыслей, имѣвшую общее названіе „Глоссъ“: идея повторяется разными варіаціями, въ которыя вплетаются основныя слова тѣмы. Стихотворенія, вошедшія въ *Cancionero General*, очень разнообразны по формѣ и содержанію, но вообще въ нихъ замѣтна національная черта испанцевъ, склонность къ нравственнымъ размышленіямъ. Она съ особенною яркостью выказывается въ стихотвореніи Діаго Санъ-Педро „Презрѣніе къ счастью“; авторъ выражаетъ раскаяніе въ своихъ нравственныхъ заблужденіяхъ и размышляетъ о непрочности счастья, о суетности жизни.

Исторіографія.

Въ Кастиліи раньше, чѣмъ въ другихъ западныхъ странахъ выработалась проза, какъ мы уже говорили. Послѣ того какъ была по порученію Альфонса X составлена «Всеобщая испанская хроника», исторіографическія работы дѣятельно продолжались въ Кастиліи на родномъ языкѣ. Со времени Альфонса XI существовала должность придворнаго исторіографа, имѣвшаго своей обязанностью вести лѣтопись. Эта оффиціальная исторія имѣла односторонній характеръ, и во времена политическихъ раздоровъ противники двора излагали факты съ противоположной точки зрѣнія. Таковъ напримѣръ трудъ Лопеса Аялы, о которомъ мы уже говорили. Но когда пація сочувствовала правительству, то мнѣнія оффиціального исторіографа отчасти совпадали съ сужденіями націи. Этотъ характеръ имѣютъ испанскія и латинскія лѣтописи Алонсо Паленсиі, писавшаго при Изабеллѣ и Фердинандѣ, Хроника королевскаго исторіографа и секретаря Фернандо Пульгара, человѣка съ классическимъ образованіемъ и придворнаго священника Вернальдеса. Безпристрастныя сужденія о событіяхъ высказывались лишь въ немногихъ монографіяхъ, каковы, напримѣръ, исторія графа Альваро Луны, написанная приверженцемъ его, скрывшимъ свое имя, біографія Перо Ниньюса, графа Вуэльны (Buelna), написанная знаменосцевъ его Гутіэрре Діасомъ Гомесомъ, біографія Гонсальво Кордовскаго, написанная Гернаномъ Пересомъ Пульгаромъ. Но и въ этихъ трудахъ панегирическая тенденція вредитъ правдивости разсказа. Знаменитѣйшее произведеніе испанской исторіографіи этого періода—«Лѣтопись арагонскаго королевства», Херони-мо Суриты (Zurita), прагматическая исторія Арагоніи, разсказывающая исторію ея съ древнѣйшихъ временъ до Фердинанда Католическаго. Сурита судитъ безпристрастно; онъ основательно изучилъ документы, хранившіеся въ архивахъ, подвергъ критическому разбору рассказы

Сурита
1512—1580.

старыхъ хроникъ; тонъ изложенія у него благородный, слогъ его хорошъ. Онъ былъ приверженецъ старыхъ свободныхъ учреждений Арагоніи, поставилъ главной задачей себѣ отчетливо изложить ходъ ихъ развитія. Но очень часто ему приходилось высказывать свои мысли очень осторожно, такъ что можно лишь угадывать ихъ. Это было необходимо для того, чтобы не раздражить Филиппа II, при которомъ писалъ Сурита. Его трудъ продолжали Архенсолы, два брата, знаменитые поэты, писавшіе лирическія стихотворенія въ духъ Горация. Подобно ему они были оффиціальныя историографы. Современникъ Суриты Діэго Гуртадо Мендоса, гранадскій вельможа, хорошій поэтъ, государственный человѣкъ, ученый, заслужилъ имя испанскаго Саллюстія своей «Исторіей гранадской войны». Слогъ его слишкомъ искусственъ, составленъ изъ оборотовъ, заимствованныхъ у Саллюстія и Тацита, но онъ основательно изучилъ топографію, фамилныя преданія испанскихъ вельможъ, арабскіе источники, излагаетъ факты прагматически, судить умно, заботится о достовѣрности подробностей; эти достоинства дѣлаютъ его похожимъ на лучшихъ классическихъ историковъ. Онъ негодуетъ на вѣроломство и жестокость преслѣдованій, которымъ были подвергнуты мориски; но при необходимости скрывать это чувство отъ Филиппа II, пишетъ тономъ благонамѣреннымъ съ точки зрѣнія короля. Современникомъ его былъ Хуанъ Хинесъ Сепульведа, спорившій противъ Ласъ Касаса, защитника американскихъ туземцевъ (IX, 454), человѣкъ хорошаго классическаго образованія, знакомый съ итальянской литературой. Занимая должности историографа, онъ написалъ нѣсколько историческихъ трудовъ на латинскомъ языкѣ слогомъ Ливія. Всѣ они основательны. Важнѣйшій изъ нихъ «Исторія Карла V»; по богатству подробностей она служитъ драгоценнымъ источникомъ свѣдѣній о политикѣ Карла V и военныхъ событіяхъ его времени. Но пользоваться ею должно очень осторожно, потому что она имѣетъ характеръ панегирика.

Сепульведа
1490—1574.

Алонсо Паленсія, родившійся въ 1423 и умершій послѣ 1492 года, получилъ хорошее воспитаніе, долго жилъ въ Италіи, былъ друженъ съ кардиналомъ Виссаріономъ и Георгіемъ Трапезунтскимъ, приобрѣлъ основательное знаніе древнихъ языковъ и впослѣдствіи употреблялъ время отдыха отъ государственныхъ дѣлъ на переводъ греческихъ и римскихъ писателей и на самостоятельныя историческія труды. Переводами онъ занимался и въ старости; мы знаемъ, что переводъ Іосифа Флавія онъ кончилъ въ 1492 году. Онъ былъ приверженцемъ Изабеллы въ тяжелое для нея время междоусобія. Упрочивъ свою власть, она назначила его историографомъ. Онъ написалъ на кастильскомъ языкѣ „Исторію Генриха IV“, а служащій продолженіемъ ея рассказъ о царствованіи Изабеллы, идущій до 1489, написанъ имъ на латинскомъ языкѣ. Слогъ его чуждъ ученаго педантизма и показываетъ въ немъ свѣтскаго дѣловаго человѣка, говоритъ Прескоттъ. „Исторія Генриха IV“ предназначена была, по всей вѣроятности, не для однихъ ученыхъ людей, но для массы публики; она написана простымъ

Алонсо Паленсія.

Кастилью. слогомъ. Авторъ рассказываетъ нѣкоторые факты очень подробно, такъ что очевидно близкое участіе его въ дѣлахъ. Свои мнѣнія онъ выражаетъ смѣло; иногда они рѣзки и пристрастны, но онъ вообще правдивъ. Его историческіе труды еще не напечатаны, но ими пользовались позднѣйшіе историки. Современникомъ его былъ Энрикесъ Кастилью, капелланъ Генриха IV, написавшій исторію этого короля. При всей преданности Генриху, Кастилью видитъ дурныя стороны его характера и правленія и часто высказываетъ свое негодованіе горячими словами.

Фернандо Пульгаръ. Фернандо дель Пульгаръ, родившійся, вѣроятно, въ мѣстечкѣ Пульгарѣ, близъ Толедо, былъ секретаремъ Генриха IV и, кажется, остался на должности секретаря при Изабеллѣ. Королевскій секретарь былъ съ тѣмъ вмѣстѣ исторіографъ. Пульгаръ сопровождалъ Изабеллу въ ея поѣздкахъ, видѣлъ военныя событія, которыя описываетъ, имѣлъ въ своихъ рукахъ важнѣйшія государственныя бумаги. Вѣроятно, онъ умеръ около времени взятія Гранады, потому что его историческій трудъ останавливается на этомъ событіи. Въ краткомъ обзорѣ кастильской исторіи до 1482 года у Пульгара много неточностей, но рассказъ о фактахъ слѣдующихъ лѣтъ у него достовѣренъ и безпристрастенъ. Военныя дѣйствія онъ описываетъ съ большою подробностью и точностью. Онъ горячій приверженецъ Изабеллы. Пополненіемъ къ его „Исторіи“ служатъ его письма и біографіи знаменитыхъ современниковъ (Claros Varones). Антоніо де Лебриха, уроженецъ Андалузій, человекъ классической учености, долго жившій въ Италіи, потомъ читавшій лекціи о классическихъ литературахъ въ Севильѣ, Саламанкѣ и Алькалѣ, написавшій хорошую грамматику кастильскаго языка, сдѣлалъ латинскую переработку Исторіи Пульгара. Многія страницы у него простой переводъ, но онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о томъ, что пишетъ не самостоятельное сочиненіе, а только переводитъ и передѣлываетъ Пульгара. Его латинская передѣлка была напечатана раньше кастильскаго подлинника, потому долго считалась самобытнымъ трудомъ.

2. Первый періодъ развитія испанской драмы.

Церковныя и свѣтскіе элементы испанской драмы. Въ очеркѣ развитія французской драмы мы говорили, что средне-вѣковые спектакли были первоначально принадлежностью церковныхъ праздниковъ и что однимъ изъ ихъ источниковъ были драматическіе элементы католическаго богослуженія. Такіе же элементы находились и въ пѣсняхъ трубадуровъ: жонглеры пѣли подъ акомпаниментъ музыки съ мимическими движеніями. Изъ этихъ матеріаловъ довольно рано развились въ Испаніи спектакли. Въ сборникѣ законовъ Альфонса X есть постановленіе, изъ котораго мы видимъ, что во второй половинѣ XIII вѣка уже давались въ Испаніи драмы духовнаго и мірскаго содержанія въ церквахъ и подъ открытымъ небомъ. Въ этомъ постановленіи говорится, что существуетъ два рода спектаклей: одни даются странствующими актерами для денежной выгоды; въ этихъ спектакляхъ не должны участвовать лица духовнаго сословія; другіе спектакли даются по церковнымъ праздникамъ для нази-

данія народа; они могутъ быть даваемы въ церквахъ, и духовенство можетъ участвовать въ нихъ. Тѣ и другіе спектакли получили въ XIV вѣкѣ большое развитіе. Веселые спектакли давали жонглеры и пѣвцы, приходившіе изъ Лимузена и Каталоніи въ Арагонію, откуда стали ходить дальше на западъ и югъ; они играли на каталонскомъ нарѣчій. Духовные спектакли приобрѣли большое развитіе по установленіи праздника Тѣла Господня; онъ совершался въ Испаніи съ большой пышностью и великолѣпными процессіями. Духовные спектакли имѣли и въ Испаніи форму мистерій. Принадлежностью ихъ были мимика, пѣніе и интермедіи (entremeses).

Около 1360 драмы изъ библейской исторіи уже составляли принадлежность церковныхъ праздниковъ. Въ этихъ спектакляхъ было много непристойныхъ шутокъ; потому арагонскій соборъ въ 1473 году возобновилъ запрещеніе осквернять храмы непристойными сценами и пѣснями. Въ XV вѣкѣ и въ Испаніи, какъ во Франціи, на большихъ придворныхъ праздникахъ нерѣдко бывали спектакли. Въ 1414 году при восшествіи Фердинанда на арагонскій престолъ была дана аллегорическая драма Вильены, въ которой дѣйствующими лицами были Справедливость, Истина, Миръ и Милосердіе. При дворѣ Іоанна II, любившаго пышность, тоже давались въ торжественныхъ случаяхъ спектакли. Этому времени принадлежит произведеніе Сантільяны, прославляющее морскую побѣду при Понсѣ (въ 1435 году). Оно называется Comidietá и имѣетъ разговорную форму: но едва ли было назначено для сцены и по своему плану неудобно для нея. Болѣе походить на драму разговоръ въ стихахъ, приписываемый Родриго Котѣ. Это споръ между любовью и старикомъ. Любовь побѣждаетъ старика. Можно назвать небольшой аллегорической драмой произведеніе Эскривы, въ которомъ разговариваютъ авторъ, любимая имъ женщина, Любовь, Надежда и Сердце.

Но драматическія произведенія, вполнѣ заслуживающія этого названія, появились только въ царствованіе Изабеллы. Въ 1492 году, когда взята была Гранада, общества актеровъ «начали публично представлять комедіи Хуана дель Энсины, очень даровитаго, шутливаго и занимательнаго поэта», какъ говорится объ этомъ въ современныхъ извѣстіяхъ. Его пастушескія драмы имѣли духовное содержаніе и служили принадлежностью церковныхъ праздниковъ, потому кончаются пѣснями (вильянсиками), употреблявшимися въ богослуженіи; но въ карнавальныхъ піесахъ у него болѣе шутильвости. Важное мѣсто въ развитіи испанской драматической поэзіи занимаетъ «Селестина, трагикомедія о Калисто и Мелибеѣ». Это на половину драма, на половину романъ; начало принадлежитъ, какъ думаютъ, Родриго Котѣ, его работу докончилъ Фернандо Рохасъ; она состоитъ изъ 21 дѣйствія. Судя по такой длиннотѣ, должно думать, что она не была даваема на сценѣ. Но авторы, поставившіе цѣлью себѣ «изобразить заблужденіе страстей въ предостереженіе всѣмъ», обрисовали характеры дѣйствующихъ лицъ такъ отчетливо, и эти лица

Энсина
1469—1534.

«Селестина».

ведутъ у нихъ разговоры такъ хорошо, что ихъ произведеніе стало образцомъ для многихъ драматурговъ XVI вѣка.

Калисто, молодой человѣкъ знатнаго рода, страстно влюбился въ красавицу Мелибею, но не можетъ пріобрѣсти ея любви. Онъ проситъ Селестину быть посредницей между нимъ и Мелибеей. Эта хитрая женщина придумываетъ всяческіе способы устроить ему тайное свиданіе съ любимой дѣвушкой. Разными уловками, ворожбой и любовнымъ эликсиромъ она возбуждаетъ наконецъ въ Мелибеѣ любовь къ Калисто. Во время ихъ свиданья, слуги Калисто веселятся въ домѣ Селестины; подымается драка, Селестина убита въ ней, является полиція; убійцы арестованы, осуждены быть повѣшенными. Пріятели Селестины клянутся отмстить Калисто за ея убійство слугами его; при новомъ свиданіи Калисто и Мелибея эти буйные люди окружаютъ домъ, гдѣ происходитъ свиданіе. Калисто вступаетъ въ бой съ ними, они убиваютъ его. Мелибея въ отчаяніи рѣшается умереть, всходитъ на башню, говоритъ своимъ родителямъ, что любила Калисто, что онъ погибъ, и бросается съ высоты.

«Селестина» пріобрѣла громадную и прочную популярность, была переведена на всѣ языки западной Европы; и хотя форма ея представляетъ нѣчто среднее между романомъ и драмой, многіеистики литературы считаютъ ее вмѣстѣ съ «Орфео», драмою Анджело Полиціано, первыми произведеніями новой драматической поэзіи. Только французскій фарсъ «Пателенъ» написанъ нѣсколько раньше ея и «Орфео». Мы говорили, что черезъ нѣсколько времени «Селестина» была запрещена въ Испаніи; но въ Италіи она имѣла и послѣ того много изданій. Она не первокласное произведеніе искусства, говорятъ Шагъ, но написана прекрасно; смѣшныя и дурныя стороны жизни изображены въ ней очень правдиво и весело; характеры очерчены отчетливо, слова Калисто и Мелибеи проникнуты въ нѣкоторыхъ сценахъ пламенемъ страсти, разговоръ веденъ легко, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ превосходно. Было написано много драмъ въ подражаніе Селестинѣ, но всѣ онѣ далеко уступаютъ ей достоинствомъ; не равняется ей даже «Доротея» Лопе де Веги, написанная въ подражаніе ей.

Хиль Винсенте Большое вліяніе на развитіе испанской драмы имѣлъ Хиль Винсенте, португалецъ, писавшій не на своемъ родномъ, а на кастильскомъ языкѣ. Многіе испанскіе драматурги подражали ему. Онъ самъ игралъ въ своихъ піесахъ. Первая изъ нихъ была дана при Эммануэлѣ; но блестящій періодъ дѣятельности Хилья Винсенте относится къ царствованію Іоанна III, который самъ игралъ въ его драмахъ.

Драмы Хилья Винсенте написаны большею частью четырехстопнымъ хореемъ. Онѣ дѣлятся на четыре класса: Первый составляютъ Auto, драмы религіознаго содержанія, дававшіяся на рождество и въ другіе церковные праздники. Этотъ родъ драматической поэзіи произошелъ изъ средневѣковыхъ мистерій и «моралей». Въ своихъ Auto Хиль Винсенте имѣлъ цѣлью излагать понятнымъ для всѣхъ языкомъ догматы католической вѣры; но чтобы пьесы были занимательны для публики, онъ примѣшивалъ къ серьезнымъ сценамъ комическія. Дѣйствующія лица обыкновенно принадлежатъ къ пастушескому классу; планъ часто бываетъ неловокъ, языкъ небреженъ и грубъ; но отвлеченному содержанію пьесъ придана живость и поэтичность. Знаменитѣйшія изъ религіозныхъ драмъ Хилья Винсенте Auto da Feuga (ярмарочное ауто) и «Очеркъ исторіи Господа». Другой классъ его драмъ комедіи. Онѣ очень разнообразны по формѣ и содержанію. Нѣкоторыя изъ нихъ—переложенія повѣстей въ разговорную форму и представляютъ рядъ сценъ, обнимающій всю жизнь человѣка; драматической завязки въ нихъ нѣтъ; нѣкоторыя сцены занимательны, но авторъ не имѣетъ такой богатой фантазіи, чтобъ изобрѣтать много разныхъ приключеній; одни и тѣ же положенія часто повторяются у него. Лучшими изъ его комедій считаются «Рувена», «Лѣсъ обмана»,

«Комедія о вдовцѣ». — Третій разрядъ образуютъ трагикомедіи, драмы, написанныя для спектаклей при большихъ придворныхъ праздникахъ. Въ нихъ много аллегорій, міеологій, волшебства. Это нужно было для занимательности и блеска сценической постановки. Очень искусно прославляетъ королевскую фамилію «Буря» и «Призывъ къ войнѣ»; разнообразіе всѣхъ по содержанію «Торжество зимы». Въ «Амадисѣ Галльскомъ» изображается исторія любви этого героя и Оріаны. Наибольшую славу Хиль Винсенте приобрѣлъ фарсами. Названіе фарсъ употреблялось тогда въ смыслѣ болѣе широкомъ, чѣмъ теперь; но большая часть пьесъ Хиль Винсенте, называющихся фарсами, имѣютъ характеръ, соответствующій нынѣшнему значенію этого слова. Въ нихъ очень много остроумія и поэзіи, даже грубыя шутки въ простонародномъ вкусѣ получаютъ изящество, благодаря гениальной граціозности юмора. Знаменитѣйшіе изъ фарсовъ Хиль Винсенте «Новое о томъ же», «Инеса Перейра», «Венскій клирикъ», «Цыганскій фарсъ».

Новый фазисъ развитія испанской драматической поэзіи начинается дѣятельностью Вартоломе Торреса Нагарро, котораго называютъ отцомъ испанскаго національнаго театра. Онъ происходилъ изъ довольно знатной фамиліи, жившей близъ Бадахоса, поступилъ въ духовное званіе, былъ человѣкъ ученый. Молодость его была бурная; онъ попалъ въ плѣнъ къ алжирскимъ пиратамъ, довольно долго жилъ въ Римѣ въ правленіе Льва X, бѣжалъ оттуда въ Неаполь (кажется потому, что раздражилъ противъ себя очень многихъ насмѣшками). Конецъ жизни онъ, кажется, провелъ въ Испаніи. Въ Римѣ въ 1517 году онъ напечаталъ собраніе своихъ драмъ, которому далъ названіе *Prosaladia*. Оно имѣло много изданій. Въ Неаполѣ знатное сословіе понимало испанскій языкъ. Драмы Нагарро часто давались тамъ на сценѣ. Въ Испаніи онѣ временами были запрещаемы, временами дозволяемы къ продажѣ. Но кажется, ни одна не была играна въ Испаніи на сценѣ. Нагарро присоединилъ къ собранію своихъ пьесъ замѣтки о теоріи драмы; онъ правильно опредѣляетъ различіе между трагедіей и комедіей, высказываетъ вѣрныя мысли о сущности этихъ разрядовъ драматической поэзіи. Онъ написалъ восемь комедій, ввелъ въ нихъ раздѣленіе на акты (или по испанскому выраженію на «остановки», *Jornadas*). Онѣ составили новую эпоху въ развитіи испанской драматургіи. Въ прологахъ къ нимъ онъ даетъ очерки содержанія и располагаетъ публику въ свою пользу остроумными шутками.

Нагарро.

Размѣръ комедій Нагарро хорей съ римами; это размѣръ бывшій привычнымъ для испанцевъ по редондильямъ; со времени Нагарро онъ сталъ господствовать въ драматической поэзіи. «Comedia imenna», «Хасинта» имѣютъ очень занимательную завязку; тоже должно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ пьесахъ. Въ «Хасинтѣ» живо изображены пороки и продажность римской курии; инквизиція запретила за это всю книгу. Въ «Серафимѣ» дѣвушка, покидаемая человѣкомъ, котораго любила, выходитъ за другого, любившаго ее искреннѣе; Нагарро ввелъ въ драму эту тему, на которую написано множество пьесъ. Есть въ его комедіяхъ и другія черты, проходящія черезъ всю слѣдующую драматическую поэзію испанцевъ. Таковы, напримѣръ, ревность, утробованные понятія о чести, оправданіе преступленій усердіемъ къ вѣрѣ. Раговоръ въ драмахъ Нагарро легокъ, особенно въ второстепенныхъ роляхъ, очень живъ и комиченъ. Кажется, Нагарро умѣлъ очерчивать характеры простолюдиновъ лучше, чѣмъ знатныхъ

людей. Въ нѣкоторыхъ изъ его піесъ дѣйствуютъ почти исключительно простолюдины. Многія мѣста въ его комедіяхъ прелестны. Испанцы высоко цѣнили и нравственные разсужденія въ нихъ, имѣющія національный оттѣнокъ.

Испанскій
театръ.

Сценическое искусство сдѣлало мало успѣховъ въ первой половинѣ XVI вѣка. На церковные праздники давались драмы библейскаго содержанія; это большею частью лишь рассказы, переложенные въ разговорную форму, не имѣющіе драматической завязки. Главной цѣлью ихъ было угожденіе вкусу простолюдиновъ. Въ нихъ часто встрѣчались непристойности, какъ видимъ по распоряженіямъ, воспреещающимъ неприличія въ нихъ. На большихъ придворныхъ праздникахъ давались постные аллегорическіе спектакли. Но дворъ Карла V не имѣлъ постоянной резиденціи, безпрестанно переѣзжалъ съ императоромъ изъ города въ городъ, изъ государства въ государство и состоялъ большею частью изъ иноземцевъ; потому большіе праздники со спектаклями были тогда рѣдки. Въ многочисленныхъ испанскихъ городахъ были постоянные театры. Это мы знаемъ напримѣръ о Севильѣ и Валенсіи. Но устройство сцены было очень плохо, если судить по описанію Сервантеса.

Весь запасъ костюмовъ театральнаго антрепренера того времени, говоритъ Сервантесъ, помѣщался въ одномъ мѣшкѣ и ограничивался обыкновенно четырьмя плащами изъ бѣлой овчины; дополненіемъ къ нимъ служили четыре бороды, четыре парика и четыре пастушескіе посоха. Не было ни проваловъ на сценѣ, ни подвижныхъ облаковъ, никакихъ механизмовъ; она состояла изъ пяти или шести досокъ, положенныхъ поперекъ на скамьи и подымалась надъ землей лишь на четыре ладони. Единственнымъ украшеніемъ ея было одѣяло, растянутое на веревкахъ; за нимъ хоръ пѣлъ какой нибудь романсъ безъ аккомпаньемента гитары. Вообще не было никакихъ приспособленій кромѣ необходимыхъ для представленія мистерій и появившихся послѣ нихъ пасторалей, говоритъ Прескоттъ. Спектакли начались у испанцевъ раньше, чѣмъ у большинства другихъ европейскихъ народовъ; но драматическое искусство у нихъ отстало отъ успѣховъ, сдѣланныхъ въ немъ другими народами. Публика удовлетворялась жалкой постановкой, какую могли давать піесамъ странствующіе актеры. Въ Мадридѣ постоянный театръ былъ устроенъ только уже въ концѣ XVI вѣка; это былъ дворъ, крытый навѣсомъ отъ дождя; зрители сидѣли кругомъ на лавкахъ или смотрѣли изъ оконъ сосѣднихъ домовъ.

Древняя драма.

Успѣхи національной драматической поэзіи задерживались отчасти тѣмъ, что гуманисты и въ Испаніи, какъ въ Италіи, хотѣли приучить публику восхищаться трагедіями Софокла и Эврипида, комедіями Плавта и Теренція. Для постановки на сцену безцеремонно передѣлывали ихъ, многое выпускали, вставляли много прибавленій. Но кажется, эти передѣлки оставались только на бумагѣ, не были даваемы на сценѣ. Знамениты были переводы «Электры» Софокла и «Гекубы» Эврипида, сдѣланные молодымъ саламанкскимъ ученымъ Фернаномъ Пересомъ Оливой. Онъ переводилъ прозой, сильно передѣлывая; языкъ у него хорошъ. Попытки ввести въ Испанію древнюю драму не имѣли успѣхъ и ученые скоро отказались отъ нихъ. На Пиренейскомъ полуостровѣ развилась романтическая драма, соотвѣт-

ствовавшая обычаямъ и вкусу испанцевъ. Она получила высокое художественное достоинство въ концѣ XVI вѣка, благодаря появлению очень даровитыхъ драматурговъ. Переходъ къ ихъ произведеніямъ составляютъ драмы Лопе Руэды (умершаго раньше 1567). Лопе Руэда. Онъ былъ севильскій ремесленникъ; увлеченный любовью къ сценѣ, онъ вступилъ въ труппу актеровъ, сдѣлался режиссеромъ ея, странствовалъ съ нею по Испаніи, писалъ комедіи, давалъ ихъ. Онъ былъ превосходный актеръ, и его считаютъ основателемъ новаго сценическаго искусства въ Испаніи. Его комедіи совершенно соответствовали вкусу испанской публики. Севильскій ученый Хуанъ Куэва говорилъ въ своемъ трактатѣ о теоріи драмы то самое, что находилось въ комедіяхъ Руэды, хотя можетъ быть и не зналъ ихъ: онъ доказывалъ, что необходимо соединять въ піесѣ трагическія сцены съ комическими. Такъ это и было у Руэды.

Руэда писалъ комедіи, пасторали и маленькія шутливыя піэсы, называвшіяся *pasos* и дававшіяся передъ большими піесами или въ антрактахъ. У него не было поэтического таланта, говоритъ Шакъ, но онъ умѣлъ наблюдать и вѣрно изображать жизнь; хороши у него особенно тѣ сцены, въ которыхъ передается обыденная жизнь простымъ разговорнымъ языкомъ; въ нихъ много веселости; таковы его *pasos*. Сюжеты почти всѣхъ его драмъ взяты изъ повѣстей. Знаменитѣйшія изъ нихъ «Комедія обмановъ», «Эвфемія», «Армелина». Сюжетъ первой заимствованъ у Банделло; онъ тотъ же самый, какъ въ драмѣ Шекспира «Какъ вамъ угодно». Руэда ввелъ въ испанскую драму неизмѣнныя типическія лица, подобныя дѣйствующимъ въ итальянской простонародной комедіи; у него эти фигуры: бранчивый старикъ, добродушная болтливая негрятка, плутовка цыганка и глупецъ. Они являются почти во всѣхъ его піесахъ.

Руэда и его подражатели, Алонсо де ла Вега и Хуанъ Тимонеда, Романтическая уже выработали всѣ тѣ формы драматической поэзіи, которыя были драма. доведены до высокаго совершенства драматургами слѣдующихъ поколѣній; они писали по рассказамъ священнаго писанія духовныя драмы, изъ которыхъ развились божественныя комедіи (*Comedias divinas*) и ауто; писали драмы изъ событій классической древности, мало по малу приближавшіяся къ греческимъ и латинскимъ и сдѣлавшіяся художественными произведеніями, писали пасторали и другія драмы изъ простонароднаго быта, въ которыхъ дозволяли себѣ грубыя шутки и которыя подвергались по этому запрещеніямъ. Женскія роли играли юноши. Въ концѣ XVI вѣка братства двухъ госпиталей построили въ Мадридѣ два постоянные театра. Съ этого времени улучшается сценическое искусство, стали формироваться школы актеровъ и драматурговъ, заботившихся объ увеличеніи репертуара. Любовь испанцевъ къ спектаклямъ возбуждала драматурговъ писать много. Хуанъ де ла Куэва, родившійся въ 1550 и умер- Хуанъ Куэва. шій около 1607 года, составилъ теорію, уничтожавшую различіе между комедіей и трагедіей. Это дало драматургамъ полный просторъ выводить въ одной піесѣ людей всѣхъ сословій. Самъ Куэва писалъ

драмы такого рода; въ нихъ много прекрасныхъ сценъ, особенно въ піесахъ, сюжеты которыхъ взяты изъ древней или испанской исторіи. Но Куэва не умѣлъ сдерживать свою богатую фантазію, и она вовлекала его въ уклоненія отъ плана.

Въ драмахъ Куэвы часто мѣняется размѣръ, вставлено много эпическихъ разсказовъ и лирическихъ эпизодовъ; сцены очень разнообразны, слогъ прекрасенъ. Публика такъ полюбила эту смѣсь размѣровъ, эти эпическія и лирическія вставки и пестрое разнообразіе сценъ, что слѣдующіе драматурги стали писать въ такомъ же вкусѣ.

Артіэда.

Но были драматурги, понимавшіе, что безпорядочность плана вредитъ достоинству трагедіи. Андресъ Рей Артіэда, ученикъ Куэвы, заботился соблюсти истинныя требованія драматической формы въ своей драмѣ «Влюбленные». — Менѣе замѣтно это стремленіе у Крестовала

Вируэса

1550—1610.

Вируэса, уроженца Валенсіи, находившаго въ промежутки походовъ досугъ писать драмы. Онъ хотѣлъ улучшить испанскую драматургію, слѣдуя образцамъ классиковъ; но выбралъ руководствомъ себѣ напышенныя трагедіи Сенеки, переполненныя злодѣйствами, и считалъ необходимою разнообразіе сценъ, запутанность интриги; потому его драмы хаотичны, страдаютъ излишкомъ приключеній и дѣйствующихъ лицъ.

Драма Вируэса «Разъяренный Атила» «Attilo Furioso» переполнена всяческими ужасами; въ ней погибаютъ болѣе 50 дѣйствующихъ лицъ и притомъ почти все мучительной смертью передъ глазами публики. Таковы же «Великая Семирамида» и «Жестокая Кассандра», которымъ подражалъ Кальдеронъ въ драмахъ, имѣющихъ тѣ же заглавія. Но встрѣчаются у Вируэса увлекательныя лирическія тирады и цѣлыя сцены, производящія сильное впечатлѣніе. Въ «Дидонѣ», одной изъ лучшихъ его драмъ, введенъ хоръ по примѣру греческихъ трагедій.

Національные
элементы
испанскаго
театра.

Великіе драматурги, появившіеся послѣ того въ Испаніи, нашли уже готовыя формы драматической поэзіи. Она изображала и просто-народный бытъ и трагическія событія; въ ея репертуарѣ находились подражанія классическимъ драмамъ, былъ даже введенъ древній хоръ. Духовная цензура была снисходительна къ шутливымъ вставкамъ въ духовныя драмы, щадя привычку народа къ этому; испанская публика любила танцы, пѣніе, музыку; драматурги пользовались этими искусствами для украшенія своихъ піесъ. Въ особенности часто вставляютъ они въ свои драмы старые любимые народные танцы, называвшіеся тогда саравандами, а теперь, фанданго и волеро, сопровождавшіеся и тогда, какъ теперь, звуками кастаньетъ, имѣвшіе страстный и вмѣстѣ граціозный характеръ. У испанцевъ была сильная любовь къ праздникамъ народнымъ, придворнымъ и церковнымъ, и принадлежностью ихъ давно стали спектакли. Все это благопріятствовало развитію испанскаго театра.

3. Лирическая и буколическая поэзія. „Ласарильо“ Мендосы.

Придворные поэты Іоанна II, Мена и Сантільяна, уже подражали итальянцамъ, писали мистическія аллегоріи во вкусъ Данте. Послѣдній трубадуръ, писавшій на благозвучномъ валенсійскомъ нарѣчій, Аусіасъ Марчъ, подражалъ сонетамъ Петрарки. Въ XVI вѣкѣ, когда испанцы овладѣли Неаполемъ и вскорѣ послѣ того подчинили себѣ всю Италію, они вошли въ очень тѣсныя умственные сношенія съ ней; испанская поэзія стала заимствовать свои мотивы и формы изъ итальянской. Хуанъ Восканъ (Boscan) Альмогаверъ, происходившій изъ богатой и старой фамиліи барселонскихъ горожанъ, получившій хорошее воспитаніе, расширившій кругъ своихъ понятій участіемъ въ походахъ и путешествіями, писалъ сначала размѣрами народныхъ пѣсенъ; изъ такихъ стихотвореній составилъ у него сборникъ «Море любви»; но потомъ онъ бросилъ родныя формы лирики, сталъ писать сонеты по образцу Петрарки и другихъ итальянцевъ, изящество которыхъ объяснилъ ему Андреа Наваджеро, венеціанскій посланникъ при дворѣ Карла V. Но въ его сонетахъ отразился испанскій характеръ пламенностью чувства и дидактикой.

Подражаніе
итальянской
поэзіи.

Восканъ
† 1543.

Восканъ перевелъ стихами безъ римъ, заимствованными изъ итальянской поэзіи, знаменитую греческую поэму «Геро и Леандръ»; написалъ эротическую элегію Capitolo, растянутую и испорченную риторскими прикрасами, но богатую изящными картинками; написалъ нѣсколько посланій терцинами; одно изъ нихъ, дидактическая поэма во вкусъ посланій Горация, богато вѣрными замѣчаніями о жизни. Аллегорическая поэма Воскана, изображающая царство любви и написанная октавами по итальянскому образцу, бѣдна фантазіей, но очень изящна по языку. Изъ прозаическихъ трудовъ Воскана самый обширный — передѣлка книги итальянскаго писателя графа Кастильоне «Придворный» Il Cortegiano. Современники считали его прозу образцовой.

Восканъ посвятилъ себя исключительно литературѣ. Онъ жилъ въ знатномъ обществѣ и, говорятъ, былъ воспитателемъ будущаго знаменитаго полководца герцога Альбы, но не вмѣшивался въ дѣла и на старости удалился отъ свѣтскаго общества, проводилъ время въ занятіяхъ и въ бесѣдахъ съ друзьями, раздѣлявшими его склонности. Иначе шла жизнь одного изъ его друзей Гарсиласо де ла Веги, человека знатной кастильской фамиліи. Вскорѣ по достиженіи совершеннолѣтія и женитьбѣ на знатной дѣвушкѣ Гарсиласо отправился на войну и участвовалъ съ того времени во всѣхъ походахъ Карла. Въ 1532 году, когда Сулейманъ угрожалъ Вѣнѣ, Гарсиласо былъ тамъ; его племянникъ влюбился въ одну изъ придворныхъ дамъ, онъ покровительствовалъ ихъ любовной связи и былъ за это сосланъ на одинъ изъ острововъ Дуная. Онъ рассказываетъ свое душевное страданіе въ ссылкѣ. Черезъ нѣсколько времени, получивъ свободу,

Гарсиласо дела
Вега
1503—1536.

онъ пріобрѣлъ большое расположеніе Карла, сопровождалъ его въ тунисской экспедиціи, былъ тамъ раненъ въ голову и руку, поѣхалъ на родину черезъ Сицилію, написалъ у подошвы Этны элегію, въ которой рассказываетъ объ этомъ. Въ слѣдующемъ (1536) году онъ находился при войскѣ Карла, пошедшемъ въ Провансъ; при нападеніи на башню близъ Фрежюса получилъ въ голову ударъ камня и черезъ нѣсколько дней умеръ въ Ниццѣ. Ему было тогда 33 года, но онъ уже былъ знаменитымъ воиномъ и поэтомъ. Онъ подражалъ Петраркѣ, Бембо, Саннацаро и другимъ итальянцамъ, писалъ сонеты, канцоны, элегіи, въ которыхъ нѣжность чувства соединена съ прелестнымъ изяществомъ языка.

Произведенія Гарсиласо напечатала вдова Воскана въ прибавленіи къ сочиненіямъ своего мужа. Одно изъ знаменитѣйшихъ между ними эклога, посвященная герцогу Альбѣ, вице-королю неаполитанскому. Это разговоръ двухъ пастуховъ Салисіо, жалующагося на измѣну своей милой, и Неморосо, скорбящаго о смерти своей милой. Элегія написана съ нѣжностью, напоминающею Саннацаро. Гарсиласо еще при жизни пользовался высокимъ уваженіемъ какъ поэтъ; вельможи выказывали ему почтеніе, какого не удостоивали прежнихъ поэтовъ. Эклоги его, имѣющіе разговорную форму, давались на сценѣ. Народъ пѣлъ его пѣсни. Любовь къ нему сохранилась у испанцевъ до сихъ поръ.

Акунья † 1580. Современникомъ и другомъ Воскана и Гарсиласо былъ Фернандо де Акунья, происходившій изъ знатной португальской фамиліи, но родившійся и выросшій въ Мадридѣ. Подобно Гарсиласо, онъ былъ воинъ. По порученію императора онъ перевелъ старымъ испанскимъ размѣромъ французскую рыцарскую поэму о подвигахъ Карла Смѣлаго; но сдѣлалъ это лишь въ исполненіе воли императора. Ему нравилась итальянская поэзія. Онъ писалъ сонеты и канцоны, воспѣлъ стихами безъ риѣмъ «Споръ Аякса съ Улиссомъ», подражая простотѣ Гомера, и переводилъ итальянскихъ поэтовъ.

Мендоса 1503—1575. Рѣшительное преобладаніе итальянскому вкусу въ испанской поэзіи далъ Діэго Гуртадо Мендоса, о которомъ мы уже говорили, какъ объ историкѣ, человѣкѣ очень знатной фамиліи, знаменитый своею политической и военной дѣятельностью и не менѣе знаменитый ученый историкъ-поэтъ. Онъ былъ младшимъ изъ пяти сыновей, потому былъ предназначенъ къ духовному званію и отправленъ учиться въ Саламанку. Но уже тамъ онъ выказалъ, что не расположенъ къ монашеству, написавъ знаменитый романъ «Ласарильо Тормесскій.»

Этотъ романъ имѣетъ форму автобіографіи бѣдняка Ласарилью, родившагося на мельницѣ на берегу Тормеса, потому получившаго прозваніе Тормесскій, де Tormes. Мать покидаетъ мальчика; онъ скитается по вертепамъ нищеты и порока, терпитъ голодъ; поступая служителемъ къ разнымъ господамъ, видитъ всяческія безразсудныя и дурныя дѣла людей, самъ привыкаетъ обманывать; наконецъ женится на экономкѣ каноника и обзаводится своимъ хозяйствомъ. Въ подражаніе Ласарилью Тормесскому было написано много романовъ, изображающихъ смѣшныя и дурныя слабости людей всякихъ сословій;

они составили особый большой отдѣлъ литературы, называвшійся романами въ плутовскомъ вкусѣ, *del Gusto Picaresco*. Эта отрасль литературы привилась во всѣхъ земляхъ западной Европы. Разсказъ въ Ласарилью Тормесскомъ превосходенъ, картины нравовъ очень живы, авторъ возвышается надъ многими изъ предразсудковъ своего времени. (Два эпизода романа, разсказъ о монахѣ и разсказъ о продавцѣ индульгенцій были запрещены какъ вольнодумные; ихъ нѣтъ въ напечатанныхъ послѣ того испанскихъ изданійхъ). Объемъ романа не великъ. Вѣрное изображеніе испанскихъ нравовъ сдѣлало эту книгу очень популярной. Она имѣла множество изданій и подражаній, изъ которыхъ самое извѣстное называется второю частью романа и написано Хуаномъ Луной.

Мендоса отправился въ Италію, занималъ тамъ важныя военныя должности, быть посланникомъ въ Венеціи, въ Римѣ, правителемъ Сіэны, уполномоченнымъ Карла на тридентскомъ соборѣ, но не переставалъ усердно заниматься классической литературой, покупалъ рукописи, читалъ итальянскихъ писателей, писалъ посланія во вкусѣ Горация, сонеты и канцоны.

При всей своей любви къ итальянской и классическимъ литературамъ Мендоса цѣнилъ народную кастильскую поэзію. У него есть мелкія стихотворенія, написанныя въ національномъ вкусѣ. При суровомъ Филиппѣ II Мендоса подвергся немилости и, за ссору съ однимъ изъ придворныхъ во дворцѣ, былъ удаленъ отъ двора. Онъ поселился въ своемъ родномъ городѣ Гранада и написалъ тамъ свой превосходный историческій трудъ. Онъ умеръ на 72 году, завѣщавъ эскориальской библіотекѣ свое собраніе книгъ и рукописей, въ числѣ которыхъ было много арабскихъ.

Національное чувство, сохранявшее любовь къ старой народной поэзіи, имѣло своихъ представителей въ литературѣ. Одинъ изъ самыхъ горячихъ между ними былъ Крестоваль Кастильехо, вельможа, долго занимавшій въ Вѣнѣ должность секретаря при эрцгерцогѣ (и впослѣдствіи императорѣ) Фердинандѣ. Тамъ онъ воспѣвалъ даму своего сердца Анну Шаумбургъ, вышедшую впослѣдствіи за Эразма Штаренберга. Утомленный свѣткимъ шумомъ и любовными приключеніями, Кастильехо возвратился въ Испанію и провелъ остатокъ жизни цистерціанскимъ монахомъ. Онъ былъ даровитый поэтъ; многія изъ его стихотвореній одушевлены теплотою чувства или представляютъ вѣрныя картины народныхъ нравовъ, другія осмѣиваютъ петраркистовъ; въ насмѣшкахъ надъ ними Кастильехо доходитъ до непристойной грубости, такъ что нѣкоторыя его произведенія были запрещены инквизиціей. Но при всей своей даровитости и горячности Кастильехо и другіе приверженцы старой народной поэзіи, Антоніо Вильегасъ и Грегорио Сильвестре, (португалець, писавшій по-испански), не могли поддерживать ее противъ общей любви къ итальянской поэзіи. Сильвестре впослѣдствіи самъ сталъ подражать итальянскимъ поэтамъ. Какъ изъ небольшого государства Кастилія сдѣлалась владычицей обширной монархіи, такъ и кастильская литература пріобрѣла въ концѣ XVI вѣка громадное значеніе; ея вліяніе распространи-

Кастильехо
† 1566.

лось по всей Европѣ; и какъ въ общественной жизни испанцевъ все подчинялось условнымъ формамъ, такъ было и въ литературѣ. Кастильянцы стремились пріобрѣсти владычество надъ умственной жизнью всѣхъ областей Испаніи; необходимымъ условіемъ этого было то, чтобъ они придали своей литературѣ характеръ болѣе широкій, чѣмъ областныя особенности. Средствомъ къ этому служило подражаніе классическимъ и итальянской литературамъ. Въ этомъ духѣ была пересоздана лирическая, отчасти и драматическая кастильская поэзія; она стала владычествовать во всей Испаніи; ея вліянію подчинилась и португальская литература. Успѣху дѣла сильно помогло то, что всѣ испанскія области были подчинены политическому игу, подавлявшему мѣстныя особенности, замѣнявшему ихъ однообразнымъ порядкомъ. Старинныя національныя элементы уцѣлѣли только въ романсахъ, которые продолжалъ пѣть народъ. Деспотизмъ задушилъ свободу дѣятельности въ общественной жизни, и люди уносились мыслями въ область идеаловъ, искали отрады себѣ въ искусствѣ и поэзіи.

Идиллическая
и буколическая
поэзія.

Во времена подавленія политической жизни общества развивается любовь къ идиллической и буколической поэзіи; люди переносятся мыслями изъ безотрадной дѣйствительности въ область мечтательной жизни. Такъ было въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка въ Италіи и въ Испаніи. Идилліи Теокрита и эклоги Виргилія владычествовали надъ фантазіей поэтовъ.

Са де Миранда
1495—1558.

Са де Миранда, португалецъ по происхожденію, писалъ на своемъ родномъ и на кастильскомъ языкахъ буколическія стихотворенія наивныя и національныя, одушевленные горячей любовью къ прелестямъ природы по берегамъ Мондего и сочувствіемъ сельскому быту. Другой португалецъ Хорхе Монтемайоръ, бывшій пѣвчимъ въ мадридской придворной капеллѣ, пополнившій свое скудное образованіе путешествіями по разнымъ частямъ испанской монархіи, написалъ буколическій романъ «Влюбленная Діана». Это поэтический рассказъ о его несчастной любви къ испанкѣ Марфидѣ, которая въ его отсутствіе вышла за другого. Рассказъ граціозенъ; въ него вставлены лирическія стихотворенія въ итальянскомъ и старо-кастильскомъ вкусѣ. Онъ идетъ безсвязно, въ немъ перепутано язычество съ христіанствомъ, космографія въ немъ фантастична; но живость фантазіи, простота и изящество сдѣлали эту книгу очень популярной. Было написано много подражаній ей; изъ нихъ наибольшій успѣхъ имѣлъ романъ валенсійца Хилы Поло «Любящая Діана»; особенно хороши у него стихотворныя вставки. Сервантесъ хвалитъ его. Монтемайоръ написалъ много лирическихъ стихотвореній. Онъ былъ убитъ на дуэли въ Туринѣ.

Монтемайоръ
† 1561.

Понсе де Леонъ

1528—1591.

Естественно было, что поэты уносились мыслями въ идиллическій міръ: свѣтскій и духовный деспотизмъ дѣлалъ слишкомъ тяжелой

дѣйствительную жизнь; даже человекъ такой чистой души, какъ Луисъ Понсе де Леонъ, подвергся гоненію фанатиковъ. Онъ происходилъ изъ очень знатной андалузской фамиліи; по любви къ тихой созерцательной жизни поступилъ въ монашество, жилъ въ августинскомъ монастырѣ въ Саламанкѣ, приобрѣлъ большую ученость, былъ сдѣланъ профессоромъ богословія. Онъ перевелъ «Пѣснь пѣсней» на кастильскій языкъ. Она получила въ его переводѣ форму классической эклоги. Инквизиція нашла это нарушеніемъ церковныхъ правилъ; притомъ преданіе говорило, что въ жилахъ Понсе де Леонъ есть примѣсь еврейской крови. Луисъ былъ вызванъ къ суду инквизиціи въ Вальядолидъ. Пять лѣтъ держали его въ темницѣ. Онъ кротко подчинялся требованіямъ инквизиціи, увѣрялъ, что ни въ чемъ не отступаетъ отъ ученія церкви. Мадридскій верховный инквизиціонный судъ постановилъ наконецъ, что можно ограничить наказаніе ему строгимъ выговоромъ. Ему возвращена была кафедра, но книга его была запрещена. Въ темницѣ онъ написалъ трактатъ «Имена Христовы». Это по формѣ подражаніе философскимъ разговорамъ Цицерона. Авторъ излагаетъ ученіе о Христѣ по тѣмъ именамъ, какія даетъ Спасителю церковь: царь мира, пастырь и т. д. Такимъ же благочестіемъ проникнуты другія прозаическія сочиненія Луиса Понсе де Леона: «Совершенная домохозяйка», «Объясненіе книги Іова» и оставшееся неконченнымъ «Житіе св. Терезіи». Преслѣдованіе инквизиціи, подорвавъ здоровье Понсе де Леона, ослабило и его поэтическую фантазію. Почти всѣ его стихотворенія написаны до заключенія въ темницу или въ ней. Это духовныя пѣсни, переводы псалмовъ, эклоги и оды во вкусѣ Virgilія и Горация. Языкъ ихъ прекрасенъ, такъ что Понсе де Леонъ причисляется къ лучшимъ лирическимъ поэтамъ Испаніи.

Его ода «Нсбесная жизнь» — прелестная лирическая картина; «Пророчество бога рѣки Тахо» королю Родриго о завоеваніи царства его сарацинами — очень удачное подражаніе одной изъ одъ Горация. Стихотворенія «О звѣздномъ небѣ», «Ясная ночь», «О безсмертіи» чрезвычайно нравились современникамъ.

Другимъ знаменитымъ лирическимъ поэтомъ того времени былъ Фернандо Геррера (умершій около 1589), человекъ основательной учености, поступившій въ монашество (кажется, только уже въ пожилыхъ лѣтахъ). Та возлюбленная, которую прославляетъ онъ, давая ей разныя имена, была, кажется, дѣйствительнымъ лицомъ, а не фантастической фигурой. Герреру называли божественнымъ за изящество одъ и канцонъ, въ которыхъ онъ подражалъ Пиндару. У него много словъ и оборотовъ, придуманныхъ имъ самимъ. Онъ отзывался иногда своими одами на современныя событія. Таковы два стихотворенія, принадлежащія къ самымъ лучшимъ у него: ода на лепантскую битву, восторженный гимнъ побѣды въ тонѣ псалмовъ, и ода

Геррера.

о гибели Себастьяна, короля португальского, проникнутая искренней печалью. Современники больше всего восхищались его одой «О снѣ». Она дѣйствительно граціозна.

Гонгора.
Estilo culto.

Отдѣлка стихотвореній Герреры очень хороша, но доведена до манерности. Гораздо дальше пошелъ въ этомъ направленіи Гонгора Арготе, даровитый поэтъ, озлобившійся на общество, не воздававшее справедливости ему, какъ онъ думалъ. Много лѣтъ добивался онъ милостей двора, но всѣ его хлопоты остались напрасны; онъ возвратился въ свой родной городъ Кордову и, чтобъ избавиться отъ нищеты, поступилъ въ духовное званіе. Его сатирическіе сонеты и романы проникнуты озлобленной ѣдкостью. Свою громкую славу приобрѣлъ онъ тѣмъ, что ввелъ въ поэзію такъ называемый «образованный стиль», *estilo culto*.

Гонгора съ неутомимымъ трудолюбіемъ придумывалъ новыя слова, приискивалъ сравненія, вставлялъ въ свои стихотворенія ученость; этотъ изысканный языкъ, темный и напыщенный, получилъ названіе „образованнаго стиля“; онъ вошелъ въ моду, и Гонгора сталъ основателемъ школы поэтовъ, называвшихся культуристами; подобно неаполитанскимъ маринистамъ они пренебрегали естественностью въ педантическомъ стремленіи щеголять замысловатыми оборотами рѣчи и ученостью. Впослѣдствіи они раздѣлились на двѣ школы: гонгористы или культуристы строго держались той манеры, образцомъ которой служилъ Гонгора; концептисты, знаменитѣйшими изъ которыхъ были Ладесма и Артеага, заботились больше всего о придумываніи необыкновенныхъ оборотовъ мысли (называвшихся по-итальянски *concetti*). Гонгора былъ поэтъ дѣйствительно даровитый. Но многія изъ его стихотвореній написаны такимъ изысканнымъ языкомъ, что непонятны безъ особыхъ объясненій. Изъ его большихъ произведеній особенной знаменитостью пользовались „Уединеніе“, „Полифемъ“, „Пирамъ и Тисба“.

4. Португальская литература. Эпическая поэзія.

Народная
поэзія.

Старинное галисійское нарѣчіе было вытѣснено кастильскимъ языкомъ изъ литературнаго употребленія въ самой Галисіи, но стало національнымъ языкомъ въ Португаліи, большинство населенія которой составляли переселенцы изъ Галисіи. Португальскій языкъ имѣетъ болѣе мягкій характеръ, чѣмъ кастильскій. Этимъ же качествомъ отличается и португальская поэзія. Многочисленные французскіе рыцари, помогавшіе португальцамъ расширять государство на югъ отнятіемъ областей у мавровъ, внесли въ Португалію романтизмъ. Умственное вліяніе богатаго Лиссабона распространялось на всю Португалію. Другимъ центромъ умственной жизни ея былъ университетъ, основанный въ Коимбрѣ королемъ Діонисіемъ. Подобно сво-

ему современнику Альфонсу Мудрому, Діонисій покровительствовалъ наукѣ и поэзіи. Онъ и самъ слагалъ пѣсни во вкусѣ трубадуровъ. Его преемники, Альфонсъ IV и Петръ I, слѣдовали его примѣру. Альфонсу или одному изъ его сыновей приписываютъ сонетъ, посвященный Васко Лобейрѣ, автору «Амадиса Галльскаго». Въ XV столѣтіи португальцы уже подражали Петраркѣ. Ознакомиться съ итальянской поэзіей было для нихъ тѣмъ легче, что Лиссабонъ велъ обширную торговлю съ Италіей. Но народная поэзія въ Португаліи держалась крѣпче, чѣмъ въ Кастиліи; итальянское вліяніе не могло подавить ее. Португальцы продолжали пѣть романсы о чести и любви, о войнахъ съ маврами. Пламенные пѣсни галисійскаго рыцаря Масіаса долго служили образцами для португальцевъ. Онѣ внесены въ старые Пѣсенники (Cancioneiro), составленіе которыхъ въ Португаліи относится къ XV и XVI столѣтіямъ. Масіасъ, получившій названіе «Влюбленнаго», воспѣвалъ одну изъ дамъ двора маркиза Вильены и былъ убитъ ревнивымъ мужемъ ея. Трагическая судьба его усилила сочувствіе къ страстнымъ его пѣснямъ; онъ остался образцомъ для португальскихъ лирическихъ поэтовъ, у которыхъ выраженіе душевныхъ чувствъ вообще преобладаетъ надъ эпическимъ элементомъ, господствующимъ въ кастильскихъ романсахъ. Этихъ поэтовъ было такъ много, что ихъ произведенія, собранныя при Эммануэлѣ Великомъ Гарсією Резенде, составили большую книгу. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ Педро Рибейро составилъ другой Cancioneiro.

Въ эпоху гуманизма проникло и въ Португалію влеченіе писать латинскіе стихи во вкусѣ древнихъ поэтовъ и подражать итальянскимъ поэтамъ. Эта новая поэзія вытѣснила изъ образованнаго общества національную. Но масса народа осталась вѣрна прежнимъ романамъ, воспѣвавшимъ радости и страданія любви, подвиги предковъ, великія современныя событія. По формѣ португальскіе романсы одинаковы съ кастильскими редондильями. Новый сборникъ ихъ заботливо составленъ Альмендой Гарреттомъ.

Любовь къ новой поэзіи укоренилась не такъ быстро въ Португаліи, какъ въ Испаніи. Генрике Каядо писалъ латинскіе стихи во вкусѣ Анджело Полиціано, но ихъ читали только ученые. Бернардіо Рибейро, жившій при дворѣ Эммануэля Великаго, воспѣвалъ прежнимъ стихомъ романсовъ свою любовь къ недостижимой красавицѣ, изображалъ свои мечты о ней на берегахъ Тахо и Мондего и между скалами Синтры, писалъ эклоги о любви пастуховъ. Его романъ Menina e Moça, оставшійся неоконченнымъ, прославляетъ прежнее рыцарство и служеніе дамъ сердца. Въ этомъ романѣ и въ драмахъ Хиля Винсенте, о которомъ мы говорили, какъ объ испанскомъ драматургѣ, вставлено много народныхъ пѣсенъ. Произведенія Рибейро и его современника Кристовано Фалькано образуютъ переходъ отъ народной поэзіи къ новой, подражавшей итальянцамъ. Фалькано въ длинной эклогѣ воспѣваетъ свою любовь къ пастушкѣ; бывши въ плѣну, онъ написалъ къ своей милой посланіе въ стихахъ. Въ Пор-

Переходъ къ
новой поэзіи.

тугаліи съ этого времени развивается буколическая поэзія во вкусѣ Саннацаро. Са де Миранда и Монтемайоръ перенесли ее изъ португальской литературы въ испанскую. Буколика наводнила обѣ эти литературы. Старые эпическіе романсы исчезли на Пиренейскомъ полуостровѣ; рыцарское копье и боевой конь замѣнились пастушескимъ посохомъ и ягненкомъ, убраннымъ лентами и розами. Разумѣется это была только поэзія образованнаго общества. Португальскій народъ продолжалъ пѣть старыя пѣсни.

Классическій
стиль.

Въ XVI вѣкѣ литературные вкусы были одинаковы въ Испаніи и Португаліи. Короли ссорились между собою; но народы были родственны по характеру. Хиль Висенте, Са де Миранда и другіе португальцы писали и на своемъ родномъ языкѣ, и на кастильскомъ.

Са де Миранда
1495—1558.

Са де Миранда, человѣкъ знатной фамиліи, уроженецъ Коимбры, занимался юридической дѣятельностью въ своемъ родномъ городѣ; потомъ на нѣсколько лѣтъ уѣхалъ въ Италію; возвратившись оттуда, жилъ при Лиссабонскомъ дворѣ, а послѣдніе годы жизни провелъ въ своемъ имѣньи Топадѣ (между Минью и Дуэро), наслаждаясь отдыхомъ отъ дѣлъ. Онъ наиболѣе знаменитъ своими буколиками, написанными на кастильскомъ языкѣ. Гордые кастильянцы считали португальскій языкъ испорченнымъ нарѣчіемъ своего; потому Миранда писалъ свои эклоги во вкусѣ Теокрита на кастильскомъ языкѣ. Только стихотворенія менѣе ученаго характера, какъ напримѣръ поэтическія посланія, пѣсни, гимны въ честь Богоматери, онъ писалъ по-португальски. Также на родномъ языкѣ написалъ онъ прозой двѣ комедіи во вкусѣ Плавта и Теренція. Онѣ нравились инфанту Генриху, но не могли заинтересовать массу публики, потому что изображали чужіе нравы. Миранду должно назвать первымъ классическимъ поэтомъ своей націи.

Феррейра
1528—1569.

Са де Миранда и Хиль Висенте писали отчасти на родномъ языкѣ, отчасти по-кастильски. Антоніо Феррейра, котораго называютъ португальскимъ Гораціемъ, писалъ свои произведенія только по-португальски. Онъ былъ вельможа, учился въ Коимбрѣ юриспруденціи, жилъ потомъ въ придворномъ кругу, былъ членомъ королевскаго совѣта и камергеромъ, умеръ на 41 году отъ чумы. Въ своихъ сонетахъ и элегіяхъ онъ подражалъ Петраркѣ, въ одахъ и посланіяхъ Горацію. Отдѣлка его произведеній изящна, но поэтическаго творчества у него не было.

Изъ лирическихъ произведеній Феррейры называютъ образцовымъ „Майскую элегію.“ Она дѣйствительно прелестна. Онъ написалъ также поэму въ прославленіе португальской святой Коломбы (или Комбы), трагедію „Инеса де Кастро“, въ которой есть прекрасныя лирическія мѣста, и двѣ комедіи „Бристо“ (главное дѣйствующее лицо называется этимъ именемъ) и „Ревнивецъ.“ Эти піэсы написаны въ классическомъ стилѣ и сильно задержали развитіе національной драматической поэзіи Португаліи.

Буколическая поэзія была тогда модной на Пиренейскомъ полу-островѣ. Она служила отдыхомъ отъ тревогъ жизни. Изыщныя идилліи Миранды, Монтемайора, Феррейры восхищали высшее сословіе и находили въ немъ много подражателей. Педро Андраде Каминья, занимавшій должность камергера, писалъ эклоги во вкусѣ Феррейры, съ которымъ былъ друженъ, а въ элегіяхъ, эпиграммахъ, надгробныхъ надписяхъ подражалъ древнимъ писателямъ. Діэго Бернардесъ, участвовавшій въ африканской экспедиціи Себастіана и взятый въ плѣнъ послѣ алькассарской битвы, писалъ въ плѣну для облегченія печали духовныя и свѣтскія пѣсни, эклоги и посланія во вкусѣ Феррейры, а возвратившись на родину, выражалъ элегіями свою печаль о покореніи Португаліи испанцами. Родригесъ Лобо прославился своими пастушескими романами «Весна», «Пастухъ на чужбинѣ», «Разочарованный». Они растянуты, но нравились изяществомъ языка и граціозностью картинъ.

Въ поэзіи Луиса де Камоэнса соединились реализмъ народной поэзіи, представителемъ котораго въ литературѣ былъ Хиль Винсенте, и рефлектирующій идеализмъ ученой поэзіи, введенный въ португальскую литературу Мирандой и Феррейрой. Камоэнсъ былъ выразителемъ всѣхъ великихъ стремленій своей націи. Онъ родился въ 1524 году въ Лиссабонѣ, происходилъ изъ старой, но обѣднѣвшей фамиліи, получилъ хорошее воспитаніе, учился въ коимбрскомъ университетѣ, хорошо ознакомился тамъ съ классическими литературами. Онъ до конца жизни любилъ вспоминать о годахъ, проведенныхъ въ Коимбрѣ, когда, какъ онъ говоритъ въ своемъ прощальномъ сонетѣ, «надежда лелѣяла, молодая бодрость души обманывала его». Возвратившись въ Лиссабонъ, молодой человѣкъ влюбился въ одну изъ придворныхъ дамъ Катарину Атаиде; эта страсть имѣла роковое вліяніе на его жизнь. Онъ былъ высланъ изъ Лиссабона въ Сантаремъ и въ отчаяніи поступилъ на морскую службу; (причиной отчаянія была или разлука съ любимой женщиной, или то, что Катарина Атаиде умерла). Отецъ его былъ морякъ; онъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ морскомъ сраженіи съ маврами близъ Сеуты и потерялъ тамъ правый глазъ. Онъ возвратился въ Лиссабонъ, хлопоталъ о полученіи должности; это не удалось, и въ 1553 году онъ рѣшился искать себѣ карьеры въ Индіи. Эскадра, на которой поплылъ онъ изъ Лиссабона, состояла изъ четырехъ кораблей; три были потоплены бурей, доплылъ до Гои только одинъ тотъ, на которомъ находился Камоэнсъ. Вице-король посылалъ тогда отрядъ войска на помощь одному изъ индійскихъ царей. Камоэнсъ поступилъ въ этотъ отрядъ. Во время его отсутствія пріѣхалъ въ Гою новый вице-король. Камоэнсъ навлекъ на себя немилость этого правителя сатирой и колкими шутками. Вице-король велѣлъ ему удалиться изъ Гои; онъ поступилъ на службу въ эскадру, плывшую въ

Арабскій заливъ противъ корсаровъ; во время этой экспедиціи онъ написалъ свою знаменитую Десятую канцону, въ которой высказываются его душевныя страданія. Отъ африканскаго берега онъ былъ заведенъ судьбою на Тернате, пробылъ тамъ довольно долго, сражался и былъ раненъ, какъ упоминаетъ въ своей шестой канцонѣ. Черезъ нѣсколько времени мы находимъ его въ Макао. Онъ жилъ тамъ доходомъ, который доставляла ему должность завѣдующаго имуществами умершихъ португальцевъ. Душа его возвышалась надъ судьбой. Въ Макао написалъ онъ «Лузіады», поэму, прославившую его. На островѣ Макао есть гротъ, до сихъ поръ называющійся его именемъ. Въ Индію былъ назначенъ новый вице-король; Камоэнсъ рѣшился въ 1558 возвратиться въ Гою, но у берега Камбоджи, близъ устья Ме-Кіана, корабль натолкнулся на скалу; Камоэнсъ бросился въ море и доплылъ до берега; онъ захватилъ съ собой только рукопись поэмы; все его имущество погибло. Камоэнсъ не умѣлъ пріобрѣтать благосклонность правителей. Новый вице-король былъ нерасположенъ къ нему, а при слѣдующемъ вице-королѣ онъ былъ заключенъ въ темницу по обвиненію враговъ въ недобросовѣстномъ управленіи имуществами умершихъ. Онъ вполне оправдался, но и послѣ того довольно долго держали его въ темницѣ за долги. Шутливое поэтическое посланіе къ вице-королю доставило ему наконецъ свободу. Физически и нравственно изнуренный, возвратился онъ на родину въ 1569 году. Плату за его переѣздъ изъ Индіи должны были внести друзья, потому что онъ вернулся нищимъ, пробывъ 16 лѣтъ на Востокѣ, гдѣ обогащались его соотечественники. Онъ продолжалъ страдать отъ бѣдности и въ Португаліи. Въ Лиссабонѣ свирѣпствовала тогда чума; король Себастьянъ готовился къ экспедиціи въ Африку, не имѣлъ досуга и денегъ, чтобъ обезпечить поэта, посвятившаго ему свою поэму: онъ назначилъ Камоэнсу только 15 милрейсовъ пенсіи (по нынѣшней цѣнности милрейса это составляетъ около 85 франковъ). Такая сумма не была уже и въ то время достаточна для самаго скромнаго образа жизни. Говорятъ, что Антонио, вѣрный рабъ, привезенный Камоэнсомъ съ Явы, просилъ по вечерамъ милостыню на улицахъ Лиссабона, чтобъ избавлять отъ голода поэта, имя котораго уже славилось во всей Португаліи. Только то было счастьемъ для патріота Камоэнса, что онъ не дожилъ до гибели независимости своего отечества. Онъ умеръ черезъ годъ послѣ несчастной алькассарской битвы, на 55 году жизни, вѣроятно въ богадѣльнѣ, и былъ безъ всякихъ почестей похороненъ въ церкви Францисканскаго монастыря св. Анны. Черезъ 16 лѣтъ Гонзало Коутинью положилъ мраморную плиту надъ его гробомъ. Только въ нынѣшнемъ столѣтіи поставленъ ему достойный памятникъ.

И какъ лирикъ, и какъ эпическій поэтъ, Камоэнсъ единственный писатель, равный великимъ итальянскимъ поэтамъ той эпохи. Сонеты, въ ко-

торыхъ высказывалъ онъ свои личныя чувства, превосходны по формѣ. Главное содержаніе ихъ—воспоминанія о любви. „Его канцоны, терцины и сонеты“, говорятъ Арентсшильдъ, переводчикъ его лирическихъ стихотвореній на нѣмецкій языкъ, „принадлежать къ числу прекраснѣйшихъ созданій лирической поэзіи во всемирной литературѣ. Онъ, какъ лирикъ, одинъ изъ тѣхъ немногихъ поэтовъ, стихотворенія которыхъ выше всѣхъ перемѣнъ вкуса и остаются образцами красоты для всѣхъ временъ“. Личныя свои чувства онъ выражаетъ кромѣ сонетовъ и въ канцонахъ. Эти стихотворенія вполне раскрываютъ передъ нами его душевную жизнь. Онъ написалъ довольно много сонетовъ, 17 канцонъ, 12 элегій (размѣръ ихъ терцины), 4 секстаны, 3 октавы, (лирическія стихотворенія, строфы которыхъ имѣютъ по шести стиховъ, назывались секстанами, а стихотворенія, писанныя строфами по восьми стиховъ, назывались октавами), 4 посланія, 12 одъ и 2 поэтическія письма. Стихъ его неизмѣнно прекрасенъ; но особенно прелестны его редондильи, стихотворенія въ старомъ національномъ португальскомъ тонѣ. Есть у него и эклоги во вкусѣ Са де Миранды и Феррейры. Онъ написалъ три драмы „Царь Селевкъ“, „Амфитріонъ“, „Филодемъ“. Въ нихъ онъ слѣдовалъ образцу Хилы Вянсенте, но разговоръ у него веденъ лучше. „Амфитріонъ“—передѣлка комедіи Плавта.

«Лузіады».

Какъ драматургъ, Камоэнсъ не равняется Лопе де Вега и Кальдерону, но какъ эпическій поэтъ, онъ равенъ Аріосто и Тассо. Въ одномъ отношеніи онъ даже выше ихъ; предметомъ своей эпопеи онъ взялъ не сказочную тѣму, а подвиги своихъ соотечественниковъ (заглавіе поэмы Камоэнса *Os Lusíadas*, значитъ „Португальцы“, потомки Луза, баспословнаго предка Лузитанъ). Поэма Камоэнса написана строфами, имѣющими по восьми стиховъ и состоитъ изъ десяти пѣсенъ. Основная поэма ея—разсказъ объ экспедиціи Васко де Гамы, открывшаго морской путь въ Индію. Но это лишь рамка, въ которую вставлены воспоминанія о всѣхъ великихъ и трогательныхъ событіяхъ португальской исторіи, въ особенности о подвигахъ португальцевъ на востокѣ. Прославляя геройство своихъ соотечественниковъ, Камоэнсъ молчитъ о собственныхъ страданіяхъ. Отголоскомъ ихъ служить только грустный тонъ многихъ мѣстъ поэмы. Она проникнута высокимъ патріотизмомъ, и мелодическіе стихи ея звучатъ для насъ лебединой пѣснью погибающихъ героевъ. Вскорѣ послѣ того какъ передана была она Камоэнсомъ Себастиану, Португалія утратила независимость.

Вступленіе поэмы Камоэнса напоминаетъ Энеиду, но скоро онъ перестаетъ быть подражателемъ Вергилія, начиная описывать берега Африки, жизнь мусульманъ и дивный міръ Индіи. Въ наше время кажется страннымъ то, что въ разсказы объ историческихъ дѣлахъ своей націи онъ вводитъ боговъ Олимпа: Венера покровительствуетъ тивымъ римлянамъ, Бахусъ досадуетъ на дерзкихъ, экспедиція которыхъ угрожаетъ замить славу его похода въ Индію и старается помѣшать успѣху ея; но въ ту эпоху эта игра мифологическими именами была привычна, считалась занимательной аллегоріей. Вліяніе итальянской поэзіи отразилось въ описаніи волшебнаго праздника, который даетъ Венера на островѣ Любви возвращающимся на родину португальцамъ. На этомъ праздникѣ Оетида, владычица моря, сочетается бракомъ съ Васко де Гамой; ихъ бракосочетаніе — символъ установленія владычества Португаліи на восточныхъ моряхъ; описаніе острова Любви напоминаетъ волшебные сады поэмъ Аріосто и Тассо. Но мифологія и волшебство не играютъ важной роли въ поэмѣ Камоэнса; главное ея содержаніе составляютъ превосходныя описанія дѣйствительной природы и дѣйствительныхъ событій; она, какъ мы говорили, охватываетъ всю историческую жизнь португальскаго народа и даетъ рядъ подробныхъ разсказовъ о поэтическихъ событіяхъ ея; изъ нихъ особенно знамениты эпизоды объ Инесѣ де Кастро, о побѣдѣ при Альжубарротѣ и о геройскихъ подвигахъ Альвареса Перейры. Въ X пѣснѣ, послѣ трогательнаго вступленія, въ которомъ поэтъ

говорить о близости своей смерти, онъ подъ формою предсказаній прорицательницы изображаетъ славные подвиги, какіе совершены были португальцами по открытіи морского пути въ Индію.

Другіе
эпическіе
поэты.
Кортереаль.

Буколическая поэзія долго оставалась преобладающею у португальцевъ, но поэма Камоэнса ввела въ моду у нихъ и эпическую поэзію. Кортереаль воспѣвалъ подвиги испанцевъ и португальцевъ. Подобно большинству писателей обѣихъ этихъ націй, онъ много путешествовалъ. Онъ провелъ молодость въ Индіи, участвовалъ въ африканской экспедиціи Себастіана, былъ взятъ въ плѣнъ, по освобожденіи жилъ въ своемъ имѣніи близъ Эворы. Онъ написалъ на испанскомъ языкѣ поэму о битвѣ при Лепанто, а на португальскомъ поэму объ осадѣ индійской крѣпости Диу и о гибели Мануэля Соузы Сепульведы и его жены Леоноры де Са (они потерпѣли крушеніе у мыса Доброй Надежды и погибли на пути по африканскимъ пустынямъ; объ ихъ смерти рассказываетъ и Камоэнсъ въ V пѣснѣ „Лузіадовъ“). Картины въ поэмахъ Кортереаля вѣрны природѣ, стихъ

Лобо.

легокъ, но большого поэтическаго таланта онъ не имѣетъ. Родригесъ Лобо, хорошій, лирический поэтъ, написалъ эпическую поэму о жизни знаменитаго полководца Альвареса Перейры; она не имѣетъ большого поэтическаго достоинства. Несравненно лучше прозаическое сочиненіе Лобо „Сельская жизнь двора или зимнія ночи“. Это рядъ разговоровъ о томъ, какія знанія нужны государственному человѣку; въ разговоры вставлено много анекдотовъ и небольшихъ повѣстей. Лобо отчасти подражалъ въ этой книгѣ разговорамъ Цицерона. Характеристика разговаривающихъ лицъ сдѣлана у него очень отчетливо, разговоры и рассказы ведены хорошо; книга богата вѣрными замѣчаніями о правилахъ хорошаго вкуса, о литературѣ. Лобо любилъ сельскую жизнь. Онъ утонулъ при переправѣ черезъ Тахо.—Испанскіе поэты написали много эпическихъ поэмъ объ открытіи и завоеваніи Новаго Свѣта; но всѣ онѣ, за исключеніемъ „Арауканы“, простыя переложенія историческихъ рассказовъ въ стихотворную форму; потому скоро были забыты. Алонсо Эрсилья, авторъ „Арауканы“, родился въ Мадридѣ въ 30-хъ годахъ XVI вѣка и участвовалъ въ 1554 году въ войнѣ съ возставшимъ населеніемъ области Арауко (въ Чили). Онъ въ своей поэмѣ описалъ эту войну очень живо.

«Араукана».

Эрсилья проникся удивленіемъ къ геройству дикихъ туземцевъ и началъ свою поэму еще во время похода; возвратившись на родину, онъ довелъ рассказъ до XXXII пѣсни. Недовольный тѣмъ, что слышитъ мало похвалъ своему поэтическому труду, онъ оставилъ его неконченнымъ. Діэго Сантисте Осоріо написалъ слѣдующія XXXIII пѣсни, въ которыхъ рассказъ доведенъ до покоренія арауканцевъ. Трудъ Эрсильи, подобно другимъ испанскимъ произведеніямъ этого рода, не эпопея, а историческій рассказъ въ стихахъ, но въ немъ много поэтическихъ мѣстъ. Характеръ страны и ея жителей, явленія природы, сцены сраженій описаны очень вѣрно.

III. ГЕРМАНИЯ. НАЧАЛО РЕФОРМАЦИИ.

Литература. Германія въ эпоху реформациі: *Goldast, Collectio constitutionum imperiarum* (4 тома, Francoforti, 1713).—*Luthers sämtliche Schriften* (изданіе Вальха, и новое начатое по поводу юбилея Лютера);—*Sleidanus, De statu religionis et reipublicae Carolo V Caesare* (франкфуртское изданіе, 1785); *Spalatinus, Annales Reformationis* (Лейпцигское изданіе, 1718); *Cochlaeus, Commentarii de actis et scriptis Martini Lutheri* (Moguntiaci, 1549).—*Buchholz, Geschichte der Regierung Ferdinand I* (9 томовъ, Wien, 1831—1838). Сочиненія Ранке, перечисленные нами въ

прежнемъ обзорѣ. К. А. Мензель, Neuere Geschichte der Deutschen (2 изд., Breslau, 1854); Souchay, Deutschland während der Reformation (Frankfurt am Main, 1868); Hagen, Deutschlands litterarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter (3 тома, Frankfurt a. M. 1868); Schade, Satiren und Pasquille aus der Reformationszeit (3 тома, Hannover, 1856—1858); August Baur, Deutschland in den Jahren 1517—1525, betrachtet im Lichte gleichzeitiger Volks- und Flugschriften (Ulm, 1872).—Сборникъ документовъ по исторіи реформаци: Löscher, Vollständige Reformati-
onsacta (3 тома, Leipzig 1720 и слѣд. годы), Neudecker, Urkunden aus der Reformati-
onszeit (Kassel, 1836) его же, Aktenstücke (Nürnberg, 1838); его же, Neue Beiträge (Leipzig, 1841); Förstemann, Neues Urkundenbuch zur Geschichte der evangelischen Kirchenreformation (Hamburg, 1842); Salig, Vollständige Historie der Augsbургischen Confession (3 тома, Halle 1730 слѣд. годы); Balan, Documenta re-
formationis Lutheranae (Regensburg, 1883; документы изъ Ватиканскаго архива, издан-
ные по порученію римской курии).—Planck, Geschichte der Entstehung, der Verän-
derungen, und der Bildung des protestantischen Lehrbegriffs (7 томовъ, Leipzig 1791—1800);
Marheineke, Geschichte der deutschen Reformation (2 изд., 4 тома, Leipzig, 1831—1834);
Neudecker, Geschichte der deutschen Reformation von 1517—1532 (Leipzig, 1843);
Maurenbrecher, Karl V und die deutschen Protestanten (Düsseldorf, 1865); его же Geschichte der katholischen Reformation (1880); Hagenbach,
Geschichte der Reformation (4 изд., 1870); De Wette, Dr. Martin Luthers Briefe (5
томовъ, Berlin, 1825—1828 и дополнение, изданное Зейдеманомъ, составляющее 6-й томъ);
Собранія писемъ Лютера, изданныя Буркгардомъ, Эндерсомъ и Кольде. Меланхтона
Historia de vita et actis Lutheri.—Vogel, Bibliotheca bibliographica Lutherana,—Me-
uer, Luthers Leben (2 изд., 2 тома, 1852); Jürgens, Luthers Leben (3 тома,
Leipzig, 1846, 1847); Köstlin, Martin Luther (2 изд., 2 тома, Elberfeld, 1883);
его же, Luthers Theologie (2 тома, 1862). Католическія понятія о дѣятельности Лю-
тера имѣютъ своимъ классическимъ выраженіемъ трудъ Янсена: Janssen, Geschichte
des deutschen Volks seit dem Ausgange des Mittelalters (7 изд., 1881 и слѣд. годы).

Самое полное собраніе сочиненій и писемъ Меланхтона помѣщено въ изданіи Corpus
Reformatorum (28 томовъ, Braunschweig und Halle, 1834—1860). Изъ монографій о
немъ назовемъ: Malthes, Melanchthon, sein Leben und Wirken (Altenburg, 1841) и
Herzlinger, Die Theologie Melanchthons (Erlangen, 1879).—Большое ученое до-
стоинство имѣютъ труды Кольде: Die Augustinerkongregation und Staupitz (Gotha,
1879); Friedrich der Weise (Erlangen, 1880); Luther und der Reichstag in Worms
(Gotha, 1883); Martin Luther (Gotha, 1884). Есть хорошія монографіи въ изданіи,
выходящемъ съ 1883 года: Schriften des Vereins für Reformationsgeschichte; изъ нихъ
назовемъ Walther, Luther im neuesten römischen Gericht (Halle, 1884).

1. Германія и римская церковь передъ началомъ реформаци. Ученіе объ индульгенціяхъ.

Учрежденія, основанныя на великихъ нравственныхъ идеяхъ, мо-
гутъ съ теченіемъ времени уклоняться отъ нихъ и тогда нуждаются
въ обновленіи. Таково было состояніе католической церкви въ концѣ
среднихъ вѣковъ, и реформаци была процессомъ ея обновленія. По
несовершенству всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и въ этомъ процессѣ
участвовали вмѣстѣ съ хорошими дурныя силы. Но кто вѣрить въ

историческій прогрессъ, не откажетъ реформациі въ названіи прогрессивнаго явленія. Церковное движеніе было лишь однимъ изъ факторовъ происходившаго тогда преобразованія всей жизни народовъ: мы видѣли, что преобразовался государственный бытъ западной Европы подавленіемъ феодальнаго устройства въ Испаніи, Франціи. Даже и въ Германіи, гдѣ уцѣлѣли областные государи, они были до нѣкоторой степени подчинены центральному правительству. Мы видѣли, что преобразовались искусство и наука, были открыты новыя страны для дѣятельности европейцевъ. Неизбѣжно было и преобразование западной церкви.

Левъ
1513—1521. Римъ 11 апрѣля 1513 торжественно встрѣчалъ новаго папу, Джованни Медичи, принявшаго имя Льва X. Онъ въѣзжалъ въ городъ великолѣпной процессіей. Вельможи римской области и Флоренціи составляли его свиту. Улицы и площади были украшены картонами, триумфальными арками, надписями въ античномъ вкусѣ; передъ церквами подлѣ святыхъ стояли изображенія божествъ Олимпа. Эта смѣсь христіанства съ язычествомъ не шокировала никого, потому что языческіе боги и богини были только аллегорическими фигурами, и всѣ въ Римѣ привыкли къ нимъ. Левъ X, сынъ Лоренцо, наследовалъ отъ него любовь къ искусству и древней поэзіи, но также и жажду наслажденій, любовь къ роскоши. Новому папѣ было еще только 38 лѣтъ. Въ молодости кардиналъ Джованни Медичи роскошничалъ и веселился такъ, что запутывался въ долги; однажды онъ заложилъ свою серебряную посуду, чтобы достать денегъ на устройство пира. Онъ былъ щедрымъ покровителемъ ученыхъ и художниковъ. Роскошь и меценатство нравились римлянамъ, потому они радостно встрѣчали новаго папу; но не понравилось имъ то, что онъ роздалъ множество придворныхъ и церковныхъ должностей флорентійцамъ и въ особенности своимъ родственникамъ, между которыми первое мѣсто занялъ его двоюродный братъ Джуліо, сынъ Джуліано, убитаго соучастниками заговора Пацци. Джуліо было тогда 35 лѣтъ. Онъ былъ сдѣланъ кардиналомъ и назначенъ архіепископомъ флорентійскимъ, но жилъ обыкновенно въ Римѣ и оказывалъ Льву X большія услуги своей дѣловой опытностью. Вліятельнѣйшимъ совѣтникомъ Льва X послѣ него былъ кардиналъ Довици Биббіана, съ молодости бывшій приверженцемъ династіи Медичи, даровитый, ученый, изящный человѣкъ, но, какъ многіе гуманисты, плохой христіанинъ.

Начало
правленія
Льва X. Начало правленія Льва X было очень счастливо. Людовикъ XII, тѣснимый врагами въ сѣверной Италіи, искалъ союза съ папой, отказался отъ покровительства враждебному римской куріи собору, засѣдавшему въ Ліонѣ и состоявшему теперь только ужъ изъ немногихъ прелатовъ. Они, оставшись безпомощными, выразили раскаяніе въ своей оппозиціи; папскій соборъ, засѣдавшій въ Латеранѣ, былъ

признанъ единственнымъ законнымъ во всей западной Европѣ. Кардиналъ Карвахаль, бывшій главою собора, враждебнаго папѣ, служилъ обѣдню при окончаніи засѣданій папскаго латеранскаго собора (въ мартѣ 1517). Левъ получалъ много заявленій дружбы и почтенія; посольство короля португальскаго привезло въ подарокъ ему драгоценныя индійскіе продукты. На личномъ свиданіи съ Францискомъ въ Болоньѣ послѣ его побѣды при Мариньяно Левъ заключилъ съ нимъ 14 декабря 1515 конкордатъ, по которому предоставлялъ французскому королю право назначать епископовъ въ его государствѣ и за это получилъ нѣкоторые доходы отъ французской церкви (такъ называемыя аннаты и часть резервацій). Этимъ конкордатомъ была отмѣнена прагматическая санкція; французская церковь была поставлена въ полную зависимость отъ короля, и были обезпечены папѣ довольно большія денежныя выгоды. Продолжая дѣло Юлія II, Левъ X хотѣлъ увеличить папское государство. Онъ обвинилъ въ нарушеніи вассальныхъ обязанностей Франческо Марію делла Ровере, герцога урбинскаго. Урбинская династія всегда была вѣрна папамъ, и обвиненіе противъ Франческо Маріи было несправедливо; оно только служило предлогомъ отнять у него владѣнія. Война длилась 8 мѣсяцевъ. Въ ней прославился храбростью и стратегическимъ искусствомъ родственникъ Льва, начальникъ Чернаго легіона, Джованни Медичи. Франческо Марія былъ прогнанъ въ 1516 году, папа отдалъ герцогство урбинское своему племяннику Лоренцо Медичи и женилъ его на родственницѣ короля французскаго.

Въ 1519 году герцогиня умерла вскорѣ по рожденіи дочери Катарины, сдѣлавшейся впослѣдствіи королевой французской. Около того же времени умеръ и Лоренцо. По смерти ихъ Левъ присоединилъ къ папскому государству герцогство урбинское (въ составъ котораго входили Пезаро и Спингалля). Левъ заманилъ въ Римъ владѣтеля Перуджии, храбраго Джованни Паоло Бальоне, вѣроломно арестовалъ его, велѣлъ казнить ночью и захватилъ Перуджію. Такимъ образомъ упрочилось владычество папы въ римскихъ маркахъ. Герцогъ феррарскій сопротивлялся притязаніямъ Льва на сюзеренную власть надъ нимъ и во все правленіе этого папы находился въ опасности потерять свое государство. По смерти Льва онъ выбилъ медаль съ надписью „Агнецъ, спасшійся отъ пасти льва“. Латеранскій соборъ (засѣдавшій съ 1512 до 1517 года) въ концѣ своихъ совѣщаній постановилъ, что духовенство всей западной церкви должно давать папѣ десятину съ своихъ доходовъ. Предлогомъ для этого была выставлена война, которую папа будетъ вести съ турками. Латеранскій соборъ разошелся, не сдѣлавъ ничего для улучшенія дурнаго управленія церковью. Онъ только постановилъ, что книги должны подлежать духовной цензурѣ.

Но въ концѣ блестящаго правленія Льва X римская церковь под- Образъ жизни
Льва X.
верглась удару, поколебавшему ее. Въ тотъ годъ, когда началось въ Германіи движеніе, оторвавшее значительную часть западнаго христіанства отъ подвластности папѣ, произошло и въ самомъ Римѣ

событіе, ужаснувшее городъ: былъ открытъ заговоръ убить папу; соучастниками этого умысла были нѣкоторые кардиналы, душою его былъ Альфонсо Петруччи. Онъ не хотѣлъ выразить раскаянія и безъ исповѣди былъ казненъ 23 іюня 1517.—Левъ X часто нуждался въ деньгахъ. Онъ любилъ пышность, давалъ великолѣпные пиры, покровительствовалъ искусству и наукѣ; былъ окруженъ толпой ученыхъ, поэтовъ, художниковъ, щедро награждалъ ихъ за труды. Онъ страстно любилъ охоту; на его охотничьи поѣздки собирались духовные и свѣтскіе вельможи; онъ роскошно угощалъ ихъ. Его любовь къ искусству поглощала громадныя деньги. Онъ израсходовалъ колоссальныя суммы на пристройки къ ватиканскому дворцу и еще больше на продолженіе постройки храма Петра. Онъ былъ истинный Медичи по своей страсти къ блеску, по легкомысленной расточительности и по преданности чувственнымъ наслажденіямъ. Онъ думалъ только о томъ, чтобъ жить въ свое удовольствіе и чтобъ обстановка его наслажденій была изящна, роскошна. Однимъ изъ украшеній ея служили эстетическія удовольствія: литература, музыка, живопись, скульптура; онъ страстно любилъ ихъ, жилъ въ обществѣ пріятелей, раздѣлявшихъ его вкусы; назначалъ кардиналами молодыхъ людей, любившихъ изящныя наслажденія, и, окруженный ими, веселился и пировалъ какъ язычникъ древней Греціи. Зиму проводилъ онъ въ Римѣ, осень въ томъ или другомъ изъ своихъ роскошныхъ загородныхъ дворцовъ. Въ частной жизни онъ былъ любезенъ, и когда не мѣшала тому политика, добродушенъ, въ своихъ наслажденіяхъ онъ соблюдалъ внѣшнее приличіе. Въ церковныхъ и литературныхъ спорахъ онъ становился на сторону просвѣщенія. Онъ принялъ Рейхлина подъ свою защиту, и на первыя обвиненія обскурантовъ противъ Лютера отвѣчалъ, что это человѣкъ умный. Къ религіи онъ былъ равнодушенъ. Самой дурной стороною его правленія была расточительность. «Льву было такъ же невозможно сохранить у себя 1000 дукатовъ, какъ не возможно камню собственной силой полетѣть по воздуху», говоритъ современный историкъ Веттори. Потому онъ всячески старался увеличить папскіе доходы. Онъ долго оставлялъ незамѣщенными тѣ церковныя должности, доходы которыхъ во время ихъ вакантности шли въ папскую казну; увеличилъ плату за паллій (за утвержденіе въ архіепископскомъ санѣ), повышалъ аннаты и другія пошлины съ церковныхъ должностей, продавалъ бенефиціи, предоставленныя въ распоряженіе папѣ, требовалъ десятины съ церковныхъ доходовъ, пользовался всѣми другими дурными средствами получать деньги, какія были придуманы въ прежнее время. Однимъ изъ важныхъ источниковъ дохода была для него продажа индульгенцій; она и послужила первымъ поводомъ къ реформаціи.

Ученіе объ индульгенціяхъ. Въ католической церкви ужъ давно развилось ученіе, что избытокъ благодати, пріобрѣтенный родомъ человѣческимъ отъ Спасителя,

находится въ распоряженіи папы, что этотъ избытокъ увеличенъ заслугами святыхъ, совершившихъ болѣе подвиговъ благочестія, чѣмъ сколько необходимо было для ихъ собственнаго спасенія, что папа можетъ давать часть этого избытка людямъ, не сдѣлавшимъ достаточно хорошаго для своего спасенія, и что такимъ образомъ онъ можетъ избавлять ихъ отъ наказаній за грѣхи. Сначала это было относимо только къ церковнымъ наказаніямъ въ земной жизни; потомъ былъ сдѣланъ выводъ, что папа можетъ избавлять и отъ тѣхъ наказаній, какимъ подвергаются въ чистилищѣ души умершихъ. Это ученіе привело въ послѣднія времена среднихъ вѣковъ къ тому, что папа сталъ давать отпущеніе грѣховъ за пожертвованія въ пользу римской церкви. Граматы, которыми давалось отпущеніе грѣховъ, назывались индульгенціями. Богословы понимали въ этомъ дѣлѣ подъ отпущеніемъ грѣховъ только освобожденіе отъ церковныхъ наказаній въ земной жизни; но продавцы индульгенцій говорили, что покупкой ихъ пріобрѣтается и освобожденіе отъ наказаній въ будущей жизни; такъ думалъ и народъ. Продажа индульгенцій стала источникомъ дохода для римской куріи. Когда при папскомъ дворѣ распространилось невѣріе, торговля индульгенціями обратилась въ безстыдную спекуляцію на невѣжество простолюдиновъ, и сама курія смѣялась надъ толпой, которую обирала этимъ способомъ. При Иннокентіи VIII одинъ изъ римскихъ церковныхъ сановниковъ уже говорилъ, насмѣшливо искажая текстъ священнаго писанія: «Богъ хочетъ не смерти грѣшника, а того, чтобъ онъ заплатилъ и спасся». Для продажи индульгенцій придумывались благовидные предлоги: надобность въ деньгахъ на войну съ турками, на построеніе монастыря, на какое нибудь другое церковное дѣло. Сначала индульгенціи продавались только богомольцамъ, посѣщающимъ Римъ. Но въ 1500 году Александръ VI велѣлъ продавать ихъ повсюду. При Львѣ X построеніе ватиканской базилики было сдѣлано предлогомъ къ новому распоряженію о продажѣ индульгенцій. Германія и Швейцарія были раздѣлены на три округа, въ каждомъ изъ которыхъ завѣдываніе продажей индульгенцій было поручено высокому церковному сановнику. Въ сѣверной Германіи эту должность принялъ на себя высшій сановникъ нѣмецкой церкви, архіепископъ майнцскій и магдебургскій Альбрехтъ, принцъ бранденбургской династіи, походившій на Льва X любовью къ пышности и подобно ему покровительствовавшій искусству. За свое согласіе допустить въ сѣверной Германіи продажу индульгенцій онъ взялъ себѣ половину дохода отъ этой торговли. Передъ тѣмъ временемъ онъ для уплаты пошлины папѣ за паллій (за утвержденіе въ архіепископскомъ санѣ) занялъ 30.000 золотыхъ флориновъ у банкирской фирмы аугсбургскихъ богачей Фуггеровъ. Та половина дохода отъ продажи индульгенцій, которая предназначалась ему, должна была идти на уплату этого долга, потому при монахѣ, продававшемъ

Продажа индульгенцій въ Германіи.

индульгенціи въ сѣверной Германіи, находились агенты банкирскаго дома Фуггеровъ, забиравшіе ту часть выручки, какая приходилась на долю Альбрехта. Въ послѣдствіи тридентскій соборъ призналъ, что продажа индульгенцій имѣла характеръ, осуждаемый католической церковью, и защитники ея приводили въ похвалу ей только то, что продавцамъ было велѣно давать даромъ индульгенціи бѣднымъ людямъ, не имѣющимъ денегъ на покупку ихъ. Цѣна за индульгенцію опредѣлялась продавцомъ, смотря по грѣхамъ и по денежнымъ средствамъ покупающихъ. Продавцы расхваливали свой товаръ всяческими шарлатанскими способами, потому что часть выручки шла въ ихъ пользу. Безстыднѣйшимъ изъ нихъ былъ доминиканскій монахъ Іоганнъ Тецель, человѣкъ, осужденный въ Инсбрукѣ на смертную казнь за обольщеніе замужней женщины, но получившій прощеніе. О немъ рассказываютъ, будто онъ говорилъ, что покупка индульгенцій лучше крещенія спасаетъ душу, освобождаетъ не только отъ прошедшихъ, но и отъ будущихъ грѣховъ, что какъ только зазвонятъ деньги, опускаемая въ ящикъ, вылетаетъ изъ чистилища та душа, для освобожденія которой отъ наказанія куплена индульгенція. Если онъ дѣйствительно говорилъ такъ, то, конечно, справедливы рѣзкія порицанія его безстыдству; но винить за безсовѣстность слѣдуетъ не его, а людей, сдѣлавшихъ своимъ агентомъ такого шарлатана.

Продажа индульгенцій компрометировала римскую церковь, но не поколебала бѣ ея, если бы не существовало въ Германіи уже и безъ того сильное стремленіе преобразовать церковь. Въ прежнія времена противники римской куріи оставались безсильны. Теперь развились у образованныхъ людей новыя понятія о церковныхъ дѣлахъ. Послѣ неудачи констанцскаго и базельскаго соборовъ стало распространяться въ Германіи негодованіе на то, что всѣ злоупотребленія римской куріи сохранились. На нѣмецкихъ сеймахъ постоянно шли совѣщанія о надобности прекратить ихъ, и проекты этого рода не были исполняемы только по неудовлетворительности политическаго устройства Германіи. Государи досадовали на папъ, оставляющихъ безъ вниманія ихъ требованія преобразовать церковь, на духовные суды, мѣшающіе дѣйствіямъ свѣтскихъ, на то, что папы обираютъ нѣмецкую церковь аннатами, десятиной и другими пошлинами, раздають бенефиціи иноземнымъ кардиналамъ. Сановники нѣмецкой церкви, большею частью младшіе сыновья государей и вельможъ, негодовали на стѣсненіе ихъ правъ римской куріей; низшее духовенство завидовало монахамъ нищенствующихъ орденовъ, отнявшимъ у него вліяніе на прихожанъ и доходы; благочестивые люди возмущались развратомъ папскаго двора и нищенствующихъ орденовъ, находившихся подъ его покровительствомъ; просвѣщенные люди негодовали на то, что римская курія развиваетъ въ народѣ суевѣріе; ученые смѣялись надъ невѣжествомъ монаховъ и нападали на схоластическую

догматику католической церкви, доказывая неосновательность ея философскими доводами, разъясненіемъ священнаго писанія и ученія первыхъ отцовъ церкви. Янъ Вессель высказывалъ почти всѣ тѣ мысли, которыя впослѣдствіи были защищаемы Лютеромъ. Онъ былъ въ глубокой старости преданъ церковному суду, какъ еретикъ, и умеръ въ темницѣ; но это не помѣшало его мыслямъ распространяться. Съ такимъ же мужествомъ возставалъ противъ схоластической догматики католичества Йоганнъ Гохъ. Города роптали на то, что лица духовнаго званія изъяты изъ подсудности ихъ трибуналамъ, что привилегіи духовенства нарушаютъ ихъ права и въ частности цеховые уставы, что преступники, уходя въ монастыри, остаются безнаказанными, что духовенство пріучаетъ народъ къ лѣности, требуя соблюденія многочисленныхъ праздниковъ, что при монастыряхъ развивается нищенство, что расширение церковныхъ имѣній уменьшаетъ благосостояніе націи; потому народная литература, центрами которой были города, нападала на монашество. Пороки духовенства служатъ главнымъ предметомъ насмѣшекъ въ «Рейнеке Лисицѣ», въ поэмѣ Бранта «Дурацкій корабль», въ анектодахъ объ Эйленшпигелѣ. Гуманисты писали въ томъ же духѣ. Мы видѣли, что Эразмъ осмѣивалъ невѣжество монаховъ. Въ Германіи сохранились остатки прежнихъ ересей; такъ, напримѣръ, въ Саксоніи не вполне было забыто ученіе гуситовъ; ему сочувствовали простолюдины, обременяемые церковными поборами; они привыкали къ мысли, что глава церкви самъ Христосъ, а не папа, покровительствующій этимъ поборамъ.

Йоганъ Пупиеръ фонъ-Гохъ (то-есть уроженецъ мѣстечка Гоха, Goch), пріоръ женскаго монастыря въ Мехельнѣ, говорилъ, что основаніемъ догматики должно быть священное писаніе, что мнѣнія отцовъ церкви должны быть считаемы справедливыми лишь при согласіи съ нимъ, что сочиненія позднѣйшихъ богослововъ и въ особенности нищенствующихъ монаховъ не заслуживаютъ никакого довѣрія, что они затемняютъ истинное христіанское ученіе, ставятъ источникомъ спасенія не благодать Божію, а исполненіе формальностей. Янъ Вессель, бывший членомъ братства общей жизни (VШ, 166), усвоившій себѣ гуманистическое образованіе, говорилъ, что единственный источникъ христіанской религіи—Евангеліе, что церковь собраніе вѣрующихъ, соединенныхъ любовью къ ея главѣ Христу, что церковныя должности установлены только для охраненія внѣшняго порядка и не даютъ никакой особенной святости получающимъ ихъ. Вообще система его богословскихъ понятій та самая, какой впослѣдствіи держались дѣятели реформаціи.

Йоганъ Гохъ.
† 1475.

Янъ Вессель
1420—1489.

2. Л ю т е р ь.

а) МОЛОДОСТЬ.

«Я сынъ землепашца, мой отецъ, дѣдъ, прадѣдъ были настоящими землепашцами; потомъ отецъ мой переселился въ Мансфельдъ и сталъ тамъ ломать камень»,—такъ говоритъ Лютеръ въ одной изъ своихъ

Семейство
Лютера.

«Застольныхъ рѣчей». Родиной фамиліи Лютеровъ была Мера, селеніе въ горахъ Тюрингскаго лѣса. Послѣ вормсскаго сейма Лютеръ навѣстилъ Меру; онъ говоритъ: «Въ той мѣстности почти всѣ жители мои родные». Имущество дѣда Лютера перешло къ старшему сыну; второй сынъ, Гансъ Лютеръ, отецъ реформатора, переселился изъ Меры въ Эйслебенъ; тамъ его жена Маргарета Циглеръ 10 ноября 1483 родила сына, котораго называли Мартиномъ. Въ слѣдующемъ году Гансъ Лютеръ переселился въ Мансфельдъ и добывалъ тамъ хлѣбъ семейству землепашествомъ и выламываніемъ шиферныхъ плитъ. Есть разсказъ, будто мать Мартина отправилась изъ Мансфельда на ярмарку въ Эйслебенъ и родила сына тамъ; это, вѣроятно, выдумка, составленная въ подражаніе разсказу Евангелія о рожденіи Христа не въ Назаретѣ, гдѣ былъ домъ Маріи, а въ другомъ мѣстѣ. Родители Мартина Лютера жили въ Мансфельдѣ очень бѣдно. «Мои родители были сначала очень бѣдны», говоритъ онъ: «Мой отецъ былъ бѣдный рабочій, ломавшій шиферъ, а мать носила дрова на спинѣ. Такъ они выкормили насъ, дѣтей. Они работали очень тяжело; теперь люди не стали бы такъ трудиться». Но дѣла ихъ постепенно поправлялись. Гансъ Лютеръ былъ сильный мужчина желѣзнаго здоровья, дѣятельный, твердый характеромъ; онъ сталъ зажиточенъ, приобрѣлъ себѣ домъ, двѣ плавильныя печи, сталъ членомъ городского совѣта, пользовался общимъ уваженіемъ. Мать имѣла тоже твердый характеръ и, по словамъ Меланхтона, славилась безукоризненностью жизни и набожностью; она ставила своей задачею неутомимый трудъ и повиновеніе Богу и мужу, но у ней не было материнской кротости; она до крови била малютку Мартина за какойнибудь взятый имъ безъ ея позволенія орѣхъ. Сынъ впослѣдствіи говорилъ: «Желаніе у нея было хорошее, но суровая жизнь, какую вела она, была причиной, что я потомъ ушелъ въ монастырь и сталъ монахомъ». Суровость родителей не заглушила въ немъ любви къ нимъ. Сохранились письма, въ которыхъ онъ старается утѣшить своихъ одряхлѣвшихъ больныхъ родителей. Получивъ извѣстіе о смерти отца, онъ «тотчасъ взялъ Псалтирь, пошелъ въ свою комнату и плакалъ столько, что на другой день у него болѣла голова». Онъ наслѣдовалъ многія черты отцовскаго характера: непоколебимую волю при частыхъ и сильныхъ перемѣнахъ душевнаго настроенія, вспыльчивость, соединенную съ готовностью мириться, неподкупное прямотушіе, разсудительность и умѣнье сообразоваться съ обстоятельствами.

Школьная
жизнь.

Съ 14 года Лютеръ сталъ ходить въ мансфельдскую школу. Обращеніе въ ней было такое же суровое, какъ въ его родительскомъ домѣ. Онъ говоритъ, что однажды его «порядкомъ посѣкли» пятнадцать разъ въ одно утро, что школы были тогда тюрьмы и ады; учителя тираны и палачи. Ему приходилось бродить на Рождество

по селеніямъ, выпрашивая подачки пѣніемъ поздравленій съ Рождествомъ и Новымъ годомъ; часто онъ голодалъ. Ученіе было плохое; оно состояло главнымъ образомъ изъ машинальнаго чтенія молитвъ. Потомъ нѣсколько времени учился онъ въ Магдебургѣ въ школѣ братьевъ общей жизни. Онъ и въ это время терпѣлъ тяжелую нужду. Многіе недостатки его характера объясняются безотрадностью его молодости; эта горькая жизнь сдѣлала его грубымъ; ея результатами были припадки меланхоліи, которымъ впослѣдствіи такъ часто подвергался онъ. Только въ Эйзенахѣ, куда пришелъ онъ учиться по обстоятельствамъ, которыхъ мы не знаемъ, судьба его улучшилась. Пожилая женщина, имѣвшая нѣкоторое состояніе, Урсула Котта была тронута жалобнымъ пѣніемъ мальчика, просившаго о подаяніи, и взяла его къ себѣ въ домъ. Онъ года три или четыре учился въ эйзенахской школѣ при церкви св. Георгія. Эйзенахъ остался милъ ему на всю жизнь.

Въ іюлѣ 1501 года 18-лѣтній Лютеръ отправился изъ Эйзенаха въ эрфуртскій университетъ. Отецъ хотѣлъ, чтобъ онъ сталъ юристомъ и дослужился до такихъ должностей, которыя доставляли бы честь семейству; потому сталъ давать ему недурное содержаніе, будучи теперь зажиточнымъ человѣкомъ. Въ эрфуртскомъ университетѣ господствовали тогда просвѣщенныя понятія. Онъ былъ однимъ изъ центровъ нѣмецкаго гуманизма. Это было результатомъ дѣятельности Яна Весселя, умершаго лѣтъ за 12 передъ тѣмъ. Но Лютеръ не получилъ въ Эрфуртѣ гуманистическаго образа мыслей. Его душа была мучима мрачными чувствами: его религіозныя понятія вращались около идей о строгомъ судѣ Божіемъ надъ грѣшниками, о мученіяхъ ада, отъ которыхъ можно спастись только аскетизмомъ. Учасъ въ Магдебургѣ, онъ видѣлъ Вильгельма, князя ангальтскаго, сдѣлавшагося капуциномъ, изнуриваго себя самоистязаніями, ходящаго во городу съ нищенской сумой для выпрашиванія подаяній ордену; видъ этого аскета произвелъ на Лютера сильное впечатлѣніе. Схоластическое ученіе о грѣхѣ и покаяніи было для него занимательнѣе гуманизма; онъ думалъ не объ удовольствіяхъ, а только о спасеніи души. Онъ начиналъ свои занятія молитвами. Въ то время въ нѣмецкихъ университетахъ владычествовалъ номинализмъ, но онъ вовсе не имѣлъ раціоналистическаго направленія, какимъ отличался въ прежнія эпохи отъ реализма. Онъ служилъ теперь только къ тому, чтобы совершенно подчинять мысли догматамъ вѣры, доказывая, что таинства ея недоступны разуму; нѣмецкіе номиналисты того времени возвышали этимъ авторитетъ церкви, обладающей божественнымъ откровеніемъ. Лютеръ четыре года усердно занимался философіей и юриспруденціей; въ 1502 году онъ получилъ степень бакалавра; его хвалили за ученость; но ему не нравилась юриспруденція, открывавшая тогда дорогу къ занятію хорошихъ должностей. Въ 1505

Ученіе въ
эрфуртскомъ
университетѣ.

году, когда онъ сдѣлался магистромъ философіи и долженъ былъ начать занятія, подготовлявшія къ юридической дѣятельности, произошелъ случай, ужаснувшій его и внушившій ему рѣшеніе поступить въ монашество. Въ жаркій день лѣтомъ онъ шелъ по пустынной тропинкѣ между Эрфуртомъ и селеніемъ Штоттергеймомъ; его застигла гроза. Ударъ молніи разразился не подалеку отъ него, онъ въ смертельномъ испугѣ воскликнулъ: «Святая Анна, спаси! Я поступлю въ монахи!» Въ письмѣ къ отцу онъ говоритъ: «Я сдѣлался монахомъ не по доброй волѣ; объятый ужасомъ смерти, я далъ вынужденный обѣтъ». Онъ еще разъ повеселился съ друзьями и въ концѣ пирушки сказалъ: «Теперь вы ужь не увидите меня». Они со слезамя проводили его до воротъ августинскаго монастыря, въ который онъ поступалъ монахомъ. Онъ принялъ монашество 17 іюля 1505. Отецъ очень сердился на это и не скоро помирился съ сыномъ, обманувшимъ его надежды. При рукоположеніи Лютера въ санъ священника (іеромонаха) 2 мая 1507, старикъ, обращаясь къ находившимся въ церкви дворянамъ и другимъ важнымъ людямъ, воскликнулъ: «Не сказано ли, что сынъ долженъ чтить отца и мать?» Сынъ смутился и не возразилъ ничего.

Жизнь въ монастырѣ.

Лютеръ обѣщался быть богобоязненнымъ монахомъ и сдержалъ слово. Его сначала заставляли исполнять унижительныя порученія. Онъ долженъ былъ ходить съ нищенской сумой по городу и сосѣднимъ селеніямъ, собирая милостыню на монастырь; его заставляли стеречь ворота, очищать отхожія мѣста. Такъ вообще дѣлали съ новопоступающими, по монашескому правилу смирять гордыню. Лютеръ исполнялъ все. «Я былъ набожный монахъ», говорилъ онъ впоследствии, «и исполнялъ орденскій уставъ такъ строго, что могу сказать: если когда монахъ взошелъ на небо монашествомъ, то и я взошелъ бы; это засвидѣтельствуютъ всѣ мои монастырскіе товарищи; если-бъ это продолжалось дольше, то я замучилъ бы себя до смерти бдѣніемъ, молитвой, чтеніемъ набожныхъ книгъ и другой работой». Онъ неутомимо сражался съ чортомъ, какъ онъ выражался. Мысли о вѣчной гибели постоянно мучили его; онъ хотѣлъ умерщвленіемъ плоти заглушить ихъ, но постоянно чувствовалъ себя грѣшникомъ.

«Когда я былъ самымъ набожнымъ монахомъ», говорилъ онъ впоследствии, «я подходилъ къ престолу сомнѣвающимся (въ своемъ душевномъ спасеніи); помолившись и покаявшись, я снова отчаявался, потому что мы находились въ заблужденіи, будто наша молитва не будетъ услышана, если мы не будемъ совершенно чисты и безгрѣшны, какъ святые на небѣ. Я думалъ, что погибну (душою), когда чувствовалъ тѣлесную похоть, гнѣвъ противъ брата или зависть. Я исповѣдывался каждый день, но это не помогло, потому что грѣхи возвращались, и я мучился такими мыслями: вотъ ты сдѣлалъ такой-то и такой-то грѣхъ, потому погибли всѣ твои добрыя дѣла».

Монахи сначала запрещали Лютеру читать книги; они говорили: церковное имущество умножается собираніемъ милостыни, а не книж-

ными занятіями. Но университетъ вступился за своего бывшего воспитанника, и генераль-викарій августинскаго ордена въ Германіи Йоганнъ фонъ Штаупицъ, которому эрфуртскіе ученые говорили о Лютерѣ, велѣлъ монастырскому начальству давать ему время для книжныхъ занятій. Онъ съ жадностью сталъ изучать богословіе, читалъ день и ночь, такъ что пропускалъ часы, назначенные для молитвы; потомъ читалъ эти молитвы ночью. Онъ ѣлъ такъ мало, что совершенно похудѣлъ. Иногда, не поѣвши, онъ ходилъ въ сосѣднее селеніе, проповѣдывать пастухамъ и землепашцамъ, потомъ сидѣлъ съ ними, слушая ихъ музыку, и, возвратившись, запирался на весь день въ кельѣ. Онъ занимался въ особенности изученіемъ Библіи (въ латинскомъ переводѣ, называемомъ Вульгатой). Онъ встрѣчалъ мѣста, ужасавшія его. Напримѣръ, читая слова псалма «Спаси меня по правосудію твоему», онъ припоминалъ догматъ о предопредѣленіи, размышлялъ, что быть-можетъ онъ принадлежитъ къ числу осужденныхъ правосудіемъ Божиимъ на вѣчную погибель. Но потомъ онъ утѣшался словами «Не хочу смерти грѣшника». Онъ усердно читалъ также сочиненія блаженнаго Августина, ученіе котораго о томъ, что человѣческая воля не свободна и что спасеніе дается исключительно благодатію Божіею, приобрѣло громадное вліяніе на его богословскія понятія. Онъ постоянно мучился сомнѣніемъ, принадлежитъ ли онъ къ избранникамъ, получившимъ благодать, дающую спасеніе. Однажды онъ впалъ въ продолжительную меланхолію, такъ что нѣсколько дней оставался въ кельѣ, заперевъ дверь, и не пускалъ никого. Друзья встревожились, выломали дверь и увидѣли его лежащимъ безъ чувствъ на полу. Зная, что на него сильно дѣйствуетъ музыка, они принесли инструменты, стали играть, и онъ очнулся.

Духовный руководитель послушниковъ и молодыхъ монаховъ, которому Лютеръ открылъ мучившія его сомнѣнія, сталъ говорить ему объ искупленіи нашихъ грѣховъ Спасителемъ и сказалъ: «Развѣ ты не знаешь, что самъ Господь повелѣлъ намъ надѣяться на его благодать, прощающую грѣхи». Эти слова утѣшили его. Содѣйствовали успокоенію Лютера и слова его друга и совѣтника Штаупица о самомъ себѣ, что онъ тоже тысячи разъ обѣщался Богу воздерживаться отъ всего грѣховнаго и не могъ исполнить этого обѣта, что надѣется однакоже быть спасенъ благодатію Божіею. Лютеръ сталъ теперь размышлять о словахъ священнаго писанія: «праведный будетъ жить (получить вѣчное блаженство) своею вѣрою» и началъ надѣяться на спасеніе.

Въ 1508 году Лютеръ по рекомендаціи Штаупица былъ приглашенъ читать лекціи объ Аристотелевской философіи въ виттенбергскомъ университетѣ, который былъ за шесть лѣтъ передъ тѣмъ основанъ Фридрихомъ Мудрымъ, курфирстомъ саксонскимъ. Лютеръ поселился въ виттенбергскомъ августинскомъ монастырѣ, продолжалъ

Первые годы дѣятельности Лютера въ Виттенбергѣ.

Поѣздка въ
Римъ.

изучать Библію, въ особенности посланія апостола Павла, въ которомъ много говорится о благодати Божіей, продолжалъ изучать Августина, усердно читалъ нѣмецкихъ мистиковъ Таулера и Сузо, ученіе которыхъ о блаженствѣ чувства единенія съ Богомъ нравилось ему. Онъ занимался почти исключительно богословіемъ; его лекціи о философіи были проникнуты горячимъ чувствомъ, увлекавшимъ слушателей. Въ 1511 году онъ былъ посланъ по дѣламъ нѣмецкой провинціи августинскаго ордена въ Римъ. Увидѣвъ святой городъ, онъ сталъ на колѣни и воскликнулъ: «Привѣтствую тебя, святой Римъ, трижды святой, по пролитой въ тебѣ крови мучениковъ». Въ Римѣ онъ усердно исполнялъ все, что дѣлали тогда пилигримы. Онъ служилъ панихиды о спасеніи своихъ усопшихъ друзей; «мнѣ было почти жаль, что мой отецъ и мать еще живы», говоритъ онъ: такъ сильно хотѣлось бы ему спасти ихъ души панихидами. Онъ на колѣнахъ вползъ на Святую лѣстницу латеранской капеллы, чтобы получить благодать, какую по католическому ученію пріобрѣтали люди этимъ труднымъ подвигомъ благочестія. Легкомысліе и пороки сановниковъ римской церкви произвели на Лютера глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что Римъ казался ему «адамъ, въ которомъ живетъ діаволъ».

Проповѣдническая и профессорская дѣятельность
Лютера.

Лютеръ возвратился въ Виттенбергъ, страдая душою отъ этого впечатлѣнія. Въ 1512 году онъ получилъ степень доктора богословія и кафедру этой науки. Во время отъѣзда Штаупица онъ исполнялъ должность генераль-викарія августинскаго ордена въ Германіи, ревизовалъ или, какъ это называется въ католической церковной администраціи, визитировалъ августинскіе монастыри въ Саксоніи, назначалъ и отрѣшалъ отъ должности пріоровъ, перемѣщалъ монаховъ изъ одного монастыря въ другой, дѣйствовалъ строго или снисходительно, смотря по надобности. Въ 1515 онъ былъ назначенъ проповѣдникомъ въ такъ называемой городской церкви Виттенберга. Его проповѣди быстро пріобрѣли громкую знаменитость искренностью и горячностью чувства. Самъ курфирстъ часто бывалъ на нихъ, и сдѣлался покровителемъ Лютера. Очень большой успѣхъ имѣли и лекціи. По словамъ Меланхтона, его объясненія посланія къ римлянамъ и псалмовъ «казались всѣмъ благочестивымъ и знающимъ людямъ разсвѣтомъ новаго дня въ христіанскомъ ученіи. Онъ опровергалъ мнѣніе, что человѣкъ можетъ достигъ прощенія грѣховъ собственными дѣлами или можетъ быть праведенъ передъ Богомъ внѣшнею набожностью». Въ борьбѣ гуманистовъ съ обскурантами Лютеръ не принималъ участія, хотя душою былъ на сторонѣ Рейхлина. Онъ чувствовалъ, что гуманисты люди не одинаковаго съ нимъ образа мыслей.

Лютеръ все дальше и дальше отклонялся отъ схоластической догматики, издавна ставшей официальнымъ ученіемъ римской церкви. Главное

различіе его мыслей отъ нея состояло въ томъ, что онъ считалъ благодать Божію единственнымъ источникомъ спасенія, между тѣмъ какъ схоластическая догматика говорила, что оно пріобрѣтается такъ называемыми дѣлами благочестія, то - есть исполненіемъ обрядовъ и пожертвованіями въ пользу церкви. Во время своего визитаціоннаго объѣзда Лютеръ уже порицалъ продажу индульгенцій. Когда одинъ изъ старшихъ сановниковъ лейпцаускаго капитула (пропозитъ, келарь) ѣхалъ на латеранскій соборъ, Лютеръ, по его просьбѣ, написалъ для него рѣчь, въ которой излагались жалобы, что христіанскій міръ наводняется безчисленными искаженіями христіанскаго ученія, человѣческими выдумками и суевѣріями, затемняющими для народа слово истины такъ, что оно едва замѣтно подъ ними, а во многихъ мѣстностяхъ совершенно угасло. Онъ все чаще и сильнѣе высказывалъ мысль, что священное писаніе единственный источникъ жизни вѣчной, и все сильнѣе проникался ученіемъ Августина, что человѣческая воля не свободна и человѣкъ спасается только благодатію Божіей. Онъ возставалъ противъ пелагіанства (ученія, что воля человѣка свободна и потому отъ ея направленія зависитъ то, удостоится или не удостоится онъ благодати). А это ученіе, противъ котораго боролся Августинъ, было въ смягченной формѣ принято римскою церковью. Въ сентябрѣ 1516 Бенгарди, ученикъ Лютера, защищалъ на публичномъ диспутѣ заимствованную изъ его лекцій тѣму, что человѣческая воля не свободна, поработана грѣху, что дѣла благочестія недостаточны для спасенія, что освобожденіе отъ рабства грѣху и спасеніе дается только вѣрою человѣка и милосердіемъ Божіимъ.

Номинализмъ и ученіе Августина, которыхъ держался Лютеръ, были сначала порицаемы нѣкоторыми профессорами виттенбергскаго университета; аскетическое направленіе его проповѣдей не нравилось нѣкоторымъ студентамъ и гражданамъ. Но скоро онъ пріобрѣлъ общее уваженіе прямодушіемъ, благочестіемъ, краснорѣчіемъ и ученостію. Профессоры перешли на его сторону; въ особенности горячимъ приверженцемъ его сдѣлался Андрей Карльштадтъ. Виттенбергскій университетъ сталъ школою новаго направленія богословія, пріобрѣлъ знаменитость.

в) годы душевной борьбы.

Нѣмецкіе государи и города не соглашались дозволить продажу индульгенцій; потому архіепископъ Альбрехтъ велѣлъ сначала про-
давать ихъ только въ магдебургской области, владѣтелемъ которой
былъ онъ, и въ Бранденбургѣ, государемъ котораго былъ его братъ
Іоахимъ. Тецель выбралъ мѣстомъ продажи небольшой городъ маг-
дебургской области Ютербокъ. Множество народа шло туда покупать
индульгенцій; довольно многіе ходили туда и изъ Виттенберга. Лю-
теръ считалъ покупку индульгенцій вредной для душевнаго спасенія,
потому что она отвращала людей отъ мыслей о серьезномъ покаяніи.
Слушатели его проповѣдей, получивъ отпущеніе грѣховъ покупкой
индульгенцій, переставали заботиться о своемъ нравственномъ улуч-

Тезисы Лютера
противъ
индульгенцій.

шеніи. Наканунѣ праздника Всѣхъ святыхъ (31 октября 1517) онъ прибилъ къ двери виттенбергской дворцовой церкви 95 тезисовъ, по тогдашнему университетскому обычаю вызывая на публичное состязаніе съ нимъ находящихъ его мнѣнія ошибочными. Онъ прибавлялъ, что готовъ вести споръ и письменно. Онъ былъ далекъ отъ мысли, что его тезисы не согласны съ ученіемъ церкви и вовсе не хотѣлъ нападать на нее. Онъ только желалъ разъяснить богословскій вопросъ ученымъ диспутомъ, какъ это было тогда въ обыкновеніи. Онъ говорилъ въ своихъ тезисахъ, что индульгенція не даетъ спасенія безъ душевнаго покаянія, что папа имѣетъ власть отпущать грѣхи только раскаявающимся въ нихъ, что отпущеніе грѣховъ, даваемое индульгенціей, только освобождаетъ человѣка отъ церковныхъ наказаній, а не очищаетъ его отъ грѣховъ передъ судомъ Божиимъ; что папа имѣетъ власть отпущать грѣхи только живымъ людямъ, а не можетъ освобождать умершихъ отъ наказаній, которымъ подверглись они по суду Божию въ загробной жизни. Заявляя свою готовность публично защищать эти мысли, Лютеръ полагалъ, что онѣ совершенно согласны съ ученіемъ церкви, и утверждалъ, что ни мало не хочетъ уменьшать авторитетъ церкви или папы.

Тезисы Лютера произвели сильное впечатлѣніе. Онъ возставалъ противъ самаго слабаго мѣста церковной догматики, показывалъ разницу между покаяніемъ и пустой формалистикой, которой замѣняла его римская курія. Нѣмцы были подготовлены думать объ этомъ подобно ему, и его слова были встрѣчены такимъ громкимъ одобреніемъ, какого не ожидалъ самъ онъ. Дѣло получило размѣръ, непредвидѣнный имъ; онъ говорилъ впослѣдствіи: «Если бъ я, начиная писать, зналъ то, что увидѣлъ теперь, то я никакъ не отважился бы нападать на папу и почти всѣхъ людей (то-есть почти всѣхъ людей, занимающихъ высокое положеніе въ католической церкви). Я думалъ, что они прегрѣшаютъ только по незнанію и человѣческой слабости. Но Богъ велъ меня, какъ лошадь, у которой завязаны глаза. Рѣдко хорошее дѣло предпринимается по мудрости или предусмотрительности; обыкновенно оно дѣлается по незнанію».

Противники
Лютера.

Лютеръ послалъ свои тезисы архіепископу майнцскому съ почти-тельнымъ письмомъ, въ которомъ просилъ отмѣнить продажу индульгенцій, потому что она ослабляетъ въ людяхъ склонность къ покаянію, вредитъ евангелію и подрываетъ уваженіе къ церкви. Альбрехтъ не отвѣчалъ Лютеру, но послалъ комитету, завѣдовавшему продажей индульгенцій, приказаніе смотрѣть за тѣмъ, чтобы продавцы индульгенцій держали себя «скромно, честно, сообразно своему званію» и не возбуждали своимъ легкомысліемъ пренебреженіе къ святому дѣлу. Онъ выразилъ въ этомъ распоряженіи порицаніе Тецелю за чрезмѣрныя похвалы силѣ индульгенцій. Лютеръ послалъ также письмо къ епископу бранденбургскому Іерониму Скультету; епископъ

объявилъ, что его тезисы противъ Цецея — нападеніе на власть церкви. Лютеръ совѣтовалъ своимъ друзьямъ и самъ хотѣлъ дѣйствовать умѣренно; но противники вовлекали его въ борьбу, которой не желалъ онъ. Богословы университета во Франкфуртѣ на Одерѣ завидовали быстрому возростанію славы виттенбергскаго университета, отнимавшаго у нихъ слушателей. Они дали Цецелю степень доктора богословія, и, при помощи своего бывшего учителя Конрада Вимпины, онъ написалъ возраженіе на тезисы Лютера. Онъ въ нихъ доказывалъ неограниченность папской власти и защищалъ то мнѣніе, что индульгенція имѣетъ силу вполне освободить отъ всякаго наказанія за грѣхи, не только отъ церковныхъ наказаній въ земной жизни, но и отъ наказаній въ жизни загробной. Около того же времени вмѣшался въ борьбу Йоганнъ Майръ, уроженецъ мѣстечка Экка, называвшійся обыкновенно Йоганномъ Эккомъ, проканцлеръ ингольштадскаго университета, каноникъ эйхштетскаго капитула, инквизиторъ франконскаго и баварскаго инквизиціоннаго церковнаго округа, богословъ обширной учености, необыкновенно сильной памяти; проницательнаго ума и пламеннаго честолюбія. Подобно Лютеру, онъ былъ сынъ поселянина. Прежде онъ былъ друженъ съ Лютеромъ, но теперь въ письмѣ къ епископу эйхштетскому высказался противъ тезисовъ Лютера, говорилъ, что они проникнуты богемскимъ ядомъ (то-есть гуситской ересью). Онъ напечаталъ это письмо подъ названіемъ «Обелиски» (Обелискомъ назывался тогда одинъ изъ тѣхъ значковъ, которыми указываются въ книгахъ примѣчанія). Возсталъ противъ Лютера и кельнскій инквизиторъ Гохштратенъ, уже бывший вождемъ обскурантовъ въ нападеніяхъ на Рейхлина; онъ называлъ Лютера еретикомъ, заслуживающимъ сожженія. Лютеръ не остался въ долгу у своихъ противниковъ. Начальство августинскаго ордена просило его не навлекать на орденъ порицаній; онъ отвѣчалъ, примѣняя къ своему ученію слова, сказанныя синедріону, Гамалииломъ о проповѣди христіанства: «Возлюбленные отцы, если дѣло начато не во имя Божіе, оно скоро падетъ, а если оно начато во имя Божіе, то предоставьте Богу вести его». Лютеръ считалъ обязанностью совѣсти продолжать начатую борьбу. Позднѣе онъ говорилъ, что въ первое время чувствовалъ душевныя сомнѣнія, всматривался въ нихъ, что ему тяжело было рѣшеніе защищать свое дѣло. Но онъ началъ борьбу не по желанію спорить, а по религіозному убѣжденію, и нашелъ своей обязанностью не отступать передъ противниками.

Онъ отвѣчалъ на возраженіе Цецея рѣзкимъ тономъ и написалъ противъ „Обелисковъ“ Экка „Астериски“ (Звѣздочки, отмѣтки, которыми обозначаются и теперь примѣчанія). Онъ въ нихъ рѣзко дѣлалъ различіе между ученіемъ церкви и Библіей, говорилъ, что папа подвластенъ вселенскому собору. Но относительно римской церкви онъ держалъ себя скромно и почтительно. Въ апрѣлѣ 1518 онъ ѣздилъ на конвентъ (собраніе сановни-

ковъ) августинскаго ордена въ Гейдельбергъ. Тамъ не было рѣчи о его спорѣ противъ индульгенцій, но онъ выставилъ 40 тезисовъ о спасеніи вѣрой, доказывая, что она выше исполненія обрядовъ. Въ это время познакомились съ нимъ будущіе его сподвижники Бренцъ, Шнепфъ и Буцеръ. Курфирстъ пфальцскій выказывалъ благосклонность къ нему. По возвращеніи въ Виттенбергъ, онъ написалъ тамъ въ защиту своихъ тезисовъ объ индульгенціяхъ небольшой трактатъ, который назвалъ „Резолюціями“ (разрѣшеніями сомнѣній). Въ маѣ онъ передалъ его начальнику августинскаго ордена въ Германіи, Штаупицу, для отправленія къ папѣ, вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что ни мало не хочетъ унижать папскую власть. „Если бъ я былъ такой вредный и ядовитый человѣкъ, какъ обвиняютъ меня мои противники“, говоритъ онъ, въ этомъ письмѣ, „то господня такой благочестивый, какъ курфирстъ Фридрихъ Саксонскій не сталъ бы терпѣть меня въ своемъ университетѣ“. Онъ превозноситъ добродѣтели папы Льва. Но называетъ Римъ Вавилономъ. О себѣ онъ говоритъ самымъ смиреннымъ тономъ и кончаетъ письмо увѣреніемъ, что вполне покоряется рѣшенію, какое произнесетъ папа. „Отъ усмотрѣнія вашего святѣйшества зависитъ рѣшить, правъ ли я или не правъ, дать мнѣ жизнь или отнять ее у меня. Каково бы ни было рѣшеніе, я останусь при убѣжденіи, что голосъ вашего святѣйшества—голосъ Христа, дѣйствующаго и говорящаго черезъ васъ. Если я заслужилъ смерть, то не отказываюсь умереть, потому что Господня есть земля и исполненіе ея“.

Отношенія Лютера къ кур-его защищать ихъ, и сочувствіе, встрѣчаемое имъ, ободряло его. Не фпрсту саксон-одни богословы, но и студенты и даже масса образованныхъ людей скому. заинтересовалась этимъ богословскимъ споромъ. Гуттенъ, глава нѣмецкихъ гуманистовъ, сначала говорилъ съ насмѣшливымъ презрѣніемъ о «перебранкѣ между монахами», но скоро понялъ, что дѣло получаетъ серьезную важность. При поѣздкѣ въ Гейдельбергъ Лютеръ видѣлъ, что тезисы его произвели сильное впечатлѣніе во всей Германіи. Въ своемъ отвѣтѣ на «Возраженіе» Тецеля онъ уже дѣлалъ смѣлый вызовъ своимъ противникамъ: «Я живу въ Виттенбергѣ, докторъ Мартинъ Лютеръ, и если найдется какой нибудь инквизиторъ, думающій, что можетъ ѣсть желѣзо и опрокидывать скалы, я извѣщаю его, что онъ получитъ свободный пропускъ, открытыя ворота, даровое помѣщеніе и содержаніе здѣсь, по милостивому обѣщанію достохвальнаго и благочестиваго христіанскаго государя, герцога Фридриха, курфирста саксонскаго». Мы видимъ, что мужество Лютера было укрѣплено тѣмъ, что его государь принялъ его сторону и одобряетъ его дѣйствія. Георгъ Спалатинъ, придворный проповѣдникъ и секретарь Фридриха, былъ однимъ изъ покровителей Лютера. Курфирстъ давно негодовалъ на папскіе поборы и старался прекратить ихъ; въ особенности раздражила его продажа индульгенцій, отъ которой получалъ выгоду курфирстъ майнцскій, поссорившійся съ нимъ за владѣніе Эрфуртомъ. Притомъ онъ гордился славой основаннаго имъ виттенбергскаго университета. Народная легенда говорила впослѣдствіи, что въ ночь передъ праздникомъ Всѣхъ свя-

ТѢХЪ ОНЪ, ЖИВШІЙ ТОГДА ВЪ ШВЕЙНИЦКОМЪ ЗАМКѢ, ВИДѢЛЪ СОНЪ: МО-
НАХЪ ПИШЕТЪ НА ДВЕРИ ДВОРЦОВОЙ КАПЕЛЛЫ ВЪ ВИТТЕНБЕРГѢ ТЕЗИСЫ
ТАКИМИ КРУПНЫМИ БУКВАМИ, ЧТО ЕМУ ВИДНЫ ОНѢ ИЗЪ ШВЕЙНИЦКАГО
ЗАМКА, ПЕРО РОСТЕТЪ И РОСТЕТЪ, И ДОСТАЛО ДО РИМА, УДАРИЛО ВЪ ТІ-
АРУ ПАПЫ И ОНА ПОКОЛЕБАЛАСЬ; ОНЪ ХОТѢЛЪ ОСТАНОВИТЬ МОНАХА, И
ПРОСНУЛСЯ. НАРОДЪ ВЫРАЖАЛЪ ЭТИМЪ РАЗСКАЗОМЪ СВОИ ПОНЯТІЯ ОБЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ КУРФІРСТА САКСОНСКАГО КЪ ЛЮТЕРУ: БЫТЬ МОЖЕТЪ, ФРИД-
РИХЪ И ОПАСАЛСЯ ДѢЛА, НАЧАТАГО ЛЮТЕРОМЪ, НО НЕ ОСТАНОВИЛЪ ЕГО.

Левъ Х, подобно своимъ предмѣстникамъ, хлопоталъ о крестовомъ Аугсбургскій
сеймъ. походѣ противъ турокъ. Легатъ его Томмазо Віо Каетанъ (Cajetanus, то-есть Гаэтскій) пріѣхалъ въ Германію передать императору Мак-
симиліану освященныя папой шпагу и шляпу и склонять его къ
участію въ предполагавшемся крестовомъ походѣ. Въ сентябрѣ 1518
на аугсбургскомъ сеймѣ были возбуждены совѣщанія о сборѣ денегъ
и войска для этой войны. Но такіе проекты уже и прежде встрѣ-
чали сопротивленіе себѣ на сеймѣ, а теперь оппозиція, ободряемая
общимъ неудовольствіемъ противъ римской куріи, рѣзче прежняго
говорила, что только по исполненіи справедливыхъ требованій нѣ-
мецкой націи папа можетъ просить пособія у нея на войну. Были
печатаемы памфлеты, прямо говорившіе, что папа употребитъ на
свои собственныя надобности десятину, которая будетъ дана ему для
войны съ турками. Сеймъ выражалъ неудовольствіе и на императора.
По вопросу о денежномъ пособіи сеймъ рѣшилъ, что государи и го-
родскія правительства должны посовѣтоваться съ своими подданными
прежде, чѣмъ дадутъ отвѣтъ. Максимиліанъ думалъ не о благѣ Гер-
маніи, а лишь о томъ, чтобъ упрочить императорскій санъ въ своей
династіи. Онъ чувствовалъ, что скоро умретъ, и желалъ обезпечить
выборъ своего внука Карла. Ему казалось, что для этого полезно
будетъ содѣйствіе папы. Левъ Х сначала колебался между двумя
кандидатами: внукомъ Максимиліана и королемъ французскимъ. Но его
племянникъ Лоренцо, герцогъ урбинскій и фактическій владѣтель
Флоренціи, женатый на французской принцессѣ, склонилъ его въ
пользу кандидатуры Франциска; онъ черезъ кардинала Биббіану за-
ключилъ съ королемъ французскимъ договоръ на условіяхъ, выгод-
ныхъ для себя и Лоренцо, и сталъ интриговать въ Германіи противъ
кандидатуры Карла. Формальнымъ возраженіемъ противъ нея онъ
выставилъ то, что императоръ еще не коронованъ, потому нельзя
выбирать преемника ему (римскаго короля, какъ это называлось) и
притомъ Карлъ—король неаполитанскій, а королю неаполитанскому
нельзя быть римскимъ императоромъ. Максимиліанъ придумывалъ
разные способы устранить эти препятствія. ХотѢЛЪ ѢХАТЬ ВЪ РИМЪ
КОРОНОВАТЬСЯ, ПОТОМЪ ПРЕДПОЧЕЛЪ МЫСЛЬ СЛОЖИТЬ СЪ СЕБЯ ИМПЕ-
РАТОРСКІЙ САНЪ, ВЗЯВЪ ЗА НЕГО ОТЪ КАРЛА КОРОЛЕВСТВО НЕАПОЛИ-
ТАНСКОЕ, И ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ ВЪ ЮЖНУЮ ИТАЛІЮ, КЛИМАТЪ КОТОРОЙ БУДЕТЪ

полезенъ его здоровью, какъ слышалъ онъ отъ своихъ врачей. Оппозицію папы онъ считалъ очень вредной, хотѣлъ склонить его на свою сторону, потому поддерживалъ требованія его легата. Но онъ также нуждался въ поддержкѣ курфюрста саксонскаго, и вѣроятно, рассчитывалъ запугать папу религіознымъ движеніемъ, начавшимся въ Германіи.

Отношенія
Максимилиана
къ Фридриху.

Курфюрстъ саксонскій былъ въ то время могущественнѣйшимъ изъ нѣмецкихъ областныхъ государей, и безъ его поддержки нельзя было Карлу получить императорскій санъ. Но веттинская династія, главою которой былъ онъ, представлялась опасной соперницей габсбургскому дому по своимъ родственнымъ связямъ съ другими династіями, и Максимилианъ хотѣлъ помѣшать расширенію ея владѣній. Она оказала большія услуги ему во время войнъ за наслѣдство Карла Смѣлаго. Въ благодарность за то онъ въ 1486 году призналъ за нею право наслѣдовать Юлихъ и Бергъ въ случаѣ прекращенія мужской линіи рода, владѣвшаго этими землями. Герцогъ юлихскій Вильгельмъ XII имѣлъ только дочь, потому саксонская династія надѣялась получить по его смерти обѣщанное наслѣдство; но императоръ отмѣнилъ прежнее свое обѣщаніе и, по желанію герцога Вильгельма и сеймовъ юлихскаго и бергскаго, согласился на то, чтобы дочь Вильгельма вышла за наслѣдника герцога клевскаго и чтобъ она и онъ наслѣдовали ея отцу. По смерти Вильгельма XII, его дочь и зять вступили во владѣніе Юлихомъ и Бергомъ. Саксонская династія была раздосадована утратой надежды на пріобрѣтеніе этихъ земель и стала въ оппозицію императору. На аугсбургскомъ сеймѣ курфюрстъ саксонскій былъ главою партіи, отвергнувшей требованія императора и папы. Дочь его сестры, принцесса люнебургская, вышла за Карла, герцога гельдернскаго, врага габсбургской династіи.

Вызовъ Люте-
ра въ Аугс-
бургъ.

Кардиналъ Каетанъ, бывшій на латеранскомъ соборѣ краснорѣчивымъ защитникомъ безграничной власти папы надъ церковью, имѣлъ кромѣ политическихъ дѣлъ порученіе заставить Лютера замолчать. Когда онъ поѣхалъ въ Германію, въ Римѣ уже производился судъ надъ Лютеромъ. Рѣшительный голосъ въ этомъ дѣлѣ имѣлъ сановникъ папскаго двора, доминиканецъ Сильвестро Мацоллини Пріэріасъ (то - есть уроженецъ города Пріэріо), завѣдовавшій цензурой книгъ. Онъ издалъ разсужденіе, опровергавшее тезисы Лютера и говорилъ въ немъ, что ученіе римской церкви и римскаго епископа составляетъ «непреложное правило вѣры, отъ котораго получаетъ свой авторитетъ священное писаніе; кто отрицаетъ это, виновенъ въ ереси». Коммиссія, разсматривавшая дѣло Лютера, рѣшила потребовать, чтобъ онъ явился въ Римъ, и въ случаѣ послушанія объявить его отлученнымъ отъ церкви. «Я ждалъ благословенія, а надо мною разразился громъ съ молніей», говорилъ онъ впослѣдствіи. Каетанъ привезъ въ Аугсбургъ требованіе о вызовѣ Лютера въ Римъ и письмо папы къ Фридриху Саксонскому, убѣждавшее курфюрста «выдать сына злобы Мартина Лютера, какъ уличеннаго въ ереси, суду римскаго престола». Спалатинъ и другіе покровители Лютера вступились за него передъ курфюрстомъ; Фридрихъ, по ихъ совѣту, потребовалъ въ Аугсбургѣ, чтобы Каетанъ отложилъ обнародованіе папскаго бреве противъ Лютера и вмѣсто вызова въ Римъ ограничился приглашеніемъ Лютера въ Аугсбургъ. Каетанъ зналъ,

что для папы невыгодно ссориться съ такимъ сильнымъ государемъ какъ Фридрихъ, потому не отважился сопротивляться его желанію. Быть можетъ также была у Каетана надежда запугать Лютера. Если бъ ему удалось это, онъ пріобрѣлъ бы славу. Такимъ образомъ Лютеру былъ посланъ вызовъ явиться въ Аугсбургъ; онъ пошелъ туда пѣшкомъ, останавливаясь ночевать и отдохнуть въ монастыряхъ по дорогѣ. Но не дошедши трехъ миль до Аугсбурга, онъ почувствовалъ себя изнуреннымъ и долженъ былъ нанять лошадей. По пріѣздѣ въ Аугсбургъ, онъ послалъ сказать кардиналу, что пріѣхалъ; но отправился на свиданіе, только получивъ обѣщаніе, что императоръ и городской совѣтъ ручаются за его безопасность. Для свиданія съ кардиналомъ, онъ надѣлъ новую мантию; ему далъ ее для этого визита пріоръ нюрнбергскаго августинскаго монастыря Линкъ. Свиданіе было назначено 12 октября. Лютеръ, вошедши въ комнату кардинала, смиренно сталъ на колѣна, привѣтствуя его. Каетанъ цитировалъ нѣкоторыя мѣста его тезисовъ и послѣдующихъ сочиненій, отрицавшія безусловную власть папы надъ церковью и потребовалъ, чтобъ онъ отрекся отъ нихъ. Лютеръ сказалъ, что не можетъ отречься отъ своихъ убѣжденій, если ему не будетъ доказано священнымъ писаніемъ, что они ошибочны. Каетанъ пытался склонить его къ отреченію лаской, называлъ возлюбленнымъ сыномъ; пытался запугать его угрозами; но Лютеръ, выказавшій больше учености, чѣмъ ожидалъ Каетанъ, остался при своемъ требованіи доказать ему священнымъ писаніемъ, что онъ ошибался; безъ этого онъ не хотѣлъ отречься отъ своихъ мнѣній. Онъ говорилъ, что не считаетъ ихъ противорѣчащими ученію римской церкви. Помощникъ легата спросилъ его: «Или ты думаешь, что твой курфирстъ подвергнетъ себя опасности потерять изъ-за тебя свои владѣнія»? Онъ отвѣчалъ: «Этого я не желаю». Помощникъ легата продолжалъ: «Въ такомъ случаѣ, гдѣ же ты будешь имѣть пріютъ?» Лютеръ отвѣчалъ: «Подъ небомъ». На кардинала производили тревожное впечатлѣніе сверкающіе глаза Лютера. Споръ возобновился на другой и на третій день. Послѣ третьяго разговора легатъ велѣлъ Лютеру уйдти и не показываться ему на глаза, пока не отречется. Лютеръ въ слѣдующіе дни написалъ Каетану два письма, въ которыхъ смиреннымъ тономъ благодарилъ его за доброжелательство, но вновь заявлялъ, что считаетъ свои мнѣнія согласными съ ученіемъ церкви. Каетанъ не отвѣчалъ ему. Лютеръ нашелъ свое положеніе въ Аугсбургѣ опаснымъ. Каетанъ имѣлъ папское бреве, уполномочивавшее его арестовать и отправить въ Римъ Лютера. (Впослѣдствіи возникли сомнѣнія въ томъ, дѣйствительно ли было подписано папой это бреве или оно было подложное). Защитники Лютера, Штаупицъ и Линкъ, опасались быть арестованными и торопливо уѣхали изъ города. Лютеръ также увидѣлъ необходимость скрыться отъ ареста. Онъ написалъ «Апел-

ляцію отъ папы, введеннаго въ ошибку, къ папѣ, который получить вѣрныя свѣдѣнія»; распорядившись, чтобъ этотъ документъ, помѣченный 18 числомъ октября, былъ переданъ Каетану, по его отъѣздѣ, онъ ночью 20 октября торопливо уѣхалъ изъ Аугсбурга. «Докторъ Штаупицъ доставилъ мнѣ лошадь», рассказываетъ онъ, «и далъ мнѣ совѣтъ взять проводника, хорошо знающаго дорогу, а Лангемантель (одинъ изъ членовъ аугсбургскаго городского совѣта) выпустилъ меня ночью изъ города черезъ маленькую дверь въ стѣнѣ; я торопливо ушелъ, не успѣвъ надѣть ни штановъ, сверхъ нижняго бѣлья, ни сапоговъ, не успѣвъ захватить ни шпоръ, ни меча; сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по дорогѣ въ Виттенбергъ. Въ первый день проѣхалъ я верхомъ 8 миль и когда вечеромъ доѣхалъ до гостинницы, былъ такъ утомленъ, что, сошедши въ конюшнѣ съ лошади, не могъ устоять на ногахъ, повалился на солому подстилки». Онъ примѣнялъ къ своему бѣгству нѣмецкую поговорку объ угрѣ: «Схватилъ угря за хвостъ кардиналъ».

Фридрихъ
принимаетъ
Лютера подъ
свою защиту.

Положеніе Лютера оставалось однако же опаснымъ. Штаупицъ, покровительствовавшій ему, уѣхалъ изъ Саксоніи, принявъ должность аббата въ одномъ изъ монастырей архіепископства зальцбургскаго. Каетанъ, раздраженный бѣгствомъ Лютера, написалъ Фридриху письмо, въ которомъ требовалъ присылки непокорнаго монаха для отпращиванія его на судъ въ Римъ. Совѣтники курфюрста и самъ онъ робѣли. Лютеръ хотѣлъ уѣхать въ Нидерланды или во Францію, и, кажется, курфюрстъ одобрялъ это намѣреніе. Но скоро опасность миновала. Курфюрстъ былъ человѣкъ благочестивый и, подобно Лютеру, полагалъ, что въ дѣлахъ вѣры должно основываться на священномъ писаніи, что рѣшенія папы, не согласныя съ евангеліемъ, не имѣютъ силы. Лютеръ апеллировалъ отъ папскаго суда къ вселенскому собору; это успокоило совѣсть курфюрста. Выдать Лютера Каетану для отпращиванія въ Римъ значило-бъ отдать его на смерть; потому что въ Римѣ уже былъ произнесенъ приговоръ, объявлявшій его еретикомъ. Курфюрстъ отвѣчалъ Каетану, что, по мнѣнію многихъ знатоковъ священнаго писанія, нельзя считать ученіе Лютера еретическимъ; потому онъ находилъ справедливымъ требованіе Лютера, чтобы дѣло его было отдано на разсмотрѣніе безпристрастнаго суда.

Пріѣздъ
Мильтица.
1519.

Въ концѣ 1518 года пріѣхалъ въ Германію Карлъ фонъ-Мильтицъ, саксонецъ, занимавшій должность каммергера при папскомъ дворѣ. Онъ везъ отъ Льва X курфюрсту саксонскому золотую розу (подарокъ, которымъ обозначалось особое расположеніе папы) и индульгенціи въ пользу церкви виттенбергскаго капитула. Онъ ѣхалъ въ санѣ папскаго нунція, то-есть второстепеннаго посла, обязаннаго дѣйствовать по согласію съ легатомъ, первокласснымъ посломъ, какимъ былъ Каетанъ. Левъ предоставилъ Каетану опредѣлить время

поѣздки Мильтица изъ южной Германіи въ Саксонію. Передача золотой розы Фридриху была лишь предлогомъ для отправленія Мильтица къ нему; серьезной цѣлью посольства было прекратить полемику противъ индульгенцій; кажется также, что Мильтицу было поручено склонить Фридриха къ выдачѣ Лютера. Дѣйствовать на Фридриха папа могъ только любезностью, потому-то Мильтицъ везъ ему золотую розу и письмо, въ которомъ папа напоминалъ ему о подвигахъ его предковъ противъ еретиковъ. Папа отправилъ съ Мильтицомъ любезныя брове Спалатину, совѣтнику Фридриха Пфефингеру, другимъ вліятельнѣйшимъ лицамъ виттенбергскаго двора. Мильтицъ повелъ дѣло ловко. Вызвавъ къ себѣ Тецеля, онъ сдѣлалъ ему такой рѣзкій выговоръ за наглое шарлатанство и порочную жизнь, что этотъ безстыдный человѣкъ занемогъ отъ страха и вскорѣ умеръ. Потомъ Мильтицъ вызвалъ къ себѣ въ Альтенбургъ Лютера. Это свиданіе было 3 января 1519 года. Мильтицъ началъ разговоръ любезно: «Я думалъ, ты старикъ, разсуждающій самъ съ собою, сидя за печью, а теперь вижу, ты бодрый человѣкъ въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ. Если-бъ у меня было 25.000 воиновъ, я не рискнулъ бы вести тебя силой въ Римъ, потому что по всей дорогѣ спрашивалъ, какъ думаютъ о тебѣ люди, и скажу тебѣ: находя одного на сторонѣ папы, находилъ трехъ на твоей сторонѣ». Мильтицъ говорилъ Лютеру, что его порицанія злоупотребленіямъ въ продажѣ индульгенцій справедливы, самъ порицалъ ихъ, уклонялся отъ всякихъ богословскихъ споровъ, говорилъ о вредѣ несогласія въ церкви, о томъ, что Лютеръ опечалилъ папу, что отдѣльному человѣку не слѣдуетъ возставать противъ всей церкви. Ласковость и разсудительность Мильтица такъ подѣйствовали на Лютера, что онъ согласился на желанія своего благоразумнаго собесѣдника, обѣщался прекратить споръ объ индульгенціяхъ, если велѣно будетъ молчать и его противникамъ, обѣщался напечатать увѣщаніе, чтобы всѣ уважали римскую церковь, повиновались ей, и написать папѣ, что никогда не имѣлъ намѣренія отрицать или уменьшать его власть надъ церковью. Прощаніе Мильтица съ Лютеромъ было нѣжное; они обнялись, поцѣловались. Лютеръ сдержалъ свои обѣщанія. Онъ напечаталъ «объявленіе о нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, приписываемыхъ ему недоброжелателями»; онъ въ немъ называетъ клеветниками людей, утверждающихъ, будто онъ говорилъ о силѣ заступничества церкви предъ Богомъ за людей, о чистилищѣ, о дѣлахъ набожности, о постѣ, о власти римской церкви, что все это ничего не значитъ. Въ письмѣ къ Льву (отъ 3 марта) онъ называетъ себя прахомъ предъ папой, смиреннымъ ягненкомъ въ стадѣ римской церкви; говорилъ, что никогда не приходило ему въ мысль нападать на нее, что ни на небѣ, ни на землѣ нѣтъ выше ея власти ничего, кромѣ власти Господа Іисуса Христа, что, порицая торговлю индульгенціями, онъ только желалъ прекратить хуленіе ея

чести; потому и не можетъ отречься отъ своихъ словъ. Это было бы вредно для чести самой церкви. Курфирстъ увѣрилъ Мильтица, что Лютеръ прекратитъ споръ. Такимъ образомъ Мильтицъ достигъ блестящаго успѣха, и Каетанъ разрѣшилъ ему передать курфирсту саксонскому золотую розу. Было условлено, что если споръ не прекратится, то будетъ отданъ на рѣшеніе архіепископовъ трирскаго и зальцбургскаго и епископа наумбургскаго.

Нападеніе
Экка.

Наступило затишье, но когда настаетъ время переворота, то человекъ можетъ только начать, не можетъ остановить движеніе. Противники Лютера принудили его возобновить споръ. Ингольштадскій профессоръ Йоганнъ Эккъ, имѣвшій, какъ мы говорили, обширную богословскую ученость, сильный своей начитанностью въ твореніяхъ отцовъ церкви и каноническомъ правѣ, своимъ мастерствомъ говорить по-латини, ловкостью въ діалектикѣ, побѣдитель на ученыхъ диспутахъ въ восьми университетахъ, хотѣлъ увеличить свою славу побѣдой надъ Лютеромъ. Онъ условился диспутировать въ Лейпцигѣ съ Карльштадомъ. Но ему нужно было торжество не надъ приверженцемъ Лютера, а надъ самимъ Лютеромъ; потому онъ составилъ тезисы для диспута съ Карльштадомъ такъ, что они очевидно были направлены противъ Лютера. «Онъ вызываетъ на состязаніе одного бойца, а хватается за другого», сказалъ Лютеръ: «но если Христу будетъ угодно, состязаніе кончится плохо для римскихъ обычаевъ, на которые опирается онъ». Лютеръ считалъ обязанностью чести явиться на диспутъ вмѣстѣ съ Карльштадомъ. Курфирстъ дозволилъ ему ѣхать, хотя не желалъ бы этого. Диспутъ былъ назначенъ въ концѣ іюня. Съ Лютеромъ и Карльштадомъ отправились въ Лейпцигъ Меланхтонъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный по рекомендаціи своего родственника Рейхлина профессоромъ греческаго языка въ Виттенбергѣ, герцогъ Барнимъ Померанскій, бывшій тогда ректоромъ университета и около 200 студентовъ.

Обстоятельства придавали лейпцигскому диспуту очень большое значеніе. Лейпцигскіе профессора завидовали славѣ виттенбергскаго университета; они слышали, что Лютеръ на лекціяхъ говорилъ, что приматство папы основывается на человѣческомъ, а не на божественномъ правѣ. Этотъ вопросъ, на которомъ легко было погубить Лютера, былъ сдѣланъ главнымъ въ диспутѣ; Эккъ пользовался сочувствіемъ лейпцигскихъ профессоровъ; горожане и дворъ были на сторонѣ своего университета. У гостиницы надобно было поставить вооруженные караулы, чтобъ удерживать горожанъ и студентовъ отъ дракъ со студентами, пришедшими изъ Виттенберга. Епископъ мерзебургскій, къ эпархіи котораго принадлежалъ Лейпцигъ, объявилъ, что не позволительно диспутировать по дѣлу, уже рѣшенному папой. Но это запрещеніе было оставлено безъ вниманія.

Герцогъ Георгъ велѣлъ приготовить для диспута залъ въ своемъ дворцѣ. Диспутъ начался 27 іюня. Герцогъ со всѣмъ своимъ дво-

ромъ и многими другими знатными людьми, присутствовалъ на немъ. Лейпцигскій Онъ длился больше двухъ недѣль. Герцогъ до конца слѣдилъ съ диспутъ. Юнь большимъ вниманіемъ за ходомъ спора. и іюль 1519.

Первые четыре дня шелъ диспутъ между Карльштадомъ и Эккомъ о свободѣ воли; Карльштадъ, защищавшій ученіе Августина о томъ, что воля не свободна, былъ гораздо слабѣе Экка; приносилъ книги, рылся въ нихъ, не умѣлъ давать немедленные отвѣты на замѣчанія Экка, готовился къ отвѣтамъ, давалъ ихъ только на другой день. Эккъ не рылся въ книгахъ; онъ зналъ на память все, что было ему нужно. Выгодное впечатлѣніе силы производила и наружность его. Онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, имѣлъ громкій голосъ. Онъ говорилъ, расхаживая по комнатамъ; на каждый аргументъ противника у него былъ готовъ отвѣтъ. Сила его памяти и діалектическая ловкость восхищали слушателей. Лютеръ началъ диспутировать 4 іюля. Наружность его не была величественна; онъ былъ средняго роста и, по словамъ очевидца, былъ въ то время очень худощавъ. Онъ не имѣлъ ни такого громкаго голоса, какъ Эккъ, ни такой сильной памяти, ни такого искусства диспутировать. Но голосъ его, хотя и не очень громкій, былъ звученъ и мелодиченъ; священное писаніе онъ зналъ очень хорошо и безъ труда находилъ удачные отвѣты, пользуясь имъ; но важнѣе всего было то, что онъ производилъ впечатлѣніе человека, искренно ищущаго истины, и былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ правотѣ защищаемыхъ имъ мыслей.

Лютеръ и Эккъ два дня спорили о томъ, вѣрою ли пріобрѣтается отпущеніе грѣховъ или дѣлами набожности, можетъ ли человекъ собственными усиліями становиться достойнымъ благодати, или она дается исключительно по милосердію Божію, котораго не заслужилъ онъ. Это былъ споръ пелагіанца съ преверженцемъ ученія Августина; соглашеніе между ними было невозможно. Эккъ повернулъ споръ на вопросъ о происхожденіи приматства папы; въ этомъ и состояло существенное содержаніе диспута. Эккъ въ одномъ изъ своихъ тезисовъ говорилъ, что римскій епископъ имѣлъ приматство еще до временъ Сильвестра I, то-есть до 314 года, что папа съ самаго основанія епископской каѳедры въ Римѣ считался преемникомъ Петра и намѣстникомъ Христовымъ. Лютеръ выставилъ противъ этого тезисъ, что папская власть получила освященіе только по рѣшеніямъ соборовъ не дальше какъ за четыре столѣтія (то-есть только въ XII вѣкѣ). Оба эти мнѣнія были ошибочны; потому Эккъ могъ опровергнуть тезисъ Лютера, но не могъ защитить свой тезисъ противъ историческихъ свидѣтельствъ, приводимыхъ Лютеромъ въ его опроверженіе. Ловкій діалектикъ, онъ далъ спору такое направленіе, что получилъ возможность объявить Лютера, говорящимъ о папской власти одинаково съ Уиклефомъ и Гусомъ, ереси которыхъ осуждены на констанцскомъ соборѣ, и спросилъ, отвергаетъ ли онъ власть вселенскихъ соборовъ. Лютеръ увидѣлъ себя въ очень трудномъ положеніи. Эккъ заманилъ его въ ловушку и довелъ до того, что онъ въ увлеченіи спора сказалъ: въ мнѣніяхъ Гуса, осужденныхъ

констанцскимъ соборомъ, находится много благочестивыхъ, истинно евангельскихъ ученій. При этихъ словахъ въ залѣ поднялся ропотъ. Герцогъ, покачавъ головой, громко выразилъ свое порицаніе. Эккъ сказалъ: «Достопочтенный отецъ, если вы думаете, что законно созванный соборъ можетъ заблуждаться, то будьте мнѣ, какъ язычникъ и мытарь». При дальнѣйшемъ диспутированіи Лютеръ сказалъ, что преемнику Петра принадлежитъ приматство почета, данное Христомъ Петру, но не принадлежитъ приматство власти и управленія, которое дано Христомъ всѣмъ апостоламъ вмѣстѣ, и остался при своемъ тезисѣ, что власть римскаго епископа происходитъ отъ человѣческаго закона, а не установлена Богомъ. Это былъ разрывъ съ католической церковью. Когда Лютеръ жилъ въ Эрфуртѣ, ему попалось въ руки одно изъ сочиненій Гуса. Начавъ читать эту книгу, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что многія его мысли одинаковы съ ученіемъ еретика, осужденнаго церковью, ужаснулся, закрылъ книгу. Ему казалось тогда, какъ говорилъ онъ впослѣдствіи, что отъ одной мысли находить еретика правымъ «должны почернѣть стѣны и померкнуть солнце»; а теперь онъ публично призналъ, что многія мнѣнія Гуса справедливы, и отвергъ авторитетъ папы и вселенскихъ соборовъ, на которомъ основывалась католическая догматика.

Диспутъ продолжался до 13 іюля, но представлялъ уже мало интереса послѣ того, какъ Лютеръ объявилъ, что въ ученіи Гуса, еретика, осужденнаго констанцскимъ соборомъ, находится много мыслей, признаваемыхъ имъ за справедливыя. Дальнѣйшій споръ шелъ о томъ, исключительно ли вѣрой пріобрѣтается спасеніе или оно дается исполненіемъ церковныхъ обрядовъ; въ концѣ диспута выступилъ снова Карльштадъ. Лейпцигскіе профессеры говорили, что Эккъ побѣдоносно опровергъ мнѣнія его и Лютера; но дѣло состояло не въ томъ, кто умѣлъ лучше диспутировать, а въ томъ, что оказалась непримиримость мнѣній Лютера съ ученіемъ католической церкви. Онъ и Эккъ условились передать протоколы диспута на разсмотрѣніе эрфуртскаго и парижскаго университетовъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Лейпцига, Эккъ послалъ курфирсту Фридриху письмо, въ которомъ называлъ мнѣнія Лютера и Карльштада еретическими, очень опасными, просилъ курфирста подумать о его обязанностяхъ относительно христіанской вѣры и душевнаго блага подданныхъ его. Лютеръ и Карльштадтъ написали возраженіе противъ этого письма, и возобновилась печатная полемика.

Чешскіе братья были обрадованы тѣмъ, что Лютеръ хвалилъ Гуса. Одинъ изъ ихъ священниковъ, называвшійся по латинской формѣ имени Роздіаловиномъ, прислалъ Лютеру трактатъ „О церкви“, написанный Гусомъ незадолго передъ гибелью. Въ немъ говорилось, что истинная церковь, дающая спасеніе — невидимая церковь Христова, состоящая изъ вѣрующихъ, что она должна быть отличена отъ видимой церкви, учрежденной людьми. Эта книга очень понравилась Лютеру и разъяснила для него много вопросовъ; онъ сталъ изучать сочиненія Гуса и дивился согласію своихъ

мнѣній съ его ученіемъ. „Мы всѣ гуситы“, писалъ тогда Лютеръ Спалатину: „апостолъ Павелъ и Августинъ гуситы; я изумляюсь, видя это“.

До сихъ поръ Лютеръ воображалъ, что онъ спорить только противъ ошибочныхъ мнѣній нѣкоторыхъ богослововъ римской церкви, что онъ остается вѣренъ ея ученію. Теперь онъ убѣдился, что ея догматика не примирима съ священнымъ писаніемъ, и мало по малу имъ овладѣла мысль, что папа—тотъ антихристъ, который губитъ души лжеученіемъ. Въ декабрѣ онъ произнесъ и напечаталъ проповѣдь о причащеніи, въ которой доказывалъ, что міряне должны быть, подобно лицамъ духовнаго званія, причащаемы Св. Даровъ подъ обоими видами. По внушенію Экка, кельнскій и лувенскій университеты объявили Лютера еретикомъ, сочиненія котораго должны были сожжены. Герцогъ Георгъ предостерегалъ курфюрста Фридриха отъ ученій Лютера, «кажущихся почти одинаковыми съ гуситствомъ», но курфюрстъ остался покровителемъ Лютера; онъ говорилъ, что многіе ученые и умные люди находятъ ученіе Лютера истинно христіанскимъ, потому, если оно ошибочно, то должно быть опровергаемо правильными доказательствами на основаніи ясныхъ свидѣтельствъ священнаго писанія, подавлять его насиліемъ не должно; если ошибочность его будетъ доказана, то отречется отъ него и самъ Лютеръ, постоянно выражающій готовность отказаться отъ всякихъ мнѣній, ошибочность которыхъ будетъ доказана ему.

Общественное мнѣніе просвѣщенныхъ сословій въ Германіи было согласно съ этимъ сужденіемъ курфюрста. Гуманисты, мало интересовавшіеся собственно религіозной стороною спора, нашли поднятое Лютеромъ движеніе полезнымъ для просвѣщенія народа, и многіе изъ нихъ стали защищать его. Гуттенъ, сначала называвшій это дѣло перебранкой монаховъ и радовавшійся ей только потому, что для людей счастье, какъ онъ говорилъ, когда враги просвѣщенія дерутся между собой, теперь восхищался энергіей Лютера, воспламенявшей въ нѣмецкомъ народѣ сочувствіе возвышеннымъ стремленіямъ, и писалъ Лютеру: «откажусь отъ всей моей поэтической славы, чтобы слѣдовать за тобою, о монахъ, и быть вѣрнымъ твоимъ оруженосцемъ». Латинскіе и нѣмецкіе сатирическіе разговоры и лирическія стихотворенія Гуттена сильно помогали успѣху реформаціи, освобожденію большинства нѣмецкаго народа отъ римскаго ига. Кротъ Рубіанъ и Эобанъ Гессъ тоже защищали реформацію. Самъ Эразмъ, при всей своей осторожности, горячо совѣтовалъ курфюрсту саксонскому оставаться защитникомъ Лютера, все преступленіе котораго состоитъ въ томъ, что онъ напалъ на папскую тіару и толстые животы монаховъ. Изъ круга гуманистовъ вышелъ Филиппъ Меланхтонъ (какъ называется онъ по греческому переводу его нѣмецкой фамиліи Шварцертъ). Человѣкъ чрезвычайно даровитый, онъ въ 20 лѣтъ былъ уже великимъ ученымъ. Сдѣлавшись профессоромъ въ Виттенбергѣ

Гуманисты.

въ 1518 году, вскорѣ послѣ начала спора объ индульгенціяхъ, онъ проникся глубокимъ уваженіемъ къ силѣ характера и энтузіазму Лютера, сталъ другомъ и совѣтникомъ его, доставлялъ ему для борьбы то оружіе, какое давали гуманистическія знанія. Кроткій и благоразумный, онъ удерживалъ Лютера въ границахъ разсудительности. Лютеръ говорилъ: «Я рожденъ вести войну съ врагами и чертями, потому мои книги очень бурны и воинственны. Я выворачиваю пни, вырубаю терновникъ, засыпаю болота, я дровосѣкъ, прокладывающій дорогу; такова моя природа. А магистръ Филиппъ (Меланхтонъ) идетъ тихо, строитъ и сажаетъ, сѣетъ и поливаетъ по талантамъ, которые изобильно далъ ему Богъ». Меланхтонъ улучшилъ саксонскія школы; протестантское богословіе было выработано при помощи его учености. Онъ получилъ названіе учителя Германіи, praeseptor Germaniae. Съ его пріѣздомъ началась новая жизнь въ виттенбергскомъ университетѣ; методъ преподаванія былъ преобразованъ; съ разрѣшенія курфюрста были отмѣнены тѣ лекціи, которыя имѣли значеніе только для схоластики, были замѣнены изученіемъ классиковъ. Вскорѣ послѣ лейпцигскаго диспута Меланхтонъ напечаталъ трактатъ, доказывавшій, что смыслъ священнаго писанія долженъ быть объясняемъ учеными изслѣдованіями, и другой трактатъ, доказывавшій, что авторитетъ священнаго писанія выше авторитета соборовъ.

3. Политическое положеніе Германіи. Выборъ новаго императора.

а) БОРЬБА ПО ДѢЛУ О ВЫБОРѢ КАРЛА ИМПЕРАТОРОМЪ.

Смерть
Максимиліана.
Характеръ его. Межъ тѣмъ, какъ полемизировали Лютеръ и его противники, произошли очень важныя перемѣны въ политической жизни Германіи. На аугсбургскомъ сеймѣ императоръ Максимиліанъ напрасно просилъ установить налогъ для пособія ему въ войнѣ съ турками; успѣшнѣе были хлопоты его о сохраненіи императорскаго сана за габсбургской династіей: четыре курфюрста согласились выбрать его внука Карла королемъ римскимъ, то-есть преемникомъ императора. Уѣзжая изъ Аугсбурга, Максимиліанъ чувствовалъ себя больнымъ. Прежде онъ пользовался крѣпкимъ здоровьемъ, испытывалъ лишь изрѣдка легкія болѣзни и одолѣвалъ ихъ гимнастикой и питьемъ воды. По привычкѣ лечиться гимнастикой, онъ поѣхалъ изъ Аугсбурга охотиться въ тирольскихъ и австрійскихъ горахъ; но въ Вельсѣ занемогъ и 12 января 1519 умеръ. Тѣло его было привезено въ Вѣну и погребено въ вѣнскомъ Нейштадтѣ, городѣ, гдѣ родился онъ. По своему ха-

рактору Максимилианъ былъ представитель отживающаго средневѣковаго быта; ему оставались чужды и непонятны интересы и цѣли новой общественной жизни. Его справедливо называютъ послѣднимъ рыцаремъ. Со времени поѣздки для женитьбы до послѣдней войны въ Италіи онъ велъ жизнь странствующаго рыцаря. Онъ хватался за дѣла, превышавшія его средства, любилъ охоту, турниры, шумные пиры. Въ битвахъ и въ охотѣ на медвѣдя и кабана онъ отличался отвагой, силой, ловкостью; о его охотничьихъ приключеніяхъ въ Тиролѣ, Австріи, Арденнскомъ лѣсу осталось много анекдотовъ. Ландскнехты рассказывали о случаяхъ, когда онъ одинъ бросался на нѣсколько противниковъ и побѣждалъ ихъ, и хотя часто роптали на то, что онъ по безденежью не платилъ жалованья, любили его, какъ надежнаго товарища, не покидающаго своихъ сподвижниковъ въ бѣдѣ, и охотно шли на его новый призывъ. Офицеры любили его за привѣтливость; онъ очаровывалъ ею и нѣмецкихъ государей; граждане имперскихъ городовъ, въ которыхъ любилъ онъ бывать на праздникахъ состязанія въ стрѣльбѣ и на пирахъ, были рады видѣть у себя привѣтливаго императора. Онъ былъ храбрый солдатъ, добродушный весельчакъ, но плохой полководецъ и правитель. Говорятъ, будто онъ ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ устройствѣ войска, но они не принадлежатъ ему; онъ не умѣлъ вести военныя дѣйствія, распоряжаться войсками; онъ сопротивлялся учрежденію центральнаго правительства въ Германіи. Имперскій камеральный судъ былъ ненавистенъ ему. Онъ не заботился даже о прекращеніи междоусобій, хотя этого требовалъ его собственный интересъ; спокойствіе въ Германіи охранялось не имъ, а соперничествомъ областныхъ государей, союзами слабѣйшихъ между ними и городовъ, общественнымъ мнѣніемъ, потребностью времени.

При смерти Максимилиана Германія оставалась такой же раздробленной, какъ была при его отцѣ. Онъ заботился не о благѣ ея, а только объ увеличеніи могущества своей династіи. Счастье благопріятствовало ему въ этомъ. Благодаря удачнымъ свадьбамъ, габсбургская династія пріобрѣла Нидерланды, Испанію, испанскія владѣнія въ Италіи; было подготовлено присоединеніе Богеміи и Венгріи къ ея владѣніямъ. Для Германіи это возвышеніе могущества австрійскаго дома было несчастьемъ: габсбургская династія, сохранившая за собою императорскій санъ, пренебрегала интересами Германіи, пользовалась ея силами для собственныхъ выгодъ.

Австрійскія
владѣнія.

Максимилианъ всячески хлопоталъ о томъ, чтобы преемникомъ его въ императорскомъ санѣ сдѣлался внукъ его Карлъ, но не успѣлъ обезпечить выборъ Карла. Курфирсты саксонскій и трирскій не дали обѣщанія быть на сторонѣ Карла; другіе курфирсты обѣщались вы-
брать его при жизни Максимилиана королемъ римскимъ; но неожиданная смерть Максимилиана разстроила это дѣло, и обстоятельства

Положеніе
партій по
вопросу о вы-
борѣ импера-
тора.

были таковы, что для Карла представлялась опасность не получить императорской короны. Онъ былъ далеко; никто въ Германіи не зналъ его характера и онъ еще не выказывалъ своихъ дарованій, подчиняясь Шьевру и другимъ своимъ совѣтникамъ. Маргарета, дочь Максимилиана, не имѣла большого вліянія на курфирстовъ, съ которыми вела переговоры о выборѣ племянника. Австрійскій и тирольскій сеймы проявляли прежнее стремленіе ограничить власть государя. Нѣмецкіе государи были несогласны между собой; довольно многіе изъ нихъ были расположены въ пользу короля французскаго, побѣдителя при Мариньяно, казавшагося самымъ лучшимъ вождемъ для войны съ турками, находившагося въ дружбѣ съ папой и готоваго щедро заплатить за свой выборъ. Нѣкоторые говорили даже о выборѣ Генриха Англійскаго. При такомъ разногласіи нельзя было рассчитывать на скорый выборъ, и для веденія текущихъ дѣлъ надобно было назначить временныхъ правителей. Регентомъ въ сѣверной и восточной Германіи былъ сдѣланъ Фридрихъ, курфирстъ саксонскій, въ южной—пфальцграфъ рейнскій. Оба они были нерасположены къ австрійской династіи. Многіе стали говорить, что лучше всего будетъ выбрать императоромъ курфирста саксонскаго, хорошаго правителя. Левъ X, нерасположенный къ Карлу, но опасавшійся и своего союзника, короля французскаго, одобрялъ эту мысль. Фридрихъ отвѣчалъ отказомъ на предложеніе императорской короны ему; человекъ благоразумный, онъ полагалъ, что она доставила бы ему больше затрудненій, чѣмъ выгоды. Генрихъ VIII тоже нашелъ, что она товаръ, за который просятъ слишкомъ дорого. Такимъ образомъ остались только два кандидата, Карлъ и Францискъ. Король французскій послалъ адмирала Бонниве съ большими деньгами въ Германію приобрести для него голоса курфирстовъ пфальцскаго, кельнскаго и трирскаго. Министры покойнаго императора, собравшіеся въ Аугсбургъ, тоже не жалѣли хлопотъ и денегъ на покупку голосовъ для Карла. Они сдѣлали большой заемъ у фирмы Фуггеровъ, потому тоже могли быть щедры. Избирательная борьба длилась пять мѣсяцевъ. Агенты Карла склонили на его сторону курфирстовъ пфальцскаго, кельнскаго, майнцскаго; Людовикъ, король богемскій и венгерскій, тоже принялъ его сторону. Наконецъ удалось приобрести и голосъ курфирста саксонскаго обѣщаніемъ, что за его племянника, Іоанна Фридриха, будетъ выдана сестра Карла, Катерина. Кромѣ своихъ корыстныхъ мотивовъ, эти курфирсты руководились и патріотическими соображеніями. Король французскій, владѣтель сосѣдняго очень сильнаго государства, могъ бы подавить независимость Германіи, сдѣлавшись ея императоромъ. Не нравилось нѣмецкимъ государямъ и то, что легатъ папы слишкомъ усердно хлопоталъ за короля французскаго. Въ пользу Карла располагала привычка имѣть императорами Габсбурговъ. Притомъ онъ казался менѣе опасенъ, чѣмъ Францискъ.

Правда, его владѣнія были громадны; но Испанія и южная Италія находились далеко отъ Германіи, и дѣла этихъ государствъ должны были отвлекать его силы отъ нѣмецкихъ земель. Отчасти обязанъ онъ былъ успѣхомъ и тому, что держалъ себя осторожно и скромно, между тѣмъ какъ король французскій выказывалъ слишкомъ большую самоувѣренность. Такимъ образомъ шесть курфирстовъ, собравшіеся во Франкфуртъ, выбрали 28 іюня 1519 года императоромъ нѣмецкимъ Карла, эрцгерцога австрійскаго, короля испанскаго. Въ этомъ выборѣ не участвовалъ только курфирстъ трирскій; но и онъ покинулъ Франциска, перешелъ на сторону Карла. За нѣсколько дней передъ выборомъ папскіе уполномоченные нашли надобнымъ прекратить оппозицію кандидатурѣ Карла, сказали, что папа одобряетъ ее. Левъ X сообщилъ новому императору, что только Богу извѣстно, какъ искренно обрадованъ онъ выборомъ его. — Впрочемъ, курфирсты озаботились ограничить власть императора и оградить независимость Германіи отъ его произвола.

По избирательному акту, окончательно составленному 3 іюля, главные условія, на которыхъ давалась корона Карлу, были слѣдующія: императоръ не можетъ вводить въ Германію иноземныхъ войскъ безъ согласія нѣмецкаго сейма, не можетъ созывать этотъ сеймъ внѣ границъ нѣмецкаго государства; обязанъ назначать на имперскія должности исключительно нѣмцевъ; языкомъ его официальныхъ актовъ долженъ быть или нѣмецкій, или латинскій; члены нѣмецкаго сейма не могутъ быть предаваемы суду, засѣдающему внѣ границъ нѣмецкаго государства; императоръ обязанъ отмѣнить всѣ распоряженія, сдѣланныя папой относительно Германіи въ нарушение конкордатовъ нѣмецкой націи съ римскою куріей, обязанъ подтвердить права нѣмецкихъ государей и учредить имперское правительство; онъ не можетъ отчуждать ничего, принадлежащаго нѣмецкому государству, не можетъ объявлять никого мятежникомъ безъ выслушанія объясненій.

b) ВЮРТЕМБЕРГСКІЯ ДѢЛА.

1. Правленіе Эбергарда I и Эбергарда II.

Литература. Sattler, Geschichte des Herzogthums Württemberg (8 томовъ, Tübingen, 1769—1776); Spittler, Geschichte Württembergs (Göttingen, 1783); Pfaff, Geschichte des Fürstenhauses und Landes Württemberg (Stuttgart, 1839); Pfister, Geschichte von Schwaben (2 тома, Heilbronn, 1803, 1827); Stälin, Württembergische Geschichte (4 тома, Stuttgart, 1842—1873); Kugler, Herzog Ulrich von Württemberg (Stuttgart, 1865); Ulmann, Fünf Jahre, 1515—1519 (Leipzig, 1867).

Эбергардъ Бородатый, графъ вюртембергскій, велъ въ молодости безпорядочную жизнь, но потомъ сталъ благоразумнымъ и хорошимъ правителемъ. Онъ покровительствовалъ просвѣщенію, основалъ тюбингенскій университетъ, на содержаніе котораго отдалъ съ согласія папы нѣсколько имѣній, принадлежавшихъ церкви. Онъ былъ другомъ Рейхлина. Послѣ долгихъ хлопотъ ему удалось установить мунсингенскимъ и эслингенскимъ договорами нераздѣльность вюртембергскаго государства и наслѣдованіе

Эбергардъ Бородатый
1459—1496.

по линіи первородства. Максимилианъ такъ уважалъ его, что далъ на вормсскомъ сеймѣ въ 1495 году вюртембергскому государству титулъ герцогства.

Но съ этимъ повышеніемъ титула было соединено распоряженіе, представлявшее опасность для самостоятельности вюртембергскаго государства. Аллодіальныя владѣнія вюртембергской династіи были сдѣланы имперскимъ леномъ, то-есть перестали быть наследственными по женской линіи; въ случаѣ прекращенія мужской линіи, государство становилось выморочнымъ леномъ и поступало подъ непосредственное распоряженіе императора. Притомъ, повышеніе титула вело къ увеличенію блеска двора и къ обремененію народа налогами. Преемникомъ бездѣтнаго Эбергарда Бородатаго былъ его двоюродный братъ Эбергардъ II, человекъ ограниченнаго ума, порочный и деспотичный. По эслингенскому договору (2 сентября 1492) Эбергардъ Бородатый поставилъ его, какъ малолѣтняго, хотя ему было уже почти 50 лѣтъ, подъ опеку регентства (regiment), членами котораго были первый сановникъ герцогства (ландгофмейстеръ) и 12 совѣтниковъ, выбранные изъ членовъ сейма. Но Эбергардъ II захватилъ правленіе въ свои руки и навлекъ на себя нелѣпыми деспотичными мѣрами ненависть и презрѣніе народа. Онъ руководился совѣтами людей развратныхъ и безсовѣстныхъ, вліятельнѣйшимъ изъ которыхъ былъ августинскій монахъ Конрадъ Гольцингеръ. Онъ сорилъ деньги на свои оргіи. Рейхлинъ уѣхалъ изъ Вюртемберга, говоря, что „трудно спать спокойно подлѣ ядовитой змѣи“, какъ называлъ онъ Гольцингера. Другіе честные люди, находившіеся на вюртембергской службѣ, слѣдовали примѣру Рейхлина, запуганные произвольными арестами. Негодованіе быстро усилилось до такой степени, что герцогъ принужденъ былъ, уступая общему требованію, созвать сеймъ. Собравшись въ Штутгартѣ въ мартѣ 1498, сеймъ потребовалъ отмѣны „тяжкихъ бѣдствій“, производимыхъ безпорядочнымъ управленіемъ легкомысленныхъ людей, и учрежденія хорошаго правленія“. Герцогъ покорился всему. Гольцингеръ былъ отвезенъ въ Констанцъ и было восстановлено регентство (30 марта 1498).

Герцогъ, захвативъ серебряную посуду и другія дорогія вещи, бѣжалъ 1 апрѣля въ Ульмъ. Сеймъ разослалъ (9 апрѣля) всѣмъ государямъ и имперскимъ городамъ нѣмецкаго королевства циркуляръ, въ которомъ оправдывалъ свои распоряженія, и 10 апрѣля объявилъ, что герцогство отказываетъ Эбергарду II въ повновеніи. Этотъ актъ былъ подписанъ правительственными сановниками, членами сейма и всѣми людьми придворнаго штата до личныхъ служителей герцога. Въ числѣ подписавшихъ находятся даже трубачъ и поваръ. Императоръ одобрилъ дѣйствія сейма, объявилъ Эбергарда II лишеннымъ власти и передалъ герцогство сыну его слабоумнаго брата Генриха, одиннадцатилѣтнему Ульриху (28 мая). Въ малолѣтство новаго герцога управленіе осталось въ рукахъ регентства. Эбергардъ 10 іюня подписалъ предложенный ему императоромъ договоръ, по которому призналъ себя „по старости и тѣлесной немоши“ неспособнымъ къ управленію и обязался никогда не возвращаться въ Вюртембергъ; ему была назначена пенсія въ 6.000 гульденовъ. Онъ уѣхалъ къ своему родственнику, пфальцграфу Филиппу, который отправилъ его жить въ замокъ Линденфельзъ, распорядившись, чтобъ его не выпускали оттуда; тамъ онъ и умеръ 17 февраля 1504 года.

2. Первое время правленія Ульриха.

Максимилианъ обручилъ Ульриха съ своей племянницей Сабинной, дочерью Альбрехта, герцога мюнхенскаго, шестилѣтней дѣвочкой. Въ 1511 году женихъ и невѣста, давно ставшіе совершеннолѣтними, были повѣнчаны. Ульриху не хотѣлось бы жениться на Сабинѣ. Ему правилась Елизавета, дочь Фридриха, маркграфа ансбахскаго, жившая у своей родственницы, вдовствующей герцогини въ вюртембергскомъ городѣ Нюртингенѣ. Говорятъ, что онъ часто ѣздилъ туда давать серенады Елизаветѣ и что для такихъ серенадъ была написана имъ пѣсня: „Звучить мой рогъ печальнымъ тономъ, радость моя исчезла“, *Ich schell' mein Horn in Jammers Ton, Mein Freund' ist mir verschwunden*. Заключенный противъ воли бракъ съ Сабинной былъ причиною несчастій и для Ульриха и для нея.—Регентство управляло государствомъ пять лѣтъ. Въ іюнѣ 1503 Максимилианъ объявилъ Ульриха совершеннолѣтнимъ. Молодой герцогъ еще не возбуждалъ никакихъ опасеній въ подданныхъ. Онъ получилъ плохое воспитаніе, предпочиталъ дѣламъ верховую ѣзду и охоту, но выказывалъ умъ, говорилъ хорошо. Онъ былъ одаренъ необыкновенной физической силой и былъ мастеръ въ рыцарскихъ играхъ.

Ульрихъ
1498—1550.

Первые годы его правленія шли удачно. Онъ принялъ участіе въ войнѣ императора и Альбрехта, герцога мюнхенскаго, противъ курфирста пфальцскаго (IX, 71), овладѣлъ пятью городами. Пфальцграфъ принужденъ былъ уступить ихъ ему. Онъ любилъ роскошь. На пиры его съѣзжалось множество гостей. Онъ ѣздилъ на всѣ турниры и карусели. Свадьба его съ Сабинной (въ мартѣ 1511) была отпразднована великолѣпно. Нѣсколько дней длились пиры, на которыхъ герцогъ угощалъ обѣдами 16.000 человекъ каждый день.

Мотовство ввело Ульриха въ долги; они возросли до 1.000.000 гульденовъ, суммы громадной по тому времени. Герцогъ не хотѣлъ слышать объ уменьшеніи своей роскоши, хотѣлъ увеличить свои доходы налогомъ на потребление, установилъ его въ 1514 году безъ согласія сейма. Поднялось волненіе, принудившее его созвать сеймъ. Въ юго-западной Германіи начинались тогда возстанія поселянъ. Дворяне и духовенство опасались, что они примутъ большой размѣръ, потому были расположены уклоняться отъ ссоры съ Ульрихомъ. Собравшись въ Тюбингенѣ на сеймъ, они и депутаты городовъ заключили съ Ульрихомъ въ іюлѣ 1514 соглашеніе, называющееся тюбингенскимъ договоромъ. Сеймъ принялъ на себя уплату долговъ герцога, сумма которыхъ была опредѣлена въ 910.000 гульденовъ; за это Ульрихъ обязался не начинать никакой войны, не отдавать въ залогъ государственныхъ имуществъ, не устанавливать налоговъ безъ согласія сейма, не наказывать никого безъ суда. Было постановлено, что каждый новый герцогъ обязанъ будетъ до принятія власти утверждать заключенный теперь договоръ. Этотъ важный государственный актъ сталъ основнымъ закономъ вюртембергскаго государственнаго устройства. Масса населенія была успокоена имъ. Но тѣ поселяне, которые уже взяли за оружіе, не вѣрили обѣщанію герцога соблюдать законы; ихъ возстаніе было сурово подавлено.

Тюбингенскій
договоръ.
1514.

3. Убіѣйство Ганса Гуттена.

Максимилианъ долго былъ покровителемъ Ульриха, но разсердился на него, когда онъ въ 1512 году, при возобновленіи договора о сохраненіи швабскаго союза, отказался подписать этотъ актъ. Союзный совѣтъ состо-

ялъ изъ 21 члена. Между ними было 14 уполномоченныхъ отъ прелатовъ, графовъ, рыцарей и городовъ, и только семь голосовъ принадлежали государямъ, имѣвшимъ титулы выше графскаго. Ульрихъ находилъ унижительною для себя подчиняться рѣшеніямъ, правительства, въ которомъ большинство составляютъ депутаты городовъ и мелкихъ владѣтелей. Онъ вступилъ съ пфальцграфомъ Людвигомъ и епископомъ вюрцбургскимъ въ союзъ, враждебный швабскому союзу. Это возбуждало недовольство и въ его собственныхъ подданныхъ, не только въ императорѣ и швабскомъ союзѣ. Положеніе было опасно. Новымъ безразсудствомъ онъ навлекъ на себя бѣду. Онъ жилъ въ раздорѣ съ своей женой. По его словамъ, она была женщина неуживчиваго характера. Оправдывая свои поступки съ ней, онъ говорилъ, что она своими „гнѣвными чрезмѣрно горячими рѣчами“ раздражала его до такой степени, что онъ „долженъ быть вставать съ супружескаго ложа, но дѣлалъ это безъ удара, ругательства или брани, кромѣ того, что одинъ разъ, когда она чрезмѣрно взволновала его, онъ ударилъ ее рукой и то не тяжело“. Но молва говорила, что онъ бьетъ и всячески оскорбляетъ ее. Буйство его было усилено ревностью. Гансъ Гуттенъ, молодой человѣкъ знатной франконской фамиліи, стройный и красивый, пріобрѣлъ расположеніе герцога и герцогини. Онъ былъ неразлучнымъ товарищемъ герцога на охотѣ и въ другихъ развлеченіяхъ; герцогъ назначилъ его своимъ шталмейстеромъ и женилъ его на красавицѣ Урсулѣ Тумбъ, единственной дочери наслѣдственнаго маршала вюртембергскаго. Но самъ герцогъ былъ влюбленъ въ нее; Гансъ Гуттенъ говорилъ, что герцогъ однажды на колѣнахъ упрашивалъ его именемъ Божіимъ, чтобы онъ дозволилъ ему любить Урсулу, потому что онъ не можетъ и не хочетъ отказаться отъ этой любви. Эти слова Гуттена дошли до герцога и раздражили его. Онъ уже и безъ того имѣлъ тогда злобу на Ганса, подозревая, что Сабина находится въ связи съ этимъ красивымъ молодымъ человѣкомъ; онъ увѣрялъ даже, будто бы видѣлъ на пальцѣ Ганса Гуттена обручальное кольцо своей жены. Раздраженіе Ульриха противъ Ганса Гуттена выказывалось такъ рѣзко, что старикъ Гуттенъ совѣтовалъ сыну уѣхать съ женой отъ вюртембергскаго двора. Но Гансъ медлилъ отъѣздомъ, вѣроятно, не придавая важности вспышкамъ гнѣва герцога, считая ихъ мимолетными порывами его вспыльчиваго характера, и даже согласился отправиться съ герцогомъ на охоту въ бѣблингскій лѣсъ. На этой охотѣ, 7-го мая 1515, герцогъ удалилъ другихъ своихъ спутниковъ, остался одинъ съ Гансомъ Гуттеномъ. Онъ былъ въ полномъ вооруженіи, у Гуттена была только короткая шпага. Ульрихъ сталъ упрекать Ганса въ любовной связи съ герцогиней и бросился на него; Гуттенъ помчался отъ герцога, Ульрихъ гнался за нимъ. Гансъ нѣсколько разъ укрывался за кустарникомъ; герцогъ настигалъ его и наносилъ ему рану за раной, то сзади, то спереди; Гансъ наконецъ упалъ мертвый. Герцогъ обвязалъ шею убитаго поясомъ, а къ поясу привязалъ мечъ и воткнулъ въ землю подлѣ головы убитаго. Это было символомъ того, что Ганса Гуттена слѣдуетъ считать повѣшеннымъ по приговору суда фемы: исполнители приговоровъ фемы вѣшали осужденныхъ ею и втыкали ножъ въ дерево. Бывшіе на охотѣ вельможи и служители нашли тѣло Ганса Гуттена.

Бѣгство герцогини 1515.

Убийство знатнаго человѣка не прошло Ульриху безнаказаннымъ. Восемнадцать рыцарей немедленно отказались служить ему. Оправданія, выставляемыя имъ и его защитниками, не убѣждали никого; памфлеты Ульриха Гуттена, возбуждали во всѣхъ негодованіе противъ убійцы. Фамилія Гуттеповъ требовала отъ императора наказанія преступнику. Вюртембергскій сеймъ, уже и безъ того раздраженный расточительностью

герцога, готовился объявить его лишеннымъ власти. Максимилианъ старался отвратить отъ Ульриха бѣду, убѣждалъ Гуттеновъ помириться съ нимъ. Но его положеніе ухудшилось тѣмъ, что Сабина уѣхала отъ него къ роднымъ. Она жила въ урахскомъ замкѣ. Мужъ потребовалъ, чтобъ она возвратилась въ Штутгартъ; она (24 ноября 1515) бѣжала въ Мюнхенъ къ матери и братьямъ. Она и они потребовали у императора наказанія мужу, мучившему ее. Она говорила, что Ульрихъ топталъ ее сапогами со шпорами, травилъ ее собаками. Гуттены и герцоги мюнхенскіе печатали рассказы о злодѣйствахъ Ульриха. Онъ отвѣчалъ, что убійство Ганса Гуттена было сдѣлано имъ по приговору фемы; называлъ другія обвиненія лживыми. Противники готовились къ походу на него, онъ къ оборонѣ.

Максимилианъ былъ принужденъ уступить требованіямъ Гуттеновъ и герцоговъ мюнхенскихъ, но хотѣлъ, чтобы судъ надъ Ульрихомъ кончился примиреніемъ. Онъ назначилъ въ Аугсбургъ судебную комиссію по дѣлу Ульриха; она въ сентябрѣ 1516 потребовала герцога „для мирнаго вопроса и соглашенія“, но Ульрихъ не поѣхалъ въ Аугсбургъ, рассчитывая на поддержку вюртембергскаго сейма, которому сдѣлалъ уступки. Аугсбургская комиссія рѣшила, что онъ долженъ на шесть лѣтъ сложить съ себя власть, удалиться изъ герцогства, и что государствомъ будетъ въ это время управлять регентство. Вюртембергскій народъ опасался утратить свою независимость и выражалъ рѣшимость защищать герцога. Ульрихъ объявилъ, что не подчиняется рѣшенію комиссіи, утвержденному императоромъ. Максимилианъ принужденъ былъ объявить его мятежникомъ, освободить подданныхъ отъ присяги ему (11 октября 1516), но продолжалъ покровительствовать ему, остановилъ войска герцоговъ мюнхенскихъ и швабскаго союза, готовившіяся идти на него, убѣдилъ его выразить покорность приговору, которому далъ смягченную форму: управление государствомъ было передано регентству, но Ульриху было разрѣшено оставаться въ герцогствѣ. Фамиліи Гуттеновъ было назначено денежное вознагражденіе, а герцогинѣ Сабинѣ приличное ея сану содержаніе.

Такимъ образомъ дѣло казалось поконченнымъ; но Ульрихъ Гуттенъ продолжалъ печатать воззванія, призывавшія рыцарей наказать злодѣя. Герцогъ новыми жестокостями помогъ исполненію требованія Ульриха Гуттена. Онъ подвергъ преслѣдованію всѣхъ подданныхъ, принимавшихъ участіе въ аугсбургскомъ процессѣ надъ нимъ; даже людей, защищавшихъ его, онъ бросилъ въ темницу за то, что они согласились на передачу власти регентству, подвергъ ихъ пыткамъ, казнилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; онъ разрушилъ замокъ Ульриха Гельфенштейна, ѣздившаго по призыву императора въ Аугсбургъ, сжегъ замки и селенія Дитриха Шнета, помогавшаго бѣгству Сабинны. Тираниія его стала невыносима; онъ выкалывалъ глаза бѣднякамъ, тайно убивавшимъ въ его лѣсахъ дичь на продажу. Императоръ потерялъ терпѣніе, сталъ упрекать Ульриха въ вѣроломствѣ, въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ королемъ французскимъ, предложилъ пѣмекскому сейму и швабскому союзу собрать войско противъ него; но все-таки велъ переговоры съ нимъ. Въ нихъ прошло больше года. Наконецъ, на аугсбургскомъ сеймѣ въ іюлѣ 1518 Максимилианъ принужденъ былъ объявить Ульриха низложеннымъ и поручилъ Францу Зикпигену вести войско на него. Но снова вступилъ въ переговоры съ нимъ. Они длились до самой смерти императора.

4. Изгнание Ульриха.

Нападеніе Уль-
риха на
Рейтлингенъ. Смерть Максимилиана казалась Ульриху обстоятельствомъ, надолго устра-
няющимъ исполненіе приговора о его низложеніи. Онъ рассчитывалъ даже
восторжествовать надъ всѣми врагами, надѣясь, что императоромъ будетъ
король французскій, обѣщавшій ему свое покровительство. Въ этомъ само-
увѣренномъ настроеніи мыслей онъ получилъ извѣстіе, что два рейтлин-
генскіе ремесленника убили въ трактирной дракѣ его чиновника, управ-
лявшаго замкомъ Ахальмомъ. Онъ уже давно былъ озлобленъ на Рейтлин-
генъ, имперскій городъ, принадлежавшій къ швабскому союзу. Рейтлингенцы
охотились въ его лѣсахъ, ловили рыбу въ его прудахъ. Ему казалось, что
теперь онъ можетъ отмстить имъ. Онъ собралъ войско, осадилъ Рейтлин-
генъ, бомбардировалъ его; черезъ недѣлю городъ сдался. Ульрихъ велѣлъ
гражданамъ дать присягу на вѣрность ему и поставилъ въ городѣ гар-
низонъ.

Швабскій со-
юзъ объявляетъ
войну Ульриху. Итакъ Ульрихъ захватилъ подъ свою власть имперскій городъ и притомъ
городъ, принадлежавшій къ швабскому союзу. Эта безумная дерзость не
прошла ему даромъ. Слабоумный старикъ Генрихъ, отецъ Ульриха, узнавъ
о его нападеніи на Рейтлингенъ, воскликнулъ: „О, теперь прогонять его!“
Братъ Сабинны, Вильгельмъ, герцогъ мюнхенскій, внесъ въ совѣтъ швабскаго
союза предложеніе объявить войну Ульриху; имперскіе города не могли
простить нападенія на имперскій городъ; франконскіе и швабскіе рыцари
жаждали отмстить за Ганса Гуттена. Швабскій союзъ быстро собралъ
войско, поручилъ начальство надъ нимъ герцогу Вильгельму; помощникомъ
Вильгельма былъ знаменитый полководецъ ландскнехтовъ Георгъ Фрундс-
бергъ. Съ Рейна привелъ войско рыцарей Францъ Зикингенъ. Но Ульрихъ
приготовился къ оборонѣ. У него было 10.000 своихъ солдатъ и онъ нанялъ
16.000 швейцарцевъ; онъ ожидалъ, что пришлютъ ему войска ландграфъ
гессенскій, король французскій; онъ надѣялся на побѣду, но ошибся въ
разчетахъ. Швейцарскій союзъ, по просьбѣ австрійскаго правительства и
швабскаго союза, отозвалъ волонтеровъ, нанявшихся въ службу къ Ульриху;
большинство ихъ ушло. Пфальцграфъ Рейнскій побоялся помогать мятеж-
нику; король французскій не хотѣлъ вредить своей кандидатурѣ на импе-
раторскую корону, дѣйствуя наперекоръ рѣшенію нѣмецкаго сейма. Въ
мартѣ войска швабскаго союза и Францъ Зикингенъ пошли въ герцогство
вюртембергское; города сдавались имъ, швабскій союзъ назначилъ прави-
телемъ герцогства своего уполномоченнаго Кристофа Шварценберга. Уль-
рихъ бѣжалъ въ Рейнскій Пфальцъ. Въ концѣ мая сдались гарнизоны по-
слѣднихъ замковъ, комманданты которыхъ оставались вѣрны Ульриху.
Герцогиня Сабина пріѣхала въ Урахъ и приняла на себя управленіе гер-
цогствомъ, какъ опекуна своего сына Кристофа.

Возвращеніе
Ульриха. Карлъ былъ выбранъ императоромъ при содѣйствіи швабскаго союза,
войска котораго подъ начальствомъ Франца Зикингена стояли близъ Франк-
фурта, наводя ужасъ на приверженцевъ короля французскаго. Казалось,
Ульриху нельзя было теперь и думать о возобновленіи борьбы. Но онъ
нанялъ нѣсколько тысячъ ландскнехтовъ, пошелъ изъ Пфальца въ Вюртем-
бергъ; поселяне, обольщенные обѣщаніемъ, что онъ будетъ защищать ихъ
отъ господъ, присоединялись къ нему. Онъ 15 августа вступилъ въ Штут-
гартъ. Въ сентябрѣ сдался ему Кирхгеймъ. Но при нападеніи на Эслингенъ,
въ октябрѣ, онъ потерпѣлъ неудачу. Между тѣмъ собрались войска шваб-
скаго союза, пошли въ герцогство; Ульрихъ былъ разбитъ въ нѣсколькихъ
стычкахъ и бѣжалъ. Онъ жилъ послѣ того или въ Швейцаріи или въ Мон-

бельярѣ, выжидая случая возобновить войну. Швабскій союзъ назначилъ регентство для временнаго управленія герцогствомъ. Правительница Нидерландовъ Маргарита, тетка Карла, прислала въ Швабію Максимилиана Зевенбергена дѣйствовать въ интересахъ габсбургской династіи. Совѣту швабскаго союза было обременительно завѣдовать дѣлами герцогства вюртембергскаго; потому Зевенбергенъ убѣдилъ совѣтъ союза передать управленіе герцогствомъ императору Карлу, и 6 февраля 1520 былъ подписанъ договоръ, по которому швабскій союзъ отдалъ герцогство вюртембергское Карлу, а императоръ обязался уплатить швабскому союзу 210.000 гульденовъ вознагражденія за военные расходы, принять на себя долги вюртембергской казны, обѣщался назначить приличное содержаніе Сабинѣ, ея дѣтямъ и другимъ лицамъ герцогской династіи, уплатить вознагражденіе Гуттенамъ и другимъ дворянамъ, потерпѣвшимъ обиды или убытки отъ Ульриха. Сынъ Ульриха Кристофъ былъ взятъ на воспитаніе австрійскимъ правительствомъ и отвезенъ въ Инсбрукъ. Карлъ утвердилъ тюбингенскій договоръ и всѣ другія права вюртембергскаго народа, потому населеніе герцогства безъ сопротивленія присягнуло на вѣрность новому государю. Зевенбергенъ, назначенный правителемъ Вюртемберга, поѣхалъ съ депутаціею сейма въ Нидерланды, куда возвратился теперь изъ Испаніи Карлъ. Депутація выразила Карлу желаніе, чтобъ онъ письменнымъ актомъ принялъ герцогство вюртембергское во владѣніе своей династіи. Онъ въ августѣ 1520 обнародовалъ грамоту, въ которой объявлялъ Вюртембергъ владѣніемъ габсбургской династіи. Онъ расширилъ права сейма и уважалъ ихъ. Пользуясь этимъ, сеймъ ввелъ въ герцогствѣ хорошую администрацію. На вормскомъ сеймѣ Карлъ отдалъ Вюртембергъ вмѣстѣ съ другими нѣмецкими владѣніями австрійской династіи въ управленіе своему брату Фердинанду, а черезъ четыре года, 15 февраля 1525, совершенно отдѣлилъ эти земли отъ своей монархіи и отдалъ ихъ Фердинанду въ собственность. Ульрихъ, объявленный мятежникомъ, лишеннымъ владѣній, купилъ замокъ Гоэнтвиль и жилъ тамъ, выжидая возможности возобновить войну.

с) гильдесгеймская война *).

Могущество брауншвейгской династіи сильно пострадало отъ гильдесгеймской войны. Принцъ саксонско-асканской династіи, владѣвшей Люнебургомъ, Іоаннъ, сдѣлался въ 1504 году епископомъ гильдесгеймскимъ. Большая часть епископскихъ имѣній была заложена дворянамъ той области за ничтожныя суммы. Іоаннъ былъ бережливъ, набралъ денегъ и хотѣлъ выкупить заложенные имѣнія. Владѣтели ихъ, уже считавшіе ихъ своей собственностью, отказались возвратить ихъ, заключили между собою союзъ въ 1516 году для вооруженнаго сопротивленія Іоанну и отдались подъ покровительство герцоговъ вольфенбюттельскаго и каленбергскаго и воинственнаго епископа минденскаго, Франца. Епископъ Іоаннъ заключилъ союзъ съ Генрихомъ, герцогомъ люнебургскимъ, обѣщавъ сдѣлать его сына своимъ коадьюторомъ (помощникомъ, имѣющимъ право наследовать епископу). Весной 1519 года началась война. Герцогъ люнебургскій прогналъ епископа минденскаго и овладѣлъ Каленбергской областью. Это было во время между-

*) Spittler, Geschichte des Fürstentums Hannover seit den Zeiten der Reformation (Göttingen, 1786); Havemann, Geschichte der Lande Braunschweig und Lüneburg (3 тома, Göttingen, 1853—1857); Schaumann, Handbuch der Lande Hannover und Braunschweig (Hannover, 1864).

царствія, когда шла борьба между королемъ французскимъ и Карломъ за императорскую корону. Герцогъ люнебургскій былъ на сторонѣ короля французскаго, герцоги вольфенбюттельскій и каленбергскій на сторонѣ Карла. Герцогъ каленбергскій и его союзники, собравъ войска, стали опустошать владѣнія своихъ противниковъ. Говорятъ, что въ одинъ день сожгли 50 селеній. Въ тотъ самый день, когда императоромъ былъ выбранъ Карлъ, 28 іюня 1519, произошла на Зольтауской стени рѣшительная битва; герцогъ люнебургскій и епископъ гильдесгеймскій одержали полную побѣду; герцогъ каленбергскій, герцогъ вольфенбюттельскій и 120 ихъ рыцарей были взяты въ плѣнъ. Сосѣдніе государи собрались на третейскій судъ и рѣшили 24 іюля, что герцогъ каленбергскій долженъ уступить часть своихъ владѣній герцогу люнебургскому. На этомъ условіи плѣнные герцоги были освобождены. Герцогъ каленбергскій обратился къ новому императору съ просьбой объ отмѣнѣ рѣшенія третейскаго суда. Герцогъ вольфенбюттельскій собралъ новое войско, страшно опустошилъ владѣнія епископа гильдесгеймскаго и тоже объявилъ, что передаетъ дѣло на рѣшеніе императора. Герцогъ люнебургскій и епископъ гильдесгеймскій отправились лично просить Карла, пріѣхавшаго въ Германію, объ утвержденіи рѣшенія третейскаго суда. Но императоръ досадовалъ на нихъ за то, что они были сторонниками кандидатуры короля французскаго, и не удовлетворилъ ихъ просьбы. Герцогъ люнебургскій передалъ управленіе государствомъ своимъ сыновьямъ и уѣхалъ во Францію. Это раздражило Карла. На вормсскомъ сеймѣ 27 мая императоръ постановилъ, что обѣ воевавшія стороны должны отдать ему всѣ земли, захваченныя во время войны, что онъ возвратитъ ихъ законнымъ владѣтелямъ, что всѣ плѣнные должны быть освобождены, а вопросы о выкупѣ и другіе споры будутъ рѣшены комиссіей, членовъ которой тогда же и назначилъ онъ. Герцоги люнебургскіе и епископъ гильдесгеймскій не покорились этому рѣшенію, убыточному для нихъ. Императоръ 24 іюля (1521 года) объявилъ ихъ мятежниками, лишенными владѣній, и поручилъ исполненіе этого приговора королю датскому (какъ владѣтелю герцогства гольштинскаго) и герцогамъ вольфенбюттельскому и каленбергскому. Король датскій, занятый другими дѣлами, дѣйствовалъ слабо; но герцоги вольфенбюттельскій и каленбергскій стали опустошать владѣнія своихъ противниковъ и покоряли городъ за городомъ. Герцогъ люнебургскій покорился приговору императора, освободилъ плѣнныхъ. Епископъ гильдесгеймскій продолжалъ войну, но въ 1523 году капитулъ и сеймъ заключили противъ его воли договоръ, по которому отдали герцогамъ вольфенбюттельскому и каленбергскому большую часть владѣній епископской каѳедры. Императоръ утвердилъ этотъ договоръ.

4. Отлученіе Лютера отъ церкви.

Возвратившись съ лейпцигскаго диспута, Эккъ написалъ трактатъ о приматствѣ папы, сдѣлалъ выписки изъ сочиненій Лютера и зимою поѣхалъ въ Римъ хлопотать о томъ, чтобы Лютеръ былъ осужденъ папой. Онъ нашелъ въ Римѣ хорошій пріемъ себѣ. Папа назначилъ комиссію для суда надъ Лютеромъ; въ числѣ членовъ ея находились Кастанъ и самъ Эккъ. Друзья Лютера встревожились, убѣждали его

быть умѣреннымъ и осторожнымъ; онъ отвѣчалъ: «Наступающая война—война Господня; слово Божіе—мечъ», и продолжалъ полемику съ своими противниками. Богословскіе факультеты лувенскаго и кѣльнскаго университетовъ осудили ученіе Лютера, какъ ересь. Онъ отвѣчалъ имъ рѣзкими упреками въ легкомысліи и несправедливости. Меланхтонъ принялъ участіе въ полемикѣ и напечаталъ въ защиту мнѣній Лютера изслѣдованіе о происхожденіи папской власти. Въ немъ онъ доказываетъ, что она возникла очень поздно, что ученіе о ней противорѣчитъ историческимъ фактамъ, и что нѣмецкая нація имѣетъ право дать своей церкви устройство независимое отъ папы.

Въ Римѣ между тѣмъ было рѣшено отлучить Лютера отъ церкви. Саксонскій вельможа Валентинъ Тейтлебенъ, находившійся тамъ, увѣдомилъ объ этомъ курфюрста саксонскаго. Фридрихъ отвѣчалъ Тейтлебену, что Лютеръ правъ, что дѣло его стало дѣломъ нѣмецкой націи, что папа поступитъ неблагоразумно, если произнесетъ осужденіе ему, что этимъ будетъ возбуждено въ Германіи движеніе, которое можетъ стать гибельнымъ для папской власти. Лютеръ, тоже извѣщенный о намѣреніи папы, писалъ 9 іюля Спалатину:

Булла объ
отлученіи Лю-
тера 1520.

„Я постоянно просилъ, чтобъ показали мнѣ, въ чемъ я ошибаюсь; вмѣсто того только ругали меня; и когда я былъ готовъ замолчать, меня силою вовлекли въ споръ. Теперь я буду вѣрно и усердно исполнять мою наставническую обязанность. У меня достаточно грѣховъ и безъ измѣны ей. Я не прибавлю къ нимъ того непростительнаго грѣха, чтобъ я, служитель истины, молча смотрѣлъ, какъ искажаютъ ее къ душевному вреду столькихъ тысячъ людей. Я всегда готовъ остановиться; только пусть не запрещаютъ мнѣ открыто исповѣдывать божественную истину и учить ей. При такомъ состояніи моего духа я не могу ни пугаться угрозъ, ни поддаться любезностямъ“.

Когда Лютеръ писалъ своему другу эти слова, была уже подписана папой булла о его отлученіи. Левъ X долго уклонялся отъ этого поступка, казавшагося ему опаснымъ.. Только послѣ четырехъ консисторій (совѣщаній коллегіи кардиналовъ) онъ подписалъ буллу (16 іюня 1520). Она начинается уподобленіемъ Лютера библейскому вепрю, раззоряющему вертоградъ Божій, призываетъ Христа, Петра, Павла и всѣхъ святыхъ на защиту церкви, приводитъ 41 положеніе изъ сочиненій Лютера и объявляетъ ихъ еретическими заблужденіями. (Большую часть это тѣ выраженія Лютера, которыя отрицаютъ безусловную власть папы надъ церковью). Булла воспрещаетъ излагать или принимать эти мнѣнія, угрожая за ослушаніе отлученіемъ отъ церкви и лишеніемъ всѣхъ должностей, повелѣваетъ сжечь тѣ сочиненія, въ которыхъ находятся осужденныя ею мысли, требуетъ, чтобы Лютеръ и его приверженцы явились до истеченія шестидесятидневнаго срока въ Римъ для отреченія отъ этихъ еретическихъ мнѣній или прислали письменное отреченіе отъ нихъ; если же Лютеръ не отречется до истеченія срока, продолжаетъ булла, то онъ, какъ

закоsnблый ерeтикъ, какъ усохшая вѣтвь, отсѣкается отъ христiанства, и всѣ церковныя и свѣтскiя начальства обязаны арестовать и по требованiю папы выдать въ Римъ его и приверженцевъ его; всѣ мѣстности, въ которыхъ будутъ находиться они, будутъ подвергнуты интeрдикту. Эта булла должна быть прочтена во всѣхъ соборныхъ храмахъ Германiи, и экземпляры ея прибиты къ дверямъ ихъ.

Приемъ, встрѣченiй буллой въ Германiи.

Эккъ съ торжествомъ поѣхалъ въ Германiю въ сопровожденiи кардинала-легата Иеронима Александра. Имъ было поручено обнародованiе буллы. Александръ отправился въ Майнцъ просить разрѣшенiя на это у архiепископа; булла была обнародована въ Рейнскихъ областяхъ Германiи и въ Нидерландахъ (прежде всего въ Кѣльнѣ, Майнцѣ, Лувенѣ) и были сдѣланы тамъ распоряженiя отбирать и жечь сочиненiя Лютера. Эккъ поѣхалъ въ Саксонiю. Булла была прибита къ дверямъ соборныхъ храмовъ бранденбургскаго, мейсенскаго и мерзебургскаго; но Эккъ увидѣлъ, что въ Саксонiи и вообще въ средней Германiи почва неудобна для его дѣятельности. Мильтицъ и большинство средне-нѣмецкихъ епископовъ считали порученiе, данное Экку, нарушенiемъ ихъ правъ, отказывали ему въ своемъ содѣйствii; во многихъ городахъ было запрещено ему обнародовать буллу, въ другихъ народъ срывалъ съ церковныхъ дверей экземпляры ея, ругалъ Экка; онъ принужденъ былъ прятаться отъ народа въ монастыри, тайно уѣзжать ночью. Остановившись въ Лейпцигѣ, онъ послалъ буллу въ ваттенбергскiй университетъ. Совѣтъ университета рѣшилъ, что Лютеръ и Карлштатъ будутъ участвовать въ засѣданiяхъ его по вопросу о томъ, какъ поступить относительно буллы. Она возбуждала ропотъ во всей Германiи. Особенно негодовали нѣмцы на то, что въ ней не было рѣчи объ отмѣнѣ злоупотребленiй папской власти, не дѣлалось ни малѣйшей уступки даже по вопросу о продажѣ индульгенцiй. Нѣмцы считали отлученiе Лютера дѣломъ личной вражды Экка, сторону котораго приняла римская курiя. По примѣру Лютера, его сподвижники обратились къ народу, писали въ популярномъ тонѣ памфлеты, изобличавшiе порочность и продажность римской курiи, пороки монаховъ, осмѣивали противниковъ Лютера. Гуттенъ напечаталъ съ ѣдкими замѣчанiями буллу о его отлученiи. Сильвестръ Шаумбургъ, храбрый рыцарь, объявилъ Лютеру, что готовъ вмѣстѣ съ множествомъ другихъ рыцарей принять его подъ свою защиту, если онъ подвергнется преслѣдованiю; Францъ Зикингенъ предлагалъ ему безопасный прiютъ въ своемъ замкѣ Эбернбургѣ. Рѣшительное сочувствiе наци Лютеру сбодряло курфюрста саксонскаго въ намѣренiи защищать его. Лѣтомъ и осенью (1520 года) Лютеръ напечаталъ три сочиненiя, которыми положилъ основанiе преобразованiю церкви: «Воззванiе къ императору и христiанскому дворянству нѣмецкой наци», «О свободѣ христiанина», «О вавилонскомъ плѣненiи церкви».

Въ «Воззваніи къ императору и дворянству» Лютеръ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ доказываетъ, что пришла пора разрушить стѣны, которыми оградилъ себя романизмъ, и основать независимую отъ папы нѣмецкую церковь. Онъ молить Бога дать ему одну изъ тѣхъ трубъ, отъ звука которыхъ пали стѣны Іерихона, чтобъ опрокинуть звуками ея соломенные и бумажныя стѣны романизма. Эти ограды владычества римской курии — три ученія. Одно изъ нихъ то, что духовенство — сословіе болѣе священное, чѣмъ другіе христіане. Лютеръ говоритъ противъ него: «Всѣ христіане истинно принадлежатъ къ священному званію, и между ними только та разница, что нѣкоторые занимаютъ церковныя должности. Мы всѣ имѣемъ одно крещеніе, одно евангеліе, одну вѣру и всѣ мы равны христіане». Свѣтская власть имѣетъ право и обязанность воспрещать лицамъ, занимающимъ церковныя должности, злоупотребленіе этими должностями. Когда священники, епископы, папы поступаютъ дурно, ихъ должно низлагать и наказывать. Вторая стѣна романизма — ученіе объ исключительномъ правѣ папы истолковывать Священное Писаніе; это незаконно выдуманная сказка; каждый христіанинъ, обладающій вѣрующимъ разумомъ, имѣетъ право объяснять Священное Писаніе. Третья стѣна романизма — ученіе, что только папа имѣетъ право созывать вселенскій соборъ. Лютеръ доказываетъ, что и оно ошибочно. Онъ говоритъ, что для созванія свободнаго вселенскаго собора необходимо содѣйствіе государей, и убѣждаетъ императора созвать, по соглашенію съ другими государями, вселенскій соборъ для преобразованія церковнаго устройства. Онъ перечисляетъ недостатки тогдашняго устройства западной церкви и предлагаетъ отнять у папы придворный штатъ, распустить коллегію кардиналовъ, не принимать папскихъ легатовъ, отмѣнить всѣ поборы римской курии. Онъ говоритъ: «Епископъ и пресвитеръ по апостолу Павлу одно и тоже; о такихъ епископахъ, какъ теперь, нѣтъ ничего въ Священномъ Писаніи». Безбрачіе священниковъ должно быть отмѣнено; должны быть отмѣнены и монашескіе обѣты; монастыри и епископскіе капитулы должны быть обращены въ школы, преподаваніе должно быть улучшено. Въ концѣ трактата Лютеръ восклицаетъ: «О, Христе Господи, воззри съ небеси и суди и разруши гнѣздо діавола въ Римѣ! Тамъ сидитъ чловѣкъ, о которомъ апостолъ Павелъ сказалъ, что онъ вознесетъ себя выше Тебя и сядетъ въ церкви Твоей и будетъ выдавать себя за Бога, чловѣкъ грѣха и сынъ погибели». Впечатлѣніе, произведенное этимъ небольшимъ трактатомъ, было очень сильно; черезъ нѣсколько недѣль по его напечатаніи разошлось уже 4.000 экземпляровъ.

Въ пламенномъ «Воззваніи къ нѣмецкому дворянству» Лютеръ показалъ основныя черты устройства новой церкви; въ брошюрѣ «О свободѣ христіанина» онъ изложилъ новое нравственное ученіе, по которому спасеніе пріобрѣтается не исполненіемъ формальностей, а истинно добрыми дѣлами, исходящими отъ сердца, очищеннаго вѣрою. Въ брошюрѣ «О вавилонскомъ плѣненіи церкви» онъ объясняетъ, каково должно быть новое богослуженіе. Въ концѣ «Воззванія къ императору и дворянству» онъ уже говорилъ: «Я знаю еще одну пѣсенку о Римѣ и о моихъ противникахъ; если у нихъ чешутся уши, я пропою имъ ее и пропою высокими нотами». Въ брошюрѣ «О вавилонскомъ плѣненіи церкви» онъ и пропѣлъ эту пѣсню очень высокими нотами. Онъ отвергаетъ католическую литургію, догматъ о пресуществленіи, изъ семи католическихъ таинствъ оставляетъ только крещеніе и причащеніе, отвергая остальные пять; такимъ образомъ онъ разрушаетъ католическое богослуженіе.

Мильтицъ и теперь еще не отказался отъ надежды примирить Лютера съ папой. Онъ думалъ, что если Лютеръ напишетъ почтительное письмо къ папѣ, то можно будетъ остановить дальнѣйшее распространеніе буллы о его отлученіи и убѣдить папу издать новую буллу о прощеніи Лютера. Мильтицъ считалъ личной обидой себѣ полномочіе, данное Экку, и желалъ пріобрѣсти славу примирителя церкви; потому настойчиво убѣждалъ Лютера написать папѣ почти

Переговоры
Мильтица съ
Лютеромъ.

тельное письмо. Лютеръ, всегда говорившій съ уваженіемъ о личномъ характерѣ Льва X, согласился написать новое письмо къ нему. Этому надобно было придать такой видъ, какъ будто булла объ отлученіи еще не обнародована, потому на письмѣ выставлено было заднимъ числомъ 6 сентября (1520 года). Письмо было почтительно, но было окончательнымъ разрывомъ съ римской церковью.

Лютеръ при этомъ письмѣ посылаетъ папѣ свою брошюру „О свободѣ христіанина“ и почтительнымъ, но твердымъ тономъ говоритъ папѣ о дурномъ состояніи римской церкви. Она была нѣкогда святою, но стала вертепомъ убійцъ, домомъ обмана, царствомъ грѣха. „Конечно, обязанностью твоею и твоихъ кардиналовъ должно бы быть устраненіе этого зла“, говоритъ Лютеръ Льву X: „Но болѣзнь не уступаетъ лекарству, лошадь и колесница не повинуются держащему бразды. Потому всегда я скорбѣлъ, благочестивый Левъ, что ты сдѣлался папой въ такое время. Римскій престолъ недостойнъ тебя и подобныхъ тебѣ. Злой духъ долженъ быть папой. Онъ безъ сомнѣнія и править больше, чѣмъ ты въ этомъ Вавилонѣ. Воистину, подъ широкимъ сводомъ небеснымъ нѣтъ ничего худшаго, пагубнѣйшаго, омерзительнѣйшаго, чѣмъ римскій дворъ, далеко превосходящій турокъ пороками; воистину Римъ, бывшій нѣкогда вратами неба, сталъ теперь широко раскрытой пастью ада. Видя, что нельзя исправить римскаго престола, что пропадутъ задаромъ всякіе труды надъ этимъ, презрѣлъ я его, далъ рукописаніе разрыва съ нимъ и сказалъ: прощай, милый Римъ, продолжай смердѣть и оставайся нечистымъ“. Высказавъ то, чему научило меня Священное Писаніе, продолжаетъ Лютеръ, я хотѣлъ молчать, но злой духъ послалъ противъ меня Экка, который, желая пріобрѣсти себѣ славу защитника церкви, схватился за одно словечко о папѣ, сорвавшееся у меня съ языка въ жару спора. „Я не люблю ссоръ“, говоритъ Лютеръ въ концѣ: „Не хочу раздражать никого, но хочу, чтобы меня не раздражали. А когда меня будутъ раздражать, то, если Богу угодно, я не останусь безсловесенъ ни изустно, ни письменно. Чтобъ я отрекся отъ моего ученія, изъ этого требованія ничего не выйдетъ; слово Божіе, обучающее всякой свободѣ, не должно и не можетъ быть илѣнено“.

Сожженіе
буллы.

Послѣ такого письма и брошюры, напечатанныхъ тогда Лютеромъ, было невозможно примиреніе между римской церковью и ученіемъ его или, какъ онъ тогда уже выражался, между царствомъ антихристовымъ и царствомъ Христовымъ. Ободряемый сочувствіемъ нѣмецкаго народа, раздраженный сожженіемъ своихъ сочиненій и наглостью Экка, подвергавшаго преслѣдованіямъ и принудившаго отречься отъ сочувствія отлученному еретику Вилибальда Пиркгеймера и нѣкоторыхъ другихъ почтенныхъ, но робкихъ людей, Лютеръ напечаталъ рѣзкую брошюру «Противъ буллы антихриста» и рѣшился на поступокъ безвозвратно отдѣлявшій его отъ римской церкви. Онъ созвалъ 10 декабря студентовъ виттенбергскаго университета; пошелъ съ ними и многими гражданами за городъ черезъ эльстерскія ворота; передъ этими воротами былъ сложенъ и зажженъ костеръ; Лютеръ бросилъ въ пламя буллу объ отлученіи и книгу каноническаго права, воскликнувъ: «Такъ какъ ты оскорбила Святого Господня, то да пож-

жетъ тебя огонь вѣчный!» (Выраженіе «Святой Господень» взято изъ Библии; оно значитъ «Святой Господь»; Лютеръ говорилъ объ оскорбленіи Христа запрещеніемъ проповѣдывать евангельскую истину).

Нѣмцы жадно читали полемическія сочиненія Лютера: составлялись дружескія общества, перепечатывавшія ихъ и раздававшія разносчикамъ для распространенія въ народѣ. Особенно много было дѣлаемо такихъ перепечатокъ въ Базелѣ и Страсбургѣ. Многіе нѣмецкіе юристы говорили, что каноническое право не имѣетъ законной силы въ Германіи. Императорскій совѣтникъ Эндорфъ называлъ оскорбленіемъ свѣтской власти то, что папа угрожаетъ лишеніемъ правъ послушникамъ его буллы, и убѣждалъ императора не допускать такой дерзости. Алеандръ съ досадой видѣлъ, что низшее духовенство одобряетъ Лютера. Священники желали избавиться отъ притѣсненій со стороны епископовъ, августинскіе монахи и другіе ордена негодовали на властолюбіе и надменность доминиканцевъ, которымъ покровительствовала курія. Лютеръ высказывалъ то, что думали всѣ; преобразование церкви было общимъ желаніемъ. Появлялось множество листовъ, рѣзко описывавшихъ дурную жизнь и поборы церковныхъ сановниковъ, союзниковъ папы. Въ первый разъ появилась тогда въ Германіи та сила, которую называютъ теперь общественнымъ мнѣніемъ.

Однимъ изъ первыхъ произведеній этой популярной полемики противъ римской церкви былъ риёмованный памфлетъ «Римскій придворный и пожиратель пребендъ», *Der Kurtisan und Pfründenfresser*. Бебель въ своихъ «Шуткахъ» (*Facetiae*) уже говорилъ: «Жаль, что нынѣ пребенды (церковныя синекуры) и церковныя должности раздаются невѣждамъ, въ особенности куртизанамъ, не выучившимся ничему, но ѣдящимъ въ Римѣ, получающимъ тамъ пребенды и должности, съ пренебреженіемъ къ правамъ ученыхъ людей, возвращающимся домой получать доходы и управлять церковью къ величайшему душевному вреду народа, потому что они умѣютъ только ухаживать за ослами или, какъ они сами говорятъ, обдѣлывать свои дѣла въ римской куріи». Риёмованный памфлетъ развиваетъ эту мысль; онъ изображаетъ порочную жизнь „пожирателей пребендъ“, которые развращаютъ народъ своимъ дурнымъ примѣромъ, ненасытно обираютъ его и роскошничаютъ, между тѣмъ какъ сельскіе священники, исполняющіе тѣ должности, съ которыхъ они получаютъ доходы, терпятъ горькую нищету. Но настанетъ день гнѣва Божія и прекратитъ это беззаконіе. Государи должны преобразовать церковь, пожалѣть бѣдный народъ: «О, государи и господа, займитесь этимъ, потому что вы клялись наказывать беззаконіе, когда были избираемы въ господа». — Другой риёмованный памфлетъ обозначаетъ свое содержаніе уже самымъ заглавіемъ: «Жалоба и просьба нѣмецкой націи къ всемогущему Богу объ избавленіи отъ темницы антихристовой». Онъ взываетъ къ Богу: «Избавь насъ отъ римскаго антихриста, не пасущаго твоихъ овецъ, а угнетающаго ихъ своимъ тиранствомъ, презирающаго заповѣди твои, повелѣвающаго, чтобы мы не смѣли вѣровать, надѣяться и любить тебя, старающагося уничтожить Священное писаніе, ведущаго овецъ твоихъ въ адъ». Мы заслужили это бѣдствіе своими грѣхами, продолжаетъ памфлетъ, но «ради Спасителя не допусти, о Боже, чтобы антихристъ совершалъ долѣе алчность и злобу свою, прикрываясь святымъ именемъ твоимъ». За этимъ слѣдуетъ рѣзкое порицаніе индульгенцій, перечисленіе пороковъ церковныхъ сановниковъ, «которые хуже браминовъ, публично служащихъ сатанѣ въ Каликутѣ», осужденіе властолюбія папы, который хочетъ владычествовать надъ всѣми епископами, принуждаетъ ихъ присягать, что они будутъ рабами его, между тѣмъ какъ папская власть не законна. Одинъ изъ швейцарскихъ риёмован-

ныхъ памфлетовъ противъ римской церкви кончается совѣтомъ молодымъ монахамъ покинуть монастыри: «Молодые монахи должны снять съ себя монашеское платье и бѣжать далеко отъ монастыря, питаться трудомъ рукъ своихъ, какъ велѣлъ Богъ. Старики монахи должны быть оставлены доживать свой вѣкъ въ монастыряхъ». Такихъ памфлетовъ появлялось, какъ мы говорили, множество; народъ жадно читалъ ихъ. Будучи предназначены для него, они написаны простонароднымъ грубымъ тономъ и осыпаютъ ругательствами Экка, Эмсера, Мурнера, полемизировавшихъ противъ Лютера. Однимъ изъ популярнѣйшихъ летучихъ листовъ былъ «Гансъ Мотыка», Karsthans. Виньетка изображаетъ поселянина Ганса съ мотыкой на плечѣ. Онъ разговариваетъ съ Мурнеромъ, однимъ изъ противниковъ Лютера, уличаетъ Мурнера, что онъ ругаетъ Лютера за деньги; является Лютеръ; Мурнеръ убѣгаетъ; Гансъ Мотыка проситъ Лютера писать по-нѣмецки для простолюдиновъ и обѣщаетъ ему, что они защитятъ его отъ папы.

Приведемъ содержаніе еще одного памфлета, напечатаннаго вскорѣ послѣ избранія Карла императоромъ. Этотъ листокъ называется «Новое письмо отъ дурныхъ духовныхъ къ ихъ истинному господину и отвѣтъ отъ ихъ господина занимательный для чтенія». Папа обращается къ высокомогущѣйшему государю и господину Люциферу со всѣмъ адскимъ собраніемъ, прося отклонить императора Карла отъ его намѣренія созвать вселенскій соборъ и преобразовать церковь. Веельзевулъ успокоиваетъ папу увѣреніемъ, что разстроить планъ Карла преобразовать церковь и обратить римскую курію отъ служенія ему, Веельзевулу, къ служенію Богу. Онъ говоритъ, что въ первыя времена христіанства до папы Сильвестра адское царство было очень уменьшено въ объемѣ, подвергалось насмѣшкамъ и презрѣнію; но теперь, когда римская церковь стала надменна и приобрѣла свѣтскую власть, оно увеличилось; онъ и его помощники скоро пошлютъ на помощь папѣ антихриста, которому хорошо подготавливаетъ путь римская курія. Утѣшивъ папу и его приверженцевъ этимъ обѣщаніемъ, Веельзевулъ даетъ имъ совѣты о способахъ поддержать ихъ владычество. Они должны посѣвать раздоры и войны, потому что во время войнъ они пользуются миромъ, укрѣпляются, подавляютъ нѣмцевъ и набираютъ отъ нихъ сокровища для антихриста. Они должны всяческими способами собирать деньги и, если кто говоритъ противъ этого, они должны объявлять его еретикомъ и невѣрующимъ; они должны также жить по прежнему развратно, подавая своими пороками дурной примѣръ, чтобы завлекать души христіанъ въ адъ для увеличенія царства Веельзевулова.

IV. ВОРМССКІЙ СЕЙМЪ И ВРЕМЯ ЖИЗНИ ЛЮТЕРА ВЪ ВАРТВУРГѢ.

1. Вормсскій сеймъ.

а) ХОДЪ ДѢЛА ДО ВЫЗОВА ЛЮТЕРА ВЪ ВОРМСЪ.

Таково было настроеніе умовъ въ Германіи, когда Карлъ V въ маѣ 1520 отплылъ изъ Испаніи и, посѣтивъ короля англійскаго, принявъ его отвѣтный визитъ въ Гравелингенъ, пріѣхалъ въ первый разъ въ нѣмецкое государство, императоромъ котораго былъ выбранъ. Короновавшись 23 октября въ Аахенѣ, онъ поѣхалъ въ Вормсъ, куда созвалъ на 6 января нѣмецкій сеймъ для приведенія въ порядокъ государственныхъ дѣлъ и прекращенія религіознаго раздора. Нѣмцы съ радостными надеждами встрѣчали молодого монарха, владѣтеля столькихъ земель; въ особенности рыцари, помогавшіе выбору его и принявшіе сторону Лютера, надѣялись, что новый им-

ператоръ исполнить ихъ желанія. «День и ночь буду служить я тебѣ безвозмездно», говорилъ ему Ульрихъ Гуттенъ: «приведу къ тебѣ много героевъ, ты будешь вождемъ, начинателемъ и совершителемъ; мы ждемъ только твоего повелѣнія». Онъ совѣтовалъ Карлу удалить отъ себя духовныхъ совѣтниковъ, сокрушить римское иго, возстановить права и свободу Германіи. Папа мѣшалъ выбору Карла, Фридрихъ Саксонскій усердно содѣйствовалъ его выбору; Францъ Зикингенъ обезпечилъ его выборъ, двинувъ войско рыцарей къ Франкфурту; потому нѣмецкимъ патріотамъ казалось, что императоръ станетъ на ихъ сторону противъ папы, общаго врага. Но Карлъ былъ не такой человѣкъ, чтобы раздѣлять подобныя чувства, увлекаться подобными планами. Мысли о преобразованіи церкви были чужды ему. Онъ былъ приверженецъ старыхъ понятій, а въ то время еще находился подъ вліяніемъ Гильіома Шьевра, возбудившаго противъ него ненависть даже въ испанцахъ, привыкшихъ повиноваться своимъ государямъ. Онъ даже не зналъ нѣмецкаго языка. И могъ ли внукъ Изабеллы и Фердинанда понимать христіанство свободное отъ папской власти? Правительственное искусство состояло для Карла въ томъ, чтобы ловко пользоваться существующими учрежденіями, вести переговоры, достигать своихъ цѣлей дипломатическими средствами. Онъ зналъ, что ему придется вести тяжелую войну съ королемъ французскимъ. Правда, по принятіи правленія въ свои руки онъ въ августѣ 1516 заключилъ съ Францискомъ I договоръ, подписанный въ Нойонѣ; но притязанія его и Франциска относительно Милана, Неаполя, Наварры, бургонскихъ земель были непримиримы. Война за нихъ была неизбежна; ея наступленіе было ускорено выборомъ Карла въ императорскій санъ; Францискъ не могъ простить ему этого торжества. Нельзя было не видѣть, что французскій король готовится отмстить сопернику за свое пораженіе. Потому Карлъ дорожилъ союзомъ съ папой.

Впрочемъ, Карлъ не имѣлъ причины раздражать нѣмцевъ въ угожденіе римской куріи: она была враждебна ему по дѣлу о выборѣ въ императоры; кромѣ того, уступая жалобамъ арагонскихъ кортесовъ на инквизицію, она старалась ограничить власть этого учрежденія, бывшаго орудіемъ не римской церкви, а политическаго абсолютизма. Она хотѣла преобразовать инквизицію, приблизить формы ея процесса къ правиламъ обыкновеннаго судопроизводства. Это сердило Карла. Потому онъ нѣсколько времени держалъ курію между надеждой и страхомъ. Владычествуя надъ нею посредствомъ этой игры, онъ выказывалъ любезность или суровость папѣ, смотря по тому, какія извѣстія о настроеніи Льва X сообщалъ ему посланникъ его въ Римѣ Хуанъ Мануэль. Онъ милостиво принялъ присланныхъ къ нему въ Аахенъ папскихъ уполномоченныхъ Караччоли и Алендра, велѣлъ жечь въ своихъ нидерландскихъ владѣніяхъ сочиненія Лютера; но съ пренебреженіемъ къ папской буллѣ объ отлученіи Лютера, объявилъ 28 ноября Фридриху Саксонскому, чтобъ онъ привезъ Лютера на вормскій сеймъ „для выслушанія предъ учеными, хорошо знающими

Отношенія
Карла къ папѣ.

богословіе“. Алеандръ ловко втерся въ дружбу съ совѣтниками императора, убѣждалъ ихъ, что Лютеръ, котораго онъ называлъ собакой, василискомъ, сатаной, дѣйствуетъ по честолюбію, обѣснялъ императору, что вызовъ Лютера на сеймъ несогласенъ съ буллою, отлучившей его отъ церкви, что неприлично отдавать на разборъ сейма церковное дѣло, рѣшенное папой. Карлъ 17 декабря отмѣнилъ вызовъ Лютера на сеймъ, но сказалъ Алеандру, что поступить по желанію папы только подъ условіемъ, что папа будетъ поступать по его желанію и перестанетъ поддерживать его враговъ.

Первыя совѣщанія сейма.

Засѣданія сейма были открыты 27 января 1521. Совѣщанія начались рѣшеніемъ свѣтскихъ дѣлъ. Императоръ любезно исполнялъ желанія курфирстовъ и другихъ государей, бывшихъ на сторонѣ его кандидатуры, отвергалъ просьбы противниковъ ея. Онъ отдалъ 28 апрѣля австрійскія владѣнія въ наслѣдственное управленіе своему брату, эрцгерцогу Фердинанду. Вскорѣ послѣ того отдалъ въ его управленіе и герцогство вюртембергское. По окончаніи личныхъ дѣлъ, члены сейма занялись совѣщаніями объ учрежденіи имперскаго правительства. Нѣмецкіе государи хотѣли, чтобъ управленіе имперіей было поручено комитету уполномоченныхъ отъ членовъ сейма, и только предсѣдатель комитета былъ назначаема императоромъ. Карлъ нахотѣлъ это слишкомъ большимъ ограниченіемъ императорской власти, хотѣлъ, чтобы правительственный комитетъ завѣдовалъ дѣлами только въ его отсутствіе и былъ совершенно подчиненъ ему. Послѣ горячихъ споровъ былъ принятъ компромиссъ, постановлявшій, что имперская правительственная коммиссія будетъ завѣдовать дѣлами только въ отсутствіе императора и будетъ испрашивать его согласія по всѣмъ важнымъ дѣламъ, но что она будетъ состоять изъ членовъ сейма и ихъ уполномоченныхъ. Это учрежденіе существовало недолго. Въ имперскомъ камеральномъ судѣ было увеличено число членовъ, потому что прежнее было недостаточно для разбора дѣлъ, и накопилось до 3.000 нерѣшенныхъ процессовъ; участіе императора въ назначеніи судей было расширено, но судъ остался органомъ сейма, а не императора. Члены нѣмецкой имперіи были обложены взносами на содержаніе имперскаго правительства и суда. Норма, по которой были опредѣлены взносы каждаго государя или имперскаго города, осталась надолго основаніемъ этихъ, какъ назывались они, матрикулярныхъ налоговъ. Послѣ долгихъ споровъ было установлено устройство имперскаго войска и опредѣлено, какое число войска дастъ имперія императору, когда онъ пойдетъ въ Италію «возвратить ей отнятое у нея». При этомъ сеймъ постановилъ, что нѣмецкія войска не могутъ быть отдаваемы императоромъ подъ начальство иноземцевъ, что они будутъ имѣть собственныхъ начальниковъ, и только главнокомандующаго будетъ назначать императоръ, но исключительно изъ нѣмцевъ. Норма, по которой были опредѣлены тогда контингенты обла-

стныхъ государей и имперскихъ городовъ, осталась очень надолго основаніемъ подобныхъ раскладокъ.

Эти постановленія вормесскаго сейма были не вполнѣ удовлетворительны для патріотовъ, но всетаки служили началомъ правительственной, судебной и военной организаціи Германіи. Ходъ церковнаго дѣла на вормесскомъ сеймѣ совершенно обманулъ надежды патріотовъ. Алеандръ дѣйствовалъ очень ловко. Онъ писалъ папѣ, что склонять нѣмецкихъ государей надобно обѣщаніями; папа долженъ обѣщать имъ «моря и горы, большія и малыя шапки» (титулы); убѣжденіями вѣры или совѣсти нельзя пріобрѣсти никакого успѣха у нихъ, «потому что всѣ охладѣли къ вѣрѣ, смѣются надъ ней». Но онъ дѣйствовалъ на нѣмецкихъ государей и угрозами. «Если вы, нѣмцы, платящіе папѣ меньше денегъ, чѣмъ другіе народы, откажете въ повиновеніи ему», говорилъ онъ, «то мы устроимъ такъ, что вы будете рѣзаться между собой, будете ходить по землѣ, залитой кровью». Онъ льстилъ Карлу похвалами его благочестію, обѣщалъ ему союзъ папы противъ короля французскаго. Карлъ уже и безъ того смотрѣлъ на Лютера очень дурно, имѣлъ твердую рѣшимость исполнять императорскую клятву, обязывавшую его быть защитникомъ католической церкви. Но его отклоняли отъ крутыхъ мѣръ Шьевръ и Гаттинара, внушая ему, что дѣйствовать противъ Лютера слѣдуетъ, только увѣрившись въ преданности папы, и что рѣзкія мѣры могутъ имѣть опасныя послѣдствія. По истеченіи 60 дневнаго срока со времени передачи Лютеру вызова въ Римъ, было 3 января 1521 окончательно провозглашено папой, что онъ отлучается отъ церкви. Папскіе агенты упрашивали Карла привести въ исполненіе буллу объ этомъ, то-есть арестовать еретика и отправить на судъ папы. Но Карлъ не хотѣлъ оскорблять нѣмецкихъ государей, которые были единодушны въ требованіи отмѣны папскихъ поборовъ; потому отлагалъ рѣшеніе дѣла о Лютерѣ.

Левъ X прислалъ 18 января просьбу императору, чтобъ онъ, «по своей обязанности очищать вертоградъ Господень отъ тернія», обнаруговалъ повелѣнія исполнить буллу объ арестованіи Лютера и сожженіи его сочиненій; 10-го февраля были получены новыя папскія бреве, посланныя императору и нѣкоторымъ изъ нѣмецкихъ государей. Карлъ 13 февраля созвалъ бывшихъ на сеймѣ государей выслушать ихъ. Александръ, по его порученію, произнесъ рѣчь, требовавшую исполненія буллы. Сеймъ послѣ долгихъ и горячихъ споровъ отвергъ это требованіе. Нѣмецкіе государи объявили, что при господствующемъ волненіи умовъ исполнить буллу было бы опасно, что должно вызвать Лютера на сеймъ, давъ ему охранную грамоту. Это рѣшеніе было принято единодушно, потому императоръ и папскіе агенты нашли невозможнымъ противиться ему. Императоръ отправилъ Лютеру вызовъ явиться на сеймъ. Въ ожиданіи, пока пріѣдетъ

Отношенія
Карла къ цер-
ковному
вопросу.

Совѣщанія
по дѣлу
о Лютерѣ.

Лютеръ, была сдѣлана духовникомъ императора, францисканскимъ монахомъ Глапіономъ новая попытка, кончить дѣло примиреніемъ. Глапіонъ по согласію съ папскими легатами вступилъ въ переговоры съ канцлеромъ курфюрста саксонскаго Брюкомъ и съ вождемъ патріотической партіи Зикингеномъ.

Нѣмецкій сеймъ постановилъ, что должно различать тѣ мнѣнія Лютера, которыя порицають церковное устройство, отъ мнѣній противныхъ догматамъ католической вѣры; за нападенія на церковное устройство не должно поступать съ нимъ строго, если онъ и не отречется отъ нихъ. (Сеймъ не могъ находить ихъ преступными, потому что самъ возставалъ противъ самовластія и поборовъ папы. Нѣмецкіе государи на сеймѣ порицали поступки папской куріи относительно Германіи въ выраженіяхъ подобныхъ рѣзкимъ словамъ Гуттена и Лютера). По обвиненіямъ Лютера въ нападеніяхъ на догматы римской церкви, сеймъ объявилъ, что нѣмецкіе государи остаются вѣрны ученію, какого держались они, ихъ отцы и предки, и что если Лютеръ не отречется отъ нападеній на католическіе догматы, то сеймъ согласится, чтобъ императоръ издалъ повелѣніе поддерживать прежнюю вѣру безъ всякихъ споровъ. Это рѣшеніе сейма, принятое 2 марта, кончалось совѣтомъ императору пригласить Лютера въ Вормсъ и спросить у него, остается ли онъ при своихъ ученіяхъ, направленныхъ противъ христіанской вѣры.—Глапіонъ полагалъ, что если Лютеръ согласится отказаться отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ мнѣній наиболѣе опасныхъ для католической церкви, то папа удовлетворится этимъ и отмѣнитъ тѣ церковныя злоупотребленія, на которыя жалуются нѣмцы. Глапіонъ находилъ особенно удобнымъ, чтобы Лютеръ отрекся отъ нѣкоторыхъ выраженій о священничествѣ всѣхъ христіанъ и о евангельской свободѣ ихъ. Глапіонъ говорилъ, что Лютеръ этими выраженіями самъ ставитъ подводную скалу себѣ. „Онъ ими сдѣлаетъ то, что утонетъ весь остальной драгоценный грузъ, который иначе могъ бы онъ привезти въ гавань“.

Глапіонъ дѣйствовалъ очень ловко, говорилъ о Лютерѣ съ уваженіемъ и сочувствіемъ; но курфюрстъ саксонскій не захотѣлъ помогать ему и даже не далъ аудіэнціи. Гуттенъ и Зикингенъ считали Глапіона искреннимъ доброжелателемъ Лютера, хотѣли, чтобъ они повидались. Зикингенъ послалъ черезъ Буцера приглашеніе Лютеру, чтобъ онъ по дорогѣ въ Вормсъ заѣхалъ къ нему въ Эбернбургъ, куда пріѣдетъ Глапіонъ; но Лютеръ отвѣчалъ отказомъ.

Получивъ приглашеніе заѣхать въ Эбернбургъ для переговоровъ съ Глапіономъ, Лютеръ писалъ Спалатину; „Не думайте, что я отрекусь отъ чего нибудь. Если его императорское величество вызываетъ меня затѣмъ, чтобы погубить, я все-таки поѣду въ Вормсъ; я не хочу бѣжать, не хочу скрыть слово Божіе при опасности мнѣ, буду исповѣдовать его до смерти, если поможетъ мнѣ въ томъ Христосъ. Я увѣренъ, что эти кровожадные псы не дадутъ себѣ покоя, пока не умертвятъ меня; я желалъ бы только, чтобы не былъ виновенъ въ пролитіи моей крови никто, кромѣ папистовъ“.

в) ЛЮТЕРЪ ВЪ ВОРМСѢ.

Когда Лютеръ писалъ эти слова, къ нему ужъ ѣхалъ императорскій герольдъ съ вызовомъ явиться на сеймъ. Вызовъ былъ папи-

самъ любезно; императоръ приглашалъ въ Вормсъ «уважаемаго, любезнаго, благочестиваго Мартина Лютера» пріѣхать въ Вормсъ и обозначалъ цѣль вызова словами: «мы и члены сейма священной римской имперіи рѣшили освѣдомиться лично отъ тебя относительно твоихъ ученія и книгъ». Алеандръ негодовалъ и ужасался. Императорскій герольдъ Каспаръ Штурмъ отправился 15 марта въ Виттенбергъ съ этимъ рескриптомъ и съ императорской охранной грамотой Лютеру. Извѣстіе о вызовѣ Лютера въ Вормсъ произвело сильное впечатлѣніе и на патріотовъ, и на папистовъ. Римская курія чувствовала себя оскорбленной тѣмъ, что императоръ и сеймъ взяли на себя рѣшеніе дѣла, о которомъ уже произнесъ рѣшеніе папа, пригласили отлученнаго папой не для того, чтобъ исполнить буллу, а чтобы рассмотреть, справедлива ли она. Вызовъ Лютеру былъ подписанъ императоромъ 6 марта. Алеандръ и другіе паписты, окружавшіе Карла, выражали такую печаль, что для успокоенія ихъ онъ 10 марта повторилъ повелѣніе всѣмъ, имѣющимъ сочиненія Лютера, отдавать ихъ начальству.—Виттенбергскіе друзья опасались за жизнь Лютера, говорили, что охранная грамота, данная императоромъ ему, можетъ такъ же легко быть нарушена, какъ данная Гусу. Гуттенъ пламенными словами призывалъ патріотовъ защищать Лютера оружіемъ. Но онъ писалъ Спалатину: «Словомъ Божиимъ побѣжденъ міръ, сохранена церковь, словомъ Божиимъ будетъ и возстановлена она, и антихристъ будетъ пораженъ имъ». Своимъ виттенбергскимъ друзьямъ онъ говорилъ: «Сожженіемъ Гуса не сожжена истина».—Онъ получилъ вызовъ 26 марта, отпраздновалъ пасху и отправился въ путь, сопровождаемый императорскимъ герольдомъ и нѣсколькими друзьями, въ числѣ которыхъ находились Юстъ Юна и Амсдорфъ. Онъ ѣхалъ на телѣгѣ, данной ему виттенбергскимъ городскимъ совѣтомъ; деньги на дорожные расходы далъ ему герцогъ Іоаннъ, племянникъ курфюрста. Весь путь былъ похожъ на триумфъ: въ городахъ, стоявшихъ по дорогѣ, дѣлали торжественный пріемъ Лютеру; граждане Эрфурта выѣхали за двѣ мили на встрѣчу ему. Онъ входилъ въ церкви и говорилъ проповѣди. Въ Тюрингіи онъ увидѣлъ прибитымъ на церковныхъ дверяхъ повелѣніе императора отдавать начальству его сочиненія. Друзья его снова встревожились; самъ герольдъ совѣтовалъ ему вернуться назадъ. Но его мужество было непоколебимо. «Христосъ живъ», писалъ онъ Спалатину: «потому я поѣду въ Вормсъ, не страшась вратъ адовыхъ». Въ Эйзенахѣ онъ занемогъ; оправившись, поѣхалъ дальше. На приглашеніе Зикингена заѣхать въ Эберндорфъ для свиданія съ Глапіономъ онъ отвѣчалъ: «Если императорскій духовникъ желаетъ говорить со мной, то найдетъ меня въ Вормсѣ». Доѣхавъ до Оппенгейма, онъ получилъ отъ Спалатина совѣтъ не ѣхать въ Вормсъ, потому что тамъ поступать съ нимъ, какъ съ Гусомъ въ Констанцѣ. Онъ сказалъ на это тѣ

знаменитыя слова, которыя передаетъ самъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій: «Поѣду, хотя бы въ Вормсѣ было столько же чертей, сколько черепицъ на кровляхъ». Онъ въѣхалъ въ Вормсѣ около полудня 16 апрѣля; онъ сидѣлъ на телѣгѣ, впереди ѣхалъ герольдъ въ латахъ съ имперскимъ орломъ. Много вельможъ вышло на встрѣчу Лютеру; улицы были полны народа, выражавшаго сочувствіе ему. Алеандръ писалъ: «Этотъ Лютеръ, сошедшій съ телѣги, бросалъ свои демонскіе взгляды кругомъ и сказалъ: Богъ будетъ за меня». Ему была отведена квартира въ гостинницѣ, въ которой жили курфирстъ пфальцскій, имперскій маршалъ Паппенгеймъ и двое изъ совѣтниковъ курфирста саксонскаго.

На слѣдующій день (17 апрѣля) герольдъ пригласилъ Лютера идти въ сеймъ. Народъ наполнялъ улицы; на нихъ не доставало мѣста, много людей стояло на кровляхъ. Давка на этихъ улицахъ была такая, что нельзя было пройти. Герольдъ и Лютеръ должны были повернуть въ другія улицы, идти обходомъ черезъ дворы и сады. Лютеръ вошелъ въ залъ сейма около 4 часовъ пополудни. Посрединѣ собранія сидѣлъ императоръ, по сторонамъ императора курфирсты; засѣданіе было очень многочисленное, блескъ его ослѣпилъ Лютера, выросшаго въ бѣдности и на всю жизнь сохранившаго нѣкоторую неловкость и застѣнчивость въ обращеніи съ знатными людьми. Говорятъ, что первые отвѣты его были сказаны голосомъ тихимъ до невнятности. На столѣ лежали книги, брошюры, печатные листки. Оффиціалъ (прокуроръ церковнаго суда) архіепископа трирскаго Йоганнъ Эккъ прочелъ заглавія ихъ, и по бумагѣ, на которой были написаны вопросы, формулированные Алеандромъ, спросилъ Лютера, признаетъ ли онъ себя авторомъ этихъ сочиненій и согласенъ ли отречься отъ нихъ. На первый вопросъ онъ далъ утвердительный отвѣтъ, на второй отвѣчалъ, что проситъ себѣ времени подумать, потому что дѣло идетъ о словѣ Божіемъ и о спасеніи души. Императоръ переговорилъ съ своими совѣтниками (курфирстами и другими государями). Большинство сказала, что надобно дать отсрочку. Императоръ далъ ее.

На другой день (18 апрѣля) вечеромъ Лютеръ былъ снова введенъ въ собраніе; оно было еще многочисленнѣе и блистательнѣе, чѣмъ наканунѣ. Были уже зажжены факелы (замѣнявшіе тогда свѣчи), когда Лютеръ вошелъ въ залъ. Говорятъ, что Георгъ Фрундсбергъ, знаменитый полководецъ ландскнехтовъ, потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Милый монахъ (Mönchlein), ты идешь на тяжелый бой; если ты увѣренъ въ правдѣ своего дѣла, то продолжай, Богъ не оставитъ тебя“. Лютеръ теперь былъ уже твердъ. Онъ видѣлъ сочувствіе себѣ въ собраніи; рѣчь его была тверда и ясна. На вопросъ оффиціала, станетъ ли онъ защищать всѣ свои сочиненія, или откажется отъ чего-нибудь, онъ отвѣчалъ довольно длинной рѣчью. Онъ

началъ просьбой извинить его, если онъ не съумѣетъ дать должную форму своимъ словамъ, потому что онъ монахъ, не знающій придворныхъ обычаевъ, и выразилъ надежду, что императоръ будетъ милостивъ къ нему, потому что во всемъ, что писалъ и чему училъ, онъ думалъ только о славѣ Божіей, о пользѣ и душевномъ спасеніи христіанъ. Сдѣлавъ это вступленіе, онъ сказалъ, что его сочиненія дѣлятся на три разряда: одни говорятъ о вѣрѣ и христіанской жизни; ихъ не отвергали даже его противники и папская булла; потому онъ осудилъ бы истину, если бы отрекся отъ нихъ; во многихъ другихъ сочиненіяхъ онъ нападалъ на папство и папистовъ, которые своимъ ложнымъ ученіемъ и дурнымъ примѣромъ вредили тѣлесно и душевно христіанству; отъ этихъ сочиненій не отречется, потому что отреченіе укрѣпило бы тиранство и злобу; третій разрядъ составляютъ его полемическія сочиненія, направленные противъ нѣкоторыхъ лицъ, защищавшихъ римское тиранство, хотѣвшихъ оклеветать и подавить богоугодное ученіе; въ этихъ сочиненіяхъ онъ часто говорилъ болѣе рѣзко, чѣмъ прилично его званію; но и отъ нихъ онъ не можетъ отречься, потому что отреченіемъ онъ отворилъ бы безстыдству противниковъ не только окна, но и двери и ободрилъ бы ихъ еще хуже прежняго притѣснять народъ Божій; но онъ человѣкъ, могущій ошибаться, и потому поступить по примѣру Спасителя, который, получивъ отъ служителя архіерея Анны заушеніе за свой отвѣтъ, на допросъ сказалъ: «Если я говорилъ дурно, то докажи, что это дурно»; поэтому онъ проситъ, чтобъ ему доказали писаніями пророковъ и апостоловъ, что онъ ошибался; тогда онъ готовъ самъ бросить свои сочиненія въ огонь. Онъ сожалѣетъ, что изъ-за нихъ происходитъ раздоръ, но таковъ путь дѣйствія слова Божія; если будетъ подавлена теперь истина, христіанство подвергнется большимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, и правленіе молодого императора послѣ такого дурного и несчастнаго начала получить дурной конецъ, какъ показываетъ примѣръ фараона и царя вавилонскаго. Лютеръ говорилъ эту рѣчь по-латини; императоръ приказалъ ему повторить ея содержаніе на нѣмецкомъ языкѣ. Послѣ того члены сейма совѣтовались между собой; когда они кончили, офиціалъ предложилъ Лютеру отречься отъ тѣхъ сочиненій, которыя ошибочны, чтобы спасти хорошія; если бы Аріи и несторіане отреклись отъ своихъ заблужденій, говорилъ офиціалъ, то не были бы истреблены вмѣстѣ съ дурными и хорошія книги ихъ. Если онъ не отречется отъ того, что уже осуждено констанцскимъ соборомъ, то надъ нимъ будетъ постановленъ приговоръ, какъ надъ еретикомъ; онъ долженъ дать отвѣтъ «безъ рогъ и безъ мантии» (безъ софизмовъ и прикрытій) на вопросъ, покоряется ли онъ констанцскому собору. Лютеръ сказалъ: „Такъ какъ императорское величество и курфиршескія и княжескія милости желаютъ простого и яснаго отвѣта, то я дамъ отвѣтъ, у котораго не будетъ ни роговъ, ни зубовъ:

если я не буду изобличенъ въ ошибкахъ свидѣтельствами Священнаго писанія или ясными доводами (потому что я не вѣрю одному папѣ и однимъ соборамъ, такъ какъ они очень часто ошибались и были въ противорѣчїи сами съ собой), то я не могу и не хочу отречься ни отъ чего, потому что моя совѣсть связана словомъ Божїимъ». Поднялся шумъ и говорятъ, что во время его Лютеръ сказалъ: «На этомъ я стою, не могу иначе, да поможетъ мнѣ Богъ. Аминь». Извѣстія о томъ, дѣйствительно ли Лютеръ сказалъ эти слова, опровергаются нѣкоторыми изъ лицъ, находившихся тогда въ залѣ. Вѣроятно, при шумѣ не всѣ могли слышать ихъ. Но вторая половина этого знаменитаго восклицанія приводится и въ отчетѣ Алеандра.

Въ залѣ было волненіе, когда Лютера повели домой. Многіе изъ бывшихъ въ залѣ рыцарей спрашивали, не въ темницу ли ведутъ его, и положили руки на мечи. Говорятъ, что Эрихъ, герцогъ брауншвейгскій, послалъ Лютеру въ гостиницу серебряную кружку съ пивомъ. Курфюрстъ Фридрихъ сказалъ Спалатину: «О, какъ хорошо говорилъ Мартинъ Лютеръ передъ императоромъ и сеймомъ!» Нѣмцы вообще хвалили Лютера, испанцы ругали еретика, бросали на полъ и топтали сочиненія Лютера и Гуттена. На императора отвѣты Лютера произвели непрїятное впечатлѣніе; говорятъ, онъ сказалъ: «Этотъ не обратитъ меня въ еретика». Союзъ съ папой былъ тогда ужъ заключенъ. Потому императоръ не хотѣлъ щадить Лютера. На слѣдующій день (19 апрѣля) онъ пригласилъ къ себѣ во дворецъ членовъ сейма сообщить имъ рѣшеніе, какое хочетъ постановить относительно Лютера. Оно было написано имъ самимъ по-французски, переведено по его приказанію на латинскій.

Императоръ въ этомъ рѣшеніи говоритъ, что нѣтъ надобности далѣе допрашивать Лютера, что немедленно слѣдуетъ отвезти его домой и потомъ поступить съ нимъ, какъ съ еретикомъ; для императора, имѣющаго своей обязанностью охранять христіанскую вѣру и постановленія соборовъ, и для нѣмецкаго сейма было бы вѣчнымъ позоромъ имѣть въ своихъ сердцахъ ересь или хотя бы тѣнь ея; потому онъ всѣми силами воспротивится безбожнымъ дѣйствіямъ изобличеннаго еретика, и предоставляетъ членамъ сейма принять рѣшеніе, какое прилично хорошимъ христіанамъ и какое обѣщали они принять.

Члены сейма тревожились, слыша эти суровыя слова; многіе поблѣднѣли, потому что народъ находился въ волненіи. Крутыя мѣры могли произвести мятежъ. Во дворецъ была подброшена записка съ библейскими словами: «Горе землѣ, царь которой дитя». На дверяхъ вормсской ратуши была прибита прокламація, призывавшая народъ къ оружію противъ папистовъ. Гуттенъ изъ Эбернбурга прислалъ Лютеру обѣщаніе помощи. Въ замкѣ Зикингена собралось много вооруженныхъ людей. Это грозное сосѣдство и шумъ народа по всей

Германіи запугали противниковъ Лютера. Императоръ, не слушая Алеандра, далъ 22 апрѣля сейму три дня срока для переговоровъ съ Лютеромъ. Собрался комитетъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа трирскаго Рихарда Грейфенклау, человѣка разсудительнаго. Лютера пригласили въ комитетъ для переговоровъ. Архіепископъ и баденскій канцлеръ Фейсъ (по латинской формѣ фамилія Vehus), говорили съ нимъ очень умно и кротно, не упоминали о папѣ, только убѣждали не быть самоувѣреннымъ и съ христіанскимъ смиреніемъ подчиниться рѣшенію, какое примутъ относительно его ученій императоръ и сеймъ. Лютеръ сказалъ, что готовъ подчиниться, если рѣшеніе будетъ сдѣлано по слову Божію. Курфирстъ бранденбургскій сказалъ на это: «Ты хочешь, чтобы тебя опровергали только Священнымъ Писаніемъ»? — «Да, или ясными доводами», отвѣчалъ Лютеръ. Комитетъ смутился и послалъ нѣсколькихъ своихъ членовъ въ собраніе сейма просить совѣта. Когда они ушли, архіепископъ позвалъ Лютера въ свою комнату поговорить съ нимъ въ присутствіи только двухъ людей, своего оффиціала и Кохлея, передававшего папѣ все, что говорилось на сеймѣ. Архіепископъ убѣждалъ Лютера ради сохраненія единства церкви признать силу рѣшеній констанцскаго собора. Лютеръ остался при своихъ прежнихъ словахъ, что Гусъ былъ осужденъ несправедливо. Архіепископъ убѣждалъ его дать обѣщаніе, что онъ не будетъ проповѣдывать и писать въ духѣ, порицаемомъ римской церковью. Лютеръ отвѣчалъ, что не согласится на такую измѣну истинѣ. Императоръ далъ еще два дня отсрочки. Баденскій канцлеръ 25 апрѣля снова убѣждалъ Лютера подчиниться рѣшенію, какое постановятъ императоръ и сеймъ. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ признать людей судьями надъ словомъ Божіимъ. Депутатъ Аугсбурга, Конрадъ Пейтингеръ, предлагалъ Лютеру сказать, что онъ отдастъ дѣло на рѣшеніе вселенскаго собора. Лютеръ сказалъ, что согласенъ подъ условіемъ, чтобъ его мнѣнія были судимы только на основаніи Священнаго Писанія. Архіепископъ трирскій, искренно желавшій добра Лютеру, предложилъ ему въ дружескомъ разговорѣ, чтобъ онъ самъ указалъ средства, какъ покончить это дѣло мирнымъ соглашеніемъ; говорилъ ему, что если онъ опасается возбудить своей покорностью императору и сейму неудовольствіе въ своихъ саксонскихъ друзьяхъ, то онъ, архіепископъ, дастъ ему пріорство (управленіе монастыремъ) въ своей епархіи. Лютеръ отвѣчалъ, что не можетъ предложить никакого средства кончить дѣло соглашеніемъ, кромѣ совѣта, даннаго синедріону Гамаліиломъ: «Если мое дѣло не отъ Бога», сказалъ онъ, примѣняя къ себѣ слова Гамаліила о христіанствѣ, «то оно скоро погибнетъ, а если оно отъ Бога, то нельзя подавить его». Этимъ кончились переговоры. Примиреніе оказалось невозможнымъ.

с) ВОРМСКИЙ ЭДИКТЪ.

Были люди, совѣтовавшіе императору поступить, какъ сдѣлалъ его предшественникъ Сигизмундъ въ Констанцѣ. Кардиналъ Адріанъ, бывшій учитель Карла, управлявшій въ его отсутствіе Испанією, и гранды, находившіеся при Адріанѣ въ Тордесильясѣ, прислали Карлу подписанную ими 12 апрѣля просьбу, чтобъ онъ примѣнилъ церковные законы къ закоснѣлому еретику, врагу Христа. Король англійскій тоже совѣтовалъ Карлу сжечь автора еретическихъ сочиненій вмѣстѣ съ ними. Но императоръ опасался, что арестованіе Лютера произведетъ мятежъ въ Германіи, потому не нарушилъ свою охранную грамоту, велѣлъ герольду проводить Лютера обратно въ Виттенбергъ. Лютеръ и герольдъ выѣхали изъ Вормса 26 апрѣля. По приѣздѣ во Фридбергъ, Лютеръ отпустилъ герольда, давъ ему письмо къ императору и письмо къ сейму. Въ этихъ письмахъ выражалась готовность повиноваться императору и сейму во всемъ, что не касается религіознаго убѣжденія. При отъѣздѣ Лютера, курфирстъ саксонскій тайно передалъ ему, что на нѣсколько времени отвезетъ его въ безопасный пріютъ. Гдѣ будетъ этотъ пріютъ, не было сказано Лютеру.

Карлъ 30 апрѣля предложилъ сейму вопросъ, какъ поступить съ Лютеромъ, который уѣхалъ, не давъ отреченія, оставшись законнѣлымъ. Сеймъ составилъ актъ, перечислявшій злоупотребленія римской куріи; въ немъ было выставлено 100 этихъ злоупотребленій. По дѣлу о Лютерѣ сеймъ предоставилъ императору написать проектъ повелѣнія. Курфирстъ Фридрихъ остался твердъ въ защитѣ Лютера и сказалъ императору, что намѣренъ держать себя, какъ слѣдуетъ христіанскому государю. Императоръ руководился расчетомъ политическихъ выгодъ. Онъ заключилъ съ папой договоръ, по которому Левъ X обязался помогать ему выгнать французовъ изъ Италіи, а онъ обѣщался преслѣдовать враговъ католической вѣры и наказывать за оскорбленія папской власти, какъ за оскорбленія ему самому. Онъ поручилъ Алеандру написать проектъ повелѣнія. Коллегія императорскихъ совѣтниковъ одобрила проектъ, написанный Алеандромъ. Съ каждымъ днемъ ожидали, что онъ будетъ предложенъ сейму, но императоръ медлилъ. Наконецъ 25-го мая, когда курфирсты саксонскій и пфальцскій и многіе другіе государи уже уѣхали изъ Вормса, Карлъ явился на сеймъ, выразилъ ему свою благодарность за учрежденіе имперскаго правительства и другія рѣшенія по политическимъ дѣламъ и попросилъ членовъ сейма остаться въ городѣ еще три дня для окончанія «нѣкоторыхъ нерѣшенныхъ дѣлъ», какъ онъ выразился, не упоминая яснымъ образомъ, что рѣчь идетъ собственно о дѣлѣ Лютера. Когда онъ отправился изъ зала сейма

въ домъ, гдѣ жилъ, четыре курфюрста, оставшіеся въ Вормсѣ, и нѣсколько другихъ государей провожали его. Онъ попросилъ ихъ войти къ нему. Они увидѣли въ комнатахъ нѣсколькихъ итальянскихъ и испанскихъ вельможъ и обоихъ папскихъ уполномоченныхъ. Алеандръ передалъ императору и курфюрстамъ папскія бреве, написанныя самымъ любезнымъ тономъ. Послѣ того Карлъ сказалъ, что велѣлъ написать по дѣлу Лютера эдиктъ на основаніи прежняго рѣшенія сейма и пригласилъ Алеандра прочесть этотъ эдиктъ. Въ немъ говорилось о лживыхъ ученіяхъ и клеветахъ противъ католической церкви, написанныхъ Мартиномъ Лютеромъ, въ лицѣ котораго діаволь принялъ видъ монаха. Далѣе говорилось, что такъ какъ всѣ мирныя средства истощены и Лютеръ уѣхалъ изъ города, оставшись упорнымъ еретикомъ, то императоръ долженъ исполнить свою обязанность защитника истинной католической вѣры и объявляетъ Лютера и всѣхъ его послѣдователей мятежниками, лишенными покровительства законовъ, повелѣваетъ сжечь его сочиненія и въ предотвращеніе обнародованія подобныхъ лжеученій не печатать книгъ безъ духовной цензуры. Курфюрстъ Іоахимъ Бранденбургскій отъ имени приглашенныхъ, но безъ всякаго полномочія отъ нихъ, сказалъ, что они согласны съ эдиктомъ, и что онъ соотвѣтствуетъ мнѣнію всего сейма. Алеандръ велѣлъ переписать эдиктъ на бѣло и выставилъ подъ нимъ заднимъ числомъ 8 мая, чтобы казалось, будто онъ одобренъ сеймомъ, находившимся еще въ полномъ составѣ. На другой день, въ воскресенье, Алеандръ понесъ эдиктъ къ императору, находившемуся въ церкви. Карлъ подписалъ его и, улыбаясь, сказалъ Алеандру: «Теперь вы, вѣроятно, довольны мной». Другое повелѣніе императора приказывало подъ страхомъ строжайшихъ наказаній всѣмъ властямъ исполнять эдиктъ. Надежды патріотовъ рушились. «Я стыжусь моего отечества», писалъ Гуттенъ. Вся Германія роптала.

Появилось много памфлетовъ, рѣзко порицавшихъ эдиктъ и говорившихъ о необходимости сопротивленія интригамъ папистовъ. Самымъ популярнымъ изъ нихъ былъ «Новый Гансъ Мотыка», «Neukarsthans», служившій продолженіемъ прежняго, называвшагося «Гансъ Мотыка», Karsthans, по имени поселянина, играющаго главную роль въ немъ. «Новый Гансъ Мотыка» — разговоръ между Зикингеномъ и этимъ поселяниномъ. Зикингенъ спрашиваетъ Ганса Мотыку, почему онъ такъ угрюмъ. Гансъ отвѣчаетъ, что церковный судъ наложилъ на него штрафъ за пустяки; слѣдуетъ расправиться съ папистами; если бы поселяне имѣли предводителя, то расправились бы. Зикингенъ совѣтуетъ Гансу быть терпѣливѣй; если дѣйствовать силой, то съ виновными пострадаютъ и невинные, «потому что ты и твои товарищи будете бить безъ разбора»; но онъ согласенъ съ Гансомъ, что наглость папистовъ доведетъ народъ до возстанія. Гансъ выражаетъ надежду, что Зикингенъ станетъ предводителемъ поселянъ; они надѣются на него, потому что онъ одобряетъ мысли Лютера. Зикингенъ говоритъ, что если Лютера станутъ обижать за излагаемую имъ божественную истину, то онъ защититъ проповѣдника справедливости. «Надобно взяться за цѣпы и мотыки» говоритъ Гансъ. Зикингенъ соглашается съ Гансомъ, что время наказанія папистовъ не далеко, и говоритъ, что если Богъ избе-

реть его на защиту истины, то онъ готовъ исполнить волю Божию. «Пусть же падеть папа во имя всѣхъ чертей» восклицаетъ Гансъ: «и пусть чортъ подымаетъ его» Далѣе говорится, что для преобразованія церкви надобно поступить въ Германіи такъ, какъ поступалъ Жижка въ Богеміи; за этимъ слѣдуютъ 30 статей договора, соблюдать который поклялись Гансъ Мотыка и его товарищи. Они дали обѣщаніе уничтожить въ Германіи папизмъ, отрелись отъ обрядовъ папской церкви. Они уничтожаютъ монастыри, выберутъ себѣ священниковъ, проповѣдующихъ евангельское ученіе; они будутъ защищать Лютера и Гуттена.

2. Лютеръ въ Вартбургѣ.

а) ВОЛНЕНІЕ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Когда былъ обнародованъ вормсскій эдиктъ, Лютеръ уже находился въ безопасномъ убѣжищѣ. Отпустивъ герольда, онъ пріѣхалъ въ имперское аббатство Герсфельдъ. Аббатъ, имѣвшій санъ князя, принялъ его съ почетомъ. Онъ по приглашенію аббата произнесъ проповѣдь противъ запрещенія учить народъ евангельской истинѣ. Отдохнувъ, онъ заѣхалъ въ селеніе Мёру къ роднымъ; повидавшись съ ними, поѣхалъ дальше. На дорогѣ изъ Мёры въ Вальтерсгаузенъ, близъ замка Альтенштейна, между горъ, покрытыхъ лѣсомъ, вооруженные люди остановили телѣгу Лютера, взяли его подъ руки, посадили на лошадь, накинули на него плащъ и повезли его въ Вартбургъ. Они привезли его туда въ полночь; онъ былъ утомленъ поѣздкой. Дѣлу былъ приданъ такой видъ, какъ будто вооруженные люди напали на него и увезли его силой. Это были саксонскіе дворяне, дѣйствовавшіе по приказанію курфюрста. Тайна была извѣстна лишь очень немногимъ. Лютеръ жилъ въ Вартбургѣ подъ именемъ рыцаря Георга. Слухъ о томъ, что онъ схваченъ вооруженными людьми и исчезъ, поразилъ приверженцевъ его ученія. Противники его торжествовали. Императоръ, возвратившись въ Нидерланды, съ удовольствіемъ видѣлъ, что тамъ усердно отбираютъ у народа и жгутъ книги Лютера. Экъ обнародовалъ рѣшеніе парижскихъ богослововъ, отмѣченное 15 числомъ апрѣля; оно рѣзко осуждало мнѣнія Лютера. Эдиктъ императора былъ строго исполняемъ въ маркграфствѣ бранденбургскомъ, во владѣніяхъ Георга, герцога саксонскаго, герцоговъ баварскихъ и нѣкоторыхъ духовныхъ государей: тамъ разыскивали послѣдователей Лютера, принуждали ихъ къ отреченію. —Одинокая жизнь въ пустомъ замкѣ между горъ и лѣсовъ была тяжела Лютеру; притомъ онъ былъ физически нездоровъ, страдалъ бессоницей. Въ своихъ письмахъ изъ Вартбурга онъ жалуется на тяжесть борьбы съ сатаною. Народные рассказы прикрасили эти жалобы. Лютеръ мучился между прочимъ и той мыслью, что кур-

фирсть саксонскій подвергаетъ себя большой опасности покровительствомъ ему.

Всѣ полагали, что Лютеръ схваченъ папистами и убитъ. Негодование было всеобщее; оно росло. Скоро стало невозможно исполнять эдиктъ. Легаты жаловались, что еще не засохли чернила императорской подписи на немъ, а онъ уже повсюду нарушается. Гуттенъ убѣждалъ Зикингена взяться за оружіе. Но Зикингенъ не хотѣлъ ссориться съ императоромъ, который назначилъ его главнокомандующимъ нѣмецкихъ войскъ въ ожидавшейся войнѣ съ королемъ французскимъ, далъ ему титулы императорскаго совѣтника и камергера; потому Гуттенъ могъ дѣйствовать противъ папистовъ только перомъ. Онъ продолжалъ рѣзкую полемику противъ нихъ. Ему приписываютъ разговоръ «Новый Гансъ Мотыка», содержаніе котораго мы привели.

Лютеръ не одобрялъ желанія Гуттена дѣйствовать оружіемъ; но горячность, съ какою принялъ нѣмецкій народъ его сторону, ободряла его. Онъ велъ дѣятельную переписку съ Меланхтономъ, Спалатиномъ, Амсдорфомъ, Юстомъ Іоной. Онъ писалъ 26 мая Меланхтону: „Если папа хочетъ нападать на всѣхъ, раздѣляющихъ мои мнѣнія, то въ Германіи не обойдется безъ возстанія“.

Мы говорили, что появлялись воззванія за воззваніями, разъяснявшія народу неизбежность борьбы противъ папистовъ. Они жадно читались. «Ни одинъ книгопродавецъ», писалъ Эразмъ Генриху VIII, «не смѣетъ напечатать ни одного слова противъ Лютера, но противъ папы можно писать, что угодно». Poleмика противъ папистовъ много содѣйствовала выработкѣ нѣмецкаго прозаическаго языка. Значительная часть приходскаго духовенства и очень многіе монахи перешли на сторону Лютера; они были ближе къ простолюдинамъ, чѣмъ къ высшимъ сановникамъ. По Баваріи и Австріи ходили странствующие проповѣдники Йоганнъ Эберлинъ, Якобъ Штраусъ, Пауль Шпреттенъ, распространяя въ народѣ сочувствіе лютеранскому ученію. Много сторонниковъ Лютера было въ аугсбургскомъ кармелитскомъ монастырѣ. Въ Бернѣ молодые горожане разыгрывали карнавальнѣйшій фарсъ, написанный Никлаусомъ Мануэлемъ; онъ представлялъ, какъ говорило его заглавіе, «въ смѣшномъ видѣ глупость папы и его духовенства». Папа въ немъ радуется, что при помощи епископовъ и кардиналовъ приобрѣлъ такую власть надъ простодушными людьми и набралъ столько денегъ. Епископамъ и кардиналамъ даны имена, обозначающія ихъ пороки. Популярнѣйшій изъ мейстерзингеровъ Гансъ Заксъ осмѣивалъ «поповскіе обманы и монашескіе обѣты», прославлялъ «виттенбергскаго соловья».

Лютеръ не терялъ попусту время въ Вартбургѣ. Онъ уже 1 іюня послалъ Энкингену свой небольшой трактатъ «Объ исповѣди, имѣетъ ли папа власть принуждать къ ней». Онъ съ рѣзкими нападеніями

Литературная
дѣятельность
Лютера въ
Вартбургѣ.

на папство требуетъ отмѣны исповѣди, которой паписты пользуются для упроченія своего владычества. Онъ написалъ горячія возраженія противъ Якоба Латома, защищавшаго рѣшеніе лувенскихъ богослововъ, и противъ парижскихъ богослововъ, осуждавшихъ подобно лувенскимъ его ученіе. Онъ обращался теперь къ массѣ народа и писалъ по-нѣмецки. Онъ началъ въ это время переводъ Библіи, сдѣлавшійся великимъ событіемъ въ умственной жизни нѣмецкаго народа. Онъ усердно изучалъ для этого перевода греческій и еврейскій языки. — Курфирстъ майнцскій, ободрившись тѣмъ, что Лютеръ исчезъ, возобновилъ продажу индульгенцій. Лютеръ напечаталъ рѣзкое посланіе къ нему, угрожая «поступить съ нимъ, какъ съ Тецелемъ, если онъ не прекратитъ этого безчинства». Архіепископъ оробѣлъ, прекратилъ продажу индульгенцій и написалъ смиренное увѣдомленіе объ этомъ Лютеру.

b) КАРЛЬШТАДТЪ И АНАБАПТИСТЫ.

Ученыя занятія Лютера были прерваны тревожными извѣстіями изъ Виттенберга. Профессоры виттенбергскаго университета не обращали вниманія на императорскій эдиктъ, какъ прежде пренебрегали буллой объ отлученіи. Курфирстъ не стѣснялъ ихъ свободы. Меланхтонъ выступилъ въ защиту Лютера противъ парижскаго университета, цѣлыя столѣтія считавшагося рѣшителемъ богословскихъ вопросовъ, и обвинялъ его въ отпаденіи отъ истиннаго христіанства. Но человѣкъ мягкаго характера, Меланхтонъ былъ силенъ только, какъ совѣтникъ Лютера; быть самъ вождемъ движенія въ бурное время онъ былъ не способенъ, и преобладающее вліяніе въ Виттенбергѣ пріобрѣлъ Карльштадтъ, увлекшійся религіознымъ радикализмомъ. Во время вормскаго сейма, онъ былъ въ Копенгагенѣ, куда пригласилъ его Христіанъ II участвовать въ составленіи новаго кодекса законовъ; но скоро онъ возвратился въ Виттенбергъ, надѣясь въ отсутствіи Лютера произвести радикальное преобразование церкви. Онъ началъ нападеніями на католическіе законы о безбрачій приходскаго духовенства и на монашескіе обѣты. Два саксонскіе священника отказались отъ безбрачія, объявивъ, что ни папа, ни соборы не имѣли права «угнетать церковь требованіемъ, вредящимъ тѣлу и душѣ». Одинъ изъ нихъ Якобъ Зейдлеръ былъ священникомъ въ государствѣ герцога Георга; церковное начальство арестовало его, и онъ умеръ въ темницѣ. Другой былъ священникомъ въ государствѣ Фридриха; архіепископъ магдебургскій хотѣлъ предать его суду, но курфирстъ защитилъ его. Около того же времени въ виттенбергскомъ монастырѣ, къ которому принадлежалъ Лютеръ, начался сильный споръ объ обязательности монашескихъ обѣтовъ. Габріэль Цвиллингъ (по греческому переводу фамиліи Дидимъ), молодой чело-

вѣкъ горячаго характера, объявилъ, что «въ монашествѣ нельзя спастись» и вышелъ изъ монастыря. Его примѣру послѣдовали тринадцать другихъ монаховъ. Они поселились у студентовъ или горожанъ и возбуждали народъ противъ пріора и монаховъ, оставшихся въ монастырѣ. Цвиллингъ возставалъ также противъ католической литургіи, требовалъ, чтобы введено было причащеніе мірянъ Святыми Дарами подъ обоими видами. Курфирстъ и по его желанію университетъ старались успокоить эти споры, но горячіе реформаторы взяли верхъ. Горожане и студенты приняли ихъ сторону. Студенты съ ножами подъ плащами и горожане ворвались 3 декабря во время литургіи въ приходскую церковь города Виттенберга, вырвали у священниковъ служебники, отогнали ихъ отъ престоловъ. Городской совѣтъ арестовалъ главныхъ виновниковъ безпорядка. Народъ принудилъ освободить ихъ. Конвентъ (сѣздъ депутатовъ) августинскихъ монастырей саксонской провинціи этого ордена, созванный курфирстомъ, объявилъ, что монашескіе обѣты не обязательны, что каждый желающій имѣетъ право сложить ихъ съ себя. Даже Меланхтонъ, человѣкъ миролюбивый, говорилъ, что должно отмѣнить католическую литургію. Видно было, что курфирстъ не хочетъ принимать крутыхъ мѣръ противъ горячихъ реформаторовъ; Карльштадъ сталъ дѣйствовать рѣшительно. Въ день Рождества онъ сказалъ въ виттенбергской приходской церкви проповѣдь о томъ, что надобно отмѣнить католическіе обряды литургіи, и причастилъ мірянъ Святыми Дарами подъ обоими видами. То же самое сдѣлалъ онъ на Новый годъ. Горожане горячо хвалили его. Съ пламеннымъ краснорѣчіемъ онъ высказывалъ теперь новыя идеи, увлекавшія слушателей.

Въ Виттенбергѣ появилось ученіе, получившее трагическую развязку въ возстаніи Томаса Мюнцера, экзальтированное ученіе анабаптистовъ. Въ саксонскихъ Рудныхъ горахъ еще сохранялось гуситство; центромъ его былъ промышленный городъ Цвикау. Волненіе, возбужденное Лютеромъ, ободрило его послѣдователей. Клаусъ Шторхъ, по ремеслу суконщикъ, человѣкъ, не имѣвшій школьнаго образованія, выступилъ проповѣдникомъ идей, которыхъ нѣкогда держались радикальныя партіи гуситовъ. Онъ придалъ имъ мистическій характеръ и увлекалъ простолюдиновъ своимъ восторженнымъ краснорѣчіемъ. Онъ проповѣдовалъ, что истинное христіанское ученіе сообщается отъ Бога откровеніями; должно руководиться ими, а не Библіей; истина то, что возвѣщаютъ пророки, вдохновляемые Богомъ, то-есть, онъ и его приверженцы были этими пророками. Эта секта отвергала крещеніе младенцевъ, потому что они еще неспособны имѣть вѣру; поэтому ея послѣдователи получили названіе анабаптистовъ (перекрещенцевъ). Къ Шторху присоединились два экзальтированные священника, Маркъ Штюбнеръ, бывший воспитанникъ виттенбергскаго университета, и Томасъ Мюнцеръ, энтузіастъ, даровитый

Цвикаускіе
пророкъ.

демагогъ. Они проповѣдовали скорую гибель испорченнаго общества и наступленіе царства Божія. По убѣжденію священника Николая Гаусмана городской совѣтъ запретилъ собранія этихъ сектантовъ, прогналъ изъ Цвикау ихъ руководителей. Томасъ Мюнцеръ уѣхалъ въ Прагу. Шторхъ и Штюбнеръ съ нѣсколькими приверженцами отправились въ Виттенбергъ. Они вошли въ городъ торжественной процессіей въ военномъ костюмѣ. Ихъ проповѣдь пріобрѣла большой успѣхъ. Друзья Лютера защищали тогда свободу слова Божія, потому не мѣшали имъ. Меланхтонъ и Амсдорфъ просили курфюрста не стѣснять ихъ проповѣди. Карльштадъ вошелъ въ дружбу съ ними и сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе прежняго; пересталъ надѣвать при богослуженіи священническое облаченіе, отклонялъ своихъ слушателей отъ исповѣди и отъ соблюденія постовъ, женился и пригласилъ много почетныхъ гостей на свою свадьбу.

Уничтоженіе
образовъ
въ церквахъ.

Подобно цвикаускимъ пророкамъ, Карльштадъ рѣзко говорилъ противъ почитанія иконъ. Возбужденный имъ народъ ворвался въ церкви, вынесъ иконы и статуи, даже распятіе, изломалъ ихъ, сложилъ въ груды и сжегъ. Онъ и его приверженцы представили городскому совѣту проектъ новаго церковнаго устройства, требуя реформъ и въ гражданскихъ учрежденіяхъ. Они хотѣли уничтожить монастыри, обратить ихъ доходы на содержаніе сиротъ, больныхъ, бѣдныхъ, юридически запретить праздность такъ, чтобы всѣ здоровые люди были обязаны работать, хотѣли закрыть всѣ пристанища пороковъ, ввести новую болѣе справедливую систему налоговъ. Герцогъ Георгъ Саксонскій запретилъ своимъ подданнымъ посѣщать виттенбергскій университетъ. Имперское правительство обнародовало 20 января (1522 года) приглашеніе саксонскимъ епископамъ принять мѣры противъ нарушеній церковнаго порядка въ Виттенбергѣ.

Курфюрстъ саксонскій огорчился рѣзкими нововведеніями Карльштада; но подобно Меланхтону, говорилъ, что не можетъ судить, ошибочны или нѣтъ эти дѣйствія, въ защиту которыхъ Карльштадъ ссылается на слово Божіе. Притомъ самъ Лютеръ писалъ теперь противъ монашескихъ обѣтовъ и безбрачія священниковъ, высказывалъ (въ письмѣ къ отцу) намѣреніе сложить съ себя монашество. Въ декабрѣ 1521 года онъ, переодѣтый рыцаремъ, тайно пріѣзжалъ въ Виттенбергъ; онъ не порицалъ тогда мыслей Карльштада о преобразованіи богослуженія, совѣтовалъ ему только быть умѣреннымъ, щадить слабыхъ духомъ. Но безпорядки, возбужденные цвикаускими пророками, не понравились ему; онъ сталъ писать своимъ друзьямъ, что эти насильственные нововведенія стѣсняютъ свободу совѣсти: «Дѣло поведено быстро; его подвигаютъ кулаками; это не нравится мнѣ, и если пойдетъ такъ, то знайте, я не буду помогать вамъ. Это началъ чортъ, чтобы посрамить наше дѣло». Лютеръ порицалъ между прочимъ нападенія цвикаускихъ пророковъ на крещеніе младенцевъ.

Но онъ совѣтовалъ курфирсту не принимать никакихъ насильственныхъ мѣръ: «Кто хочетъ имѣть слово Божіе, не долженъ бояться споровъ и тревогъ. Между апостолами находился Іуда; сатана вмѣшивается въ общество дѣтей Божіихъ».

с) ВОЗВРАЩЕНІЕ ЛЮТЕРА ВЪ ВИТТЕНБЕРГЪ. ПЕРЕВОДЪ БИБЛИИ.

Лютеръ уже довольно давно просилъ у курфирста дозволенія возвратиться въ Виттенбергъ; но Фридрихъ, опасаясь столкновений съ имперскимъ правительствомъ, убѣждалъ его подождать до новаго сейма, который скоро соберется въ Нюрнбергъ и займется пересмотромъ дѣла о немъ. Но Лютеръ не могъ вытерпѣть продолженія безпорядковъ въ Виттенбергѣ; 1 марта (1522 года) онъ поѣхалъ туда; остановившись въ Борнѣ, онъ написалъ курфирсту, что совѣсть принуждаетъ его возвратиться, что онъ проситъ своего государя не тревожиться за его судьбу, что Богъ защититъ его: чѣмъ тверже у кого вѣра, тѣмъ сильнѣе защититъ его Богъ; если имперское правительство захочетъ арестовать или даже убить его, онъ проситъ курфирста не препятствовать этому. Фридрихъ согласился на его возвращеніе. По желанію курфирста онъ написалъ письмо въ оправданіе своего поступка, говорилъ, что возвращается только по заботѣ о благѣ виттенбергской церкви, что этого не слѣдуетъ считать нарушеніемъ почтенія къ императору и сейму: добрый пастырь долженъ полагать душу свою за овецъ.

Онъ пріѣхалъ 7 марта. Этотъ день былъ пятница. Онъ разспросилъ своихъ друзей о положеніи дѣлъ, говорилъ имъ, что, по его мнѣнію, преобразование церкви должно быть производимо убѣжденіемъ, а не насиліемъ, и въ воскресенье началъ проповѣдовать. Онъ не нападалъ на нововводителей, но говорилъ, что не должно дѣлать нововведеній, производящихъ раздоръ въ паствѣ; не скрывалъ того, что самъ отвергаетъ католическую литургію, поклоненіе иконамъ, исповѣдь; но осуждалъ насиліе, огорчающее слабыхъ, совѣтовалъ «дѣйствовать по внушенію любви, безъ которой вѣра мертва, и быть терпѣливыми ради ближнихъ: «Не годится каждому дѣлать все, на что имѣетъ онъ право; должно дѣлать уступки въ своихъ правахъ, заботясь о томъ, что полезно братьямъ нашимъ». Онъ говорилъ, что должно различать отъ истинъ вѣры церковные обряды, соблюденіе или несоблюденіе которыхъ безразлично для душевнаго спасенія, и порицалъ принужденіе въ религіи. «Не дѣлайте изъ свободы обязанность, какъ вы теперь дѣлали», говорилъ онъ. Цѣлую недѣлю онъ день за день проповѣдовалъ съ изумительной энергіей и убѣдилъ виттенбергскую общину, что принужденіе равно дурно, съ какой бы стороны ни происходило оно. «Слово создало небо и землю и все на нихъ; оно должно дѣйствовать и здѣсь; не намъ, грѣшникамъ, рѣ-

шать это дѣло. Скажу кратко: буду проповѣдовать, буду говорить и писать; но принуждать силой не хочу никого, потому что вѣра должна быть добровольная, принятая безъ принужденія», формулировалъ онъ свою программу. Виттенбергскіе сторонники религіозной реформы снова признали его своимъ главою. Карльштадъ утратилъ вліяніе. Университетъ велѣлъ уничтожить печатавшееся тогда сочиненіе его.

Карльштадъ удалился въ селеніе, жилъ тамъ въ обществѣ поселянъ, вдавался все больше и больше въ мистицизмъ. Черезъ нѣсколько времени онъ принялъ должность священника въ Орламюнде. Цвикаускіе пророки удалились. Передъ отъѣздомъ они имѣли разговоръ съ Лютеромъ. Въ доказательство своего божественнаго посланничества они вызвались сказать ему, что онъ думаетъ въ эту минуту. Онъ согласился, чтобъ они сдѣлали это, и они сказали. „Ты чувствуешь теперь въ душѣ влеченіе къ намъ“. Онъ воскликнулъ: „Богъ да накажетъ тебя, сатана!“—Впослѣдствіи онъ сознавался, что дѣйствительно у него было влеченіе къ нимъ, но что, когда они угадали происходящее въ его душѣ, онъ увидѣлъ въ этомъ дѣйствіе сатаны.

Въ Виттенбергѣ была возстановлена католическая литургія съ выпускомъ нѣкоторыхъ мѣстъ, содержавшихъ отвергаемое Лютеромъ и его друзьями католическое ученіе о пресуществленіи; міряне были причащаемы Святыхъ Даровъ подъ обоими видами. Было рѣшено не дѣлать никакого принужденія въ религіи; монахамъ была дана свобода оставаться въ монастыряхъ или слагать съ себя обѣтъ; Лютеръ продолжалъ носить августинское платье. Главной заботой реформаторовъ было придать опредѣленную форму своей догматикѣ на основаніи Священнаго писанія. Для этого Меланхтонъ написалъ свой знаменитый учебникъ богословія, *Loci communes rerum theologicarum*. Лютеръ продолжалъ начатый въ Виттенбергѣ трудъ перевода Священнаго писанія.

Въ 1523 году онъ уже напечаталъ переводъ Новаго завѣта. Переводить Ветхій завѣтъ было труднѣе для него, потому что знаніе еврейскаго языка было у него не вполне удовлетворительное. Каждую недѣлю собирались въ его комнатѣ друзья, лучше его знавшіе еврейскій языкъ, и проводили по нѣскольку часовъ въ разсужденіяхъ о томъ, какъ слѣдуетъ перевести то или другое выраженіе. Уцѣлѣли нѣкоторыя тетради лютеровой рукописи перевода; въ нихъ есть мѣста, передѣланныя разъ пятнадцать. Кромѣ недостаточности знакомства съ еврейскимъ языкомъ, онъ затруднялся иногда и незнаніемъ предметовъ, о которыхъ говорится. Такъ, напримѣръ, онъ просилъ Спалатина сообщить ему нѣмецкія названія драгоцѣнныхъ камней, упоминаемыхъ въ Апокалипсисѣ, и описать ихъ видъ. Языкъ его перевода—мейсенское нарѣчіе съ нѣкоторыми заимствованіями изъ баварско-австрійскаго нарѣчія, получившаго литературную обработку въ актахъ императорской канцеляріи. Этотъ языкъ, представляющій сближеніе саксонскаго нарѣчія съ южно-нѣмецкимъ, сдѣлался литературнымъ языкомъ Германіи.

Лютеръ десять лѣтъ работалъ надъ переводомъ Библіи; онъ печаталъ его частями. Въ 1534 году былъ конченъ этотъ великій трудъ, получившій громадное вліяніе не только на мысли нѣмецкаго народа, но и на выработку его литературнаго языка. Лютеръ старался сохранять простоту выраженій подлинника; онъ писалъ Спалатину: «Не хочу употреблять придворныхъ словъ. Эту книгу надо переводить простымъ языкомъ». Потому его переводъ сталъ достояніемъ нѣмецкаго народа.

У. ДАЛЬНѢЙШІЙ ХОДЪ РЕФОРМАЦИИ. — НАЧАЛО РЕЛИГИОЗНАГО РАСПАДЕНІЯ ГЕРМАНИИ.

1. Распространеніе евангелическаго ученія.

Разсудительность Лютера произвела хорошее дѣйствіе на имперское правительство, сформированное по отъѣздѣ Карла и состоявшее изъ курфюрстовъ и уполномоченныхъ, выбранныхъ округами, на которое дѣлилось нѣмецкое государство. Германия въ первый разъ имѣла теперь національное правительство. Оно дѣятельно занималось приведеніемъ государственныхъ дѣлъ въ порядокъ, охраненіемъ спокойствія, желало устранить папское самовластіе. Резиденціею его былъ Нюрнбергъ. Герцогъ Георгъ Саксонскій, жившій тамъ въ первые мѣсяцы 1522 года, требовалъ вмѣшательства въ виттенбергскія дѣла, выражалъ негодованіе на то, что не исполняется эдиктъ противъ Лютера; но не встрѣчалъ сочувствія себѣ въ правительствѣ. Многіе члены его были расположены къ реформации, а вообще оно желало воспользоваться дѣломъ о ней для освобожденія Германіи отъ папскихъ поборовъ. Это настроеніе усилилось, когда очередь быть членомъ правительства дошла во второй четверти года до курфюрста Фридриха. Подъ его вліяніемъ имперское правительство отказалось отъ исполненія вормскаго эдикта и приняло Лютера подъ свою защиту.

Въ это время папой былъ уже не Левъ X; онъ умеръ въ 1521 году, и преемникомъ ему былъ выбранъ 9-го января 1522 Адріанъ, бывший учитель Карла и регентъ Испаніи. Человѣкъ строгой нравственности и доминиканской твердости въ католической догматикѣ, Адріанъ хотѣлъ улучшить нравы духовенства, но съ тѣмъ вмѣстѣ искоренить еретическія нововведенія. «Я согнулъ мою выю подъ ярмо папскаго сана только для того, чтобы возстановить искажаемую чистоту невѣсты Христовой», говорилъ онъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Римъ онъ отправилъ въ Германію нунція Кіэрегати объявить имперскому правительству, что онъ намѣренъ устранить церковныя злоупотребленія; съ тѣмъ вмѣстѣ нунцій долженъ былъ требовать исполненія вормскаго эдикта. «Мы знаемъ», говорилъ папа въ инструкціи

Имперское
правительство.

Адріанъ VI
1522—1523.

своему послу, что уже съ довольно давняго времени происходитъ при священномъ престолѣ много омерзительнаго, что церковныя дѣла подверглись злоупотребленіямъ, что все обращено въ дурное; всѣ мы совратились, нѣтъ никого, творящаго добро». Онъ хотѣлъ произвести во всей католической церкви тѣ преобразованія, какія были сдѣланы въ испанской, но прежде всего хотѣлъ возстановить власть церкви тамъ, гдѣ она исколебалась. Имперское правительство назначило для составленія отвѣта на требованіе папы комитетъ, большинство членовъ котораго было на сторонѣ реформаціи; преобладающее вліяніе въ немъ имѣлъ ландгофмейстеръ (министръ) епископа бамбергскаго, Йоганнъ Шварценбергъ. Комитетъ представилъ имперскому правительству свой проектъ отвѣта 13 января 1523 года. Онъ говорилъ, что имперское правительство благодаритъ папу за обѣщаніе церковныхъ реформъ, но должно отклонить его требованіе о преслѣдованіи Лютера, чтобы не подвергнуться упреку въ желаніи подавить тиранствомъ евангельскую истину и поддержать не-христіанскія злоупотребленія, изъ чего могло бы возникнуть сопротивленіе начальству и отпаденіе отъ церкви. Прежде всего должно отмѣнить церковныя злоупотребленія и всякіе поборы римской куріи; для этого надобно созвать въ какомъ нибудь нѣмецкомъ городѣ свободный вселенскій соборъ, членами котораго должны быть и міряне. Если возможно, то слѣдуетъ созвать этотъ соборъ до истеченія годичнаго срока. Имперское правительство надѣется убѣдить курфюрста Фридриха и Лютера, чтобы до созванія собора Лютеръ и его друзья не писали ничего, возбуждающаго волненіе. Но за ними будетъ оставлена свобода учить по евангелію. Если же не будутъ въ скоромъ времени отмѣнены духовной властью церковныя злоупотребленія, то нѣмецкій сеймъ будетъ принужденъ «самъ пріискать средства устранить ихъ собственною властью». Этотъ проектъ отвѣта папѣ возбудилъ въ сеймѣ сильные споры. Духовные члены сейма возстали противъ того, что источникомъ христіанскаго ученія называется въ немъ только Священное писаніе; но добились только ничтожной уступки; поправка, принятая сеймомъ, не измѣняла существенной мысли проекта. Она была формулирована такъ: «Не должно учить ничему, кромѣ истиннаго, подлиннаго, чистаго евангелія въ духѣ христіанской кротости, по разъясненію, дѣлаемому принятыми въ христіанской церкви сочиненіями». Это было въ сущности подтвержденіемъ представленнаго сейму проекта только съ прибавкой неопредѣленныхъ словъ, подававшихся разнымъ истолкованіямъ. Въмѣсто того, чтобъ исполнить императорскій эдиктъ противъ Лютера, имперское правительство и сеймъ приняли рѣшеніе противоположное ему, требовали преобразованія церкви, созванія вселенскаго собора. Папскій посолъ не достигъ даже того, чтобы запрещено было проповѣдовать лютеранское ученіе въ Нюрнбергѣ во время засѣданій сейма. Уполномоченный

курфирста саксонскаго при сеймѣ, Планицѣ, прямо сказалъ Кіэрегати, что Лютеръ умѣренный нововводитель и одинъ сдерживаетъ радикальныхъ реформаторовъ, что удалить его значило бы дать просторъ имъ.

Не всѣ члены сейма подали голосъ за принятое имъ рѣшеніе по сочувствію Лютеру, многіе отвергали крутыя мѣры только по боязни мятежей; даже герцоги баварскіе полагали, что преслѣдованіе Лютера произвело бы возстаніе. Новое ученіе дѣйствительно распространилось повсюду въ Германіи во всѣхъ сословіяхъ. Лютеру съ самаго начала сочувствовали очень многіе монахи. Мало того, что августинцы стали на сторону своего собрата по ордену; многіе францисканцы и доминиканцы приняли его ученіе. Изъ гуманистическихъ круговъ явились сподвижниками его Эколампадій и Буцеръ, друзья Зикингена и Гуттена. Йоганъ Гусгенъ, назвавшій себя по греческому переводу своей фамиліи Эколампадіемъ, поступилъ уже не въ молодыхъ лѣтахъ въ одинъ изъ аугсбургскихъ монастырей, чтобы пріобрѣсти досугъ для ученыхъ занятій, но черезъ два года бросилъ монашество и былъ теперь священникомъ въ Базелѣ, гдѣ прежде участвовалъ въ ученыхъ работахъ своего друга Эразма. Мартинъ Буцеръ, поступившій 15 лѣтнимъ мальчикомъ въ доминиканскій орденъ и довольно долго бывшій потомъ профессоромъ богословія въ гейдельбергскомъ университетѣ, тоже покинулъ монашество, сталъ священникомъ въ приходѣ ландштульскаго замка, принадлежавшаго Зикингену; переселился по смерти Зикингена въ Страсбургъ и руководилъ дѣломъ реформациі въ Эльзасѣ. Урбанъ Регій, профессоръ ингольштадскаго университета, разорвалъ свою дружбу съ Эккомъ, сдѣлался священникомъ въ аугсбургскомъ соборномъ храмѣ, потомъ ввелъ новое церковное устройство въ брауншвейгской области. Помощникомъ его въ Брауншвейгѣ былъ Бугенгагенъ, уроженецъ Помераніи, въ которой потомъ было поручено ему преобразование церкви. Онъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Виттенбергѣ и, усвоивъ себѣ ученіе Лютера, занялся распространеніемъ его по сѣверной Германіи. Андрей Озіандеръ распространялъ новое ученіе во Франконіи. Монахи и монахини покидали, какъ мы говорили, монастыри, возвращались въ свѣтъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начальство запрещало это, наказывало слагавшихъ съ себя монашество. Въ Антверпенѣ были наказаны за это смертью два августинскіе монаха. Въ Гальберштадѣ Валентинъ Мустеусъ былъ брошенъ въ темницу и изувѣченъ тамъ; въ Баваріи запирали въ темницы или держали подъ строгимъ надзоромъ всѣхъ подозрѣваемыхъ въ намѣреніи уйдти изъ монастырей. Но вообще строгости оказывались безуспѣшны; а во многихъ монастыряхъ сами начальники принимали новое ученіе.

Сподвижники
Лютера.

«Изучая факты, я нахожу, что жаланіе вести пріятную свѣтскую жизнь мало участвовало въ принятіи новаго ученія монахами и монахинями», говоритъ Ранке: «Вообще это было дѣло убѣжденія. Многіе и не сами уходили изъ монастырей, а были выгоняемы

за сочувствіе новому ученію; для людей миролюбивыхъ жизнь въ монастырѣ становилась несносна, потому что тамъ шли ссоры; монахи нищенствующихъ орденовъ гнушались обязанностью выманивать подаянія. Однажды въ Нюрнбергѣ францисканецъ, человѣкъ сильный, съ ящичкомъ для подаянія вошелъ въ кузницу; кузнецъ спросилъ его, почему онъ не зарабатываетъ хлѣбъ трудомъ своихъ рукъ; францисканецъ снялъ съ себя мантію, отослалъ ее и ящикъ въ монастырь, поступилъ въ работники къ кузнецу».

Приходское духовенство тоже сочувствовало Лютеру. Высшее духовенство вообще было враждебно ему. Саксонскіе епископы требовали, чтобъ имъ были выдаваемы священники, вступившіе въ бракъ и причащающіе мірянъ Св. Даровъ подъ обоими видами, и монахи, сложившіе съ себя монашество; но курфюрстъ саксонскій отвѣчалъ, что со словомъ должно бороться словомъ и нельзя дѣлать принужденія совѣсти. Даже между епископами не всѣ были враждебны реформациі. Объ епископахъ аугсбургскомъ, бамбергскомъ, мерзебургскомъ говорили, что они расположены къ ученію Лютера. Они по крайней мѣрѣ не мѣшали его распространенію. Даже архіепископъ майнцскій держалъ себя кротко. Епископъ самландскій Георгъ Поленцъ на Рождество 1523 сказалъ въ кѣнигсбергскомъ соборѣ: «Христосъ снова родился», и сталъ главою приверженцевъ лютеранскаго ученія въ Пруссіи.

Усерднѣйшими распространителями лютеранства были приходскіе священники въ городахъ. Оно проникло даже въ Вюртембергъ, хотя это герцогство находилось подъ австрійскимъ управленіемъ. Горожане югозападной Германіи вообще принимали новое ученіе; многіе вельможи также. Въ нѣмецкой Швейцаріи распространялось ученіе Цвингли, о которомъ мы будемъ говорить послѣ; въ то время еще не было разногласія между Цвингли и Лютеромъ. Архіепископъ кѣльнскій, Германъ Видъ, выказывалъ вѣротерпимость. Лютеранство проникло въ Нидерланды. Городскіе совѣты бременскій и гамбургскій пригласили послѣдователей Лютера на священническія должности. Не только въ Богеміи, гдѣ сочувствовали новому ученію гуситы, но даже и въ австрійскихъ земляхъ и въ Баваріи оно пріобрѣло много приверженцевъ. Филиппъ, ландграфъ гессенскій, принялъ сторону Лютера.

Лютеровъ сборникъ церковныхъ пѣсенъ.

Послѣдовали реформациі сообразовались съ тѣмъ, что дѣлалось въ Виттенбергѣ. Лютеръ былъ руководителемъ всѣхъ ихъ. Въ 1524 году онъ, при помощи Шпреттена (по латинской формѣ фамиліи Сперата), составилъ первый сборникъ церковныхъ пѣсенъ для употребленія при новомъ богослуженіи, замѣнившемъ латинскую литургію. Этотъ сборникъ былъ принятъ съ сочувствіемъ всѣми нѣмецкими послѣдователями реформациі. Литературная дѣятельность въ Германіи сильно возросла. До 1517 года, печаталось ежегодно только 40 или 50 сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ; теперь число ихъ доходило до 500. Особенно много писалъ самъ Лютеръ. Съ религіознымъ движеніемъ соединялось и національное. Противники реформациі говорятъ, что

люди вовлекались въ нее мірскими мотивами, что государи принимали ее по желанію овладѣть церковными имуществами. Впослѣдствіи этотъ расчетъ существовалъ; но въ первые годы было не то: своимъ распространеніемъ реформація была обязана религіозному одушевленію. Росту его много помогали церковныя пѣсни новаго богослуженія. Потому помѣстимъ здѣсь обзоръ ихъ развитія, написанный для нашей книги г. Кризандеромъ.

2. Народныя религіозныя пѣсни.

Средневѣковыя народныя пѣсни имѣли очень большое музыкальное достоинство. Въ развитіи этой формы искусства участвовали всѣ европейскіе народы. Съ особенной легкостью мы можемъ изучать ее у всѣхъ народовъ, сохранившихъ ее до сихъ поръ. Они живутъ по окраинамъ Европы.

Народныя
пѣсни.

Замѣчательно богаты народными пѣснями славяне. Пѣсни сербовъ отличаются поэтическимъ достоинствомъ; пѣсни поляковъ и чеховъ — музыкальнымъ. Очень хороши пѣсни скандинавскихъ народовъ. Были прекрасны пѣсни латинскихъ народовъ южной Европы, но онѣ вытѣснены теперь художественнымъ итальянскимъ пѣніемъ. Очень высокое достоинство имѣютъ народныя пѣсни кельтовъ и въ особенности шотландцевъ, у которыхъ народныя мелодіи сохранялись неизмѣнными при перемѣнѣ текста. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ, шотландецъ Чарльзъ Гре, справедливо говоритъ: «Наши національныя мелодіи вѣчны; мы не можемъ опредѣлить времени, когда возникли онѣ». Шотландскія мелодіи имѣютъ ту особенность, что въ нихъ неупотребительны нѣкоторые интерваллы гаммы; это объясняется тѣмъ, что на инструментахъ, подъ аккомпанементъ которыхъ поются онѣ, удобно брать только тоны, принадлежащіе простымъ гармоническимъ аккордамъ. Многія изъ шотландскихъ мелодій равняются, по своему достоинству, лучшей мелодіи новой музыки, и шотландскія національныя пѣсни должно признать лучшими въ Европѣ по ихъ музыкальному совершенству. Англичане усвоили себѣ кельтскую народную музыку. Эразмъ говоритъ: «Изъ всѣхъ народовъ у англичанъ самая красивая женщины, самые лакомые пиры и самая лучшая музыка». Папа Юлій II былъ очарованъ пѣніемъ хора, который привезъ въ Римъ въ 1510 году Томасъ Кромвель. Народное англійское пѣніе имѣетъ не исключительно ту форму, которая одна употребительна у другихъ народовъ и называется пѣніемъ въ унисонъ. Англійскій народъ издавна имѣлъ такъ называемые каноны, состоявшіе изъ трехъ партій; эти полифоническія мелодіи называются у англичанъ catches. Изъ

всѣхъ остальныхъ европейскихъ народовъ до сихъ поръ ни одинъ не достигъ этой высокой формы пѣнія. У нѣмцевъ уже въ средніе вѣка было очень много народныхъ мелодій. Мы имѣемъ любопытныя извѣстія о преобразованіи нѣмецкаго народнаго пѣнія въ половинѣ XIV вѣка. Ихъ сообщаетъ намъ «Лимбургская хроника», составитель которой извѣстенъ подъ именемъ Писца Іоанна.

Лимбургская хроника рассказываетъ о прежнихъ шутливыхъ, любовныхъ и религіозныхъ пѣсняхъ, которыя слагались рыцарями, и о пѣсняхъ, которыя пѣли бичующіеся, появившіеся въ Лимбургѣ около 1349 года. Пѣсни этихъ фанатиковъ, фантазія которыхъ получила болѣзненное возбужденіе отъ ужаса, внушаемаго страшнымъ моромъ, Черной смертью, какъ назывался онъ, происходили изъ сѣверной Италіи, откуда распространилась въ Германію Черная смерть. Мелодіи ихъ были старыя, взятыя большей частью изъ обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ. И мелодіи и слова пѣсенъ бичующихся понравились нѣмцамъ и остались въ употребленіи у народа. Предсказанная бичующимися кончина міра не настала; ихъ пѣсни были передѣланы народомъ въ насмѣшливыя и просто веселыя; подъ ихъ мелодіи стали плясать. Эта замѣна прежнихъ народныхъ мелодій новыми записана въ лимбургской хроникѣ около 1360 года. „Въ эти годы перемѣнились напѣвы и пѣсни въ нѣмецкихъ земляхъ“, говоритъ Писецъ Іоаннъ: „Прежде пѣли длинныя пѣсни съ пятью или шестью частями напѣва, а тогда искусники сложили новыя пѣсни въ три отдѣла. Такая же перемѣна произошла и въ музыкѣ“. Десятью годами позднѣе лимбургская хроника рассказываетъ объ одномъ изъ составителей новыхъ пѣсенъ. „Въ это время былъ на рѣкѣ Майнѣ монахъ босоногого ордена (одной изъ конгрегацій францисканскаго ордена); онъ заразился отъ другихъ людей проказой и былъ нечистъ. Онъ слагалъ самыя лучшія на свѣтѣ пѣсни и мелодіи, такъ что никто не могъ равняться съ нимъ ни по рѣкѣ Рейну, ни въ здѣшнихъ земляхъ. И что онъ пѣлъ, то съ удовольствіемъ пѣли всѣ, и музыканты исполняли эту музыку. Онъ пѣлъ эту пѣсню: „Я отчисленъ отъ людей, прогоняютъ меня бѣднаго отъ двери“ и прочее. Тоже онъ пѣлъ: „Май, май, май, пріятнѣйшее время“. Тоже онъ пѣлъ: „Сыграна надо мной невѣрность“ и прочее. Такихъ пѣсенъ и мелодій сложилъ онъ очень много, и всѣ онѣ были пріятны для слуха“.

Это время считается первой эпохой того народнаго пѣнія, которое сохранилось до сихъ поръ, стало основаніемъ всего послѣдующаго развитія свѣтскихъ и церковныхъ мелодій въ Германіи и пережило всѣ перемѣны вкуса.

Въ средневѣковыхъ драмахъ пѣлись цѣлыя сцены; нѣкоторыя драмы сначала до конца состояли изъ пѣпія. Но въ нихъ нѣтъ оригинальныхъ мелодій; всѣ напѣвы заимствованы изъ мірскихъ или церковныхъ пѣсенъ.

Религіозныя мелодіи западныхъ народовъ взяты изъ мірскихъ пѣсенъ. Самыя старыя изъ вошедшихъ во всеобщее употребленіе были сложены во времена крестовыхъ походовъ; къ нимъ присоединились сложенные во время Черной смерти и въ другія эпохи бѣдствій. Многія изъ народныхъ религіозныхъ пѣсенъ имѣли направленіе враждеб-

ное католичеству. Таковы были пѣсни вальдѣйцевъ; потомъ множество пѣсенъ было сложено гуситами. Пѣсни гуситовъ уцѣлѣли въ богослуженіи чешскихъ братьевъ. Во время реформаціи были напечатаны сборники ихъ.

Первый сборникъ пѣсенъ чешскихъ братьевъ напечатанъ въ 1531 году. Текстъ ихъ нѣмецкій. Въ сборникѣ находится 157 пѣсенъ; при 111 напечатаны ноты мелодій, у остальныхъ сдѣланы ссылки на мелодіи другихъ пѣсенъ. Болѣе 40 изъ этихъ мелодій принадлежатъ прежнимъ латинскимъ церковнымъ гимнамъ. Относительно третьей доли мелодій достоверно, что онѣ національныя чешскія. Въ предисловіи къ этому нѣмецкому изданію говорится: „Йоганнъ Гусъ, преобразуя вѣру, началъ слагать и церковное пѣніе на чешскомъ языкѣ; его преемники такъ увеличили это и сложили такіа прекрасныя духовныя пѣсни, что подобныхъ никогда не бывало, какъ свидѣтельствуется всѣ. Но они удержали старыя церковныя мелодіи, какъ очень хорошія“. Изданія на чешскомъ языкѣ вышли въ 1541 и 1576 годахъ. Второе изданіе самое полное; оно содержитъ 743 пѣсни и 447 мелодій. Но Рудигеръ говоритъ, что въ этотъ „Канціональ“ не вошло и третьей доли тѣхъ чешскихъ церковныхъ пѣсенъ, которыя видѣлъ онъ въ рукописномъ сборникѣ. Такая многочисленность церковныхъ пѣсенъ чеховъ соотвѣтствовала дивному богатству ихъ свѣтскими пѣснями. Народъ въ Богеміи и Моравіи сохраняетъ и теперь множество пѣсенъ.

Гуситскія
пѣсни.

Лютеръ считался преемникомъ Гуса и, подобно ему, оказалъ очень большія услуги церковному пѣнію. Лютеранскій хораль пріобрѣлъ владычество во всѣхъ областяхъ музыки и пѣнія. Изъ него развилось множество превосходнѣйшихъ произведеній этихъ искусствъ. Великое значеніе Лютера для церковнаго пѣнія повело къ тому утврѣжденному мнѣнію, по которому Лютеръ долго считался авторомъ словъ и мелодій всѣхъ лучшихъ религіозныхъ пѣсенъ, вошедшихъ при немъ въ употребленіе у протестантовъ. Но теперь доказано, что самому Лютеру принадлежатъ лишь немногія церковныя пѣсни и мелодіи; впрочемъ онѣ хороши и словами и музыкой; всѣ другія пѣсни, приписывавшіяся ему, взяты изъ католическихъ гимновъ или сложены современными даровитыми помощниками. Въ сборники лютеранскихъ богослужебныхъ пѣсенъ вошли многія католическія, многія гуситскія; много мелодій взято изъ народныхъ пѣсенъ. Старыя напѣвы сохранены или вовсе безъ передѣлки или съ незначительными перемѣнами. Напѣвы такъ называемаго грегорианскаго пѣнія приспособлены къ размѣру стиховъ. Народныя мелодіи упрощены.

Въ самихъ сборникахъ лютеранскихъ церковныхъ пѣсенъ есть указанія на то, что мелодіи ихъ взяты изъ народныхъ пѣсенъ. Напримѣръ, въ Нюрнбергскомъ сборникѣ 1527 года есть пѣсня, призывающая христіанъ проснуться и слышать сладкіе звуки истиннаго слова Божія; она пѣлась на мелодію старой народной пѣсни «Проснись, красавица моего сердца». *Wach auf, meins Herzens Schöne*. Другая пѣсня спрашиваетъ, гдѣ былъ образъ Христовъ, когда папа Сильвестръ получилъ отъ Константина власть надъ Римомъ; она пѣлась на мелодію народной пѣсни «Розина, гдѣ былъ твой образъ при жизни короля Париса», *Rosina, wo war dein' Gestalt bei König Paris Leben*.

Сравнительно съ католическимъ богослуженіемъ протестантское было скудно обрядами. Власть надъ сердцами давали ему только пѣніе и музыка. Лютеръ понималъ пользу этихъ искусствъ для новаго богослуженія. Онъ самъ говоритъ: «Я вовсе не желаю, чтобъ евангельское ученіе отвергло всѣ искусства, какъ хотятъ нѣкоторые суевѣрные люди; я желалъ бы, чтобы всѣ искусства и въ особенности музыка служили создавшему ихъ».

Лютеранскія
церковныя
пѣсни.

Первый сборникъ церковныхъ пѣсенъ, составленный Лютеромъ, напечатанъ въ 1524 году. Онъ имѣетъ заглавіе: „Нѣсколько христіанскихъ пѣсенъ, славословій и псалмовъ сообразно чистому слову Божию, составленныхъ по Священному писанію разными учеными для пѣнія въ церквахъ, какъ это отчасти уже и дѣлается въ Виттенбергѣ“. (Etlich Christlich Lieder, Lobgesang und Psalm etc). Въ этой книжкѣ находится восемь пѣсенъ съ четырьмя мелодіями (двѣ пѣсни принадлежатъ Сперату). Характеръ богослуженія, которое вводилъ Лютеръ, ясно обозначается первой пѣснью: „Возвеселитесь вмѣстѣ, милые христіане, и радостно воспоемъ“, Nun freut euch, lieben Christen, gmein und lasst uns fröhlich singen. Духъ радости не покидалъ Лютера во всю его остальную жизнь. Онъ имѣлъ очень хорошій вкусъ въ музыкѣ и любилъ полифоническое пѣніе, желалъ, чтобы дѣти обучались ему. Въ дѣлѣ составленія церковнаго пѣнія и полифоническихъ пѣсенъ для школъ, онъ нашелъ себѣ хорошаго помощника Йоганна Вальтера, капельмейстера при дворѣ курфюрста саксонскаго. Вмѣстѣ съ Вальтеромъ онъ въ томъ же 1524 году напечаталъ „Книжку церковныхъ пѣсенъ“, положенныхъ на четыре голоса; въ ней было 38 нѣмецкихъ и 5 латинскихъ пѣсенъ; каждая имѣла свою полифоническую мелодію для четырехъ голосовъ. „Онѣ положены на четыре голоса для того, чтобы молодые люди имѣли пѣсни, которыя пѣли бы съ удовольствіемъ, и чтобы они отстали отъ безнравственныхъ пѣсенъ“, говоритъ Лютеръ въ предисловіи. Вальтеръ по смерти Лютера разсказалъ о своемъ музыкальномъ сотрудничествѣ съ нимъ. „Истинно свидѣтельствую, что святой человѣкъ Божій Лютеръ, бывшій пророкомъ и апостоломъ нѣмецкаго народа, имѣлъ большую любовь къ музыкѣ въ хоральномъ и фигуральномъ (полифоническомъ) пѣніи“, говоритъ Вальтеръ: „Я проводилъ въ пѣніи съ нимъ много пріятныхъ часовъ и часто видѣлъ его веселящимся душою отъ пѣнія такъ, что казалось, что онъ не можетъ утомиться и насытиться пѣніемъ. И онъ превосходно говорилъ о музыкѣ. Когда онъ хотѣлъ составить нѣмецкую литургію, то пригласилъ къ себѣ въ Виттенбергъ старика-композитора Рунфа и меня, бесѣдовалъ съ нами о хорахъ и восьми церковныхъ голосахъ и самъ составилъ ноты на тексты Евангелія и Посланій и освященія Св. Даровъ, пѣлъ мнѣ ихъ и желалъ услышать мое мнѣніе. Онъ продержалъ меня въ Виттенбергѣ три недѣли, прося о составленіи хораловъ на нѣкоторые тексты Евангелія и Посланій; и я занимался этимъ, такъ что была введена первая нѣмецкая литургія. Онъ поручилъ мнѣ также составить пѣніе для вечерни и краткіе чистые хоралы для учениковъ; также антифоны и респонсоріи латинскихъ пѣсенъ для пѣнія бѣднымъ ученикамъ, просящимъ подаваніе у дверей. Онъ вовсе не желалъ, чтобъ они пѣли только нѣмецкія пѣсни. Для народа полезнѣе всего нѣмецкія церковныя пѣсни, а латинскія для упражненія юношей и для ученыхъ. Господинъ Лютеръ писалъ ноты на текстъ такъ правильно по удареніямъ, что я спросилъ его, откуда онъ научился этому. Онъ улыбнулся моею простотѣ и сказалъ: Поэтъ Виргилій научилъ меня этому, который такъ искусно примѣняетъ слова къ разсказываемой исто-

ріп; точно такъ и музыка должна приспособлять свои ноты и мелодіи къ тексту“.

Для богослуженія было нужно очень много пѣсень, а запасъ ихъ былъ еще малъ. Потому Лютеръ въ предисловіи къ сборнику мелодій, составленному Вальтеромъ, говоритъ: „Прошу помощи у всякаго благочестиваго христіанина, которому Богъ дастъ подобныя пѣсни“. О своемъ сборникѣ онъ говоритъ, что при содѣйствіи нѣкоторыхъ помощниковъ составилъ его только для добраго начала, чтобы возбудить другихъ умѣющихъ дѣлать это лучше. Послѣ того стало появляться множество церковныхъ пѣсень. Лютеръ и его друзья выбирали лучшія изъ нихъ и вносили въ новыя изданія своего сборника. Но Лютеръ не мѣшалъ и другимъ священникамъ составлять сборники для тѣхъ церквей, въ которыхъ совершали они богослуженіе. Такимъ образомъ, лютеранское богослуженіе не получило опредѣленной формы. Лютеръ полагалъ, что единство нужно только въ догматикѣ, а выборъ пѣсень для богослуженія долженъ оставаться свободнымъ. Было бы лучше, если бы онъ былъ менѣе требователемъ относительно единства въ догматикѣ и не разорвалъ согласія съ другими реформаторами изъ-за разлчія въ пониманіи таинства причащенія и больше заботился о единствѣ въ богослуженіи. Лютеране никогда не могли достигнуть этого единства. Мысль Лютера о свободѣ выбора церковныхъ пѣсень каждой общиной, помѣшавшая введенію единства, оказалась мечтой: пѣсни для богослуженія назначали священники, не давая общинѣ участвовать въ ихъ выборѣ. Единство могъ бы ввести только Лютеръ; другого такого авторитетнаго лица не было у нѣмецкихъ протестантовъ. Вообще говоря, лютеранское богослуженіе сохранило тотъ характеръ, какой былъ приданъ ему Лютеромъ, имѣвшимъ силу чувства, нужную для подобнаго дѣла, какъ мы видимъ по его гимну *Ein' feste Burg ist unser Gott* („крѣпкая твердыня нашъ Богъ“). Эта пѣсня, написанная Лютеромъ въ тяжелое для него время шпейерскаго сейма (въ 1529 году)—лучшій изъ всѣхъ лютеранскихъ церковныхъ гимновъ.

Единство богослуженія, котораго не удалось установить у себя лютеранамъ, было введено у французскихъ кальвинистовъ и въ англійской государственной церкви. Оба эти отдѣла протестантизма имѣютъ въ богослуженіи то сходство, что церковными пѣснями своими сдѣлали прямо переводы псалмовъ, между тѣмъ какъ у лютеранъ церковныя пѣсни сложены на тѣмы, взятые изъ псалмовъ, а не подлинныя псалмы.

Цвингли желалъ, чтобы церковное пѣніе было совершенно простое, такъ чтобы въ немъ могли участвовать всѣ вѣрующіе, находящіеся при богослуженіи. Заботу о простотѣ, онъ доходилъ до того, что хотѣлъ удалить изъ церкви органъ. Но около 1540 года швейцарскіе реформаторы уже были менѣе суровы къ музыкальному искусству, хотя все еще смотрѣли на художественное пѣніе съ большимъ опасеніемъ. Йоганъ Цвигль въ предисловіи къ цюрихскому сборнику церковныхъ пѣсень, изданному около 1540 года, совершенно отвергаетъ полифоническое пѣніе, какъ папизмъ, потому что оно требуетъ пѣвцовъ, получившихъ специальное музыкальное образованіе, а въ церкви должно быть только пѣніе всей общины. Кальвинъ раздѣлялъ это мнѣніе и хотѣлъ совершенно уничтожить свободу выбора гимновъ и мелодій. Въ предисловіи къ французскому псалтирю Маро и Безы, получившему въ 1542 году значеніе реформатскаго служебника, онъ говоритъ: „Нельзя найдти пѣсень, лучшихъ для богослуженія, чѣмъ псалмы Давида, внушенныя Св. Духомъ пѣвцу ихъ. Когда мы поемъ ихъ, то можемъ имѣть увѣренность, что Богъ вложилъ слова въ наши уста“. О мелодіяхъ онъ говоритъ, что онѣ въ этомъ служебникѣ видоизмѣнены сообразно своему назначенію быть величественными, какъ прилично цер-

Кальвинистскія
и англиканскія
церковныя
пѣсни.

ковному пѣнію. Надобность передѣлки мелодій кальвинистскаго псалтиря объясняется происхожденіемъ ихъ. Маро, переводчикъ псалмовъ на французскій языкъ, жилъ при французскомъ дворѣ; его переводы очень понравились двору, были одобрены папой, и мелодіи къ нимъ были пріисканы французскимъ дворомъ и придворными музыкантами. Дофинъ, будущій король Генрихъ II, любилъ пѣть 41-й псаломъ. *Ainsi qu'on oyt le cerf braire* („какъ лань желаетъ къ потокамъ воды“) и выбралъ для его пѣнія мелодію одной изъ охотничьихъ пѣсень (эта мелодія понравилась нѣмцамъ, и лютеране стали пѣть по ней свой гимнъ, заимствованный изъ того же псалма; (теперь по этой мелодіи обыкновенно поется другой лютеранскій гимнъ: *Freu dich sehr, o meine Seele*, „Радуйся, душа моя“). Для перевода псалма 127 мелодію сложилъ, какъ говорятъ, самъ Генрихъ. Ему хотѣлось имѣть дѣтей, потому правилось пѣть этотъ псаломъ, въ особенности вторую строфу: *Quand à l'heur de la tigne* („Жена твоя, какъ плодовая лоза, въ домѣ твоёмъ; сыновья твои, какъ маслинныя вѣтви, вокругъ трапезы твоей“). Говорятъ это было, когда онъ жилъ въ Ангулемѣ. Тамъ хоры пѣли для него псалмы съ аккомпаньементомъ оркестра. Діана Пуатье любила псаломъ 129. *„Du fonds de ma pensée“* („Изъ глубины взываю къ Тебѣ, Господи“) и выбрала для него мелодію танцевальной пѣсни (вольты). Королева предпочитала всѣмъ другимъ псаломъ 6 („Господи! Не въ ярости Твоей обличай меня“...) и выбрала для него мелодію изъ театральной пьесы. Антонъ Наваррскій любилъ пѣть псаломъ 42 („Суди меня, Боже, и вступишь въ тяжбу мою“...) Онъ пѣлъ его на мелодію простонароднаго танца, называвшагося *Branle de Poitou*. Пѣть благочестивыя пѣсни на мірскія мелодіи было издавна въ обычаѣ, потому не шокировало никого. Благоволеніе двора къ Маро было непродолжительно. Заподозрѣнный въ склонности къ протестанству, онъ былъ принужденъ бѣжать въ Женеву. Его переводъ псалмовъ сталъ основаніемъ кальвинистскаго служебника. Теодоръ Безъ, или по латинской формѣ фамиліи Беза, переработалъ переводъ Маро, и въ 1553 году французскій псалтирь въ этой редакціи былъ введенъ въ кальвинистское богослуженіе. Переработкой мелодій завѣдовалъ, кажется, тоже Беза. Онъ называетъ составителемъ мелодій Гильіома Франка. Этотъ композиторъ не извѣстенъ никакими другими произведеніями, и должно думать, что онъ лишь приспособлялъ прежнія мелодіи къ размѣру стиховъ перевода Маро. Мелодіи кальвинистскихъ псалмовъ не имѣютъ такого высокаго музыкальнаго достоинства, какое принадлежитъ многимъ лютеранскимъ церковнымъ пѣснямъ; но онѣ просты и недлины, легко запоминаются, въ нихъ много живости, потому онѣ лучше длинныхъ лютеранскихъ мелодій соотвѣтствуютъ условіямъ хорового пѣнія. По музыкальному достоинству равна мелодія Лютерова гимна *Ein' feste Burg* только одна изъ нихъ, мелодія псалма 133 („Благословите нынѣ Господа“). На нее положенъ въ англиканскомъ богослуженіи псаломъ 99 („Воскликните Господу вся земля“; по счету западныхъ церквей, это псаломъ 100; потому въ англійскомъ богослуженіи она называется „старой мелодіею 100-го псалма“, *The old hundredth*). Она самая знаменитая изъ всѣхъ мелодій евангелическихъ церквей. Ея происхожденіе неизвѣстно, но она представляетъ сокращенную форму лютеранскаго хорала *Nun lob' mein' Seel den Herrn* („Хвали, душа моя, Господа“). Этотъ хоралъ, составленный Гансомъ Кугельманомъ, прекрасенъ, но страдаетъ растянутостью; потому краткая форма той же мелодіи въ кальвинистскомъ и англиканскомъ служебникахъ производитъ впечатлѣніе болѣе сильное.

Англиканское богослуженіе получило свою организацію позднѣе другихъ евангелическихъ, и въ музыкальномъ отношеніи оно самое лучшее изъ нихъ. Въ немъ сохранены черты стариннаго хорового пѣнія: речитативъ и

поочередное пѣніе частей хора. Въ немъ уцѣлѣли простые напѣвы католической церкви и къ нимъ присоединены превосходныя мелодіи Ферранта, Берда (Bird) и Морли, данъ полный просторъ развитію искусства въ хорахъ и аккомпаньменту органа. Музыкальная часть прежней англиканской литургіи была пересмотрѣна Джономъ Марбекомъ и почти безъ всякихъ перемѣнъ сохранилась въ англиканскомъ богослуженіи до сихъ поръ. Трудъ Марбека былъ напечатанъ въ 1550 году въ изданіи англиканскаго служебника съ нотами, *The book of Common Prayer noted.*

Гимны и мелодіи, принятыя въ богослуженіи протестанскими церквями, имѣютъ очень важное историческое значеніе. Только черезъ нихъ массы протестанскихъ народовъ познакомились съ высшими формами искусства; онѣ радовали милліоны людей, внушали имъ возвышенныя мысли, укрѣпляли сердца ихъ.

3. Война Зикингена съ государями.

Францъ Зикингенъ имѣлъ очень сильное участіе въ государственныхъ дѣлахъ Германіи. Онъ происходилъ изъ дворянской фамиліи, жившей въ Пфальцѣ и сохранявшей независимость отъ областныхъ государей, подвластной только императору и сейму. Фамиліи, пользовавшіяся этой независимостью отъ областныхъ государей, составляли сильное сословіе, такъ называемое имперское рыцарство. Францъ Зикингенъ умѣлъ формировать войска изъ подданныхъ имперскаго рыцарства и изъ бродягъ. Какъ полководецъ такого войска, онъ временами сражался по найму за того или другого государя; временами велъ войну самъ, какъ независимый владѣтель, и этой дѣятельностью поднялся до очень высокаго положенія. Императоры Максимилианъ и Карлъ оказывали любезности ему; пфальцграфъ рейнскій, вассаломъ котораго былъ онъ по нѣкоторымъ изъ своихъ владѣній, часто нуждался въ его военной помощи; король французскій давалъ ему нѣсколько времени большую пенсію, желая имѣть его своимъ полководцемъ. Но нападеніями на имперскіе города, въ особенности на Вормсъ и Мецъ, на герцога лотарингскаго и ландграфа гессенскаго, онъ возбудилъ много вражды противъ себя, былъ объявленъ мятежникомъ и оставался нѣсколько лѣтъ подъ этимъ приговоромъ; потомъ заслужилъ себѣ освобожденіе отъ него. Онъ имѣлъ обширныя владѣнія, много замковъ, большое войско ландскнехтовъ; онъ не боялся никого изъ сосѣднихъ государей и, когда начиналъ войну, не слушалъ приказаній императора и сейма прекратить ее.

Имперскіе рыцари, отважнѣйшимъ представителемъ которыхъ былъ онъ, не могли привыкнуть къ новому порядку вещей, къ законамъ,

Францъ Зикингенъ,
1481—1523.
Имперскіе
рыцари.

воспрещавшимъ междоусобія. Они постоянно брались за оружіе, чтобы силой защищать свои справедливыя или несправедливыя притязанія, подстерегали своихъ противниковъ на дорогахъ, грабили обозы съ товарами купцовъ тѣхъ городовъ, съ которыми находились въ ссорѣ. Они пренебрегали рѣшеніями имперскаго камеральнаго суда, даже нападали на членовъ его, во время ихъ поѣздовъ, захватывали ихъ въ плѣнъ. Во время нюрнбергскаго сейма по всѣмъ окрестностямъ Нюрнберга разъѣзжали имперскіе рыцари съ своими отрядами, останавливали обозы, брали выкупъ за пропускъ ихъ.

Чрезвычайно вредное вліяніе на судьбу реформаціи имѣлъ несчастный фактъ, что въ то самое время, когда имперское правительство стало дѣйствовать въ національных интересахъ, приняло свободу совѣсти и независимость нѣмецкаго народа подъ свою защиту, возсталъ противъ возникавшаго государственнаго единства Германіи Францъ Зикингенъ, человекъ усердно преданный реформаціи, сдѣлавшій свою резиденцію Эберибургъ пріютомъ патріотовъ. Вѣроятно, много патріотическихъ разговоровъ велъ съ нимъ Ульрихъ Гуттенъ, жившій у него; вѣроятно, они вспоминали о гуситскихъ войнахъ, которыми чехи упрочили свободу своего національнаго развитія; вѣроятно, Гуттену казалось, что Зикингенъ можетъ стать для нѣмцевъ тѣмъ, чѣмъ былъ Жижка для чеховъ. Имперское рыцарство готово было помогать Зикингену въ борьбѣ противъ областныхъ государей. Программа Гуттена и Зикингена состояла въ томъ, чтобъ устранить подвластность дворянства областнымъ государямъ, или какъ это называлось на языкѣ имперскихъ рыцарей и Гуттена, возстановить свободу нѣмецкаго народа, уничтожить власть римской церкви въ Германіи, ввести повсюду реформацію, отнять свѣтскую власть у епископовъ. Весною 1522 верхнерейнскіе рыцари собрались въ Ландау, заключили между собою союзъ, выбрали Зикингена главнокомандующимъ его. Франконскіе и швабскіе рыцари были готовы помогать верхнерейнскимъ. Зикингенъ рѣшился начать войну для возстановленія свободы нѣмецкаго дворянства.

Походъ
Зикингена
на Триръ.

Зикингенъ со времени аугбургскаго сейма имѣлъ много ссоръ съ архіепископомъ трирскимъ Рихардомъ Грейфенклау. Теперь къ прежнимъ присоединилась новая ссора. Одинъ изъ рыцарей, дружныхъ съ Зикингеномъ, захватилъ въ плѣнъ двухъ чиновниковъ архіепископа трирскаго. Зикингенъ выкупилъ ихъ у своего пріятеля и потребовалъ отъ архіепископа уплаты той суммы, которую отдалъ за ихъ выкупъ. Архіепископъ отказался уплатить ее. Зикингенъ 27 августа объявилъ ему войну и обнародовалъ воззваніе къ гражданамъ Трира, обѣщая освободить ихъ отъ «тяжелаго противухристіанскаго закона поповъ и привести ихъ къ евангельской свободѣ». Реформація имѣла много приверженцевъ въ Трирѣ и другихъ городахъ архіепископства трирскаго. Зикингенъ рассчитывалъ на ихъ содѣйствіе и пошелъ съ 5.000

человѣкъ пѣхоты, 1.500 всадниковъ и сильной артиллеріей къ городу Триру. Онъ подступилъ къ его стѣнамъ 7 сентября. Онъ надѣялся овладѣть всѣмъ архіепископствомъ; въ его войскѣ говорили, что скоро онъ станетъ курфюрстомъ и даже важпѣе, чѣмъ курфюрстомъ. Онъ полагалъ, что архіепископы майнцскій и кельнскій не станутъ мѣшать ему. Безхарактерный архіепископъ майнцскій Альбрехтъ былъ въ дружбѣ съ нимъ. Архіепископъ кельнскій Германъ Видъ былъ человѣкъ миролюбивый, занимался только церковными дѣлами. Курфюрстъ пфальцскій былъ покровитель Зикингена, потому можно было надѣяться, что онъ будетъ держать себя нейтрально; быть можетъ Зикингенъ надѣялся даже получить поддержку отъ него. Въ сочувствіи Лютера и другихъ виттенбергскихъ дѣятелей реформаціи Зикингенъ не сомнѣвался. На повелѣнія имперскаго правительства прекратить войну онъ не обращалъ вниманія.

Если бы дѣло пошло такъ быстро, какъ надѣялись Гуттенъ и Зикингенъ, оно могло бы стать началомъ важнаго переворота въ исторіи нѣмецкаго народа. Но войска рыцарей, помощи которых ожидалъ Зикингенъ, были задержаны, а архіепископъ трирскій принялъ энергическія мѣры обороны. Онъ самъ зажегъ максимиискій монастырь, чтобъ Зикингенъ не воспользовался находившимися тамъ запасами продовольствія; онъ собралъ своихъ вассаловъ, поставилъ въ Трирѣ отрядъ наемниковъ; граждане помогали имъ. Зикингенъ, подступивъ къ Триру, встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе. Наемники, которыхъ вербовалъ онъ въ сѣверной Германіи, были задержаны областными государями, которые при всѣхъ ссорахъ между собою были единодушны въ мысли подавить возстаніе рыцарей. Пфальцграфъ рейнскій и личный врагъ Зикингена Филиппъ, ландграфъ гессенскій, пошли на помощь курфюрсту трирскому. Зикингенъ въ половинѣ октября отступилъ и заперся съ друзьями и наемниками въ своемъ замкѣ Ландштулѣ. Пфальцграфъ, архіепископъ трирскій и ландграфъ утомили рыцарей, готовившихся помогать Зикингену. Ландграфъ въ половинѣ октября взялъ замокъ Гартмута Кроиенберга, одного изъ главныхъ союзниковъ Зикингена. Другой союзникъ его Фроренъ Гуттенъ, родственникъ Ульриха, тоже былъ побѣжденъ. Были усмирены и другіе рыцари. Курфюрстъ майнцскій былъ принужденъ заплатить контрибуцію за то, что не помогъ курфюрсту трирскому. Швабскій союзъ послалъ войско противъ франконскихъ рыцарей. Они еще не брались за оружіе, были только подозрѣваемы въ сочувствіи Зикингену; потому имперское правительство запретило швабскому союзу враждебныя дѣйствія противъ нихъ, но союзъ оставилъ это безъ вниманія.

Зикингенъ надѣялся на помощь Лютера и его друзей. Но Лютеръ остался вѣренъ своему убѣжденію, что должно дѣйствовать только

Смерть
Зикингена.

васть, что Лютеръ, онъ и друзья ихъ порицали войну, опрометчиво начатую Зикингеномъ. Такимъ образомъ, никто не взялся за оружіе на помощь Зикингену, когда въ апрѣлѣ 1523 войско курфирстовъ пфальцскаго и трирскаго и ландграфа гессенскаго пошло къ Ландштулю. Укрѣпленія замка были старыя, оставались не поправлены и не могли выдержать бомбардировки. Съ первыхъ выстрѣловъ они были сильно повреждены, и однимъ изъ этихъ выстрѣловъ была нанесена Зикингену тяжелая рана въ бокъ. Онъ сдалъ замокъ и 8 мая умеръ отъ своей раны. «Какъ въ жизни онъ имѣлъ мужественную и честную душу», говоритъ Флерсгеймская Хроника, «такъ сохранилъ ее и въ часть смерти своей».

Погибелью Зикингена было рѣшено пораженіе пѣмецкаго имперскаго рыцарства. Владѣнія Зикингена были завоеваны государями, побѣдившими его; тѣ, которыя находились на правомъ берегу Рейна, взяли себѣ ландграфъ гессенскій; находившіяся на лѣвомъ берегу раздѣлили между собой курфирсты трирскій и пфальцскій. Ульрихъ Гуттенъ бѣжалъ въ Швейцарію и вскорѣ умеръ тамъ. Полководецъ швабскаго союза Георгъ Труксесъ, графъ Вальдбургъ, покорилъ замки франконскихъ рыцарей, болѣе двадцати этихъ укрѣпленій было разрушено.

Нѣкоторые историки полагали, что война, начатая Зикингеномъ, имѣла внутреннюю связь съ крестьянской войной, начавшейся черезъ два года послѣ того; но это мнѣніе ошибочно. Интересы рыцарей и поселянъ были противоположны; рыцари угнетали поселянъ въ своихъ владѣніяхъ и грабили поселянъ, принадлежавшихъ противникамъ ихъ; потому возстаніе поселянъ было направлено главнымъ образомъ противъ рыцарей. Очень можетъ быть, что если бы Зикингенъ велъ войну успѣшно, то она получила бы оборотъ благопріятный для поселянъ, и они присоединились бы къ нему, потому что у нихъ и у рыцарей были общіе враги. Но Зикингенъ былъ побѣжденъ прежде, чѣмъ привычное чувство непріязни поселянъ къ рыцарямъ успѣло замѣниться сознаніемъ общности интересовъ болѣе важныхъ, чѣмъ причины ихъ вражды, и оба эти сословія были подавлены порознь; сначала рыцари, офицеры безъ солдатъ, потомъ поселяне, солдаты безъ офицеровъ.

Попытка Зикингена свергнуть съ рыцарей зависимость отъ областныхъ государей не встрѣтила себѣ сочувствія въ народѣ, какъ видимъ по памфлетамъ, говорящимъ о его гибели. Приведемъ содержаніе одного изъ нихъ, напечатаннаго въ 1524 году и называющагося «Разговоръ лисицы и волка, бесѣдующихъ о томъ, гдѣ и какъ волкамъ и лисицамъ провести зиму и кормиться». Волкъ и лисица, представители рыцарства, жалуются на дурныя времена, наставшія для всего рыцарства послѣ неудачи начатаго Зикингеномъ дѣла. Волкъ говоритъ, что слышалъ, будто рыцари заслужили себѣ наказаніе отъ Бога и будто это доказывается словами старой книги, которую называютъ Священнымъ писаніемъ; но что онъ не обращаетъ на это вниманія, держась правила «Хватай! хватай!» Онъ слѣдуетъ этому правилу потому, что волки и лисицы научились отъ своихъ отцовъ считать добычей все, что увидятъ на полѣ; пока они охотились вмѣстѣ съ орлами, соколами, коршунами, имъ было хорошо; но когда они поссорились съ этими птицами, пошло плохо для нихъ. Лисица предлагаетъ, чтобы они разошлись по всѣмъ дорогамъ, напали изъ-за кустовъ и обольщали поселянъ.

4. Регенсбургскій съѣздъ.

Неудача попытки Зигингена отнять владѣнія у одного изъ духов- Начало реак-
ныхъ государей имѣла дурное вліяніе на политическое и церковное ціи.
развитіе Германіи, вызвавъ реакцію, стремившуюся подавить возро-
жденіе нѣмецкаго народа. Лютеръ и его друзья порицали Зигингена,
но противники реформаціи всетаки называли ее возбудительницей во-
оруженнаго нападенія на существующій порядокъ. Первымъ результа-
томъ реакціи было ослабленіе имперскаго правительства. Горожане
уже и прежде были враждебны ему, тяготясь налогами, установлен-
ными для покрытія его расходовъ. Теперь оно подверглось упреку
въ томъ, что не могло охранить спокойствіе, выказало сочувствіе
франконскому рыцарству. Курфирсты трирскій и пфальцскій, ландграфъ
гессенскій, швабскій союзъ, усмирившіе рыцарей, винили имперское
правительство и камеральный судъ въ слабости, въ пристрастіи къ
нарушителямъ спокойствія; епископъ вюрцбургскій и другіе духовные
государи, враждебные реформаціи, протестовали противъ благопріят-
наго ей рѣшенія нюрнбергскаго сейма и стали строго преслѣдовать
ее въ своихъ владѣніяхъ. Эколампадій, Буцеръ и другіе дѣятели ре-
формаціи, находившіеся въ дружбѣ съ Зигингеномъ, спаслись отъ
погибели только послѣшнымъ бѣгствомъ. Евангелическіе проповѣд-
ники были выгнаны изъ Австріи, Тироля, Баваріи, курфиршества
майнцаго. Города отправили къ императору въ Испанію депутацію
съ просьбою отмѣнить обременительныя для нихъ распоряженія им-
перскаго правительства, отставить прежнихъ членовъ его, назначить
новыхъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ былъ враждебенъ рѣшенію нюрн-
бергскаго сейма. При содѣйствіи императора и Фердинанда личный
составъ имперскаго правительства и камеральнаго суда былъ въ
февралѣ 1524 измѣненъ сообразно желанію противниковъ реформаціи.
Фридрихъ Саксонскій съ негодованіемъ уѣхалъ изъ Нюрнберга и съ
того времени уже не ѣздилъ на сеймы.

Принятію враждебныхъ реформаціи мѣръ нѣмецкимъ сеймомъ много Климентъ VII.
помогло дипломатическое искусство легата Лоренцо Кампедджи, при-
сланнаго въ Германію новымъ папой. Адріанъ VI, продолжавшій и
въ папскомъ санѣ вести суровую жизнь монаха, умеръ послѣ непро-
должительнаго правленія 14 сентября 1523. Преемникомъ его былъ
выбранъ кардиналъ Джуліо Медичи, бывший вліятельнымъ совѣтни-
комъ своего родственника Льва X и принявшій имя Климента VII.
Новый папа слѣдовалъ преданіямъ своей династіи, окружилъ себя
роскошью, покровительствомъ искусству, поэзіи, наукѣ, старался
увеличить могущество своей фамиліи и вліяніе папской куріи на
европейскія, въ особенности на итальянскія политическія дѣла, и
расширить папское государство.

Кампедджи не встрѣчалъ въ нѣмецкихъ городахъ того пріема, какъ прежніе легаты. Народъ не сходилъ принять его благословеніе; въ городахъ, въ которыхъ останавливался онъ, продолжалось причащеніе мірянъ Св. Дарами подъ обоими видами; горожане не исполняли католическихъ обрядовъ. Даже сестра императора Изабелла, королева датская, перешла на сторону реформаціи. Кампедджи понималъ, что ему надобно дѣйствовать осторожно, и своею ловкостью далъ дѣламъ оборотъ благопріятный для римской куріи. Фердинандъ, подобно своему брату, былъ враждебенъ реформаціи, потому охотно слушалъ совѣты Кампедджи. Имперское правительство въ новомъ своемъ составѣ было расположено поддерживать католичество. Но сеймъ, снова собравшійся въ Нюрнбергѣ, оказался неуступчивъ. Когда Кампедджи заговорилъ на сеймѣ о вормсскомъ эдиктѣ, ему отвѣчали, что нельзя и думать объ исполненіи этого акта, что иначе поднялись бы мятежи по всей Германіи, что лучше будетъ заняться отмѣной тѣхъ церковныхъ злоупотребленій, на которыя сеймъ жаловался папѣ. Споры кончились рѣшеніемъ, что вормскій эдиктъ будетъ исполняемъ «по мѣрѣ возможности»; это значило, что сеймъ оставляетъ на волю каждаго государя, каждаго имперскаго города исполнять или не исполнять его. Къ такому неблагопріятному для папы рѣшенію сеймъ прибавилъ, что желаетъ созванія вселенскаго собора въ какомъ нибудь нѣмецкомъ городѣ, а до его созванія Евангеліе должно быть проповѣдуемо съ тою свободой, какая была предоставлена проповѣди его въ прошломъ году; это прямо значило, что сеймъ остается покровителемъ реформаціи. Было рѣшено, что въ ноябрѣ сеймъ соберется въ Шпейерѣ для окончательнаго разбора религіозныхъ вопросовъ и устраненія церковныхъ злоупотребленій. Такимъ образомъ казалось, что нѣмецкая церковь получитъ сообразное съ національными интересами устройство по рѣшенію нѣмецкаго сейма.

Это значило бы, что у папы будетъ отнята власть надъ нѣмецкой церковью и будутъ прекращены поборы римской куріи въ Германіи. Новый папа, искусный дипломатъ, вступилъ въ переговоры съ нѣмецкими областными государями. Совѣтникомъ Климента по нѣмецкимъ дѣламъ былъ Йоганнъ Эккъ, снова пріѣхавшій въ Римъ. По его убѣжденію папа сдѣлалъ уступки герцогамъ баварскимъ, чтобы склонить ихъ на свою сторону: расширилъ ихъ власть надъ баварскими епископами, отдалъ имъ часть церковныхъ доходовъ; за это они обѣщались быть союзниками римской куріи. Тѣмъ же способомъ было пріобрѣтено содѣйствіе князя архіепископа зальцбургскаго и Фердинанда Австрійскаго. Когда эти переговоры были кончены, Кампедджи пригласилъ южно-нѣмецкихъ государей собраться въ концѣ іюня (1524 года) въ Регенсбургъ. Они совѣщались тамъ 16 дней подъ предсѣдательствомъ легата и заключили съ нимъ формальное соглашеніе, по которому государямъ предоставлялась власть надъ духовен-

ствомъ въ ихъ владѣніяхъ, а они обѣщались преслѣдовать лютеранство, жечь лютеранскія сочиненія. Баварскіе епископы обязались отдавать пятую долю, австрійскіе четвертую долю доходовъ своимъ государямъ. Нѣкоторые поборы папской куріи были отмѣнены, продажа индульгенцій прекращена.

Регенсбургское соглашеніе южно-нѣмецкихъ государей съ римской куріей парализовало дѣйствія шпейерскаго сейма. Папа пріобрѣлъ также содѣйствіе императора, которому нужна была его дружба при войнѣ въ Италіи съ королемъ французскимъ. Карлъ 27 іюля (1524 года) отправилъ въ Германію повелѣніе, порицавшее прежнія дѣйствія сейма, воспрещавшее съѣздъ сейма въ ноябрѣ и требовавшее исполненія вормесскаго эдикта. Императоръ сравнивалъ Лютера съ Мухаммедомъ. Досадуя на курфюрста саксонскаго за покровительство реформациі, Карлъ нарушилъ обѣщаніе выдать свою сестру Екатерину за его наслѣдника, выдалъ ее за Іоанна III, короля португальскаго. Это очень оскорбило курфюрста и его родныхъ. Въ Германіи роптали на императора, говорили, что онъ не исполняетъ условій, на которыхъ выбранъ въ свой санъ. Римская курія полагала, что соглашеніе съ южно-нѣмецкими государями на регенсбургскомъ сеймѣ обезпечиваетъ ей побѣду въ Германіи. Папа, увѣренный въ скоромъ торжествѣ надъ реформацией, назначилъ на слѣдующій годъ юбилей.

Государи, заключившіе регенсбургскій договоръ съ папой, стали жестоко преслѣдовать лютеранство. Австрійскіе, зальцбургскіе, баварскіе трибуналы подвергали приверженцевъ реформациі тяжелымъ наказаніямъ, прогоняли или запирали въ темницы лютеранскихъ проповѣдниковъ. Были даже случаи смертной казни. Архіепископъ зальцбургскій казнилъ нѣсколькихъ поселянъ за содѣйствіе бѣгству лютеранскаго священника. Въ Вѣнѣ былъ казненъ за упорство въ лютеранствѣ горожанинъ Каспаръ Тауберъ. Одного лютеранскаго проповѣдника поставили къ позорному столбу и пригвоздили языкъ его къ столбу. И въ другихъ мѣстностяхъ проявилась реакція. Въ Мельдорфѣ, городѣ земли дитмаршей, толпа, возбужденная доминиканцами и францисканцами, вытащила на площадь и убила лютеранскаго проповѣдника Генриха Цютфенскаго. Приверженцы реформациі видѣли необходимость принять мѣры обороны. Депутаты рейнскихъ и южно-нѣмецкихъ городовъ собрались въ Ульмѣ, рѣшили, что должна быть сохранена евангельская проповѣдь, и заключили союзъ для взаимной защиты. Къ нему присоединились довольно многіе рейнскіе вельможи. Нѣкоторые государи открыто стали на сторону лютеранства. Казиміръ, маркграфъ бранденбургскій, управлявшій вмѣстѣ съ своимъ братомъ Георгомъ франконскими владѣніями гоэнцоллерн-ской династіи, заключилъ съ сеймомъ этихъ земель договоръ, что въ нихъ будетъ проповѣдываться «святое слово Божіе Ветхаго и Новаго завѣтовъ по истинному смыслу въ чистотѣ». Братъ Казиміра

и Георга Альбрехтъ, гофмейстеръ Нѣмецкаго ордена, возвращаясь съ нюрнбергскаго сейма въ свое государство, заѣхалъ въ Виттенбергъ; Лютеръ посовѣтовалъ ему отмѣнить орденскій уставъ, жениться и обратить Пруссію въ свѣтское государство; ему понравился этотъ совѣтъ, и онъ скоро исполнилъ его. Эрнстъ, герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, племянникъ Фридриха Саксонскаго, учившійся въ Виттенбергѣ, принялъ лютеранское исповѣданіе, далъ свободу проповѣди Евангелія въ Целле; Фридрихъ, король датскій, герцогъ Шлезвигъ-Гольштинскій, обнародовалъ повелѣніе «не преслѣдовать никого за религію, такъ чтобы каждый самъ рѣшалъ, какъ ему держать себя для отвѣта передъ Богомъ». Но важнѣйшимъ послѣ Фридриха Саксонскаго покровителемъ новаго ученія сталъ молодой ландграфъ гессенскій Филиппъ. Онъ уже довольно давно серьезно размышлялъ о религіозныхъ вопросахъ. Меланхтонъ, котораго онъ очень уважалъ, разъяснилъ ему на личномъ свиданіи сущность новаго ученія, потомъ составилъ для него письменное изложеніе своихъ религіозныхъ мнѣній, и онъ сталъ твердымъ защитникомъ реформации. Онъ былъ человѣкъ сильнаго характера, умный, храбрый и до конца жизни остался вѣренъ протестантству.

Филиппъ ланд-
графъ гессен-
скій
1504—1567.

Филиппъ Гессенскій, прозванный впоследствии „Великодушнымъ“, родился 13-го ноября 1504. Онъ лишился отца, ландграфа Вильгельма, на шестомъ году жизни; гессенское дворянство хотѣло отнять регентство у его матери Анны, принцессы мекленбургской. Этотъ споръ дѣлалъ Аннѣ столько безпокойства, что она не могла дать хорошаго образованія сыну; но онъ съ дѣтства выказывалъ умъ и любознательность. По достиженіи 14 лѣтъ (въ 1518 году) онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ; это было одно изъ послѣднихъ распоряженій императора Максимилиана. Во время предсмертной болѣзни Максимилиана Францъ Зикингенъ съ своимъ родственникомъ Гёцомъ Берлихингеномъ и многими рейнскими и гессенскими рыцарями напалъ на Филиппа по поводу маловажныхъ взаимныхъ непріятностей и принудилъ его заплатить большую контрибуцію. На замѣчаніе одного изъ ландграфскихъ сановниковъ, что Филиппъ станетъ мстить за несправедливое нападеніе, Зикингенъ отвѣчалъ: „Ребенка всегда можно утѣшить яблокомъ“. Филиппъ не простилъ ему этой насмѣшки. Когда Зикингенъ былъ раненъ и сдался, Филиппъ сказалъ умирающему: „Зачѣмъ ты напалъ на мою землю въ годы моего отрочества?“ Зикингенъ возразилъ на это: „Я буду теперь отвѣчать государю болѣе высокому, чѣмъ ты“.— Въ 1523 году Филиппъ женился на Кристинѣ, дочери Георга, герцога саксонскаго, наслѣдовавшей отъ отца твердость характера, но не имѣвшей его непріязни къ лютеранству. Вскорѣ послѣ регенсбургскаго съѣзда былъ въ Гейдельбергѣ праздникъ по поводу состязанія въ стрѣльбѣ изъ лука. Туда собралось много государей и вельможъ; въ числѣ ихъ находился и Филиппъ Гессенскій. Они совѣщались о государственныхъ и религіозныхъ дѣлахъ, рѣшили покровительствовать проповѣди „чистаго ученія Христова“. На пути въ Гейдельбергъ Филиппъ встрѣтился съ Меланхтономъ, возвращавшимся изъ Пфальца, куда ѣздилъ навѣстить родныхъ. Ландграфъ пригласилъ Меланхтона проводить его на нѣкоторое разстояніе и предлагалъ ему вопросы о религіи; Меланхтонъ кратко отвѣчалъ на нихъ. При про-

щаньи ландграфъ попросилъ Меланхтона написать для него изложеніе новаго ученія. Меланхтонъ вскорѣ послѣ того прислалъ ему „Краткое понятіе о возобновленномъ христіанскомъ ученіи“. Филиппъ обнародовалъ повелѣніе „проповѣдывать чистое Евангеліе“ и въ мартѣ слѣдующаго года въ письмѣ къ Іоанну Фридриху Саксонскому говорилъ, что „скорѣе откажется отъ жизни и отъ владѣній, чѣмъ отступить отъ слова Божія“.

VI. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

Литература. Крестьянская война сильно интересуетъ нѣмецкихъ историковъ; въ наше время издано много сборниковъ документовъ и много изслѣдованій, относящихся къ ней. Изъ современныхъ разсказовъ о ней важнѣйшіе: *Eigentliche wahrhaftige Beschreibung des Bauernkriegs*, Гарера, и *Nachricht von dem Bauernanfuhr*, Георга Шварцера (брата Филиппа Меланхтона; и Гареръ былъ родственникъ Меланхтона). Изъ ученыхъ изслѣдованій назовемъ: *Sartorius, Geschichte des Bauernkriegs* (Göttingen, 1795); *Wachsmuth, Der deutsche Bauernkrieg* (Leipzig, 1835); *Zimmermann, Allgemeine Geschichte des grossen Bauernkriegs* (переработанное изданіе, 2 тома, Stuttgart, 1856); *Stern, Ueber die Zwölf Artikel der Bauern* (Leipzig, 1868); *Jörg, Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522—1526* (Freiburg im Breisgau, 1851); *Hartfelder, Zur Geschichte des Bauernkriegs* (Stuttgart, 1884); *W. Vogt, Die bayrische Politik im Bauernkrieg* (Nördlingen, 1883).

1. Карльштадъ и Мюнцеръ.

Соглашеніе съ римскою куріей, принятое южно-нѣмецкими государями на регенсбургскомъ съѣздѣ, остановило естественный ходъ нѣмецкой реформациі, охватывавшей всю Германію. Имперское правительство, ослабленное отпаденіемъ южно-нѣмецкихъ государей отъ участія въ общемъ національномъ дѣлѣ и парализованное повелѣніемъ императора, порицавшимъ прежнія рѣшенія сейма, не могло поддержать порядка въ Германіи. Регенсбургскій съѣздъ ослабилъ и вліяніе Лютера на религіозное движеніе. Прежде Лютеръ по любви къ общественному спокойствію и по желанію щадить, какъ онъ выражался, слабыхъ духомъ, порицалъ нововведенія Карльштада и оставилъ богослуженіе болѣе близкимъ къ католическому, чѣмъ считалъ справедливымъ самъ. Но его умѣренность не помѣшала папистамъ называть еретиками его друзей и его самого. Это раздражало горячихъ приверженцевъ реформациі, склоняло ихъ къ радикализму. Карльштадъ снова получилъ возможность дѣйствовать. Когда онъ былъ архидіакономъ въ Виттенбергѣ, онъ имѣлъ также должность священника въ тюрингскомъ городѣ Орламюнде; ее исполнялъ за него викарій. Теперь орламюндская община пригласила его занять ее. Онъ сталъ дѣйствовать съ такой же горячностью, какъ прежде въ Виттенбергѣ: велѣлъ вынести иконы изъ церкви, отмѣнилъ исповѣдь и

Упадокъ
власти.

Дѣятельность
Карльштада въ
Орламюндѣ.

тѣ обряды литургіи, которые были основаны на догматѣ пресуществленія, совершенно устранилъ изъ богослуженія латинскій языкъ. Онъ напечаталъ брошюру: «Должно ли поступать тихо и уклоняться отъ огорченія слабыхъ въ дѣлахъ воли Божіей»; въ ней онъ доказывалъ, что поступаетъ хорошо, не ожидая, «пока согласятся съ нимъ виттенбергскіе сосѣди, любящіе удобную жизнь». Подобно Томасу Мюнцеру, проповѣдывавшему тогда въ сосѣднемъ съ Орламюнде городѣ Альштедѣ, Карльштадъ отвергалъ крещеніе младенцевъ. Онъ отвергалъ также догматъ пресуществленія, говорилъ, что причащеніе служитъ только воспоминаніемъ о смерти Спасителя. Человѣкъ очень ученый и умный, онъ спутывался иногда въ своихъ понятіяхъ, дѣлалъ эксцентрическіе выводы изъ нихъ. Возставая противъ почитанія иконъ и ссылаясь въ этомъ на Ветхій заветъ, онъ увлекся имъ до такой степени, что разрѣшилъ одному изъ орламюндскихъ горожанъ имѣть двухъ женъ, подобно Аврааму. Лютеръ говорилъ объ немъ: «скоро введетъ онъ и обрѣзаніе».

Увлечение Ветхимъ заветомъ доходило до крайностей и у Йоганна Штрауса, бывшаго священникомъ въ Эйзенахѣ: онъ совѣтовалъ возстановить Моисеевъ законъ о юбилейномъ годѣ, въ который всякому должны быть возвращаемы проданныя имъ наслѣдственныя земли. Мантель, священникъ штутгартской церкви св. Леонгарда, тоже говорилъ: „О любезный, о бѣдный благочестивый человѣкъ, когда прійдетъ юбилейный годъ, это будетъ хорошій годъ“. Держась мысли, что духовенство не должно ничѣмъ отличаться отъ мірянъ, Карльштадъ пересталъ носить священническую одежду, надѣлъ обыкновенное сѣрое платье простолюдиновъ. Онъ говорилъ, что каждая община должна имѣть право свободно избирать себѣ священника. Многія изъ его мнѣній были вѣдствіи приняты протестантами, но въ то время общественнаго волненія казались Лютеру опасными. Карльштадъ писалъ тогда очень много брошюръ и, чтобъ устранить цензурныя затрудненія, устроилъ для себя особую типографію въ Іенѣ.

Борьба Лютера
съ Карльшта-
домъ.

Лютеръ нашелъ надобнымъ остановить нововведенія Карльштада, какъ сдѣлалъ прежде въ Виттенбергѣ. Онъ поѣхалъ въ Тюрингію и въ Іенѣ произнесъ проповѣдь противъ мечтаній и мятежнаго духа, который начинается иконоборствомъ и презрѣніемъ къ таинствамъ, а кончитъ насиліемъ и убійствомъ. Карльштадъ находился въ церкви при этой проповѣди, имѣлъ послѣ того свиданіе съ Лютеромъ, горько жаловался на то, что Лютеръ отнялъ у него возможность защиты, убѣдивъ правительство запретить его сочиненія; говорятъ, Лютеръ обѣщался предоставить Карльштаду свободу писать возраженія противъ него. Изъ Іены Лютеръ поѣхалъ въ Орламюнде и 24 августа произнесъ проповѣдь тамъ. Она не понравилась орламюндцамъ, и по окончаніи ея одинъ изъ ремесленниковъ сказалъ Лютеру, что онъ бросаетъ подъ лавку Евангеліе. Лютеръ торопливо уѣхалъ изъ Орламюнде. Карльштадъ былъ наперекоръ желанію орламюндцевъ лишенъ должности и изгнанъ изъ Тюрингіи. Онъ прислалъ орламюнд-

цамъ два письма съ подписью «Андрей Боденштейнъ невыслушанный и неопровергнутый, но прогнанный Мартиномъ Лютеромъ» (Боденштейнъ была фамилія, Карльштадъ было только обыкновенное прозвище этаго реформатора). Орламюндцы собрались при колокольномъ звонѣ; на этомъ торжественномъ собраніи были прочтены письма Карльштада; оно слушало ихъ съ умиленіемъ. Карльштадъ уѣхалъ въ Базель, оттуда въ Страсбургъ, поселился наконецъ въ Ротенбургъ (во Франконіи). Жена и дѣти его, оставшіяся дома, и самъ онъ терпѣли нищету. Во время крестьянской войны было поднято противъ Карльштада обвиненіе, что онъ возбуждалъ ее. Когда франконскіе поселяне были разбиты, жители Ротенбурга оробѣли; Карльштадъ увидѣлъ себя въ опасности; его покровитель Стефанъ фонъ Менцингенъ былъ брошенъ въ темницу, онъ бѣжалъ. Очень много повредила ему брошюра Лютера «Противъ небесныхъ пророковъ», наполненная рѣзкими порицаніями ему. Онъ увидѣлъ себя въ необходимости просить пощады у Лютера; получивъ отъ него заявленіе, что онъ не считаетъ своего ученія неопровержимымъ, Лютеръ выпросилъ у курфирста Фридриха разрѣшеніе ему возвратиться въ Саксонію.

Но это разрѣшеніе было дано Карльштаду только подъ условіемъ, что онъ не будетъ проповѣдывать, не будетъ ничего писать, „будетъ вѣчно молчать и питаться своимъ трудомъ“. Онъ жилъ сначала въ селеніи близъ Виттенберга, потомъ въ небольшомъ городѣ Кембергѣ подъ надзоромъ церковной и свѣтской полиціи, добывая себѣ пропитаніе торговлей съѣстными припасами; она была ничтожная; онъ терпѣлъ нищету, такъ что принужденъ былъ продать постель, мебель и посуду, наконецъ даже свою еврейскую Библію. Такъ провелъ онъ два года. Между тѣмъ швейцарскіе реформаторы пришли къ тому же истолкованію таинства причащенія, какого держался онъ. Ободренный этимъ, Карльштадъ выпросилъ у курфирста разрѣшеніе изложить ему свое мнѣніе о таинствѣ причащенія и представилъ ему черезъ канцлера Брюка эту записку. Она была отдана на разсмотрѣніе Лютеру; онъ отвѣчалъ на нее рѣзкой брошюрой. Полемика возобновилась; было розыскано, что Карльштадъ, въ противность запрещенію, переписывался съ своими друзьями и въ письмахъ къ Швенкфельду жаловался на тиранство Лютера. За это онъ былъ отданъ подъ болѣе строгій надзоръ; черезъ нѣсколько времени онъ бѣжалъ и нашелъ себѣ пріютъ въ восточной Фрисландіи. Тамъ были терпимы всѣ религіозныя партіи, туда бѣжало много анабаптистовъ. Значительная часть дворянства и простолюдиновъ этой области одобряла ученіе Карльштада. Но черезъ нѣсколько времени были и въ восточной Фрисландіи приняты суровыя мѣры противъ послѣдователей ученій несогласныхъ съ лютеранствомъ; въ началѣ 1530 Карльштадъ былъ принужденъ удалиться оттуда. Онъ уѣхалъ въ Страсбургъ, потомъ въ Швейцарію; Цвингли принялъ его дружески; онъ получилъ должность священника въ Цюрихѣ. Въ 1534 году онъ былъ приглашенъ на кафедру богословія въ Базель и получилъ тамъ должность священника въ церкви апостола Петра. Онъ умеръ тамъ въ 1541 году отъ эпидеміи, которую называли чумой. Онъ былъ человѣкъ увлекающійся, но очень умный и ученый. Три изъ тѣхъ его ученій, противъ которыхъ полемизировалъ Лютеръ, впослѣдствіи были приняты значительною частью протестантовъ. Это были мысли: каждая христіанская община имѣетъ

Дальнѣйшая
судьба
Карльштада.

право сама устанавливать форму своего богослужения и свободно избирать своего священника; каждый християнинъ имѣетъ право объяснять Библію по своему крайнему разумѣнію; вѣра важнѣе обрядовъ. Уже и въ то время были люди, порицавшіе Лютера за преслѣдованіе Карльштада и говорившіе, что „Лютеръ пахнетъ папой“.

Томасъ Мюн-
церъ.

Карльштадъ при всей горячности характера удерживался въ границахъ разсудительности. Томасъ Мюнцеръ, бывшій проповѣдникомъ въ Альштедѣ, неподалеку отъ Орламюнде, увлекся энтузіазмомъ до того, что сдѣлался проповѣдникомъ революціи. Мы говорили, что онъ былъ однимъ изъ цвикаускихъ пророковъ, что принужденный удалиться изъ Цвикау, потомъ изъ Праги, онъ былъ принятъ гражданами Альштеда; ему было тогда 32 года. Онъ былъ смуглый, черноволосый человѣкъ съ пламеннымъ взглядомъ, производившимъ сильное впечатлѣніе. Онъ родился въ Штольбергѣ (близъ Гарца), учился въ Виттенбергѣ и въ Лейпцигѣ, былъ потомъ преподавателемъ въ Ашерслебенѣ, въ Галле, въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Онъ въ это время составлялъ заговоръ противъ архіепископа магдебургскаго Эрнста. Онъ рано, какъ мы видимъ, сталъ увлекаться революціонными замыслами. Впослѣдствіи говорили, что его отецъ былъ повѣшенъ графами Штольбергами, и объясняли этимъ его ненависть къ дворянству. Нѣсколько времени былъ онъ капелланомъ и духовникомъ женскаго монастыря, стоявшаго подлѣ города Вейсенфельса, потомъ получилъ должность священника въ главной церкви города Цвикау и скоро сдѣлался, какъ мы говорили, вліятельнѣйшимъ изъ энтузіастовъ, которыхъ называли цвикаускими пророками. Когда городской совѣтъ выгналъ ихъ, Томасъ Мюнцеръ ушелъ, какъ мы говорили, въ Прагу. Тамъ, по поводу споровъ о выборѣ священника, онъ напечаталъ горячую прокламацію, въ которой говорилось: «Жатва созрѣваетъ, я призванъ небомъ работать при ней и готовлю мой серпъ пожинать ее». За эту прокламацію онъ былъ изгнанъ изъ Богеміи. Заѣхавъ на нѣсколько времени въ Виттенбергъ, онъ сблизился съ Карльштадомъ, и когда Карльштадъ началъ преобразовывать богослуженіе въ Орламюнде, Мюнцеръ, получившій должность священника въ сосѣднемъ городѣ Альштедѣ, усердно помогалъ ему защищать эти реформы, произвелъ ихъ и въ своей церкви. Онъ и Карльштадъ вмѣстѣ вели полемику противъ Лютера. Но скоро Мюнцеръ пошелъ въ своей экзальтаціи дальше Карльштада. Онъ основалъ общество «для осуществленія царства Божія въ свободѣ, равенствѣ и чистотѣ»; члены этого общества носили особую одежду и отпустили бороды. Онъ возобновилъ цвикауское ученіе о божественномъ вдохновеніи; Лютеръ пригласилъ его пріѣхать для объясненія въ Виттенбергъ; онъ не поѣхалъ. Спалатинъ по внушенію Лютера убѣждалъ курфюрста удалить Мюнцера. Но Фридрихъ хотѣлъ прежде выслушать его и въ началѣ 1524 года, пріѣхавъ въ альштедскій замокъ, пригласилъ Мюн-

цера сказать проповѣдь. Самъ Мюнцеръ передаетъ содержаніе этой своей проповѣди такъ,—что мы видимъ въ его ученіи явное предпочтеніе непосредственнаго вдохновенія Священному писанію. Проповѣдь была на текстъ «Не миръ пришелъ я принести, но мечъ» (Матѹ. X, 34); разъясняя эти слова Спасителя, Мюнцеръ убѣждалъ курфирста и бывшаго вмѣстѣ съ нимъ его брата Іоанна удалить безбожныхъ людей, препятствующихъ проповѣди Евангелія, говорилъ, что если они не сдѣлаютъ этого, то Богъ отниметъ у нихъ мечъ. Онъ ссылался на слова Спасителя «Всякое дерево, не приносящее плода добраго, срубаютъ и бросаютъ». «Не оставляйте» же жить зловредныхъ людей, отвращающихъ насъ отъ Бога, говорилъ онъ Фридриху и Іоанну: «Богъ повелѣлъ черезъ Моисея: не щадите идолопоклонниковъ, разрушайте ихъ алтари, жгите ихъ идолы, чтобъ Я не прогнѣвался на васъ. Христосъ не отмѣнилъ этого ученія; Онъ поможетъ намъ исполнять его. Люди, любящіе спокойствіе, отвергаютъ эту мысль. Но я воистину знаю, что духъ Божій открываетъ теперь многимъ избраннымъ благочестивымъ людямъ превосходную неодолимую будущую реформацію; и она должна быть совершена наперекоръ всѣмъ сопротивляющимся». Спалатинъ послалъ эту рѣчь Лютеру. Онъ, возвращая ее, писалъ, что она безуміе. Скоро Мюнцеръ перешелъ отъ словъ къ дѣлу: онъ повелъ альштедцевъ въ Мальдербакъ и разрушилъ тамъ капеллу, въ которой находился образъ Богоматери, считавшійся чудотворнымъ. Курфиршеское правительство вызвало его къ отвѣту въ Веймаръ. Говорятъ, что на допросѣ онъ сробѣлъ.

Вернувшись изъ Веймара, онъ 15 августа проѣхалъ по Альштеду съ своими друзьями въ латахъ и покинулъ городъ; на слѣдующій день курфиршеское правительство рѣшило изгнать его; онъ отправился въ тюрингскій городъ Мюльгаузенъ, гдѣ по вліянію священника Генриха Пфейфера было введено демократическое устройство церковныхъ и политическихъ дѣлъ. Съ появленіемъ Мюнцера, начались въ Мюльгаузенѣ ссоры между нововводителями. Воспользовавшись этимъ, городской совѣтъ, состоявшій изъ патриціевъ, низвергъ демократическое правительство и прогналъ нововводителей. Мюнцеръ уѣхалъ въ Нюрнбергъ. Тамъ онъ напечаталъ очень рѣзкій отвѣтъ на обвиненія Лютера противъ него; къ брани на Лютера были присоединены и рѣзкія выходки противъ господъ и государей, обирающихъ и притѣсняющихъ народъ. Нюрнбергскій совѣтъ прогналъ Мюнцера. Онъ отправился въ Базель; тамъ Эколампадій принялъ его подъ свое покровительство. Въ сосѣдней съ Базелемъ части Германіи подымалось возстаніе поселянъ; Мюнцеръ поѣхалъ въ Тюрингію, въ Мюльгаузенъ, рассчитывая поднять возстаніе тамъ.

2. Прежніе мятежи поселянъ.

Положеніе
поселянъ.

Упадокъ власти имперскаго правительства послѣ регенсбургскаго съѣзда облегчилъ успѣхъ агитаторовъ, убѣждавшихъ народъ возстать. Главнымъ мотивомъ возстанія было дурное положеніе поселянъ, несообразное съ новыми понятіями, доходившими теперь до нихъ. Масса нѣмецкихъ поселянъ находилась въ крѣпостномъ состояніи; тѣ немногіе, которые назывались свободными людьми, были обременены натуральными повинностями, десятиной, другими налогами и фактически были такъ же безправны, какъ крѣпостные. При безжалостности большинства господъ нельзя было поселянамъ надѣяться на улучшеніе своей судьбы законными мѣрами; потому давно возникали у нихъ мысли облегчить свое положеніе насильственнымъ способомъ. Попытки мятежей поселянъ происходили то тамъ, то здѣсь во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Теперь, когда воспрещеніемъ междоусобій отнято было у господъ средство обогащаться нападеніями на города и на обозы съ товарами, они, нуждаясь въ деньгахъ, стали пуще прежняго притѣснять своихъ крѣпостныхъ подданныхъ. Духовные владѣтели были не лучше свѣтскихъ. Въ имперскихъ городахъ патриціи притѣсняли простолюдиновъ, потому ремесленники и другіе горожане, не имѣвшіе участія въ управленіи, сочувствовали поселянамъ. Мятежи стали возникать чаще прежняго. Они были подавляемы, наказанія увеличивали раздраженіе поселянъ въ 90-тыхъ годахъ XV вѣка, когда Максимилианъ находился въ Нидерландахъ, тамъ взялись за оружіе большія толпы поселянъ; послѣ упорной борьбы они были побѣждены Альбрехтомъ, герцогомъ саксонскимъ, правителемъ сѣверной части Нидерландовъ; ихъ предводители были казнены. Около того же времени подданные аббата кемптенскаго возстали противъ своего несправедливаго господина, отнимавшаго у нихъ послѣдніе остатки правъ, а эльзасскіе поселяне съ угрозами требовали тогда облегченія повинностей. Въ XVI столѣтіи волненіе народа усилилось; это было время перехода къ новому порядку дѣлъ; преданія падали, прежнія формы быта рушились. Въ первые годы новаго столѣтія составилъ въ Брухрайнѣ (во владѣніяхъ епископа шпейерскаго) большой союзъ поселянъ, называвшійся Мужичьимъ башмакомъ, Bundschuh, по изображенію его на союзномъ знамени. Члены союза давали присягу взяться за оружіе, чтобы свергнуть съ себя бремя повинностей. Они узнавали одинъ другого по обмѣну условныхъ выраженій. На вопросъ: «Разгадайте, въ чемъ дѣло?» Надобно было отвѣчать: «Плохо намъ отъ поповъ и дворянъ». Эти фразы были составлены по формѣ простонародныхъ стиховъ, съ риѣмой: Loset, was ist nun für ein Wesen?—Wir mögen vor Pfaffen und Adel nit genesen.—Мужичьій башмакъ укрѣплялся на ногѣ завязками, потому и назывался Bund-

schuh, башмакомъ съ завязками, а слово Bund, завязка, связь, значить также союзъ; въ этомъ смыслѣ и стали понимать названіе Мужницкаго башмака члены союза, выбравшіе его изображеніе эмблемой своего общества, «Башмакъ союза». Цѣлью ихъ заговора было свергнуть съ себя всякую власть, кромѣ императорской, отмѣнить оброкъ, десятину, всякія другія церковныя и господскія подати и повинности, конфисковать монастырскія земли. Это тайное общество распространилось по обоимъ берегамъ средняго Рейна до Неккара. Руководители замысла хотѣли, поднявъ въ одномъ мѣстѣ возстаніе, быстро вести вооруженныхъ поселянъ впередъ и впередъ, не останавливаясь нигдѣ дальше сутокъ. Тайна была выдана на исповѣди; государи послѣшили предотвратить возстаніе строгими наказаніями, учредили въ Шлетштадѣ слѣдственную комиссію; она казнила нѣсколько заговорщиковъ, но главные руководители дѣла успѣли бѣжать. Замыселъ союза Мужницкаго башмака глубоко врѣзался въ память поселянъ. Очень вѣроятно, что мысли объ освобожденіи отъ господъ развились въ сосѣднихъ съ Швейцаріей нѣмецкихъ земляхъ подъ вліяніемъ сношеній съ швейцарцами: нѣмецкіе ландскнехты часто служили въ однихъ войскахъ съ швейцарскими волонтерами. — Одинъ изъ бѣжавшихъ руководителей подавленного заговора Йостъ Фрицъ хотѣлъ въ 1513 году возобновить его въ Брейсгау, юго-западномъ углу Германіи, примыкающемъ къ Швейцаріи. Этотъ умыселъ тоже былъ открытъ; захваченные участники его были наказаны отсѣченіемъ пальцевъ, поднятіемъ которыхъ давалась присяга; нѣкоторые были даже казнены. Но Йостъ Фрицъ и въ этотъ разъ успѣлъ бѣжать въ Швейцарію.

Мужницкій башмакъ имѣлъ свои развѣтвленія въ Вюртенбергѣ. Упо- Общество Бѣд-
треблять это названіе союза стало опасно; потому члены его въ Рем- наго Конрада.
сталъ (долинѣ рѣки Ремса) приняли названіе общества Бѣднаго Конрада, по имени одного изъ заговорщиковъ, Конрада. По простонародному обычаю изъ слова Конрадъ была составлена передѣлка, дававшая ему символическій смыслъ: звуки слова Konrad были похожи на то, какъ звучало въ мѣстномъ нарѣчій выраженіе Kein Rad; потому названіе «Союзъ Бѣднаго Конрада» понималось въ смыслѣ «Союзъ безпомощныхъ бѣдняковъ». Этотъ заговоръ нѣсколько лѣтъ ускользалъ отъ розысковъ начальства, преслѣдовавшаго Мужницкій башмакъ. Въ союзъ не принимались ни богатые люди, ни бродяги или нищіе; членами его исключительно были трудолюбивые поселяне. Руководитель ихъ общества ходилъ въ изорванномъ плащѣ и сѣрой войлочной шапкѣ; они воображали, что императоръ дастъ или ужь далъ ему власть своего полководца. На знамени союза былъ изображенъ поселянинъ, молящійся на колѣняхъ передъ распятіемъ и была надпись «Бѣдный Конрадъ». Заговоръ распространился по сосѣднимъ областямъ. Руководители его собирались на совѣщаніе въ Бейтельс-

бахъ и въ Шорндорфѣ. Йостъ Фрицъ пришелъ изъ Швейцаріи принять участіе въ ихъ дѣлѣ. Онъ былъ теперь уже старикъ и говорилъ: «Не хочу умереть, не увидѣвъ, что Мужичкій башмакъ дошелъ, куда надобно ему дойти». Герцогъ Ульрихъ правилъ Вюртембергомъ деспотично, обременялъ народъ налогами; въ началѣ 1514 года онъ ввелъ новые тяжелые налоги. Союзъ Бѣднаго Конрада рѣшилъ начать возстаніе. На Пасху 1514 года поселяне долины Ремса пошли съ барабаннымъ боемъ и музыкой на рѣку, устроили на водѣ символическое испытаніе вѣсовъ правосудія герцога; проба показала, что эти вѣсы фальшивые, и началось возстаніе. Оно быстро распространилось по окрестностямъ Шорндорфа. Герцогъ вступилъ въ переговоры съ инсургентами, обѣщалъ отмѣнить новые налоги, созвать сеймъ для разсмотрѣнія жалобъ поселянъ. Они еще сохраняли нѣкоторое довѣріе къ нему, приписывали все зло совѣтникамъ и окружнымъ правителямъ; но скоро замѣтили, что онъ обманываетъ ихъ, хочетъ только затянуть дѣло, пока прійдутъ къ нему наемники, которыхъ онъ вербуетъ за границей герцогства. Возстаніе возобновилось, охватило Шварцвальдъ; центромъ его тамъ сталъ Леонбергъ. Отряды вооруженныхъ поселянъ ходили даже въ баденскія владѣнія. Герцогъ и его совѣтники, канцлеръ Лампартеръ, наслѣдственный маршалъ Тумбъ, правительственный секретарь Лорхеръ обратились съ просьбой о помощи къ императору Максимилиану, какъ эрцгерцогу австрійскому. Возставшіе поселяне не понимали политическихъ дѣлъ, и когда герцогъ созвалъ сеймъ, заключилъ съ нимъ такъ называемый тюбингенскій договоръ, по которому обѣщался отмѣнить деспотическія мѣры, поселяне повѣрили, что все будетъ исполнено по ихъ желанію, и разошлись. Только въ долинѣ Ремса вожди возстанія убѣдили мѣстное населеніе оставаться готовымъ къ вооруженной борьбѣ. Въ іюлѣ 1514 герцогъ пріѣхалъ туда лично убѣждать поселянъ покориться; но увидѣвъ ненавистныхъ совѣтниковъ въ его свитѣ, поселяне раздражились; онъ спасся, только благодаря быстротѣ своего коня. Инсургенты заняли Капельбергъ, вынуждали сосѣдніе монастыри давать имъ продовольствіе. Послы герцога и сейма пріѣхали къ нимъ 27 іюля, обѣщали имъ свободный пропускъ, если они положатъ оружіе и дадутъ присягу вѣрности. Они согласились, но когда пошли домой, на нихъ бросилась конница герцога, арестовала ихъ предводителей и много другихъ поселянъ, разграбила Шорндорфъ и сосѣднія селенія. Герцогъ и сеймъ хотѣли строго наказать поселянъ; нѣсколько недѣль длились пытки и казни. Бѣжавшіе мятежники были объявлены лишенными покровительства законовъ. Множество поселянъ было подвергнуто денежнымъ наказаніямъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ поднялось возстаніе поселянъ въ Штиріи, Каринтіи, Крайнѣ; около того же времени въ Венгріи произошло возстаніе поселянъ подъ предводительствомъ Досы (IX, 139). Это были мѣстные мятежи, не имѣвшіе связи между собой;

потому они были подавлены. Государи, вельможи и городскія правительства, ссорясь между собою по другимъ дѣламъ, были единодушны въ усмиреніи сельскихъ мятежей. Угнетеніе поселянъ росло; они не находили защиты себѣ у областныхъ государей; имперское правительство было безсильно, потому озлобленіе поселянъ увеличивалось.

3. Возстанія въ Шварцвальдѣ и южной Швабіи. Двѣнадцать статей.

Воспоминанія о Мужичкомъ башмакѣ и Бѣдномъ Конрадѣ были еще свѣжи, когда началось церковное движеніе. Оно пробудило въ поселянахъ новыя надежды. Евангельская свобода, которую проповѣдовали Лютеръ и его сподвижники, была понимаема поселянами въ смыслѣ освобожденія отъ господскихъ и княжескихъ податей и повинностей, подъ гнетомъ которыхъ томились они. Противники реформаціи были неправы, говоря, что она произвела крестьянскую войну. Но дѣйствительно она много содѣйствовала возникновенію этого возстанія, дала поселянамъ новыя мысли, по которымъ вмѣсто прежнихъ разрозненныхъ мятежей произошло движеніе, охватившее большую часть Германіи. Поселяне жадно слушали тѣхъ проповѣдниковъ, которые горячо говорили о евангельской свободѣ; грамотные читали Евангеліе, переводъ котораго былъ ужь изданъ Лютеромъ, и находили, что устройство первоначальной христіанской общины было совершенно не похоже на іерархическія учрежденія римской церкви и что между первыми христіанами не было сословныхъ различій. Лютеръ видѣлъ въ Евангеліи только религіозное ученіе. Угнетенные простолюдины находили въ немъ ученіе о человѣческихъ правахъ, о равенствѣ и братствѣ всѣхъ христіанъ.

Мы говорили, что едва ли могла быть связь между нападеніемъ Зикингена на курфирста трирскаго и крестьянскими возстаніями. Быть можетъ, Ульрихъ Гуттенъ мечталъ о томъ, чтобы поселяне присоединились къ рыцарямъ. Быть можетъ, онъ и устроилъ бы это, если бы рыцари не были подавлены такъ быстро. Замѣчательнъ фактъ, что во время войны государей съ рыцарями иберлингенскій городской совѣтъ увѣдомлялъ вюртембергское правительство: поселяне въ Гегау (близъ Боденскаго озера) и въ сосѣднихъ мѣстностяхъ возобновляютъ союзъ Мужичкаго башмака; у нихъ шелковое знамя, на которомъ изображены солнце и золотой Мужичкій башмакъ съ надписью: «Кто хочетъ быть свободенъ, иди къ этому блеску солнца». Вюртембергское правительство опасалось, что прогнанный герцогъ Ульрихъ войдетъ въ союзъ съ возставшими поселянами и просило помощи у своего государя, эрцгерцога Фердинанда. Въ своемъ донесеніи ему оно говорило: «нынѣшніе бѣдные простолюдины повсюду желаютъ освободиться, произвести раздѣлъ чужого имущества и не платить долговъ». Возстаніе гегаускихъ поселянъ было усмирено; они не имѣли сношеній съ Зикингеномъ. Союзъ поселянъ съ рыцарями былъ бы не натураленъ, потому что поселяне глубоко ненавидѣли дворянъ, своихъ господъ и притѣснителей. Когда поднялась крестьянская война, первыми жертвами инсургентовъ были дворяне.

Возстаніе на
верхнемъ Рей-
нѣ и у Боден-
скаго озера.

Прошелъ слишкомъ годъ послѣ подавленія рыцарей, когда вспыхнула крестьянская война и охватила всю южную Германію и часть средней. Она была результатомъ не заговора, а одинаковости желаній поселянъ во всѣхъ частяхъ Германіи. Она началась въ южной части Шварцвальда, гдѣ горные потоки образуютъ Дунай, гдѣ Вутахъ течетъ дугой въ Рейнъ, въ гегаускомъ и клетгаускомъ округахъ, занимающихъ сѣверное побережье Боденскаго озера и верхняго Рейна, и къ востоку отъ этой мѣстности, въ альгаускомъ округѣ, гдѣ находилось много поселянъ, юридически сохранявшихъ свободу, но фактически безправныхъ. Тамъ нѣсколько времени проповѣдывалъ Томасъ Мюнцеръ; ходили странствующие проповѣдники, проникнутые анабаптистскими идеями, говорившіе о низверженіи духовнаго и мірскаго начальства, объ учреженіи царства Божія, въ которомъ всѣ будутъ равны, не будетъ дѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и незнатныхъ. Между поселянами распространялись прокламаціи, говорившія «Впередъ будетъ не по прежнему; шутка стала плоха, надоѣла горожанамъ и поселянамъ; надобно передѣлать все». Поселяне тѣхъ мѣстностей были ободряемы мыслями о своихъ сосѣдахъ швейцарцахъ, свергнувшихъ съ себя господское иго, живущихъ свободно. Австрійское правительство вюртембергскихъ областей сурово поддерживало отяготительный старый порядокъ, преслѣдовало новое ученіе. Кажется, и землевладѣльцы тѣхъ мѣстностей были очень суровы. Около Иванова дня 1524 поселяне Штюлингена, Бонндорфа и сосѣднихъ селеній объявили своимъ господамъ, что не станутъ исполнять барщины, выбрали своимъ предводителемъ Ганса Мюллера, уроженца селенія Бульгенбаха, высокаго, сильнаго мужчину, умѣвшаго хорошо говорить и знавшаго военное дѣло (онъ ходилъ ландскнехтомъ въ войны съ Франціей). Они поклялись братски дѣлить всѣ бѣды. Мюллеръ, получившій названіе полководца великаго христіанскаго шварцвальдскаго братства, вступилъ 24 августа съ 1200 поселянъ въ Вальдсгутъ. Жители этого города, въ которомъ незадолго передъ тѣмъ проповѣдывалъ Бальтазаръ Губмайеръ, вступили по ненависти къ австрійскому правительству въ союзъ съ поселянами; каждый членъ союза долженъ былъ платить еженедѣльно по бацену (4 крейцера) на издержки тайныхъ посольствъ, отправляемыхъ въ Эльзасъ, Швабію, Франконію. Послы этого «евангельскаго братства» ходили и по клетгаускому округу. Жители селенія Зульца, владѣтель которыхъ былъ принятъ въ число гражданъ Цюриха, отправили депутатовъ спросить цюрихское правительство, какъ имъ поступить. Оно отвѣчало, что если ихъ владѣтель не запрещаетъ проповѣдывать Евангеліе, то они должны остаться покорны ему. Осенью эрцгерцогъ Фердинандъ, владѣвшій Вюртембергомъ, и швабскій союзъ собрали войска. Большая часть возставшихъ поселянъ была вооружена только сельскими рабочими орудіями: топорами, вилами, косами; потому Гансъ

Мюллеръ нашелъ невозможнымъ сражаться. При посредничествѣ города Шафгаузена и епископа констанцскаго былъ заключенъ договоръ; почти всѣ инсургенты въ концѣ осени разошлись по домамъ. Но господа не дали имъ никакихъ облегченій, австрійскіе чиновники угрожали наказаніями. Главнокомандующій швабскаго союза Георгъ Труксесъ Вальдбургъ готовился къ походу; потому въ началѣ года возстаніе возобновилось.

Тайные послы инсургентовъ дѣйствовали успѣшно; появилась и программа, опредѣлявшая цѣль возстанія. Этотъ манифестъ называется Двѣнадцатю статьями. Неизвѣстно, кто былъ авторъ его; вѣроятно, онъ былъ результатомъ соединенія и передѣлки разныхъ программъ, излагавшихъ требованія поселянъ. Быть можетъ, первая редакція его принадлежала Томасу Мюнцеру или Бальтазару Губмайеру. Окончательную редакцію манифесту далъ, какъ говорятъ, Фукштейнеръ, бывший канцлеръ курфюрста пфальцскаго, имѣвшій сношеніе съ Зикингеномъ и бѣжавшій отъ наказанія. Многіе считаютъ составителемъ Двѣнадцати статей Кристофа Шаппелера, швейцарца, бывшаго священникомъ въ Меммингенѣ. Печатные экземпляры этого манифеста появились въ февралѣ 1524 года. Полное заглавіе его было «Основательныя и истинныя главныя статьи, въ которыхъ считаютъ себя обиженными всѣ поселяне и сельскіе работники духовныхъ и мірскихъ начальствъ». Возставшіе поселяне приняли этотъ манифестъ какъ полное выраженіе своихъ требованій. Эти требованія были нисколько не радикальны, напротивъ, умѣренны и справедливы: свобода евангельской проповѣди, устраненіе наиболѣе обременительныхъ феодальныхъ повинностей и нѣкоторыхъ новыхъ обремененій. Въ манифестѣ нѣтъ рѣчи о разрушеніи общественнаго порядка. Онъ говоритъ только объ отмѣнѣ привилегій, угнетающихъ массу народа. Требуя свободы совѣсти, онъ ссылается на Лютера и на Евангеліе.

Двѣнадцать
статей.

Во вступленіи манифестъ опровергаетъ клевету, будто плодъ евангельской проповѣди — мятежъ; нѣтъ, говорится въ манифестѣ, Христосъ учитъ любви, миру, терпѣнію, согласію, а не насилію и мятежу; поселянъ нельзя называть мятежниками за ихъ требованія, основанныя на Евангеліи; возстающіе за это на поселянъ и отказывающіе имъ въ правахъ, даваемыхъ людямъ Священнымъ Писаніемъ — противники Христа, поступающіе наперекоръ повелѣнію Божію, слѣдующіе внушеніямъ діавола. Потому (продолжаетъ манифестъ) ясно, что „поселяне, заявляющіе въ своихъ статьяхъ желаніе имѣть Евангеліе своимъ ученіемъ и правиломъ жизни не могутъ быть называемы непокорными и мятежными, и если Богъ благоволилъ услышать поселянъ, жаждущихъ жить по слову Его, то кто осудитъ волю Божію? (Посланіе къ римлянамъ глава XI), кто отвергнетъ судъ Его? (Исаія, гл. XL), кто воспротивится величію Его? (Посланіе къ римлянамъ глава VIII). Онъ слышалъ дѣтей Израиля, взывавшихъ къ Нему и спасъ ихъ отъ руки Фараона, то развѣ не можетъ Онъ и теперь спасти вѣрующихъ въ Него? Онъ спасетъ ихъ и не промедлитъ (Исходъ III, 14; Лука

XVIII, 8); и такъ, вѣрующій во Христа, читатель, внимательно прочти слѣдующія статьи и потомъ суди.

Во первыхъ, наша смиренная просьба, чтобы впередъ мы имѣли власть. Каждая община вся должна избирать священника (1 Тим. III), также отставлять его, когда онъ держитъ себя непристойно (Тит. I). Избранный священникъ долженъ проповѣдывать Евангеліе чисто и ясно безъ всякихъ человѣческихъ прибавокъ, ученій и повелѣній (Дѣян. Апост. XIV).

Во вторыхъ, такъ какъ истинная десятина установлена въ Ветхомъ заветѣ и въ Новомъ утверждена, то мы хотимъ давать истинную десятину отъ хлѣба, но лишь какъ то должно. По достаточномъ обезпеченіи пропитанія избраннаго общиной священника остатокъ долженъ идти на пользу бѣдныхъ селенія и должно откладываться сбереженіе на военныя времена. Но малую десятину (отъ скота) мы не хотимъ давать ни духовнымъ, ни свѣтскимъ людямъ, потому что Господь Богъ сотворилъ животныхъ на свободное употребленіе человѣку (1 книга Моис. I). Эту десятину мы считаемъ недолжной десятиной, выдуманной людьми, потому больше не хотимъ давать ее.

Въ третьихъ, до сихъ поръ былъ обычай считать насъ господскими людьми, что прискорбно, такъ какъ Христосъ искупилъ всѣхъ насъ пролитіемъ своею драгоцѣнною кровью; потому въ Писаніи находится, что мы свободны, и мы хотимъ быть свободны (Прем. Солом. VI; 1 Петр. II). Не то, что мы хотимъ быть такъ свободны, чтобы не имѣть никакого начальства; этому Богъ не учитъ насъ. Мы должны жить по заповѣдямъ, а не по произволу плоти и хотимъ быть во всѣхъ пристойныхъ и христіанскихъ дѣлахъ послушны нашему избранному и Богомъ поставленному начальству.

Въ четвертыхъ, было до сихъ поръ въ обычаяхъ, что бѣдный человѣкъ не имѣлъ права ловить дикихъ животныхъ, птицу или въ текучей водѣ рыбу, что намъ кажется вовсе непристойно и противно братству, своекорыстно и несообразно слову Божію. Также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господа держатъ дикихъ животныхъ въ противность и большой вредъ намъ, такъ какъ мы должны терпѣть, что наше произращенное Богомъ на пользу человѣку напрасно пожираютъ неразумныя животныя. Богъ далъ человѣку власть надъ всѣми животными, птицами и рыбами.

Въ пятыхъ, господа присвоили себѣ однимъ всѣ лѣса. Наше мнѣніе то, что какіе лѣса, находящіеся во владѣніи духовныхъ или мірянъ, не куплены ими, тѣ должны возвратиться снова всей общинѣ, и каждому изъ общины должно быть по приличному правилу вольно брать изъ нихъ даромъ надобное въ домъ, также для построекъ, но съ вѣдома людей, избранныхъ общиной для надзора, чтобы охранялся лѣсъ отъ истребленія.

Въ шестыхъ, должно быть уменьшено тяжелое обремененіе барщиной.

Въ седьмыхъ, господинъ вообще не долженъ принуждать поселянина къ повинностямъ больше тѣхъ, исполнять какія онъ обязанъ по соглашенію господина и поселянина. Что идетъ сверхъ этого, то должно быть исполняемо за приличныя деньги.

Въ восьмыхъ, жалуемся на высокій оброкъ, наложенный на многія имѣнья и невыносимый. Имѣнья должны быть осмотрѣны добросовѣстными людьми и оброкъ опредѣленъ по справедливости.

Въ девятыхъ, должно прекратить произвольныя наказанія и безпрестанныя новыя надбавки; наказанія должны быть налагаемы безпристрастно по старому писанному праву.

Въ десятыхъ, мы отягощены тѣмъ, что нѣкоторые присвоили себѣ луга и пашни, принадлежащія общинѣ. Ихъ мы возьмемъ обратно въ свои общины, или если они честно куплены, мы войдемъ въ доброе и братское соглашеніе.

Въ одиннадцатыхъ, мы хотимъ отмѣнить и никогда не терять тотъ обычай, что въ противность Богу и чести отнимаютъ у вдовъ и сиротъ ихъ имущество такъ постыдно, какъ во многихъ мѣстахъ дѣлалось разными способами.

Въ двѣнадцатыхъ, поселяне говорятъ, что ихъ статьи должно испытать по Священному писанію, и если изъ него будетъ доказано, что эти статьи несправедливы, то они откажутся отъ нихъ; но откажутся только въ этомъ случаѣ.

Возстаніе началось въ альгаускомъ округѣ, гдѣ за 30 лѣтъ передъ тѣмъ подданные князя аббата кемптенскаго мужественно защищали права, которыя отнималъ онъ у нихъ. Поселяне сохранили съ той поры непріязнь къ нему. Вообще, въ альгаускомъ округѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ было множество мелкихъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей, которые по недостаточности своихъ доходовъ сильно притѣсняли подданныхъ. Альгаускіе поселяне собрались въ Луйбасѣ, гдѣ издавна было у нихъ мѣсто сходовъ для судебного разбирательства, и заключили между собою «христіанскій союзъ» для осуществленія требованій, перечисленныхъ въ манифестѣ Двѣнадцати статей. Руководителемъ ихъ былъ Йоргъ Шмидъ, по прозванію Кнопфъ, человѣкъ умный и энергическій. Его отецъ былъ защитникомъ поселянъ противъ князя аббата и умеръ въ темницѣ кемптенскаго аббатства. Союзъ альгаускихъ поселянъ былъ заключенъ на масляницу (1525 г.), и вслѣдъ затѣмъ поднялись мятежи по всей юговосточной Швабіи. Многіе священники присоединялись къ инсургентамъ. Кто отказывался поступить въ члены союза, того инсургенты объявляли общимъ врагомъ и въ знакъ того передъ домомъ его вбивали колъ.

Швабскій союзъ встревожился; въ особенности потому, что изгнанный герцогъ Ульрихъ, жившій въ Швейцаріи, вступилъ въ сношенія съ альгаускими инсургентами и набиралъ наемниковъ на деньги, данныя ему королемъ французскимъ. Онъ говорилъ, что для него все равно, кто станетъ помогать ему: прогнать австрійцевъ изъ герцогства, мужицкій башмакъ или рыцарскій сапогъ со шпорами. Швабскому союзу было затруднительно собрать войско, потому что лучшіе начальники ландскнехтовъ находились въ итальянскомъ походѣ. Города сочувствовали поселянамъ; особенно ясно выказывалось это въ Меммингенѣ, гдѣ Кристофъ Шаппелеръ проповѣдывалъ союзъ съ поселянами. Императорское правительство совѣтовало помириться съ поселянами. Самъ главнокомандующій швабскаго союза Георгъ Труксесъ тоже предпочиталъ переговоры войнѣ. Такимъ образомъ, швабскій союзъ заключилъ съ альгаускими инсургентами перемиріе для рѣшенія ихъ споровъ съ господами третейскимъ судомъ. Жители города Кемптена, взявшіе въ плѣнъ своего аббата, убѣдили его отказаться отъ всякой власти надъ ними, давъ ему денежное вознагражденіе. Герцоги баварскіе тоже были принуждены сдѣлать уступки поселянамъ своихъ владѣній, людямъ свободнымъ, жаловавшимся не на господъ, а прямо на правительство.—Но не всѣ предводители поселянъ были расположены мириться; нѣкоторые возбуждали инсургантовъ дѣйствовать силой; собрались толпы, начавшія нападать на господъ. Одинъ изъ замковъ и три селенія Георга Труксеса были сожжены. Онъ, суровый отъ природы и раздраженный убыткомъ, пошелъ съ конницей и артиллеріей на инсургентовъ, разбилъ 4 апрѣля ихъ толпы плохо вооруженныя, принудилъ сдаться города Лейпгеймъ и

Гюнцбургъ, сочувствовавшіе инсургентамъ, казнилъ лейпгеймскаго священника Якоба Веэ и нѣсколькихъ плѣнныхъ. Но въ другихъ мѣстностяхъ собрались другія толпы. Одна стояла въ Райтенау подъ начальствомъ Дитриха Гурлевагена; по сосѣдству въ Бермантингенѣ стоялъ съ поселянами боденскаго побережья Эйтельгансъ Тейрингенъ. Эти инсургенты нападали на монастыри и замки. Труксесъ 14 апрѣля разбилъ при Вурцахъ бальдрингскихъ поселянъ, велѣлъ убивать бѣгущихъ; нѣсколько тысячъ человѣкъ погибли тутъ. Но возстаніе распространялось; оно охватило всѣ земли отъ Боденскаго озера до Аугсбурга и Ульма. Даже въ герцогствѣ вюртембергскомъ собралось очень много поселянъ подъ начальствомъ Матерна Фейербахера; они требовали, чтобъ онъ велъ ихъ на Штутгартъ. Правительство герцогства предлагало имъ отдать дѣло на рѣшеніе сейма; Фейербахеръ отвѣчалъ: «На сеймахъ не получишь ничего, кромѣ рѣшенія, что ты долженъ давать деньги». Инсургенты ограбили и разрушили лорхское аббатство, сожгли лорхскій замокъ. Аббатъ Себастьянъ погибъ при взятіи монастыря. Ландскнехты Труксеса были не расположены сражаться съ поселянами. Герцогъ Ульрихъ съ наемниками и артиллеріей вступилъ въ герцогство, шелъ на Штутгартъ. Число наемниковъ у него было не велико, потому что швейцарскій союзъ запретилъ ему вербовку и притомъ у него было мало денегъ; но, все таки, Труксесъ находилъ свое положеніе очень опаснымъ, и заключилъ 17 апрѣля съ вюртембергскими поселянами договоръ, по которому обѣщалъ отъ имени швабскаго союза, что вюртембергскій сеймъ отмѣнитъ притѣсненія, на которыя жаловались они. Изъ другихъ мѣстностей приходили извѣстія, что возстаніе усиливается. Въ апрѣлѣ поселяне Шварцвальда отъ Вутахской до Дрейзамской долины собрались подъ начальствомъ опытнаго ландскнехта Ганса Мюллера Бульгебахскаго. Они разсылали прокламаціи, приглашавшія сосѣднихъ поселянъ присоединиться къ нимъ. Мелкіе города добровольно или по страху открывали ворота поселянамъ. Дворяне гегаускаго округа, собравшіеся противъ инсургентовъ, были осаждены ими въ городѣ Целлѣ.

4. Возстаніе во Франконіи.

Вся Швабія отъ Аугсбурга до Эльзаса была охвачена возстаніемъ. Оно поднялось и въ другихъ нѣмецкихъ областяхъ; прежде всего, во Франконіи. Поселяне оденвальдской области владѣній графовъ Гоэнлоэ и окрестностей Ротенбурга возстали еще въ мартѣ. Во владѣніяхъ Гоэнлоэ предводителемъ ихъ былъ Вендель Гипплеръ, бывшій канцлеръ этихъ владѣній. Оденвальдцами начальствовалъ Георгъ

Мецлеръ, трактирщикъ, человѣкъ очень отважный. По сосѣдству съ этими толпами поселянъ собирались другія. Къ манифесту Двѣнадцати статей они прибавляли требованія совершенной отмѣны крѣпостного права и десятины хлѣба. Сосѣдніе государи не имѣли готовыхъ войскъ, потому не могли остановить успѣховъ возстанія. Въ городахъ простолюдины были за поселянъ. Въ Ротенбургѣ, гдѣ жилъ тогда Карльштадъ, усилился прежній раздоръ между знатными горожанами, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе, и массой жителей. Простолюдины низвергли прежнее правительство, установили новое; вождемъ ихъ былъ Стефанъ фонъ Менцингенъ, человѣкъ дворянскаго рода. По его вліянію граждане, собравшись 15 мая въ церкви, объявили, что присоединяются къ союзу поселянъ на 101 годъ (число 101 вмѣсто 100 было употребительно въ старомъ нѣмецкомъ правѣ). Изъ ротенбургскихъ горожанъ сформировался отрядъ, называвшійся Чернымъ. Онъ и оденвальдскіе поселяне разрушили цисцерціанскій монастырь Шёнталь. Поселяне владѣній Гоэнлоэ, руководимые, какъ мы говорили, Венделемъ Гипплеромъ, принудили своихъ графовъ Альбрехта и Георга принять Двѣнадцать статей. «Братъ Альбрехтъ и братъ Георгъ», сказалъ одинъ изъ поселянъ, «идите сюда, обѣщайтесь поселянамъ, что будете считать ихъ братьями и не станете дѣлать ничего противъ нихъ, потому что вы теперь не господа, а поселяне». Графы должны были присягнуть, что будутъ соблюдать Двѣнадцать статей. Инсургенты пошли на Неккаръ. Главными вождями ихъ были Мецлеръ, Рорбахъ и Флоріанъ фонъ Гейеръ, человѣкъ знатнаго рода. Вендель Гипплеръ завѣдывалъ канцеляріей войска. Графы Людвигъ и Фридрихъ Левенштейны были принуждены принять Двѣнадцать статей и сопровождать войско. Въ Лаудѣ поселяне сожгли замокъ нѣмецкихъ рыцарей, а ихъ самихъ со связанными на спинѣ руками отвезли въ темницу въ Мергентгеймъ. Когда инсургенты подошли къ вюрцбургскому замку Райгетсбергу, гарнизонъ торопливо ушелъ; они грабили монастыри, но не дѣлали убійствъ. Извѣстіе о томъ, какъ поступилъ Труксесъ съ поселянами, разбитыми при Вурцахѣ, ожесточило вюртембергскихъ инсургентовъ и въ ярости они сами поступили свирѣпо. Однимъ изъ храбрѣйшихъ рыцарей, сражавшихся за австрійское правительство противъ герцога Ульриха, былъ графъ Людвигъ Гельфенштейнъ; онъ получилъ руку одной изъ побочныхъ дочерей императора Максимилиана и былъ любимцемъ Фердинанда. Онъ съ отрядомъ 80 всадниковъ занялъ замокъ Вейнсбергъ, дѣлалъ оттуда набѣги, разбивалъ и истреблялъ мелкіе отряды мятежниковъ. Онъ ожидалъ подкрѣпленій изъ Штутгарта, потому хотѣлъ сопротивляться, когда главныя силы инсургентовъ подошли къ Вейнсбергу. Онъ велѣлъ стрѣлять въ ихъ парламентаровъ, предлагавшихъ ему сдаться. Они пошли на приступъ, взяли замокъ, истребили всѣхъ, не успѣвшихъ уйдти въ городъ; Дитрихъ Вейлеръ,

Взятіе
Вейнсберга.

очень сильный рыцарь, красавецъ, убѣжалъ на колокольню и просилъ пощады. Поселяне стрѣляли въ него съ крикомъ „Мщеніе за 7.000 убитыхъ при Вурцахъ“. Онъ упалъ, они взбѣжали на колокольню и сбросили умирающаго внизъ. Потомъ они стали штурмовать городъ Вейнсбергъ, взяли его и убили рыцарей, убѣжавшихъ въ церковь, искали спрятавшихся по домамъ. На разсвѣтъ слѣдующаго дня они повели на лугъ передъ городомъ найденныхъ ими графа Гельфенштейна, рыцарей и солдатъ. Передъ графомъ шелъ Мельхіоръ Нунненмахеръ, бывшій музыкантомъ у него, весело игралъ на волынкѣ и говорилъ графу: «я столько разъ игралъ тебѣ, когда ты обѣдалъ, долженъ же я поиграть тебѣ и для нынѣшней твоей пляски». Прочтенъ былъ смертный приговоръ графу и другимъ плѣнникамъ. Инсургенты съ копьями стали въ двѣ шеренги одна лицомъ къ другой; трубачи заиграли. Первый былъ поведенъ между шеренгами Гансъ, слуга Конрада Винтерштеттена; его закололи копьями; за нимъ повели самого Винтерштеттена, потомъ взяли графа, чтобы вести его. Онъ предлагалъ 30.000 гульденовъ выкупа; ему отвѣчали: «Хотя бы ты давалъ двѣ бочки золота, не взяли бы мы; надобно тебѣ умереть». Его жена съ двухлѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ стала на колѣна, умоляя инсургентовъ пощадить мужа; они оттолкнули ее. Графъ бросился на копья. Потомъ инсургенты закололи другихъ плѣнныхъ. Графиню они посадили на крестьянскую телѣгу и отвезли въ Гейльброннъ; ее провожали насмѣшливыми восклицаніями: «Ты пріѣхала къ намъ въ золотой каретѣ, уѣзжаешь отъ насъ на навозной телѣгѣ». Флоріанъ Гейеръ говорилъ, что надобно жечь и разрушать всѣ замки, что дворянину не нужно имѣть дома болѣе укрѣпленнаго, чѣмъ поселянину. А Гейеръ былъ человѣкъ умѣренный сравнительно съ другими предводителями инсургентовъ, и, кажется, не участвовалъ въ убійствѣ вейнсбергскихъ плѣнныхъ.

Гёцъ фонъ Берлихингенъ. Взятіе Вейнсберга ужаснуло сосѣднихъ вельможъ. Графы Гоэнлоэ прислали поселянамъ свои пушки, которыхъ не хотѣли давать прежде. Винтерштеттены, Цобели, графы Вертгеймы, графы Рейнеки и всѣ дворяне отъ Оденвальда до швабской границы покорились требованіямъ поселянъ. Города не сопротивлялись имъ. Когда Йеклейнъ, Мецлеръ и Флоріанъ Гейеръ подступили къ Гейльбронну, городскіе простолюдины, не слушая правительства, хотѣвшаго обороняться, отворили ворота поселянамъ. — Инсургенты ограбили монастыри, сожгли найденныя въ нихъ долговыя обязательства и податныя книги. Рыцари Нѣмецкаго ордена ушли изъ своего замка Горнека, поселяне разграбили и сожгли его. Знаменитый рыцарь Гёцъ Берлихингенъ опасался, что той же судьбѣ подвергнется его замокъ Горнбергъ, потому вступилъ въ переговоры съ поселянами. Они приняли его въ свой союзъ. Онъ дѣлалъ много грабительскихъ нападеній, но отъ нихъ страдали государи, монастыри, купцы; поселянъ онъ не грабилъ;

имъ даже нравилось его грубое прямодушіе. Въ войскѣ поселянъ не было дисциплины; начальники не пользовались авторитетомъ, знаменитый рыцарь могъ быть полезенъ имъ. Вендель Гипплеръ предложилъ военному совѣту инсургентовъ назначить Геца главнокомандующимъ. Совѣтъ согласился. Гець нѣсколько времени отказывался; но побоялся, что его семейство можетъ пострадать, если онъ разсердитъ инсургентовъ отказомъ. Притомъ начальникъ сосѣдняго округа владѣній курфюрста пфальцскаго Максъ Штумпфъ убѣждалъ его принять начальство надъ поселянами, чтобы спасти дворянъ отъ гибели, а самъ онъ желалъ отмстить швабскому союзу, который два года держалъ его въ темницѣ. Онъ поѣхалъ въ Бухенъ, гдѣ стояли инсургенты, принялъ начальство надъ ними. Но говорилъ, что лучше хотѣлъ бы сидѣть запертымъ въ самой ужасной изъ всѣхъ турецкихъ темницъ. Инсургенты не всѣ были довольны выборомъ его; въ особенности Мецлеръ былъ врагомъ ему. Когда онъ потребовалъ, чтобъ поселяне повиновались своимъ владѣтелямъ, платили оброки, исполняли повинности, ему отвѣчали насмѣшками. Но при посредничествѣ Гипплера было заключено условіе, по которому Гець обязался быть въ продолженіи мѣсяца главнокомандующимъ поселянъ. Онъ говорилъ, что никогда не допуститъ «такого тиранства», какое было сдѣлано въ Вейнсбергѣ. Ему отвѣчали: «Еслибъ не случилось этого тогда, то не случилось бы никогда».

Инсургенты пошли къ Аморбаху, разграбили находившійся тамъ бенедиктинскій монастырь. Сосѣдніе дворяне приняли Двѣнадцать статей, чтобъ избавиться отъ грабежа. Гець, Мецлеръ и присоединившійся къ ихъ войску ротенбургскій Черный отрядъ подошли 7 мая къ Вюрцбургу. Поселяне епископской области возстали противъ епископа и дворянъ, бывшихъ его вассалами. Въ самомъ Вюрцбургѣ большинство горожанъ сочувствовало инсургентамъ, потому что епископъ отнялъ у города самоуправленіе и притѣснялъ своихъ подданныхъ. Онъ бѣжалъ, оставивъ въ сосѣднемъ съ Вюрцбургомъ замкѣ Фрауэнбургѣ гарнизонъ подъ начальствомъ храбраго рыцаря Ротенгана и одного изъ старшихъ канониковъ вюрцбургскаго капитула, Фридриха, маркграфа бранденбургскаго. Этотъ замокъ былъ послѣднимъ оплотомъ владычества государей и дворянъ во Франконіи. Поселяне и присоединившіеся къ нимъ граждане Вюрцбурга осадили его. Гець не совѣтовалъ дѣлать этого, но инсургенты не слушались его. По примѣру подданныхъ епископства вюрцбургскаго возстали поселяне епископства бамбергскаго, разрушили болѣе 50 замковъ, разграбили монастыри, склонили на свою сторону населеніе городовъ. Епископъ бамбергскій бѣжалъ въ замокъ Бабенбургъ и заключилъ съ инсургентами договоръ, по которому обѣщалъ имъ церковныя и политическія реформы.

Походъ къ
Вюрцбургу.

5. Возстанія въ другихъ частяхъ Германіи.

Архіепископство майнцское. Все архіепископство майнцское волновалось. Намѣстникъ курфюрста майнцскаго въ ашаффенбургской области, Вильгельмъ, епископъ страсбургскій, человѣкъ разсудительный, заключилъ съ поселянами соглашеніе на основаніи Двѣнадцати статей. Городъ Майнцъ требовалъ, чтобъ ему возвращено было самоуправленіе, отнятое у него при одной изъ прежнихъ ссоръ съ архіепископомъ. Населеніе рейнгауской области собралось на люцельскомъ лугу, гдѣ происходили въ старину народныя собранія, и потребовало возстановленія своихъ старинныхъ правъ. Не получивъ удовлетворенія, рейнгаускіе поселяне взяли за оружіе, пошли къ эрбахскому монастырю и разослали дворянамъ требованіе принять Двѣнадцать статей. Дворяне не отважились сопротивляться, присягнули соблюдать эти статьи, принуждены были присоединиться къ инсургентамъ и, по общему согласію главнокомандующимъ въ Рейнгау, убылъ назначенъ Фридрихъ Грейфенклау, братъ архіепископа трирскаго. Городъ Триръ потребовалъ, чтобы духовенство участвовало въ платежѣ налоговъ. Патриціи, управлявшіе городомъ Франкфуртомъ, принуждены были согласиться на реформы, которыхъ требовала масса горожанъ. Городъ Мюнстеръ требовалъ отъ своего епископа тѣхъ же уступокъ, какъ Триръ отъ своего курфюрста. Возстаніе распространилось до Гессена и Вестфалии. Кoadьюторъ епископа фульдскаго, управлявшій бухонской областью, объявилъ возставшимъ поселянамъ, что слагаетъ съ себя духовное званіе. Это успокоило ихъ; они признали его своимъ правителемъ съ титуломъ князя Бухенскаго (Бухонскаго). Братъ его, графъ Геннебергскій, обѣщалъ предоставить своимъ подданнымъ «всю свободу, какую далъ всемогущій Богъ чрезъ Христа сына своего». Примѣру графа послѣдовали почти всѣ сосѣдніе вельможи. Города Шмалькальденъ, Зальцунгенъ, Мейнингенъ, Вазунгенъ вошли въ союзъ съ поселянами.

Пфальцъ.

Многіе вельможи и второстепенные государи пріѣхали въ Гейльдельбергъ подъ защиту курфюрста пфальцскаго. Въ числѣ ихъ находились правитель германскихъ владѣній Нѣмецкаго ордена, епископъ вюрцбургскій и братъ пфальцграфа епископъ шпейерскій. Пріѣхалъ и курфюрстъ трирскій съ большимъ отрядомъ войска. Онъ покинулъ свои владѣнія, потому что они были охвачены возстаніемъ.

Эльзасъ.

Изъ Швабіи и Франконіи возстаніе распространилось по Эльзасу. Въ южной половинѣ его, называвшейся Зундгау, вождемъ инсурентовъ былъ Генрихъ Вецель. Правительство австрійскихъ владѣній въ Эльзасѣ потребовало, чтобы поселяне разошлись; они отвѣчали: «Насъ угнетаютъ слишкомъ сурово; мы сами хотимъ быть хозяевами и жить безъ господъ». При посредничествѣ базельскаго правительства было заключено перемиріе съ Зундгаускими поселянами; но

въ средней части Эльзаса поднялось возстаніе. Въ маѣ 13.000 поселянъ осадили Кайзерсбергъ. Начальникомъ ихъ былъ Вольфъ Вагнеръ Ринаускій. И здѣсь какъ во Франконіи инсургенты грабили монастыри. Мелкіе города почти не сопротивлялись имъ. Отрядъ ихъ подъ начальствомъ Эразма Гербера овладѣлъ епископскимъ городомъ Цаберномъ. Они заняли имперскій городъ Вейсенбургъ и ограбили богатое вейсенбургское аббатство. Буцеръ, бывшій тогда проповѣдникомъ въ Страсбургѣ, поѣхалъ убѣждать ихъ, что по евангельскому ученію они должны повиноваться начальству. Они не хотѣли слушать его. Посредничество страсбургскаго епископа и города Страсбурга тоже осталось напрасно. Эльзасскіе инсургенты не довольствовались Двѣнадцатію статьями, заявляли болѣе обширныя требованія.

Возстаніе распространилось даже во владѣнія архіепископства зальцбургскаго и въ Тироль. Лангъ, вліятельный совѣтникъ императора Максимилиана, бывшій теперь кардиналомъ и архіепископомъ зальцбургскимъ, сурово преслѣдовалъ евангелическое ученіе. Раздраженные этимъ поселяне гаштейнскаго округа взяли за оружіе; возстаніе охватило всю область, называвшуюся Солянымъ округомъ, *Salzkammergut*; инсургенты осадили крѣпость Гоэнзальцбургъ, въ которую бѣжалъ архіепископъ, и 5-го іюля разбили подъ Шладмингеномъ Дитрихштейна, посланнаго Фердинандомъ на помощь Лангу. Много каринтійскихъ и штирійскихъ дворянъ легло въ этой битвѣ, много было взято въ плѣнъ. Въ отмщеніе за казнь 32 поселянъ инсургенты казнили 32 изъ числа плѣнныхъ дворянъ. Возстаніе распространилось по Тиролю. Въ Бриксенѣ вождемъ его сталъ Гейсмайръ, бывшій секретаремъ епископа этого города. Поселяне сѣвернаго Тироля заявили свои требованія по церковнымъ и мірскимъ дѣламъ; Фердинандъ принужденъ былъ уступить имъ и согласился, «чтобы благочестивые проповѣдники учили народъ чистому слову Божію по тексту Священнаго писанія». Народъ волновался по всей нѣмецкой части долины Адидже (или долины Эча, какъ зовутъ эту рѣку нѣмцы). Даже въ эрцгерцогствѣ австрійскомъ, въ окрестностяхъ Вѣны открыто было полиціей тайное общество поселянъ. Она полагала, что число соумышленниковъ, готовившихся взяться за оружіе, простиралось до 10.000 человѣкъ и что они могутъ собраться по данному сигналу не болѣе какъ въ 8 часовъ времени.

Тироль и
Зальцбургъ.

6. Томасъ Мюнцеръ. Тюрингское возстаніе.

Когда Томасъ Мюнцеръ возвратился изъ Шварцвальда въ тюрингскій Мюльгаузенъ, тамъ масса городскихъ простолюдиновъ при помощи сосѣднихъ поселянъ ужъ одолѣла патриціевъ и учредила

демократическое управленіе, называвшееся вѣчнымъ совѣтомъ. Воздемъ демократовъ былъ Генрихъ Пфейферъ; они дѣйствовали умѣренно. Но Мюнцеръ разгорячилъ ихъ. Онъ уже и прежде говорилъ, что должно истребить плевелы въ вертоградѣ Божіемъ; теперь онъ въ прокламаціи «Къ собранію поселянъ» оправдывалъ ихъ возстанія, доказывалъ, что каждая область или община имѣетъ право отнимать власть у господъ, вредящихъ ей, и убѣждалъ поселянъ быть твердыми, чтобы не подвергнуться беспощадному убійству. «Вамъ не оставлять ни имущества, ни жизни», говорилъ онъ, «васъ будутъ по турецки продавать какъ скотъ». При содѣйствіи Пфейфера онъ учредилъ общество посвященныхъ, въ которомъ считался пророкомъ. Вѣчный совѣтъ былъ составленъ изъ его приверженцевъ, слѣдовалъ во всемъ его мнѣнію. Онъ приглашалъ богатыхъ по апостольски дѣлиться имуществомъ съ бѣдными и готовился къ священной войнѣ. Въ облаченіи, напоминавшемъ еврейскихъ патріарховъ, онъ судилъ дѣла по закону моисееву. Онъ медлилъ начать войну. Пфейферъ, завидовавшій его вліянію, надѣялся возвысить свой авторитетъ, дѣйствуя рѣшительнѣе его. Ободренный сномъ, въ которомъ нашелъ предзнаменованіе побѣды, Пфейферъ собралъ наиболѣе горячихъ людей, пошелъ въ Эйхсфельдъ, разграбилъ по дорогѣ церкви, монастыри, дворянскіе дома, возвратился съ богатой добычей. Мюнцеръ принужденъ былъ дѣйствовать въ томъ же духѣ. У него уже были заготовлены пушки большого калибра. Онъ повелъ своихъ приверженцевъ «на жилища Ваала и Немврода». Они шли съ бѣлымъ знаменемъ, на которомъ была изображена радуга. Онъ говорилъ сосѣднимъ поселянамъ и мансфельдскимъ рудокопамъ: «Начинайте войну Господню, пришло время ея, призывайте на нее всѣхъ братьевъ вашихъ, иначе они погибнутъ. Германія, Франція, Италія поднялись. Господь истребитъ беззаконниковъ. Не щадите ихъ, не смягчайтесь мольбами ихъ, не давайте мечу вашему охладѣть отъ крови, разрушьте башню Немвродову. Впередъ! Впередъ! потому что побѣда ваша, Богъ идетъ предъ вами, слѣдуйте за нимъ». Множество людей сошлось къ нему. Въ началѣ мая толпы фанатиковъ разграбили всѣ сосѣдніе монастыри, ходили до Тюрингскаго лѣса и до впаденія Унструта въ Салу. Мюнцеръ писалъ графу Альбрехту Мансфельдскому, старавшемуся успокоить рудокоповъ: «Не читалъ ли ты въ Писаніи, что Богъ призываетъ птицъ небесныхъ пожирать мясо князей? Думаешь ли ты, что Богъ любитъ васъ, тирановъ, больше, чѣмъ народъ свой?» Онъ писалъ графу Эрнсту Гейльдрунгенскому: «Вѣчный живой Богъ повелѣлъ низвергнуть тебя силою, данною намъ; ты бесполезенъ христіанству, ты метла, вредящая друзьямъ Божіимъ». Онъ подписывался на своихъ прокламаціяхъ: «Томасъ Мюнцеръ съ мечомъ Гедеоновымъ» и примѣнялъ къ тогдашнему времени пророчество Іезекііля и Апокалипсиса о царствѣ Божіемъ.

Въ это время, когда разгоралось фанатическое возстаніе по сосѣдству съ владѣніями курфирста саксонскаго, умеръ (5-го мая) Фридрихъ Мудрый. Правителемъ государства сталъ его братъ Іоаннъ, получившій впослѣдствіи названіе Непокколебимаго, der Beständige.

Смерть
Фридриха
Мудраго.

7. Гейльброннскій проектъ.

Возставшіе поселяне грабили и разрушали замки сопротивлявшихся имъ вельможъ и монастыри; но между предводителями ихъ были люди, понимавшіе, что одними насиліями нельзя улучшить положеніе народа, что надобно позаботиться объ устройствѣ новаго законнаго порядка. Слѣдуя совѣтамъ ихъ, инсургенты вюрцбургскаго епископства, южной Швабіи, Эльзаса и рейнской Франконіи назначили въ началѣ мая съѣздъ своихъ уполномоченныхъ въ Гейльброннѣ. Собраніе этихъ депутатовъ составило проектъ новаго политическаго устройства Германіи. Говорятъ, что главными редакторами этого акта были Вендель Гипплеръ, завѣдывавшій походной канцеляріей оденвальдскихъ инсургантовъ, и Фридрихъ Вейгандъ, уроженецъ Мильтенберга. Они стали вліятельнѣйшими членами общаго правительственнаго совѣта инсургентовъ, учрежденнаго въ Гейльброннѣ.

Проектъ новаго устройства нѣмецкаго государства, составленный на гейльброннскомъ съѣздѣ, очень мало занимается религіозной стороною преобразования; въ этомъ отношеніи онъ не похожъ на манифестъ Двѣнадцати статей, написанный въ религіозномъ духѣ. Вниманіе составителей гейльброннаго проекта обращено не на религію, а на государственные судебные и общественные интересы. Онъ требуетъ, чтобы духовенству были оставлены только доходы „надобные для его приличнаго содержанія“, всѣ остальные церковныя имѣнья должны быть взяты на удовлетвореніе общественныхъ надобностей; они дадутъ свѣтскимъ государямъ и дворянамъ „приличные доходы“, вознаграждая ихъ за убытки отъ уничтоженія феодальныхъ повинностей. По сверхъ этого вознагражденія, останутся большіе доходы для покрытія издержекъ государственнаго управленія, такъ что можно будетъ отмѣнить обременительные налоги. Областные союзы государей и городовъ, вредящіе государственному единству должны быть запрещены; изъ трибуналовъ должны быть удалены юристы, замѣняющіе нѣмецкое обычное право отяготительнымъ римскимъ. Судъ долженъ производиться по національному праву. Низшую инстанцію должны образовать нынѣшніе городскіе и сельскіе суды, апелляціонную инстанцію 64 окружные трибунала, судьями въ которыхъ должны быть выборные отъ всѣхъ сословій. Для важнѣйшихъ дѣлъ должны быть учреждены 16 областныхъ трибуналовъ и 4 „придворные трибунала“. Высшій контроль надъ всѣмъ судопроизводствомъ долженъ принадлежать императорскому камеральному суду, членами котораго должны быть государи, депутаты графовъ и дворянъ, депутаты имперскихъ городовъ и городовъ, находящихся подъ властью областныхъ

государей, депутаты поселянъ. Должно быть введено единство монетной системы, вѣса и мѣръ, должна быть ограждена безопасность торговли. Управление городовъ и сельскихъ общинъ должно быть преобразовано по божественному и естественному праву и по христіанской свободѣ; охраненіе общественнаго спокойствія поручается государямъ и дворянству. Новое государственное устройство должно быть введено по соглашенію народа съ представителями интересовъ государей и дворянства. Вопросы объ этомъ, гейльброннскій съѣздъ представляетъ рѣшенію третейскаго суда, членами котораго онъ желаетъ видѣть эрцгерцога Фердинанда, курфюрста саксонскаго, Лютера, Меланхтона, Бугенгагена.

Если-бъ осуществился проектъ, принятый на гейльбронскомъ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ возставшихъ поселянъ, историческая судьба нѣмецкой націи была бы счастлива; Германія получила бы государственное единство, власть императора и нѣмецкаго сейма окрѣпла бы. Но вмѣстѣ съ возстаніемъ поселянъ были подавлены и тѣ хорошіе элементы, какіе могли бы развиваться при соглашеніи, котораго желали поселяне юго-западной Германіи.

Императору представлялся теперь случай создать государственное единство Германіи; говорятъ, что Гранвелла совѣтовалъ ему войти въ соглашеніе съ партіею, желавшей преобразованія. Но онъ думалъ только о своихъ династическихъ интересахъ, а не о благѣ Германіи.

8. Отношенія Лютера къ инсургентамъ.

Масса нѣмецкихъ патріотовъ ждала совѣтовъ Лютера. Судьба Германіи была теперь въ его рукахъ; если бъ онъ принялъ сторону инсургентовъ, народное движеніе пріобрѣло бы непреодолимую силу. Поселяне южной Швабіи прислали ему Двѣнадцать статей. Его отвѣтомъ было «Увѣщаніе о мирѣ». Первое свое порицаніе онъ обратилъ противъ государей и дворянъ. Онъ говорилъ имъ, что они виноваты въ возникновеніи безпорядковъ и особенно виноваты тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ къ духовному сословію, «слѣпые епископы», не перестающіе неистовствовать противъ Евангелія», а въ свѣтскомъ управленіи грабящіе народъ для своей роскоши, обременившіе его такъ, что онъ потерялъ терпѣніе. «Богъ сдѣлалъ то, что люди не могутъ и не хотятъ и не должны долѣе выносить ваше безуміе. Вы должны перемениться, уступить слову Божію», говорилъ онъ духовнымъ государямъ и совѣтовалъ свѣтскимъ войти въ соглашеніе съ поселянами, требованія которыхъ почти всѣ справедливы. «Если бъ я захотѣлъ отмстить вамъ», говоритъ онъ государямъ и вельможамъ, «то посмѣивался бы теперь и смотрѣлъ бы какъ распо-

ряжаются поселяне или присоединился бы къ нимъ и помогъ бы имъ поступать съ вами еще хуже; но Боже сохрани меня отъ этого». Высказавъ свое порицаніе государямъ и дворянамъ, Лютеръ обращается къ инсургентамъ и порицаетъ ихъ еще рѣзче. Въ Священномъ писаніи сказано: «Каждая душа должна повиноваться властямъ. Никто не можетъ быть судьей въ своемъ дѣлѣ. Когда двое спорятъ, рѣшить долженъ третій». Христіанинъ обязанъ жертвовать ради вѣры имуществомъ и жизнью, а инсургенты въ своихъ Двѣнадцати статьяхъ говорятъ только о мірскихъ дѣлахъ; Евангеліе не занимается этими дѣлами, оно учитъ терпѣнію, презрѣнію земныхъ благъ. Они не должны дѣлать христіанство прикрытіемъ своихъ нетерпѣливыхъ, не христіанскихъ поступковъ. «Если государи и церковные властители воспрещаютъ Евангеліе, то покиньте ваши земли, идите туда, гдѣ свободно исповѣдуются Евангеліе». Лютеръ совѣтуетъ поселянамъ выбрать изъ дворянства нѣсколькихъ графовъ и господъ, изъ горожанъ нѣсколькихъ членовъ городскихъ совѣтовъ, чтобъ они постановили рѣшеніе справедливое для обѣихъ сторонъ. Онъ заботился только о религіозной сторонѣ дѣла и наивно мечталъ, что великія преобразованія могутъ быть совершаемы покойнымъ путемъ.

Инсургенты не послушались увѣщанія Лютера; возстаніе охватило всю юго-западную Германію. Въ нѣсколько мѣсяцевъ было разрушено 1.500 монастырей и дворянскихъ замковъ. Лютеръ написалъ свою ужасную прокламацію «Противъ поселянъ грабительствующихъ и совершающихъ убійства». Они совершаютъ три страшные грѣха, говоритъ онъ: измѣну властямъ, грабежъ и тотъ грѣхъ, что «прикрываютъ такія ужасныя дѣла Евангеліемъ и называютъ себя христіанскимъ братствомъ, между тѣмъ какъ служатъ чорту». Этими грѣхами они заслужили смерти. Онъ призываетъ государей взяться за мечъ и не щадить ихъ: «Коли, бей, убивай, кто можетъ. Начальство имѣетъ право бить, пока они шевелятся. Кто будетъ убитъ въ войнѣ противъ нихъ, тотъ истинный мученикъ передъ Богомъ, а кто будетъ убитъ на сторонѣ поселянъ, тотъ будетъ вѣчно горѣть въ адскомъ огнѣ. Нынѣ такое странное время, что государь лучше заслужитъ царство небесное кровопролитіемъ, чѣмъ другой человѣкъ молитвой».

Нѣкоторые историкъ объясняли суровость Лютера къ возставшимъ поселянамъ уступчивостью требованію обстоятельствъ. Но это не такъ, Лютеръ хотѣлъ преобразовать только религію, въ политическихъ дѣлахъ онъ былъ искреннимъ сторонникомъ безусловной покорности властямъ. Въ послѣдствіи, отвѣчая на упреки въ жестокости къ возставшимъ поселянамъ, онъ писалъ мансфельдскому канцлеру Мюллеру. „Мятежникъ не достоинъ, чтобъ ему отвѣчали разумомъ; должно отвѣчать ему кулакомъ, чтобы текло у него изъ носу. Поселяне не хотѣли слушать, то надобно было провѣртѣть имъ уши пулями, чтобы разлетѣлись по воздуху головы ихъ. Кто не хочетъ добромъ слушать слова Божія, долженъ слушать палача съ топоромъ“.

9. Подавление крестьянского возстанія.

Евангелическіе и католическіе государи забыли свои споры, соединились для подавленія мятежниковъ. Филиппъ ландграфъ гессенскій выказалъ и въ этомъ дѣлѣ ту энергію, какъ при подавленіи возстанія Зикингена. Услышавъ, что поселяне овладѣли Фульдой и Герсфельдомъ, приближаются къ гессенскому государству, разослалъ гессенскимъ городамъ приглашеніе вступить въ союзъ съ ними. Филиппъ созвалъ гессенскихъ дворянъ въ Альсфельдъ, напомнилъ имъ объ испытанной вѣрности гессенцевъ государю; они поднятіемъ рукъ съ протянутыми двумя пальцами засвидѣтельствовали свою готовность служить ему. Онъ взялъ съ нихъ обѣщаніе не увеличивать податей и повинностей по усмиреніи возстанія и пошелъ отразить инсургентовъ отъ своихъ владѣній, прогналъ ихъ изъ Герсфельда и Фульды, казнилъ тѣхъ ихъ предводителей, которые попались въ плѣнъ, покорилъ Шмалькальденъ, Эйзенахъ, Лангензальцу, этимъ наступленіемъ отрѣзалъ тюрингскихъ инсургентовъ отъ франконскихъ. Курфирстъ Іоаннъ, герцогъ Георгъ, герцогъ Генрихъ Брауншвейгскій, графъ Альбрехтъ Мансфельдскій привели къ нему свои войска и всѣ вмѣстѣ пошли къ Франкенгаузену, гдѣ стоялъ Мюнцеръ съ поселянами. Войско государей имѣло многочисленную артиллерію; у поселянъ не было опытныхъ начальниковъ, ни дисциплины, ни умѣнья сражаться, ни порядочнаго оружія. Ихъ положеніе было отчаянное. Государи предложили имъ покориться; но Мюнцеръ убѣдилъ ихъ разорвать переговоры, внушивъ имъ пламенной рѣчью фантастическую надежду на побѣду. Онъ говорилъ, что самъ Богъ обѣщаль ему свою помощь. «Не бойтесь пушекъ», говорилъ онъ: «вы увидите, что я буду ловить въ рукава всѣ ядра, которыми они будутъ стрѣлять въ васъ; вы уже видите, что Богъ за насъ: развѣ не видите вы на небѣ радугу? Богъ показываетъ ея, что хочетъ помогать намъ, имѣющимъ радугу на нашемъ знамени, что онъ предастъ суду и наказанію кровавыхъ государей; потому будьте безстрашны въ надеждѣ на помощь божію и сражайтесь; Богъ не хочетъ, чтобы вы мирились съ безбожными государями». Поселяне стояли на возвышенности. Ландграфъ 15 мая построилъ войско для битвы, сказалъ рѣчь своимъ всадникамъ, и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ. Поселяне пѣли молитвы, ожидая небесной помощи и нѣсколько времени стояли неподвижно. Но артиллерія производила страшное дѣйствіе, конница прорвала слабую ограду изъ телѣгъ, за которой стояли поселяне, колола ихъ копьями, и побѣда была одержана безъ всякаго труда; поселяне побѣжали во Франкенгаузенъ; конница, потомъ и ландскнехты государей настигали ихъ и убивали массами, ворвались во Франкенгаузенъ и убивали всѣхъ. На мѣстѣ битвы, по дорогѣ въ городъ и на ули-

Франкенгау-
зенская битва.

цахъ его было убито 5.000 человѣкъ; 300 человѣкъ было казнено передъ ратушей. Всѣ сосѣдніе города покорились безъ сопротивленія.

На Вознесеніе побѣдители вступили въ Мюльгаузенъ; передъ городомъ было назначено мѣсто суда и казни. Туда привели Томаса Мюнцера, спрятавшагося во Франкенгаузенѣ, но найденнаго при обыскѣ домовъ; его подвергли мучительнымъ пыткамъ; во время ихъ герцогъ Георгъ упрекалъ его, что онъ погубилъ столько людей; онъ съ улыбкой отвѣчалъ: «Они шли по доброй волѣ». Былъ казненъ и Пфейферъ; онъ умеръ мужественно. Граждане Мюльгаузена были сурово наказаны; на нихъ была наложена тяжелая контрибуція; городъ ихъ былъ лишенъ самоуправленія. Прежнее благосостояніе его исчезло.

Такой же исходъ имѣло возстаніе поселянъ и въ другихъ областяхъ. Въ день битвы при Франкенгаузенѣ герцогъ Антонъ Лотарингскій, ненавидѣвшій инсургентовъ, какъ послѣдователей Лютера и опасавшійся ихъ вторженія изъ Эльзаса въ Лотарингію перешелъ Вогезы у Цаберна съ 10.000 нѣмецкихъ, итальянскихъ, нидерландскихъ, французскихъ, испанскихъ наемниковъ. Въ Цабернѣ стояли укрѣпленнымъ лагеремъ поселяне, число которыхъ простиралось, говорятъ, до 30.000 человѣкъ. Герцогъ истребилъ въ селеніи Лупфштейнѣ отдѣлившійся отъ нихъ отрядъ; они оробѣли, просили пощады; герцогъ дозволилъ имъ разойтись по домамъ. Они положили оружіе и 17 мая пошли изъ городскихъ воротъ. Солдаты герцога лотарингскаго стояли по сторонамъ дороги. Произошла ссора между однимъ изъ ландскнехтовъ и однимъ изъ уходившихъ поселянъ. Ландскнехты закричали: «Бейте, разрѣшено!» Поселяне побѣжали назадъ въ городъ, чтобы взять оружіе, но гельдернскіе и лотарингскіе наемники гнались за ними, ворвались въ городъ, грабили его, убивали безъ разбора поселянъ и горожанъ. Черезъ городскіе ворота нельзя было на другой день пройти: они были завалены трупами. Число убитыхъ простиралось до 18.000. Эразмъ Герберъ былъ привязанъ къ дереву и удушенъ. Онъ до послѣдняго дыханія оставался мужественнъ. Другое войско поселянъ было истреблено вечеромъ 20 мая у Шейвейлера. Этимъ окончательно было подавлено возстаніе въ Эльзасѣ. Много поселянъ было казнено, на остальныхъ наложена была контрибуція.

Истребленіе
Эльзасскихъ
поселянъ при
Цабернѣ.

Труксесъ велъ переговоры съ вюртембергскими инсургентами, съумѣлъ перессорить ихъ. Они перестали слушаться Фейербахера. Труксесъ неожиданно напалъ на нихъ 12 мая при Беблингенѣ; артиллерія ускорила его легкую побѣду; 9.000 поселянъ было убито на полѣ сраженія и во время бѣгства. Вечеромъ Труксесъ услышалъ, что Мельхіоръ Нунненмахеръ, музыкантъ, игравшій при казни вейнсбергскихъ плѣнныхъ, спрятался въ сосѣднемъ городѣ Зиндельфингенѣ. Онъ потребовалъ выдачи его. Несчастнаго привели въ ла-

Подавленіе
возстанія въ
Вюртембергѣ.

геръ Труксеса. Его привязали къ столбу на цѣпи, длиною въ полторы сажени, «чтобъ онъ могъ бѣгать»; разложили костеръ, кольцомъ около дерева; говорятъ, что самъ Труксесъ и нѣкоторые другіе вельможи носили дрова. Это кольцо дровъ зажгли; музыкантъ бросался на цѣпи изъ стороны въ сторону, «къ истинному развлеченію господъ, и понемногу изжарился», какъ выражается современный рассказъ. А должно замѣтить, что Труксесъ считался добрымъ господиномъ и дѣйствительно старался смягчать безжалостныя приказанія герцоговъ баварскихъ.

Осада
Фрауэнберга.

Вендель Гипплеръ привезъ изъ Гейльбронна въ лагерь поселянъ подъ Вюрцбургомъ извѣстіе, что Труксесъ разбилъ вюртембергскихъ поселянъ при Беблингенѣ, идетъ во Франконію. Мы говорили, что поселяне, взявшіе Вюрцбургъ, осаждали сосѣдній замокъ Фрауэнбургъ. Теперь осада длилась уже двѣ недѣли. Она была безуспѣшна; коммендантъ замка сначала боялся поселянъ, имѣвшихъ много пушекъ и ружей и находившихся подъ начальствомъ Геца Берлихингена, графа Вертгейма и нѣсколькихъ другихъ опытныхъ воиновъ; онъ соглашался принять Двѣнадцать статей; епископъ вюрцбургскій, бѣжавшій въ Гейдельбергъ, прислалъ свое согласіе на это. Но граждане Вюрцбурга полагали, что для ихъ безопасности необходимо взять замокъ, господствующій надъ городомъ. Они и поселяне поклялись не принимать мира, пока не разрушатъ Фрауэнбургъ. Осаждающіе бомбардировали замокъ, почти каждый день штурмовали его, но стѣны были крѣпки, гарнизонъ отбивалъ приступы. Въ день франкенгаузенской битвы, 15 мая, осаждающіе сдѣлали рѣшительный приступъ, перешли рвы, приставили лѣстницы къ стѣнамъ; но изъ амбразуръ бросали на нихъ зажженные пуки хвороста, облитого сѣрой; множество ихъ было изувѣчено огнемъ и въ два часа ночи они отступили. Потомъ они сдѣлали второй приступъ и тоже были отбиты. Ровъ кругомъ замка былъ заваленъ ихъ трупами.

Положеніе осаждающихъ стало опасно. Теперь они соглашались заключить миръ съ фрауэнбургскимъ гарнизономъ на основаніи Двѣнадцати статей. Но ихъ предложеніе было отвергнуто. Съѣздъ депутатовъ франконскихъ поселянъ, собравшійся въ Швейнфуртъ, обнародовалъ манифестъ, обращавшійся ко всѣмъ государямъ, дворянамъ, городамъ и сельскимъ общинамъ. Онъ оправдывалъ требованія поселянъ и приглашалъ всѣхъ владѣтелей пріѣхать или прислать уполномоченныхъ въ Швейнфуртъ для установленія проповѣди слова божія и для устройства мира, правосудія и въ особенности повиновенія властямъ. Но лишь немногіе уполномоченные пріѣхали въ Швейнфуртъ, а главнокомандующій швабекаго союза уже шелъ подавить и во Франконіи возстаніе, подавленное имъ въ южной Швабіи. Онъ направлялся къ Вейнсбергу. Гипплеръ убѣждалъ начальниковъ войска, осаждавшего Фрауэнбургъ, послать отрядъ и пушки въ Вейнсбергъ,

но не могъ убѣдить несогласныхъ между собой предводителей вюрцбургскихъ инсургентовъ. Черезъ нѣсколько времени они рѣшили перейти на выгодную позицію у Краутгейма, но было уже поздно. Труксесъ 19 мая разбилъ при Неккаргартахъ отрядъ инсургентовъ, бывший подъ начальствомъ Йеклина Рорбаха и подвергъ взятаго въ плѣнъ вождя ихъ той же судьбѣ, какъ Мельхіора Нунненмахера. Онъ велѣлъ привязать Рорбаха къ дереву и изжарить. Черезъ два дня онъ вошелъ въ Вейнсбергъ, разграбилъ и сжегъ его. Пфальцграфъ Людвигъ съ сильной артиллеріей шелъ на соединеніе съ Труксесомъ; города на пути сдавались ему. Курфирстъ майнцскій находился при немъ. Онъ и Труксесъ соединились 29 мая; у нихъ было теперь 8.000 человѣкъ пѣхоты и 2.500 конницы. Подходя къ Тауберу, они слышали, что у Кенигсгофена стоитъ отрядъ оденвальдскихъ поселянъ, подъ начальствомъ Мецлера (Гёцъ Берлихингенъ уѣхалъ по окончаніи срока, на который обязался начальствовать инсургентами). Пфальцграфъ и Труксесъ пошли на этотъ отрядъ, въ которомъ было, говорятъ, 8.000 человѣкъ. Увидѣвъ конницу, инсургенты хотѣли уйти въ лѣсъ; конница напала на нихъ съ фланга, они обратились въ бѣгство, непріятель окружилъ ихъ въ лѣсу и истребилъ почти всѣхъ. Мецлера видѣли скачущимъ на быстрой лошади; онъ исчезъ изъ вида, и что было потомъ съ нимъ—неизвѣстно. — Черезъ 100 лѣтъ въ лѣсу еще лежали цѣлыя груды человѣческихъ костей.—Другой отрядъ поселянъ, отдѣлившійся отъ вюрцбургскаго войска, стоялъ у Ингольштада. Труксесъ и пфальцграфъ пошли туда. Ландскнехты швабскаго союза, сыновья поселянъ неохотно сражались съ поселянами; при томъ Труксесъ раздосадовалъ ихъ, не давъ награды за Кенигсгофенское сраженіе, въ которомъ не выказали они усердія. Потому пфальцграфъ напалъ съ одной конницей на инсургентовъ у Ингольштада. Они обратились въ бѣгство. Было убито болѣе 3.000 бѣгущихъ. Но не всѣ погибли безъ сопротивленія; было 600 человѣкъ, имѣвшихъ хорошее оружіе, ружья, длинныя копья, аллебарды; это былъ остатокъ ротенбургскаго Чернаго отряда. Ими начальствовалъ Флоріанъ Гейеръ. Они отступали въ порядкѣ. Пфальцграфъ повелъ на нихъ 1.200 рыцарей и рейтаровъ; они оборонялись геройски. Когда у нихъ не осталось пороха, они защищались камнями, выламываемыми изъ развалинъ замка, до которыхъ дошли. Флоріанъ съ нѣсколькими другими пробился. Всѣ остальные погибли.—Флоріанъ пошелъ въ Лимбургъ, думая поднять возстаніе тамъ, но на пути былъ убитъ, мужественно сражаясь.

Взятіе
Вейнсберга.

10. Результаты возстанія.

Взятіе
Вюрцбурга.

Побѣдители пошли къ Вюрцбургу; поселяне при ихъ приближеніи разошлись разрозненными толпами въ горы. Вюрцбургъ 7 іюня сдался. Члены городского совѣта и начальники частей города были поставлены на главной площади. Труксесъ сказалъ имъ, что всѣ они заслужили смерти. Они упали на колѣна, прося пощады. Четыре палача отрубили головы нѣкоторымъ. Другіе были отведены въ темницы и казнены въ слѣдующіе дни. На городъ была наложена тяжелая контрибуція. Прежняя власть епископа надъ нимъ была увеличена. Епископъ возстановилъ католическое богослуженіе и отправился въ объѣздъ по своимъ владѣніямъ судить и казнить, число казненныхъ имъ составляло сотни; не было конца контрибуціямъ и конфискаціямъ.—Казиміръ маркграфъ ансбахскій былъ принужденъ сдѣлать уступки поселянамъ своихъ владѣній. Теперь онъ могъ мстить и мстилъ свирѣпо. Граждане Кицингена однажды кричали, что не хотятъ видѣть маркграфа; теперь онъ выкололъ глаза 57 кицингенцамъ. Соединившись съ Труксесомъ, онъ пошелъ по южной Франконіи, жегъ, грабилъ, казилъ.—Пфальцграфъ Людвигъ пошелъ изъ Вюрцбурга внизъ по Майну, усмиряя поселянъ. У Пфеддерсгейма онъ 24 іюня разбилъ многочисленный, но плохо вооруженный отрядъ ихъ; 4.000 было убито на полѣ сраженія; конница преслѣдовала, истребляла бѣгущихъ; архіепископъ трирскій, сопровождавшій пфальцграфа, самъ гнался за побѣжденными поселянами, убивалъ ихъ своей рукой. Пфальцграфъ 12 іюля возвратился въ Гейдельбергъ, обогатившись контрибуціями; но былъ настолько милостивъ къ своимъ подданнымъ, что далъ имъ нѣкоторыя облегченія. Въ другихъ рейнскихъ земляхъ были отняты у поселянъ и горожанъ тѣ права, какія вынудили они у своихъ государей.

Вендель Гипплеръ пожаловался нѣмецкому сейму на графовъ Гоэнлоэ, конфисковавшихъ его имущества; за это онъ былъ схваченъ, брошенъ въ темницу, въ которой и умеръ. Гецъ Берлихингенъ былъ преданъ суду, два года сидѣлъ въ темницѣ; потомъ ему было велѣно безвыѣздно жить въ его замкѣ Гарнбургѣ. Черезъ 16 лѣтъ Карлъ далъ ему прощеніе. Онъ умеръ въ глубокой старости 23 іюня 1562.

Нѣсколько дольше, чѣмъ во Франконіи, держались инсургенты въ южной Швабіи. Неподалеку отъ Меммингена стояло войско поселянъ, къ которымъ присоединилось довольно большое число ландскнехтовъ, возвратившихся изъ Италіи послѣ побѣды при Павіи. Эрцгерцогъ Фердинандъ, желавшій упрочить свою власть надъ Вюртембергомъ, хотѣлъ пріобрѣсти расположеніе поселянъ, вступилъ съ ними въ переговоры, запретилъ Труксесу нападать на нихъ. Но Труксесъ не

обратилъ вниманія на его волю и соединившись съ вождемъ ландскнехтовъ Фрундсбергомъ, пошелъ по южной Швабіи, жегъ селенія. Говорятъ, что ландскнехты, принявшіе сторону поселянъ, ушли отъ нихъ къ своему бывшему начальнику. Какъ бы то ни было, но поселяне, стоявшіе у Меммингена были обращены въ бѣгство. Труксесъ усмирилъ всю южную Швабію. Въ награду за то императоръ назначилъ его правителемъ герцогства вюртембергскаго, далъ во владѣніе ему Цейль и сдѣлалъ наслѣдственнымъ въ его потомствѣ тотъ санъ кравчаго, Truchsess, который занималъ онъ и названіемъ котораго уже и прежде замѣнялась его фамилія Вальдбургъ. Дольше и упорнѣе всего держались инсургенты въ архіепископствѣ зальцбургскомъ и Тиролѣ. Туда пошли по порученію швабскаго союза Фрундсбергъ и Людвигъ, герцогъ баварскій. Но и они увидѣли себя принужденными вступить въ переговоры съ поселянами. Спокойствіе въ архіепископствѣ зальцбургскомъ и въ Тиролѣ было восстановлено не столько силой оружія, сколько уступками, на которыя согласились архіепископъ и Фердинандъ. Повинности, введенныя въ послѣднія 50 лѣтъ, были отмѣнены; архіепископъ и эрцгерцогъ даже допустили свободу евангельской проповѣди. Почти во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ областяхъ повинности и оброки были, по усмиреніи возстанія, увеличены.

Возставшіе поселяне умѣли дѣйствовать только насиліемъ и были подавлены кровавымъ мщеніемъ, не исцѣлившимъ того неуройства, которымъ было произведено возстаніе. Лишь немногіе государи и господа дали своимъ поселянамъ нѣкоторое облегченіе. Цѣлыя области были опустошены, распаденіе частей націи увеличилось, распространеніе реформациі было остановлено, политическая жизнь народа была подавлена; масса его прониклась недовѣріемъ къ правителямъ, они стали недовѣрять ей. Тѣ элементы возстанія поселянъ, развитіе которыхъ могло бы стать полезныхъ для націи, были заглушены реакціею. Поселяне были усмирены легко, потому что не имѣли искусныхъ вождей, которые пользовались бы авторитетомъ достаточнымъ для того, чтобъ объединить ихъ силы. Они дѣйствовали разрозненно и безъ опредѣленнаго плана. За исключеніемъ попытки сформировать общее управленіе инсургентами въ Гейльброннѣ, мы не видимъ никакихъ слѣдовъ единства въ дѣйствіяхъ поселянъ разныхъ областей. Тѣ вельможи и дворяне, которые стали предводителями возставшихъ поселянъ, имѣли свои личныя цѣли совершенно чуждыя интересамъ простолюдиновъ. Графъ Вильгельмъ Геннебергскій, помогавшій поселянамъ, хотѣлъ только отнять владѣнія у епископа вюрцбургскаго, сдѣлать эту область свѣтскимъ государствомъ, отдать ее своему двоюродному брату, маркграфу Георгу Бранденбургскому. Гецъ Берлихингенъ принялъ на себя должность главнокомандующаго поселянъ только по принужденію и при первой возможности уѣхалъ отъ нихъ.

VII ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

1) Завоеваніе герцогства миланскаго императоромъ.

Побѣда при Мариньяно отдала во власть Франциску I герцогство миланское и Геную. Старшій сынъ Людовика Мора жилъ во Франціи, получая пенсію отъ короля французскаго. Младшій сынъ Людовика Франческо жилъ изгнанникомъ при дворѣ своего родственника Максимилиана. Левъ X пріѣхалъ въ Болонью на свиданье съ побѣдителемъ и заключилъ съ нимъ договоръ. Максимилианъ и его внукъ Карлъ признали по Нойонскому договору (13 августа 1516) короля французскаго государемъ Милана. Швейцарцы на фрейбургскомъ сеймѣ 29 ноября 1516 возобновили прежніе договоры съ королемъ французскимъ, назначившимъ большую ежегодную плату имъ за дозволеніе вербовать наемниковъ въ Швейцаріи. Венеція была союзницей Франциска. Генрихъ VIII, хотя и былъ родственникъ Карлу, не желалъ войны съ королемъ французскимъ и на блестящемъ свиданіи между Ардромъ и Гиномъ въ іюнѣ 1520 заключилъ союзъ съ нимъ. Такимъ образомъ Францискъ нѣсколько времени спокойно властвовалъ надъ герцогствомъ Миланскимъ. Но австрійская династія хотѣла отнять у него это государство, считавшееся леномъ нѣмецкой имперіи. Получивъ императорскую корону, Карлъ V заявилъ свои ленныя права на герцогство миланское, и 8 мая 1521 заключилъ съ Львомъ X договоръ, по которому императоръ обязался отдать римскому престолу Парму и Піаченцу, а папа обѣщался помогать ему въ войнѣ съ Францискомъ. Король французскій во время возстанія комунеровъ хотѣлъ отнять у короля испанскаго Наварру и отдать ее своему кліенту Генриху Альбрё, носившему титулъ короля наваррскаго. Изъ всего этого ясно было, что скоро начнется рѣшительная война между Карломъ и Францискомъ. Папа убѣждалъ черезъ кардинала епископа зиттенскаго швейцарскій союзъ дозволить ему вербовать наемниковъ. Но Францискъ удвоилъ ежегодную плату швейцарскому сейму, и былъ заключенъ договоръ, по которому сеймъ возобновилъ разрѣшеніе королю французскому вербовать наемниковъ.

Англійскій король заключилъ союзъ и съ Карломъ и Францискомъ; онъ обязался объявить войну тому изъ нихъ, который нападетъ на другого. Желая уклониться отъ военныхъ дѣйствій онъ въ августѣ 1521 послалъ на континентъ своего министра Уольси быть посредникомъ между ними. Но требованія императора были такъ велики, что Францискъ не могъ принять ихъ. Карлъ хотѣлъ, чтобы французскій король отказался отъ Милана и Генуи, уступилъ ему герцогство бургонское, отнятое Людовикомъ XI у его династіи, отказался также отъ саны сюзерена Фландріи и Артуа, владѣтелю которыхъ, императору, не прилично считаться вассаломъ другого государя. Францискъ не могъ не отвергнуть этихъ условій. Потому въ вы-

зовѣ на войну виновать былъ Карлъ; но онъ обѣщалъ Генриху больше выгодъ, чѣмъ Францискъ, потому Генрихъ объявилъ, что въ войнѣ виновать Францискъ, и принялъ сторону императора. Уольсен заключилъ отъ его имени договоръ въ Брюгге съ Карломъ.

Поводомъ къ войнѣ послужило то, что Францискъ помогалъ графу Маркскому. Герцогъ Нассаускій и Фрундсбергъ повели императорское войско изъ Нидерландовъ во Францію, взяли Музонъ, осадили Мезьеръ; укрѣпленія этого города были слабы, но Монморанси и Баяръ оборонялись въ немъ такъ упорно, что король французскій успѣлъ привести войско и заставилъ непріятеля отступить. Это было въ октябрѣ (1521 года). Казалось, что между Камбре и Валансьеномъ произойдетъ большая битва; но военныя дѣйствія ограничились тѣмъ, что французы отняли нѣсколько укрѣпленій, взятыхъ императорскимъ войскомъ. Другая французская армія подъ начальствомъ Бонниве пошла въ Наварру; успѣхи ея тоже были незначительны. Она только взяла Фуэнтаравію.

На обоихъ этихъ театрахъ войны противники дѣйствовали слабо; они собирали массы своихъ войскъ для борьбы въ Италіи. Она началась тѣмъ, что изъ Неаполя пошло на сѣверъ войско, къ которому присоединились папскіе наемники. Испанцами и нѣмцами Карла начальствовали Просперо Колонна и Ферранте Авалось Пескара; итальянскими и швейцарскими наемниками папы Федерико Гонзага, маркграфъ мантуанскій. (Знаменитый историкъ Гвиччардини находился при этой арміи папскимъ комиссаромъ). Императорскіе полководцы пошли къ Пармѣ, но потерпѣли неудачу, потому что непріятель былъ гораздо многочисленнѣе ихъ войска. Лотрекъ, правитель Милана, имѣлъ сильную армію; венеціанцы пошли на помощь ему: герцогъ феррарскій опасавшійся замысловъ папы на его владѣнія и потому вступившій въ союзъ съ Францискомъ, напалъ на папскія владѣнія; къ Лотреку пришли бернскіе, потомъ и другіе швейцарскіе наемники. Колонна и Пескара ссорились съ Гонзагой. Казалось, что французы пріобрѣтутъ большіе успѣхи. Но Лотрекъ дѣйствовалъ вяло. Кардиналъ епископъ зиттенскій убѣдилъ Цюрихъ и нѣкоторые другіе кантоны дозволить ему вербовку наемниковъ для папы. Джуліо Медичи привезъ изъ Флоренціи 13 выюковъ денегъ въ лагерь союзниковъ папы и щедрыми подарками достигъ того, что ссоры императорскихъ полководцевъ съ папскими прекратились. Просперо Колонна перешелъ По, двинулся къ Ольіо. Французскіе генералы убѣждали Лотрека напасть на него въ позиціи у Ребекки, пока еще не пришла къ нему главная масса швейцарскихъ наемниковъ, собранныхъ епископомъ зиттенскимъ. Но французскій главнокомандующій былъ недаровитъ и робокъ. Онъ предпочелъ занять укрѣпленную позицію за Аддой. Служившіе у него швейцарцы досадовали на неисправную выдачу жалованья и разсердились, утративъ надежду скоро обога-

Война
въ Сѣверной
Италіи.
1521.

тяться добычей; многіе изъ нихъ ушли домой. Между тѣмъ швейцарскіе волонтеры, поступившіе на папскую службу, пришли въ Италію; часть ихъ присоединилась къ Просперо Колоннѣ, другая пошла къ Редджо. Колонна двинулся къ Аддѣ. Лотрекъ сталъ у Кассано, защищая переправу, но распоряжался плохо. Колонна перешелъ рѣку и направился къ Милану. Это было поздней осенью. Дороги испортились отъ проливныхъ дождей; Лотрекъ надѣялся, что непріятель не въ состояніи будетъ довести до Милана осадную артиллерію, потому не позаботился усилить миланскія укрѣпленія, сдѣлалъ лишь незначительные окопы. Населеніе герцогства Миланскаго тяготилось французскимъ владычествомъ, желало возстановленія своей независимости, потому съ радостью встрѣчало войско императора, объявившаго, что отдаетъ Миланъ Франческо Сфорцѣ, чьи прокламаціи дышали кротостью. Лотрекъ хотѣлъ страхомъ подавить симпатію къ Сфорцѣ, казнилъ Кристофоро Паллавичини, вліятельнѣйшаго изъ приверженцевъ его и близкаго родственника папы. Эта жестокость усилила народное раздраженіе. Въ темную бурную ночь 19 ноября, императорскія войска подступили къ Милану. Маркизь Пескара, начальникъ испанской пѣхоты, ворвался съ нѣсколькими стрѣлками и ландскнехтами черезъ Римскія ворота въ предмѣстье. Ободренные его отвагой испанцы, итальянцы, нѣмцы, швейцарцы бросились штурмовать окопы. Но въ городѣ стояло все французское войско. Приступъ казался безуспѣшнымъ; начальники уже совѣтовались о томъ, не слѣдуетъ ли дать сигналъ къ отступленію; но на улицахъ города поднялся крикъ «бей французовъ!» миланцы взяли за оружіе. Лотрекъ ушелъ изъ Милана. Императорское войско вступило въ городъ. Народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ. Джироламо Мороне, уполномоченный герцога Франческо, принялъ отъ его имени управленіе въ Миланѣ. Мороне былъ человѣкъ даровитый, очень хитрый и безсовѣстный; сначала онъ выставлялъ себя приверженцемъ независимости Италіи, потомъ сдѣлался усерднымъ орудіемъ упроченія владычества Карла надъ нею.

Примѣру Милана послѣдовали Лоди, Павія, Парма, Піаченца. Лотрекъ ушелъ въ крѣпкую позицію у Кремоны. Но въ миланской цитадели оставался французскій гарнизонъ. Императорскіе полководцы надѣялись скоро вытѣснить Лотрека изъ Кремоны. Неожданная смерть Льва X (1 декабря 1521) измѣнила ходъ дѣлъ. Новый папа Адріанъ, усердный слуга своего бывшего воспитанника Карла, былъ плохой правитель, думалъ только о церковныхъ дѣлахъ, мечталъ примирить Карла съ Францискомъ, чтобъ они общими силами защитили Родосъ отъ турокъ. Левъ X надѣлалъ много долговъ, Адріанъ жалѣлъ денегъ на жалованье швейцарцамъ, и большая часть ихъ ушла изъ папскаго войска, помогавшаго императорскому. Между тѣмъ французы на вербовали въ Швейцаріи новыхъ наемниковъ и въ началѣ

1522 года эти волонтеры пошли помогать Лотреку. Впрочемъ императорское войско тоже получило подкрѣпленіе въ замѣнѣ ушедшихъ изъ него папскихъ наемниковъ. Георгъ Фрундсбергъ на вербовалъ въ Швабіи и въ Тиролѣ 6.000 ландскнехтовъ и пошелъ съ Франческо Сфорцей въ Миланъ къ Просперо Колоннѣ. Франческо Сфорца вступилъ въ Миланъ 4 апрѣля. Народъ принялъ его съ восторгомъ.

Битва при
Биккока.

Ландскнехты, приведенные Фрундсбергомъ доставили Просперо Колоннѣ перевѣсъ силы надъ французами. Онъ пошелъ изъ Милана по направленію къ Монцѣ и сталъ у Биккоки въ крѣпкой позиціи за рвами и болотами. Лотрека упрекали за то, что онъ въ прошломъ году дѣйствовалъ робко, не напалъ на Колонну у Ребекки. Онъ теперь хотѣлъ снять съ себя это порицаніе; швейцарцы требовали битвы, надѣясь на добычу; онъ согласился на ихъ желаніе и 27 апрѣля атаковалъ Колонну въ его сильной позиціи, укрѣпленной окопами. Швейцарцы въ своей горячности, не слушая распоряженій Лотрека, опрометчиво бросились на окопы, изъ за которыхъ ландскнехты направили на нихъ страшный артиллерійскій и ружейный огонь. Бой былъ ужасенъ. Фрундсбергъ получилъ рану въ ногу. Швейцарецъ, нанесшій ему ее, Арнольдъ Винкельридъ, предкомъ котораго считался легендарный герой земпахской битвы, былъ убитъ пулей. Французская кавалерія атаковала мостъ, защищаемый Франческо Сфорцей, была опрокинута и разстроила задніе ряды своей пѣхоты. Французы обратились въ бѣгство; тогда швейцарцы прекратили штурмъ и отступили къ Монцѣ. Побѣжденные потеряли нѣсколько тысячъ убитыхъ и раненыхъ. Побѣдители слабо преслѣдовали ихъ, потому что были изнурены.

У Лотрека не было денегъ на жалованье швейцарцамъ; они отрядъ за отрядомъ уходили отъ него домой. Венеціанцы, союзники французовъ, отступили. Императорскія войска быстро овладѣли всей Ломбардіей. Французы держались только въ миланской цитадели, въ Кремонѣ и въ нѣсколькихъ мелкихъ крѣпостяхъ. Лотрекъ поѣхалъ во Францію оправдываться передъ королемъ, передавъ начальство надъ остатками войска своему брату Лекёну (Lescun) и уполномочивъ его вести переговоры съ непріятелемъ. Фрундсбергъ подступилъ къ Генуѣ, требуя, чтобы возвращены были владѣнія изгнаннымъ Адорни, приверженцамъ императора. Дожъ Оттавіано Фрегосо, глава французской партіи, сталъ обороняться; ландскнехты взяли и ограбили Геную. Они мѣряли сукно копьями, одѣлись въ бархатъ, брали съ богатыхъ фамилій выкупъ за пощаду домовъ. Фрегосо и Піетро Наварро, посланный Францискомъ на помощь ему, были взяты къ плѣнѣ. Въ половинѣ апрѣля слѣдующаго (1523) года французы сдали миланскую цитадель, удержались только въ Кремонѣ. Венеціанцы и герцогъ феррарскій заключили миръ и союзъ съ императоромъ.

Успѣхъ пріобрѣтенный въ Италіи внушилъ Карлу надежду отнять

у Франціи и присоединить къ имперіи земли, составлявшія королевство арелатское, и возвратить своей династіи герцогство бургонское. Нѣкогда королевство арелатское считалось принадлежащимъ нѣмецкому императору. Карлъ V заявилъ теперь притязанія на него. Генрихъ VIII, союзникъ императора, вспомнилъ, что западная часть Франціи принадлежала англійскимъ королямъ. Онъ надѣялся сдѣлать большія завоеванія и объявилъ 29 мая 1522 войну Франциску. Англійское войско двинулось изъ Кале, соединилось съ нидерландскимъ войскомъ Карла, пошло по Пикардіи. Англійскій адмиралъ лордъ Сорри, получившій титулъ адмирала и отъ Карла, поплылъ къ Шербуру. Еще опаснѣе легкомысленнаго и трусливаго Генриха былъ для короля французскаго внутренній врагъ, герцогъ Карлъ Бурбонскій.

Карлъ
Бурбонскій.

Отецъ Карла Жильберъ, умершій въ 1496 году въ Неаполѣ, правителемъ котораго былъ, оставилъ ему только графство Монпансье. Женившись на Сусаннѣ, единственной дочери и наслѣдницѣ Пьера, герцога Бурбонъ-Бежесскаго; онъ съ согласія Людовика XII сталъ наслѣдникомъ старшей линіи бурбонской фамиліи, богатѣйшимъ и могущественнѣйшимъ послѣ короля человѣкомъ во Франціи. Къ прежнему его владѣнію присоединились герцогства бургонское и овернское, графства Клермонское, ламаршское, форецское и много другихъ большихъ владѣній; доходы его были такіе, какихъ не имѣлъ ни одинъ нѣмецкій областной государь; блескъ его двора былъ подобенъ королевскому; за его храбрость Францискъ далъ ему санъ коннетабля (главнокомандующаго всѣми военными силами Франціи). Онъ былъ привѣтливъ, щедръ и честолюбивъ. Въ первые годы своего царствованія Францискъ еще не имѣлъ сыновей, и Карлъ Бурбонъ, ближайшій родственникъ его, могъ надѣяться, что будетъ его преемникомъ. Но у Франциска родился сынъ. Король сталъ обижать герцога бургонскаго, нѣсколько разъ поручалъ начальство надъ арміями другимъ. Герцогъ выступилъ главою партіи недовольныхъ, число которыхъ постоянно росло по раздраженію на деспотизмъ Франциска. Жена Карла, Сусанна, умерла 28 апрѣля 1521. Она назначила мужа наслѣдникомъ своихъ владѣній. Но королева мать, Луиза Савойская, дочь сестры отца Сусанны, заявила притязанія на это наслѣдство и подняла вопросъ о незаконности завѣщанія Сусанны, нарушающаго сюзеренное право короля распоряжаться выморочными ленами. Кромѣ жадности, у Луизы Савойской былъ въ этомъ дѣлѣ, какъ говорятъ, и другой мотивъ, желаніе отмстить Карлу Бурбонскому за то, что онъ пренебрегъ ея любовью, отвергъ ея предложеніе повѣнчаться съ нимъ. Въ парижскомъ парламентѣ начатъ былъ процессъ по вопросу о правѣ Карла наслѣдовать владѣнія Сусанны. Луиза Савойская властвовала надъ сыномъ, потому было несомнѣнно, что процессъ кончится приговоромъ, отнимающимъ у Карла владѣнія старшей линіи Бурбоновъ.

Раздраженный Карлъ рѣшился искать поддержки у враговъ короля. Адрианъ Боренъ вступилъ отъ его имени въ тайные переговоры съ императоромъ и Генрихомъ VIII. По заключенному съ нимъ соглашенію было рѣшено, что императорское войско пойдетъ изъ Нидерландовъ въ герцогство бургонское, изъ Испаніи въ Лангедокъ, что англійское войско пойдетъ въ Пикардію, а герцогъ Бурбонскій возьмется за оружіе противъ короля французскаго. Онъ былъ увѣренъ, что соберетъ 10.000 человекъ пѣхоты и 500 копій (3.000 всадниковъ). Императоръ обѣщалъ выдать за него свою сестру Элеопору (вдовствующую королеву португальскую) и признать его королемъ французскимъ; онъ, съ согласія императора, обѣщался признать себя вассаломъ короля англійскаго. Въ это время Францискъ готовился идти въ Италію; герцогъ бурбонскій надѣялся или захватить его въ плѣнъ, или отрѣзать ему путь отступленія изъ Италиі. Но замыселъ герцога былъ открытъ королю двумя вельможами. Францискъ потребовалъ объясненія у герцога и предложилъ ему для опроверженія доноса участвовать въ итальянскомъ походѣ. Онъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ вельможъ уѣхалъ переодѣтый изъ Франціи въ Эльзасъ. Англичане и нидерландскія войска императора вступили въ Пикардію и Шампань; герцогъ бурбонскій собиралъ наемниковъ идти на соединеніе съ ними. Они дошли до Уазы, угрожали Парижу. Но Францискъ, думавшій идти въ Италію, куда уже пошелъ съ довольно большой арміей адмиралъ Бонниве, остался во Франціи, принялъ мѣры обороны. Парижскій парламентъ началъ процессъ по обвиненію герцога бурбонскаго въ измѣнѣ и мятежѣ. Онъ, увидѣвъ, что войска, вошедшія во Францію съ сѣвера остановлены войсками Франциска поѣхалъ въ Италію.

Осенью (1523) Бонниве перешелъ Тичино и двинулся на Миланъ. Осада Милана. Но Просперо Колонна хорошо укрѣпилъ Миланъ, заготовилъ запасы продовольствія; миланцы были преданы своему герцогу, не входили въ сношенія съ французами, потому осада, которую началъ Бонниве, шла безуспѣшно. Утомляемый вылазками изъ города, осенними дождями и снѣгомъ наступившей зимы, онъ отступилъ къ Тичино.

Съ новымъ годомъ дѣла императорскаго войска пошли еще успѣшнѣй. Оно получило подкрѣпленія: изъ Неаполя привелъ конницу вице-король Шарль Ланнуа; герцогъ урбинскій повелъ на французовъ папскія войска; провѣдиторъ (областной правитель) Пезаро—венеціанскія; эрцгерцогъ Фердинандъ прислалъ 7.000 ландскнехтовъ; еще отрядъ ихъ привелъ Шертлинъ Буртенбахъ. Маркизь Пескара, начальникъ испанской пѣхоты, распорядившись военными дѣйствіями по болѣзни Просперо Колонны (который вскорѣ умеръ), пользовался уваженіемъ войска; пріѣхалъ Карлъ Бурбонскій, назначенный императорскимъ намѣстникомъ въ Сѣверной Италиі, Бонниве надѣялся, что къ нему прійдутъ бернскіе и граубюнденскіе наемники, но непріятель долго

задерживалъ ихъ на пути. Бонниве предлагалъ непріятелю битву, но онъ не принималъ ея, надѣясь вытѣснить французовъ изъ Италіи искусными маневрами, и дѣйствительно оттѣснилъ ихъ за Тичино къ верховью Сезіи. Швейцарцы стояли въ Ивреѣ. Бонниве хотѣлъ перейти у Гаттинары Сезію, чтобы соединиться съ ними; Пескара напалъ на него во время этого перехода (30 апрѣля 1524); французское войско разстроилось, мостъ подломился, Гаттинара была зажжена; множество французовъ погибло. Бонниве, раненный въ руку, передалъ начальство знаменитому рыцарской доблестію Баяру; непріятель преслѣдовалъ отступающихъ. Пуля нѣмецкаго стрѣлка нанесла Баяру смертельную рану. Умирающаго сняли съ лошади, посадили подъ дерево лицомъ къ непріятелю. Герцогъ Бурбонскій подошелъ къ нему, сталъ выражать свое сожалѣніе о его смертельной ранѣ; говорятъ, что онъ отвѣчалъ: «Не жалѣйте обо мнѣ, потому что я умираю, исполняя мой долгъ; но достойны сожалѣнія тѣ, которые сражаются противъ своего короля, присяги и отечества». Баяръ, рыцарь безъ страха и упрека, какъ называли его, былъ еще не старикъ, ему было только 48 лѣтъ.—Французы отступили за Альпы, Швейцарцы возвратились домой. Лоди, Новара, Алессандрія сдались безъ сопротивленія императорскимъ войскамъ. У французскаго короля не осталось ни клочка земли въ Италіи.

2. Битва при Павіи. Мадридскій миръ.

Вторженіе герцога Бурбонскаго во Францію. Побѣдители рѣшили идти во Францію. Герцогъ Бурбонскій горѣлъ желаніемъ отмстить Франциску. Онъ имѣлъ много друзей въ Провансѣ и надѣялся, что они провозгласятъ его королемъ. Генрихъ VIII обѣщался прислать ему денегъ. Изъ Испаніи должно было идти войско на помощь ему. Въ іюль (1524 года) онъ перешелъ рѣку Варъ, границу Франціи. Главную силу войска его составляли нѣмецкіе ландскнехты, намербованные Лодрономъ и Эйтельфрицемъ Цоллерномъ. Кромѣ нихъ у него были испанцы Пескары и нѣсколько отрядовъ итальянцевъ. Антибъ, Фрежюсъ, Тулонъ сдались ему безъ сопротивленія; 9 августа онъ взялъ Эсъ и черезъ десять дней подступилъ къ Марсели. Онъ принялъ титулъ графа прованскаго и, какъ было условлено, призналъ себя вассаломъ короля англійскаго. Но скоро дѣла получили невыгодный для него оборотъ. При всемъ недовольствѣ деспотизмомъ Франциска, нація оставалась вѣрна королю по патріотизму. Государственный сеймъ, торопливо созванный, далъ королю на военные расходы три оклада налога, называвшагося тальей (taille). Это составило 5.000.000 ливровъ, сумму очень большую по тогдашней

цѣнности денегъ. Граждане и гарнизонъ Марсели храбро оборонялись; осада шла неудачно; у Карла Бурбонскаго не доставало денегъ на жалованье наемникамъ; ихъ усердіе ослабѣвало. Францискъ собралъ въ Авиньонѣ большое войско; воинственные поселяне Дофинэ массою шли подъ его знамена; щедрое жалованье привлекло къ нему очень много швейцарцевъ и даже нѣмецкихъ ландскнехтовъ; у него набралось 2.000 всадниковъ и 30.000 человѣкъ пѣхоты. Осада начинала подвигаться къ успѣху; артиллерія герцога бурбонскаго пробила брешь; Пескара одушевлялъ войска въ приступахъ примѣромъ своей отваги; но защитники города, между которыми особенной храбростью отличались итальянцы враждебной императору партіи Орсини, отбивали приступы и поправляли разбитыя укрѣпленія. Во второй половинѣ сентября Пескара сталъ опасаться, что французскій король отрѣжетъ путь отступленія, и 28 сентября повелъ своихъ испанцевъ назадъ. Герцогъ Бурбонскій увидѣлъ себя въ необходимости тоже отступать.

Францискъ пошелъ въ Италію и межъ тѣмъ какъ императорское войско переходило приморскія Альпы, онъ перешелъ Альпійскій хребетъ другими проходами; въ одинъ и тотъ же день оба войска перешли Тичино, Карлъ Бурбонскій у Павіи, французы у Аббатѣ Грассо. Французы овладѣли большею частью Ломбардіи, императорское войско заняло крѣпкую позицію неподалеку отъ Павіи, въ которой стоялъ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ храбраго генерала Антоніо Лейвы. Карлъ Бурбонскій уѣхалъ въ Германію вербовать ландскнехтовъ. Французы въ концѣ октября осадили Павію, надѣясь быстро взять ее. Они рассчитывали, что въ ней мало съѣстныхъ припасовъ и полагали, что у Лейвы нѣтъ денегъ на жалованье нѣмецкимъ наемникамъ, что поэтому они не станутъ долго сопротивляться. Но граждане Павіи не хотѣли сдаваться, ободряли гарнизонъ; Лейва перечеканилъ въ монету серебряныя и золотыя украшенія церквей и даже утварь. Осажденные терпѣливо выносили голодъ, возводили новыя стѣны и окопы за тѣми проломами, какіе дѣлала въ стѣнахъ французская артиллерія и отбивали приступы. Французы хотѣли отвести Тичино въ новое русло, чтобы пройти по старому въ самый городъ. Это дѣло не удалось. Въ январѣ они перестали дѣлать приступы, ограничились блокадой, надѣясь принудить крѣпость къ сдачѣ голодомъ. Чтобы непріятель не мѣшалъ блокадѣ, Францискъ послалъ въ Южную Италію Джона Стюарта, герцога Альбани, надѣясь, что Пескара пойдетъ за нимъ. Но испанскій полководецъ предоставилъ вице-королю Ланнуа защищаться отъ Альбани собственными силами, остался въ Ломбардіи, гдѣ должна была рѣшиться судьба войны. Къ Пескарѣ пришли ландскнехты, набранные въ юговосточной Германіи при содѣйствіи эрцгерцога Фердинанда герцогомъ Бурбонскимъ, продавшимъ свои брильянты для уплаты задатка имъ. Часть ландскнехтовъ велъ Георгъ Фрундсбергъ. Они соединились у Лоди съ войскомъ

Осада Павіи.

Пескары; соединенныя силы пошли къ Павіи; надобно было спѣшить битвой, потому что у императорскихъ полководцевъ было мало денегъ для жалованья наемникамъ. Французская армія стояла на лѣвомъ берегу Тичино укрѣпленнымъ лагеремъ въ крѣпкой позиціи. Императорскіе полководцы напрасно предлагали ей битву; французы, имѣвшіе большой запасъ провіанта, считали не нужнымъ сражаться, надѣясь, что непріятельское войско скоро разойдется по недостатку денегъ и продовольствія. Хорошіе французскіе генералы говорили, что опасно стоять между Павіей, гдѣ находится сильный гарнизонъ, и непріятельской арміей, совѣтовали королю перейти на другую позицію. Но Бонниве сказалъ, что отступать было бы унизительно для короля. Францискъ согласился съ нимъ.

Битва при
Павіи.

Императорское войско, расположившееся противъ французскаго, дѣйствительно стало страдать отъ голода. Герцогъ Бурбонскій, Пескара и Фрундсбергъ рѣшили напасть на французовъ, потому что иначе надобно было бѣ отступить и Павія была бы взята. Ихъ наемники желали битвы, чтобы овладѣть запасами провіанта во французскомъ лагерѣ.

Ночью на 24 февраля часть императорскаго войска сдѣлала нападеніе на замокъ Мирабелло, о который опиралась лѣвая сторона французскаго лагеря; изъ этой атаки на разсвѣтѣ развилась кровопролитная битва. Арміи были почти равны числомъ. Въ каждой было отъ 22 до 24 тысячъ человѣкъ. Въ той и другой были нѣмецкіе ландскнехты: у французовъ изъ сѣверозападной Германіи, у герцога Бурбонскаго южнонѣмецкіе наемники Фрундсберга, Зиттиха, Зальма; они съ ожесточеніемъ бились между собой; противъ французовъ и швейцарцевъ бились испанцы Пескары и приведенные вице-королемъ неаполитанскимъ итальянскіе наемники. Армія Франциска стояла въ опасномъ положеніи между двухъ огней, и гарнизонъ Павіи напалъ на нее, какъ предвидѣли хорошіе генералы, которыхъ не послушалъ король. Это нападеніе и чрезвычайное мужество испанцевъ Пескары рѣшили судьбу сраженія; оно длилось только два часа; французская армія была разбита на голову. Францискъ сражался очень храбро; когда правый флангъ, на которомъ находился онъ, началъ отступать, онъ бросился впередъ, надѣясь остановить, если не французовъ, то хотя швейцарцевъ. Зальмъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ подъ нимъ лошадь; онъ упалъ и едва не былъ убитъ непріятельскими солдатами, не знавшими его, но былъ узнанъ и спасенъ вице-королемъ неаполитанскимъ. Ланнуа почтительно протянулъ руку поднять его; онъ сказалъ, что отдается въ плѣнъ вице-королю. На полѣ сраженія было убито или при бѣгствѣ утонуло въ Тичино до 10.000 человѣкъ его арміи. Въ числѣ убитыхъ находились Бонниве, не захотѣвшій пережить пораженія, которому подвергъ войско своимъ не-
благоразуміемъ, маршалы Ла Палиссъ и Лекёнъ, старикъ Тремуль и

много другихъ вельможъ. Генрихъ, король наваррскій, графъ Сень Поль, Монморанси были подобно королю взяты въ плѣнъ. Остатки разбитаго войска ушли за Альпы. Есть анекдотъ, что Францискъ послѣ битвы написалъ извѣщеніе о ней своей матери лаконическими словами: «Все потеряно кромѣ чести». Это знаменитое письмо—позднѣйшій вымыселъ. Но дѣйствительно король сохранилъ свою репутацію храбраго рыцаря: онъ, какъ мы говорили, сражался мужественно.

До павійской битвы лучшей пѣхотой въ цѣлой Европѣ считались швейцарцы; теперь нѣмецкіе ландскнехты сравнивались съ ними славой, а испанская пѣхота стала считаться непобѣдимой.—Добыча, взятая во французскомъ лагерѣ была огромна. Итальянскіе союзники императора стали аккуратно платить субсидіи, потому что онъ сдѣлался владыкой Италіи.

Онъ находился въ Кастиліи, лежалъ больной страдая лихорадкой, нравственно угнетенный опасеніями за ходъ войны, когда гонецъ въ испанскомъ привезъ ему извѣстіе, что непріятельское войско уничтожено и король французскій взятъ въ плѣнъ. Впечатлѣніе, произведенное на него этимъ было такъ сильно, что нѣсколько времени онъ молчалъ въ оцѣпенѣніи; потомъ онъ сталъ на колѣна передъ образомъ Богоматери, поблагодарилъ ее за побѣду, просилъ у нея помощи, чтобы возстановить миръ между христіанами и начать войну съ невѣрными.—Ланнуа повезъ Франциска съ поля битвы въ Пиццегеттоне, оттуда перевезъ въ Мадридъ. Карлъ держалъ плѣнника подъ строгой стражей.

Францискъ въ испанскомъ плѣну.

Пораженіе при Павіи и плѣнъ короля ужаснули Францію. Должно было ожидать нашествія враговъ. Генрихъ VIII мечталъ извлечь громадныя выгоды изъ побѣды союзника, которому помогалъ очень нлохо. Онъ совѣтовалъ Карлу двинуть войско изъ Испаніи черезъ Пиренеи, говорилъ, что самъ пойдетъ съ сѣвера и соединится съ императоромъ въ Парижѣ, что императоръ можетъ взять всѣ области, принадлежавшія герцогамъ бургонскимъ, а онъ возьметъ западную половину Франціи и станетъ королемъ французскимъ, предлагалъ Карлу жениться на его дочери Маріи, когда дѣвочка подрастетъ. Императоръ вовсе былъ не расположенъ къ фантастическому плану Генриха отнять французскую корону у національной династіи. Онъ хотѣлъ только, чтобы Францискъ уступилъ ему герцогство бургонское, а Карлу Бурбонскому Провансъ. На этихъ условіяхъ онъ желалъ заключить миръ съ плѣннымъ королемъ. Надменный и капризный Генрихъ разсердился на то, что его планъ отвергнутъ императоромъ и сталъ сближаться съ французскимъ правительствомъ. Въ Италіи возникли для Карла новыя опасности. Покореніе Ломбардіи государемъ, которому уже принадлежало королевство неаполитанское, было несомнѣнно съ интересами венеціанцевъ, папы и всѣхъ государствъ Средней Италіи: они видѣли, что будутъ подавлены Карломъ, если

Проекты Карла и Генриха.

его владычество надъ Миланомъ упрочится. Онъ замѣтилъ, что всѣ они расположены помогать новому вторженію французовъ въ Сѣверную Италію, потому сталъ заботиться объ упроченіи своего господства надъ герцогствомъ миланскимъ и о заключеніи мира съ Францискомъ. Мысль о нашествіи на Францію онъ нашелъ слишкомъ опасной, потому что мать Франциска Луиза Савойская, правившая государствомъ въ отсутствіе сына, приняла очень сильныя мѣры обороны, при единодушной поддержкѣ вельможъ и городовъ.

Интриги
Климента VII.

Климентъ VII былъ враждебенъ установленію владычества Карла надъ Италіей; онъ желалъ, чтобы прогнаны были изъ Ломбардіи испанскія и нѣмецкія войска, чтобы Франческо Сфорца сталъ не по имени только, а по самому дѣлу герцогомъ миланскимъ, государемъ независимымъ ни отъ императора, ни отъ короля французскаго. Кромѣ опасенія впасть въ полное подчиненіе Карлу, Климентъ имѣлъ и другую причину вражды къ императору: онъ обманулся въ надеждѣ получить награду за помощь Карлу противъ французовъ; императоръ не захотѣлъ отнять у герцога феррарскаго и отдать ему Ровиго. Онъ вступилъ въ тайные переговоры съ французскимъ правительствомъ, возобновилъ прежніе трактаты съ швейцарцами, вошелъ въ сношенія съ Генрихомъ VIII, склонилъ Франческо Сфорцу участвовать въ замыслахъ противъ императора. Агенты Климента и Мороне, канцлеръ герцога миланскаго, предположили, что можно склонить къ измѣнѣ императору маркиза Пескару, командовавшаго испанскими войсками въ Сѣверной Италиі. Этотъ искусный полководецъ, которому императоръ былъ очень много обязанъ успѣхомъ въ борьбѣ съ Францискомъ, досадовалъ на то, что Карлъ оказываетъ предпочтеніе передъ нимъ бездарному Ланнуа, вице-королю неаполитанскому; Мороне вступилъ въ переговоры съ Пескарой, предлагая ему присоединиться къ врагамъ Карла, которые отдадутъ ему королевство неаполитанское, Пескара выразилъ готовность условиться объ этомъ дѣлѣ съ Мороне, сообщивъ Карлу о предложеніи, которое получилъ, и о томъ, какъ намѣренъ поступить. Мороне по приглашенію Пескары пріѣхалъ на свиданіе съ нимъ и былъ арестованъ (14 октября 1525). Пескара потребовалъ, чтобы Франческо Сфорца сдалъ ему всѣ крѣпости, герцогъ не захотѣлъ сдать миланскую цитадель, Пескара двинулъ войска на Миланъ; но 30-го ноября умеръ. Онъ былъ величайшій испанскій полководецъ послѣ Гонсальво Кордовскаго.

Мадридскій
договоръ 1526.

Францискъ, любившій веселиться, готовъ былъ сдѣлать всяческія уступки, чтобы получить свободу. Онъ такъ тяготился плѣномъ, что занемогъ. Его сестра Маргарета пріѣхала въ Мадридъ ухаживать за нимъ и вести переговоры съ Карломъ. Великодушіе было чуждо императору; онъ хотѣлъ извлечь какъ можно больше выгодъ изъ неожиданнаго своего счастья и потребовалъ у своего плѣнника не только отказа отъ всякихъ притязаній на герцогство миланское и

королевство неаполитанское, но и неудобноисполнимаго обѣщанія отдать ему герцогство бургонское, Артуа и ту часть Фландріи, которая принадлежала Франціи. Король французскій согласился на все. Для укрѣпленія дружбы было рѣшено, что онъ женится на сестрѣ императора Элеонорѣ (онъ былъ теперь вдовецъ; Клавдія умерла въ 1524 году). Императоръ поступилъ бы благоразумнѣй, если бы не вынуждалъ у него такихъ уступокъ, которыхъ не возможно было ему исполнить, а онъ поступилъ бы честнѣе, если бы предпочелъ оставаться въ плѣну нѣсколько дольше, чтобы получить свободу на удобоисполнимыхъ условіяхъ и не запятнать себя преднамѣреннымъ вѣроломствомъ. Но онъ былъ человѣкъ легкомысленный и 14 января (1526 года) подписалъ договоръ на условіяхъ, какихъ требовалъ Карлъ. Передъ тѣмъ онъ, въ присутствіи французскихъ вельможъ, находившихся при немъ, составилъ тайный актъ, говорившій, что онъ считаетъ договоръ вынужденнымъ, потому не дѣйствительнымъ и намѣренъ защищать всѣ права своей короны. Кромѣ уступокъ, о которыхъ мы уже говорили, онъ по мадридскому миру обѣщался прервать всякія сношенія съ нидерландскими, наваррскими и нѣмецкими врагами императора. Возвращаясь въ свое государство, онъ простился съ императоромъ въ Ильескасъ и лично повторилъ ему обѣщаніе исполнить всѣ условія мира. Два сына его были присланы оставаться въ Испаніи заложниками мира. Переплывъ 19-го марта на лодкѣ пограничную рѣчку Бидассою, онъ сѣлъ на коня и съ восклицаніемъ «Теперь я король, король!» поскакалъ на сѣверъ.

3. Папская лига. Взятіе Рима.

Совѣтники Карла сомнѣвались въ томъ, что Францискъ исполнить условія мира; но самъ Карлъ воображалъ, что они будутъ исполнены, назначилъ правителя въ герцогство бургонское, послалъ сестру по дорогѣ во Францію. Она пріѣхала въ Витторію и ждала депутаціи, которая привезетъ ей приглашеніе ѣхать въ Парижъ. Но очень скоро оказалась несбыточность надеждъ Карла. Созванный французскимъ правительствомъ государственный сеймъ объявилъ, что король не имѣлъ права отдѣлить отъ Франціи герцогство бургонское и что вынужденный у него договоръ не дѣйствителенъ. Собраніе нотаблей, созванное въ декабрѣ, заявило то же самое. Карлъ послалъ сказать Франциску, что если онъ не можетъ исполнить условій мира, то обязанъ возвратиться въ плѣнъ. Но теперь были уже не тѣ времена, когда соблюдались рыцарскія правила чести.

Священная
Лига.
1526.

Папа освободилъ Франциска отъ обязанности исполнить клятву и пригласилъ его идти на освобожденіе Италіи, увѣряя, что всѣ итальянскіе государи будутъ помогать ему, что у нихъ уже готовы войска. Венеціанцы тоже звали его въ Италію. Король англійскій также совѣтовалъ ему начать войну; Генрихъ, какъ мы говорили, досадовалъ на Карла за прежнее несогласіе съ проектомъ завоевать Францію, и кромѣ того сердился, видя, что Карлъ не хочетъ исполнять обѣщанія жениться на его дочери. Кардиналъ Уольси, совѣтами котораго руководился король, былъ раздраженъ тѣмъ, что Карлъ, обѣщавшись сдѣлать его папой, измѣнилъ слову. Папа и его итальянскіе союзники заключили съ Францискомъ договоръ, актъ котораго былъ подписанъ ихъ уполномоченными 22-го мая 1526 въ Коньякѣ. Этотъ союзъ былъ названъ священной лигой, потому что душою его былъ папа. Главными условіями договора были: Франческо Сфорца получить независимость отъ императора, король французскій Геную и графство Асти; королевство неаполитанское будетъ отдано какому нибудь итальянцу, какъ вассалу папы.

Возобновленіе
войны.

Такимъ образомъ возобновилась въ Италіи война. Армія, состоявшая изъ папскихъ, венеціанскихъ и флорентійскихъ войскъ, въ іюнѣ пошла на Парму; герцогъ урбинскій, начальствовавшій другою арміею, состоявшею изъ венеціанцевъ, овладѣлъ Кременой и Лоди. Швейцарскіе наемники пошли на Миланъ прогнать испанцевъ, осаждавшихъ цитадель, въ которой заперся Франческо Сфорца. Союзники рассчитывали на то, что въ Миланѣ подымется возстаніе. Дѣйствительно миланцы взялись за оружіе, но начальствовавшіе войсками въ городѣ маркизъ Гуасто, родственникъ Пескары, и Антоніо Лейва подавили возстаніе и подвергли гражданъ суровому наказанію. Герцогъ урбинскій подошелъ къ Милану, но не могъ напасть на испанцевъ, уже усмирившихъ городъ. Сфорца, вынужденный голодомъ, сдалъ 24 іюля цитадель, получивъ свободный пропускъ. Черезъ нѣсколько времени подошли къ Милану швейцарцы и французы; положеніе испанскаго войска въ немъ стало опасно. Андрей Дорія съ венеціанскимъ и папскимъ флотомъ крейсировалъ у береговъ Италіи, не подпуская испанскихъ кораблей. Но герцогъ Урбинскій дѣйствовалъ робко, а императоръ имѣлъ въ римской области и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Средней Италіи много приверженцевъ, задерживавшихъ успѣхи союзниковъ. Отправленный императоромъ въ римскую область уполномоченный, Уго Монкада, испанскій посланникъ Сесса и Колонны вступили въ Римъ. Народъ не поднялся на защиту папы. Климентъ бѣжалъ въ замокъ св. Ангела и принужденъ былъ заключить перемиріе на четыре мѣсяца. Монкада и Колонны вывели свое войско изъ Рима. Папа измѣнилъ обѣщанію, набралъ наемниковъ на деньги, присланныя королями французскимъ и англійскимъ; Ренцо Чери, прославившійся храбростью при оборонѣ Марсели, повелъ это войско въ

Абруццы, чтобъ предотвратить нападеніе изъ Неаполя на Среднюю Италію.

Сынъ Георга Фрундсберга Каспаръ, находившійся съ отрядомъ ландскнехтовъ въ Миланѣ, послалъ отцу извѣщеніе, что необходима скорая помощь, потому что непріатели окружили Миланъ. Герцогъ Бурбонскій и Антоніо Лейва также просили Георга Фрундсберга спѣшить на помощь имъ. Эрцгерцогъ Фердинандъ уполномочилъ его занимать деньги сколько онъ можетъ, говорилъ, что готовъ заложить свои брильянты. Самъ Георгъ Фрундсбергъ заложилъ свои имѣнья, серебряную посуду, брильянты своей жены. Ландскнехты сходились къ нему толпами; особенно охотно шли лютеране, потому что это была война противъ папы, а императоръ говорилъ тогда о созваніи вселенскаго собора, угрожалъ папѣ, что созоветъ его самъ при содѣйствіи кардиналовъ преданныхъ ему.

Георгъ Фрундсбергъ повелъ въ Ломбардію 12.000 ландскнехтовъ; Мятежъ въ этого было мало, чтобы напасть на союзниковъ осаждавшихъ Ми- императорскомъ ланъ, потому онъ пошелъ къ рѣкѣ По, отбиваясь отъ ихъ отрядовъ. войскѣ. Въ одномъ изъ этихъ мелкихъ сраженій былъ убитъ лучшій изъ итальянскихъ генераловъ, Джованни Медичи. Фрундсбергъ въ концѣ декабря перешелъ По, приблизился къ Піаченцѣ и остановился тамъ ждать испанцевъ. Въ февралѣ (1527 года) Карлъ Бурбонскій вывелъ часть испанскаго войска изъ Милана и соединился 12 февраля съ Фрундсбергомъ при Фиренцуолѣ. Они не имѣли денегъ; войско ихъ уже восемь мѣсяцевъ не получало жалованья, страдало отъ голода, потеряло терпѣніе, взбунтовалось. Мятежъ начали испанцы; они разграбили шатеръ герцога Бурбонскаго, и самъ онъ едва не былъ убитъ. Примѣру испанцевъ послѣдовали нѣмцы; Фрундсбергъ напрасно старался успокоить ихъ; они яростно требовали жалованья; онъ былъ такъ опечаленъ ихъ буйствомъ, что упалъ безъ чувствъ, занемогъ и скоро умеръ. Ландскнехты были смущены этимъ и прекратили мятежъ. Начальство надъ ними принялъ Конрадъ Бемельбергъ, называвшійся по имени своего замка Бойнебургомъ.

Войска требовали отъ герцога Бурбонскаго, чтобъ онъ велъ ихъ на Римъ взять контрибуцію съ папы на уплату жалованья имъ. Онъ согласился. Большіе города были сильно укрѣплены, потому онъ пошелъ по склону Апеннинскаго хребта, по верховьямъ Арно и Тибра, добывая продовольствіе грабежомъ и реквизиціями. Голодные солдаты хотѣли обогатиться въ Римѣ. Императоръ увѣрялъ папу въ своей преданности; но Ланнуа, вице - король неаполитанскій, обѣдалъ за однимъ столомъ съ Карломъ Бурбонскимъ. Ясно было, что императору пріятно намѣреніе наемниковъ ограбить Римъ, наказать папу. Въ концѣ апрѣля Карлъ Бурбонскій пришелъ въ Тоскану. Граждане Сіэны враждебные флорентійцамъ и династіи Медичи, приняли его радостно. Въ самой Флоренціи партія, враждебная Медичи, принудила

Походъ на
Римъ.

(26 апрѣля) правительство объявить, что всѣ Медичи на вѣки изгоняются, и возстановить республиканскую форму правленія. Отряды войскъ лиги шли за герцогомъ Бурбонскимъ, но передъ собой онъ не встрѣчалъ непріятеля. Въ началѣ мая онъ пришелъ въ римскую Кампанью и вечеромъ 5 мая подступилъ къ Риму. Климентъ не упалъ духомъ. Войска лиги утомили Флоренцію, возстановили власть Ипполито Медичи. Папа надѣялся удержаться противъ нападенія, пока они прійдутъ на помощь ему. У него въ Римѣ было 5.000 наемниковъ подъ начальствомъ хорошаго генерала Лоренцо Чери; они были храбры, имѣли ружья; на стѣнахъ стояло много пушекъ.

Взятіе Рима.

Но дѣло пошло не такъ, какъ надѣялся папа. Утромъ 6 мая испанцы и нѣмцы приставили къ стѣнамъ Рима лѣстницы и начали приступъ. Однимъ изъ первыхъ былъ убитъ Карлъ Бурбонскій; но смерть главнокомандующаго не остановила штурмующихъ. Они взлѣзли на стѣны, овладѣли тою частью Рима, которая стоитъ на сѣверномъ берегу Тибра и мостомъ черезъ рѣку. Папа заперся въ замкѣ св. Ангела. Начальники испанцевъ и ландскнехтовъ предложили ему условія мира, онъ отвергъ ихъ требованія, надѣясь, что скоро прійдутъ войска лиги; буйные солдаты перешли рѣку, стали грабить городъ, рѣзали жителей; число убитыхъ ими было больше 6.000 человекъ; они грабили и церкви и монастыри; уничтожили множество произведеній искусства. Добыча, награбленная ими, простиралась, какъ говорятъ, до 15 или 20 милліоновъ дукатовъ. Нѣмцы надѣвали епископское, папское облаченіе, забавлялись пародіями на обряды католическаго богослуженія и подъ стѣнами замка св. Ангела кричали, что папой будетъ Лютеръ. Испанцы не уступали нѣмцамъ свирѣпостью. Нѣмцы стали лагеремъ на Кампофіоре; испанцы и неаполитанцы на Piazza Navona. Тамъ шло буйное веселье; пьяные играли въ карты, въ кости, и большинство грабителей черезъ нѣсколько дней снова ужъ не имѣло ничего.—Герцогъ Урбинскій, у котораго Медичи отняли владѣнія, не сиѣшилъ на помощь Клименту; 5 іюня папа былъ принужденъ сдаться и заключить договоръ, по которому обязался заплатить испанско-нѣмецкому войску 400.000 дукатовъ. Начальникъ испанской пѣхоты Аларконъ былъ назначенъ коммендантомъ замка св. Ангела; 200 нѣмецкихъ ландскнехтовъ подъ начальствомъ Шертина составили, подъ названіемъ почетнаго караула, тюремную стражу папы.—Во Флоренціи снова поднялась республиканская партія.

Черезъ недѣлю по взятіи Рима наемниками пришли туда Помпео, Асканіо и Веспазіано Колонны съ большимъ отрядомъ оборванныхъ, голодныхъ воиновъ, которые забирали все уцѣлѣвшее отъ грабежа испанцевъ и нѣмцевъ. Помпео, имѣвшій санъ кардинала, былъ ожесточеннымъ врагомъ Климента; онъ зажегъ загородный дворецъ папы на Монте Маріо. Климентъ видѣлъ зарево изъ замка св. Ангела и сказалъ: «Это—мщеніе Помпео за его сожженные мною замки». Римъ очень долго не могъ оправиться отъ безпощаднаго грабежа, которому подвергло его упрямство Климента.

4. Побѣды императорскихъ войскъ.

Императоръ выражалъ негодованіе на обиду, нанесенную папѣ, увѣрялъ другихъ государей, что не виноватъ въ ней, но въ душѣ радовался униженію Климента и безжалостно воспользовался тѣмъ, что врагъ попалъ въ его власть. Онъ велѣлъ совершить въ церквахъ молебствія объ освобожденіи папы, а самъ писалъ вице-королю неаполитанскому, что папу должно освободить не иначе, какъ подъ такими условіями, которыя отняли бъ у него всякую возможность вредить. Лучше всего было бы отвезти Климента въ Испанію или въ Неаполь, а если это неудобно, то надобно по крайней мѣрѣ заставить его сдать Остію, Чивита-Веккію, Парму, Піаченцу, Болонью, Равенну и всѣ другія крѣпости папскихъ владѣній. Императоръ раздумывалъ, не будетъ ли полезно раздать папскія области свѣтскимъ владѣтелямъ и хотѣлъ созвать вселенскій соборъ для преобразованія церкви. Вице-король неаполитанскій выразилъ желаніе отвезти Климента въ Гаэту. Но коммендантъ замка св. Ангела Аларконъ отказался выпустить его изъ своихъ рукъ.

Императоръ думалъ провозгласить себя государемъ Рима; фактически онъ ужъ и былъ владыкой всего папскаго государства. Наемники, находившіеся на его службѣ, держали папу въ плѣну и распоряжались какъ хотѣли въ папскихъ владѣніяхъ. Колонны были союзниками ихъ. Они ждали уплаты 400,000 дукатовъ, обѣщанныхъ имъ папой. Уполномоченные наемниковъ собрались въ Роса del Пара и выбрали комитетъ 20 членовъ для управленія дѣлами. Всѣ наемники присягнули повиноваться ему и держаться единодушно. Но положеніе этого буйнаго войска становилось бѣдственно. Отъ пьянства и необузданнаго распутства наемники умирали массами. Смертность страшно увеличила занесенная изъ Неаполя въ Римъ эпидемія, которую называли чумой. Отъ нея умеръ 27 сентября вице-король неаполитанскій Ланнуа. Его должность занялъ Уго Монкада. Изъ 30.000 наемниковъ, пошедшихъ въ Римъ подъ начальствомъ герцога Бурбонскаго, оставалось въ живыхъ въ концѣ года только 13.000; они продолжали пьянствовать и распутничать. Дисциплина у нихъ совершенно упала. А между тѣмъ сильное французское войско подъ начальствомъ Лотрека пришло въ Италію прогнать оттуда императорскія войска; къ нему присоединялись итальянцы и шли швейцарцы.

Генрихъ VIII говорилъ, что всѣ христіанскіе государи обязаны содѣйствовать освобожденію папы изъ рукъ разбойниковъ; прикрывая этимъ предлогомъ свою досаду на императора, онъ обѣщалъ дать Франциску денежную помощь для войны.

Въ августѣ Лотрекъ взялъ Павію и отдалъ ее на грабежъ своимъ

солдатамъ. Они буйствовали въ несчастномъ городѣ цѣлую недѣлю. Андрей Дорія, поступившій на французскую службу, блокировалъ Геную съ моря; Чезаре Фрегозо осадилъ ее съ суши; она принуждена была отдаться подъ власть короля французскаго. Теодоро Тривульціо сталъ править ею, какъ его намѣстникъ. Лотрекъ въ октябрѣ перешелъ По, направился къ Риму. Императоръ увидѣлъ надобность заключить договоръ съ папой, прежде чѣмъ французы прогонятъ изъ Рима наемниковъ. Испанскіе вельможи и духовенство роптали на то, что солдаты, служащіе императору, держатъ папу подъ стражей. Карлъ зналъ, что Генрихъ хочетъ развестись съ его теткой Катериной Арагонской, что Уольси укрѣпляетъ короля въ этой мысли, желая непримиримо поссорить его съ императоромъ, что папа соглашается дозволить разводъ. Соображенія обо всемъ этомъ заставили Карла быть уступчивымъ относительно папы; онъ удовольствовался тѣмъ, что папа сдалъ ему Остію, Чивита-Веккію, Чивита-Кастеллану, обѣщавшись какъ можно скорѣе выдать деньги войску и созвать вселенскій соборъ для преобразованія церкви. На этихъ условіяхъ былъ 26 ноября заключенъ договоръ, по которому императорскіе наемники вышли изъ замка св. Ангела и папа остался тамъ подъ охраненіемъ собственнаго войска. Но онъ считалъ себя не безопаснымъ; дѣйствительно императорскіе наемники, занимавшіе городъ, всегда могли вновь овладѣть замкомъ и взять Климента подъ стражу. Потому папа задумалъ бѣгство; переодѣтый, онъ успѣлъ незамѣтно уйдти черезъ ворота ватиканскаго сада и пріѣхалъ въ Орвіэто (10 декабря 1527). Но его положеніе и тамъ было опасно. Императорскіе наемники занимали Римъ и окрестности. Полководцы лиги не выказывали усердія сражаться за папу. Флорентійцы, свергнувшіе съ себя иго Медичи, установившіе у себя республику и назначившіе гонфалоніэромъ Каппони, вступили въ союзъ съ королемъ французскимъ. Венеціанцы овладѣли Равенной и Червіей, отнятыми у нихъ Юліемъ II. Герцогъ феррарскій, хотя и былъ членомъ лиги, продолжалъ прежнюю войну съ папой. Климентъ былъ недоволенъ своими союзниками, потому не послушалъ совѣта Уольси отлучить императора отъ церкви, не исполнилъ и желанія короля французскаго возбуждать нѣмецкихъ государей противъ императора.

Война въ королевствѣ неаполитанскомъ. Лотрекъ прошелъ черезъ Романью и Анкону въ королевство неаполитанское и дѣлалъ завоеванія въ Апуліи. Филибертъ Орапжскій, назначенный главнокомандующимъ императорскихъ наемниковъ, пошелъ изъ римской области защищать Неаполь. Въ неаполитанскомъ королевствѣ пробудились прежнія симпатіи къ французской династіи; Капуя, Нола, Аверса сдались Лотреку. Онъ овладѣлъ большею частью королевства и въ апрѣлѣ (1528 года) подступилъ къ Неаполю, осадилъ его съ суши, а французско-итальянскій флотъ, начальниками котораго были Андрей Дорія и его племянникъ Филиппино, блокиро-

валъ городъ съ моря. Францискъ хотѣлъ сдѣлать королемъ неаполитанскимъ своего родственника, герцога Водемона.—Осажденные стали терпѣть голодъ; притомъ у нихъ не было и хорошей воды, потому что Лотрекъ разрушилъ водопроводы. Но въ лагерѣ осаждающихъ стала свирѣпствовать лихорадка; она была особенно гибельна потому, что вода разрушенныхъ водопроводовъ залила окрестности и образовала болота. Филиппино Дорія 28 мая одержалъ у Амальфи побѣду надъ императорскою эскадрой. Менкада, вице король неаполитанскій, былъ убитъ въ этомъ сраженіи.

Но Андрей Дорія уже велъ въ это время переговоры съ императоромъ. Карлъ обѣщалъ ему большія награды; онъ получалъ оскорбленія отъ Франциска. Кромѣ личныхъ мотивовъ были у него и патріотическія. Онъ хотѣлъ возстановить независимость Генуи, граждане которой были раздражены противъ французовъ, отнявшихъ у нихъ Савону и старавшихся сдѣлать эту гавань центромъ торговли во вредъ Генуѣ. Барбезье дела Рошфуко былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ морскихъ силъ Франціи; король поручилъ ему дѣлать все возможное во вредъ морской торговлѣ Генуи. Андрей Дорія напрасно вступился за интересы своего родного города. Убѣдившись въ недоброжелательствѣ французовъ къ Генуѣ, онъ вошелъ въ соглашеніе съ императоромъ. Въ концѣ іюня кончился срокъ контракта, по которому генуэзскіе корабли находились во французской службѣ; Андрей Дорія отказался возобновить этотъ договоръ и велѣлъ своему племяннику Филиппино присоединить генуэзскую эскадру къ императорскому флоту. Карлъ призналъ Геную независимымъ государствомъ, согласился на то, чтобъ она владѣла Савоной и всѣмъ лигурійскимъ берегомъ. Французы скоро были вытѣснены изъ Савоны и принуждены сдать генуэзскую цитадель.

Генуэзцы, руководимые Андреемъ Доріей, преобразовали свое государственное устройство. Для устраненія междоусобій они уничтожили прежніе союзы дворянства, замѣнили ихъ корпораціями (casali), въ составъ которыхъ вошли и дворяне и простолюдины. Этихъ корпорацій было учреждено 28; онѣ выбирали сенатъ, состоящій изъ 400 членовъ и малый совѣтъ, состоящій изъ 100 членовъ. Контролю этихъ коллегій было подчинено правительство (синьіорія) и дожъ, президентъ синьіоріи. Всѣ правители были избираемы на срокъ; нѣкоторые на два года, другіе на четыре. Народъ хотѣлъ назначить возстановителя своей свободы Андрея Дорію, дожемъ на всю жизнь; но онъ отвергъ эту почесть какъ передъ тѣмъ отвергъ предложеніе императора сдѣлать его государемъ Генуи. При всеобщемъ уваженіи къ нему онъ и безъ того правилъ всѣмъ дѣлами.

Вслѣдъ за уничтоженіемъ французской власти надъ Генуей погибло Погибель фран- войско, осаждавшее Неаполь. Лѣтній зной въ болотистой мѣстности цузскаго войска французскаго лагеря произвелъ убійственную эпидемію. Изъ 25.000 въ Южной Ита- человекъ, подступившихъ къ Неаполю, оставалось 2 августа только лія.

4.000, имѣвшихъ силу сражаться. Герцогъ Водемонъ умеръ подъ стѣнами города, въ который надѣялся вступить королемъ. Маршалъ Лотрекъ, по военному тщеславію, отвергалъ совѣты снять осаду; но 15 августа умеръ и онъ. Французскіе генералы, важнѣйшими изъ которыхъ теперь были маркграфъ Салуцскій, Гвидо Рангони и Педро Наварро, ночью повели остатки войска изъ зараженного лагеря, бросивъ осадную артиллерію и всѣ другія тяжести. Свѣжій отрядъ, приведенный Лоренцо Чери, прикрывалъ отступление. Когда разсвѣтало, осажденные увидѣли, что непріятель ушелъ и погнались за нимъ по дорогѣ въ Капую. Изнуренные болѣзнями отступающіе шли медленно; принцъ оранжскій настигъ ихъ, разсѣялъ аррьергардъ и центръ, взялъ въ плѣнъ почти всѣхъ генераловъ. Только авангардъ успѣлъ уйти въ Аверсу. Принцъ оранжскій окружилъ ее, привезъ осадную артиллерію, брошенную французами подъ Неаполемъ, и 29 августа французы принуждены были сдать Аверсу. Генералы и офицеры ихъ были задержаны въ плѣну; солдаты обезоружены и отпущены идти на родину, какъ знаютъ. Почти всѣ эти несчастные погибли отъ голода или были убиты поселянами. Маркграфъ Салуцскій умеръ отъ раны. Наварро, испанецъ, былъ брошенъ въ темницу и преданъ смерти въ ней какъ измѣнникъ.—Исчезло все французское войско, пошедшее къ Неаполю. Лишь въ нѣсколькихъ мелкихъ крѣпостяхъ остались французскіе гарнизоны, всѣ другіе города королевства неаполитанскаго покорились Карлу. Князь оранжскій конфисковалъ имѣнья измѣнившихъ вельможъ, наложилъ контрибуціи на отдавшіеся французамъ города и такимъ образомъ имѣлъ теперь деньги на жалованье наемникамъ.

Папа возвратился въ октябрѣ въ Римъ. Онъ считался теперь союзникомъ императора, но продолжалъ тайныя сношенія съ королями французскимъ и англійскимъ, желая избавиться отъ фактическаго порабощенія волѣ императора. — Положеніе Южной и Средней Италіи было бѣдственно. Тамъ свирѣпствовали зараза, называвшаяся чумой, и голодъ. Въ Сѣверной Италіи народъ страдалъ отъ голода и войны. Лейва, командовавшій императорскими войсками въ Миланѣ, держалъ народъ въ повиновеніи свирѣпыми мѣрами. Къ войску его, состоявшему главнымъ образомъ изъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ, присоединились нѣсколько тысячъ испанскихъ наемниковъ; босые, полунагіе, голодные, они рады были буйствовать и грабить, исполняя суровыя приказанія Лейвы. Генрихъ Брауншвейгскій и Зиттихъ привели къ нему новые отряды ландскнехтовъ. Но все это войско страдало отъ голода и болѣзней; населеніе Ломбардіи было враждебно ему; потому Лейва долго не могъ сдѣлать ничего важнаго противъ непріятелей.

Новые французскіе отряды пришли къ войску, остававшемуся въ Сѣверной Италіи. Маршалъ Сентъ-Поль, французскій главнокомандующій, взялъ и отдалъ на разграбленіе Павію, овладѣлъ Пармой и Піа-

ченцой, хотѣлъ идти на югъ; флорентійцы, союзники французовъ, готовы были помогать ему. Но дожди задержали его въ Ландріано; Лейва настигъ его и ночью 21 іюня сдѣлалъ неожиданное нападеніе. Войско его шло безъ барабаннаго боя и музыки; самъ онъ, страдавшій падагрой, не могъ сѣсть на лошадь; его несли на носилкахъ. Французы были застигнуты врасплохъ и разбѣяны. Сентъ-Поль и многіе генералы были взяты въ плѣнъ. У императорскихъ войскъ не осталось противниковъ и въ Сѣверной Италіи.

5. Миръ.

Пораженіе французовъ ускорило заключеніе мира между императоромъ и папой. Климентъ VII, находившійся въ Римѣ подъ властью императорскаго войска, не могъ сопротивляться требованіямъ Карла. При томъ ему хотѣлось усмирить Флоренцію, въ которой демократическая партія низвергла умѣренную, имѣвшую своимъ вождемъ Каппони, приняла суровыя мѣры противъ династіи Медичи и говорила, что Климентъ, побочный сынъ своего отца, не имѣетъ права занимать никакой церковной должности, что поэтому должно отнять у него папскій санъ. Императору очень хотѣлось прекратить войну съ королемъ французскимъ, отвлекавшую его отъ другихъ дѣлъ. Тетка его Маргарета, правительница Нидерландовъ, вела въ Камбрѣ личные переговоры съ Луизой Савойской, матерью Франциска. Хотѣлось Карлу заключить миръ и съ Климентомъ. Онъ тяготился упреками, что войска его держатъ папу въ плѣну. Ему не нравилось, что лютеране, пользуясь его враждой съ папой, распространяютъ свое ученіе во всѣхъ частяхъ Германіи; потому онъ сдѣлалъ Клименту очень уступчивыя предложенія.

Такимъ образомъ папскіе уполномоченные подписали 29 іюня 1529 въ Барселонѣ договоръ съ императоромъ. Климентъ снова далъ Карлу инвеституру на владѣніе королевствомъ неаполитанскимъ, освободивъ его отъ вассальской дани; онъ только долженъ былъ присылать папѣ бѣлаго иноходца, какъ символъ этой дани. Императоръ обѣщался не постановлять безъ согласія Климента приговора по процессу объ измѣнѣ Франческо Сфорцы, вывести свои войска изъ папскаго государства, помогать возстановленію папской власти надъ областями, отнятыми у римскаго престола Венеціей и герцогомъ феррарскимъ, возстановить владычество династіи Медичи надъ Флоренціей. Старшій изъ двухъ братьевъ, которымъ отдалъ Климентъ Флоренцію, Ипполитъ поступилъ въ духовное сословіе и былъ теперь кардиналомъ; потому было рѣшено сдѣлать государемъ Флоренціи Александра, млад-

шаго брата; императоръ обѣщался отдать за него свою побочную дочь Маргарету. Папа обязался не дозволять развода Генриха съ теткой Карла Екатериной, отлучить отъ церкви Яноша Заполю, союзника турокъ. Карлъ обѣщался принять строгія мѣры противъ лютеранъ.— Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ барселонскаго мира былъ (5 августа) заключенъ въ Камбрѣ миръ между Карломъ и Францискомъ. Императоръ отказался отъ притязаній на герцогство бургонское, Францискъ отъ притязаній на герцогство миланское и на сюзеренную власть надъ Фландріей и Артуа. За освобожденіе сыновей, находившихся заложниками въ Испаніи, онъ обязался заплатить два милліона экю. Договоръ былъ подписанъ Маргаретой и Луизой Савойской. Францискъ заявилъ протестъ противъ уступки Милана, Асти и Генуи; но это было только формальностью; фактически онъ принялъ Камбрейскій договоръ. Папа радовался, что теперь Карлъ займется подавленіемъ ереси въ Германіи.

Свиданіе
папы съ
императоромъ
въ Болоньѣ.

Но еще не всѣ враги примирились съ императоромъ. У венеціанцевъ стояло въ полѣ большое войско; флотъ ихъ владычествовалъ на Адриатическомъ морѣ. Франческо Сфорца еще владѣлъ Кремоной, Лоди, Алессандріей, сильными крѣпостями; флорентійцы хотѣли защищать свою свободу, заключили миръ съ Сіэной и союзъ съ Перуджіей, превосходно укрѣпили свой городъ (этимъ дѣломъ завѣдывалъ Микель Анджело). Герцогъ феррарскій не хотѣлъ отдавать папѣ ту часть своего государства, которую обѣщался Карлъ возвратитъ римскому престолу. Императоръ былъ такъ увѣренъ въ побѣдѣ надъ всѣми этими врагами, что отправился въ Италію, не взявъ съ собой подкрѣпленій. Онъ хотѣлъ дѣйствовать не столько силой, сколько обѣщаніями благосклонности. Карлъ пошелъ въ Болонью, гдѣ ждалъ его папа. Когда онъ подступилъ къ Моденѣ, герцогъ феррарскій, по совѣту Андрея Доріи, выѣхалъ къ нему, отдалъ ключи города, выразилъ покорность волѣ его. Императоръ вступилъ въ Болонью 5 ноября. Онъ и папа жили тамъ въ домахъ, примыкающихъ одинъ къ другому; въ стѣнѣ, раздѣлявшей дома, была устроена дверь; императоръ и папа имѣли по ключу отъ нея и, на разговорахъ только вдвоемъ между собою, порѣшили всѣ подробности дѣла. Франческо Сфорца пріѣхалъ въ Болонью; онъ былъ боленъ, ходилъ, опираясь на костыль; видно было, что онъ скоро умретъ; потому императоръ согласился на его просьбы о милости. Венеціанскіе послы, также находившіеся въ Болоньѣ, получили легкія условія мира. Договоры съ Венеціей и Франческо Сфорцей были подписаны 23 декабря (1529 года). Венеціанцы уступили папѣ Равенну и Червію, отказались отъ притязаній на тѣ приморскіе города, которыми владѣли прежде въ королевствѣ неаполитанскомъ, обязались уплатить императору военныя издержки и недоданную сумму прежнихъ субсидій. Франческо Сфорца тоже обязался заплатить военныя издержки; императоръ воз-

вратилъ ему герцогство миланское кромѣ Павіи, отданной въ пожизненное владѣніе Лейвѣ.

Труднѣе было императору уладить дѣла съ папой. Климентъ отдалъ свой споръ съ герцогомъ феррарскимъ на рѣшеніе ему, но непремѣнно требовалъ, чтобъ императоръ покорилъ владычеству Медичи Флоренцію. Карлъ говорилъ съ флорентійскими послами сурово; они видѣли, что онъ исполнитъ желаніе папы, требовавшего безусловной покорности отъ Флоренціи. Императорскія войска занимали Перуджію, Ареццо, Кортону; Филибертъ Оранжскій сталъ лагеремъ близъ Флоренціи. При немъ находился Мороне, пытавшійся склонять Пескару къ измѣнѣ, а теперь уже бывший усерднымъ слугой императора (онъ не дожилъ до покоренія Флоренціи, умеръ подъ нею 29 сентября).

Папа 22 февраля 1530 короновалъ Карла въ санъ короля ломбардскаго, а 24 февраля, въ день его рожденія, возложилъ на него императорскую корону. Карлу хотѣлось бы, чтобъ эта церемонія была совершена въ Римѣ. Но эрцгерцогъ Фердинандъ настойчиво просилъ его спѣшить возвращеніемъ въ Германію, потому онъ короновался въ Болоньѣ, въ храмѣ св. Петронія. Церемонія была великолѣпна, но императорскія регалии несли не курфирсты, а испанскіе гранды и итальянскіе государи (только императорскую державу несъ курфирстъ пфальцскій, пріѣхавшій наканунѣ). Нѣмецкіе ландскнехты, стоявшіе передъ церковью, находились подъ командой испанца Лейвы. Это хорошо характеризовало отношенія императора къ Германіи. Климентъ имѣлъ недовольный видъ; ему не хотѣлось бы короновать Карла въ обстановкѣ, показывавшей, что папа слуга императора.

6. Покореніе Флоренціи.

Вскорѣ послѣ коронаціи Карлъ отправился въ Германію, поручивъ покореніе Флоренціи Филиберту Оранжскому. Андрей Дорія и другіе искренніе доброжелатели флорентійцевъ совѣтовали имъ не сопротивляться, просить милости у императора. Но они не послушались. Сопротивленіе не могло быть успѣшнымъ, хотя флорентійцы сильно укрѣпили свой городъ, вооружились сами, взяли на свою службу много наемниковъ. Между ними были измѣнники, къ числу которыхъ принадлежалъ вождь наемниковъ, Малатеста Балюни. Недостатка въ мужествѣ не было у флорентійскихъ республиканцевъ. Франческо Ферруччи, молодой человѣкъ знатной, но обѣдѣвшей фамиліи, дѣлалъ много вреда непріятелю вылазками. Князь Оранжскій нашелъ себѣ смерть въ одномъ изъ этихъ сраженій; но и Ферруччи (4 августа) получилъ смертельную рану. Къ императорскому войску посто-

янно подходили подкрѣпленія. Флорентійцы изнемогли, покорились. Повелѣніемъ отъ 21 октября Карль назначилъ Александра Медичи герцогомъ флорентійскимъ; но еще оставилъ городу нѣкоторую тѣнь самоуправленія, къ досадѣ папы.

Черезъ два года приверженцы династїи Медичи, однимъ изъ которыхъ былъ знаменитый историкъ Гвиччардини, произвели переворотъ, давшій герцогу абсолютную власть. Были оставлены двѣ коллегїи, члены которыхъ избирались народомъ, городской совѣтъ и сенатъ. Но онѣ были безусловно подчинены волѣ герцога. Многочисленный отрядъ тѣлохранителей не допускалъ никакого сопротивленія ему. У гражданъ было отобрано оружіе; за утайку его была назначена смертная казнь.—Когда императоръ, въ февралѣ 1532 года, снова прїѣхалъ въ Болонью на свиданье съ папой, вся Италія повиновалась ему. Венеціанцы нуждались въ его помощи противъ турокъ; Андрей Дарія правилъ Генуей въ его интересахъ; Антоніо Лейва, владѣтель Павїи, императорскій главнокомандующій, имѣлъ такое сильное войско, что могъ быстро подавить всякое сопротивленіе Карлу. Александръ Медичи, за котораго императоръ послѣ продолжительной отсрочки наконецъ выдалъ свою побочную дочь Маргарету, былъ усерднымъ его слугой, потому что держался только его покровительствомъ, будучи ненавистенъ народу своимъ тиранствомъ и распутствомъ и находясь въ постоянной опасности отъ эмигрантовъ, главою которыхъ былъ Филиппо Строцци. Королевство неаполитанское безусловно повиновалось вице-королю, испанскому вельможѣ.—Черезъ нѣсколько лѣтъ Александръ Медичи былъ (5 января 1537) убитъ своимъ родственникомъ Лоренцино Медичи, такимъ же безсовѣстнымъ человѣкомъ какъ онъ; но убійца увидѣлъ себя въ необходимости бѣжать и уѣхалъ въ Венецію. Приверженцы династїи Медичи провозгласили герцогомъ Козимо, сына Джованни, знаменитаго полководца; императоръ 28 февраля утвердилъ ихъ выборъ. Республиканскія идеи быстро ослабѣвали; эмигранты умерли или забыли родину, стали гражданами земель, въ которыхъ нашли себѣ прїютъ. Флорентійцы привыкли къ монархической формѣ правленія. Политическія жизнь замерла въ Флоренціи, но литературная и художественная дѣятельность продолжала нѣсколько времени создавать прекрасныя произведенія. Мы переходимъ къ разсказу о нихъ.

Козимо Медичи.

VIII. ИТАЛЬЯНСКАЯ КУЛЬТУРА.

Литература. Исторія итальянской литературы съ давняго времени усердно разрабатывается въ самой Италїи. Тирабоски, о которомъ мы ужъ говорили въ прежнихъ обзорахъ, собралъ и пополнилъ изслѣдованія своихъ предшественниковъ. Продолженіями его труда служатъ: *Lombardi, Storia della letteratura italiana nel secolo XVIII* (4 тома, Modena, 1827—1830) и *Levati, Saggio sulla storia della letteratura italiana ne' primi 25 anni del secolo XIX* (Milano, 1831). Изъ послѣдующихъ историковъ итальян-

янской литературы назовемъ Корніани, Тикоцци, Угони, Маффеи, Эмилиани-Джудичи, Ровани, Амбрози.

А. Цвѣтущій періодъ итальянской поэзіи.

1. Общій характеръ ея.

Первой страной, въ которой развилась новая цивилизація, была Италія. Энергія умственной жизни, проявившаяся въ итальянскомъ народѣ, была изумительна. Изящныя искусства въ началѣ XVII вѣка достигли у итальянцевъ классическаго совершенства подобнаго тому, какое имѣли въ цвѣтущій періодъ художественной жизни древняго міра; о нихъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь займемся итальянской поэзіей, получившей роскошное развитіе одновременно съ ними. Любовь къ поэзіи увлекала тогда всѣхъ. Не было числа поэтамъ. Конечно, лишь немногіе изъ нихъ имѣли первокласный талантъ и приобрѣли прочную славу. Они были поддерживаемы стремленіемъ всей націи, вознаграждавшей себя за утрату независимости наслажденіями искусства и поэзіи. Италія осталась чужда религіозной борьбы, сохранила вѣрность католичеству съ его фантастической очаровательностью; это благопріятствовало развитію искусствъ. Впрочемъ, даже скульптура и живопись въ эпоху высшаго своего развитія стали уклоняться отъ церковнаго преданія; а поэзія стремилась совершенно освободиться отъ католической догматики.

Итальянцы воспитывались подъ непосредственнымъ вліяніемъ римской церкви, съ дѣтства привыкали уноситься мыслями въ фантастическій міръ ея легендъ; но въ литературѣ у нихъ мало средневѣковыхъ элементовъ. Поэзія ихъ не занималась разработкой католическихъ идей. Это объясняется тѣмъ, что они наслѣдовали культуру классическаго міра и литература у нихъ не имѣла того дѣтскаго періода, какъ у нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, испанцевъ. Они рано пережили эпоху ребяческой вѣры и остались почти совершенно чужды рыцарству. Ихъ поэты не участвовали въ разработкѣ эпическихъ цикловъ, общихъ другимъ народамъ западной Европы. Они брали эпическіе рассказы у своихъ сосѣдовъ лишь для эстетическаго удовольствія, оставляли героевъ этихъ эпопей иноземцами, дѣйствующими въ чужихъ земляхъ; итальянскій характеръ придавало ихъ передѣлкамъ только то, что они смотрѣли на героевъ чужеземныхъ преданій какъ люди цивилизованные, возвысившіеся надъ понятіями, создавшими этихъ грубыхъ воиновъ, передѣлывали ихъ приключенія по произволу своей фантазіи, иронизировали надъ ними. Въ итальянскихъ переработкахъ средневѣковыхъ эпопей часто слышится на-

смѣшка, нерѣдко встрѣчается пародія, особенно въ поэмахъ изъ цикла легендъ о Карлѣ Великомъ и Роландѣ. Иронія сильна и у Боярдо, хотя надъ нею еще преобладаетъ у него наивная заинтересованность содержаніемъ разсказа. У Пульчи иронія владычествуетъ почти безгранично; у Аріосто она сдерживается заботой о художественномъ достоинствѣ поэмы. Эти эпопеи восхищали изящную публику блестящихъ итальянскихъ дворовъ, но вмѣстѣ съ нею утратили значеніе и онѣ. Въ народъ онѣ не проникли, потому что легенды, пересказываемыя въ нихъ, были чужды ему. У Боярдо и Аріосто герои взяты изъ эпическихъ преданій, хотя и чужихъ. Въ поэмѣ Тассо нѣтъ и этого. Его «Освобожденный Іерусалимъ» взятъ не изъ эпоса, а изъ историческихъ разсказовъ, не полувшихъ народной эпической обработки. Его поэма результатъ не одушевленія, а долгаго трудолюбиваго изученія правилъ рыцарской эпопеи; въ этомъ отношеніи она прямая противоположность Иліадѣ, Нибелунгамъ, романсамъ о Сидѣ и другимъ созданіямъ живого народнаго преданія. У Тассо нѣтъ ироніи и беззаботной веселости предшествовавшихъ ему эпическихъ поэтовъ Италіи; его поэма мечтательна, сантиментальна. Онъ вѣрующій католикъ и благочестиво прославляетъ церковь; у него угасла независимость мысли, составлявшая характеръ его предшественниковъ.

Развитіе итальянской поэзіи шло параллельно тому, каковы были отношенія папъ къ новой умственной жизни. Левъ X пренебрегалъ интересами церкви въ своемъ пристрастіи къ искусству. За его столомъ пировали поэты, читались веселыя стихотворенія. Даже кардиналы писали шутливыя піэсы для представленій въ его дворцѣ. Климентъ VII покровительствовалъ Саннацаро и Берни. Взятіе Рима наемниками Карла Бурбонскаго нанесло тяжелый ударъ великолѣпному двору и меценатству папъ. Но кардиналъ Ипполитъ Медичи, жившій въ Римѣ, покровительствовалъ искусству и поэзіи. При Павлѣ III гуманистъ и поэтъ Бембо получилъ кардинальскій санъ. До 1535 года папскій дворъ вообще слѣдовалъ примѣру Льва X; но потомъ началась реакція, подавившая гуманизмъ и поэтическую дѣятельность въ Римѣ. Свѣтскіе государи Италіи долѣе папъ оставались покровителями поэзіи. Во Флоренціи меценатство возобновилось съ особенной силой, послѣ того какъ Козимо Медичи получилъ титулъ великаго герцога. Герцогъ феррарскій Альфонсъ I, покровитель Аріосто, построилъ театръ великолѣпнѣе всѣхъ существовавшихъ тогда въ Европѣ, и Феррара стала центромъ развитія драматической поэзіи въ Италіи. Сынъ Альфонса Геркулесъ II самъ писалъ стихи, а жена Геркулеса Ренѣ (или по итальянской формѣ имени Рената), дочь Людовика XII, занималась изученіемъ классическихъ литературъ. Дѣти ея и Геркулеса, Альфонсъ II и его сестры, слѣдовали примѣру отца и матери. Славились меценатствомъ и Гонзаги, герцоги мантуанскіе, владѣтели Сабіонетты и Гвасталлы. Вельможи также покровительствовали искус-

ству, поэзи, наукѣ. Боярдо былъ вельможа; знаменитая поэтесса Витторія Колонна принадлежала къ самой высокой аристократіи.

Подъ покровительствомъ государей и вельможъ развивалась въ особенности драматическая поэзія. Число драматурговъ было громадно. Въ комедіяхъ и фарсахъ очень много остроумія и веселости. Трагедіи и аллегорическія піэсы были гораздо слабѣе.

Веселость итальянскаго характера высказывалась множествомъ шутливыхъ и сатирическихъ стихотвореній. Одинъ изъ видовъ этой веселой лирики назывался *Capitoli*. Знаменитѣйшимъ представителемъ ея былъ Берни. Почти всѣ поэты, въ томъ числѣ многіе государственные люди и ученые, писали шутливыя стихотворенія, въ которыхъ часто осмѣивалась религія.

Въ XV вѣкѣ была основана во Флоренціи Платоновская Академія; потомъ въ Римѣ Римская Академія. Черезъ нѣсколько времени возникло много литературныхъ обществъ. Знаменитѣйшей изъ нихъ была Академія Отрубей *della Crusca*, основанная во Флоренціи. Итальянскія литературныя общества любили давать себѣ шутливыя названія; такъ напримѣръ, въ Болоньѣ было Общество Горячихъ, въ Равеннѣ было Общество Неуклюжихъ и Общество дикарей, въ Фаэнцѣ—Общество Безтолковыхъ, въ Перуджіи Общества Скучныхъ и Сумасбродныхъ, въ Сполето Общество Тупоумныхъ, въ Урбино Общество Оглушенныхъ.

2. Развѣтіе литературы при дворѣ Медичи.

Итальянская литература получила высокое развѣтіе въ первой половинѣ XIV вѣка въ эпоху Данте, Петрарки и Боккаччіо; второй блестящій періодъ она имѣла въ XVI вѣкѣ. Между этими двумя эпохами она представляетъ мало интереснаго для всеобщей исторіи. Поэты того времени были подражателями Петрарки и Боккаччіо; Данте имѣлъ гораздо менѣе послѣдователей; ему удивлялись больше, чѣмъ подражали. Отголоскомъ его поэзи можно назвать поэму Маттео Пальміери „Городъ Жизни“ *Città de Vita*, которая черезъ нѣсколько времени была запрещена инквизиціей. Подражателей сонетамъ Петрарки было очень много, но ихъ произведенія плохи. Еще гораздо сильнѣе было вліяніе Боккаччіо. По его примѣру было написано множество новеллъ. У него уже замѣтны результаты упадка національной жизни, политическаго безсилія раздробленной Италіи; послѣ него національныя бѣдствія увеличивались: Италія была терзаема междоусобіями, республики подпадали подъ владычество деспотовъ, горожане были подавляемы вельможами и тираннами; при дворахъ развивалась лъстивая и безнравственная поэзія. Съ окончательной погибелью политической свободы въ XVI вѣкѣ исчезло и поэтическое творчество; но его погибели предшествовало высокое развѣтіе поэзи. Народъ, страдавшій подъ игомъ деспотовъ, сочувствовалъ сатирѣ или искалъ забвенія своей тоскѣ въ легкомысленныхъ веселостяхъ, потому любилъ шутливую поэзію.

Пальміери
† 1475.

Буркіэлло †
1448.

Въ ней много свѣжести и смѣлости; преобладающей формой ея были бурлески; первымъ знаменитымъ авторомъ ихъ былъ флорентійскій цирульникъ Доменико Буркіэлло, жившій въ первой половинѣ XV вѣка. Онъ написалъ множество сонетовъ, въ которыхъ шутливость очень часто доходитъ до неприличія. Ученая классическая сатира того времени гораздо ниже этихъ живыхъ и смѣлыхъ пасмѣшекъ. Она холодное подраженіе Горацию и Ювеналу. Знаменитѣйшими рассказчиками новеллъ были въ XIV вѣкѣ Саккетти и Серъ Джованни, въ XV столѣтіи Массуччо. Сюжеты большей части ихъ новеллъ не коренные итальянскіе, а взятые изъ восточныхъ рассказовъ, занесенныхъ въ Италію черезъ Сицилію или Францію. Въ нихъ перемѣнены названія лицъ и мѣстъ, этимъ и ограничивается передѣлка. Лишь немногія новеллы имѣютъ національное содержаніе, осмѣиваютъ пороки духовенства, дурныя стороны семейной и гражданской жизни или рассказываютъ о благородныхъ подвигахъ, великодушныхъ поступкахъ.

Развитіе комедіи.

Странную противоположность направленію новеллъ и лирики представляла драматическая поэзія, державшаяся формы мистерій религіознаго содержанія. Въ 1264 году мы находимъ въ Римѣ Общество Хоругви (Gonfalone), представлявшее мистерію Страстей Господнихъ. Другія религіозныя піэсы („Евангеліи“, *vangelii* и „духовныя исторіи“ *istorie spirituali*) были даваемы пилигримами и монахами. Черезъ нѣсколько времени появились мірскія піэсы, и фарсъ сдѣлался главнымъ элементомъ итальянскаго народнаго репертуара, получившаго оригинальный характеръ отъ постояннаго употребленія типическихъ лицъ (*zanni*), бывшихъ продолженіемъ типическихъ фигуръ древнихъ римскихъ мимическихъ спектаклей; эти лица служили типами разныхъ итальянскихъ племенъ или сословій, ихъ одежды, нарѣчія смѣшныхъ манеръ, и давали возможность одной провинціи подсмѣиваться надъ другою, одному городу надъ другимъ. Самая старинная изъ типическихъ фигуръ Докторъ или Граціано, уроженецъ Болоньи, олицетвореніе скучнаго педанта. Венеціанское происхожденіе имѣетъ Панталоне, торговецъ, пожилой человѣкъ, добродушный до простоватости, но склонный къ шалостямъ приличнымъ только для молодыхъ людей; прислугу Доктора и Панталоне составляютъ Арлекино, уроженецъ Бергамо, Коломбина, его любовница, и Скапино. Всѣ они плутуютъ и острятъ. Пульчинелло былъ услужливый и шутливый лизоблудъ, уроженецъ Апуліи; Спавіэнто былъ неаполитанскій испанецъ, самохвалъ и буянъ, Джельсомино римскій щеголь, Бригелла, уроженецъ Каррары, хитрый и дерзкій простолюдинъ; Бельтраме, чудакъ, уроженецъ Милана; Тарталья-занка, забавлявшій публику своимъ кособызычіемъ. Джангурголо и Коріэлло были неуклюжіе калабрійцы. Эти типическія фигуры разыгрывали піэсы по легкимъ эскизамъ содержанія, импровизируя подробности дѣйствія по вдохновенію минуты. Этотъ импровизированный родъ піэсы назывался *commedia dell'arte*. Противоположность ей составляла „Ученая комедія“, *commedia erudita*, возникшая съ 1470 года, когда Римская Академія разыгрывала піэсы Плавта на латинскомъ языкѣ. Его комедіи были вскорѣ послѣ того переведены на итальянскій и въ переводѣ давались на придворныхъ праздникахъ; по образцу ихъ писались оригинальныя произведенія. Въ Италіи не было такого литературнаго центра какъ Парижъ во Франціи, потому каждый большой городъ имѣлъ самостоятельный репертуаръ, и художественная драма не вытѣснила простонародныхъ піэсъ.

Лирическая поэзія.

Развитію лирической поэзіи много содѣйствовало то, что ей покровительствовали Медичи, и многіе изъ ученыхъ друзей гуманистовъ писали лирическія стихотворенія. Лоренцо Медичи, по своей многосторонней образованности и живому пониманію дѣйствительности, не могъ довольствоваться

холоднымъ подражаніемъ классической поэзіи. Онъ писалъ стихотворенія въ національномъ духѣ. Особенно хороши его любовныя пѣсни. Въ сонетахъ и канцонахъ, которыми прославлялъ онъ Лукрецію Донати и другихъ красавицъ, онъ былъ подражателемъ Петрарки и хотя не равняется своему образцу гармоніей стиха, изяществомъ языка, но ближе къ нему, чѣмъ прежніе петраркисты, у которыхъ слишкомъ много натянутого, фантастическаго патетизма. Знаменитѣйшими подражателями Петрарки были Антонио Тебальдео (уроженецъ Феррары умершій въ 1537 году), Серафино Аквилано (неаполитанецъ) и Бернардо Аккольти (уроженецъ Аредцо). Кромѣ сонетовъ и канцонъ Лоренцо Медичи писалъ стихотворенія другихъ родовъ. Въ поэмѣ „Амбра“ онъ воспѣвалъ октавами свой амбронскій садъ; въ *Nemio di Barberino* онъ напвнымъ простонароднымъ тосканскимъ нарѣчіемъ прославляетъ красоту поселянки; въ дидактической поэмѣ „Споръ“ (*Altercazione*) онъ защищаетъ философію Платона; его „Пьяницы“ (*I Beoni*)— остроумная сатира противъ пьянства и съ тѣмъ вмѣстѣ народія Божественной комедіи. Вполнѣ народный характеръ имѣютъ его карнавальные пѣсни (*caniti carnascialeschi*) для пѣнія на праздникахъ, которые давалъ онъ народу и на которыхъ веселился самъ съ простолюдинами. Онъ писалъ также рондо, плясовыя пѣсни и самъ пѣлъ ихъ при народныхъ танцахъ на площади; слагалъ онъ и духовные гимны.

Однимъ изъ друзей Лоренцо былъ, какъ мы говорили, даровитый ученый Андже́ло Полиціано, произведенную отъ латинской формы названія замка Монте Пульчано, въ которомъ родился. Онъ писалъ превосходные итальянскіе стихи. Знаменитыя „Стансы“ (или *Giostra*) Полиціано предназначены были служить вступленіемъ къ неоконченной имъ поэмѣ, воспѣвающей Джуліано Медичи и его любовь къ прекрасной Симонеттѣ. Они написаны октавами; языкъ ихъ превосходенъ. Форма октавы доведена Полиціано до совершенства. „Стансы“ были написаны по поводу турнира, происходившаго въ 1468 году. Для этого же турнира было написано еще болѣе знаменитое его произведеніе, драма въ пяти актахъ съ хорами „Легенда объ Орфеѣ“ (*Favola d'Orfeo*). Онъ написалъ эту піэсу, какъ говорятъ, въ два дня. По формѣ она мало отличается отъ мистерій. Существенную разницу отъ нихъ составляетъ содержаніе взятое изъ греческой мифологіи. Хоры пѣлись съ аккомпанементомъ музыки. „Орфей“, былъ постановленъ на сцену съ великолѣпными декораціями въ Мантуѣ въ 1483 году на праздникъ въ честь возвращенія кардинала Гонзаги. Въ исторіи итальянскаго театра большую важность имѣетъ другой спектакль, данный въ 1486 году въ Феррарѣ; тогда была поставлена на сцену комедія Плавта „Близнецы“ въ итальянскомъ переводѣ. Популярнѣйшимъ изъ поэтовъ двора Лоренцо Медичи былъ Луджи Пульчи, основатель того вида поэзіи, который былъ любимымъ у предворныхъ и академическихъ итальянскихъ поэтовъ XVI вѣка; это были передѣлки среднеивковыхъ Эпоей въ національномъ вкусѣ. Поэмы французско-бретанскаго цикла легендъ о Карлѣ Великомъ были давно извѣстны въ Италіи. Онѣ были пересказываемы во множествѣ прозаическихъ и стихотворныхъ передѣлокъ, знаменитѣйшими изъ которыхъ были *I Reali di Francia*, Бова Анконскій (*Bovo d'Ancona*, и *La Spagna*). Эти рассказы были написаны въ простонародномъ тонѣ. Къ тому же роду поэмъ принадлежатъ „Леандра“ Дуранте Гуальто и „Мамбриана“ Франческо Чеко. Но всѣ ихъ затмѣла поэма Луджи Пульчи „Морганте Великій“ (*Morgante Maggiore*). Ею начинается блестящій рядъ итальянскихъ рыцарскихъ поэмъ, въ которыхъ легенды о Карлѣ Великомъ передѣлываются произволомъ фантазіи автора.

Луджи Пульчи написалъ свою поэму по просьбѣ Лукреціи Турнабуони, Луджи Пульчи матери Лоренцо Медичи. Содержаніемъ ея служатъ легенда о великанѣ 1431 — 1458.

Андже́ло По-
лиціано
1454—1494.

Морганте, котораго Роландъ обратилъ въ христіанство. Но она пересказана во вкусъ скептическаго, насмѣшливаго итальянскаго гуманизма. Первоначально она имѣла 23 пѣсни, потомъ было прибавлено еще пять. Она была напечатана въ Венеціи въ 1481 году. Средневѣковые рассказы о Карлѣ Великомъ, его палладинахъ, ссорахъ вельможъ, измѣнахъ вассаловъ, войнахъ за вѣру, чудесахъ казались смѣшны автору и служатъ для него поводами къ шуткамъ. Въ рѣчи героевъ, принцессъ, духовныхъ сановниковъ онъ вставляетъ грубыя выраженія низшаго класса флорентійскихъ простолюдиновъ. Карлъ и его палладины ругаются площадными словами. Поэма непрерывный рядъ насмѣшекъ надъ духовенствомъ и религіей. Но каждая пѣснь начинается молитвой; это довершаетъ пронию. Мѣстами поэма Пульчи—имѣетъ сходство съ „Донъ-Кихотомъ“ и „Орлеанской дѣвой“ Вольтера. Она какъ будто впередъ написанная пародія на поэму Боярдо. Въ ней очень много живости. Всѣ описанія картинны. Пульчи—оригинальнѣйшій изъ итальянскихъ эпическихъ поэтовъ.

3. Боярдо и Аріосто.

Боярдо 1434—1494. Маттео Марія Боярдо происходилъ изъ знатной фамиліи, усердно служившей роду Эсте и получившей отъ него въ 1423 году въ ленное владѣніе графство Скандіано. Графъ Маттео Марія Боярдо учился въ Форрарѣ, приобрѣлъ основательное знакомство съ греческой и латинской литературой, получилъ степень доктора философіи и юриспруденціи. Герцоги феррарскіе выказывали большое уваженіе къ нему; онъ женился на дѣвушкѣ изъ династіи Гонзагъ. Съ 1478 до самой смерти онъ почти непрерывно занималъ должность правителя Редджо (въ Ломбардіи). Современные юристы упрекали его за чрезмѣрную кротость, говорили, что онъ лучше умѣетъ писать стихи, чѣмъ наказывать преступленія. Кромѣ своей огромной эпической поэмы онъ написалъ много сонетовъ, канцонъ и драму „Тимонъ“ (содержаніе которой взято изъ Лукіана), перевелъ на итальянскій языкъ Геродота, Ксенофонта, Апулея.

«Влюбленный Роландъ». При жизни Боярдо не печаталъ своихъ произведеній. Были изданы только двѣ первыя книги его поэмы (въ Венеціи въ 1486 году); но вѣроятно безъ его согласія. Въ полномъ своемъ составѣ поэма издана по смерти автора сыномъ его Камилло; ея названіе „Влюбленный Роландъ“ Orlando Innamorato и состоитъ изъ трехъ книгъ. Первая книга, имѣющая 29 пѣсень рассказываетъ о томъ, какъ Роландъ влюбился въ Анджелику владѣтельницу города Альбракки, объ осадѣ этого города, о подвигахъ героевъ, осаждающихъ или защищающихъ Альбракку; вторая книга, состоящая изъ 31 пѣсни, рассказываетъ о войнѣ африканскихъ царей съ Карломъ Великимъ и о томъ, какъ найденъ былъ Руджіэро, предокъ династіи Эсте. Вторую книгу Боярдо кончилъ въ 1481 году. Третью книгу писалъ онъ медленно и успѣлъ написать только 9 пѣсень; трудъ его былъ прерванъ французскимъ нашествіемъ, о которомъ онъ упоминаетъ въ послѣднихъ стихахъ. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ (21 декабря 1494). Его лирическія стихотворенія показываютъ, что онъ вполне владѣлъ тосканскимъ нарѣчіемъ, которое съ XIV вѣка стало литературнымъ языкомъ всей Италіи; но свою поэму онъ написалъ не на этомъ языкѣ въ чистой литературной формѣ; онъ употребляетъ множество устарѣлыхъ и провинціальныхъ выраженій, особенно

ломбардскихъ. Такъ говорили при феррарскомъ дворѣ въ его время. Этотъ дурной языкъ сильно повредилъ подлиннику поэмы. Франческо Берни, переложивъ ее на чистый литературный языкъ, совершенно вытѣснилъ изъ употребленія подлинникъ, такъ что послѣ изданія редакціи Берни онъ не имѣлъ ни одного новаго изданія до нашего времени.

Подобно другимъ итальянскимъ эпическимъ поэтамъ Боярдо слѣдовалъ средневѣковымъ поэмамъ. вмѣстѣ съ авторами ихъ онъ ссылагся на баснословную исторію архіепископа Турпина, которую папа Каликстъ II объявилъ въ 1122 году достовѣрнымъ разсказомъ, принадлежащимъ дѣйствительно Турпину. Боярдо не вѣрилъ этой сказкѣ и ссылагся на нее обыкновенно въ такихъ эпизодахъ, нелѣпость которыхъ очевидна (такъ дѣлалъ впослѣдствіи и Аріосто); иногда прорія совершенно ясна, при ссылкѣ на Турпина по поводу упоминанія о подвигахъ Александра Македонскаго. Боярдо оставляетъ нравы своихъ героевъ такими, какими очерчены они въ средневѣковыхъ поэмахъ, не хочетъ дѣлать ихъ менѣе грубыми. Карлъ у него, какъ у автора средневѣковыхъ поэмъ, вспыльчивый, бранчивый старикъ, который то ругаетъ своихъ палладіновъ, то лѣститъ имъ. Однажды, разсердившись на ихъ ослушаніе, онъ схватилъ палку и— „разбилъ больше тридцати головъ“; онъ обманываетъ Орlando и Ринальдо, обѣщая каждому изъ нихъ руку Анджелики, чтобъ оба они усерднѣе служили ему.

Но прежнія поэмы выставили Роланда только бойцомъ за христіанство, а Боярдо, знакомый съ другими циклами романтическихъ легендъ и въ особенности съ цикломъ преданій объ Артурѣ, ввелъ въ свою поэму любовь. Прежніе поэты изображали Роланда нечувствительнымъ къ любви; онъ у нихъ жилъ даже съ своей женой Альдой, какъ съ сестрой. Боярдо упоминаетъ объ Альдѣ; но Роландъ у него влюбляется въ пріѣхавшую къ двору Карла китайскую принцессу Анджелику. Его страсть къ ней такъ сильна, что онъ въ борьбѣ съ своимъ соперникомъ Феррагу теряетъ рассудокъ. (На этой новой чертѣ разсказа о Роландѣ Аріосто основалъ свою поэму). Въ прежнихъ эпопеяхъ характеры Роланда и другихъ героевъ были одинаковы всѣ; Боярдо придалъ имъ разнообразіе. Такъ напримѣръ Астольфо тщеславенъ, любитъ роскошь; Родомонто нечестивецъ. Благодаря этому разнообразію, разсказъ объ ихъ подвигахъ не утомляетъ монотонностью, хотя всѣ они постоянно сражаются. Описанія сраженій подъ Парижемъ, Альбраккой и Эгмортомъ очень живы; они лучше описаній, дѣлаемыхъ Тассо и Аріосто, говорящихъ о турнирахъ и поединкахъ только по слухамъ; Боярдо хорошо знакомъ съ этими дѣлами, какъ очевидецъ.

Планъ поэмы Боярдо таковъ, что если-бъ онъ довелъ ее до конца, то во второй половинѣ главнымъ героемъ вмѣсто Роланда сталъ бы Руджіэро, какъ это и находимъ у Аріосто. Руджіэро предокъ династіи Эсте, потомокъ Гектора. Боярдо подобно Виргилію принимаетъ сторону Гектора и выставяетъ побѣду Ахиллеса надъ нимъ результатомъ предательства. Изъ эпизодовъ поэмы Боярдо особенно знаменитъ разсказъ о феѣ Морганѣ, которую надобно схватить за локонъ переднихъ волосъ, чтобы сдѣлаться счастливымъ.

Лодовико Аріосто былъ только продолжатель поэмы Боярдо, но затмилъ его своею славой. Лодовико родился въ Редджо, правителемъ котораго былъ нѣсколько раньше Боярдо его отецъ. Старикъ Аріосто хотѣлъ сдѣлать сына юристомъ. Но Лодовико увлекся поэзіей. Изучивъ древнія литературы, въ особенности классическихъ поэтовъ, онъ написалъ по образцу Плавта и Теренція комедіи „Кассарія“ и „Подмѣненные“. Умомъ и обширностью знаній онъ пріобрѣлъ благосклонность кардинала Ипполита Эсте, брата Альфонса I, герцога феррарскаго, поступилъ на службу кардинала,

Аріосто.
1474—1533.

исполнялъ дипломатическія и военныя порученія. Онъ скучалъ этими дѣлами, отвлекавшими его отъ поэтическихъ трудовъ, но, не имѣя независимаго состоянія и любя удобства жизни, онъ былъ принужденъ служить и всю жизнь оставался въ полной зависимости отъ феррарской династіи, благосклонность которой старался сохранить за собой. Это желаніе постоянно проявляется въ его поэмѣ, посвященной кардиналу Иннолиту.

Поэма Аріосто „Сумасшедшій Роландъ“, *Orlando Furioso*—продолженіе поэмы Боярдо. Легенды о Роландѣ вошли въ моду; потому Аріосто и взялъ предметъ своей поэмы изъ этого цикла средневѣковыхъ эпикей. Аріосто предполагаетъ извѣстнымъ все то, что рассказываетъ Боярдо, и начинается съ того, на чемъ остановилась его поэма. Аріосто хотѣлъ писать свою поэму терцинами, но этотъ размѣръ оказался неудобенъ, и онъ написалъ ее октавами. Стихъ его превосходенъ, и форма октавы, еще до него ставшая обыкновеннымъ размѣромъ эпическихъ поэмъ въ Италіи, даетъ свободу болтливому и живому разсказу его.

„Сумасшедшій Роландъ“, будучи продолженіемъ поэмы Боярдо, составляетъ однакоже особое цѣлое, совершенно различное отъ нея. Роландъ у Аріосто только по названію главное лицо поэмы. Не менѣе его важны въ ней Ринальдо, Брандимарто, Грифонъ, Астольфо, Марфиза, Цербино, Мандрикарто. Сумасшествіе, въ которое впадаетъ Роландъ отъ любви къ Анжеликѣ, составляетъ содержаніе лишь немногихъ пѣсенъ поэмы. Главный герой ея Руджіэро, потомокъ Гектора, предокъ династіи Эсте. Всѣ приключенія другихъ героев ведутъ къ тому, что Руджіэро принимаетъ христіанство и женится на Брадамантѣ, сестрѣ Ринальдо. Потомки ея и его являются дѣйствующими лицами въ эпизодахъ, излагающихъ то, что происходило гораздо позднѣе эпохи Роланда и Руджіэро; описывается даже садъ Бельригвардо, принадлежащій герцогамъ феррарскимъ. Эти эпизоды о позднѣйшихъ временахъ вставлены въ поэму посредствомъ обыкновеннаго способа эпической поэзіи описывать будущее; они предсказанія.

Кардиналъ Иннолиту, отъ котораго Аріосто надѣялся получить награду за свою поэму, принялъ его произведеніе очень холодно. Кардиналъ любилъ науку больше, чѣмъ поэзію, и когда въ 1517 году Аріосто поднесъ поэму своему покровителю, Иннолиту сказалъ, что дивится, какъ могъ онъ придумать столько вздора. Черезъ нѣсколько времени Аріосто, сославшись на плохое здоровье, отказался ѣхать съ кардиналомъ въ Венгрію. Кардиналъ разсердился; Аріосто перешелъ отъ него на службу къ герцогу и былъ посланъ усмирить мятежъ въ Гарфаньѣ. Аріосто въ эти годы написалъ много стихотвореній, въ которыхъ жалуется на неблагодарность кардинала и герцога. Но Альфонсъ сталъ очень милостивъ къ нему, по построеніи въ Феррарѣ великолѣпнаго театра, для котораго Аріосто написалъ нѣсколько комедій; въ нихъ играли сами Эсте и ихъ придворные. Въ 1532 году Аріосто напечаталъ свою поэму. Въ этомъ изданіи она имѣетъ 40 пѣсенъ. Къ нимъ впоследствии сынъ его Вирджиніо присоединилъ еще пять, но онѣ несравненно хуже напечатанныхъ самимъ Лодовико. Великій поэтъ умеръ 6 іюля 1533.

Былъ ли онъ повѣнчанъ съ матерью его дѣтей, мы не знаемъ; но, кажется, онъ былъ вѣренъ ей, хотя по обычаю того времени писалъ много канцонъ и сонетовъ въ честь разныхъ красавицъ. Очень можетъ быть, что это вымышленныя лица или что всѣ онѣ лишь фантастическія изображенія одной и той же женщины, о которой онъ упоминаетъ въ 24 пѣснѣ своей поэмы, не называя ея по имени. Онъ былъ человѣкъ разсудительный до сухости въ дѣйствительной жизни, пылкость онъ имѣлъ только въ поэзіи. Но и въ поэзіи разсудокъ его владычествовалъ надъ фантазіей, и картины въ его поэмѣ всегда отчетливы; это много содѣйствовало тому,

что онъ сталъ любимымъ поэтомъ своего вѣка. Его поэма имѣла въ XVI столѣтіи болѣе 80 изданій. Изыщество и съ тѣмъ вмѣстѣ простота языка доставила ей быстрое торжество надъ поэмой Боярдо. Приключенія въ ней не менѣе разнообразны и рассказаны гораздо лучше; фантазія богата, юношески свѣжа, отважна; поэма проникнута нѣжнымъ чувствомъ, очаровывавшимъ женщинъ. Далекое превосходя Боярдо силой поэтическаго творчества, Аріосто превосходитъ ей и своего преемника Тассо. Даже тѣ сцены, въ которыхъ владычествуетъ сладострастіе, у Аріосто изображены съ нѣжностью и скромностью. Легкій, блестящій, занимательный рассказъ его совершенно соотвѣтствовалъ вкусу государей, вельможъ и дамъ. Связь между эпизодами у него слаба, но тѣмъ легче было читать его поэму: каждое приключеніе составляетъ особое цѣлое, такъ что можно начать чтеніе откуда угодно и кончить какъ только вздумается. Аріосто всегда умѣетъ остановиться во время, прекратить рассказъ раньше, чѣмъ онъ утомитъ, и начать новый; часто онъ перерываетъ рассказъ на самомъ интересномъ мѣстѣ, чтобы сильнѣе возбудить любопытство, и всегда дѣлаетъ это мастерски. Прежде чѣмъ утомится читатель рассказомъ о какомъ нибудь приключеніи Роланда и Анжелики, ихъ смѣняютъ Руджіэро и Брадаманта. Аріосто серьезенъ на столько, чтобы рассказъ былъ интересенъ, и влагаетъ въ него столько шутливости, что читать его очень весело. Въ поэмѣ есть насмѣшки надъ церковью и духовенствомъ, но онѣ не горьки, а шутливы. Это не сарказмъ, а веселая проія. Брадаманта убѣждаетъ своего возлюбленнаго креститься, онъ отвѣчаетъ: „для тебя я безстрашно пойду не только въ воду, но пожалуй и въ огонь“. Влагочестивый отшельникъ назидаетъ Родомонта духовной пищей; „но едва отвѣдалъ ее мавръ, стало ему тошно; это потому, что онъ родился съ дурнымъ вкусомъ“. Въ проіической веселости Аріосто много вѣрныхъ глубокихъ мыслей о жизни; онъ превосходно знаетъ человѣческое сердце.

Но есть и недостатки въ его поэмѣ. Она лабиринтъ приключеній; безконечные ряды ихъ не имѣютъ единства. Характеры очерчены очень слабо; это не группа людей, а группа именъ. Только Родомонто нѣсколько отличается отъ другихъ героев неукротимостью отваги, Брадаманта—отъ другихъ красавицъ романической воинственности; всѣ остальные лица—марионетки, которыми движетъ одна пружина, любовь. Современники любили поэму Аріосто за разнообразіе содержанія, за очаровательную шутливость, за граціозность рассказа, за художественность формы; но ужъ и они находили, что у него нѣтъ способности создавать новое, что онъ только мастеръ пользоваться чужимъ, что всѣ сцены у него заимствованы изъ другихъ поэтовъ, начиная съ Овидія и кончая Боярдо. Описанія природы онъ заимствовалъ у прежнихъ итальянскихъ и французскихъ поэтовъ. Почти всѣ эпизоды онъ взялъ изъ испанскихъ и провансальскихъ романсовъ, итальянскихъ новеллъ или другихъ произведеній прежней поэзіи. Онъ не могъ дать связнаго полного изображенія жизни, но съ неподражаемымъ талантомъ обрисовывалъ отдѣльные моменты ея и съ очаровательной прелестью рисовалъ отрывочныя сцены. Его поэма рядъ великолѣпныхъ картинъ, очаровывающихъ своимъ свѣтлымъ колоритомъ; ее весело читать, потому что она написана авторомъ въ радостномъ настроеніи души; очарователенъ и языкъ ея, нѣжный, изящный и гармоничный.

Переходя къ второстепеннымъ поэтамъ, замѣтимъ, что въ первыя десятилѣтія XVI вѣка многіе изъ нихъ писали не на родномъ языкѣ, а на латинскомъ. Знаменитѣйшіе изъ этихъ латинскихъ поэтовъ послѣ Саннацаро Садоletzъ, Вида, Навагеръ, Фаэръ, Маркъ Антоній Фламиній, Марцеллъ Палингеній Стеллатъ, Аоній Палеарій, Фракасторъ. Они лирическіе поэты. Но писались на латинскомъ языкѣ и драмы, какъ напримѣръ,

Латинскія
поэмы.

Антоніо Тилезіо написавъ по латини драму „Золотой дождь“, Анджелио Барга издалъ латинскую эпическую поэму „Сиріада“ около того времени, какъ явился „Освобожденный Іерусалимъ“ Тассо. Но гораздо важнѣе латинскихъ поэтовъ были тѣ, которые писали на родномъ языкѣ.

4. Современники Боярдо и Аріосто.

Между современниками Боярдо и Аріосто были поэты, подражавшіе древнимъ такъ раболѣпно, что въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ ничего національнаго; они представители ученаго энтузіазма гуманистовъ въ поэзіи.

Руччеллаи 1475—1525. Таковы Джованни Руччеллаи, флорентійскій государственный человѣкъ, и другой флорентіецъ Лупджи Аламани, врагъ династіи Медичи, бѣжавшій во Францію, поступившій на службу къ Франциску I, бывшій покровителемъ Бенвенуто Челлини; и Джованни Джорджо Трессино, уроженецъ Виченцы, ѣздившій папскимъ посломъ къ императорамъ Максимилиану и Карлу, получившій орденъ Золотого руна. Будучи сходны между собою тѣмъ, что занимались государственными дѣлами, всѣ трое они сходны и по характеру своей поэзіи: мысли ихъ ясны, просты, но поверхностны, отдѣлка стиха правильна, языкъ изященъ, фантазіи у нихъ мало. Въ своемъ подражаніи древнимъ образцамъ они дошли до такой крайности, что отказались отъ употребленія римскаго стиха, писали бѣлыми стихами (Versi sciolti), обыкновенно пятистопными ямбами. Этими стихами Руччеллаи написалъ поэму „Пчелы“, первую дидактическую поэму новой итальянской литературы. Его описанія жизни пчелъ, прославляющія этихъ „дѣвственницъ“, „ангеловъ“ между насѣкомыми, не лишены поэтического колорита. Но очень плохи его трагедіи „Розамунда“ (переложенный въ разговоры рассказъ объ убійствѣ Альбоина женой) и „Орестъ“ (передѣлка „Ифигеніи въ Тавридѣ“ Эврипида). Руччеллаи въ „Пчелахъ“ подражалъ „Георгикамъ“ Виргиліи; Трессино еще раболѣпнѣе подражалъ „Энеидѣ“ въ своей поэмѣ „Италія, освобожденная отъ готовъ“. Это переложенная въ стихи проза съ холодными описаніями и скучными рѣчами. Велизарію помогаетъ христіанскій Богъ, но въ поэмѣ дѣйствуютъ и греческія божества; конецъ дѣла показываетъ, что христіанскій Богъ всемогущъ, какъ это и говоритъ авторъ въ послѣднемъ стихѣ поэмы. Менѣе прозаичны его комедіи „Близнецы“, передѣлка комедіи Теренція, и трагедія „Софонисба“, въ которой является хоръ женщинъ, поющихъ о бѣдствіяхъ жизни по образцу хоровъ Эврипида. Онѣ даже употребляютъ греческое восклицаніе oímoi (увы).—Аламани написалъ драмы „Флора“ и „Антигона“, писалъ кромѣ того поэмы. По желанію Франциска I онъ переложилъ въ итальянскіе стихи французскую средневѣковую поэму о Жиронѣ; по итальянски эта передѣлка называется „Джироне Любезный“, Его поэма „Аваркида“—переложеніе Иліады въ форму рыцарской эпопеи. Онъ цѣликомъ переноситъ дѣйствіе Иліады изъ подъ стѣнъ Трои подъ стѣны гальскаго города Аварика (Буржа). Ахиллесъ у него переименованъ въ Ланселота, Агамемнонъ въ Артура, прекрасная рабыня Бризеида сдѣлана принцессой Клавдіаной, за которой Ланселотъ ухаживаетъ по правиламъ рыцарской любви. Большой извѣстностью пользовалась въ свое время дидактическая поэма Аламани „О земледѣліи“, подражаніе „Георгикамъ“ Виргиліи, замѣняющая ихъ изящество педантизмомъ.

Лирическіе поэты начала XVI столѣтія всѣ были подражатели Петрарки. Извѣстнѣйшіе изъ нихъ: Джироламо Бенивіэни въ знаменитой канцонѣ „Божественная любовь“, перелагающій философію Платона на языкъ христіанской религіи; графъ Бальдассаре Кастильоне, храбрый воинъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ Карла V; кардиналъ Піетро Бембо, славившійся и сонетами, какъ учеными своими трудами; Франческо Марія Мольца, оставившій жену и дѣтей жить въ Моденѣ и навѣщавшій ихъ изрѣдка, а самъ почти все время проводившій въ Римѣ, гдѣ приобрѣлъ извѣстность волокитствомъ. Его сонеты были выраженіями страстной любви, то къ одной, то къ другой красавицѣ; они проникнуты пламеннымъ чувствомъ; въ нихъ много смѣлыхъ метафоръ, напоминающихъ восточную поэзію; усердное изученіе греческихъ и латинскихъ поэтовъ даетъ имъ изящество.—У этихъ лириковъ сонетъ сталъ снова тѣмъ, чѣмъ былъ до Петрарки, формой, въ которую влагалось какое угодно содержаніе: сатирическое или шутливое, буколическое, дионисическое, религіозное; въ отличіе отъ другихъ сонетовъ тѣ, которые какъ у Петрарки говорили о любви, назывались петрарковскими (petrarsheschi). Болѣе всѣхъ своихъ современниковъ напоминаетъ Петрарку и своей жизнью и силой таланта Якопо Саннацаро, единственный лирическій поэтъ той эпохи, заслужившій прочную славу. Онъ былъ человекъ съ хорошимъ состояніемъ, съ очень раннихъ лѣтъ страстно полюбилъ классическую литературу. Талантъ Саннацаро имѣлъ пасторальное направленіе. Его Лаурой была неаполитанка Кармозина Бонифачи; ея прославленію посвящено то произведеніе, которому Саннацаро обязанъ своимъ поэтическимъ бессмертіемъ, „Аркадія“, написанная отчасти стихами, отчасти поэтической прозой. Ближайшимъ образцомъ для этого юношески милого лирическаго романа служилъ пасторальный разсказъ Боккаччіо „Адметъ“. Саннацаро ввелъ въ моду буколическую поэзію; всѣ слѣдующія итальянскія эклоги были подражаніями ему. Мысли у него высказаны просто, языкъ наивенъ; многія изъ пѣсень пастуховъ въ его „Аркадіи“ принадлежатъ къ числу лучшихъ итальянскихъ канцонъ. Онъ выводитъ и самого себя живущимъ съ этими пастухами, поющимъ о своей любви; говоритъ, что онъ заснулъ у нихъ и очнувшись увидѣлъ себя снова въ Неаполѣ. Онъ пользовался благосклонностью королей неаполитанскихъ Фердинанда, Альфонса и Фридриха, послѣдовалъ за Фридрихомъ въ ссылку и возвратился въ Неаполь по его смерти. Саннацаро писалъ по итальянски только при жизни Кармозины; по смерти ея сталъ писать стихи по латини; эти его произведенія принадлежатъ къ числу превосходнѣйшихъ подражаній древнимъ поэтамъ. Одно изъ нихъ доставило ему славу и у людей религіозныхъ; это поэма „Рожденіе Пресвятой Дѣвы“.

Въ Италіи было тогда много женщинъ, заслужившихъ извѣстность поэтическими произведеніями. Лодовико Доменики около 1560 года перечисляетъ до 50 поэтессъ. Знаменитѣйшими изъ нихъ были: Туллія Арагонская (D'Aragona), Гаспара Стампа, Вероника Гамбара и въ особенности Витторія Колонна, дочь храбраго полководца Фабриціо Колонны, супруга знаменитаго полководца Фернандо Авалоса маркиза Пескары, умершаго отъ ранъ въ молодости (ему еще не было 30 лѣтъ). Витторія и онъ были помолвлены въ дѣтствѣ. Нѣсколько лѣтъ они прожили счастливые своей любовью на островѣ Искія. Витторія на всю жизнь осталась глубоко опечалена смертью мужа; она удалилась изъ свѣтскаго общества, бесѣдовала только съ поэтами и учеными, въ особенности тѣми, которые желали преобразованія церкви. Въ Неаполѣ она познакомилась съ приверженцемъ реформациі Окино; тамъ въ дворцахъ у нея и у Джуліи Гонзаги собирались друзья испанскаго приверженца реформациі, Вальдеса. Въ 1536 году

Лирическая
поэзія.
Бенивіэни
† 1542.
Кастильоне
1478—1529.
Бембо
1470—1547.
Мольца
1489—1544.

Саннацаро
1458—1530.

Поэтессы.
Витторія
Колонна
1490—1547.

Витторія Колонна переселилась въ Римъ. По своему происхожденію она принадлежала къ высшей аристократіи. Кардиналы Поло и Контарини сочувствовали ея религіознымъ убѣжденіямъ. До насъ дошелъ рассказъ португальскаго живописца о томъ, какъ она въ церкви Св. Сильвестра слушала вмѣстѣ съ Микель Анджело и другими замѣчательными людьми объясненія на посланія апостола Павла и бесѣдовала о нихъ. Своимъ умомъ и характеромъ она внушала глубокое уваженіе къ себѣ. Въ 1538 году были напечатаны ея сонеты. Они посвящены воспоминаніямъ о мужѣ, проникнуты глубокимъ религіознымъ чувствомъ. Поэтическая слава Витторіи Колонны была громадна. Всѣ поэты того времени писали стихи въ честь ея.

Микель
Анджело
1475—1564.

Витторія Колонна посылала свои стихотворенія Микель Анджело; читая ихъ, онъ самъ одушевился поэтическимъ творчествомъ и написалъ рядъ сонетовъ, принадлежащихъ къ лучшимъ произведеніямъ той лирики, которая по примѣру Петрарки воспѣвала платоническую любовь. Онъ былъ тогда уже старикъ, но фантазія его оставалась свѣжа. Многіе изъ его сонетовъ имѣютъ религіозное направленіе, говорятъ о суетности земной жизни, о грѣховности человѣка, о благодати Божіей, даваемой человѣку безъ заслугъ его. Но лучшіе сонеты религіознаго содержанія написаны Габріэле Фіаммой, епископомъ кіоджійскимъ, который также былъ подражателемъ Витторіи Колонны.

Эпическая
поэзія.

Важнѣйшей отраслью итальянской поэзіи была эпическая, въ которой владычествовали Луиджи Пульчи, Боярдо и Аріосто. Лука Пульчи, братъ Луиджи, написалъ поэму „Турниръ Лоренцо“ (то-есть Лоренцо-Медичи); это сухой отчетъ о сражавшихся на турнирѣ, о судьяхъ его; другая поэма Луки Пульчи „Чиритто Кальванео“ рассказываетъ приключенія двухъ рыцарей; въ ней по примѣру Аріосто перемѣшаны шутки съ серьезностью, сентиментальность съ наивностью, язычество съ христіанствомъ, но нѣтъ того изящества, какъ у Аріосто. Громкую славу прибрѣлъ Франческо Берни передѣлкой поэмы Боярдо во вкусѣ Аріосто. Она такъ понравилась итальянцамъ, что они перестали читать подлинникъ Боярдо, и капризная шутливость получила названіе поэзіи во вкусѣ Берни (*poesia bernesca*). Берни по примѣру Аріосто начинаетъ каждую пѣснь поэмы философскимъ вступленіемъ, но у него эти разсужденія пустыя общія мѣста. Перелагая поэму Боярдо на чистый литературный языкъ и влагая въ нее шутливость, Берни прибавилъ къ ней два большіе эпизода; въ одномъ изъ нихъ описывается взятіе Рима наемниками императора, въ другомъ Берни рассказываетъ свою жизнь. Онъ родился въ тосканскомъ мѣстечкѣ Кампорекио, происходилъ изъ знатной, но обѣднѣвшей фамиліи; 19-ти-лѣтнимъ юношей отправился въ Римъ просить покровительства у своего родственника, кардинала Биббіэны (одного изъ друзей Рафаэля); кардиналъ по его словамъ не сдѣлалъ ему ни добра, ни зла. По смерти Биббіэны, въ 1520 году, онъ сдѣлался однимъ изъ папскихъ секретарей, работалъ неохотно, но много; рѣдко получалъ вознагражденіе; больше работы любилъ лошадей и праздность; имѣлъ много враговъ; однимъ изъ нихъ былъ знаменитый безстыдный сатирикъ Піетро Аретино, говорившій, что заглавіемъ поэмы Берни должны быть слова „Влюбленный Роландъ, изгаженный Берни“. Но итальянская публика думала иначе. Ей нравилась шутливость Берни. Аріосто былъ слишкомъ изященъ для вкуса массы. Берни угождалъ ей. Фанатики обвиняли его въ кощунствѣ; но это несправедливо; напротивъ, онъ выбросилъ и тѣ немногія скромныя шутки надъ духовенствомъ и папой, какія позволялъ себѣ Боярдо. Римская курія могла бы порицать въ poemѣ Берни только восемь строфъ, прославляющихъ бракъ и по этому поводу выставляющихъ безнравственныя послѣдствія безбрачія католическаго духовен-

Берни
1460—1535.

ства. Но такихъ осужденій безбрачія было много у тогдашнихъ итальянскихъ поэтовъ; курія смотрѣла на нихъ снисходительно; и однако же папа запретилъ поэму Берни. Послѣ третьяго изданія ея, вышедшаго въ 1545 году, не было новыхъ изданій въ продолженіе 180 лѣтъ. Поводомъ къ запрещенію было, вѣроятно, то, что итальянскіе протестанты называли Берни авторомъ написанныхъ однимъ изъ ихъ поэтовъ 18 строфъ, очень рѣзко нападающихъ на папство. (Другой примѣръ такого подлога—три сонета, приписанныхъ итальянскими протестантами Петраркѣ).

При грабежѣ Рима наемниками въ 1527 году, Берни лишился всего имущества, но не утратилъ отъ этого несчастія веселости характера. Въ 1533 году она переселился во Флоренцію; кардиналъ Ипполитъ Медичи далъ ему должность каноника въ сборномъ капитулѣ; запутавшись въ придворныя интриги, онъ былъ отравленъ и умеръ 26 іюля 1536.—Его передѣлка поэмы Боярдо была напечатана черезъ пять лѣтъ по его смерти, въ 1541 году. Но еще при жизни онъ славился своими сонетами и другими лирическими стихотвореніями, въ которыхъ очень много веселости. Грубая шутливость Буркіэлло, во вкусѣ котораго писалось множество стихотвореній, называвшихся бурлесками, замѣнена у Берни классическимъ изяществомъ, и бурлески были вытѣснены изъ поэзіи бернесками.

Послѣ Берни многіе поэты передѣлывали или продолжали поэму Боярдо; изъ нихъ наиболѣе извѣстны Никколо Агостини (авторъ плохой поэмы „Военные усиѣхи“ и переводчикъ „Превращеній“ Овидія), Рафаэлло Вальчеко и въ особенности Лодовико Доминики, очистившій поэму Боярдо отъ архаизмовъ и провинціализмовъ безъ всякой перемѣны содержанія. Но публика предпочитала веселую передѣлку Берни.

Однимъ изъ подражаній поэмѣ Аріосто былъ „Амадисъ“ Бернардо Тассо. Уроженецъ Бергамо, Тассо служилъ напѣ, герцогу Феррарскому, Венеціи, былъ секретаремъ Феранте Сансеверино, князя салернскаго, и вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ тунисской экспедиціи Карла V. Человѣкъ чрезвычайно деликатный, онъ не принималъ наградъ, которыхъ по его мнѣнію не заслужилъ, и часто самъ штопалъ свои единственные чулки. Въ лѣтахъ уже не молодыхъ онъ женился въ 1539 на красивой, умной и богатой дѣвушкѣ Порціи Росси и сталъ жить въ Салерно, пользуясь благосостояніемъ; но въ 1447 году, когда была введена въ королевствѣ неаполитанскомъ испанская инквизиція, онъ принужденъ былъ бѣжать, сталъ скитальцемъ и умеръ въ Остиѣ (близъ Мантуи). Въ его время вкусъ публики былъ серьезнѣе прежняго, потому герой его поэмы чуждъ пороковъ и поэма наполнена назидательными размышленіями. Она длиннѣе всѣхъ другихъ итальянскихъ поэмъ; въ ней болѣе 7.000 актовъ. Она передѣлка рыцарскаго романа „Амадисъ Галльскій“. Во вступленіи Бернардо Тассо общаетъ воспѣтъ подвиги Амадиса и любовь его къ Оріанѣ „такимъ звучнымъ слогомъ, что будутъ слышать Эбро, Гидаспъ, Бактрія и Туле“. Правильнымъ стихомъ, но съ утомительной монотонностью онъ рассказываетъ безчисленные чудеса доброй феи Урганды, приключенія добродѣтельной Оріаны, великодушнаго Амадиса, который избавляетъ Періопа, короля галльскаго, изъ всяческихъ опасностей, даже не зная его, и наказываетъ злодѣевъ, защищаетъ невинность повсюду, въ лѣсахъ, замкахъ и на островахъ. Поэма была повидимому достаточно длинна и сама по себѣ. Но Бернардо Тассо прибавилъ къ ней продолженіе, герой котораго Флориданте.

5. Торквато Тассо.

Торквато Тассо 1544—1595. Торквато Тассо, сынъ Бернардо, сталъ знаменитѣйшимъ изъ итальянскихъ поэтовъ послѣ Аріосто. Подобно Аріосто онъ жилъ при феррарскомъ дворѣ, но не имѣлъ его разсудительности, отдавался своимъ чувствамъ съ мечтательной страстностью, не понималъ своего дѣйствительнаго положенія при дворѣ, былъ тщеславенъ, обидчивъ, требователенъ и этими своими слабостями погубилъ себя. Счастье долго баловало его и привычка къ почету разстроила его впечатлительные нервы. Онъ родился въ Сорренто, учился въ неаполитанской іезуитской коллегіи, потомъ, ведя скитальческую жизнь съ отцомъ, учился въ Римѣ, Бергамо, Пезаро, Венеціи; на 13 году былъ отправленъ въ Падуанскій университетъ, черезъ четыре года получилъ ученныя степени по тремъ факультетамъ: богословскому, юридическому и философскому. Восемнадцати лѣтнимъ юношей въ 1562 году онъ издалъ эпическую поэму „Ринальдо“. Ея содержаніе взято изъ цикла рыцарскихъ поэмъ о паладинахъ Карла Великаго; Торквато подражалъ въ ней манерѣ Аріосто, котораго хотѣлъ затмить; желаніе превзойти Аріосто осталось на всю жизнь страстной мечтой его. Онъ посвятилъ свою поэму кардиналу Людовику Эсте, брату Альфонса II, герцога феррарскаго. Молодой поэтъ нѣсколько времени продолжалъ ученныя занятія въ Болоньѣ, Моденѣ, Падуѣ, и увлекся платоновскою философіей. Въ 1565 году герцогъ пригласилъ его въ Феррару и далъ ему одну изъ придворныхъ должностей, обязывавшую только бывать во дворцѣ. Сестры герцога, Лукреція (герцогиня урбинская, жившая обыкновенно въ Феррарѣ) и Леонора, обращались съ поэтомъ благосклонно, надѣясь сдѣлать изъ него второго Аріосто. Леонора была болѣзненная, тихая дѣвушка, считалась святой. Тассо питалъ къ ней почтительное чувство. Лукреція любила веселье, покровительствовала поэтамъ и музыкантамъ; Тассо прославлялъ ее, „розу, ароматъ которой не уносится временемъ“. Но онъ воспѣвалъ также Барбару, принцессу Сансеверино, и дочь ея Леонору Санвитале. Жизнь его была самая пріятная: его ласкали; у него было много денегъ и ровно никакихъ обязанностей; онъ наслаждался пирами и другими блестящими придворными развлечениями, путался въ придворныя интриги, увлекался честолюбивыми замыслами и понемногу писалъ свою вторую поэму. Кругъ мыслей его былъ романтическій, онъ мечталъ о любви и добродѣтели; провія была чужда ему, не было у него и поэтической наивности, дающей очаровательность поэмѣ Аріосто. По своимъ убѣжденіямъ онъ былъ строгій католикъ и монархистъ, и принималъ за серьезную вещь рыцарское фантазерство, уже давно ставшее смѣшнымъ. Самостоятельнаго творчества онъ не имѣлъ; усердно изучая Гомера, Виргилія, Петрарку, онъ постоянно колебался въ тонѣ своей поэмы, подражая то одному изъ этихъ поэтовъ, то другому. Въ немъ есть теплота чувства, но мысли у него чужія, тусклыя, изобрѣтательности у него нѣтъ; онъ дѣйствительно хорошъ только какъ лирический поэтъ. Его сонеты, мадригалы, канцоны нѣжны, согрѣты живымъ чувствомъ. Онъ написалъ ихъ очень много. Онъ лучшій изъ петраркистовъ своего времени. Съ очень ранней молодости онъ приобрѣлъ славу великаго поэта.

Въ 1570 году Тассо поѣхалъ съ кардиналомъ Эсте въ Парижъ, наслаждался и тамъ похвалами себѣ, но за неосторожное слово потерялъ службу у кардинала, возвратился въ Феррару и былъ снова принятъ на службу герцогомъ. Альфонсъ не пожалѣлъ расходовъ на блестящую постановку его пасторальной драмы „Аминтъ“ (въ 1572 году); она приобрѣла такой успѣхъ, что затмилась слава Беккари, пасторали котораго были лучшими до той поры. Тассо придалъ пасторальнымъ драмамъ живость содержанія,

какого не имѣли онѣ прежде, показалъ примѣръ того, чтобъ онѣ служили выраженіемъ душевной жизни авторовъ. Онѣ высказалъ въ „Аминтѣ“ идеализированную исторію своей жизни. Пастухъ Аминтъ страдаетъ отъ несчастной любви, бросается со скалы; красавица, отвергавшая его любовь, цѣлуетъ его и онѣ оживаетъ. — Ободряемый восторженными похвалами, Тассо сталъ говорить, что создастъ произведеніе лучше поэмы Аріосто, и въ разговорѣ „О хорошихъ радостяхъ“ подвергъ ее строгой критикѣ, изложилъ свои понятія объ эпической поэмѣ. Онѣ порицаетъ Аріосто и другихъ итальянскихъ эпическихъ поэтовъ за то, что у нихъ нѣтъ строго выдержаннаго плана, что ихъ поэмы—безсвязные ряды приключеній, осуждаетъ ихъ за легкомысліе, за шутливость, говоритъ, что эпическая поэма должна быть серьезна, имѣть возвышенное нравственное содержаніе. Приверженцы Аріосто смѣялись надъ нимъ, какъ надъ педантомъ. Альфонсъ и сестры герцога оставались благосклонны къ Тассо: нѣсколько мѣсяцевъ онѣ гостилъ въ замкѣ Дуранте у своей покровительницы Лукреціи, герцогини урбинской; она и герцогъ взяли его съ собой въ замокъ Бельригвардо; едва согласились отпустить его въ 1575 году въ Римъ, гдѣ хотѣлъ онѣ услышать похвалы новой своей поэмѣ. Въ Римѣ сблизился онѣ съ кардиналомъ Фердинандомъ. Альфонсъ, феррарскій дворъ были недовольны этимъ, потому что Медичи были враги ихъ. Возвратившись въ Феррару, Тассо замѣтилъ охлажденіе герцога и двора къ нему и вообразилъ, что его считаютъ измѣнникомъ, хотятъ погубить. Въ 1577 году его болѣзненная подозрительность усилилась до того, что онѣ въ комнатахъ герцога бросился съ кинжаломъ на одного изъ придворныхъ. Герцогъ сохранилъ доброе расположеніе къ Тассо, но не могъ оставить совершенно безнаказаннымъ такой поступокъ и велѣлъ отвести Тассо подъ арестъ во францисканскій монастырь. Онѣ принялъ это за смертельную обиду себѣ и бѣжалъ. Человѣкъ не практичный, не умѣющій беречь денегъ, смѣшившій и раздражавшій людей своими претензіями и капризами, онѣ нѣсколько времени велъ скитальческую жизнь, наконецъ поселился въ Сорренто у своей сестры Корнелии, замужней женщины, жившей безбѣдно.

Въ это время, въ 1579 году, онѣ напечаталъ четвертую пѣснь „Освобожденнаго Іерусалима“, какъ образецъ красоты поэмы, которую писалъ тогда. — Онѣ хотѣлъ прославлять христіанство; турки угрожали Европѣ, потому война съ невѣрными была очень популярной поэмой. Тассо превосходно понималъ, что наилучшимъ сюжетомъ для его поэмы будетъ первый крестовый походъ, отнятіе святой земли у невѣрныхъ. Воспѣваемому имъ дѣлу покровительствуетъ Богъ; потому крестоносцамъ помогаютъ ангелы, тѣни прежнихъ героевъ, павшихъ во войнѣ съ невѣрными. Князь тьмы Плутонъ помогаетъ противникамъ воиновъ божіихъ. Демоны, волшебники и волшебницы стараются вредить имъ. Главное орудіе князя тьмы прекрасная волшебница Армида. Она является въ четвертой пѣсни поэмы; рассказъ объ этомъ великолѣпенъ, и Тассо сдѣлалъ хорошій выборъ, напечатать именно эту пѣснь, какъ образецъ достоинствъ новой своей поэмы. Такой же высокой красоты достигаетъ поэма только еще въ одномъ эпизодѣ, въ описаніи волшебнаго острова Армиды. Но превосходны и всѣ тѣ мѣста поэмы, въ которыхъ выражается чувство. Таковъ на примѣръ во второй пѣсни знаменитый эпизодъ объ Олиндѣ и Софроніи (онѣ помѣщенъ слишкомъ рано; Тассо замѣтилъ это и впоследствии выбросилъ его какъ лишній); таковы въ третьей пѣсни описаніе впечатлѣнія крестоносцевъ при видѣ Іерусалима, въ восьмой пѣсни рассказъ о смерти молодого принца датскаго Свена, въ двѣнадцатой пѣсни рассказъ о томъ, какъ Танкредъ убилъ Клоринду, въ тринадцатой описаніе засухи и ниспосланнаго Богомъ дождя. Октавы Тассо очаровательны своей музыкальностью; за это всего больше

«Освобожден-
ный Іеруса-
лимъ».

полюбилъ его поэму народъ; венеціанскіе гондольеры долго пѣли отрывки изъ нея. Она пріобрѣла во всей западной Европѣ такую славу, какъ ни одна изъ всѣхъ остальныхъ эпопей новой европейской литературы.— Подобно Аріосто, Тассо вложилъ въ свою поэму и прославленіе династіи Эсте. Въ десятой кнѣсн онъ превозноситъ Ринальдо какъ предка этой династіи, а въ шестнадцатой вводитъ пророчество объ Альфонсѣ II, котораго восхваляетъ какъ своего спасителя отъ бѣдствій.

Благодаря заботливости сестры, душа поэта успокоилась. Онъ почувствовалъ влеченіе возвратиться въ Феррару. Его приняли тамъ очень милостиво, но ему воображалось, что на него смотрятъ съ сожалѣніемъ и насмѣшкой. Онъ уѣхалъ, болѣзненная раздражительность не давала ему спокойствія нигдѣ. Онъ уѣхалъ изъ Мантуи въ Падую, изъ Падуй въ Венецію, потомъ уѣхалъ въ Урбино, оттуда въ Туринъ и нигдѣ не находилъ спокойнаго пріюта себѣ. Мысли его влеклись въ Феррару; онъ пріѣхалъ туда на праздники бракосочетанія герцога съ принцессой Маргаретой Гонзагой и подвергся бѣдѣ. Какъ произошла она, онъ не рассказалъ самъ. Составилось преданіе, напечатанное у Муратори. Оно говоритъ, что Тассо сталъ жертвой страстной и безнадежной любви къ принцессѣ Леонорѣ, сестрѣ герцога Альфонса. Но нѣтъ надобности въ этомъ сказочномъ объясненіи несчастной судьбы поэта, больного душой: мы знаемъ, что онъ держалъ себя при дворѣ безразсудно, что онъ въ припадкахъ меланхоліи рѣзко жаловался на неблагодарность Альфонса, оскорблялъ придворныхъ; герцогъ былъ человѣкъ суровый и нашелъ надобнымъ прекратить эти обидныя выходки. Онъ не наказалъ Тассо, какъ объ этомъ впоследствии говорила баснословная молва, но считалъ его сумасшедшимъ, котораго должно отдать подъ надзоръ, и въ 1579 году велѣлъ отвести его въ больницу св. Анны. Тамъ держали его семь лѣтъ. Это не была мрачная тюремная келья, которую показываютъ теперь въ Феррарѣ туристамъ и называютъ темницей Тассо. Онъ жилъ въ больницѣ. Но дѣйствительно его держали тамъ подъ надзоромъ. У него бывали временами припадки сумасшествія, но временами разсудокъ его прояснялся, онъ писалъ стихи, философскія размышленія. Прежде онъ написалъ комедію „Любовныя интриги“, теперь написалъ трагедію „Торрисмондо“. Это передѣлка „Эдипа“ Софокла; дѣйствіе происходитъ въ Италіи во времена готскаго королевства; содержаніе какъ у Софокла состоитъ въ томъ, что человѣкъ, мучимый угрызеніями совѣсти, наказываетъ самъ себя за свое преступленіе. Рабское подражаніе Софоклу, трагедія Тассо не имѣла успѣха. Сильно разстроены были онъ тѣмъ, что въ Венеціи (въ 1580 году) были изданы шестнадцать кнѣсенъ его поэмы по дурному, неполному списку, подъ заглавіемъ „Готфридъ“. Въ слѣдующемъ году поэма была напечатана въ истинномъ своемъ видѣ. Издатели обогатились, между тѣмъ какъ авторъ сидѣлъ въ больницѣ и напрасно писалъ своимъ бывшимъ покровителямъ, что онъ вовсе не сумасшедшій. Въ 1584 году одинъ изъ его поклонниковъ Камилло Пеллегрини напечаталъ книгу, доказывавшую, что онъ выше Аріосто. Онъ самъ говорилъ о себѣ такъ. Флорентійская академія Делла Круска стала рѣзко опровергать эту мысль. Почти всѣ знатоки литературы (въ томъ числѣ и Галилеи) находили притязанія Тассо на превосходство надъ Аріосто пустымъ тщеславіемъ. Онъ писалъ въ защиту достоинствъ своей поэмы и сидѣлъ себя смѣшнымъ для всѣхъ. Это униженіе глубоко огорчило его, и онъ задумалъ передѣлать „Освобожденный Іерусалимъ“.

Но сожалѣніе о его несчастной судьбѣ было всеобщее. Папа, кардиналъ Альбани, великій герцогъ тосканскій, герцогъ и герцогиня урбинскіе, герцогиня мантуанская, всѣ государи династіи Гонзагъ, городъ Бергамо, считавшій Тассо роднымъ себѣ, упрашивали Альфонса смягчить участь его.

Герцогъ долго оставался неумолимъ. Наконецъ въ 1586 году отдалъ Тассо своему родственнику Винченціо Гонзагѣ, герцогу мантуанскому, общавшему присматривать за нимъ такъ внимательно, что онъ не сдѣлаетъ никакого вреда никому. Онъ былъ принятъ герцогомъ мантуанскимъ и всѣмъ дворомъ съ величайшими почестями, съ искренней любезностью. Но онъ уже дѣйствительно былъ душевно больной: девять лѣтъ скитался онъ по Италіи, не уживаясь нигдѣ. Онъ продолжалъ работать, окончилъ поэму „Флориданте“, начатую его отцомъ; передѣлалъ свою трагедію „Торрисмондо“, напечаталъ ее (въ 1587 году), поѣхалъ въ Бергамо, оттуда (въ 1588 году) черезъ Римъ въ Неаполь просить объ возвращеніи конфискованнаго имущества отца и матери, сталъ передѣлывать „Освобожденный Іерусалимъ“, исправлялъ ошибки, замѣченныя критикой, но портилъ при этомъ и все хорошее въ poemѣ. Въ 1593 онъ издалъ эту передѣлку, въ которой было прибавлено къ прежнимъ двадцати пѣснямъ еще четыре. Передѣланную поэму онъ назвалъ „Завоеванный Іерусалимъ“. *Gerusalemme conquistata*. Она произведение больного человѣка. Его послѣдній поэтический трудъ, „Семь дней творенія міра“ *Le sette giornate del mondo creato*, тоже не имѣетъ поэтического достоинства; эта поэма переполненное схоластикой переложеніе библейскаго разсказа въ стихи безъ риѣма. Послѣдніе годы жизни Тассо скитался изъ города въ городъ, ѣздилъ въ Римъ, въ Авкону, въ Лоретто, во Флоренцію, въ Мантую, опять въ Неаполь, повсюду подозрѣвалъ всѣхъ во враждѣ, въ интригахъ противъ него, былъ боленъ и физически, страдалъ отъ нищеты. Чтобъ утѣшить несчастнаго, кардиналъ Чинціо Альдобрандини, племянникъ папы Климента VIII, пригласилъ его въ ноябрѣ 1594 въ Римъ, обѣщая, что онъ будетъ коронованъ въ Капитолѣ лавровымъ вѣнкомъ. Зимой его силы стали упадать; ослабѣвъ, онъ попросилъ, чтобъ его перевезли въ монастырь св. Онуфрія, на холмѣ римскаго предмѣстья по сѣверному берегу Тибра, оттуда открывается прелестный видъ на Римъ и на его окрестности до Сабинскихъ и Альбанскихъ горъ; больному хотѣлось наслаждаться этимъ видомъ. Когда пришла весна, время назначенное для его коронованія, онъ уже былъ такъ слабъ, что надобно было отлагать это торжество, и 25 апрѣля (1595) онъ умеръ. Его похоронили въ монастырѣ св. Онуфрія.

6. Драма и сатира.

При феррарскомъ дворѣ давались великолѣпные спектакли; многіе другіе государи стали по примѣру герцоговъ феррарскихъ покровителями драматической поэзіи. Но въ ней не являлось гениальныхъ произведеній. Драматурги подражали древнимъ поэтамъ.

Комедіи, написанныя въ этомъ вкусѣ, служили только развлеченіемъ знатнаго общества. Онѣ были чужды народу. Эти подражанія Плавту и Теренцію писали Аріосто, кардиналъ Биббіэна, Макиавелли, Піетро Аретино, Антоніо Франческо Грацини, Лодовико Дольче; въ нихъ много очень грубыхъ непристойностей, особенно у Дольче. Но авторы старались изображать современные нравы и обрисовывать характеры съ натуры. Въ томъ же родѣ писалъ ученый флорентійскій ткачъ Джамбатиста Джелли.—Другой флорентіецъ Джаммарія Чекки воздерживался въ своихъ комедіяхъ отъ непристойностей, но въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ педантизма. Знаменитый

Комедія.

философъ Джордано Бруно написалъ комедію „Канделябръ“ (Il Candeljao). въ ней комизмъ тоже грубъ.—Анджело Беолько Рудцапте писалъ комедіи въ простонародномъ вкусѣ съ типическими характерами (такъ называемыми масками); онѣ очень нравились простолюдинамъ. Онѣ напечатаны въ 1531 году шесть піесъ этого рода. Комизмъ въ нихъ разумѣется еще грубѣе, чѣмъ въ комедіяхъ, писанныхъ для образованнаго общества. При всей грубости своего остроумія итальянскія комедіи того времени имѣютъ довольно большое поэтическое достоинство; но трагедіи совершенно лишены его; онѣ раболопныя подражанія Софоклу, Эврипиду и Сенекеѣ. Въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ холодной реторики. Знаменитѣйшими изъ нихъ были „Софонисба“ Триссино, „Розамунда“ Руччеллан, „Туллія“ Мартелли, „Орація“ Аретино, „Каначе“ Спероне Сперони, „Дидона“ Дольче. Трагедіи Джамбаттисты Джиральди лучше ихъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что сюжеты принадлежатъ самому автору, а не взяты цѣликомъ изъ древнихъ трагиковъ. Гораздо больше естественности и жизни имѣла романическая пасторальная драма. Піесы этого рода писались съ самаго начала XVI вѣка; въ большую моду вошли онѣ съ половины этого столѣтія, благодаря успѣху пасторали Агостино Беккери „Жертвоприношеніе“ (Il Sacrificio), данной въ Феррарѣ въ 1564, году и еще большому успѣху пасторали Тассо „Аминтъ“.

Трагедія.

Сатира.

Сильное вліяніе на развитіе художественной сатиры имѣлъ Аріосто. Впрочемъ и у него нѣтъ той естественности и простоты, какъ у Горация, которому подражалъ онъ; а послѣдователи его далеко уступаютъ ему талантомъ. Ихъ мораль педантична, ихъ остроуміе грубо. Первымъ изъ нихъ, заслужившимъ знаменитость, былъ Эрколе Бендиволіо (потомокъ династіи, владѣвшей Болоньею и жившей теперь въ изгнаніи); потомъ славились своими сатирами Лунджи Аламанни и въ особенности Піетро Нелли. Но всѣхъ ихъ затмилъ Піетро Аретино, циническія сатиры котораго вполне оригинальны и національны. Подобно ему были не подражателями римскихъ сатириковъ, а самостоятельными національными поэтами, другіе авторы циническихъ сатиръ: смертельный врагъ его Никколо Франко (повѣшенный въ 1569 году), Джованни Мавро, Джованни делла Каза, Аньіоло Фьренцуоло и Граццини (о которомъ мы уже упоминали, какъ о драматургѣ).

Фоленго
1491—1544.

Теофило Фоленго, извѣстный также подъ псевдонимомъ Мерлино Коккайо, уроженецъ Падуи, велъ бродяжническую жизнь, потомъ сдѣлался монахомъ и сталъ излагать свои воспоминанія въ поэтической формѣ, передѣлывая ихъ съ неограниченнымъ произволомъ шутки. Языкъ его произведеній такой же капризный какъ содержаніе. Онъ передѣлываетъ слова, сочиняетъ новыя, употребляетъ неслыханные обороты рѣчи. Онъ написалъ во вкусѣ Берни поэму „Орландино“ (Маленькій Роландъ); герой ея нѣкій бродяга. Въ своей капризной ломкѣ языка Фоленго дошелъ до того, что сталъ писать смѣсью итальянскихъ словъ и выраженій съ латинскими. Этотъ смѣшанный языкъ понравился, и шутливыя произведенія, писанныя на немъ, называются макароническими. Фоленго написалъ макароническимъ языкомъ поэму Moschea (эпопея о комарахъ), подражаніе Батрахоміомачіи, рассказывающее о войнѣ комаровъ съ муравьями, комическую идиллію Zanitotella и знаменитѣйшее изъ своихъ произведеній, большую сатирическую эпопею Baldo da Cipada, пародію на „Энеиду“. Въ старости Фоленго сталъ угрюмъ и писалъ религіозныя стихотворенія, довольно плохія.

Аретино
1492—1557.

Знаменитѣйшимъ изъ множества сатириковъ былъ Піетро Аретино, писавшій стихотворенія во всяческихъ видахъ шутливой, грубой и непристойной лирики. Онъ писалъ пасквили по заказу, получая за нихъ большія деньги, позорилъ cadaго, на кого сердился; при необыкновенномъ остроуміи, его пасквили производили очень сильное впечатлѣніе и жадно читались

публикой. Онъ родился въ Ареццо; былъ побочный сынъ, покиннутый отцомъ безъ всякой помощи, не получилъ школьнаго образованія, поступилъ въ работники къ переплетчику въ Перуджии, читалъ книги, отдаваемые въ переплетъ, приобрѣлъ этимъ способомъ очень обширныя знанія, отправился въ Римъ искать счастья, и благодаря уму, литературному таланту, безграничной наглости, составилъ себѣ тамъ блестящую каррьеру. Левъ Х любилъ его какъ остроумнаго собесѣдника; Рафаэль совѣтовался съ нимъ о своихъ картинахъ (по крайней мѣрѣ онъ такъ говоритъ); Себастьяно дель-Піомбо былъ его другомъ. Онъ оставался на папской службѣ и при Климентѣ VII; но въ 1524 году попалъ въ немилость, написавъ 16 очень неблагопристойныхъ сонетовъ къ рисункамъ Джуліо Романо и гравюрамъ съ нихъ, сдѣланнымъ Маркантонио Раймонди. Эти рисунки были такъ циничны, что папа, не слушая заступничества нѣсколькихъ кардиналовъ, велѣлъ посадить Маркантонио въ темницу за изданіе гравюръ съ нихъ. Аретино бѣжалъ отъ наказанія; онъ уѣхалъ къ знаменитому вождю Чорнаго легіона, Джованни Медичи, и оставался при немъ до самой его смерти. Джованни умеръ на рукахъ Аретино. Въ это время уже всѣ трепетали Аретино, откунались отъ его злобы деньгами, льстили ему. Самъ Тиціанъ вошелъ въ дружбу съ нимъ. Онъ называлъ себя бичомъ государей, *il flagello de' principi*. Онъ пріѣхалъ къ флорентійскому двору, былъ принятъ тамъ съ почетомъ; Медичи познакомили его тамъ съ королемъ французскимъ, Францискъ пожаловалъ ему золотую цѣпь для ношенія на шеѣ; это былъ знакъ отличія, подобный нынѣшнимъ высшимъ орденамъ. Онъ уѣхалъ къ своимъ друзьямъ Тиціану и Сансовино въ Венецію, гдѣ былъ безопасенъ отъ мщенія итальянскихъ государей, на которыхъ писалъ пасквили. Венеціанское правительство назначило его однимъ изъ членовъ посольства, отправляемаго къ императору. Карлъ V, подобно королю французскому, нашелъ надобнымъ льстить ему и давать подарки. Юлій III далъ ему орденъ Петра. Нѣсколько времени онъ жилъ въ капуцинскомъ монастырѣ, называлъ себя монахомъ, мечталъ получить санъ кардинала; онъ былъ мастеръ выказывать себя и благочестивымъ человекомъ, когда было выгодно. Витторія Колонна, гордая женщина безукорыщенной жизни, переписывалась съ нимъ. Онъ составилъ для нея молитвенникъ; онъ прославлялъ святую Катерину Сіенскую. Его переложеніе семи псалмовъ покаянія въ стихи было любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ людей, имѣло много изданій.—Разсердившись на Микель Анджело, оставившаго безъ отвѣта его любезныя письма, онъ выступилъ защитникомъ христіанскаго цѣломудрія въ искусствѣ, называлъ Микель Анджело врагомъ христіанства за неблагопристойность нагихъ фигуръ въ картинѣ Страшнаго суда, говорилъ, что эта картина пригодна только для бани какого нибудь развратника, а не для христіанскаго храма, выставялъ Микель Анджело воромъ, взявшимъ деньги съ фамиліи Ровере за памятникъ Юлію II и не сдѣлавшимъ этого памятника; эта клевета оставалась пятномъ на Микель Анджело до самой смерти. Но съ такой же ядовитостью сталъ Аретино позорить соперника Микель Анджело, Бандинелли, не приславшаго ему денегъ. Аретино называлъ Бандинелли наглымъ дуракомъ за то, что онъ хотѣлъ быть соперникомъ Микель Анджело. Пасквили Аретино имѣли обыкновенно форму писемъ, адресованныхъ къ лицамъ, которыхъ онъ ругалъ. Копіи этихъ писемъ расходились во множествѣ списковъ. Многіе государи платили ему пенсію, чтобъ онъ щадилъ ихъ. Карлъ V, возвратившись изъ неудачной алжирской экспедиціи, послалъ 100 скуди Аретино, чтобы предотвратить его насмѣшки. Онъ получалъ очень много денегъ и за то, чтобы молчать и за то, чтобы писать. Онъ писалъ по заказу все, что угодно: циническія любовныя пѣсни и религіозныя гимны, комедіи, трагедіи, поэмы, комментаріи къ книгѣ „Бытія“, эпонеи. Онъ съ похваль-

бой говорилъ, что ему нужны только чернилица, перо и дестъ бумаги, чтобы получить 1000 скуди. Его произведенія наполнены намеками интересными только для современниковъ, потому кажутся скучными теперь. Исключеніе составляютъ только его комедіи; онѣ сохраняютъ интересъ и для насъ. Правда, стихъ его небреженъ, остроуміе слишкомъ часто бываетъ непристойнымъ; но разговоръ ведется у него легко и живо, комическія положенія натуральны, смѣшныя стороны жизни обрисованы очень ловко, остроуміе неистощимо.

Смерть Аретино была достойна его жизни. На ипру онъ хохоталъ, рассказывая любовныя приключенія своей сестры, упалъ со стула и умеръ. Хорошія стороны его характера выражаются въ письмахъ къ Піэрино Риччи, къ Тиціану и нѣкоторымъ другимъ людямъ, которыхъ онъ любилъ. Онъ самъ характеризуетъ себя словами: „Я милостію божіею свободный человѣкъ, не становлюсь рабомъ педантовъ, не подражаю ни Петраркѣ ни Боккаччіо, довольствуюсь своимъ умомъ, предоставляю другимъ болтать вздоръ о чистотѣ слога, о глубокости мыслей и глупо мучить себя, чтобы передѣлать свою натуру“.

В. П р о з а.

Итальянская проза въ XV столѣтіи находилась въ упадкѣ; въ XVI вѣкѣ наступилъ и для нея, какъ для поэзіи періодъ блестящаго развитія. Правда, она сохранила растянutosть, какую ввелъ въ нее Боккаччіо. Кромѣ того, многіе прозаики слишкомъ мелочно подражали древнимъ. Этими недостатками особенно страдаютъ рѣчи, письма и философскіе трактаты прозаиковъ XVI столѣтія. Лучшими произведеніями той эпохи были историческіе труды. Центромъ прозаической литературы была Флоренція; тамъ жилъ Никколо Макиавелли, выказывавшій одинаковую силу ума, какъ государственный человѣкъ, историкъ и поэтъ, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ съ непоколебимой послѣдовательностью мысли, дѣлавшій выводы изъ основныхъ положеній. Слогъ его превосходенъ, пустыхъ фразъ у него нѣтъ, каждое слово необходимо для выраженія мысли; но при всей простотѣ изложеніе у него прекрасно. Политическія его сочиненія дѣлятся на два разряда: въ однихъ онъ высказывалъ свои республиканскія убѣжденія; другія писалъ для того, чтобъ угодить безбожнымъ злодѣямъ, милости которыхъ принужденъ былъ искать. Изъ республиканскихъ трудовъ его особенно знамениты «Разсужденія о первой деkadѣ Тита Ливіа»; Макиавелли извлекаетъ изъ древнѣйшей исторіи Рима рядъ политическихъ правилъ и доказываетъ, что государственное устройство Рима въ лучшую его эпоху было гораздо лучше устройства всѣхъ позднѣйшихъ государствъ. Знаменита также его «Флорентійская исторія», въ которой онъ съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца разъясняетъ мотивы событій и рассказываетъ ходъ политической борьбы во Флоренціи. Но наиболѣе знаменитъ его трактатъ «Государь», руководство для людей, желающихъ подавить свободу, захватить въ свои руки неограниченную власть и не

отступать для этого ни передъ какими злодѣйствами. Въ послѣдней главѣ онъ говоритъ, что хотѣлъ показать путь, которымъ деспотъ долженъ идти къ патріотической цѣли, къ объединенію Италіи и освобожденію ея отъ иноземнаго рабства. Но какова бы ни была мысль, внушившая ему эту книгу, его трактатъ производитъ на людей нашего времени отталкивающее впечатлѣніе. Высокое достоинство имѣютъ драмы и новеллы Макиавелли; онъ превосходитъ позднѣйшихъ драматурговъ и новеллистовъ Италіи оригинальностью творческой фантазіи, мастерствомъ обрисовать характеры и остроуміемъ, правда, часто непристойнымъ. Онъ выработалъ и языкъ для ученыхъ сочиненій въ своемъ трактатѣ о военномъ искусствѣ, имѣющемъ форму разговора, по примѣру ученыхъ трактатовъ Цицерона. Проза его осталась образцовой для послѣдующихъ писателей.

1. Обзоръ прозаической литературы.

Итальянская новеллистика сохранила тотъ характеръ, какой далъ ей Боккаччіо; но ни у одного изъ его подражателей рассказъ не имѣетъ той свѣжести и граціозности, какъ у него. Перечислимъ знаменитѣйшихъ новеллистовъ XVI вѣка. Маттео Банделло (умершій въ 1562 году) рассказывалъ большею частью дѣйствительныя происшествія небрежнымъ языкомъ, но довольно хорошо; онъ осмѣиваетъ духовенство и церковь, хотя самъ принадлежалъ къ духовному сословію. Анджео Фиренцуоло, монахъ, перевелъ „Золотаго осла“ Апулея и писалъ непристойныя повѣсти, оригинальныя по содержанію. Джамбаттиста Джиральди Чинціо написалъ сборникъ новеллъ называющійся *Ecatommiti* (Сто рассказовъ). Въ нихъ слишкомъ много учености и морали, но онѣ пользовались большою популярностью. Джанъ Франческо Страпарола (умершій въ 1550 году) подражалъ слогу Боккаччіо въ своихъ „Тринадцати пріятнѣйшихъ ночахъ“ (*Tredici Piacevolissime Notti*). Почти всѣ новеллы, пересказанныя имъ въ этомъ сборникѣ, заимствованы у прежнихъ новеллистовъ, въ особенности много взялъ онъ изъ Джироламо Морино. Градцини написалъ очень хорошимъ слогомъ сборникъ новеллъ, непристойныхъ по содержанію. Очень популярны были новеллы Джироламо Парабоско, Себастьяно Эриццо, Лупджи Порты, Джованни Бревіо, Макиавелли и компиляція, составленная Сансовино.

Новеллисты.

Фиренцуоло.
1480—1540.

Ученыя разсужденія очень часто писались тогда по образцу древнихъ въ формѣ разговоровъ. Кардиналъ Бембо написалъ „Азоланскія бесѣды“ (*Gli Asolani*), въ которыхъ разсматриваетъ вопросъ о сущности любви; по формѣ онъ отчасти подражаетъ Цицерону, отчасти поэтическимъ разговорамъ Боккаччіо, такъ что у него есть мѣста похожія на новеллы. Джованни делла Каза, архіепископъ беневентскій, умершій въ 1556 году, подражалъ разговорамъ Цицерона въ своемъ трактатѣ „Галатео или о томъ, какъ слѣдуетъ держать себя въ обществѣ“. Несравненно лучше разговоры Спероне Сперони. Онъ былъ ученикъ Помпонации и занималъ высокія должности. Онъ очень хорошо слѣдовалъ древнимъ образцамъ, оставаясь свободенъ отъ рабскаго подраженія имъ, писалъ легко, изящно,

Разговоры.

Сперони
1500—1588.

просто, умно. Онъ не былъ глубокомысленнымъ философомъ, излагалъ философскіе вопросы какъ дилеттантъ. Форму разговоровъ имѣютъ его трактаты о любви, о достоинствѣ женщины, объ изученіи исторіи. Другія сочиненія онъ писалъ въ формѣ разсужденій (*discorsi*). Прекрасные разговоры писалъ Джамбаттиста Джелли; назовемъ изъ нихъ „Цирцею“ и запрещенные инквизиціей „Парадоксы бочара“ (*I Capricci del bottajo*). Большой знаменитостью пользовался „Придворный“ (*Il Cortigiano*) графа Кастильоне.

Рѣчи и письма. Времена политическаго краснорѣчія миновали съ подавленіемъ республики. Последними знаменитыми политическими ораторами были Спероне Сперони и Альберто Лолліо; какъ адвокатъ славился краснорѣчіемъ венеціанецъ Піетро Бадоаро. Ученые того времени любили излагать свои мысли для публики въ формѣ писемъ; образцами для нихъ были письма Цицерона. Изяществомъ писемъ славился Аннибале Каро (умершій въ 1566 году).

2. Макиавелли.

Никколо
Макиавелли
1469—1527.

Макиавелли—представитель всѣхъ видовъ дѣятельности итальянскихъ прозаиковъ въ классическій періодъ литературы. На его гробницѣ во флорентійской церкви Санта Кроче сдѣлана надпись: „Нѣтъ хвалы, достойной его“. Такое мнѣніе о немъ объясняется его пламеннымъ и безкорыстнымъ патріотизмомъ. Отталкивающія насъ понятія, излагаемыя имъ въ трактатѣ „Государь“ становятся понятны, когда мы припомнимъ тогдашнее состояніе Италіи, терзаемой междоусобіями и иноземными нашествіями. Императоръ и папа, нѣмцы, французы, испанцы, швейцарцы опустошали Италію; войны начинались вѣроломно, мирные договоры заключались только для того, чтобы быть нарушенными. Не было ни одного государя, который соблюдалъ бы свои обѣщанія; добросовѣстность въ политическихъ дѣлахъ не существовала. Подъ этими впечатлѣніями выработались политическіе принципы Макиавелли. Неудивительно, что они чужды всѣхъ правилъ честности. Макиавелли искренно высказывалъ то, что думалъ. Его „Государь“—изложеніе системы, которой держались тогда всѣ правительства, боровшіяся между собою въ Италіи.

Макиавелли происходилъ изъ знатной, но обѣднѣвшей тосканской фамиліи. Молодость его совпадала съ блестящей эпохой развитія классицизма во Флоренціи при Лоренцо; онъ усердно учился и на всю жизнь остался страстнымъ любителемъ древнихъ классиковъ. Онъ читалъ ихъ не какъ филологъ, но какъ дипломатъ и политическій мыслитель; они расширили его патріотизмъ за границы родной области, сдѣлали его человекомъ, думающимъ о благѣ всей Италіи. Онъ любилъ хвалить все великое въ исторіи Флоренціи, но подвергалъ проницательной критикѣ мелочность интересовъ, которыми ограничивались стремленія флорентійскихъ политическихъ партій, осуждалъ непримиримость ихъ взаимной вражды, неспособность установить законный порядокъ дѣлъ; онъ говоритъ: „По своей природѣ флорентійцы таковы, что имъ ненавистно всякое правительство и всякая бѣда ссорить ихъ между собой“.

Участіе Макиавелли въ политическихъ дѣлахъ Флоренціи началось вскорѣ по изгнаніи Піэро Медичи. Въ 1498 году онъ былъ назначенъ государственнымъ секретаремъ. Ему было тогда около 30 лѣтъ. Онъ занималъ эту важную должность 14 лѣтъ, до 1512 года. Обязанностью государствен-

наго секретаря было веденіе протоколовъ Совѣта Десяти, завѣдываніе всею перепиской правительства по внутреннимъ и внѣшнимъ дѣламъ, составленіе договоровъ съ другими правительствами. Кромѣ этой постоянной обязанности Макиавелли исполнялъ множество особыхъ порученій по внутреннимъ дѣламъ и 21 разъ ѣздилъ посланникомъ къ другимъ правительствамъ, большею частью по труднымъ дѣламъ, которыя исполнялъ успѣшно; четыре раза онъ ѣздилъ посломъ къ королю французскому, два раза къ императору, два раза къ папѣ, нѣсколько разъ въ Пизу, въ Сіену, Форли. Донесенія его правительству изъ этихъ поѣздокъ показываютъ въ немъ очень разсудительнаго, проницательнаго и ловкаго дѣловаго человека и служатъ важнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о политической исторіи того времени. Онъ судить очень вѣрно о состояніи націй, боровшихся между собою за владычество надъ Италіей. Онъ дурного мнѣнія о французахъ. „Ихъ природа“, говоритъ онъ, „состоитъ въ жадности завладѣть чужимъ достояніемъ и въ искусствѣ грабить;“ но находитъ, что для Италіи союзъ съ французами полезнѣе, чѣмъ съ нѣмецкимъ императоромъ, которому сеймъ не даетъ ни войска, ни денегъ: „Могущество Германіи велико, но она устроена такъ, что пользоваться имъ невозможно“. Италія по его мнѣнію сама виновата въ своихъ страданіяхъ; причина ихъ—раздробленность ея на множество государствъ „честолюбивыхъ, но слабыхъ и робкихъ“. Эти государства никогда не соединятся ни для какой хорошей цѣли. Въ раздробленности Италіи виновато папство. „Оно пріобрѣло себѣ въ Италіи свѣтское государство, но не было такъ сильно, мужественно и хорошо, чтобы завоевать всю остальную Италію“. Онъ говоритъ: „Мы обязаны римской церкви нашимъ бѣдственнымъ состояніемъ. Она не могла ни сама завоевать Италію, ни допустить, чтобы Италія была завоевана какимъ нибудь другимъ государствомъ и потому она причина того, что Италія не объединилась“. Основная его мысль та, что никакая страна не была счастлива иначе какъ повинувшись вся одному правительству, республиканскому ли или монархическому. Такимъ образомъ онъ поставилъ для итальянцевъ тѣ двѣ политическія цѣли, къ которымъ стремились они во всѣ послѣдующія столѣтія,—уничтоженіе свѣтской власти папы и основаніе національнаго государства, объединяющаго всю Италію.

Кажется, Макиавелли считалъ Цезаря Борджію тѣмъ человекомъ, который способенъ объединить Италію. Онъ нѣсколько времени близко изучалъ характеръ этого полководца и правителя, не отступавшаго ни передъ какими мѣрами для расширенія своего могущества, и надѣялся, что безпощадная энергія его объединитъ Италію. Когда Цезарь Борджіа палъ, Макиавелли долго не видѣлъ человека способнаго достигъ этой цѣли. Наконецъ ему стало казаться, что можетъ объединить Италію герцогъ Урбинскій, которому и посвятилъ онъ свою книгу о Государѣ (въ 1516 году). За четыре года передъ тѣмъ произошелъ во Флоренціи переворотъ, при которомъ Макиавелли былъ лишенъ своей должности (IX, 583). Замѣна республиканскаго правленія монархическимъ не имѣла по понятіямъ Макиавелли такой важности, чтобы нельзя было ему перейти на сторону монархистовъ. Онъ привыкъ сообразоваться съ обстоятельствами, ему хотѣлось возвратиться къ политической дѣятельности; онъ отбросилъ свои прежнія республиканскія желанія, сталъ искать милости у Медичи; не добился ея. Вскорѣ по возстановленіи владычества этой династіи онъ даже подвергся ея гнѣву: въ 1513 году былъ открытъ заговоръ противъ государя Флоренціи, кардинала Джованни Медичи (сдѣлавшагося впоследствии папой подъ именемъ Льва X). Макиавелли несправедливо обвинили въ участіи въ этомъ заговорѣ, подвергли жестокой пыткѣ. Онъ выдержалъ ее, не сказавъ ни слова. Сдѣлавшись папой, Джованни Медичи освободилъ его изъ темницы; онъ поселился въ

своемъ имѣньѣ Страдѣ близъ Флоренціи. Оно давало мало дохода; онъ жилъ очень бѣдно и мучился желаніемъ снова получить политическую дѣятельность. Для развлеченія отъ тоски онъ по цѣлымъ днямъ игралъ съ поселянами въ сосѣдней тратторіи. Ставки были самыя ничтожныя, но онъ горячился до крика. Женѣ онъ подавалъ много поводовъ къ жалобамъ.—Онъ рассказываетъ обо всемъ этомъ въ письмахъ къ своему другу и прежнему сослуживцу Веттори, жившему теперь въ Римѣ. „Погрязая въ бѣдствіяхъ, я подымаю изъ этой тины голову и смѣюсь надъ коварствомъ моей судьбы, смотрю, не постыдится ли она такъ поступать со мной“. Возвращаясь вечеромъ домой, онъ надѣвалъ свой прежній должностной костюмъ и уходилъ въ кабинетъ заниматься. „Четыре часа я не чувствую печали“, говоритъ онъ, „забываю всѣ страданія, не смущаюсь бѣдностью, не страшусь смерти, углубляясь мыслями въ занятія“.

Въ это время онъ написалъ свое разсужденіе о первой декадѣ Тита Ливія, трактатъ о военномъ искусствѣ, флорентійскую исторію и книгу „Государь“, посвященную герцогу Урбинскому, къ которому онъ обращается въ концѣ ея съ пламеннымъ воззваніемъ стать освободителемъ Италіи отъ варваровъ. Онъ говоритъ: „Италія, находящаяся въ рабствѣ хуже египетскаго рабства евреевъ, ждетъ своего Моисея, освободителя и законодателя; она готова идти за знаменемъ, лишь бы нашелся человѣкъ, который поднималъ бы знамя“. Никакія нравственныя обязанности не должны удерживать герцога отъ этого дѣла. „Оно справедливо, потому что та война справедлива, которая необходима, и свято оружіе, когда оно единственная надежда“. Для успѣшности войны необходимо преобразование военного устройства: воинами должны быть граждане; наемныя войска безсплыны и опасны; должно сформировать національное войско введеніемъ всеобщей обязанности служить въ немъ. Нынѣ ученые полагаютъ, что книгу о „Государѣ“ должно разсматривать, какъ руководство для государя, желающаго освободить отъ иноземцевъ и объединить Италію. Съ этой точки зрѣнія понятно, что Макиавелли ставитъ первой надобностью государя пріобрѣтеніе военного могущества. Кромѣ того онъ доказываетъ примѣромъ Фердинанда Католическаго, что очень полезнымъ политическимъ орудіемъ можетъ служить религія. (Фердинандъ Католическій дѣйствительно слѣдовалъ тѣмъ правиламъ, которыя излагаетъ Макиавелли). Трактатъ о государѣ не больше какъ теоретическое разъясненіе тогдашней практики. Ближе всего подходилъ къ идеалу политическаго дѣятеля по понятіямъ Макиавелли Цезарь Борджіа; въ трактатѣ о государѣ оправдываются всякія поступки полезныя для расширенія могущества. Макиавелли хвалитъ даже вѣроломное убійство мелкихъ владѣтелей въ Синнигалѣ. Онъ говоритъ, что можно совершать какія угодно злодѣйства, чтобъ упрочивать повиновеніе страхомъ. Понятія Макиавелли о людяхъ очень дурны; онъ говоритъ: „о людяхъ вообще можно сказать, что они неблагодарны, непостоянны, лживы, трусливы и корыстолюбивы“. Потому для государя полезнѣе дѣйствовать страхомъ, чѣмъ желаніе пріобрѣсти любовь. Ложь, вѣроломство, жестокость хороши, когда нужны для упроченія власти. Но истреблять внутреннихъ враговъ должно всѣхъ за одинъ разъ, чтобы спокойствіе общества не подвергалось продолжительному страданію; когда свирѣпости длятся мало времени, они меньше раздражаютъ народъ. Государь долженъ по возможности щадить денежныя интересы своихъ подданныхъ, потому что людямъ легче терять жизнь, чѣмъ имущество. Выводъ изъ всѣхъ своихъ разсужденій Макиавелли высказываетъ въ концѣ книги словами: „Государь, въ особенности новый, не можетъ соблюдать всего того, за что считаются люди хорошими. Ему часто бываетъ надобно для сохраненія власти поступать противъ честности, жалости и религіозныхъ

заповѣдей, но онъ долженъ заботливо притворяться сострадательнымъ, честнымъ, религіознымъ“.

Мы видимъ, что Макиавелли даетъ совѣты о томъ, какъ должно дѣйствовать для пріобрѣтенія власти, а не о томъ, какъ должно править государствомъ, когда власть уже упрочена; его книга руководство не для всѣхъ государей, а только для основателей новыхъ государствъ. Онъ самъ знаетъ, что рекомендуемые имъ средства дурны; онъ только считаетъ ихъ необходимыми для объединенія Италіи, для ея освобожденія отъ иноземнаго владычества. Правда, что онъ ошибается и въ этомъ: тѣ дурныя средства, которыя рекомендуетъ онъ, никогда не приносили ничего кромѣ вреда.

Въ годы своего невольнаго досуга Макиавелли кромѣ историческихъ и политическихъ трудовъ занимался и поэтическими. Онъ написалъ много советовъ и другихъ лирическихъ стихотвереній и двѣ комедіи въ прозѣ; одна изъ нихъ „Клитія“,—подражаніе Плавту; другая „Mandragola“ (Мандрагора) совершенно оригинальна по содержанію. Характеры въ нихъ взяты изъ дѣйствительности и очерчены очень вѣрно, разговоръ легокъ, шутки остроумны. Непріятное впечатлѣніе производятъ онѣ на насъ пошлостью интриги и дурнымъ мнѣніемъ о женщинахъ. Оно высказывается и въ повѣсти, которую написалъ Макиавелли. Чортъ Веельфегоръ посланъ на землю изслѣдовать, справедливы ли жалобы умершихъ мужей судьямъ мертвыхъ на женъ, и попадаетъ въ руки такой женщины, что спасается отъ нея только бѣгствомъ въ адъ. „Флорентійская исторія“—одно изъ тѣхъ произведеній Макиавелли, которыя не возбуждали никакихъ порицаній. Въ разсказѣ о старыхъ временахъ онъ пользовался между прочимъ разсказомъ Джинно Канпони, республиканца, написавшаго исторію возстанія простолюдиновъ подъ предводительствомъ Микеле Ландо (VIII, 333). Разсказъ объ изгнаніи и возвращеніи Козимо Медичи онъ заимствовалъ у Джованни Кавальканти, приверженца династіи Медичи. Другими предшественниками Макиавелли были знаменитый гуманистъ Ліонардо Аретино, очистившій старую исторію Флоренціи отъ народныхъ сказокъ; Подджо, написавшій исторію войнъ флорентійцевъ съ 1350 до 1455 года, и Бернардо Руччеллаи, государственный челоѣкъ, написавшій превосходный разсказъ о походѣ Карла VIII въ Неаполь. На основаніи этихъ разсказовъ Макиавелли съ удивительнымъ умомъ и замѣчательнымъ безпристрастіемъ излагаетъ исторію Флоренціи, начиная съ распаденія Западной имперіи, и съ особенной подробностью рассказываетъ событія отъ 1434 года до смерти Лоренцо Медичи, то есть до 1492 года.

Нынѣ итальянцы говорятъ о Макиавелли съ уваженіемъ, какъ о патріотѣ, желавшемъ объединенія Италіи; но при жизни онъ не находилъ сочувствія себѣ ни у приверженцевъ, ни у противниковъ Медичи. Онъ напрасно добивался милости Медичи; они не давали ему никакой должности, и бѣдность принуждала его, бывшаго посла, ѣздить по порученіямъ монаховъ и куицовъ. Наконецъ флорентійцы прогнали Медичи, Макиавелли пріѣхалъ во Флоренцію, надѣясь получить какую нибудь важную должность. Но республиканцы оттолкнули его отъ себя съ такой же холодностью какъ прежде Медичи. Онъ умеръ 22 іюня 1527. Его трактатъ „Государь“ былъ напечатанъ въ 1532 году и окончательно испортилъ его репутацію у современниковъ; и дѣйствительно долго оказывалъ вредное вліяніе на людей, правившихъ судьбами государствъ. Дочь того Лоренцо Медичи, герцога Урбинскаго, которому Макиавелли посвятилъ эту свою книгу, Катерина Медичи, королева французская, читала ее своимъ сыновьямъ и, будучи сама послѣдовательницей политики Макиавелли, нашла воспріимчивыхъ учениковъ въ нихъ. Варѣоломеевская ночь и деспотизмъ Людовика XIV были явленіями, совпадавшими съ ученіемъ Макиавелли. Оно пользовалось

чрезвычайнымъ уваженіемъ почти всѣхъ государей и министровъ XVI и XVII столѣтій. Каждый мелкій деспотъ считалъ своею обязанностью изучать книгу Макиавелли о „Государѣ“ и своимъ безспорнымъ правомъ поступать по его совѣтамъ. Фридрихъ Великій, державшійся на практикѣ той же системы, нашелъ выгоднымъ для себя публично предать ее позору, при помощи Вольтера написалъ „Антимакиавелли“ и напечаталъ въ 1740 году это опроверженіе книги о „Государѣ“. Нѣмцы долго вѣрили искренности этого суроваго порицанія.

3. Исторіографія.

Историческія и политическія сочиненія Макиавелли имѣли много подражателей. Такъ напримѣръ въ духѣ его „Разсужденій о первой декадѣ Тита Ливія“ написаны „Разсужденія о Тацитѣ“ Аммирато (умершаго въ 1601), „Политическія разсужденія“ Паоло Паруты и трактатъ „Объ управленіи государствомъ“ Джовани Боттеро (умершаго въ 1617). Итальянская литература въ XVI вѣкѣ была богаче всѣхъ другихъ европейскихъ трудами по политическимъ наукамъ и по исторіи. Паоло Джовіо (умершій въ 1552 году), Бернардо Руччеллаи, Галеаццо Капра и Джорджо Флоріо написали на латинскомъ языкѣ рассказы объ исторіи своего времени. Изъ историковъ, писавшихъ по итальянски, второе мѣсто послѣ Макиавелли занимаетъ Франческо Гвиччардини, тоже флорентіецъ. Его участіе въ государственныхъ дѣлахъ началось по устраненіи Макиавелли отъ нихъ; онъ былъ неизмѣнный приверженецъ Медичи, занималъ важныя должности при Львѣ X и Климентѣ VII, былъ правителемъ сѣверныхъ частей папскаго государства, находился во французскомъ войскѣ во время битвы при Павіи, потомъ усердно содѣйствовалъ возстановленію владычества Медичи во Флоренціи. Не будучи достаточно вознагражденъ за услуги этой династіи, онъ удалился въ свое имѣнье Арчетри (въ окрестностяхъ Флоренціи) и послѣднія пять лѣтъ жизни употребилъ на свою „Исторію Италіи“ (*Istoria d'Italia*). Она рассказываетъ о событіяхъ съ 1494 до 1534 года. Гвиччардини пишетъ по образцу Тита Ливія, которому подражалъ и Макиавелли. Рассказъ его хорошъ, но растянутъ; часто онъ описываетъ событія слишкомъ яркими чертами и вставляетъ въ рассказъ по образцу древнихъ историковъ вымышленныя рѣчи правителей и полководцевъ. Но онъ хорошо знаетъ дѣла и людей; образъ мыслей его гуманный.—Джамбаттиста Адриани по порученію великаго герцога Козимо написалъ продолженіе его труда, которое называлъ „Исторіей своего времени“ (*Istoria de'suoi tempi*). Исторію покоренія Флоренціи владычеству Медичи описали многіе изъ людей, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ. Первую подробную исторію Венеціи написалъ по порученію венеціанскаго правительства Бембо. Онъ раболопно подражаетъ древнимъ историкамъ. Исторію Неаполя написалъ Анджело Костанцо, лирическій поэтъ; въ своемъ рассказѣ онъ мало заботится объ исторической истинѣ, предпочитая ей краснорѣчіе, и очень пристрастенъ къ папамъ. Несравненно лучше неаполитанская исторія Джанъ-Антоніо Суммонте (умершаго въ 1602 году). Общую исторію европейскихъ событій излагаетъ Лодовико Гвиччардини въ своемъ трудѣ *Commentari delle cose d'Europa*. Бернардо Даванцати рассказалъ исторію отпаденія Англіи отъ римской церкви. Историческіе труды нѣмецкихъ протестантовъ принудили католи-

ческих ученых излагать историю христианства с римской точки зрения. Важнейший из этих трудов составлен в конце XVI века кардиналом Цезарем Баронием (Чезаре Бароніо); он написан по латини. Высокое развитие искусства вызвало труды по теории и по истории его. Из них назовем трактаты Винчиоли, Палладио и Скамоцци, об архитектуре, разговор Рафаэля Боргини о живописи и скульптуре и разговор Лодовико Дольче о живописи, напечатанный в 1557 году. Итальянцы тогда восхищались Микель Анджело до такой степени, что унижали всех других живописцев; но Дольче отдает справедливость Рафаэлю и художникам венецианской школы; это беспристрастное суждение высказывает у него Пьетро Аретино, главное из разговаривающих лиц. Нисколько раньше того, в 1550 году, был напечатан знаменитый труд Вазари „Биографии лучших живописцев, скульпторов и архитекторов“, смесь фактов и недостоверных или совершенно ошибочных анекдотов. О большей части художников, биографию которых рассказывает Вазари, знал лишь сбивчивые и отрывочные рассказы молвы. Он пополнял пробелы их своими соображениями, выдаваемыми за факты. Так например биография Микель Анджело у него представляет ряд неточностей, хотя Микель Анджело еще был жив тогда. Но рассказы Вазари занимательны, и относительно многих художников служат единственным источником наших сведений. Большой знаменитостью пользуется до сих пор автобиография Бенвенуто Челлини, очень живое изображение нравов того времени. Челлини был типический представитель своей эпохи. Он вел бродячую жизнь, пользовался почетом при дворах, был в близких отношениях с папами, герцогами флорентийскими, Франциском I. Его автобиография ряд пошлых ссор с соперниками по искусству, любовных приключений, дуэлей, кончавшихся без большого кровопролития, если мстительный Челлини не убивал своих противников из-за угла. Человек очень беспорядочной жизни, он рассказывает однакоже, что Бог совершал для него чудеса, и воображает себя очень благочестивым. С наивным самохвальством он приводит все изустные или письменные комплименты, какие дѣлались ему.

Вазари
1512—1574.

Бенвенуто-Челлини
1500—1572.

с) ПЕРИОДЪ УПАДКА.

В конце XVI столетия уже замѣтны признаки упадка итальянской литературы; блѣдность, вялость, изнѣженность, утрировка, рабство составляютъ общій характеръ произведений этого времени. В XVII столетии упадокъ продолжался. Деспотизмъ свѣтской власти, инквизиція и церковная реакція подавляли творчество во всехъ областяхъ умственной жизни. Стремление Торквато Тассо возстановить уваженіе къ средневѣковымъ преданіямъ, надъ которыми смѣялись Аріосто и Берни, уже было проявленіемъ реакціи. Еще при жизни его римская церковь въ Италіи уже восторжествовала надъ проникшими въ нее изъ Германіи и Швейцаріи идеями реформации. Великій Галилей подвергся преслѣдованію. При подавленіи попытокъ улучшить церковный и общественный бытъ, люди отдались пустымъ или порочнымъ развлеченіямъ. Изнѣженность ввела въ моду пасторальную драму, образцомъ которой сталъ «Аминтъ» Торквато Тассо. Постановка пасторалей на сцену была великолѣпна; разговоры въ

нихъ перерывались пѣніемъ; развивалась полифоническая музыка; изъ этого возникла опера, получившая въ XVII столѣтіи владычество на итальянскомъ театрѣ. Переходомъ къ ней можно назвать пасторальную драму Баттисты Гварини «Вѣрный пастухъ» (*Pastor fido*). Эта драма—подражаніе «Аминту», но написана лучше его. Продолжали появляться рыцарскія эпопеи, но онѣ становились все болѣе пустыми, потому что рыцарство дѣлалось все менѣе и менѣе понятно, религія обратилась въ формалистику. Живѣе романтическихъ эпопей были комическія поэмы, развившіяся изъ нихъ. Переходъ отъ серьезной эпопеи къ комической былъ сдѣланъ въ поэмѣ Алессандро Тассони «Похищенное ведро». Последнею романтическою серьезною эпопеей была громадная полуидиллическая, полуэпическая и полумифологическая поэма Марини «Адонисъ». Она имѣла блестящій успѣхъ, но подражаніе ей окончательно убило серьезную эпическую поэзію. У Марини много живости воображенія, языкъ мелодиченъ, колоритъ роскошенъ, но у него нѣтъ энергіи, рассказъ растянута, мысли робки. Упадокъ энергіи въ общественной жизни уничтожилъ творческую силу и въ поэзіи. Притомъ государи охладѣвали къ литературѣ, число меценатовъ уменьшалось; только династія Медичи оставалась до самаго прекращенія своего покровительницею поэзіи. Герцоги пармскіе покровительствовали только оперѣ, герцоги савойскіе если и покровительствовали, то ученымъ, а не поэтамъ. Безчисленныя академіи разсуждали о мелочахъ, впали въ педантизмъ, стали исчезать. Единственную важную услугу литературѣ оказала *Academia della Crusca*, начавъ въ 1612 году составлять итальянскій словарь, вліяніе котораго установило характеръ литературнаго языка.

1. П о э м ы.

Гварини.
1537—1612.

Послѣ Тассо было написано нѣсколько дидактическихъ поэмъ; изъ нихъ назовемъ „Мореплаваніе“ (*Nautica*) Бернардино Бальди (умершаго въ 1617). Но гораздо больше появилось пасторалей. Мы уже говорили о „Вѣрномъ пастухѣ“ Баттисты Гварини. Эта драма, поставленная на сцену при феррарскомъ дворѣ въ 1585 году, когда Торквато Тассо считался сумасшедшимъ затмила его „Аминта“. Дѣйствительно въ ней больше дѣйствія. Пастухи и пастушки у Гварини ведутъ изящныя разсужденія о любви языкомъ людей высшаго общества. Гварини самъ былъ человѣкъ высшаго круга, ловкій придворный, занимавшій должность государственнаго секретаря герцогства феррарскаго.—Въ пасторальныхъ драмахъ было много хоровъ. Это навело на мысль писать цѣлыя піесы для пѣнія съ аккомпаньементомъ оркестра. Такимъ образомъ возникла опера, какъ теперь называется этотъ родъ музыкальныхъ спектаклей по первому слову его прежняго полнаго названія: *Opera per musica*, „музыкальное сочиненіе“. Первой оперой была „Дафна“,

текстъ которой написалъ Оттавіо Ринуччини, а музыку композиторъ Якопо Перри. Она была поставлена на сцену во Флоренціи въ 1594 году. Черезъ шесть лѣтъ по поводу праздника въ честь женитьбы Генриха IV на Маріи Медичи была во Флоренціи поставлена на сцену вторая опера „Эвридика“; текстъ ея написалъ тоже Ринуччини, музыку написали Перри, Корси и Каччини. Въ 1608 году Ринуччини написалъ „Аріадну“, музыка къ которой написана великимъ композиторомъ Монтеверде. Почти въ одно время съ серьезной оперой возникла и комическая: въ 1597 году Ораціо Векки поставилъ на сцену „Амфипарнассо“, оперу, въ которой дѣйствуютъ типическія лица простонародной комедіи (*commedia del arte*). Въ XVII вѣкѣ опера была любимымъ видомъ драматической поэзіи въ Италіи. Она подавила трагедію, уменьшила любовь даже къ комедіи. Въ первыя десятилѣтія XVII вѣка явилась только одна дѣйствительно хорошая комедія „Танча“, написанная внукомъ Микель-Анджело въ 1615 году. Дѣйствующія лица ея тосканскіе поселяне, говорящіе своимъ простонароднымъ нарѣчіемъ. „Вѣрный пастухъ“ Гварини продолжалъ пользоваться высокой славой до конца XVII вѣка.

Ринуччини
† 1621.

Важнѣйшимъ послѣ Гварини и, собственно говоря, единственнымъ очень даровитымъ поэтомъ этого времени упадка былъ Джамбаттиста Марини, которому воздавались похвалы, какихъ не удостоивались ни Аріосто, ни Тассо. Онъ былъ неаполитанецъ, пріѣхалъ въ Римъ и, благодаря гибкости характера, силѣ ума, приобрѣлъ себѣ покровительство кардинала Альдобрандини, потомъ жилъ въ Туринѣ, пользуясь благосклонностью герцога Карла Эммануэля; переселившись во Францію, имѣлъ своей покровительницей супругу Генриха IV Марію Медичи; конецъ жизни провелъ въ Римѣ, пользуясь покровительствомъ Урбана VIII. Онъ былъ истинный виртуозъ въ поэзіи, ловко писалъ все, чего желали его меценаты. Онъ имѣлъ всѣ недостатки итальянскихъ поэтовъ того времени, но превосходилъ своихъ соперниковъ богатствомъ фантазій, мелодичностью стиха. Итальянская поэзія долго оставалась подъ его вліяніемъ. Онъ былъ мастеръ производить шумъ о своихъ сочиненіяхъ. Куда ни пріѣзжалъ онъ, начинались горячіе споры о немъ, всегда кончавшіеся торжествомъ его. Самоувѣренный, презирающій всѣ правила вкуса, онъ по своей талантливости часто писалъ очень хорошія страницы, но вообще его поэзія страдаетъ отсутствіемъ естественности, напыщенностью, погоней за эффектами. Пристрастіе къ изысканнымъ оборотамъ мысли, къ причудливымъ антитезамъ замѣтно уже въ мадригалахъ Тассо и въ пасторальной драмѣ Гварини; но у Марини оно превратилось въ непрерывную погоню за блестящими контрастами и неожиданными сравненіями, за такъ называемыми *concetti*, „остроумными мыслями“. Онъ писалъ все съ одинаковымъ полустественнымъ, полунскусственнымъ энтузіазмомъ, и все писалъ быстро. Сонеты, идилліи, канцоны, эпиграммы, панегирическія, сатирическія стихотворенія, эпическіе рассказы—все выходило у него одинаково хорошо или одинаково дурно. Кстати или не кстати онъ вездѣ вставляетъ все, что можетъ произвести эффектъ, показаться возвышеннымъ, или трогательнымъ. Кабанъ вдается у него въ поэтическую нѣжность, взглянувъ на Адониса, котораго растерзаетъ послѣ этого умилительнаго восхищенія. У Марини нѣтъ силы и поэтической сжатости, но онъ неистощимъ на эффектные обороты мысли и яркія описанія, въ особенности когда рисуетъ сладострастныя картины. Изнѣженное наслажденіе—основной элементъ его поэзіи. Языкъ его переполненъ украшеніями. Ни одинъ итальянскій поэтъ до него не употреблялъ такихъ натянутыхъ и фальшивыхъ метафоръ. Въ прираженіи своемъ къ риторическимъ фигурамъ онъ не знаетъ никакихъ границъ. Онъ думаетъ только объ эффектности формы, содержаніе для него индифферентно. Наперекоръ

Марини
1569—1625.

своему характеру и образу мыслей, онъ писалъ даже религіозныя поэмы, потому что можно было извлекать изъ благочестивыхъ мыслей эффектные обороты словъ. Онъ написалъ поэмы „Разрушеніе Іерусалима“ (*Gerusalemme distrutta*) и Избіеніе младенцевъ (*Strage degli innocenti*). Самое большое знаменитое и характеристичное его произведеніе—полуэпическая, полунидиллическая поэма „Адонисъ“, въ двадцати длинныхъ пѣсняхъ, прославляющая любовь, образцомъ которой служитъ исторія Венеры и Адониса. Она была принята съ безграничнымъ восторгомъ не только въ Италіи, но и во Франціи. Совершенно совпадая съ вкусомъ той эпохи, она переполнена метафорами, антитезами, каламбурами, сладострастными сценами, волшебными праздниками и всяческими чудесами. Но поэтический талантъ Марини не допустилъ его впасть въ совершенное безвкусіе и безсмысліе, какого достигли Клавдіо Акилліни, Джироламо Прета и другіе многочисленные подражатели его. Многія изъ его лирическихъ стихотвореній, въ особенности сонетовъ, прекрасны; но и какъ лирикъ онъ имѣлъ вредное вліяніе, послуживъ примѣромъ торговли талантомъ: онъ писалъ по заказу всяческія стихотворенія на всяческіе праздники и важныя событія въ жизни государей и вельможъ. Подражатели превзошли его пошлостью и въ этой заказной поэзіи, рабствомъ въ панегирическихъ стихотвореніяхъ, изображеніями сладострастія въ свадебныхъ.

Тассони
1565—1635.

Произведенія этихъ такъ называемыхъ маринистовъ давно забыты; но сохранили славу нѣкоторые поэты, чуждавшіеся подражанія Марини. Лучшій изъ нихъ Александро Тассони, занимавшій должность при дворѣ великаго герцога тосканскаго. Его поэма „Похищенное ведро“ (*La Secchia rapita*) написана во вкусѣ Аріосто чистымъ языкомъ. У Тассони много веселости; но богатствомъ фантазіи онъ уступаетъ Аріосто. Завязкой поэмы служитъ дѣйствительный случай: моденцы взяли у флорентійцевъ въ числѣ другой добычи ведро и хранили его какъ трофей; его и теперь показываютъ въ Моденѣ. Болонцы въ поэмѣ Тассони придумываютъ всяческія хитрости, чтобы возвратить себѣ это ведро. Но ихъ смѣшныя уловки остаются неудачны. Поэма—насмѣшка надъ жалкими междоусобіями итальянскихъ городовъ, часто возникавшими изъ-за пустяковъ. Авторъ говоритъ, что ту роль, какую играетъ въ Иліадѣ Елена, играетъ въ его поэмѣ ведро. Въ войнѣ изъ-за ведра принимаютъ участіе боги Олимпа. Они ѣздятъ въ парадныхъ каретахъ къ Юпитеру и сходятъ на землю вербовать наемниковъ для той стороны, которую поддерживаютъ; Бахусъ вербуетъ нѣмцевъ, (итальянцы постоянно смѣялись надъ нѣмцами за пьянство). Честь изображенія манеры писать комическія поэмы принадлежитъ по мнѣнію однихъ ученыхъ Тассони, по мнѣнію другихъ Франческо Бракколини, который написалъ неудачную серьезную поэму „Возвращеніе Креста изъ рукъ невѣрныхъ“ (*La Croce racquistata*); и видя, что она не понравилась, написалъ шутиливую поэму, „Осмѣяніе боговъ“ (*Lo Scherno degli dei*), рассказывающую какъ отмстила Венера за то, что Вулканъ накрылъ ее съ Марсомъ сѣткой, показалъ другимъ богамъ, и что они смѣялись надъ ней. Шутливая поэма флорентійца Лоренцо Линни „Возвращеніе скатерти,“ (*Il mantile racquistato*) восхищала флорентійцевъ своимъ простонароднымъ тосканскимъ языкомъ. Въ XVII вѣкѣ комическія поэмы были въ такой же модѣ, какъ столѣтіемъ раньше романтическія. Изъ нихъ назовемъ еще „Войну ословъ“ Карло Доттори, „Глуности ученыхъ“ Бартоломмео Бокини, „Жизнь Мецепата“ Чезаре Калорали и прекрасную популярную поэму Джуліо Чезаре Крочче „Бертольдо“.

Бракколини
1566—1645.

Кіабрера
1552—1637.

Однимъ изъ самостоятельнѣйшихъ поэтовъ конца XVI и первой половины XVII столѣтій былъ Габріэлло Кіабрера, написавшій чрезвычайно много произведеній. Онъ былъ уроженецъ Савоны, занимался въ Римѣ изученіемъ

классиковъ и вторую половину своей продолжительной жизни посвятилъ поэзіи. Онъ писалъ стихотворенія во всяческихъ формахъ лирики, подражалъ въ торжественныхъ одахъ Пиндару, въ эротическихъ стихотвореніяхъ Анакреону; у него нѣтъ изнѣженности маринистовъ; но его произведенія, въ особенности панегирики государямъ, страдаютъ напыщенностью. Другимъ самостоятельнымъ лирическимъ поэтомъ, чуждымъ безвкусіа маринистовъ, былъ графъ Фульвіо Тести, подражавшій одамъ Горация, писавшій оперы и трагедіи. Онъ погибъ жертвой деспотизма моденскихъ тиранновъ.

Тести
1593—1646.
Сальваторъ
Роза
1615—1675.

Сатирическихъ поэтовъ было тогда мало. Лучшій изъ—нихъ, знаменитый живописецъ Сальваторъ Роза. У него много отваги. Онъ глубоко негодуетъ на пороки современнаго общества; его даже упрекаютъ въ чрезмѣрной горечи порицаній имъ.

2. П р о з а и к и.

Прозанческая литература сохраняла высокое достоинство дольше поэзіи. Въ эту эпоху жили великіе натуралисты Галилео Галилей, Винченцо Вавіани, Джамбатиста Риччоли, философы Тилезіо, Кардано, Ванини, Кампанелла. Историковъ было много, но лишь немногіе изъ нихъ писали о событіяхъ своего времени. Арриго Катерино Давила, находившійся во французской службѣ, потомъ занимавшій высокія должности въ венеціанской, владѣлъ перомъ такъ же хорошо, какъ шпагой. Онъ былъ убитъ въ 1631 году. За годъ до смерти онъ издалъ „Исторію междоусобныхъ войнъ во Франціи“ (*Storia delle guerre civili di Francia*), рассказывающую событія съ 1559 до 1598 года. Онъ очень близко зналъ важнѣйшихъ изъ людей, о которыхъ говоритъ, нравы народа, интриги французскаго двора; рассказъ его очень живъ и занимателенъ. Онъ чрезвычайно внимательно изслѣдуетъ мотивы дѣйствующихъ лицъ. По его мнѣнію междоусобія во Франціи были борьбою двухъ политическихъ партій и попытками слабаго правительства, подчинить себѣ обѣ ихъ; онъ считаетъ эти войны происходившими только по политическимъ мотивамъ, не придавая важнаго значенія религіознымъ спорамъ, которыми прикрывалась политическая борьба.

Давила
1576—1631.

Другой замѣчательный историческій трудъ „Исторія войнъ во Фландріи“ (*Storia delle guerre di Fiandra*) написанъ кардиналомъ Гвидо Бентиволью, который долго былъ папскимъ посломъ въ Нидерландахъ. Высокое достоинство имѣетъ „Исторія тридентскаго собора“ (*Istoria del consilio Tridentino*) Паоло Сарпи, человека съ очень обширными знаніями, основательно изучившаго физику, химию, математику и бывшаго глубокимъ знатокомъ каноническаго права. Уроженецъ Венеціи, онъ, хотя и былъ монахъ, защищалъ по своей должности юрисконсульта венеціанскаго правительства независимость свѣтскихъ правительствъ отъ папской власти по церковнымъ дѣламъ. Павелъ V за это отлучилъ его отъ церкви. Его „Исторія тридентскаго собора“, написанная благороднымъ языкомъ, правдиво и хорошо обрисовывающая главные лица, была напечатана въ Лондонѣ подъ псевдонимомъ Піэтро Соаве Полано. Авторъ доказываетъ, что можно было бы предотвратить распаденіе церкви, если бы папское правительство держало себя скромно и отказалось отъ притязанія вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла. Безпристрастный рассказъ о тридентскомъ соборѣ раздражилъ римскую курію такъ, что она послала въ Венецію бандитовъ убить Сарпи. Одинъ изъ нихъ нанесъ кинжаломъ ему рану,

Бентиволью
1579—1644.
Паоло Сарпи
1552—1633.

отъ которой онъ едва не умеръ. „Это стиль римской куріи“, говорилъ онъ, употребляя каламбуръ (*Stilus*, „стиль“—острая металлическая палочка, служившая у древнихъ перомъ; стилеть—кинжалъ.) Гораздо ниже исторіи Сарни по достоинству изложенія „Исторія тридентскаго собора“ (*Istoria del consiglio di Trento*), написанная въ интересахъ римской куріи кардиналомъ Сфорцей Паллавичини и напечатанная въ 1656 и 1657 годахъ. Ферранте Паллавичини, родственникъ кардинала, былъ въ 1644 году казненъ въ Авиньонѣ за свой памфлетъ „Расторженіе небеснаго брака“ (*Il Divorzio celeste*). Это бракъ Христа съ римской церковью; Христосъ расторгаетъ его за порочную жизнь ея; лютеранская и реформатская церкви заявляютъ притязанія на санъ невѣсты Христовой; но небесный женихъ отвергаетъ и ихъ.

Д. Эпоха высочайшаго развитія искусства въ Италіи.

Литература. О трактатахъ Куглера, Любке и Форстера мы уже упоминали въ прежнихъ обзорахъ трудовъ по исторіи искусства. Изъ монографій назовемъ: *Hermann Grimm, Das Leben Michelangelos* (5 изд., Hannover, 1879); его же, *Das Leben Rafaels von Urbino* (томъ I, Berlin 1872); *Julius Meyer, Correggio* (Leipzig 1871); *Hettner, italienische Studien* (Braunschweig, 1879); *Burckhardt, Der Cicerone* (2 изд., съ пополненіями Мюндлера, 1869). Обширный, лучший всѣхъ прежнихъ трактатъ, излагающій исторію итальянской живописи до Тиціана, написалъ Кроу при содѣйствіи Кавальказелле: *Crowe and Cavalcaselle, A new History of painting in Italy*, 5 томовъ, London, 1864—1872); продолженіемъ къ этому труду служить, написанная Кроу и Кавальказелле, біографія Тиціана.

1. Главные дѣятели.

Обстоятельства были такъ благопріятны развитію искусствъ, что вмѣстѣ съ поэзіей достигли въ первыя десятилѣтія XVI вѣка высочайшей степени совершенства живопись, скульптура, архитектура; это была эпоха Ліонардо да Винчи, Рафаэля, Микель Анджело, занимающихъ въ исторіи искусства мѣста выше того, на какихъ стоятъ въ исторіи литературы Аріосто и Тассо. Между живописью и поэзіей была въ это время тѣсная связь. Нѣкоторые изъ величайшихъ живописцевъ были поэтами; Боярдо, Аріосто и Тассо въ своихъ поэмахъ съ любовью описываютъ картины, которыми были украшены дворцы. Аріосто въ началѣ 33 пѣсни прославляетъ Мантенью, Ліонардо Винчи, Джамбеллини (Джованни Беллини), Доссо Досси и его брата Джованни Баттисту, Микель Анджело. Если мы не знаемъ обычаевъ того времени, намъ покажется удивительно, что ни одинъ изъ тогдашнихъ великихъ живописцевъ не бралъ предметами своихъ картинъ сцены изъ поэмъ Аріосто и Тассо, какъ это стали дѣлать живописцы слѣдующихъ столѣтій. Но въ то время картины писались по заказу, а заказчики требовали религіозныхъ или мифологическихъ картинъ или

своихъ портретовъ, были еще чужды мысли назначать предметами для картинъ сцены изъ современныхъ поэмъ. Рафаэль вводитъ въ группы людей, изображаемыхъ имъ, лишь немногихъ поэтовъ. Но сами живописцы были поэтами, какъ мы уже говорили: Рафаэль и Микель Анджело писали сонеты; Ліонардо Винчи былъ музыкантъ и пѣвецъ. Картины въ то время были предметами глубокаго уваженія; хорошая религіозная картина считалась такимъ дѣломъ, за которое прощаются грѣхи написавшему ее. Подобно всѣмъ образованнымъ людямъ поэты прославляли художниковъ. Бенвенуто Челлини говоритъ, что было написано множество сонетовъ въ честь его Персея и часовни св. Лаврентія, построенной Микель-Анджело.

Въ IX томѣ мы рассказали исторію скульптуры и живописи въ Италіи до той эпохи, когда искусство вполне овладѣло своей техникой и художникъ освободился отъ обязанности слѣдовать преданію, пріобрѣлъ право создавать произведенія по внушенію своего генія. Цѣлью искусства стало тогда изображеніе красоты. Изученіе древнихъ статуй развило и очистило вкусъ; итальянскіе художники стали достойными преемниками древнихъ греческихъ. Типическія фигуры преданій были преобразованы геніемъ живописцевъ; примѣрами тому служатъ Тайная Вечера Ліонардо Винчи, Обрученіе Маріи Рафаэля, Созданіе человѣка Микель Анджело.

Большинство художниковъ занималось живописью, но она находилась въ тѣсной связи съ скульптурой и архитектурой. Тѣ три великіе художника, имена которыхъ мы называли, были блестящими представителями этой связи.

Въ началѣ періода высшаго развитія искусства центромъ его оставалась Флоренція. Осенью 1504 всѣ три великіе художника, о которыхъ мы упомянули, случайно собрались въ этомъ городѣ. Ліонардо Винчи и Микель Анджело хотѣли вступить между собою въ состязаніе о первенствѣ. Рафаэль видѣлся съ ними какъ начинающій живописецъ еще не знаменитый, но выказавшій великій талантъ. Ліонардо Винчи уже за долго передъ тѣмъ перенесъ свою дѣятельность въ Миланъ и сталъ основателемъ ломбардской школы; мѣстомъ дѣятельности Микель Анджело и Рафаэля былъ по преимуществу Римъ. Въ 1505 году Микель Анджело былъ приглашенъ туда Юліемъ II по рекомендаціи архитектора Сангалло. Въ то же время переселился въ Римъ величайшій архитекторъ Италіи Браманте; было рѣшено сломать старинную церковь апостола Петра, стоявшую по сосѣдству съ Ватиканомъ, и построить на ея мѣстѣ колоссальный храмъ, составляющій теперь знаменитѣйшее украшеніе Рима. Чертежъ этого храма былъ сдѣланъ Браманте. Микель Анджело получилъ заказъ изваять громаднѣйшій памятникъ, который хотѣлъ приготовить себѣ Юлій II. Въ 1506 году было найдено подъ землей въ развалинахъ банъ Тита одно изъ знаменитѣйшихъ созданій древней скульптуры, — группа,

изображающая Лаокоона и его сыновей; это было какъ будто подаркомъ счастья и указаніемъ пути начинавшемуся блестящему развитію искусства. Съ 1508 года Микель Анджело и Рафаэль работали оба въ Римѣ въ одномъ и томъ же дворцѣ; но угрюмый Микель Анджело, рѣзко судившій о соперникахъ, не хотѣлъ сближаться съ Рафаэлемъ, милымъ, добродушнымъ. Идеалы Микель Анджело принадлежали старшему поколѣнію художниковъ, болѣе энергичному, чѣмъ то, представителемъ котораго былъ Рафаэль. Всѣ фигуры Микель Анджело величественны, имѣютъ титаническій характеръ; Рафаэль создавалъ чисто человѣческіе образы, восхищаясь которыми люди чувствовали себя близкими къ нимъ. «Микель Анджело работалъ порывами» говоритъ Генрихъ Гриммъ: «Временами онъ трудился съ необыкновеннымъ усиліемъ, временами надолго перерывалъ работу, погружаясь въ книги и философскія размышленія. У Рафаэля не было перерывовъ дѣятельности; онъ выказывалъ неистощимую силу, которую сообщалъ и своимъ сотрудникамъ». Молодые художники тѣснились около Рафаэля, а къ суровому, сосредоточенному въ себѣ Микель Анджело не примкнулъ почти никто кромѣ Себастіано дель Піомбо. Рафаэль далеко превосходилъ Микель Анджело колоритомъ; онъ очаровывалъ всѣхъ; между тѣмъ какъ многимъ не нравились картины Микель Анджело.

Колоссальный успѣхъ Рафаэля объясняется не одной силой, но и многосторонностью его таланта; въ немъ гармонически соединялись достоинства многихъ школъ. Въ юности онъ проникся благочестивой мечтательностью умбрійской школы; переселившись во Флоренцію, ознакомившись съ весельемъ и шумомъ жизни, онъ обратился къ изученію памятниковъ классическаго искусства; позднѣе, въ Римѣ, эти оба направленія слились у него, и онъ изображалъ божественные идеалы, носившіеся въ его мысляхъ. Онъ всегда сохраняетъ невозмутимое спокойствіе души, составляющее основной характеръ его произведеній, придающее имъ высочайшее совершенство. Христіанскіе идеалы проникнуты у него классическимъ спокойствіемъ и облечены въ человѣческіе образы красоты.

Въ концѣ жизни Рафаэль занимался и архитектурой, которая въ началѣ XVI вѣка достигла высочайшаго совершенства, научилась пользоваться всѣми техническими средствами, такъ что геній пріобрѣлъ свободу дѣятельности и въ ней. Браманте очистилъ архитектуру отъ прежняго пристрастія къ мелочной красоты, далъ ей величественную простоту, которой характеризуется она въ первой половинѣ XVI вѣка. Нѣтъ зданій граціознѣе и благороднѣе дворцовъ, построенныхъ Рафаэлемъ въ Римѣ. Главное достоинство произведеній Микель Анджело и въ архитектурѣ, какъ въ живописи, составляютъ величественные контуры. Нѣкоторыя изъ его зданій—подражанія древнимъ, какъ напримѣръ Палаццо Фарнезе; но въ большинствѣ случаевъ стиль ихъ созданъ его собственнымъ геніемъ. Онъ превосходно раз-

считывалъ эффе́кты свѣ́та и тѣ́ни выступовъ и отступающихъ назадъ частей зда́нія. Но у него уже есть произво́ль въ передѣлѣ́ класси́ческихъ формъ; э́тимъ онъ откры́лъ путь къ порчѣ́ архитектурнаго сти́ля въ слѣ́дующія́ времена.

Скульпту́ра той эпо́хи далеко не достигала такой высоты, какъ живо́пись, но и она получила больше независимости отъ преданій, чѣ́мъ имѣ́ла въ XV вѣ́кѣ́, стала свободнѣ́е создавать свои идеалы. У Микель Анджело она сдѣ́лалась выраже́ніемъ личны́хъ стремле́ній ге́ніальнаго челове́ка. Образы его кажутся олицетворе́ніями стихійны́хъ силъ, влады́чествующихъ надъ вселенной; характеристичная черта новаго времени, субъективность, является въ нихъ безгранично́й свободой творчества, подража́ніе которой неизбе́жно влекло за собою упадо́къ искусства.

а) ЛІОНАРДО ДА ВИНЧИ.

Одинъ изъ самыхъ блестящихъ людей своего времени, богатаго всесторонне образованными людьми, Ліона́рдо да Винчи ве́лъ жизнь, сіяющую поэти́ческой очаровательностью. Вазари рассказываетъ о немъ много анекдотовъ похожихъ на вымыслы молвы о знаменитыхъ людяхъ старины. Онъ былъ похо́жъ на идеальныя лица, создаваемые поэтами: высокій, стройный, красавецъ, сильный какъ титанъ, щедрый, окруженный многочисленно́й прислуго́й, живу́щій въ роскошной, фантастической домашней обстановкѣ́, превосходный музыкантъ, очаровательно любезный и съ бѣ́дняками, какъ съ вельмо́жами, другъ государей, онъ былъ поэтъ, скульпторъ, анатомъ, архитекторъ, инженеръ, механикъ; живо́пись была лишь одной изъ многихъ дѣ́ятельностей его. Съ любовью къ глубокимъ научнымъ изслѣ́дованіямъ въ немъ соединялось влече́ніе къ веселью доходившее до ребяческой игри́вости. Съ ранней молодости мысли его были заняты техническими изобре́тене́ями; онъ придумывалъ улучшенныя мельничныя механизмы, аппараты для летанія, буровыя машины, тоннели; онъ занимался естественными науками; онѣ́ привели его къ образу мыслей болѣ́ языческому, чѣ́мъ христі́анскому, по выраже́нію, которое употребилъ Вазари въ первомъ изданіи своей книги и выбросилъ изъ слѣ́дующихъ. Занимаясь естественными науками и механическими изобре́тене́ями, юноша рисовалъ картины, ваялъ или отливалъ статуи въ мастерской Вероккіо (IX, 257). Скоро онъ превзошелъ своего учителя. Говорятъ, что ангелъ, нарисованный Ліона́рдо на картинѣ́, которую писалъ Вероккіо для Валломброзскаго монастыря, заставилъ учителя, сознавшаго высокое превосходство ученика надъ нимъ, совершенно отказаться отъ живописи. Но судьба была какъ будто враждебна произведе́ніямъ Ліона́рдо Винчи; многія изъ нихъ погибли. Колосальная конная статуя Франческо Сфорцы погибла; изъ граціозныхъ улыбающихся Мадоннъ Ліона́рдо Винчи сохранилась только одна, находящаяся въ римскомъ монастырѣ́ св. Онуфрі́я. Надъ жизнью Ліона́рдо молва раскинула блестящую ткань легендъ, сквозь которыя трудно различать факты. Ему было лѣ́тъ 30, когда Людовикъ Моръ, правившій Миланомъ, пригласилъ его къ своему двору какъ превосходнаго музыканта. Въ Миланѣ́ развернулись его многостороннія блестящі́я дарованія; съ нимъ совѣ́товались обо всѣ́хъ художественныхъ предпрі́ятіяхъ; онъ получилъ должность архитектора при миланскомъ соборѣ́, основалъ академію живописи, ве́лъ

Ліона́рдо да
Винчи
1452—1519.

гидравлическія работы, вводилъ улучшенія въ инженерномъ военномъ искусствѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ рисовалъ картины. Въ 1499 году онъ масляными красками альфреско написалъ на стѣнѣ столовой въ монастырѣ Santa Maria delle Grazie Тайную вечерю, одно изъ геніальнѣйшихъ созданій искусства всѣхъ вѣковъ. Самая мысль написать для столовой изображеніе Тайной вечери уже характеризуетъ собою новое положеніе искусства. До Ліонардо Винчи художники изображали Тайную вечерю въ ея значеніи таинства пресуществленія хлѣба и вина въ плоть и кровь Спасителя: Христосъ изображался въ тотъ моментъ, когда онъ раздаетъ пресуществленный хлѣбъ ученикамъ своимъ. Ліонардо Винчи изобразилъ другой моментъ, не таинственный, а человѣческій, когда Христосъ произноситъ: „Одинъ изъ васъ предастъ меня“; эти слова отражаются двѣнадцатью разными впечатлѣніями на лицахъ двѣнадцати учениковъ. Уже по одному этому картина Ліонардо Винчи—рѣшительный разрывъ искусства съ преданіями римской церкви. Превосходна группировка фигуръ, распредѣленіе которыхъ еще ясно сохранилось на попортившейся, вывѣтрившейся стѣнѣ. Ученики образуютъ четыре группы, двѣ по правую и двѣ по лѣвую сторону Спасителя; въ каждой группѣ быстро обмѣниваются мыслями три ученика. Всѣ они изображены занимающими одну сторону стола, для того чтобы можно было видѣть вполне лицо каждого. Христосъ—центръ всего изображенія и всѣхъ мыслей.

Когда счастье измѣнило Людовику Мору и французы покорили Миланъ, Ліонардо, уже имѣвшій теперь славу перваго живописца своего времени, возвратился (въ 1500 году) въ родной городъ. Тамъ онъ написалъ портретъ монны (госпожи) Лизы, жены Франческо Джоконды, знаменитѣйшее изъ всѣхъ произведеній портретной живописи (впослѣдствіи этотъ портретъ былъ купленъ Францискомъ I; онъ находится теперь въ Луврѣ); тогда же онъ написалъ Святое семейство (находящееся теперь въ Лондонѣ). Въ 1502 году онъ поступилъ на службу къ Цезарю Борджіа въ должности архитектора и генералъ-инженера Романьи, черезъ два года, когда была поставлена передъ флорентійскимъ правительственнымъ дворцомъ статуя Микель Анджело,—Давидъ, Ліонардо Винчи по порученію правительства писалъ фреско на одной изъ стѣнъ большого зала этого дворца; картина изображала ожесточенный бой конницы. Она и картонъ ея погибли; но уцѣлѣла копія въ Роддіо Imperiale; она награвирована Эделингомъ по рисунку сдѣланному Рубенсомъ. Соперничество Микель Анджело и другія непріятности заставили Ліонардо въ 1507 уѣхать изъ Флоренціи; онъ отправился въ Миланъ, занялъ должность „живописца его христіаннѣйшаго величества“ и оставался въ Миланѣ до 1512 года, когда были прогнаны оттуда французы. Проживъ нѣсколько времени въ Римѣ, онъ въ 1515 поѣхалъ къ Франциску, пришедшему въ Италію, потомъ уѣхалъ съ нимъ во Францію и оставался тамъ до конца жизни, но въ эти годы мало занимался живописью. Ліонардо Винчи имѣлъ энергическій характеръ, но былъ впечатлительнъ и къ нѣжнымъ элементамъ преобладавшимъ до него въ ломбардской живописи; онъ придалъ имъ очаровательную красоту и создалъ произведенія, за которыя справедливо называютъ его однимъ изъ величайшихъ живописцевъ новой Европы. Онъ былъ первымъ изъ нихъ по времени.

в) Р А Ф А Э Л Ъ.

Въ Сіенѣ и Флоренціи живопись была доведена до очень высокой степени совершенства, но величайшій живописецъ Италіи былъ воспитанникъ другой школы, тихо развивавшейся въ умбрійскихъ городахъ Ассизи, Пе-

руджін, Урбино и, по сосѣдству съ ними, въ Болоньѣ. Эта такъ называемая умбрійская школа имѣла характеръ набожности, изображала нѣжную красоту, милую наивность и смиренную вѣру (IX. 257). Рафаэль родился въ Урбино, былъ сынъ живописца Джованни Санти и въ первые годы юности рисовалъ картины въ стилѣ другихъ урбинскихъ живописцевъ. Въ этихъ раннихъ произведеніяхъ особенность его таланта проявляется только тѣмъ, что лица его фигуръ чрезвычайно милы. Первоначально онъ былъ ученикомъ и помощникомъ Перуджино. Въ первые годы XVI столѣтія онъ еще рисовалъ на картинахъ своего учителя фигуры въ обыкновенномъ вкусѣ перуджійской школы. Новый періодъ его развитія начинается въ 1504 году картиной Обрученіе Маріи. На ней Іосифъ, котораго прежде рисовали дряхлымъ старикомъ, изображенъ мужчиной въ полномъ цвѣтѣ силъ. Послѣднія связи подчиненія духу умбрійской школы Рафаэль порвалъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, произведенныхъ на него во Флоренціи картинами Ліонардо Винчи и Фра Бартоломмео. По словамъ Вазари онъ посѣтилъ Флоренцію въ 1504 году; но вліяніе флорентійскихъ впечатлѣній становится замѣтно у него только въ 1506 году. Съ этого времени исчезаетъ изъ его картинъ выраженіе мечтательной сентиментальности, принадлежавшее умбрійской школѣ. Положеніе Христа во гробъ (находящееся теперь въ Римѣ въ Палаццо Боргезе) уже свободно отъ всякихъ слѣдовъ вліянія Перуджино. Еще бывши во Флоренціи, Рафаэль началъ писать мадоннъ не мечтательными набожными дѣвушками, а счастливыми матерями (какова напримѣръ Флорентійская *Madonna della Sedia*). Прежде Мадонну изображали смотрящей благоговѣнно на божественнаго младенца, своего сына; Рафаэль сталъ изображать ее идеальной представительницей материнской красоты и радости. Только впослѣдствіи давалъ онъ нѣкоторымъ мадоннамъ другое выраженіе, такъ напримѣръ *Madonna di Foligno* (находящаяся въ Ватиканѣ) представляетъ идеалъ чувства благоговѣнія, Сикстинская Мадонна изображаетъ Богоматерь имѣющей божественное величіе (Сикстинской она называется потому, что у ногъ ея изображенъ святой Сикстъ). Обѣ эти картины принадлежатъ уже римской эпохѣ. Рафаэль былъ приглашенъ въ Римъ въ 1507 году Юліемъ II, пользовался величайшей благосклонностью этого папы и Льва X. Подъ вліяніемъ римскихъ впечатлѣній и въ особенности картинъ Микель Анджело, геній Рафаэля быстро достигъ великой высоты развитія, и онъ сталъ производить картины, далеко превосходящія своимъ достоинствомъ все, что писалъ онъ прежде. Первой очень большой работой его въ Римѣ были картины изъ библейской исторіи въ галлерейѣ ватиканскаго дворца (такъ называемыя ватиканскія лодджи); потомъ онъ написалъ фрески на стѣнахъ трехъ залъ Ватикана (такъ называемыя ватиканскія станцы), созданія искусства, не имѣющія равныхъ себѣ по величію композиціи. Къ числу станцъ принадлежатъ Диспутъ и Аѳинская школа. Подъ вліяніемъ энергіи фигуръ Микель Анджело, фигуры Рафаэля стали выразительнѣе прежняго. При Львѣ X онъ могъ бы сдѣлаться кардиналомъ, если бы захотѣлъ, такъ велика была благосклонность этого папы къ нему. Левъ поручилъ ему работы даже въ Сикстинской капеллѣ, которая прежде находилась въ исключительномъ распоряженіи Микель Анджело. Рафаэль написалъ нѣсколько картоновъ для этой капеллы. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Рыбная ловля апостола Петра и Апостолъ Павелъ въ Римѣ, должны считаться по мнѣнію многихъ знатоковъ лучшими созданіями Рафаэля. Но геній его былъ такъ разностороненъ, что одновременно съ этими идеальными изображеніями изъ первоначальной исторіи христіанства онъ рисовалъ мифологическія картины во дворцѣ Бальдессаре Перуцци (называющемся теперь *Villa Farnesina*). Онъ изобразилъ тамъ исторію Психеи. Многія изъ картинъ,

Джованни
Санти
† 1494.

Рафаэль
Санти
1484—1520.

писанныхъ имъ въ ватиканскомъ дворцѣ по порученію папъ для прославленія римской церкви были вѣроятно не созданы по влеченію души, а нарисованы по обязанности исполнять желанія покровителей; но нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ искусства; таковы напримѣръ литургія въ Больсенѣ, Иліодоръ въ Іерусалимскомъ храмѣ, Пріѣздъ папы Льва къ Аттілѣ, Освобожденіе апостола Петра отъ узъ. Вполнѣ свободный полетъ получилъ геній Рафаэля въ послѣднихъ его произведеніяхъ, таковы: Исаія въ римской церкви Св. Августина; Сивиллы въ церкви *Maria della pace* (написанныя въ 1514 году) и въ особенности Св. Цецилія, написанная въ 1515 году и находящаяся теперь въ Болоньѣ. Съ неба долетаютъ до святой звуки хора ангеловъ; инструменты земной музыки лежатъ разбитые на полу; сама Цецилія выпускаетъ изъ рукъ свою арфу; лицо Іоанна выражаетъ идеальное наслажденіе; Павелъ стоитъ въ неподвижномъ восторгѣ съ опущеннымъ лицомъ, онъ чувствуетъ разницу небесной музыки отъ земной. Цецилія въ царской одеждѣ стоитъ по срединѣ, поднявъ къ небу взглядъ и внимая пѣнію ангеловъ. Изобразивъ идеаль чистоты въ своихъ мадоннахъ, Рафаэль въ послѣдніе годы своей недолгой жизни далъ человѣчеству рядъ изображеній Христа, выше которыхъ едва ли можетъ подняться живопись. Раньше того онъ уже изобразилъ Христа на картинѣ, называющейся взятымъ изъ словъ Спасителя Петру выраженіемъ „Паси овецъ моихъ“. Кроткій свѣтъ исходитъ отъ Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ, ученики приближаются къ нему; Петръ, шедшій впереди всѣхъ, падаетъ на колѣна передъ нимъ. Черезъ нѣсколько времени Рафаэль написалъ несеніе креста Христомъ осужденнымъ на распятіе (*Lo Spasimo di Sicilia*). Наконецъ Рафаэль написалъ Преображеніе человѣческой природы Христа сліяніемъ ея съ божественной природой Его. Христосъ окруженъ областью свѣта изливающегося на двухъ учениковъ, стоящихъ по сторонамъ. Это изображеніе Христа—идеаль, къ которому стремилось все христіанское искусство. Кончая работу надъ Преображеніемъ, Рафаэль умеръ отъ простуды. Въ послѣднее время жизни онъ сильно заинтересовался архитектурой и античными статуями, число которыхъ увеличилось тогда вновь найденными. Онъ не былъ въ тѣсномъ смыслѣ слова подражателемъ античнаго искусства; но по спокойствію духа, по равновѣсію всѣхъ силъ, по дивной красотѣ своихъ произведеній онъ ближе всѣхъ художниковъ новой Европы къ наилучшимъ художникамъ древней Греціи. Не было живописца равнаго ему въ пониманіи гармоніи красокъ; на его картинахъ, писанныхъ масляными красками и даже на нѣкоторыхъ альфреско, колоритъ—дивное сочетаніе энергіи и нѣжности. Но важнѣйшія достоинства картинъ Рафаэля чистота рисунка, геніальная простота и удивительное совершенство композиціи, необыкновенная живость всѣхъ фигуръ; каждая черта его картинъ понятна всякому, и кажется, что не возможно выразить идею, изобразить фигуру иначе, нежели сдѣлалъ онъ; надъ всѣмъ у него сіяетъ свѣтъ блаженнаго совершенства, производимаго полнотою геніальнаго творчества.—Рафаэлю приписываютъ и скульптурное произведеніе, статую Іоны въ римской церкви *Maria del Popolo*; приписываютъ и другую скульптурную работу, группу, изображающую ребенка, сидящаго на дельфинѣ (она находится въ Петербургѣ). Онъ много содѣйствовалъ развитію гравированія: по его рисункамъ гравировалъ Маркантонио Раймонди.

с) м и к е л ь а н д ж е л о .

Дѣятельность Микель Анджело была очень многосторонняя и продолжительная. Доживъ до глубокой старости, онъ могъ подобно Гёте наслаж-

даться безсмертіемъ своей славы. Съ дѣтства онъ страстно полюбилъ живопись и въ 1488, будучи 13 лѣтнимъ мальчикомъ, выпросилъ у отца дозволеніе посвятить себя ей, а не ученымъ занятіямъ, къ которымъ былъ предназначенъ. Онъ сталъ ученикомъ Гирландайо, другомъ Гралаччо; черезъ нихъ получилъ доступъ въ садъ монастыря св. Марка, гдѣ стояли древнія статуи и другія произведенія античнаго искусства, собранныя Медичи. Эти статуи дали новое направленіе мыслямъ юноши. Лоренцо замѣтилъ даровитость его, пригласилъ его быть участникомъ обѣдовъ и бесѣдъ въ своемъ дворцѣ. Микель Анджело живо заинтересовался разговорами и трудами Анджело Полициано и другихъ гуманистовъ, собиравшихся у Лоренцо, и въ ихъ кругу пріобрѣлъ превосходное образованіе. По изгнаніи династіи Медичи, онъ въ 1495 году бѣжалъ въ Болонью. Тамъ онъ изваялъ ангела для мраморной гробницы св. Доминика, это первое его произведеніе, извѣстное намъ; такъ онъ началъ свою художественную карьеру скульптурой. Онъ самъ говорилъ, что онъ не живописецъ, что и архитектура не его дѣло, называлъ себя скульптуромъ. Возвратившись изъ Болоньи во Флоренцію, Микель Анджело сталъ суровымъ республиканцемъ, усерднымъ слушателемъ проповѣдей Савонаролы, но задолго до гибели его переселился въ Римъ, гдѣ нашелъ флорентійскаго художника Антоніо Полаюоло и сталъ изучать произведенія Мантеньи и Мелоццо да Форли. Въ эти годы молодости онъ изваялъ знаменитую статую, олицетворяющую вечеръ. (Она теперь находится въ храмѣ Петра и называется изображеніемъ благочестія, Pietà). Прекрасно и другое изваяніе, сдѣланное имъ нѣсколько раньше этой статуи, Бахусъ (перевезенный въ Флоренцію). Въ 1500 году Микель Анджело возвратился во Флоренцію. Первымъ большимъ произведеніемъ его тамъ былъ Давидъ, статуя, поставленная передъ Palazzo Vecchio. Когда пріѣхалъ во Флоренцію Ліонардо Винчи, началось соперничество между нимъ и младшимъ, но уже знаменитымъ художникомъ. Они написали по картинѣ для состязанія о первенствѣ. Оба эти произведенія погибли. Микель Анджело выбралъ предметомъ своей картины изображеніе группы купающихся воиновъ. До насъ дошла только копія группы всадниковъ, сдѣланная въ небольшомъ размѣрѣ. Кажется, что именно соперничество съ Ліонардо Винчи возвратило Микель Анджело къ уседному занятію живописью. Въ его картинахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ вліянія его учителя, Гирландайо. Онъ какъ живописецъ совершенно оригиналенъ. Такова единственная картина его на полотнѣ, сохранившаяся отъ этого времени, Святое семейство (находящееся во Флоренціи). Съ 1506 онъ работалъ въ Болоньѣ, исполняя заказанную ему Юліемъ II колоссальную статую, изображающую этого папу. Она была поставлена надъ главнымъ порталомъ церкви св. Петронія и была разбита при битвѣ на улицахъ въ 1512 году, когда болонцы прогнали изъ своего города папскій гарнизонъ. Въ 1508—1510 годахъ Микель Анджело писалъ знаменитыя фрески въ капеллѣ, построенной при ватиканскомъ дворцѣ Сикстомъ IV. Раньше того уже работали надъ украшеніемъ этой капеллы Боттичелли, Синьорелли, Гирландайо, Перуджино. Ихъ фрески кажутся не имѣющими никакого достоинства по сравненію съ изображеніемъ Бога, написаннымъ Микель Анджело. Живопись не создавала еще ничего подобнаго этому возникновенію человѣка по слову Божію. Идея, выраженная Микель Анджело принадлежитъ ему самому; она совершенно независима отъ средневѣковыхъ изображеній созданія человѣка. Тѣло человѣка уже создано; оно лежитъ на одинокой скалѣ. Въ немъ еще нѣтъ сознательной жизни. Творецъ приближается къ нему, простираетъ десницу, и Адамъ пробуждается изъ безсознательнаго существованія, раскрываетъ глаза, подымаетъ голову, лѣвая рука его протягивается къ десницѣ Творца. Въ этой кар-

Микель
Анджело
1475—1564.

тинѣ есть красота, но преобладаетъ величіе; на другой, изображающей созданіе Евы, красота владычествуетъ. Эти картины и нѣсколько другихъ изображеній изъ первобытной исторіи человѣчества по книгѣ Бытія занимаютъ плафонъ капеллы, онѣ соединены съ фресками стѣнъ двѣнадцатью колоссальными фигурами пророковъ и сивиллъ, изображающихъ разные моменты вдохновенія; на нѣкоторыхъ лицахъ мы видимъ выраженіе глубокой задумчивости, на другихъ экстазъ.

Въ слѣдующіе годы Микель Анджело сдѣлалъ нѣсколько переѣздовъ; онъ жилъ то въ Каррарѣ, то въ Болоньѣ, то во Флоренціи или въ Римѣ. Въ 1517 и 1518 годахъ онъ работалъ въ Римѣ вмѣстѣ съ Себастьяно дель Піомбо въ капеллѣ апостола Петра (San Pietro a Montorio). Во Флоренціи онъ составлялъ проекты, оставшіеся неисполненными. Около времени смерти Рафаэля Микель Анджело занимался почти исключительно скульптурой, онъ двадцать лѣтъ почти вовсе не рисовалъ картинъ. Скульптура привлекала его потому, что въ ней онъ могъ полнѣе выказывать свое знаніе анатоміи. „Онъ изучалъ анатомію и на трупахъ“, говоритъ Генрихъ Гриммъ: „и срисовывалъ людей во всевозможныхъ позахъ, чтобы совершенно ознакомиться съ игрою мускуловъ“. Онъ изображалъ фигуры въ такихъ ракурсахъ, какихъ не отваживались рисовать прежніе живописцы. Въ скульптурѣ онъ правильно передавалъ состояніе мускуловъ во всяческихъ позахъ. Иногда влеченіе выказывать свое знаніе въ анатоміи доводило его до придаванія фигурамъ такихъ позъ, какихъ не принимаютъ онѣ въ жизни.

Это отчасти относится и къ превосходнымъ памятникамъ Джуліано Медичи, герцога Немурскаго, и Лоренцо Медичи, герцога урбинскаго. По порученію папъ Льва X и Климента VII онъ строилъ фамильный храмъ династіи Медичи, церковь св. Лаврентія. Эта работа была очень обременительна ему, потому что Флоренція защищала тогда свою свободу отъ Медичи и онъ завѣдовалъ инженерной частью обороны. Военныя дѣла мѣшали постройкѣ храма, такъ что Микель Анджело окончилъ только ту часть его, которая называется канеллой; онъ украсилъ ее семью мраморными изваяніями, принадлежащими къ числу лучшихъ его произведеній. Два изъ нихъ — статуи герцоговъ немурскаго и урбинскаго; но это не портреты, а идеальныя изображенія титанической силы. Не менѣе знамениты аллегорическія статуи этой капеллы, въ особенности Ночь и Утренняя заря. Но отдѣлка ихъ не закончена; еще замѣтнѣе это въ статуѣ День и въ изображеніи Мадонны. Кажется, Микель Анджело скучалъ продолжать работу; когда изваяніе становилось выражающимъ его идею, онъ покидалъ его безъ дальнѣйшей отдѣлки, переходя къ другой работѣ.

По наденіи свободы Флоренціи онъ (въ 1534 году) переселился въ Римъ и въ первое время трудился тамъ надъ работой, исполнить которую обѣщался очень давно. Это былъ памятникъ Юлія II, заказанный еще имъ самимъ. Павелъ III, пріѣхавъ въ мастерскую Микель Анджело, чтобы убѣдить его приняться за свой заказъ, увидѣлъ его работающимъ надъ окончаніемъ статуи Моисея для этого памятника. Одинъ изъ кардиналовъ, сопровождавшихъ Павла, сказалъ: „Одна эта статуя достаточна, чтобы быть достойнымъ памятникомъ Юлію“. — Громадный памятникъ, изваянный Микель Анджело, составляетъ лишь необходимую часть первоначальнаго проекта. Онъ находится въ церкви Петра въ Узахъ (San Pietro in vincoli) Моисей изображенъ въ ту минуту, когда видитъ у ногъ своихъ мятежъ народа и готовится разсѣять мятежную толпу словомъ своимъ, какъ вихрь разноситъ кучу сухихъ листьевъ; глаза вождя гнѣвно устремлены на народъ. Колоссальная фигура Моисея олицетвореніе гигантской силы. Это еврейскій Геркулесъ. Для памятника Юлія были изваяны и тѣ два юноши въ оковахъ, которые находятся теперь въ Луврѣ; они олицетворяютъ собою напряженіе

всѣхъ силъ человѣка для того, чтобы разорвать оковы. Мраморная статуя, находящаяся въ римской церкви *Maria sopra Minerva*, изображаетъ Христа какъ спасителя міра, несущаго крестъ свой; лицо Христа кротко. Совершенно иной характеръ имѣетъ изображеніе Христа въ картинѣ Страшнаго суда на стѣнѣ алтаря Сикстинской капеллы; это гнѣвный богъ мщенія съ ужасающимъ взглядомъ; по правую сторону его поднимаются отъ земли на небо блаженные; чѣмъ выше возносятся они, тѣмъ легче ихъ полетъ; Христосъ смотритъ не на нихъ, а влѣво, гдѣ падаютъ въ преисподнюю осужденные; онъ поражаетъ ихъ взоромъ своимъ; чѣмъ ниже, тѣмъ быстрее падаютъ они и самые нижніе летятъ внизъ головой. Теперь краски этого альфреско вывѣтрились и картина обратилась въ разрозненные куски изображенія. Страшный судъ—самая громадная изъ картинъ Микель Анджело. Онъ работалъ надъ ней восемь лѣтъ; она кончена въ 1541 году.

Микель Анджело съ неутомимой силой продолжалъ трудиться до конца жизни въ глубокой старости. Онъ былъ художникомъ при дворѣ восьми папъ; для послѣднихъ изъ нихъ онъ былъ уже человѣкъ иного поколѣнія, непонятный, но уважаемый. Тотъ Римъ, въ которомъ провелъ онъ конецъ жизни, былъ не похожъ на столицу Льва X, думавшаго не объ интересахъ церкви, а только о блескѣ двора и наслажденіи. Фанатическая реакція, еще при жизни Микель Анджело, прикрыла доскутами одежды нагія фигуры Страшнаго суда. Живописецъ, которому поручено было сдѣлать это, Даніэле Вольтера, человѣкъ почтенный, сдѣлался предметомъ насмѣшекъ; онъ былъ другъ Микель Анджело и рѣшился испортить нѣкоторыя фигуры его картины только потому, что это было единственное средство спасти ее отъ уничтоженія: фанатики хотѣли соскоблить ее всю. Другими подражателями Микель Анджело были Вазари, Гульельмо делла Порта, Марчелло Венусти и многіе молодые живописцы менѣе знаменитые. Въ старости Микель Анджело, пользуясь подобно Гёте или Гумбольду высокимъ уваженіемъ государей, оказывалъ покровительство молодымъ талантливымъ людямъ. Послѣдними его картинами были два альфреско въ Павловской капеллѣ Ватикана, написанныя при Павлѣ III. Обращеніе Павла и распятіе Петра. Обѣ онѣ теперь сильно попорчены временемъ.

d) АРХИТЕКТУРА. МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО. БРАМАНТЕ. ПОСТРОЕНІЕ ХРАМА ПЕТРА.

Во время жизни Микель Анджело достигла, подобно живописи, высочайшаго совершенства и архитектура. Онъ былъ и въ ней геніальнымъ художникомъ. Только Браманте превосходилъ его въ ней, какъ въ живописи только Рафаэль. Духъ возрожденія создалъ, какъ мы говорили, новыя формы и въ архитектурѣ (IX, 253). Преобразование ея началось во Флоренціи построеніемъ дворцовъ, нижніе этажи которыхъ, сложенные изъ большихъ камней, подобны своей массивностью древнимъ римскимъ сооруженіямъ, а верхніе имѣютъ граціозный и легкій стиль. Нѣсколько художниковъ, принадлежавшихъ къ одному семейству Роббіа, придали новому стилю во Флоренціи богатую и благородную орнаментацию мраморными и металлическими украшеніями. Въ XV столѣтіи преобразование распространилось по всей Италіи. Фра Джокондо построилъ въ этомъ стилѣ веронскій Дворецъ совѣта, Джуліано Маяно Венеціанскій дворецъ въ Римѣ, потомъ нѣкоторыя зданія въ Неаполѣ, гдѣ при анжуйской династіи господствовала готическая архитектура, а арагонскіе короли стали покровительствовать стилю возрожденія. Первыми постройками новой архитектуры были тамъ Триумфальная арка Альфонса въ Кастель-Нуово и Капуанскія ворота. Оба эти зданія возведены Джуліано. Переходъ отъ стиля первой эпохи возрожденія къ полному развитію новой архитектуры

Браманте. былъ сдѣланъ Донато Лаццари Браманте, родившимся, какъ и Рафаэль, въ Урбино. Первые его сооруженія, сдѣланныя въ Миланѣ по порученію Людовика Мора, пригласившаго его туда, еще сохраняютъ стиль первой эпохи. Одна изъ граціознѣйшихъ между ними—алтарь и прилежащая къ алтарю центральная часть церкви *Maria delle Grazie*. По переселеніи въ Римъ, изучая памятники древняго зодчества, Браманте создалъ новый стиль, въ которомъ больше изящества, но съ тѣмъ вмѣстѣ и холоднаго разсчета, чѣмъ въ прежнемъ. Онъ упростилъ распределение частей зданія, пилястры, карнизы, окна, фронтоны, словомъ всѣ украшенія, чтобъ усилить общее живописное впечатлѣніе всей массы зданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются до громадности размѣры домовъ, начинается постройка колоссальныхъ храмовъ и другихъ общественныхъ сооружений. Блестящимъ временемъ этого зодчества въ Римѣ была эпоха Юлія II и Льва X. Архитектура освободилась отъ тяжелаго средневѣковаго типа дворцовъ подобныхъ укрѣпленныхъ замкамъ, пріобрѣла изящество соединенное съ благородной простотой. Памятниками этого стиля остаются дворъ монастыря *Maria della pace*, палаццо Жиро (*Giraud*), называющійся нынѣ *Palazzo Torlonia*, церковь св. Лаврентія и въ особенности Канцеллерія, дворъ которой образуетъ колоннаду, не имѣющую равной себѣ по великолѣпію. Всѣ эти зданія построены Браманте, которымъ возведены и нѣкоторыя изъ прекраснѣйшихъ частей ватиканскаго дворца, въ томъ числѣ знаменитый Бельведерскій дворъ, *Cortile di Belvedere*, образуемый аркадами и украшенный фонтанами, барельефами, превосходными статуями. Постройка и украшеніе его по плану Браманте длились болѣе цѣлаго столѣтія. На важнѣйшее сооруженіе новой архитектуры—Храмъ Петра, построенный на мѣстѣ прежней базилики. Браманте въ 1506 году заложилъ фундаментъ этого колоссальнаго зданія и потомъ возвелъ тѣ четыре главныя колонны, на которыхъ въ послѣдствіи Микель Анджело воздвигъ куполь. Передняя часть прежней базилики была тогда еще оставлена и въ ней продолжалось богослуженіе. По смерти Браманте завѣдываніе постройкой было поручено Рафаэлю. (Изъ возведенныхъ имъ въ Римѣ другихъ зданій сохранился фасадъ палаццо Видоніи; во Флоренціи уцѣлѣлъ построенный по его плану небольшой дворецъ Пандольффи, называющійся теперь палаццо Ненчини). Онъ измѣнилъ планъ храма Петра: Браманте хотѣлъ построить это зданіе по формѣ греческаго равноконечнаго креста; Рафаэль удлиннилъ передній конецъ, такъ что образовалась форма латинскаго креста. По смерти Рафаэля главнымъ строителемъ храма былъ назначенъ Бальдассоре Перуцци, выказавшій свое дарованіе прекрасными зданіями въ Сіенѣ и въ самомъ Римѣ (гдѣ онъ построилъ Фарнезину и *Palazzo Massimi alle Colonne*). Онъ и его преемникъ Санъ-Галло. Антоніо Санъ-Галло тоже измѣнили планъ. При смерти Санъ-Галло зданіе † 1546. было возведено до уровня вершины арокъ, соединяющихъ четыре колоссальныя колонны Браманте. Павелъ III назначилъ главнымъ архитекторомъ Микель Анджело, имѣвшаго тогда 71 годъ; слѣдующіе папы оставляли его въ этой должности. Онъ, уже давно построившій по образцу купола Пантеона знаменитый куполь флорентійскаго храма Петра, остающійся до сихъ поръ колоссальнѣйшимъ на свѣтѣ. Микель Анджело возвратился къ плану Браманте, при которомъ величіе купола выказывалось бы еще поразительнѣй, если бы въ слѣдующемъ столѣтіи не былъ возведенъ фасадъ, ослабляющій это впечатлѣніе. Колоннады, идущія полукругомъ впередъ отъ храма не принадлежали къ плану Микель Анджело; не принадлежалъ и обелискъ, стоящій теперь въ серединѣ этого полукруга. Но Капитолій въ нынѣшнемъ своемъ видѣ—созданіе Микель Анджело. Онъ въ 1536—1538 годахъ построилъ двойную лѣстницу, ведущую на холмъ и двойную лѣстницу сенаторскаго дворца и поставилъ конную статую Марка Аврелія.

Послѣдними архитектурными произведеніями Микель Анджело были главный карнизъ Палаццо Фарнезе (построеннаго Санъ-Галло) и великолѣпный дворъ этого палаццо, образуемый тремя колоннадами, возведенными одна на другой по образцу театра Марцелла.

2. Другіе художники.

Одновременно съ Ліонардо Винчи, Микель Анджело и Рафаэлемъ жили другіе великіе художники, между которыми были три или четыре почти равные геніальностью имъ. Изъ великихъ живописцевъ назовемъ прежде всего Фра Бартоломмео, Андреа дель Сарто и Содому. У Фра Бартоломмео особенно хороши запрестольные образа и другія картины для алтарей. Дель Сарто одинъ изъ величайшихъ колористовъ той эпохи. Содома, возстановитель славы сіѣнской школы, придавалъ своимъ картинамъ возвышенную граціозность. Эти художники дѣйствовали каждый отдѣльно отъ другихъ; но были великіе живописцы и между учениками трехъ знаменитѣйшихъ. Достойными сотрудниками Ліонардо Винчи были Лунни и Феррари. Рафаэль не имѣлъ достойныхъ преемниковъ, и даровитѣйшій изъ его сотрудниковъ, Джуліо Романо, вдался по его смерти въ такъ называемый маньеризмъ. Среднее положеніе между римской школой, главою которой былъ Рафаэль, и венеціанской школой занимаетъ феррарская, главные представители которой Гарофало и Доссо Досси. Изъ послѣдователей Микель Анджело создали нѣсколько произведеній достойныхъ своего учителя, Даніэле да Вольтерра и Себастіано дель Піомбо.

Высочайшаго совершенства въ искусствѣ освѣщенія изображаемыхъ фигуръ достигъ Корреджіо. Оно у него очаровательно. Фра Бартоломмео и Ліонардо Винчи уже умѣли превосходно придавать освѣщенію всѣ переходы тоновъ отъ яркости до густой тѣни; но только Корреджіо вполне овладѣлъ мастерствомъ полутѣни и вмѣстѣ искусствомъ изображать залитыя свѣтомъ формы. Въ этомъ отношеніи онъ ближе всѣхъ къ живописи нашего вѣка, и она развилась подъ его вліяніемъ. Школа Караччи изучила его произведенія внимательнѣе всѣхъ другихъ созданій великихъ живописцевъ. Такъ называемый стиль рококо употреблялъ для украшенія зданій живопись, бравшую свои образцы у Корреджіо. Характеръ картинъ Корреджіо—полнота жизни, проявляющаяся наивной красотой. Кругъ его идей узокъ сравнительно съ Ліонардо Винчи, Рафаэлемъ, Микель Анджело.

Корреджіо имѣлъ нѣкоторое вліяніе на развитіе венеціанской школы, техническое достоинство которой состоитъ главнымъ образомъ въ

Корреджіо.

Венеціанская
школа.

колоритѣ, дающемъ прелесть ея картинамъ при сравнительной бѣдности ихъ идеями. Венеція была роскошной столицей всемірной торговли. Венеціанскіе богачи хотѣли имѣть изящныя и великолѣпныя жилища; они знали всѣ архитектурныя стили, и такимъ образомъ возникъ рядъ дворцовъ по широкому Canal Grande: тутъ мы видимъ зданія въ византійскомъ вкусѣ, въ готическомъ, ломбардскомъ, въ стилѣ эпохи возрожденія; почти всѣ они имѣютъ великолѣпныя очертанія оконъ и аркадъ. На площади Св. Марка возведены такія же роскошныя зданія, въ томъ числѣ удивительно великолѣпная бібліотека, построенная Сансовино въ стилѣ эпохи возрожденія. Дворцы Генуи, соперницы Венеціи, возведенныя Алесси, принадлежатъ нѣсколько болѣе позднему видоизмѣненію этого стиля, возникшему около половины XVII вѣка и не имѣютъ такого богатства формъ и орнаментовъ какъ венеціанскіе. Палладіо украсилъ Виченцу дворцами, Венецію церквами своего стиля древней величественной простоты. Имъ возведены въ Венеціи храмы Giorgio Maggiore и Redentore. Венеціанцы хотѣли имѣть въ своихъ церквахъ великолѣпныя отдѣльныя скамьи или кресла; эта церковная мебель замѣчательна превосходной рѣзбой. Заказы памятниковъ дали высокое развитіе венеціанской скульптурѣ. Венеціанскіе богачи хотѣли быть изображаемыми на портретахъ, художественное достоинство которыхъ возбуждало бѣ удивленіе. Потому одинъ изъ важнѣйшихъ классовъ произведеній венеціанской живописи составляютъ портреты; много ихъ писалъ даже самъ Тиціанъ. У всѣхъ хорошихъ венеціанскихъ живописцевъ очень много общаго, такъ что они образуютъ одну школу. Главными представителями ея были Джованни Беллини, Джирджоне, Пальма Старшій и Пальма Младшій, Тинторетто, Паоло Веронезе и знаменитѣйшій изъ всѣхъ, Тиціанъ. Лучшія произведенія ихъ имѣютъ довольно тѣсный кругъ содержанія. Главное достоинство ихъ блестящее изображеніе жизни тогдашней Венеціи, въ которой по выраженію Аретино «каждый день былъ праздникъ, никто не думалъ о смерти и куда слѣдовало бы перенести изъ Греціи царство Венеры и Амура». Благодаря своему натурализму и колориту, венеціанская школа сохраняла высокое художественное достоинство и во второй половинѣ XVI вѣка, когда всѣ другія итальянскія школы склонялись къ глубокому упадку. Въ это время были исполнены картины дворца дожей, надъ украшеніемъ котораго работали всѣ лучшіе живописцы того поколѣнія. Паоло Веронезе пріобрѣлъ безсмертіе изображеніемъ великолѣпныхъ процессій (какъ напримѣръ на картинѣ Поклоненіе волхвовъ) и роскошныхъ пировъ (какъ напримѣръ на картинахъ Христосъ въ домѣ Левія, Грѣшница въ домѣ Симона). Однимъ изъ любимыхъ предметовъ картинъ венеціанской школы былъ бракъ въ Канѣ Галилейской; его изображали Веронезе, Тинторетто и многіе другіе художники. Главныя фігуры у нихъ тутъ не Христосъ, Марія

и другія библейскія лица, а великолѣпно одѣтые гости и слуги (въ числѣ которыхъ находятся негры), фигуры собакъ, роскошное убранство комнатъ, богато сервированный столъ. Священная поэма и въ этихъ картинахъ лишь предлогъ для изображенія богатства Венеціи, какъ въ историческихъ и аллегорическихъ картинахъ дворца дожей.

а) ЛОМБАРДСКАЯ, ФЛОРЕНТІЙСКАЯ, СІЕНСКАЯ ШКОЛЫ.

Подъ вліяніемъ Ліонардо Винчи развилась миланская школа; многіе художники ея были личными его учениками. Самый лучший изъ нихъ Бенардино Луини. Туристъ, ѣдущій въ Италію черезъ Сень-Готаръ, знакомится съ итальянской живописью по фрескамъ Луини въ храмѣ Богоматери въ Лугано. Изъ нихъ особенно хорошо изображеніе Мадонны. Произведенія Луини имѣютъ такое близкое сходство съ произведеніями Ліонардо Винчи, что о нѣкоторыхъ картинахъ были споры, кому изъ нихъ принадлежатъ онѣ. Такъ спорили объ усѣкновеніи главы Іоанна Предтечи (находящемся въ Palazzo d'Uffizi) и о Христѣ, отвѣчающемъ на вопросы книжниковъ (находящемся въ лондонской Національной галлерей). Изъ тѣхъ миланскихъ художниковъ, которые не были непосредственными учениками Ліонардо Винчи и усвоили себѣ кромѣ его стиля нѣкоторые элементы другихъ школъ, назовемъ Гауденціо Феррари, который впоследствии былъ сотрудникомъ Перуджино и Рафаэля и умѣлъ подражать имъ.

Луини
† 1529.

Феррари
1484—1549.

Ліонардо Винчи имѣлъ сильное вліяніе на флорентійскую школу; оно очевидно у одного изъ величайшихъ живописцевъ ея, Баччо делла Порта, знаменитаго подъ своимъ монашескимъ именемъ Фра Бартоломмео. Его композиція величественна, группировка та, которая называется архитектурной (то есть группы стоятъ не всѣ на одномъ уровнѣ, центральная поставлена выше боковыхъ или наоборотъ). Фигуры спокойны. Онъ пренебрегалъ мелочной отдѣлкой подробностей, обращалъ главное свое вниманіе на успокоительное дѣйствіе цѣлаго, на хорошую группировку, на эффектное распредѣленіе свѣта и тѣни по частямъ картины. Его произведеній очень много во флорентійскихъ церквяхъ и галлерейхъ. Страшный судъ его въ церкви Santa Maria Nuova, написанный въ 1499, послужилъ образцомъ для альфреско Рафаэля въ перуджійской церкви св. Севера и для верхней группы въ Диспутѣ.

Фра Бартолом-
мео
1475—1517.

Флорентійскій живописецъ Андреа Ванукка дель Сарто имѣлъ такое же направленіе; онъ многому научился у Фра Бартоломмео, но не сравнился съ нимъ. Группировка у дель Сарто тоже архитектурная, но менѣе искусна; лица у него имѣютъ возвышенное выраженіе. Его Святое семейство напоминаетъ своей наивною реализмъ старой флорентійской школы. Въ историческихъ картинахъ онъ умѣетъ прекрасно изображать простыя, житейскія чувства; такова напримѣръ картина изъ исторіи Филиппо Бенитци подъ портикомъ флорентійской церкви Благовѣщенія. Его Тайная вечеря въ столовой флорентійскаго монастыря Санъ-Сальви, единственная сколько нибудь близкая по достоинству къ картинѣ Ліонардо Винчи. Она написана въ 1527 году, за девять лѣтъ передъ тѣмъ Францискъ I пригласилъ его во Францію; онъ написалъ тамъ много картинъ. Но жена убѣдила его возвратиться въ Италію, гдѣ жизнь его пошла неудачно. Много картинъ написалъ во Франціи другой живописецъ Россо Росси, тоже приглашенный туда Францискомъ. Онъ писалъ въ стилѣ дель Сарто, но портитъ его.

Андреа дель
Сарто
1487—1531.

Росси
1496—1549.

- Содома Джанъ-Антоніо Бацци Содома былъ самостоятельный художникъ. Уро-
1472—1549. женецъ ломбардскаго города Верчелли, онъ поселился въ Сіѣнѣ, и упавшая
сіѣнская школа надолго улучшилась подъ его вліяніемъ. Онъ былъ подра-
жателемъ Ліонардо Винчи и съ тѣмъ вмѣстѣ Рафаэля. На его большихъ
картинахъ группировка фигуръ слишкомъ тѣсна (этимъ страдаетъ напри-
мѣръ Поклоненіе волхвовъ въ сіѣнской церкви св. Августина); но сами
фигуры превосходны, особенно въ изображеніи жизни св. Екатерины
Сіѣнской (въ церкви св. Доминика). Изъ учениковъ его замѣчательны
Доменико Бекафуми Меккерино, подражавшій сначала Перуджино, потомъ
ему и наконецъ испорченному стилю римской школы. Верона также имѣла
Каротто
1470—1546. знаменитаго живописца Джанъ-Франческо Каротто, ученика Мантеньи.

в) К О Р Р Е Д Ж І О.

- Корреджіо Наши свѣдѣнія о жизни Антоніо Аллегри, родившагося въ мѣстечкѣ
1494—1534. Корреджіо (Корредджо, между Моденой и Редджо), потому называемаго,
обыкновенно, Корреджіо, чрезвычайно скудны. Онъ жилъ въ дали отъ
центровъ искусства, имѣлъ очень мало сношеній съ другими художниками.
Вазари, не знавшій о немъ ничего достовѣрнаго, пополнилъ этотъ недо-
статокъ сказками о его бѣдности и алчности, о томъ, что онъ несъ на
спинѣ домой плату, составлявшую 60 скудп, выданную ему мѣдной моне-
той, и умеръ, надорвавъ свои силы подъ этой тяжестью. У него не было
знатныхъ покровителей; онъ получалъ заказы только отъ пармскихъ мо-
наховъ и монахинь. Талантъ его былъ совершенно самостоятеленъ; онъ
далъ искусству новое направленіе. Грустно было впослѣдствіи думать о
томъ, что великій художникъ оставался незамѣченнымъ при жизни; этимъ
объясняются рассказы, составленные о немъ молвой; она изобрѣла и гор-
дое восклицаніе его при видѣ святой Цециліи Рафаэля: „И я живописецъ!“
Судя по его произведеніямъ, жизнь его не была печальной нищетой: въ
нихъ владычествуетъ свѣтлое настроеніе благородной и наивной души,
игра всѣхъ радостныхъ чувствъ отъ тихаго счастья до восторговъ страсти.
Изъ прежнихъ великихъ художниковъ наибольшее вліяніе на стиль
Корреджіо имѣли Ліонардо Винчи и Мантеньи. Ліонардо Винчи ужь пре-
красно владѣлъ искусствомъ распредѣленія свѣта и тѣни. Корреджіо
довелъ его до дивнаго мастерства пользоваться полутѣнью. Отъ Мантеньи, у
котораго вѣроятно учился, онъ наслѣдовалъ любовь изображать фигуры въ
раккурси. Онъ превосходно примѣнилъ эту манеру рисунка въ картинахъ
куполовъ церкви Іоанна Предтечи и соборнаго храма въ Пармѣ, представ-
ляющихъ съ тѣмъ вмѣстѣ первые примѣры изображеній въ такой пер-
спективѣ, какая нужна для картины, на которую зритель смотритъ прямо
вверхъ. Съ дивнымъ мастерствомъ изображены тамъ Христосъ, возносящійся
на небо, и царствующая на небѣ во славу своей Богоматерь; хоры ангеловъ
несутся по небесному пространству совершенно легко. Эти картины наивныя
изображенія земной красоты, перенесенной на небо. Корреджіо совершенно
отрѣшился отъ преданій католическаго искусства. Онъ изображаетъ все съ
чисто человѣческой точки зрѣнія. Даже въ изображеніяхъ Магдалины онъ
свободенъ отъ церковнаго преданія. Она у него не знаетъ раскаянія,
потому что она не грѣшница; она только красавица съ нѣжной душой.
Онъ написалъ нѣсколько изображеній Магдалины; одно изъ нихъ, нахо-
дящееся на картинѣ въ пармской церкви св. Іеронима, принадлежитъ къ
превосходнѣйшимъ созданіямъ живописи XVI вѣка. Корреджіо любилъ и
нѣкоторыя міеологическія сцены. Первая его картина изображала охота-
щуюся Діану. Джованна, аббатиса пармскаго женскаго монастыря св.

Павла, увидѣвъ эту картину, пригласила его въ Парму; онъ жилъ тамъ съ 1518 года до 1530. Последнія извѣстныя намъ картины его тоже мнѳологическія. Это сцены любви Юпитера къ Іо, Ледѣ, Данаѣ. Подражатели Корреджіо впади въ аффектацію, въ маньеризмъ. Но одинъ изъ нихъ Франческо Маццола Пармеджанино былъ даровитый художникъ, чьи портреты имѣютъ очень высокое достоинство. Невозможность съ успѣхомъ подражать Корреджіо заставила его учениковъ перейти къ стилю римской школы.

с) СОТРУДНИКИ И ПОДРАЖАТЕЛИ РАФАЭЛЯ И МИКЕЛЬ АНДЖЕЛО.

Основателемъ римской школы должно считать не Рафаэля, чье вліяніе Джуліо Романо распространяется на всѣ школы, а Джуліо Пиппи Романо, даровитѣйшаго изъ учениковъ Рафаэля. Когда Рафаэль поручалъ своимъ сотрудникамъ исполнять части картинъ своей композиціи, онъ довѣрялъ Джуліо Романо труднѣйшія изъ этихъ работъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что Битва Константина была писана Джуліо Романо. Но при большомъ талантѣ у него не было граціозности и цѣломудрія творчества Рафаэля, и по смерти своего учителя онъ поддался склонности къ изображенію чувственной любви. Религіозная живопись была не въ его характерѣ. Онъ утѣривалъ виртуозность въ изображеніи контуровъ, которой щеголялъ Микель Анджело; она превратилась у него въ погоню за эффектами, съ пренебреженіемъ къ вѣрности природѣ. Изъ его стиля развилась живопись, похожая на декорации и перешедшая въ маньеризмъ. Онъ былъ знаменитъ и какъ архитекторъ; въ зодчествѣ онъ держался стиля Браманте. Имъ построена въ Римѣ Villa Madama; приглашенный по смерти Рафаэля въ Мантую, онъ построилъ тамъ знаменитый Palazzo del Te.—Онъ написалъ альфреско залы гигантовъ въ этомъ дворцѣ и троянской залы во дворцѣ герцоговъ мантуанскихъ.

Нѣкоторое сходство съ картинами Джуліо Романо имѣютъ произведенія Піэрино Буонаккорси Ваги, но гораздо слабѣ ихъ. Вага былъ тоже ученикъ Рафаэля. Вѣрнѣе всѣхъ духу учителя оставался Андреа Саббатини Салерно. Ему принадлежатъ лучшія картины той эпохи въ Неаполѣ. Изъ нихъ назовемъ тѣ, которыми украшены дворъ Genaro de' Poveri. Феррарская школа, подчинившись вліянію Рафаэля, сохранила нѣкоторую самостоятельность; ея художники имѣли склонность къ фантастическому; изъ нихъ назовемъ Бенвенуто Тизіо Гарофало и Доссо Досси, блескомъ колорита напоминающихъ венеціанскую школу, къ которой первоначально принадлежалъ и Джованни Нанни Рикаматори Удине, помогавшій Рафаэлю въ декоративныхъ аксессуарахъ ватиканскихъ лоджъ. Онъ знаменитъ изображеніями животныхъ и растений и достигъ удивительнаго совершенства въ декоративной живописи.

Микель Анджело имѣлъ очень много послѣдователей; изъ нихъ ближе всѣхъ къ нему Даніэле Риччарелли да Вольтерра, картина котораго Снятие со Христа (въ римской церкви Trinità de' Monti) была бы достойна считаться произведеніемъ его учителя. Другимъ подражателемъ Микель Анджело былъ венеціанскій художникъ Фра Себастьяно дель Піомбо, бывший ученикомъ Джорджоне. Его Воскрешеніе Лазаря (въ лондонской Национальной галлерѣ) и Бичеваніе Христа (въ римской церкви Pietro in Montorio) написаны безъ сомнѣнія при участіи самого Микель Анджело. Изъ флорентійскихъ послѣдователей Микель Анджело назовемъ Анджело Аллори Бронцино и его племянника, Алессандро Аллори. Анджело Бронцино былъ портретистомъ династіи Медичи. Его нагія фигуры тоже возбуждали скан-

Вага
1499—1547.

Салерно
1480—1545,
Гарофало
1481—1559.

Доссо-Досси
1474—1558.
Джованни
Удине
1487—1564.

Вольтерра
1509—1566.

Дель Піомбо
1485—1547.

Анджело Брон-
цино.
1502—1607.

Алессандро Аллори 1565—1607. далъ, какъ фигуры грѣшниковъ въ Страшномъ судѣ Микель Анджело. Его Преддверіе ада (находящееся теперь въ Palazzo de' Uffici) было даже под-вергнуто проклятію папой. Тайная вечеря Алессандро Аллори (находящаяся во Флорентійской академіи) составляетъ переходъ къ той живописи, которая называется жанровой.

d) СКУЛЬПТУРА И АРХИТЕКТУРА.

Вліяніе Микель Анджело въ живописи повело ее къ упадку и было не-продолжительно; но надъ скульптурой онъ владычествовалъ довольно долго. Ученикъ его Джованни Анджело Подджибонцо Монторсоли, приглашенный Андреемъ Доріей въ Геную, построилъ тамъ дворецъ для этого вельможи и сдѣлалъ очень много статуй въ стилѣ Микель Анджело для церкви св. Матѳея. Баччо Бандинелли, соперникъ Микель Анджело и Бенвенуто Челлини, сдѣлалъ въ стилѣ Микель Анджело статую Геркулеса, постав-ленную на площади передъ флорентійскимъ дворцомъ синьоріи; это произ-веденіе неудачно; но апостолы и пророки Бандинелли подъ куполомъ фло-рентійскаго собора хороши. Неудачна статуя Нептуна, сдѣланная Барто-ломмео Амманати для фонтана на площади дворца синьоріи. Но, какъ архитекторъ, Амманати былъ хорошъ; онъ построилъ между прочимъ прекрасный мостъ черезъ Арно во Флоренціи. Превосходны статуи жившаго во Флоренціи фламандца Жана Булонскаго, называющагося по итальянски Джованни да Джованни да Болонья. Онъ умѣлъ превосходно соединять въ одной группѣ фигуры, представляющія контрастъ одна другой; у Микель Анджело это обыкновенно выходитъ ненатурально, у него не вредитъ красотѣ. Знаме-нитѣйшія его произведенія: статуи фонтана Нептуна въ Болоньѣ, конная статуя великаго герцога Козимо I (во Флоренціи на площади передъ двор-цомъ синьоріи), Геркулесъ, убивающій Несса, и похищеніе сабинянокъ (во флорентійской Loggia dei Lanzi).

Тамъ же находится превосходная бронзовая статуя Персея, единственное произведеніе скульптуры того времени, независимое отъ вліянія Микель Анджело, напоминающее натурализмъ Донателло. Ее сдѣлалъ Бенвенуто Челлини, подробно рассказывающій о непріятностяхъ и затрудненіяхъ, какія долженъ былъ преодолѣть при этой своей работѣ. Онъ ставилъ себя не-сравненно выше Бандинелли, Амманати, и былъ въ этомъ правъ. Онъ строго держится природы, и общее впечатлѣніе, производимое Персеемъ, имѣетъ благородный характеръ. По своей профессіи Челлини былъ рѣзчикъ, зани-мавшійся также чеканной работой. Его золотыя и серебряныя вазы, кубки и другія вещи для украшенія комнатъ и столовъ славятся до сихъ поръ. Онъ также дѣлалъ превосходныя медали, штемпели для чеканки монеты, эфесы для шпагъ, панцыри съ рѣзбой. Въ случаѣ надобности онъ былъ хорошимъ архитекторомъ. Изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ не занимался онъ только живописью. Впрочемъ, сидя въ тюрьмѣ, нарисовалъ на стѣнѣ изображение Бога-Отца и въ минуты тоски молился, становясь передъ этимъ альфреско. Ему не разъ приходилось сидѣть въ тюрьмѣ за разные преступленія, какъ онъ самъ рассказываетъ въ своей автобіографіи, ко-торая дала ему не меньше славы, чѣмъ его художественныя произведенія.

Изъ другихъ скульпторовъ и архитекторовъ того времени были знаме-ниты: Джованни Франческо Рустичи, ученикъ Вероккіо, сдѣлавшій группу, изображающую проповѣдь Іоанна крестителя народу (она стоитъ надъ сѣверными вратами флорентійской Баптистеріи), Андреа Контуچی да Монте Сансовино, сдѣлавшій группу, изображающую Крещеніе Христа (стоявшую надъ восточными вратами той же Баптистеріи) и много статуй

Рустичи 1474—1554.
Андреа Сан-совино. 1460—1529.

въ Римѣ; изъ нихъ знамениты Св. Анна (въ храмѣ Св. Августина) и два памятника, находящіеся въ храмѣ Maria del Popolo: они принадлежатъ къ числу лучшихъ въ Римѣ; флорентійскій художникъ Никколо Периколі Триболо, изваявшій граціозныя врата фасада церкви Св. Петронія въ Болоньѣ, а въ Римѣ (по рисунку Бальдассаре Перуцци) памятникъ Адріана VI, находящійся въ церкви Maria dell'anima. Триболо 1485—1550.

Прекрасныя произведенія скульптуры находятся также въ сѣверной Италіи, особенно въ Падуѣ и Венеціи. Уроженецъ Феррары Альфонсо Читтаделла Ломбардо сдѣлалъ много прекрасныхъ изваяній для церквей Болоньи. Еще выше его флорентійскій художникъ Якопо Татти Сансовино переселившійся въ Венецію, украсившій бронзовыми вратами, статуями и другими изваяніями соборъ Св. Марка и другія венеціанскія церкви. Изъ этихъ его произведеній назовемъ памятникъ дожа Венеціа въ храмѣ Спасителя. Еще болѣе знаменитъ онъ какъ архитекторъ. Онъ строилъ въ Венеціи очень много зданій. Библіотека на Піацеттѣ, сооруженная имъ—одно изъ прекраснѣйшихъ зданій въ цѣлой Италіи. По образцу ея построилъ Вияченціо Скамоцци новыя дворцы прокуратуры на площади св. Марка. Въ Падуѣ Андреа Риччо Бріоско сдѣлалъ изваянія въ храмѣ св. Антонія и построилъ церковь св. Іустины (Santa Giustina), на которой поставилъ восточные куполы, какіе прежде строились на венеціанскихъ церквахъ. Знаменитъ былъ моденскій скульпторъ Антоніо Бегарелли. Большой славой пользовался Микеле Санмикели, построившій въ Веронѣ нѣсколько дворцовъ и Палаццо Гримани въ Венеціи; еще знаменитѣе былъ онъ какъ строитель крѣпостей. Его дворцы имѣютъ нѣкоторую суровость формъ. Ломбардо. † 1537. Якопо Сансовино. 1477—1570. Скамоцци 1552—1616. Риччо 1480—1532. Бегарелли 1498—1555. Санмикели 1484—1559.

Около середины XVI вѣка жили великіе архитекторы, составлявшіе планы своихъ зданій не исключительно по вдохновенію, а также и по теоретическому расчету; стиль ихъ нѣсколько холоденъ, но оригиналенъ и величественъ; они еще болѣе прежнихъ художниковъ удовлетворяли желанію государей или вельможъ строить обширныя дворцы. Однимъ изъ этихъ теоретиковъ былъ Джорджо Вазари, строитель флорентійскаго Palazzo de'Uffici, другимъ—Джакомо Бароцци да Виньола, строже Микель Анджело державшійся античнаго стиля, написавшій въ этомъ духѣ трактатъ объ орденахъ колоннъ, построившій много дворцовъ въ разныхъ городахъ Италіи, и особенно много въ Римѣ. Изъ римскихъ зданій, возведенныхъ имъ, знамениты Caracalla, Vigna di papa Giulio, Gesù; ему же принадлежатъ постройки въ саду Фарнезе. Porta del popolo построена имъ по рисунку Микель Анджело. Помощникомъ Микель Анджело при постройкѣ Палаццо Фарнезе былъ Гульельмо делла Пурта, изваявшій памятникъ Павла III (въ храмѣ Петра). Братъ его Джакомо былъ тоже знаменитымъ архитекторомъ и скульптуромъ. Джорджо Вазари 1512—1579. Виньола 1507—1573. Гульельмо делла Пурта † 1577.

Во второй половинѣ XVI вѣка выработался тотъ стиль дворцовъ, который называется генуэзскимъ. Одинъ изъ художниковъ, установившихъ его владычество въ Генуѣ, былъ Монторсоли, строитель Palazzo Dogia. Дворецъ дожей (Palazzo Ducale) построилъ Пенноне. Подобно Монторсоли уроженцами Ломбардіи были Лураго, построившій Palazzo Dogia Tursi, и Біанко, строитель генуэзскаго университета. Полное развитіе генуэзскому стилю далъ Гелеаццо Алесси, уроженецъ Перуджіи. Онъ ввелъ то живописное распределеніе внутренняго пространства дворцовъ, которымъ характеризуется генуэзская архитектура, какъ венеціанская фасадами. Онъ построилъ на крутой горѣ надъ Генуей храмъ Maria da Carignano, въ контурахъ котораго владычествуетъ исключительно эстетическое чувство, такъ что нѣтъ ничего напоминающаго о религіозномъ характерѣ зданія. Алесси 1500—1572.

Вліятельнѣйшимъ послѣ Микель Анджело архитекторомъ былъ Андреа Палладіо, стиль котораго долго владычествовалъ во всей западной Европѣ. Палладіо 1518—1580.

Онъ глубоко изучилъ памятники классической архитектуры. Подобно Микель Анджело, Палладіо пренебрегаетъ мелкими украшеніями, совершенно подчиняетъ всѣ части зданія общей идеѣ, такъ что впечатлѣніе производится исключительно эффектомъ цѣлаго. Но Микель Анджело поддавался иногда капризнымъ увлеченіямъ фантазіи; у Палладіо этой слабости нѣтъ. Онъ неуклонно проводитъ чрезъ всѣ подробности плана общую идею зданія. Онъ послѣдній и величайшій изъ тѣхъ архитекторовъ, которые прославились стилемъ, основаннымъ на строгихъ законахъ пропорцій; красота этой пропорціональности частей придаетъ величіе его зданіямъ. Церкви, построенныя имъ въ Венеціи, напоминаютъ своими фасадами храмы древней Греціи. Такова Большая церковь Георгія, San Giorgio Maggiore (построенная въ 1560 году) и построенный въ 1576 году храмъ Спасителя (Redentore); это зданіе меньше храма Георгія, но оно самая лучшая изъ церквей построенныхъ Палладіо; въ особенности хороша она по живописности и строгой пропорціональности внутренняго устройства. Нижній этажъ дворцовъ Палладіо одѣтъ рустикой, верхніе этажи имѣютъ колонны или пилястры. Въ этомъ стилѣ построены имъ дворецъ городского совѣта (такъ называемая Базилика) и многіе дома въ Виченцѣ, уроженцемъ которой онъ былъ. Благодаря ему, она долго оставалась свободна отъ стиля барокко, какъ Флоренцію охранили отъ этой порчи вкуса Вазари, Амманати и ихъ преемники.

е) ВЕНЕЦІАНСКАЯ ШКОЛА.

Возвращаемся къ живописи, потому что мы еще не говорили о той группѣ ея дѣятелей, которая больше всѣхъ другихъ заслуживаетъ названія школы. У Рафаэля были подражатели, но не было послѣдователей достойныхъ его. Подражатели Корреджіо и Микель Анджело впали въ маньеризмъ и уронили искусство. Въ Венеціи живопись развивалась правильнымъ ходомъ, ученики были достойными преемниками учителей. Джорджоне, Пальма Старшій, Себастіано дель Пюмбо, Лотто и Тиціанъ воспитались въ школѣ Джованни Беллини. Джорджо Барбарелли, обыкновенно называемый Джорджоне, пользуется славой по рассказамъ о впечатлѣніи, какое производилъ его картины на современниковъ. До насъ дошло мало его произведеній; и о нѣкоторыхъ сомнительно, принадлежатъ ли они ему. Лучшее и достовѣрнѣйшее изъ нихъ—запрестольный образъ въ городѣ Кастельфранко, уроженцемъ котораго былъ онъ. Знаменитѣйшая картина Якопо Пальмы Старшаго изображеніе Св. Варвары въ венеціанской церкви Maria Formosa. Лоренцо Лотто нѣкоторыми сторонами своего таланта походилъ на ломбардскихъ живописцевъ. Геніальный художникъ венеціанской школы Тиціанъ (Тиціано Вечелліо) сохранялъ физическія силы и свѣжесть таланта до самой смерти въ очень глубокой старости. Годомъ его рожденія обыкновенно считаютъ 1477; если такъ, то онъ дожилъ почти до 100 лѣтъ; но кажется онъ родился годами десятью позднѣе, потому что Дольче говоритъ, что около 1507 года ему было не больше 20 лѣтъ. Одно изъ произведеній этой поры его жизни—знаменитая картина Христосъ съ монетой (находящаяся въ Дрезденѣ). Строгій стиль Беллини уже смягченъ на ней очаровательной нѣжностью. Едва ли какой нибудь художникъ равнялся Тиціану въ изображеніи спокойнаго счастья. У него нѣтъ никакихъ слѣдовъ манерности. Колоритъ его превосходенъ, онъ смягчилъ тоны Джорджоне, слишкомъ рѣзкіе, и достигъ несравненнаго мастерства въ искусствѣ давать отгѣнкамъ гармонію. Его портреты изумляютъ вѣрностью, когда онъ хочетъ точно воспроизвести черты лица. Таковы напри-

Джорджоне
1477—1511.

Пальма Старшій
1480—1528.

Тиціанъ
1476—1576.

мѣръ портреты его дочери Лавиніи (находящіеся въ Мадридѣ и Берлинѣ), Карла V (въ Мадридѣ), Павла III и Филиппа II (въ Неаполѣ). Въ другихъ портретахъ дѣйствительность превосходно идеализирована; таковы знаменитые портреты женщинъ въ Palazzo de' Uffici и въ Palazzo Pitti. На лицахъ въ картинахъ изъ Священной исторіи владычествуетъ у Тиціана не собственно христіанское выраженіе святости, а спокойствіе античной жизни. Потому фигуры на нихъ не служатъ олицетвореніями католическихъ идей. Но и онѣ очаровательны. Изъ тѣхъ, на которыхъ изображены отдѣльныя фигуры, особенно знамениты: Мадонна, находящаяся въ венеціанскомъ храмѣ Fragi, и шесть изображеній святыхъ въ Ватиканѣ. Между картинами, на которыхъ сгруппировано много фигуръ, самыя знаменитыя Успеніе Богоматери (находящееся въ венеціанской академіи); лицо Богоматери выражаетъ восторгъ блаженства, фигура ея залита свѣтомъ; Положеніе Христа во гробъ (въ Луврѣ), удивительно хорошо передающее глубочайшія потрясенія души. Тиціанъ могъ превосходно изображать и ужасныя сцены, которыя рѣдко дѣлалъ предметами своихъ картинъ; примѣрами тому служатъ мученіе святаго Лаврентія (находящееся въ венеціанской іезуитской церкви); такое же высокое достоинство имѣло Страданіе Петра Мученика, находившееся въ венеціанской церкви Іоанна и Павла и сгорѣвшее въ 1867 году. Онъ одинъ изъ величайшихъ художниковъ своего вѣка и въ пейзажной живописи.

Тиціанъ, представитель венеціанской школы, превосходитъ мастерствомъ колорита всѣхъ живописцевъ, даже и Рафаэля. Микель Анджело и художники римской школы брали основаніемъ своей композиціи контуры и приспособляли къ нимъ краски; у Тиціана распредѣленіе фигуръ обдуманно по соображеніямъ о гармоніи красокъ.

Изъ многочисленныхъ подражателей Тиціана назовемъ прежде всего Алессандро Бонвичино Моретто, превосходящаго всѣхъ другихъ венеціанцевъ благородствомъ композиціи и богатствомъ идей; главныя произведенія его находятся въ Брешии, уроженцемъ которой былъ онъ. Его ученикъ Джованни Баттиста Морони былъ знаменитый портретистъ. Картины Джироламо Романино большею частью считались до недавняго времени картинами Джоржоне. Соперникомъ Тиціана былъ Джанъ-Антоніо Личиніо Реджилло Порденоне. Одно изъ знаменитыхъ произведеній его, Христосъ, судящій жену грѣшницу, находится въ Берлинѣ; другія лучшія картины во Фріулѣ. Подражателемъ Тиціана былъ Парисъ Бордоне; въ Венеціанской академіи находится прекрасная картина его Рыбакъ, подающій кольцо дожу. Ученикъ Тиціана Якопо Робусти Тинторетто прославился картинами драматическаго содержанія. Его изображенія сценъ изъ исторіи Святого семейства проникнуты натурализмомъ, какого не имѣли подобныя картины до него. Въ противоположность Тиціану онъ любилъ густыя тѣни. Еще выше его стоитъ Паоло Калиари Веронезе, очень вѣрно воспроизводившій природу, но не измѣнявшій изяществу вкуса и классическому благородству венеціанскаго стиля. Онъ любилъ изображать праздничную сторону жизни, иры, на которые падаетъ яркое освѣщеніе. Лучшія его картины находятся въ Луврѣ и отчасти въ Венеціи, Дрезденѣ. Въ картинахъ изъ Священной исторіи у него нѣтъ ничего собственно религіознаго. Точно также нѣтъ ничего простонароднаго въ картинахъ Якопо да Понте Бассано, изображающихъ сцены изъ жизни поселянъ или небогатыхъ горожанъ.—Въ концѣ XVI вѣка венеціанская школа стала быстро упадать; живописцы ея сдѣлались изъ художниковъ ремесленниками. Въ началѣ XVII вѣка хорошія картины писалъ уже только Якопо Пальма Младшій.

Порденоне
1484—1539.

Бордоне
1500—1570.

Тинторетто
1512—1594.

Паоло
Веронезе
1528—1538.

Бассано
1510—1592.

Пальма Младшій
1544—1628.

3. Періодъ упадка.

Маньеризмъ.

Эпохой высшаго развитія искусства въ Италіи были три первыя десятилѣтія XVI вѣка. Послѣ того начинаетъ портиться вкусъ. Историческія событія содѣйствовали быстрому упадку его. До послѣднихъ десятилѣтій XV вѣка живописцы работали большею частью по заказамъ монастырей или людей зажиточныхъ, но незнатныхъ. Въ XVI вѣкѣ такъ работалъ Корреджіо. Онъ былъ послѣдній великій художникъ, довольствовавшійся этой скромной дѣятельностью, благопріятной для независимости таланта. При Львѣ X Рафаэль сталъ придворнымъ живописцемъ, Микель Анджело сдѣлался придворнымъ папскимъ архитекторомъ. Бенвенуто Челлини испытывалъ въ Римѣ, Феррарѣ, Парижѣ, Флоренціи всѣ горечи придворной службы. Тиціанъ самъ сталъ вельможей и занималъ положеніе, подобное должности придворнаго живописца. Характеръ заказовъ, получаемыхъ отъ государей, сталъ опредѣлять и предметы картинъ и способъ ихъ выполненія; господствующей задачей искусства сдѣлалось удовлетвореніе страсти къ великолѣпію. Размѣры заказываемыхъ картинъ увеличивались, время, даваемое для ихъ исполненія сокращалось. Художники приучаютъ себя работать торопливо. Они все еще люди талантливые, но уже не имѣютъ досуга изучать природу и добросовѣстно воспроизводить ее, замѣняютъ недостатокъ вѣрности ей искусственными эффектами, льстящими вкусу заказчиковъ. Начинается эпоха кокетства, такъ называемаго маньеризма. Лишь изрѣдка встрѣчается портретъ, написанный добросовѣстно. Художникамъ не нужно приобрѣтать собственныхъ идей изученіемъ природы и размышленіемъ, они берутъ готовые идеи у своихъ великихъ предшественниковъ, техническимъ приѣмамъ которыхъ подражаютъ. Въ живописи владычествуетъ Тиціанъ своимъ колоритомъ, въ скульптурѣ Микель Анджело эффектными позами статуй; архитекторы подражаютъ формѣ возведеннаго имъ купола храма Петра. Это продолжается почти до конца XVI столѣтія. Потомъ живописцы обращаются къ подражанію Корреджіо, изучать котораго совѣтуютъ имъ Караччи, желающіе избавить искусство отъ маньеризма; начинается серьезное изученіе и другихъ великихъ живописцевъ; изъ этого возникла подъ вліяніемъ Караччи школа эклектиковъ, въ числѣ которыхъ есть превосходные художники—Доминикино, Гвидо Рени, Гверчино. Другіе живописцы вдаются въ натурализмъ эффектный, но грубый, какъ напримѣръ Караваджіо и Рибера.

Стиль Барокко.

Въ архитектурѣ характеръ этого времени выражается стилемъ Барокко, преобладающимъ въ постройкѣ дворцовъ. Онъ жертвуетъ всѣмъ для великолѣпія. Римскіе дворцы, построенные въ этомъ стилѣ, украшены съ внутреннихъ, обращенныхъ во дворъ фасадовъ, еще

роскошнѣй, чѣмъ съ наружныхъ. Ихъ дворы—квадраты обведенные аркадами въ нѣсколько этажей. Въ этомъ стилѣ построены колоссальный Палаццо Орсини, отличающійся оригинальными лѣстницами и аркадами, и Палаццо Боргезе, аркады котораго легки и вмѣстѣ величественны. Широкія великолѣпныя лѣстницы составляютъ одну изъ важнѣйшихъ особенностей стиля Барокко. Въ немъ прямыя линіи замѣнены изогнутыми, и въ горизонтальномъ и въ вертикальномъ направленіяхъ. Развитіе этой особенности довело до полного нарушенія основныхъ правилъ архитектурной красоты; ея пренебрегали для достиженія эффекта живописной роскоши. Въ Римѣ доставилъ этому стилю господство Бернини, давшій и скульптурѣ характеръ, соотвѣтствующій стремленію производить живописный эффектъ. Маньеризмъ господствовалъ и въ этихъ искусствахъ, какъ въ живописи. Противоположность ему составлялъ, какъ мы говорили, грубый натурализмъ.

а) ж и в о п и с ц ы.

Изъ множества маньеристовъ назовемъ знаменитѣйшихъ; это были Таддео Цуккарро и его братъ Федерико, Джузеппе Чезаре д'Арпино, Симоне Папа Младшій. Много выше обыкновеннаго маньеризма картины Федерико Бароччо, жившаго большею частью въ дали отъ роскошныхъ городовъ, въ своемъ родномъ Урбино. Знаменитѣйшія изъ его произведеній находятся въ генуэскомъ и перуджійскомъ соборахъ. Въ послѣнія десятилѣтія XVI вѣка выработался новый стиль живописи; художники съ хорошимъ вкусомъ хотѣли избавиться отъ маньеризма и для этого стали усердно изучать Микель Анджело, Рафаэля, Тиціана и въ особенности Корреджіо, стараясь соединить ихъ стили въ одинъ общій стиль; они назывались эклектиками. Другіе изучали природу, но вдалились въ грубый натурализмъ. Эти двѣ школы въ концѣ XVI вѣка пріобрѣли господство. Обѣ онѣ имѣютъ довольно большое достоинство. Благодаря вліянію Лодовико Караччи, основателя болонской школы, и его племянниковъ Агостино и Аннибале, эклектизмъ былъ усвоенъ большинствомъ художниковъ и на цѣлую половину столѣтія поддержалъ падавшее искусство. Самъ Лодовико Караччи не былъ особенно даровитымъ живописцемъ, но умѣлъ давать хорошее направленіе своимъ ученикамъ. Агостино болѣе знаменитъ какъ граверъ, чѣмъ какъ живописецъ. Самымъ даровитымъ изъ Караччи былъ Аннибале, прекрасно изучившій Рафаэля и Тиціана, внушившій современнымъ живописцамъ уваженіе къ забытому Корреджіо. Лучшія изъ его произведеній—миѳологическія картины альфреско въ Палаццо Фарнезе, Самымъ энергичнымъ и рѣзкимъ представителемъ новаго натурализма былъ основатель этого направленія Микель Анджело Америго да Караваджо, имѣвшій большое вліяніе на римскихъ и неаполитанскихъ живописцевъ. Его картины изъ священной исторіи изображаютъ сцены ея подобными тѣмъ, какія видѣлъ онъ на улицахъ южно-итальянскихъ городовъ. Онъ заботится только о сильномъ выраженіи бурныхъ страстей и великій мастеръ воспроизводить ихъ. Яркія полосы свѣта перемежаются у него густыми тѣнями. Фигуры его грубы, но энергичны; онѣ врѣзываются въ память. Одно изъ знаменитѣйшихъ его произведеній Положеніе Христа во гробъ, находящееся въ Ватиканской галлерей. У него было много учениковъ, но истинный преемникъ его испанецъ, не знавшій лично его, уроженецъ Валенсіи, переселившійся въ Неаполь Джузеппе Рибера (Ribera, Хосе Рибера), фамилія котораго часто замѣнялась названіемъ Испанецъ lo Spagnoletto. Рибера пріѣхалъ въ Италію, ужъ усвоивъ себѣ характеръ испанской живописи, но видоизмѣнилъ его изученіемъ Корреджіо и венеціанскихъ художниковъ. Нѣкоторыя изъ картинъ Спаныолетто принадлежатъ къ лучшимъ, благороднѣйшимъ произведеніямъ той эпохи; таково напримѣръ Снятіе со креста, находящееся въ ризницѣ

Таддео	
Цуккарро	
1529—1569.	
Федерико	
Цуккарро	
† 1609.	
Арпино	
1560—1645.	
Бароччо	
1528—1612.	
Караччи:	
Лодовико	
1565—1619.	
Агостино	
1558—1601.	
Аннибале	
1560—1609.	
Караваджо	
1569—1609.	
Спаныолетто	
1593—1656.	

неаполитанской церкви св. Мартина. Но мало по малу онъ совершенно увлекся натурализмомъ. Энергія его техники и въ особенности таинственный тревожный колоритъ полутѣней придаетъ многимъ изъ его натуралистическихъ картинъ поразительную эффектность, и часто эффектъ техники усиливается ужасностью физическихъ страданій, которыя любилъ онъ брать предметами своихъ работъ.

Въ борьбѣ съ протестанствомъ католическая церковь выставила на первый планъ средневѣковыя идеи, потому живопись возвратилась къ изображенію мученій святыхъ. Массами являлись картины того рода, который Гете въ своемъ путешествіи по Италіи характеризуетъ словами: «Вѣчно анатомія, мѣсто казни, живодерня, герои страданія, а не дѣйствія; ни на одной картинѣ нѣтъ интереса современности». Самъ Корреджіо показалъ гибельный образецъ тому въ своемъ мученіи Плакида и Павія. Избіеніе младенцевъ вилеємскихъ, изображенія котораго не могъ избѣжать самъ Рафаэль, стало однимъ изъ любимыхъ предметовъ живописи конца XVI и первой половины XVII столѣтій. Натуралистамъ очень нравилось изображать апостола Вареоламея, съ котораго съ живаго сдираютъ кожу; было написано множество изображеній Св. Севастіана, пронзаемаго стрѣлами, Св. Лаврентія, котораго жарятъ на рѣшеткѣ, множество картинъ еще болѣе ужасныхъ по своимъ предметамъ. Неимовѣрно какія свирѣпости придумывали эти живописцы, ставшіе въ своихъ мысляхъ палачами. Рядомъ съ ужасами идетъ у нихъ рисованіе сладострастныхъ сценъ, изображенія кающагося Іеронима и Магдалины служатъ имъ предлогами для сценъ этого рода. Таково было вліяніе католической реакціи на искусство. Лишь немногіе художники той эпохи писали картины чистыя отъ этой испорченности. Почти всѣ они вышли изъ школы энергичныхъ Карадчи. Ученикомъ этихъ воспитателей вкуса былъ Доменико Цампьері Доменикино. И у него есть картины во вкусѣ живописцевъ-палачей, какъ напримѣръ мученіе Св. Севастіана, находящееся въ церкви *Madia degli angeli*; но знаменитѣе и гораздо лучше тѣ картины его, на которыхъ изображены благородныя фигуры, какъ напримѣръ евангелистъ Іоаннъ въ молодости и четыре евангелиста, нарисованные въ куполѣ церкви *Santo Andrea della Vella*. Даровитѣйшій изъ всѣхъ живописцевъ этого времени безспорно былъ Гвидо Рени. Всѣ картины его граціозны; воображеніе у него богатое и живое. Проигрывая много денегъ въ карты, онъ писалъ иногда слишкомъ торопливо. Еслибъ это не мѣшало достоинству его произведеній, онъ создалъ бы много превосходнаго, какъ показываетъ его большая картина на плафонѣ Палаццо Роспиньози (въ Римѣ), изображающая Аврору, огненное сіяніе которой подымается надъ темно-голубымъ небомъ. Нѣкоторыя фигуры его страдаютъ абстрактнымъ идеализмомъ. Третьимъ великимъ ученикомъ школы Карадчи былъ Джанъ-Франческо Барбіери Гверчино, имѣвшій сначала склонность къ натурализму, потомъ получившій нѣжность и граціозность стиля, одинъ изъ немногихъ художниковъ того времени, умѣвшихъ давать истинно религіозный характеръ изображеніямъ изъ Священной исторіи. Подъ вліяніемъ Доменикино и другихъ учениковъ школы Карадчи развился Джамбаттиста Сальви Сассоферрато, у котораго нѣтъ особенной энергіи чувства, но много граціи, напоминающей юношескія произведенія Рафаэля; таковы его Мадонны, всѣ имѣющія одинъ милый и нѣжный типъ. Образцу Карадчи слѣдовалъ въ религіозныхъ картинахъ Франческо Альбани, граціозный талантъ котораго особенно хорошо проявляется въ идилическихъ картинахъ, помѣщающихъ фигуры среди пейзажа. Изъ его учениковъ особенно талантливъ былъ Андреа Сакки, основавшій во второй половинѣ XVII столѣтія новую римскую школу, послѣднимъ великимъ художникомъ которой былъ Карло Маратта, подражатель Гвидо Рени.

Вліянію болонской школы подчинились всѣ другія итальянскія, даже флорентійская, сохранившая наибольшую самостоятельность. Маньеризмъ, щеголявшій изысканностью контуровъ и искусственной энергіей позъ, надобѣлъ всѣмъ; художники стали заботиться о безыскусственной красотѣ фигуръ. Одна изъ знаменитѣйшихъ картинъ этого направленія Юдиѣ Кристофано Аллори, сына Алессандро Аллори. Эта Юдиѣ (находящаяся въ Палаццо Питти) и Кающаяся Магдалина (въ *Palazzo de' Uffici*)—портреты одной и той же женщины, знаменитой флорентійской куртизанки Маццафирты, которая своимъ мотовствомъ вовлекла въ неоплатные долги страстно любившаго ее Кристофано. Другіе

Доменикино
1581—1641.

Гвидо Рени
1575—1642.

Гверчино
1590—1666.

Сассоферрато
1605—1685.

Альбани
1578—1660.

Маратта
1625—1713.

Кристофано
Аллори
1577—1621.

художники того же направленія были Лодовика Карди Чиголи и его послѣдователь Піетро Береттини да Кортонна, на фрескахъ котораго эклектизмъ переходитъ въ изящную декоративную живопись. Кортонна былъ знаменитъ и какъ архитекторъ. Родство съ Доменикино по характеру таланта имѣетъ флорентійскій живописецъ Маттео Росселли; его Торжество Давида, находящееся въ Палаццо Питти, одно изъ лучшихъ произведеній того времени. Изъ его многочисленныхъ учениковъ знаменитъ Карло Дольчи (или Дольче), у котораго преобладаетъ нѣжность, доходящая до сантиментальности. Картинами художниковъ этой эпохи очень богаты Палаццо Фарнезе, Боргезе, Колонна, Корсини, въ Римѣ, и флорентійская галлерей Корсини.

Изъ художниковъ второй половины XVII столѣтія только Сальваторе Роза имѣлъ самостоятельный талантъ. Онъ принадлежитъ къ школѣ Спаныюлетто. Есть у него хорошія историческія картины, какъ напримѣръ Заговоръ Катилины (находящійся во Флоренціи); но гораздо болѣе знаменитъ онъ ландшафтами и жанровыми картинами, въ особенности ландшафтными, которыхъ у него много. Онъ изображалъ мрачную природу, дикія ущелья, по которымъ несетъ бурный вѣтеръ, небо покрытое облаками грозы; въ этой обстановкѣ онъ помѣщаетъ одинокихъ отшельниковъ или группы разбойниковъ. Къ неаполитанской школѣ принадлежалъ также Лука Джордано, знаменитый мастерствомъ очень скоро писать недурныя картины и прозванный за это искусство Быстрымъ—Fapresto. Впрочемъ почти всѣ живописцы этого періода упадка писали торопливо.

Чиголи
1550—1613.

Кортонна
1596—1669.

Росселли
1578—1650.

Дольче
1616—1686.

Сальваторе
Роза
1615—1673.

Джордано
1632—1705.

б) АРХИТЕКТУРА И СКУЛЬПТУРА.

Первыми знаменитыми представителями стиля барокко, вошедшаго въ моду около 1580 года, были Джакомо делла Порта, Доменико Фонтана, братъ его Джованни и племянникъ его Карло Модерна, строитель огромнаго великолѣйнаго, но безвкуснаго передняго фасада храма Петра. Эта пристройка, закрывающая куполь и тѣмъ вредящая виду зданія, возведена имъ въ 1605—1614 годахъ. Но знаменитѣйшій представитель стиля барокко, давшій полное развитіе ему—Джованни Лоренцо Бернини, неаполитанецъ, пользовавшійся уваженіемъ многихъ папъ, долго занимавшій должность главнаго архитектора храма Петра и построившій передъ нимъ полукругъ колоннадъ, знаменитый, дѣйствительно прекрасный и вновь открывшій видъ на куполь. Эта постройка была кончена въ 1667 году. Но внутренность храма Бернини обезобразилъ тяжелыми излишними украшеніями, въ особенности безвкусной такъ называемой скиніей (Tabernaculum). Этотъ ненужный громадный—бронзовый балдахинъ надъ гробницей апостола Петра произведеніе тѣмъ болѣе прискорбное, что металлъ для него былъ полученъ расплавкой античныхъ бронзовыхъ украшеній передняго фасада кровли Пантеона. Взамѣнъ того Бернини снабдилъ Пантеонъ двумя колокольнями, которыя справедливо прозваны были ослиными ушами Бернини. Какъ скульпторъ онъ еще хуже, чѣмъ какъ архитекторъ; щеголяя знаніемъ мускулатуры, онъ утрируетъ ее такъ, что человѣческія фигуры кажутся у него распухшими. Онъ считался величайшимъ скульптуромъ своего времени и далъ этому искусству такой же характеръ, какой нѣсколькими десятилѣтіями раньше получила живопись. Онъ хочетъ, чтобы его статуи изображали порывы страстей, но вмѣсто того, чтобы чувство выражалось на лицѣ, у него оно только обозначается рѣзкими позами; широкая драпировка окутываетъ фигуры, скрываетъ ихъ очертанія своими развѣвающимися и загибающимися массами; его статуи ангеловъ на мосту Santo Angelo считались дивными созданіями искусства; теперь ими пренебрегаютъ. Его гробницы папъ Урбана VIII и Александра VII въ храмѣ Петра нѣсколько лучше, а статуя Благочестія (Pieta) на памятникѣ Григорія XII въ латеранской базиликѣ дѣйствительно хороша. Но эти памятники свидѣтельствуютъ, что основнымъ направленіемъ скульптуры того времени стала аллегорія. На барельефахъ стѣнъ гробницы венеціанскихъ дождей владычествуетъ совершенное безвкусіе.

Мадерна
1556—1629.

Бернини
1589—1680.

Соперникъ Бернини въ архитектурѣ Франческо Борромини совершенно отступаетъ отъ всѣхъ законовъ архитектурной формы, стремясь производить эффектъ капризными соче-

Борромини
1599—1667.

таніями линій. Стилъ Барокко дошелъ у него до полнѣйшей испорченности вкуса; и вообще въ полномъ своемъ развитіи кажется пародіей на архитектуру. Всѣ части зданія какъ будто падаютъ или изогнулись, вездѣ странные переломы и извивы линій. Колонны стали витыми; фронтоны изломаны, изгибаются по всѣмъ направленіямъ; верхніе этажи соединены съ нижнимъ волютами; пилястры меньшей высоты въ родѣ контрфорсовъ, — это по мысли архитекторовъ должно производить перспективную иллюзію выступовъ и углубленій. Многіе храмы стила Барокко имѣютъ внутри видъ сцены, образуемой кулисами. Такія переполненные излишними украшеніями церкви особенно любили строить іезуиты. Очень знаменита излишествомъ украшеній венеціанская церковь іезуитовъ. Борромини, чрезвычайно изобрѣтательный на придумываніе искривленій и извивовъ, даетъ этими украшеніями такую важность второстепеннымъ частямъ зданія, что онѣ своей эффектностью отвлекаютъ вниманіе отъ главныхъ частей. Въ эту эпоху испорченности вкуса было построено множество роскошныхъ виллъ въ окрестностяхъ Рима и Флоренціи; зданія въ нихъ стоятъ среди садовъ, устроенныхъ въ такомъ же изысканномъ вкусѣ, природа испорчена террасами, лѣстницами, гротами, неумѣстными фонтанами.

IX. РЕФОРМАЦІЯ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ. УЛЬРИХЪ ЦВИНГЛИ.

Литература. Johann von Müllers und Glitz-Blotzheims Geschichte schweizerischer Eidgenossenschaft, fortgesetzt von Hottinger, томы 6 и 7 (Zürich, 1825); Bluntschli, Geschichte der Republik Zürich (2 изд., 3 тома, Zürich, 1856); его же Staats- und Rechtsgeschichte der Stadt und Landschaft Zürich (2 тома, Zürich, 1838).—Huldreich Zwinglis Werke, издание Шулера и Шультреса (Zürich, 1828—1861)—Mysconius, De Huldreichi Zwinglii vita et obitu (Basel, 1536); Bullingers Reformationsgeschichte, herausgegeben von Hottinger und Vögeli (3 тома, Frauenfeld, 1838); Röder, Der schweizer Reformator Zwingli (St.-Gallen und Bern, 1855);, Christoffel, Huldreich Zwinglis Leben und ausgewählte schriften (Elberfeld, 1857 въ изданіи Väter der reformirten Kirche); Zeller, Das theologische System Zwinglis (Tübingen, 1853); Sigwart, Ulrich Zwingli, der charakter seiner Theologie (Stuttgart und Hamburg, 1855); Hundeshagen, Beiträge zur Kirchenverfassungsgeschichte (Wiesbaden, 1864); Mörikofer, Ulrich Zwingli, (2 тома, Leipzig, 1867, 1869); Herzog, Das Leben Oecolampads und die Reformation zu Basel (2 тома, Basel, 1843; Stricker, Aktensammlung zur schweizerischen Reformationsgeschichte in den Jahren 1521—1532 (5 томовъ, Zürich, 1878—1883); Egli, Aktensammlung zur Geschichte der Züricher Reformation in den Jahren 1519—1533 (Zürich, 1879); Escher, Die glaubensparteien in der Eidgenossenschaft (Fraueufeld, 1882).

1. Положеніе швейцарскаго союза. Молодость Цвингли.

Отношенія По своемъ фактическомъ отдѣленіи отъ Германіи, Швейцарія шла
Швейцаріи къ въ политикѣ особыми отъ нея путями, но продолжала участвовать
Германіи. въ ея умственной жизни. Швейцарскіе гуманисты дѣйствовали въ
одинаковомъ направленіи съ германскими; Эразмъ, поселившись въ
Базелѣ, былъ посредникомъ между ними; молодые швейцарцы учились въ Виттенбергѣ; странствующие нѣмецкіе проповѣдники ходили по швейцарскимъ городамъ; въ Бернѣ было живое сочувствіе гер-

манскимъ стремленіямъ преобразовать церковь; сочиненія Лютера проникали черезъ Базель въ альпійскія долины. Тѣ дѣятели реформациі, которые подвергались гоненію въ Германіи, находили пріютъ себѣ въ Швейцаріи, примыкали къ цюрихскому реформатору Гульд-рейху (Ульриху) Цвингли, въ которомъ стремленіе преобразовать церковь соединилось съ гуманистической широтой понятій.

Подобно Лютеру, Ульрихъ Цвингли былъ сынъ поселяннина и дышалъ въ дѣтствѣ вольнымъ воздухомъ горъ. Онъ родился 1 января 1484 въ Вильдгаусѣ, въ графствѣ Тоггенбургскомъ, у подошвы горы Сенлиса; это такая высокая мѣстность, что тамъ нѣтъ ни садовъ, ни хлѣбопашества; надъ нею поднимаются нагія скалы. Жители занимались скотоводствомъ. При помощи швейцарскаго союза, они освободились отъ подданства аббату Санктъ-галленскому, обременявшему ихъ повинностями. Мужественнымъ вождемъ своихъ согражданъ въ спорахъ съ аббатомъ былъ отецъ Ульриха, зажиточный поселанинъ, владѣвшій большимъ количествомъ луговъ и альпійскихъ пастбищъ, и выбранный своей общиной въ должность ея ландаммана. Онъ патріархально правилъ своимъ семействомъ. Оно было большое: онъ имѣлъ восемь сыновей. Ульрихъ росъ среди людей простыхъ, разсудительныхъ, не любившихъ унывать, и выросъ чуждымъ мистицизму, рано овладѣвшему душой Лютера; но подобно ему любилъ пѣніе и музыку: въ тоггенбургской землѣ, какъ и въ тюрингской любовь къ пѣнію и музыкѣ была всеобщая. Ульрихъ хорошо игралъ на нѣсколькихъ инструментахъ; враги впослѣдствіи называли его лютнистомъ и свирѣльщикомъ. Видя въ ребенкѣ хорошія способности, отецъ разсудилъ отдать его въ духовное званіе. Ульрихъ учился сначала у дяди, священника; потомъ въ Базелѣ и Бернѣ; онъ очень усердно и успѣшно занимался тамъ гуманистическими науками. Въ Базелѣ онъ былъ слушателемъ Томаса Виттенбаха, мужественнаго богослова, не боявшагося публично учить, что отпущеніе грѣховъ не можетъ быть покупаемо у церкви, что Христосъ искупилъ грѣхи людей и только вѣра въ него даетъ благодать. У юноши былъ прекрасный голосъ; потому бернскіе доминиканцы хотѣли заманить его въ свой орденъ; чтобъ удалить его отъ нихъ, отецъ послалъ его учиться въ Вѣну. Онъ продолжалъ тамъ заниматься классицизмомъ и философіей. Возвратившись въ Базель, онъ спеціально занялся богословіемъ. Онъ выучилъ наизусть посланія апостола Павла. Гларусскій приходъ выбралъ его въ 1506 своимъ священникомъ. Онъ въ это время былъ магистромъ (докторомъ) свободныхъ искусствъ (классическихъ наукъ) и вполнѣ обладалъ гуманистической образованностью. Потому его богословскія понятія были просвѣщенные. Онъ впослѣдствіи говорилъ: «При всемъ уваженіи къ Мартину Лютеру, скажу: то, что я имѣю общаго съ нимъ, было моимъ убѣжденіемъ, когда я еще не зналъ его имени». Дѣйствительно, онъ, подобно

Ульрихъ
Цвингли
1484—1531.

всѣмъ гуманистамъ, былъ въ душѣ чуждъ римскому церковному ученію. Онъ долго не считалъ надобнымъ формально отдѣлиться отъ римской церкви, а когда увидѣлъ надобность въ этомъ, принялъ свое рѣшеніе безъ всякаго душевнаго страданія, между тѣмъ какъ Лютеру было мучительно отдѣлиться отъ церкви.

Цвингли оставался священникомъ въ Гларусѣ слишкомъ десять лѣтъ (1506—1517). Онъ въ это время больше всего занимался гуманистическими науками; читалъ классическихъ писателей, принималъ живое участіе въ дѣлахъ, которыми интересовались нѣмецкіе и итальянскіе гуманисты, велъ переписку съ многими изъ нихъ, въ особенности съ Эразмомъ; написалъ на нѣмецкомъ языкѣ политическо-сатирическую поэму «Либиринтъ», въ которой аллегорически изображаются современныя событія, и «сказку о быкѣ и нѣкоторыхъ животныхъ, излагающую ходъ дѣлъ». Но онъ не покидалъ и богословскихъ занятій: усердно изучалъ греческій языкъ, чтобы вѣрнѣе понимать Новый Завѣтъ въ подлинникѣ, читалъ отцовъ церкви, изучалъ и еретиковъ Уиклефа и Гуса, говоря, что «на полѣ, поросшемъ сорной травой, попадаютъ иногда и питательныя растенія». Большое вліяніе на его богословскія понятія имѣли сочиненія Пико Мирандолы, которыя онъ усердно изучалъ. Такимъ образомъ онъ выработалъ себѣ систему богословскихъ убѣжденій, независимую отъ господствовавшей. Онъ высоко подымался своими знаніями надъ массой швейцарскаго духовенства, плохо изучавшаго Священное писаніе. Однажды, въ многочисленномъ собраніи духовныхъ, нашлось только трое людей, хорошо знающихъ Библію; изъ остальныхъ ни одинъ не прочелъ всего Новаго Завѣта. Нравственность швейцарскаго духовенства была въ глубокомъ упадкѣ; папы нуждались въ услугахъ его для вербованія наемниковъ, дали капитуламъ и монастырямъ множество привилегій, освобождавшихъ ихъ отъ соблюденія церковныхъ уставовъ.

Швейцарское духовенство принимало участіе въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ. Цвингли былъ хорошій гражданинъ, не забывалъ, изъ-за ученыхъ занятій и священническихъ обязанностей, о житейскихъ дѣлахъ швейцарцевъ. Онъ былъ веселаго, общительнаго характера; образованность и нравственное чувство охраняли его отъ грубыхъ наслажденій; но онъ любилъ участвовать въ невинныхъ развлеченіяхъ. Онъ былъ разговорчивъ, охотникъ шутить, хорошій музыкантъ, потому былъ пріятнымъ гостемъ. Онъ не чуждался общества женщинъ; церковные и политическіе враги ставили это ему въ упрекъ; человекъ чистосердечный, онъ самъ говоритъ, что въ молодые годы былъ несвободенъ отъ грѣха, но что постоянныя занятія классической литературой если не вполне заглушили, то укротили въ немъ чувственныя желанія. Позднѣйшая его жизнь была безупречна и въ этомъ отношеніи. — Онъ не разъ ходилъ въ должности священника съ наемниками своего кантона въ сѣверную Италію,

и долго получалъ жалованье отъ папы. Онъ былъ свидѣтелемъ побѣды швейцарцевъ при Новарѣ и пораженія ихъ при Мариньяно. Но въ походахъ онъ скоро убѣдился, что наемничество сильно вредитъ швейцарскому народу. Передъ битвой при Мариньяно онъ горячо говорилъ наемникамъ, что служба ихъ дурное ремесло, портитъ нравственность, роняетъ добрую славу швейцарцевъ. Съ той поры онъ сталъ рѣшительнымъ противникомъ наемничества, а когда перешелъ на службу въ Цюрихъ, то отказался отъ папскаго жалованья.

Государи очень дорожили тогда швейцарскими наемниками; французскій король, императоръ, папа, другіе итальянскіе государи заключали договоры съ кантонами и общинами, давали подарки, назначали жалованье вліятельнымъ людямъ въ Швейцаріи, чтобъ они помогали вербовкѣ наемниковъ. Эти иноземныя искательства вносили ссоры въ швейцарскій народъ; люди служили чужимъ правительствамъ, забывали интересы родины. Наемники возвращались домой, обогатившись жалованьемъ и добычей; это влекло къ подражанію имъ; наемничество стало ремесломъ швейцарцевъ, алчность входила въ нравы; наемники грубѣли, привыкали къ буйству, разврату и распространяли свои пороки на родинѣ. Патріоты понимали вредъ наемничества; временами, получали преобладаніе въ союзномъ совѣтѣ, или въ правительствахъ кантоновъ, общинъ; тогда были постановляемы общія или мѣстныя запрещенія наемничества. Но алчность скоро одолѣвала преграды, запрещенія были оставляемы въ бездѣйствіи или у нихъ была отнимаема сила хитрыми оговорками, и отряды наемниковъ снова шли на иноземную службу. Часто бывало, что граждане одного народа стояли одни противъ другихъ въ рядахъ сражающихся войскъ. Наемничество огорчало всѣхъ патріотовъ. Цвингли сначала гордился важностью, какую швейцарцы своей храбростью приобрѣли въ войнахъ сильныхъ государствъ; но, понявъ вредъ и унижительность наемничества, сталъ съ горячимъ патріотизмомъ проповѣдывать противъ него. Слова его оставались напрасны, потому что наемничество было выгодное ремесло. Видя бесполезность спора съ людьми закоснѣвшими въ своихъ понятіяхъ, онъ рѣшился дѣйствовать на молодые умы, и основалъ латинскую школу, чтобы развивать въ сыновьяхъ вліятельныхъ фамилій любовь къ просвѣщенію и патріотизмъ. Изъ этой школы вышли: Валентинъ Чуди, Геръ, Бруннеръ, при содѣйствіи которыхъ установилась въ послѣдствіи реформація въ кантонѣ Гларусѣ. И тотъ изъ воспитанниковъ Цвингли, который остался католикомъ, знаменитый историкъ Эгидіусъ Чуди, навсегда сохранилъ благодарность къ своему учителю.

Вражда наемнической партіи, съ которой боролся Цвингли, и обскурантовъ, осуждавшихъ его просвѣщенныя понятія, сдѣлала непріятной для него жизнь въ Гларусѣ. Потому онъ принялъ должность приходскаго священника въ мѣстечкѣ Эйзидельнѣ, разросшемся при

Наемничество.

Дѣятельность
Цвингли въ
Эйзидельнѣ.

знаменитомъ бенедиктинскомъ аббатствѣ. Онъ надѣялся имѣть тамъ спокойствіе и досугъ для ученыхъ занятій, потому что князь-аббатъ Конрадъ фонъ Рехбергъ и управитель владѣній монастыря Дибольдъ фонъ Герольдсекъ были люди просвѣщеннаго образа мыслей. Но своей знаменитостью аббатство было обязано молвѣ о чудесахъ, совершаемыхъ находящеюся въ немъ иконою Богоматери, привлекавшей тысячи богомольцевъ. Цвингли, ужь давно пришедшій къ убѣжденію, что хожденіе на богомольство и вообще дѣла формальной набожности безъ заботы о нравственномъ улучшеніи бесполезны для души, сталъ говорить богомольцамъ проповѣди, не похожія на тѣ, какія слышали они отъ прежнихъ священниковъ. По его выраженію, онъ въ Эйнзидельнѣ началъ проповѣдывать Евангеліе. Онъ говорилъ о томъ, что прощеніе грѣховъ получается не хожденіемъ къ святымъ мѣстамъ, а исправленіемъ жизни, истиннымъ покаяніемъ.

Понятно, что это подняло большой шумъ. Просвѣщенные люди хвалили Цвингли, обскуранты осуждали его. Число богомольцевъ уменьшалось, уменьшались и доходы монастыря. Римская курія обратила вниманіе на это дѣло. Она дорожила тѣмъ, чтобы не происходило церковныхъ волненій въ землѣ, гдѣ набирались наемники на папскую службу. Легатъ просилъ Цвингли проповѣдывать согласно съ преданіями, обѣщая ему почести и доходы за уступчивость. Но онъ хотѣлъ, какъ выражался впослѣдствіи самъ, «внести свѣтъ въ заблужденіе мрака», убѣждалъ кардинала Шиннера, легата Пуччи и епископа констанцскаго объяснять папѣ надобность отмѣны церковныхъ злоупотребленій, которыя иначе «рушатся сами съ большимъ потрясеніемъ». Онъ рассказываетъ объ этомъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ, когда ужь началъ борьбу съ папской церковью, и справедливо прибавляетъ, что «никогда не дѣлалъ ничего тайкомъ, по-воровски, а всегда предупреждалъ заблаговременно». Еще будучи въ Эйнзидельнѣ, онъ писалъ Капитону, что надобно будетъ покончить съ папствомъ.

2. Дѣятельность Цвингли въ Цюрихѣ.

Имя Цвингли было ужь извѣстно во всей Швейцаріи. Но монастырь въ пустынномъ горномъ лѣсу не могъ стать центромъ преобразованія церкви. Удобное поприще для своей реформаторской дѣятельности Цвингли нашелъ въ Цюрихѣ, будучи въ 1518 году приглашенъ туда на должность приходскаго священника въ городской соборный храмъ (Grossmünster). Онъ сложилъ съ себя должность священника въ Гларусѣ (которая оставалась за нимъ и была исполняема его викаріемъ)

и переселился изъ Эйзидельна, «милѣйшей идилліи его боевой жизни», какъ выражался онъ, въ Цюрихъ, первый по почету кантонъ швейцарскаго союза. Онъ произнесъ въ цюрихскомъ соборѣ свою вступительную проповѣдь 1 января 1519 года, въ день своего рожденія (ему исполнилось тогда 35 лѣтъ). Объявляя своей новой паствѣ, что вступаетъ въ отправленіе должности проповѣдника, онъ говорилъ, что въ изложеніи ученія Христова будетъ руководиться не человѣческими авторитетами, а духомъ Священнаго писанія. Его наружность производила величественное впечатлѣніе; Буллингеръ говоритъ: «Онъ былъ красивый мужчина, выше средняго роста, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, голосомъ очень сильнымъ, но симпатичнымъ по задушевности тона, въ которомъ слышалось живое вдохновеніе». Подобно Лютеру, Цвингли началъ свою реформаторскую дѣятельность нападеніемъ на торговлю индульгенціями. Въ Швейцаріи продавалъ ихъ Бернардинъ Самсонъ, гвардіанъ (настоятель) миланскаго францисканскаго монастыря, достойный товарищъ Тецеля. Онъ пріѣхалъ лѣтомъ 1518 года въ горные кантоны, и оттуда отправился дальше по Швейцаріи. Остановившись въ Бернѣ, онъ тамъ въ соборномъ храмѣ продавалъ индульгенціи отъ 2 до 5 баценовъ (отъ 8 до 20 крейцеровъ по тогдашней монетной системѣ, это составляло отъ 40 коп. до 1 рубля золотомъ), смотря по состоянію покупателей; продавалъ также индульгенціи для цѣлыхъ городовъ и округовъ, по особымъ цѣнамъ. Въ Ленцбургѣ и Бремгартенѣ онъ ужъ встрѣтилъ сопротивленіе своей торговлѣ; а когда подѣхалъ къ Цюриху, то городской совѣтъ, по просьбѣ Цвингли, воспретилъ ему вѣздъ. Самсонъ повезъ свою добычу въ Италію. Констанцскій епископъ, не одобрявшій торговлю индульгенціями, похвалилъ Цвингли за то, что онъ «отогналъ иноземнаго волка отъ своего стада». Цюрихскій соборный храмъ, отъ имени котораго дѣйствовалъ Цвингли, имѣлъ привилегіи, дававшія ему право не допускать продажу индульгенцій; римская курія промолчала, уклоняясь отъ ссоры съ швейцарцами, чтобъ они не запретили вербовку наемниковъ на папскую службу. Папа не грозилъ Цвингли отлученіемъ, какъ Лютеру; напротивъ, предлагалъ ему почести. Онъ отказался отъ нихъ.

Продажа
индульгенцій
въ Швейцаріи.

Проповѣди Цвингли очень нравились гражданамъ Цюриха; а во время эпидеміи, посѣтившей городъ, онъ пріобрѣлъ любовь народа усердіемъ, съ какимъ ободрялъ всѣхъ; онъ такъ ухаживалъ за больными, что заразился самъ, и едва не умеръ. Въ концѣ перваго года своей жизни въ Цюрихѣ, онъ ужъ писалъ своему другу Освальду Миконію, жившему тогда въ Люцернѣ: «Болѣе двухъ тысячъ душъ воспоемы млекомъ Евангелія, такъ что скоро укрѣплятся силой до способности принимать болѣе твердую пищу». Въ брошюрѣ Architeles онъ рассказываетъ, что по слову Божію излагалъ тогда «простымъ швейцарскимъ языкомъ» ученіе объ оправданіи человѣка вѣрою. Но

главной его заботой было исправленіе нравовъ его паствы. Преемникъ его, Буллингеръ, говоритъ: «Въ Цюрихѣ постоянно жило много мелкихъ государей, много вельможъ и пословъ, потому вошли въ обычай пьянство, игра, буйство, распутство; Цвингли возставалъ противъ этихъ пороковъ праздношатательства, роскоши, обидъ бѣднымъ; строго порицалъ пенсіи (получаемыя вліятельными людьми отъ государей за содѣйствіе вербовкѣ), осуждалъ походы по найму въ чужія войны, требовалъ, чтобы правительство судило справедливо, защищало вдовъ и сиротъ, говорилъ, что швейцарскій союзъ не долженъ отдавать себя въ подчиненіе волѣ государей (посылать войска на ихъ службу), долженъ отвергать ихъ грамоты». Его рѣчи производили сильное впечатлѣніе. Народъ говорилъ: «Это настоящій проповѣдникъ истины; онъ говоритъ все, какъ есть на дѣлѣ». Онъ подкрѣплялъ дѣйствіе своихъ рѣчей примѣромъ своей жизни. «Господинъ Ульрихъ Цвингли былъ очень умѣренный человѣкъ въ ѣдѣ и питьѣ», говоритъ Буллингеръ: а былъ одинакоже сильный, здоровый, не унылый, а веселый, и употреблялъ музыку для отдыха и услажденія при усталости; кромѣ того онъ для этого велъ дружбу съ избраннымъ обществомъ благочестивыхъ людей, съ которыми велъ по временамъ пріятные и поучительные разговоры. А за этимъ исключеніемъ очень заботился о хорошемъ употребленіи своего времени, чтобы ни одинъ часъ не пропадалъ у него безъ пользы. Онъ вставалъ рано; много работалъ ночью, особенно писалъ; но только когда былъ обремененъ дѣлами, не терпѣвшими отлагательства; а безъ этого всегда правильно успокоивался необходимымъ сномъ». Для нуждавшихся въ его совѣтѣ онъ былъ доступенъ во всякое время.

Какъ прежде въ Гларусѣ, такъ и теперь въ Цюрихѣ, Цвингли сильно возставалъ противъ наемничества и вмѣшательства въ чужія войны. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ французскій король прислалъ денегъ, снова вербовать наемниковъ для похода въ Италію. Изъ всѣхъ кантоновъ шли подъ его знамена наемники. Только Цюрихъ отказался отъ договора съ нимъ и запретилъ вербовку. Въ 1522 году императоръ и папа тоже стали вербовать наемниковъ. Цвингли 16 мая издалъ «Увѣщаніе швейцарцамъ остерегаться отъ службы иноземнымъ государямъ». Но его не слушали. Онъ освободилъ себя отъ стѣсненія, отказавшись брать пенсію, которую выдавалъ ему папа, и сталъ рѣзко порицать римскую курію и агента ея въ Швейцаріи, Шиннера, епископа зиттенскаго, вербовавшего наемниковъ. Онъ говорилъ швейцарцамъ: «Я хотѣлъ, чтобы вы прорвали по срединѣ папскую грамоту о заключеніи договора съ нимъ, и повѣсивъ ее на спину его посла, отправили ее назадъ. Когда показывается волкъ, вы бѣете въ набатъ, преслѣдовать его; а волковъ, губящихъ и тѣло и душу, вы не хотите отгонять. Не напрасно кардиналы носятъ красныя шапки и мантии; когда потряхиваютъ ими, то падаютъ изъ нихъ

дукаты; а если выжимать ихъ, то течетъ изъ нихъ кровь вашихъ сыновей, братьевъ, отцовъ и друзей». Наемничество было выгодное ремесло, вліятельные люди получали пенсію за договоры о немъ; порицаніемъ ему Цвингли возбудилъ противъ себя много вражды; къ политическимъ противникамъ его присоединились религіозные; они стали обвинять Цвингли въ ереси, говорили, что онъ другой Лютеръ, что надобно защитить отъ него католическую вѣру, подымали народъ противъ него. Городской совѣтъ поставилъ стражу охранять его домъ; когда онъ вечеромъ выходилъ, его провожали молодые люди его партіи. Онъ не пугался опасности. Въ проповѣди о постѣ онъ говорилъ тогда: «Ѣсть мясо не грѣшно, грѣшно продавать людей, какъ скотъ на бойню». Его брюшюру «О выборѣ и свободѣ пищи», *Von Erkiesen und Fryheit der Spysen*, изданную въ апрѣлѣ 1522, можно назвать первымъ его сочиненіемъ въ духъ реформаціи. Онъ доказываетъ въ ней, что христіанину должна быть предоставлена свобода поститься или не поститься. Около того же времени онъ напечаталъ «Божественное увѣщаніе» народному собранію кантона Швица, съ благороднымъ патріотизмомъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ разъясня дурныя слѣдствія наемничества. Правительство Швица отвѣчало на это запрещеніемъ проповѣдывать новое ученіе, возбуждающее ссоры въ народѣ и колеблющее христіанскую вѣру.

Черезъ годъ по пріѣздѣ Цвингли въ Цюрихъ, правительство этого кантона разрѣшило священникамъ «свободно проповѣдывать евангеліе и апостолъ сообразно духу божію и божественному писанію ветхаго и новаго завѣта, какъ это дозволяется и папскими законами». Епископъ констанцскій, къ епархіи котораго принадлежалъ Цюрихъ, не возражалъ противъ этого распоряженія. Папа, отлучивъ отъ церкви Лютера, все еще уклонялся отъ ссоры съ швейцарцами. Но теперь въ Цюрихѣ начали не соблюдать постовъ и нѣкоторыхъ другихъ католическихъ обычаевъ. Епископъ констанцскій весной прислалъ Цюрихскому правительству требованіе, чтобъ оно охраняло уставы церкви. Правительственный совѣтъ, предсѣдателемъ котораго былъ бургомистръ Марксъ Рейстъ, пригласилъ 8 апрѣля Цвингли и двухъ другихъ проповѣдниковъ на совѣщаніе объ этомъ дѣлѣ. Цвингли привелъ изъ апостола Павла слова, которыми доказывалъ, что постъ не божественная заповѣдь. Члены совѣта рѣшили дать епископу уклончивый отвѣтъ, что запретять нарушать посты «безъ важной причины», и попросили епископа освѣдомиться у церковнаго правительства или богослововъ о томъ, какіе обряды необходимо соблюдать, какіе можно отмѣнить. Епископъ прислалъ Цюрихскому капитулу пастырское увѣщаніе твердо противиться нововведеніямъ; онъ признавалъ, что въ церковные обычаи вкралось многое, противное Священному писанію; но говорилъ, что «общая ошибка имѣетъ на своей сторонѣ справедливость», и никто не долженъ поступать про-

тивно церковному обычаю. Ужь раньше того нѣкоторые каноники Цюрихскаго капитула, и въ числѣ ихъ Гофманъ, прежній покровитель Цвингли, стали сильно порицать «лютеранскія нововведенія», и Цвингли однажды въ гнѣвѣ воскликнулъ: «При помощи божіей такъ встряхну ихъ, какъ быкъ рогами встряхивалъ соломенный тюфякъ». Теперь онъ напечаталъ «Architeles, то есть начало и конецъ», — возраженіе на пастырское увѣщаніе епископа, которому совѣтовалъ не пытаться подавить истину, оправдывалъ свое ученіе и предлагалъ диспутъ.

Въ іюлѣ Цвингли и десять другихъ священниковъ написали „Христіанскую просьбу“ швейцарскому сейму; они просили сеймъ о дозволеніи свободной проповѣди Евангелія и о томъ, чтобы священникамъ было дозволено жениться, и чтобы браки тѣхъ, которые ужь женились, были признаны законными (Цвингли въ это время ужь былъ женатъ). — Въ письмѣ къ епископу они говорили: что рѣшились проповѣдывать чистую евангельскую истину и приглашали быть ихъ вождемъ, вторымъ Моисеемъ въ дѣлѣ избавленія народа отъ духовнаго рабства. Они доказывали, что безбрачіе священниковъ не предписано Священнымъ писаніемъ, что оно произвольное установленіе папъ, ведущее къ грѣху. Мы видѣли, что противъ него возставали и нѣмецкіе реформаторы. Въ Швейцаріи издавна бывали случаи, что община обязывала священника имѣть наложницу, для предотвращения волокитства за замужними женщинами.

Епископъ не могъ принять сторону Цвингли и его друзей. Въ Цюрихѣ шло волненіе. Приверженцы стараго церковнаго устройства, вождями которыхъ были монахи, противились нововведеніямъ. Партія реформы постоянно росла. Цвингли просилъ правительство признать за нимъ, какъ за старшимъ изъ приходскихъ священниковъ, епископскую власть въ городѣ, подчинить ему и монастыри. Бургомистръ отъ имени правительственнаго совѣта объявилъ, что въ Цюрихѣ должно быть проповѣдуемо „чистое слово Божіе“ безъ всякихъ иныхъ ученій, и Лей Леу, или по латинской формѣ имени, Лео-Юде, Leo-Judae, ставшій съ этого времени помощникомъ его, начали рядъ проповѣдей, излагавшихъ новое ученіе. Многія монахини Эбенбахскаго женскаго монастыря сложили съ себя монашество.

Между тѣмъ папой сталъ Адріанъ VI, усердно заботившійся объ улучшеніи нравовъ духовенства. Онъ попытался удержать Цюрихъ въ союзѣ съ нимъ и императоромъ. Его легатъ прислалъ цюрихскому совѣту и Цвингли обѣщанія, что будутъ отмѣнены злоупотребленія римской куріи. Но Цвингли не вѣрилъ этому и просилъ, чтобы правительственный совѣтъ разрѣшилъ ему «на публичномъ собесѣдованіи въ присутствіи совѣта, епископа или епископскихъ комиссаровъ, богослововъ и неученыхъ людей изложить его ученіе»; онъ говорилъ, что если окажется ошибающимся, то готовъ отречься отъ заблужденій и даже согласенъ подвергнуться наказанію, но что если совѣтъ и народъ найдутъ, что онъ правъ, то онъ будетъ просить защиты божественной истинѣ. Совѣтъ согласился, назначилъ, что собесѣдованіе будетъ происходить 29 января (1523 года) и обнародовалъ приглашеніе всѣмъ желающимъ явиться на этотъ диспутъ.

Цвингли изложилъ свое ученіе въ 67 тезисахъ, вызываясь защищать ихъ. Онъ въ нихъ отвергалъ всѣ тѣ догматы и правила католической церкви, которыя, по его мнѣнію, не были основаны на Священномъ писаніи. Это составляло существенную разницу его отъ Лютера, который отвергалъ только то, что находилъ противорѣчащимъ Священному писанію, удерживая всѣ другія ученія и правила католической церкви.

Тезисы Цвингли стали программой преобразованія церкви подъ его руководствомъ. Оно было радикальное. Онъ, какъ мы говорили, устранялъ все то, что не было основано на Священномъ писаніи. Церковь, по его тезисамъ, „собраніе дѣтей божіихъ“, „общество благочестивыхъ“; единственный глава ея Христосъ; каждая христіанская община имѣетъ неограниченную власть надъ своими церковными дѣлами; она подчинена только свѣтскому правительству (если оно христіанское). Она сама устанавливаетъ свои законы; органъ ея законодательства и управленія—комитетъ избираемыхъ ею представителей. Эти проповѣдники и администраторы избираются подъ условіемъ, что будутъ охранять заповѣди божіи и получаютъ власть наказывать за ихъ нарушеніе, но если не исполняютъ своей обязанности, то смѣщаются общиной. Такимъ образомъ, Цвингли совершенно разрушалъ іерархическое устройство церкви; духовныя лица по его ученію только выборные правители; особаго духовнаго сословія нѣтъ.

Въ назначенный день, 29 января (1523 года) собрались члены большого (верховнаго правительственнаго) и малаго (административнаго) совѣтовъ, много ученыхъ, много простыхъ гражданъ; всего до 600 человекъ. Правительства другихъ кантоновъ всѣ, кромѣ золотурнскаго, уклонились отъ оффиціального участія въ этомъ собраніи, но было тутъ много вліятельныхъ людей изъ многихъ кантоновъ. Епископъ констанцскій прислалъ четырехъ делегатовъ; однимъ изъ нихъ былъ генеральный викарій его, Йоганнъ Фаберъ, ученый и умный человекъ; они должны были не принимать участія въ диспутѣ, а только «слушать, рѣшать и склонять къ миру и единенію». Предсѣдательствовалъ бургомистръ Рейстъ. По срединѣ зала, за особымъ столомъ, сидѣлъ Цвингли; передъ нимъ лежала Библія въ еврейскомъ и греческомъ подлинникахъ и въ латинскомъ переводѣ. Онъ открылъ совѣщаніе краткой рѣчью, въ которой говорилъ, что вотъ ужъ пять лѣтъ усердно заботится проповѣдывать истинное, чистое слово Божіе, и однако-жь его называютъ еретикомъ, лжецомъ, совратителемъ; потому онъ формально заявилъ свои мнѣнія, и готовъ защищать ихъ; онъ кончилъ приглашеніемъ указать ему его ошибки. Но никто не всталъ возражать противъ его тезисовъ. Видя это, началъ говорить Фаберъ. Онъ сказалъ, что споръ о дѣлахъ вѣры подлежитъ рѣшенію не такого собранія, какъ настоящее, а вселенскаго собора, или собранія епископовъ и ученыхъ. Цвингли отвѣчалъ: «Здѣсь есть много ученыхъ людей и хорошихъ христіанъ, которые могутъ разумно судить по духу Божію, какія ученія сообразны, какія несообразны съ Священнымъ пи-

саніємъ». Послышались голоса, порицавшіе противниковъ Цвингли за ихъ молчаніе и говорившіе, что епископъ поступилъ очень несправедливо съ рюслибахскимъ священникомъ, котораго бросилъ въ темницу за проповѣдь противъ моленія святымъ о заступничествѣ передъ Богомъ. Фаберъ отвѣчалъ, что лично посѣтилъ этого священника въ темницѣ, разсѣялъ его сомнѣнія относительно моленія святымъ и что онъ теперь готовъ отречься отъ своего заблужденія. Пунктъ для нападенія былъ выбранъ неудачно; Цвингли попросилъ Фабера доказать словами Писанія, что должно молиться святымъ о заступничествѣ. Фаберъ не могъ привести такихъ словъ. Потомъ, когда онъ сослался на авторитетъ церкви, и сталъ оправдывать правило о безбрачїи священниковъ, то выразилъ неудовольствіе даже одинъ изъ членовъ правительства. Защищать католичество противъ доводовъ Цвингли, основанныхъ на Священномъ писаніи, было бы трудно и самому лучшему бойцу; но Фаберъ былъ слабый диспутантъ; другіе, говорившіе послѣ него противъ тезисовъ Цвингли, тоже производили плохое впечатлѣніе. Цвингли побѣждалъ ихъ. «Онъ имѣлъ отъ Бога особый даръ диспутировать», говоритъ Буллингеръ: «Онъ не давалъ своимъ противникамъ уклоняться отъ предмета, не отвлекался отъ него ненужными рѣчами, умѣлъ обращать ихъ аргументы противъ нихъ самихъ, неотступно держался Священнаго писанія, и говорилъ коротко». — Правительственный совѣтъ пригласилъ его «продолжать дѣлать такъ, какъ дѣлалъ, возвѣщать святое евангельское ученіе по духу Божію»; съ тѣмъ вмѣстѣ совѣтъ повелѣлъ чтобы «всѣ другіе служители слова Божія въ городѣ и кантонѣ Цюрихѣ учили только тому, что могутъ доказывать свидѣтельствомъ Священнаго писанія» и воспретилъ подъ страхомъ наказанія «всякое ношеніе» церковнаго преобразования. Фаберъ съ негодованіемъ уѣхалъ изъ Цюриха и сталъ ожесточеннымъ врагомъ преобразователей перкви.

3. Введеніе реформациі въ Цюрихѣ и другихъ кантонахъ.

Итакъ, правительство цюрихскаго кантона приняло сторону реформациі; началось преобразование церкви по ученію Цвингли; правительство руководило этимъ дѣломъ, заботясь о томъ, чтобы оно было ведено спокойно и по возможности безъ всякаго насилія. Такъ желалъ вести его и самъ Цвингли. Онъ обнародовалъ «истолкованіе и оправданіе заключительныхъ рѣчей», произнесенныхъ имъ при спорахъ по его тезисамъ на диспутѣ; это изложеніе принятыхъ правительствомъ мнѣній его было предназначено служить нормой и законнымъ основаніемъ церковнаго преобразования. Въ крещеніи и брако-

сочетаніи былъ введенъ нѣмецкій языкъ; монастыри, изъ которыхъ много монаховъ ужь ушло, были постепенно закрываемы, капитулъ цюрихскаго соборнаго храма былъ секуляризованъ; монастырскіе доходы были обращены на новую школу для священниковъ, на больницы и богадѣльни, такса за совершеніе требъ была понижена. — Школа для приготовленія образованныхъ священниковъ была созданіемъ Цвингли. Однимъ изъ преподавателей въ ней былъ Буллингеръ, ставшій по смерти Цвингли преемникомъ его. Священникамъ было разрешено вступать въ бракъ по церковному обряду. Цвингли женился (въ апрѣлѣ 1524) на вдовѣ дворянкѣ, Аннѣ Рейнгардъ, съ которой ужь два года жилъ въ гражданскомъ бракѣ. У нихъ родились два сына и двѣ дочери.

Какъ въ Виттенбергѣ Карльштадъ и друзья произвели безпорядки, отмѣняя католическую литургію и вынося иконы изъ церквей, такъ и въ Цюрихѣ явились горячіе люди, требовавшіе прекращенія «идолопоклонства». Цвингли въ своихъ «заключительныхъ рѣчахъ» отвергалъ католическую литургію, а въ брошюрѣ «О литургіи» предлагалъ замѣнить католическую форму ея другой, сообразной съ его понятіями о значеніи эвхаристіи. Потому онъ увидѣлъ себя въ такомъ же неловкомъ положеніи, какъ Лютеръ въ борьбѣ съ Карльштадомъ; но вышелъ изъ него безъ вреда своей репутаціи, благодаря тому, что выказалъ терпимость, которой не было у Лютера. По его совѣту цюрихское правительство назначило новый религіозный диспутъ, разослало всѣмъ швейцарскимъ епископамъ, богословамъ, священникамъ, правительствамъ приглашеніе участвовать въ немъ. Епископы отказались; изъ правительствъ прислали своихъ уполномоченныхъ только шафгаузенское и санктъ-галленское. Но собралось около 500 священниковъ; общее число участниковъ собранія простиралось до 900. Совѣщанія заняли три дня, 26 — 28 октября (1523 года). Цвингли началъ ихъ рѣчью, которую потомъ напечаталъ подъ заглавіемъ «Пастырѣ». Предупреждая возраженіе католиковъ, что свѣтскія правительства не компетенты въ дѣлахъ вѣры, онъ доказывалъ, что каждая община—церковь, имѣющая право сама завѣдывать своимъ религіознымъ устройствомъ. Каноникъ Конрадъ Гофманъ спорилъ противъ этого мнѣнія Цвингли; но оно было принято собраніемъ. Лей сталъ доказывать, что употребленіе образовъ при богослуженіи противно Священному писанію и должно быть запрещено. Католики возражали противъ этого; но большинство собранія рѣшило, что должно молиться исключительно Христу, милосердому искупителю нашихъ грѣховъ. При диспутѣ о значеніи эвхаристіи и объ отмѣнѣ католической литургіи оппозиція была сильнѣе; многіе выражали сожалѣніе о томъ, что нововводители часто говорятъ о священнѣйшей части прежняго богослуженія грубымъ тономъ. Цвингли по этому случаю высказалъ порицаціе тому, что «многіе не научились отъ Мартина

Лютера ничему, кромѣ рѣзкости словъ, съ какой онъ часто говорить по горячей любви, а не научаются отъ него душевному стремленію къ божественной истинѣ». — Чтобы не было впослѣдствіи споровъ о томъ, дѣйствительно ли по большинству голосовъ духовенства принимаются рѣшенія, аббаты и священники были всѣ поочередно приглашаемы сказать свое мнѣніе. Многіе промолчали. Другіе сказали, что католическая литургія должна быть отмѣнена.

Религіозное собесѣдованіе кончилось въ пользу реформатскаго ученія. Оно шло въ духъ христіанской любви, о которой особенно хорошо напоминалъ всѣмъ благочестивый іоаннитскій контуръ, Конрадъ Шмидъ Кюснахтскій. Горячимъ людямъ, требовавшимъ немедленной отмѣны обрядовъ и церковныхъ украшеній, казавшихся имъ суевѣрными, онъ говорилъ, что должно имѣть снисходительность къ слабымъ, любящимъ привычное и надобно дѣйствовать поученіемъ, быть терпѣливыми. Правительство учредило совѣтъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ для введенія новаго богослужебнаго порядка и церковнаго ученія, запретило духовенству проповѣдовать противъ пунктовъ, принятыхъ на собесѣдованіи. Для руководства духовенству Цвингли написалъ «Краткое христіанское введеніе»; оно было разослано отъ правительства всѣмъ священникамъ кантона, «чтобъ они единогласно возвѣщали евангельскую истину». На его основаніи было организовано во всемъ цюрихскомъ кантонѣ одинаковое церковное устройство подъ наблюденіемъ свѣтской власти; но принужденія не было. Правительство приглашало священниковъ и народъ cadaго прихода заявлять свое мнѣніе, и преобразование было введено по общему согласію. Цюрихское правительство приглашало и другіе кантоны поступать такимъ же образомъ, послало «Введеніе» Цвингли епископамъ констанцскому, базельскому, курскому (Chur) и университетамъ. Получивъ согласіе духовенства и населенія, оно отдѣлило цюрихскій кантонъ отъ констанцской епархіи.

Но горные кантоны не хотѣли бездѣйственно смотрѣть на цюрихскую реформацію. Въ іюнѣ 1523 они потребовали, чтобы швейцарскій сеймъ военной силой остановилъ преобразование церкви въ Цюрихѣ. Только сопротивленіе Берна устранило это нарушеніе союзнаго договора. Но правительство люцернскаго кантона казнило проповѣдника реформаціи Готтингера, а на съѣздѣ уполномоченныхъ двѣнадцати кантоновъ (то-есть всѣхъ кантоновъ кромѣ цюрихскаго) въ Бекенридѣ горные и сосѣдніе съ ними кантоны объявили, что должна быть сохранена прежняя вѣра и богослуженіе, и по ихъ требованію этотъ сеймъ 26 января 1524 отправилъ въ Цюрихъ пословъ пригласить его оставаться вѣрнымъ союзу и католической церкви. Цюрихскій кантональный совѣтъ 21 марта отвѣчалъ, что соблюдаетъ прежнюю дружбу и союзъ, но въ дѣлахъ слова Божія и душевнаго спасенія не можетъ сдѣлать уступокъ противныхъ совѣсти. Такимъ образомъ

началась въ швейцарскомъ союзѣ ссора. Прежде всего она проявилась по дѣламъ областей, находившихся подъ общимъ союзнымъ управленіемъ. Въ тургауской области разными округами правили фохты, назначаемые разными кантонами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ тамъ была отмѣнена католическая литургія, были вынесены образа изъ церквей. Это сопровождалось драками, при одной изъ которыхъ сгорѣлъ иттингенскій монастырь. За это судъ, засѣдавшій въ сосѣднемъ швейцарскомъ городѣ Баденѣ Ааргаускомъ, казнилъ трехъ чиновниковъ, сочувствовавшихъ реформаціи. Но она распространялась въ кантонахъ шафгаузенскомъ, бернскомъ, гларусскомъ, базельскомъ. Горные кантоны раздражались все сильнѣе. Въ Люцернѣ вліятельные люди, занимавшіеся вербовкой наемниковъ, потому враждебные Цвингли, взяли перевѣсъ надъ приверженцами реформаціи, воспретили ее. Миконій, Коллинъ, Кильхмейеръ и другіе реформаторы были прогнаны изъ люцернскаго кантона.

Подобно Карльштаду и его сторонникамъ, но независимо отъ нихъ, Цвингли пришелъ къ мнѣніямъ болѣе послѣдовательнымъ, чѣмъ Лютеръ и производилъ преобразование церкви радикальнѣе, чѣмъ онъ. Изъ храмовъ были вынесены образа, распятія, мощи, другіе священные католическіе предметы и многіе изъ нихъ были уничтожены; были вынесены органы, свѣчи, католическіе престолы, запрещены церковныя процессіи; латинскій языкъ въ богослуженіи былъ замѣненъ нѣмецкимъ. Обрядъ освященія даровъ на литургіи былъ, начиная съ пасхи 1525 года, замѣненъ болѣе простымъ обрядомъ, соотвѣтствовавшимъ ученію Цвингли, что причащеніе только воспоминаніе о тайной вечери Христа. Причащающіеся сидѣли на особыхъ рядахъ скамей или стульевъ, направо мужчины, налево женщины; хлѣбъ причастія разносился на большихъ деревянныхъ блюдахъ; каждый и каждая отламывали себѣ кусокъ; потомъ разносилось вино въ деревянныхъ кубкахъ.

Устраненіе образовъ изъ церквей возбуждало много неудовольствія; не нравилось многимъ и то, что Цвингли возставалъ противъ музыки при богослуженіи, хотя самъ любилъ ее въ домашнемъ быту; еще больше враговъ реформатской церкви надѣлалъ онъ тѣмъ, что не признавалъ эвхаристіи таинствомъ, считалъ ее только воспоминаніемъ о тайной вечери, о страданіи и смерти Спасителя. Его горячія нападенія на поклоненіе иконамъ можно считать результатомъ впечатлѣній, полученныхъ имъ въ Эйнзидельнѣ, гдѣ онъ видѣлъ въ полномъ развитіи дурныя стороны паломничества. Его понятія объ эвхаристіи были основаны на стремленіи возстановить ученіе и правила первобытной христіанской общины, какъ онъ понималъ ихъ; отчасти поэтому, отчасти потому что былъ экзегетомъ болѣе ученымъ, нежели Лютеръ, Цвингли разошелся съ нимъ въ ученіи объ эвхаристіи. Мнѣніе Карльштада о ней, имѣвшее послѣдователей въ Саксоніи, но

преслѣдуемое Лютеромъ, было близко къ ученію Цвингли. Эколампадій, другъ Цвингли, дѣйствовавшій въ Базелѣ, написалъ разсужденіе, объяснявшее эвхаристію въ смыслѣ его. Къ тому же мнѣнію привело Буллингера изученіе сочиненій Беренгарія Турскаго. Всѣ они говорили, что слова Спасителя «Сіе есть тѣло мое» должно одинаково съ Цвингли понимать въ смыслѣ «это означаетъ тѣло мое» (это символъ тѣла моего). Цвингли защищалъ это истолкованіе на диспутѣ, а весною 1525 въ латинскомъ разсужденіи «объ истинной и ложной вѣрѣ» формально и сильно высказалъ убѣжденіе, что освященіе святыхъ даровъ не пресуществляетъ хлѣба и вина, что причащеніе ими только «знакъ признаванія Христа своимъ спасителемъ, символическое обозначеніе того, что всѣ христіане составляютъ одну церковь, одно тѣло и что общеніе вѣрующихъ запечатлѣно кровью Христа». Изъ-за этого начались ожесточенныя нападенія виттенбергскихъ богослововъ на Цвингли и его сторонниковъ. Лютеръ отвергъ догматъ пресуществленія, но по своему мистицизму удерживалъ за эвхаристіей значеніе таинства, говорилъ о сверхъестественномъ единствѣ тѣла и крови Христа съ хлѣбомъ и виномъ, не допускалъ истолкованія слова «есть» словомъ «означаетъ». Цвингли говорилъ противъ этого, что Христосъ находится на небѣ, а не на землѣ; Лютеръ возражалъ, что по вездѣсущію Божію человѣческая природа Христа, соединенная съ божественной природой его, находится всюду, гдѣ хочетъ онъ, и называлъ мнѣніе Цвингли отреченіемъ отъ Христа.

Споръ объ эвхаристіи съ Лютеромъ выдвинулъ на первый планъ догматическую сторону ученія Цвингли, но это произошло противъ желанія самого Цвингли. Человѣкъ свободный отъ мистицизма Лютера, онъ думалъ больше его объ улучшеніи нравовъ, объ искорененіи пороковъ; догматика была для него дѣломъ второстепеннымъ. Завѣдуя школами въ цюрихскомъ кантонѣ, онъ заботился о приготовленіи просвѣщенныхъ проповѣдниковъ, сдѣлалъ основаніемъ богословскаго курса ученое объясненіе Священнаго писанія съ примѣненіемъ къ морали. Впослѣдствіи по его проекту былъ учрежденъ особый судъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ членовъ, называвшійся общиннымъ судомъ по брачнымъ дѣламъ Chor-und Ehegericht. Этотъ трибуналъ наблюдалъ за нравственностью, за честной семейной жизнью, дѣлалъ увѣщанія живущимъ дурно, устранялъ на время отъ причастія не исправляющихся и въ случаѣ надобности предавалъ ихъ гражданскому суду.

Ульманъ говоритъ: «Лютеране и реформаты одинаково отвергали человѣческія прибавленія къ слову Божію, но лютеране больше говорили о благодати, оправдывающей грѣшника за вѣру его, реформаты объ исполненіи заповѣдей Евангелія. У Лютера преобладаетъ религіозный интересъ, онъ хотѣлъ преобразовать вѣру; у Цвингли преобладаетъ нравственный интересъ: онъ хотѣлъ улучшить нравственную жизнь; лютеранскіе богословы разрабатывали догматику, реформатскіе—нравственное ученіе; у Лютера и его послѣдователей оставалось сильное уваженіе къ церковному преданію; Цвингли основны-

вался исключительно на Священномъ писаніи и произвелъ преобразование болѣе радикальное; Лютеръ отвергалъ только то, что противно Писанію, Цвингли все то, что не находится въ Писаніи. Лютеранская реформація заботится о единствѣ церкви больше, чѣмъ о свободѣ совѣсти; Цвингли не враждебенъ разнообразію вѣрованій и заботится больше всего о свободѣ совѣсти; въ лютеранствѣ христіанство понимается подъ формою церкви; реформаты требуютъ только христіанскаго образа жизни сообразнаго съ Писаніемъ. Въ лютеранствѣ больше мистицизма и поэзіи, цвинглианство ясное практическое ученіе.

Цвингли былъ радикальнѣе Лютера; но и противъ него возсталъ партія, подобно саксонскимъ анабаптистамъ, требовавшая демократическаго переворота въ гражданскомъ устройствѣ. Конрадъ Гребель, похожій образомъ мыслей на Мюнцера, Штумпфъ, Манцъ, Гецеръ и нѣкоторые другіе священники основали общество «пробужденныхъ»; они отвергали крещеніе младенцевъ, раздѣляли и другія идеи нѣмецкихъ анабаптистовъ, подобно имъ ставили «внутреннее слово» (непосредственное откровеніе) выше «писаннаго слова» (священнаго писанія). Цвингли вступилъ въ борьбу съ ними. Онъ не согласился допустить основаніе особенной «церкви святыхъ», насмѣшливо говоря: «Нельзя устроить небо на землѣ. Христосъ училъ оставлять плевелы расти между пшеницей». Ему казались опасны для общественнаго порядка шумныя сборища, требовавшія, чтобъ завѣдываніе церковью было отнято у правительства, чтобы священники назначались непосредственно собраніями народа; онъ остался при своемъ убѣжденіи, что и въ церковныхъ дѣлахъ, какъ въ гражданскихъ, народъ долженъ дѣйствовать черезъ правительство избираемое имъ, что завѣдывать церковной администраціей должно оно. Припомнимъ, что въ это время Германія и въ особенности пограничныя со Швейцаріей части ея, Южная Швабія и Шварцвальдъ, страдали отъ крестьянской войны, отъ свирѣпаго подавленія этого бунта. Ученія Мюнцера и Губмайера, содѣйствовавшія возникновенію мятежей, проникли въ Швейцарію и находили тамъ сочувствіе. На собраніи въ Тессѣ народъ кричалъ: «Теперь мы стали господа и будемъ ѣздить верхомъ, а господа пусть ходятъ пѣшкомъ». Были такія собранія и въ другихъ мѣстахъ. Толпы людей во вретницахъ, подпоясанныхъ веревками, посыпавъ головы пепломъ, подходили къ Цюриху и провозглашали погибель ему. Въ Санктъ-Галленѣ число анабаптистовъ возросло до 800; подобно нѣмецкимъ анабаптистамъ они говорили о братскомъ равенствѣ, общности имущества, учрежденіи царства, въ которомъ править будутъ избранные божіи. Цвингли былъ въ затрудненіи какъ держать себя относительно ихъ. Здравый смыслъ внушалъ ему, что ученіе ихъ не практично; но они ссылались на Священное писаніе. Онъ имѣлъ разговоры съ ними, стараясь отклонить ихъ отъ фантазерства, писалъ разсужденія, въ которыхъ доказывалъ неосновательность ихъ мнѣній (одна изъ этихъ брошюръ называется «О крещеніи, перекрещенствѣ и крещеніи младенцевъ», другая «О должности

проповѣдника»); онъ даже имѣлъ публичный диспутъ съ ними (въ ноябрѣ 1525). Но нельзя было вразумить фанатиковъ; ихъ фантазерство пріобрѣтало новыхъ приверженцевъ, множество людей крестились по ихъ ученію. Экзальтація доходила до сумасбродства. Наконецъ вмѣшалось въ дѣло правительство; вожди анабаптистовъ, вызванные къ суду, отвѣчали, что не признаютъ земныхъ судей, что ихъ господинъ только Богъ. Цюрихскій совѣтъ велѣлъ въ мартѣ 1526 отвести ихъ въ темницу и держать на хлѣбѣ и водѣ, пока они отрекутся, запретилъ повторять крещеніе, велѣлъ разгонять сходки анабаптистовъ. Посаженные въ темницу нашли способы бѣжать; ученики называли ихъ освобожденіе чудомъ Божиимъ; стали шумѣть больше прежняго. Правительство приняло крутыя мѣры: Манцъ былъ утопленъ въ Цюрихѣ; Георга Блаурока водили по улицамъ, бичуя (черезъ годъ Губмайеръ былъ сожженъ въ Вѣнѣ). Осужденные выносили мученія и принимали смерть мужественно; изъ этого видно, что они были люди искреннихъ убѣжденій. Цвингли писалъ гражданамъ Берна: «Борьба съ перекрещенцами тяжеле всякой другой мнѣ. Поступайте твердо, но съ умѣренностью».

По соглашенію съ правительствами бернскимъ, базельскимъ, шафгаузенскимъ и санктъ-галленскимъ цюрихскій правительственный совѣтъ воспрепятствовалъ проповѣдь мятежнымъ энтузіастамъ, о которыхъ говорилъ: „Они хвалятся божественнымъ откровеніемъ, которое у нихъ повелѣваетъ ужаснѣйшія преступленія, не хотятъ носить оружія, платить налоги, подчиняться судамъ, требуютъ общности имуществъ и объявляютъ что истинный христіанинъ не долженъ быть начальникомъ другихъ“. За упорство въ этихъ мнѣніяхъ онъ угрожалъ топить въ рѣкѣ.

Анабаптистское волненіе еще не было вполне подавлено, когда явились враги болѣе опасные Цюриху, усердные католики другихъ кантоновъ. Цвингли желалъ улучшить нравственность народа, возставалъ противъ наемничества, бывшаго главнымъ источникомъ доходовъ для многихъ вліятельныхъ людей. По его убѣжденію Цюрихъ отказался отъ союза съ королемъ французскимъ (то-есть отъ посылки наемниковъ во французскую службу); даже въ Швицѣ, гдѣ Цвингли пріобрѣлъ много друзей, живши въ Эйнзидельнѣ, было принято по его вліянію такое же рѣшеніе. Но дѣло о наемничествѣ подняло противъ него сильныхъ враговъ. Мы знаемъ, что вліятельнѣйшіе члены кантональных правительствъ и вербовщики наемниковъ получали пенсіи отъ короля французскаго, папы и другихъ государей. Вліяніе этой аристократической партіи было особенно сильно въ горныхъ кантонахъ, гдѣ наиболѣе укрѣпилось и наемничество. Она владычествовала тамъ въ кантональных совѣтахъ и въ союзномъ сеймѣ и противилась по расчету своей выгоды всякому улучшенію дѣлъ. Цвингли въ своей полемикѣ съ секретаремъ (landschreiber) кантона Ури, Валентиномъ Комперомъ, обращался къ народу горныхъ канто-

новъ съ умильными напоминаніями о томъ, чтобы потомки основателей швейцарской свободы выказали себя героями достойными предковъ; но олигархи горныхъ кантоновъ все рѣшительнѣе принимали сторону католическихъ сановниковъ. Союзный сеймъ, засѣдавшій въ Люцернѣ, требовалъ съ угрозами отъ Цюриха отмѣны нововведеній. Но представители нѣкоторыхъ кантоновъ не согласились подписать этотъ актъ; реформаты могли надѣяться на то, что Цюрихъ будетъ имѣть союзниковъ. Анабаптистскіе безпорядки запугали швейцарскій народъ; вліяніе консервативной партіи усилилось. Генеральный викарій епископа констанцскаго Фаберъ, ожесточенный противникъ Цвингли, говорилъ, что управившись съ проповѣдниками церковной реформы, можно будетъ приняться и за свѣтскихъ покровителей ихъ. По его требованію былъ сожженъ проповѣдникъ Гансъ Гейглинъ. Онъ разъѣзжалъ по Швейцаріи, ѣздилъ и въ Германію, неутомимо подготавливая нападеніе на Цюрихъ; въ Баденѣ швейцарскомъ онъ устроилъ религіозный диспутъ, на который пригласилъ Йоганна Экка, знаменитѣйшаго защитника католичества. Въ маѣ (1526 года) вскорѣ послѣ сожженія Гейглина собрались въ Баденѣ уполномоченные всѣхъ кантоновъ, кромѣ цюрихскаго, много богослововъ и монаховъ. Цюрихское правительство, отказавшееся участвовать въ этомъ религіозномъ конгрессѣ, запретило Цвингли ѣхать туда. Но Эколампадій, базельскій реформаторъ, и бернскій проповѣдникъ реформаціи Бертольдъ Галлеръ явились на диспутъ. Они 16 дней вели съ Эккомъ, Фаберомъ и Томасомъ Мурнеромъ споръ о догматѣ пресуществленія, обрядѣ причащенія, чистилищѣ, почитаніи святыхъ и иконъ. По мнѣнію католиковъ Эккъ одерживалъ блистательныя побѣды; онъ выставялъ противъ реформаторовъ множество доводовъ, заимствованныхъ изъ схоластическихъ богослововъ и соборныхъ постановленій. Большинство въ конгрессѣ составляли католики. Они 82 голосами противъ 10 голосовъ реформаторовъ рѣшили, что Эккъ во всемъ правъ, осудили Цвингли, «перваго распространителя лжеученія» и другихъ проповѣдниковъ «не захотѣвшихъ убѣдиться достаточнымъ разъясненіемъ истины», запретили всѣ еретическія сочиненія. Уполномоченные девяти кантоновъ заявили свое согласіе съ этимъ рѣшеніемъ богослововъ и намѣреніе «сохранять все полученное отъ святыхъ отцовъ и своихъ предковъ».

Но это постановленіе не подавило реформацію. Уполномоченные Берна и Базеля донесли своимъ правительствамъ о ходѣ диспута въ тонѣ благопріятномъ ученію друзей Цвингли. Партія реформаціи въ этихъ кантонахъ усиливалась; городскіе простолюдины, недовольные владычествомъ аристократовъ и расположенные къ реформаціи, взяли верхъ въ Бернѣ на выборахъ членовъ Большого совѣта (на пасху 1527 года). Малый совѣтъ, избираемый Большимъ, былъ послѣ того составленъ изъ приверженцевъ улучшеній. Мы говорили, что Бернъ

уже давно былъ однимъ изъ центровъ сатирической престопадной литературы, нападавшей на пороки и притѣсненія католической іерархіи. Полемика Цвингли противъ католичества вызвала новые памфлеты въ этомъ духѣ. Бернское правительство рѣшило назначить религіозный диспутъ по примѣру цюрихскаго. Католическая партія всячески противилась этому, предвидя свое пораженіе на свободномъ спорѣ, но въ ноябрѣ (1527 года) бернское правительство разослало богословамъ обѣихъ религіозныхъ партій приглашеніе пріѣхать на диспутъ. Въ Бернъ пріѣхали Цвингли, Эколампадій, Буцеръ, Капитонъ, Гильюмъ Фарель и другіе дѣятели швейцарской реформации; собралось болѣе 30 священниковъ, принявшихъ новое ученіе. Оно было объявлено справедливымъ; одинъ изъ священниковъ, державшихся до той поры католичества и готовившійся служить литургію по католическому обряду, сказалъ: «Узнавъ теперь, что такое католическая литургія, не буду совершать ее нынѣ и никогда» и снялъ съ себя католическое облаченіе. Бернское правительство обнародовало 7 ноября (1528 года) «Актъ о введеніи церковнаго преобразованія и улучшенія» (*Gemeine Reformation und Verbesserung*). Онъ отмѣнилъ власть епископовъ констанцскаго, базельскаго, зиттенскаго и лозанскаго, къ епархіямъ которыхъ принадлежали разныя части кантона. Мотивомъ къ этому было поставлено то, что «они наперекоръ всѣмъ просьбамъ и приглашеніямъ не явились на диспутъ и только стригли своихъ овецъ, а не пасли ихъ по заповѣди въ ученіи божіемъ». Правительство повелѣло священникамъ учить только слову Божію и ничему иному, не согласному съ принятыми на диспутѣ постановленіями. Оно отмѣнило католическую литургію, моленіе иконамъ, разрѣшило монахамъ слагать иноческіе обѣты и покидать монастыри и всѣмъ духовнымъ лицамъ жениться, съ тѣмъ вмѣстѣ воспретило анабаптизмъ; морастырскимъ доходамъ оно дало такое же назначеніе, какое получили они въ Цюрихѣ. При возобновленіи большого совѣта въ поненѣльникъ пасхи (13 апрѣля 1528) всѣ приверженцы католичества были устранены изъ него, замѣщены сторонниками реформации. Во всемъ кантонѣ реформация была введена при сочувствіи народа, только въ горной части, такъ называемомъ бернскомъ Оберландѣ, и въ долинѣ Гасли пришлось силой подавлять сопротивленіе ей. Бернское правительство отмѣнило договоръ о союзѣ съ королемъ французскимъ (то-есть разрѣшеніе вербовать волонтеровъ на французскую службу), отказалось получать субсидію, какую король давалъ по этому договору и заключило съ цюрихскимъ кантономъ союзъ для защиты реформации.

Примѣръ Берна рѣшилъ дѣло и въ Санктъ-Галленѣ, гдѣ уже давно дѣйствовалъ въ пользу реформации Іоакимъ Ваттъ (по латинской формѣ фамиліи Вадіанъ), племянникъ князя-аббата Франца Гейсберга. Народъ отмѣнилъ католическое богослуженіе; князь-аббатъ бѣжалъ

въ Роршахъ (въ слѣдующемъ году онъ умеръ тамъ). Члены капитула выбрали аббатомъ Киліана, но граждане не признали его своимъ правителемъ, конфисковали имущество и доходы аббатства и при содѣйствіи Цюриха и Гларуса учредили новое правительство, состоящее изъ земскаго начальника (Hauptmann) и двѣнадцати членовъ. Ихъ новое государство отдалось подъ покровительство швейцарскаго союза. Родина Цвингли, Тоггенбургская область, откупилась единовременной уплатой вознагражденія санктъ-галленскому правительству отъ подвластности, въ какой держали ее санктъ-галленскіе аббаты, и Цвингли ввелъ на своей родинѣ реформацію. Киліанъ былъ утвержденъ императоромъ и папой въ санъ князя-аббата, но принужденъ былъ удалиться, скитался по Германіи, прося войска для возстановленія своей власти, и въ 1530 году умеръ.

Эколампадій по возвращеніи съ баденскаго диспута ввелъ въ Базелъ богослуженіе на нѣмецкомъ языкѣ. Масса населенія тамъ была предана ученію реформаціи. Но епископская партія сохраняла большую силу, и правительство не отваживалось формально принять сторону Эколампадія и Цвингли. Оно разрѣшило проповѣдывать новое ученіе, но хотѣло сохранить католическую литургію. Масса горожанъ стала волноваться; въ февралѣ 1529 поднялись уличные беспорядки, народъ вошелъ въ церкви, уничтожилъ образа и другія католическія украшенія. Простолюдины одолѣли правительство, выбрали новый большой (высшій правительственный) совѣтъ, въ составъ котораго вошло 60 представителей цеховъ. Онъ выбралъ новый малый (административный) совѣтъ. Католики вышли изъ Большого совѣта. Это дало полную побѣду ихъ противникамъ; многіе приверженцы старой религіи, въ томъ числѣ бургомистръ Мельтингеръ уѣхали изъ Базеля; уѣхалъ и Эразмъ (во Фрейбургъ). Въ Базелѣ было введено подъ руководствомъ Эколампадія цюрихское богослуженіе и такое же строгое наблюденіе за нравственностью, какъ въ Цюрихѣ. Базель заключилъ съ Берномъ и Цюрихомъ союзъ для общей обороны. Когда волненіе затихло, Эразмъ возвратился въ Базель (онъ скоро умеръ тамъ). Эколампадій пригласилъ въ базельскую высшую школу Миконія, Гриней, Мюнстера, Фригіона и другихъ ученыхъ людей новаго направленія. Въ Мюльгаузенѣ, одномъ изъ городовъ, находившихся подъ покровительствомъ швейцарскаго союза, было послѣ нѣкоторой борьбы введено новое богослуженіе по примѣру Берна и по вліянію городского секретаря Гамсгорста. Въ сентябрѣ 1529 Мюльгаузенъ присоединился къ союзу трехъ реформатскихъ кантоновъ. Около того же времени присоединился къ нему Биль. Тогда же была введена реформація въ Шафгаузенѣ. Католическая партія въ Гларусѣ опиралась на поддержку горныхъ кантоновъ; но когда ходъ военныхъ дѣйствій, кончившихся каппельскимъ договоромъ, показалъ, что горные кантоны не очень сильны, большинство населенія Гларуса приняло (въ 1530

году) реформацію. Городъ Аппенцель остался католическимъ, но восемь сельскихъ общинъ его кантона ввели у себя реформацію. Три государства, составлявшія граубюнденскую конфедерацію и находившіяся въ менѣе тѣсной федеративной связи съ швейцарскимъ союзомъ, предоставили еще въ 1526 году каждой общинѣ свободу выбора между новой и старой вѣрой. Черезъ два года аббатъ монастыря св. Луціана вступилъ въ заговоръ съ Джованни Медичи, комендантомъ ломбардской крѣпости Муссо, и австрійскимъ полководцемъ Вольфомъ Дитрихомъ Гоэнемсомъ; они условились возстановить католичество въ городѣ Куръ (Chur); аббатъ обѣщался содѣйствовать тому, чтобъ императорскія войска овладѣли Кіавенной и Вальтеллиной, находившимися подъ властью граубюнденской конфедераціи. Заговоръ былъ открытъ, граубюнденцы казнили аббата (23 января 1529) и при помощи реформатскихъ кантоновъ защищали свои итальянскія владѣнія отъ императорскихъ войскъ.—Въ Золотурнѣ борьба католиковъ съ реформаторами длилась безъ рѣшенія до поворота дѣлъ, произведеннаго каппельской битвой.—Въ маленькой сельской республикѣ Герсау дѣятелемъ реформаціи былъ констанцскій священникъ Блареръ; народъ принялъ новую вѣру.—Нѣмецкіе города по берегамъ Боденскаго озера, по верхнему Рейну и во всей южной Швабіи больше сочувствовали швейцарской реформаціи, чѣмъ лютеранству. Въ Страсбургѣ правительство 20 февраля 1529 отмѣнило католическую литургію и повелѣло священникамъ «проповѣдывать Священное писаніе безъ всякой примѣси человѣческихъ выдумокъ». Граждане приняли не лютеранскую, а швейцарскую реформацію, отмѣнили всѣ праздники кромѣ воскресенья, вынесли изъ церквей католическіе престолы и тѣ образа, какіе можно было вынести, забѣлили известью альфреско на стѣнахъ церквей, вынесли органы. Для безопасности отъ нападенія габсбургской династіи, владѣвшей большею частью Эльзаса, Страсбургъ, по примѣру Базеля, Мюльгаузена и Констанца, заключилъ оборонительный союзъ съ Берномъ и Цюрихомъ (5 января 1530). Страсбургъ сдѣлался посредникомъ между нѣмецкими и швейцарскими протестантами. Мартинъ Буцеръ, бѣжавшій послѣ гибели Зикингена въ Эльзасъ, сдѣлавшійся проповѣдникомъ въ Страсбургѣ и получившій большое вліяніе на горожанъ, неутомимо хотя и безуспѣшно убѣждалъ Лютера и его друзей прекратить вражду противъ швейцарскихъ реформаторовъ.

Х. УСТРОЙСТВО ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ. ПРОТЕСТАЦІЯ.

1. Положеніе партій въ Германіи.

Казалось, что крестьянская война погубитъ нѣмецкую реформацію, какъ ученіе Уиклефа было подавлено послѣ англійскаго народнаго возстанія. Католики вишили въ этой войнѣ лютеранъ; епископы вюрц-

бургскій и бамбергскій, пользуясь реакціоннымъ настроеніемъ другихъ государей, приняли безпощадныя мѣры противъ послѣдователей Лютера; множество людей, неучаствовавшихъ въ возстаніи, было предано смерти за сочувствіе новому ученію. Палачъ, разѣзжавшій съ отрядомъ конницы по Франконіи и Швабіи повѣсилъ на деревьяхъ вдоль дорогъ 40 евангелическихъ проповѣдниковъ. Бальтазаръ Губмайеръ былъ арестованъ австрійскимъ правительствомъ въ моравскомъ городѣ Никольсбургѣ и 10 марта 1528 сожженъ; жену его утопили въ Дунаѣ. Счастьемъ для реформаціи было то, что мятежъ не распространился на Саксонію; благодаря тому лютеране могли отвѣчать своимъ противникамъ, что если бы желанія народа въ другихъ областяхъ были своевременно удовлетворены введеніемъ евангельскаго ученія, то мятежа не было бы и тамъ. Лютеръ говорилъ о возбуждавшихъ возстаніе проповѣдникахъ: «Они вышли отъ насъ, но были не наши. Пшеница не виновна въ появленіи плевелъ; истина не причина этого великаго бѣдствія».—Сѣверная Германія оставалась во время мятежа спокойна; потому герцогу Георгу не удалось склонить другихъ ея государей къ заключенію подобнаго регенсбургскому союзу для подавленія лютеранства.—Онъ казнилъ проповѣдниковъ новаго ученія въ своемъ герцогствѣ; но родственникъ его, новый курфирстъ саксонскій Іоаннъ, и даже зять его Филиппъ Гессенскій остались вѣрны реформаціи. Іоаннъ рѣшительнѣе Фридриха поддерживалъ Лютера, велѣлъ духовенству своихъ владѣній проповѣдывать только чистое слово божіе безъ человѣческихъ прибавокъ и отмѣнить всѣ излишніе католическіе обряды; ландграфъ гессенскій такъ углубился въ чтеніе религіозныхъ книгъ, что удивлялъ богослововъ своимъ знаніемъ Библии. Нюрнбергъ и Аугсбургъ перестали признавать епископскую власть и ввели у себя лютеранское богослуженіе. Оно было введено въ Мекленбургѣ, въ Помераніи, въ герцогствѣ Брауншвейгъ-Целльскомъ. Являлись проекты отнять власть у духовныхъ государей. Фердинандъ и герцоги баварскіе были не чужды желанія захватить сосѣднія епископства. Ландграфъ гессенскій и курфирстъ саксонскій въ октябрѣ 1525 заключили между собою союзъ и приглашали другихъ государей къ участію въ немъ. Гросмейстеръ Нѣмецкаго ордена объявилъ 19 апрѣля 1525, что обращаетъ орденскія владѣнія въ свѣтское государство и ввелъ въ немъ лютеранское богослуженіе. Епископы, бывшіе свѣтскими государями, встревожились. Курфирстъ майнцскій, котораго Лютеръ напрасно убѣждалъ послѣдовать примѣру его родственника гросмейстера, и епископъ страсбургскій, выпросили у герцога Георга и у швабскаго союза обѣщаніе защищать ихъ и послали своего союзника герцога Генриха Брауншвейгскаго въ Испанію лично передать Карлу ихъ просьбу о защитѣ. Было назначено, что 1 мая 1526 соберется въ Шпейерѣ сеймъ для окончательнаго рѣшенія религіозныхъ дѣлъ.

Генрихъ Брауншвейгскій нашелъ Карла расположеннымъ принять мѣры противъ лютеранства. Мы уже говорили, что по мадридскому миру, императоръ и король французскій условились дѣйствовать общими силами противъ турокъ и противъ еретиковъ. Карлъ отправилъ 23 марта 1526 года къ нѣкоторымъ нѣмецкимъ государямъ письмо, въ которомъ хвалилъ ихъ за союзъ противъ проклятаго еретическаго ученія Мартина Лютера, совѣтовалъ имъ искать новыхъ союзниковъ, обѣщалъ помогать имъ. Герцогъ Георгъ говорилъ, что если захочетъ, то станетъ курфирстомъ саксонскимъ. Государи, покровительствовавшіе лютеранству, принимали мѣры обороны. Курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій въ мартѣ 1526 заключили между собою въ Торгау формальный договоръ о взаимной помощи, искали новыхъ союзниковъ себѣ. Маркграфы франконскихъ владѣній Гоэнцоллерн-ской династіи Георгъ и Казиміръ присоединились къ ихъ союзу. Но пфальцграфъ рейнскій хотѣлъ сохранять нейтралитетъ. Франкфуртъ, Аугсбургъ и Нюрнбергъ тоже не приняли участія въ союзѣ, потому что имперскіе города вообще не довѣряли областнымъ государямъ. Но на съѣздѣ въ Магдебургѣ 9 іюня присоединились къ торгаускому союзу герцоги грубенгагенскій, люнебургскій, мекленбургскій, князь Вольфъ Ангальтскій, графъ Мансфельдскій и городъ Магдебургъ. Лютеръ много вредилъ успѣху дѣла своимъ непониманіемъ политическихъ надобностей; онъ горячо порицалъ мысль о сопротивленіи императору и о «защитѣ всемогущаго слова Божія».

Въ маѣ собрался въ Шпейерѣ сеймъ; курфирстъ саксонскій пріѣхалъ на него. Императорскіе комиссары и католическіе государи требовали исполненія вормскаго эдикта; но города энергически заявляли необходимость церковнаго преобразованія; подъ ихъ давленіемъ комитетъ сейма, состоявшій изъ четырехъ свѣтскихъ и четырехъ духовныхъ членовъ, составилъ проектъ разрѣшить священникамъ бракъ, ввести причащеніе мірянъ св. Дарами подъ обоими видами, уменьшить строгость постовъ, не принуждать къ исповѣди; этотъ проектъ сеймоваго рѣшенія былъ переданъ на разсмотрѣніе другому болѣе многочисленному комитету, когда было получено письмо императора, отправленное изъ Испаніи въ концѣ іюля. Съ рѣзкимъ противорѣчіемъ прежнимъ своимъ инструкціямъ онъ повелѣвалъ отмѣнить вормскій эдиктъ, объявляя, что рѣшеніе религіозныхъ споровъ будетъ предоставлено вселенскому собору. Дѣло въ томъ, что войска императора шли тогда на Римъ противъ папы. Карлъ не желалъ помогать своему врагу. Притомъ габсбургская династія имѣла на рукахъ столько затрудненій, что не могла вмѣшиваться въ религіозный споръ. Турки разбили Венгровъ при Могачѣ; вдовствующая королева венгерская, сестра императора, склонялась къ лютеранству, и противники габсбургской династіи Заполя и его партія хотѣли истребить лютеранъ въ Венгріи. Утраквисты составляли сильную партію въ

Богеміи, къ которой принадлежали тогда Силезія и Лаузицъ; надобно было щадить ихъ, тѣмъ болѣе, что Вильгельмъ, герцогъ баварскій, глава нѣмецкихъ католиковъ, заявлялъ притязанія на богемскую корону. Фердинандъ присягнулъ соблюдать компактаты; только послѣ этого богемскій сеймъ избралъ его королемъ, и онъ короновался въ Прагѣ (24 февраля 1527). Но онъ не хотѣлъ ссориться съ католиками, потому устроилъ такъ, что нѣмецкій сеймъ предоставилъ дѣло объ исполненіи вормсскаго эдикта на волю каждаго государя или городского правительства. Такимъ образомъ Фердинандъ сохранилъ право преслѣдовать лютеранъ въ своихъ владѣніяхъ, когда найдетъ это полезнымъ для угожденія католикамъ. Рѣшеніе сейма 27 августа постановило, что «каждый членъ имперіи будетъ до рѣшенія вселенскаго собора дѣйствовать какъ считаетъ себя обязаннымъ передъ Богомъ и императоромъ», то-есть имѣетъ право распоряжаться религіозными дѣлами въ своемъ государствѣ по своему усмотрѣнію.

Этимъ былъ введенъ въ государственныя дѣла Германіи принципъ «какая вѣра государя, такая вѣра государства», *сuius regio eius religio*, и Германія была окончательно подвергнута религіозному распаденію. Если бъ императоръ сталъ на сторону реформаціи, онъ могъ бы возсоздать національное единство. Но Карлъ былъ неспособенъ понимать широкія политическія идеи; онъ заботился только о своихъ минутныхъ выгодахъ и своей нерѣшительностью въ религіозныхъ дѣлахъ далъ областнымъ государямъ возможность окончательно уничтожить политическое единство Германіи, стать вполнѣ независимыми отъ центральнаго правительства. Нѣмецкіе преобразователи церкви еще не выработали въ это время общаго ученія; еще возможно было сохранить церковное единство, примирить лютеранъ съ католиками. Но произволъ, предоставленный областнымъ государямъ по рѣшенію шпейерскаго сейма, далъ лютеранству время пріобрѣсти организацію и окончательно отдѣлиться отъ католичества.

2. Организациія лютеранской церкви. Женитьба Лютера.

Шпейерскій сеймъ отдалъ на волю областныхъ государей церковныя дѣла въ ихъ владѣніяхъ; лютеранскіе государи поспѣшили организовать новую церковь. Лютеръ сжегъ каноническое право; это было уничтоженіемъ не только папской, но и епископской власти. Дѣло о созваніи вселенскаго собора отсрочивалось до неопредѣленнаго будущаго. Государямъ надобно было дѣйствовать по собственному усмотрѣнію.

Раньше всѣхъ занялся этимъ Филиппъ Гессенскій, энергія котораго устроила и политическій союзъ лютеранскихъ государей, заключенный въ Торгау. Въ октябрѣ 1526, черезъ два мѣсяца по возвращеніи изъ Шпейера, Филиппъ созвалъ духовенство, дворянство и представителей городовъ своего государства въ Гомбергъ для совѣщаній о введеніи новаго церковнаго устройства; главнымъ ораторомъ со стороны реформаторовъ былъ Ламберъ Авиныонскій, францисканецъ, отрeksiйся отъ монашества и бѣжавшій изъ Франціи. Онъ былъ приглашенъ въ Гомбергъ по рекомендаціи Штурма, бургомистра страсбургскаго. Его краснорѣчіе заставило молчать прелатовъ и другихъ приверженцевъ католичества. На гомбергскомъ сеймѣ появились тѣ идеи демократическаго устройства церкви, которыя были впоследствии приняты кальвинистами, но не укоренились въ Германіи.

Гомбергскій сеймъ рѣшилъ, что каждое „общество вѣрующихъ“ составляетъ самостоятельное цѣлое, завѣдующее своими религіозными дѣлами, избирающее своихъ правителей или епископовъ, наблюдающее за нравственностью своихъ сочленовъ; оно учреждаетъ кассу для пособія бѣднымъ. Каждый годъ представители этихъ общинъ собираются на синодъ; его составляютъ старшіе священники (епископы) и свѣтскіе депутаты общинъ. Онъ рѣшаетъ всѣ спорныя дѣла. Управление текущими дѣлами въ промежутки синодовъ ввѣряется комитету, который руководитъ и совѣщаніями синода. Въ выборѣ членовъ комитета участвуютъ областной государь, графы и другіе господа.

Лютеръ прежде самъ думалъ, что церковь должна имѣть демократическое устройство, и въ 1523 году писалъ пражскимъ утравкистамъ, что они имѣютъ право сами избирать своихъ епископовъ и пастырей; но его отношенія къ курфирсту были такія, что онъ скоро отбросилъ мысли подобнаго рода. Государи, вводившіе у себя новое ученіе, не могли взамѣнъ епископской власти учредить демократическое правленіе церковью, взяли власть надъ нею въ свои руки. Лютеръ понималъ, что не возможно сопротивляться имъ. Крестьянская война вѣроятно содѣйствовала развитію въ немъ непріязни къ демократическимъ мыслямъ. Онъ полагалъ теперь, что епископская власть должна быть передана государямъ.

По совѣту Лютера курфирстъ Іоаннъ назначилъ трехъ комиссаровъ для введенія новаго церковнаго устройства въ своемъ государствѣ. Инструкцію для нихъ написалъ Меланхтонъ по соглашенію съ Лютеромъ; эта книжка, напечатанная въ мартѣ 1528, называется *Visitationsbüchlein* (книжка для визитаціи, то-есть для ревизіи церквей). Они ввели одинаковое богослуженіе, утвердили въ должностяхъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые держались новаго ученія, вели переговоры о секуляризаціи монастырей и капитуловъ. Для надзора за церквами и рѣшенія брачныхъ дѣлъ были назначены суперъ-интенденты. Преобразование было сдѣлано въ очень умѣренномъ духѣ. Въ 1529 году Лютеръ написалъ два катехизиса, Большой для священниковъ и учителей, Малый для учащихся дѣтей. По

образцу курфиршества саксонскаго было произведено преобразование церкви и въ другихъ лютеранскихъ государствахъ. Въ Гессенѣ гомбергскія права были замѣнены составленными по образцу виттенбергскихъ.

Лютеръ при всей горячности своего характера былъ человѣкъ осмотрительный, расположенный къ консерватизму. Изъ августинскаго монастыря, въ которомъ жилъ онъ, уже ушли всѣ монахи. Онъ и пріоръ оставались тамъ одни. Наконецъ въ октябрѣ 1524 онъ снялъ съ себя монашескую мантию, надѣлъ черное священническое платье, сукно для котораго подарилъ ему курфирстъ. Онъ отдалъ государю ключи монастыря; курфирстъ сказалъ, что отдаетъ ему монастырь и садъ. Всѣ монастыри въ курфиршествѣ были уже покинуты монахами. Лютеръ помогалъ ушедшимъ изъ нихъ. Изъ женскаго цистерціанскаго монастыря (находившагося близъ Гриммы) пріѣхали въ Виттенбергъ девять дѣвушекъ. Въ числѣ ихъ находилась Катарина фонъ Бора. Священники, принимавшіе новое ученіе, вообще женились. Лютеръ ободрялъ ихъ, но самъ былъ не женатъ. Наконецъ послѣ долгаго раздумья онъ рѣшился жениться на Катаринѣ Борѣ. Онъ былъ въ это время человѣкъ уже болѣзненный. Главнымъ мотивомъ женитьбы была его надобность устроить спокойную домашнюю жизнь, какой требовала слабость его здоровья. Свадьба была отпразднована 13 іюня 1525. Катарина Бора была умная, энергичная женщина, превосходно вела домашнее хозяйство и присматривала за тѣмъ, чтобы Лютеръ оставлялъ что нибудь на домашнія надобности, а не раздавалъ все нуждающимся: щедрость его была безгранична; онъ помогалъ множеству бѣдняковъ.

Лютеръ съ огорченіемъ видѣлъ, что монастырскія имущества въ курфиршествѣ саксонскомъ получаютъ не то назначеніе, какъ было первоначально предположено. Вліятельные люди выпрашивали ихъ себѣ. Лютеръ хлопоталъ, чтобы хоть часть ихъ была назначена на содержаніе церквей, священниковъ, школъ, учителей, на пособіе бѣднымъ. Курфирстъ отчасти послѣдовалъ его совѣту. Ландграфъ Филиппъ съ одобренія сейма обратилъ доходы монастырей на церкви, школы и въ особенности на основаніе университета въ Марбургѣ. Но въ другихъ лютеранскихъ государствахъ монастырскія имѣнья пошли на удовлетвореніе жадности двора и вельможъ. Католическіе государи поступали съ церковными имуществами не лучше лютеранскихъ. Фердинандъ и герцоги баварскіе конфисковали множество монастырскихъ и другихъ церковныхъ имѣній. Курфирстъ майнцскій отнялъ имѣнья и деньги у Галльскаго монастыря. «Католическіе господа въ этомъ отношеніи болѣе усердные лютеране, чѣмъ лютеранскіе» говорилъ Лютеръ. Секуляризація производилась въ большихъ размѣрахъ по всей Германіи.

Лютеранскіе государи приняли на себя власть правителей церкви въ своихъ владѣніяхъ; это обозначалось выраженіемъ, что государь—

верховный епископъ—*Summus episcopus* своего государства. Въ имперскихъ городахъ, которые почти всѣ приняли новое ученіе, власть надъ церковью перешла къ городскому правительству.—Лютеранство распространялось, маркграфъ Георгъ, оставшись по смерти своего брата Казимира единственнымъ правителемъ франконскихъ владѣній Гоэнцоллернской династіи, ввелъ въ нихъ лютеранское церковное устройство. Аугсбургъ, Ульмъ, Франкфуртъ, Страсбургъ и нѣкоторые другіе южно-нѣмецкіе города уже давно сочувствовавшіе реформаци, формально приняли ее. Еще больше успѣховъ пріобрѣла она въ сѣверной Германіи. Въ 1527 году она была по соглашенію герцога и сейма введена въ Люнебургъ. Остѣ-фрисландскіе доминиканцы помогали ея принятію въ своей землѣ. Епископы любекскій и шлезвигскій не стали сопротивляться ея введенію въ Шлезвигъ и Гольштиніи, получивъ обѣщаніе, что за ними будутъ оставлены прежніе доходы. Лютеранство распространялось и по Силезіи, хотя она находилась подъ властью Габсбургской династіи. Фердинандъ разсудилъ, что было бы опасно ему раздражать силезскихъ лютеранъ, и не сопротивлялся основанію евангелическихъ церквей въ этой области. Городъ Бреславль, фанатично защищавшій католичество противъ гуситовъ, принялъ теперь новую вѣру. Лютеранство было введено въ тѣхъ частяхъ Силезіи, государями которыхъ оставались потомки Подѣбрада (въ герцогствахъ лигницкомъ, бригскомъ и пр.), въ Йегерндорфѣ, принадлежавшемъ маркграфу Георгу Гоэнцоллерну и въ Тешенѣ, герцогъ котораго Венцель Адамъ давно сочувствовалъ новому ученію. Фердинандъ не противился этимъ распоряженіямъ своихъ силезскихъ вассаловъ, потому что власть его въ самой Богеміи еще не была прочна.

Очень важно было то, что гохмейстеръ нѣмецкаго ордена Альбрехтъ Бранденбургскій ввелъ лютеранство въ своемъ государствѣ, какъ мы рассказывали объ этомъ въ IX томѣ. Большинство рыцарей уже раньше того сложило съ себя орденскій обѣтъ. Альбрехтъ не могъ ожидать отъ императора и Германіи помощи себѣ противъ поляковъ, потому рѣшился дѣйствовать, какъ велѣла ему политическая необходимость. Онъ пріѣхалъ въ Краковъ и 10 апрѣля 1525 призналъ себя вассаломъ польскаго короля, который далъ ему инвеституру на потомственное владѣніе «принадлежавшей ордену землею Пруссіею» съ титуломъ герцога. Прусскій сеймъ собрался въ Кёнигсбергѣ, новый герцогъ утвердилъ прежнія права своихъ подданныхъ, сеймъ радостно утвердилъ краковскій договоръ. Альбрехтъ произвелъ преобразованія, соотвѣтствовавшія новому порядку дѣлъ. Епископы самландскій и помезанскій передали ему свою свѣтскую власть и ввели новое богослуженіе, сохраняя по возможности прежнія формы. Въ слѣдующемъ году герцогъ женился на датской принцессѣ Доротеѣ, усердной лютеранкѣ, поддерживавшей его своимъ твердымъ характеромъ. Онъ

породнился этимъ бракомъ съ династіями сѣверныхъ государствъ. Онъ пріобрѣлъ поддержку нѣмецкихъ лютеранскихъ государей, заключившихъ въ Магдебургѣ между собою оборонительный союзъ. Благодаря принятію лютеранства Альбрехтомъ, бывшая орденская земля осталась особымъ государствомъ и сохранила нѣмецкую національность; безъ того она была бы покорена Польшей и въ ней распространилась бы польская народность, какъ въ тѣхъ областяхъ, которыя были уступлены Польшѣ по торнскому договору. Вассальная зависимость Пруссіи отъ Польши была очень слаба; герцогство не платило дани, не было обязано давать войско польской республикѣ, удержало полную независимость отъ нея во внутреннихъ дѣлахъ.— Такое же преобразование было введено въ Лифляндіи grosмейстеромъ Ордена меченосцевъ Плеттенбергомъ и черезъ нѣсколько времени въ Курляндіи Кеттелеромъ. Въ обоихъ этихъ государствахъ почти всѣ рыцари уже сложили съ себя монашество, потому отмѣна орденскихъ учрежденій была произведена легко; орденскія имѣнья были секуляризованы, немногіе рыцари, еще сохранившіе это званіе, сложили его съ себя.—Въ имперскихъ городахъ Сѣверной Германіи лютеранство было введено ихъ правительствами, отчасти по религіознымъ, отчасти по политическимъ мотивамъ. Прежде власть находилась въ рукахъ старыхъ знатныхъ фамилій; онѣ вообще оставались вѣрны католичеству; но масса городскихъ простолюдиновъ стремилась замѣнить аристократическое устройство демократическимъ; она была расположена къ лютеранству и, когда получала участіе во власти, вводила новое богослуженіе. Въ нѣкоторыхъ городахъ олигархи дѣлали уступки, и дѣло обходилось безъ шумной борьбы, знатныя фамиліи сохраняли часть прежнихъ привилегій. Въ другихъ политическое преобразование получало болѣе радикальный характеръ. Особенно сильна была борьба въ Бременѣ и Любекѣ. Демократы восторжествовали въ Бременѣ и устранили олигарховъ отъ власти. Въ Любекѣ разстройство финансовъ вынудило преданный католичеству городской совѣтъ подчиниться контролю комитета, избраннаго массою горожанъ. Она была расположена къ лютеранству и пригласила въ Любекъ Бугенгагена, подъ руководствомъ котораго было учреждено новое богослуженіе въ Гамбургѣ. По его совѣтамъ было поведено дѣло преобразования и въ Любекѣ. Монастыри, уже покинутые большинствомъ монаховъ, были обращены въ школы и богадѣльни. Было введено лютеранское богослуженіе и въ большей части тѣхъ городовъ сѣверной Германіи, которые были подвластны областнымъ государямъ; въ нѣкоторыхъ это было сдѣлано на перекоръ волѣ государя, какъ на примѣръ въ Ростокѣ, въ другихъ съ согласія государей, какъ на примѣръ въ брауншвейгскихъ городахъ. Большое значеніе въ дѣлахъ лютеранской части Германіи пріобрѣлъ Магдебургъ, считавшійся подвластнымъ архіепископу майнцскому, но мало повиновавшійся ему и

заявлявшій, что власть его не законна. При содѣйствіи курфюрста саксонскаго, магдебурцы ввели у себя лютеранство. Опасаясь, что архіепископъ майнцскій начнетъ войну для возстановленія католичества, они сформировали городскую милицію. Магдебургъ былъ сильной крѣпостью и сталъ оплотомъ реформаціи въ сѣверной Германіи, какъ Нюрнбергъ въ южной.

3. Полемика Лютера съ Генрихомъ VIII и съ Эразмомъ.

Лютеръ былъ душою всего реформаціоннаго движенія въ Германіи, возбуждалъ апатичныхъ, рѣзко опровергалъ противниковъ; онъ былъ боецъ, не страшившійся никого.

Генрихъ VIII, король англійскій, постоянно убѣждалъ императора и нѣмецкихъ государей уничтожить виттенбергскаго еретика и самъ написалъ противъ него полемическое сочиненіе въ защиту семи таинствъ. За свое усердіе къ католичеству онъ получилъ отъ папы титулъ защитника вѣры. Его сочиненіе, написанное не столько имъ самимъ, сколько его придворными богословами, было плохо; но католики и льстецы превозносили эту книгу похвалами, а Эмсеръ, по приказанію герцога Георга, перевелъ ее на нѣмецкій языкъ. Лютеръ написалъ на нее отвѣтъ самымъ рѣзкимъ тономъ, давалъ ея автору названіе Генриха Божіею немилостью лжеца, клеветника, говорилъ, что онъ своими глупостями показалъ, какая нелѣпость выходитъ, «когда оселъ, рожденный возить на спинѣ мѣшки, хочетъ читать псалтирь». Грубая брань Лютера ожесточила Генриха; онъ убѣждалъ саксонскихъ государей «завалить источникъ лжи», а ученые друзья его стали рѣзко нападать на оскорбителя короля; самъ Томасъ Муръ принялъ подъ вымышленнымъ именемъ участіе въ полемикѣ противъ Лютера. Изъ Англіи шли въ Базель къ Эразму просьбы, чтобъ онъ опровергъ Лютера. Мы уже говорили, что онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ къ Томасу Муру и Генриху; онъ не устоялъ противъ ихъ убѣжденій. При началѣ нападеній Лютера на злоупотребленія римской курии Эразмъ одобрялъ его и, какъ мы уже говорили, совѣтовалъ курфюрсту саксонскому защищать его отъ папистовъ. Но реформація приняла бурный характеръ, не нравившійся миролюбивому Эразму. Приверженцы Лютера говорили, что Эразмъ сталъ завидовать его славѣ. По своему характеру, по своимъ убѣжденіямъ Лютеръ и Эразмъ не могли идти однимъ путемъ. Еще въ то время, когда заискивалъ дружбы Эразма, Лютеръ уже говорилъ, что въ его сочиненіяхъ больше человѣческаго, чѣмъ божественнаго, больше указаній ошибокъ, чѣмъ откровеній истины, больше любви къ спокойствію, чѣмъ ко Христу. Черезъ нѣсколько времени Лютеръ и его виттенбергскіе

друзья стали громко выражать неудовольствіе на Эразма за то, что онъ не выступаетъ на защиту ихъ. Оскорбленный Лютеромъ и его друзьями Эразмъ согласился по желанію Генриха и Томаса Мура писать противъ него; но, оставаясь вѣренъ своему прошлому, не выступилъ защитникомъ папской власти или какихъ-нибудь другихъ дурныхъ католическихъ учрежденій, а выбралъ предметомъ полемики ученіе Августина, принятое Лютеромъ. Съ глубокомысліемъ и съ блескомъ изложенія онъ сталъ защищать свободу человѣческой воли, отрицаемую Августиномъ, и доказывать, что спасеніе человѣка обусловливается отчасти его собственнымъ желаніемъ угодить Богу, дающему свою благодать просящимъ ея, а не зависитъ исключительно отъ предопредѣленія, какъ учить Августинъ. Достоинствомъ изложенія, ясностью аргументаціи, логической послѣдовательностью трактата Эразма «О свободной волѣ» далеко превосходитъ возраженіе, написанное противъ него Лютеромъ подъ заглавіемъ «О несвободной волѣ»; но у Лютера больше теплоты чувства. Въ своей преданности волѣ Божіей Лютеръ подобно Августину говоритъ, что человѣкъ не можетъ хотѣть ничего хорошаго, что добрыя желанія влагаются въ него исключительно благодатью Божіей, не заслуженной имъ.

Черезъ два съ половиной года послѣ своего нападенія на Генриха VIII, Лютеръ написалъ униженное письмо, въ которомъ просилъ у короля прощенія за свою прежнюю дерзость, называлъ себя «недостойнымъ, презрѣннымъ человѣкомъ, даже червемъ», увѣрялъ, что только по обольщенію злонамѣренныхъ людей, легкомысленно говорилъ противъ могущественнаго короля, что падаетъ на колѣна, прося прощенія, что готовъ «написать публичную книжку» въ честь короля. Мы не знаемъ, по какимъ мотивамъ рѣшился Лютеръ сдѣлать такой унижительный поступокъ. Быть можетъ, онъ послушался совѣта короля датскаго Христіана II, прогнаннаго тогда изъ своего государства и жившаго въ Германіи; или, слыша о намѣреніи Генриха развестись съ первой женой Катериной Арагонской, Лютеръ рассчитывалъ склонить его къ принятію реформаціи. Генрихъ отвѣчалъ на письмо Лютера съ такимъ достоинствомъ и такою рѣзкостью, что Лютеръ не считалъ его способнымъ отвѣчать такъ ловко и воображалъ, будто отвѣтъ написанъ Эразмомъ. Генрихъ упрекаетъ Лютера въ нечестныхъ мотивахъ, говоритъ, что онъ отложился отъ католичества по желанію сложить съ себя монашество и жениться. Лютеръ не могъ оставить безъ возраженія письмо Генриха, переведенное Эмсеромъ на нѣмецкій языкъ, и написалъ отвѣтъ, который выказываетъ намъ хорошую сторону его характера. Его отвѣтъ на пасквиль короля англійскаго написанъ тономъ благороднаго человѣка, который поступилъ дурно и унизилъ себя этимъ, но твердо переноситъ послѣдствія своей ошибки и хочетъ загладить ее мужественной защитой своихъ понятій.

4. Дѣло Пака. Шпейерская протестація.

Въ Италіи шла тогда война; она не имѣла религіознаго характера, потому что папа былъ замѣшанъ въ ней лишь какъ союзникъ королей французскаго и англійскаго; но ходъ ея имѣлъ сильное вліяніе на судьбу реформациі. Король французскій искалъ себѣ союзниковъ въ Германіи. Венгрія послѣ несчастной могачской битвы сдѣлалась жертвою междоусобія, также имѣвшаго большое вліяніе на нѣмецкія дѣла: вдовствующая королева Марія, сестра Карла и Фердинанда была расположена къ реформациі, находилась даже въ прямыхъ сношеніяхъ съ Лютеромъ (пославшимъ ей свое объясненіе четырехъ псалмовъ, называющихся утѣшительными). Противникъ габсбургской династіи Яношъ Заполя поддерживалъ католичество, но вошелъ въ сношенія безразлично со всѣми нѣмецкими врагами Фердинанда, не только католиками, какъ герцоги баварскіе, но и лютеранами, какъ ландграфъ гессенскій. Кромѣ иностранныхъ интригъ, вражду между нѣмецкими государями усиливалъ и религіозный фанатизмъ. Георгъ Винклеръ, священникъ въ Галле, причащавшій мірянъ по лютеранскому обряду, былъ убитъ на обратномъ пути изъ Ашаффенбурга, куда епископъ вызывалъ его для объясненія. Баварскій священникъ Леонгардъ Кайзеръ, жившій въ Виттенбергѣ, былъ арестованъ, когда пріѣхалъ на родину навѣстить больного отца. Просьбы курфюрста Іоанна за него не были уважены. Онъ былъ осужденъ на смерть какъ еретикъ и сожженъ (16 августа 1527). Въ Баваріи было сожжено или утоплено еще нѣсколько человѣкъ за лютеранскую ересь. Швабскій союзъ преслѣдовалъ лютеранъ въ герцогствѣ вюртембергскомъ. По приказанію епископа констанцскаго былъ сожженъ за лютеранскую ересь священникъ одного изъ селеній на берегу Боденскаго озера Гейглинъ. Въ Кёльнѣ были сожжены (въ іюль 1529) священники Кларенбахъ и Флистеденъ, въ герцогствѣ саксонскомъ подвергались тяжелымъ наказаніямъ или изгнанію міряне, причащавшіеся по лютеранскому обряду. Іоахимъ, курфюрстъ бранденбургскій, угрожалъ смертью своей женѣ Елизаветѣ, сестрѣ курфюрста Іоанна Саксонскаго, за ея расположеніе къ лютеранству; она спаслась бѣгствомъ къ своимъ роднымъ.

Понятно, что сторонники реформациі тревожились, были склонны вѣрить въ дурные слухи о замыслахъ католиковъ. Этимъ объясняется довѣріе ландграфа Филиппа Гессенскаго къ словамъ Пака и необдуманное дѣло, начатое этимъ отважнымъ лютеранскимъ государемъ. Оттонъ Пакъ, совѣтникъ герцога Георга Саксонскаго, злоупотреблявшій своимъ положеніемъ для полученія денежныхъ выгодъ, уличенный по суду во взяточничествѣ и удаленный отъ должности, донесъ ланд-

графу гессенскому, что на свиданіи курфюрста бранденбургскаго и герцога Георга Саксонскаго съ Фердинандомъ въ Бреславлѣ въ маѣ 1527 составленъ планъ нападенія на курфюрста саксонскаго и на него, ландграфа. Филиппъ, человѣкъ горячій, подозрѣвавшій католиковъ во враждебныхъ намѣреніяхъ, повѣрилъ всему и обѣщаль доносчику большую награду, если онъ доставить документъ, который служилъ бы уликой злого умысла. Въ февралѣ 1527, когда Филиппъ пріѣхалъ въ Дрезденъ къ своему тестю Георгу; Пакъ передалъ ему бумагу, которую называлъ вѣрной копіей договора католическихъ государей о нападеніи на лютеранскихъ. Эта бумага говорила, что курфюрсты майницскій и бранденбургскій, герцогъ Георгъ Саксонскій, герцоги баварскіе, архіепископъ зальцбургскій, епископъ вюрцбургскій и бамбергскій заключили между собою союзъ, чтобы потребовать отъ курфюрста саксонскаго выдачи Лютера и другихъ лютеранскихъ богослововъ, и если курфюрстъ откажетъ имъ въ этомъ, то напасть на него общими силами, раздѣлить между собой его владѣнія и возстановить въ нихъ католичество, потомъ потребовать отъ ландграфа Филиппа, чтобъ онъ возстановилъ католичество въ своихъ владѣніяхъ, и если онъ не согласится, то отнять ихъ у него и отдать герцогу Георгу. Въ договорѣ были подробно изложены всѣ подробности этихъ нападеній, опредѣлено число войска, какое выставить каждый участникъ союза. Филиппъ не замѣтилъ подлога, принялъ бумагу, сообщенную Пакомъ за вѣрную копию дѣйствительнаго договора, поѣхалъ въ Веймаръ къ курфюрсту саксонскому, убѣдилъ и его въ несомнѣнности заговора. Они обѣщались помогать другъ другу и стали собирать войска, ландграфъ въ Гессенѣ, курфюрстъ въ Тюрингіи. Ландграфъ дѣйствовалъ очень энергично: поѣхалъ въ Нюрнбергъ и Ансбахъ пріобрѣсти союзниковъ, послалъ Пака въ Венгрію къ Яношу Заполѣ просить денежной помощи, напалъ на владѣнія епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго. Курфюрстъ саксонскій былъ менѣе торопливъ, вздумалъ посовѣтоваться съ Лютеромъ и Меланхтономъ, начинать ли войну; они также повѣрили подлинности сообщенной имъ копіи съ договора, но совѣтовали испытать сначала мирныя средства, извѣстить враговъ объ открытіи замысла, жаловаться императору и нѣмецкому сейму. Лютеръ писалъ курфюрсту, что должно помнить слова Евангелія: «Всѣ взявшіе мечъ мечомъ погибнутъ», что поэтому не должно начинать войны. Курфюрстъ послушался и убѣдилъ ландграфа потребовать объясненія у государей, имена которыхъ находились въ документѣ, полученномъ отъ Пака. Они съ негодованіемъ отвѣчали, что это подлогъ и потребовали, чтобы ландграфъ подвергъ доносчика допросу и суду. Пакъ сбивался въ отвѣтахъ на вопросъ какъ и отъ кого досталъ онъ копию съ договора, но остался при своихъ словахъ, что бумага, сообщенная имъ, не подлогъ. Филиппъ сохранилъ подозрѣніе противъ католическихъ государей, Лютеръ и Меланхтонъ также

остались при убѣжденіи, что замыселъ о нападеніи на лютеранскихъ государей дѣйствительно существовалъ. Подозрѣваемые были раздражены обиднымъ недовѣріемъ къ нимъ и нападеніями Филиппа на епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго. Онъ вытребовалъ съ этихъ епископовъ вознагражденіе за военные расходы и только тогда вывелъ свои войска изъ ихъ владѣній.

Пакъ уѣхалъ изъ Германіи, но агенты герцога Георга повсюду слѣдили за нимъ, требовали его казни и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ схваченъ и казненъ въ Нидерландахъ.

Императоръ вознегодовалъ на то, что курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій хотѣли самовольно начать войну; онъ считалъ это пренебреженіемъ къ своей власти. У него были теперь свободны руки дѣйствовать въ Германіи. Онъ примирился съ папой, побѣдилъ короля французскаго, владычествовалъ во всей Италіи. Онъ хотѣлъ показать нѣмецкимъ государямъ свою силу, принудить ихъ къ повиновенію. Его вице-канцлеръ разъѣзжалъ по Германіи, объявлялъ областнымъ государямъ, что ересь должна быть искоренена, обѣщалъ покорнымъ милость императора, грозилъ непокорнымъ. Императоръ объявилъ, что созывается на 2 февраля (1529 года) въ Шпейерѣ сеймъ. По обыкновенію государи съѣзжались медленно, и открытіе сейма затянулось до конца февраля. Курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій видѣли, что католическіе государи чуждаются ихъ. Наконецъ 15 марта были сообщены сейму императорскія предложенія; важнѣйшія изъ нихъ относились въ войнѣ съ турками, угрожавшими Вѣнѣ и къ религіознымъ дѣламъ. На прежнемъ шпейерскомъ сеймѣ 1526 года по предложенію императора было единогласно рѣшено, что церковныя дѣла предоставляются на волю каждаго государя и каждаго имперскаго города. Теперь императорское предложеніе говорило: «Такъ какъ это рѣшеніе подало поводъ къ возникновенію разныхъ ужасныхъ новыхъ ученій и сектъ, то оно должно быть отмѣнено и долженъ быть возстановленъ вормскій эдиктъ». Въ комиссіи, выбранной сеймомъ для разсмотрѣнія императорскихъ предложеній, большинство составляли католики; она представила сейму проектъ рѣшенія, смягчавшій предложеніе императора, но всетаки очень не выгодный для реформацій. Въ немъ говорилось: государи и города, соблюдавшіе вормскій эдиктъ, должны не отступать отъ него; а въ тѣхъ владѣніяхъ, гдѣ распространилось новое ученіе и не можетъ быть уничтожено безъ большихъ мятежей, должно по мѣрѣ возможности предотвращать дальнѣйшія нововведенія до созванія собора, и не должно быть никому воспрещено совершать и слушать католическую литургію; ни у какого духовнаго владѣтеля и сановника не могутъ быть отнимаемы его власть и доходы; нарушители этого подвергаются наказанію какъ мятежники; секты, отвергающія таинство

причащенія и анабаптисты не должны быть терпимы. Этотъ проектъ, остаивавшій распространеніе реформаціи, былъ внесенъ въ сеймъ 21 марта. Католики составляли огромное большинство членовъ сейма, и какъ извѣстно было впередъ, сеймъ принялъ предложеніе своей коммиссіи. Лютеранское меньшинство говорило, что при всемъ желаніи религіознаго мира не можетъ признать рѣшенія, которымъ отмѣняется все сдѣланное въ послѣдніе три года на законномъ основаніи по постановленію сейма 1526 года, принятому единогласно и состоявшему въ полномъ одобреніи предложенія, сдѣланнаго самимъ императоромъ; что это постановленіе не можетъ быть отмѣнено иначе какъ тоже по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ сейма. Но это возраженіе было оставлено большинствомъ безъ вниманія. Фердинандъ объявилъ въ засѣданіи сейма 19 апрѣля, что императоръ благодаритъ сеймъ за его христіанскія, вѣрныя и усердныя услуги, что постановленія сейма приняты императоромъ и будутъ обнародованы въ законной формѣ сеймоваго рѣшенія, и что по старому доброму обычаю меньшинство должно будетъ послѣ того подчиниться большинству. Евангелическіе члены сейма сказали, что составятъ протестъ и просили дать имъ время для этого. Фердинандъ отвѣчалъ: «Повелѣніе императора теперь исполнено и рѣшеніе сейма принято», и удалился.

Меньшинство предвидѣло это, и члены его ужь условились, какъ поступить. Оно составило протестъ, заявлявшій, что рѣшеніе сейма 1526 года, принятое единогласно, не можетъ быть отмѣнено иначе какъ тоже по единогласному рѣшенію всѣхъ членовъ сейма, что въ дѣлахъ касающихся славы божіей и душевнаго спасенія большинство не можетъ постановлять рѣшеній, обязательныхъ для всѣхъ, что въ этихъ дѣлахъ каждый обязанъ поступать по совѣсти и что подписавшіе этотъ протестъ надѣются на дружелюбное извиненіе его императоромъ, которому они обязаны оказывать повиновеніе во всемъ должномъ. Протестъ подписалъ Іоаннъ курфюрстъ саксонскій, Георгъ, маркграфъ франконскихъ владѣній гоэнцоллернской династіи, Эрнстъ и Францъ, герцоги люнебургскіе, Филиппъ ландграфъ гессенскій, Вольфгангъ, князь ангальтскій. Большинство уполномоченныхъ имперскихъ городовъ побоялись подписать протестъ, хотя почти всѣ эти города приняли новое ученіе; подписали уполномоченные только 14 городовъ; эти города были: Страсбургъ, Нюрнбергъ, Ульмъ, Констанцъ, Лицдау, Меммингенъ, Кемптенъ, Нёрдлингенъ, Гейльброннъ, Рейтлингенъ, Исси, Санктъ-Галленъ, Вейсенбургъ, Виндсгеймъ.—По названію этого знаменитаго акта «Протестація», всѣ отвергавшіе католичество получили въ послѣдствіи названіе протестантовъ.

Фердинандъ отказался присоединить протестъ къ рѣшенію сейма, потому подписавшіе этотъ актъ обнародовали его (26 апрѣля) съ заявленіемъ, что имъ не оказано справедливости, что они апеллируютъ къ императору, ко вселенскому собору, или къ нѣмецкому собору, ко

всякому безпристрастному христіанину и остаются при рѣшеніи сейма 1526 года.

Передъ отъѣздомъ изъ Шпейера курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій заключили «совершенно тайное соглашеніе» съ городами Нюрнбергомъ, Ульмомъ и Страсбургомъ о взаимной оборонѣ отъ нападений за вѣру. Но союзъ этотъ былъ разрушенъ Лютеромъ и Меланхтономъ: они стали отклонять курфирста саксонскаго отъ сообщничества съ городами, принявшими ученіе Цвингли объ эвхаристіи. Страсбургъ твердо держался этого ученія, и курфирстъ разорвалъ союзъ съ нимъ и другими цвингліанскими городами югозападной Германіи, не слушая убѣжденій ландграфа.

5. Марбургское собесѣдованіе.

Цвингли выработалъ свое ученіе независимо отъ Лютера и не соглашался принимать названіе лютеранина, говоря, что не хочетъ называться ни чѣмъ именемъ, кромѣ имени Христова; но онъ постоянно признавалъ великую важность дѣятельности Лютера; онъ говорилъ: «Я считаю Лютера прекраснымъ воиномъ Божіимъ; онъ изучаетъ Писаніе съ такой ревностью, какъ не дѣлалъ никто на свѣтѣ уже тысячу лѣтъ. Безъ укоризны другимъ скажу, что съ самаго начала папства никто не нападалъ на папу съ такимъ мужественнымъ, непоколебимымъ духомъ, какъ онъ. Нѣтъ человѣка, который уважалъ бы Лютера больше, чѣмъ я». При одномъ изъ своихъ споровъ съ Лютеромъ Цвингли писалъ, обращаясь къ нему: «Ты былъ вѣрный Давидъ, поразившій Голіаѳа, потому вѣрующіе никогда не перестанутъ радостно пѣть «Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ десятки тысячъ». Но Лютеръ не платилъ Цвингли за хорошее чувство. Сначала въ Саксоніи не было точныхъ свѣдѣній о швейцарскомъ религіозномъ преобразованіи, и Лютеръ не обращалъ на него особеннаго вниманія; но потомъ онъ увидѣлъ, что преслѣдуемое имъ мнѣніе Карльштада объ эвхаристіи нашло себѣ сочувствіе у страсбургскихъ, базельскихъ, цюрихскихъ преобразователей церкви, и раздражился противъ Цвингли, руководителя всѣхъ ихъ. Началась полемика; Лютеръ ожесточился, и вражда его была тѣмъ непримиримѣй, что на его грубыя нападенія Цвингли отвѣчалъ дружелюбнымъ изложеніемъ доводовъ, по которымъ считаетъ свое мнѣніе справедливымъ. Въ глубинѣ непріязни Лютера и его друзей противъ Цвингли лежала досада на то, что ученіе швейцарскаго реформатора быстро распространяется.

Полемика объ эвхаристіи длилась уже три года и произвела разрывъ между нѣмецкими и швейцарскими реформаторами, когда шпейерскій сеймъ показалъ необходимость для нихъ соединиться противъ общаго врага. Въ числѣ городовъ, подписавшихъ протестацію, были и лютеранскіе и цвингліанскіе. Казалось, что вредный раздоръ изъ-за богословскаго несогласія будетъ забытъ, но Лютеръ остался непримиримъ. Попытки страсбургскихъ богослововъ Буцера и Капитона смягчить его вражду противъ Цвингли были напрасны; онъ отвѣчалъ: „Какое общеніе у Христа съ Веліаломъ?“ Когда большинство шпейерскаго сейма, давая терпимость лютеранству постановило, что не должны быть терпимы сакраментисты, какъ называли цвингліанцевъ, Лютеръ совѣтовалъ своему курфирсту „повиноваться относительно ихъ императору, какъ то и должно“.

Филиппъ Гессенскій, человѣкъ съ ясными и широкими политическими понятіями, видѣлъ въ союзѣ съ швейцарцами важную поддержку для обороны противъ нѣмецкихъ католиковъ и императора. Одинаково дружный съ Цвингли и Меланхтономъ онъ хотѣлъ примирить лютеранъ съ цвингліанцами, соединить всѣхъ противниковъ католичества въ одинъ протестантскій союзъ. Онъ, какъ мы говорили, убѣдилъ курфирста саксонскаго подписать договоръ съ цвинглійскимъ городомъ Страсбургомъ. Нѣсколько времени казалось, что Меланхтонъ, болѣе походившій характеромъ и понятіями о вещахъ на Эразма и Цвингли, чѣмъ на Лютера, отдѣлится отъ него по этому вопросу и будетъ заботиться о примиреніи. Но едва возвратился Меланхтонъ въ Виттенбергъ, онъ подчинился вліянію Лютера, сталъ упрекать себя за переговоры съ цвингліанцами, далъ нюрнбергцамъ совѣтъ разорвать союзъ съ ними. Лютеръ говорилъ: «Какъ можно соединяться съ людьми, возстающими противъ Бога и таинства эвхаристіи? этимъ отдаешь тѣло и душу на гибель». Онъ внушилъ курфирсту недовѣріе къ «безпокойному молодому государю», который опять увлекаетъ его въ опрометчивость, какъ по дѣлу Пака. Условіе, заключенное въ Шпейерѣ, должно было получить окончательное утвержденіе на сѣздѣ въ Швабахѣ; лютеранскіе государи не отправили туда пословъ. Уполномоченные югозападныхъ протестантовъ уѣхали, не дождавшись ихъ.

Но Филиппъ не отказался отъ надежды примирить протестантскія партіи. Онъ убѣдилъ ихъ вождей пріѣхать въ Марбургъ для собесѣдованія. Лютеръ неохотно принялъ это приглашеніе; не хотѣлось ѣхать и Меланхтону; онъ думалъ отговориться, выпросивъ у курфирста запрещеніе ѣхать въ Марбургъ; но курфирстъ не захотѣлъ брать на себя вину отказа. Ненависть Лютера и его помощниковъ къ цвингліанству была такъ велика, что онъ даже предложилъ избрать рѣшителями спора «достойныхъ уваженія папистовъ». Онъ прямо говорилъ, что соглашеніе невозможно, потому что онъ не сдѣлаетъ никакой уступки. Онъ въ концѣ сентября поѣхалъ въ Марбургъ противъ воли.

Ландграфъ надѣялся, что примиреніе будетъ облегчено, если вожди партій прежде публичнаго совѣщанія переговорять между собой безъ постороннихъ. По его желанію Лютеръ и Эколампادیи сошлись 1 октября переговорить между собой въ одну комнату, Цвингли и Меланхтонъ въ другую. Въ той и другой комнатѣ собесѣдники пришли къ согласію относительно догматовъ о троицѣ, о первородномъ грѣхѣ, даже и относительно очень спорнаго между ними догмата о томъ, какъ получаетъ человѣкъ благодать. Но въ ученіи объ эвхаристіи они не могли согласиться; оно было назначено предметомъ публичнаго собесѣдованія. На слѣдующій день въ одной изъ комнатъ ландграфскаго дворца собралось болѣе 50 богослововъ и вельможъ; было тутъ и нѣсколько государей. По порученію ландграфа гессенскій канцлеръ Фейге открылъ засѣданіе рѣчью, убѣждавшей богослововъ „искать всѣхъ справедливыхъ средствъ и путей, чтобы безотлагательно прекратить непріятный и очень вредный раздоръ и прійти снова къ единодушію“. Но Лютеръ не хотѣлъ „плохо уступать“ противникамъ. Онъ написалъ латинскую формулу освященія даровъ и объявилъ, что въ догматѣ объ эвхаристіи должно принимать слова Евангелія въ буквальномъ смыслѣ. Всѣ возраженія Цвингли остались напрасны. На третій день (3 октября) споръ объ эвхаристіи продолжался, но Лютеръ остался по прежнему совершенно не уступчивъ. Канцлеръ обратился къ нему съ новымъ убѣжденіемъ примириться. Онъ сказалъ: „Я не знаю другого средства, кромѣ того, чтобъ они (Цвингли и его друзья) воздали честь слову Божію и вѣровали, какъ вѣримъ мы“. Цвингли и его друзья отвѣчали, что не согласятся принять формулу о матеріальномъ присутствіи тѣла и крови Христа въ хлѣбѣ и винѣ. Лютеръ сказалъ: „Когда такъ, то устраняемъ васъ отъ себя и предаемъ праведному суду Божію“. Эколампادیи отвѣчалъ: „Когда такъ, то и мы отстраняемъ васъ отъ себя“. Цвингли залился слезами.

Но благодаря настойчивости Филиппа личное собесѣдованіе Лютера и Цвингли не кончилось полнымъ разрывомъ, даже нѣсколько смягчило открытую непріязнь Лютера къ Цвингли. Въ частномъ разговорѣ ландграфъ убѣдилъ ихъ обоихъ общаться, что они не будутъ вести между собою оскорбительной печатной полемики и подпишутъ изложеніе по крайней мѣрѣ тѣхъ догматовъ, относительно которыхъ согласны. Лютеръ взялъ на себя изложить ихъ и написалъ формулы 15 догматовъ; онъ полагалъ, что Цвингли не согласится принять его изложеніе ихъ; но Цвингли и его друзья приняли 14 изъ 15 формулъ съ легкими измѣненіями; относительно 15-таго догмата (о таинствѣ эвхаристіи) было составлено заявленіе, что партіи не согласны между собою по вопросу о матеріальномъ присутствіи тѣла и крови Христа въ хлѣбѣ и винѣ, но было прибавлено и заявленіе о согласіи ихъ ученія относительно духовнаго причащенія тѣломъ и кровью Христа при причащеніи хлѣбомъ и виномъ, какъ символами ихъ. Когда обѣ партіи подписали этотъ актъ, ландграфъ сталъ, обращаясь лично къ Лютеру и Цвингли, убѣждать ихъ, чтобъ они, если не могутъ согласиться между собою во всемъ, то по крайней мѣрѣ считали бы другъ друга братьями и публично заявили это. Цвингли со слезами на глазахъ подошелъ къ Лютеру и сказалъ: «Нѣтъ на свѣтѣ

людей, съ которыми я больше желалъ бы быть единомышленнымъ, чѣмъ съ виттенбергскими учителями». Лютеръ не принялъ протягиваемой руки, сказавъ: «Вашъ духъ не тотъ, какъ нашъ». Ландграфъ сталъ снова убѣждать Лютера не отказывать въ братской любви швейцарскимъ реформаторамъ. Онъ сказалъ: «Не отказываю имъ въ той любви, какую христіанинъ обязанъ имѣть къ врагамъ». — Лютеръ отправился изъ Марбурга въ Шлейцъ, гдѣ находились тогда курфирстъ саксонскій и Георгъ маркграфъ ансбахскій, и склонилъ курфирста къ рѣшенію не допускать въ союзники не принимающихъ вполне виттенбергскаго ученія. Марбургская редакція догматовъ была передѣлана такъ, что стала рѣзче прежняго выражать мнѣнія Лютера. Курфирстъ послалъ эту новую редакцію для подписи уполномоченнымъ южно-нѣмецкихъ городовъ, снова собравшимся въ Швабахѣ. Уполномоченные Ульма и Страсбурга отказались подписать ее, и союзъ съ этими цвингліанскими городами былъ разорванъ.

Такимъ образомъ потерпѣла неудачу попытка ландграфа гессенскаго соединить обѣ протестантскія партіи для обороны отъ общихъ враговъ. Вина неудачи падаетъ исключительно на Лютера, не терпѣвшаго противорѣчій и ненавидѣвшаго раціонализмъ Цвингли. Споръ объ эвхаристіи былъ только случаемъ къ проявленію этой вражды. Лютеръ справедливо сказалъ въ Марбургѣ, что онъ и Цвингли люди разнаго духа. Онъ былъ мистикъ, Цвингли имѣлъ склонность къ раціонализму.

6. Отношенія нѣмецкихъ протестантовъ къ императору.

А между тѣмъ было бы теперь необходимо всѣмъ протестантамъ твердо соединиться. Императоръ, побѣдившій своихъ враговъ, примирившійся съ папой, хотѣлъ возстановить церковное единство въ Германіи. Во время шпейерскаго сейма онъ былъ въ Испаніи. Извѣстіе о протестаціи сильно разгнѣвило его. Вскорѣ послѣ того онъ поѣхалъ въ Италію съ намѣреніемъ ѣхать оттуда въ Германію. Государи и города, подписавшіе протестацію, рѣшили отправить къ нему посольство для оправданія ихъ. Они выбрали послами нюрнбергскаго синдика Кадена, Фрауэнтраута, секретаря маркграфа Георга, и меммингенскаго бургомистра Эингена. Послы пріѣхали къ императору въ Піаченцу. Онъ едва согласился дать имъ аудіэнцію и рѣшительно отказался принять отъ нихъ акты протестаціи. Около мѣсяца онъ оставлялъ ихъ безъ отвѣта; наконецъ имъ было передано, что онъ порицаетъ протестацію, что по старому обычаю нѣмецкаго сейма меньшинство должно подчиняться большинству, что государи и города, подписавшіе протестацію должны прекратить свое сопротивленіе сейму,

повиноваться его рѣшенію, иначе будутъ подвергнуты наказанію. Тайный секретарь императора, передававшій волю его посламъ, не захотѣлъ взять отъ нихъ актъ протестаціи; они положили этотъ документъ на его столъ; за это своеволие они были арестованы, императоръ нѣсколько дней держалъ ихъ подъ стражей. Особенно сердился онъ на Кадена, отважившагося подать ему книжку, излагавшую лютеранское ученіе. Освободивъ двухъ другихъ пословъ, императоръ оставилъ Кадена подъ стражей; онъ черезъ нѣсколько времени бѣжалъ.

Ясно было, что императоръ хочетъ искоренить ересь; но лютеране все таки не хотѣли мириться съ цвингліанами. По возвращеніи пословъ ландграфъ гессенскій (въ декабрѣ 1529) пригласилъ богослововъ и депутатовъ обѣихъ партій на совѣщаніе въ Шмалькальденъ, надѣясь, что близкая опасность сдѣлаетъ лютеранъ уступчивыми. Но они снова потребовали отъ цвингліанъ принятія швабахской редакціи догматическаго ученія; послы Страсбурга и Ульма снова отказались подписать ее; уполномоченные курфирста саксонскаго объявили имъ, что союзъ съ ними не возможенъ.

Цвингли называлъ важнѣйшимъ результатомъ своей поѣздки въ Марбургъ то, что соглашеніе во многихъ догматахъ, подписанное благословами обѣихъ партій, отняло у Лютера и его друзей возможность возвращенія къ папизму. Предположеніе Цвингли о ихъ склонности примириться съ католической церковью было справедливо. Лютеръ очень тяготился своимъ разрывомъ съ нею, считалъ дѣломъ не позволительнымъ сопротивленіе императору и снова увлекался надеждой на примиреніе съ ними. По возвращеніи изъ Вартбурга онъ держалъ себя консервативно; онъ энергически порицалъ религіозныхъ и политическихъ радикаловъ, преслѣдовалъ анабаптистовъ и цвингліанъ, убѣждалъ государей безпощадно наказывать возмущившихся поселянъ. Ему воображалось, что императоръ за это долженъ считать его защитникомъ порядка и власти. Если бы Карлъ исполнилъ обѣщанія, данныя при выборѣ въ императорскій санъ, сталъ помогать отмѣнѣ тѣхъ злоупотребленій римской іерархіи, которыя самъ признавалъ дурными, если бъ онъ созвалъ для этого вселенскій соборъ, Лютеръ могъ бы примириться съ нимъ и съ католичествомъ. Подобно Лютеру Карлъ былъ врагомъ самовласти папы; это облегчало для Лютера соглашеніе съ нимъ. Если бъ онъ возсоздалъ церковное и политическое единство Германіи на новыхъ основаніяхъ, возстановилъ императорскую власть, подчинилъ ей областныхъ государей, онъ увеличилъ бы свое могущество и пріобрѣлъ бы блестящую славу. Лютеръ былъ готовъ содѣйствовать этому. Онъ считалъ нѣмецкую имперію продолженіемъ римской; неограниченная власть римскихъ императоровъ и ветхозавѣтныхъ царей казалась ему той властью, какая дана Богомъ нѣмецкому императору. Онъ, какъ мы говорили, считалъ противозаконіемъ сопротивленіе императору. Когда лютеране слышали, что Карлъ идетъ въ Германію съ войскомъ возстановить

владычество римской церкви, между ними возникли споры о томъ, имѣютъ ли государи и городскія правительства право сопротивляться императору въ дѣлахъ совѣсти. Сторонники этого права говорили, что угнетаемому дозвоительно обороняться, что власть, хотя и данная отъ Бога, перестаетъ быть законной, когда возстаетъ противъ Бога; ссылались на условія выбора, соблюдать которыя присягнулъ Карлъ, на его присягу уважать права областныхъ государей; говорили, что нарушеніе присяги уполномочиваетъ на сопротивленіе. Но Лютеръ и его послѣдователи рѣшительно осуждали всякое сопротивленіе императору, отвергали защиту вѣры оружіемъ. Межъ тѣмъ какъ императоръ готовился напасть на лютеранъ, Лютеръ говорилъ, что они должны встрѣтить его безоружными и не должны заключать союза съ послѣдователями Цвингли.

„Лютеръ отклонялъ отъ сопротивленія не по робости“, говоритъ Ранке: „люди подобные ему не знаютъ страха; онъ руководился исключительно религіозными мотивами“. Но онъ ошибался воображая, что императоръ можетъ считать его консерваторомъ; онъ былъ во мнѣніи Карла еретикъ. Въ то время когда императоръ готовился искоренить лютеранство, Лютеръ говорилъ, что все нѣмцы безъ различія исповѣданій должны помогать австрійской династіи въ войнѣ съ турками. Его голосъ сильно содѣйствовалъ тому, что въ имперскомъ войскѣ, подошедшемъ на освобожденіе Вѣны отъ осады турками, было много саксонскихъ и другихъ лютеранскихъ солдатъ.

XI. АУГСБУРГСКІЙ СЕЙМЪ.

1. Начало сейма.

Императоръ пріѣхалъ на свиданіе съ папой въ Волонью и прислалъ оттуда вызовъ нѣмецкимъ государямъ и депутатамъ имперскихъ городовъ собраться въ Аугсбургъ 8 апрѣля 1530 на сеймъ для совѣщаній о защитѣ имперіи отъ турокъ и прекращеніи религіознаго раздора. Оборона отъ турокъ стала къ тому времени уже не нужна, потому что Сулейманъ былъ прогнанъ отъ Вѣны; главнымъ предметомъ сейма должны были быть религіозныя дѣла. Императоръ условился съ папой, что сначала будетъ дѣйствовать на отступниковъ отъ церкви кротостью, обѣщаніями, а если это окажется напраснымъ, то употребить силу для отмщенія за оскорбленіе, нанесенное Христу. Папскій легатъ Кампедджи, сопровождавшій императора, также думалъ, что сначала должно дѣйствовать убѣжденіемъ. Приглашеніе на сеймъ, написанное, вѣроятно, императорскимъ канцлеромъ Гаттинарой, человѣкомъ умѣренныхъ мнѣній, было проникнуто примирительнымъ духомъ. Оно говорило, что императоръ желаетъ «успокоить вражду по дѣламъ вѣры, предать прошлыя заблужденія на судъ Христу, нашему спасителю, выслушать мнѣніе каж-

даго съ любовью и кротостью, и отмѣнить неправильныя истолкованія христіанской истины, сдѣланныя тою и другою стороною, чтобы всѣ могли жить въ единеніи церкви».

Императорское посланіе сильно возволновало умы. Католики радостно ждали пріѣзда Карла, надѣясь наградъ за свою вѣрность; Георгъ, герцогъ саксонскій, Іоахимъ, курфирстъ бренденбургскій, Вильгельмъ, герцогъ баварскій, поѣхали къ нему въ Инсбрукъ, гдѣ онъ остановился. Протестовавшіе государи и города тревожились. Курфирстъ саксонскій передъ отъѣздомъ на сеймъ велѣлъ своимъ богословамъ составить краткое изложеніе евангелическаго ученія. Они пересмотрѣли швабахскія статьи, и передали ему новую редакцію ихъ въ Торгау (потому она называется торгаускими статьями). Онъ поѣхалъ въ Аугсбургъ съ своимъ сыномъ, наслѣднымъ принцемъ Іоанномъ Фридрихомъ, съ герцогомъ люнебургскимъ, княземъ Вольфгангомъ ангальтскимъ, графомъ Альбрехтомъ Мансфельдскимъ, въ сопровожденіи множества вельможъ, Лютера, Меланхтона, Йоната, Спалатина, канцлера Брюка. Но еще не былъ отмѣненъ эдиктъ, объявлявшій Лютера мятежникомъ, жизнь его могла подвергнуться опасности въ Аугсбургѣ; притомъ своей горячностью онъ могъ бы затруднить переговоры, потому былъ оставленъ въ Кобургѣ. Курфирстъ и другіе спутники его пріѣхали въ Аугсбургъ 2 мая; черезъ десять дней пріѣхалъ ландграфъ Филиппъ съ многочисленной свитой. Императоръ еще оставался въ Инсбрукѣ, Курфирстъ саксонскій и ландграфъ велѣли своимъ духовнымъ проповѣдывать въ церквахъ; католики скандализировались этимъ; обидѣлся и Карлъ. Императоръ высказалъ рѣзкіе упреки посламъ курфирста саксонскаго, пріѣхавшимъ съ поздравленіемъ къ нему, говорилъ имъ для передачи курфирсту, что онъ нарушилъ давнюю дружбу саксонской династіи съ австрійской покровительствомъ религіозной смутѣ, пренебреженіемъ къ вормсскому эдикту, заключеніемъ съ другими непокорными государами союза, ведущаго къ разстройству нѣмецкой имперіи, къ отпаденію отъ императора, защитника Христіанства, требовалъ прекращенія проповѣдей, увеличивающихъ раздоръ; потомъ, нѣсколько смягчая тонъ, велѣлъ передать курфирсту, что приглашаетъ его пріѣхать или прислать наслѣднаго принца въ Инсбрукъ для соглашенія на личномъ свиданіи. Но курфирстъ не принялъ приглашенія Карла: къ императору съѣхались и были осыпаны милостями противники евангелическаго ученія; если бы курфирстъ поѣхалъ въ Инсбрукъ, католики называли бы это заявленіемъ раскаянія и покорности. Притомъ онъ хотѣлъ, чтобы дѣло было рѣшено на сеймѣ, а не личной волей императора; потому отвѣчалъ императору отказомъ пріѣхать въ Инсбрукъ; не согласился и прекратить лютеранское богослуженіе въ Аугсбургѣ, хотя Меланхтонъ говорилъ, что онъ долженъ уступить въ этомъ желанію императора, будучи гостемъ его въ Аугсбургѣ (имперскомъ

городѣ). Императорскій канцлеръ Гаттинара, человѣкъ умный и умѣренный, удерживавшій Карла отъ крутыхъ мѣръ, умеръ въ Инсбрукѣ. Должно было ожидать, что императоръ будетъ дѣйствовать теперь менѣе осмотрительно, чѣмъ при немъ. Карлъ отправился съ блестящей свитой въ Аугсбургъ, подѣхалъ къ городу вечеромъ 15 іюня. Духовные и свѣтскіе государи выѣхали на встрѣчу ему. Очень давно не бывало такого великолѣпнаго императорскаго въѣзда. Карлъ вообще не любилъ пышности и торжественныхъ сценъ, но въ этомъ случаѣ хотѣлъ показать императорскую власть во всемъ блескѣ ея могущества. Онъ ѣхалъ въ испанскомъ платьѣ на бѣломъ иноходцѣ подъ балдахиномъ. Курфирстъ Саксонскій несъ передъ нимъ обнаженный мечъ; впереди и сзади длинные ряды государей и вельможъ образовали громадную процессію; она направилась въ соборный храмъ. Въ немъ было совершено молебствіе по католическому обряду; протестанты не ушли отъ молебствія, только не становились на колѣна, когда становились католики.

Всеобщая преданность, выказанная при встрѣчѣ, вѣроятно укрѣпила императора въ мысли, что протестантскіе государи покорятся его повелѣнію въ религіозныхъ дѣлахъ. Курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій доказывали свое усердіе къ исполненію воли его, пославъ много своихъ войскъ на помощь австрійской династіи противъ турокъ. Онъ надѣялся, что это чувство будетъ руководить ими и въ дѣлѣ о прекращеніи религіозныхъ раздоровъ. Проѣхавъ изъ храма въ назначенный жилищемъ для него епископскій дворецъ, онъ пригласилъ туда протестантскихъ государей. Фердинандъ передалъ имъ волю его, чтобъ они прекратили лютеранское богослуженіе въ Аугсбургѣ и приняли участіе въ торжественномъ богослуженіи и процессіи на слѣдующій день, въ праздникъ Тѣла Господня. Но императоръ встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе; ландграфъ гессенскій сталъ доказывать, что въ евангелическихъ проповѣдяхъ нѣтъ ничего такого, чего не было бы въ Священномъ писаніи и у Августина. Императоръ вспыхнулъ отъ досады и рѣзко повторилъ повелѣніе, объявленное отъ его имени братомъ. Маркграфъ Георгъ Ансбахскій, старикъ, всю жизнь вѣрно служившій императорамъ, воскликнулъ: «Господинъ мой, лучше чѣмъ отречься отъ Бога и его Евангелія, стану я сейчасъ на колѣна и дамъ отрубить себѣ голову». Императоръ былъ тронутъ и ломаннымъ ниже-нѣмецкимъ языкомъ сказалъ: «Милый князь, голову не надо прочъ, голову не надо прочъ». Этимъ прекратилъ онъ аудіенцію. На слѣдующій день протестанты не приняли участія въ процессіи Тѣла Господня. Относительно проповѣдыванія было устроено соглашеніе, что ни католики, ни лютеране не будутъ произносить проповѣдей, что взамѣнъ того будутъ только читаться Евангеліе и Апостольскія писанія священниками, которыхъ выберетъ императоръ. — Лютеръ уже писалъ въ эти дни курфирсту

саксонскому, что императоръ очевидно составилъ впередъ свое рѣшеніе по внушеніямъ папы и епископовъ, что сеймъ созванъ лишь для возможности выставить, будто нововводители были выслушаны и уличены въ заблужденіи и на этомъ основаніи объявить ихъ нецеловиновеніе закоснѣлостью въ ереси, мятежомъ.

2. Аугсбургское исповѣданіе.

Сеймъ былъ открытъ 20 іюня въ залѣ ратуши. Изъ множества предметовъ, о которыхъ должно было совѣщаться ему, важнѣйшимъ въ политическомъ отношеніи было назначеніе денегъ и войска для войны съ турками, интереснѣйшимъ лично для императора—возведеніе Фердинанда въ санъ римскаго короля. Но до рѣшенія религіозныхъ дѣлъ невозможно было рѣшить ничего. Потому пфальцграфъ Фридрихъ отъ имени императора пригласилъ государей и другихъ членовъ сейма подать императору письменно свои мнѣнія о прекращеніи религіознаго несогласія. Лютеране были приготовлены къ этому. Виттенбергскіе богословы со времени объявленія о созваніи сейма трудились надъ составленіемъ изложенія своихъ догматовъ на основаніи прежнихъ актовъ подобнаго рода и въ частности торгоускихъ статей; редакцію, составленную въ Виттенбергѣ, Меланхтонъ внимательно исправилъ въ Аугсбургѣ, совѣтуясь съ находившимися тамъ друзьями и спрашивая въ нѣкоторыхъ случаяхъ мнѣнія у Лютера, которому послалъ на просмотръ и конченную свою работу. Главной цѣлью ея было оправданіе лютеранскаго ученія отъ упрека въ еретичествѣ; потому этотъ актъ назывался сначала «апологіей», но скоро сталъ называться «Аугсбургскимъ исповѣданіемъ» Augsburger Konfession. Въ первой части, состоящей изъ 21 статьи, апологія излагала ученіе евангелической церкви съ заботой о всевозможной близости къ римско-католическому и сильнымъ отрицаніемъ цвингліанскихъ понятій; во второй части, состоящей изъ семи статей, спокойнымъ тономъ излагалось, какія ошибки и злоупотребленія римской церкви отвергнуты евангелической. Это была послѣдняя попытка возстановить единство церкви въ Германіи. Меланхтонъ выставляетъ на видъ все одинаковое въ католическомъ и новомъ нѣмецкомъ ученіи, доказываетъ, что догматика новаго ученія вообще основывается на прежнемъ католическомъ, что устраняются только теоретическія и практическія злоупотребленія, на которыя уже давно жаловались католики повсюду.

„Аугсбургское Исповѣданіе“ было подписано всѣми лютеранскими государями и депутатами Нюрнберга и Рейтлингена. Филиппъ Гессенскій сильно убѣждалъ Меланхтона и другихъ лютеранскихъ богослововъ дѣй-

ствовать по согласію съ цвингліанцамъ, объяснялъ имъ; что для успѣха на сеймѣ необходимо единодушіе всѣхъ приверженцевъ реформаціи, что разногласіе между ними ободритъ католиковъ, что саксонское ученіе во всемъ важномъ согласно съ цвингліанскимъ, что изъ-за мелочныхъ разницъ не стоить ссориться. Но ему не удалось одолѣть сопротивленіе лютеранъ; они боялись распространенія цвингліанства по Германіи; пугались этого тѣмъ сильнѣе, что Филиппъ, какъ самъ сказалъ одному изъ нихъ, Урбану Регію, держится мнѣній Цвингли. Потому Меланхтонъ рѣзко отдѣлилъ лютеранское ученіе отъ швейцарскаго, рѣшительно отвергъ понятія Цвингли объ эвхаристіи. Четыре нѣмецкіе города Страсбургъ, Линдау, Мемлингень и Констанцъ держались швейцарскаго ученія; ихъ депутаты общили Меланхтону и потомъ сейму особое изложеніе своего ученія, называвшееся Исповѣданіемъ четырехъ городовъ *Confessio Tetrapolitana*. Оно было написано Буцеромъ и Капитономъ, приѣхавшими въ Аугсбургъ по приглашенію Штурма, бывшаго уполномоченнымъ Страсбурга. Единственный догматъ, о которомъ шелъ споръ между Лютеромъ и цвингліанцами, ученіе объ эвхаристіи, они изложили такъ, что едва замѣтна была разница цвингліанскаго понятія отъ лютеранскаго. Но все-таки Лютеръ, Меланхтонъ и другіе саксонскіе богословы отказались признать это исповѣданіе согласнымъ съ аугсбургскимъ. Упрямство лютеранъ довело до досады и самого Цвингли, усердно заботившагося о примиреніи съ ними.

Императоръ, слѣдуя совѣтамъ Кампедджи и другихъ вождей католической партіи, не соглашался на просьбу лютеранскихъ государей, чтобъ Аугсбургское исповѣданіе было прочтено на сеймѣ. Они вытребовали этого, но императоръ велѣлъ прочесть представленное ими исповѣданіе не въ большомъ залѣ ратуши, гдѣ присутствовало бы множество слушателей, а въ епископской капеллѣ, въ которой не могло помѣститься больше 200 человекъ. Чтеніе было назначено 25 іюля. Аугсбургское исповѣданіе было внесено въ двухъ тожественныхъ текстахъ, латинскомъ и нѣмецкомъ. Карлъ велѣлъ читать сначала латинскій текстъ, но курфюрстъ саксонскій возразилъ, что здѣсь нѣмецкая земля; императоръ дозволилъ читать сначала нѣмецкій текстъ. Впечатлѣніе было произведено очень сильное: большинство католиковъ, бывшихъ тутъ, увидѣло только теперь, что ученіе, называемое ересью, проникнуто вѣрностью духу католичества.

Императоръ плохо понимавшій по нѣмецки и заснувшій во время чтенія велѣлъ по его окончаніи подать ему оба экземпляра, нѣмецкій передалъ канцлеру имперіи Альбрехту, архіепископу майнцскому, латинскій взялъ съ собой. Пфальцграфъ Фридрихъ объявилъ отъ его имени, что онъ разсматривать это дѣло, но что „Исповѣданіе“ не должно быть печатаемо безъ особеннаго его разрѣшенія. Вскорѣ оно было напечатано по невѣрному списку; это заставило Меланхтона еще до окончанія сейма напечатать его въ обоихъ текстахъ.

Горячіе католики говорили, что на прочтенномъ исповѣданіи надобно сдѣлать рубрики кровью. Но Кампедджи и Кинтана духовникъ императора находили надобнымъ вести дѣло по возможности миролюбиво.

Императоръ велѣлъ католическимъ богословамъ составить опроверженіе Аугсбургскаго исповѣданія. Большинство назначенной для этого комиссіи составляли богословы рѣзко полемизировавшіе противъ лютеранства, какъ напримѣръ Йоганнъ Эккъ, Вимпина, Фаберъ, Кохлей. Непріязнь императора къ протестантамъ была очевидна. Онъ даже отказывался исполнить формальность, на которую былъ бы обязанъ по закону: курфирстъ Іоаннъ еще не получилъ инвеституры на свой санъ; императоръ не хотѣлъ дать ее и прямо выставялъ причиной отказа неповиновеніе курфирста ему въ дѣлѣ религій. Эразмъ, котораго Кампедджи просилъ помочь богословамъ, составившимъ опроверженіе Аугсбургскаго исповѣданія, отвѣчалъ совѣтомъ не принимать неосторожныхъ мѣръ и одобреніемъ протестантскихъ мнѣній отвергавшихъ безбрачіе священниковъ, монашескіе обѣты, одобрилъ также протестантское причащеніе мірянъ св. Дарами подъ обоими видами. Совѣтуя представителю папы быть уступчивымъ, Эразмъ совѣтовалъ то же самое и Меланхтону.

«Опроверженіе», *Confutatio*, составленное католическими богословами, не понравилось даже императору и большинству католическихъ членовъ сейма, рѣзкостью тона и растянутостью. Карлъ велѣлъ смягчить и сократить его. Въ этомъ передѣланномъ видѣ оно было прочтено 3 августа въ той же капеллѣ, какъ Аугсбургское исповѣданіе. Въ догматической части его находились выраженія, приближавшія католическія формулы нѣкоторыхъ догматовъ къ протестантскимъ понятіямъ, но въ церковныхъ учржденіяхъ не дѣлалось никакой уступки: были безусловно защищаемы причащеніе мірянъ однимъ хлѣбомъ безъ вина, безбрачіе священниковъ, іерархическое устройство церкви. Канцлеръ курфирста саксонскаго Брюкъ, отъ имени подписавшихъ Аугсбургское исповѣданіе, потребовалъ, чтобы списокъ «Опроверженія» былъ данъ имъ для разсмотрѣнія и отвѣта. Императоръ по совѣту легата отказалъ въ этомъ, и отъ его имени было объявлено, что «его императорское величество разсмотрѣлъ этотъ актъ и нашелъ, что онъ не можетъ быть ни опровергнутъ, ни отклоненъ, и снова выражаетъ и милостивую и серьезную (то-есть строгую) волю, «чтобы курфирстъ саксонскій и его товарищи вмѣстѣ съ своими богословами немедленно и единогласно присоединились къ этому акту».

3. Вліяніе Лютера на ходъ дѣлъ въ Аугсбургѣ.

Положеніе протестантовъ было бѣ очень опасно, если бы не оказалось, что согласіе между императоромъ и католическимъ большинствомъ сейма не полно и не прочно. Герцоги баварскіе и другіе

католическіе государи опасались замысловъ габсбургской династіи расширить свои владѣнія. Захватъ герцогства вюртембергскаго габсбургами встревожилъ ихъ; они ни какъ не согласились бы отдать владѣнія какого нибудь другого областного государя подъ власть Карлу и Фердинанду. Политическіе интересы были для нихъ важнѣе религіозныхъ. Даже между духовными государями не всѣ желали поддерживать императора и папу. Владычество римской куріи было обременительно для нѣмецкихъ епископовъ, не всѣ желали, чтобъ оно сохранялось. При несогласіяхъ католическихъ государей съ императоромъ и легатомъ, большинство сейма было парализовано твердостью и отвагой протестантскихъ государей. Ландграфъ Гессенскій, раздраженный неуступчивостью Карла и большинства сейма, уѣхалъ изъ Аугсбурга черезъ три дня по прочтеніи «Опроверженія», не простившись съ императоромъ. На одномъ изъ прежнихъ разговоровъ онъ сказалъ императору: «Я останусь при поданномъ нами мнѣніи (Аугсбургскомъ исповѣданіи), хотя бы это стоило мнѣ жизни». Онъ уѣхалъ внезапно, не сказавшись даже курфюрсту саксонскому, и въ письмѣ къ нему, объясняя свой отъѣздъ болѣзною жены, убѣждалъ его остерегаться и не робѣть, увѣряя, что неизмѣнно будетъ поддерживать его, готовый рисковать своими владѣніями и жизнью для защиты его и слова божія. Представителямъ городовъ ландграфъ говорилъ черезъ своихъ агентовъ, что они должны быть мужественны, что бѣды не будетъ, что Богъ за нихъ и что они должны не допускать, чтобы цвингліанцы были подавлены насиліемъ. Императоръ и католики знали, что ландграфъ человекъ отважный, что онъ уже давно находится въ сношеніяхъ съ изгнаннымъ герцогомъ вюртембергскомъ Ульрихомъ. Онъ уѣхалъ, не сказавшись никому, но католики полагали, что онъ сдѣлалъ это по соглашенію съ курфюрстомъ саксонскимъ и другими лютеранскими государями, что они тоже уѣдутъ въ свои владѣнія и вмѣстѣ съ нимъ возьмутся за оружіе. Императоръ, по старому закону бывший распорядителемъ въ городѣ, гдѣ находится сеймъ, велѣлъ запереть ворота Аугсбурга; протестантскіе государи предположили у него намѣреніе арестовать ихъ и явились къ нему потребовать объясненія; онъ отвѣчалъ, что ворота заперты по случаю убійства, чтобы не убѣжалъ преступникъ. Попытка запугать протестантскихъ государей не удалась; въ особенности курфюрстъ саксонскій выказывалъ твердую рѣшимость защищать евангельское ученіе. Онъ очень уважалъ Лютера и руководился его совѣтами.

Лютеръ непрерывно присылалъ изъ Кобурга письма, убѣждавшія протестантскихъ государей и богослововъ, находившихся въ Аугсбургѣ, быть твердыми, не бояться ничего, потому, что Богъ защититъ истинную вѣру. Онъ напоминалъ о церковныхъ злоупотребленіяхъ, обременявшихъ протестантскія земли, избавившіяся теперь отъ нихъ; онъ обращался къ нѣмецкимъ епископамъ, напоминалъ, что сами они вначалѣ одобряли его борьбу

противъ индульгенцій и другихъ поборовъ римской куріи, что сами они желали избавиться отъ деспотизма папы. Онъ говорилъ имъ: «Вы упрекаете меня въ томъ, что я произвелъ реформы сомовольно безъ согласія церкви. Но кто церковь? вы ли? — то покажите печати и грамоты; не церковь ли и мы, которые крещены такъ же, какъ вы, и больше васъ учимъ, проповѣдуемъ, вѣримъ, молимся, любимъ, надѣемся, страдаемъ?» Лютеръ понималъ, что вражда епископовъ къ евангельскому ученію происходитъ главнымъ образомъ изъ желанія сохранить свою власть. Онъ соглашался, чтобъ они сохранили ее подъ условіемъ допустить свободу евангельскаго ученія. Но онъ хорошо зналъ, что всѣ переговоры съ епископами останутся напрасны.—Онъ писалъ протестантскимъ государямъ: «Папа хвалится въ напечатанной запискѣ, что императоръ возвратитъ ему все; я знаю: этого не будетъ. О, милый папа и паписты, прежде возвратите намъ Леонгарда Кайзера и всѣхъ невинныхъ убитыхъ вами, всѣ души обольщенные вашей ложью, всѣ деньги и имѣнья, похищенные вашимъ обманомъ, всю честь отнятую у Бога вашими пороками, и тогда говорите намъ о возвращеніи власти вамъ. Въ исторіи будетъ написано, что папа осмѣлился требовать такого дѣла, какъ будто люди въ Германіи чурбаны, а на сеймъ съѣхались обезьяны.—Довѣріе къ папѣ доведетъ нѣмецъ до бѣды: онъ хочетъ поднять междоусобіе въ Германіи. Если нѣмецкіе государи дойдутъ до войны между собой, папа съ усмѣшкой скажетъ: вы, нѣмецкіе скоты, не хотѣли имѣть меня папой, то вотъ же вамъ за это. О, большую любовь имѣетъ онъ къ императору, какъ доказалъ подъ Павіей, гдѣ войско его сражалось противъ императора; еще больше любитъ онъ Германію, такъ что короновалъ императора безъ присутствія нѣмецкихъ государей. Я не пророкъ, но прошу всѣхъ васъ, господа мои, остерегайтесь и не думайте, что вы имѣете дѣло съ людьми, когда имѣете дѣло съ папой и папистами, вы тогда имѣете дѣло съ чертями, потому что у нихъ чертовское коварство. Всемогущій Богъ да поможетъ вамъ, чтобы дѣло шло къ миру. Ваша курфиршеская милость благоволитъ не осудить меня за такое письмо: не могу не заботиться о бѣдной, жалкой, покинутой, презираемой, продаваемой Германіи, которой желаю я не зла, а добра, какъ обязанъ желать моему милому отечеству». Совѣты Лютера удерживали лютеранскихъ государей и богослововъ въ Аугсбургѣ отъ чрезмѣрныхъ уступокъ. На вопросъ, какія дальнѣйшія уступки можно сдѣлать, онъ отвѣчалъ: «По моему въ апологін (Аугсбургскомъ исповѣданіи) уступлено уже больше, чѣмъ слѣдовало бы; если они не принимаютъ этого, то я не вижу, что еще могъ бы уступить. День и ночь я занимаюсь этимъ дѣломъ, думаю, взвѣшиваю, просматриваю все Священное писаніе, и съ каждымъ часомъ растетъ во мнѣ увѣренность въ побѣдѣ нашего ученія и укрѣпляется мысль, что если Богу будетъ угодно я не уступаю ничего больше; пусть будетъ, что будетъ. Вы имѣете ваше (аугсбургское) исповѣданіе; вы имѣете Евангеліе; если они допускаютъ это, то хорошо, а если нѣтъ, пусть идутъ прочь; если выйдетъ изъ этого война, то пусть выйдетъ, мы достаточно молились и заботились о мирѣ; Богъ готовитъ ихъ въ жертвы войны, чтобы воздать имъ мзду по ихъ дѣламъ, а насъ, народъ свой, онъ спасетъ изъ печи вавилонской».

Протестантскіе государи, остававшіеся въ Аугсбургѣ, были непоколебимы въ вѣрности евангелическому ученію. Старикъ Георгъ, маркграфъ ансбахскій, по прежнему говорилъ, что готовъ лишиться своего государства за Евангеліе. Депутаты протестантскихъ городовъ были также тверды. Съ особенной горячностью противились они восстановленію епископской власти, которое съ нѣкоторыми ограниченіями допускали лютеранскіе богословы. Меланхтонъ писалъ о депутатахъ городовъ: «Объ ученіи и религіи у нихъ мало заботы; они думаютъ только о самоуправленіи и свободѣ».

4. Попытки примиренія.

Отъѣздъ ландграфа показалъ императору и большинству сейма, что протестантскіе государи и города предпочтутъ войну отказу отъ своего ученія, что запугать ихъ нельзя. Императоръ не надѣялся, что папа исполнить свое обѣщаніе созвать вселенскій соборъ, который безъ сомнѣнія ограничилъ бы его власть; потому Карлъ рѣшился кончить дѣло о реформаціи самъ. Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній его съ государями обѣихъ религіозныхъ партій былъ составленъ изъ представителей обоихъ исповѣданій комитетъ для выработки соглашенія между ними. Каждая сторона выбрала двухъ государей, двухъ юристовъ и трехъ богослововъ. Католики выбрали изъ своихъ богослововъ Экка, Вимпину и Кохлея, протестанты Меланхтона, Бренца и Шнепфа (придворнаго проповѣдника ландграфа гессенскаго); конференціи, какъ назывались совѣщанія этого комитета, начались 16 августа.

Оказалось, что относительно догматовъ соглашеніе не представляетъ непреодолимыхъ затрудненій. Дѣйствительно, лютеране отбрасывали въ догматикѣ только очень позднія прибавки къ старому ученію католической церкви, которому оставались вѣрны. Такимъ образомъ были найдены формулы, которыя одинаково соотвѣтствовали мнѣніямъ протестантовъ и нѣмецкихъ католическихъ богослововъ. — Вопросъ о безбрачїи священниковъ былъ оставленъ на рѣшеніе будущаго вселенскаго собора; католики согласились признавать до той поры священниками женатыхъ протестантскихъ проповѣдниковъ; лютеране согласились, чтобы не женились до вселенскаго собора люди, которыхъ будутъ назначать они священниками по заключеніи соглашенія съ католиками. Болѣе затруднительны были вопросы о богослужебныхъ обрядахъ. Но и въ этомъ лютеранскіе богословы выказали такую уступчивость, что католическіе согласились на тѣ немногія и неважныя отступленія отъ римскихъ обрядовъ, которыхъ не могли отмѣнить въ своемъ богослуженіи протестанты. Относительно конфискованныхъ монастырскихъ имѣній курфирстъ саксонскій согласился, чтобы рѣшеніе дѣлъ о нихъ было предоставлено вселенскому собору. Было достигнуто соглашеніе и по вопросу объ епископской власти. Лютеранскіе богословы соглашались повиноваться епархіальнымъ епископамъ подъ условіемъ свободы своего ученія; соглашались даже признать верховную власть папы, лишь бы онъ допустилъ свободу евангелическаго ученія. По ходу конференцій можно было ожидать, что нѣмецкое реформаціонное движеніе кончится подобно гуситскому воссоединеніемъ съ католической церковью на основаніи маловажныхъ уступокъ со стороны папы; но папа и горячіе католики не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ; а между лютеранскими богословами и священниками было много людей менѣе сговорчивыхъ, чѣмъ Мелан-

хтонъ и другіе два товарища его на конференціяхъ. Представителемъ этой неуступчивой партіи былъ Лютеръ. Онъ писалъ (26 августа) Спалатину, находившемуся въ Аугсбургѣ при курфирстѣ саксонскомъ: «Я слышу, вы принялись за чудное дѣло, надѣетесь помирить папу и Лютера; но папа не хочетъ и Лютеръ отказывается; смотрите, чтобы вашъ трудъ не потрагился понапрасну. А если противъ воли ихъ обоихъ, устроите это дѣло, то я послѣдую вашему примѣру и помирю Христа съ Веліаломъ». Представители обѣихъ партій на конференціяхъ скоро увидѣли, что примиреніе не возможно. Легатъ получилъ увѣдомленіе, что въ засѣданіи коллегіи кардиналовъ рѣшено отвергнуть требованія лютеранъ, а лютеранскіе богословы стали брать назадъ нѣкоторыя изъ своихъ уступокъ; въ особенности ясно увидѣли они, что возстановленіе епископской власти не совмѣстно съ ихъ церковнымъ устройствомъ, и наконецъ 29 августа они объявили, что не могутъ дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ предложеній, отлагаютъ дѣло до созванія вселенскаго собора.

5. Постановленіе аугсбургскаго сейма.

Императоръ убѣждалъ папу созвать вселенскій соборъ, котораго требуютъ протестанты. Папа не хотѣлъ созвать соборъ, который несомнѣнно началъ бы борьбу противъ папскаго самовластія; но ему нельзя было выставлять себя не желающимъ угодить императору, потому онъ отвѣчалъ Карлу, что готовъ исполнить его желаніе подъ условіемъ, чтобы протестанты засвидѣтельствовали свою покорность церкви возстановленіемъ отмѣненныхъ ими католическихъ обрядовъ и прекращеніемъ нападеній на католическое ученіе. Онъ предвидѣлъ, что протестанты не согласятся на это; и дѣйствительно, когда императоръ вполнѣ одобрявшій требованіе папы, передалъ его (7 сентября) протестантамъ, они отвергли его. Императоръ напомнилъ имъ обязанность меньшинства сейма покоряться большинству; они отвѣчали ссылкой на постановленія прежнихъ сеймовъ, дававшія имъ свободу вѣроисповѣданія и на свою совѣсть, недозволяющую имъ возстановить церковныя злоупотребленія, противныя слову божію. Онъ гнѣвно сказалъ, что если они не образумятся, то онъ съумѣетъ исполнить свою обязанность защитника церкви, и далъ имъ срокъ одуматься. По истеченіи срока они объявили, что готовы продолжать переговоры на вселенскомъ соборѣ, но обѣщаніе отмѣнить введенныя ими церковныя реформы было бы убіеніемъ Христа и отреченіемъ отъ слова божія. Императоръ былъ раздраженъ, сталъ совѣщаться съ своими совѣтниками о томъ, что надобно употребить силу. Но

это оказалось невозможно; у него было мало войска въ Германіи; нѣмецкіе католическіе государи были враждебны алчной политикѣ австрійской династіи, не стали бы помогать ему, потому онъ принялъ рѣшеніе, устранявшее войну до болѣе удобнаго ему времени. Большинство сейма приняло проектъ постановленія, отлагавшаго дѣло до весны. Карлъ (22 сентября) пригласилъ къ себѣ протестантскихъ государей и прочелъ имъ этотъ проектъ. Въ немъ говорилось: такъ какъ ихъ исповѣданіе выслушано и опровергнуто доводами изъ Евангелія и на конференціяхъ принято ими соглашеніе по многимъ пунктамъ, то дается имъ срокъ до 15 апрѣля слѣдующаго года обдумать дѣло; по истеченіи этого срока они должны объявить, согласны ли возсоединиться съ церковью и по остальнымъ пунктамъ до рѣшенія вселенскаго собора; въ ожиданіи того они должны не дозвлять въ своихъ владѣніяхъ печатанія и продажи новыхъ книгъ противныхъ ученію церкви и не мѣшать католикамъ совершать богослуженіе. Канцлеръ курфюрста саксонскаго Брюкъ отвѣчалъ отъ имени всѣхъ протестантовъ, что Аугсбургское исповѣданіе основано на словѣ божіемъ и не можетъ быть опровергнуто. Императоръ передалъ имъ списокъ проекта сеймоваго рѣшенія, чтобъ они дали отвѣтъ по зрѣломъ совѣщаніи между собой.

Протестанты не могли отказаться отъ сдѣланныхъ ими преобразованій, потому объявили, что будутъ протестовать противъ этого постановленія, если оно будетъ принято большинствомъ сейма. На это курфюрстъ Іоахимъ Бранденбургскій отвѣчалъ (19 сентября) по порученію Карла: императоръ дивится ихъ словамъ, что ихъ ученіе основано на Священномъ писаніи; неужели они полагаютъ, что онъ, его предки, другіе курфюрсты и нѣмецкіе государи, что все западное христіанство находились столько вѣковъ въ заблужденіи? Если курфюрстъ саксонскій и его товарищи по религіи не примутъ постановленія сейма, то императоръ и сеймъ имѣютъ рѣшимость не щадить ни жизни, ни имущества для защиты церкви; его величество исполнитъ обязанность императора поддержать истинную вѣру, совершенно искоренить ересь и возстановить церковное единство нѣмецкой націи. Лютеранскіе государи видѣли, что рѣшено обратить сообщенный имъ проектъ безъ всякихъ смягченій въ постановленіе сейма, потому имъ нечего больше дѣлать въ Аугсбургѣ, должно удалиться. Курфюрсту было очень тяжело рѣшаться на формальный разрывъ съ императоромъ; когда онъ объявилъ Карлу, что уѣзжаетъ, и императоръ, прощаясь съ нимъ (внукомъ Маргареты, сестры императора Фридриха, прадѣда Карла) сказалъ: «Дядюшка, дядюшка, я не ожидалъ отъ васъ этого», онъ залился слезами и не могъ произнести ни слова отъ волненія.

Императоръ былъ очень раздраженъ сопротивленіемъ протестантскихъ членовъ сейма и въ особенности городовъ. Онъ велѣлъ про-

честь 17 октября въ сеймѣ опроверженіе Исповѣданія четырехъ городовъ, державшихся цвингліанства, и сказалъ, что если они не отступятся отъ своихъ опасныхъ заблужденій, то онъ употребитъ противъ нихъ свою императорскую власть. Но его угроза не запугала никого. Не только эти четыре цвингліанскіе города (Страсбургъ, Констанцъ, Меммингенъ, Линдау), но и лютеранскіе города (Франкфуртъ, Ульмъ, Швабскій Галль и самый Аугсбургъ) отказались признать рѣшеніе сейма законнымъ. Понятно, что протестанты, которымъ императоръ угрожалъ войной, не захотѣли помогать его брату Фердинанду въ войнѣ съ турками. (Чтобы пріобрѣсти поддержку папы въ переговорахъ съ католиками о посылкѣ войскъ на эту войну, Фердинандъ возвратилъ духовнымъ владѣтелямъ конфискованныя имъ церковныя имѣнья, хотя прежде самъ папа утвердилъ ихъ за нимъ). Всѣ протестантскіе члены сейма уѣхали изъ Аугсбурга. Должно было полагать, что сеймъ приметъ постановленіе равнозначительное объявленію войны протестантамъ. Такъ это и было сдѣлано.

Окончательное рѣшеніе сейма, принятое 19 ноября, постановляло: всѣ послѣдователи осуждаемыхъ католической церковью ученій должны возстановить у себя католическое богослуженіе и повиноваться папѣ и епископамъ до того времени, когда соборъ произнесетъ свое рѣшеніе по спорнымъ вопросамъ; сопротивляющіеся этому постановленію сейма будутъ отлучены отъ церкви и объявлены мятежниками; женатые священники лишаются должностей; всѣ конфискованныя церковныя имѣнья возвращаются церкви; возстанавливается церковная власть епископовъ; непокорные предаются суду.

Черезъ три дня по обнародованіи этого рѣшенія сейма императоръ уѣхалъ изъ Аугсбурга. Онъ не заслужилъ признательности папы, находившаго, что онъ слишкомъ церемонится съ еретиками, которыхъ слѣдовало бы безотлагательно покорить силой оружія.

ХІІ. ХОДЪ РЕФОРМАЦІИ ВЪ ГЕРМАНИИ И ШВЕЙЦАРІИ ДО НЮРНБЕРГСКАГО МИРА.

1. Шмалькальденскій союзъ. Выборъ Фердинанда въ санъ короля.

Отправляясь изъ Италіи въ Германію, Карлъ хотѣлъ придать больше силы имперскому правительству, доставивъ санъ короля своему брату Фердинанду. Неповиновеніе протестантовъ укрѣпило его мысли о необходимости этого для подавленія непокорныхъ. Кромѣ протестантовъ опасны были габсбургскому дому и нѣкоторые католическіе государи. Герцогъ Вильгельмъ Баварскій, пользуясь неудовольствіемъ другихъ государей на нарушеніе императоромъ условій выбора въ санъ, интриговалъ на сеймѣ, внушалъ недовольнымъ, что надобно устранить Габсбурговъ отъ управленія Германіей, надѣялся

быть выбранъ королемъ. На упреки императора онъ прямо отвѣчалъ: «Не вижу, почему бы мнѣ не искать королевской короны; извѣстно, что герцоги баварскіе бывали римскими императорами и королями, когда австрійскіе владѣтели еще сидѣли между графами». Замыселъ Вильгельма показалъ императору надобность ускорить дѣло о выборѣ Фердинанда королемъ для управленія Германіей въ его отсутствіе. Онъ склонилъ всѣхъ курфирстовъ, кромѣ саксонскаго, въ пользу своего желанія, и попросилъ ихъ съѣхаться въ концѣ года въ Кельнъ для выбора Фердинанда королемъ. Онъ и его совѣтники разсуждали, нельзя ли устранить курфирста саксонскаго отъ участія въ съѣздѣ; они думали согласиться на буллу Льва X, угрожавшую послѣдователямъ Лютера отлученіемъ отъ церкви; но сообразили, что этотъ аргументъ не былъ бы допущенъ нѣмецкими государями: отлученіе отъ церкви лишало только церковныхъ правъ, не относилось къ гражданскимъ. Такимъ образомъ было рѣшено послать курфирсту саксонскому приглашеніе на кельнскій съѣздъ. Между тѣмъ, имперскому камеральному суду, состоявшему изъ католиковъ, было дано повелѣніе примѣнять ко всѣмъ тяжбамъ рѣшеніе сейма. Предполагалось, что будетъ подано множество жалобъ духовными сановниками, имѣнья которыхъ были конфискованы протестантскими государями. Такимъ образомъ должна была начаться юридическая война съ протестантами, въ ожиданіи возможности двинуть войска на нихъ.

Протестанты видѣли необходимость принять мѣры обороны. Во второй половинѣ декабря курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій пріѣхали въ небольшой тюрингскій городъ Шмалькальденъ, пригласивъ другихъ протестантскихъ членовъ сейма собраться тамъ на совѣщаніе съ ними. Мы говорили, что уже и прежде были дѣлаемы попытки соединить силы протестантовъ въ одинъ союзъ для общей обороны; но это оставалось безуспѣшнымъ, потому что Лютеръ и его помощники возставали противъ приготовленій къ войнѣ, говорили, что должно надѣяться на помощь Божію, что браться за оружіе на защиту истинной вѣры значитъ выказывать недовѣріе къ Богу. Другое препятствіе состояло въ томъ, что многіе изъ второстепенныхъ протестантскихъ государей считали войну противъ императора и сейма бунтомъ, не дозволительнымъ ни въ какомъ случаѣ. Эти возраженія слышались и на шмалькальденскомъ съѣздѣ; но опасность была теперь такъ ясна и близка, что они утратили прежнюю важность. Въ Шмалькальденѣ съѣхались: курфирстъ саксонскій, ландграфъ гессенскій, герцоги брауншвейгскій и люнебургскій, князь ангальтскій, графъ мансфельдскій и депутаты имперскихъ городовъ. Они единогласно рѣшили противиться общими силами всякому нападенію за вѣру на кого-нибудь изъ участвующихъ въ заключаемомъ союзѣ и всякому процессу въ имперскомъ судѣ по дѣламъ о конфискованныхъ церковныхъ имѣньяхъ, и поддерживать протестъ курфирста саксон-

скаго противъ выбора Фердинанда въ королевскій санъ. Лютеръ и подчинявшіеся его вліянію богословы, ссылаясь на Священное писаніе и считая нѣмецкую имперію продолженіемъ древней римской, говорили, что недозволительно сопротивляться императору, что должно свидѣтельствовать свою вѣру готовностью принимать страданія за нее. Но юристы сказали на это, что устройство нѣмецкой имперіи совершенно не такое, какъ древней римской, и что нѣмецкій императоръ, выбираемый государями, не имѣетъ надъ ними, наслѣдственными государями, такихъ правъ, какія принадлежали императору древняго Рима надъ его подданными, что власть императору дается договоромъ, и онъ не имѣетъ права нарушать его; что даже по процессамъ частныхъ людей не можетъ быть примѣняемо законное наказаніе, пока дѣло не рѣшено по апелляціи къ высшему суду, тѣмъ меньше права имѣетъ императоръ дѣйствовать силой противъ евангелическихъ государей и городовъ, апеллировавшихъ къ вселенскому собору; что власть въ Германіи принадлежитъ не одному императору, а императору вмѣстѣ съ членами сейма, и если онъ, съ нарушеніемъ законныхъ правилъ, нападаетъ на членовъ сейма, то они имѣютъ право сопротивляться. Богословы не могли спорить противъ этого, сказали, что юристы лучше ихъ должны понимать политическіе вопросы, и дали свое согласіе на союзъ для обороны противъ всякаго нападающаго на протестантовъ за ихъ религію.

Лютеръ былъ приведенъ аугсбургскимъ рѣшеніемъ императора и сейма къ этому мнѣнію, противоположному прежнимъ его разсужденіямъ о безусловномъ повиновеніи императору. Онъ говорилъ теперь, что императоръ сталъ орудіемъ папы, «поступаетъ не только противъ слова божія, но и противъ своей присяги, записанной на грамотѣ, скрѣпленной печатью; потому послѣдователи Евангелія имѣютъ право сопротивляться его нападенію». Но всетаки ему было не ловко такъ противорѣчить прежнимъ своимъ разсужденіямъ. Онъ слагалъ отвѣтственность за свое мнѣніе на юристовъ: «Если юристы могутъ доказать, по своимъ законамъ, что позволительно сопротивляться императору, пусть они говорятъ это по своимъ законамъ; это ихъ дѣло». Лютеру не нравился шмалькальденскій союзъ, потому что къ участію въ немъ были приняты нѣмецкіе цвингліанскіе города. Курфирстъ саксонскій уступилъ въ этомъ случаѣ требованію ландграфа гессенскаго.

Итакъ, по шмалькальденскому договору подписывающіе его обязывались защищать другъ друга отъ всякаго нападенія за вѣру. Въ послѣдній день совѣщаній (31 декабря) договоръ былъ подписанъ всѣми бывшими на съѣздѣ, кромѣ Георга, маркграфа ансбахскаго, Нюрнберга и нѣкоторыхъ другихъ франконскихъ городовъ и въ послѣдній день года члены съѣзда послѣ девяти-дневныхъ совѣщаній прекратили свои совѣщанія.

Сынъ курфюрста саксонскаго Іоаннъ Фридрихъ поѣхалъ изъ Шмалькальдена въ Кёльнъ протестовать отъ имени членовъ шмалькальденскаго союза противъ выбора Фердинанда въ королевскій санъ. Разумѣется, протестъ не былъ уваженъ. Императоръ сказалъ пяти собравшимся въ Кёльнъ курфюрстамъ рѣчь о томъ, что имперское правительство теперь слишкомъ слабо для охраненія закона и спокойствія, а самъ онъ по обширности своего государства не можетъ часто пріѣзжать въ Германію и что поэтому нуженъ ему помощникъ, который управлялъ бы нѣмецкой имперіей въ его отсутствіе. Всѣ пять курфюрстовъ, бывшихъ тутъ, выбрали Фердинанда королемъ (3 января 1531). Въ актѣ о выборѣ было формально поставлено въ обязанность новому королю исполнять рѣшеніе аугсбургскаго сейма. Черезъ нѣсколько дней Фердинандъ былъ коронованъ въ Аахенѣ.

Кромѣ членовъ шмалькальденскаго союза отказались признавать власть новаго короля герцоги баварскіе. Онъ справедливо жаловался брату, что получилъ только титулъ не увеличившій его силы.— Война съ протестантами была не возможна императору и Фердинанду. Къ прежнимъ врагамъ императора и его брата, французамъ и туркамъ, присоединился новый: Генрихъ VІІІ, развелся съ теткою Карла и отложился отъ римской церкви. Нельзя было увеличивать число враговъ нападеніемъ на протестантовъ, которые вошли бы въ союзъ съ Францискомъ и Генрихомъ. Меланхтонъ по порученію государей шмалькальденскаго союза уже писалъ къ Франциску и Генриху письма, въ которыхъ опровергалъ клеветы противъ лютеранства и убѣждалъ королей французскаго и англійскаго въ надобности созвать вселенскій соборъ. Отвѣтъ французскаго короля показывалъ, что онъ очень радъ помогать нѣмецкимъ государямъ противъ Габсбурговъ. Отвѣтъ Генриха VІІІ тоже показывалъ его расположеніе вступить въ союзъ съ нѣмецкими протестантами. Кромѣ всего этого Карлъ и Фердинандъ знали, что герцоги баварскіе находятся въ сношеніяхъ съ Яношемъ Заполей. Ландграфъ Филиппъ дѣятельно искалъ новыхъ союзниковъ нѣмецкимъ протестантамъ, велъ переговоры съ герцогами баварскими, получилъ отъ короля датскаго обѣщаніе помощи; но важнѣе всего казалось ему склонить нѣмецкихъ протестантовъ къ союзу съ швейцарскими. Для этого было необходимо прекратить религіозный споръ между ними. Буцеръ былъ посредникомъ въ переговорахъ, ѣздилъ въ Кобургъ къ Лютеру, убѣдилъ Страсбургъ вступить въ сношенія съ курфюрстомъ саксонскимъ. Но дѣло все-таки кончилось неудачей по прямой ненависти лютеранъ къ цвингліанцамъ. Обѣ эти религіозныя партіи подверглись одинаковымъ опасностямъ, оставляя одна другую безъ помощи.

2. Швейцарскія дѣла. Смерть Цвингли.

Ученіе Цвингли распространялось по Швейцаріи, но встрѣчало сильное сопротивленіе со стороны трехъ горныхъ кантоновъ (то-есть, Швица, Ури и Унтервальдена), и со стороны Люцерна и Цуга. Наемничество было главнымъ доходомъ жителей этихъ кантоновъ; потому они ненавидѣли Цвингли, стремившагося прекратить вредное ремесло. Къ Швейцаріи принадлежали области, покоренныя соединенными силами кантоновъ и находившіяся подъ общимъ управленіемъ ихъ. Правители этихъ областей назначались или кантонами или союзнымъ сеймомъ. Главная масса подвластныхъ областей образовала сплошную полосу на сѣверной сторонѣ кантональныхъ земель. Ученіе Цвингли распространялось тамъ. Цюрихское правительство заявило правило, что каждая община подвластныхъ областей имѣетъ право рѣшать сама, какому богослуженію быть въ ней, католическому или реформатскому. Горные кантоны, Люцернъ и Цугъ не хотѣли допустить этой свободы; строго охраняя у себя католичество, они хотѣли подавить реформацію въ подвластныхъ областяхъ. Мѣстные начальники, назначаемые ими, получили приказаніе дѣйствовать въ этомъ духѣ. Столкновенія стали неизбежны. Въ Тургауской области, управленіе въ которой принадлежало многимъ кантонамъ, большинство населенія приняло реформацію, пригласило священниковъ изъ Цюриха. То же самое произошло въ такъ называемой Рейнской долинѣ, въ округахъ меллингенскомъ и бремгартенскомъ. Представители федераціи пяти кантоновъ (Люцерна, Цуга и трехъ горныхъ кантоновъ), бывшіе правителями (фохтами) тѣхъ округовъ, подвергали штрафамъ, сажали въ темницы, сѣкли розгами реформатовъ, прогоняли реформатскихъ проповѣдниковъ, отрѣзавъ имъ языкъ. Цюрихскій проповѣдникъ Кайзеръ, приглашенный быть священникомъ въ Гастеръ (селеніи Рейнской долины), былъ неожиданно арестованъ на дорогѣ въ лѣсу, отведенъ въ Швицъ, подвергнутъ пыткамъ и, наперекоръ ходатайству цюрихскаго посольства, сожженъ. Федерация пяти кантоновъ выдавала бѣжавшихъ изъ Германіи протестантовъ на казнь австрійскому правительству. Унтервальденцы сдѣлали, какъ мы говорили, нападеніе на горную часть (Oberland) бернского кантона, чтобы подавить тамъ реформацію. Опасаясь наказанія за это нарушеніе союзныхъ законовъ, коалиція пяти кантоновъ заключила (въ апрѣлѣ 1529) союзъ съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ и обѣщала отдать ему Констанцъ, находившійся подъ покровительствомъ Цюриха.

Непріязнь коалиціи пяти кантоновъ принуждала реформатскіе кантоны готовиться къ оборонѣ, союзъ съ Австріей угрожалъ свободѣ протестантской Швейцаріи; нападеніе унтервальдцевъ на бернскую горную область требовало отмщенія, гнусное убійство цюрихскаго

проповѣдника не должно было остаться безнаказаннымъ. Цюрихъ послалъ войско занять такъ называемые свободные округа въ ааргауской землѣ, чтобы не овладѣлъ ими католическій фохтъ. Цвингли понималъ, что безъ войны нельзя упрочить свободы совѣсти. «Ты не знаешь этихъ людей», говорилъ онъ Эколамнадію, совѣтовавшему воздерживаться отъ насильственныхъ дѣйствій: «Я вижу мечъ уже обнаженнымъ и исполню обязанность вѣрнаго стража». Бернскимъ реформатамъ, отвергавшимъ мысль о нападеніи на католиковъ, онъ писалъ: «Миръ, за который говорятъ теперь многіе, война; война, которой я желаю, миръ. Безопасность стала невозможна для истины и для чтущихъ ее, если не будутъ ниспровергнуты опоры католическаго деспотизма». Цюрихское правительство рѣшило не допускать въ Бремгартенъ и Мури унтервальденскихъ фохтовъ. Планъ похода составилъ Цвингли, и самъ пошелъ съ войскомъ. Въ іюнѣ 1529 цюрихскіе отряды стали по сѣверной границѣ враждебныхъ пяти кантоновъ и отрѣзали подвозъ хлѣба въ нихъ. Эти кантоны собрали войско. Бернцы не пошли на помощь цюрихцамъ; но къ нимъ ежедневно приходили подкрѣпленія изъ Гларуса, Тургау, Рейнской долины; пришли и бернцы, хотя имъ не нравилась война. Католическое войско было плохо вооружено, страдало отъ недостатка въ провіантѣ; Фердинандъ не присылалъ обѣщанной помощи. Оба войска стали неподалеку отъ Каппеля. Цвингли былъ увѣренъ въ побѣдѣ.

Но дѣло не дошло до битвы. Къ цюрихскому войску подошелъ гларусскій ландамманъ Гансъ Эбли и сталъ убѣждать реформатовъ примириться съ католиками. Онъ говорилъ: «Неужели нельзя уклониться отъ того, чтобы сдѣлать многихъ женщинъ вдовами, дѣтей сиротами? Неужели невозможенъ миръ между людьми, такъ часто ходившими на войну вмѣстѣ? Милые почтенные господа Цюрихцы, предотвратите, прошу васъ Богомъ, распаденіе и гибель стараго швейцарскаго союза». Эбли плакалъ отъ волненія. Онъ былъ человѣкъ уважаемый. Его тргательныя слова подѣйствовали на цюрихскихъ военачальниковъ. Они согласились дать католикамъ перемиріе для переговоровъ. Цвингли сказалъ: «Другъ ландамманъ, ты будешь отвѣчать передъ Богомъ за это посредничество». Католики показали уступчивость; бернцы говорили, что будутъ помогать цюрихцамъ только, когда католики нападутъ на Цюрихъ, а участвовать въ наступательной войнѣ не хотятъ. Такимъ образомъ заключенъ былъ (25 іюня 1529) миръ, оставившій борьбу нерѣшенной. Коалиція пяти кантоновъ отказалась отъ союза съ австрійскимъ государемъ, обѣщала уплатить военныя издержки реформатамъ, согласилась на то, чтобы въ областяхъ, находящихся подъ общимъ союзнымъ управленіемъ, каждая община сама рѣшала, какому богослуженію быть въ ней. Но католики не признали свободы реформатской проповѣди въ своихъ кантонахъ.—Бернцы высказывали радость, что дѣло кончи-

лось миромъ и простили унтервальденцамъ нападеніе на свою горную область. Но Цвингли ожидалъ въ будущемъ бѣдъ, предвидя, что католики возобновятъ войну при первой возможности.

Благодаря свободѣ выбора, предоставленной народу подвластныхъ областей, реформація въ нихъ быстро распространялась. Тургаускіе проповѣдники собрались въ Фрауэнфельдѣ и подъ руководствомъ Цвингли установили форму богослуженія въ своей области. Монахи уходили изъ монастырей. Въ Ааргаускихъ свободныхъ округахъ, въ Бремгартенѣ, Меллингенѣ, въ Рейнской долинѣ, въ Саргансѣ, Уцнахѣ, Гастерѣ тоже была введена реформація. Она распространялась и въ католическихъ кантонахъ; въ Золотурнѣ, при посредничествѣ Берна и Базеля, правительство отдало реформатамъ для богослуженія церковь капуцинскаго монастыря.

Но слухи о ходѣ дѣлъ на аугсбургскомъ сеймѣ ободрили швейцарскихъ католиковъ. Въ Ротвейлѣ, городѣ, находившемся подъ покровительствомъ Швейцарскаго союза, большинствомъ шести цеховъ противъ пяти было рѣшено запретить реформатское богослуженіе; 400 гражданъ бѣжало отъ преслѣдованія, которому подверглись тамъ реформаты.

Подъ вліяніемъ торжества католиковъ на аугсбургскомъ сеймѣ и ожиданій религіозной войны въ Германіи усилилось волненіе и въ Швейцаріи. Нападеніе герцога савойскаго на Женеву (о которомъ мы расскажемъ послѣ) казалось дѣломъ тайнаго соглашенія герцога съ императоромъ. Опасаясь нашествія католическихъ войскъ изъ Италіи и Германіи, швейцарскіе протестанты искали себѣ союзниковъ. Потому, когда король французскій прислалъ агентовъ въ Швейцарію, они нашли благопріятный пріемъ себѣ въ Бернѣ и Базелѣ. Послѣ аугсбургскаго сейма, надежды швейцарскихъ католиковъ на помощь императора возросли. Коалиція пяти кантоновъ жаловалась, что Цюрихъ вытѣсняетъ католиковъ изъ общихъ владѣній союза.—Реформаты жаловались на обиды отъ католиковъ. Умѣренные люди не могли ни на той ни на другой сторонѣ успокоить своихъ горячихъ единовѣрцевъ. Коалиція пяти кантоновъ возобновила сношенія съ Фердинандомъ; реформатскіе кантоны желали вступить въ сношенія съ нѣмецкими протестантами; ландграфъ гессенскій убѣждалъ, какъ мы говорили, своихъ шмалькальденскихъ союзниковъ заключить договоръ съ ними, но курфирстъ саксонскій, подъ вліяніемъ Лютера, объявилъ, что безусловное принятіе аугсбургскаго исповѣданія—необходимое условіе допущенія швейцарцевъ къ участию въ протестантскомъ союзѣ. Дѣло разстроилось. Отъ шмалькальденскаго союза отстранились тѣ города югозападной Германіи, которые приняли швейцарское ученіе.

Лютеръ желалъ примиренія нѣмецкихъ протестантовъ съ императоромъ, будучи равнодушенъ къ политическимъ интересамъ нѣмец-

каго народа. Цвингли былъ не таковъ; онъ желалъ политическаго преобразованія Швейцарскаго союза.

Въ Цюрихѣ Цвингли приобрѣлъ преобладающее вліяніе на общественныя дѣла. Мы говорили, что онъ хотѣлъ улучшить нравы. Комитетъ, учрежденный для надзора за ними, ввелъ строгую нравственную дисциплину. По понятіямъ Цвингли, пороки были неповиновеніемъ Богу, мятежомъ противъ него и подлежали строгимъ наказаніямъ. Комитетъ, наблюдавшій за нравами (*Sitten und Ehegericht*), перешелъ отъ увѣщаній къ арестованію порочныхъ, держалъ ихъ въ темницѣ или выгонялъ изъ цюрихскаго кантона. Прелюбодѣямъ угрожалъ онъ утопить ихъ. Было постановлено въ обязанность всѣмъ посѣщеніе церквей. Члены большого и малаго совѣтовъ обязаны были заявлять, что принимаютъ реформатское ученіе во всѣхъ его подробностяхъ; отказывавшіеся дать это удостовѣреніе были удаляемы изъ совѣтовъ. Цюрихъ служилъ образцомъ для другихъ реформатскихъ городовъ, и теократическій характеръ, полученный его управленіемъ, распространялся по всѣмъ церковнымъ общинамъ, державшимся швейцарскаго вѣроученія.

Цвингли хотѣлъ преобразовать Швейцарскій союзъ въ томъ духѣ, какъ Цюрихъ. Кромѣ нравственныхъ стремленій, у него были горячія патріотическія желанія. Онъ хотѣлъ, чтобы Швейцарія не служила орудіемъ для чужихъ выгодъ. Католическіе кантоны, бывшіе основателями Швейцарскаго союза, сохраняли на сеймѣ преобладаніе, несоотвѣтствовавшее ихъ дѣйствительнымъ силамъ. Цвингли считалъ надобнымъ преобразовать составъ союзнаго сейма такъ, чтобы наибольшее вліяніе принадлежало въ немъ важнѣйшимъ кантонамъ, бернскому и цюрихскому, области которыхъ составляли двѣ трети дѣйствительной силы союза. Онъ говорилъ, что если федерація пяти кантоновъ не дастъ свободы проповѣди слова Божія, то надобно отмѣнить прежній союзный договоръ и возстановить Швейцарскій союзъ на болѣе справедливыхъ основаніяхъ, предоставивъ альпійскимъ пастухамъ, ничего не понимающимъ въ политическихъ дѣлахъ, жить какъ хотятъ, если они не согласятся участвовать въ новомъ союзѣ. Онъ понималъ, что для исполненія этого плана необходима война. Онъ, какъ мы видѣли, осуждалъ заключеніе каппельскаго мира; а теперь, когда императоръ сталъ дѣйствовать заодно съ папой и готовился подавить евангельское ученіе, Цвингли считалъ надобнымъ предупредить нашествіе католиковъ немедленнымъ начатіемъ войны.

Но и въ самомъ Цюрихѣ многіе не одобряли этихъ мыслей. Цвингли одолѣлъ оппозицію только угрозой, что устранился отъ участія въ дѣлахъ, если его планъ не будетъ принятъ. Въ Бернѣ оппозиція была еще сильнѣе. Народъ не имѣлъ тамъ такого религіознаго энтузіазма какъ въ Цюрихѣ, смотрѣлъ на политическіе вопросы хладнокровнѣе и считалъ надобнымъ не раздражать католиковъ, потому что значительная часть поселянъ бернскаго кантона сохраняла преданность католичеству, владѣнія кантона граничили на югѣ съ Савоіей,

а на сѣверѣ съ Эльзасскими землями габсбургской династіи, и опасно было ссориться съ этими сильными сосѣдями; притомъ, Борнъ имѣлъ союзниковъ между католическими государями. Но Цвингли надѣялся склонить и бернцевъ на свою сторону. На сѣздѣ уполномоченныхъ протестантскихъ кантоновъ въ Аарау въ маѣ 1531 года цюрихцы предложили начать войну съ пятью католическими кантонами. Но другіе депутаты не согласились на это. Всѣ они признавали, что католическіе кантоны наносятъ много обидъ реформатамъ, что надобно прекратить это. Но бернцы говорили, что не слѣдуетъ пробуждать спящаго льва (императора), что Швейцарія страдаетъ отъ голода, что война будетъ тяжела для всѣхъ. Депутаты Базеля соглашались съ бернцами, и такимъ образомъ была принята средняя мѣра, соединявшая въ себѣ неудобства войны съ неудобствами мира. Сѣздъ рѣшилъ блокировать сѣверную границу федераціи пяти кантоновъ, не пропускать туда хлѣба, принудить католиковъ голодомъ къ уступкамъ. Было рѣшено также не пропускать къ нимъ вина, соли и желѣза. Цюрихскіе депутаты возставали противъ рѣшенія, которое раздражитъ католическіе кантоны и подвергнетъ голоду невинныхъ одинаково съ виновными. Но бернцы объявили, что не будутъ помогать цюрихцамъ въ наступательной борьбѣ; не слушали доводовъ о ея необходимости, и 15 мая сѣздъ рѣшилъ блокировать католическіе кантоны. Цвингли сдѣлалъ еще попытку переубѣдить бернскихъ депутатовъ; нѣкоторые изъ нихъ согласились на его просьбу повидаваться съ нимъ тайно отъ другихъ ночью въ Бремгартенѣ, въ домѣ священника Буллингера. Онъ говорилъ имъ, что блокада только раздражитъ враговъ и дастъ имъ удобство выбрать мѣсто и время для нападенія; напрасны остались и эти убѣжденія. Передъ разсвѣтомъ Цвингли отправился въ Цюрихъ; Буллингеръ проводилъ его на нѣкоторое разстояніе. Прощаясь, Цвингли сказалъ: «Милый Генрихъ, Богъ да сохранить тебя, оставайся вѣренъ Господу Іисусу Христу и его церкви». Буллингеръ понялъ, что онъ ждетъ большихъ бѣдъ. Въ августѣ была видна на западѣ комета; длинный хвостъ ея былъ обращенъ на востокъ. Аббатъ Веттингенскаго монастыря, Георгъ Мюллеръ, принявшій реформацію, стоялъ съ Цвингли на дворѣ соборнаго храма; они смотрѣли на комету. Мюллеръ спросилъ Цвингли какъ онъ думаетъ объ этой кометѣ, что предвѣщаетъ она. Цвингли отвѣчалъ: «Милый Георгъ, мнѣ и многимъ хорошимъ людямъ эта звѣзда показываетъ могилу; истина и церковь подвергнутся бѣдствіямъ, но вы не будете покинуты Христомъ».

Если бернцы полагали, что блокада, не пропускающая хлѣба въ католическіе кантоны, возстановитъ народъ противъ правительствъ, то они ошиблись. Раздраженіе народа обратилось противъ реформатовъ, подъ предлогомъ усердія къ христіанству отнимающихъ у нихъ, какъ они говорили, плоды земли, произрастаемые Богомъ для всѣхъ.

Поселяне пяти кантоновъ стали тверже прежняго поддерживать свои правительства, сильнѣе прежняго преслѣдовать всѣхъ подозрѣваемыхъ въ склонности къ новой вѣрѣ. Прокламація, изданная цюрихцами въ оправданіе своихъ поступковъ, мало доходила до католиковъ. Люцернское правительство подвергло пыткамъ гражданъ, распространявшихъ этотъ документъ. Въ сентябрѣ вмѣстѣ съ голодомъ усиливалось ожесточеніе народа пяти кантоновъ; онъ готовился къ войнѣ, принявъ строжайшія мѣры, чтобы до реформатовъ не доходило никакого слуха объ этомъ. Пять кантоновъ были совершенно единомышленны; а между реформатами не было согласія. Бернцы полагали, что малочисленное населеніе горныхъ кантоновъ не отважится сдѣлать серьезное нападеніе. Когда приготовленія были кончены, католики сошлись въ Брунненѣ, издали прокламацію, что до рѣшенія вселенскаго собора не отступятъ отъ прежней церкви и не потерпятъ у себя цвингліанскихъ проповѣдниковъ или книгъ. Люцернскій отрядъ пошелъ вдоль Рейса въ ааргаускіе вольные округа, ограбилъ тамъ реформатовъ; а главныя силы католиковъ собрались у Бара (близъ Цуга), и потомъ двинулись къ границѣ. У Каппеля стоялъ подъ начальствомъ Гельдли цюрихскій авангардъ, имѣвшій не больше 1.200 человекъ. Увидѣвъ лодки съ воинами, плывущія черезъ озеро, увидѣвъ знамена горныхъ кантоновъ, услышавъ звукъ Урійскаго быка (большого военного рожка), Гельдли послалъ въ Цюрихъ просить подкрѣпленія. Цюрихскій главнокомандующій Рудольфъ Лафатеръ разослалъ гонцовъ по кантону созывать ополченіе, но противники Цвингли послали своихъ гонцовъ съ фальшивымъ извѣстіемъ, что опасность миновала, ополченіе не нужно. Граубюнденское войско, пошедшее на помощь цюрихцамъ, было обмануто этимъ ложнымъ извѣстіемъ и вернулось домой. Лафатеръ и Цвингли съ трудомъ добились того, чтобы утромъ 11 октября было поднято по старому обычаю большое знамя, бывшее сигналомъ сбора; но народъ сходилъ къ нему медленно и въ слабомъ числѣ. Отрядъ, стоявшій у Каппеля, присылалъ гонца за гонцомъ съ убѣжденіями спѣшить на помощь, и рѣшено было двинуться на выручку ему, хотя собравшихся было еще мало, всего только 700 человекъ; это были большею частью пожилые люди, члены кантональных совѣтовъ, отцы семействъ.

Они шли черезъ гору Альбисъ, везли съ собой нѣсколько пушекъ. Выходъ на крутую гору былъ изнурителенъ для тяжело вооруженныхъ людей. Цвингли шелъ съ ними, какъ походный священникъ; онъ былъ мраченъ, предчувствовалъ, что дѣло кончится плохо. Поднявшись на хребетъ, они увидѣли у Каппеля битву. Гельдли, получивъ отъ католиковъ объявленіе войны Цюриху, предложилъ своему отряду отступить на Альбисъ; но Рудольфъ Гальманъ Метменштеттенъ, топнувъ ногой въ землю, воскликнулъ: «Останусь, гдѣ стою, пусть

будетъ тутъ моя могила!» Эти слова ободрили всѣхъ; рѣшено было не отступать. Занявъ холмъ надъ каппельскимъ монастыремъ, называвшійся Шейернбергомъ, маленькій отрядъ цюрихцевъ нѣсколько часовъ отбивалъ натискъ многочисленнаго врага. На хребетъ вошли еще только передній отдѣлъ пѣхоты и конницы; начальникъ стрѣлковъ Вильгельмъ Тенигъ совѣтовалъ подождать, пока взойдутъ на гору всѣ; но Цвингли говорилъ, что стыдно бездѣйствовать, когда товарищей тѣснитъ врагъ.—«Пойду во имя Божіе къ этимъ храбрымъ людямъ; съ радостью умру или помогу спасти ихъ!» воскликнулъ онъ и увлекъ другихъ. Бывшіе на вершинѣ хребта пошли къ шейернской горѣ, соединились съ товарищами. Число тѣхъ и другихъ вмѣстѣ простиралось до 2.000 человекъ. Войско катотиковъ было гораздо многочисленнѣе. Сраженіе было упорное. Это былъ рукопашный бой; оба войска выказывали ту храбрость, которой отличались въ прежнихъ походахъ. Побѣда нѣсколько времени колебалась; урійскій Фохтъ Иоганъ Яухъ съ 300 стрѣлковъ незамѣтно прошелъ буковымъ лѣсомъ до подошвы холма и напалъ на цюрихцевъ съ фланга, а главныя силы ихъ съ копьями налегли съ фронта, и цюрихцы были опрокинуты. Изъ 2.000 ихъ легло на мѣстѣ 500 человекъ; только наступленіе ночи прекратило преслѣдованіе и убиваніе бѣгущихъ. Три раза падало главное цюрихское знамя, съ паденіемъ поочередно смѣнявшихъ одинъ другого знаменосцевъ; но было унесено смѣнявшимъ третьяго убитаго, Гансомъ Камбли. Никогда еще не подвергался Цюрихъ такому бѣдственному пораженію. Въ числѣ убитыхъ находились вліятельнѣйшіе граждане, опоры швейцарской реформациі. Были убиты начальникъ стрѣлковъ Тенигъ, старшій членъ правительственнаго совѣта Рудольфъ Туммизенъ, старшина одного изъ цеховъ Ульрихъ Функъ, начальникъ отряда копейщиковъ Генрихъ Эшеръ, зять Цвингли Герольдъ Мейеръ фонъ Кнонау, Рудольфъ Гальманъ и два его брата, бывший фохтъ Эйнзидельскаго монастыря Дибольдъ фонъ Герольдсекъ, бывший комтуръ кюснахтскій Конрадъ Шмидъ, нѣсколько священниковъ; былъ убитъ и самъ Цвингли. Онъ напутствовалъ умирающаго словами христіанскаго утѣшенія, когда былъ пронзенъ ударомъ копья и упалъ, воскликнувъ опечаленнымъ цюрихскимъ воинамъ: «Развѣ большое несчастіе это? Они могутъ убить тѣло, но не душу!» Онъ лежалъ подъ грушевымъ деревомъ, сложивъ руки на груди, смотрѣлъ на небо и тихо молился. Онъ еще дышалъ, когда подошли католики. Они потребовали, чтобъ онъ исповѣдался. Онъ отрицательно покачалъ головой; они закричали: «Это тоже упорный еретикъ, достойный награды». Въ эту минуту подошло еще нѣсколько человекъ; одинъ изъ нихъ зналъ его, назвалъ по имени; другой, родомъ унтервальдецъ, наемникъ по ремеслу, услышавъ имя Цвингли, воскликнулъ: «Когда это онъ, гнусный еретикъ и предатель, то смерть ему!» и нанесъ смертельный

ударъ. На другой день собрались у тѣла Цвингли по сигналу трубъ католическіе воины судить еретика; по ихъ приговору люцернскій палачъ четвертовалъ тѣло его, сжегъ и развѣялъ пепелъ по вѣтру. Цвингли былъ убитъ на 48 году жизни.

Его называютъ величайшимъ реформаторовъ. Нѣмецкіе дѣятели реформаціи заботились почти исключительно о религіи. Онъ хотѣлъ улучшить всѣ стороны человѣческой жизни. Гуманистъ, онъ примѣнялъ къ дѣлу реформаціи научный методъ, объяснялъ Священное писаніе по правиламъ той герменевтики, по какой гуманисты объясняли писателей классической древности; старался понять смыслъ затруднительныхъ библейскихъ мѣстъ сообразно дѣйствительному значенію словъ, устраняя мистическія и схоластическія средневѣковыя истолкованія; правильно понималъ значеніе образованности для душевной жизни, для нравственности, желалъ распространить ее. Цюрихская высшая школа, занявшая такое высокое положеніе въ умственной жизни реформатскаго міра, была его созданіемъ; онъ самъ неутомимо объяснялъ въ ней Священное писаніе, на изученіи котораго основывалъ богословіе. Онъ возбуждалъ другихъ профессоровъ, возбуждалъ студентовъ усердно заниматься науками. Цѣня важность образованности, онъ понималъ, что ея главное значеніе состоитъ въ улучшеніи нравственныхъ понятій, въ подготовкѣ нравственнаго прогресса людей, потому рѣшительно отвергалъ всѣ средневѣковыя католическія выдумки, затемнявшія нравственный смыслъ христіанскаго ученія. Проинкнутый любовью къ истинѣ и справедливости, онъ первый отважился провозгласить въ религіозныхъ дѣлахъ великій принципъ свободы совѣсти, утверждать, что каждой общинѣ должно быть предоставлено право, опредѣлять свои вѣрованія и обряды. Онъ такъ вѣрилъ въ силу истины, что не боялся никакой борьбы съ ея противниками. Но тѣ дурныя стороны общественнаго быта Швейцаріи, которыя желалъ онъ замѣнить хорошими учрежденіями, были выгодны для многихъ и нашли себѣ сильныхъ защитниковъ: сельскіе магнаты и олигархи пастушескихъ кантоновъ стали непримиримыми противниками человѣка, вводившаго преобразованія, которыя отнимали у нихъ плату, даваемую иноземными правительствами за содѣйствіе вербовкѣ наемниковъ. Такимъ образомъ началась борьба на жизнь и смерть. Цвингли понималъ все ея значеніе. Будучи не только богословомъ, но и государственнымъ человѣкомъ, организаторомъ политическихъ учрежденій, онъ разгадалъ средства, которыми должно дѣйствовать для преобразованія Швейцарскаго союза на основаніяхъ справедливости. Онъ понималъ, что хорошее нравственное и государственное устройство можетъ развиваться не иначе, какъ по отмѣнѣ наемничества, развращающее вліяніе котораго онъ видѣлъ, будучи походнымъ священникомъ наемническихъ войскъ; а это было невозможно безъ замѣны плохого и устарѣлаго союзнаго устройства новымъ, сообраз-

нымъ съ потребностями народной жизни. Будучи руководителемъ цюрихскаго правительства, онъ началъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, могъ надѣяться, что общность интересовъ склонитъ Бернъ и другіе швейцарскіе города дѣйствовать заодно съ Цюрихомъ; и если бѣ образовалась эта коалиція, она была бы несравненно сильнѣе противниковъ политической реформы, такъ что война была бы не кровопролитна или дѣло обошлось бы даже вовсе безъ войны. Но люди, содѣйствія которыхъ искалъ онъ, не имѣли такого патріотизма какъ онъ самъ. Борьба была начата недостаточными силами и попытка политическаго преобразованія рушилась, погребая преобразователя подъ своими развалинами. Лютеру не дѣлаетъ чести то, что онъ и по смерти Цвингли не могъ стать справедливымъ къ нему и до конца жизни повторялъ свои прежнія враждебныя и презрительныя сужденія о «сектантѣ Цвингелѣ», въ погибели котораго онъ находилъ заслуженное наказаніе отъ справедливаго суда Божія, восхваляя себя за то, что не похожъ на «Цвингеля».

Войско пяти кантоновъ три дня простояло на мѣстѣ битвы въ доказательство своей побѣды; оно разослало сосѣднимъ округамъ приглашеніе присоединиться къ нему; они остались вѣрны реформациі, и оно двинулось въ конаускій округъ, стало опустошать его. Въ Цюрихѣ оправились отъ испуга, произведеннаго капшельскимъ пораженіемъ. Граждане быстро собрались подъ знамена; къ цюрихцамъ пришли подкрѣпленія изъ Тургау, Гларуса, Шафгаузена, Санктъ-Галлена, тоггенбургской области; 12.000 человекъ пошли въ долину Рейса. Выступили въ походъ и бернцы; къ нимъ присоединились базельцы и граждане Биля. Это войско равное числомъ пошедшему изъ Цюриха соединилось съ нимъ въ Бремгартенѣ. Войско пяти кантоновъ не имѣло силы сопротивляться, ушло изъ ограбленныхъ мѣстностей въ прежнюю позицію у Бара близъ Цуга, окопалось тамъ; реформаты шли за нимъ, но и теперь дѣйствовали безъ общаго плана, раздѣлились на нѣсколько отрядовъ, чтобы напасть на непріятеля съ разныхъ сторонъ. Цугскіе горы, надѣвъ посверхъ лать рубашки, чтобъ узнавать другъ друга въ темнотѣ, напали ночью (24 октября 1531) на реформатскій отрядъ, стоявшій на горѣ Губелѣ и нанесли ему сильное пораженіе. Число убитыхъ и раненныхъ реформатскихъ воиновъ простиралось до 800. Это несчастіе совершенно уничтожило въ бернцахъ усердіе къ войнѣ, которое и прежде не было велико. Подъ предлогомъ того, что начались осенніе холода и дожди, они отступили въ Бремгартенъ, оставивъ лишь небольшую часть войска для блокады непріятельскаго лагеря. Войска Люцерна и Цуга, соединившись съ итальянскимъ отрядомъ, пришедшимъ на помощь католикамъ, прогнали реформатскій отрядъ съ горы Гирцеля, захватили много скота и хлѣба въ сосѣдней мѣстности. Въ Цюрихѣ тоже охладѣло усердіе къ войнѣ. Въ половинѣ ноября былъ заклю-

ченъ миръ, остановившій успѣхи реформаціи въ Швейцаріи. Реформатскіе кантоны заплатили военныя издержки католикамъ, возвратили имъ участіе въ управленіи подвластными союзу областями, признали за ними право охранять у себя католичество, воспрещать реформацію. Такимъ образомъ католики вышли изъ войны побѣдителями, и подъ ихъ вліяніемъ было возстановлено католичество во многихъ мѣстахъ общихъ союзныхъ владѣній. Въ Гларусѣ католики при ихъ помощи подавили реформацію; то же произошло въ Золотурнѣ; 70 реформатскихъ семействъ были выгнаны изъ этого города; санкт-галленцы были принуждены подчиниться власти своего аббата, заплатить ему вознагражденіе и допустить у себя католическое богослуженіе; кантонъ Швицъ овладѣлъ Уцнахомъ, Гастеромъ, Везеномъ, наказалъ ихъ жителей какъ мятежниковъ, возстановилъ у нихъ католичество. При помощи Швица католики въ Рапперсвилѣ одолѣли своихъ реформатскихъ согражданъ, предали мучительной казни ихъ предводителя Вольгемута. Въ рейнской долиנѣ, въ тургауской и ааргауской земляхъ католики тоже взяли верхъ; монастыри тамъ снова наполнились монахами. Такимъ образомъ каппельская битва навсегда раздѣлила Швейцарію на двѣ непріязненныя одна другой половины, католическую и реформатскую.—Въ самомъ Цюрихѣ произошелъ переворотъ. Сельское населеніе кантона враждебное теократическому устройству, введенному Цвингли, возстало противъ правительства и 9 декабря 1531 принудило его принять договоръ, по которому прекращалось вліяніе церковныхъ властей на мірскія дѣла. Извѣстіе о каппельской битвѣ и смерти Цвингли такъ опечалило базельскаго реформатора Эколампадія, что онъ занемогъ и черезъ три недѣли умеръ (24 ноября 1531).

3. Нюрнбергскій миръ.

Невыгодный для реформаціи ходъ дѣлъ въ Швейцаріи отразился и на нѣмецкихъ дѣлахъ. Въ Швейцаріи католики восторжествовали, благодаря тому, что не было единодушія между реформатами. Нѣмецкіе протестанты поняли, что должны принять мѣры для общей обороны. Въ декабрѣ 1531 члены шмалькальденскаго союза рѣшили, что въ случаѣ войны всѣ войска союза отдаются подъ начальство курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго, опредѣлили число войска и величину денежнаго взноса cadaго члена. Южно-нѣмецкіе города, лишившись надежды на поддержку побѣжденныхъ швейцарскихъ реформатовъ, присоединились къ шмалькальденскому союзу; присоединились къ нему и важнѣйшіе города сѣверной Германіи:

Брауншвейгъ, Геттингенъ, Госларъ, Гамбургъ и нѣкоторые другіе. (Бременъ, Любекъ, Магдебургъ принадлежали къ союзу съ самаго начала).

Такимъ образомъ составила коалиція, охватывавшая Германію отъ Констанца и Страсбурга до Балтійскаго моря, имѣвшая своими центрами Гессенъ и курфиршество саксонское. Члены шмалькальденскаго союза не признавали Фердинанда королемъ; потому поддержки союза искали всѣ другіе нѣмецкіе противники Гебсбургской династіи и враждебные Карлу иноземные государи. Въ Германіи не было тогда государя, равнаго могуществомъ Іоанну, курфирсту саксонскому. Онъ былъ ужь на краю гроба. Но дѣятельнымъ помощникомъ его былъ сынъ, Іоаннъ Фридрихъ, усердный приверженецъ протестантства.

Шмалькальденскій союзъ имѣлъ полную возможность управлять судьбой Германіи. Но онъ бездѣйствовалъ, не обезпечивъ даже безопасности себѣ. Подобно швейцарскимъ, нѣмецкіе противники католичества не умѣли поступать единодушно. Разсчитывая на несогласіе между ними, Фердинандъ и папскій легатъ надѣялись при содѣйствіи католическаго большинства сейма подавить протестантство. Но Карлъ находилъ войну несвоевременной, католическіе государи боялись ея; курфирстъ саксонскій, руководившійся совѣтами Лютера, желалъ мира, и такимъ образомъ время шло безъ войны. Императору и Фердинанду было надобно избавиться отъ тяжелыхъ затрудненій, прежде чѣмъ начать борьбу съ протестантами. Особенно велика была опасность для Фердинанда отъ турокъ: Сулейманъ хотѣлъ овладѣть всей Венгріей, взять Вѣну, покорить всѣ австрійскія земли. Робость Фердинанда возбуждала въ немъ увѣренность, что успѣхъ будетъ легокъ. Фердинандъ вызывался платить султану дань за сохраненіе подъ своей властью тѣхъ частей Венгріи, которыя еще оставались у него. Но Сулейманъ отвергъ всѣ его предложенія, готовился къ походу, и Фердинандъ принужденъ былъ прекратить свое сопротивленіе мысли императора, что надобно помириться съ протестантами для полученія отъ нихъ войска на войну съ турками.

Карлъ уполномочилъ курфирстовъ пфальцскаго и майнцскаго вести переговоры съ шмалькальденскимъ союзомъ. Горячіе католики требовали, чтобъ онъ исполнялъ враждебное протестантамъ рѣшеніе аугсбургскаго сейма, дозволилъ имперскому камеральному суду вести процессы по жалобамъ церковныхъ сановниковъ на конфискацію ихъ имѣній протестантами. Но онъ велѣлъ фискалу (судебному чиновнику, по инициативѣ котораго начинались процессы, прокурору) имперскаго суда не начинать процессовъ по этимъ дѣламъ до рѣшенія вопроса о нихъ будущимъ сеймомъ. Вѣроятно, онъ зналъ, что король французскій хочетъ возобновить войну съ нимъ. Весной 1532, когда уполномоченные императора вели переговоры съ шмалькальденскимъ союзомъ, французскій посланникъ велъ тайные переговоры съ Виль-

гельмомъ Баварскимъ и уполномоченными ландграфа гессенскаго и курфирста саксонскаго о войнѣ съ императоромъ.—Итакъ, Карлъ желалъ примириться съ протестантами, получить отъ нихъ войско на войну съ турками. Успѣху его желаній помогъ Лютеръ.

Чуждый пониманія политическихъ дѣлъ, Лютеръ смущался мыслью о войнѣ съ императоромъ. Нѣкоторое время онъ воображалъ, что императоръ сталъ слѣпымъ орудіемъ папы. Только это склонило его согласиться въ необходимости сопротивленія. Но теперь положеніе дѣлъ перемѣнилось: императоръ выражалъ желаніе примириться съ протестантами, оставить за ними свободу исповѣданія и всѣ ихъ владѣнія до рѣшенія религіозныхъ споровъ будущимъ вселенскимъ соборомъ; а цвингліане, въ сношеніяхъ съ которыми находился ландграфъ гессенскій, были ненавистны Лютеру; и онъ сталъ желать примиренія съ императоромъ.

На переговорахъ въ Нюрнбергѣ былъ поднятъ вопросъ о томъ, кому разрѣшается исповѣдывать протестантское ученіе, всѣмъ ли принявшимъ его или только подданнымъ тѣхъ государей и жителямъ тѣхъ имперскихъ городовъ, которые находятся теперь въ составѣ шмалькальденскаго союза. Филиппъ Гесенскій говорилъ, что не оставитъ своихъ единовѣрцевъ безъ помощи. Но Лютеръ совѣтовалъ курфирсту саксонскому согласиться на требованіе католиковъ, чтобы свобода исповѣдывать протестантское ученіе была признана только за членами шмалькальденскаго союза и подданными ихъ, чтобы они отказались отъ покровительства своимъ единовѣрцамъ, не принадлежащимъ къ ихъ союзу. Онъ рассуждалъ такъ: „Каждый христіанинъ обязанъ вѣрить Евангелію на свой страхъ, какъ говоритъ Христосъ, что кто хочетъ послѣдовать ему, долженъ взять Крестъ его на себя, то есть не слагать тяжести креста на другихъ; притомъ не должно дѣлать другому того, о чемъ не хочешь, чтобы другіе дѣлали тебѣ это; а никакой правитель на нашей сторонѣ не хочетъ, чтобы другіе государи принуждали его позволять подданнымъ старую вѣру; изъ того слѣдуетъ, что не должно принуждать государей другой стороны, чтобы они позволяли своимъ подданнымъ новое богослуженіе. Не годится принуждать императора и другихъ государей, чтобы они дали и другимъ то, что даютъ членамъ нашего союза какъ личную привилегію“. Курфирстъ саксонскій слѣдовалъ совѣтамъ Лютера.

Такимъ образомъ уполномоченные императора и шмалькальденскаго союза заключили (23 іюля 1532) договоръ, по которому государямъ и городамъ, принявшимъ ранѣе этого дня Аугсбургское исповѣданіе, былъ данъ миръ безъ упоминанія о тѣхъ, кто приметъ новое ученіе послѣ подписанія договора. Члены шмалькальденскаго союза признали себя не имѣющими права защищать послѣдователей своего исповѣданія во владѣніяхъ другихъ государей. Это положеніе дѣлъ должно было сохраняться до рѣшенія религіозныхъ споровъ вселенскимъ соборомъ или, если онъ не будетъ созванъ, то нѣмецкимъ сеймомъ. Протестантскіе государи по особому дабавочному соглашенію обязались принимать въ свой союзъ только членовъ, держащихся Аугс-

бургскаго исповѣданія. Такимъ образомъ они устраняли отъ своего союза цвингліантъ.

Нюрнбергскій миръ былъ первой попыткой прекратить раздоръ между католиками и лютеранами. Онъ не удовлетворилъ ни тѣхъ, ни другихъ. Фердинандъ, пришедши сказать папскому легату кардиналу Кампедджи о заключеніи мира, плакалъ и говорилъ, что будетъ всѣми силами стараться объ искорененіи лютеранской секты; Іоакимъ, курфирстъ бранденбургскій, говорилъ, что скорѣе погибнетъ, чѣмъ заключить миръ съ протестантами. Фердинандъ имѣлъ личную причину досадовать на договоръ, не обязывавшій протестантовъ признать его королемъ. Онъ тогда охотнѣе отказался бы отъ Венгріи, чѣмъ сдѣлать какую-нибудь уступку имъ. Тѣмъ упорнѣе отказывались они признать его королемъ. Даже курфирстъ саксонскій не согласился на просьбы императора объ этомъ, хотя Лютеръ совѣтовалъ согласиться. — Ландграфъ гессенскій не могъ быть доволенъ договоромъ, отдававшимъ его единовѣрцевъ въ католическихъ владѣніяхъ на преслѣдованіе; онъ требовалъ, чтобы каждому протестантскому государю было предоставлено право посылать проповѣдниковъ во всѣ мѣстности, гдѣ жители желаютъ имѣть ихъ. «Я не хочу начинать войны», говорилъ онъ: «хочу только, чтобы слову Божію была дана свобода улучшать людей». Онъ только послѣ упорнаго сопротивленія согласился подписать договоръ.

Но курфирстъ саксонскій радовался, что помирился съ императоромъ. Вскорѣ по заключеніи нюрнбергскаго договора онъ умеръ. Передъ тѣмъ временемъ у него болѣла нога, но радость возстановила его падавшія силы. Въ половинѣ августа онъ поѣхалъ на охоту, возвратился съ нея веселый, но въ слѣдующую ночь (16 августа) скоропостижно умеръ отъ апоплексіи.

Паписты досадовали на императора. Никогда оппозиція ему на сеймахъ не была такъ многочисленна, никогда не порицала его управленіе такъ рѣзко, какъ теперь на регенсбургскомъ сеймѣ. Но все-таки сеймъ далъ ему имперское войско и деньги на войну съ турками. Безъ этого онъ и Фердинандъ едва ли могли бы устоять противъ турокъ, уже вошедшихъ въ Венгрію. Императоръ былъ тогда тяжело боленъ и лечился минеральными водами въ Абахѣ. Депутаты сейма, пріѣхавшіе туда сообщить, что ему дано имперское войско, нашли его сидящимъ на голой деревянной скамьѣ въ простой одеждѣ. «У него было такое смиреніе», говоритъ франкфуртскій уполномоченный, «что самый послѣдній слуга не могъ бы держать себя такъ скромно».

Небольшой отрядъ, стоявшій въ замкѣ Гюнце (въ нижней Венгріи), задержалъ турокъ мужественной обороной, такъ что нѣмецкія войска успѣли прійти на защиту австрійской границы. Видъ ихъ произвелъ такое подавляющее впечатлѣніе на султана, что онъ пошелъ назадъ.

Императоръ, пріѣхавшій въ Вѣну, принялъ тамъ и благодарилъ возвращавшихся нѣмцевъ. Вскорѣ послѣ того онъ уѣхалъ въ Италію, оттуда въ Испанію.—Если бы Фердинандъ не оттолкнулъ отъ себя протестантовъ католическимъ фанатизмомъ, быть можетъ онъ покорилъ бы тогда Венгрію; но они хотѣли только защитить границу нѣмецкой земли; помогать увеличенію могущества Габсбурговъ они не хотѣли.

ХІІІ. ДАЛЬНѢЙШІЙ ХОДЪ РЕФОРМАЦІИ. МЮНСТЕРСКІЕ АНАБАПТИСТЫ.

1. Вюртембергскія дѣла. Каденскій миръ.

Пріѣхавъ въ Болонью на свиданіе съ папой (въ декабрѣ 1532), императоръ увидѣлъ, что Климентъ не будетъ поддерживать его плановъ. Итальянцы были враждебны испанскому владычеству, какъ прежде нѣмецкому. Національное чувство ихъ было оживлено развитіемъ просвѣщенія. Климентъ VII былъ чуждъ патріотизма, но пользовался имъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Кромѣ того, что желалъ освободиться отъ подвластности императору, папа досадовалъ на него за примиреніе съ протестантами и за намѣреніе созвать вселенскій соборъ. Мысль о соборѣ ужасала Климента. Онъ твердо рѣшился не допускать его созванія, но не могъ открыто противиться желанію императора, выражалъ готовность, выставялъ только на видъ затрудненія, говорилъ, что необходимо согласіе всѣхъ государей; это значило отлагать дѣло до безконечности. Климентъ уже велъ переговоры съ королемъ французскимъ, готовившемся идти на завоеваніе Милана. Францискъ предложилъ Клименту женить своего второго сына, Генриха, на его племянницѣ Катеринѣ Медичи. Папа обрадовался и самъ проводилъ невѣсту во Францію, видѣлся въ Марсели съ Францискомъ, тайно обѣщалъ свою помощь ему. Они условились образовать для Генриха и Катерины государство изъ герцогства урбинскаго, которымъ нѣсколько времени правилъ отецъ Катерины, и сосѣднихъ земель. Это было осенью 1533. Черезъ нѣсколько времени императоръ рѣшилъ въ пользу герцога феррарскаго споръ его съ папой. Это увеличило досаду Климента. Въ заботахъ о династическихъ интересахъ и расширеніи папскаго государства, онъ не смущался тѣмъ, что его союзникъ Францискъ находится въ сношеніяхъ съ нѣмецкими протестантами, уничтожившими тогда католичество въ Вюртембергѣ, гдѣ поддерживалось оно братомъ императора.

Намѣстникъ Фердинанда въ Вюртембергѣ отрѣзывалъ языкъ протестантскимъ проповѣдникамъ, вѣшалъ ихъ или отрубалъ имъ головы. Изгнанный герцогъ Ульрихъ, жившій въ Гоэнтвилѣ, переѣхалъ въ 1527 по приглашенію Филиппа Гессенскаго жить къ нему въ Марбургъ, принялъ тамъ протестантство. Филиппъ просилъ императора возвратитъ наследственное госу-

дарство его гостю; Карлъ отвѣчалъ: „Земля, отнятая мечомъ, можетъ быть возвращена только мечомъ“.—Сынъ Ульриха Кристофъ, взятый на воспитаніе Фердинандомъ, жилъ въ Инсбрукѣ; его держали тамъ въ бѣдности, но дали ему хорошаго воспитателя Тибейнера или по латинской формѣ фамиліи Тиферна, развившаго въ мальчикѣ разсудительность и твердость воли. Однажды Кристофъ, уже юноша, былъ привезенъ проѣздомъ въ вюртембергскій городъ Урахъ; народъ сходился толпами выразить свою любовь къ принцу своей династіи. Собираясь осенью 1523 ѣхать черезъ Италію въ Испанію, Карлъ хотѣлъ взять Кристофа съ собою, думая по всей вѣроятности запереть его въ какой нибудь испанскій монастырь. Но на границѣ Штиріи съ Каринтіей Тифернъ бѣжалъ съ нимъ; они ускользнули отъ погони и пріѣхали въ Ландегутъ къ Вильгельму, брату матери Кристофа. Прежде Кристофъ скрывалъ свои чувства къ отцу; теперь написалъ ему, что въ Вюртембергѣ много людей, желающихъ возстановленія своей династіи, писалъ австрійскому правительству въ Вюртембергъ и швабскому союзу заявленія о своихъ правахъ, сообщалъ эти записки нѣмецкимъ государямъ и королю французскому. Францискъ отправилъ Дю Белле въ Аугсбургъ, гдѣ находилось правительство швабскаго союза, и далъ Вильгельму Баварскому много денегъ для Кристофа. Дю Белле въ декабрѣ 1533 года произнесъ двѣ латинскія рѣчи въ собраніи швабскаго союза. Защищая права Кристофа, онъ говорилъ, что если Ульрихъ виновенъ и справедливо лишенъ власти, то сынъ его не могъ быть лишенъ владѣнія наслѣдственнымъ государствомъ за вину отца. Разумѣется, эти рѣчи не помогли дѣлу; но произошли событія, измѣнившія положеніе вещей.

Договоръ объ учрежденіи швабскаго союза былъ заключенъ лишь на срокъ и передъ истеченіемъ срока былъ возобновленъ на новый срокъ. Такъ это дѣлалось и послѣ. Теперь кончался послѣдній срокъ. Карлъ и Фердинандъ хлопотали, чтобы договоръ былъ возобновленъ; но между членами союза было столько взаимныхъ неудовольствій, что дѣло окончательно разстроилось. Государи, бывшіе членами союза, съ самаго начала обижались тѣмъ, что въ союзномъ правительствѣ преобладаютъ голоса городовъ, и заключали между собой отдѣльные договоры. Въ послѣднее десятилѣтіе прибавились къ этому раздоры между католиками и протестантами. Государи и города, принявшіе новое вѣроисповѣданіе, не хотѣли оставаться въ союзѣ, который поддерживалъ въ Вюртембергѣ власть Фердинанда, свирѣпо преслѣдовавшаго протестантовъ. Такимъ образомъ договоръ не былъ возобновленъ и по истеченіи срока. 2 февраля 1534, швабскій союзъ уничтожился. Другую сильную опору своей власти надъ Вюртембергомъ Фердинандъ потерялъ еще въ 1531 году, со смертію Георга Труксеса Вальдбурга, могущественнаго вождя наемниковъ, усердно служившаго габсбургскому дому и католичеству.

Филиппъ Гессенскій готовился воспользоваться распадениемъ швабскаго союза, чтобы возвратить Вюртембергъ Ульриху. Король французскій велѣлъ передать Ульриху деньги, отосланныя на сохраненіе Вильгельму Баварскому; за это Ульрихъ уступилъ королю французскому на нѣсколько лѣтъ Монбельяръ и бургонскія свои владѣнія. Король англійскій и нѣкоторые нѣмецкіе государи также присылали деньги. Благодаря тому Ульрихъ и Филиппъ собрали большое войско. Гессенскіе дворяне выставили больше 4.000 всадниковъ. Гессенскіе вербовщики разъѣзжали по Германіи. Францискъ радовался; онъ надѣялся, что весь шмалькальденскій союзъ приметъ участіе въ войнѣ, что протестанты пойдутъ изъ Вюртемберга въ Австрію, облегчатъ ему завоеваніе Мплана. Католическіе государи Германіи встревожились за себя. Но Филиппъ далъ имъ увѣреніе, что дѣло ограничится завоеваніемъ Вюртемберга, и они успокоились. Лютеръ порицалъ замыселъ

Филиппа, и курфирстъ саксонскій не принялъ участія въ немъ. Но Филиппъ зналъ, что всѣ нѣмецкіе государи и въ особенности сильнѣйшіе изъ католическихъ, герцоги баварскіе, опасаются алчности габсбургской династіи, что по этому Фердинандъ не будетъ имѣть союзниковъ.

Въ апрѣлѣ 1534 Филиппъ и Ульрихъ выступили изъ Касселя. Въ ихъ войскѣ было до 20.000 человекъ пѣхоты, конница была многочисленна и очень хороша. Военными дѣйствіями управлялъ самъ Филиппъ. Намѣстникъ Фердинанда въ Вюртембергѣ, пфальцграфъ Людвигъ, приготовился къ оборонѣ, набралъ много наемниковъ. Филиппъ и Ульрихъ объявили, что идутъ ввести реформацію въ Вюртембергъ; потому швабскіе, имперскіе города забыли свою прежнюю неприязнь къ Ульриху. Онъ обѣщался восстановить права вюртембергскаго сейма и всѣ другія права населенія; потому оно встрѣчало его радостно. Католичество поддерживалось въ Вюртембергѣ только насиліемъ. Масса народа была предана протестантскому вѣроученію. Войско Филиппа и Ульриха имѣло изобильные запасы провіанта, соблюдало строжайшую дисциплину. Оно перешло Неккаръ и на слѣдующій день 13 мая напало на непріятеля у селенія Лауфена. Оно было многочисленнѣе его; при томъ въ самомъ началѣ сраженія намѣстникъ Фердинанда былъ раненъ и унесенъ изъ битвы; это облегчило побѣду. По просьбѣ Ульриха побѣдители не преслѣдовали бѣгущихъ. Черезъ два дня Ульрихъ подошелъ къ Штутгарту, объявилъ, что утверждаетъ тюбингенскій договоръ (стр. 97); граждане вышли на встрѣчу ему и присягнули. Другіе города послѣдовали примѣру Штутгарта. Австрійскіе гарнизоны крѣпостей сдавали ихъ. Въ началѣ іюня все герцогство было очищено австрійцами.

Дѣло кончилось такъ быстро, что Фердинандъ, находившійся въ Прагѣ, не успѣлъ прислать подкрѣпленій своему войску. На помощь Карла онъ не могъ рассчитывать, потому что король французскій готовился къ походу въ Италію. Такимъ образомъ Фердинандъ видѣлъ себя безсильнымъ сопротивляться, принялъ посредничество курфирстовъ майнцскаго и саксонскаго и герцога Георга, вступилъ въ переговоры съ Филиппомъ и Ульрихомъ. Было рѣшено, что Вюртембергъ возвращается Ульриху, который признаетъ свое герцогство леномъ Австріи. Въ вознагражденіе уступчивости Фердинанда протестантскіе государи признали его королемъ. Этотъ договоръ былъ заключенъ въ Каденѣ. Герцоги баварскіе вскорѣ послѣ того также согласились признать Фердинанда королемъ. Въ герцогствѣ вюртембергскомъ была введена реформація. Протестанты были теперь такъ сильны, что Фердинандъ долженъ былъ угождать имъ; онъ велѣлъ имперскому суду прекратить всѣ процессы по жалобамъ духовныхъ сановниковъ на отнятіе имѣній у нихъ протестантами.

2. Развитие лютеранскаго богослуженія и церковнаго устройства.

Въ земляхъ шмалькальденскаго союза правительства воспользовались нюрнбергскимъ миромъ для окончательнаго устройства церкви на основаніи Аугсбургскаго исповѣданія. Образцомъ для другихъ государствъ служило курфиршество саксонское, въ которомъ по рѣшенію веймарскаго сейма была произведена визитація (ревизія церквей). Католическая литургія, еще сохранявшаяся въ нѣсколькихъ мѣст-

ностяхъ, была повсюду замѣнена литургіей виттенбергскихъ богослововъ; уцѣлѣвшіе монастыри были секуляризованы, монахамъ была назначена пенсія; изъ церковныхъ имѣній и доходовъ часть была назначена на содержаніе священниковъ, на школы, благотворительныя заведенія. Но большая часть была взята правительствомъ или раздарена частнымъ лицамъ. Жалованье священникамъ было дано въ большинствѣ случаевъ очень скудное, такъ что они принуждены были брать плату за требы и все-таки жили бѣдно. Дурные священники были удалены отъ должностей, замѣщены воспитанниками виттенбергскаго университета, имѣвшаго верховный авторитетъ для всѣхъ лютеранъ.—Въ земляхъ рейской и шварцбургской династій и въ Гессенѣ было введено церковное устройство по образцу установленнаго въ курфиршествѣ саксонскомъ. Ландграфъ гессенскій отказался отъ правилъ установленныхъ гомбергскими рѣшеніями, дававшими самостоятельность церковнымъ общинамъ, замѣнилъ ихъ тѣмъ порядкомъ, какой рекомендовалъ Лютеръ. Часть богатыхъ монастырскихъ доходовъ онъ отдалъ марбургскому университету, школамъ, благотворительнымъ учрежденіямъ. Онъ остался чуждъ лютеранскаго фанатизма, оказывалъ терпимость цвингліанцамъ.—По образцу курфиршества саксонскаго были устроены церковныя дѣла и въ Люнебургѣ.—Епископская власть перешла къ свѣтскимъ правительствамъ. Они распоряжались церковными дѣлами по совѣту вліятельныхъ богослововъ. Для ближайшаго надзора за церквами были назначены суперъ-интенденты. Въ 1535 году явилась мысль учредить консисторіи, съ административной и судебной властью надъ духовенствомъ.—По возстановленіи независимости герцогства вюртембергскаго въ немъ было введено лютеранское ученіе и церковное устройство.

Такимъ образомъ протестантство въ Германіи получило лютеранскую форму. Богослуженіе, установленное Лютеромъ, было богаче цвингліанскаго обрядами; въ немъ пріобрѣла важное значеніе музыка; лютеране даже допускали украшеніе церквей религіозными картинами. У нихъ не было того строгаго надзора церковной власти за нравственностью, какъ въ Цюрихѣ при Цвингли и потомъ у женевскихъ кальвинистовъ. Они не любили принужденія къ исполненію формальностей, предписываемыхъ церковной дисциплиной. Лютеръ заботился больше всего объ искорененіи всякаго несогласія съ его понятіями о значеніи эвхаристіи. Онъ продолжалъ называть ученіе Цвингли о ней нечестивымъ, былъ безпощаденъ къ цвингліанцамъ, называлъ и ихъ и анабаптистовъ дѣтьми сатаны.

Лютеръ былъ безжалостенъ въ своемъ усердіи уничтожить всякое отступленіе отъ ученія, которое считалъ истиннымъ. Онъ преслѣдовалъ даже такихъ людей, какъ Швенкфельдъ, родственниковъ ему по склонности къ мистицизму, но фантазировавшихъ не совсѣмъ одинаково съ нимъ. Каспаръ Швенкфельдъ, одинъ изъ первыхъ и усерднѣйшихъ основателей

реформація въ Силезіи, долго былъ друженъ съ Лютеромъ, но подвергся его гоненію за то, что горячо говорилъ о благодати, даваемой человѣку душевнымъ единеніемъ со Христомъ. Лютеръ увидѣлъ въ этомъ опасность для своего ученія, что единственнымъ основаніемъ вѣры служить Священное писаніе. Швенкфельдъ пользовался благосклонностью герцога лигницкаго, но и герцогъ не могъ защитить его отъ преслѣдованій Лютера. Онъ принужденъ былъ бѣжать изъ Силезіи и скитаться по разнымъ городамъ Южной Германіи.

Въ Вюртембергѣ было, какъ мы говорили, введено лютеранское ученіе. Этимъ была рѣшена побѣда его надъ цвингліанствомъ почти во всей остальной юго-западной Германіи. Герцогъ Ульрихъ взялъ себѣ значительную часть конфискованныхъ церковныхъ имѣній и доходовъ, много взяли себѣ вельможи; но прежнимъ монахамъ всетаки были назначены пенсіи, и довольно много доходовъ было обращено на жалованье священникамъ, на школы, богадѣльни и на тюбингенскій университетъ. Благодаря увеличенію своихъ доходовъ, онъ получилъ возможность имѣть много хорошихъ профессоровъ, приобрѣлъ большую знаменитость, принесъ много пользы просвѣщенію въ юго-западной Германіи. Но въ послѣдствіи времени лютеранскій фанатизмъ подчинилъ его себѣ и удалилъ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ профессоровъ, какъ на примѣръ Блаурера и Гриня; они уѣхали въ Швейцарію. Лютеранство вытѣснило ученіе Цвингли изъ владѣній династій Гоэнлоэ и Фюрстенберговъ. Маркграфъ Эрнстъ Баденъ-Дурлахскій тоже ввелъ лютеранство въ своей части Бадена. Реформація распространилась въ сѣверномъ Эльзасѣ. Могущественные богачи Фуггеры, остававшіеся католиками, поддерживали прежнюю религію въ своемъ родномъ городѣ Аугсбургѣ; но большинство гражданъ приняло протестантство, и когда уничтожился швабскій союзъ, въ которомъ преобладали католики, реформація восторжествовала въ Аугсбургѣ; католическое богослуженіе было запрещено тамъ, удержалось только въ имѣньяхъ принадлежавшихъ епископской каѳедрѣ. Нѣсколько раньше того была введена реформація въ ангальтскихъ земляхъ. Въ Помераніи города были за реформацію, дворяне противъ нея. Изъ двухъ герцоговъ, Барнишъ Штеттинскій издавна принялъ сторону лютеранства, но герцогъ Георгъ Вольгастскій оставался католикомъ. По смерти Георга Барнишъ склонилъ его сына Филиппа въ пользу реформаціи. Герцоги созвали общій померанскій сеймъ въ Трептовѣ; онъ (въ декабрѣ 1534) рѣшилъ ввести во всей странѣ протестантское богослуженіе, которое уже было введено въ городахъ. Руководство этимъ дѣломъ было поручено Бугенгагену. Изъ двухъ герцоговъ мекленбургскихъ, Генрихъ Шверинскій принялъ лютеранство; Альбрехтъ Гюстровскій и многіе вельможи оставались католиками; по смерти Альбрехта была введена реформація во всемъ Мекленбургѣ. Въ Гольштиніи прелаты и рыцари долго противились введенію реформаціи,

принятой горожанами; ходъ политическихъ событій доставилъ ей наконецъ побѣду.

Иначе сложились дѣла въ кельнскомъ архіепископствѣ, Вестфалии, и въ сѣверо-западномъ углу Германіи. Въ городахъ тѣхъ земель было много гуманистовъ, потому Меланхтонъ имѣлъ друзей въ Кельнѣ, Дюссельдорфѣ, Мюнстерѣ. Они не заботились о религіозныхъ дѣлахъ, но вліяніе ихъ просвѣщеннаго образца мыслей подготовляло горожанъ къ отпаденію отъ католичества. При дѣятельной торговлѣ съ Бременомъ, Гамбургомъ, Магдебургомъ, уже принявшими лютеранство, скоро оно было завезено пріѣзжими оттуда; поднялись волненія противъ католичества. Архіепископъ кельнскій Германъ Видъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ курфирстомъ саксонскимъ, а дочь герцога клевскаго была женой наслѣднаго принца саксонскаго, Іоанна Фридриха. Герцогиня Марія, бракъ съ которой доставилъ герцогу клевскому Юлихъ и Бергъ, была расположена къ протестантству; ея сынъ Вильгельмъ былъ врагомъ императора и папы. Многіе вестфальскіе вельможи были преданы ландграфу гессенскому. Эрихъ, епископъ падерборнскій и оснабрюкскій, былъ такимъ усерднымъ приверженцемъ его, что на шпейерскомъ сеймѣ подписалъ протестацію вмѣстѣ съ нимъ. Архіепископскій капитулъ, католическіе вельможи и знатные горожане довольно долго сохраняли въ Вестфалии силу преслѣдовать лютеранство, распространявшееся въ массѣ горожанъ. Мы говорили, что въ Кельнѣ сожжены были Кларенбахъ и Флистеденъ. Но въ началѣ тридцатыхъ годовъ лютеране стали быстро усиливаться. По смерти прежняго епископа минденскаго капитулъ выбралъ епископомъ кельнскаго каноника Франца Вальдека. Минденцы объявили, что не впустятъ его въ городъ, если онъ не дастъ свободы евангельскому ученію, захватили управленіе въ свои руки, ввели (13 февраля 1530) у себя лютеранское богослуженіе и приготовились къ оборонѣ. Вскорѣ послѣ того лютеранство было принято въ Герффордъ, Липштадъ и Зёстъ (Soest), большомъ богатомъ городѣ. Поводомъ къ этому въ Зёстѣ послужило то, что городской совѣтъ, состоявшій изъ католиковъ, велѣлъ подъ предлогомъ ссоры изъ-за аренды городскихъ вѣсовъ казнить пять человѣкъ усердныхъ лютеранъ. Первымъ былъ возведенъ на эшафотъ ткачъ Йоганнъ Шлахтронъ; палячъ, промахнувшись, ударилъ его топоромъ не по шеѣ, а по плечу. Онъ вырвалъ топоръ; народъ, окружавшій эшафотъ взволновался, прогналъ палача и полицію. На другой день Шлахтронъ умеръ отъ раны. Народъ собрался въ ратушѣ, вытребовалъ отмѣну казни другихъ четырехъ осужденныхъ, заставилъ городской совѣтъ провозгласить введеніе протестантскаго богослуженія; бургомистръ и многіе члены совѣта бѣжали изъ города; граждане выбрали новый городской совѣтъ. Это было весной 1533.

Въ Падерборнѣ лютеране вытребовали, чтобъ имъ было отдано для

богослуженія нѣсколько церквей. Архіепископъ кѣльнскій Германъ Видъ, бывшій администраторомъ епископства падерборнскаго, велѣлъ отобрать у нихъ эти церкви; они не повиновались. Онъ, (въ октябрѣ 1532) взявъ съ собой большой отрядъ войска, отправился въ Падерборнъ, остановился въ аббатствѣ, пригласилъ лютеранъ на свиданіе съ нимъ въ саду аббатства. Они пришли; внезапно окружило ихъ войско; ихъ проповѣдники и другіе вожди были схвачены, подвергнуты пыткамъ, приговорены къ смерти за бунтъ. На главной площади былъ построенъ эшафотъ. Архіепископъ смотрѣлъ изъ окна ратуши, какъ приведутъ и казнятъ осужденныхъ. Народъ, обратившись къ окну, упалъ на колѣна, протянулъ руки къ архіепископу, прося прощенія осужденнымъ. Онъ былъ человѣкъ добрый, произнесъ приговоръ, только поддавшись требованію капитула и городского совѣта; просьба народа смягчила его; онъ простилъ осужденныхъ. Но граждане должны были дать клятву, что не будутъ вводить лютеранскаго богослуженія до рѣшенія религіозныхъ дѣлъ вселенскимъ соборомъ.

Въ это время священникомъ лютеранской церкви св. Маврикія (Морица), находившейся за городомъ, былъ молодой человѣкъ симпатичнаго характера и сильнаго краснорѣчія, Бернгардъ Ротманъ. На его проповѣди сходились столько народа, что не доставало мѣста въ церкви и надобно было ставить кафедру подъ открытымъ небомъ. Каноники епископскаго капитула замѣтили, что въ проповѣдяхъ Ротмана находится много сходнаго съ лютеранствомъ. По ихъ донесенію епископъ запретилъ ему проповѣдывать въ церкви св. Маврикія. Онъ сталъ проповѣдывать въ самомъ городѣ, который былъ независимъ отъ капитула и ревниво охранялъ свои права. Друзья Ротмана, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Бернгардъ Книппердоллингъ, человѣкъ величественной осанки, умѣвшій хорошо говорить, выпросили разрѣшеніе ему проповѣдывать въ церкви св. Ламберта. Около него образовалась большая община приверженцевъ. Онъ держался лютеранскаго ученія, пригласилъ другихъ лютеранскихъ проповѣдниковъ, городскія церкви были отданы имъ. Католическіе члены городского совѣта перестали ходить на засѣданія или вовсе удалились изъ города; управление перешло въ руки приверженцевъ реформаціи. Новый епископъ Францъ Вальдекъ собралъ дворянъ и епископскихъ воиновъ, потребовалъ отмѣны нововведеній. Граждане отвѣчали отказомъ, сформировали милицію, наняли наемниковъ. Епископское войско окружило городъ, отрѣзало подвозъ хлѣба. На Рождество (1532 года) горожане узнали, что члены капитула и дворяне собрались на совѣщаніе въ сосѣднемъ мѣстечкѣ; городская милиція ночью пошла туда, застала ихъ спящими, забрала въ плѣнъ, отвела въ городскія темницы. Епископъ, наканунѣ уѣхавшій съ совѣщанія и потому спасшійся отъ плѣна, хотѣлъ собрать больше войска, замѣнить блокаду осадой; но сеймъ мюнстерской области не далъ ему денегъ, а род-

ственники плѣнныхъ убѣждали его не нападать на городъ, боясь, что мюнстерцы убьютъ плѣнныхъ, если будутъ раздражены. Въ городѣ была сильна умѣренная партія, желавшая отклонить войну. Такимъ образомъ, при посредничествѣ ландграфа гессенскаго, былъ въ февралѣ 1533 заключенъ договоръ, по которому епископъ снялъ блокаду и обѣщался не мѣшать лютеранскому богослуженію, а городъ обязался не стѣснять католическаго богослуженія членовъ капитула, освободить плѣнныхъ, принять бѣжавшихъ знатныхъ гражданъ.

Казалось, что во всей кѣльнской митрополіи восторжествуетъ лютеранство. Даже въ знаменитомъ корвейскомъ аббатствѣ распространилось между монахами протестантское ученіе. Многіе владѣтели сочувствовали реформациі. Но она могла бы восторжествовать и упрочиться только въ томъ случаѣ, если бы осталась въ границахъ Аугсбургскаго исповѣданія, получила бы черезъ то поддержку сильныхъ лютеранскихъ государей, и принявшіе ее владѣтели и города были бы допущены къ участию въ шмалькальденскомъ союзѣ. Вышло иначе. Духъ простонародной оппозиціи взялъ въ Вестфалии перевѣсъ надъ умѣренными мнѣніями, и дѣло дошло, въ одномъ изъ вестфальскихъ городовъ, Мюнстерѣ, до крайностей, имѣвшихъ своимъ результатомъ реакцію.

3. Мюнстерскіе анабаптисты. *)

Лютеръ въ Саксоніи, Цвингли въ Швейцаріи нашли необходимымъ подавлять анабаптизмъ; но имъ обоимъ трудно было рѣшиться на борьбу съ нимъ, потому что анабаптисты ссылались на Священное писаніе и требовали возстановленія той свободы, того братства, какія существовали въ первыхъ христіанскихъ общинахъ. Ученіе ихъ было прелекательно для простолюдиновъ, потому наперекоръ преслѣдованіямъ распространялось, въ особенности между ремесленниками. Мы находимъ по всей западной Европѣ послѣдователей анабаптизма. Ученія ихъ были очень неодинаковы по степени фантазерства, но всѣ ихъ секты имѣли тѣ общія черты, что требовали крещенія взрослыхъ людей, признавая не дѣйствительнымъ крещеніе младенцевъ; ожидали скорого наступленія царства божія на землѣ,

*) Kerssenbroick, *Anabaptistici furoris Monasterium evertentis historica narratio.*—Cornelius, *Geschichte des Münsterschen Aufruhrs* (2 тома), Leipzig 1855—1860); Hase, *Das Reich der Wiedertäufer* (Leipzig, 1860); Keller, *Geschichte der Wiedertäufer und ihres Reichs in Münster* (Münster, 1880); ero же, *Ein Apostel der Wiedertäufer* (Leipzig, 1882).

ставили непосредственное вдохновеніе отъ Бога высшимъ правиломъ вѣры, отвергали всякое различіе духовенства отъ мірянъ, желали установить любовь и равенство. Надъ поступавшими въ ихъ общины они повторяли обрядъ крещенія. Эта особенность, наиболѣе замѣтная простому народу, и была причиной того, что ихъ называли перекрещенцами, въ переводѣ на богословскій языкъ анабаптистами. Обрядъ преломленія хлѣба, какъ называли они причащеніе, былъ важнѣйшимъ элементомъ ихъ богослуженія; они считали себя избранными божіими, устранялись отъ общенія съ «необращенными». Бракъ былъ у нихъ договоромъ, заключаемымъ въ собраніи общины; нѣкоторые изъ нихъ допускали многоженство по образу ветхозавѣтной церкви.

Религіозный и соціальный радикализмъ анабаптистовъ возбуждалъ повсюду преслѣдованія противъ нихъ; особенно безпощадно было оно въ католическихъ государствахъ: въ австрійскихъ, зальцбургскихъ, баварскихъ земляхъ анабаптистовъ подвергали мучительной смерти, послѣ долгихъ истязаній ихъ жгли живыми; кровь этихъ несчастныхъ лилась тамъ ручьями, но они выносили страданія, геройски и скрывшіеся отъ поисковъ проповѣдники ихъ ученія продолжали распространять его, ходили изъ области въ область, подобные апостоламъ своею бѣдностью, собирали вѣрующихъ на тайныя сходы, возвѣщали имъ близкое пришествіе Господа на страшный судъ для истребленія безбожныхъ и основанія новаго Іерусалима. Городскимъ простолюдинамъ болѣе развитымъ, чѣмъ поселяне, нравилось это ученіе; особенно много послѣдователей нашло оно въ промышленныхъ городахъ Рейна, отъ Базеля и Страсбурга до Голландіи; возникли анабаптистскія общины и въ Швабіи, гдѣ предрасположилъ къ религіозному фантазерству мистицизмъ скитавшагося тамъ Швенкфельда, и въ Тюрингіи, гдѣ еще живы были воспоминанія о Мюнцерѣ. Вся Германія покрылась сѣтью маленькихъ анабаптистскихъ общинъ, сносившихся между собой. Довольно долго центромъ анабаптистской дѣятельности былъ Страсбургъ. Тамъ нѣсколько времени жилъ благочестивый и кроткій Гансъ Денкъ, принужденный потомъ бѣжать и умершій въ Базелѣ въ 1527 году. Онъ основалъ въ Страсбургѣ общину апостольскихъ братьевъ. Послѣ его бѣгства вліятельнѣйшимъ учителемъ анабаптистовъ сталъ человѣкъ горячій, Мельхіоръ Гофманъ. Первоначально онъ былъ скорнякъ, жилъ въ Швабскомъ Галлѣ, потомъ странствовалъ по Лифляндіи, Швеціи, Гольштиніи, восточной Фрисландіи, проповѣдуя анабаптизмъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ, временами бесѣдуя съ государями, временами томясь съ темницѣ. Въ 1529 году онъ поселился въ Страсбургѣ, и основанная тамъ Денкомъ община пріобрѣла подъ его руководствомъ новыхъ вѣрующихъ. Денкъ былъ разсудителенъ; Гофманъ совершенно увлекся мистицизмомъ и вовлекъ въ него своихъ послѣдователей. Анабаптизмъ въ

Страсбургъ сталъ фантазерствомъ экстаза пророческихъ видѣній. Съ этимъ характеромъ онъ распространился по Нидерландамъ, приобрѣлъ много приверженцевъ въ Лейденѣ, Амстердамѣ, Гарлемѣ, оттуда проникъ въ Мюнстеръ и произвелъ тамъ кровавый переворотъ, вызвавшій безпощадную реакцію.

Ротманъ жилъ нѣсколько времени въ Страсбургѣ и безъ сомнѣнія приобрѣлъ тамъ склонность къ анабаптистскому ученію. Но онъ скрывалъ эти свои понятія, и церковное устройство, введенное подъ его вліяніемъ въ Мюнстерѣ, было подобно если не лютеранскому, то цвингліанскому, принятому въ Страсбургѣ. Оно еще не успѣло упрочиться, какъ поднялись между мюнстерскими послѣдователями реформации сильные раздоры. Новый городской совѣтъ, и въ особенности приглашенный изъ Бремена синдикъ Ванъ деръ Викъ, желали, чтобы Мюнстеръ вступилъ въ союзъ съ лютеранскими городами сѣверной Германіи, и ужаснулись, увидѣвъ, что нѣкоторые изъ приглашенныхъ Ротманомъ проповѣдниковъ отвергаютъ крещеніе младенцевъ и Ротманъ одобряетъ ихъ. Совѣтъ и синдикъ хотѣли запретить анабаптизмъ, но Ротманъ сталъ говорить, что свѣтская власть не должна вмѣшиваться въ религіозныя дѣла, поднималъ простолюдиновъ; началась борьба между городскимъ совѣтомъ и ремесленниками. Католики радовались этому раздору; епископъ, каноники, дворяне, изгнанные знатные граждане получили надежду возстановить прежній порядокъ. Всѣ убѣжденія умѣренныхъ людей оставались безсильны надъ Ротманомъ. Онъ былъ человѣкъ умный, прежде казался разсудительнымъ; увлеченіе фантазерствомъ представлялось такой несообразностью съ его характеромъ, что было объясняемо личными мотивами: противники его говорили, что онъ влюбился въ красивую замужнюю женщину и что она отравила мужа, чтобы выйти за него; что повредивъ своей репутаціи женитьбой на ней, онъ теперь прикрываетъ свое участіе въ злодѣйствѣ лицемерной набожностью. Достовернѣй этого разказа тотъ фактъ, что собравшіеся въ Мюнстерѣ анабаптисты были разгорячены преслѣдованіями, которымъ подвергались. Самымъ популярнымъ изъ анабаптистскихъ памфлетовъ, напечатанныхъ тогда въ Мюнстерѣ была «Книжка о мщеніи». Враждебный анабаптистамъ составитель хроники говоритъ о нихъ: «Они были сдѣланы совершенно отчаянными, сумасшедшими, бѣшеными; у одного была убита жена, у другой убитъ мужъ, у другихъ убиты дѣти, отцы, матери, сестры, братья или друзья, и у всѣхъ у нихъ было отнято все имущество. Кто наиглубже пропитался духомъ мщенія, тотъ былъ у этихъ людей наилучшимъ пророкомъ; они считали измѣнникомъ всякаго, говорившаго имъ о примиреніи, кротости, спокойствіи». Около этого времени страсбургскій городской совѣтъ посадилъ въ темницу Мельхіора Гофмана. Онъ шелъ въ темничную келью съ лицомъ, сіяющимъ радостью: по его предсказанію арестъ его былъ началомъ страшнаго суда, ко-

торый уничтожить безбожниковъ, дать райское блаженство избранникамъ. Нидерландскіе послѣдователи его стали волноваться. Въ Амстердамѣ выступилъ пророкъ, называвшій себя новымъ Энохомъ, уроженецъ Гарлема, хлѣбопекъ Янъ Маттисъ. Онъ прогналъ свою пожилую жену и вступилъ въ «духовный бракъ» съ молодой красивой анабаптисткой. Онъ разсылалъ во всѣ стороны апостоловъ. Пришли и въ Мюнстеръ эти миссіонеры; однимъ изъ нихъ былъ молодой красивый и краснорѣчивый человѣкъ Янъ Боккельсонъ (или по другой формѣ фамиліи Боккольдъ), уроженецъ Лейдена. бывшій первоначально портнымъ, потомъ трактирщикомъ, набравшійся разныхъ знаній изъ книгъ и въ поѣздкахъ, бывшій членомъ одного пѣвческаго и поэтическаго общества (одной изъ такъ-называемыхъ камеръ реторики), заслужившій себѣ извѣстность легкостью стиха. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ самъ Маттисъ и поселился у Книппердолинга. Онъ говорилъ, что «Господь очиститъ гумно свое, и Мюнстеръ сдѣлается новымъ Іерусалимомъ». Иноземцы въ странныхъ платьяхъ толпами собирались въ Мюнстерѣ; къ нимъ примыкало большинство простолюдиновъ; женщины и дѣвушки выказывали горячее усердіе, жертвовали на общее дѣло свои уборы. Ротманъ присоединился къ друзьямъ Маттиса.

Умѣренные люди тревожились, совѣтовались между собой, не слѣдуетъ ли выгнать чужихъ анабаптистовъ, но былъ заключенъ договоръ, по которому каждому предоставлялось держаться его вѣры; анабаптисты справедливо видѣли въ этомъ торжество: прежде повсюду сажали ихъ въ темницы, казнили, жгли; теперь они въ первый разъ получили терпимость въ Мюнстерѣ. Множество ихъ стало сходиться въ этотъ городъ. Въ февралѣ 1534 Маттисъ и Ротманъ сосчитали своихъ послѣдователей, нашли, что большинство жителей на ихъ сторонѣ, и назначили выборъ новаго городского совѣта; выбраны были анабаптисты, власть перешла къ нимъ, Книппердолингъ сталъ бургомистромъ, и начались распоряженія объ устройствѣ царства Христова въ Мюнстерѣ. Былъ еще зимній холодъ, лежалъ снѣгъ, когда анабаптисты пошли по домамъ гражданъ, не принявшихъ ученіе ихъ, и выгнали изъ города всѣхъ не захотѣвшихъ вновь креститься. Имущество прогнанныхъ было объявлено общей собственностью святыхъ; завѣдываніе ею было поручено діаконамъ. Образа, органы, рѣзныя украшенія, какія еще оставались въ церквахъ, и всѣ книги кромѣ Библіи, какія были найдены у изгнанныхъ, въ томъ числѣ драгоцѣнная библіотека Рудольфа Лангена, были сожжены на площади.

Анабаптисты стали осуществлять свою мечту о царствѣ Божіемъ, въ которомъ всѣ равны и все имущество общая собственность. Но они должны были съ тѣмъ вмѣстѣ заботиться о защитѣ города, потому что «язычники и безбожники», епископъ, дворяне, изгнанники взялись за оружіе подавить ихъ опасное сумасбродство. Мюнстерскіе

«святые» подобно другим анабаптистам проповѣдывали противъ войны, считали грѣхомъ носить оружіе; но теперь Ротманъ и Маттисъ призывали своихъ послѣдователей «возложить на себя броню Давидову». Были разосланы къ другимъ анабаптистамъ просьбы о помощи. Изъ городовъ нижняго Рейна, восточной Фрисландіи, Голландіи пошли, поплыли вооруженные анабаптисты. Говорятъ, что ихъ было «многое множество народа». Пока епископскія войска стояли широкимъ кругомъ въ дали отъ города, анабаптистамъ удавалось пробираться между непріятельскими отрядами. Когда епископъ обложилъ городъ тѣснѣе и отрѣзалъ всѣ пути въ него, мюнстерцы перестали получать подкрѣпленія; но мужество ихъ осталось непоколебимо. Они устроили свою жизнь по принципу общности имуществъ, обѣдали за общими столами по родовымъ отдѣламъ; женщины сидѣли особо отъ мужчинъ; всѣ ѣли молча, слушая чтеніе Библіи. Фанатики обратили всѣ свои силы на организацію обороны; всѣ мужчины вошли въ составъ милиціи; мальчики учились стрѣльбѣ изъ лука; главнокомандующимъ былъ Маттисъ, соединявшій санъ военачальника съ званіемъ пророка, какъ было у Маккавеевъ. Но вскорѣ послѣ начала блокады онъ въ сраженіи, сдѣлавъ съ пророческой самоувѣренностью слишкомъ смѣлую вылазку, былъ убитъ. Его мѣсто занялъ Янъ Боккольдъ, или, какъ его называли, Іоаннъ Лейденскій, импонировавшій толпѣ своимъ самоувѣреннымъ фанатизмомъ, болѣе или менѣе шарлатанскимъ. Онъ объявилъ, что божественное откровеніе впередъ возвѣстило ему смерть Маттиса и назначило его преемникомъ верховнаго пророка. Будучи признанъ въ этомъ санѣ, онъ довершилъ устройство теократическаго государства, руководясь отчасти своимъ фантазерствомъ, отчасти Ветхимъ завѣтомъ, отчасти влеченіями своей чувственности. Онъ молчалъ нѣсколько дней, возвѣстивъ передъ тѣмъ, что Богъ запечатлѣлъ уста его, потомъ объявилъ, что какъ древній Израиль дѣлился на 12 колѣнъ, такъ и новый Израиль долженъ быть управляемъ 12 старѣйшинами. Народъ выбралъ 12 старѣйшинъ. Они были и военачальники, и правители, и судьи. Пророкъ объявлялъ народу рѣшенія коллегіи старѣйшинъ, Книппердоллингу было поручено казнить непокорныхъ. Скоро былъ объявленъ новый законъ. Пророку хотѣлось имѣть женой вдову Маттиса, а онъ былъ женатъ; потому онъ получилъ откровеніе, что въ новомъ Іерусалимѣ, какъ въ древнемъ, каждому дозволительно многоженство для размноженія племени святыхъ. Ротманъ произнесъ нѣсколько проповѣдей, доказывавшихъ божественную истину новаго закона. Но оставались въ Мюнстерѣ умѣренные люди, гнушавшіеся этимъ поруганіемъ христіанской нравственности. Они условились арестовать Боккольда и его помощниковъ, возстановить лютеранство. Ихъ было 200 человѣкъ; подъ предводительствомъ кузнеца Мелленгека они пошли ночью исполнять свой замыселъ. Но анабаптисты скоро одолѣли ихъ, оттѣснили къ ратушѣ,

штурмовали ихъ въ ней, принудили сдаться и безпощадно умертвили всѣхъ; однихъ воины убивали стрѣлами, другимъ рубилъ головы Книппердоллингъ. Но Боккольдъ было мало быть президентомъ коллегіи Двѣнадцати старѣйшинъ; онъ хотѣлъ стать царемъ, неограниченнымъ повелителемъ. Другой пророкъ помогъ ему сдѣлать это. Йоганъ Дузеншуръ, бывший прежде серебрякомъ въ Варендорфѣ, объявилъ, что имѣлъ откровеніе, возвѣстившее ему, что Янъ Боккольдъ назначенъ отъ Бога быть царемъ новаго Израиля, покорить вселенную царству своему и воздвигнуть павшій престолъ Давидовъ. По окончаніи рѣчи Дузеншура Боккольдъ сказалъ, что и самъ получилъ такое же откровеніе. Новый царь назначилъ на высшія должности Ротмана, Книппердоллинга, Крехтинга и другихъ усерднѣйшихъ своихъ помощниковъ, составилъ придворный царскій штатъ, завелъ гаремъ, первое мѣсто въ которомъ занимала Дивара, вдова Матиса, имѣвшая титулъ царицы. Черезъ нѣсколько времени число другихъ женъ царя дошло до 16. Въ пышномъ царскомъ облаченіи съ золотой короной на головѣ, на шеѣ съ золотой цѣпью, на которой висѣла держава, «Іоаннъ Божіею милостью царь новаго Израиля» судилъ народъ, сидя среди площади на престолѣ Давидовѣ и правилъ своимъ государствомъ съ фанатическимъ тиранствомъ, въ которомъ образовали отвратительнѣйшую смѣсь религіозное высокомеріе, грубое сладострастіе, мистическое сумасбродство и безжалостная свирѣпость.

Въ октябрѣ, народъ праздновалъ вечерю причащенія, нелѣпое подражаніе тайной вечери Христа. Болѣе 4.000 человекъ сидѣли на площади за длинными столами; царь разносилъ пшеничный хлѣбъ и вино мужчинамъ; царица Дивара женщинамъ. Вдругъ царь увидѣлъ посторонняго человека, „необлеченнаго въ брачную одежду“, какъ онъ сказалъ, употребляя выраженіе изъ евангельской притчи о званыхъ на бракъ, то-есть не имѣвшего на лицѣ предписаннаго выраженія восторга. Ему вообразилось, что это „Іуда“. (Въ городъ иногда пробирались епископскіе шпионы). Онъ велѣлъ отвести этого человека въ сторону, своей рукой отрубилъ ему голову и весело возвратился продолжать радостный пиръ. Одна изъ его женъ хотѣла уйдти изъ его гарема; онъ вывелъ ее на площадь и самъ отрубилъ ей голову; другія жены стояли кругомъ и пѣли „Слава въ вышнихъ Богу“.

Это сумасбродное тиранство, это нелѣпое примѣненіе коммунистическихъ идей, облеченныхъ въ библейскую одежду, скоро рушилось бы по собственной фантастичности, еслибъ мюнстерскіе анабаптисты не были принуждены обороняться отъ епископскаго войска и не надѣялись получить подкрѣпленія отъ своихъ единовѣрцевъ. Анабаптисты Голландіи, восточной Фрисландіи, нѣмецкихъ рейнскихъ городовъ и всей Германіи, отъ нидерландской границы до Литвы, отъ Дуная до Нѣмецкаго моря, волновались, вѣрили въ наступленіе царства Божія, хотѣли помогать начавшимъ организовать его. Иллюзія скорого прібытія сильныхъ подкрѣпленій давала мюнстерцамъ отвагу. Они отбили

нападеніе епископскихъ ландскнехтовъ, побѣда была одержана подѣ начальствомъ самого царя; самоувѣренность его превзошла всякія границы; подданные вѣрили, что исполнится его пророчество, что онъ побѣдитъ всѣхъ князей и сильныхъ земли, будетъ царемъ надъ вселенной.

Пораженіе наемниковъ отняло у епископа надежду взять городъ штурмомъ; ландскнехты его оробѣли, не хотѣли и приближаться къ стѣнамъ. Ему надобно было ограничиться блокадой, ждать пока голодъ принудитъ мюнстерцевъ сдаться. Но въ Мюнстерѣ было много запасовъ провіанта; войско епископа было недостаточно для успѣшной блокады. Деньги его истощались; пособія, даваемые ему сосѣдними государями и городами, были незначительны; потому война затянулась бы надолго, если бы нѣмецкій сеймъ не нашелъ надобнымъ энергически вмѣшаться въ нее. Промедленіе было опасно, потому что противленіе Мюнстера ободряло радикальныя партіи во всей Германіи. Простолюдины начинали, какъ передъ крестьянской войной, мечтать объ освобожденіи отъ поповъ и господъ. На вормсскомъ сеймѣ 1535 года было рѣшено послать на помощь епископу мюнстерскому имперское войско, но и оно не отважилось штурмовать Мюнстеръ, ограничилось тѣмъ, что окружило городъ на близкомъ разстояніи, отрѣзало всякій подвозъ провіанта въ него. Запасы истощились, въ Мюнстерѣ появился голодъ; но Боккольдъ пировалъ съ своими женами и пріятелями. Мучимые голодомъ простолюдины уходили изъ города, просили пропуска себѣ сквозь линіи блокады; сострадательные ландскнехты иногда давали кусокъ хлѣба тому или другому.

Но масса анабаптистовъ, страдая отъ голода, оставалась непоколебима въ рѣшимости обороняться до послѣднихъ силъ, и быть можетъ блокада тянулась бы долго, еслибъ измѣна не помогла замѣнить ее штурмомъ. Ландскнехты не отваживались идти на приступъ, но двое дезертировъ обѣщались показать мѣсто, гдѣ можно незамѣтно перейти черезъ стѣны. Это ободрило ландскнехтовъ. Въ ночь на Ивановъ день (24 іюня 1535 г.) дворяне и 400 епископскихъ наемниковъ пошли къ городу. Дезертиры показывали имъ, гдѣ перейти рвы, гдѣ удобнѣе перелѣзть черезъ стѣны. Эти проводники знали анабаптистскій лозунгъ; обманутые имъ караульные были окружены и убиты. Нападающіе выломали ворота и пошли къ укрѣпленному соборному храму. Жители, пробужденные шумомъ, выбѣжали на улицы, собрались для обороны; начался ожесточенный бой; но имперскія войска шли черезъ выломанныя ворота и одолѣвали. Анабаптисты оборонялись съ мужествомъ отчаянія, и было убито много дворянъ, шедшихъ въ первыхъ рядахъ. Говорятъ, что Ротманъ бросился въ густую массу побѣдителей и погибъ геройской смертью. Но по другому извѣстію онъ успѣлъ скрыться, пробрался въ Ростокъ и жилъ тамъ подѣ вымышленнымъ именемъ въ безвѣстности. Боккольдъ былъ

взять въ плѣнъ. Небольшой отрядъ анабаптистовъ, ставшій за кольцомъ телѣгъ, оборонялся такъ упорно, что ему была обѣщана жизнь, если онъ положитъ оружіе. Но когда вышли эти анабаптисты изъ-за своей ограды, ландскнехты бросились на нихъ; они бѣжали въ свои дома, ландскнехты перебили ихъ тамъ.

Послѣ побѣды начались казни. Многимъ плѣннымъ анабаптистамъ были отрублены головы въ слѣдующіе дни; казнили и женщинъ, въ томъ числѣ царицу Дивару и жену Кноппердоллинга. Менѣе виновные мужчины и большинство женщинъ были не казнены, а только выгнаны. На тѣхъ, кому позволили остаться въ городѣ, наложили денежные наказанія. Изгнанники возвратились; но и вмѣстѣ съ ними число жителей въ городѣ едва составило третью долю прежняго.—Былъ споръ о томъ, протестантство или католичество установить въ Мюнстерѣ. Но Филиппъ Гессенскій принужденъ былъ уступить волѣ Фердинанда; протестантское богослуженіе было запрещено въ Мюнстерѣ. Самоуправленіе города было уничтожено, выборы въ городской совѣтъ были поставлены подъ власть капитула и сосѣднихъ дворянъ. Въ городѣ была построена цитадель, гарнизонъ которой держалъ жителей въ повиновеніи.—Боккольдъ и его помощники Книппердоллингъ и Крехтингъ долго были подвергаемы пыткамъ; католики пытались принудить ихъ къ отреченію отъ анабаптизма, чтобъ уронить отступничествомъ. Но они остались непоколебимы, и наконецъ былъ постановленъ приговоръ замучить ихъ медленной смертью, рвать ихъ тѣло раскаленными щипцами; ихъ водили нѣсколько времени по разнымъ мѣстамъ на поруганіе народу, потомъ привели на главную площадь Мюнстера и въ присутствіи епископа, при стеченіи безчисленной толпы, исполнили приговоръ. «Когда было совершено наказаніе злодѣевъ», говоритъ современникъ, «тѣла ихъ были положены въ корзины изъ желѣзной проволоки и прикрѣплены высоко на колокольнѣ церкви св. Ламберта, чтобы видны были издалека и служили въ предостереженіе и въ устрашающій примѣръ всѣмъ безпокойнымъ людямъ».

Мюнстерская катастрофа подавила анабаптизмъ. Правда, остались вѣрующіе, что скоро наступитъ тысячелѣтнее царство Божіе на землѣ, въ которомъ будутъ блаженствовать избранные; но преслѣдуемые правительствами они притихли, уходили изъ Германіи въ другія земли; изгоняемые съ континента нашли себѣ убѣжище въ Англіи. Сохранились пѣсни, въ которыхъ вестфальскіе и нижнерейнскіе анабаптисты рассказываютъ о своихъ страданіяхъ, выражаютъ твердую надежду, что Богъ спасетъ своихъ дѣтей, что если погибнетъ тѣло, то войдетъ въ вѣчное блаженство душа; они видятъ себя въ темницѣ подъ охраной ангеловъ, укрѣпляются воспоминаніями о мученикахъ первыхъ временъ христіанства; изгоняемые изъ отечества они утѣшаются мыслью, что истинное отечество ихъ небо. Епископъ Францъ, человѣкъ добрый и даже имѣвшій подобно архіепископу

кёльнскому склонность къ реформаціи, вѣроятно, не желалъ бы теперь подавлять ее въ своемъ государствѣ. (Черезъ нѣсколько лѣтъ, ободрившись, онъ хотѣлъ возстановить ее). Но онъ принужденъ былъ уступать требованію духовенства и дворянъ, хотѣвшихъ мстить; они искоренили протестантство въ Вестфалии. Какъ прежде крестьянская война на югѣ, такъ теперь возстаніе мюнстерскихъ анабаптистовъ дало побѣду католической реакціи на сѣверо-западѣ Германіи.

Анабаптистское ученіе было по своему существу мирное, кроткое. Этотъ элементъ окончательно развился въ немъ послѣ подавленія мюнстерскаго возстанія, въ которое вовлеклась часть анабаптистовъ школы Мельхіора Гофмана. Анабаптисты и въ Мюнстерѣ были сначала проникнуты общей основной идеей своего вѣроученія, что война не позволительна, что избранные божіи не должны брать въ руки оружіе; проповѣди Маттиса и Ротмана съ трудомъ заглушили въ нихъ навремя это убѣжденіе. Но въ другихъ мѣстностяхъ анабаптисты оставались вѣрны ему и давали убивать себя, не сопротивляясь. Такъ умирали зальцбургскіе анабаптисты. На принципъ безусловнаго отвращенія отъ всякаго насилія выработалъ стройное ученіе анабаптизма Менно Симонсъ, бывшій въ молодости католическимъ священникомъ въ восточной Фрисландіи. Убѣдившись въ истинѣ анабаптистскаго исповѣданія, онъ подвергся преслѣдованію, скитался, скрываясь отъ розысковъ гонителей. Подъ его вліяніемъ анабаптисты восточной Фрисландіи, Нидерландовъ, нѣмецкихъ земель по Нижнему Рейну соединились въ маленькія общины, получившія названіе меннонитскихъ. Они жили тихо въ глухихъ мѣстностяхъ, арендуя землю, покупая участки ея, добывали себѣ скромное благосостояніе неутомимымъ трудолюбіемъ, хорошимъ устройствомъ своего сельскаго хозяйства, взаимной братской помощью. Въ Германіи и Нидерландахъ они до сихъ поръ сохраняютъ названіе меннонитовъ, въ Англіи и Америкѣ называются баптистами.

Меннониты принимаются въ составъ своей церковной общины крещеніемъ при достиженіи совершеннолѣтія, носятъ простую одежду безъ всякихъ украшеній, считаютъ недозволительнымъ для себя военное дѣло, избѣгаютъ всякихъ ссоръ, не любятъ жаловаться суду на свои обиды. Таковы были они съ самаго основанія ихъ общинъ Менно Симонсомъ. Но родство ихъ съ мюнстерскими мятежниками подвергало ихъ безжалостнымъ преслѣдованіямъ. Исторія меннонитовъ писана кровью и слезами.

XIV. СКАНДИНАВСКІЯ ГОСУДАРСТВА. ЛЮБЕКСКІЯ ДѢЛА. ВУЛЛЕНВЕБЕРЪ *).

1. Христіанъ II.

Реформація измѣнила ходъ исторіи и въ сѣверныхъ государствахъ, какъ въ Германіи и Швейцаріи. Но въ нѣмецкой и швейцарской

*) W a i t z, Lübeck unter Wullenweber (3 тома Berlin, 1855); Weidling, Schwedische Geschichte im Zeitalter der Reformation; Fryxell, Berättelser ur svenska historien, 43 тома, Stockholm, 1823—1875; та часть труда Фрюкселля, которая относится къ правленію Густава Вазы, переведена Экендалемъ на нѣмецкій языкъ: Gustav Vasas Leben, von Fryxell, 1831.

конфедераціяхъ связь частей была ослаблена ею, а въ сѣверныхъ государствахъ она укрѣпила національное единство.

Въ Скандинавскихъ земляхъ реформація была тѣсно связана съ Христіанъ II. политической борьбой, въ которой сѣверные народы стремились освободиться изъ стѣсненнаго положенія. Мы видѣли, что до начала XVI 1513—1523. вѣка государственная жизнь датчанъ, норвежцевъ и шведовъ шла дурно. Короли датскіе, державшіе подъ своей властью Шлезвигъ и Гольштинію, старались удержать подъ своимъ владычествомъ Швецію. желавшую разорвать кальмарскую унію. Когда король Іоаннъ послѣ 33 лѣтняго царствованія умеръ, члены государственныхъ совѣтовъ датскаго и норвежскаго собрались въ Капенгагенѣ. Единственный сынъ Іоанна, Христіанъ II, присягнувъ 22 іюля (1513 года) соблюдать предложенныя ему условія, расширявшія права аристократіи, и эти государственные совѣты признали его королемъ. Черезъ годъ онъ короновался въ Капенгагенѣ и Опсло. Человѣкъ хитрый, суровый, деспотичный, Христіанъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ, подчинявшимъ короля владычеству вельможъ и духовныхъ сановниковъ. Въ рассказѣ о прежней исторіи Даніи мы говорили, что государственный совѣтъ постоянно расширялъ права аристократіи, представителемъ которой былъ, уменьшалъ власть короля. При всѣхъ назначеніяхъ на должности, при вопросахъ о войнѣ и мирѣ, при установленіи податей и залогѣ коронныхъ имѣній, король былъ обязанъ испрашивать согласія государственнаго совѣта. Дворяне и духовенство имѣли свой сословный судъ, были свободны отъ налоговъ, одни имѣли право охоты; только они и набираемые ими люди имѣли право носить оружіе. Выморочные лены не возвращались коронѣ, оставались за аристократіей. Государственный совѣтъ самъ избиралъ своихъ членовъ, не прося у короля утвержденія выбору и самъ исключалъ тѣхъ, къ кому былъ недоволенъ. Лены и судейскія должности не могли быть даваемы никому кромѣ дворянъ. Христіану была нестерпима такая ограниченность его власти. Въ Англіи, Франціи, Испаніи, Португаліи короли подчинили себѣ аристократію; Христіану казалось возможнымъ сдѣлать это и въ своихъ государствахъ.

Онъ былъ человѣкъ отважный. Въ молодости онъ велъ себя такъ буйно, что отецъ много разъ билъ его плетью, пока онъ не станетъ на колѣни и обѣщается исправиться. Будучи посланъ вице-королемъ въ Норвегію, онъ свирѣпо подавлялъ всякое сопротивленіе. Въ 1508 году поселяне убили двухъ чиновниковъ его, ушли въ лѣсъ при его приближеніи, защитились засѣками; онъ прорвался черезъ нихъ, отрубилъ головы мятежникамъ и взоткнулъ на колья. Предводитель инсургентовъ Гертуфъ Гюддефадъ въ мученіяхъ пытки сказалъ, что съ нимъ былъ въ сношеніяхъ Карлъ, епископъ гаммерскій. Епископъ дѣйствительно былъ враждебенъ датскому владычеству; Христіанъ зналъ, что онъ находится въ сношеніяхъ съ правителемъ Швеціи Сванте-Стуромъ, пригласилъ къ себѣ Карла въ Аггерсгусъ, бросилъ его въ подземельную темницу. Епископъ бѣжалъ,

былъ настигнутъ собаками, и погибъ. За это убійство Христіанъ былъ отлученъ отъ церкви. Отлученіе было снято съ него только при восшествіи на престолъ.

При коронаціи въ Опсло Христіанъ снова увидѣлъ красивую дѣвушку, съ которой познакомился на балѣ въ Бергенѣ, когда былъ вице-королемъ. Она была дочь Сигбриды Виллумсъ, уроженки Нидерландовъ, имѣвшей сначала мелочную лавку въ Амстердамѣ, а теперь содержавшей гостиницу въ Бергенѣ. Христіанъ имѣлъ уже 32 года, но былъ еще не женатъ; дочь Сигбриты стала его любовницей; онъ взялъ ихъ съ собой въ Копенгагенъ, далъ имъ домъ. Дѣвушку звали Дюеке «Голубка»; она дѣйствительно была добраго характера. Но мать ея была хитрая, властолюбивая, злая женщина, приобрѣла своимъ умомъ громадное вліяніе на короля и навлекла на себя всеобщую ненависть. Она возстановляла Христіана противъ аристократіи, владѣвшей тремя четвертыми долями всей земли въ Даніи, угнетавшей горожанъ, державшей поселянъ въ порабощеніи и сильно ограничившей королевскую власть. Черезъ нѣсколько времени король женился. Дядя его Фридрихъ, курфирстъ саксонскій, сосваталъ за него внуку императора Максимилиана, сестру Карла, будущаго императора, инфанту Изабеллу (Елисавету). Молоденькая принцесса приплыла въ 1515 году въ Копенгагенъ, стала королевой датской. По отношенія короля къ Дюеке остались прежнія. Сигбрита успѣла даже приобрѣсти себѣ расположеніе королевы. Эрикъ Валькендорпъ, бывший прежде священникомъ, помогавшій Сигбритѣ овладѣть королемъ и сдѣланный за это архіепископомъ тронтъемскимъ, требовалъ теперь, чтобы король удалилъ отъ себя наложницу и ея мать; но Христіанъ не послушался. Королева смотрѣла довольно равнодушно на отношенія мужа къ Дюеке и подчинилась хитрой Сигбритѣ, которая умѣла развлекать ее разговорами о родинѣ (Елисавета, подобно Карлу, родилась и выросла въ Нидерландахъ). Старуха была, какъ будто родная королевѣ, одинокой среди чужого народа; притомъ черезъ нее можно было получать отъ короля все что угодно. Между прочимъ она устроила то, что Христіанъ вызвалъ изъ сѣверной Голландіи 24 семейства поселянъ и далъ имъ землю на островѣ Амакѣ, лежащемъ у самаго Копенгагена; они развели тамъ овощи, стали дѣлать сливочное масло и сыръ, какія привыкла королева кушать въ Нидерландахъ и какихъ прежде нельзя было достать въ Копенгагенѣ; она была очень благодарна за это Сигбритѣ. Такъ прошло два года. Сигбрита продолжала владычествовать надъ королемъ. Онъ отдалъ въ ея управленіе таможенные доходы и въ томъ числѣ зундскую пошлину, одинъ изъ главныхъ источниковъ государственнаго дохода. Ему нравилось слушать ея рассказы о богатствѣ Нидерландскихъ городовъ, разсужденія о томъ, что владычество аристократіи

мѣшаетъ развиваться такому же богатству въ датскихъ городахъ, что вельможи и ганзейскіе купцы завладѣли всѣми источниками доходовъ, принадлежащими королю. Христіанъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, имѣвшихъ цѣлью оживить земледѣліе и торговлю Даніи, сдѣлать Копенгагенъ и другіе приморскіе города богатыми торговыми портами.

Въ 1517 году Дювеке, бывшая совершенно здоровой, внезапно умерла; по всѣмъ соображеніямъ слѣдовало полагать, что она отравлена. Король хотѣлъ отмстить за ея смерть. Его подозрѣніе упало на Торбана Оксе, вельможу, бывшаго коммендантомъ дворца. Онъ предалъ его суду государственнаго совѣта. Совѣтъ нашелъ обвиненіе неосновательнымъ. Король противозаконно назначилъ для суда надъ оправданнымъ особую комиссію, членами которой выбралъ поселянъ; онъ запугивалъ ихъ; они въ страхѣ произнесли приговоръ, какой былъ нуженъ ему. Всѣ протесты вельможъ остались напрасны; сама королева бросилась на колѣна передъ мужемъ, умоляя его пощадить осужденнаго; не смягчило короля и это. Торбанъ Оксе былъ казненъ (въ ноябрѣ 1517). Противозаконная казнь вельможи раздражила всю аристократію. Ненависть ея къ королю росла съ каждымъ днемъ, потому что Сигбрита продолжала править всѣмъ въ государствѣ, оскорбляла всѣхъ знатныхъ людей. Она господствовала даже въ апартаментѣ королевы, завѣдывала воспитаніемъ ея сына. Черезъ Сигбриту получили безграничное довѣріе королевы братъ ея Виллунгъ и другой иностранецъ, вестфальскій нѣмецъ Дитрихъ Слаггекъ, богословъ и юристъ, изучившій медицину. Они помогли ей править государствомъ. Вѣроятно еще въ тѣ годы произошло бы возстаніе, если бы Христіанъ не началъ со Швеціей войну, о которой говорили мы въ VIII томѣ (стран. 405). Датчане раздѣляли желаніе своего короля владѣть надъ шведами и усердно помогали ему.

Для этой войны, кончившейся пораженіемъ шведовъ и стокгольмскими убійствами, Христіанъ получилъ отъ Карла деньги, отъ короля французскаго корабли и войско; дворянство, духовенство, купеческія корпораціи давали ему добровольныя или вынужденныя пособія. Онъ набиралъ наемниковъ въ Шотландіи, Пруссіи, Бранденбургѣ, созвалъ датское, шлезвигское, гольштинское ополченіе. Шведы принуждены были признать его своимъ королемъ. На коронаціи (8 ноября 1520) Христіанъ не далъ ни одного почетнаго мѣста шведскимъ вельможамъ. Черезъ четыре дня онъ произвелъ убійства, о которыхъ мы говорили въ VIII томѣ. Въ числѣ казненныхъ находились два епископа, тринадцать вельможъ, три бургомистра и тринадцать членовъ стокгольмскаго городского совѣта. Однимъ изъ казненныхъ былъ Эрикъ Погансенъ Ваза, отецъ Густава Вазы. Христіанъ конфисковалъ имущество казненныхъ, роздалъ иноземцамъ ихъ замки и должности. Каѳедры казненныхъ епископовъ получили тѣ два совѣтника Христіана, которые были люди духовнаго званія; это было наградой имъ за то, что они усердно одобряли мысль короля произвести казни въ ужасающемъ размѣрѣ. Одинъ изъ нихъ, Бельденакъ, былъ сдѣланъ епископомъ скарскимъ, другой, Слаггекъ, епископомъ стренгнесскимъ. Слаггёка Хри-

стіанъ назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Швеціи, а его брата Генриха коммендантомъ Стокгольма. На шведовъ было наложено желѣзное иго. Наилучшимъ способомъ предотвращать возстанія Христіанъ и Слаггёкъ считали вѣшанье и колесованье. Король оставлялъ безъ вниманія жалобы народа на тиранство Слаггёка, потому что Сигбрита поддерживала своего родственника; онъ даже сдѣлалъ его архіепископомъ лундскимъ. Но когда папскій нунцій пріѣхалъ въ Копенгагенъ требовать отчета въ стокгольмской казни епископовъ и прелатовъ, Христіанъ сложилъ всю вину на Слаггёка. Папа не хотѣлъ раздражать короля въ опасное для католичества время и принялъ его оправданіе. Но тѣмъ тяжелѣе обрушилось дѣло на Слаггёка. Покинутый королемъ, ненавидимый всѣми, онъ былъ въ январѣ 1522 сожженъ, привязанный къ лѣстницѣ висѣлицы, поставленной на кострѣ. Помощникъ его Бельденакъ былъ сосланъ на островъ Борнгольмъ.

Христіанъ хотѣлъ ввести въ Даніи реформацію, чтобъ захватить церковныя имѣнья. По возвращеніи изъ Швеціи онъ попросилъ Фридриха, курфюрста саксонскаго (брата его матери), прислать ему проповѣдника, изъ числа друзей Лютера. Но Рейнгардъ, присланный курфюрстомъ, оказался не способенъ вести дѣло. Карльштадъ, пріѣхавшій въ Копенгагенъ, прожилъ тамъ не долго, и не успѣлъ пріобрѣсти вліянія на датскихъ богослововъ.

Но кажется, онъ участвовалъ въ составленіи проекта новаго уложенія, которымъ Христіанъ хотѣлъ ограничить судебную власть епископовъ, улучшить богослуженіе, дозволить священникамъ жениться, запретить продажу поселянъ, оградить ихъ отъ притѣсненій господъ, смягчить суровость берегового права (захвата товаровъ съ разбившихся кораблей прибрежными землевладѣльцами), освободить города отъ подвластности вельможамъ. Изъ всего этого было исполнено только намѣреніе отмѣнить береговое право. Преобразованія, какія предполагалъ произвести Христіанъ, были только предлогами для расширенія королевской власти, для подавленія аристократіи и духовенства. Потому вельможи и прелаты противились проекту новаго уложенія.—Христіану нравились рассказы Сигбриты о богатствѣ нидерландскихъ городовъ; онъ и самъ у видѣлъ его при поѣздкѣ въ Брюссель, куда отправился получить остатокъ приданаго жены. Ему хотѣлось, чтобы датскіе города тоже разбогатѣли, чтобы Копенгагенъ сталъ центромъ торговли на Балтійскомъ морѣ; онъ хотѣлъ вырвать съ-верную торговлю изъ рукъ любекскихъ и другихъ ганзейскихъ купцовъ.

Замыслы короля были враждебны аристократіи, духовенству и Любеку; а у него не было опоры въ довѣріи народа. Реформація уже распространялась по Гольштиніи и Шлезвигу, проникала въ собственную Данію; нѣмецкіе торговцы много содѣйствовали этому. Если бы Христіанъ заслужилъ довѣріе, приверженцы реформаціи стали бы на его сторону; но всѣ знали, что онъ человѣкъ коварный, и у него не было защитниковъ отъ враговъ, когда напали на него раздраженные любекцы.

Въ Любекѣ было извѣстно, что онъ проситъ императора, на сестрѣ котораго былъ женатъ, отдать подъ его власть этотъ городъ. Притомъ

онъ стѣснялъ любекскую торговлю. Любекцы стали вредить злomu сосѣду. На ихъ корабляхъ отплылъ въ Швецію Густавъ Ваза низвергнуть кровавое датское владычество. Освобожденіе Стокгольма открыло для любекской торговли Швецію, потому что Густавъ Ваза продолжалъ нуждаться въ помощи Любека для обороны отъ нападенія, къ которому готовился Христіанъ.

Замыселъ Христіана захватить произвольную власть надъ Даніей возбудилъ сопротивленіе вельможъ и прелатовъ. Ютландскіе дворяне и церковные сановники не поѣхали на сеймы, которые созывалъ Христіанъ въ концѣ 1522 и въ началѣ 1523 года, а собрались въ Выборгъ, составили обвинительный актъ, въ которомъ перечисляли противозаконныя дѣвствія Христіана, объявили, что отказываютъ въ повиновеніи ему и выбрали королемъ герцога гольштинскаго Фридриха. Онъ уже давно былъ во враждѣ съ племянникомъ, пріобрѣлъ расположеніе дворянъ согласіемъ обезпечить ихъ права присягой и содѣйствіе ему любекцевъ большими уступками. Въ февралѣ 1523 онъ и Любекъ объявили войну Христіану. Хитрецъ надѣялся обмануть датчанъ, обѣщая, что устранить всѣ причины ихъ неудовольствія на него. Руководители оппозиціи обманывали его выраженіями довѣрія, пока организовали возстаніе; тогда онъ увидѣлъ себя покинутымъ всѣми. Посредничество его родственниковъ, курфирстовъ Фридриха Саксонскаго и Іоахима Бранденбургскаго, вступавшихъ за него, было отвергнуто. Онъ велѣлъ какъ можно скорѣе приготовить къ отплытію нѣсколько кораблей, нагрузилъ на нихъ свои сокровища и 14 апрѣля (1523 года) отплылъ на нихъ съ женой, дѣтьми, Сигбритой (которую перенесли на корабль, спрятанную въ ящикъ, чтобы не убилъ ее народъ) и своими совѣтниками. Его «уложеніе было сожжено по распоряженію новаго сейма, какъ «вредное и противное хорошему управленію». Сеймъ предложилъ Фридриху присягнуть, что онъ будетъ соблюдать прежнія условія королевскихъ выборовъ, ограждавшія права сейма, дворянства и духовенства; онъ далъ эту присягу и былъ провозглашенъ королемъ датскимъ и норвежскимъ.

2. Швеція въ правленіе Густава Вазы.

Раньше чѣмъ въ Даніи, рушилось свирѣпое владычество Христіана въ Швеціи. Густавъ Эриксонъ, происходившій изъ фамиліи, которая имѣла въ своемъ гербѣ мотокъ нитокъ, Wasa, и потому называлось Вазой, отважный юноша, родственникъ фамиліи Стуре, освободилъ Швецію отъ ига иноземцевъ. Онъ учился въ Упсалѣ, посвятилъ себя потомъ военному дѣлу, былъ знаменосцемъ въ битвѣ при Брен-

кюркѣ, отличился тамъ храбростію; Христіанъ вѣроломно арестовалъ его и увезъ заложникомъ въ Данію. Больше года онъ прожилъ въ Ютландіи подъ надзоромъ своего родственника, Эрика Банера. Услышавъ о большой экспедиціи, которую готовитъ король, чтобы совершенно покорить Швецію, онъ переодѣтый бѣжалъ въ Любекъ; городской совѣтъ охранилъ его отъ Банера, требовавшего выдачи. Любекскіе правители понимали, что онъ можетъ быть полезенъ для нихъ въ борьбѣ съ Христіаномъ, ободряли его мысль поднять возстаніе въ Швеціи, дали ему пособіе для этого. Въ маѣ 1520 любекскій корабль повезъ его въ Швецію; онъ вышелъ на берегъ близъ Кальмара. Датчане уже овладѣли Стокгольмомъ. По всей Швеціи распространилось отчаяніе; казалось, что шведы покидаютъ мысль о сопротивленіи. Густавъ Ваза съ трудомъ укрылся отъ искавшихъ его датчанъ. Въ Швеціи было мало укрѣпленныхъ городовъ. Сѣверная и южная части населенія почти не имѣли связи между собой; трудно было ожидать, чтобы весь народъ соединился для борьбы. Но извѣстіе о стокгольмскихъ казняхъ раздражило всѣхъ; злодѣй надѣялся запугать ими шведовъ, но результатъ вышелъ противоположный. Весь народъ воодушевился чувствомъ мщенія. Густавъ Ваза сталъ вождемъ націи. Онъ самъ имѣлъ личную обязанность мстить: въ числѣ казненныхъ находились его отецъ, мужъ одной изъ его сестеръ; мать и сестры его были отвезены въ плѣнъ въ Данію; за его голову была назначена награда; датскіе шпіоны разыскивали его, онъ ежеминутно подвергался опасности быть схваченнымъ. Но благодаря преданности населенія и своему мужеству уцѣлѣлъ, пробрался въ горную область сѣверной Швеціи Далекарлію, нашелъ безопасный пріютъ себѣ среди ея мужественныхъ жителей. Переодѣтый поселяниномъ, онъ поступилъ въ работники къ одному изъ зажиточныхъ поселянъ и ожидалъ случая призвать народъ къ оружію. Еще и теперь показываютъ тотъ дворъ, на которомъ рубилъ онъ дрова; ригу, въ которой молотилъ хлѣбъ. Датскіе шпіоны бродили по сосѣдству, искали его, но преданность поселянъ укрывала его отъ нихъ. Около Рождества онъ пришелъ въ Мору, гдѣ собрался народъ, сталъ говорить о постыдности порабощенія, о стокгольмскихъ убійствахъ, о возможности свергнуть иноземное иго. Вѣтеръ дулъ съ сѣвера; это по старинному повѣрью было хорошимъ предвѣстіемъ. Знатный юноша патріотической фамиліи, родственникъ Стена Стуре, былъ красивый человѣкъ высокаго роста: привѣтливый, возбуждавшій любовь къ себѣ, краснорѣчивый, умный, научившійся военному дѣлу у Стена Стуре. Казалось, что Богъ избралъ его для спасенія отечества. Собравшіеся въ Мору нѣсколько сотъ человѣкъ выбрали его своимъ предводителемъ. Дѣло, на которое рѣшились они, представлялось почти безнадежнымъ. По всѣмъ городамъ стояли датскія войска, всѣ укрѣпленія были затяжы ими, по всѣмъ областямъ находились датскіе правители; но далекарійцы

были люди сильные, привычные къ трудамъ и лишеніямъ; крѣпкое здоровье, сила мускуловъ, неустрашимость духа замѣняли имъ недостатокъ военнаго искусства; притомъ они умѣли владѣть старымъ народнымъ оружіемъ: топоромъ, самострѣломъ, копьемъ. Въ февралѣ 1521 года Густавъ Ваза овладѣлъ Фалуномъ и рудникомъ мѣдной горы (Korraberget), взявъ въ плѣнъ служившаго датчанамъ горнаго начальника Ольссона. Собранныя для датскаго короля деньги и товары датскихъ купцовъ, найденные въ Фалунѣ, онъ роздалъ своимъ сподвижникамъ. Рудокопы, созданные имъ въ церковь, присоединились къ его далекарлійцамъ, жители города Гефле и сосѣдней мѣстности также взяли за оружіе. Бельденакъ и Слаггёкъ повели на инсургентовъ войско, въ которомъ считалось до 6.000 челевѣкъ, но не отважились перейти рѣку, за которой стояли инсургенты. По словамъ лѣтописца, Слаггёкъ сказалъ: «Людей, которые пьютъ только воду и ѣдятъ хлѣбъ изъ сосновой коры, не одолѣетъ самъ чортъ». Въ концѣ апрѣля далекарлійцы подошли къ Вестеросу, гдѣ Слаггёкъ собралъ свою конницу. Онъ на далекое разстояніе срубилъ изгороди и всѣ деревья, чтобъ они не стѣсняли движеній конницы; но поселяне оттѣснили ее своими длинными копьями. Ваза и его помощники, Ларсъ Эриксонъ и Ларсъ Орлофсонъ, вошли 29 апрѣля побѣдителями въ городъ, осадили цитадель. Коммендантъ ея, пронзенный стрѣлой сквозь волчью шубу, упалъ со стѣны въ рѣку. Далекарлійцы овладѣли цитаделью. Передъ Троицей они подошли къ Упсалѣ; Густавъ Ваза послалъ архіепископу Тролле приглашеніе перейти на сторону защитниковъ свободы отечества. Онъ отвѣчалъ, что принесетъ отвѣтъ самъ, собралъ изъ сосѣднихъ гарнизоновъ 3.000 челевѣкъ нѣмецкой пѣхоты и 500 всадниковъ и пошелъ на инсургентовъ. Положеніе Густава Вазы было опасно, потому что многіе изъ воиновъ его разошлись по домамъ. Но сосѣдніе поселяне собрались къ нему и погнали непріятеля назадъ.

Архіепископъ бѣжалъ въ Стокгольмъ, главный оплотъ датскаго владычества. Густавъ Ваза пошелъ туда, хотя силы инсургентовъ были малы сравнительно съ королевскими войсками, занимавшими хорошо укрѣпленный городъ и укрѣпленія передъ нимъ. Притомъ въ гавани стоялъ Северинъ Норбю съ датскимъ флотомъ. Но Густавъ Ваза былъ отваженъ и твердъ, рассчитывалъ на патріотизмъ народа, на ненависть его къ датскому владычеству и началъ осаду. На собраніи вельможъ и предъставителей другихъ сословій въ Водстенѣ онъ былъ 24 августа (1521 года) привозглашенъ правителемъ государства. Но датчане еще оставались сильны. Они стояли въ Стокгольмѣ, Кальмарѣ, въ Або, подавляя тамъ свирѣпыми мѣрами всякую мысль о возстаніи. Мать и сестры Густава умерли въ датской темницѣ. Много знатныхъ и незнатныхъ шведовъ были казнены. Осада Стокгольма затянулась. Любекъ, думавшій не о ско-

ромъ окончаніи войны, а только о своихъ выгодахъ, мало помогаль Густаву Вазѣ, и когда посылалъ ему войско, корабли, оружіе, требовалъ за это торговыхъ привилегій. У Густава не было денегъ, онъ принужденъ былъ соглашаться на все; Любекъ извлекъ большую пользу себѣ изъ его затрудненій. Ствкгольмъ еще оставался во власти датчанъ, когда Христіанъ былъ прогнанъ. Получивъ извѣстіе о его бѣгствѣ, шведы собрались на сеймъ въ Стренгнесѣ и 7 іюня (1523 года) выбрали Густава Вазу королемъ, уничтожая этимъ навсегда кальмарскую унію. Вскорѣ послѣ того гарнизонъ Стокгольма вступилъ въ переговоры и, получивъ свободу удалиться съ оружіемъ, сдалъ городъ и цитадель. Густавъ Ваза 23 іюня вступилъ въ Стокгольмъ. Требованіе новаго датскаго короля, Фридриха, признать его верховную власть, было отвергнуто шведами.

Но положеніе Густава Вазы оставалось очень затруднительнымъ. Вельможи согласились на выборъ короля, только уступая требованію народа, считавшаго необходимою имѣть своего особаго короля, чтобъ упрочить національную независимость. Для вельможъ было бы выгоднѣе сохранить кальмарскую унію: власть датскаго короля была бы только номинальная. При кальмарской уніи вельможи расширили свои права, захватили лучшія коронныя имѣнья, перестали исполнять ленныя обязанности. Каждый изъ нихъ былъ почти независимымъ господиномъ въ своей мѣстности, а власть надъ общими дѣлами страны почти вся принадлежала состоявшему изъ нихъ государственному совѣту. Для нихъ было бы лучше не имѣть особаго короля, оставаться на словахъ подданными датскаго. Церковные сановники, назначаемые изъ вельможскихъ семействъ то же расширили свои имѣнья. Такимъ образомъ дворянство и духовенство были не расположены къ Густаву Вазѣ. Захватъ ими лучшихъ коронныхъ имуществъ сильно уменьшилъ королевскіе доходы. Привилегіи, данныя Любеку за его помощь въ войнѣ, отняли у короля таможенные доходы. Онъ былъ обязанъ любекскому флоту покореніемъ датскаго гарнизона въ Стокгольмѣ; ключи столицы были переданы ему любекскими уполномоченными. Северинъ Норбю стоялъ съ датскимъ флотомъ у Готланда, посылалъ корабли крейсировать вдоль восточнаго берега Швеціи. Густавъ Ваза не могъ бы оборониться самъ отъ его нападеній, для ихъ предотвращенія была необходима помощь любекскаго флота. Густавъ Ваза ужъ по этому одному принужденъ былъ угождать во всемъ Любеку. Была у него и другая надобность въ этомъ. Новый король датскій Фридрихъ издавна былъ друженъ съ любекцами и старался укрѣпить свой союзъ съ ними. Если бъ они согласились помогать ему въ замыслѣ покорить Швецію, война была бы очень тяжела для Густава Вазы. Впрочемъ Фридрихъ скоро отказался отъ мысли о покореніи Швеціи, разсудивъ, что долженъ беречь свои силы для собственной обороны. Императоръ Карлъ же-

лалъ бы, чтобы возстановилась власть Христіана, мужа его сестры; прежде Христіанъ навлекъ на себя неудовольствіе Карла своимъ намѣреніемъ ввести въ Даніи реформацію; но теперь онъ выражалъ усердіе къ католичеству, и Карлъ не мѣшалъ ему готовить корабли, собирать войско во Фрисландіи и Голландіи для экспедиціи въ Данію. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по своемъ изгнаніи онъ сдѣлалъ нападеніе на Гольштинію; оно не удалось только потому, что у него не достало денегъ на жалованье наемникамъ. Онъ дѣлалъ займы у Нидерландскихъ банкировъ. Покоривъ Данію, онъ напалъ бы на Швецію. Общая опасность заставила Фридриха и Густава помириться. При посредничествѣ Любека они заключили въ 1524 году договоръ, подписанный въ Мальмё. Онъ отмѣнялъ навсегда кальмарскую унію и устанавливалъ вѣчный миръ между Даніей и Швеціей. За Даніей остались тѣ южныя области Швеціи, которыя принадлежали ей до кальмарской уніи.

Густавъ Ваза могъ заняться теперь заботами объ улучшеніи внутреннихъ дѣлъ. Чтобы прекратить анархію, установить правильный порядокъ въ государствѣ, приготовить средства для обороны своей власти отъ мятежей и для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ, королю необходимо было увеличить свои доходы. Коронныхъ имѣній оставалось такъ мало, что они давали только третью часть денегъ, необходимыхъ для покрытія нужнѣйшихъ расходовъ. Долгъ Любеку былъ громаденъ. Торговля и промышленность находились въ рукахъ ганзейскихъ капиталистовъ. Стокгольмъ опустѣлъ и обнищалъ. Хорошая монета исчезла изъ обращенія отъ выпусковъ малоцѣнной. Король не могъ требовать пожертвованій отъ дворянства: оно взялось бы за оружіе; съ обѣднѣвшихъ поселянъ нельзя было взять много больше того, сколько они уже платили. Густаву Вазѣ оставалось только отнять доходы у духовенства. Оно во время войны стояло на сторонѣ датчанъ; глава его былъ соучастникомъ стокгольмскихъ убійствъ. Густавъ Ваза рѣшился овладѣть его богатствами; а для этого надобно было замѣнить католическое устройство церкви протестантскимъ. Если бы Густавъ Ваза могъ отлагать это дѣло, онъ по всей вѣроятности долго не взялся бы за него, потому что оно представляло большія опасности. Отнятіе имѣній у церковныхъ сановниковъ могло встревожить вельможъ, права которыхъ на захваченныя ими коронныя имѣнья были такъ же шатки, какъ права прелатовъ. Масса народа еще оставалась расположена къ католичеству, была мало знакома съ протестанствомъ; введеніе реформаціи могло раздражить ее.

Но королю нельзя было медлить съ этимъ дѣломъ и онъ повелъ его; дѣйствуя осмотрительно, онъ съумѣлъ преодолѣть опасности. Густавъ Ваза не совершалъ блистательныхъ подвиговъ, но вся его жизнь непрерывный подвигъ, говоритъ Гейеръ. Упорнымъ неутомимымъ трудомъ, спокойнымъ и осторожнымъ, онъ шелъ къ своей цѣли; дѣй-

ствовалъ переговорами, соглашеніями, умѣлъ выбирать своихъ помощниковъ и совершилъ великое дѣло обновленія государственной и религіозной жизни своего отечества. Не принимая сторону лютеранства, не высказывая своихъ мнѣній по религіознымъ вопросамъ, онъ далъ лютеранскому ученію свободу распространиться въ Швеціи. Главными дѣятелями этой пропаганды были Олафъ Петерсонъ (по латинской формѣ имени Olaus Petri) и его братъ Лаврентій. Королевскій канцлеръ Андерсонъ (Andreae) перевелъ на шведскій языкъ Священное писаніе. Густавъ Ваза не допускалъ никакого насилія. Католики могли жаловаться только на то, что должны вести борьбу равнымъ оружіемъ, а не запрещеніями и казнями. На упсальскомъ диспутѣ въ 1526 году Олай Петри опровергъ католическихъ богослововъ; вскорѣ послѣ того онъ женился. Католическое духовенство негодовало на то, что король не запрещаетъ распространять ересь и беретъ большія подати съ епископскихъ и монастырскихъ имѣній. Оно возбуждало поселянъ сѣверныхъ областей къ возстанію. Явился самозванецъ, сынъ поселянина, имѣвшій тонкія аристократическія черты лица и называвшій себя потомкомъ Стена Стуре. Духовенство поддерживало его притязанія на престолъ. Поднялся мятежъ; но скоро былъ прекращенъ, больше разъясненіемъ дѣла, чѣмъ силой. Два епископа, оказавшіеся главными возбудителями бунта, были преданы свѣтскому суду, наперекоръ протесту духовенства, и казнены. Тому же наказанію подвергся самозванецъ. Но обманутыхъ поселянъ король простилъ.

Въ іюнѣ 1527 года Густавъ Ваза созвалъ сеймъ въ небольшой, глухой городъ Вестеросъ. Такое мѣсто онъ выбралъ для того, чтобы легко провести свои предложенія. Въ прежнихъ сеймахъ участвовали только дворянство и духовенство. Но на этотъ сеймъ король пригласилъ и представителей горожанъ и поселянъ. Духовенство предвидѣло, что король предложитъ сейму мѣры, враждебныя католичеству. По внушенію даровитѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ своихъ вождей, Браска, епископа линчѣпингскаго, оно подписало тайный протестъ противъ всякаго нарушенія правъ церкви и спрятало этотъ документъ подъ помъ храма.

Сеймъ собрался въ залѣ вестеросскаго доминиканскаго монастыря. Канцлеръ Андреа прочелъ обзоръ положенія государства. По поводу мятежа поселянъ сѣверныхъ областей онъ говорилъ о необходимости упрочить порядокъ, о невозможности управлять государствомъ, когда народъ при каждой попыткѣ короля произвести улучшенія грозитъ топорами, и пока духовенство владѣетъ двумя третями земли, оставляя королю и дворянству только третью долю. Андреа называлъ несправедливымъ обвиненіе, что король хочетъ притѣснять церковь и ея служителей, говорилъ, что, напротивъ, король хочетъ жить и умереть христіаниномъ и будетъ покровительствовать духовенству, когда оно будетъ добросовѣстно исполнять свои обязанности; что допустивъ проповѣдь Евангелія, онъ приглашалъ

прелатовъ защищать католическое ученіе, но они хотѣли удержать всѣ прежніе церковные обычаи, безъ разбора дурныхъ отъ хорошихъ; потому теперь онъ проситъ у сейма совѣта, какъ ему поступать съ католической церковью; безъ кореннаго преобразованія церковнаго устройства управлять государствомъ невозможно; король скорѣе откажется отъ своего сана, возвратитъ сейму полученную отъ него власть. Съ моря и береговъ угрожаетъ государству непріятель, а средствъ для обороны нѣтъ; стѣны крѣпостей развалились; дворяне только желаютъ держать себя повелителями въ своихъ владѣніяхъ, не заботясь о безопасности государства; таможенные доходы отданы иноземцамъ; мѣдные и серебряные рудники находятся въ упадкѣ, торговля и промышленность тоже. Необходимо принять рѣшительныя мѣры для устраненія этого разстройства, — все равно, кто бы ни былъ королемъ.

Дворянство и духовенство не желали реформъ. Браскъ объявилъ, что безъ одобренія папы, которому присягнулъ, какъ и всѣ епископы, повиноваться, онъ не можетъ согласиться ни на реформу вѣроученія, ни на уменьшеніе правъ и имѣній церкви. Также сказали другіе епископы. Вельможи говорили въ томъ же смыслѣ. Туре Йонсонъ, государственный гофмейстеръ, членъ государственнаго совѣта, вскричалъ: «Никто не сдѣлаетъ меня язычникомъ, лютераниномъ или еретикомъ!» — Тогда сталъ говорить самъ король.

„Если таково ваше рѣшеніе“, сказалъ онъ, „то я не могу больше быть вашимъ королемъ. Я ожидалъ другого отвѣта. Теперь я не дивлюсь, что простой народъ, обольщаемый такими руководителями, выказываетъ неповиновеніе. Меня винятъ во всемъ: въ изліпшихъ дождяхъ и въ засухѣ, въ болѣзняхъ и неурожаяхъ. Всѣ хотятъ командовать мной. Монахи хотятъ судить меня. Я принялъ правленіе, чтобы спасти Швецію; пожертвовалъ для общаго блага моимъ отцовскимъ и материнскимъ наслѣдствомъ; а теперь вы рады были бы видѣть, чтобы у меня была отрублена голова; только ни одинъ изъ васъ не хочетъ взять въ руки топоръ палача. Кто захочетъ при такомъ положеніи быть вашимъ королемъ? Не захочетъ и самый несчастный изъ мучащихся въ аду, не то что живой человѣкъ. Возвратите же мнѣ то, что употребилъ я изъ моего имущества на общее дѣло, и отпустите меня отъ управленія. Я уѣду изъ государства и никогда не увижу мою неблагодарную родину“.

Послѣднія слова онъ сказалъ голосомъ, прерывающимся отъ слезъ, и ушелъ изъ зала. — Такъ говорили Александръ и Цезарь съ мятежными воинами. И результатъ рѣчи Густава Вазы былъ такой же, какъ ихъ рѣчей, — полный успѣхъ. Три дня длились бурные споры сословія сейма. Депутаты поселянъ и горожанъ говорили дворянамъ: «Поскорѣе кончайте дѣло, господа; иначе мы обойдемся и безъ васъ». Депутаты Стокгольма воскликнули, что ихъ городъ всегда будетъ за короля. Епископы принуждены были допустить въ собраніи сейма диспутъ между Олаемъ Петри и однимъ изъ католическихъ богослововъ. Оппозиція ослабѣвала, дворянство отступилось отъ духовенства. Епископъ стренгенскій сказалъ, что церковь не должна защищать

свои права, если они гибельны государству. На третій день депутаты поселянъ объявили, что если высшія сословія не уступятъ, то они соединятся съ королемъ противъ нихъ. Эта угроза уничтожила оппозицію. На четвертый день явилась въ дворецъ депутація сейма съ просьбой, чтобъ онъ благоволилъ продолжать управление государствомъ и принялъ увѣреніе сейма въ повиновеніи ему. Густавъ Ваза отпустилъ депутацію, не сказавъ, что согласенъ на просьбу сейма; явилась вторая депутація, упала на колѣна, повторяя просьбу со слезами. Густавъ Ваза согласился и, когда пришелъ въ сеймъ, то, по словамъ лѣтописцевъ, представители горожанъ и поселянъ готовы были цѣловать его ноги. Сословія стали совѣщаться о его предложеніяхъ, каждое въ своемъ особомъ собраніи; потомъ эти предложенія были приняты всѣмъ сеймомъ и обнародованы на Ивановъ день 1527 года подъ именемъ Постановленія вестеросскаго сейма. Духовенство, увидѣвъ невозможность сопротивленія, покорилося необходимости. Прелаты объявили: «Мы согласны быть богатыми или бѣдными, какъ угодно будетъ королю; просимъ только при уменьшеніи нашихъ доходовъ освободить насъ отъ обязанности ѣздить на сеймъ».

Вестеросскій сеймъ постановлялъ: 1. Всѣ сословія обязаны противиться всякому мятежу, защищать государство отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ; 2. Королю предоставляется власть поступать по его усмотрѣнію съ монастырями и церковными имѣньями; 3. Дворяне имѣтъ право требовать возвращенія имъ тѣхъ имѣній, которыя перешли отъ нихъ во владѣніе церкви послѣ 1454 года; надобно только удостовѣреніе двѣнадцати свидѣтелей о томъ, что требующій возвращенія законный наслѣдникъ прежняго владѣльца; 4. Проповѣдники имѣютъ право учить чистому слову божію, и во всѣхъ школахъ должно быть читаемо Евангеліе.

На основаніи вестеросскаго постановленія Густавъ Ваза сталъ преобразовывать церковь; но производилъ это постепенно, осторожно; власть его теперь была упрочена, и въ знакъ того онъ (въ январѣ 1528) короновался.— Онъ началъ реформацію тѣмъ, что взялъ у епископовъ ихъ зámки, велѣлъ составить описи всѣмъ имѣньямъ и доходамъ церквей и монастырей. Монахи слагали съ себя иноческіе обѣты, монастыри пустѣли. Король конфисковалъ ихъ, бралъ имѣнья въ казну или раздавалъ дворянству. Браскъ и нѣкоторые другіе епископы уѣхали изъ государства, чтобы не видѣть этого. Олай Петри по порученію короля преобразовывалъ съ такою же осторожностью богослуженіе. Слѣдуя примѣру Лютера и Меланхтона, онъ оставилъ много католическихъ обрядовъ, не противорѣчившихъ Священному писанію; за эту уступчивость горячіе противники католичества сильно порицали его. Въ 1529 году былъ созванъ въ Эребро церковный соборъ для совѣщанія о средствахъ давать хорошее образованіе проповѣдникамъ и распространять въ народѣ знаніе религіозныхъ истинъ.

Тѣ изъ прежнихъ священниковъ, которые захотѣли и оказались способны учить народъ Евангелію, были оставлены на своихъ должностяхъ. Епископы, признавшіе реформацію, тоже сохранили свои должности и остались членами сейма, но были поставлены въ зависимость отъ короля, и власть ихъ была ограничена учрежденіемъ консисторій, которымъ была передана значительная часть церковной администраціи. Рѣдко переменѣнъ вѣроисповѣданія производилась такъ кротко. Политическихъ казней было много при Густавѣ Вазѣ, но за религію не былъ казненъ никто. Даже и удаленію отъ должностей подверглись не очень многіе. Несогласные съ реформаціею священники вообще были оставляемы на своихъ должностяхъ, только давались имъ помощники изъ молодыхъ людей, державшихся новаго вѣроисповѣданія.

Но при всей осмотрительности, съ какой производилось церковное преобразование, возникали попытки низвергнуть «тиранна и его лютеранскихъ приверженцевъ». Сборъ подати на уплату государственныхъ долговъ возбудилъ ропотъ въ Смоландіи и западной Готландіи. Этимъ воспользовался могущественный вельможа, горячій католикъ Туре Йонсонъ, бывшій вождемъ оппозиціи на вестеросскомъ сеймѣ. При содѣйствіи Магнуса, епископа скарскаго, и нѣсколькихъ вельможъ, онъ сталъ возбуждать народъ къ мятежу; агентами заговорщиковъ были монахи. Поселяне тѣхъ областей убили нѣсколькихъ королевскихъ чиновниковъ. Но горожане, чувствовавшіе необходимость законнаго порядка, большинство вельможъ, получившее церковныя земли, и поселяне сѣверныхъ областей остались вѣрны королю и не дали возстанію распространиться. Густавъ Ваза успокоилъ обманутую толпу разъясненіемъ дѣла и обѣщаніемъ прощенія. Нѣкоторые изъ возбудителей возстанія бѣжали за границу, нѣкоторые были казнены, другіе подвергнуты денежнымъ штрафамъ. Король говорилъ правду, увѣряя возставшихъ поселянъ, что всѣ его распоряженія по мірскимъ и церковнымъ дѣламъ дѣлаются съ единственной мыслью о благѣ отечества и что онъ не дѣлаетъ и не будетъ дѣлать ничего безъ согласія государственнаго совѣта и сейма. Онъ хотѣлъ возстановить рушившееся единство шведскаго народа, обезпечить національную независимость, приучить шведовъ къ законному порядку. Никакія препятствія и порицанія не отвращали его отъ этой цѣли. Желая освободиться отъ долговъ любекцамъ, онъ продалъ часть колоколовъ; вырученныя отъ продажи ихъ и находившіяся въ кассахъ церквей деньги онъ употребилъ на уплату долговъ.

Конфискація колоколовъ послужила поводомъ къ возстанію въ Далеккарліи. Вождемъ его былъ Мансъ Нильсонъ, богатѣйшій изъ владѣльцевъ рудниковъ Мѣдной горы, подковывавшій, какъ говорятъ, лошадей серебряными подковами. Король съ неожиданной быстротой привелъ войско въ Далеккарлію, созвалъ народъ на собраніе, окружилъ его войскомъ. Поселяне въ испугѣ упали на колѣна; онъ сказалъ имъ суровую рѣчь и

потребовалъ выдачи возмутителей. Поселяне выдали ихъ; пять человѣкъ изъ нихъ были тутъ же преданы суду и казнены. Другіе были отведены въ Стокгольмъ и въ слѣдующемъ году были казнены еще три человѣка. Одинъ изъ нихъ былъ Андрей Персонъ, зажиточный рагнеттскій поселянинъ, тотъ самый, работникомъ у котораго жилъ Густавъ Ваза, скрываясь отъ датчанъ.

Христіанъ II готовился къ нападенію и на Данію и на Швецію. При немъ находились бывшій архіепископъ uppsальскій Густавъ Тролле, епископы Браскъ и Магнусъ, другіе бѣжавшіе прелаты и вождь католическаго возстанія Туре Йонсонъ. Они бѣжали, захвативъ съ собою свои сокровища; Христіанъ при ихъ помощи снарядилъ много кораблей, набралъ много наемниковъ. Императоръ покровительствовалъ ему; всѣ паписты готовы были помогать ему, потому что онъ обѣщался возстановить католичество, когда покоритъ своихъ мятежныхъ подданныхъ. Окружавшіе его эмигранты имѣли тайныя сношенія съ шведской оппозиціей въ Даніи и Швеціи и составляли заговоры.

3. Реформація въ Даніи. Арестованіе Христіана II.

Фридрихъ I 1523—1533. Послѣ аугсбургскаго сейма нѣмецкіе католики хотѣли подавить протестантство въ Германіи военной силой. Это время показалось Христіану II благопріятнымъ для нападенія на Данію и Швецію.—Фридрихъ Гольштинскій еще до своего выбора въ санъ короля датскаго былъ уже расположенъ къ лютеранству, распространившемуся въ Гольштиніи; но принимая условія выбора, присягнулъ охранять права католической церкви. Вѣроятно, онъ надѣялся, что ходъ обстоятельствъ освободитъ его отъ этой присяги. Онъ соблюдалъ ее, не дѣлалъ ничего для введенія реформаціи въ Данію, потому что не могъ раздражать духовенство при постоянной опасности нападенія Христіана. Мужествомъ Фридрихъ далеко уступалъ Густаву Вазѣ, но былъ тоже человѣкъ умный и осмотрительный; усердія къ новому вѣроисповѣданію было у него больше, чѣмъ у Густава Вазы; но при невозможности нарушить присягу онъ довольствовался тѣмъ, что не мѣшалъ лютеранскимъ проповѣдникамъ переселяться изъ Гольштиніи въ Ютландію и учить народъ. Прелаты, собравшіеся на коронацію Фридриха, заключили между собою союзъ для сопротивленія ереси Лютера. Король не отваживался ссориться съ ними. Онъ расположилъ въ свою пользу любекцевъ, давъ имъ торговыя выгоды, отказался отъ мысли возстановить кальмарскую унію, заключилъ союзъ съ Густавомъ Вазой и мало по малу упрочилъ свою власть. Тогда онъ нашелъ возможнымъ дѣйствовать открыто. Введеніе реформаціи онъ считалъ, какъ и Густавъ Ваза, надобнымъ для того, чтобъ отнять у

вельможъ могущественную поддержку, какую находили они себѣ въ католическихъ церковныхъ сановникахъ. Слѣдуя примѣру Густава, онъ въ 1527 году предложилъ сейму, созванному въ Одензе, законъ, дававшій лютеранской проповѣди свободу до рѣшенія религіозныхъ дѣлъ вселенскимъ соборомъ. Епископы всѣми силами возстали противъ этого предложенія, но не могли помѣшать принятію его сеймомъ. Ходъ дѣла въ Швеціи расположилъ датскихъ вельможъ въ пользу реформаціи: имъ хотѣлось тоже обогатиться церковными имѣньями. Сеймъ постановилъ дать послѣдователямъ новаго вѣроисповѣданія свободу проповѣди и богослуженія, дозволить священникамъ жениться и рѣшилъ, что епископы будутъ получать утвержденіе въ должности отъ короля, а не отъ папы.

Реформація стала быстро распространяться. Миккельсенъ, бургомистръ города Мальмё, уже раньше того перевелъ новый завѣтъ на датскій языкъ; теперь былъ сдѣланъ новый переводъ лундскимъ каноникомъ Педерсеномъ. Таусенъ, сынъ поселянина, монахъ, учившійся богословію въ Лувенѣ и Кельнѣ, потомъ въ виттенбергскомъ университетѣ, и сдѣлавшійся горячимъ лютераниномъ, разѣзжалъ по Даніи, проповѣдуя евангельское ученіе. Нѣмецкія церковныя пѣсни были переведены на датскій языкъ, датскіе духовные поэты написали новыя; такимъ образомъ составилъ датскій сборникъ богослужебныхъ пѣсней. Переводъ псалмовъ, сдѣланный Ворморсеномъ, собраніе проповѣдей Педерсена пріобрѣли большую популярность. Предполагалось устроить религіозный диспутъ, но это не состоялось, потому что епископы хотѣли сдѣлать судьей спора папу. Возникали лютеранскія общины; сначала онѣ считались только принадлежащими къ терпимой сектѣ; но благодаря проповѣдямъ Таусена, въ Выборгѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ большинство населенія приняло реформацію и получило нѣкоторыя церкви для своего богослуженія. Въ Выборгѣ печатались лютеранскія книги. О королѣ всѣ знали, что онъ расположенъ къ реформаціи, но онъ не вмѣшивался въ дѣло, чтобы не раздражать епископовъ, велѣлъ по прежнему платитъ церковную десятину, запрещалъ выносить образа изъ церквей. Онъ не хотѣлъ вводить реформацію безъ согласія государственнаго совѣта. Въ іюнѣ 1530 совѣтъ занялся рѣшеніемъ религіознаго вопроса. Приверженцы реформаціи подали ему составленное Таусеномъ исповѣданіе вѣры въ лютеранскомъ духѣ. Совѣтъ далъ послѣдователямъ этого исповѣданія равноправность съ католиками.

Когда нѣмецкіе католики послѣ аугсбургскаго сейма стали готовиться къ нападенію на протестантовъ, Христіанъ II съ 20 кораблями и 7.000 наемниковъ отплылъ изъ нидерландской гавани Меденблика (24 октября 1531). Онъ хотѣлъ напасть на Копенгагенъ, но сильная буря въ Каттегатѣ отбросила его къ берегу Норвегіи. Фридрихъ желалъ бы присоединиться къ шмалькальденскому союзу; но еще не могъ ввести реформацію въ Даніи, потому курфирстъ саксонскій не хотѣлъ слышать о союзѣ съ нимъ. Съ нѣкоторыми другими протестантскими государями Германіи онъ заключилъ союзъ. Впрочемъ скоро увидѣлъ, что одолѣетъ Христіана и безъ иноземной помощи. Бывшій

король вышелъ на норвежскій берегъ у города Опсло (въ Христіаніи). Онъ выставлялъ себя защитникомъ католичества. Архіепископъ тронтегемскій Олафъ Энкельбрехтсонъ, другіе католическіе сановники и многіе вельможи Норвегіи признали его королемъ, и онъ продержался всю зиму въ замкѣ Аггергусъ. Но Фридрихъ получилъ денежную помощь отъ Франциска, враждебнаго Христіану, какъ родственнику императора, заключилъ союзъ съ Любекомъ и другими вендскими (восточными, ганзейскими) городами: нидерландцы были соперниками ихъ въ торговлѣ на Балтійскомъ морѣ, и если бы Христіанъ овладѣлъ Даніей, торговля въ ней перешла бы изъ рукъ ганзейцевъ къ нидерландцамъ. Потому Любекъ и другіе вендскіе города послали флотъ въ Скагерракъ; онъ въ маѣ (1532 года) осадилъ Опсло. Положеніе Христіана стало безнадежнымъ: нидерландскіе корабли не отваживались нападать на ганзейскій флотъ; наемники, не получая жалованья, разошлись. Число приверженцевъ Христіана въ Норвегіи было не такъ велико, чтобы выдержать борьбу съ любекцами и датчанами; Христіанъ вообразилъ, что окруженъ измѣнниками и велѣлъ казнить находившагося при немъ эмигранта, прежняго вождя шведской оппозиціи, гофмейстера Йонсона. Тѣснимый непріателемъ, онъ вступилъ въ переговоры, требовалъ, чтобъ ему была отдана Норвегія. Ему только дали свободный пропускъ къ его дядѣ Фридриху, для примиренія на личномъ свиданіи, и обѣщали, что если примиреніе не состоится, то ему будетъ дозволено возвратиться въ Норвегію или уѣхать въ Германію. Въ іюлѣ онъ подписалъ этотъ договоръ съ Гюльденстерномъ, начальникомъ датскаго флота, и отправился съ небольшою свитой въ Копенгагенъ. Но тамъ уже было рѣшено отнять у него возможность вредить. Его не выпустили на берегъ, держали на кораблѣ. Вулленвеберъ, представитель Любека, датскій государственный совѣтъ и шлезвигъ-гольштинскіе вельможи были согласны между собою въ томъ, что надобно арестовать его; споръ шелъ только о томъ, подъ чьимъ надзоромъ и гдѣ будетъ содержаться плѣнникъ, на островѣ Готландѣ или въ замкѣ Зондербургѣ.—Впослѣдствіи участники этого вѣроломства сваливали вину одинъ на другого; но всѣ они одинаково опозорили себя коварствомъ; извиненіемъ для нихъ могло служить только то, что они должны были обезпечить себя отъ дальнѣйшихъ коварствъ вѣроломнаго злодѣя.

Рѣшено было отправить Христіана въ Зондербургъ, назначить для надзора за нимъ четырехъ датскихъ и четырехъ гольштинскихъ вельможъ, безъ согласія которыхъ нельзя будетъ ни освободить его, ни перевести въ другое мѣсто. Онъ считался общимъ плѣнникомъ всѣхъ союзниковъ. Изъ свиты и прислуги его оставили ему только карлика. Фридрихъ назначилъ четырехъ надежныхъ челоѣкъ прислуживать ему и съ тѣмъ вмѣстѣ быть его тюремщиками. Въ замкѣ былъ поставленъ сильный отрядъ войска. У всѣхъ входовъ стояли часовые; въ комнатѣ Христіана было оставлено только одно окно. Коммендантъ замка, Брокдорфъ, былъ обязанъ повинно-

ваться приказаніямъ восьми вельможъ, назначенныхъ стеречь плѣнника, не исполнять приказаній короля безъ ихъ согласія. Всѣ просьбы императора и нѣмецкихъ государей объ освобожденіи Христіана остались напрасны. Единственный сынъ его Іоаннъ умеръ вскорѣ послѣ арестованія отца. Такимъ образомъ прежняя датская династія должна была прекратиться по смерти Христіана. Его держали подъ стражей 27 лѣтъ; строгость его заключенія была смягчена только въ послѣдніе годы.

4. Борьба за датскій престолъ. Вулленвеберъ.

Казалось, что побѣда надъ Христіаномъ вовлечетъ Фридриха въ новую войну. Онъ приобрѣлъ себѣ помощь любекцевъ предоставленіемъ большихъ привилегій ганзейской торговлѣ на Балтійскомъ морѣ и обѣщаніемъ не пропускать нидерландскихъ кораблей черезъ Зундъ. Это запрещеніе было тяжелымъ ударомъ для голландцевъ, привозившихъ себѣ хлѣбъ и нѣкоторые другіе необходимые товары изъ балтійскихъ гаваней. Еще во время войны хлѣбъ въ Голландіи страшно вздорожалъ; 10.000 матросовъ остались безъ дѣла. По взятіи Христіана въ плѣнъ, Фридрихъ не хотѣлъ исполнять договора съ любекцами во всей строгости; Густавъ Ваза и герцогъ прусскій поддерживали его въ этомъ намѣреніи. Любекцы думали воспользоваться ссорой съ нимъ для того, чтобы захватить владычество на Балтійскомъ морѣ; стали готовиться къ войнѣ, взяли для нея серебро изъ церквей; но еще до начала военныхъ дѣйствій Фридрихъ умеръ (10 апрѣля 1533). Смерть его произвела новыя ссоры.

Во первыхъ явился вопросъ о наслѣдованіи датскаго престола. Старшій сынъ Фридриха, Христіанъ, былъ уже совершеннолѣтнимъ; младшій, Іоаннъ,—еще только подростокъ юношей. Датскій сеймъ не хотѣлъ при жизни Фридриха рѣшить, который изъ нихъ будетъ наслѣдникомъ; вакантность престола давала сейму возможность расширять свои права при выборѣ короля. Христіанъ уже нѣсколько лѣтъ правилъ Шлезвигомъ и Гольштиніей, какъ намѣстникъ отца. Онъ считался усерднымъ лютераниномъ, потому католики были противниками его. Датскіе епископы интриговали въ пользу младшаго брата, жившаго въ Копенгагенѣ; они надѣялись, что внушатъ юношѣ усердіе къ католичеству. По ихъ интригамъ выборы были отложены до Иванова дня слѣдующаго года. Дѣло запуталось еще больше тѣмъ, что явились другіе претенденты на престолъ,—нѣмецкіе государи, родственные датской династіи: Фридрихъ Пфальцскій, братъ курфюрста Людвигъ, пожилой человѣкъ, получившій за свою преданность императору руку его племянницы Доротеи, 15 лѣтней дѣвушки; Іоахимъ,

курфирсть бранденбургскій, женатый на принцессѣ датской династіи, и курфирсть саксонскій. Горожане и поселяне вспоминали о находившемся въ темницѣ Христіанѣ, желали возстановленія его власти.

Этими раздорами хотѣлъ воспользоваться для выгодъ своего родного города Юргенъ Вулленвеберъ, умный и смѣлый человѣкъ, бывшій въ то время любекскимъ бургомистромъ и умѣвшій увлекать простолюдиновъ своимъ краснорѣчіемъ. Онъ надѣялся доставить Любеку владычество надъ скандинавскими государствами, помогая горячимъ протестантамъ въ нихъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, въ 1530 году, въ Любекѣ была произведена политическая реформа демократическаго характера: въ городской совѣтъ, состоявшій исключительно изъ знатныхъ гражданъ, были назначены новые члены изъ простолюдиновъ, и совѣтъ былъ поставленъ подъ контроль многочисленнаго комитета, избираемаго гражданами. Вулленвеберъ принималъ сильное участіе въ этомъ переворотѣ. Въ 1533 году онъ былъ выбранъ въ члены городского совѣта. Онъ провелъ рѣшеніе, что отмѣняется пожизненность должности членовъ совѣта, что они избираются только на два года. Его вліяніе стало преобладающимъ. Досадуя на демократическія нововведенія, бургомистръ Брѣмсе и многіе граждане уѣхали изъ города. Масса гражданъ принимала всѣ мнѣнія Вулленвебера. Помощниками его были Ольдендорпъ, даровитый юристъ, и Маркъ Мейеръ, бывшій прежде кузнецомъ, сдѣлавшійся воиномъ, отличившійся храбростью, женившійся на богатой вдовѣ и ставшій начальникомъ любекской милиціи. Мейеръ увлекался отважными замыслами и вовлекалъ въ нихъ Вулленвебера. Первымъ условіемъ возможности ихъ осуществленія было прекращеніе войны вендскихъ городовъ съ нидерландскими. По предложенію Вулленвебера былъ назначенъ въ мартѣ 1534 съѣздъ уполномоченныхъ въ Гамбургѣ; миръ былъ заключенъ. Любекъ получилъ свободу обратить всѣ свои силы на пріобрѣтеніе владычества надъ Даніей. Противники Вулленвебера были устранены изъ городского совѣта. Вулленвеберъ вошелъ въ сношенія съ бургомистромъ копенгагенскимъ Бокбиндеромъ и бургомистромъ мальмёскимъ Кохомъ, нѣмцами, подобно ему ненавидѣвшими аристократію и преданными протестантству. Вулленвеберъ условился съ ними, что Копенгагенъ и Мальмё будутъ присоединены къ ганзейскому союзу, получатъ демократическое устройство, и что въ нихъ будетъ введено протестантское богослуженіе. Вулленвеберъ пріобрѣлъ сообщниковъ себѣ и въ Швеціи. Онъ былъ враждебенъ Густаву Вазѣ, хотѣвшему отнять у Любека владычество надъ торговлей въ Швеціи, Бокбиндеръ и Кохъ хотѣли освободить Христіана II; Вулленвеберъ согласился помогать этому.

Нужно было взять на любекскую службу много наемниковъ, найти опытнаго полководца. Онъ нашелся; это былъ Кристофъ, графъ ольденбургскій, родственникъ датской династіи, храбрый воинъ, слу-

жившій то императору, то ландграфу гессенскому, равнодушный къ религіи, хотя и называвшій себя протестантомъ. Онъ охотно согласился помогать освобожденію своего родственника, Христіана. Для дѣйствій въ Швеціи былъ пріисканъ другой полководецъ Йоганнъ, графъ гойскій (von Ноуа), женатый на сестрѣ Густава Вазы и поссорившійся съ нимъ. По Даніи и по Швеціи распространялось волненіе; готовилась борьба за то, кому владычествовать, аристократамъ и государямъ или горожанамъ.

Въ іюнѣ 1534 графъ Кристофъ отплылъ изъ Любека съ сильнымъ войскомъ взять Копенгагенъ. Проѣзжая мимо Мальмё, онъ услышалъ, что бургомистръ Мюнтеръ, союзникъ любекцевъ, освободилъ городъ отъ королевской власти и овладѣлъ цитаделью. Копенгагенъ сдался Кристофу; онъ быстро овладѣлъ всей Зеландіей. Горожане и мелкіе дворяне были за него. Государственный совѣтъ, опасаясь возстанія поселянъ, заключилъ съ нимъ миръ. Сборъ зундской пошлыны сталъ производиться на любекскомъ адмиральскомъ кораблѣ. Поселяне острова Фюэна (Фіоніи) побѣдили своихъ вельможъ и графа Ранцау, приплывшаго съ гольштинскимъ дворянскимъ войскомъ на помощь фюэнскому дворянству. Въ Ютландіи поселяне возстали противъ своихъ господъ. Дитмарши, за десять лѣтъ передъ тѣмъ сжегшіе протестантскаго проповѣдника Моллера, но теперь обращенные въ лютеранство мельдорфскими священниками, принадлежавшими къ фамиліи Бойе, обѣщали помогать Кристофу и любекцамъ, введившимъ въ Данію реформацію. Въ Стокгольмѣ былъ открытъ заговоръ, участниковъ котораго обвиняли въ намѣреніи убить короля и сдать городъ любекцамъ. Мейеръ былъ въ сношеніяхъ съ Генрихомъ VIII. Говорятъ, что Вулленвеберъ велъ переговоры съ анабаптистами. Но обширность его замысловъ превышала силы Любека, интересы его союзниковъ были не одинаковы. Революціонный способъ его дѣйствій соединилъ противъ него всѣхъ консерваторовъ.

Нашелся государь, около котораго могли сплотиться они,—Христіанъ, старшій сынъ покойнаго короля датскаго, правившій Гольштиніей. Онъ былъ человѣкъ очень осмотрительный, принимавшійся за дѣло не торопливо и дѣйствовавшій тѣмъ успѣшнѣй. Притомъ онъ былъ очень добросовѣстенъ. Онъ хотѣлъ получить престолъ только честнымъ образомъ, не интриговалъ для привлеченія членовъ государственнаго совѣта на свою сторону, отказался принять помощь, предложенную ему любекцами. Датскіе протестанты могли вполне положиться на него, потому что онъ былъ очень усерднымъ лютераниномъ, любилъ читать Библію, бесѣдовать за столомъ съ богословами. Дворянство Шлезвига и Гольштиніи, пользовавшееся полнымъ его довѣріемъ и преданное ему, твердо рѣшилось поддерживать его права на датскій престолъ. Главными его совѣтниками были гольштинскіе вельможи: Йоганъ Ранцау, человѣкъ образованный,

усердный лютеранинъ, родственникъ Йоганна, Мельхіоръ Ранцау, маршалъ гольштинскій, и канцлеръ Уттенгофенъ, нѣмецъ. Они отклонили Христіана отъ всякихъ сношеній съ Вулленвеберомъ. Датчане и норвежцы были сначала не расположены къ нему, но демократическое движеніе, поднятое въ Даніи Вулленвеберомъ, принудило вельможъ искать опоры себѣ въ человѣкѣ, котораго масса народа, не знавшая законовъ, считала имѣющимъ наслѣдственное право на престолъ. Датскіе вельможи примирились съ мыслью о неизбежности введенія реформациі, начали переходить на сторону Христіана. Въ Норвегіи тоже ослабѣвала оппозиція выбору его. Онъ началъ войну съ Любекомъ; разбилъ въ октябрѣ 1534 года Марка Мейера въ сраженіи при Стокельсдорфѣ, осадилъ Любекъ, отрѣзалъ его отъ моря, построивъ мостъ ниже его черезъ рѣку Траву. Горожане упали духомъ. Чтобы не быть низвергнутымъ, Вулленвеберъ заключилъ договоръ, по которому Любекъ возвратилъ Христіану Эйтинъ и всѣ свои завоеванія въ Гольштиніи, а онъ снялъ осаду. Но къ датскимъ дѣламъ договоръ не относился; война въ Даніи продолжалась. Она, по титуламъ графа Кристофа ольденбургскаго и графа гойскаго называется графскою. Графъ Кристофъ вовсе не хотѣлъ быть только орудіемъ Вулленвебера, онъ рассчитывалъ стать королемъ или по крайней мѣрѣ правителемъ Даніи, вошелъ въ переговоры съ императоромъ. Ссора съ Кристофомъ ослабила Вулленвебера, но не отняла мужества у него и его помощниковъ. Мейеръ отправился въ Сконию, былъ тамъ арестованъ, отведенъ подъ стражу въ замокъ Варбургъ, но сумѣлъ повернуть дѣло такъ, что овладѣлъ этимъ замкомъ. Вулленвеберъ внушилъ родственнику Христіана II, Альбрехту, герцогу мекленбургскому, надежду стать правителемъ Даніи отъ имени плѣннаго короля. Альбрехтъ въ апрѣлѣ 1535 отплылъ въ Данію; графъ гойскій, принужденный Густавомъ Вазой удалиться изъ Швеціи, приплылъ въ Копенгагенъ съ отрядомъ войска. Получивъ извѣстіе, что на Фюэнѣ признанъ королемъ Христіанъ III, Альбрехтъ и графъ гойскій поплыли туда, но были (11 іюня) разбиты Йоганномъ Ранцау. Многіе нѣмецкіе вельможи, въ томъ числѣ графъ гойскій, командовавшій въ этомъ сраженіи, были убиты. Альбрехтъ съ остаткомъ войска возвратился въ Копенгагенъ. Вскорѣ послѣ того переплылъ изъ Ютландіи въ Зеландію Христіанъ III; зеландскіе вельможи встрѣтили его съ восторгомъ. Онъ осадилъ Копенгагенъ. Но городъ былъ хорошо укрѣпленъ, имѣлъ сильный гарнизонъ, большіе запасы хлѣба и упорно оборонялся. Вулленвеберъ пріѣхалъ туда ободрять гражданъ.

Но межъ тѣмъ какъ онъ дѣлалъ поѣздки по военнымъ надобностямъ, противники низвергли власть его въ Любекѣ. Имперскій камеральный судъ прислалъ повелѣніе возстановить прежнее городское устройство, возвратитъ должности изгнаннымъ или бѣжавшимъ чле-

намъ городского совѣта. На съѣздѣ депутатовъ ганзейскихъ городовъ въ Люнебургѣ, многіе порицали честолюбивые замыслы любекцевъ; въ самомъ Любекѣ большинство гражданъ было утомлено пожертвованіями, какимъ подвергла городъ война. Вулленвеберъ искалъ союзниковъ, велъ переговоры съ нѣмецкими протестантскими государями. Но въ Любекѣ рѣшено было повиноваться повелѣніямъ имперскаго суда. Въ августѣ 1535 комитетъ, контролировавшій дѣйствія правительственнаго совѣта, былъ уничтоженъ; былъ восстановленъ городской совѣтъ въ прежнемъ составѣ. Было послано прежнему бургомистру Брёмсе приглашеніе возвратиться.—Вулленвеберъ, возвратившись, увидѣлъ, что его противники одолѣли, и сложилъ съ себя должность бургомистра. Она была отдана Брёмсе.—Паденіе Вулленвебера имѣло результатомъ прекращеніе войны. Правда, любекцы не совершенно перестали помогать Кристофу и Альбрехту, защищавшимъ Копенгагенъ, но посылали корабли въ копенгагенскую гавань лишь для того, чтобы получить выгодныя условія мира. Онъ былъ заключенъ въ февралѣ слѣдующаго (1536) года въ Букстегудѣ. Любекъ призналъ Христіана III королемъ датскимъ, обѣщался не помогать его соперникамъ; король подтвердилъ всѣ торговыя привилегіи и обѣщался не наказывать копенгагенскихъ инсургентовъ, дать Кристофу съ его войскомъ свободный пропускъ.

Въ это время Вулленвеберъ ужъ находился въ темницѣ. Осенью 1535 онъ поѣхалъ къ устью Эльбы, гдѣ полководецъ графа Кристофа Овелакеръ собралъ 2.000 наемниковъ. Вулленвеберъ хотѣлъ перевезти ихъ въ Копенгагенъ. Но архіепископъ Бременскій арестовалъ его и выдалъ ожесточенному врагу его, своему брату Генриху, герцогу вольфенбюттельскому. Было рѣшено казнить плѣнника. Вулленвебера держали подъ строгимъ карауломъ въ замкѣ Ротенбургѣ; пытали его и обнародовали «Признаніе Георга Вулленвебера, ужасное для чтенія и слушанія». Въ этомъ документѣ, наполненномъ ложью, говорилось, что Вулленвеберъ сознался въ намѣреніи привести въ Любекъ отрядъ ландскнехтовъ и учредить тамъ демократическое правленіе въ духѣ мюнстерскихъ анабаптистовъ. Этотъ лживый документъ былъ обнародованъ послѣ свиданія Брёмсе и Христіана III съ герцогомъ Генрихомъ. Вулленвебера отвезли въ замокъ Штейнбрюкъ (между Брауншвейгомъ и Гильдесгеймомъ), держали его тамъ больше года въ мрачной тюремной кельѣ. Наконецъ назначили комиссію для суда надъ нимъ; она засѣдала въ Толленштейнѣ (близъ Вольфенбюттеля). Обвинителями Вулленвебера выступили не одни датчане, но и любекцы. Онъ твердо говорилъ, что никогда не имѣлъ измѣнническихъ замысловъ, никогда не былъ въ сношеніяхъ съ анабаптистами. Судъ постановилъ приговоръ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Наша честная земля находитъ справедливымъ, чтобы не осталось безнаказаннымъ сдѣланное имъ». Ему отрубили голову, тѣло его четвертовали и ко-

лесовали (24 сентября 1537). Его преступленіе состояло въ томъ, что онъ былъ уменъ и отваженъ.

Помощникъ Вулленвебера Мейеръ погибъ раньше его. Человѣкъ рѣдкой храбрости, онъ отражалъ всѣ нападенія на замокъ Варбургъ, пока оставалось у него сообщеніе съ моремъ и братъ его Гергардъ подвозилъ ему хлѣбъ; но по заключеніи мира между Любекомъ и Даніей датская эскадра отрѣзала подвозъ хлѣба. Голодъ принудилъ гарнизонъ сдаться (27 мая 1536). По одному извѣстію, датчане обѣщали отпустить Мейера свободнымъ, по другому—не было дано ему никакого обѣщанія. Какъ бы то ни было его заковали въ цѣпи, предали военному суду, пытали, осудили на смерть, четвертовали и колесовали. Многіе изъ его офицеровъ тоже были казнены. Брата его Гергарда датскіе судьи нашли невиновнымъ ни въ чемъ; но явились любекскіе депутаты и объявили его виновнымъ въ морскомъ разбоѣ. Былъ казненъ и онъ. Голову его послали его невѣстѣ въ Гельсингѣръ.

Въ средніе вѣка, при феодальной раздробленности государствъ на множество мелкихъ владѣній, могли пріобрѣтать владычество надъ цѣлыми государствами могущественные города, какъ напримѣръ Венеція, Генуя, или союзы городовъ, какъ напримѣръ Ганза. Но эти времена прошли, феодалы сплотились около королей, помогали имъ устраивать монархическія государства. Замыселъ Вулленвебера не могъ осуществиться при новомъ положеніи дѣлъ.

5. Окончательное установленіе реформаци въ скандинавскихъ государствахъ.

Мы говорили, что по заключеніи мира между Любекомъ и Христіаномъ III война въ Даніи еще продолжалась. Копенгагенъ и Мальмё упорно сопротивлялись. Кристофъ и Альбрехтъ не хотѣли мириться. У нихъ еще оставались довольно большія средства. Императоръ и Фердинандъ помогали имъ, надѣясь, если не возстановить власть плѣннаго короля, то доставить управленіе Даніей зятю его Фридриху пфальцскому и облегчить его тяжелую судьбу. Императоръ въ апрѣлѣ 1536 потребовалъ отъ Христіана III, котораго называлъ только герцогомъ гольштинскимъ, чтобъ онъ прекратилъ военныя дѣйствія и не нарушалъ чужихъ правъ. Христіанъ вербовалъ наемниковъ, ожидая нападенія императора; но война съ Франціей заняла всѣ силы Карла. Его угроза войной Христіану имѣла впрочемъ довольно важный результатъ: Олуфъ Энгельбрехтсенъ, архіепископъ тронтгемскій, хотѣлъ передъ тѣмъ временемъ признать Христіана королемъ норвежскимъ, теперь снова сталъ враждовать противъ него, и раздоры

въ Норвегіи увеличились.—Но Мальмё и Стокгольмъ, изнуренные осадой, желали мира. Въ апрѣлѣ 1536 граждане Мальмё покорились Христіану, обѣщавшемуся уважать ихъ прежнія права. Копенгагенцы то же требовали примиренія; мятежъ, поднятый ими противъ Кристофа, былъ подавленъ его наемниками. Но черезъ нѣсколько времени онъ самъ увидѣлъ невозможность продолжать оборону города, и 26 іюля 1536 заключенъ былъ договоръ, по которому копенгагенцы признали Христіана III своимъ королемъ, а онъ утвердилъ за ними всѣ ихъ прежнія права и свободу протестантскаго богослуженія, далъ свободный пропускъ Кристофу и Альбрехту съ ихъ наемниками. Король вступилъ 6 августа торжественной процессіей въ Копенгагенъ. Власть его была теперь упрочена въ Даніи, и онъ могъ открыто вести дѣло о замѣнѣ католичества протестантствомъ. По соглашенію съ государственнымъ совѣтомъ, онъ въ томъ же мѣсяцѣ велѣлъ арестовать всѣхъ епископовъ, конфисковать церковныя имѣнья, и созвалъ сеймъ, въ который не допустилъ духовенство и призвалъ депутатовъ горожанъ и поселянъ. Сеймъ принялъ 30 октября рѣшеніе ввести реформацію, отмѣнилъ власть епископовъ, отдалъ королю церковныя имѣнья и третью часть церковной десятины, оставивъ двѣ трети ея на содержаніе церквей и духовенства. Послѣ того король и сеймъ заключили между собой новый договоръ, по которому расширялись права дворянства. Сеймъ постановилъ, что Норвегія должна считаться не особымъ государствомъ, а частью датскаго королевства, и далъ королю обѣщаніе, что послѣ него будетъ выбранъ королемъ который нибудь изъ его сыновей.

Введеніе реформациі принесло наибольшую выгоду дворянству, получившему значительную часть конфискованныхъ церковныхъ имѣній, но было полезно и для массы народа. Въ городахъ уже раньше того большинство населенія приняло лютеранство. Были подготовлены къ его принятію и поселяне. Король пригласилъ въ Данію Бугенгагена, подъ руководствомъ котораго было организовано лютеранское устройство церкви въ Любекѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ сѣвернаго края Германіи. Бугенгагенъ короновалъ короля (12 августа 1537), рукоположилъ вмѣсто прежнихъ епископовъ семь новыхъ церковныхъ сановниковъ, за которыми сохраненъ былъ епископскій титулъ, но власть которыхъ была лишь такая же, какъ порученная въ другихъ лютеранскихъ земляхъ суперъ-интендентамъ. Изъ прежнихъ епископовъ нѣкоторые покорились волѣ короля и получили приличное содержаніе, нѣкоторые уѣхали изъ государства. Іоахимъ Рённовъ Ротшильдъ, человѣкъ очень честолюбивый, не хотѣвшій покориться и казавшійся опаснымъ, не былъ освобожденъ и провелъ весь остатокъ жизни въ темницѣ. Монастыри были секуляризованы, часть ихъ доходовъ пошла на основаніе школъ и благотворительныхъ заведеній, на увеличеніе денежныхъ средствъ университетовъ.

Такимъ образомъ Данія въ умственной своей жизни сблизилась съ протестантской Германіей одинаковостью вѣроисповѣданія, и вскорѣ послѣ введенія реформаціи король присоединился къ шмалькальденскому союзу.—Могущество духовенства исчезло; евангелическіе священники находились въ зависимости отъ короля и отъ землевладѣльцевъ, по произволу назначавшихъ приходскихъ священниковъ въ своихъ имѣніяхъ.

Для Норвегіи было унизительно рѣшеніе копенгагенскаго сейма, отнимавшее у нея самостоятельность и особый государственный совѣтъ; потому должно было опасаться, что архіепископъ тронтгемскій, горячій противникъ лютеранина Христіана III, угрожавшій смертью его приверженцамъ, сносившійся съ императоромъ и сторонниками Христіана II, подыметъ возстаніе. Но когда въ апрѣлѣ 1537 новый король приплылъ въ Бергенъ, Энгельбрехтсенъ увидѣлъ, что не можетъ противиться ему, забралъ всѣ деньги изъ церквей столицы и уплылъ въ Нидерланды. Свободные поселяне сочувствовали реформациі; она теперь была мирно введена въ Норвегіи. Церковныя имѣнья были взяты въ казну; санъ архіепископа отмѣненъ. Но изнуренная беспорядками Норвегія долго оставалась слаба.

Въ Исландіи введеніе реформаціи совершено было менѣе мирнымъ путемъ. Епископъ скальгольтскій Гиссеръ Эйнарсенъ постепенно ввелъ въ своей епархіи лютеранское богослуженіе по датскому образцу; но въ 1548 году онъ умеръ; епископъ голумскій Аресенъ силой захватилъ власть въ скальгольтской епархіи, возстановилъ въ ней католическое богослуженіе, не поѣхалъ по вызову короля къ отвѣту въ Копенгагенъ, арестовалъ назначеннаго епископомъ (или суперъ-интендентомъ) Мартена Эйнарсена. Исландскій намѣстникъ получилъ приказаніе арестовать его. Онъ и два его сына были схвачены усердными лютеранами, приведены въ Скальгольтъ и въ ноябрѣ 1550 казнены какъ мятежники. Но приверженцы его взялись за оружіе, убили нѣсколькихъ судей и чиновниковъ. Въ Исландію было послано войско, усмирило возстаніе католиковъ, и въ 1554 было введено во всей Исландіи лютеранское богослуженіе.

Власть Христіана III въ Даніи долго оставалась шаткой; часто ему приходилось готовиться къ оборонѣ отъ нападений габсбурговъ, считавшихъ обязанностью чести доставить власть надъ Даніей родственнику Христіана II пфальцграфу Фридриху; угрозъ было много, но до войны дѣло не дошло.

Въ 1554 году былъ наконецъ заключенъ въ Шпейерѣ договоръ, прекратившій споръ за датскую корону. Христіанъ III далъ приданое племянникамъ императора, пфальцграфинѣ Доротеѣ и супругѣ герцога лотарингскаго Християнѣ. Христіанъ II отказался отъ притязаній на Данію и Швецію, былъ освобожденъ изъ-подъ стражи и провелъ остатокъ жизни въ Каллундборгѣ, пользуясь личной свободой; онъ умеръ 24 января 1559. Нѣсколько раньше его, 1 января, умеръ Христіанъ III.

Около времени заключенія шпейерскаго мира, Христіанъ III далъ своимъ братьямъ удѣлы въ Шлезвигѣ, Іоанну—Гадерслебенъ, Адольфу—Готторпъ, оставивъ за собой Зондербургъ. Въ августѣ 1548 императоръ далъ имъ инвеституру на владѣніе герцогствомъ гольштинскимъ, къ составу котораго они и онъ причисляли землю дитмаршей. Но эти храбрые поселяне отказывались повиноваться герцогской власти. Преемникъ Христіана III, Фридрихъ II, и герцогъ Адольфъ пошли на нихъ; военными дѣйствіями управлялъ Іоганнъ Ранцау. Въ іюнѣ 1559 дитмарши были послѣ мужественной обороны разбиты въ сраженіи близъ главнаго своего селенія Гейде; 3.000 ихъ легло на полѣ битвы. Уцѣлѣвшіе просили мира. Король, герцогъ и вельможи совѣщались, не лучше ли будетъ истребить весь народъ непокорныхъ поселянъ; но разсудили, что на это понадобится бы много времени и согласились дать имъ пощаду. Ихъ самоуправленіе было уничтожено; они были принуждены сами построить три крѣпости, которыя будутъ удерживать ихъ въ порабощеніи. Они должны были уплатить вознагражденіе за военные расходы и были обложены податью. Ранцау даже говорилъ, что надобно обратить ихъ въ крѣпостное состояніе. Они умолили избавить ихъ отъ этого, но были отданы подъ полный произволъ чиновниковъ. Ихъ вынудили признать себя преступными мятежниками, стать на колѣна съ просьбой о прощеніи. Нѣсколько времени возникали у нихъ слабыя попытки возобновить сопротивленіе, но вскорѣ совершенно прекратились. Главное государственное датское знамя (Danebrog), взятое дитмаршами при побѣдѣ надъ королемъ Іоанномъ, и всѣ другіе трофеи прежнихъ побѣдъ ихъ надъ королями датскими и герцогами гольштинскими были перевезены въ Копенгагенъ. Старое нѣмецкое право, свободныя учрежденія котораго сохранялись у дитмаршей, было уничтожено, замѣнено полно-властіемъ герцогскихъ правителей.

Главными дѣятелями всего похода противъ дитмаршей были Іоганнъ Ранцау и его сынъ Генрихъ. Они описали эту войну, отецъ на нѣмецкомъ языкѣ, сынъ на латинскомъ.

Когда Іоганъ Ранцау повелъ войско на дитмаршей, Христіана III уже не было въ живыхъ; онъ постоянно сдерживалъ воинственные замыслы своихъ братьевъ и вельможъ. Вообще онъ предпочиталъ войнамъ переговоры, доставившіе ему столько успѣховъ. Когда по окончаніи войны за датскій престолъ стала угрожать Христіану III ссора со Швеціей, онъ поѣхалъ на личное свиданіе съ Густавомъ Вазой и покончилъ непріятности брѣмсеброскимъ миромъ (въ сентябрѣ 1541). Когда потомъ Густавъ Ваза разсердился на то, что Христіанъ принялъ въ свой гербъ три короны (то-есть кромѣ датской и норвежской, шведскую) онъ объявилъ, что это лишь историческое воспоминаніе о кальмарской уніи (впрочемъ не разсѣялъ подозрѣнія

Густава, что онъ имѣетъ замыселъ овладѣть Швеціей). Въ послѣдніе годы онъ занимался болѣе всего церковными реформами и развитіемъ просвѣщенія. Копенгагенскій университетъ былъ какъ бы вновь основанъ при немъ; онъ самъ посѣщалъ иногда лекціи знаменитыхъ профессоровъ. Подобно вѣроисповѣданію, наука въ Даніи была заимствована при немъ изъ Германіи.—Онъ такъ упрочилъ свою династію, что при его смерти не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ выборѣ старшаго сына его, Фридриха, королемъ.

Фридрихъ II

1559—1588.

При Фридрихѣ II и его преемникахъ самостоятельность Даніи упрочивалась, торговое преобладаніе Любека и другихъ ганзейскихъ городовъ, потерпѣвшее тяжелый ударъ отъ разрушенія плановъ Вулленвебера, продолжало падать. Прежнія привилегіи ганзейцевъ были отмѣнены; ихъ корабли были обложены пошлиной въ Кронборгѣ (Гельсингёрѣ), какъ и въ шведскихъ гаваняхъ; нидерландскіе города получили участіе въ торговлѣ на Балтійскомъ морѣ, стали опасными соперниками ганзейцевъ. Датскіе и шведскіе приморскіе города тоже стали соперниками ганзейскихъ. Привилегіи ганзейской общины, существовавшей въ Бергенѣ, были уничтожены. Большимъ урономъ для ганзейцевъ было то, что перестала появляться у береговъ Скони сельдь, ловля которой находилась въ ихъ рукахъ. Торговля и промышленность датчанъ развивались; среднее сословіе пріобрѣтало съ благосостояніемъ чувство собственнаго достоинства и образованность.—Реформація принесла большую пользу Даніи; имѣла впрочемъ и нѣкоторыя дурныя послѣдствія. Вельможи обогатились полученіемъ церковныхъ земель и могущество аристократіи возросло. Государственный совѣтъ, состоявшій изъ ея представителей сильно ограничивалъ королевскую власть. Новая церковь находилась въ полной зависимости отъ короля и вельможъ. Каждый крупный землевладѣлецъ раздавалъ по своему усмотрѣнію священническія должности въ своихъ владѣніяхъ (имѣлъ церковный патронатъ). Власть землевладѣльца надъ священникомъ была такъ велика, что въ 1570 году одинъ изъ патроновъ, Люкке, казнилъ священника. Вельможи были свободны отъ податей, пользовались другими большими привилегіями, были судьями своихъ подданныхъ.

Ходъ дѣлъ въ Швеціи былъ приблизительно такой же, какъ въ Даніи. По вестеросскому постановленію дворяне получили право требовать возвращенія тѣхъ имѣній, которыя перешли изъ ихъ рода въ церковное владѣніе. Законность наслѣдованія они должны были доказывать удостовѣреніемъ 12 свидѣтелей; но это условіе не соблюдалось, судьи и при недостаткѣ доказательствъ признавали притязанія законными. Король въ 1538 году писалъ члену государственнаго совѣта Гюлленширнѣ: «Ты и твои товарищи поступаете такъ, какъ будто нѣтъ ни закона, ни короля; захватывать имѣнія и другую собственность церкви, къ этому всѣ склонны и готовы, потому-то

всѣ вы усердны къ Евангелію».—Онъ издалъ повелѣніе, что никто не можетъ брать церковнаго имѣнія безъ утвержденія его права на это королемъ, и потребовалъ возвращенія неправильно захваченныхъ имѣній въ казну. Но и это повелѣніе не исполнялось. Опасности, угрожавшія Густаву отъ иноземныхъ враговъ, не позволяли ему вступать въ серьезную борьбу съ вельможами. Такимъ образомъ церковныя имѣнія переходили въ ихъ руки. Положеніе поселянъ ухудшалось при этомъ переходѣ. Дворяне облагали своихъ новыхъ подданныхъ податями и повинностями тяжеле тѣхъ, какія брала съ нихъ церковь. Притѣсненія землевладѣльцевъ и обременительность налоговъ, какихъ требовалъ король для покрытія военныхъ расходовъ, производили мятежи. Особенно силенъ былъ тотъ, который вспыхнулъ въ южной части государства въ 1542 году. Нильсъ Даке смоландскій поселянинъ, бѣжавшій въ лѣсъ отъ наказанія за убійство, сталъ вождемъ инсургентовъ. Число ихъ быстро возросло до нѣсколькихъ тысячъ; изъ Смоландіи возстаніе распространилось по западной и по восточной Готландіи, по Сюдерманландіи; густые лѣса служили защитой инсургентамъ; они нападали на землевладѣльцевъ и королевскихъ чиновниковъ; ихъ возбуждали католическіе священники. Инсургенты снова провозгласили королемъ Сванте Стуре. Но пфальцграфъ надѣялся, что дѣло повернется въ его пользу, и далъ Нильсу Даке дворянство. Габсбурги поддерживали возстаніе. Оно длилось больше года. Въ Смоландіи и на Эландѣ Даке былъ сильнѣе короля. Густавъ Ваза дѣйствовалъ и теперь тѣмъ же способомъ, какъ при прежнихъ мятежахъ: успокаивалъ возставшихъ простолюдиновъ обѣщаніемъ прощенія, строго требовалъ отъ землевладѣльцевъ и своихъ чиновниковъ, чтобъ они поступали справедливо и кротко, дѣйствовалъ противъ мятежниковъ энергически. Для предотвращенія нападеній Габсбурговъ онъ вступилъ въ союзъ съ Францискомъ I. Благодаря всему этому, онъ лѣтомъ 1543 одолѣлъ инсургентовъ. Даке, покинутый всѣми, бѣжалъ въ блекингскіе лѣса; по однимъ извѣстіямъ, онъ былъ убитъ тамъ, по другимъ уѣхалъ въ Германію.

Мятежи показывали Густаву Вазѣ, что необходимо прекратить притязанія претендентовъ на престолъ установленіемъ наслѣдственности короны. Первая жена Густава Екатерина, принцесса лауэнбургская, сестра супруги Христіана III, родила сына (13 декабря 1533), названнаго Эрикомъ. Черезъ нѣсколько времени Екатерина умерла. Густавъ женился (въ 1536 году) на дочери одного изъ казненныхъ Христіаномъ II вельможъ, Маргаретѣ. Отъ нея у него родились двое сыновей, Іоаннъ и Карлъ. На собраніи въ Эребро сеймъ призналъ 4 января 1540 года престолъ наслѣдственнымъ въ династіи Вазы, а 13 января 1544 на собраніи въ Вестеросѣ призналъ Эрика наслѣдникомъ престола. Густавъ первоначально основалъ свое право не на одной милости Божіей, но съ тѣмъ вмѣстѣ и на выборѣ народа;

теперь онъ сталъ придавать почти исключительное значеніе милости Божіей и велѣлъ духовенству проповѣдывать ученіе о власти въ этомъ духѣ. Густавъ дѣйствовалъ для упроченія и расширенія королевской власти удивительно умно. Онъ не могъ устранить преобладающее вліяніе дворянства на дѣла, отмѣнить права государственнаго совѣта, но непрерывно старался увеличить свое могущество. Для этого онъ возвращалъ въ казну все, какія могъ, имѣнья короны и католической церкви, захваченныя дворянами; число дворовъ, принадлежащихъ коронѣ, дошло при немъ до 2.500; онъ взялъ въ казну большую часть сокровищъ католической церкви, велъ громадную торговлю продуктами Швеціи, въ особенности металлами. Онъ оставилъ своему преемнику четыре обширные подвала, наполненные серебромъ, и множество складовъ наполненныхъ товарами. Онъ отмѣнялъ все привилегіи, бралъ въ казну, какъ мы говорили, все имѣнья, какія могъ; онъ объявилъ коронной собственностью невоздѣланныя мѣстности, рѣки, озера, рудники, лѣса со всеми принадлежностями ихъ, и отдавалъ все это въ аренду; онъ увеличилъ налоги, чтобъ имѣть средства содержать большое войско. Его управленіе имѣло патріархальный характеръ, и онъ прямодушно объяснялъ свои дѣйствія народу, давалъ отчетъ въ нихъ ему, а не только сейму: собравшимся на ярмаркахъ онъ очень часто говорилъ рѣчи о томъ, почему необходимы сдѣланныя имъ распоряженія, прибавляя, что готовъ исправить все ошибочныя свои мѣры, прося указывать ему ошибки, а не браться за оружіе. Онъ былъ очень краснорѣчивъ и умѣлъ говорить понятно для простолюдиновъ. Часто онъ издавалъ и манифесты съ такими же разъясненіями, любилъ указывать въ нихъ на спокойствіе, которымъ смѣнилась прежняя анархія, на водворившуюся безопасность труда и пріобрѣтеннаго трудомъ благосостоянія. Народъ, вообще говоря, отдавалъ справедливость его управленію, любилъ его за прямодушіе, уважалъ за хорошее хозяйство во дворцѣ и въ коронныхъ имѣніяхъ.

Густавъ внушалъ своимъ сыновьямъ: „Внимательно обдумывайте дѣло и принявъ рѣшеніе быстро исполняйте его, не отлагайте до завтра. Намѣреніе безъ исполненія подобно облаку безъ дождя въ засуху“. Вліятѣльнѣйшимъ совѣтникомъ Густава былъ нѣмецъ Конрадъ Пейтингеръ, юристъ вывыспившійся до сана великаго канцлера. Усердный исполнитель желаній короля, власть котораго старался расширять, онъ былъ ненавистенъ не только вельможамъ, но и народу. Будучи обвиненъ въ двоеженствѣ и утайкѣ казенныхъ денегъ, онъ былъ брошенъ въ вестеросскую темницу и провелъ весь остатокъ жизни въ ней.

Преобразование государства и надобности обороны отъ внѣшнихъ враговъ обременяли народъ тяжкими налогами, но полезные результаты умнаго управленія Густава Вазы перевѣшивали собою эту тяжесть, такъ что память о Густавѣ составляла гордость шведовъ. При

немъ улучшились земледѣліе и горное дѣло, развились промышленность и торговля. Вліяніе нѣмецкой образованности, упроченное реформаціею, было полезно всему этому. Разработка рудниковъ и выдѣлка желѣза, образующія важнѣйшую часть шведской промышленности, были улучшены и расширены нѣмецкими рудокопами и металлургами. Изобильнѣйшіе желѣзные рудники Швеціи, данеморскіе, были отданы въ аренду нѣмецкой компаніи, главою которой былъ Іоахимъ Пиперъ, уроженецъ Штральзунда, и вскорѣ послѣ того вмѣсто прежнихъ низкихъ сортовъ желѣза стали вырабатываться высокіе, лѣсопильныя мельницы, доставлявшія корабельный лѣсъ всѣмъ націямъ сѣверной Европы, почти всѣ были построены нѣмцами, которымъ шведы были обязаны и улучшеніемъ своего кораблестроенія. Но Густавъ Ваза хотѣлъ, чтобы выгоды, получаемыя нѣмцами, перешли въ руки шведовъ. Заключенные имъ съ Франціей, Голландіей, Англіей торговые договоры установили прямыя сношенія съ этими землями и открыли шведскимъ товарамъ новые рынки. Прежнія привилегіи ганзейскихъ городовъ, отдававшія въ ихъ руки всю шведскую торговлю, были уменьшаемы или отмѣняемы; любекскіе и данцигскіе корабли утратили право беспошлиннаго ввоза товаровъ. Мы уже говорили, что Густавъ Ваза велъ оптовую торговлю на своихъ собственныхъ корабляхъ. Онъ основалъ для торговли съ Россіей Гельсингфорсъ на берегу Финляндіи, которую сблизилъ съ Швеціей и западной образованностью введеніемъ реформаціи. Этотъ городъ дѣйствительно сталъ соперникомъ Риги и Ревеля въ торговлѣ съ Россіей. Густавъ Ваза строилъ кромѣ купеческихъ кораблей и военные. Благодаря содѣйствію флота, онъ довелъ до удачнаго конца войну съ Россіей (миръ съ нею былъ заключенъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ 1557).

Послѣдніе годы жизни Густава Вазы были печальны. Его друзья умирали одинъ за другимъ. Въ 1551 умерла его вторая жена Маргарета, отъ которой онъ имѣлъ десять дѣтей и которую очень любилъ. Онъ женился на ея племянницѣ, Катеринѣ Стенбокъ; но Катерина не замѣнила ему Маргареты. Особенно много огорченій дѣлали Густаву сыновья: старшій изъ нихъ, Эрикъ, еще при жизни отца выбранный преемникомъ его и получившій въ управленіе кальмарскую область и Эзель, былъ человѣкъ буйнаго характера, много оскорблялъ отца и постоянно ссорился съ братомъ Іоанномъ. Этому второму своему сыну Густавъ далъ большой удѣлъ въ Финляндіи, и онъ задумалъ покорить Лифляндію, въ которой падалъ орденъ меченосцевъ, гермейстеръ былъ безсиленъ; Россія, Польша, Данія и Швеція стали воевать между собою за владычество надъ Лифляндіей.

Чувствуя приближеніе смерти, Густавъ собралъ на 25 іюня 1560 года сеймъ въ Стокгольмѣ и произнесъ въ немъ свою прощальную рѣчь. Онъ говорилъ: «Сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда я скитался по родинѣ, преслѣдуемый врагами изгнанникъ, наше отечество бѣд-

ствовало подъ иноземнымъ владычествомъ, подъ тиранствомъ могущественнаго деспота, и было мало надежды на избавленіе. Но Богъ помогъ мнѣ, какъ нѣкогда пастуху Давиду; избралъ меня, чтобъ я спасъ народъ отъ тиранства, возвратилъ его къ чистому евангельскому ученію; и я правлю народомъ вотъ уже сорокъ лѣтъ, съ тяжелыми заботами и трудами, но вообще говоря къ благу его. Благодарю васъ за любовь, какую оказывали вы мнѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ прошу простить и забыть слабости и ошибки моего правленія. Знаю, что по мнѣнію многихъ я былъ суровымъ государемъ; но могутъ прійти такія времена, что дѣти Швеціи пожелаютъ вырыть меня изъ земли. Чувствую, что конецъ мой близокъ, потому выслушайте мое завѣщаніе, обдуманное и написанное мною во время, когда былъ я еще здоровъ». По прочтеніи этого акта сеймъ присягнулъ соблюдать высказанную въ немъ волю короля. Густавъ поблагодарилъ сеймъ за рѣшеніе оставить корону въ его династіи, передалъ скипетръ Эрику, сказалъ, что убѣждаетъ всѣ сословія народа быть единодушными, благословилъ его, простился съ своимъ народомъ и пошелъ изъ залы. Многіе плакали. Черезъ три мѣсяца послѣ того онъ умеръ (29 сентября 1560).

Въ частной своей жизни Густавъ Ваза былъ человѣкъ привѣтливый и желавшій, чтобъ окружающимъ его было весело. Дворъ его былъ школой образованности для молодыхъ вельможъ. Король любилъ, чтобы молодые люди имѣли развлеченія, давалъ балы. Онъ любилъ музыку и пѣніе; самъ былъ музыкантъ. Человѣкъ практической жизни, онъ интересовался однако же искусствомъ и наукой; удивительная память помогала ему пополнить недостатки школьнаго образованія. Своимъ дѣтямъ онъ далъ хорошее воспитаніе. Ему нравилось быть въ обществѣ женщинъ, но онъ не имѣлъ любовницъ, у него не было побочныхъ дѣтей. «Богъ одарилъ его предъ всѣми другими высокимъ разумомъ и царственными добродѣтелями, такъ что онъ былъ достоинъ носить королевскій скипетръ и корону», говоритъ современная лѣтопись: «потому что онъ былъ не только разуменъ и искусенъ, но и мужественъ, правосуденъ и во многихъ случаяхъ добръ и сострадателенъ».

ХV. АНГЛІЯ; ПРАВЛЕНІЕ ГЕНРИХА VІІІ. ШОТЛАНДІЯ. ДИНАСТІЯ СТЮАРТОВЪ.

Литература. Основаніемъ для этого отдѣла служилъ трудъ автора *Geschichte der Reformation von Grossbritannien* (2 тома, Leipzig, 1845, 1853). Кромѣ трактатовъ Юма, Лингарда, Макинтоша, заглавія которыхъ приведены нами въ прежнихъ обзорахъ литературы, важнѣйшими источниками для автора Служили: собраніе законовъ Англіи (*Statutes of the Realm*) и собраніе государственныхъ бумагъ (*Calendars of state papers*); Strype, *Historical Memorials* (3 тома, London, 1721); его же *Memorials of Archbishop Cranmer* (новое изданіе, 2 тома, Oxford, 1840); *The Life and Acts of Matthew Parker* (3 тома,

Oxford, 1830); Wilkins, Concilia Magna Britanniae (4 тома); John Fox, Acts and Monuments of Martyrs (London, № 1559); The History of the Reformation of the Church of England by Burnet (издание 1825 года, 6 томовъ); History of the Church of England by Fuller; Hallam, Constitutional history of England (3 тома, London 1827); Froude, History of England from the fall of Wolsey (новое издание, 1881); Geikie, The English Reformation (10 изд. 1881); Huber, Die englischen Universitäten; Phillips, Life of Cardinal Pole;—Leland, History of Ireland; Mant, History of the Church of Ireland (2 тома, London, 1841); Cook, History of the Reformation in Scotland (3 тома, Edinburgh, 1819); The History of the Reformation of Religion in Scotland by John Knox, edited by Goven (Glasgow, 1832); Hetherington, History of the Church of Scotland (7 изд., 2 тома, Edinburgh, 1848); Stephen, History of the Church of Scotland (3 тома, London, 1843); издания Wodrow Society; M'Crie, Life of John Knox (6 изд., London, 1839); Lorimer, Precursors of Knox (Edinburgh, 1857).

1. Генрихъ VIII и кардиналъ Уольси.

Генрихъ VIII, второй Тюдоръ, вступилъ на англійскій престолъ при очень выгодныхъ обстоятельствахъ. Война Алой и Бѣлой Розъ истребила значительную часть непокорныхъ феодальныхъ вельможъ, ввела въ ряды аристократіи новыхъ людей, усердно служившихъ королямъ, находившихъ свою выгоду въ содѣйствіи расширенію ихъ власти; бережливость Генриха VII наполнила казну деньгами; торговля и промышленность ожили; отношенія къ иноземнымъ государствамъ были выгодныя; была подготовлена почва для развитія науки.—Генрихъ VIII получилъ ученое воспитаніе, онъ былъ второй сынъ и предназначался для духовнаго званія; наслѣдникомъ престола сдѣлался онъ только по смерти старшаго брата, Артюра, умершаго на 16 году вскорѣ послѣ своего бракосочетанія съ инфантой Екатериной. Мы говорили, что онъ сталъ преемникомъ брата также и въ бракъ съ ней; при его коронаціи Екатерина была уже его женой.—Сдѣлавшись королемъ, онъ оставался расположенъ къ искусству и наукѣ. Гуманисты называли его возстановителемъ августова вѣка, основателемъ новой эры, при которой править государствомъ будутъ философы. Эразмъ, Томасъ Моръ, Джонъ Колетъ расточали ему льстивыя похвалы, превозносили «второго Октавія»; онъ не обманулъ ихъ ожиданій, выказывалъ благосклонность къ нимъ. Въ позднѣйшіе годы, когда грубая страсти отвратили его отъ гуманизма, живописцы и архитекторы продолжали пользоваться его покровительствомъ. Но, какъ у итальянскихъ государей, меценатство соединялось у него съ пороками и деспотизмомъ; образованность не проникла въ его душу; наука служила для него только средствомъ блистать, она была для него то же самое, что турниры, карусели, балы, всяческіе придворные праздники, пышность которыхъ страстно любилъ онъ; но тщеславію, онъ хотѣлъ

Генрихъ VIII.
1509—1547.

не уступать никакому другому государю ни въ чемъ; потому-то онъ и былъ, какъ многіе изъ нихъ, покровителемъ искусства и науки.

Такимъ же тщеславіемъ отличался и любимецъ его Томасъ Уольси, простолюдинъ, возвысившійся изворотливостью ума и неутомимой дѣятельностью до перваго мѣста въ государствѣ послѣ короля. Онъ сдѣлался канцлеромъ, всемогущимъ министромъ Генриха, управлялъ не только внутренними дѣлами, но и иностранной политикой. Будучи назначенъ архіепископомъ Йоркскимъ, онъ получилъ отъ папы санъ кардинала-легата; иноземные государи давали ему подарки, пенсіи, всяческія почести, чтобъ онъ склонялъ на ихъ сторону Генриха, не имѣвшаго никакихъ понятій о томъ, какіе союзы выгодны или не выгодны для государства. Императоръ два раза обѣщалъ сдѣлать его папой, но оба раза обманулъ и этимъ навлекъ на себя вражду его: онъ убѣдилъ своего короля вступить въ союзъ съ Францискомъ противъ Карла и укрѣплялъ его въ мысли развестись съ Екатериной, теткой императора. Имѣя нѣсколько епископствъ, множество бенефицій и доходныхъ должностей, получая огромные подарки и пенсіи Уольси пріобрѣлъ такія богатства, что соперничалъ съ королемъ роскошью. Онъ требовалъ отъ другихъ сановниковъ раболѣпнаго уваженія къ себѣ. Ученость его не была глубока, но онъ хорошо зналъ схоластическое богословіе Ѳомы Аквината и заинтересовалъ имъ короля. Меценатство было тогда въ модѣ, потому Уольси выказывалъ себя покровителемъ гуманистовъ; онъ вызвалъ въ Оксфордъ знаменитаго испанскаго ученаго Вивеса, далъ бенефицію Эразму, основалъ школу въ своемъ родномъ городѣ Ипсичѣ, а въ Оксфордѣ коллегіумъ, которому отдалъ доходы Фрейдзуитенскаго аббатства и нѣсколькихъ другихъ монастырей; впослѣдствіи король увеличилъ доходы этого знаменитаго коллегіума Церкви Спасителя (Christ Church College).

Много лѣтъ Уольси управлялъ королемъ, лѣнившимся заниматься государственными дѣлами. Генрихъ даже пересталъ присутствовать при засѣданіяхъ тайнаго совѣта. По убѣжденію Уольси онъ ѣздилъ на свиданія съ Францискомъ I и съ Карломъ V, и благодаря заботливости Уольси выказывалъ при этомъ ослѣпительную роскошь обстановки. Особенно знаменитъ былъ своимъ блескомъ «Золотой станъ» Генриха, поставленный между Ардромъ и Гиномъ на границѣ англійскихъ владѣній съ французскими при свиданіи Генриха съ Францискомъ въ іюнѣ 1520. Но при безхарактерности Генриха и при шаткости его политики, которую Уольси видоизмѣнялъ по своимъ личнымъ выгодамъ, Англія не пріобрѣла важнаго вліянія на ходъ событій.

Казалось, что Генрихъ VIII до конца останется защитникомъ католичества подобно Франциску и Карлу. Онъ, какъ мы говорили, былъ враждебенъ Лютеру. Онъ жестоко преслѣдовалъ Лоллардовъ, строго запрещалъ сочиненія Лютера и другихъ реформаторовъ. При его дворѣ

пользовались тогда милостью гуманисты, но они, какъ мы знаемъ, презирали религію и считали вредными споры о ней, потому были расположены порицать реформаторовъ. Томасъ Моръ даже преслѣдовалъ ихъ.

Не смотря на строгое запрещеніе, въ Англіи распространялись книги и брошюры, написанныя въ духѣ реформаціи, переводы сочиненій Лютера и Цвингли и памфлеты противъ католичества, написанныя простонароднымъ тономъ, какъ на примѣръ „О погребеніи католической литургіи“, „Разоблаченіе Антихриста“. „Просьба нищихъ“, въ которой они жалуются, что нищенствующіе монахи перехватываютъ у нихъ подаеніе такъ нравилась простолюдинамъ, что Томасъ Моръ написалъ возраженіе на нее. Въ ней говорилось между прочимъ, что отъ мученій чистилища монахи освобождаютъ только души богатыхъ, родственники которыхъ платятъ имъ за это деньги; потому возраженіе Томаса Мора названо „Моленіемъ душъ“ (о томъ, чтобы родственники не переставали просить церковь о ходатайствѣ за нихъ предъ Богомъ).—Судьямъ и было велѣно помогать духовенству въ преслѣдованіи сочиненій, враждебныхъ католичеству. Молодой оксфордскій ученый Джонъ Фритъ написалъ возраженіе на „Моленіе душъ“ и защищалъ понятія Цвингли объ эвхаристіи. Онъ и одинъ изъ его послѣдователей были (4 іюля 1533) сожжены на смитфильдской равнинѣ, бывшей тогда окраиной Лондона. Фритъ былъ младшимъ сподвижникомъ Уильяма Тиндаля, бѣжавшаго въ Нидерланды, переводчика Библии на англійскій языкъ. Переводъ его имѣлъ нѣсколько изданій и сталъ основаніемъ послѣдующей официальной редакціи перевода Священнаго писанія. Въ 1536 году онъ погибъ мученическою смертію по доносу лувенскихъ богослововъ. За нѣсколько времени передъ тѣмъ былъ сожженъ другой проповѣдникъ реформаціи, Томасъ Билли. Простолюдиновъ, въ особенности уиклефитовъ, было сожжено много. Въ эпитафіи, которую самъ составилъ для себя Томасъ Моръ, онъ ставитъ въ честь себя то, что былъ строгимъ судьей „воровъ, убійцъ и еретиковъ“.

Вельможи и духовенство раздѣляли непріязнь короля къ лютеранству, и казалось, что католичество удержится въ Англіи. Правда, въ 1529 году парламентъ высказалъ рѣзкое порицаніе злоупотребленіямъ римской куріи, но подобныя порицанія постоянно дѣлались съ давняго времени нѣмецкимъ сеймомъ и не имѣли важнаго значенія. Нужно было что нибудь гораздо болѣе сильное для того, чтобы англійское правительство отмѣнило власть папы. Этимъ мотивомъ рѣшительной ссоры послужило личное дѣло короля. По смерти Артура Генрихъ VIII выпросилъ у Юлія II разрѣшеніе женить своего второго сына. Королю хотѣлось оставить Екатерину принцессой англійской, чтобъ удержать у себя ея богатое приданое; хотѣлось также сохранить родственныя отношенія къ испанской и нидерландской династіи. Наслѣдникъ престола былъ еще такъ молодъ, что бракъ въ первое время оставался только формальностью. Многіе англійскіе богословы находили, что папа не имѣетъ права разрѣшать женитьбу брата на вдовѣ брата и что папская диспенсація не имѣетъ законной силы. Дѣйствительно, она была противна ученію Томы Аквината,

считавшагося высшимъ авторитетомъ по религіознымъ вопросамъ. Противники этого брака даже убѣдили жениха подписать протестацію противъ него; она была отдана на сохраненіе епископу уинчестерскому. Но когда Генрихъ VIII возмужалъ, онъ сталъ сожительствовать съ своей женой. У нихъ было нѣсколько сыновей и дочерей, которые впрочемъ всѣ умерли въ дѣтствѣ, кромѣ одной дочери, Маріи. Здоровье королевы разстроилось такъ, что у ней не могли рождаться дѣти; тогда Марія была объявлена наслѣдницей престола, хотя въ Англіи еще не было примѣровъ тому, чтобы корона принадлежала женщинѣ. Черезъ нѣсколько времени король сталъ высказывать сомнѣніе въ законности своей женитьбы на вдовѣ брата. Онъ ссылался на законъ Моисеевъ, воспрещающій такіе браки (книга Левитъ XX, 21) и говорилъ, что смерть сыновей, родившихся у него и Екатерины—наказаніе божіе за незаконность брака. Онъ могъ опасаться, что по его смерти возникнетъ сопротивленіе признанію Маріи королевой. При первой попыткѣ его пріискать ей жениха было высказываемо это опасеніе иноземныхъ правительствъ. Онъ сталъ думать о разводѣ съ Екатериной, чтобы вступить въ новый бракъ и имѣть сына.

Кажется, онъ уже серьезно думалъ объ этомъ, когда присоединился къ священной лигѣ. Уольси поддерживалъ въ немъ намѣреніе развестись съ Екатериной, желая отмстить императору за обманъ въ общаніи папскаго сана; притомъ личныя отношенія Уольси къ Екатериинѣ были дурныя: его надменность и порочная жизнь возмущали набожную королеву. Генриху хотѣлось имѣть сына; жена была старше его нѣсколькими годами и при своей болѣзненности уже утратила свѣжесть, перестала нравиться ему. Въ это время появилась при дворѣ красавица Анна Болинъ, провожавшая во Францію сестру Генриха, Марію, невѣсту Людовика XII. Проживши нѣсколько лѣтъ при французскомъ дворѣ, она имѣла прекрасныя манеры, хорошо пѣла, прелестно танцевала, научилась въ Парижѣ изяществу обращенія, какого не знали въ Англіи; она произвела сильный эффектъ при англійскомъ дворѣ. Перси, сынъ графа Нортмберлэнда, просилъ ея руки, но король разстроилъ это сватовство, и дворъ увидѣлъ, что онъ влюбленъ въ Анну. Она не соглашалась быть его любовницей и своимъ отказомъ разожгла въ немъ страсть. Онъ рѣшился жениться на ней. Во время священной лиги Уольси вступилъ съ Климентомъ VIII въ переговоры о томъ, чтобы папа объявилъ разрѣшеніе женитьбы Генриха на вдовѣ брата незаконнымъ, дозволилъ королю разводъ и вступленіе въ новый бракъ. Климентъ, нуждавшійся въ помощи Генриха противъ императора, выражалъ расположеніе исполнить его желаніе, но не давалъ формальнаго общанія, не желая сдѣлать императора непримиримымъ своимъ врагомъ. Чтобы выиграть время, онъ послалъ въ Англію кардинала Кампедджи, поручивъ ему

вмѣстѣ съ Уольси заняться дѣломъ о законности брака Генриха и Екатерины. По инструкціи Климента, Кампедджи убѣждалъ Екатерину согласиться на разводъ, пойти въ монахини; Генрихъ за это обѣщалъ ей признавать законность рожденія Маріи. Но королева рѣшительно отвергла предложеніе о разводѣ; она говорила, что бракъ ея съ Артуромъ былъ только формальностью, что сожителства между ними не было, что поэтому бракъ ея съ Генрихомъ не составляетъ нарушеніе церковныхъ законовъ, и благословеніе церкви, данное ему, не можетъ быть отмѣнено. Кампедджи и Уольси начали процессъ о разводѣ, но Екатерина апеллировала отъ ихъ суда къ папскому. Война въ Италіи между тѣмъ кончилась побѣдой императора. Папа видѣлъ себя въ полной зависимости отъ него, пріѣхалъ въ Болонью на свиданіе съ нимъ, не могъ и думать о томъ, чтобъ раздражить его обидой его тѣткѣ, потому отнялъ у Кампедджи и Уольси полномочіе вести дѣло о разводѣ, перенесъ (въ августѣ 1529) этотъ процессъ въ Римъ. Первымъ результатомъ такого оборота дѣла было паденіе Уольси.

Укрѣпляя Генриха въ намѣреніи развестись съ Екатериной, Уольси хотѣлъ упрочить его союзъ съ королемъ французскимъ. Намѣреніе короля жениться на Аннѣ Болинъ казалось Уольси опаснымъ. Предки Анны Болинъ вошли въ аристократію не очень давно, но уже заняли въ ней довольно высокое мѣсто и породнились съ могущественными вельможами. Отецъ Анны Томасъ Болинъ имѣлъ санъ виконта Рочфорда, а мать ея была дочь герцога Норфолька. Братъ ея матери, наслѣдовавшій отцу въ санъ герцога, занималъ должность великаго казначея, былъ однимъ изъ вліятельныхъ совѣтниковъ короля и вождемъ партіи, стремившейся низвергнуть Уольси. Союзникомъ Норфолька былъ графъ Соффолькъ. Анна Болинъ имѣла и личную неприязнь къ Уольси. Она теперь уже была любовницей короля, обѣщавшаго жениться на ней. Передъ пріѣздомъ Кампедджи она жила во дворцѣ, удалилась оттуда, когда онъ пріѣхалъ, а по его отъѣздѣ снова поселилась тамъ. При ея содѣйствіи Норфолькъ и другіе вельможи враждебные Уольси возстановили короля противъ него. Они приписывали коварству Уольси то, что дѣло о разводѣ еще не кончено, говорили, что онъ тайно ободряетъ папу сопротивляться желанію короля, что онъ и вообще жертвуетъ своей личной выгодѣ интересами государства и честью государя. Въ октябрѣ 1529 года Генрихъ отнялъ у Уольси должность канцлера, передалъ ее Томасу Мору и составилъ новый кабинетъ (тайный совѣтъ), въ которомъ главными лицами были дядя Анны герцогъ Норфолькъ, отецъ ея виконтъ Рочфордъ и другъ ихъ графъ Соффолькъ. Генрихъ велѣлъ Уольси уѣхать изъ Лондона, но оставилъ ему большіе доходы, дозволилъ жить въ паркѣ, и услышавъ, что онъ чрезвычайно опечаленъ немилостью выказавъ нѣкоторые признаки состраданія къ нему. Противникамъ его удалось однако же заглушить въ Генрихѣ всякое сожалѣніе къ прежнему любимцу. Король велѣлъ предать Уольси суду. Предлогъ для обвиненія былъ найденъ въ томъ, что Уольси принялъ отъ папы санъ легата. Старый законъ, называвшійся Statute of Praemunire, воспрещалъ англійскимъ сановникамъ принимать должности отъ папы, а папскимъ легатамъ вмѣшиваться въ судопроизводство по дѣламъ англійской церкви. Этотъ законъ часто былъ нарушаемъ съ разрѣшенія короля, ко-

торый или предварительно давалъ право дѣйствовать наперекоръ ему (такъ называемую лиценцію) или впоследствии покрывалъ его нарушение оправданіемъ (такъ называемой индемнизацией). Уольси принялъ санъ легата и учредилъ свой легатскій судъ съ разрѣшенія короля. Теперь, преданный суду за это, онъ не сталъ ссылаться на то, что дѣйствовалъ по разрѣшенію короля, сказалъ, что не будетъ защищаться отъ обвиненія, отдаетъ себя на волю короля, проситъ только помилованія себѣ у него. Генрихъ не смягчился этимъ; не остановился и передъ тѣмъ соображеніемъ, что если объявить Уольси виновнымъ, то должно признать виновными и всѣхъ сановниковъ англійской церкви, потому что всѣ они подчиняясь его легатской власти нарушали статутъ, за нарушение котораго судился онъ. Уольси былъ объявленъ виновнымъ, приговоренъ къ лишенію имущества и свободы. Король отнялъ у него великолѣпный дворецъ, построенный имъ въ Лондонѣ и называвшійся тогда по его сану дворцомъ архіепископа йоркскаго (Yorkhouse), а впоследствии получившій названіе Уайтхолля, отнялъ грамадныя его богатства, но оставилъ ему такіе доходы, что онъ могъ жить съ большимъ великолѣпіемъ. Кажется, блескъ, какимъ онъ продолжалъ окружать себя, содѣйствовалъ тому, что враги возобновили нападенія на него. Они внушили королю мысль, что онъ интригуетъ, убѣждаетъ церковныхъ сановниковъ сопротивляться королевской волѣ. Король велѣлъ предать его суду, какъ мятежника. Герцогъ Норфолькъ арестовалъ его; онъ былъ отправленъ въ Лондонъ къ суду, но на пути умеръ (29 ноября 1530) въ Лестерскомъ аббатствѣ. Была молва, что онъ принялъ ядъ. Передъ смертью онъ сказалъ: „Если бъ я служилъ Богу такъ усердно, какъ служилъ королю, онъ не отринулъ бы меня въ старости моей“. Ему было тогда 60 лѣтъ.

2. Отмѣна папскаго приматства въ Англіи. Основаніе національной церкви.

Около времени смерти Уольси король уже рѣшился отторгнуть Англію отъ папской церкви. Онъ отправлялъ въ Римъ посольство склонить папу на разрѣшеніе ему развода; но Климентъ, находившійся тогда въ полной зависимости отъ императора, не могъ исполнить этой просьбы. Угроза пословъ, что если король не получитъ справедливости отъ папы, то найдетъ ее для себя въ своемъ государствѣ, не испугала Климента, думавшаго, что врагъ реформаціи не захочетъ отложиться отъ католической церкви. Но оказалось, что Генрихъ думаетъ сдѣлать это. По совѣту одного изъ оксфордскихъ богослововъ, Томаса Кранмера, король предложилъ обоимъ англійскимъ и нѣсколькимъ заграничнымъ университетамъ вопросъ, должно ли признавать законнымъ его бракъ съ Екатериной, имѣетъ ли законную силу папская булла, разрѣшившая ему женитьбу на ней. Оксфордскій и Кембриджскій университеты не желали, но принуждены были дать отвѣтъ, какого хотѣлъ король; впрочемъ, при всѣхъ угро-

захъ было получено лишь слабое большинство голосовъ за этотъ отвѣтъ. Но почти всѣ тѣ иностранные университеты, къ которымъ обращался Генрихъ, отвѣчали, что бракъ его противозаконенъ. Они показывали это запрещеніемъ женитьбы на вдовѣ брата, находящемся въ книгѣ Левитъ (гл. XVIII, стих. 16) и тѣмъ, что Іоаннъ Креститель порицалъ женитьбу Ирода на вдовѣ его брата (Маркъ, VI, 18), Противники Генриха говорили, что эти мнѣнія куплены за деньги, и конечно деньги помогли дѣлу. Генрихъ нашелъ, что религіозный вопросъ разрѣшенъ въ его пользу отзывами богослововъ. Преодолѣть политическія затрудненія было еще легче. Правда, англичанамъ была непріятна ссора съ императоромъ, угрожавшая прекращеніемъ ихъ торговли съ Нидерландами; но гораздо важнѣе казалась имъ надобность обезпечить престолонаслѣдіе по мужской линіи, устранить опасность, что вспыхнетъ междоусобіе, если наслѣдницей престола останется дочь. Свѣтскіе пэры и палата общинъ были враждебны вмѣшательству духовенства въ государственныя дѣла и ненавидѣли деспотизмъ Уольси. Это было заявлено парламентомъ въ 1529 году; въ палатѣ общинъ слышались тогда голоса, прямо говорившіе, что король долженъ принять мѣры для прекращенія ссоръ духовенства съ мірянами и можетъ сдѣлать это, будучи главою не только свѣтскаго управленія, но и церковнаго. Духовенство не могло не подчиниться волѣ короля, потому что только его ненависть къ реформаціи поддерживала католичество въ Англіи; притомъ всѣ прелаты могли быть преданы суду за нарушеніе статута Praemunire. Возможность предать ихъ суду на этомъ основаніи была разъяснена королю Томасомъ Кромвелемъ, юристомъ и даровитымъ государственнымъ чело-вѣкомъ, честолюбцемъ, почерпнувшимъ изъ Макиавелли ученіе о правѣ государя дѣлать все, что захочетъ. Онъ говорилъ Генриху, что король не можетъ признавать никакого иноземнаго правителя имѣющимъ власть въ его государствѣ, что должно отмѣнить присягу повиновенія папѣ, даваемую прелатами, потому что папа иноземный государь. Очень вѣроятно, что Кромвель ужъ и тогда разжигалъ алчность Генриха мыслью о конфискаціи церковныхъ имуществъ.

Въ февралѣ 1531 было по повелѣнію короля внесено въ высшій уголовный судъ (Kingsbench) обвиненіе противъ всего англійскаго духовенства въ нарушеніи законовъ. Духовенство Кентерберійскаго архіепископства немедленно съѣхалось на соборъ или, какъ это называлось, на конвокацію. (Конвокація, подобно парламенту, состояла изъ двухъ палатъ: одну образовали прелаты, другую представители низшаго духовенства). Короли нерѣдко угрожали духовенству процесами съ цѣлью вынудить его къ денежнымъ пожертвованіямъ. Оно думало прекратить дѣло тѣмъ же средствомъ и теперь, предложило большую сумму, но получило отвѣтъ, что король требуетъ не денегъ, а признанія его протекторомъ (то-есть, по англійскому смыслу слова,

правителемъ) и единственнымъ главою англійской церкви. Конвокація ужаснулась, отправила депутацію къ королю. Онъ не принялъ депутацію. Прелаты просили у Кромвеля совѣта какъ смягчить требованіе короля, но слышали что они должны безъ всякихъ оговорокъ принять требуемое королемъ рѣшеніе или будутъ объявлены по суду мятежниками. Король сдѣлалъ только одну уступку, согласился, чтобы къ присягѣ прелатовъ повиноваться ему были прибавлены слова «на сколько то позволительно по закону Христову». Онъ былъ увѣренъ, что парламентъ по его желанію отмѣнитъ эту оговорку (и дѣйствительно она была отмѣнена въ слѣдующей сессіи парламента). Конвокація, собравшаяся въ Лондонѣ, была соборомъ не всей англійской церкви, а только архіепископства кентерберійскаго, охватывавшаго большую часть государства. Сѣверная часть Англіи принадлежала къ архіепископству йоркскому, имѣвшему свою особую конвокацію, Тонсталь, архіепископъ йоркскій, отказался отъ мысли о сопротивленіи, получивъ письмо короля, написанное впрочемъ любезнымъ тономъ, и конвокація архіепископства йоркскаго приняла рѣшеніе, одинаковое съ постановленіемъ конвокаціи архіепископства кентерберійскаго.

Это было началомъ отдѣленія англійской церкви отъ римской. Дѣло было облегчено честолюбіемъ Уольси. Онъ, сдѣлавшись кардиналомъ-легатомъ, вытребовалъ себѣ у папы неограниченное полномочіе управлять церковными дѣлами Англіи, такъ что папское участіе въ нихъ совершенно прекратилось при немъ. Теперь король только занялъ мѣсто Уольси. Парламентъ принялъ рядъ постановленій, разрывавшихъ связи Англіи съ Римомъ. Однимъ изъ этихъ статутовъ была отмѣнена подать въ пользу римской церкви, называвшаяся денаріемъ Петра, и передана королю; была отмѣнена другая пошлина, называвшаяся аннатами и состоявшая въ уплатѣ папѣ годичнаго дохода церковной должности прелатомъ, назначаемымъ на нее. Вскорѣ послѣ того палата общинъ внесла въ палату пэровъ заявленіе, что конвокаціи (соборы духовенства) постановляютъ безъ согласія короля и парламента законы, многіе изъ которыхъ противорѣчатъ государственнымъ законамъ. Палата пэровъ согласилась съ заявленіемъ палаты общинъ. На основаніи того въ конвокацію архіепископства кентерберійскаго было внесено предложеніе, что она не будетъ дѣлать никакихъ постановленій безъ согласія короля, и что изъ прежнихъ ея постановленій будутъ отмѣнены всѣ тѣ, которыхъ не утвердитъ король. Прелаты возражали, ссылаясь на Священное писаніе, вселенскіе соборы, древніе обычаи, на книгу самого короля противъ Лютера; но все осталось напраснымъ. Генрихъ требовалъ покорности; конвокація приняла внесенное отъ его имени предложеніе, то есть отняла у себя самостоятельность. Была отмѣнена присяга повиновенія папѣ, даваемая епископами при вступленіи въ санъ; были отмѣнены всѣ другія обязательства духовенства повиноваться папѣ.

Томасъ Моръ не одобрялъ этихъ требованій короля, враждебныхъ папѣ, но исполнялъ ихъ, надѣясь, со временемъ, примирить Генриха съ папой. Король французскій, съ которымъ видѣлся Генрихъ въ

Булони (въ октябрѣ 1532), тоже хлопоталъ объ этомъ примиреніи. Но Генрихъ объявилъ, что никогда не согласится отдать процессъ о своемъ разводѣ на рѣшеніе иноземнаго суда; а Климентъ VII не могъ оскорбить императора, своего покровителя, отказался объявить законнымъ расторженіе брака Генриха съ Екатериной и разрѣшить королю вступленіе въ другой бракъ. Увидѣвъ, что примиреніе невозможно, Томасъ Моръ сложилъ съ себя санъ канцлера. Генрихъ передалъ эту должность усердному своему слугѣ, сэру Томасу Одли.

Около того времени умеръ Уоргэмъ, архіепископъ кентерберійскій. Генрихъ назначилъ на его мѣсто Кранмера, пользовавшагося покровительствомъ Анны и ея родныхъ. Кранмеръ, жившій тогда въ Нюрнбергѣ и женившійся на племянницѣ вліятельнаго протестантскаго дѣятеля, Озіандера, поѣхалъ въ Римъ выпросить у папы утвержденіе въ санѣ. Оно было дано ему, но лишь потому, что римская курія не хотѣла отказомъ въ утвержденіи королевскаго выбора отнимать у себя послѣднюю возможность примиренія. Передъ тѣмъ какъ пошелъ дать поприсягу въ повиновеніи папѣ, Кранмеръ заявилъ передъ четырьмя свидѣтелями оговорку, что считаетъ присягу повиновенія папѣ не дѣйствительною въ дѣлахъ противныхъ правамъ англійскихъ короля и государства или заповѣдямъ Божіимъ. Утвержденный папой въ санѣ, онъ поѣхалъ въ Англію, созвалъ кентерберійскую конвокацію. Она послѣ долгихъ споровъ рѣшила, что бракъ короля съ вдовою брата противенъ церковнымъ законамъ и потому диспенсация, данная Юліемъ, не дѣйствительна. Екатерина, давно удаленная отъ двора и жившая въ Эминтгильскомъ монастырѣ, отказалась явиться въ судебную комиссію, предсѣдателемъ которой былъ Кранмеръ. Коммиссія расторгла бракъ ея съ Генрихомъ, объявила законнымъ бракъ, въ который уже вступилъ Генрихъ съ Анной Болинъ, и признала дѣтей, которые родятся отъ этого брака имѣющими право наследовать корону. Анна Болинъ была коронована (1 іюня 1533) и черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ бракосочетанія родила дочь, названную Елизаветой и получившую титулъ принцессы уэльзской, то есть наследницы престола.

Климентъ объявилъ всѣ эти акты не дѣйствительными, угрожалъ отлученіемъ отъ церкви и интердиктомъ, но по политическимъ расчетамъ медлилъ исполненіемъ угрозы. Императоръ наконецъ принудилъ его объявить, что Генрихъ отлучается отъ церкви, если не расторгнетъ своего незаконнаго второго брака и не возвратитъ къ себѣ свою законную жену Екатерину. Эта булла была обнародована 23 марта 1534. Она осталась безспльна, потому что некому было поддержать ее оружіемъ: императоръ, занятый другими дѣлами, не могъ начать войну съ королемъ англійскимъ въ защиту правъ своей тетки, которую теперь въ Англіи называли вдовствующей принцессой уэльзской (то-есть вдовою Артюра).

Дѣло, начатое Генрихомъ по личнымъ отношеніямъ, продолжалось капризными и свирѣпыми мѣрами. Въ другихъ земляхъ отпаденіе

отъ римской церкви было соединено съ обновленіемъ нравственной жизни принимавшихъ новое вѣроученіе. Въ Англіи реформація была производима только деспотическимъ капризомъ короля, раболѣпствомъ служившихъ ему честолюбцевъ и привычкой народа покоряться деспотизму Тюдоровъ; потому результатомъ ея было только увеличеніе деспотической власти Генриха до размѣровъ, какіе имѣетъ безотчетный произволъ тиранновъ въ азіатскихъ государствахъ. Парламентъ въ мартѣ 1534 утвердилъ рѣшеніе конвокацій, объявлявшее короля главою церкви, и выбросилъ изъ присяги духовенства повиноваться королю, ту оговорку, что присягающій обязывается повиноваться ему лишь на сколько то согласно съ закономъ Христовымъ. Постановивъ этотъ статутъ, парламентъ воспретилъ всякія апелляціи къ суду папы, всякіе платежи денегъ ему и повелѣлъ, чтобы всѣ дали присягу признавать за дѣтьми короля отъ второго брака право престолонаслѣдія помимо Маріи, лишенной этого права. Тѣмъ и ограничилось преобразование церкви. Она сохранила прежнее устройство съ той одной переменой, что была отдѣлена отъ всякой связи съ папой и отдана подъ безграничный произволъ короля.

Богословы, служившіе органами воли Генриха, говорили, что теперь возстанавливается прежняя независимость англійской церкви, подавленная узурпаціей римскаго епископа. Они учили: „Римскій епископъ, называемый папой, имѣетъ по божественному закону точно такъ же мало власти надъ Англіей, какъ всякій другой иноземный епископъ; власть, какою онъ пользовался въ Англіи была дана ему дозволеніемъ прежнихъ королей, которое теперь отмѣнено законнымъ порядкомъ“. Конвокаціи обонхъ архіепископствъ и богословскія корпораціи обонхъ университетовъ приняли это ученіе. Парламентъ постановилъ, что епископы избираются по соглашенію между королемъ и кафедральными капитулами, что они присягаютъ повиноваться единственно королю. Не только управленіе церковью, но и вѣроученіе и богослуженіе были поставлены подъ верховную власть (супрематство) короля. Официальная церковь стала учить, что, король управляетъ церковью и государствомъ какъ намѣстникъ Божій; онъ въ государствѣ то, что душа въ тѣлѣ, солнце во вселенной, онъ образъ Божій на землѣ. Генрихъ принялъ въ свой титулъ выраженіе „верховный глава англійской церкви на землѣ, получившій свою власть непосредственно отъ Бога“,

Король и Кромвель, котораго онъ назначилъ своимъ генеральнымъ викаріемъ по церковнымъ дѣламъ, вводили новыя церковныя законы съ жестокостью, какой мало примѣровъ въ исторіи. Не было пощады никому не соглашавшемуся присягнуть, что признаетъ недействительность перваго брака короля и законность второго или не признаетъ приматство римскаго епископа узурпаціей, короля—главою церкви. Джонъ Фишеръ, епископъ рочестерскій, человѣкъ очень уважаемый, былъ преданъ суду какъ мятежникъ за то, что не хотѣлъ признать бракъ Генриха съ Екатериной противнымъ Священному

писанію. Чтобы спасти его, папа далъ ему санъ кардинала. Король воскликнулъ: «Пусть Павелъ присылаетъ ему кардинальскую шапку; я позабочусь, чтобы не было у него головы, носить ее». Фишеръ былъ казнень, голову его выставили на Лондонскомъ мосту (22 іюня 1535). Черезъ три недѣли подвергся той же судьбѣ другъ Фишера, Томасъ Моръ, говорившій, что никакой мірской властитель не имѣетъ права присвоивать себѣ церковное сунрематство, данное Христомъ апостолу Петру и его преемникамъ. Онъ до послѣдней минуты сохранялъ свѣтлое спокойствіе души.

Впрочемъ отдѣленіе англійской церкви отъ римской не встрѣтило большого сопротивленія въ англійскомъ высшемъ духовенствѣ. Мучениковъ за сохраненіе вѣрности папѣ было мало; это показываетъ, что прелаты были рады освободиться отъ подвластности папѣ. Почти всѣ они приняли сторону короля, и союзъ съ ними утвердилъ Генриха въ ненависти къ реформаціи, которая была и безъ того противна его богословскимъ понятіямъ. Онъ только взялъ себѣ власть надъ церковью и оставилъ безъ перемѣнъ вѣроученіе.

Деснотизмъ короля тяготѣлъ надъ духовенствомъ, но епископы понимали, что свѣтскій государь не можетъ такъ внимательно заниматься церковнымъ управленіемъ, какъ папа, что горячность Генриха пройдетъ, и тогда они сдѣлаются гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ были подъ властью папы. Мірянамъ нравилась отмѣна папской власти еще больше, чѣмъ духовенству, потому что папа вмѣшивался въ мірской судъ и бралъ много денегъ изъ Англіи. Такимъ образомъ, почти вся и свѣтская и духовная аристократія охотно подчинялась деснотическимъ капризамъ короля. Изъ меньшинства, печалившагося объ отпаденіи отъ римской церкви, лишь немногіе отваживались противорѣчить, почти всѣ предпочли спокойствіе свирѣпому мщенію, какому подвергалъ Генрихъ сопротивляющихся.

Генрихъ не желалъ измѣнять ничего въ ученіи и въ обрядахъ церкви; но догматы папской власти были такъ тѣсно сплетены схоластическимъ богословіемъ со всей системой католичества, что при его отмѣнѣ было необходимо отмѣнить нѣкоторые другіе догматы и учрежденія. Отторженіе отъ римской церкви было произведено на основаніи того принципа, что Священное писаніе имѣетъ больше авторитета въ дѣлахъ вѣры, чѣмъ папа, потому надобно было рѣшить по Священному писанію и нѣкоторые другіе догматическіе и богослужебные вопросы. Кранмеръ, ознакомившійся въ Германіи съ лютеранствомъ, желалъ ввести его въ Англію, но король ненавидѣлъ лютеранство, огромное большинство прелатовъ также было враждебно ему, потому Кранмеръ долженъ былъ дѣйствовать очень осторожно. Конвокація архіепископства кентерберійскаго при первой же попыткѣ Кранмера произвести перемѣны въ вѣроученіи выказала сильное неудовольствіе. Новый служебникъ, предложенный ей Кранмеромъ и устранявшій моленіе святымъ и Богоматери, видоизмѣнявшій нѣкоторыя другія

молитвы и обряды въ духѣ лютеранства, встрѣтилъ сопротивленіе себѣ въ конвокаціи.

Но лютеранскія книги и мнѣнія распространялись въ Англіи. Жившій въ Англіи шотландецъ Алессъ поднесъ королю *Locī communes* (краткое изложеніе богословія) Меланхтона. Два другіе богослова распространяли аугсбургское исповѣданіе. Одинъ изъ королевскихъ капеллановъ Лэтимеръ былъ горячій приверженецъ евангелическаго ученія. Кранмеръ выпросилъ у короля разрѣшеніе напечатать новымъ изданіемъ переводъ Священнаго писанія, сдѣланный Тиндэлемъ, Роджерсомъ и Кёверделемъ. Незадолго передъ тѣмъ Тиндэль былъ сожженъ въ Нидерландахъ (въ замкѣ Вильворденѣ) какъ еретикъ, потому имя его въ официальномъ изданіи его перевода было замѣнено вымышленнымъ именемъ Томаса Мэтью. Сначала было разрѣшено имѣть и читать англійскій переводъ Библіи только въ церквахъ; потомъ было дозволено всѣмъ имѣть его у себя дома.—Кентерберійская конвокація приняла „Епископскую книгу“, излагавшую ученіе о независимости англійской церкви; оно было подробнѣе развито черезъ нѣсколько лѣтъ въ книгѣ „Ученіе христіанина“. По этому ученію всѣ національныя церкви, — равноправныя члены вселенской христіанской церкви, существовавшей въ первые вѣка до распада на латинскую и греческую церкви и до приматства римскаго епископа; все собраніе апостоловъ сообщило ей Святой Духъ, который передается чрезъ рукоположеніе преемникамъ апостоловъ, архіепископамъ и епископамъ. Непрерывное епископское преемничество Св. Духа чрезъ рукоположеніе стало отличительнымъ догматомъ англиканской церкви. Она говорила о себѣ, что устроена по образцу церкви первыхъ трехъ вѣковъ.

Развитіе идеи о епископскомъ преемницествѣ Св. Духа отъ апостоловъ давало англійскому преобразованію церкви рѣзкую разницу отъ нѣмецкаго и швейцарскаго; лютеране и реформаты отрицали исключительную принадлежность божественнаго освященія епископамъ, учили, что духовенство не составляетъ сословія различнаго отъ мірянъ, что всѣ христіане священники. Такимъ образомъ, въ англійской церкви съ самаго начала боролись два направленія, католическое и евангелическое: но съ общимъ характеромъ ея было совершенно согласно уничтоженіе монастырей. Монахи и монахини были усердными служителями, воинами папы, и всѣ сколько-нибудь важныя монашескіе ордена были подчинены непосредственно папѣ, были изъяты отъ подвластности эпархіальнымъ епископамъ. Интересы епископовъ и короля сходились въ вопросѣ объ отмѣнѣ монашества. Желаніе овладѣть церковными богатствами было и въ другихъ земляхъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ отпаденія отъ Рима, но нигдѣ грубая алчность не проявлялась такъ нагло, какъ при секуляризаціи монастырскихъ имуществъ въ Англіи. Лишь ничтожная доля громаднаго богатства монастырей была употреблена на церковныя надобности, на улучшеніе школъ и основаніе благотворительныхъ учреждений; почти вся масса монастырскихъ имѣній и сокровищъ была взята въ казну или роздана жаднымъ вельможамъ, не говоря

уже о томъ, сколько присвоили себѣ Кромвель и его помощники, сколько золота и серебра было украдено комиссарамъ, описывавшими церковныя имущества. Англійская секуляризація отличалась отъ нѣмецкой и тѣмъ, что поступала съ монахами очень сурово, дала имъ, да и то не всѣмъ, скудныя пенсіи, недостаточныя для прокормленія не дала другимъ и вовсе ничего, и съ грубымъ вандализмомъ уничтожала образа и книги.

Число монастырей въ Англіи было очень велико; короли и вельможи считали лучшей заслугой передъ Богомъ основывать ихъ. Многочисленные монахи возбуждали народъ сопротивляться разрыву съ папой и при содѣйствіи нѣкоторыхъ лордовъ, преданныхъ католичеству, подняли опасное волненіе между поселянами. Король и его совѣтники встревожились, потребовали, чтобы монахи присягнули признавать короля главою церкви. Обсерванты (одинъ изъ отдѣловъ францисканскаго ордена) и картезіанцы отказались дать эту присягу. Кромвель велѣлъ повѣсить вождей монашеской оппозиціи и уничтожилъ нѣсколько монастырей. Но оказалось, что это недостаточно. Тогда Кромвель объяснилъ королю, какую огромную выгоду получить онъ отъ секуляризаціи монастырей, и сказалъ ему, что ихъ имѣнья составляютъ не меньше пятой доли всего національнаго имущества, что конфискація ихъ дастъ возможность увеличить войско, построить порты и крѣпости. Кромвель близко зналъ богатство монастырей. Онъ былъ помощникомъ Уольси по дѣлу секуляризаціи Фрейдеуитенскаго аббатства и 39 другихъ монастырей, произведенной съ разрѣшенія папы. Король съ удовольствіемъ принялъ его совѣтъ. Подготовкой къ конфискаціи монастырей было назначеніе комиссіи для ихъ визитаціи (ревизіи) и составленія отчета объ ихъ имуществахъ и нравственномъ положеніи. Отчетъ рѣзко выставлялъ пороки монаховъ и монахинь. Въ немъ было много клеветы, но жизнь большинства монаховъ и монахинь была дѣйствительно порочна. Понимая, что дѣло идетъ къ отнятію всего имущества у монастырей, многіе аббаты, аббатисы и пріоры предотвратили полное свое раззореніе тѣмъ, что предложили отдать королю свои монастыри со всѣми имуществами подъ условіемъ, чтобы назначены были пенсіи для нихъ и для всѣхъ монашествующихъ этихъ монастырей. На основаніи отчета визитаціонной комиссіи парламентъ въ февралѣ 1536 года принялъ статутъ о секуляризаціи, по которому отдавались въ распоряженіе короля мелкіе монастыри; тѣмъ изъ монашествующихъ въ нихъ, которые не захотятъ сложить съ себя монашество, было предоставлено право перейти въ большіе монастыри тѣхъ же орденовъ. По этому статуту было конфисковано 376 монастырей; для исполненія этого дѣла была учреждена комиссія, состоявшая изъ канцлера, казначея и 17 другихъ членовъ, назначенныхъ королемъ. Она была названа палатою увеличенія королевскихъ доходовъ. Члены ея поѣхали по государству составлять описи имущества конфискуемыхъ монастырей. Монахи и монахини ихъ, имѣвшіе меньше 24-хъ лѣтъ, не получили никакихъ пособій; другимъ были даны или пенсіи, или право поселиться въ большихъ монастыряхъ.

3. Исторія женъ Генриха. Мятежи католиковъ. Завершеніе секуляризаціи монастырей.

Вскорѣ послѣ женитьбы короля на Аннѣ Болинъ умерла Екатерина Арагонская, Генрихъ отнялъ у нея дочь, и она жила въ печальномъ монастырскомъ одиночествѣ, предавшись суровому аскетизму. Никакія требованія не могли заставить ее отказаться отъ сана королевы англійской, признать незаконнымъ свой бракъ съ Генрихомъ. Обиды разрушили ея здоровье, она скончалась на 50 году жизни 8 января 1536 въ Кимболтонскомъ замкѣ (въ графствѣ Гонтингдонскомъ). Передъ смертью оне написала трогательное прощальное письмо своему «господину и мужу, котораго больше всего желали видѣть глаза ея»; она умоляла его быть хорошимъ отцомъ для его и ея дочери. — Черезъ три мѣсяца по кончинѣ Екатерины Арагонской была заперта въ Тоуэръ и обвинена въ невѣрности мужу Анна Болинъ. Генрихъ деспотически низвергалъ всѣ препятствія своему браку съ ней; но, вскорѣ послѣ женитьбы, его любовь къ ней охладѣла. Красота ея, очаровавшая его, возбудила въ немъ подозрѣнія и ревность. Онъ сталъ толковать въ дурную сторону каждое неосторожное слово молодой женщины, веселой и привѣтливой. Приверженцы римской церкви ненавидѣли ее за склонность къ реформаціи, клеветали на нее. Радость, оказанная ею при извѣстїи о смерти Екатерины, усилила ихъ злобу и ядовитость клеветы ихъ. Анна разрѣшилась отъ бремени мертвымъ ребенкомъ; король обманулся въ надеждѣ имѣть сына; она говорила, что преждевременные несчастные роды были произведены огорченіемъ, какое дѣлала ей явная склонность короля къ молодой красавицѣ Іоаннѣ Симуръ. Такимъ образомъ, было много причинъ, раздражившихъ Генриха противъ нея. Преданная суду она была обвинена въ томъ что имѣла нѣсколькихъ любовниковъ и жила въ связи съ своимъ братомъ. Она твердо говорила, что все это клевета, что она была вѣрной женой. Сохранилось письмо, въ которомъ она трогательными словами опровергаетъ лживое обвиненіе, просить мужа о правосудїи. Несомнѣнно, что обвиненія были придуманы только для того, чтобы подвергнуть несчастную молодую женщину казни; это ясно изъ всѣхъ нашихъ свѣдѣній о ея процессѣ. Судебная коммисія, составленная изъ ея враговъ, произнесла смертный приговоръ ей, брату ея и тремъ другимъ вельможамъ, въ любовныхъ связяхъ съ которыми обвиняли ее. Всѣ они были казнены. Кранмеръ произнесъ расторженіе брака Анны съ королемъ. Ей отрубили голову 19 мая 1536 въ одномъ изъ заловъ Тоуэра; она погибла на 30 году жизни. На слѣдующее утро Генрихъ отпраздновалъ свое бракосочетаніе съ Іоанною Симуръ. Дочь Анны, Елизавета, была лишена своихъ правъ. Дочь Екатерины, Марія, объявившая, что во всемъ по-

коряется волѣ отца и признаетъ его главою англійской церкви, была восстановлена въ правахъ. Парламентъ объявилъ ее наслѣдницей престола въ томъ случаѣ, если у короля не будетъ дѣтей отъ новой его супруги.

Эти катастрофы супружеской жизни Генриха видоизмѣняли ходъ борьбы между католиками и приверженцами реформациі, но ни та, ни другая партія не получила рѣшительной побѣды. Въ іюнѣ 1536 года король утвердилъ составленныя конвокаціей десять статей; этотъ актъ постановлялъ, что источниками вѣроученія должны быть принимаемы только Священное писаніе и три древнѣйшіе символы вѣры (то-есть отвергалъ авторитетъ церковнаго преданія и папы), признавалъ только три таинства: крещеніе, причащеніе и покаяніе; отвергалъ догматъ о чистилищѣ, моленіе за умершихъ, моленіе святымъ, уменьшалъ количество обрядовъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ Генрихъ объявилъ, что не воспрещается никому оставаться при прежнемъ богослуженіи.

Выгнанные изъ монастырей монахи волновали поселянъ и успѣли поднять возстаніе въ сѣверныхъ графствахъ при содѣйствіи католическихъ вельможъ, изъ которыхъ усерднѣйшимъ былъ лордъ Дэрси (Darcy) Темпельгорстъ, сражавшійся въ молодости съ маврами; собралось много тысячъ вооруженныхъ поселянъ, называвшихъ себя пиллигримами благодати. Вождемъ ихъ былъ Эскъ (Aske). Они обнародовали манифестъ, въ которомъ требовали удаленія королевскихъ совѣтниковъ. Король отвергъ ихъ требованія надменной прокламаціей, въ которой говорилъ, что «все дѣлаемое и повелѣваемое имъ соотвѣтствуетъ закону Божию и служить ко благу государства». Но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ старался успокоить умы, велѣвъ продолжать прежнее богослуженіе и обѣщаясь созвать парламентъ въ Йоркѣ. Многіе инсургенты разошлись по домамъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ продолжались беспорядки. Ссылаясь на нихъ, Генрихъ не созывалъ парламента. Это повело къ возобновленію возстанія. Но Генрихъ уже принялъ свои мѣры, собралъ войско, послалъ съ нимъ герцога Норфолька на инсургентовъ; они были разбиты у Карлейля, и 70 человекъ плѣнныхъ были повѣшены на стѣнахъ этого города. Робертъ Эскъ былъ схваченъ; его повѣсили въ Йоркѣ. Дэрси, нѣсколько другихъ лордовъ и нѣсколько аббатовъ были казнены. Только въ іюлѣ слѣдующаго (1537) года королевская амнистія прекратила казни.

Возстаніе католиковъ возбудило въ Римѣ большія надежды. Папа обнародовалъ наконецъ буллу объ отлученіи Генриха, котораго осыпалъ грубѣйшими ругательствами, называлъ врагомъ Христовымъ, хуже турокъ, объявлялъ лишеннымъ престола, отдавалъ его корону тому государю, который выгонитъ его изъ Англіи. Кардиналъ Поль поѣхалъ папскимъ легатомъ въ Парижъ и Брюссель склонять французскаго короля и императорское правительство, чтобъ они помогли инсургентамъ. Онъ хотѣлъ также возбуждать къ возстанію католиковъ средней и южной Англіи.

Реджинальдъ Поль былъ родственникъ королевской династїи, человекъ даровитый, учился въ Италїи, прїобрѣлъ славу хорошаго гуманиста. Генрихъ VIII въ первые годы своего царствованія былъ очень расположенъ къ нему. До поступленія своего въ духовное званіе онъ кажется надѣялся получить руку принцессы Марїи; но когда король оторвалъ Англію отъ римской церкви, казнилъ Томаса Мора, съ которымъ Поль былъ друженъ, и принялся уничтожать монастыри, Поль сталъ противникомъ его, написалъ трактатъ о единствѣ церкви, называлъ въ немъ Генриха тираномъ и прелюбодѣемъ, сдѣлался душою всѣхъ замысловъ противъ Генриха.

Карлъ V и Францискъ готовились возобновить войну между собою, потому не могли послать войскъ противъ Генриха. Папскій дворъ нашелъ другого государя для нападенія на еретика. Это былъ Іаковъ V, король шотландскій, племянникъ Генриха, негодовавшій на его отпаденіе отъ римской церкви. Іаковъ былъ родственникъ короля французскаго (первой женой его была дочь Франциска, Магдалена). Шотландскіе прелаты убѣждали его поддержать инсургентовъ. Павелъ III послалъ ему, какъ рыцарю церкви, освященный мечъ и далъ санъ кардинала вліятельнѣйшему совѣтнику его, Давиду Битону, архіепископу сентъ-эндрусскому.

Но всѣ эти планы были разстроены быстрымъ подавленіемъ возстанія; инсургенты не возстановили католичество, а только подали Генриху поводъ дѣйствовать противъ него суровѣе прежняго. Судебными слѣдствіями было раскрыто, что главными возбудителями бунта были аббаты и другіе монахи; имъ стали угрожать преданіемъ суду по обвиненію въ мятежѣ, и многіе аббаты, чтобы спастись отъ гибели, согласились отдать свои монастыри въ распоряженіе короля. Такимъ уступчивымъ людямъ Генрихъ давалъ пенсіи. Примѣру, поданному нѣсколькими аббатами, послѣдовали многіе другіе. Коммиссары, производившіе судебный розыскъ, дѣйствовали и обѣщаніями выгодъ и угрозами. Такимъ образомъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ нѣсколько сотъ аббатствъ и другихъ монастырей были отданы своими начальниками въ распоряженіе короля. Парламенту оставалось только утвердить переходъ ихъ въ государственную собственность.

Это было сдѣлано въ маѣ 1539 года постановленіемъ парламента, говорившимъ: «Такъ какъ по уничтоженіи мелкихъ монастырей актомъ 4 февраля 1536, многіе аббаты, прїоры и другіе настоятели по доброй волѣ безъ принужденія или какихъ нибудь постороннихъ внушеній передали письменными документами королевскимъ визи-таціоннымъ коммиссарамъ свои аббатства, монастыри, коллегіумы, госпитали и другіе церковные дома, то парламентъ утверждаетъ эту передачу и предоставляетъ коронѣ въ свободное распоряженіе, по правиламъ палаты увеличенія доходовъ, какъ эти монастыри и учрежденія, уже переданныя и конфискованныя и уничтоженныя, такъ и тѣ, которыя впослѣдствіи будутъ приведены въ такое же положеніе».

Такимъ образомъ были уничтожены монастыри въ Англіи. Къ концу 1540 года, всѣ большіе монастыри — болѣе 600 — поступили въ собственность короля. Отъ этого доходы короны увеличились больше, чѣмъ вдвое,

потому что англійское монашество было однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ западной Европѣ. Венеціанскій посланникъ говоритъ, что доходы англійскихъ монастырей составляли 500.000 дукатовъ. Громадность этой суммы мы можемъ понять изъ того, что доходы всей англійской аристократіи онъ оцѣниваетъ только въ 380.000 дукатовъ. Кромѣ доходовъ корона получила сокровища, собранныя въ монастыряхъ, имѣнья рыцарскихъ орденовъ, аннаты, десятину, такъ называемые первые плоды и другіе доходы, шедшіе прежде въ пользу папы. Много было украдено производившими конфискацію и очень много было раздарено королемъ; но осталось такъ много, что богатство и могущество короля значительно возросло. Конфискація монастырей дала Генриху средства усилить флотъ и войско, возвести крѣпости на границахъ, построить гавани въ Англіи и въ Ирландіи; особенно много сооружений было сдѣлано въ Портсмутѣ и Дуврѣ. Улучшеніе гаваней послужило къ развитію морской торговли англичанъ.

Подобно всякому крутому перевороту, уничтоженіе монастырей очень тяжело отозвалось на судьбѣ множества людей. Съ переходомъ монастырскихъ земель въ казну или въ собственность вельможъ, ухудшилось положеніе ихъ фермеровъ. Судьба многихъ изъ выгнанныхъ монаховъ и монахинь была бѣдственна. Аббаты, аббатиссы, пріоры позаботились о себѣ, получили богатые пенсіи за свою уступчивость. Но о своихъ монахахъ и монахиняхъ они не позаботились. Правда, король обѣщалъ дать содержаніе монахамъ и монахинямъ, но плохо исполнилъ это. Тысячи ихъ остались безъ всякихъ средствъ къ жизни. Монахамъ нищенствующихъ орденовъ не было кажется дано никакого содержанія, такъ что они принуждены были нищенствовать. Послушникамъ, молодымъ монахамъ и монахинямъ не было дано ничего; они должны были жить работою, а многіе изъ нихъ не знали никакого ремесла. Счастливы были тѣ молодые монахи, которые имѣли такое образованіе, что могли быть назначены священниками или писцами.

Позднѣйшій законъ воспретилъ бывшимъ монахамъ и монахинямъ слагать съ себя иночество, то-есть отнялъ у нихъ возможность вести правильную жизнь. Многочисленные суровыя постановленія показываютъ, что количество безпріютныхъ людей значительно возросло по уничтоженіи монастырей. Монахи и монахини толпами шли къ членамъ конфискаціонной коммисіи просить содержанія, и рады были, когда вмѣсто него получали ничтожныя пособія, какъ милостыню. Народъ смѣялся надъ ними. Мы читаемъ у Борнета, что невѣжество, суевѣріе и пороки монаховъ были постояннымъ предметомъ фарсовъ, разыгрывавшихся для развлеченія простолудниковъ.

Мало было заботы и о сохраненіи монастырскихъ зданій, произведеній искусства, бібліотекъ. Нѣкоторые изъ богатѣйшихъ аббатствъ Генрихъ отдалъ епископамъ или обратилъ въ школы; благодаря тому, ихъ церкви и дома уцѣлѣли. Но множество монастырей, менѣе богатыхъ, были оставлены пустыми, обратились въ груды развалинъ. Вазитаторы имѣли инструкцію удалять изъ церквей всѣ предметы „суевѣрія“. На основаніи этого было при стеченіи народа изломано или сожжено множество распятій, статуй, образовъ, другихъ святынь. По невѣжеству агентовъ, производившихъ

конфискацію, погибло или, по алчности ихъ, было расхищено множество книгъ и документовъ. То, чему поклонялись католики, было теперь предметомъ поруганія. Когда Форрестъ, бывший духовникъ Екатерины Арагонской, былъ осужденъ на сожженіе за отказъ дать присягу супрематства, то изрубили колоссальную деревянную статую, изображавшую святого и положили куски на костеръ, со смѣхомъ говоря, что исполняется ходившее въ народѣ той мѣстности предсказаніе, что эта статуя зажжетъ нѣкогда рошу, Forest. Святой Тома Кентэрберійскій пользовался, какъ мы знаемъ, величайшимъ уваженіемъ англичанъ. Въ капеллѣ его было множество сокровищъ. Генрихъ VIII имѣлъ противъ него особенную ненависть, потому что онъ былъ противникомъ короля. Генрихъ придумалъ отдать его подъ судъ, какъ мятежника. Былъ начатъ процессъ, было послано Томасу Бекету требованіе явиться къ отвѣту. Онъ не явился и былъ приговоренъ къ сожженію и конфискаціи имущества. Кости его были сожжены, имя его было вычеркнуто изъ календаря. Драгоценностями, украшавшими его капеллу, были наполнены два ящика, которые едва могли поднять восемь человѣкъ.

Своими хлопотами объ устройствѣ заговора противъ Генриха кардиналъ Поль ускорилъ конфискацію монастырей и компрометировалъ своихъ родныхъ, подвелъ ихъ подъ погибель. Братъ его, лордъ Монтегью, маркизь Эксперъ, внукъ Эдуарда IV, и многіе другіе вельможи были казнены, какъ мятежники. Кровожадный Генрихъ непремѣнно хотѣлъ убить и мать кардинала Поля, графиню Сольсбери. Судъ не могъ найти никакихъ предлоговъ для того, чтобы погубить ее. Кромвель придумалъ средство убить ее законнымъ путемъ. Этотъ способъ юридическаго убійства былъ въ послѣдствіи примѣняемъ очень часто. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы провести черезъ парламентъ билль о смертной казни (bill of attainder); парламентъ рѣшалъ вопросъ виновности, не требуя никакихъ уликъ.—По внушенію Кромвеля, Генрихъ велѣлъ внести въ парламентъ билль о смертной казни графини Сольсбери. Билль былъ принятъ парламентомъ. Графиню два года держали въ темницѣ и, въ маѣ 1541, казнили. Съ ея смертью прекратилось прямое потомство династіи Плантагенетовъ.

4. Послѣдніе годы царствованія Генриха.

Уничтоженіемъ монастырей закончилось преобразование, какое хотѣлъ дать англійской церкви Генрихъ. Въ числѣ его совѣтниковъ были люди, расположенные къ лютеранству, какъ напримѣръ Кромвель, Кранмеръ, Лэтимеръ; но онъ оставался приверженцемъ схоластическаго богословія. Притомъ совѣтники его, оставшіеся католиками, превосходили приверженцевъ лютеранства умомъ и ловкостью; важнѣйшіе изъ нихъ были Гәрдинеръ, епископъ уинчестерскій, и графъ Норфолькъ: въ особенности Норфолькъ пользовался очень сильнымъ вліяніемъ на короля; они искусно прикрывали свои реакціонныя желанія маской преданности королю. Онъ распоряжался церковными дѣлами по своему капризу, произвольно устанавливалъ правила вѣры и богослуженія. Всякое уклоненіе отъ нихъ въ сторону католичества

или реформаціи было наказываемо смертию. Священникъ Лэмбертъ, выказавшій склонность къ цвингліанству, былъ призванъ къ отвѣту въ комиссію, предсѣдателямъ которой былъ самъ король. Утомленный длинными рѣчами Кранмера и другихъ епископовъ, онъ сказалъ наконецъ, что отдаетъ свою судьбу на волю короля. Генрихъ осудилъ его на сожженіе, объявивъ, что не хочетъ быть покровителемъ еретиковъ. Въ іюнѣ 1539 конвокація и парламентъ приняли актъ, называвшійся Шестью статьями. Онъ осуждалъ на смерть всѣхъ отступающихъ отъ вѣроученія, которое излагалъ въ шести статьяхъ, и народъ прозвалъ его закономъ шести статей убійства. Онъ постановлялъ, что сохраняется догматъ о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя, что міряне причащаются только тѣла Христова, воспрещалъ получившимъ священство вступленіе въ бракъ; повелѣвалъ монахамъ и монахинямъ, и по уничтоженіи монастырей, соблюдать иноческіе обѣты, удерживалъ католическія моленія за усопшихъ и исповѣдь. Нарушеніе этихъ заповѣдей онъ объявлялъ ересью и государственнымъ преступленіемъ, постановлялъ наказывать за него смертию, повелѣвалъ женившимся священникамъ немедленно расторгнуть брачное сожителство, угрожая за ослушаніе смертной казнью. Этотъ законъ ужаснулъ приверженцевъ реформаціи. Лэтимеръ, бывший теперь епископомъ уорстерскимъ, и другой епископъ были, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ противниковъ шести статей, брошены въ темницы; многіе другіе бѣжали изъ Англіи. Кранмеръ отослалъ жену и дѣтей въ Германію. Человѣкъ гибкаго характера, не сопротивлявшійся ни въ чемъ королю, онъ остался въ милости у него. Генрихъ дѣйствовалъ какъ азіатскій деспотъ; парламентъ дошелъ въ своемъ раболѣпствѣ до того, что объявилъ распоряженія короля имѣющими силу равную парламентскимъ статутамъ. Генрихъ попиралъ ногами все въ государствѣ и отпраздновалъ торжество своего самовластія аллегорическимъ спектаклемъ на Темзѣ. Въ іюлѣ слѣдующаго (1540) года три паписта и «три лютеранскіе еретика», однимъ изъ которыхъ былъ Робертъ Бэрнсъ (Barnes), помощникъ Кромвеля, были отведены связанные по двое на смитфильдскую равнину и сожжены. Погибель Кромвеля, главнаго слуги деспотизма Генриха, выказала въ полномъ размѣрѣ ужасность этого тиранства. Генрихъ осыпалъ Кромвеля богатствами и почестями, далъ ему титулъ графа Эссекса и велѣлъ за этой наградой казнить его. — Третья жена короля, добрая и милая Іоанна Симуръ, умерла въ октябрѣ 1537 черезъ нѣсколько дней по рожденіи сына, названнаго въ крещеніи Эдуардомъ. Генрихъ больше радовался рожденію наслѣдника, чѣмъ жалѣлъ о смерти супруги, и скоро сталъ искать новой жены, сваталъ одну принцессу, другую, третью, но все получалъ отказы, такъ что оставался вдовцемъ больше двухъ лѣтъ. Кромвель сталъ хвалить ему Анну, принцессу клевскую, родственницу курфюрста саксонскаго. Карлъ

У и Францискъ были тогда въ дружбѣ; она возбуждала опасенія въ Генрихѣ, и онъ склонялся къ мысли сблизиться съ нѣмецкими протестантскими государями. Кромвель желалъ этого, надѣясь, что союзъ съ ними расположитъ Генриха ввести въ Англіи реформацію и, по его хитрому совѣту роднымъ Анны, въ Англію былъ присланъ портретъ ея, рисованный Гольбейномъ, изображавшій ее красавицей. Генрихъ очаровался; бракосочетаніе было совершено въ Германіи посредствомъ прокураціи, то-есть въ церкви на мѣстѣ жениха стоялъ его уполномоченный и произносилъ отъ его имени тѣ отвѣты, какіе долженъ произносить женихъ. Это былъ только предварительный обрядъ. Когда невеста пріѣзжала къ жениху, вѣнчанье повторялось. Генрихъ съ такимъ нетерпѣніемъ ждалъ свою новую жену, что поѣхалъ переодѣтый встрѣтить ее въ Рочестерѣ. Но, увидавъ ее, онъ разочаровался. Бракъ былъ совершенъ 6 января 1540, но въ Генрихѣ осталось отвращеніе отъ Анны, некрасивой и малообразованной; онъ называлъ ее фламандской кобылой и скоро рѣшилъ развестись съ ней. Онъ былъ уже влюбленъ въ красавицу Катерину Гоуардъ, племянницу графа Норфолька, католичку. Паписты воспользовались его увлеченіемъ ею. Первымъ дѣломъ ихъ было избавиться отъ Кромвеля, приверженца реформаціи. При недовольствѣ Генриха женитьбой, которую устроилъ Кромвель, Норфолькъ и Гәрдинеръ безъ труда возстановили короля противъ помощника его по управленію церковью, выставили Кромвеля измѣнникомъ и еретикомъ; онъ не замѣчалъ, что рѣшена его гибель и былъ изумленъ какъ ударомъ грома при ясномъ небѣ, когда ему заявили приказъ арестовать его (10 іюня 1540). Парламентъ осудилъ его на смерть тѣмъ самымъ способомъ, который изобрѣлъ онъ, принятіемъ билля смертной казни, bill of attainder. Онъ былъ казненъ 28 іюля. Сынъ кузнеца, Кромвель служилъ сначала солдатомъ въ конницѣ арміи Карла Бурбона; умный и изворотливый, онъ поднялся до такого высокаго положенія, какое прежде было доступно только вельможамъ и епископамъ, и погибъ жертвой того самовластия, которому помогалъ. Одновременно съ процессомъ Кромвеля, шло дѣло о разводѣ Генриха съ Анной. Коммиссія, назначенная для разсмотрѣнія законности этого брака, пріискала софизмы, какіе были нужны, чтобы расторгнуть его. Аннѣ было назначено большое содержаніе, подаренъ замокъ Ричмондъ, дано очень почетное положеніе; она безъ сопротивленія согласилась на разводъ и осталась въ Англіи, пользоваться, даннымъ ей богатствомъ. Палата лордовъ поднесла королю адресъ, въ которомъ просила его, ради блага націи, вступить въ новый бракъ, чтобы Богъ благословилъ его многочисленными дѣтьми и обезпечилъ тѣмъ продолженіе династіи. Черезъ нѣсколько недѣль, 8 августа (1540 года), Генрихъ повѣнчался съ Катериною Гоуардъ, красавицей съ нѣжными чертами лица и граціозными манерами.

Этотъ (пятый) бракъ Генриха далъ перевѣсъ католикамъ; они стали преслѣдовать протестантовъ съ такой жестокостью, какой мало примѣровъ въ исторіи религіозныхъ гоненій. Законъ, называвшійся Шестью статьями, давалъ средства для этого. Не было числа арестамъ и казнямъ. Самъ Кранмеръ подвергся опасности и уцѣлѣлъ только благодаря расположенію короля, который пріѣхалъ къ нему въ архіепископскій дворецъ (Лэмбетъ) и милостиво принялъ его оправданіе. Религіозныя книги были подвергнуты строгой цензурѣ. Многіе типографщики были наказаны. Были возстановляемы отмѣненные обряды. Но торжество папистовъ было не продолжительно; оно основывалось на страсти короля къ новой женѣ; его любовь къ ней неожиданно замѣнилась ненавистью: ему было донесено, что Катерина до свадьбы вела нескромную жизнь и даже послѣ свадьбы имѣла тайныя свиданія съ однимъ изъ прежнихъ любовниковъ. Королева была предана суду, виновность ея была доказана, парламентъ осудилъ ее на казнь, и 12 февраля 1542 она вмѣстѣ съ помогавшей любовнымъ ея интригамъ лэди Рочфордъ была казнена на Тоуэрскомъ холмѣ (Towerhill), обыкновенномъ мѣстѣ казни.

Кранмеръ снова сталъ пользоваться прежнимъ вліяніемъ на короля, онъ не могъ преодолѣть вражды Генриха къ лютеранству, но „Королевская книга“, принятая конвокаціей послѣ долгаго совѣщанія въ 1543 году, смягчила правила Шести статей и уменьшила преслѣдованіе протестантовъ.

Вліяніе Кранмера усилилось, когда Генрихъ женился на вдовѣ лорда Летимера, Катеринѣ Паррѣ, въ тайнѣ державшейся протестантскаго ученія. Быть можетъ, король согласился бы произвести нѣкоторыя преобразованія въ протестантскомъ духѣ, если бы не заключилъ союза съ императоромъ противъ короля французскаго. По договору съ Карломъ онъ обязался не допускать дальнѣйшихъ нововведеній въ англійской церкви. Война доставила ему городъ Булонь. Пользуясь обѣщаніемъ, которое далъ онъ Карлу, католики побудили его возобновить гоненіе на еретиковъ, въ особенности на людей, принявшихъ ученіе Цвингли объ Эвхаристіи. Анна Эскью (Askew), знатная дама, принятая при дворѣ королевы, была въ 1546 подвергнута свирѣпымъ пыткамъ и сожжена на Смитфильдской равнинѣ. Ожесточеннѣйшими гонителями протестантовъ были Гэрднеръ, Боннеръ и новый канцлеръ Рейотсли (Wriothesley). Самъ Кранмеръ былъ потребованъ къ отвѣту въ тайный совѣтъ, но опять былъ избавленъ отъ бѣды личной благосклонностью Генриха. На допросахъ Анны Эскью обнаружилось, что королева держится лютеранскаго ученія, и она спаслась отъ гибели только благодаря чрезвычайной ловкости, съ какой убѣдила Генриха, что во всемъ беретъ за правило себѣ мудрыя мнѣнія своего мужа и господина, потому что «Богъ создалъ мужчину по

своему подобію и предназначилъ его быть учителемъ и руководителемъ женщины», какъ говорила она мужу.

Генрихъ до конца жизни оставался вѣренъ своей церковной системѣ, державшейся середины между реформаціею и католичествомъ. Въ послѣдней рѣчи, сказанной въ парламентѣ, онъ рѣзко порицалъ и католиковъ, держащихся безъ всякаго разбора старины, и протестантовъ, слишкомъ торопливо производящихъ нововведенія. Болѣзненное ожиреніе разрушало его здоровье; чувствуя, что ему не долго остается жпть, онъ спѣшилъ упрочить свою церковную систему такъ, чтобъ она удержалась и по его смерти. Въ своемъ завѣщаніи онъ псключилъ Гәрдинера изъ числа членовъ совѣта, которому поручилъ править государствомъ въ малолѣтство его наслѣдника: онъ зналъ, что Гәрдинеръ остается преданъ католичеству и только притворяется усерднымъ слугою королевской воли. Съ фамиліею Гоуардовъ, стоявшей во главѣ католической партіи, онъ поступилъ безчеловѣчно. Герцогъ Норфолькъ, глава этой фамиліи, и сынъ его, графъ Сорри, были преданы суду. Графъ Сорри былъ человѣкъ даровитый, замѣчательный поэтъ. Онъ не былъ пѣромъ, потому было можно предать его суду комиссіи, вполнѣ зависѣвшей отъ воли короля; процессъ его былъ конченъ быстро, и 19 января 1547 онъ былъ казненъ. Судить герцога Норфолька могла только палата пѣровъ, или надобно было провести черезъ обѣ палаты парламента билль смертнаго приговора ему. Этотъ путь былъ быстрѣе правильнаго судебного процесса въ палатѣ лордовъ и былъ выбранъ Генрихомъ. Билль смертной казни былъ принятъ обѣими палатами парламента; оставалось только подписать его королю; но Генрихъ въ это время уже умиралъ, и смерть его спасла герцога Норфолька. Генрихъ умеръ 28 января 1547, на 56 году жизни, на 38 царствованія.

Похвалы, какими гуманисты привѣтствовали Генриха при его вступленіи на престолъ, давно замолкли; но и въ мрачные годы свирѣпаго деспотизма онъ сохранялъ расположеніе къ искусству и наукѣ. Однимъ изъ послѣднихъ его распоряженій было пожалованіе большаго дохода троицкому коллегіуму (Trinity College) кэмбриджскаго университета.—Проклятія современниковъ и потомства лежатъ на имени Генриха VІІІ. Со временъ Нерона и Домиціана едва ли былъ въ Европѣ государь такого деспотическаго и кровожаднаго характера. Ранке говоритъ: «У Генриха VІІІ не было душевнаго расположенія ни къ кому, всѣ люди были для него только орудія, которыя онъ ломалъ по произволу; но онъ имѣлъ большой практической умъ и неутомимую дѣятельность; капризное легкомысліе соединялось въ немъ съ твердостью воли». Много виновато было въ развитіи его свирѣпаго деспотизма раболѣпство свѣтской и духовной аристократіи и представителей народа въ палатѣ общинъ: парламентъ безпрекословно подчинялся его повелѣніямъ; это усиливало его презрѣніе къ людямъ, его склонность къ произволу, къ безжалостнымъ порывамъ страстей. И парламентъ и конвокація доходили до крайности въ своемъ подобострастіи Генриху: они дали ему такую власть надъ церковью, какой не имѣлъ и самъ папа; они признали его повелѣнія имѣю-

щими силу законовъ, сдѣлали себя соучастниками его кровавой тиранніи. Когда онъ бывалъ въ ихъ засѣданіяхъ, они истощали всѣ силы краснорѣчія на прославленіе «священнаго монарха», новаго Соломона и Давида, становились на колѣни при произнесеніи его имени, и онъ благосклонно выражалъ удовольствіе, что его подданные такъ хорошо понимаютъ благодѣянія, получаемыя ими отъ него.

Правленіе Генриха VIII гнусно съ нравственной точки зрѣнія, но въ это время было положено основаніе могуществу англійской націи. Генрихъ дѣятельно заботился объ укрѣпленіи береговъ, избавилъ Англію отъ подвластности папѣ; и хотя онъ не уважалъ правъ парламента, но конституціонная жизнь сдѣлала при немъ большіе успѣхи. Прежде центръ политической жизни находился въ палатѣ пэровъ, теперь стало возвышаться значеніе палаты общинъ. При требованіи денегъ, надобно было обращаться къ ней прежде, чѣмъ къ палатѣ пэровъ. Всѣ статуты были предметомъ ея совѣщаній; ея одобреніе было необходимо для нихъ; она заботливо охраняла это свое право, хотя на дѣлѣ оно часто бывало только формальностью. Даже знаменитый актъ, давшій королевскимъ повелѣніямъ силу закона и называемый самоубійствомъ парламента, былъ формальнымъ засвидѣтельствованіемъ его правъ. При Уольси семь лѣтъ были приводимы въ исполненіе всяческія королевскія повелѣнія съ полнымъ пренебреженіемъ къ правамъ парламента; теперь было признано, что они получаютъ законную силу только по этому акту парламента.

Генрихъ VIII былъ основателемъ новой эпохи англійской государственной жизни и въ томъ отношеніи, что, слѣдуя примѣру отца, заботился о соединеніи всѣхъ частей государства въ одно цѣлое; этимъ онъ подготовилъ возможность національной политики. Попытки его присоединить къ Англіи Шотландію не удались, какъ мы расскажемъ ниже; но объединеніе Уэльза и Ирландіи съ Англіей исполнилось при немъ. Онъ подчинилъ Уэльзъ, родину своей династіи, церковнымъ и гражданскимъ законамъ Англіи, принудилъ къ дѣйствительному повиновенію ирландскія династіи Десмондовъ, Оссори и Физъ-Джеральдовъ, графовъ Кильдерскихъ; прежде эти князья успѣшно боролись противъ англійскаго владычества, и оно фактически ограничивалось тою частью восточной Ирландіи, которая называлась огражденной тыномъ (Pale). Пять Физъ-Джеральдовъ, надѣявшихся при поддержкѣ папы и императоровъ свергнуть съ Ирландіи власть еретическаго короля и возложить на графа Кильдерскаго королевскую корону Ирландіи, подняли оружіе (въ войнѣ съ ними былъ убитъ Олленъ (Allen), архіепископъ дублинскій, исполнявшій церковныя повелѣнія Генриха; но они были вѣроломно захвачены въ плѣнъ ирландскимъ Лордомъ-намѣстникомъ Гре, отправлены въ Англію и казнены тамъ (въ 1537 году). Ихъ судьба ужаснула другія ирландскія династіи, такъ что князья и вельможи Ирландіи явились въ парламентъ королевства ирландскаго, созданный въ Дублинѣ, и приняли церковныя законы, введенныя въ Англію. Папское примаство и аппелляція къ

папѣ были отмѣнены и въ Ирландіи, какъ въ Англіи, король былъ признанъ главою ирландской церкви, аннаты и монастырскія имѣнія были отданы ему, отказъ въ присягѣ признавать его супрематство (верховную власть надъ церковью) былъ объявленъ мятежомъ; установленный для Англіи порядокъ престолонаслѣдія былъ распространенъ и на Ирландію. Но въ отдаленныхъ частяхъ ея не были признаны эти постановленія раболѣпнаго дублинскаго парламента. Когда лордъ намѣстникъ сталъ конфисковать монастыри и требовать присяги супрематству короля, паписты возбудили тамъ народъ къ возстанію. Лордъ Гре дѣйствовалъ безпощадно, но не оправдалъ ожиданій короля, не могъ усмирить возстанія, былъ отозванъ въ Англію и казненъ какъ измѣнникъ (въ іюнѣ 1541). Преемникъ его былъ счастливѣй; нѣкоторые изъ сильнѣйшихъ областныхъ князей, подкупленные отдачей имъ монастырскихъ имѣній и почестями, прекратили сопротивленіе, признали власть короля англійскаго. Былъ созванъ новый ирландскій парламентъ и въ іюнѣ 1642 далъ Генриху и его преемникамъ вмѣсто прежняго титула «господинъ (лордъ) Ирландіи» титулъ «короля Ирландіи». Вѣрность стоворчивыхъ вельможъ была упрочена пожалованіемъ леновъ и графской власти въ ихъ областяхъ.

Но присоединеніе Ирландіи къ Англіи осталось непрочнымъ, прозрачнымъ, потому что не соотвѣтствовало дѣйствительнымъ чувствамъ ирландскаго народа. Власть прежнихъ династій сохранилась; законы о преобразованіи церкви не могли быть исполнены во всемъ своемъ размѣрѣ; наперекоръ постановленію о секуляризаціи монастырей оставались еще цѣлое столѣтіе неприкосновенными аббатства Тейронское, Тирконнельское, Ферманахское; папистское духовенство продолжало владычествовать надъ понятіями невѣжественнаго народа. Когда впослѣдствіи правительство стало вводить въ Ирландіи англійское богослуженіе, народъ былъ еще не подготовленъ къ его принятію, и оно тѣмъ меньше могло стать національнымъ, что совершалось на англійскомъ языкѣ, такомъ же непонятномъ для ирланцевъ какъ латинскій. Тогда еще и въ области за оградой владычествовалъ ирландскій языкъ. Такимъ образомъ, Ирландія осталась въ сущности чужой землей для Англіи; въ ней даже не могла быть подавлена власть областныхъ династій; онѣ часто подымали мятежи; Ирландія была по прежнему терзаема анархіей, безуспѣшными и свирѣпыми мѣрами для прекращенія безпорядковъ.

5. Шотландія при Стюартахъ.

Тюдоры не могли формально присоединить Шотландію къ Англіи, какъ присоединили Ирландію, но подготовили будущее прочное ея соединеніе съ Англіей.—Въ VII томѣ мы довели рассказъ о шотланд-

ской исторіи до того времени, когда послѣ долгихъ войнъ за престолъ корона была приобрѣтена династіей Стюартовъ. Но власть короля была слаба; вельможи, сильные обширностью владѣній и патріархальной связью съ своими подданными, страстные охотники, привычные владѣть оружіемъ, приобрѣли почти полную независимость. На ихъ сторонѣ было и духовенство, владѣвшее огромными имѣніями, потому что всѣ важныя церковныя должности принадлежали младшимъ братьямъ и сыновьямъ вельможъ. При малочисленности и незначительности городовъ въ Шотландіи, не развилось свободное городское сословіе, потому власть по внутреннимъ дѣламъ принадлежала вельможамъ; населеніе, состоявшее почти исключительно изъ пастуховъ и хлѣбопашцевъ, знало судъ только своего землевладѣльца. Власть короля состояла лишь въ командованіи на войнѣ. Судьею онъ былъ только въ коронныхъ имѣніяхъ; сюзеренныя права его не были уважаемы вельможами, вассальная зависимость ихъ отъ него ослабѣвала, коронныя имѣнія были захватываемы ими. Общественное устройство было племенное, по шотландскому термину—клановое: глава клана (племени) былъ патронъ всѣхъ живущихъ на землѣ клана. Всѣ они были его кліенты, считали его своимъ родовымъ начальникомъ; эта связь вельможи съ народомъ его области давала прочность его могуществу. Вельможи были соединены между собою семейнымъ родствомъ и браками; кромѣ того заключали формальные союзы для сопротивленія произволу короля. Почти всѣ государи династіи Стюартовъ были храбры и властолюбивы, но почти всѣ умирали рано, оставляя своихъ наслѣдниковъ малолѣтними и, въ годы регентства вельможи расширяли свои права, захватывали коронныя имѣнія, ослабляли королевскую власть. Исторія Стюартовъ—непрерывный рядъ ихъ неудачныхъ попытокъ возвратить коронѣ утраченныя имѣнія, поднять ея упавшее могущество. Погибель Банко, легендарнаго предка Стюартовъ, была судьба почти каждого изъ нихъ.

Робертъ III, преемникъ перваго короля династіи Стюартовъ, имѣлъ Робертъ III
двухъ сыновей; старшаго изъ нихъ уморилъ съ согласія слабоумнаго 1390—1406.
отца голодной смертью дядя, желавшій захватить престолъ и для
этого погубить сыновей короля. Младшій сынъ Роберта Іаковъ, 18-ти
лѣтъ, находился въ англійскомъ плѣну; слабоумный Робертъ, попавъ
подъ владычество младшаго брата, понялъ наконецъ его коварство
и умеръ опечаленный тѣмъ, что былъ убійцею невиннаго старшаго
сына. Іаковъ I, получивъ власть послѣ бурнаго междуцарствія, хо- Іаковъ I
тѣлъ смягчить варварскіе нравы своего народа введеніемъ англій- 1406—1437.
скихъ обычаевъ, покровительствомъ промышленности, основаніемъ
университета въ Сентъ-Эндрюсъ (St. Andrews), законами, обуздываю-
щими буйство свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ. Они составили за-
говоръ и убили его (въ одномъ изъ пертскихъ монастырей). Сынъ Іаковъ II
его, Іаковъ II, былъ при смерти отца ребенкомъ; по достиженіи со- 1437—1460.

Іаковъ III
1460—1488.

вершеннолѣтія, онъ началъ войну съ могущественнымъ родомъ Дугласовъ; побѣдивъ ихъ, онъ сталъ подавлять другихъ вельможъ, расширять власть королевскаго суда; но вскорѣ былъ убитъ на неудачномъ походѣ въ Англію. Ему было тогда только 30 лѣтъ, и королемъ сталъ семилѣтній ребенокъ. Іаковъ III, достигнувъ совершеннолѣтія, пошелъ къ той же цѣли, какъ отецъ, но другимъ путемъ. Ему не нравились охота и война, любимыя занятія вельможъ; онъ уклонился отъ сношеній съ свѣтской аристократіей, поручилъ почти всѣ государственныя дѣла духовнымъ лицамъ, окружилъ себя простолюдинами, астрологами, музыкантами, архитекторами, льстившими его слабостямъ. Вѣроятно, онъ рассчитывалъ, при содѣйствіи своихъ любимцевъ, подавить вельможъ по примѣру Людовика XI, своего современника, стать самовластнымъ государемъ; но средства его были очень малы, способъ его дѣйствій не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ, и своей враждой къ аристократіи онъ не ослабилъ ее, а только раздражилъ. Когда онъ повелъ войско на границу, отразить нападеніе англичанъ и расположился станомъ у рѣки Лодера (Lauder), нѣсколько вельможъ, оскорбленныхъ имъ, ворвались съ вооруженной свитой въ его палатку, схватили всѣхъ его любимцевъ, кромѣ Рэмси (Ramsay), котораго успѣлъ спасти король, обнявъ его, и повѣсили ихъ у Лодерскаго моста. Іаковъ хотѣлъ отмстить имъ и черезъ нѣсколько времени собралъ войско, преданное ему, пошелъ на мятежныхъ вельможъ; но на рѣчкѣ Бэннокборнѣ войско его было разбито ими, онъ поскакалъ съ поля битвы; при переправѣ черезъ рѣчку, конь его упалъ; гнавшіеся за нимъ подняли его, оглушеннаго паденіемъ; перенесли на мельницу, не зная, кто онъ, и одинъ изъ нихъ убилъ его.

Іаковъ IV
1488—1513.

Сынъ его Іаковъ IV былъ въ противоположность отцу человѣкъъ прямодушный и храбрый, потому пріобрѣлъ расположеніе вельможъ. Война этого короля съ Генрихомъ VII кончилась въ 1503 году союзомъ и женитьбой на дочери Генриха, Маргаретѣ. Послѣ того Шотландія долго пользовалась спокойствіемъ. При дворѣ щедраго, любившаго блескъ, Іакова IV шли праздники съ рыцарскими играми; въ Эдинбургѣ строились прекрасныя зданія; увеличился шотландскій флотъ; король выказывалъ довѣріе къ вельможамъ; они любили его. Но когда королемъ англійскимъ сталъ братъ жены Іакова IV, Генрихъ VIII, и впутался въ войны короля французскаго съ императоромъ, Іаковъ, подобно своимъ вельможамъ, жаждавшій случая возстановить славу шотландскаго оружія, возобновилъ старый союзъ шотландскихъ королей съ Франціей и вторгнулся въ Нортмберлэндъ. У Флодденской горы (южнаго отрога Чевіотскаго хребта) онъ былъ (9 сентября 1513) разбитъ графомъ Сорри; 10.000 шотландцевъ, въ томъ числѣ многіе вельможи, легли на полѣ битвы. Король исчезъ, и только на другой день нашли его тѣло подъ грудой тѣлъ шотландскихъ дворянъ, не хотѣвшихъ пережить любимаго государя.

Пораженіе при Флодденѣ одѣло въ трауръ всю Шотландію. Почти каждая вельможеская фамилія оплакивала убитыхъ родныхъ. Королемъ сталъ ребенокъ; члены регентства ссорились между собою; образовались двѣ партіи: французская, главою которой былъ герцогъ Альбэни (Albany), ближайшій родственникъ короля, и англійская, группировавшаяся около королевы-матери, имѣвшая своими вождями Дугласовъ. Обѣ онѣ получали пособія деньгами и войскомъ отъ государей, интересы которыхъ поддерживали; началось междоусобіе; на улицахъ Эдинбурга произошла схватка между Дугласами и сторонниками другой партіи, Гэмилътонами; въ этой дракѣ было убито 72 человека; въ томъ числѣ братъ графа Эррена (Arran), главы рода Гэмилтъоновъ. И та и другая партія старалась овладѣть королемъ. Наконецъ онъ попалъ въ руки Дугласовъ. Они держали его подъ стражей, хотя онъ уже былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Онъ бѣжалъ переодѣтый, объявилъ Дугласовъ мятежниками и послѣ непродолжительной войны принудилъ ихъ въ 1528 году бѣжать изъ государства. Они удалились въ Англію. Ихъ имѣнья были конфискованы. Только черезъ 15 лѣтъ получили они дозволеніе возвратиться. Побѣдивъ Дугласовъ, Іаковъ V, которому было теперь 16 лѣтъ, сталъ подавлять другихъ вельможъ, строилъ замки и цитадели для предотвращения мятежей. Графъ Ботуэль и нѣкоторые другіе вельможи принуждены были бѣжать изъ отечества. Графъ Эрмстронгъ, лордъ Форбзъ и многіе другіе были казнены. Король поручалъ государственныя должности церковнымъ сановникамъ, болѣе послушнымъ, чѣмъ свѣтскіе вельможи. Англійскіе паписты и ихъ иноземные союзники надѣялись, что Іаковъ V поддержитъ католичество въ Англіи силой оружія. Онъ женился на дочери короля французскаго, Магдаленѣ; она скоро умерла, но это не ослабило связей Іакова съ Франціей. Онъ женился на вдовствующей герцогинѣ Лонгвильской, Маріи Гизъ, братья которой были тогда вліятельнѣйшими людьми при французскомъ дворѣ. Марія раздѣляла преданность своего мужа католичеству. Іаковъ и французскій дворъ желали войны съ Англіей; но шотландскіе вельможи досадовали на обиды отъ короля и уже думали обогатиться конфискаціей церковныхъ имѣній; потому Іаковъ не могъ сдѣлать нашествія на Англію.—Но, подъ вліяніемъ шотландскаго духовенства, подкрѣпившаго свои убѣжденія пожертвованіемъ большой суммы въ казну, онъ уклонился отъ дружескихъ отношеній къ англійскому королю, которая желала установить вдовствующая королева, сестра Генриха. Всѣ приглашенія короля англійскаго племяннику пріѣхать на свиданіе съ нимъ въ Йоркъ остались напрасны; безуспѣшны были и старанія англійскихъ пословъ склонить Іакова къ такимъ же мѣрамъ противъ папы, какія были приняты Генрихомъ. Іаковъ возвращалъ не прочтенными переданные ему трактаты противъ папскаго приматства. Онъ ввѣрилъ все управленіе государствомъ кардиналу

Іаковъ V
1513—1542.

Битону, архієпископу Сентъ-эндрусскому. При враждебныхъ отношеніяхъ между королями, постоянныя драки шотландцевъ съ англичанами на границѣ двухъ государствъ приняли большіе размѣры, такъ что возникла наконецъ формальная война. Шотландскіе вельможи неохотно пошли на войну за короля, оскорблявшаго ихъ; недовольство ихъ было тѣмъ сильнѣе, что Іаковъ назначилъ главнокомандующимъ Джона Синклера, бездарнаго своего любимца, презираемаго всѣми. Англіійскій отрядъ разбилъ у Полюи-Мосса шотландское войско, въ два раза превосходившее его числомъ; въ досадѣ и стыдѣ, Іаковъ уѣхалъ изъ главной квартиры, находившейся при Фелѣ (Fala, у западнаго склона Лэммермурскихъ горъ), въ уединенный замокъ Фоклэндъ и впалъ тамъ въ меланхолію; къ душевному разстройству присоединилась лихорадка, и онъ умеръ 14 декабря (1542) на 32 году жизни. За семь дней до его смерти королева родила дочь Марію Стюартъ, наслѣдницу шотландской короны.

Смерть Іакова V имѣла своимъ послѣдствіемъ продолжительныя междоусобія, кончившіяся введеніемъ реформациі въ Шотландію. Еще при жизни Іакова новое ученіе, проникавшее въ Шотландію изъ Германіи и Англіи, пріобрѣло много послѣдователей въ королевствѣ. Шотландское духовенство, невѣжественное и думавшее только о деньгахъ и удовольствіяхъ, было неспособно опровергать нападенія на католичество, шедшія отъ гуманистовъ сентъ-эндрусскаго университета и отъ приверженцевъ реформациі. Кардиналъ архієпископъ Битонъ свирѣпо преслѣдовалъ протестантскихъ проповѣдниковъ и всѣхъ приходившихъ слушать ихъ въ тайныхъ ночныхъ собраніяхъ; но сѣмя новой вѣры разросталось. Въ 1527 году былъ сожженъ Патрикъ Гэмилтонъ, научившійся евангельскому вѣроисповѣданію въ Германіи; послѣ того было убито или брошено въ темницу много протестантскихъ вѣро-учителей, многіе другіе бѣжали. Въ числѣ бѣжавшихъ находились Элессъ (Aless), ученикъ Гэмилтона, и Джорджъ Бокенэнъ (Buchanan), историкъ и поэтъ, писавшій изящнымъ латинскимъ языкомъ. Бѣжалъ и Джонъ Ноксъ (Knox), профессоръ богословія въ сентъ-эндрусскомъ университетѣ, заподозрѣнный Битономъ въ ерествѣ; но онъ нашелъ себѣ прибѣжище въ самой Шотландіи, въ замкѣ Дугласа, лэрда (владѣтеля) Ленгиндрийскаго.

По смерти Іакова V положеніе дѣлъ въ Шотландіи измѣнилось. Генрихъ VIII хотѣлъ воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что шотландская корона перешла къ дѣвочкѣ, желалъ, чтобы малютка была помолвлена съ его наслѣдникомъ Эдуардомъ; это подготовило бы присоединеніе Шотландіи къ Англіи. Онъ интриговалъ, склоняя шотландскихъ вельможъ къ своему проекту обрученія, помогъ Дугласамъ и другимъ эмигрантамъ возвратиться на родину, отпустилъ шотландскихъ вельможъ, бывшихъ въ англіійскомъ плѣну. Они, живши въ Англіи, стали приверженцами введеннаго тамъ церковнаго устройства,

хотѣли низвергнуть прелатовъ, поддерживавшихъ покойнаго короля, отнять власть у ненавистнаго Битона, обогатиться церковными имѣніями. При ихъ содѣйствіи регентомъ сталъ глава фамиліи Гэмилътоновъ, графъ Эрренъ, человѣкъ слабаго характера, но расположенный къ реформаціи. Битонъ былъ лишенъ власти, но, при поддержкѣ королевы и французскаго двора, снова захватилъ ее. Онъ выставилъ соперникомъ Эррену графа Леннокса. Безхарактерный Эрренъ оробѣлъ, помирился съ Битономъ, сталъ помогать ему въ интригахъ противъ союза съ Англіей, который возбуждалъ въ шотландцахъ опасеніе за національную независимость. Договоръ о помолвкѣ королевы съ сыномъ короля англійскаго, утвержденный шотландскимъ парламентомъ, былъ отмѣненъ. Начались раздоры съ Англіей и междоусобія. Война Генриха VIII въ союзѣ съ императоромъ противъ короля французскаго отразилась на ходѣ дѣлъ въ Шотландіи. Генрихъ хотѣлъ оружіемъ принудить шотландское правительство возстановить договоръ о помолвкѣ Маріи съ его сыномъ; это раздражило массу шотландскаго народа, и французско-католическая партія пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ.

Битонъ, захвативъ въ свои руки управленіе дѣлами, поступалъ очень круто. Чтобы запугать приверженцевъ реформаціи, онъ рѣшился убить Джорджа Уишерта (Wishart), странствующаго евангелическаго проповѣдника, человѣка знатной фамиліи, ученаго, пользовавшагося большимъ уваженіемъ у послѣдователей новой вѣры. Уишертъ былъ арестованъ, преданъ духовному суду, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ Битонъ, былъ осужденъ какъ еретикъ и сожженъ на площади въ Сентъ-Эндрусѣ (1 марта 1546). Онъ шелъ на костеръ мужественно. Битонъ смотрѣлъ изъ окна укрѣпленнаго дворца; Уишертъ, охваченный пламенемъ, воскликнулъ: «Надменно смотрящій на мою смерть самъ скоро будетъ лежать во прахѣ на этомъ мѣстѣ, покрытый позоромъ». Предсказаніе исполнилось. Нѣсколько вельможъ, уважавшихъ Уишерта, соединились на мщеніе за него, ворвались утромъ 29 мая во дворецъ, бросились на архіепископа, застигнутаго ими въ спальнѣ, рубили и кололи его. Онъ упалъ мертвый. Они овладѣли замкомъ, часть котораго составлялъ дворецъ; къ нимъ пришли другіе усердные протестанты, потомъ приплыла на помощь имъ англійская эскадра. Они больше пяти мѣсяцевъ оборонялись отъ войскъ регентства и помогавшаго ему французскаго отряда. По смерти Генриха, лишившись помощи англичанъ, они сдались подъ условіемъ, что ихъ жизнь будетъ пощажена, и были отвезены плѣнниками во Францію. Въ числѣ этихъ плѣнныхъ паходился Джонъ Ноксъ, присоединившійся къ занявшимъ замокъ, но пришедшій туда уже послѣ убійства Битона.

Англійское правительство не хотѣло отказаться отъ проекта женитьбы Эдуарда на королевѣ шотландской. Лордъ протекторъ (ре-

гентъ) Сомерсетъ повелъ войско въ Шотландію. Графъ Эррентъ велѣлъ носить изъ клана въ кланъ шотландскій символъ призыва народа къ оружію, маленькій сложенный изъ двухъ палочекъ крестъ съ обожженными концами. Собралось многочисленное войско; оно было разбито англичанами подъ замкомъ Пинки (въ сентябрѣ 1547); но шотландцы не оробѣли. Любовь къ національной независимости проявилась у нихъ съ удвоенной силой. Регентша, королева-мать, Марія Гизъ призвала съ одобренія народа французское войско въ Шотландію и, чтобъ отнять у англичанъ всякую надежду овладѣть королевой, отослала свою шести-лѣтнюю дочь въ Парижъ, обручила ее съ наследникомъ французскаго престола. Война продолжалась безъ большихъ успѣховъ для англичанъ. Наконецъ 24 марта 1550 англійское правительство заключило съ Франціей и Шотландіей миръ, по которому отказалось отъ требованія помолвки малолѣтней королевы шотландской съ малолѣтнимъ королемъ англійскимъ.

ХVІ. ЮЖНАЯ ЕВРОПА. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛЬВИНА ВЪ ЖЕНЕВѢ.

1. Мусульманскіе корсары.

Связи между народами западной Европы становились шире и плотнѣе; ходъ дѣлъ въ одномъ государствѣ оказывалъ вліяніе на дѣла другихъ. Но личные интересы государей и національныя антипатіи сохраняли перевѣсъ надъ соображеніями объ общихъ выгодахъ, ни одинаковость вѣроисповѣданія, ни общность политическихъ цѣлей не могла создать прочныхъ союзовъ. Государи увлекались побужденіями минутныхъ выгодъ. Сильнѣйшіе изъ нихъ, Карлъ и Францискъ, волновали всю западную Европу своимъ соперничествомъ, повсюду искали союзниковъ, интриговали, обольщали другихъ государей и народы всяческими обѣщаніями. Францискъ поддерживалъ, какъ мы говорили, враговъ габсбургской династіи въ Германіи и скандинавскихъ государствахъ; союзникъ папы, беспощадный преслѣдователь еретиковъ въ своемъ королевствѣ, онъ помогалъ протестантамъ другихъ земель; онъ даже вступилъ въ союзъ съ турками: ему не было нужды, что они враги всего христіанства; было достаточно то, что они враги габсбургской династіи.

По Средиземному морю уже довольно давно стали разѣзжать дерзкіе мусульманскіе корсары, главнымъ пріютомъ которыхъ былъ Тунисъ. Вождями ихъ были три брата греки ренегаты, сыновья уроженца Румеліи, занимавшагося корсарствомъ въ маленькомъ размѣрѣ, плававшего на грабежъ изъ Lesbosскихъ гаваней. Самымъ знаменитымъ изъ этихъ трехъ братьевъ былъ младшій Хайреддинъ, котораго европейцы называли Барбароссой; знаменитъ былъ и второй братъ Урухъ или Горукъ, но скоро былъ убитъ вмѣстѣ съ старшимъ бра-

томъ Исхакомъ при набѣгѣ на одно изъ бедуинскихъ племенъ. Хайреддинъ сначала находился на службѣ эмира тунисскаго (изъ династїи Бени Гафсъ), потомъ сталъ дѣйствовать по собственной волѣ, не спрашивая согласія эмира. У него составилось войско изъ южно-европейскихъ ренегатовъ, выгнанныхъ испанскимъ правительствомъ андулузскихъ морисковъ, сѣверо - африканскихъ туземцевъ. Онъ нападалъ на сосѣднихъ африканскихъ князьковъ и на берега христіанскихъ земель, онъ овладѣлъ алжирской, оранской и тлемсенской областями. Имя его уже было грозно по всѣмъ южнымъ берегамъ христіанскаго запада, когда онъ въ 1533 году отправился въ станъ Сулеймана, воевавшего съ персами; сказалъ султану льстивую рѣчь, говорилъ, что онъ сравнялся славой съ Джемшидомъ. Сулейманъ отдалъ ему алжирскій санджакъ (округъ) и назначилъ его беглербегомъ моря (главнокомандующимъ турецкаго флота). Возвращаясь изъ Азіи, онъ подплывалъ къ берегамъ Неаполя, разрушилъ нѣсколько замковъ, увезъ много добычи и плѣнныхъ. Семейный раздоръ въ династїи Бени Гафсъ далъ ему случай увеличить свое могущество. Онъ вступился за Альрашида противъ другого брата, Мулей-Гасана, навлекшаго на себя ненависть народа жестокостью, взялъ Тунисъ, отбилъ нападенія Мулей-Гасана, удержалъ Тунисъ за собой, отослалъ Альрашида въ Константинополь, призналъ султана верховнымъ владѣтелемъ, велѣлъ упоминать его имя въ общественныхъ молитвахъ; велѣлъ вырѣзать его и на монетахъ. Мулей-Гасанъ скитался изгнанникомъ.

Западная Европа уже давно страдала отъ сѣверо - африканскихъ корсаровъ, плававшихъ на разбой изъ Туниса. Они захватывали купеческіе корабли, грабили побережья, увозили въ рабство множество христіанъ. Жители приморскихъ земель постоянно опасались быть увезенными въ плѣнъ. Корсары ходили на много миль отъ моря. Особенно страдали отъ корсаровъ берега монархіи Карла V. Это было какъ будто мщеніемъ за изгнаніе морисковъ. Корсары плавали на грабежъ изъ гаваней еще недавно бывшихъ подвластными испанцамъ, казавшихся Карлу V принадлежащими по праву ему. Онъ отдалъ іоаннитскимъ рыцарямъ Мальту, чтобъ они нападали, дѣлали высадки на африканскій берегъ. А теперь корсары грабили его собственныя владѣнія. Сулейманъ покровительствовалъ Хайреддину, отдавшему подъ его верховную власть Алжиръ и Тунисъ, которые прежде были независимы отъ султана. Францискъ былъ радъ, что мусульманскіе корсары нападаютъ на земли его соперника, велъ дружескія сношенія съ султаномъ, тайно помогалъ африканскимъ разбойникамъ, хотя, стыдясь навлечь на себя порицаніе всѣхъ христіанъ, не вступалъ съ ними въ явный союзъ. Онъ надѣялся при ихъ содѣйствіи овладѣть герцогствомъ миланскимъ и Неаполемъ. Говорятъ, что онъ далъ пушки Хайреддину. Такимъ образомъ Карлъ не полу-

чилъ помощи Франциска въ своей экспедиціи противъ корсаровъ; но другіе государи и народы охотно помогли ему въ этомъ дѣлѣ. Испанцы считали экспедицію противъ африканскихъ разбойниковъ священной войной. Императоръ передъ отплытіемъ изъ Барселоны пошелъ процессіей въ Монсератскій монастырь Богоматери; на адмиральскомъ кораблѣ былъ поднятъ флагъ съ изображеніемъ распятія. Папа Павелъ III прислалъ освященную шпагу Андрею Доріи, адмиралу императорскаго флота. Къ испанскимъ волонтерамъ присоединялись португальскіе; были также итальянскіе. Изъ Германіи пришли въ Геную для участія въ экспедиціи 8.000 ландскнехтовъ подъ начальствомъ графа Эберштейна. Сборнымъ пунктомъ была назначена гавань Кальяри; оттуда 14 іюля 1537 года императоръ отплылъ съ своимъ флотомъ къ африканскому берегу; плаваніе было счастливо; войско вышло на сушу, осадило замокъ Голетту, взяло его послѣ непродолжительной бомбардировки, двинулось къ Тунису. Мулей-Гасанъ, пріѣхавшій въ лагерь императора, увѣрялъ, что имѣетъ въ Тунисѣ много приверженцевъ. Но Хайреддинъ вывелъ противъ императора войско вдвое многочисленнѣе христіанскаго, имѣвшаго 30.000 человекъ. Впрочемъ, большинство шло за Хайреддиномъ для защиты вѣры, а не своего владѣтеля. Въ сраженіи 20 іюля мусульмане не устояли противъ артиллеріи Карла и атаки его пѣхоты; первые обратились въ бѣгство тунисцы, потомъ конница кочевыхъ племенъ; наконецъ отступили турки и ренегаты, храбрѣйшіе воины Хайреддина. Императорское войско пошло къ Тунису, овладѣло колодезями; но воды въ нихъ было недостаточно. Городъ оборонялся упорно. Еслибъ осада затянулась, положеніе войска Карла стало бы опасно. Но христіане, находившіеся въ рабствѣ и запертые въ тунисскую цитадель, нашли случай освободиться и овладѣть ею. Это заставило Хайреддина уйдти изъ Туниса, чтобы собрать войско въ западной части своего государства. Онъ надѣялся, что успѣетъ прійти съ нимъ на выручку осажденнымъ. Пока онъ собиралъ войско въ Бонѣ, христіане взяли Тунисъ. Еслибъ императоръ и хотѣлъ пощадить жителей, разъяренные воины едва ли послушались-бы его. Два дня длились грабежъ и убійства. Тысячи мусульманъ были зарѣзаны; еще гораздо больше того было взято въ рабство. Императоръ отдалъ Тунисъ Мулей-Гасану, обѣщавшемуся не допускать морскаго разбоя, поставилъ гарнизоны въ Голеттѣ и нѣсколькихъ другихъ гаваняхъ и съ торжествомъ возвратился въ Европу. Онъ хотѣлъ въ слѣдующемъ году снова плыть въ Африку, овладѣть Алжиромъ и другими гаванями; но европейскія дѣла не дозволили ему исполнить это намѣреніе.

2. Новая война Карла съ Францискомъ.

По Камбрейскому миру герцогство миланское было отдано Франциску Сфорцѣ, но власть надъ герцогствомъ осталась въ рукахъ императора. Крѣпости были заняты его гарнизонами. Онъ женилъ безхарактернаго герцога на своей племянницѣ Доротеѣ, дочери Христіана II датскаго; она помогала дядѣ управлять герцогомъ. Король французскій считалъ герцогство миланское наслѣдственнымъ владѣніемъ своей династіи, постоянно думалъ завоевать его. Онъ сносился съ миланскими противниками испанскаго владычества черезъ поступившаго на его службу миланца Маравилью, фамилію котораго французы произносили Марвель. Онъ послалъ Марвеля въ Миланъ вести личные переговоры съ герцогомъ; это порученіе должно было оставаться секретнымъ, но тщеславный Марвель хвалился, что онъ посолъ короля французскаго. Миланскіе сторонники Карла стали грозить герцогу гнѣвомъ императора. Герцогъ оробѣлъ, Марвель увидѣлъ себя въ опасности, набралъ отрядъ бандитовъ для защиты отъ враговъ; начались драки. Въ одной изъ нихъ былъ убитъ Кастильоне, начальникъ нападавшаго отряда. Герцогское правительство воспользовалось этимъ случаемъ, чтобъ отдѣлаться отъ Марвеля, арестовало его, подвергло пыткѣ и казнило (6 іюля 1533). Францискъ пришелъ въ негодованіе, разослалъ всѣмъ европейскимъ государямъ сообщеніе о казни своего посла, какъ о нарушеніи международного права. Императоръ возражалъ, что Марвель жилъ въ Миланѣ какъ частный человѣкъ, не имѣлъ посольскаго званія. Францискъ не слушалъ ни объясненій императора, ни извиненій герцога и его канцлера, Таверне, будучи радъ предлогу начать войну.

Довольно долго тянулись переговоры, но они служили для обѣихъ сторонъ только средствомъ выиграть время, чтобы приготовиться къ войнѣ. Францискъ дѣлалъ военныя преобразованія для замѣны наемниковъ національнымъ войскомъ. Онъ велѣлъ пересмотрѣть старыя грамоты, возлагавшія на дворянъ, какъ на королевскихъ вассаловъ, обязанность лично ходить на войну, издалъ распоряженія, возстановлявшія эту обязанность. Дворяне должны были составлять тяжелую кавалерію; пѣхоту составляли семь вновь формируемыхъ отрядовъ, названныхъ легіонами. Въ каждомъ легіонѣ было 6.000 человѣкъ; часть ихъ имѣла ружья, большинство было вооружено пиками или алебардами. Имъ было опредѣлено хорошее жалованье. Кромѣ этого національнаго войска, Францискъ вербовалъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ и швейцарцевъ; онъ полагалъ, что еще не можетъ обойтись безъ нихъ. Онъ строилъ крѣпости и улучшалъ артиллерію.

Императоръ видѣлъ, что Францискъ готовится возобновить войну, и ловко затягивалъ время, чтобъ отвлечь отъ короля французскаго союзниковъ его. Карлъ вошелъ въ сношенія съ шмалькальденскимъ союзомъ, выказывалъ уступчивость нѣмецкимъ протестантамъ, чтобъ

отклонить ихъ отъ содѣйствія Франциску. Онъ обманывалъ короля французскаго, выражая готовность назначить одного изъ его младшихъ сыновей герцогомъ миланскимъ по смерти болѣзненнаго Франциска Сфорцы. Благодаря этимъ переговорамъ, Карлъ могъ сдѣлать экспедицію въ Африку. Францискъ ставилъ себѣ въ большую заслугу передъ христіанствомъ то, что своимъ миролюбіемъ далъ Карлу возможность взять Тунисъ. Но вскорѣ послѣ того произошелъ фактъ, котораго давно ожидали: Францискъ Сфорца умеръ (24 октября 1535). Онъ не имѣлъ дѣтей, герцогство миланское возвращалось въ распоряженіе своего сюзерена, императора. Францискъ потребовалъ исполненія обѣщанія Карла отдать Миланъ третьему его сыну, герцогу ангулемскому. Императоръ праздновалъ тогда въ Неаполѣ свои африканскія побѣды и свадьбу одной изъ своихъ побочныхъ дочерей съ Александромъ Медичи, и самъ въ мавританскомъ костюмѣ участвовалъ въ турнирахъ. Онъ былъ не готовъ къ войнѣ съ Франціей и ему хотѣлось покорить всю западную половину африканскаго берега, потомъ идти на турокъ и подавить протестантство въ Германіи; онъ обдумывалъ, не слѣдуетъ ли ему согласиться на требованіе Франциска, пріобрѣсти этимъ прочную дружбу и содѣйствіе короля французскаго. Нѣкоторое время онъ склонялся къ мысли отдать вдовствующую герцогиню миланскую, свою племянницу Доротѣю, за герцога ангулемскаго и назначить его герцогомъ миланскимъ. Но оказалось, что Францискъ не удовольствуется этимъ: король французскій хотѣлъ, чтобы Миланъ былъ отданъ ему самому, а сынъ его былъ только намѣстникомъ его. Притомъ онъ хотѣлъ назначить намѣстникомъ не герцога ангулемскаго, а второго своего сына, герцога орлеанскаго. Императоръ не хотѣлъ отдать Миланъ этому сыну Франциска, женатому на Катеринѣ Медичи, потому имѣвшему возможность заявить права на Тоскану и расширить свою власть на всю Среднюю Италію; еще меньше могъ императоръ согласиться на то, чтобы государемъ Милана сталъ самъ король французскій; притомъ ясно было, что Францискъ хочетъ начать войну, и переговоры для него только средство обмануть императора: онъ уже собралъ большое войско въ Дофинѣ и заявлялъ притязанія на Савойю и Піэмонтъ.

Въ концѣ XV вѣка савойская династія породнилась съ французской. Внукомъ герцога Карла, наслѣдовавшаго титулъ короля киирскаго отъ Шарлотты, королевы киирской, передавшей въ 1475 году свои права родственникамъ своего мужа, принца савойской династіи, былъ Филиппъ, графъ бресскій, наслѣдовавшій герцогство савойское по прекращеніи старшей линіи герцогскаго рода. Онъ былъ тогда уже пожилой человѣкъ и черезъ годъ умеръ. Отъ первой своей жены Маргареты, принцессы бурбонской, онъ имѣлъ сына Филиберта и дочь Луизу. Филибертъ наслѣдовалъ отцу; Луиза вышла за Карла Ангулемскаго, и Францискъ I былъ ея сынъ. Умирая бездѣтнымъ, Фили-

Герцоги
савойскіе.
Филибертъ
1497—1504.

бертъ назначилъ своимъ преемникомъ Карла, своего брата по отцу, родившагося отъ второй жены Филиппа. Карлъ покинулъ политику своихъ предшественниковъ, державшихся союза съ Франціей, сблизился съ Габсбургами. Карлъ женилъ его на своей родственницѣ и далъ ему графство Асти. Францискъ сильно досадовалъ за это на него и ждалъ только случая отнять у него государство. Въ савойской династіи женщины были исключены отъ престолонаслѣдія, потому право Карла на престолъ было несомнѣнно. Притомъ Луиза, вступающая въ бракъ, положительно отреклась отъ всякихъ притязаній на наслѣдство; но Францискъ заявилъ требованіе, чтобы Карлъ отдалъ ему графство бресское и часть герцогства савойскаго, которую, по его словамъ, должна была наслѣдовать его умершая мать. Кромѣ того, онъ требовалъ область Фосиньи, бывшую леномъ владѣтелей Дофинѣ. графство Ниццу и часть Піэмонты, принадлежавшія въ XIV вѣкѣ къ Провансу и отнятыя у владѣвшей имъ младшей анжуйской линіи. Герцогъ доказывалъ, что эти притязанія не основательны, устранены договорами; Францискъ отвѣчалъ, что его мать и предки не имѣли права отказываться отъ владѣній за своихъ потомковъ или уступать земли французской короны, и склонилъ Бернъ и Фрейбургъ помогать ему въ войнѣ съ герцогомъ. Переговоры еще велись, когда швейцарцы заняли Женеву и Водскую область.

Карлъ III
1504—1553.

Императоръ, переѣхавшій изъ Неаполя въ Римъ, получилъ тамъ извѣстіе, что адмиралъ (генералъ) Бріонъ перешелъ Альпы и почти не встрѣчая сопротивленія занялъ Савойю и Піэмонтъ. Францискъ объявилъ, что послалъ войско сдѣлать это для того, чтобы герцогъ не исполнилъ намѣренія отдать свое государство императору. Французы вступили 3 апрѣля (1536 года) въ Туринъ и пошли къ рѣкѣ Сезіи, направляясь къ Верчелли, куда отступилъ герцогъ. На восточномъ берегу Сезіи стоялъ императорскій полководецъ Антоніо Лейва, съ войскомъ вдвое меньшимъ французскаго. Бріонъ остановился на правомъ берегу рѣки. Францискъ надѣялся, что быстрый успѣхъ войска его заставитъ императора уступить; но Карлъ былъ раздраженъ нападеніемъ на его союзника и (18 апрѣля) объявилъ папѣ и собранію кардиналовъ, что со времени камбрейскаго мира искренно старался поддерживать дружбу съ королемъ французскимъ, желая вмѣстѣ съ нимъ вести войну противъ турокъ и другихъ невѣрныхъ; что и теперь готовъ отдать Миланъ герцогу ангулемскому или рѣшить споръ съ королемъ французскимъ поединкомъ, но никогда не согласится на предъявленныя ему требованія и не дозволить обижать своего союзника; скорѣе рѣшится на войну. Папа желалъ остаться нейтральнымъ; вызвался быть посредникомъ; но переговоры служили для императора только средствомъ выиграть время. Успѣхи французовъ ободрили итальянскую національную партію; всѣ въ Италіи, желавшіе освободиться отъ тяжелаго владычества Карла, сочув-

ствовали Франциску. Нѣмецкіе, скандинавскіе и англійскіе противники императора также желали побѣды королю французскому.—Францискъ съ насмѣшкой отвергъ вызовъ Карла на поединокъ. Онъ дѣйствовалъ осторожно, наученный прежнимъ опытомъ, заботился о защитѣ границъ, собралъ главныя силы свои въ центрѣ Франціи, чтобы вести ихъ туда, откуда будетъ угрожать опасность. Въ іюнѣ императоръ пришелъ въ Асти, гдѣ присоединились къ нему 20.000 ландскнехтовъ, приведенныхъ Эберштейномъ, Каспаромъ Фрундсбергомъ и Гемштейномъ, вмѣстѣ съ его испанцами и итальянцами у него было теперь 50.000 войска; оно было хорошо вооружено, имѣло многочисленную артиллерію. Принудивъ сдаться французовъ, занимавшихъ Фоссано, императоръ и его полководцы рѣшили идти во Францію.

Оставивъ отрядъ въ Піэмонтѣ для наблюденія за французами, стоявшими въ Туринѣ, императоръ повелъ все остальное войско во Францію и 25 іюля на праздникъ апостола Іакова, въ день, считавшійся у испанцевъ счастливымъ, и въ годовщину взятія Туниса, онъ перешелъ рѣку Варъ, границу Франціи. Одновременно съ нимъ повелъ во Францію съ сѣвера другое войско графъ нассаусскій, дошелъ до Уазы, взялъ городъ Гизъ. — Нѣкоторые генералы находили планъ дѣйствій императора неосторожнымъ, совѣтовали ему не углубляться во Францію, напоминая о неудачѣ похода герцога Бурбонскаго; но Карлъ рассчитывалъ на недовольство населенія Прованса и Лангедока деспотизмомъ Франциска, надѣясь быстро кончить войну рѣшительной битвой, полагая, что Францискъ поспѣшитъ дать ее. Францискъ предпочелъ оборонительную войну, защитилъ Рону и Дюрансу укрѣпленными лагерями у Авиньона и Валанса, назначилъ своимъ намѣстникомъ (генераль-лейтенантомъ) въ Провансѣ маршала Монморанси, опытнаго полководца, находившаго, что оборона будетъ выгоднѣе нападенія. Этотъ расчетъ оправдался; но правда, населеніе театра военныхъ дѣйствій пострадало отъ системы дѣйствій Монморанси не меньше, чѣмъ войско императора. Чтобы сдѣлать невозможнымъ дальнѣйшее наступленіе непріятелю, дошедшему до Эса (Aix), Монморанси обратилъ въ пустыню всѣ земли отъ Альпъ до Роны: сжегъ хлѣбъ, разрушилъ мельницы и хлѣбныя печи, засыпалъ родники и колодези. Страдая отъ голода, императорское войско дошло до Роны; но французы не дали тутъ битвы, какъ надѣялось оно. Императоръ подступилъ къ Арлю; но городъ былъ сильно укрѣпленъ, такъ что скоро взять его было нельзя. Императорское войско подверглось недостатку провіанта, потому что подвоза изъ Италіи не было. Императоръ поручилъ заботу о заготовкѣ и присылкѣ хлѣба епископамъ, не умѣвшимъ исполнить этого дѣла. Голодъ увеличился, когда императоръ пошелъ къ Марсели. Онъ хотѣлъ завоевать все прежнее арелатское королевство, принадлежавшее Германіи и воображалъ найти сочувствіе себѣ въ населеніи; но увидѣлъ, что ошибся.

Повсюду онъ находилъ вражду и опустошеніе; солдаты мучились голодомъ, утоляли его недозрѣвшими фруктами, виноградомъ, сушеными фигами, находимыми въ покинутыхъ жилищахъ поселянъ; появились болѣзни, половина войска погибла отъ нихъ или стала неспособной сражаться. Транспортъ провіанта, посланный Андреемъ Доріею изъ Тулона, былъ перехваченъ. Монморанси сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ близъ Авиньона, при впаденіи Дюрансы въ Рону; туда пріѣхалъ самъ король.

Старшій сынъ и любимецъ его, называвшійся тоже Францискомъ, провожалъ отца до Турнона; тамъ внезапно занемогъ и умеръ. Причиной было, вѣроятно, то, что онъ напился холодного, разгоряченный отъ зноя; но предположили отраву, подвергли пыткамъ итальянскаго вельможу изъ свиты дофина, вынудили у него признаніе виновности и предали его мучительной смерти. Въ императорскомъ лагерѣ надѣялись, что печаль о смерти сына сдѣлаетъ короля французскаго склоннымъ къ миру, но французы были увѣрены, что вполне восторжествуютъ, надѣялись овладѣть Милапомъ. Войско императора было такъ ослаблено голодомъ и болѣзнями, что не могло принять битвы, и онъ въ первой половинѣ сентября принужденъ былъ идти изъ Франціи. Весь путь отступленія былъ покрытъ умершими или умирающими воинами, лошадьми, брошеннымъ оружіемъ. Антоніо Лейва и знаменитый поэтъ Гарсиласо де ла Вега находились въ числѣ погибшихъ. Самъ императоръ едва спасся отъ внезапныхъ нападеній драгиньянскихъ горцевъ. Онъ пришелъ въ Геную и поплылъ оттуда въ Испанію собирать новое войско. Францискъ и Монморанси не преслѣдовали отступающихъ. Они послали часть своего войска на сѣверъ отгнать графа нассаускаго, осаждавшаго Перонну, въ которой храбро оборонялся маршалъ Флѣранжъ; графъ нассаускій принужденъ былъ отступить. Вскорѣ послѣ того умеръ маршалъ Флѣранжъ, отважный воинъ, самъ превозносящій себя въ своихъ мемуарахъ.

Такимъ образомъ и югъ и сѣверъ Франціи были очищены отъ непріятели. Францискъ формально отрекся отъ обязательствъ, какія принялъ на себя по камбрейскому миру. Въ сопровожденіи королей шотландскаго и наваррскаго, своихъ родственниковъ, онъ 15 января 1537 пришелъ въ парижскій парламентъ, объявилъ, что снова принимаетъ на себя права сюзерена Фландріи, Артуа и Шароле, лишаетъ владѣнія ими Карла австрійскаго, какъ мятежника, и освобождаетъ всѣхъ вассаловъ этихъ областей отъ присяги Карлу. Онъ повелъ войско въ Пикардію и Артуа, взялъ Эденъ (Hesdin), Сень-Поль и Сень-Веканъ; жители этихъ городовъ сильно пострадали отъ грабежа. Поставивъ многочисленный гарнизонъ въ Сень-Поль, Францискъ въ маѣ 1537 пошелъ обратно, думая вторгнуться въ Италію. Императорскія войска взяли послѣ храброй обороны Сень-Поль, овладѣли другими мѣстностями, отнятыми у нихъ Францискомъ, осадили Теруанъ;

Монморанси и дофинъ Генрихъ пошли къ Абвилю прогнать ихъ, но Марія, правительница Нидерландовъ, заключила (30 іюля) перемиріе съ Франціею на 10 мѣсяцевъ.

Францискъ согласился остановить военныя дѣйствія на сѣверной границѣ, чтобъ обратить всѣ свои силы на войну въ Италіи. Онъ заключилъ съ султаномъ союзъ; они условились одновременно напасть на габсбургскія владѣнія. Хайреддинъ Барбаросса крейсировалъ у апулійскаго берега. Султанъ пошелъ въ Иллирію, Францискъ черезъ Піемонтъ къ Милану. Но французы дѣйствовали вяло. Ихъ войска, при которыхъ находились нѣмецкіе ландскнехты и швейцарскіе наемники, цѣлый годъ ходили по сѣверозападной Италіи отъ Альпъ до Тичино, сражаясь съ императорскими войсками, въ которыхъ тоже были и ландскнехты и швейцарцы; французы опустошали страну, взяли нѣсколько городовъ, но большихъ сраженій не было. Французскіе генералы ссорились между собою. Миланскій намѣстникъ маркизъ Дель Гуасто оттѣснилъ ихъ въ Пиньероль и Салуццо. Въ октябрѣ прорвалось черезъ альпійскіе проходы у Сузы новое сильное французское войско, которымъ командовали Монморанси и дофинъ; они призвали къ себѣ прежніе разбросанные отряды, хотѣли дать рѣшительное сраженіе, но военныя дѣйствія были и въ Италіи остановлены перемиріемъ, заключеннымъ по убѣжденіямъ тетки Карла Маріи, правительницы Нидерландовъ, и сестры императора, Элеоноры, супруги Франциска. Оно по истеченіи срока было продлено; Карлъ и Францискъ вели переговоры объ окончательномъ мирѣ. Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій прекратился и союзъ короля французскаго съ султаномъ. Онъ былъ первымъ нарушеніемъ прежняго единомыслія западнаго христіанства во враждебности туркамъ.

Вся западная Европа порицала государя націй, бывшей главною дѣятельницею крестовыхъ походовъ, за союзъ съ мусульманами; сами французы осуждали своего короля. Турки произвели свирѣпыя опустошенія на Корфу, на островахъ Архипелага, по границѣ Венгріи и Славоніи. Венеціанцы и даже Яношъ Заполя соединились съ императоромъ и Фердинандомъ противъ общихъ враговъ. Негодованіе всей Европы произвело сильное впечатлѣніе на Франциска; онъ, въ стыдѣ, разорвалъ союзъ съ мусульманами.

Папа убѣждалъ Карла и Франциска помириться; тетка императора, правительница Нидерландовъ, и сестра его, королева французская, усердно хлопотали о мирѣ; но переговоры привели только къ перемирію. Императоръ выражалъ готовность отдать Миланъ и руку одной изъ своихъ племянницъ третьему сыну короля французскаго, имѣвшему теперь по смерти старшаго брата и по полученіи титула дофина вторымъ братомъ, прежнимъ герцогомъ орлеанскимъ, титулъ герцога орлеанскаго. Но къ своему согласію Карлъ прибавлялъ такія условія, которыхъ не могъ принять Францискъ. Императоръ хотѣлъ, чтобы

въ крѣпостяхъ герцогства миланскаго оставались три года его гарнизоны, чтобы Францискъ вновь обѣщался исполнить мадридскій и Камбрейскій договоры, вывелъ войска изъ Піэмонта и Савоіи, возвратилъ ему Эденъ, обѣщался помогать ему въ войнѣ съ турками. Павелъ III убѣдилъ Карла и Франциска одновременно пріѣхать на свиданье съ нимъ въ Ниццу (единственный городъ, оставшійся подъ властью герцога савойскаго); они пріѣхали (въ маѣ 1558), но не захотѣли видѣться между собою. Францискъ остановился въ соседнемъ селеніи, Карлъ жилъ на своей галерѣ въ гавани; они пріѣзжали только порознь къ папѣ, жившему во францисканскомъ монастырѣ. Павелъ очень горячо упрашивалъ ихъ примириться, чтобъ общими силами подавить протестантство въ Германіи и воевать съ турками; они не захотѣли сдѣлать никакой уступки одинъ другому и заключили только перемиріе, по которому каждый сохранялъ за собою все занятое войсками его во время заключенія договора (18 іюня 1538). Перемиріе было установлено на 10 лѣтъ. Жертвой несговорчивости Карла и Франциска былъ герцогъ савойскій, незадолго передъ тѣмъ утратившій со смертью жены сильнѣйшую защитницу своихъ интересовъ передъ императоромъ: Водская область осталась занята швейцарцами; Женева сохранила свою свободу; Савоія, бресская область и большая половина Піэмонта остались во власти Франциска; остальную часть Піэмонта взялъ подъ свое управленіе императоръ, говорившій, что это необходимо ему для защиты герцога отъ французовъ. Герцогъ сердился, протестовалъ, но покорился, чтобы не была отнята у него и Ницца. Императоръ отправился моремъ, Францискъ уѣхалъ во Францію, не видѣвшись между собой; но черезъ нѣсколько недѣль они имѣли свиданіе. По испанскимъ историкамъ, это произошло такъ: императоръ былъ отброшенъ бурей къ берегу Прованса, вышелъ на берегъ въ Эгъ-мортъ (близъ устья Роны) и принялъ тамъ короля, желавшаго повидаться съ нимъ; по французскимъ историкамъ, наоборотъ: первый выразилъ желаніе повидаться императоръ. Какъ бы то ни было, но свиданіе было нужно имъ обоимъ. Мысль о немъ вѣроятно подаль Франциску Монморанси, получившій незадолго передъ тѣмъ санъ коннетабля и управлявшій всѣмъ во Франціи. Онъ опасался утратить свою прежнюю репутацію хорошаго полководца, если возобновится война, желалъ, чтобы король занялся подавленіемъ ереси, начавшей проникать во Францію, и доказывалъ королю, что дружба съ императоромъ скорѣе приведетъ его къ осуществленію честолюбивыхъ плановъ, чѣмъ война. Такимъ образомъ императоръ и Францискъ съѣхались въ Эгъ-мортъ 14 іюля (1538 года) и провели два дня вмѣстѣ, обѣдали за однимъ столомъ, выказывали другъ другу знаки полного довѣрія. О чемъ они условились, мы не знаемъ въ точности; несомнѣнно только, что они согласились общими силами подавить ересь и демократическія движенія, проявлявшіяся и

во владѣніяхъ Карла и во Франціи. Вѣроятно, они не хотѣли видѣться въ Ниццѣ потому, что при ихъ разговорахъ тамъ присутствовалъ бы папа, и это стѣсняло бы ихъ. Ни Карлъ, ни Францискъ не раздѣляли понятій папы о религіозныхъ дѣлахъ, помогали ему, когда находили это выгоднымъ для себя, но дѣйствовали не по его мыслямъ, а по своимъ.

3. Реформація въ Женевѣ.

Литература. Въ рассказѣ о женевской реформаціи авторъ пользовался своимъ прежнимъ трудомъ *Geschichtliche Darstellung des Calvinismus im Verhältniss zum Staat in Genf und Frankreich* (Heidelberg, 1836). Изъ прежнихъ изслѣдованій назовемъ: *Ruschat, Histoire de la Réformation de la Suisse* (6 томовъ, Genève, 1726—1728); — трактаты объ исторіи Женевы Шпона, Пикю, Туреля; *Senelier, Histoire littéraire de Genève* (3 тома, Genève, 1786); изъ новыхъ трудовъ назовемъ: *Rogé, Histoire du peuple de Genève depuis la Réforme jusqu'à l'Éscalade* (7 томовъ, Genève, 1875—1882); *Paul Henry, Das Leben Calvins* (3 тома, Hamburg, 1835—1844); важнѣйшіе изъ рассказовъ современниковъ: *Théodore de Bèze, Histoire de la vie et mort de Jean Calvin* (Genève, 1564) и его же: *Histoire ecclésiastique des églises réformées au royaume de France* (3 тома, Anvers, 1581). Мы пользовались также слѣдующими трудами: *Stähelin Johann Calvin* (2 тома, Elberfeld, 1860—1863); *Baum, Theodor Beza* (2 тома, Leipzig, 1843—1851); *Merle d'Aubigné, Histoire de la Réformation en Europe au temps de Calvin* (Paris, 1863), и въ особенности изслѣдованіемъ Кампфшульте, къ сожалѣнію неконченнымъ: *Johann Calvin* (томъ 1-й, Leipzig, 1869). Новое, полнѣйшее собраніе сочиненій Кальвина начато въ 1863 году Кунцемъ и Рейсомъ. О Серветѣ написалъ рядъ изслѣдованій Толлинъ; важнѣйшее изъ нихъ: *Das Lehrsystem Michael Servets* (3 тома, Gütersloh 1876—1878).

а) БОРЬБА ПАРТІЙ.

Графы савойскіе издавна были императорскими намѣстниками въ Женевѣ, непосредственнымъ государемъ которой былъ епископъ; графы имѣли тамъ дворецъ. Женевская епископская кафедра ужъ нѣсколько поколѣній была занимаема принцами савойской династіи, стала какъ будто наслѣдственной собственностью савойскаго дома. Въ 1523 году Карлъ III герцогъ савойскій пріѣхалъ съ женою Беатрисой и блестящей свитой въ Женеву. Онъ хотѣлъ сдѣлать ее столицею своихъ владѣній на сѣверѣ отъ Альпъ. Беатриса была беременна. Карлъ хотѣлъ, чтобъ она родила въ Женевѣ; это, по его мнѣнію, должно было упрочить расположеніе гражданъ къ его династіи. Но черезъ нѣсколько лѣтъ герцогъ упротилъ всѣ свои владѣнія за Альпами, и Женева стала независимымъ городомъ.

Стремленіе герцоговъ савойскихъ стнять у Женевы самоуправленіе, совершенно подчинить ее своему произволу, возбудило патріотизмъ гражданъ, дорожившихъ своей свободой и желавшихъ стать въ проч-

ныя отношенія къ швейцарскому союзу; вождями патріотовъ были Бесанзонъ Гюгъ (Hugues), Филиберъ Бертелье и Франсуа Бонниваръ, аббатъ монастыря св. Виктора, молодой человѣкъ хорошаго гуманистическаго образованія. Патріоты назывались гугенотами, huguenots; это слово или произведено отъ фамиліи главнаго вождя ихъ Гюга, или было передѣлкой слова eidgenossen, т. е. «швейцарцы». Но были довольно сильны и приверженцы савойской династіи и епископа; патріоты называли ихъ мамелюками. Борьба длилась много лѣтъ, часто доходила до схватокъ на улицахъ. При герцогѣ Карлѣ III, усерднымъ слугой котораго былъ епископъ, родственникъ его, взяла верхъ савойская партія. Синдики (бургомистры), большинство членовъ городского совѣта, большинство второстепенныхъ должностныхъ лицъ были выбраны изъ нея; Бертелье, отважный защитникъ свободы, былъ казненъ. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ умеръ прежній епископъ; преемникомъ его былъ назначенъ Пьеръ де ла Бомъ, человѣкъ графской фамиліи, любившій роскошную жизнь, вѣрный слуга герцога. Во Франціи и Германіи, Женеву считали уже савойскимъ городомъ. Патріотъ Леверрье, отважившійся сказать въ городскомъ совѣтѣ, что единственный законный государь города—епископъ, былъ схваченъ, подвергнутъ пыткамъ, казненъ. Запуганные граждане въ слѣдующемъ (1524) году на собраніи, окруженномъ савойскими солдатами, согласились отказаться отъ независимости, признать себя подданными герцога савойскаго. Но ему не удалось упрочить свою власть. Фрейбургцы и бернцы, союзники короля французскаго въ войнѣ его съ императоромъ и герцогомъ савойскимъ, вступили за Женеву. Благодаря ихъ содѣйствію и энергіи Гюга, патріотическая партія въ 1526 году одолѣла; признаніе власти герцога савойскаго было объявлено вынужденнымъ и недѣйствительнымъ. Женева вступила въ союзъ съ Берномъ и Фрейбургомъ. Подъ руководствомъ Гюга было улучшено судопроизводство; управленіе было преобразовано, по образцу швейцарскихъ городовъ, учрежденіемъ большого совѣта, была организована милиція изъ горожанъ. Предводители мамелюковъ уѣхали, соединились съ сосѣднимъ савойскимъ дворянствомъ, составлявшимъ общество Рыцарей Ложки, осадили городъ, отрѣзали подвозъ туда съѣстныхъ припасовъ. Существеннымъ стремленіемъ гугенотовъ было пріобрѣтеніе политической свободы для города; но не могъ не оказывать вліянія на нихъ примѣръ союзниковъ ихъ, бернцевъ, которые около того времени ввели у себя реформацію. Они были тѣмъ больше расположены принять ее, что епископъ помогалъ ихъ врагамъ, и большинство духовенства держалось стороны герцога. Епископъ уѣхалъ изъ Женевы; призывалъ дворянъ на защиту его правъ. Архіепископъ Вьенскій, къ митрополіи котораго принадлежала жепевская епархія, отлучилъ женевцевъ отъ церкви, наложилъ интердиктъ на ихъ городъ. Герцогъ Карлъ

велѣлъ въ 1530 году арестовать Баннивара, довѣрившагося его охранной грамотѣ и похавшаго въ савойскія владѣнія; этотъ вождь патріотовъ былъ схваченъ близъ Лозанны солдатами герцога и запертъ въ ужасную подводную темницу Шильіонскаго замка.— Понятно, что идеи реформаціи распространялись въ Женевѣ. Сформировалась партія энергическихъ людей, вождями которыхъ были Бодишонъ и Вандаль. Она требовала совершенной отмѣны свѣтской власти епископа, между тѣмъ какъ Гюгъ и другіе умѣренные либералы хотѣли отмѣнить только власть герцога савойскаго, продолжая признавать епископа государемъ Женевы. Партія болѣе энергическая взяла верхъ. Въ 1530 году, когда шла война между цвингліанцами и католиками въ Швейцаріи, граждане Женевы, при содѣйствіи фрейбургцевъ и бернцевъ, разрушили замки сосѣднихъ вельможъ, нападавшихъ на городъ, и принудили герцога заключить договоръ, возстановившій независимость Женевы, ограничившій власть герцога надъ ней пустыми правами почета и признавшій законнымъ союзъ ея съ Берномъ и Фрейбургомъ. Этотъ трактатъ былъ подписанъ въ Пэернѣ (Payerne) въ январѣ 1531. Мы говорили, что бернцы не руководились усердіемъ къ религіозной пропагандѣ, помогая Цюриху въ войнѣ съ католическими кантонами, что они хотѣли только свободы евангелической проповѣди въ областяхъ, подвластныхъ швейцарскому союзу. Помогая Женевѣ обороняться отъ герцога и вельможъ, бернцы тоже не занимались религіозной пропагандой; когда отрядъ войска ихъ стоялъ въ Женевѣ, проповѣдники его совершали для своихъ воиновъ реформатское богослуженіе; тѣмъ и ограничивалось дѣло въ религіозномъ отношеніи. Правда, бернскіе воины давали женевамъ реформатскія сочиненія, нѣкоторые изъ нихъ бранили епископа и все католическое духовенство, но это были разговоры отдѣльныхъ людей. Бернское правительство не участвовало въ ихъ дѣлѣ. Но число сторонниковъ реформаціи въ Женевѣ сильно увеличилось. Они собирались въ домахъ частныхъ людей читать реформатскія сочиненія. Оливетанъ, проповѣдывавшій реформатство въ Нойонѣ, родственникъ Кальвина, поселился въ Женевѣ и занялся тамъ переводомъ Библіи, который, при помощи вальдійцевъ, былъ напечатанъ въ Нёфшателѣ и распространенъ по землямъ французскаго языка. Поводомъ къ формальному отдѣленію отъ римской церкви послужило и въ Женевѣ, какъ въ Виттенбергѣ, неблагоразумное распоряженіе папы. Климентъ VII объявилъ 9 іюня 1532 юбилейный праздникъ съ отпущеніемъ грѣховъ богомольцамъ, которые прійдутъ въ Римъ. На церковныхъ дверяхъ въ Женевѣ была, неизвѣстно кѣмъ, прибита прокламація, говорившая въ противоположность папской буллѣ, что Отецъ Небесный даетъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ кающимся и вѣрующимъ въ обѣтованіе Христа. Это было началомъ реформатскаго движенія. Большой совѣтъ возложилъ на епископскаго генеральнаго викарія обязанность наблюдать,

чтобы во всѣхъ церквахъ было проповѣдуемо Евангеліе «по истинѣ и безъ примѣси человѣческихъ выдумокъ и сказокъ». Вскорѣ послѣ того поселился въ Женевѣ знаменитый реформатскій проповѣдникъ Гильіомъ Фарель, уроженецъ города Гапа (въ Дофинѣ), обращенный къ евангельскому ученію Фабри Этабльскимъ, возвѣщавшій въ своемъ родномъ городѣ и въ Монбельярѣ, потомъ въ Водской области и въ Нижнемъ Валлисѣ Евангеліе въ духѣ Цвингли и Эколампадія. Онъ отправился вмѣстѣ съ Антуаномъ Сонье посѣтить вальдійскія общины въ горахъ Піэмонта и на обратномъ пути оттуда остановился въ Женевѣ. Человѣкъ суровыхъ правилъ, краснорѣчивый, не боявшійся никакихъ опасностей, остававшійся твердымъ во всякихъ бѣдахъ, Фарель подготовилъ почву для дѣятельности Кальвина. Онъ любилъ неожиданно являться въ толпу враговъ, раздражать ихъ, выдерживать крики угрозъ ихъ. Когда не пускали его въ церкви, онъ проповѣдывалъ на кладбищахъ, на площадяхъ, на поляхъ. Иногда врывался онъ въ церковь во время католическаго богослуженія, всходилъ на кафедру и прерывалъ литургію своею проповѣдью. Католики подстерегали его на дорогахъ, били такъ, что кровь его брызгала на сосѣдніе заборы садовъ. Эразмъ, изящный гуманистъ, не любилъ грубаго Фареля похожаго на средневѣковыхъ миссіонеровъ, ходившихъ проповѣдывать язычникамъ; Фарель однажды назвалъ Эразма Валаамомъ (пророкомъ, ослушавшимся повелѣнія Божія). Бернцы покровительствовали Фарелю, пламенное усердіе котораго сильно содѣйствовало успѣхамъ реформации во французской Швейцаріи. Онъ явился въ Женеву съ рекомендательными письмами отъ бернскаго правительства, нашелъ тамъ хорошій пріемъ себѣ и выбралъ Женеву центромъ своей пропаганды. Дѣйствительно, Женева была удобнѣйшимъ пунктомъ для этого, находясь на границѣ Савойи и Франціи. Два года шла въ городѣ горячая борьба между сторонниками и противниками реформации, не разъ бывали схватки на улицахъ, даже въ церквахъ. Фарель былъ выгнанъ изъ Женевы, но поселился по сосѣдству ея въ Орбѣ и сносился съ женевскими реформатами. Товарищъ его, тоже французъ, Антуанъ Фроманъ также выгнанъ былъ изъ Женевы, хотя держалъ себя осторожнѣе его. Большой совѣтъ, колеблясь между противоположными угрозами фрейбургскихъ католиковъ и бернскихъ реформатовъ, не принималъ никакого рѣшенія, старался только примирить партіи, прекратить беспорядки своимъ посредничествомъ. Въ одной изъ дракъ погибъ каноникъ, имѣвшій сильныхъ родственниковъ во Фрейбургѣ. Смерть его увеличила взаимное ожесточеніе партій. Католики одолѣли; епископъ (Пьеръ де-ла-Бомъ) возвратился въ Женеву (1 іюля 1533); большой совѣтъ и синдики торжественно встрѣтили его какъ государя Женевы; но тревожная жизнь въ волнующемся городѣ не понравилась ему; черезъ двѣ недѣли онъ покинулъ Женеву и уже не возвращался туда.

Поселившись въ своемъ имѣньѣ Арбуи, гдѣ былъ у него дворецъ, онъ посылалъ въ Женеву увѣщанія и угрозы; онѣ не дѣйствовали. Французскій доминиканецъ Гюи Фюрбити сталъ говорить рѣзкія проповѣди противъ еретиковъ нѣмцевъ; бернцы, на которыхъ были направлены его нападенія, прислали жалобу женевскому большому совѣту; однимъ изъ бернскихъ пословъ былъ Пьеръ Вирѣ, уроженецъ Орба, ученикъ и другъ Фареля, менѣе рѣзкій, но не уступавшій своему учителю усердіемъ къ реформаціи. На немъ еще оставались слѣды ударовъ, полученныхъ имъ въ схваткѣ съ католиками въ Пэернѣ. Передъ пріѣздомъ бернского посольства возвратились въ Женеву Фарель и Фроманъ, вызванные Бодишономъ, готовившимся къ рѣшительной борьбѣ. По жалобѣ бернцевъ, большой совѣтъ велѣлъ арестовать Фюрбити и предать его церковному суду, членами котораго были назначены «служители Евангелія» Фарель, Фроманъ и Вирѣ. Католики хотѣли силой освободить мученика, какъ иззывали они Фюрбити, но только ускорили этимъ паденіе католичества. Фюрбити былъ присужденъ всенародно отречься отъ своихъ обидныхъ реформатамъ словъ, онъ не согласился, хотя былъ изнуренъ и нравственно и физически; велѣно было оставить его въ темницѣ до окончательнаго рѣшенія дѣла о немъ.

Запугиваемое угрозами Фрейбурга, правительство не согласилось отдать одну изъ городскихъ церквей для богослуженія реформатамъ, какъ они просили. Фарель съ своими приверженцами пошелъ 1 марта 1534 во францисканскую церковь и совершилъ тамъ первое въ Женевѣ богослуженіе по реформатскому обряду въ церкви. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали послы Фрейбурга и объявили, что ихъ кантонъ разрываетъ дружбу съ Женевой. Это доставило рѣшительный перевѣсъ вліянію Берна и ускорило побѣду реформаціи. Женевское духовенство почти вовсе не принимало участія въ борьбѣ; защитниками католичества были иноземцы, и когда по желанію реформатовъ правительство назначило религіозный диспутъ, ни одинъ человѣкъ изъ женевского духовенства не выступилъ ораторомъ на немъ; а когда Фарель 8 августа пошелъ при колокольномъ звонѣ, какъ побѣдитель, въ женевскій кафедральный соборъ (церковь апостола Петра) и совершилъ тамъ реформатское богослуженіе, ни одинъ католическій священникъ не протестовалъ противъ этого. Большой совѣтъ держалъ себя нерѣшительно, и власть захватили вожди реформатовъ. Народъ врывался въ церкви, уничтожалъ образа и всѣ знаки идолопоклонства, какъ ихъ называлъ онъ, требуя отмѣны католическаго богослуженія. Правительство уступило волѣ волнующейся массы, объявило епископу, что его власть отмѣняется, прекратило католическое богослуженіе; неподчиняющіеся новому порядку были лишены гражданскихъ правъ; они удалялись изъ Женевы; въ числѣ другихъ уѣхала Жанна Жюсси, аббатисса монастыря св. Клары, раз-

сказавшая потомъ съ католической точки зрѣнія въ своей книгѣ «Закваска кальвинизма» (Levain du calvinisme) исторію введенія реформациі въ Женевѣ. Большинство духовенства безъ сопротивленія подчинилось волѣ правительства.

По введеніи реформациі Женева стала считать себя независимымъ государствомъ; но чтобы защитить свою самостоятельность, она должна была выдержать борьбу. Епископъ отлучилъ отъ церкви гражданъ, «подвергшихъ городъ великой опасности проклятой лютеранской сектою». Герцогъ Карлъ принималъ бѣжавшихъ католиковъ, готовился къ нападенію, и скоро къ Женевѣ подступило войско герцога и епископа, подкрѣпленное эмигрантами; оно дѣйствовало съ ожесточеніемъ; но граждане, подѣ начальствомъ Бодишона, храбро оборонялись. Они надѣялись, что имъ будутъ помогать бернцы; но бернцы не желали ввязываться въ эту войну. Францискъ вошелъ въ сношеніе съ женевскимъ правительствомъ, обѣщалъ городу свое покровительство въ надеждѣ подчинить его себѣ. Тогда бернцы послали наконецъ помощь своимъ союзникамъ женевамъ и въ половинѣ января 1536 года объявили войну герцогу. Тѣснимый со всѣхъ сторонъ, Карлъ увидѣлъ себя въ безпомощномъ положеніи. Французы заняли Савою и Піэмонтъ, бернцы овладѣли Водской областью, замками по Ронѣ и по сѣверному берегу Женевского озера, взяли при помощи женевской флотиліи замокъ Шильонъ, освободили заключенныхъ въ немъ. Бонниваръ и товарищи его страданій были встрѣчены въ Женевѣ съ почестями. Женевцы выражали благодарность Берну, но не захотѣли подчиниться власти его. «Вѣчный союзъ», заключенный Женевою съ Берномъ 9 августа 1537, предоставлялъ бернцамъ много правъ въ Женевѣ, но сохранялъ ея независимость. Она стала однимъ изъ городовъ, находящихся въ тѣсной связи съ швейцарскимъ союзомъ, и 30-лѣтняя борьба ея за свободу кончилась полнымъ введеніемъ реформациі.

в) ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КАЛЬВИНА ВЪ ЖЕНЕВУ, ЕГО ИЗГНАНІЕ И ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Продолжительная борьба партій разстроила общественный порядокъ въ Женевѣ, сдѣлала нравы грубыми. Фарель неутомимо заботился объ установленіи новаго порядка, объ улучшеніи нравовъ. Это не удавалось ему. Многія изъ знатныхъ фамилій оставались преданы католичеству. Простолюдины буйствовали. Фарель былъ больше агитаторъ, чѣмъ государственный человѣкъ, имѣлъ отвагу и краснорѣчіе революціоннаго трибуна, но былъ лишенъ административнаго таланта. Его помощники Вирé и Фроманъ уѣхали. Вирé занялся пропагандой реформациі въ Нёфшателѣ и Лозаннѣ; Фроманъ, компрометировавшій себя неосторожностями, устранился отъ общественныхъ дѣлъ. Новые реформатскіе проповѣдники были бездарны

и мало образованы. Правительство считало епископскую власть перешедшей къ нему и въ церковныхъ дѣлахъ, какъ въ политическихъ, хотѣло безусловно править церковью, а между тѣмъ многіе члены его были равнодушны къ религіи. Многіе другіе граждане также презирали ее. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда пріѣхалъ въ Женеву Кальвинъ, какъ принято называть его по латинской формѣ его французской фамиліи Ковенъ (Cauvin).

Жанъ Ковенъ, сынъ человѣка, занимавшаго административную должность въ Нойонѣ, родился 10 іюля 1509. Онъ имѣлъ твердый, суровый, дѣятельный характеръ. Талантливость, выказанная мальчикомъ въ нойонской школѣ, внушила отцу мысль предназначить сына къ ученой каррьерѣ. Она въ то время соединялась съ духовнымъ званіемъ, дававшимъ ученому средства къ жизни. Отецъ отправилъ Жана въ парижскій коллегіумъ Монтегю (гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ сталъ учиться Игнатій Лойола). Жанъ Кальвинъ получилъ бенефицію, еще будучи только подростокъ юношей. Отецъ вскорѣ послѣ того перемѣнилъ свое намѣреніе, предназначилъ Жана быть юристомъ.—Онъ, послушный сынъ, усердно занимался юриспруденціей въ орлеанской и буржской высшихъ школахъ; съ тѣмъ вмѣстѣ занимался и гуманистическими науками. Латинскій слогъ его показываетъ, что онъ хорошо изучилъ классическихъ писателей. Онъ занимался до глубокой ночи; утромъ въ уединеніи обдумывалъ прочтенное наканунѣ. Такой мучительной душевной борьбы, какъ Лютеръ, онъ не испыталъ; но имѣлъ довольно тяжелыя сомнѣнія; старался побѣдить ихъ постомъ и молитвой, но не могъ. Наконецъ, по его словамъ, была какъ молніей озарена для него бездна заблужденій, въ которой находился онъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, онъ послѣ того написалъ первое свое сочиненіе, Комментарій къ разсужденію Сенеки о кротости; по мнѣнію другихъ, оно было написано раньше, еще въ періодъ религіозныхъ сомнѣній. Оно посвящено королю. Кальвинъ въ немъ убождаетъ Франциска быть кроткимъ къ послѣдователямъ новаго вѣроученія. По смерти отца, Кальвинъ занялся богословіемъ, усердно изучалъ Священное писаніе. Идеи реформации были распространены тогда между французскими учеными; даже сестра короля Маргарета сочувствовала имъ; но государствомъ правили усердные католики, и много людей было сожжено за преданность реформации. Кальвинъ, высказывавшій реформатскія мнѣнія, тоже подвергался опасности; онъ отказался отъ своей бенефиціи, получивъ вознагражденіе за нее, и бѣжалъ изъ Парижа въ южную Францію, жилъ тамъ нѣсколько времени подъ чужимъ именемъ, трудясь надъ разъясненіемъ своихъ религіозныхъ понятій; сталъ подвергаться и тамъ опасности, принужденъ былъ бѣжать изъ Франціи, нашелъ пріютъ себѣ въ Базелѣ.

Въ Базелѣ Кальвинъ напечаталъ весною 1536 года свое „Руководство къ изученію христіанской вѣры“, *Institutio Christianae Religionis*. Оно издано было первоначально на латинскомъ языкѣ; но полагають, что это переводъ оригинала, писаннаго по французски и напечатаннаго нѣсколько позднѣе. Цѣль Кальвина была оправдать французскихъ реформатовъ отъ обвиненій католиковъ, потому книга имѣетъ характеръ апологетическій и полемическій; она написана очень глубокомысленно, съ безстрашной послѣдовательностью выводовъ изъ основныхъ понятій. Кальвину было тогда только 26 лѣтъ, но образъ мыслей его уже совершенно установился. Въ новыхъ изданіяхъ онъ улучшалъ и расширялъ это важнѣйшее свое сочиненіе. Объемъ книги въ послѣднихъ изданіяхъ въ пять разъ больше первоначальнаго, и лишь немногія строки перваго изданія остались въ прежнемъ видѣ; но передѣлки касаются только формы изложенія мыслей, а не сущности ихъ. Коренныя понятія остались въ послѣднемъ изданіи, сдѣланномъ Кальвиномъ, тѣ же самыя, какія были въ первомъ. „Руководство къ изученію христіанской вѣры“—важнѣйшее произведеніе реформатскаго богословія въ XVI вѣкѣ. Оно стало каноническою книгою французскаго протестантства, потому было предметомъ самыхъ ожесточенныхъ опроверженій, ругательствъ и преслѣдованій католическаго духовенства. Въ своемъ „Руководствѣ“ Кальвинъ развиваетъ мысль Августина объ оправданіи человека благодатью; въ его изложеніи эта идея становится послѣдовательнымъ ученіемъ о предопредѣленіи, по которому Богъ до созданія міра предназначилъ нѣкоторыхъ людей для вѣчнаго спасенія, другихъ для вѣчной гибели. Кальвинъ беретъ основаніемъ своего ученія рѣзко развитыя понятія о всемогуществѣ и предвѣдѣніи божіемъ и о безусловной зависимости человека отъ воли Божіей; изъ этого онъ выводитъ, что Богъ по рѣшенію своему создалъ нѣкоторыхъ людей для вѣчнаго блаженства, другихъ, не болѣе виновныхъ, оставилъ на вѣчную гибель. Протестантскіе богословы вообще держались того же мнѣнія, но оно не выступало на первый планъ въ ихъ догматикѣ и существенною чертою вѣроученія сдѣлалось только ужъ у Кальвина. Оно было принято отъ него всею реформатскою церковью.—Въ ученіи о таинствѣ эвхаристіи онъ старался примирить мнѣнія Цвингли и Лютера, формулируя этотъ догматъ выраженіемъ: „Вѣрующіе воспринимаютъ духовно, но дѣйствительно тѣло Христово, находящееся на небесахъ одесную Бога“. Устройство церкви основывается у Кальвина на принципѣ самоуправленія общины (прихода); этотъ принципъ проводитъ онъ послѣдовательно и требуетъ независимости церкви отъ государства; введенная имъ въ Женевѣ теократія находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ его собственнымъ ученіемъ.

Пославъ свое «Руководство» Франциску съ посвященіемъ, въ которомъ энергически опровергались клеветы католиковъ на реформатовъ, Кальвинъ уѣхалъ изъ Базеля искать себѣ новаго поприща дѣятельности; нѣсколько времени онъ прожилъ въ Феррарѣ у герцогини Ренаты (Ренé), французской принцессы, расположенной къ реформатскому ученію; на обратномъ пути онъ пріѣхалъ подъ чужимъ именемъ въ Женеву. Узнавъ отъ одного изъ общихъ друзей о его пріѣздѣ, Фарель сталъ убѣждать его остаться въ Женевѣ; онъ долго сопротивлялся просьбамъ Фареля, не желая мѣнять тихую ученую жизнь на тревоги общественной дѣятельности. Пылкій Фарель воскликнулъ наконецъ: «Именемъ всемогущаго Бога возвѣщаю тебѣ:

проклятіе Божіе падеть на тебя, если ты откажешься помогать намъ въ дѣлѣ Господнемъ и возлюбишь себя больше, чѣмъ Христа!» Кальвинъ покорился волѣ Божіей, высказанной, какъ ему казалось, устами Фареля и обѣщался остаться. Это было въ іюлѣ 1536.

Общими силами онъ и Фарель стали организовать новую церковь по принципамъ, изложеннымъ въ его «Руководствѣ». Городской совѣтъ послѣ нѣкотораго колебанія утвердилъ вѣроисповѣданіе и правила церковнаго устройства, изложенныя Фарелемъ въ запискѣ, составленной при содѣйствіи Кальвина, созвалъ собраніе гражданъ; оно дало клятву держаться этого исповѣданія, и совѣтъ ввелъ новое церковное устройство, важнѣйшей частью котораго былъ совѣтъ старѣйшинъ, имѣвшій судебную власть по дѣламъ вѣры и нравственности. Два анабаптиста, пріѣхавшіе въ Женеву изъ Нидерландовъ, возбуждали народъ къ сопротивленію; но были потребованы на религіозный диспутъ, послѣ котораго имъ было велѣно удалиться навсегда изъ женевской области подъ страхомъ смертной казни за ослушаніе. Гораздо сильнѣе было сопротивленіе либеральной партіи, ожидавшей устраненія католическихъ стѣсненій личной свободы и съ негодованіемъ видѣвшей, что легкое снисходительное управленіе католическаго духовенства замѣнилось владычествомъ суровыхъ реформаторовъ, угнетающихъ личную свободу рѣзкими проповѣдями, строгими наказаніями. Новое церковное устройство либералы называли женевскимъ папствомъ; составилаь сильная оппозиція противъ самовластия Фареля, Кальвина и родственниковъ и друзей, пріѣхавшихъ къ нимъ изъ Франціи. Она просила помощи у Берна; онъ былъ и прежде недоволенъ тѣмъ, что Женева не подчинялась его политикѣ; теперь бернцы еще больше были раздосадованы тѣмъ, что Женева отдѣлилась отъ нихъ и другихъ швейцарскихъ реформаторовъ въ религіозныхъ дѣлахъ. Швейцарскіе реформаты съѣхались на синодъ (соборъ) въ Лозаннѣ. Пьеръ Кароли обвинялъ женевскихъ реформаторовъ въ аріанской ереси; синодъ потребовалъ, чтобы женевская церковь держалась во всемъ «бернскихъ порядковъ» и возстановила обряды, отмѣненныя Кальвиномъ и Фарелемъ, какъ на примѣръ большіе церковные праздники и употребленіе опрѣсноковъ въ эвхаристіи. Женевское правительство отказалось исполнить это; вражда Берна противъ французскихъ проповѣдниковъ возросла; онъ говорилъ, что они хотятъ отдать Женеву подъ власть Франціи. Либеральная партія въ Женевѣ ободрилась, упрямство Кальвина и Фареля произвело безпорядки; большой совѣтъ велѣлъ арестовать одного изъ ихъ помощниковъ, старика проповѣдника Курб, лишилъ Кальвина и Фареля должностей, изгналъ ихъ изъ Женевы (въ апрѣлѣ 1538). Бернцы нашли, что реакція въ Женевѣ пріобрѣла слишкомъ много силы, что это представляетъ опасность для реформации, просили смягчить мѣры, принятыя противъ Фареля и Кальвина, но женевское правительство ос-

талось непреклонно въ своемъ рѣшеніи удалить бунтовщиковъ, какъ называло оно Фареля и Кальвина. Осыпанные упреками, они уѣхали въ Базель. Оттуда Фарель поѣхалъ на должность проповѣдника, предложенную ему городомъ Нёфшателемъ. Кальвинъ переѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ уже прежде жилъ нѣсколько времени; тамъ его назначили проповѣдникомъ общины французскихъ эмигрантовъ; онъ читалъ публичныя лекціи, занимался богословскими трудами; въ это время написалъ онъ комментарий къ Посланію римлянамъ.

Мы видѣли, что Страсбургъ имѣлъ важное значеніе въ исторіи реформациі. Тамъ сталкивались лютеранство и цвингліанство; тамъ поселялось много протестантовъ, бѣжавшихъ изъ Франціи и сносившихся съ оставшимися на родинѣ; тамъ развилась и анабаптистская секта Гофмана; потому изъ Страсбурга легко было слѣдить за общимъ ходомъ религіозной борьбы и находясь тамъ удобно было разяснить себѣ существенныя черты реформаціоннаго движенія. Буцеръ былъ представителемъ этого всесторонняго пониманія реформациі; онъ оцѣнилъ таланты Кальвина, сталъ его покровителемъ. По рекомендаціи Буцера Страсбургъ выбралъ Кальвина своимъ уполномоченнымъ на религіозныхъ собесѣдованіяхъ въ Вормсѣ и Регенсбургѣ. Кальвинъ познакомился тамъ съ Меланхтономъ и, при всемъ уваженіи къ нему, порицалъ его желаніе примирить протестантовъ съ католиками, предостерегалъ его отъ довѣрія къ «кровожадному римскому тиранну и безбожной римской шайкѣ людей одѣтыхъ въ пурпуръ» (кардиналовъ). Кальвину не нравились слабость церковной дисциплины у нѣмецкихъ протестантовъ, недостатокъ власти у ихъ духовенства, зависимость ихъ богослововъ отъ государей.

Изгнаніе реформаторовъ изъ Женевы было дѣломъ противниковъ суровой церковной дисциплины и владычества духовенства. Проповѣдники болѣе уступчивые, и въ числѣ ихъ многіе бернцы, заняли мѣста прогнанныхъ; правительство взяло въ свои руки завѣдываніе церковными дѣлами и надзоръ за нравственностью; но оно было вяло, новые проповѣдники были не талантливы, а у изгнанныхъ оставалось много горячихъ приверженцевъ. Сонье, вождь этихъ «гильерминцевъ», *guillemains*, какъ ихъ называли по имени Гильіома Фареля, начальникъ школы, основанной въ ривскомъ монастырѣ, и другіе французы были выгнаны. Но оппозиція осталась сильна. Всѣ усердные реформаты соединились для сопротивленія явнымъ и тайнымъ католикамъ, хотѣвшимъ возстановить старую церковь, и бернцамъ, стремившимся подчинить себѣ Женеву.—Кальвинъ оставался въ сношеніяхъ съ женевскими реформатами. Имъ угрожала большая опасность. Съ одобренія папы собрались въ Ліонѣ сосѣдніе прелаты и выгнанные изъ Женевы католики совѣщаться о средствахъ возстановить въ Женевѣ католичество. Присутствовавшій на этомъ соборѣ кардиналъ Садолé (знаменитый гуманистъ) написалъ посланіе, въ которомъ «съ

душевнымъ доброжелательствомъ» увѣщавалъ «своихъ дорогихъ братьевъ, синдиковъ, совѣтъ и гражданъ Женевы», возвратиться къ католической церкви. Кальвинъ написалъ въ шесть дней отвѣтъ Садоле, одно изъ самыхъ блестящихъ произведеній богословской полемики XVI вѣка, понравившееся даже Лютеру, врагу реформатской церкви.

Гильерминцы уже давно требовали возвращенія Кальвина. Обстоятельства помогли успѣху ихъ усилій. Посольство, отправленное жевцами въ Бернъ, поддалось дипломатической ловкости бернскихъ правителей и заключило съ Берномъ новый договоръ, который показался патріотамъ опасенъ для независимости Женевы. Народъ негодовалъ на сторонниковъ договора, «артикулянтовъ», или, по простонародной передѣлкѣ этого слова, на «артишоковъ», Artichauts. Возпользовавшись раздраженіемъ массы, гильерминцы подняли возстаніе противъ правительства и бернскихъ проповѣдниковъ. Артикулянты были изгнаны; вождь ихъ генераль-капитанъ Филиппъ, употребившій военную силу противъ волновавшагося народа, былъ наказанъ смертю. Бернскіе проповѣдники были принуждены отказаться отъ должностей. Большой совѣтъ увидѣлъ, что только Кальвинъ можетъ успокоить народъ. Къ нему отправляли въ Страсбургъ пословъ за послами; но онъ долго отвергалъ приглашенія, по тому ли, что желалъ сохранить досугъ для ученыхъ занятій или для того, чтобы крѣпче подчинить себѣ правительство. Какъ бы то ни было, онъ наконецъ уступилъ просьбамъ и побѣдоносно возвратился 13 сентября 1541 въ Женеvu, населеніе которой встрѣтило его съ восторгомъ. Онъ былъ теперь властелиномъ Женевы.

Онъ возвратился не съ мыслями о мщеніи врагамъ; онъ хотѣлъ осуществить свои мысли о церковномъ устройствѣ, а къ этой цѣли надобно было идти, выказывая себя человѣкомъ умѣреннымъ и снисходительнымъ. Вскорѣ по его возвращеніи была учреждена коммиссія для устройства церковныхъ дѣлъ. Она состояла изъ шести духовныхъ лицъ и шести мірянъ. Подъ руководствомъ Кальвина она выработала правила, подчинявшія частную жизнь людей церковному начальству. Большой совѣтъ послѣ нѣкотораго колебанія далъ этому проекту силу закона (2 января 1542). Кальвинъ и его сотрудники, составляя проектъ, были проникнуты желаніемъ возстановить въ богослуженіи порядокъ апостольскихъ временъ, какъ понимали его. Новый законъ говорилъ, что источникъ законодательной власти по церковнымъ дѣламъ—собраніе вѣрующихъ, но передавалъ эту власть консисторіи, верховному суду, составленному изъ духовныхъ и мірянъ.

с) ЦЕРКОВНОЕ УСТРОЙСТВО, ВВЕДЕННОЕ ВЪ ЖЕНЕВѢ КАЛЬВИНОМЪ.

Послѣдовательность выводовъ, характеризующая вѣроученіе, изложенное Кальвиномъ въ его „Руководствѣ“, проявляется съ такой же систематич-

ностью и въ учрежденіяхъ, введенныхъ въ Женевѣ подъ его вліяніемъ. Въ исторіи рѣдко встрѣчаются примѣры учреждений, составленныхъ съ такою вѣрностью основнымъ принципамъ, такъ методично, какъ реформатская церковь Кальвина. По понятіямъ Кальвина, христіанская церковь — учрежденіе, имѣющее своею цѣлю доставить вѣчное блаженство людямъ, избраннымъ для него предопредѣленіемъ божіимъ. Въ своемъ „Руководствѣ“ онъ говоритъ: „Церковь — наша мать, мы не можемъ войти въ жизнь (вѣчную) иначе какъ если она родитъ насъ, вскармливаетъ своей грудью и охранитъ насъ до освобожденія нашего отъ бреннаго тѣла, когда мы станемъ подобны ангеламъ“. Но не всѣхъ принадлежащихъ къ своей церкви онъ считаетъ избранными для спасенія. Онъ не беретъ на себя различать избранныхъ отъ неизбранныхъ, признаетъ членами своей церкви всѣхъ исповѣдующихъ ея ученіе, но строго отдѣляетъ отъ нея всѣхъ, отрицающихъ ее словомъ или дѣломъ.

Эта церковь, внѣ которой нѣтъ спасенія, должна, говоритъ онъ, имѣть то устройство, какое предписано апостолами и существовало въ первыхъ христіанскихъ общинахъ. Онъ хотѣлъ возстановить апостольскую простоту. Лишенный поэтическаго и художественнаго чувства, онъ былъ ожесточеннымъ врагомъ всякихъ обрядовъ, казавшихся ему затемняющими истинный предметъ благоговѣнія; онъ отмѣнилъ всѣ тѣ обряды, которые не были, по его мнѣнію, учреждены Христомъ и апостолами, отмѣнилъ даже церковные праздники. Съ строгостью іудейскаго закона онъ осуждалъ все казавшееся ему идолопоклонствомъ. Его церковь представляетъ самый рѣзкій контрастъ папизму; быть можетъ, враждебность его ко всѣмъ католическимъ обрядамъ получала суровость отчасти отъ того, что Женева была окружена съ трехъ сторонъ католическими землями и ему казалось полезнымъ рѣзко отдѣлить ее отъ нихъ. Онъ учредилъ простое богослуженіе въ церквахъ, не имѣющихъ ни образовъ, никакихъ другихъ украшеній. Оно начинается и кончается молитвами, сборникъ которыхъ составляетъ нѣчто подобное служебнику. Главную часть богослуженія образуютъ длинныя проповѣди. Правила о празднованіи воскреснаго дня очень суровы. Для богослужебнаго пѣнія былъ въ послѣдствіи принятъ переводъ псалмовъ, сдѣланный Безой и Маро, съ мелодіями изъ народныхъ пѣсенъ, арранжированными Гудемелемъ. Эта книга псалмовъ пріобрѣла очень большое значеніе въ французской кальвинистской церкви. Кальвинъ придавалъ большую важность катехизаціи, поученію послѣ литургіи. Это назиданіе имѣло форму вопросовъ и отвѣтовъ; на немъ присутствовали не только дѣти, учащіеся вѣрѣ, но и многіе взрослые. Кальвинъ написалъ для него „Катехизисъ женевской церкви“, употребленіе котораго распространилось между всѣми кальвинистами.

Кальвинъ былъ республиканецъ; сообразно тому онъ учитъ, что верховная власть въ церкви принадлежитъ самой церкви, то-есть всему собранію членовъ, составляющихъ ее. Она назначаетъ людей, на которыхъ возлагаетъ обязанность совершать богослуженіе, охранять чистоту вѣры и нравственности; эти выборные ея — проповѣдники; она передаетъ свою власть имъ собранію, называющемуся пресвитеріемъ или консисторіей; въ консисторіи засѣдаютъ кромѣ проповѣдниковъ и міряне, выбранные общиной. Чтобъ управленіе не перешло въ руки недостойныхъ или неспособныхъ, свобода выборовъ ограничивается условіемъ, что служители слова Божія могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, доказавшихъ свою способность на экзаменѣ, и что старѣйшины (члены пресвитеріа) избираются изъ правительственныхъ совѣтовъ города. Давая высокое положеніе духовенству, Кальвинъ очень заботится о томъ, чтобъ оно имѣло ученость и безукоризненную нравственность соотвѣтственно требованіямъ почетности сво-

его званія. Ему хотѣлось бы передать новой церкви все имущество старой; но оно уже было взято въ государственную собственность; потому онъ могъ позаботиться лишь о назначеніи приличнаго содержанія священникамъ. Для устраненія всего дурного или неправильнаго была учреждена ежегодная визитація (ревизія) всѣхъ церквей, а для завѣдыванія текущими дѣлами была учреждена конгрегація, на засѣданія которой, происходившія или ежемѣсячно или въ случаяхъ надобности еженедѣльно, должны были собираться всѣ священники Женевы и сельскихъ общинъ женевской области; президентомъ конгрегаціи былъ самъ Кальвинъ. — Предсѣдателемъ консисторіи, состоявшей изъ пресвитеровъ и 12 выборныхъ мірскихъ старѣйшинъ, былъ одинъ изъ синдиковъ; но при жизни Кальвина это обыкновенно не соблюдалось, почти всегда президентство было отдаваемо ему. Обязанностью консисторіи было сохраненіе строгаго порядка, страха Божія въ жизни народа. Консисторія была трибуналомъ нравственности, призывала къ отвѣту всѣхъ подававшихъ соблазнъ своими поступками и отлучала отъ церкви упорствующихъ въ грѣхѣ; отлученіе лишало причащенія; наказанный оставался отлученъ до того времени, когда принесетъ публичное покаяніе и обѣщается исправиться. Церковный нравственный судъ былъ подъ управленіемъ суроваго Кальвина тяжелымъ угнетеніемъ свободы людей въ частной жизни. Деспотизмъ консисторіи былъ главнымъ поводомъ къ замысламъ на жизнь Кальвина. — По ученію Кальвина, церковь и государство должны быть двумя различными независимыми одно отъ другого учрежденіями, и только помогать одно другому въ заботѣ объ осуществленіи идеала христіанскаго общества. Но на практикѣ Кальвинъ совершенно смѣшивалъ государство съ церковью. Правительство и народное собраніе постановляли тогда законы объ устройствѣ церкви; правительство рѣшало даже догматическіе вопросы; Кальвинъ не возражалъ противъ этого или даже самъ просилъ правительство объ этомъ. Онъ постоянно внушалъ, что должно повиноваться существующимъ властямъ, осуждалъ мятежи, допускалъ сопротивленіе только въ томъ случаѣ, когда власть требуетъ чего нибудь противнаго заповѣдямъ Божиимъ. Богохульство и колдовство онъ считалъ такимъ же преступленіемъ, какъ убійство; потому одобрялъ смертные приговоры по обвиненіямъ въ чародѣйствѣ. Въ первые четыре года по его возвращеніи въ Женеву было тамъ по этимъ обвиненіямъ предано смерти 58 человѣкъ и изгнано 76; особенно свирѣпо стало преслѣдованіе за чародѣйство, во время чумы съ 17 февраля до 15 мая 1545. Палачъ казнилъ или сжегъ въ эти три мѣсяца 34 человѣка, въ томъ числѣ свою мать, а число арестуемыхъ было такъ велико, что завѣдующій темницами объявлялъ, что онѣ переполнены людьми, онъ не можетъ помѣстить въ нихъ ни однимъ человѣкомъ больше.

Церковное устройство, введенное Кальвиномъ, было такъ стѣснительно для личной свободы, что возбуждало сильное сопротивленіе. Кальвинъ всю жизнь долженъ былъ бороться противъ оппозиціи людей, которыхъ называлъ распутниками (*libertins*). Къ числу ихъ принадлежали вожди патріотовъ, Бертелье и Перренъ. Консисторія безпощадно оскорбляла честь людей своими эпитиміями и отлученіями; проповѣдники каждый годъ ходили изъ дома въ домъ производить изслѣдованія о благочестіи и нравственности каждаго и каждой изъ живущихъ въ городѣ, вмѣшивались въ семейныя дѣла, — чувство чести не могло не возмущаться этимъ. Противники Кальвина вовсе не были „распутниками“ или защитникамъ „распутства“, какъ онъ называлъ ихъ; разумѣется, въ городѣ было много безнравственныхъ людей; но они умѣли жить въ свое удовольствіе при какихъ угодно церковныхъ законахъ, и нѣкоторые изъ нихъ, называвшіеся спиритуалистами (*Spirituels*), даже придавали своему разврату характеръ благочестія. Партія

оппозиція состояла изъ людей, защищавшихъ права личности противъ церковнаго деспотизма, вмѣшивавшагося въ частную жизнь, воспрещавшаго танцы, предписывавшаго какъ должны обѣдать, какъ должны одѣваться люди, запрещавшаго читать даже такія невпивныя книги, какъ романы объ Амадисахъ. Оппозиція хотѣла уменьшить власть консисторіи, требовала, чтобъ допущена была апелляція отъ ея рѣшеній къ Большому совѣту. Дѣло доходило до схватокъ на улицахъ. Однимъ изъ литературныхъ противниковъ Кальвина былъ Мигель Серведо или, по латинской формѣ фамиліи, Серветъ, арагонецъ знатной фамиліи, бывшій сначала подобно Кальвину юристомъ, потомъ занимавшійся богословіемъ; кромѣ того онъ изучилъ медицину, сдѣлался знаменитымъ врачомъ; и вообще былъ человекъ съ обширными знаніями. Изученіе естественныхъ наукъ привело его къ богословской системѣ, подобной тому, что впоследствии стало называться рационализмомъ. Онъ подвергался за это преслѣдованіямъ, скитался по Франціи, искалъ себѣ убѣжища то въ Базелѣ, то въ Страсбургѣ. Онъ изложилъ свои религіозныя понятія въ книгѣ, называвшейся „Возстановленіе христіанства“. Онъ отвергалъ въ ней догматы Троицы, это и было причиной гоненія противъ него. Во французскомъ городѣ Вьеннѣ онъ былъ схваченъ, брошенъ въ темницу, усиленно бѣжалъ, былъ заочно приговоренъ къ сожженію. Въ 1553 году онъ ѣхалъ въ Южную Италію и по дорогѣ остановился въ Женевѣ; онъ уже давно велъ полемику съ Кальвиномъ, и по доносу Кальвина былъ арестованъ, подвергнутъ суду и послѣ продолжительнаго процесса — приговоренъ къ сожженію, если не отречется отъ своей ереси. Онъ мужественно сказалъ, что не отрекается отъ своего убѣжденія и 23 октября 1553 былъ сожженъ. Это дѣло легло пятномъ на имени Кальвина. Должно впрочемъ сказать, что и нѣмецкіе протестантскіе богословы, въ томъ числѣ даже добродушный Меланхтонъ, хвалили женевское правительство за сожженіе Сервета. Кальвинъ донесъ на Сервета и требовалъ его смерти не только по фанатизму и по раздраженному авторскому самолюбію, но и по опасенію, что оппозиція войдетъ въ сношенія съ Серветомъ, будетъ пользоваться его ученостію и литературнымъ талантомъ для политической борьбы противъ церковнаго деспотизма. Оппозиція еще оставалась тогда сильна. Не разъ Кальвинъ видѣлъ себя въ опасности быть выгнаннымъ изъ Женевы. Тамъ поселилось много французскихъ эмигрантовъ; они были фанатически преданы Кальвину; ихъ вмѣшательство въ дѣла оскорбляло патріотизмъ женевскихъ гражданъ и усиливало вражду къ Кальвину; составлялись замыслы убить его, были попытки возстаній. Это длилось два года по смерти Сервета. Власть Кальвина упрочилась только по подавленіи возстанія, произошедшаго въ 1555 году. Вожди оппозиціи были казнены или бѣжали. Оставались у Кальвина противники и послѣ того, но они уже не были опасны. Гуманистъ Кастелліонъ, изгнанный изъ Женевы и поселившійся въ Базелѣ, продолжалъ ученую полемику противъ Кальвина; Больсекъ, бывшій приверженцемъ и сдѣлавшійся врагомъ Кальвина, писалъ противъ него ядовитыя пасквилы. Но владычество его надъ женевскою церковью было теперь ужъ непоколебимо. Онъ далъ ей аристократическое устройство, противоположное демократическому принципу его ученія. Въ теоріи онъ говорилъ, что верховная власть и по церковнымъ и по государственнымъ дѣламъ должна принадлежать народу. На практикѣ она принадлежала въ Женевѣ Большому совѣту, избираемому народнымъ собраніемъ. Подъ контролемъ Большого совѣта текущими дѣлами завѣдывали Малый совѣтъ и четыре синдика.—Кальвинъ очень заботился о народномъ образованіи; благодаря его вліянію школы получили такое развитіе, что составили славу Женевы. Число низшихъ школъ было велико. Въ средней школѣ прекрасно

преподавались гуманистическія знанія; была основана академія, имѣвшая главнымъ своимъ назначеніемъ готовить священниковъ. Изъ всѣхъ земель, гдѣ были реформаты, даровитые молодые люди ѣздили въ Женеву учиться богословію. Изъ женевской академіи выходили усердные проповѣдники, распространявшіе ученіе Кальвина по Франціи, Нидерландамъ, Англіи, Шотландіи. Независимый городъ, стоящій на границѣ Франціи, имѣющій населеніе, говорящее французскимъ языкомъ, Женева стала убѣжищемъ французскихъ протестантовъ и центромъ умственной дѣятельности французскаго протестантства. Она была для его послѣдователей Новымъ Іерусалимомъ; они, приближаясь къ ней, пѣли псалмы и завидѣвъ башни ея падали на колѣна въ молитвѣ. Въ XVI вѣкѣ въ Женевѣ жили Готманъ, Готофредъ, Генрихъ Стефанъ, Казаубонъ и многіе другіе первокласные ученые.—Управляя женевскою церковью, Кальвинъ былъ руководителемъ реформатовъ во всей Франціи. Женевское правительство совѣтовалось съ нимъ обо всемъ; поручало ему переговоры съ герцогомъ савойскимъ, составленіе инструкцій для пословъ, отдавало на разсмотрѣніе ему и планъ военныхъ дѣйствій и проекты улучшенія нечей. По его письмамъ, которыхъ дошло до насъ больше 4.000, мы видимъ его многостороннюю неутомимую дѣятельность. Этотъ человекъ, переписывавшійся съ королями, бывшій оракуломъ для всѣхъ реформатовъ, жилъ бѣдно, отказывалъ себѣ во всякихъ развлеченіяхъ и удобствахъ, зналъ только одну радость—гордое сознаніе величія своей дѣятельности. Онъ рано лишился жены и единственнаго сына; онъ не имѣлъ любви къ природѣ, и прекрасныя окрестности Женевы не доставляли ему наслажденія; онъ проводилъ жизнь въ неутомимомъ трудѣ; просто было его ученіе, проста была его жизнь, и послѣднія слова его были запрещеніемъ ставить ему памятникъ.

Кальвинъ умеръ 27 мая 1564; мѣсто его занялъ Теодоръ де Безъ (Bèze) или по латинской формѣ фамиліи Беза, преданный ученикъ его. Беза происходилъ изъ знатной бургонской фамиліи, родился въ Везлѣ 24 іюня 1519, десятью годами позднѣе Кальвина, учился юриспруденціи и гуманистическимъ знаніямъ въ Орлеанѣ и въ Буржѣ, жилъ потомъ въ Парижѣ въ кругу образованныхъ аристократовъ, дававшихъ тогда тонъ двору и столицѣ. Онъ былъ хорошъ собою, игралъ блестящую роль въ этомъ обществѣ. Когда Карлъ V пріѣхалъ въ Парижъ, Беза, въ то время 20 лѣтній юноша, поднесъ императору написанное въ честь его латинское стихотвореніе. Подобно многимъ гуманистамъ Беза любилъ поэзію, и его „Юношескія стихотворенія“ (Juvenilia), за которыя впослѣдствіи очень много нападали на него враги, показываютъ въ немъ большой поэтической талантъ, свидѣтельствуютъ также, что онъ любилъ тогда развлеченія. Родственники, занимавшіе важныя церковныя должности, дали юношѣ бенефиціи съ большими доходами. Онъ имѣлъ всѣ качества, какія были нужны тогда для успѣховъ по государственной службѣ или по церковному управленію, и могъ бы сдѣлать себѣ блестящую карьеру; но подобно Августину отказался отъ развлеченій и богатствъ и въ 1548 году съ невѣстой, рѣшившейся раздѣлять его бѣдность, уѣхалъ въ Женеву служить Господу. Онъ нашелъ въ реформатской церкви успокоеніе своей душѣ и посвятилъ ей всѣ свои силы, не колеблясь убѣжденіями раздосадованныхъ отца и братьевъ. По рекомендаціи Кальвина онъ получилъ должность профессора въ Лозаннской академіи, оставался на ней 10 лѣтъ, занимался въ это время, кромѣ богословскихъ, и литературными трудами: перелагалъ псалмы въ стихи, написалъ религіозную драму „Жертвоприношеніе Авраамово“, велъ сатирическую и ученую полемику въ защиту кальвинистской церкви. Преданность Безы Кальвину была такъ велика, что онъ одобрялъ даже сожженіе Сервета, хотя вообще не любилъ преслѣдованій еретиковъ. Онъ

очень усердно дѣйствовали въ пользу реформатовъ и вмѣстѣ съ Фарелемъ постоянно просили бернское, цюрихское, базельское правительства и южно-нѣмецкихъ государей вступить за единовѣрцевъ, преслѣдуемыхъ во Франціи и въ Савойѣ. Въ изложеніи реформатскаго ученія объ эвхаристіи употреблялъ формулу, сближавшую его какъ и Кальвина съ лютеранами; это располагало нѣмецкихъ протестантскихъ государей принимать со вниманіемъ его просьбы. Притомъ, онъ по своему свѣтскому воспитанію, былъ хорошій дипломатъ. Кругъ его дѣятельности сталъ еще шире, когда Кальвинъ пригласилъ его переселиться въ Женеву. Онъ сдѣлался преподавателемъ греческаго языка въ основанной тогда гимназіи, профессоромъ богословія въ академіи и приобрѣлъ такое же сильное вліяніе на преподаваніе наукъ въ реформатскихъ земляхъ, какъ Меланхтонъ въ лютеранскихъ. Онъ получилъ очень сильное вліяніе на дѣла французскихъ реформатовъ, какъ мы расскажемъ о томъ послѣ. Значеніе его дѣятельности для реформатской церкви было такъ велико, что кальвинисты называли его патриархомъ реформаціи. Онъ умеръ въ глубокой старости 13 октября 1605.

ХVII. НѢМЕЦКАЯ РЕФОРМАЦІЯ. ПОСЛѢДНЯЯ ВОЙНА КАРЛА V СЪ ФРАНЦИСКОМЪ.

1. Побѣда протестантства въ сѣверной Германіи.

Введеніе реформаціи въ скандинавскихъ государствахъ, отдѣленіе Англіи отъ римской церкви, ссора и война императора съ королемъ французскимъ,—все это благопріятствовало упроченію силы нѣмецкихъ протестантовъ. Францискъ и Карлъ оба старались привлечь на свою сторону государей, управлявшихъ дѣлами шмалькальденскаго союза, выказывали величайшую любезность курфирсту саксонскому. При его пріѣздѣ въ Вѣну Фердинандъ далъ ему инвеституру на санъ курфирста, въ которой долго отказывалъ. Когда онъ послалъ отрядъ войска на помощь императору въ Нидерланды, Карлъ дозволилъ совершать въ своемъ лагерѣ лютеранское богослуженіе для этого отряда. Казалось, что будетъ наконецъ созванъ вселенскій соборъ для рѣшенія религіозныхъ споровъ. Климентъ VII не желалъ этого, но его преемникъ Павелъ III выказывалъ расположеніе созвать соборъ и отправилъ ко многимъ государямъ уполномоченныхъ для переговоровъ о томъ, въ какомъ городѣ созвать его. Петръ Павелъ Вергерій, епископъ каподистрійскій, нунцій при дворѣ короля Фердинанда, отправился по порученію папы вести переговоры съ курфирстами саксонскимъ и бранденбургскимъ. По приказанію отсутствующаго курфирста саксонскаго онъ былъ принятъ въ Виттенбергѣ съ большими почестями и помѣщенъ во дворцѣ. Тамъ, въ ноябрѣ (1535 года), онъ имѣлъ разговоръ съ Лютеромъ, пришедшимъ къ нему въ сопровожденіи Бугенгагена. Вергерій говоритъ, что Лютеръ показался ему человѣкомъ, не получившимъ хорошаго воспитанія, имѣющимъ грубыя манеры. Лютеръ одобрилъ мысль о соборѣ, сказалъ, что поѣдетъ на соборъ, хотя бы зналъ, что его сожгутъ, что ему все равно, гдѣ будетъ созванъ соборъ, въ Мантуѣ, Падуѣ или Флоренціи.—„И если въ Болоньѣ, то все равно?“ спросилъ нунцій, Лютеръ отвѣчалъ вопросомъ, кому принадлежитъ Болонья, и услышавъ, что ея владѣетъ папа, воскликнулъ съ удивленіемъ: „Боже Пресвятой, такъ папа захватилъ себѣ и этотъ городъ!“—Изъ Виттенберга нунцій отправился въ Прагу, гдѣ былъ тогда курфирстъ саксонскій, спросилъ его согласія на

то, чтобы мѣстомъ засѣданія собора была назначена Мантуя. Іоаннъ Фридрихъ сказалъ, что не можетъ дать никакого обѣщанія, не узнавъ мнѣнія своихъ союзниковъ. Ему хотѣлось, чтобы созванъ былъ не вселенскій соборъ, а національный нѣмецкій, какъ предлагали нѣсколько разъ на сеймахъ протестанты. Лютеръ также сталъ отступаться отъ согласія, выраженнаго нунцію.

Павелъ едва ли желалъ въ самомъ дѣлѣ созвать соборъ. Правда, по требованію императора и совѣту Гранвеллы, онъ обнародовалъ буллу, созывавшую соборъ въ маѣ 1537 въ Мантую; но никакой папа не могъ бы допустить свободныхъ совѣщаній о томъ, правы ли протестанты, и не согласился бы признать что-нибудь ошибочное въ догматахъ, принятыхъ католической церковью, утвержденныхъ папскими рѣшеніями. Соборъ созывался только съ цѣлью возвратитъ протестантовъ къ повиновенію папѣ, искоренить ихъ ересь. Это прямо высказано въ буллѣ о преобразованіи управленія городомъ Римомъ и папскаго двора, обнародованной вскорѣ послѣ того. Она формально говоритъ, что цѣль собора «искорененіе лютеранской ереси». Понятно, что члены шмалькальденскаго союза не могли принять такого собора; курія была убѣждена, что они отвергнуть предложенія о немъ; она хотѣла только сдѣлать удовольствіе императору исполненіемъ его требованія и свалить вину отказа на протестантовъ. Раньше времени назначеннаго для открытія собора началась въ Италіи война, сдѣлала невозможнымъ соборъ и освободила римскую курію отъ надобности выказать свои истинныя намѣренія.

Члены протестантскаго союза находились на съѣздѣ въ Шмалькальденѣ, когда пріѣхалъ въ Германію въ февралѣ 1537 папскій нунцій при нидерландскомъ дворѣ, Петръ Ворстій, съ буллой о созваніи собора. Члены шмалькальденскаго союза были не всѣ согласны, какъ слѣдуетъ поступить. Фанатики говорили, что должно отвѣчать безусловнымъ отказомъ, потому что принятіе приглашенія папы было бѣ истолковано какъ признаніе его власти; что протестанты на соборѣ были бы приняты какъ обвиняемые въ ереси, явившіеся къ суду. А кто будетъ судьями? Паписты; они будутъ управлять совѣщаніями собора, они продиктуютъ ему рѣшеніе; оно объявитъ протестантовъ еретиками. Люди умѣренные говорили, что не слѣдуетъ прямо отвергать приглашеніе, должно потребовать точнаго опредѣленія формы совѣщаній собора и условіемъ согласія постановить то, чтобы назначены были судьями люди безпристрастные. Меланхтонъ оставался при своемъ прежнемъ мнѣніи, что можно оставить нѣкоторую власть епископамъ и папѣ. Но курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ говорилъ, что это значило бы возстановитъ плѣненіе вавилонское, отъ котораго Богъ освободилъ протестантовъ, и что уступка, на которую согласенъ Меланхтонъ, произведетъ не миръ, а новое поработеніе. Мнѣніе курфирста ободрило всѣхъ, и было рѣшено отвергнуть приглашеніе. Императорскому вице-канцлеру Гельду было сообщено, что евангелическіе члены нѣмецкой имперіи не могутъ признать свободнымъ соборъ, на которомъ будутъ всѣмъ управлять папа и епископы; потому отказываются послать въ него депутатовъ. Нунцію были возвращены нераспечатанными письма папы къ курфирстамъ.

Лютеръ, въ досадѣ на свое согласіе, разгорячился противъ папизма и рѣзче прежняго сталъ говорить, что папа антихристъ. Страданія отъ каменной болѣзни, мучившія его въ это время и угрожавшія опасностью его жизни, усиливали его раздраженіе. Въ этомъ настроеніи духа онъ написалъ, такъ называемыя „Шмалькальденскія статьи“, записку объ отношеніяхъ протестантства къ папизму. Онъ чрезвычайно рѣзко доказываетъ въ ней, что папа ни по божественному, ни по человѣческому праву не имѣетъ никакой власти надъ церковью. Этимъ была окончательно уничтожена воз-

возможность примирения. Когда болѣзнь принудила Лютера отправиться изъ Шмалькальдена домой, онъ сказалъ провожавшимъ его проповѣдникамъ: „Богъ да исполнитъ васъ ненавистью къ папѣ“.

Споръ противъ папизма расположилъ Лютера мягче прежняго думать о цвингліанцахъ. Пользуясь этимъ, Меланхтонъ въ 1540 году сдѣлалъ въ аугсбургскомъ исповѣданіи нѣкоторыя перемѣны, сближавшія лютеранъ съ реформатами; въ особенности онъ смягчилъ формулу догмата объ эвхаристіи, такъ что ее могли принимать и реформаты. Впослѣдствіи лютеранскіе богословы ожесточенно нападали на Меланхтона за эту смягченную редакцію аугсбургскаго исповѣданія.

Императоръ досадовалъ на членовъ шмалькальденскаго союза за ихъ отказъ принять участіе въ соборѣ, но не могъ начать враждебныхъ дѣйствій противъ нихъ, потому что они вступили бы въ союзъ съ королемъ французскимъ, начавшимъ войну противъ него. Нашлось другое средство остановить распространеніе протестантизма въ Германіи. Императорскій вице-канцлеръ Гельдъ, пріѣзжавшій съ нунціемъ въ Шмалькальденъ, встревожился, увидѣвъ, какъ сильны протестанты. Онъ имѣлъ сношенія съ многими изъ католическихъ государей Германіи, зналъ, что они подобно ему опасаются расширенія шмалькальденскаго союза. Генрихъ, герцогъ Брауншвейгскій, досадовалъ на то, что города Брауншвейгъ и Госларъ, съ которыми онъ давно ссорился за конфискованные ими монастыри, получили безопасность отъ его нападеній, присоединившись къ шмалькальденскому союзу; были у него и личныя причины вражды къ Филиппу Гессенскому, другомъ котораго былъ онъ прежде. Альбрехтъ, курфирстъ майнцскій, досадовалъ на Іоанна Фридриха за то, что курфирстъ саксонскій принялъ подъ свою защиту Магдебургъ, отказывавшій ему въ повиновеніи. Георгъ, герцогъ саксонскій, ненавидѣлъ курфирста саксонскаго. Герцоги баварскіе были враждебны протестантизму; всѣ католическіе государи опасались, что протестанты отнимутъ владѣнія у нихъ. Пользуясь этимъ, Гельдъ убѣдилъ довольно многихъ католическихъ государей вступить между собою въ союзъ для сопротивленія распространенію реформаціи. Этотъ договоръ былъ подписанъ въ Нюрнбергѣ 10 іюня 1538. Члены нюрнбергскаго союза обязывались общими силами противиться всякому расширенію шмалькальденскаго союза. Договоръ былъ заключенъ на одиннадцать лѣтъ.

Гельдъ дѣйствовалъ безъ порученія отъ императора, даже наперекоръ его инструкціямъ, говорившимъ о необходимости примиренія. Вице-канцлеръ надѣялся, что императоръ одобритъ его. Но Карлъ испугался, узнавъ о томъ, что надѣлалъ Гельдъ безъ его вѣдома. Императоръ передъ тѣмъ только что заключилъ въ Ниццѣ перемиріе съ Францискомъ. Оно дало ему возможность обратить свои силы противъ турокъ; онъ надѣялся при помощи нѣмецкихъ государей оттѣснить ихъ отъ венгерской и австрійской границы. По его желанію папа отсрочилъ созваніе собора, чтобы не ссорить его съ протестан-

тами. Его надежды на помощь нѣмцевъ въ войнѣ съ турками были разстроены заключеніемъ католическаго союза, дѣлившаго Германію на двѣ части, готовившіяся къ войнѣ между собою. Онъ поручилъ уладить дѣло человѣку, менѣе ненавидящему протестантовъ, чѣмъ Гельдъ,—Везъ, бывшему при Христіанѣ II архіепископомъ лундскимъ, бѣжавшему изъ Даніи по низложеніи этого короля и поступившему на службу къ нему. Веза, при содѣйствіи Людвига, пфальцграфа рейнскаго, и новаго курфюрста бранденбургскаго Іоахима II, успокоилъ опасенія членовъ шмалькальденскаго союза и въ апрѣлѣ 1539 заключилъ съ ними во Франкфуртѣ договоръ, по которому императоръ обѣщалъ полную безопасность не только прежнимъ, но и новымъ членамъ шмалькальденскаго союза.

Франкфуртскій договоръ далъ протестантамъ рѣшительный перевѣсъ надъ католиками. Къ шмалькальденскому союзу присоединились новые члены. Младшая (альбертинская) линія саксонскаго дома, главою которой былъ герцогъ Георгъ, имѣла владѣнія далеко уступавшія обширностью государству курфюрста саксонскаго, главы старшей (Эрнестинской) линіи. Притомъ, владѣнія младшей линіи были раздѣлены на два государства. Герцогъ Георгъ владѣлъ областями городовъ Дрездена, Мейсена, Лейпцига и сосѣдними землями; братъ Георга Генрихъ имѣлъ особое государство, главными городами котораго были Фрейбергъ и Волькенштейнъ. Генрихъ и его жена Екатерина, принцесса мекленбургская, любили роскошь, путались въ долги; Георгъ упрекалъ ихъ за расточительность, они сердились. Ссора усилилась, когда Генрихъ и его жена приняли протестантство.—Герцогство Георга оставалось чистымъ отъ ереси. Онъ хотѣлъ, чтобъ оно было охраняемо отъ нея и по его смерти. Его сыновья умерли при его жизни бездѣтными. Наслѣдникомъ его сталъ Генрихъ. Онъ сдѣлалъ завѣщаніе, которымъ возлагалъ на Генриха обязанность поддерживать католичество и, въ случаѣ несогласія Генриха, передавалъ свое государство Фердинанду австрійскому. Сеймъ герцогства, утвержденіе котораго было необходимо для дѣйствительности завѣщанія, сказалъ, что надобно спросить мнѣнія у Генриха; Генрихъ отвѣчалъ, что «не отречется отъ Христа, не поклонится сатанѣ». Вскорѣ послѣ того, 17 апрѣля 1539, Георгъ умеръ, не успѣвъ подписать завѣщаніе. Генрихъ въ тотъ же день пріѣхалъ въ Дрезденъ; народъ, ужь давно расположенный къ реформациі, принялъ его радостно. Фердинандъ объявилъ, что признаетъ Генриха наслѣдникомъ Георга, только когда онъ обяжется поддерживать католичество; но шмалькальденскій союзъ принялъ сторону Генриха, и Фердинандъ не отважился на войну. Генрихъ безъ сопротивленія вступилъ во владѣніе государствомъ, и сталъ вводить реформацію. Въ пятницу передъ Троицей сеймъ, собравшійся въ Лейпцигѣ, присягнулъ ему, а на Троицу сказалъ проповѣдь народу пріѣхавшій въ Лейпцигъ Лютеръ.

Введение реформациі производилось при содѣйствіи свѣтскихъ сословіи сейма. Черезъ два года, Генрихъ умеръ; ему наследовалъ старшій сынъ, Морицъ, женатый на дочери Филиппа гессенскаго.

Около того же времени была введена реформація въ Бранденбургъ. Курфирстъ Іоахимъ I, основатель университета во Франкфуртѣ на Одерѣ, былъ упорный защитникъ католичества. Его жена Елизавета, сестра Христіана II Датскаго, была принуждена бѣжать отъ притѣсненій, какимъ подвергалъ онъ ее за преданность протестантству. У него было два сына; онъ взялъ съ нихъ обѣщаніе оставаться католиками; но они подобно матери были протестанты; онъ умеръ въ 1535 году. Младшій изъ его сыновей Іоаннъ, человѣкъ твердаго характера, получившій въ удѣлъ себѣ Новую марку, присоединился въ 1538 году къ шмалькальденскому союзу и ввелъ въ своемъ государствѣ реформацію. Старшій сынъ Іоахимъ II, получившій санъ курфирста и двѣ трети отцовскихъ владѣній, человѣкъ нерѣшительный, любившій пировать и охотиться, колебался нѣсколько долѣе Іоанна; но населеніе его государства также было расположено къ реформациі. Іоахимъ уступилъ общему желанію. Яговъ, епископъ бранденбургскій, дѣятельный распространитель реформациі въ своей епархіи, причастилъ курфирста и вельможъ по лютеранскому обряду 1 ноября 1539. Весь народъ послѣдовалъ примѣру государя, даже епископы Лебусскій и Гавельбергскій приняли протестантство.

Іоахимъ не присоединился къ шмалькальденскому союзу и вообще держалъ себя особо отъ другихъ протестантскихъ государей. Онъ и въ религіозныхъ дѣлахъ не во всемъ слѣдовалъ общему примѣру ихъ: такъ напримѣръ онъ сохранилъ въ своемъ государствѣ епископовъ и многіе католическіе обряды. Нѣкоторые протестантскіе священники находили это дурнымъ, но Лютеръ писалъ имъ, что не должно придавать важности внѣшнимъ особенностямъ; достаточно того, что курфирстъ дозволяетъ имъ проповѣдывать чистое евангельское ученіе.

Переходъ герцогства саксонскаго и Бранденбурга къ евангелическому ученію далъ окончательную побѣду ему въ сѣверной Германіи. Сестра Іоахима Бранденбургскаго, Елизавета, герцогиня брауншвейгъ-каленбергская, сдѣлавшись по смерти мужа опекуной малолѣтняго сына и регентшей, ввела въ своемъ герцогствѣ бранденбургское богослуженіе. Нѣкоторые духовные государи тоже приняли лютеранство. Магнусъ, епископъ шверинскій, склонилъ къ принятію его весь Мекленбургъ. Альбрехтъ, архіепископъ майнцскій, не могъ сохранить свою церковную власть надъ Магдебургомъ и Гальберштадомъ; эти города уплатили его долги, дали ему кромѣ того много денегъ, и онъ согласился на свободу протестантскаго богослуженія въ нихъ. Даже городъ Галле, его резиденція, принялъ протестантство; онъ переселился въ Майнцъ. Въ 1541 сдѣлалась вакантною наумбургская кафедра.

Капитулъ выбралъ епископомъ Юліуса Пфлуга, человѣка умѣренныхъ мнѣній; но курфюрстъ саксонскій, въ зависимости отъ котораго находилось епископство наумбургское, назначилъ епископомъ Николая Амедорфа, одного изъ помощниковъ Лютера, а свѣтское управленіе епископствомъ поручилъ одному изъ своихъ чиновниковъ.

2. Попытки примиренія.

Императоръ съ тревогой смотрѣлъ на распространеніе протестантизма въ Германіи; оно увеличивало могущество шмалькальденскаго союза, стѣснявшаго императорскую власть, отнимавшаго у Габсбургской династіи преобладающее вліяніе въ Германіи. Карлъ не зналъ, какую политику принять ему, и колебался въ своихъ рѣшеніяхъ. Черезъ нѣсколько времени по свиданіи съ Францискомъ въ Эгъ-Мортѣ, онъ къ изумленію Европы пріѣхалъ въ Парижъ и прожилъ тамъ нѣсколько дней въ гостяхъ у бывшаго соперника. Это былъ рядъ праздниковъ, о политическихъ дѣлахъ гость и хозяинъ не говорили; такъ было условлено при переговорахъ о визитѣ императора королю. Предлогомъ для визита была выставлена надобность Карлу проѣхать изъ Испаніи въ Нидерланды прямымъ быстрымъ путемъ для усмиренія мятежа. Въ Гентѣ поднялось возстаніе и угрожало распространиться по всей Фландріи, по всему Брабанту. Эти области были сильно недовольны тѣмъ, что должны давать деньги и войско для чуждыхъ имъ выгодъ государя Испаніи, властителя Италіи, принуждены изнурять себя жертвованіями на его войны въ Италіи, что ихъ права нарушаются. Въ нихъ уже возникало желаніе отложиться отъ испанской монархіи. Проѣхавъ черезъ Францію въ Нидерланды, Карлъ безъ большаго труда подавилъ возстаніе Гента. Дружба его съ Францискомъ была теперь повидимому прочная; они составляли проекты для устраненія поводовъ къ ссорамъ въ будущемъ. Возникла мысль женить второго сына французскаго короля на дочери Карла, отдать молодой четѣ Нидерланды; предполагалось, что взамѣнъ того Францискъ откажется отъ притязаній на Миланъ и возвратитъ герцогу савойскому его владѣнія. Но Франциску показалось недостаточно такое вознагражденіе за отказъ отъ надежды пріобрѣсти Миланъ. Составлялись потомъ другіе проекты брачныхъ связей между французской и габсбургской династіями, но и они разстроивались. Эти неудачи въ переговорахъ съ Францискомъ заставили Карла серьезно заняться примиреніемъ съ нѣмецкими протестантами помимо папы. Быть можетъ, онъ надѣялся запугать римскую курію, принудить папу къ созванію вселенскаго собора. Въ Италіи было тогда много людей, же-

лавшихъ преобразованія церкви. Ученые писали объ этомъ; въ самой коллегіи кардиналовъ находились сторонники преобразованія не только церковнаго устройства, но и догматики. Гуманисты стали серьезно заниматься религіозными вопросами. Высокіе церковные сановники, какъ напримѣръ кардиналъ Поль, Контарини, Мороне, Вальдесъ, высказывали по вопросу о спасеніи человѣка благодатью мнѣнія сходныя съ лютеровыми, говорили, что спасеніе пріобрѣтается не исполненіемъ обрядовъ и пожертвованіями въ пользу церкви, а душевнымъ раскаяніемъ въ грѣхахъ и нравственнымъ исправленіемъ. Въ этомъ духѣ написана знаменитая книга «О благодати Христовой», считавшаяся произведеніемъ Палеаріо, но принадлежащая какому-то другому, неизвѣстному автору. Императоръ полагалъ, что при такомъ настроеніи умовъ въ Италіи можно добиться отъ папы уступокъ протестантамъ, запугавъ его прямыми переговорами съ ними. Карлъ объявилъ, что въ исполненіе Франкфуртскаго соглашенія созываетъ нѣмецкихъ богослововъ на религіозное совѣщаніе въ Гагенау. Папа одобрилъ это и послалъ въ Гагенау своего легата. Карлу хотѣлось примириться съ протестантами въ особенности потому, что для него представляла опасность борьба за Гельдернъ. Онъ овладѣлъ епископствами утрехтскимъ и люттихскимъ и хотѣлъ подчинить себѣ Клеве. Но онъ возбудилъ этимъ сильное безпокойство въ нижнерейнскихъ государяхъ. Ему хотѣлось успокоить ихъ. Ему надобно было примириться съ протестантами и для того, чтобы получить отъ нихъ войско на войну съ турками. Ему казалось, что можно формулировать спорные вопросы такъ, чтобы рѣшеніе ихъ могло быть принято и католиками и протестантами. Относительно догматовъ и обрядовъ, это дѣйствительно было по всей вѣроятности возможно; но нельзя было согласить притязанія папы на власть надъ церковью съ ученіемъ, отвергавшимъ эту власть.

Совѣщаніе богослововъ въ Гагенау должно было служить только подготовкой къ слѣдующему, назначенному осенью въ Вормсѣ. Въ ноябрѣ 1540 богословы обѣихъ партій съѣхались въ Вормсѣ. Императорскій канцлеръ Гранвелла открылъ совѣщаніе рѣчью о вредности религіозныхъ несогласій и убѣждалъ собраніе «снова сшить разорванный хитонъ Христовъ». Въ числѣ диспутантовъ со стороны католиковъ были легатъ Мороне, человѣкъ образованный, умный, ловкій, и докторъ Эккъ; со стороны протестантовъ Меланхтонъ и Кальвинъ, видѣвшіеся между собою дружески. Въ комиссіи, выбранной для составленія проекта соглашенія, 14 голосовъ противъ 8 было за аугсбургское исповѣданіе. Мороне, видя, что проектъ будетъ составленъ въ протестантскомъ духѣ, старался затянуть дѣло и предложилъ вести переговоры не изустно, а письменно. Гранвелла съ трудомъ убѣдилъ легата допустить изустное изложеніе мнѣній главныхъ представителей католичества и протестантства, Экка и Меланхтона, на пуб-

лично́мъ диспутѣ. Но раньше окончанія переговоровъ было получено императорское повелѣніе, прекращавшее ихъ и переносившее религіозный диспутъ на сеймъ, который будетъ открытъ самимъ императоромъ въ Регенсбургѣ. Это было въ январѣ 1541; въ февралѣ Карлъ пріѣхалъ въ Регенсбургъ.

Сеймъ открылся въ апрѣлѣ и продолжался до іюля. Обстоятельства были таковы, что если бы возможно было примиреніе протестантства съ католичествомъ, оно произошло бы тогда. Императоръ и его канцлеръ Гранвелла горячо желали его. Новый папскій легатъ Контарини, человѣкъ ученый и добродѣтельный, принадлежалъ къ числу просвѣщенныхъ католическихъ сановниковъ, искренно стремившихся преобразовать церковь; по своимъ понятіямъ о важнѣйшемъ изъ спорныхъ догматовъ о спасеніи человѣка благодатью, онъ былъ близокъ къ Лютеру. На протестантской сторонѣ преобладали люди умѣреннаго направленія. Курфирстъ саксонскій и Лютеръ не поѣхали въ Регенсбургъ; потому наибольшее вліяніе принадлежало курфирсту бранденбургскому, Филиппу гессенскому, Меланхтону и Буцеру. Іоахимъ Бранденбургскій и ландграфъ гессенскій искренно желали примиренія Германіи. Буцеръ, успѣвшій примирить лютеранъ съ цвингліанцами, надѣялся достичь примиренія между католиками и протестантами. Ему приписывали проектъ соглашенія, называвшійся регенсбургскимъ интеримомъ (временнымъ постановленіемъ), въ которомъ важнѣйшіе пункты спора были изложены въ такихъ мягкихъ выраженіяхъ, что Гранвелла считалъ возможнымъ принять его за основаніе соглашенія. Комитетъ, составленный изъ богослововъ обѣихъ партій, дѣйствительно пришелъ къ соглашенію почти по всѣмъ догматическимъ вопросамъ; труднѣе было устранить споръ относительно обрядовъ и церковнаго устройства, но и въ этомъ комитетъ богослововъ дошелъ почти до полного соглашенія. Католики не упоминали о папской власти, согласились, что истолкованіе правилъ вѣры принадлежитъ церкви, а не отдѣльному лицу; это значило, что и они отрицаютъ владычество папы надъ церковью. Но совѣщанія комитета богослововъ, шедшія въ началѣ очень миролюбиво, стали принимать другой характеръ. Изъ Рима и отъ Лютера приходили въ Регенсбургъ порицанія уступчивости. Императоръ увидѣлъ, что дальнѣйшихъ взаимныхъ уступокъ нельзя ждать отъ богослововъ, и 12 іюля прекратилъ ихъ совѣщанія, рѣшивъ передать на утвержденіе сейма результаты ихъ переговоровъ по тѣмъ вопросамъ, по которымъ они согласились, а по другимъ внести въ сеймъ соотвѣтствующія части проекта, называемаго регенсбургскимъ интеримомъ. Изъ пяти курфирстовъ, присутствовавшихъ на сеймѣ, трое, кѣльнскій, пфальцскій, бранденбургскій, одобрили предложеніе императора; двое, трирскій и майнцскій, спорили противъ него. Нѣкоторые протестантскіе члены сейма отправили въ Виттенбергъ посольство къ Лютеру спросить

его мнѣнія. Онъ отвѣчалъ уклончиво; хорошо было уже и то, что онъ не противорѣчилъ внесенному императоромъ въ сеймъ проекту примиренія. Карлъ и умѣренные люди обѣихъ религіозныхъ партій надѣялись достичь успѣха. Но скоро дѣло стало разстроиваться. Лютеръ началъ выражать подозрѣніе, что паписты хотятъ обмануть протестантовъ, убѣдилъ своего курфюрста приказать саксонскимъ уполномоченнымъ на сеймѣ, чтобъ они не уклонялись отъ Аугсбургскаго исповѣданія, не дѣлали никакихъ уступокъ. Между католиками оппозиція выказалась еще рѣзче. Эркъ объявилъ, что не давалъ своего согласія на тѣ примирительныя рѣшенія, какія были приняты комитетомъ богослововъ; герцоги баварскіе объявили, что не согласны ни на какія уступки протестантамъ. Легатъ, обвиняемый папистами въ измѣнѣ, пересталъ быть уступчивымъ; французскіе послы бывшіе въ Регенсбургѣ отклоняли и католиковъ и протестантовъ отъ соглашения, которое увеличило бы военныя силы императора войсками нѣмецкихъ протестантовъ. Такимъ образомъ, когда императорскій проектъ соглашения былъ предложенъ сейму, католическое большинство (12 іюля) постановило, что христіанскимъ государямъ непристойно допускать перемѣны въ прежней религіи, что церковныя вопросы могутъ быть рѣшаемы только соборомъ, что они твердо остаются при прежней вѣрѣ и при рѣшеніи аугсбургскаго сейма. Паписты упрекали императора въ покровительствѣ протестантамъ. Примирить ихъ съ лютеранами было невозможно, а между тѣмъ изъ Венгріи шли извѣстія объ успѣхахъ турокъ. Императоръ рѣшился поступить такъ, чтобы, не оскорбляя католиковъ, пріобрѣсти расположеніе протестантовъ, и велѣлъ прочесть въ сеймѣ заявленіе своей воли. Оно говорило, что рѣшеніе религіознаго спора предоставляется вселенскому или, если онъ не будетъ скоро созванъ, то національному собору, а если не будетъ открытъ до истеченія полугодового срока и національный соборъ, то дѣло будетъ рѣшено сеймомъ; что до того времени протестанты не должны дѣлать дальнѣйшихъ преобразованій, а всѣ процессы, начатыя противъ нихъ, прекращаются. Евангелическіе члены сейма находили эти уступки недостаточными. Императоръ далъ ихъ требованіямъ нѣкоторое удовлетвореніе въ деклараціи, прибавленной къ прочтенному въ сеймѣ заявленію его воли. Онъ между прочимъ объявилъ, что всѣ желающіе имѣютъ право переходить въ протестантское исповѣданіе.

Эта декларація не была утверждена сеймомъ; соглашеніе между императоромъ и протестантами имѣло характеръ частной сдѣлки. Но оно было выгодно для нихъ, обезпечивая имъ его покровительство. Еще выгоднѣе было оно для него, давая ему помощь ихъ противъ турокъ. Благодаря ихъ согласію съ нимъ, сеймъ рѣшилъ собрать имперскую армію для войны съ турками. Чтобъ упрочить свою дружбу съ протестантами, императоръ заключилъ отдѣльные дого-

воры съ курфирстомъ бранденбургскимъ и ландграфомъ гессенскимъ. Курфирсту онъ далъ свое согласіе на произведенную имъ реформацію подъ условіемъ, чтобъ Іоакимъ не вступалъ въ шмалькальденскій союзъ и держался его стороны въ спорѣ за Клеве и Гельдернъ; ландграфу онъ далъ амністію за всѣ прежнія самовластные дѣйствія подъ условіемъ, чтобъ онъ удерживалъ шмалькальденскій союзъ отъ перехода на сторону французовъ или англичанъ и помогалъ императорскимъ войскамъ въ войнахъ съ ними. Католики роптали на императора; чтобы пріобрѣсти ихъ довѣріе, онъ утвердилъ нюрнбергскій союзъ ихъ. Изъ всего этого ясно, что онъ желалъ только сохраненія внутренняго мира въ Германіи, чтобы нѣмецкія дѣла не мѣшали ему въ войнахъ съ французами и турками.

Союзъ ландграфа гессенскаго съ императоромъ имѣлъ своимъ источникомъ дѣло, произошедшее не задолго передъ тѣмъ и сильно компрометировавшее протестантскихъ богослововъ. Филиппъ въ ранней молодости женился на Христинѣ, дочери Георга, герцога саксонскаго. У нихъ родилось три сына и четыре дочери; но онъ никогда не имѣлъ особенной любви къ женѣ и мало по малу получилъ отвращеніе отъ нея. Онъ завелъ внѣбрачныя связи; его мучила за нихъ совѣсть. Усердный читатель Священнаго писанія, онъ зналъ какой тяжелый грѣхъ прелюбодѣяніе, но сдержать своего пылкаго темперамента не могъ. Ему случилось познакомиться при дворѣ его сестры, въ Рохвицѣ, съ дѣвушкой знатной саксонской фамиліи, Маргаретой фонъ деръ Заль. Онъ страстно влюбился въ нее; она, слушаясь совѣтовъ своей матери, не хотѣла стать его любовницей, и ему пришла въ голову мысль сдѣлать ее своей женой, не расторгая своего прежняго брака. Онъ начался о патріархахъ, жившихъ въ многоженствѣ, вообразилъ, что оно не противно христіанскому ученію. Самъ Лютеръ говорилъ о единоженствѣ, что „оно существуетъ по гражданскимъ законамъ“ и не пахотилъ въ Священномъ писаніи заповѣдей о немъ. Маргарета согласилась стать второй женой ландграфа, безъ расторженія его брака съ первой; ландграфиня Христина дала (11 декабря 1539) свое письменное согласіе на этотъ бракъ мужа подъ условіемъ сохраненія всѣхъ правъ за нею и ея дѣтьми; ландграфъ обезпечилъ эти права формальнымъ актомъ. Придворный священникъ ландграфа, Меландеръ, не противорѣчилъ его желанію; но онъ хотѣлъ получить одобреніе болѣе авторитетное. По его порученію, Бучеръ попросилъ у Лютера и Меланхтона согласія на этотъ бракъ Филиппа, передалъ имъ записку, въ которой ландграфъ объяснялъ мотивы своего намѣренія, выражалъ твердое рѣшеніе исполнить его, просилъ Лютера и Меланхтона дать ему письменное удостовѣреніе, что такой бракъ не противенъ заповѣдямъ божіимъ, говорилъ, что если они откажутъ ему въ этомъ, онъ обратится къ императору съ просьбой оградить его отъ суда по имперскимъ законамъ, прибавлялъ, что въ этомъ случаѣ онъ лишится возможности защищать евангельское ученіе съ прежней силой, хотя останется вѣренъ ему. Лютеръ и Меланхтонъ испугались, написали отвѣтъ, въ которомъ перечисляли порицанія и другія непріятности, какимъ ландграфъ подвергнетъ себя и своихъ единовѣрцевъ отступленіемъ отъ божественнаго и человѣческаго учрежденія, приводили соображенія, въ пользу единоженства. Но Лютеръ самъ былъ не увѣренъ, что многоженство противно закону Божію, потому объявлялъ ландграфу, что не можетъ одобрить двоебрачія, но также не можетъ сказать, что нѣтъ

никакихъ обстоятельствъ, дѣлающихъ его не грѣховнымъ, потому что многіе благочестивые люди ветхаго завіта имѣли не одну жену, признавалъ дѣло Филиппа исключительнымъ случаемъ, въ которомъ дозвоительно отступленіе отъ общаго правила и находилъ способъ устранить затрудненіе тѣмъ, чтобы для избѣжанія соблазна держать бракъ съ другой женой въ секретѣ, повѣнчаться съ Маргаретой лишь при немногихъ свидѣтеляхъ, которые дадутъ присягу молчать. Буцеръ, возвращаясь изъ Виттенберга, проѣхалъ въ Веймаръ къ курфюрсту испросить его одобренія. Но искренно благочестивый человѣкъ чистой нравственности, Іоаннъ Фридрихъ выразилъ рѣшительное порицаніе дѣлу, которое занимаетъ евангелическую церковь. Обрядъ бракосочетанія съ Маргаретой былъ совершенъ 3 марта 1540 въ Ротенбургѣ, въ присутствіи посла курфюрста саксонскаго, Буцера и Меланхтона, приглашеннаго ландграфомъ подъ другимъ предлогомъ. Секретъ скоро раскрылся; герцогъ саксонскій, родственникъ Христіны, вознегодовалъ, арестовалъ мать Маргареты, возвратившуюся на родину въ герцогство. Она въ оправданіе себя предъявила бумаги, разъяснявшія все дѣло. Гнѣвъ герцога обратился и на курфюрста, котораго онъ заподозрилъ въ одобреніи противозаконія, полагая, что отвѣтъ Лютера и Меланхтона ландграфу написанъ по приказанію ихъ государя и что присутствіе посла курфюрста при бракосочетаніи ландграфа съ Маргаретой означало одобреніе дѣла со стороны курфюрста. Всѣ осуждали Лютера и Меланхтона. Упреки такъ подѣйствовали на Меланхтона, что онъ тяжело занемогъ. Лютеръ напротивъ того прикрывалъ свой стыдъ горячими выходками. Онъ писалъ курфюрсту: „Совѣтъ, данный подъ печатью тайны, какъ на исповѣди, не публичный совѣтъ и при обнародованіи теряетъ свою силу. Если называютъ одобреніемъ двоеженства записку по дѣлу ландграфа, я отрекись отъ высказаннаго въ ней мнѣнія, сознаюсь въ своей ошибкѣ“. Онъ очень сердился на ландграфа за неумѣнье сохранить дѣло въ тайнѣ, говорилъ, что „тутъ не было бы вреда въ хорошей, смѣлой лжи“, что многое справедливое передъ Богомъ должно быть скрываемо отъ свѣта. Ландграфъ держалъ себя честнѣе. Онъ говорилъ: „Если не упрекаетъ совѣсть передъ всемогущимъ Богомъ, то, что значитъ порицаніе порочнаго свѣта? Когда формально спросятъ у меня, я дамъ отвѣтъ темный, но не стану лгать, потому что ложь дурна, апостолы не учили ей христіанъ, а Христосъ даже сильно запретилъ ее“. Буцеръ, какъ и Лютеръ, совѣтовалъ ландграфу „прибѣгнуть къ святой лжи“, находя ее необходимой въ интересахъ протестантской церкви. Ландграфъ отвѣчалъ, что скорѣе чѣмъ унизится до лжи, отдѣлится отъ протестантства и возвратится къ папизму. Къ числу людей, особенно рѣзко ругавшихъ ландграфа, принадлежалъ герцогъ Генрихъ Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскій, хотя имѣлъ очень мало права порицать другого за прелюбодѣяніе. Мы говорили, что у него была любовница Эва фонъ Трота, дѣвушка знатной гессенской фамиліи; онъ спряталъ ее отъ родныхъ, объявивъ будто она умерла, похоронивъ вмѣсто нея одѣтую въ женское платье деревянную фигуру и велѣвъ служить по ней паннихиды; увезенная въ дальній замокъ, она жила тамъ, и любовная связь Генриха съ нею продолжалась. Ландграфъ опасался, что враги подвергнутъ его передъ имперскимъ судомъ обвиненію въ двоеженствѣ, и чтобы предотвратить процессъ, усердно старался пріобрѣсти дружбу императора, склонялъ шмалькальденскій союзъ къ примиренію съ католиками, дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ на сеймахъ и вошелъ этимъ въ милость у императора.

Горячіе католики негодовали на регенсбургскую декларацію, баварскій совѣтникъ (министръ) Леонгардъ Эккъ говорилъ, по увѣренію протестантовъ: „Лучше пусть Германія попадетъ подъ власть турокъ, чѣмъ за этой декла-

раціей признать силу закона“. Она воспрещала имперскому суду вести процессы противъ лютеранъ за конфискацію церковныхъ имуществъ. Судъ не повиновался этому, не отмѣнилъ приговора, объявлявшаго Брауншвейгъ и Госларъ виновными въ мятежѣ, хотя регенсбургскій сеймъ велѣлъ остановить исполненіе этого приговора. Герцогъ Генрихъ продолжалъ нападать на оба непокорные ему города, опустошалъ ихъ области. Онъ возстановлялъ католическихъ государей противъ протестантскихъ, возбуждалъ мятежи въ сосѣднихъ лютеранскихъ государствахъ. Между нимъ и курфирстомъ саксонскимъ шла печатная полемика самаго грубаго тона; Лютеръ, защищая своего курфирста, осыпалъ герцога Генриха площадными ругательствами въ памфлетѣ „Противъ Ганса Ворста“ (то есть Гансвурста, шута). Грабители, дѣлавшіе поджоги, пойманные и подвергнутые пыткамъ, сказали, что дѣйствовали по порученію герцога Генриха. Шмалькальденскій союзъ, ссылаясь на ихъ показанія, вынужденныя пыткой, рѣшилъ низложить герцога. Курфирстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій въ іюлѣ 1542 повели свои войска и присоединившіеся къ нимъ отряды другихъ членовъ союза. Сила этой арміи простиралась до 24.000 человекъ. Генрихъ не могъ сопротивляться въ открытомъ полѣ, поставилъ гарнизоны въ крѣпостяхъ и уѣхалъ просить помощи у герцоговъ баварскихъ и другихъ католическихъ государей. Протестанты подступили къ вольфенбюттельскому замку. Офицеры спльнаго гарнизона, стоявшаго тамъ, отвѣчали на требованіе сдаться: „Пусть возобновятъ это предложеніе черезъ три года“. Но ландграфъ, управлявшій осадой, повелъ ее такъ искусно, направлялъ дѣйствія артиллеріи такъ удачно, что главная башня рушилась, и 12 августа замокъ сдался; въ городѣ было введено евангелическое богослуженіе. Католическіе государи, занятые своими дѣлами, не помогли Генриху; Гранвелла говорилъ, что онъ заслужилъ свою судьбу. Протестантскіе государи объявили, что готовы отдать отчетъ суду въ своемъ нападеніи на Генриха. Фердинандъ отъ имени императора далъ имъ охранную грамоту для пріѣзда къ суду. Онъ, подобно императору, желалъ прекратить религіозный раздоръ, чтобъ нѣмцы имѣли свободу помогать ему въ войнѣ съ турками.

Черезъ два года, въ сентябрѣ 1545, Генрихъ на французскія деньги взялъ въ свою службу наемниковъ, собравшихся въ Мекленбургѣ, и пошелъ съ ними завоевать отнятое у него государство; но ландграфъ, курфирстъ саксонскій и Морицъ, герцогъ саксонскій, повели противъ него болѣе многочисленное войско; наемники Генриха, не получая жалованья, отказались сражаться за него, и онъ былъ взятъ въ плѣнъ. Ландграфъ сказалъ ему: „Если бы я попался въ твою власть, какъ теперь ты въ мою, ты не долго оставилъ бы мнѣ жить. Но я поступлю съ тобою лучше, чѣмъ ты заслуживаешь съ моей стороны“. Генриха отвезли подъ стражу въ крѣпость Цигенгайнъ. Его государство осталось подъ управленіемъ шмалькальденскаго союза.

Въ сознаніи своего могущества, государи шмалькальденскаго союза на сѣздѣ въ Швейнфуртѣ 2 декабря 1542 года рѣшили отказать въ повновеніи имперскому суду при его настоящемъ составѣ и послали увѣдомленіе ему объ этомъ.

Реформація распространялась не только на сѣверѣ, но и на югѣ Германіи. Городской совѣтъ и собраніе гражданъ Регенсбурга ввелъ въ немъ лютеранское богослуженіе, и герцоги баварскіе не отважились помѣшать этому. Оттонъ Генрихъ, пфальцграфъ нейбургскій, пригласилъ Озіандера проповѣдывать евангеліе въ Амбергѣ и во всемъ пфальцграфствѣ, а своихъ священниковъ „отступить отъ ученія, неоснованнаго на свидѣтельствѣ Священнаго писанія“. Герцогъ Вильгельмъ баварскій, двоюродный братъ пфальцграфа, объявилъ, что прекращаетъ всякія сношенія съ нимъ. Рефор-

мація прибрѣла множество послѣдователей даже во владѣніяхъ Фердинанда. Нижнеавстрійскій сеймъ обратился къ нему съ просьбой менѣе сурово поступать съ проповѣдниками слова Божія, говоря ему, что причиною страданій Австріи отъ турокъ должно считать гнѣвъ Божій за идолослуженіе.

3. Войны Карла съ турками, Францискомъ и герцогомъ клевскимъ.

Уступками протестантамъ на регенсбургскомъ сеймѣ императоръ отклонилъ ихъ отъ союза съ его врагомъ Францискомъ и, благодаря ихъ поддержкѣ, получилъ отъ сейма имперское войско для войны съ турками. Но оно собиралось медленно и оказалось малочисленно, такъ что не могло помѣшать покоренію большей части Венгріи турками, о чемъ мы расскажемъ ниже. Лѣтомъ слѣдующаго (1542) года Іоахимъ II, курфирстъ бранденбургскій, повелъ въ Венгрію новое войско болѣе многочисленное; но оно дѣйствовало плохо по недостатку денегъ на жалованье наемникамъ и было отражено отъ стѣнъ Офена. Карлъ хотѣлъ нанести туркамъ ударъ съ другой стороны уничтоженіемъ подвластныхъ султану африканскихъ корсаровъ. Какъ прежде изъ Туниса плавали разбойничьи эскадры Хайреддина Барбароссы, такъ теперь разѣзжали изъ Алжира корсары его бывшего помощника Гасанъ-Аги, грабили европейскіе берега Средиземнаго моря и захватывали купеческіе корабли христіанъ. Карлъ гордился славой завоевателя Туниса и хотѣлъ прибрѣсти новые лавры завоеваніемъ Алжира. Это было бы подготовленіемъ большой экспедиціи противъ самого султана, прибрѣло бы Карлу сочувствіе всего христіанскаго запада, сдѣлало бы постыднымъ для Франциска союзъ съ турками, врагами защитника христіанъ. Повидавшись съ папой въ Луккѣ, условившись съ нимъ о созваніи вселенскаго собора, императоръ въ октябрѣ 1541 поплылъ въ Африку съ 23.000 испанскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ наемниковъ, но, вышедши на алжирскій берегъ, потерпѣлъ неудачу. Осеннія бури и проливные дожди изнуряли войско. Отбиваясь отъ непрерывныхъ нападеній мавровъ, оно шло три дня морскимъ берегомъ по глубокой грязи, не имѣя чѣмъ утолить голодъ, кромѣ лошадинаго мяса и корней дикихъ растений. Наконецъ оно дошло до мыса Метафуза, гдѣ ждалъ его Андрей Дорія съ остатками разбитаго бурями флота. Потерпѣвъ большой уронъ, императоръ, дѣлившій всѣ труды и лишенія солдатъ, поплылъ въ Испанію. Корсары преслѣдовали его разбитую ими, разсѣянную бурей эскадру. Только въ гавани Картахены, которой достигла 1 декабря, она нашла себѣ убѣжище отъ нихъ.

Эта неудача императора и побѣды турокъ надъ его братомъ возбудили въ королѣ французскомъ надежду овладѣть Миланомъ. Францискъ входилъ въ сношенія со всѣми противниками Габсбурговъ, велъ переговоры съ шмалькальденскимъ союзомъ, вступилъ въ дружбу съ шотландцами, склонялъ на свою сторону новыхъ королей, датскаго и шведскаго, имѣвшихъ своими врагами нѣмцевъ. Вильгельмъ IV, герцогъ юлихскій и клевскій, имѣвшій право на владѣніе Гельдерномъ по женитьбѣ на наслѣдницѣ этого герцогства и по выбору гелдернскаго сейма, находился во враждѣ съ Карломъ, отнявшимъ у него законно принадлежащую ему землю. При поддержкѣ Франциска онъ могъ сдѣлать много вреда Карлу въ Нидерландахъ. Францискъ возобновилъ переговоры съ Сулейманомъ, который, кромѣ нападеній со стороны Венгріи, могъ содѣйствовать французамъ въ войнѣ съ Карломъ опустошеніемъ береговъ Испаніи и Италіи.

Императоръ зналъ о переговорахъ Франциска съ его врагами, и вѣроятно результатомъ этого было убійство французскихъ агентовъ, ставшее непосредственнымъ поводомъ къ войнѣ. Испанскій эмигрантъ Ринконе и генуэзскій изгнанникъ Чезаре Фрегозо, поступившіе на службу Франциска, хотѣли проѣхать черезъ Ломбардію въ Венецію и Константинополь. Близъ впаденія Тичино въ По на нихъ напали и убили ихъ солдаты, посланные, какъ говорила молва, маркизомъ Гуасто, императорскимъ намѣстникомъ въ Миланѣ. Это было въ іюлѣ 1542, и въ томъ же мѣсяцѣ Францискъ началъ войну. Онъ требовалъ отъ Карла выдачи убійцъ и судебного слѣдствія о томъ, по чьему приказанію дѣйствовали они. Карлъ отвѣчалъ, что если будутъ представлены ему улики, онъ накажетъ виновнаго. Этотъ уклончивый отвѣтъ подтвердилъ подозрѣнія Франциска, и онъ двинулъ свои войска.

Такъ произошла четвертая война Франциска съ Карломъ. Начало ея было неблагопріятно габсбургскому дому. Въ августѣ турки прогнали австрійско-нѣмецкое войско отъ Офена и взяли Гранъ; французско-турецкій флотъ, при которомъ находился и Хайреддинъ, взялъ Ниццу; нидерландо-испанское войско было вытѣснено изъ герцогства люксембургскаго герцогомъ Орлеанскимъ и Клодомъ Гизомъ; французы заняли Руссильонъ и осадили главную крѣпость его, Перпиньянъ; отряды клевскихъ, датскихъ и французскихъ войскъ опустошали сѣверныя Нидерланды. Въ маѣ слѣдующаго (1543) года французы взяли Ландреси и усилили укрѣпленія этого города. Карлъ обманулся въ надеждѣ, что папа приметъ его сторону противъ союзника турокъ: Павелъ III, происходившій изъ династіи Фарнезе, хотѣлъ доставить своимъ родственникамъ новыя владѣнія въ Сѣверной Италіи, выжидалъ, съ кѣмъ выгоднѣе будетъ ему вступить въ сдѣлку, выказывалъ себя желающимъ примиренія между Карломъ и Францискомъ, убѣждалъ ихъ обоихъ прекратить войну и дѣлалъ распоряженія о созваніи вселенскаго собора въ Тріентѣ. Императоръ выразилъ свою до-

саду на него повелѣніемъ, чтобы никакой иноземецъ—то-есть никакой сановникъ папскаго двора—не имѣлъ бенефиціи и не получалъ пенсіи въ испанскихъ владѣніяхъ.

Дѣла Карла скоро поправились, благодаря его энергіи. Онъ сумѣлъ возбудить въ Испаніи усердіе къ войнѣ, назначилъ намѣстникомъ въ ней своего сына Филиппа, далъ ему средства занять Руссильонъ, изъ котораго французы были вытѣснены разливомъ рѣкъ отъ осеннихъ дождей, и отправился въ Италію склонить папу къ союзу. На свиданіи съ Павломъ въ Буссето (близъ Пармы) былъ составленъ проектъ отдать Миланъ Оттавіо Фарнезе, внуку папы. Но Діаго Мендоса, начинавшій тогда свою блистательную политическую карьеру и бывшій посланникомъ Карла въ Венеціи, объяснилъ ему, что опасно дѣлать такую большую прибавку къ владѣніямъ династіи Фарнезе, которой Павелъ уже далъ Парму и Піаченцу, принадлежавшія папѣ. Императоръ отвергъ этотъ планъ и съ тѣмъ вмѣстѣ лишился возможности пріобрѣсти союзъ папы; они разстались непріязненно, и Павелъ сталъ открыто принимать сторону Франциска. Но въ Германіи, куда поѣхалъ императоръ изъ Италиі, онъ нашелъ всеобщую поддержку себѣ. Онъ опасался, что шмалькальденскій союзъ вступится за герцога клевскаго. Вильгельмъ IV 22 февраля 1543 перешелъ въ протестантство и просилъ быть принятымъ въ число членовъ шмалькальденскаго союза. Его просьбу поддерживалъ курфирстъ саксонскій, родственникъ его. Если бъ она была исполнена, Карлъ не имѣлъ бы силы наказать Вильгельма за союзъ съ Франціей и за попытки овладѣть Гельдерномъ, потому что шмалькальденскій союзъ былъ тогда могущественнѣе императора. Но дружба ландграфа гессенскаго помогла Карлу. По вліянію Филиппа, шмалькальденскій союзъ отвергъ предложеніе курфирста саксонскаго принять герцога клевскаго въ число своихъ членовъ, не захотѣлъ заключить союза съ Христіаномъ III, королемъ датскимъ, и проникся довѣріемъ къ императору. По бумагамъ Вильгельма, захваченнымъ въ Вольфенбюттелѣ, было видно, что Гранвелла постоянно совѣтовалъ ему не нападать на протестантовъ, и они убѣдились въ расположеніи императора къ нимъ. Потому Карлъ нашелъ себѣ хорошій пріемъ не только у католиковъ, но и у нихъ. Когда онъ сталъ вербовать войско, наемники толпами пошли къ нему изъ всѣхъ частей Германіи. Въ августѣ 1543 онъ двинулся съ 40.000-нымъ войскомъ испанцевъ, итальянцевъ и нѣмцевъ на Нижній Рейнъ. Вильгельмъ не могъ сопротивляться въ открытомъ полѣ, надѣялся только на свои крѣпости, въ особенности на сильнѣйшую изъ нихъ Дюренъ. Карлъ осадилъ ее. Гарнизонъ отбилъ нѣсколько приступовъ, но 27 августа Дюренъ былъ взятъ и разграбленъ. Юлихъ и другія крѣпости Вильгельма сдались безъ сопротивленія. Герцогъ упалъ духомъ, пріѣхалъ въ императорскій лагерь, находившійся близъ Венло, бросился 7

сентября къ ногамъ императора, умоляя о пощадѣ; она по ходатайству вліятельныхъ друзей была дана ему; онъ принужденъ былъ отказать отъ притязаній на Гельдернъ и Цитфенъ, отъ союза съ королями французскимъ и датскимъ, отмѣнить начатую реформацію въ своемъ герцогствѣ, обязался поддерживать католичество. Такимъ образомъ Карлъ овладѣлъ Гельдерномъ, котораго не могли завоевать его предки. Гельдернскій сеймъ присягнулъ на вѣрность ему. Онъ утвердилъ прежнія права сейма и народа и назначилъ правителемъ Гельдерна Вильгельма Оранскаго, своего намѣстника въ Голландіи.

Усмиривъ герцога клеветскаго, Карлъ сталъ готовиться къ наступленію и на турокъ и на Франциска, войска подвигались впередъ въ Люксембургъ и въ Сѣверной Италіи. Для войны съ Францискомъ Карлъ помирился съ Христіаномъ III датскимъ и заключилъ союзъ съ Генрихомъ англійскимъ, который послѣ развода съ Анной Клевской отдался отъ нѣмецкихъ протестантовъ и призналъ право престолонаслѣдія за дочерью тетки императора, Маріей. Но больше всего заботился Карлъ о пріобрѣтеніи поддержки нѣмецкихъ государей. Францискъ ловко пользовался ихъ ссорами, и довольно долго они сочувствовали ему, — католики за его усердіе къ католичеству, протестанты за его борьбу противъ Габсбурговъ. Но въ послѣднее время это измѣнилось: союзъ съ турками навлекъ на Франциска одинаковое негодованіе всѣхъ нѣмцевъ, а протестанты кромѣ того вознегодовали на него за увеличившуюся жестокость гоненія на французскихъ приверженцевъ реформаціи; Гранвелла усилилъ ихъ раздраженіе, показавъ имъ, что въ прежнихъ договорахъ съ императоромъ онъ тайно обѣщался искоренить ересь въ своемъ государствѣ. Карлъ достигъ небывалаго успѣха въ желаніи увеличить число своихъ приверженцевъ въ Германіи. Съѣздъ государей на шпейерскій сеймъ, лично открытый императоромъ въ февралѣ 1544, былъ очень великъ. Пріѣхали всѣ курфирсты, даже Іоаннъ Фридрихъ саксонскій, подавившій свою досаду на императора, который въ благодарность за это призналъ право его династіи наследовать Юлихъ и Клеве по прекращеніи герцогскаго рода и обѣщался отдать за его сына дочь Фердинанда, когда будетъ примиренъ религіозный раздоръ. Но особенную благосклонность выказывалъ императоръ къ ландграфу гессенскому, на содѣйствіи котораго основывалъ свою надежду получить отъ сейма имперское войско. Ландграфъ велѣлъ своимъ священникамъ совершать евангелическое богослуженіе въ церкви францисканскаго монастыря, покинутого почти всѣми монахами, и тысячи протестантовъ сходились въ эту церковь. Императоръ не дѣлалъ никакихъ возраженій противъ того. Онъ хотѣлъ, чтобы сеймъ далъ ему денегъ на содержаніе 20.000 ландскнехтовъ и 4.000 всадниковъ для содѣйствія его испанскимъ и итальянскимъ войскамъ въ войнѣ съ французами и турками. Сеймъ далъ ему эту сумму и ввѣрилъ ему

самому сборъ имперскаго налога, установленнаго для ея полученія. За это онъ сдѣлалъ протестантамъ всѣ уступки, на какія могъ склонить католическое большинство сейма.

Было постановлено, что членами имперскаго суда, которыми были только католики, будутъ назначаемы и протестанты; процессы по религіознымъ дѣламъ были остановлены, приговоры, произнесенные противъ протестантовъ, — отмѣнены. Сеймъ рѣшилъ, что если не будетъ въ скоромъ времени созванъ вселенскій соборъ, то императоръ осенью или зимою созоветъ новый сеймъ для прекращенія религіознаго раздора примиреніемъ. О папскомъ приматствѣ и епископской власти не было рѣчи въ рѣшеніи сейма. Протестантамъ была предоставлена свобода пользоваться церковными имуществами, какъ они хотятъ. Герцогство вольфенбюттельское было передано иммалькальденскимъ союзомъ въ управленіе императору, но съ оговоркой, что онъ не отмѣнитъ введенной тамъ реформациі.

Императоръ радовался, что сеймъ далъ ему имперскій налогъ, благодаря которому онъ могъ набрать войско достаточно сильное для одновременнаго наступленія на французовъ и на турокъ. Сеймъ былъ убѣжденъ исполнить его желаніе краснорѣчіемъ и настойчивостью ландграфа; потому императоръ выказывалъ большую благосклонность къ Филиппу, говорилъ, что не пошлетъ его противъ короля французскаго, чтобы не ссорить съ прежнимъ другомъ, но назначить главнокомандующимъ въ войнѣ съ турками. Горячіе католики досадовали на уступчивость императора протестантамъ; Кохлей, ставшій главою ихъ по смерти Йоганна Экка (умершаго 8 февраля 1543), написалъ памфлетъ сильно порицавшій императора; еще болѣе встревоженъ былъ рѣшеніемъ сейма король французскій. Кардиналъ Дю Беллѣ, искусный дипломатъ, отправившійся его посломъ къ сейму, не былъ принятъ. Императоръ собиралъ на Мозель сильное войско. Видно было, что онъ хочетъ вторгнуться во Францію.

Дѣйствительно, лѣтомъ (1544 года) это войско двинулось на Лотарингію и Шампань. Карлъ заготовилъ большіе запасы провіанта, чтобы не повторилась отъ недостатка его неудача, какую имѣлъ походъ въ Провансъ. Францискъ тоже хорошо приготовился къ войнѣ. Повышеніе налоговъ, продажа должностей и другія финансовыя мѣры дали ему средства увеличить французское національное войско и число наемниковъ. Онъ началъ войну еще весной. Его арміи опустошали Люксембургъ и герцогство миланское. Графъ ангіенскій разбилъ 14 апрѣля при Черизолѣ (близъ Кариньяно) маркиза дель Гуасто, императорскаго намѣстника въ герцогствѣ миланскомъ. Войско маркиза было многочисленнѣе, но французскіе дворяне, составлявшіе конницу, выказали такую отвагу, что нанесли непріятелю полное пораженіе. Если-бы Францискъ послалъ подкрѣпленіе въ Италію, графъ ангіенскій и другой французскій полководецъ, флорентійскій эмигрантъ Піэро Строцци, овладѣли бы всѣмъ герцог-

ствомъ миланскимъ. Но Франциску были нужны войска въ самой Франціи для отраженія императорской арміи, шедшей черезъ Коммерси, Линьи, Сенъ-Дизье въ Шампань и для обороны Булони отъ осадившихъ ее англичанъ. Люксембургъ былъ занятъ императорскими войсками. Карлъ хотѣлъ, соединившись съ Генрихомъ VIII, идти на Парижъ; но король англійскій не двигался впередъ, желая прежде всего взять Булонь. Карлъ однако же не отказался отъ своего плана, не колебался въ немъ даже остановкой, какую представила ему храбрая оборона Сенъ-Дизье Сансерромъ. Французы полагали, что онъ пойдетъ на Шалонъ и собрали тамъ большое войско. Но Карлъ обманулъ ихъ; взявъ Витри, онъ пошелъ не на сѣверъ къ Шалону, а переправился черезъ Марну и направился къ Парижу. Въ началѣ сентября нѣмецкіе ландскнехты черезъ Эпернэ, Шатильонъ, Шато-Тьерри подошли на разстояніе только двухъ переходовъ отъ Парижа. Въ столицѣ Франціи владычествовалъ ужасъ, многіе жители бѣжали. Король пришелъ на защиту столицы, укрѣпилъ Монмартръ. Дофинъ желалъ, чтобы дана была битва, но Францискъ, наученный поражениемъ при Павіи, не любилъ рискованныхъ сраженій и послалъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ императоромъ, пришедшимъ черезъ Суассонъ въ Крепи. Карлъ съ удовольствіемъ принялъ ихъ, потому что хотя и былъ въ виду Парижа, находилъ свое положеніе опаснымъ. По сторонамъ и въ тылу у него были крѣпости, занятые сильными гарнизонами; нѣмцы и испанцы ссорились между собою; подвозъ провіанта черезъ непріятельскую землю представлялъ большія затрудненія. Неудачное сраженіе погубило бы всю армію.

По этимъ соображеніямъ императоръ 18 сентября охотно заключилъ въ Крепи миръ на предложенныхъ ему условіяхъ, хотя они не были выгодны для него. Ими возстановлялось то положеніе дѣлъ, какое было установлено ниццскимъ перемиріемъ. Выигрышъ императора ограничивался тѣмъ, что Францискъ отказался отъ союза съ турками и обѣщалъ дать отрядъ войска для содѣйствія изгнанію ихъ изъ Венгріи.

Главныя условія крепійскаго мира были: обѣ стороны возвращаютъ одна другой свои завоеванія. Король французскій отказывается отъ своихъ притязаній на сюзеренную власть надъ бургонскими землями. Споръ за герцогство миланское прекращается женитьбой герцога Орлеанскаго на одной изъ принцессъ Габсбургскаго дома, которой дано будетъ въ придансе герцогство. (Имѣлъ ли Карлъ намѣреніе отдать Миланъ сыну короля французскаго, или обманывалъ Франциска, мы не знаемъ. Герцогъ Орлеанскій прожилъ только годъ по заключеніи мира. (Онъ умеръ 8 сентября 1545). Императоръ отдалъ тогда Миланъ своему сыну Филиппу; этимъ было упрочено испанское владычество надъ Италіей). Францискъ отказался возвратитъ Савою и Піэмонтъ герцогу, вводилъ тамъ французскія учрежденія, покровительствовалъ распространенію французскаго языка въ Піэмонтѣ, думая присоединить эти области къ Франціи. Генрихъ VIII удерж-

жалъ за собою взятую имъ Булонь, но при Маріи французы возвратили ее себѣ, какъ мы говорили.

Къ договору были прибавлены тайныя условія, что Карлъ и Францискъ общими силами возстановятъ единство церкви. Это значило, что они обѣщаются помогать другъ другу и въ покореніи ереси и въ заботахъ о созваніи вселенскаго собора для преобразованія церкви. Папа вѣроятно опасался, что если онъ замедлитъ созваніемъ собора, то они созовутъ соборъ сами; потому серьезно занялся распоряженіями о созваніи его въ Тріентѣ. — Францискъ безпощадно преслѣдовалъ еретиковъ, поддерживалъ парижскій парламентъ, принимавшій свирѣпыя мѣры противъ нихъ, послалъ войско на вальдійцевъ, жившихъ въ Провансѣ; оно пошло въ Мерендоль, Кабріэръ и другія вальдійскія селенія, мучило и убивало жителей, разрушало дома: ему было приказано «истреблять все: жилища, дома, подземныя убѣжища, сады, рощи» цвѣтущихъ еретическихъ селеній. Число зарѣзанныхъ вальдійцевъ составляло нѣсколько тысячъ человѣкъ. Ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ въ рукахъ оружія. Чѣмъ старше и болѣзненнѣе становился Францискъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвала имъ ненависть къ еретикамъ, тѣмъ охотнѣе слушалъ онъ папистовъ, выставлявшихъ протестантское ученіе враждебнымъ монархіи и аристократіи. За нѣсколько недѣль до смерти Франциска было сожжено 14 ремесленниковъ въ Мо. Они умерли мужественно. пѣли псалмы, пока оставалось у нихъ дыханіе. Гильіомъ Фарель перенесъ тайную проповѣдь реформациі изъ Мо въ Лотарингію, пріобрѣлъ послѣдователей ей въ Мецѣ и Горзѣ. Подавленіе протестантовъ въ Мецѣ Гизами было съ тѣмъ вмѣстѣ подавленіемъ нѣмецкой партіи, желавшей, чтобы Мецъ оставался имперскимъ городомъ.

ХVIII. ФРАНЦУЗСКАЯ КУЛЬТУРА ВЪ XVI ВѢКѢ.

1. Правленіе Франциска I и Генриха II.

Крепійшимъ миромъ кончилась политическая дѣятельность Франциска. Въ шмалькальденской войнѣ онъ уже не принималъ участія; извѣстіе о его смерти пришло къ императору въ періодъ побѣдъ надъ протестантами и укрѣпило Карла въ мысли безпощадно подавить своихъ нѣмецкихъ противниковъ. Современные французскіе историки превозносили Франциска, и похвалы ему долго повторялись. Онъ основывались на впечатлѣніи, произведенномъ его побѣдой при Мариньяно, на его покровительствѣ художникамъ и ученымъ. Но слава побѣды при Мариньяно была уничтожена битвой при Павіи; и впослѣдствіи Францискъ не могъ завоевать Милана, утраченнаго по мадридскому договору. Савоія и Піэмонтъ оставались при его

смерти заняты французскими войсками. Но въ царствованіе его преемника Франція утратила это завоеваніе. Прежнія похвалы Франциску I несправедливы, но его царствованіе было важнымъ періодомъ въ ходѣ французской исторіи. Правда, самъ онъ не едѣлалъ ничего великаго, правилъ государствомъ по деспотическимъ капризамъ, но основаніе его иностранной политики было разсудительное, соотвѣтствовавшее интересамъ Франціи,—продолжительная борьба его съ Карломъ была дѣломъ политической необходимости: владѣнія Карла опоясывали Францію со всѣхъ сторонъ кромѣ моря; надобно было разорвать эти оковы, стѣснявшія Францію. Желаніе овладѣть Миланомъ было внушено Франциску не заботой объ національныхъ интересахъ, а только династическимъ честолюбіемъ. Но его стремленіе присоединить къ Франціи бургонскія земли на востокъ и фландрскія на сѣверѣ, оттѣснить испанцевъ на югъ за Пиренеи соотвѣтствовало желанію французскаго народа объединиться. Въ борьбѣ за эти земли развивалось французское національное чувство, сглаживались областныя несогласія. Послѣ битвы при Павіи походы Франциска за границу были только дѣломъ надобности предотвратить нашествіе противника. Король въ это время заботился главнымъ образомъ о защитѣ границъ, объ устройствѣ національнаго войска. Онъ поправлялъ или вновь строилъ крѣпости для обороны Франціи, организовалъ національное войско, части котораго назывались легіонами; оно составило основу французской арміи, сила которой увеличивалась вербовкой ландскнехтовъ и швейцарскихъ наемниковъ. Вельможи и дворяне охотно шли на службу, и уже рѣдко проявлялся у нихъ непокорный духъ феодальныхъ временъ. Они съ рыцарскимъ усердіемъ служили королю, который самъ отличался въ сраженіяхъ храбростью, выказывалъ на охотѣ и въ турнирахъ такую силу, смѣлость и ловкость, что имѣлъ въ этомъ мало равныхъ себѣ; его желѣзное здоровье легко выносило непогоду, холодъ и зной. Дворяне привыкли при немъ окружать престолъ; при немъ развилась рыцарская преданность ихъ королю, привычка считать славу и могущество короля своею славой.

Францискъ блисталъ не только храбростью въ сраженіяхъ, ловкостью на турнирахъ: при немъ французскій дворъ получилъ то изящество и великолѣпіе, которому стали подражать впослѣдствіи всѣ другіе дворы. Въ царствованіе Франциска дворъ сдѣлался центромъ національной жизни, образцомъ утонченной образованности. Для блеска, изящества, привлекательности двора было необходимо, чтобъ тонъ ему давали женщины. Францискъ окружилъ себя ими. Резиденція короля не была тогда такъ неразрывно соединена съ столицей государства, какъ впослѣдствіи; дворъ часто переселялся изъ одного города въ другой; но гдѣ бы ни жилъ Францискъ, вмѣстѣ съ нимъ жило многочисленное общество вельможъ и дамъ. Онъ

былъ любезенъ съ женщинами, былъ мужчина высокаго роста, хорошаго сильнаго сложенія, имѣлъ густые темные волосы, свѣжій цвѣтъ лица,—такой любезный и красивый рыцарь не могъ не нравиться женщинамъ. Притомъ, онъ былъ очень занятъ своей наружностью, одѣвался щегольски: онъ носилъ камзолъ, шитый золотомъ, самое тонкое бѣлье; мантия его тоже была шитая золотомъ, обита золотыми кистями. Онъ любилъ проводить время въ обществѣ женщинъ и одерживалъ множество побѣдъ надъ ними. При немъ началось владычество королевскихъ любовницъ, такъ долго отравлявшее государственную жизнь Франціи Въ своемъ волокитствѣ онъ не стѣснялся ничѣмъ; никакая скромность не спасала отъ него поправившуюся ему женщину или дѣвушку; былъ такой случай, что дѣвушка, обратившая на себя его безцеремонное искательство, обезобразила свое прекрасное лицо, чтобъ избавиться отъ насилія. Герцогиня этампская, знаменитая любовница Франциска, имѣла сильное вліяніе на государственныя дѣла. Въ послѣдніе годы жизни Франциска боролась съ ней за вліяніе на политику другая любовница его, Діана Пуатье, ставшая по его смерти любовницей Генриха II и получившая владычество въ государствѣ.

Блестящій рыцарь на войнѣ и въ салонѣ, Францискъ былъ въ то же время самъ правителемъ государственныхъ дѣлъ. Предшественники проложили ему путь къ абсолютной власти; онъ захватилъ ее въ свои руки. Онъ считалъ себя повелителемъ французскаго народа, былъ глубоко проникнутъ идеей королевскаго всемогущества. Онъ рѣдко созывалъ государственный сеймъ, и лишь для того, чтобы получить деньги на свои войны, придворное великолѣпіе, постройки; онъ не уважалъ правъ сейма, облагалъ города произвольными податями, нарушалъ ихъ самоуправленіе, отнималъ у нихъ имущество и доходы, отдавалъ собранія гражданъ подъ надзоръ своихъ чиновниковъ. Надобности его въ деньгахъ постоянно росли; имущественная и поголовная подать, называвшаяся тальей, была увеличена при немъ вчетверо и впятеро, было придумано множество новыхъ способовъ получать деньги. Чтобъ устранить всякія стѣсненія своему произволу, онъ уничтожилъ прежнее различіе постоянныхъ налоговъ отъ чрезвычайныхъ, взимаемыхъ лишь при особенныхъ случаяхъ на опредѣленные надобности, соединилъ всѣ виды доходовъ въ одну казну, изъ которой бралъ деньги безразлично на свои личные и на государственные расходы. Онъ подвергъ налогамъ и духовенство. По конкордату, заключенному съ Львомъ X, назначеніе епископовъ было отдано римской куріей въ полный произволъ короля; онъ извлекалъ изъ этого большіе доходы, и пожалованіе епископской кафедры замѣняло у него денежную награду. Десятина съ духовенства взималась прежде только по чрезвычайнымъ случаямъ и притомъ лишь съ разрѣшенія папы; онъ обратилъ ее въ постоянный налогъ; курія не

смѣла протестовать, отчасти по надобности въ покровительствѣ французскаго короля, отчасти по боязни, что въ случаѣ спора съ ней онъ введетъ въ своемъ государствѣ реформацію.

Впрочемъ эта боязнь была напрасна. Францискъ не былъ расположенъ къ преобразованію церкви. Въ началѣ своего царствованія онъ покровительствовалъ гуманистамъ, иногда сдерживалъ фанатизмъ Сорбонны, съ неумолимой жестокостью примѣнявшей ко всѣмъ противникамъ схоластическаго богословія законы, подвергавшіе еретиковъ конфискаціи и казни; но религіозная реформа, введенная въ Германіи, Англіи, скандинавскихъ государствахъ, была ненавистна ему. Правда, въ 1534 году онъ приглашалъ Меланхтона пріѣхать къ нему, но сдѣлалъ это не съ намѣреніемъ произвести реформы во французской церкви, а только по желанію пріобрѣсти расположеніе нѣмецкихъ протестантскихъ государей. Курфирстъ саксонскій понялъ его хитрость и не дозволилъ Меланхтону ѣхать къ нему. Надменность Франциска возмущалась тѣмъ, что реформаторы называютъ суевѣріемъ вѣроисповѣданіе, котораго держится онъ. Правда, отчасти по легкомыслію и по равнодушію къ религіи, отчасти по дружбѣ съ гуманистами, порицавшими обскурантизмъ Сорбонны, отчасти по расчетамъ своей иностранной политики онъ иногда обуздывалъ фанатизмъ клерикаловъ; такъ напримѣръ онъ освободилъ изъ церковной темницы Луи Беркена, знаменитаго ученаго, преданнаго реформаціи; правда, онъ назначалъ администраторами и посланниками гуманистовъ, въ особенности тѣхъ, которые имѣли высокіе церковные титулы. Но все это не должно считаться свидѣтельствующимъ о симпатіи къ реформаціи, какую напрасно приписывали ему нѣкоторые историки. Вліятельнѣйшія лица двора, мать короля Луиза Савойская, канцлеръ Дюпрэ, раболѣпный прислужникъ его деспотизма, и коннетабль Монморанси ненавидѣли реформатовъ, поддерживали Сорбонну. Беркенъ, снова подвергнутый обвиненію въ ереси, былъ сожженъ. Между французскими учеными были люди, расположенные къ реформаціи. Мы видѣли, что важнѣйшіе реформаторы французской части Швейцаріи, Фарель, Вире, Кальвинъ, были эмигрировавшіе французы. Какъ Лефевръ или иначе Фабри Этапльскій (по латинской формѣ имени Faber Stapulensis), другъ Брассонэ, епископа москаго (Meaux), мистика, предпочитавшаго Евангеліе схоластической догматикѣ, почти одновременно съ Лютеромъ высказывалъ ученіе о спасеніи человѣка вѣрою, а не исполненіемъ обрядовъ, и въ глубокой старости сталъ переводить Библію на французскій языкъ. Но число людей, выражавшихъ мнѣнія, несогласныя съ католичествомъ, было невелико между гуманистами; вообще они были индифферентны къ религіознымъ спорамъ и не хотѣли рисковать изъ-за нихъ. Протестантское ученіе довольно долго оставалось мало извѣстно во Франціи. Усерднѣйшихъ послѣдователей оно имѣло въ сословіи городскихъ простолюдиновъ, и фанатикамъ католичества

не трудно было подвергать гоненію этихъ ремесленниковъ; король и дворъ не интересовались судьбою мелкихъ людей, осуждаемыхъ на смерть за ересь; такъ, напримѣръ, были преданы смерти, по обвиненію въ анабаптизмѣ, суконщики города Мо, принявшіе евангелическое ученіе и нѣсколько времени жившіе спокойно, подъ покровительствомъ епископа Бриссонэ. Францискъ самъ принялъ участіе въ процессіи, устроенной въ 1536 году по поводу того, что были оскорблены еретиками Св. Дары. Когда нѣмецкіе протестанты жаловались на преслѣдованіе отступавшихъ отъ католичества во Франціи, Францискъ отвѣчалъ, что это цвингліанцы и анабаптисты, которыхъ преслѣдуютъ и сами они. До него едва ли дошла апологія реформатскаго исповѣданія, посланная ему Кальвиномъ; но читалъ ли онъ ее или нѣтъ, она не подѣйствовала на него. Въ старости онъ сталъ преслѣдовать еретиковъ еще суровѣе прежняго. Залитыя кровью развалины вальдійскихъ селеній въ Провансѣ свидѣтельствовали о его усердіи къ вѣрѣ. Онъ охотно сталъ бы помогать Карлу въ искорененіи нѣмецкихъ еретиковъ, если бы Карлъ не былъ такимъ упорнымъ противникомъ его желанія владѣть Миланомъ.

Борьба съ королемъ испанскимъ, могущество котораго угрожало Франціи подавленіемъ, была основнымъ принципомъ Франциска во все его царствованіе. Въ молодости онъ мечталъ побѣдить Карла, стать могущественнѣйшимъ государемъ Европы. Это не удалось ему, императорская корона досталась его противнику. Но онъ въ своихъ честолюбивыхъ планахъ былъ представителемъ націи. Французы приносили все въ жертву борьбѣ съ Карломъ, дозволяли Франциску всякія мѣры для полученія денегъ на нее; пользуясь этимъ, онъ упрочилъ во Франціи абсолютизмъ. У него было большое войско, состоявшее отчасти изъ французовъ, отчасти изъ иноземныхъ наймитовъ; вельможи, командовавшіе отрядами войска, безъ всякихъ возраженій исполняли всѣ повелѣнія короля, потому сопротивленіе волѣ его было невозможно; судьи, пріобрѣтавшіе свои должности покупкой, служили королю и своему сословному интересу, не заботясь о благѣ народа. (Продажа должностей получала все большій и большій размѣръ; надобность въ деньгахъ служила извиненіемъ ей). Духовенство искало у короля защиты отъ ереси, постоянно распространявшейся. Въ борьбѣ съ нею католическое духовенство разгорячилось до фанатизма и служило королю безпрекословно. Горожане были лишены важнѣйшихъ правъ своего самоуправленія, принуждены были, молча, давать королю все, чего онъ требовалъ; поселяне были порабощены и безотвѣтно исполняли барщину на своихъ господъ и платили подати имъ. Таковы были основы абсолютизма Франциска. Въ своемъ стремленіи стать господствующей націей Европы, французы по честолюбію или патріотизму повиновались Франциску, попиравшему всѣ права народа для удовлетворенія своей роскоши, чувствен-

ности и стрсти къ завоеваніямъ. Они видѣли въ немъ представителя своей національности.—Францискъ умеръ въ замкѣ Рамбулье (31 марта 1547) на 54 году жизни. Его супруга Элеонора, сестра императора, пережила его одиннадцатью годами.

Генрихъ II 1547—1559. Новый король Генрихъ II вполне слѣдовалъ отцовской политикѣ. Вскорѣ по вступленіи Генриха на престолъ императоръ одержалъ мюльбергскую побѣду, сдѣлавшую его владыкой протестантской Германіи. Генрихъ сталъ дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ бы Францискъ и какъ требовали того интересы могущества государства и голосъ націи; мы расскажемъ ниже о его войнѣ съ Карломъ; здѣсь будемъ говорить только о дѣлахъ его внутренняго управленія, подготовившаго тѣ междоусобія, которыя терзали Францію при его сыновьяхъ. Генрихъ II во многомъ походилъ на отца, былъ тоже стройный мужчина высокаго роста, мастеръ ѣздить верхомъ, танцовать, играть въ мячъ, неутомимый на охотѣ, которую страстно любилъ, вызывавшій на турнирахъ знаменитѣйшихъ рыцарей мѣряться съ нимъ силой, умѣвший и храбро стражаться; но у него не было образованности, любви къ искусству и литературѣ, за которую прославляли его отца; онъ былъ лѣнивъ, безхарактеренъ, не способенъ самъ управлять государствомъ, подчинялся вліянію своихъ любимцевъ и любовницъ; надъ нимъ владычествовала Діана Пуатье, хотя была много старше его лѣтами. Онъ далъ ей титулъ герцогини Валантинуа. Своей жены, флорентійской принцессы Екатерины Медичи, онъ чуждался. Послѣ Діаны Пуатье наибольшую власть надъ нимъ имѣлъ коннетабль Монморанси. Францискъ, ревниво охранявшій свою самостоятельность, часто мѣнялъ любимцевъ, временами сближался съ Монморанси, временами удалялъ его отъ себя; Генрихъ постоянно слушался коннетабля, оказавшаго ему важную личную услугу на одномъ изъ прежнихъ походовъ въ Италію.

Много помогало прочности расположенія короля къ Монморанси то, что Генрихъ любилъ войну; все правленіе его прошло въ войнахъ. Это была прежняя борьба съ Габсбургами, но получившая болѣе широкій размѣръ и большій успѣхъ, благодаря союзамъ, заключеннымъ при новомъ королѣ. Дѣла въ Шотландіи шли тогда такъ, что она стала союзницей Франціи; въ малолѣтство Эдуарда VI Монморанси отнялъ у англичанъ Булонь, и потомъ, когда Марія Тюдоръ впуталась въ войну своего мужа Филиппа съ французами, они взяли Калé, очень важную приморскую крѣпость, издавна остававшуюся въ рукахъ англичанъ. Елизаветѣ тяжело было отказаться отъ Калé, но при ссорѣ съ Филиппомъ II она не могла продолжать войну одна, и по договору, подписанному въ Като-Камбрези (3-го апрѣля 1559), оставила эту крѣпость подъ французской властью. Такимъ образомъ французы стали владѣть всѣмъ своимъ сѣвернымъ берегомъ, и былъ изглаженъ послѣдній слѣдъ ихъ прежнихъ пораженій англичанами.

Большія выгоды приобрѣла Франція по Като-Камбрѣзійскому миру и на сѣверо-востокѣ: Лотарингія была поставлена въ зависимость отъ воли короля французскаго, онъ сдѣлался повелителемъ всѣхъ земель до вогезскихъ горъ. Правда, Франція возвратила Савою и Піэмонтъ законному государю ихъ, но все-таки она имѣла теперь со всѣхъ сторонъ границы удобныя для обороны, и савойская династія сдѣлалась, какъ была прежде, союзницей Франціи.

Выгоды были велики, но были куплены очень дорого. Налоги еще при Францискѣ были доведены до обременительности; непрерывныя войны Генриха II, безпорядочность финансоваго управленія, алчность любовницъ, любимцевъ и администраторовъ его увеличили ихъ тяжесть до невыносимости. Всѣ дурныя средства, какими добывалъ деньги Францискъ, получили еще большій размѣръ при Генрихѣ, и однакоже каждый годъ кончался дефицитомъ, пополнять который приходилось горожанамъ и поселянамъ; многіе вельможи были также раззорены издержками на походы; нѣкоторые попадались въ плѣнъ и платили большіе выкупы. Многія аристократическія фамиліи совершенно обѣднѣли отъ этого. Духовенство тоже страдало отъ военныхъ расходовъ: такъ называемыя добровольныя пожертвованія росли съ каждымъ годомъ; любимцы короля получали бенефиціи съ большими доходами. Обременительностью налоговъ и въ особенности повышеніемъ налога на соль, притѣсненіями безсовѣстныхъ сборщиковъ, чеканкой дурной монеты, принудительными займами, произвольными штрафами было возбуждаемо много мелкихъ мятежей, и однажды дѣло дошло на югѣ до сильнаго возстанія.

Важнѣйшій фактъ внутренней исторіи Франціи при Генрихѣ II составляетъ распространеніе реформатскаго ученія. Оно уже давно проникло въ довольно многія мѣстности Франціи, но послѣдователи его долго оставались разрозненными; у нихъ не было одинаковости исповѣданія и богослуженія; при различіи религіозныхъ понятій они чуждались другъ друга. Теперь «Руководство» Кальвина стало общепризнаннымъ изложеніемъ реформатскаго ученія, и французскіе реформаты сблизились между собой. Прежде они молились въ своихъ домахъ, въ семейномъ кругу или съ немногими личными друзьями; теперь стали собираться большими обществами, обыкновенно ночью, по опасенію шпіонства и доносовъ. Между ними быстро распространялись французскій переводъ Библіи Оливетана, псалмы Маро, Катехизисъ Кальвина. Прочность, единство и порядокъ французскія реформатскія общины получили только по устройствѣ женевской церкви Кальвиномъ. Мы говорили, что многіе реформатскіе богословы бѣжали изъ Франціи въ Женеву; они оставались въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ единовѣрцами, остававшимися на родинѣ, посылали имъ утѣшенія; французскіе реформаты стали считать Женеву центромъ своего вѣроученія, такъ что католики перенесли на нихъ названіе гугенотовъ, которое

дано было женевскимъ реформатамъ. Кальвинъ сталъ вѣроучителемъ всѣхъ французскихъ реформатовъ; молодые люди, готовившіеся быть проповѣдниками, ѣздили учиться у него и, возвратившись на родину, распространяли свое исповѣданіе, не пугаясь ни преслѣдованій, ни казней. Ихъ мужество доходило до героизма. Въ 1551 году шатобрианскимъ эдиктомъ было запрещено печатать или ввозить во Францію религіозныя книги безъ разрѣшенія Сорбонны; за ослушаніе были назначены конфискація имущества, тюрьма, смертная казнь; фанатики католичества, поддерживаемые сильной придворной партіей, постоянно увеличивали жестокость гоненія, примѣняя къ реформатамъ прежніе законы противъ еретиковъ; но все это оставалось напраснымъ. Въ 1555 была основана въ Парижѣ реформатская община по образцу женевской церкви и два года укрывалась отъ шпіонства Сорбонны и парижскаго парламента. Въ 1562 году было во Франціи, по словамъ Безы, уже 2.150 общинъ, совершавшихъ богослуженіе по правиламъ женевской церкви, имѣвшихъ священниками учениковъ Кальвина. Наибольшее число послѣдователей реформатской церкви имѣла между горожанами. Знатное сословіе долго чуждалось новаго ученія, подвергавшаго личную свободу большимъ стѣсненіямъ; поселяне были невѣжественны, вѣрили монахамъ и своимъ приходскимъ священникамъ; но горожане, привыкшіе жить скромно, полюбили суровое кальвинистское ученіе; имъ нравилось читать Библію; это было отдыхомъ отъ работы для нихъ по воскресеньямъ.—Политическая борьба въ царствованіе Генриха II-го доставила реформации приверженцевъ и въ высшемъ сословіи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по заключеніи Като-камбрезійскаго мира, въ тайномъ условіи котораго короли французскій и испанскій, кажется, возобновляли прежнія обѣщанія искоренить ересь, Генрихъ II умеръ отъ раны въ правый глазъ, нанесенной ему на турнирѣ обломившимся древкомъ графа Монгомери. (Это былъ турниръ на праздникахъ по случаю бракосочетанія дочери Генриха съ Филиппомъ II, а сестры его Маргареты съ Эммануэлемъ Филиберомъ, герцогомъ савойскимъ.—Генрихъ очень любилъ участвовать въ состязаніяхъ на турнирахъ). Онъ скончался 10 іюля 1559; ему было тогда только 40 лѣтъ. За два мѣсяца до его смерти, на синодѣ (соборѣ) французскихъ реформатовъ было введено у нихъ церковное устройство по образцу женевского; было опредѣлено, что будутъ собираться синоды для рѣшенія всѣхъ важныхъ дѣлъ по богослуженію и нравственности. Около того же времени вожди католической партіи, главнымъ изъ которыхъ былъ кардиналъ лотарингскій, братъ герцога Гиза, хотѣли ввести инквизицію для истребленія ереси; но ихъ попытка была разрушена сопротивленіемъ парижскаго парламента, члены котораго опасались, что инквизиція ослабитъ власть его. Парижскій парламентъ былъ безпощаднымъ гонителемъ ереси, но не хотѣлъ допустить учрежденія, которое отняло бы у него

судебную власть по церковнымъ дѣламъ. При совѣщаніяхъ объ этомъ, происходившихъ за нѣсколько недѣль до смерти Генриха, выказалось въ парламентѣ разногласіе, бывшее предвѣстіемъ междоусобія. По вопросу о томъ, какъ поступать съ реформатами, большинство осталось непоколебимо въ своемъ католическомъ фанатизмѣ; но нѣкоторые изъ вліятельнѣйшихъ членовъ парламента говорили въ присутствіи короля противъ примѣненія прежнихъ законовъ о еретикахъ къ реформатамъ, доказывали, что до рѣшенія спора вселенскимъ соборомъ нельзя осуждать какъ ересь ученіе, заимствованное изъ Библіи, что если упрекаютъ реформатскихъ проповѣдниковъ въ возбужденіи религіознаго раздора, то надобно еще разсмотрѣть, кто подалъ поводъ къ нему: всѣмъ извѣстно, что въ римской церкви владычествуютъ большія злоупотребленія, потому можно сказать ей, какъ Ілія сказалъ Ахаву: «Ты смущаешь Израиля»; не хорошо наказывать людей, призывающихъ и на костръ имя Христа; между тѣмъ какъ въ господствующей церкви пользуются терпимостью и покровительствомъ порочныя и другія дурныя дѣла. Король пришелъ въ ярость; онъ принялъ упоминаніе объ Ахавѣ за намекъ на него, велѣлъ немедленно отвести въ Бастилію наиболѣе сильныхъ ораторовъ этой партіи, Дюфора и Дюбура, и съ угрозами ушелъ изъ парламента. Это было первое проявленіе оппозиціи католичеству въ кругу высшаго судебного и административнаго сословія, первая попытка отвѣчать клерикальнымъ фанатикамъ на ихъ требованія казни еретиковъ требованіемъ устраненія дурныхъ обычаевъ римской церкви. Впрочемъ всѣ тогда знали, что главная причина преслѣдованія кальвинистовъ не усердіе къ религіи, а корыстолюбіе могущественныхъ людей, маршала Сентъ-Андре, коннетабля Монморанси и владычествующей надъ королемъ Діаны Пуатье, обогащавшихся конфискуемыми имуществами осужденныхъ еретиковъ и потому поблажавшихъ фанатикамъ католичества.

Въ своей исторіи реформатской церкви во Франціи Беза перечисляетъ города, въ которыхъ еще при Генрихѣ были основаны кальвинистскія общины по образцу женевской церкви. По сосѣдству съ Парижемъ такія общины находились въ Мо, Санли, Шартрѣ, Немурѣ; Сентъ-Жерменъ-анъ-Ле назывался Маленькой Женовой;—въ Пикардіи кальвинистскія общины были въ Амьенѣ и Абвиллѣ;—въ Нормандіи, говоритъ Беза, каждый городъ, каждое мѣстечко имѣли церковь по образцу кальвинистской руанской, и въ рассказѣ о первой религіозной войнѣ называетъ по именамъ четырнадцать такихъ мѣстностей. Дандело (братъ адмирала Колиньи), проѣзжая по Бретани, велѣлъ проповѣдывать сопровождавшему его реформатскому священнику; это навлекло на него гнѣвъ короля; населеніе Бретани было невѣжественно, и только въ двухъ большихъ ея городахъ, Нантѣ и Реннѣ, находились послѣдователи реформаціи. Но въ большей части городовъ Мена, Турени, Анжу существовали кальвинистскія общины; особенно много реформатовъ было въ городахъ по Луарѣ, въ Блуа, Амбюзѣ, Турѣ, Бургелѣ, Анжерѣ. Изъ Ле-Манса реформація распространи-

лась по сосѣднимъ городамъ и мѣстечкамъ. Еще больше послѣдователей кальвинизмъ имѣлъ въ Пуатье; отсюда распространился онъ по нѣкоторымъ другимъ городамъ. Въ Сентонжѣ, Они (Aunis) и ангулемской области кальвинисты господствовали. Богатый торговый городъ Ла-Рошель, бывшій почти независимой республикой, Рошфоръ, Сентъ, Сентъ-Жанъ д'Анжели, Ангулемъ и многіе другіе города этихъ областей были совершенно реформатскими. Но наибольшій успѣхъ пріобрѣла реформація въ Гіэни и другихъ областяхъ южной Франціи, города которой, благодаря торговлѣ и промышленности, пользовались благосостояніемъ и притомъ были образованнѣе и свободнѣе сѣверо-французскихъ городовъ: они имѣли самоуправленіе, ихъ ограждали отъ произвола центральной администраціи областныя сеймы; въ нихъ господствовали республиканскія понятія и любовь къ независимости; эта часть Франціи позднѣе другихъ была присоединена къ королевству; короли посѣщали ее рѣдко; население Прованса и Лангедока отличалось отъ сѣвернаго французскаго языкомъ, обычаями и законами. Тамъ господствовало нѣкогда альбигойское ученіе, съ искорененіемъ котораго надолго исчезло благосостояніе. Теперь тутъ съ энтузіазмомъ было принято реформатское ученіе. Южные города полюбили его, какъ свои свободныя учрежденія, духу которыхъ соответствовало оно. Много помогло распространенію реформаціи на югѣ то, что намѣстникомъ Гіэни былъ Антоній Бурбонъ, король наваррскій: онъ сначала былъ преданъ кальвинизму, а его жена Жанна Альбрé, дочь Маргареты, всю жизнь сохраняла убѣжденія матери. Она пригласила Безу побывать у нея въ Неракѣ, вызвала Вирé въ Ортé (гдѣ онъ и умеръ въ 1571), послала во многія южныя реформатскія общины священниковъ, учившихся въ Женевѣ. Монтобанская община, основанная Гаспаромъ Лафаверзомъ, учившимся въ Женевѣ, стала центромъ кальвинизма на югѣ Франціи; проповѣдники, вышедшіе изъ нея, основали общины въ 15 другихъ городахъ. Много протестантовъ было въ Мермандѣ, Ажанѣ, Вилльнѣвѣ, Кагорѣ, Вилльфраншѣ и второстепенныхъ городахъ; тоже говоритъ Беза о Перигё и Бордо и сосѣднихъ городахъ. Въ Лангедокѣ и Севеннскихъ горахъ протестанты имѣли многочисленныя общины въ Кастрѣ, Каркассонѣ, Лиму, Безье, Монпелье (гдѣ нѣсколько времени проповѣдывалъ Вирé), въ Нимѣ, Милью, многихъ другихъ городахъ; было много реформатовъ даже въ Тулузѣ. Въ Провансѣ въ 1560 году было уже 60 реформатскихъ общинъ; (къ нимъ вѣроятно причислялись и вальдійцы, жившіе въ долинахъ севеннскихъ горъ); особенно важны были общины, находившіяся въ Эсѣ (Aix), Брньюлѣ, Баржолѣ, Систеранѣ и Оранжѣ, принадлежавшемъ нассауской династіи; въ Дофинѣ, много было кальвинистовъ въ Греноблѣ, Валансѣ, Монтелимарѣ; въ Ліонѣ, гдѣ нѣсколько времени жилъ Вирé, было еще пять кальвинистскихъ проповѣдниковъ; была реформатская община и въ Гапѣ, родинѣ Фареля; она была основана имъ. Въ Бургони реформація менѣе распространилась, потому что Клодъ Гизъ, герцогъ омальскій, намѣстникъ этой области подавлялъ новое ученіе крутыми мѣрами; но въ Дижонѣ было однако же болѣе 2.000 кальвинистовъ, были реформатскія общины въ Шалонѣ, Маконѣ, Отёнѣ. — Въ Шампани судьба кальвинистовъ была измѣнчива. Намѣстникъ этой области, герцогъ Неверскій (племянникъ принца Кондэ), и епископъ шалонскій покровительствовали ей, а Гизы, имѣвшіе въ Шампани большія владѣнія, поддерживали католичество. Протестантскія общины были въ Труа, Осеррѣ, Сансѣ, Реймсѣ и нѣсколькихъ другихъ городахъ. Лотарингія принадлежала старшей линіи того дома, младшей линіей котораго были Гизы, потому реформація была подавляема въ ней; но въ Мецѣ была основана Фарелемъ реформатская церковь, и община ея долго защищалась отъ враговъ. Во всѣхъ городахъ по Аллье и

Луарѣ—между прочимъ въ Муленѣ, Неверѣ, Ла-Шаритѣ, Сансеррѣ, Конѣ (Cosne), Жіэнѣ было много кальвинистовъ, и особенно многочисленны были они въ Орлеанѣ, имѣвшемъ трехъ проповѣдниковъ, дѣятельностью которыхъ кальвинизмъ распространялся по всей орлеанской области.—Изъ беррійскихъ городовъ много кальвинистовъ было въ Буржѣ, Иссуденѣ, Роморантенѣ и Селлѣ (Celles). Въ Буржѣ реформатская община была основана еще при Францискѣ I.

2. Французская культура и литература. *)

а) ИЗУЧЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

Гуманизмъ имѣлъ много хорошихъ престоавителей во Франціи. Распространенію его содѣйствовали между прочимъ походы французовъ въ Италію. Кардиналъ Амбуазъ, правившій дѣлами при Людовикѣ XII, покровительствовалъ возрожденію искусствъ и наукъ; самъ Людовикъ раздѣлялъ его любовь къ нимъ. Еще болѣе прославился, какъ покровитель ихъ, преемникъ Людовика Францискъ I. При Людовикѣ уже строились дворцы и ратуши въ стилѣ возрожденія, переселившимися во Францію итальянскими художниками Фра Джокондо, братьями Джусти и другими; памятниками этой великолѣпной архитектуры остаются архіепископскій дворецъ и дворецъ парламента въ Руанѣ, отель Клюни въ Парижѣ, многія зданія въ Турѣ, Орлеанѣ, Блуа, другихъ городахъ. Французы при Людовикѣ XII ходили воевать въ Италію, но Франція пользовалась внутреннимъ спокойствіемъ. Благодаря тому въ ней развивались благосостояніе, любовь къ художественнымъ и умственнымъ наслажденіямъ. Такимъ образомъ гуманизмъ уже получилъ довольно большое развитіе во Франціи, когда сталъ покровительствовать ему Францискъ I, навсегда сохранившій любовь къ Италиі, въ которой пріобрѣлъ славу побѣдой при Мариньяно; послѣдующія пораженія только увеличили его жажду стать господиномъ этой прекрасной страны. Не достигая успѣха въ своемъ желаніи, онъ старался по крайней мѣрѣ перенести во Францію итальянское искусство, итальянскую науку. Ліонардо да Винчи умеръ на его рукахъ (въ его замкѣ Клу близъ Амбуаза); Бенвенуто Челлини

*) Oeuvres de Rabelais, accompagnées d'un commentaire nouveau par Bargaut des Marets et Rathery (2 тома, Paris 1857—1858 и новое изданіе, 1-й томъ котораго вышелъ въ 1870); Regis, Meister Franz Rabelais, нѣмецкій переводъ съ комментаріями (3 тома, Leipzig, 1832—1841); Arnst ä d t, François Rabelais (Leipzig 1873); G. Weber, Der Übergangsprozess Zweier Weltalter und François Rabelais (въ Historisches Taschenbuch Рилъ, V, 3, Leipzig 1873).

прожилъ много лѣтъ во Франціи; жилъ тамъ нѣсколько времени и Андреа дель Сарто. Подъ вліяніемъ этихъ учителей образовались замѣчательные художники изъ самихъ французовъ; лучшимъ изъ нихъ былъ Жанъ Кузенъ (1540 — 1589), очень хорошій скульпторъ и живописецъ. Его большая картина «Страшный судъ» славилась въ свое время. По планамъ итальянскаго художника Серліо и его французскихъ учениковъ, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ Филиберъ Лорнъ, былъ построенъ и украшенъ великолѣпный королевскій охотничій замокъ въ Фонтенбло, — были построены или возобновлены замки Венсенъ, Шамборъ, Сень-Жермень анъ-Ле, Вернѣль. Точно такъ же, какъ художникамъ, покровительствовалъ Францискъ поэтамъ и гуманистамъ, потому что очень любилъ ихъ похвалы. При его дворѣ жилъ въ большомъ почетѣ знаменитый итальянскій поэтъ Луиджи Аламани, подобно многимъ другимъ патріотамъ покинувшій родину по ненависти къ испанскому игу. Странно читать, что Францискъ, деспотически попиравшій права своего народа, истреблявшій мирныхъ вальдійцевъ, становился на колѣна въ немскомъ амфитеатрѣ, чтобы прочесть и списать древнія надписи. Но интересоваться гуманизмомъ было тогда въ модѣ у высшихъ сословій всей Европы.

Французскіе гуманисты были подобны итальянскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, о которыхъ мы уже говорили. Мы можемъ видѣть ихъ отношенія къ церкви, государству, обществу изъ біографіи Раблѣ, принадлежавшаго къ числу ихъ, пользовавшагося покровительствомъ тѣхъ изъ нихъ, которые занимали высокое положеніе въ государствѣ, какъ напримѣръ братья Дю Белле, Гильюмъ Бюде (Будей), Пьеръ Дюшатель и лейбъ-медикъ короля Гильюмъ Копъ; подъ ихъ вліяніемъ и Францискъ выказывалъ любовь къ просвѣщенію. Одинъ изъ Ласкарисовъ, очень много содѣйствовавшихъ развитію изученія греческаго языка въ западной Европѣ, Іоаннъ, долго жилъ во Франціи, пользовался большимъ почетомъ при дворѣ; Францискъ отправлялъ его въ посольства; Алеандръ, уроженецъ Истріи, сдѣлавшійся въ послѣдствіи кардиналомъ и ѣздившій легатомъ въ Германію по дѣлу Лютера былъ, нѣсколько времени ректоромъ парижскаго университета.

Юлій Скалигеръ
1484—1558.
Іосифъ Юстъ Скалигеръ
1540—1609.

Джуліо делла Скала, уроженецъ Вероны, называвшійся по латини Юліемъ Цезаремъ Скалигеромъ, одинъ изъ многостороннѣйшихъ гуманистовъ, объяснитель древнихъ сочиненій по естественнымъ наукамъ, провелъ значительную часть жизни въ Ажанѣ и другихъ французскихъ городахъ, а его сынъ Іосифъ Юстъ Скалигеръ, основатель научной системы хронологіи, объяснитель правилъ поэзіи у древнихъ, родился во Франціи. Многіе французы, учившіеся у нихъ, усердно трудились надъ разъясненіемъ греческихъ и римскихъ писателей, издавали, переводили классическія произведенія, составляли греческія и латинскія грамматики и словари, изучали еврейскій языкъ, писали

латинскія стихотворенія по образцу Горація. Робертъ Этьенъ и его сынъ Анри (Робертъ Стефанъ и Генрихъ Стефанъ) оказали великія услуги изученію классическихъ литературъ своими изданіями.

Робертъ Стефанъ, составитель знаменитаго латинскаго словаря *Thesaurus linguae latinae* (сокровищница латинскаго языка), подвергся преслѣдованію Сорбонны за изданіе Библии въ еврейскомъ и греческомъ подлинникахъ; король защитилъ его и оказывалъ денежное пособіе его издательской дѣятельности. (Онъ имѣлъ свою типографію). По смерти Франциска онъ снова подвергся преслѣдованію и бѣжалъ въ Женеву, основалъ тамъ новую типографію, перешелъ въ кальвинизмъ и при содѣйствіи своего родственника Вадія и своего сына Генриха продолжалъ ученую и издательскую дѣятельность.

Робертъ Сте-
фанъ
1503—1559.

Сынъ имѣлъ ученость еще болѣе многостороннюю, чѣмъ отецъ. Греческій словарь Генриха Стефана *Thesaurus linguae Graecae* былъ дѣйствительно сокровищницею греческаго языка и до сихъ поръ остается ею въ новыхъ изданіяхъ, пополняемыхъ сообразно новымъ успѣхамъ знанія.

Генрихъ Сте-
фанъ
1528—1598.

Подъ руководствомъ такихъ учителей изученіе классическихъ языковъ и древностей быстро развилось во Франціи. Четверо дю Белле, братья, двое изъ которыхъ были архіепископами, два другіе пріобрѣли знаменитость какъ воины и историки, покровительствовали гуманистамъ, защищали ихъ отъ вражды схоластиковъ; поддерживали во Францискѣ интересъ къ наукѣ. Младшій изъ нихъ Жанъ дю Белле, государственный человѣкъ, часто бывавшій посланникомъ, получилъ санъ кардинала, потому что въ первой половинѣ XVI вѣка папы еще не были врагами гуманистовъ. Другой братъ, Жоакимъ дю Белле, архіепископъ бордосскій, былъ знаменитый поэтъ.—Будей, человѣкъ такой многосторонней учености, которой дивился самъ Эразмъ, получилъ должность королевскаго бібліотекаря и пріобрѣлъ большое вліяніе на Франциска. Онъ внушалъ Франциску мысль основать королевскій коллегіумъ, высшую школу для изученія еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ. Это знаменитое учрежденіе, называющееся нынѣ французскимъ коллегіумомъ, *Collège de France*, противодѣйствовало обскурантизму схоластиковъ Сорбонны. Францискъ далъ ему большіе доходы, совѣтовался съ Эразмомъ объ устройствѣ его, приглашалъ въ него профессорами знаменитыхъ французскихъ и иноземныхъ ученыхъ. Изъ этой школы вышелъ Петръ Рамъ (Пьеръ ла Раме), успѣшно боровшійся противъ схоластиковъ, называвшихъ себя послѣдователями Аристотеля, стремившійся замѣнить схоластическую философію изученіемъ природы и подлинныхъ твореній греческихъ философовъ (черезъ два дня послѣ варооломеевской ночи онъ былъ убитъ толпою черни, возбужденной противъ него однимъ изъ литературныхъ его противниковъ). Подобно Лоренцо Медичи Францискъ употреблялъ много денегъ на покупку рукописей; много

Рамъ
1515—1571.

ихъ купилъ для короля посланникъ его въ Венеціи Гильіомъ Пеллисъе. Благодаря покровительству Франциска, Франція стала центромъ гуманистической дѣятельности, начинавшей ослабѣвать въ Италіи. Результатами успѣховъ гуманизма въ новой его отчизнѣ пользовалась вся западная Европа, потому что онъ имѣлъ космополитическій характеръ. Мы видѣли, что вождь гуманистовъ Эразмъ былъ одинаково своимъ человѣкомъ въ Парижѣ и Лондонѣ, Роттердамѣ, Базелѣ, въ итальянскихъ городахъ. Знаменитый философъ, врачъ и сатирикъ Корнелій Агриппа, уроженецъ Неттестейма, боролся противъ схоластиковъ и въ Долѣ, Мецѣ, Ліонѣ, Греноблѣ, какъ въ Кельнѣ. Многіе гуманисты вели подобно ему странствующую жизнь. Великій юристъ Андрей Альціатъ (Андреа Альчати или Альцате, уроженецъ мѣстечка Альцате близъ Милана), былъ профессоромъ то въ Павіи, то въ Авиньонѣ, Болоньѣ, Буржѣ. Черезъ нѣсколько времени въ Буржѣ сталъ профессоромъ римскаго права юристъ еще болѣе знаменитый, Жакъ Кюжэ (Cujas), по латинской формѣ имени—Куяцій, о которомъ будемъ говорить ниже. Ученикомъ Куяція и другомъ Юста Скалигера былъ совѣтникъ парижскаго парламента и государственный человѣкъ Жакъ Огюсть де Ту (Thou), по латинской формѣ имени, Туанъ, Thuanus, знаменитый авторъ «Исторіи своего времени», написанной въ духѣ Тита Ливія и отличающейся правдивостью, безпристрастіемъ, безбоязненностью сужденій. Франція тогда еще не знала централизаціи, сосредоточивающей всю литературную и ученую жизнь въ столицѣ; областные города еще сохраняли важное участіе въ умственной дѣятельности, и многіе изъ нихъ славились великими учеными.

Интересъ къ классическимъ литературамъ сохранялся и во времена религиозныхъ междоусобій. Французскій дворъ подъ управленіемъ Катерины Медичи оставался центромъ литературы, любовь къ которой наследовала она отъ своихъ предковъ. При Карлѣ IX и Генрихѣ III Жакъ Аміо, сынъ бѣдныхъ родителей, простолюдинъ, терпѣвшій въ молодости нищету и однако же глубоко изучившій классическія литературы, мастерски перевелъ Плутарха. Его переводъ сдѣлалъ этого писателя любимцемъ французской публики и своимъ образцовымъ языкомъ много содѣйствовалъ выработкѣ хорошей французской прозы. Генрихъ II назначилъ Аміо учителемъ своихъ сыновей; они впослѣдствіи выражали свою признательность учителю наградами, такъ, что онъ получилъ санъ епископа оссерскаго и оставилъ послѣ себя большое состояніе.

б) марб и его современники.

Гуманизмъ и итальянская литература, проникнувъ во Францію, дали новое направленіе ея литературѣ. Прежде Франція давала тонъ общественному быту и поэзіи другихъ странъ; въ XVI вѣкѣ она подчинилась вліянію классицизма и умственной жизни Италіи. При

Карлъ VIII и Людовикъ XII дворъ и аристократія еще держались формъ рыцарства, ихъ праздники сохраняли средневѣковой характеръ, они еще любили средневѣковую эротическую лирику. При Францискѣ I къ средневѣковымъ придворнымъ обычаямъ присоединились формы эпохи возрожденія, рыцарская поэзія стала выходить изъ моды, замѣнялась реализмомъ, соотвѣтствовавшимъ духу времени и проявлявшимся еще у Вильона (IX, 209). Романы объ Амадисахъ перепечатывались, но число читателей ихъ уменьшалось. Францискъ I, имѣвшій по временамъ влеченіе писать стихи, восхвалялъ Агнесу Сорель или Лауру Петрарки тономъ рыцарской поэзіи, а во время своего плѣна изливалъ тоску по прекрасной Франціи во вкусъ своего предка, Карла Орлеанскаго (IX, 208); но его сестра, Маргарета Валуа, женщина очень даровитая, выданная за принца алансонскаго, по его смерти вышедшая за Генриха Альбрэ, короля наваррскаго, имѣла современнѣйшій образъ мыслей, была покровительницей гуманистовъ, распространявшихъ въ обществѣ просвѣщенные понятія. Ей были не чужды даже идеи реформации. Она вела религіозную переписку въ мистическомъ духѣ съ Брисоннэ, епископомъ москимъ, писала благочестивыя стихотворенія о спасеніи грѣшныхъ людей благодатью Божіею. Она умерла еще до основанія реформатскихъ общинъ во Франціи, потому не отдѣлилась формальнымъ образомъ отъ католической церкви. Но ея дочь, Іоанна Альбрэ, королева наваррская, наслѣдовавшая понятія матери, приглашала къ себѣ Безу, покровительствовала распространенію кальвинизма въ своемъ королевствѣ. Маргарета была женщина умная, очень любознательная, знала латинскій и греческій языки, нѣсколько знала и еврейскій. Она очень любила Франциска, который былъ нѣсколькими годами моложе ея, поѣхала къ нему въ Мадридъ, утѣшать его въ плѣну, имѣла на него большое вліяніе. До насъ дошло много писемъ ея къ нему; они свидѣтельствуютъ о нѣжности и силѣ ея любви къ брату.—Писатели того времени называли ее «жемчужиной», по латинскому значенію ея имени, называли цвѣткомъ, по другому значенію ея имени («маргаритка»), превозносили похвалами ея умъ и сердце.

Маргарета
Валуа
1492—1549.

Въ сочиненіяхъ Маргареты отражается ея заинтересованность современными религіозными вопросами и вліяніе итальянской литературы. Ея лирическія стихотворенія имѣютъ почти исключительно религіозное содержаніе; она писала молитвы въ стихахъ, написала двѣ религіозныя поэмы „Зеркало грѣшной души“ и „Торжество агнца“. Религіозное направленіе матери развилось еще сильнѣе въ дочеря. Поэма „Зеркало грѣшной души“ была осуждена Сорбонною, какъ еретическая, хотя ее защищалъ Гильомъ Пети, духовникъ короля французскаго и съ тѣмъ вмѣстѣ гуманистъ. Религіозныя произведенія Маргареты стали казаться скучными для слѣдующихъ поколѣній и дѣйствительно не имѣютъ поэтическаго достоинства. Но прочную славу приобрѣла она себѣ сборникомъ новеллъ, главное содержаніе которыхъ — любовныя приключенія. Самое названіе этого сбор-

ника „Гептамеронъ“ („Семь дней“) показываетъ, что онъ — подражаніе „Декамерону“ („Десяти днямъ“) Боккаччіо. Дѣйствительно, по формѣ онъ, подобно „Кентерберійскимъ рассказамъ“ Чосера, подражаніе геніальному сборнику Боккаччіо; но тоже только по формѣ; по содержанію рассказы Маргареты самостоятельны. Они заимствованы изъ тѣхъ же источниковъ, откуда брали свои рассказы Боккаччіо и Чосеръ; значительная часть этого общаго запаса литературныхъ матеріаловъ имѣла или провансальское или сѣверо-французское происхожденіе. У Маргареты, какъ у Боккаччіо и у Чосера, общество, развлекающееся рассказами, проводить нѣсколько времени вмѣстѣ по особенному поводу; эти дамы и кавалеры были на пиренейскихъ минеральныхъ водахъ; оттуда прогнало ихъ наводненіе; они находятъ убѣжище отъ него въ монастырѣ; рассказы ихъ ведутся въ монастырскомъ саду. Главное лицо этого общества—г-жа Уазилль, dame Oysille. Не должно видѣть реформаціонной тенденціи въ томъ, что многія новеллы описываютъ монаховъ съ смѣшной или дурной стороны: это было общей чертой народной литературы до самой той поры, когда религіозные споры заставили католиковъ находить насмѣшки надъ монашествомъ вредными для церкви. Характеръ рассказа въ „Гептамеронѣ“ легокъ, изященъ; онъ показываетъ въ авторѣ даму высшаго круга, а сужденіе о человѣческой жизни, о слабостяхъ и заблужденіяхъ свидѣлствуютъ, что авторъ много размышлялъ и научился смотрѣть на пороки и безразсудства съ проніей. Навѣнный натурализмъ въ описаніи сладострастныхъ сценъ—качество, общее „Гептамерону“ съ рассказами Боккаччіо, Чосера, старыми французскими *Fabliaux*.

Марб
1495—1544. При дворѣ Маргареты долго жилъ Клеманъ Марб. Его опредѣлилъ пажемъ къ сестрѣ самъ король, чью благосклонность пріобрѣлъ онъ, въ то время еще очень молодой человѣкъ, аллегорической поэмой «Храмъ Купидона». Отецъ его, Жанъ Марб, камердинеръ короля, тоже былъ поэтъ, воспѣвалъ походы Людовика аллегорическими поэмами, которыя называются «Путешествіями» короля въ Геную и въ Венецію, прославлялъ красоту супруги Людовика, Анны, написалъ въ старомъ тонѣ назидательной поэзіи дидактическую поэму «Учебникъ для принцессъ», *Doctrinal des princesses*. Такимъ образомъ, Клеманъ Марб росъ въ поэтической атмосферѣ и наследовалъ отцовскую любовь къ романтизму. Они оба перерабатывали «Романъ Розы»; Клеманъ въ послѣдствіи переложилъ его на новый языкъ; въ стихотвореніяхъ, которыми Клеманъ Марб воспѣвалъ даму своего сердца, «Анну», тоже очевидно подражаніе романтической поэзіи; и быть можетъ, любовь автора къ этой «Аннѣ» — фантазія во вкусѣ трубадуровъ, хоть очень можетъ быть, что онъ и дѣйствительно былъ влюбленъ въ Маргарету, которую называетъ этимъ именемъ. Ясно по крайней мѣрѣ то, что онъ проникся понятіями этой умной, образованной женщины: онъ раздѣлялъ ея любовь къ гуманизму, классической поэзіи, ея отвращеніе отъ схоластической догматики. Онъ навсегда остался преданъ Маргаретѣ; и когда они оба были ужь не молоды, онъ писалъ ей поэтическія посланія, посвящалъ ей прелестныя лирическія стихотворенія. Но чувства его были не осо-

бенно глубоки. Онъ велъ веселую, легкомысленную жизнь, имѣлъ много любовныхъ интригъ и въ «Разговорѣ любящей четы» изложилъ искусство нравиться женщинамъ. Онъ любилъ свѣтскія развлеченія больше книгъ; правда, интересовали его и серьезные вопросы, но въ занятіяхъ его ими не было постоянства; онъ увлекался наслажденіями, искалъ новыхъ впечатлѣній. Такой любезный человѣкъ съ такимъ живымъ умомъ не могъ не стать любимцемъ двора. Онъ прославлялъ фаворитку Франциска и Генриха II Діану Пуатье, которую называлъ «Луной». Онъ сражался при Павіи подлѣ своего государя, получилъ рану въ руку, раздѣлялъ плѣнь Франциска и возвратился во Францію по освобожденіи короля. За неосторожныя слова о религіозныхъ вопросахъ онъ былъ обвиненъ въ протестантствѣ, брошенъ въ темницу, но освобожденъ по приказанію Франциска, заступничества котораго просилъ въ посланіи, проникнутомъ веселостью, и отмстилъ своимъ обвинителямъ и судьямъ аллегорической сатирой «Аль». Онъ нашелъ убѣжище себѣ при дворѣ своей покровительницы Маргареты; переводъ псалмовъ, начатый имъ тамъ и составившій самую прочную славу его, былъ предпринятъ имъ, вѣроятно, по ея совѣту. Его пероложенія псалмовъ очень нравились даже двору Франциска; но въ глазахъ духовенства они были уликами его склонности къ реформаціи; онъ подвергся новому обвиненію въ ереси; ему угрожалъ крестъ; онъ спасся бѣгствомъ; поѣхалъ въ Женеву, принялъ тамъ кальвинизмъ, и при содѣйствіи Безы продолжалъ переводъ псалмовъ. Его веселая жизнь скоро стала возмущать суровое женевское духовенство; онъ уѣхалъ въ Феррару, гдѣ давала пріютъ всѣмъ послѣдователямъ реформаціи герцогиня Рената (René), дочь Людовика XII. Но любовь къ родинѣ повлекла Маро снова во Францію. Онъ тамъ скрывалъ или отрицалъ свои реформатскія убѣжденія, чтобы не возбудить противъ себя новаго преслѣдованія. Но его псалмы ужь проникли въ народъ, пріобрѣтали реформатскому исповѣданію много приверженцевъ въ южной Франціи; католическое духовенство не могло простить ему этого. Онъ подвергался въ Ліонѣ опасности быть арестованнымъ. На то, что Францискъ снова защититъ его, теперь нельзя было рассчитывать: Францискъ былъ тогда врагомъ кальвинистовъ; Діану Пуатье Маро раздражилъ сатирами противъ нея; потому снова онъ бѣжалъ изъ Франціи; прожилъ нѣсколько времени въ Женевѣ, переселился въ Туринъ и умеръ тамъ въ сентябрѣ 1844 г.

Имя Маро осталось популярнымъ во Франціи. Гугеноты пѣли псалмы въ переводѣ его и Безы, ставшіе боевыми гимнами ихъ; люди, любившіе жгть весело, пѣли его лирическія стихотворенія, граціозно изображавшія всѣ стороны жизни; поклонники классической поэзіи восхищались его прекрасными переводами Эклогъ Виргилія, «Превращеній» Овидія, эпиграммъ Марціала, изяществомъ

языка въ его поэтическихъ посланіяхъ. По своимъ свѣтскимъ произведеніямъ, Марó былъ поэтъ высшихъ сословій. Онъ не спускался какъ Вильонъ въ глубину простонародной жизни, не описывалъ пороковъ, пошлостей и преступленій, съ безцеремоннымъ юморомъ этого плебея; его поэзія отражаетъ собою изящество придворнаго круга, въ которомъ онъ жилъ, блистаетъ бойкостью ума, составляющей черту французскаго національнаго характера. Его порицають за пристрастіе къ стариннымъ словамъ, за холодность паэоса въ панегирическихъ стихотвореніяхъ; но его эпиграммы, рондо, пѣсни, сонеты и другія мелкія стихотворенія такъ милы, просты, что изящная простота въ поэзіи долго называлась у французовъ стилемъ Марó, *style Marotique*.

Марó имѣлъ множество подражателей; ожесточенныя нападенія противниковъ также показываютъ, что его вліяніе на французскую поэзію было очень велико. Руанскій монахъ Франсуа Сагонъ въ своихъ „Антимаротовскихъ посланіяхъ“ осыпаетъ его ругательствами и клеветами; но большинство поэтовъ подражало слогу и старалось подражать веселости его стихотвореній, доходявшей до легкомыслія. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ подражателей его былъ Мелленъ де Сень-Желе, человѣкъ классическаго образованія, принадлежавшій къ духовному сословію, возбуждавшій соблазнъ своей безпорядочной жизнью, но заслужившій любовь публики своими эпиграммами, который называлъ „глупостями“ *Follies*, своими „комическими разсказами“ въ стихахъ, пѣсняхъ и рондо; кромѣ того онъ перевелъ прозой трагедію Триссина Софонисба. Типографъ и филологъ Доле также былъ другомъ и подражателемъ Марó; брошенный въ темницу за кальвинизмъ, онъ также написалъ „Адъ“; но менѣе счастливый чѣмъ авторъ перваго „Ада“, онъ былъ сожженъ (въ 1546 году). Во вкусѣ Марó писала и подобно ему любила веселиться Луиза Лабё, вышедшая замужъ за богатаго купца Перрена, имѣвшаго канатный заводъ, и потому называвшаяся „красавицей канатчицей“, *Belle Cordière*. Она славилась элегіями, сонетами, написанными по образцу древнихъ или итальянскихъ поэтовъ; знаменита была и ея поэма въ разговорной формѣ „Споръ безумія и любви“.

с) РАБЛЕ.

Есть писатели, въ произведеніяхъ которыхъ духъ вѣка и націи выражается съ особенной ясностью, главнымъ образомъ со стороны дурного. Таковъ у аѳинянъ Аристофанъ, у французовъ XVI вѣка, Франсуа Рабле. Изъ простонародной сказки онъ составилъ юмористическій романъ, излагающій исторію Гаргантюа и Пантагрюеля, въ которой ярко изображается вся жизнь той эпохи. Это каррикатура наполненная непристойностями, но завлекательная сатирическими намеками, яркими описаніями, истинно народнымъ веселымъ остроуміемъ. Въ предисловіи Рабле напоминаетъ греческій анекдотъ, сравнивавшій некрасиваго Сократа съ уродливыми статуэтками силеновъ, имѣвшими внутри ларчики, въ которыхъ хранились драгоценности;

говорить, что и въ аптекахъ лучшія лекарства хранятся въ баночкахъ, разрисованныхъ смѣшными фигурами; такъ и въ его книгѣ, продолжается онъ, подъ забавной внѣшностью находится много полезныхъ истинъ. По формѣ она—пародія на романтическую поэзію и ея героевъ, въ особенности на романы объ Амадисахъ; по содержанію она—изображеніе всей церковной, государственной и общественной жизни, изобличеніе пороковъ всѣхъ сословій, рѣзкое осужденіе судебныхъ несправедливостей, произвола администраторовъ, безнравственности католическаго духовенства, нелѣпости схоластическаго воспитанія, педантства школьныхъ ученыхъ, изображеніе страданій народа. Впрочемъ самъ авторъ говоритъ, что не должно искать серьезнаго смысла въ каждомъ его словѣ, что онъ пишетъ сказку и многія мѣста имѣютъ лишь сказочный интересъ. Его романъ—неисчерпаемая сокровищница остроумія, ироніи, житейской мудрости подъ оболочкой шутки; языкъ его капризенъ, онъ сочиняетъ множество странныхъ и смѣшныхъ словъ, но гениально владѣетъ всѣми богатствами пароднаго языка, мастерски пользуется поговорками, играетъ словами, превосходно обрисовываетъ свою эпоху исполненную противорѣчій, представлявшую сочетаніе старой грубости нравовъ съ идеальными стремленіями, созидавшую новый порядокъ дѣлъ на развалинахъ средневѣковаго быта; онъ предостерегаетъ строителей новой цивилизаціи отъ ошибокъ.

Извѣстія о жизни Раблѣ довольно скудны; правда, не до такой степени, какъ наши свѣдѣнія о жизни Шекспира, біографія котораго состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ анекдотовъ и притомъ не достовѣрныхъ, но тоже очень недостаточны. Значительная часть извѣстій о жизни Раблѣ — анекдоты, очевидно, вымышленные во вкусъ его романа. Впрочемъ главные факты его біографіи достовѣрны. Раблѣ родился въ мѣстечкѣ Шинонѣ (въ Турени), въ 1483 году,—въ одномъ году съ Лютеромъ. Отецъ его, по однимъ извѣстіямъ, былъ трактирщикъ, по другимъ — аптекаръ; быть можетъ, это надобно согласить предположеніемъ, что будучи трактирщикомъ отецъ его имѣлъ и аптеку; но быть можетъ занятія отца придуманы впоследствии по характеру романа сына. Какъ бы то ни было, но по этому роману видно, что Раблѣ съ дѣтства близко ознакомился съ простонародной жизнью, съ болтовнею пьяныхъ горожанъ и поселянъ; справедливо говорятъ, что его романъ пахнетъ виномъ; у него столько сценъ пьянства, что, читая его книгу какъ будто переносишься въ шумную, пьяную компанію трактира.—Отецъ отдалъ сына еще ребенкомъ на воспитаніе въ бенедиктинское аббатство Сѣлье находившееся на растояніе часа ходьбы отъ Шинона близъ мызы. Ла Девиньеръ. Въ школѣ аббатства Раблѣ хорошо узналъ нелѣпость схоластики, присмотрѣлся къ порокамъ монаховъ; эти впечатлѣнія остались у него на всю жизнь; ими отчасти объясняются его ненависть къ монастырскимъ школамъ, непрерывныя насмѣшки надъ безплодной схоластикой, презрительные отзывы о пошлости, грубости, непристойности жизни монаховъ, притворяющихся предъ народомъ святыми. Онъ называетъ монашество обманчивой маской, его монахъ Жанъ Антомнёръ списанъ, какъ говорятъ, съ одного изъ монаховъ Сольёскаго аббатства.—Черезъ нѣсколько времени Раблѣ былъ переведенъ отцомъ изъ

этого аббатства во францисканскій монастырь Ла Бометтъ, стоявпій въ ущельѣ близъ Анжера, и посѣщаль лекціи университета, существовавшего тогда въ этомъ городѣ. Тутъ онъ познакомился съ братьями Дю Беллѣ, дружба которыхъ поддерживала его во всю жизнь, въ особенности друженъ съ нимъ былъ второй братъ Жанъ, сдѣлавшійся впоследствии архіепископомъ парижскимъ и кардиналомъ и неизмѣнно остававшійся покровителемъ своего соученика. Тогда же Раблѣ подружился съ Жоффруа д'Этиссакомъ, который впоследствии былъ епископомъ мальзескимъ. Кажется, знакомство именно съ ними и пробудили въ Раблѣ любовь къ наукѣ, и быть можетъ собственно для того, чтобы имѣть средства для ученыхъ занятій онъ принялъ духовное званіе, къ которому былъ не расположенъ по характеру. Онъ поступилъ во францисканскій монастырь Фонтенѣ ле Контъ (въ Пуату) и черезъ нѣсколько времени былъ рукоположенъ тамъ въ священника. Онъ занялся теперь очень усердно изученіемъ древнихъ и новыхъ языковъ, другихъ отраслей знанія и скоро сталъ считаться однимъ изъ лучшихъ гуманистовъ Франціи. Мы имѣемъ два греческія письма его къ Будею, первому ученому Франціи, королевскому библіотекарю, оказавшему большія заслуги распространенію наукъ въ своемъ отечествѣ. Фонтене ле Контъ, гдѣ подобно Раблѣ, усердно занимались греческимъ языкомъ Пьеръ Ами, Андрей Тиракѣ (впоследствии бывшій совѣтникомъ парижскаго парламента), Жанъ Бушѣ, стало считаться однимъ изъ центровъ французскаго гуманизма. Раблѣ и его друзья получали отъ другихъ гуманистовъ книги печатавшіяся въ Германіи и Италіи. Большинство монаховъ съ недовѣріемъ и завистью смотрѣли на ихъ занятія, считавшіяся у обскурантовъ опасными для религіи; они, вѣроятно, сами увеличивали эту непріязнь высокоуміемъ, какое выказывали монахамъ незнавшимъ классическихъ литературъ (должно думать такъ потому, что гуманисты вообще обращались презрительно съ людьми не имѣвшими классической образованности). Усердные католики вообще считали ведущимъ къ ереси и невѣрію занятіе греческимъ языкомъ и дѣйствительно это обыкновенно было такъ. Партія обскурантовъ въ Фонтене ле Контъ была сильнѣе Раблѣ и его товарищей; у нихъ сдѣлали обыскъ, отобрали книги и бумаги, подвергли ихъ допросу. Пьеръ Ами бѣжалъ и сложилъ съ себя монашество; Раблѣ былъ осужденъ на пожизненное заключеніе въ келью на хлѣбѣ и на водѣ (кажется, онъ былъ уличенъ въ насмѣшки надъ основателемъ францисканскаго ордена, Францискомъ Ассизскимъ). Къ счастью гуманисты пользовались тогда силой при дворѣ; оппозиція схоластикъ и средневѣковымъ церковнымъ правиламъ считалась принадлежностью хорошаго тона, доказательствомъ образованности. Будей не находилъ достаточно словъ выразить свое негодованіе на то что глупые невѣжды отважились преслѣдовать гуманистовъ; товарищи Раблѣ нашли себѣ покровителей, а Раблѣ получилъ отъ Климента VII разрѣшеніе покинуть монастырь сложилъ съ себя монашество, перешелъ въ бѣлое духовенство, занялъ должность священника и секретаря у своего друга Этиссака, бывшего теперь уже епископомъ мальзескимъ и сдѣлался душой ученаго круга, собравшагося около этого просвѣщеннаго сановника церкви. Въ сношеніяхъ съ этими учеными были люди подвергавшіеся впоследствии преслѣдованію за склонность къ реформациі, какъ напримѣръ Клеманъ Марѣ, Гюгъ Солель (переводчикъ „Иліады“) Антуанъ Эрве (поэтъ воспѣвавшій любовь и дружбу), Бонавантюръ де Перье, обвиненный впоследствии въ безбожіи и лишившій себя жизни чтобы избавиться отъ мученій, и Луи Беркенъ, котораго не могло спасти отъ сожженія заступничество Будея. Эти ученые, презиравшіе католичество, старались уклоняться отъ столкновеній съ фанатиками, но не всегда могли сберечь себя отъ ихъ шпіонства. — Одинъ изъ совре-

менниковъ, описывающій жизнь во дворцѣ епископа мальзескаго, гдѣ собирались обѣдать и бесѣдовать просвѣщенные люди, говоритъ, что это былъ идеалъ гостепріимнаго жилища, а собиравшееся въ немъ общество представляло образцы умной и занимательной бесѣды. Мы не ошибемся, считая домъ епископа мальзескаго первообразомъ Телемскаго аббатства, этого фаланстерія въ Платоновскомъ вкусѣ, такъ очаровательно описаннаго въ романѣ Раблѣ. Дворецъ Гильіома дю Беллѣ въ Ланжѣ тоже былъ центромъ бесѣдъ философско-беллетристическаго кружка, въ которомъ блисталъ Раблѣ, остроумный собесѣдникъ, одаренный Лукіановскою ироніей. — Въ началѣ тридцатыхъ годовъ мы находимъ Раблѣ въ Монпелье занимающимся медициной, потомъ въ Ліонѣ у Этьена Долѣ, знаменитаго гуманиста, типогравищика-издателя и поэта, сожженнаго впоследствии по обвиненію въ атеизмѣ. Преданіе рассказываетъ шутливыя выходки Раблѣ относящіяся къ этому времени. Онъ написалъ тогда нѣсколько медицинскихъ сочиненій; но они плохо продавались, такъ что издатель терпѣлъ убытки отъ нихъ; чтобы вознаградить его Раблѣ, какъ говорятъ, обѣщалъ ему книгу, которую будутъ покупать всѣ. — Занятіе Раблѣ медициной объясняетъ многое въ его романѣ. Врачи бесѣдуютъ между собою о такихъ органахъ и функціяхъ человѣческаго организма, о которыхъ не принято говорить въ свѣтскомъ обществѣ; припомнимъ также, что въ то время сильно распространялась заразительная болѣзнь происходящая отъ неосторожности въ половыхъ сношеніяхъ; и мы поймемъ безцеремонность, съ какою говоритъ непристойности въ своемъ романѣ Раблѣ. Притомъ, эта безцеремонность господствуетъ у классическихъ поэтовъ бывшихъ образцами для гуманистовъ.

Рабле подъ псевдонимомъ Alcofribas Nasier (представляющемъ анаграмму его имени François Rabelais), издалъ въ 1533 году первую часть своего романа. Въ этомъ году Жанъ дю Беллѣ отправился посломъ короля въ Римъ, встрѣтился въ Ліонѣ съ своимъ пріятелемъ, уговорилъ Рабле ѣхать съ нимъ въ Римъ. Рабле сопровождалъ посла въ качествѣ врача, или по другому разсказу въ званіи кравчаго (это второе извѣстіе, вѣроятно, выдумка, поводъ къ которой подало то, что въ своей „Пантагрюэлевской Прогностикѣ“ Раблѣ выставилъ вмѣсто имени автора псевдонимъ „Архитриклинъ Пантагрюэля;“ вѣроятно онъ сопровождалъ Дю Беллѣ въ званіи врача; но разумѣется игралъ очень дѣятельную роль на обѣдахъ своего друга, распоряжался на нихъ). Онъ пробылъ въ Римѣ полгода, и впечатлѣнія, произведенныя на него папскимъ дворомъ, отразились въ его романѣ. Блестящій періодъ папскаго покровительства гуманизму уже прошелъ, но результаты этого меценатства еще оставались рѣзки: при папскомъ дворѣ владычествовала легкомысленная любовь къ наслажденіямъ. — Возвратившись изъ поѣздки въ 1534 году, Раблѣ снова поселился въ Ліонѣ, занимался медицинской практикой, но еще больше продолженіемъ романа, первая часть котораго имѣла необыкновенный успѣхъ. Въ 1535 году онъ издалъ ея продолженіе; оно также чрезвычайно правилось публикѣ; изданіе слѣдовало за изданіемъ. — То умственное движеніе, которое повело къ реформациі, было возбуждено гуманистами; собственно ими была начата борьба противъ средневѣковыхъ церковныхъ установленій. Но лишь немногіе изъ нихъ стали товарищами богослововъ, занявшихся преобразованиемъ церкви; большинство пренебрегало спорами о догматахъ и не хотѣло рисковать изъ за нихъ жизнью. По возникновеніи реформатскаго ученія борьба противъ католичества стала особенно опасна во Франціи. При Людовикѣ XII, въ Парижѣ „съ королевскаго разрѣшенія“ давались „привилегированнымъ отъ короля обществомъ“ мистеріи и морали, въ которыхъ Юлій II, основатель лиги противъ французовъ, выставлялся „царемъ дураковъ“, а рим-

ская церковь называлась „матерью дураков“, и всѣ во Франціи говорили о надобности преобразовать церковь; но при Францискѣ I, и еще больше при Генрихѣ II, дѣло получило другой оборотъ. Дѣйствія Лютера показали опасность насмѣшекъ надъ католичествомъ; сатира подверглась стѣсненіямъ. Многіе изъ друзей Раблѣ были брошены въ темницы или лишены жизни за сочувствіе реформаціи. Но только меньшинство гуманистовъ серьезно сочувствовало ей; большинство смотрѣло на нее съ презрѣніемъ, находило что только невѣждамъ и глупцамъ прилично горячиться изъ за религіозныхъ споровъ.—Кальвинъ въ молодости принадлежалъ къ кругу французскихъ гуманистовъ, и очень возможно, что Раблѣ зналъ его лично. Молва говоритъ, что Кальвинъ сказалъ о Раблѣ: „онъ нѣсколько вкусилъ отъ хлѣба истины;“ но скоро ихъ дороги разошлись. Суровый реформаторъ никогда не улыбавшійся, какъ говорятъ о немъ, не могъ остаться друженъ съ веселымъ циничнымъ юмористомъ. Въ прологѣ ко второй книгѣ своего романа Раблѣ говоритъ, что издатель въ два мѣсяца распродалъ больше экземпляровъ его исторіи Гаргантюа, чѣмъ продается библии въ девять лѣтъ; и мимоходомъ порицаетъ „толкующихъ о предопредѣленіи обманщиковъ“, осуждающихъ его книгу,—это очевидно относится къ Кальвину. Кальвинъ дѣйствительно рѣзко осуждалъ непристойный романъ Раблѣ, и въ новой (четвертой) книгѣ романа (въ главѣ 32) Раблѣ причисляетъ „ханжей и бѣсноватыхъ слѣдующихъ женевскому обману Жана Кальвина“ къ тѣмъ созданіямъ, которыхъ произвела противунатура *antiphrasis*, враждебная натурѣ. Но, кажется, и самъ Раблѣ опасался преслѣдованій за ересь; онъ переѣзжалъ изъ города въ городъ, искалъ себѣ могущественныхъ покровителей. Въ 1536 мы находимъ его снова въ Римѣ у Жана дю Беллѣ который, кажется, скупился помогать ему деньгами; такъ надобно думать потому, что онъ часто просилъ пособія въ письмахъ изъ Рима къ Этисаку, епископу мальзескому. При этой второй поѣздкѣ въ Римъ Раблѣ имѣлъ цѣлью примириться съ церковью; папа далъ ему прощеніе за самовольное сложеніе монашества и разрѣшилъ ему получать церковныя должности. Кардиналъ дю Беллѣ далъ ему мѣсто каноника въ аббатствѣ Сенъ-Моръ ле Фоссе; онъ потомъ разѣзжалъ по Франціи и, наконецъ, получилъ должность приходскаго священника въ Мёдонѣ (близъ Парижа). Сорбонскіе богословы и другіе фанатики католичества сильно нападали на автора романа о Гаргантюа; Раблѣ не могъ отказываться отъ этого произведенія потому, что на третьей книгѣ романа онъ самъ выставилъ свою фамилію. Францискъ I при всемъ своемъ фанатизмѣ хотѣлъ сохранить славу мецената, и Раблѣ оставался при его жизни безопасенъ; но по смерти Франциска онъ нашелъ надобнымъ уйдти отъ ареста; въ концѣ сороковыхъ годовъ мы видимъ его живущимъ въ Мецѣ, въ то время еще имперскомъ городѣ, гдѣ Сорбонна и французское правительство не могли вредить ему, а около 1550 года онъ въ третій разъ посѣтилъ Римъ. Стихотвореніемъ по поводу рожденія сына у Генриха II и вставленными въ эту оду льстивыми словами о Діанѣ Пуатье онъ пріобрѣлъ покровительство двора и, послѣдніе годы жизни, спокойно провелъ на своей священнической должности въ Мёдонѣ, хотя эта церковь находилась подъ патронатской властью герцога Гиза. Его священническій домъ былъ сборнымъ мѣстомъ образованныхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ сосѣдняго Парижа насладиться прекрасной природою окрестностей Мёдона и веселымъ, умнымъ разговоромъ Раблѣ. Прихожане очень любили его; онъ былъ заботливый священникъ и хорошій врачъ, безкорыстно лечившій всѣхъ; поселяне изъ всего сосѣдства сходились слушать его проповѣди. Въ Мёдонѣ долго сохранялись воспоминанія о „добромъ священникѣ“; воображеніе прикрашивало ихъ анекдотами составившимися подъ впечатлѣніемъ его романа; и черезъ

сто лѣтъ по его смерти Антуанъ де Руа собралъ много ихъ. Раблѣ радужно принималъ всѣхъ гостей, но не допускалъ въ свой домъ женщинъ, чтобы не могли въ этомъ отношеніи клеветать на него многочисленные враги. Только въ недавнее время Ратери нашелъ въ метрической книгѣ одной изъ тулузскихъ церквей, что Раблѣ имѣлъ сына, которому въ крещеніи было дано имя Теодула. Жизнь Раблѣ въ Мёдонѣ шла спокойно; единственныя непріятности въ эти годы испытывалъ онъ отъ прежняго своего друга, Клемана Маро, находившагося теперь въ милости у Гиза и употреблявшаго свое вліяніе на герцога во вредъ автору исторіи Гаргантюа и Пантагрюеля. Маро разсердился на него за прологъ къ четвертой книгѣ романа, въ которомъ осмѣиваются приверженецъ аристотелевской философіи Пьеръ Галланъ и знаменитый философъ Пьеръ Раме (Рамъ). Раблѣ называетъ Галлана хитрою лисицей; Рама осуждаетъ за то, что онъ какъ собака ворчитъ и лаеетъ на древнихъ философовъ и ораторовъ; насмѣшки кончаются совѣтомъ Юпитеру превратить и Галлана и Рама въ камни. Маро обидѣлся этими выходками противъ Раме, понятія котораго раздѣлялъ. Еще обиднѣй ему было то, что Раблѣ въ рассказѣ о Пантагрюелѣ вывелъ „лимузенскаго школяра“ *écolier Limousin*, который портитъ французскій языкъ иностранными словами. Маро принялъ фигуру этого школяра за каррикатуру на него, вводившаго во французскій языкъ латинскія слова и обороты. Притомъ реформаты считали Рабле отступникомъ. Маро клеветалъ на Раблѣ, всячески старался вредить ему, но не могъ сдѣлать большого вреда.—Раблѣ умеръ 9 апрѣля 1553. Народное преданіе рассказывало анекдоты и о его смерти; оно говорило, что передъ смертью онъ завернулся въ домино, шутливо приводя слова Библии: *Beati morientes in Domino*, „Блаженны умирающіе въ Господѣ“ (латинскія слова *in domino* на французскомъ языкѣ значатъ еще и „въ домино“). Когда его соборовали масломъ, онъ, какъ говоритъ молва, сказалъ: „Смазали масломъ сапоги мнѣ для далекаго пути“. Она говорила также, что служителю, присланному кардиналомъ дю Беллѣ спросить о состояніи его здоровья, онъ сказалъ: „Передайте вашему господину, что я готовлюсь отправиться къ великому „Можетъ Быть“ (*Peut-être*). Говорятъ, что умирая онъ сказалъ: „Спускайтесь занавѣсъ, фарсъ конченъ“. Было составлено фантазіей позднѣйшаго времени и мнимое завѣщаніе его, написанное шутливымъ тономъ. Вообще характеръ и біографія Раблѣ передѣланы, какъ мы говорили, выдумками молвы, составленными по характеру его романа.

д) РОНСАРЪ И ПЛЕЯДА.

Маро наполовину еще принадлежалъ рыцарской поэзіи; поэты слѣдующаго поколѣнія, знаменитѣйшіе изъ которыхъ, числомъ семь, были названы плеядой (семизвѣздіемъ), были исключительно подражателями древнихъ и итальянскихъ поэтовъ. Дружные между собою, эти семь поэтовъ перенесли во французскій языкъ тѣ формы поэзіи, которыя были выработаны народами, стоявшими по цивилизаціи выше тогдашнихъ французовъ, старались и отчасти успѣли преобразовать вкусъ французской публики. — Этьенъ Жодель, молодой человѣкъ знатной фамиліи, хотѣлъ замѣнить средневѣковыя мистеріи и морали художественной драмой по греческому образцу; онъ съ юношескимъ энтузіазмомъ написалъ трагедію «Клеопатра», въ которой былъ хоръ,

Жодель
1532—1573.

какъ въ греческихъ трагедіяхъ. Онъ и его друзія играли эту драму при королевскомъ дворѣ. Вскорѣ послѣ того онъ написалъ комедію «Аббатъ Евгеній»; это было подражаніе Теренцію, но содержаніе онъ взялъ изъ французскихъ нравовъ, и въ особенности осмѣивалъ порочную жизнь католическаго духовенства. Обѣ эти драмы понравились двору и публикѣ. Потомъ онъ написалъ еще трагедію «Умиравшая Дидона». Онъ велъ безпорядочную жизнь, умеръ не достигнувъ старости и потому не увидѣлъ полного торжества своего направленія; но въ слѣдующемъ столѣтіи оно привело къ классической французской драмѣ. Въ Испаніи и въ Англіи національный театръ возникъ изъ сочетанія народныхъ, религіозныхъ и классическихъ элементовъ; во Франціи эпоха возрожденія рѣзко оторвала поэзію новаго времени отъ средневѣковой; романтическій и простонародный элементы были вытѣснены, и новый театръ созданъ только изъ классическаго элемента.

При всѣхъ недостаткахъ своихъ драмъ, Жодель долженъ считаться истиннымъ основателемъ французской трагедіи. Онъ ввелъ во французскую драму строгое соблюденіе трехъ аристотелевскихъ единствъ, и по его примѣру слѣдующіе драматурги брали содержаніе своихъ трагедій изъ древней исторіи. Корнель и Расинъ стоятъ на плечахъ Жоделя; они только отбросили хоръ и усилили его риторическій патетизмъ. Рифмованный александрийскій стихъ, которымъ писали слѣдующіе драматурги, тоже ввелъ въ драматическую поэзію Жодель; впослѣдствіи было только дано больше правильности этому размѣру.

Въ лирическихъ стихотвореніяхъ Жодель тоже слѣдовалъ классическимъ или итальянскимъ образцамъ, но въ этомъ направленіи лирической поэзіи онъ имѣлъ предшественника, который считается главою группы называемой Плеядою; этотъ лирическій поэтъ, пользовавшійся громадною славой, былъ Пьеръ Ронсаръ. Человѣкъ хорошей фамиліи, получившій прекрасное образованіе, пополпившій его путешествіями, Ронсаръ занималъ высокое положеніе въ обществѣ, и современники прославляли его даже больше чѣмъ онъ заслуживалъ. Ихъ глубокое уваженіе къ нему—самое яркое свидѣтельство увлеченія тогдашняго общества любовью къ классической древности и къ ея воспроизведенію итальянскими поэтами. Главное достоинство Ронсара состояло собственно въ томъ, что онъ ввелъ во французскую поэзію слогъ и формы классической и итальянской поэзіи. Онъ педантически подражалъ своимъ образцамъ, искажилъ французскій языкъ множествомъ словъ и оборотовъ составленныхъ по образцамъ греческаго и латинскаго языковъ; ему казалось, что это придаетъ французскому языку новое богатство и живописность; онъ видѣлъ благородство слога въ щегольствѣ ученостью и въ искусственной фразеологіи. Странные слова и обороты придуманные имъ, изысканные эпитеты, ученые намеки на имена и факты, извѣстные только фило-

Ронсаръ
1524—1585.

логамъ, дѣлають многія изъ его стихотвореній темными, такъ что для публики нужны были пояснительныя примѣчанія къ нимъ; но именно это и правилось тогдашнему обществу; успѣвъ понять темныя слова и обороты, читатель гордился своей ученостью. Ронсаръ велъ легкомысленную жизнь, но поступилъ въ духовное званіе; Генрихъ II далъ ему много бенефицій; Карлъ IX-й увеличилъ число ихъ новыми. Публика называла Ронсара царемъ поэтовъ, и онъ считалъ себя имѣющимъ право на такую славу. Свою эпическую поэму «Франсіада» онъ воображалъ равной «Иліадѣ» и «Энеидѣ». Разсказъ о приключеніяхъ царя Франка, основателя французской монархіи давалъ ему просторъ выказать свою миѳологическую и историческую ученость (Франкъ,—сынъ Гектора; онъ достигаетъ Франціи послѣ многихъ странствованій; потому въ разсказѣ о его судьбѣ можно было помѣстить массу всяческихъ ученыхъ свѣдѣній). Оды Ронсара, написанныя напыщеннымъ языкомъ, были по его мнѣнію достойны Пиндара и Горація. Онъ написалъ нѣсколько сотъ сонетовъ, прославляющихъ ученымъ языкомъ Кассандру, занимающую въ нихъ то мѣсто, какое у Петрарки занимаетъ Лаура. Другія лирическія его стихотворенія (элегіи, пѣсни, мадригалы) тоже написаны по древнимъ и итальянскимъ образцамъ.

Ронсаръ имѣлъ много подражателей, выражавшихъ изысканными формами вымышленныя чувства. Къ числу ихъ принадлежали остальные члены плеяды, главными изъ которыхъ были: архіепископъ Жоакимъ дю Беллѣ и Баифъ. Жоакимъ дю Беллѣ ставилъ себѣ въ честь даже свою глухоту, потому что Ронсаръ тоже былъ глухъ. Его со-
Жоакимъ дю Беллѣ † 1560.
неты, оды, пѣсни, другія стихотворенія, его передѣлки «Овидія» и переводъ четырехъ первыхъ книгъ «Энеиды»—все это написано по образцу Ронсара. Духовное званіе не мѣшало ему писать эротическія стихотворенія во вкусѣ Катулла. Но гораздо больше сладострастныхъ непристойностей у Антуана де Баифа, искусно подражавшаго древнимъ поэтамъ, въ особенности Марціалу, и превосходившаго ихъ безцеремонностью эротическихъ описаній. Человѣкъ безпорядочной жизни, онъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ фанатикъ католичества, и написалъ ругательное стихотвореніе на Колиньи по поводу его смерти. Ронсаръ и его друзья жили при дворѣ и милостями двора, почти всѣ имѣли доходныя бенефиціи, потому и были фанатическими католиками.

Остальные три члена плеяды: Понтюсъ де Тиаръ, Реми Белло и Жанъ Дорá были бездарные подражатели Ронсара. Мода пестрить французскій языкъ греческими и латинскими словами, переносить во французскую поэзію формы древней и щеголять ученостью пережила Ронсара. Ее поддерживало вліяніе Екатерины Медичи и Маріи Медичи, воспитанныхъ на итальянской поэзіи такого же направленія.—Жанъ Берто, старшій капелланъ Маріи Медичи, писалъ духовныя пѣсни скучными александрійскими стихами, но правильнымъ языкомъ. Филиппъ Депортъ пріобрѣлъ своими

сонетами, элегіями, идилліями и любовными пѣснями въ древнемъ и итальянскомъ тонѣ милость Генриха III и нѣсколько бенефицій съ хорошимъ доходомъ.

е) МАЛЕРБЪ. НАЧАЛО ФРАНЦУЗСКАГО КЛАССИЦИЗМА.

Малербъ
1555—1628.

Школа Ронсара съ своими грецизмами и латинизмами, изысканными метафорами, подражаніемъ формамъ древнихъ поэтовъ господствовала цѣлую половину столѣтія; французскіе драматурги писали по примѣру Жюделя даже драмы съ греческимъ хоромъ, хотя публика не могла привыкнуть къ нимъ, изысканность и напыщенность наскучили, наконецъ, и публикѣ и поэтамъ. У Бертѣ и Депорта уже замѣтно желаніе писать болѣе чистымъ языкомъ, болѣе естественнымъ слогомъ. Но только Франсуа де Малербъ, человѣкъ одаренный критическимъ умомъ, рѣшительно сошелъ съ фальшиваго пути, на который повело слѣпое подражаніе древнимъ; и пошелъ путемъ соотвѣтствовавшимъ французскому характеру. Гуманизмъ совершенно оторвалъ французовъ отъ рыцарской поэзіи; потому реакція противъ школы Ронсара не возвратила ихъ къ ней, не отклонила ихъ поэзію отъ формъ древняго и итальянскаго классицизма. Средневѣковыя формы быта, понятія и чувствъ были въ XVI вѣкѣ уже такъ чужды французскому народу, что не могли воскреснуть въ его мысляхъ; потому преобразование сдѣланное Малербомъ состояло только въ направленіи вкуса въ лучшей обработкѣ прежнихъ формъ. Оно цѣнилось такъ высоко, что Малерба стали называть истиннымъ основателемъ классической французской литературы; это показываетъ, что правильныя формы древней и итальянской поэзіи уже стали тогда родными для французовъ, что народная поэзія и романтизмъ были уже забыты публикой. Малербъ, подобно поэтамъ плеяды, писалъ оды, стансы, сонеты, пѣсни во вкусѣ эпохи возрожденія; но его языкъ былъ точенъ и правиленъ, стихъ гладокъ; за это позднѣйшая критика признала его первымъ поэтомъ, начавшимъ писать хорошіе стихи. Онъ чрезвычайно заботился о благозвучіи стиха, о чистотѣ рима, о точномъ наблюденіи всѣхъ правилъ версификаціи; онъ съ неутомимымъ прилежаніемъ отдѣлывалъ свои стихотворенія, потому писалъ медленно, и написалъ мало. Его забота о правильности стиха имѣла очень полезное вліяніе на французскую поэзію. Правда, его стихотворенія только продукты разсудка, рефлексіи; природнаго одушевленія, свободнаго полета фантазіи у него не было. Но форма у него, дѣйствительно, изящна; онъ выше всего цѣнилъ ловкіе обороты мысли, эффектные афоризмы, гладкость стиха; въ этомъ отношеніи онъ, дѣйствительно, былъ основателемъ французскаго классицизма. Его стихъ уже имѣлъ ту правильность, какой славились произведенія поэтовъ эпохи Людовика XIV.

Ронсаръ имѣлъ множество подражателей. Одобреніе двора его разсудительной поэзіи, его благозвучнымъ, изящнымъ стихамъ уже само по себѣ служило для другихъ поэтовъ приманкой слѣдовать его примѣру. Онъ былъ любимецъ двора, получалъ за свои стихи награды, благодарилъ за милости новыми льстивыми стихами. Старались угождать двору и другіе поэты, надѣясь такихъ же наградъ. Школа Малерба владычествовала въ лирической поэзіи до конца правленія Ришельё, во время котораго къ прославленію короля, королевы, принцевъ и королевскихъ любовницъ прибавились панегирики всемогущему кардиналу. Замѣчательнѣйшими поэтами этого направленія были: Теофиль Вио († 1626), Франсуа Менаръ († 1646), Франсуа Саразенъ († 1654), Клодъ де л'Этуаль. Въ большой модѣ была тогда буколическая поэзія; она проникла во Францію изъ Италіи въ половинѣ XVI вѣка; французскіе идиллики подражали Виргилію, Теоокриту, Тассо, Гварини. Знаменитѣйшимъ произведеніемъ пастушеской поэзіи былъ романъ «Астрея», въ которомъ авторъ, Оноре д'Юрфё, описывалъ подъ аллегорической оболочкой свои приключенія по примѣру испанскаго поэта Монтемайора, рассказавшаго исторію своей любви въ поэмѣ «Діана», какъ мы говорили въ этомъ томѣ, въ очеркѣ исторіи испанской поэзіи. Но «Астрея» написана прозой. Писались идилли даже и въ XVII вѣкѣ; тогда славился ими Онора де Бель, сеньёръ Ранканъ.

Нѣкоторые слѣды оригинальности представляла только сатира. Рѣзкость и цинизмъ Раблэ были невозможны во Франціи временъ Генриха III и Генриха IV; но сатиры Ювенала были искусно переделаны въ примѣненіи къ нравамъ XVI вѣка Матюреномъ Ренье. Онъ изображалъ пороки большею частью по опыту собственной жизни, очень безпорядной. Во время религіозныхъ войнъ былъ написанъ дружескимъ кругомъ патріотичныхъ и очень умныхъ людей сборникъ, который они называли «Менипповской сатирой». Онъ въ духѣ Лукіана съ язвительной рѣзкостью и простонароднымъ юморомъ изображаетъ интриги лигистовъ, испанскаго двора и римской куріи, поддерживавшихъ во Франціи междоусобія и съ патріотическимъ негодованіемъ остроумно осмѣиваетъ вождей партіи католическаго фанатизма.

Ренье
1573—1613.

Наиболѣе трудно было классицизму сгладить прежній народный характеръ въ драмѣ. Жодель и его подражатели писали высокопарными александрійскими стихами трагедіи по древнимъ образцамъ и брали содержаніе для нихъ изъ древней исторіи и мифологіи. Эти драмы давались при дворѣ; но народъ во все продолженіе XVI вѣка собирався смотрѣть старинныя мистеріи и морали. Робертъ Гарнье, очень даровитый драматургъ, писавшій трагедіи по образцу греческихъ, нѣкоторыя даже съ хоромъ, хотѣлъ угодить вкусу публики, поставивъ на сцену романтическую драму «Брадаманте»; но масса

зрителей осталась вѣрна прежней простонародной драмѣ. Новый репертуаръ, пользовавшійся покровительствомъ двора и вельможъ, восторжествовалъ надъ нею только въ концѣ XVI вѣка, когда средневѣковое театральное братство страстей господнихъ уступило свою привилегію труппѣ актеровъ, которая стала давать въ Парижѣ на двухъ театрахъ классическія піэсы.

Новая литература имѣла сначала направленіе непріязненное католичеству, какъ мы видѣли по произведеніямъ Маргареты Наваррской, Маро, Раблэ, Рамэ. Кальвинъ, какъ мы говорили, вышелъ изъ круга гуманистовъ, Беза до переселенія въ Женеву писалъ латинскіе стихи. Но въ послѣдствіи большинство литераторовъ и поэтовъ стали защитниками католичества. Ронсаръ, Малербъ и ихъ ученики искали милости двора, поддѣльвались подъ его понятія, и если имѣли иныя убѣжденія, то скрывали ихъ. Многіе поэты принадлежали по имени къ духовному католическому сословію, имѣли богатые бенефиціи, хотя въ жизни и въ стихахъ были подражателями грековъ и римлянъ. Непріязнь большинства поэтовъ къ реформатамъ постоянно росла, и обратилась въ формальную борьбу, когда кальвинисты стали основывать во Франціи общины по женовскому образцу. Послѣдователи Кальвина примѣнили свои суровыя понятія къ литературѣ, они хотѣли чтобы изъ древней исторіи заимствовались только формы, а не содержаніе, которое они называли легкомысленнымъ, безнравственнымъ. Мы видѣли, что Маро и Беза обратили свои поэтическія дарованія на переводъ псалмовъ и что новая религіозная поэзія была одобряема дворомъ и аристократіей, пока не сдѣлалась знаменемъ, около котораго собирались послѣдователи реформациі. Серьезное направленіе поэзіи, какъ религіознаго дѣла, удержалось у реформатовъ, такъ что ихъ поэты представляли въ этомъ отношеніи противоположность католическимъ. Теодоръ Агриппа д'Обинье, историкъ и поэтъ, сражавшійся въ рядахъ гугенотовъ съ войсками католиковъ, ѣдко осмѣивалъ произведенія католическихъ поэтовъ, пользовавшихся милостями двора, любимыхъ массою публики; другой гугенотскій поэтъ Гильомъ Салюсть сеньюръ дю Бартá, въ короткіе промежутки досуга, оставаемые религіозными войнами, написалъ поэму «Седмица созданія міра».

Д'Обинье
1560—1630.

Дю Бартá
1544—1590.

Онъ въ ней пересказываетъ всю Священную Исторію: за разсказомъ о созданіи міра у него слѣдуетъ разсказъ о грѣхопаденіи, потопѣ, о патриархахъ, о Моисеѣ, судьяхъ и царяхъ израильскихъ; онъ хотѣлъ, но не успѣлъ также разсказать жизнь и страданія Христа и кончить поэму описаніемъ наступленія вѣчнаго блаженства праведныхъ, этой субботы субботъ. Онъ подражалъ классическимъ поэмамъ и писалъ языкомъ Ронсара.

Мильтонъ изучалъ поэму дю Бартá, и пользовался ею въ своемъ «Потерянномъ раѣ»; но она не приобрѣла любви большинства фран-

цузской публики: современникамъ Екатерины Медичи не могла нравиться религіозная поэма, написанная еретикомъ.

Ожесточенная борьба религіозныхъ партій, долго терзавшая Францію междоусобіями, имѣла очень сильное вліяніе на ходъ не только поэзіи, но и ученой литературы. Масса поэтовъ служила, какъ мы видѣли, двору; но въ исторіи, философіи, политической литературѣ, юриспруденціи многіе писатели выказывали стремленіе къ выработкѣ свободныхъ понятій, къ оцѣнкѣ дѣйствительнаго быта на основаніи справедливости и разума. Война королевскаго правительства противъ гугенотовъ повела къ серьезнымъ изслѣдованіямъ о томъ, каковы должны быть отношенія правительства къ народу, какія государственныя учрежденія должны считаться справедливыми и полезными. Стали высказываться тѣ политическія направленія, борьба которыхъ длится до сихъ поръ; на основаніи мыслей классическихъ писателей, уроковъ исторіи, законовъ разума и справедливости, рассматривались вопросы о границахъ власти и свободы, о происхожденіи и характерѣ верховной власти, о правахъ народа; мы будемъ ниже говорить о политическихъ теоріяхъ возникшихъ тогда во Франціи. Великія событія того времени и въ особенности кровавое дѣло Варѣоломеевской ночи, устроенное или, по крайней мѣрѣ, одобренное королевскимъ правительствомъ, служили предметомъ политическаго разбора. Абсолютная королевская власть паходила мало защитниковъ въ ученой литературѣ. Даже Боденъ, утверждающій, что король имѣетъ право устанавливать налоги, не спрашивая согласія націй, отвергаетъ деспотизмъ и порицаетъ преслѣдованіе за вѣру. Гюберъ Лангѣ, учившійся въ Виттенбергѣ и долго жившій въ разныхъ другихъ нѣмецкихъ городахъ, написалъ латинскій трактатъ «Защита справедливости противъ тиранновъ», *Vindiciae contra tyrannos*, и самъ перевелъ эту книгу на французскій языкъ. Систематически развивая понятія о правахъ государей и народа онъ опровергаетъ мнѣніе о божественномъ правѣ королей. Этьенъ де ла Боэси въ своемъ «Трактатѣ о добровольномъ рабствѣ» примѣняетъ къ вопросамъ о государственномъ устройствѣ кальвинистскія понятія объ устройствѣ церкви и защищаетъ неотъемлемыя права народовъ. Другъ его Мишель де Монтанъ, потомокъ знатнаго перигорскаго рода, человѣкъ чрезвычайно сильнаго ума, возвысился надъ спорами партій, поднялся въ область свободного міровоззрѣнія и въ своихъ «Опытахъ», *Essays*, съ рѣзкимъ скептицизмомъ доказываетъ шаткость человѣческихъ мнѣній, недостатокъ достовѣрности въ нашихъ знаніяхъ, внушаетъ, что должно смотрѣть на міръ съ философскимъ спокойствіемъ и преданностью волѣ Божіей. Прекрасная простота языка, безыскусственное краснорѣчіе придаютъ привлекательность его книгѣ.

Боденъ
1530—1596.

Лангѣ
1518—1581.

Боэси
1530—1563.

Монтанъ
1533—1592.

Мемуары того времени представляютъ намъ живую картину раз-

стройства французскаго общества въ эпоху религіозныхъ войнъ. У французовъ уже и прежде эта отрасль литературы имѣла высокое развитіе; мемуары XVI вѣка не хуже прежнихъ. «Исторія рыцаря Баяра» написана не имъ самимъ, а его секретаремъ, но по наивности и живости разсказа походить на автобіографію Жуанвилли. Она какъ и самъ герой ея—послѣднее блестящее проявленіе угасающаго средневѣковаго быта. Но и въ ней уже замѣтно вліяніе новой образованности: въ противоположность простодушному тону разсказа она украшена пышными рѣчами, составленными по древнимъ образцамъ.—Бойкій и легкомысленный разсказчикъ Пьеръ де Бурдель, сеньёръ де Брантомъ въ своихъ «жизнеописаніяхъ знаменитыхъ вельможъ и прекрасныхъ дамъ» знакомитъ насъ съ безнравственною жизнью двора, при которомъ изящныя формы прикрывали грубую чувственность презиравшую всѣ законы нравственности. Старый волокита, авторъ съ любовью разрисовываетъ сладострастныя сцены. Блезъ де Монлюкъ показываетъ намъ ужасающее загроубѣніе нравовъ, произведенное междуусобіями и религіознымъ фанатизмомъ. Мемуары Сюлли и Дюплесси Морне, друзей Генриха IV, знакомятъ насъ съ разсудительностью и твердостью гугенотовъ, благотворное вліяніе которыхъ укрѣпляло Францію въ первые годы царствованія Генриха IV. Серьезностью и благородствомъ тона ихъ мемуары походятъ на «Всеобщую исторію» кальвинистскаго полководца, историка и поэта Д'Обинье, имя котораго мы уже упоминали.

ХІХ. ШМАЛЬКАЛЬДЕНСКАЯ ВОЙНА *).

1. Кельнскія дѣла.

Крепійскій миръ былъ не только во Франціи началомъ болѣе жестокаго преслѣдованія реформатовъ, но и въ Германіи императоръ по его заключеніи измѣнилъ свою политику относительно протестантовъ; прежде онъ наперекоръ своему убѣжденію дѣлалъ уступки шмалькальденскому союзу и получалъ за это упреки отъ римской куріи. Теперь, побѣдивъ иноземнаго врага, онъ хотѣлъ подавить нѣмецкихъ отступниковъ отъ католичества. Это проявилось прежде всего на Нижнемъ Рейнѣ и въ бургонскихъ земляхъ. Герцогъ Клевскій

*) Deckers, Hermann von Wied (Köln, 1840); Langenn, Moritz, Herzog und Kurfürst von Sachsen (2 тома, Leipzig, 1841); его же, Christoph von Carlowitz (Leipzig, 1854); Voigt, Markgraf Albrecht Alcibiades (2 тома, Leipzig, 1852); Henne, Histoire du Règne de Charles V en Belgirue (10 томовъ); Drüffel, Briefe und Akten zur Geschichte des XVI Jahrhunderts (München, 1873); Varrentrapp, Hermann von Wied (Leipzig, 1878); Holländer, Strassburg im Schmalkaldischen Krieg (Strassburg, 1881).

принужденъ былъ обѣщаться, что будетъ поддерживать католичество, отмѣнить всѣ религіозныя нововведенія въ своей землѣ; императоръ упрочилъ его преданность габсбургской династіи, женивъ его на одной изъ дочерей Фердинанда. Брюссельское правительство издало строгое запрещеніе ввозить въ Нидерланды еретическія книги, стало зорко наблюдать за священниками, сурово наказывать еретиковъ. Въ Турне былъ 19-го февраля 1545 сожженъ реформатскій проповѣдникъ; множество реформатовъ было брошено въ темницы, многіе другіе бѣжали изъ Нидерландовъ. Марія, правительница этихъ областей, была предана новому ученію, когда была королевой венгерской; по смерти ея мужа Лютеръ послалъ ей нѣсколько псалмовъ въ нѣмецкомъ переводѣ; но, сдѣлавшись намѣстницею своего брата въ Нидерландахъ, она усвоила себѣ его политику и стала, хотя быть можетъ и чувствуя упреки совѣсти, преслѣдовать протестантовъ.

Реформація была тогда близка къ тому, чтобы восторжествовать въ государствѣ, изъ котораго стало бы сильнѣе прежняго проникать въ Нидерланды. Кюрфирстомъ кельнскимъ съ 1515 года былъ Германъ, графъ фонъ Видъ; съ самаго возникновенія лютеранскаго движенія онъ держалъ себя примирительно; оставался на сеймахъ сторонникомъ консервативнаго большинства, но не выказывалъ вражды къ новому ученію, потому-что былъ человѣкъ добрый, имѣвшій просвѣщенныя понятія, дружный съ Эразмомъ. Мы говорили, что онъ, будучи администраторомъ Падерборна, успокоилъ кроткими мѣрами религіозное волненіе въ этомъ городѣ. Патріотъ, онъ желалъ, чтобъ установилось въ Германіи согласіе, и былъ политическимъ главою той партіи, научнымъ вождемъ которой былъ Эразмъ, и которая стремилась прекратить религіозный раздоръ преобразованіемъ католической церкви. Онъ созвалъ епископовъ своей митрополіи на областной соборъ для совѣщаній о положеніи церкви; на этомъ соборѣ былъ составленъ проектъ ея преобразованія, и въ предисловіи къ нему архіепископъ выражалъ свою скорбь о бѣдствіяхъ, какимъ подвергается церковь по беззаботности своихъ правителей. Проектъ былъ обнародованъ, но остался не исполненъ по сопротивленію большинства духовенства, и послѣ того архіепископъ мало по малу пришелъ къ убѣжденію, что улучшеніе церкви не можетъ быть произведено безъ принятія аугсбургскаго исповѣданія, которое, какъ онъ убѣдился, согласно съ священнымъ писаніемъ. Онъ рѣшился сдѣлать это, сообщилъ свое намѣреніе областному сейму своего государства. Сеймъ одобрилъ его мысль и обѣщалъ ему свою поддержку.

Архіепископъ, хорошо познакомившійся въ Регенсбургѣ съ Буцеромъ, пригласилъ его къ себѣ; Буцеръ пріѣхалъ: кюрфирстъ поручилъ (въ декабрѣ 1542) ему и одному изъ своихъ богослововъ Гропперу, приверженцу реформаціи, составить планъ ея введенія. Буцеръ разсуждалъ объ этомъ съ кельнскими богословами. Огромное

большинство ихъ было враждебно реформаціи, упрекало Гроппера за измѣну католичеству; Гропперъ оробѣлъ и перешелъ на ихъ сторону.

Эти богословы опирались на большинство членовъ кельнскаго городского совѣта. Ободренный этой поддержкой капитулъ кельнской кафедрѣ, въ которомъ большимъ вліяніемъ пользовался старшій каноникъ (пропстъ) Георгъ Брауншвейгскій, братъ прогнаннаго герцога Генриха, представилъ курфирсту требованіе, чтобы онъ удалилъ чужихъ проповѣдниковъ изъ государства. Но курфирстъ остался твердъ, созвалъ свѣтскія сословія сейма въ Боннѣ (въ мартѣ 1543) и попросилъ ихъ содѣйствія введенію реформаціи. Они радостно выразили свое одобреніе и предоставили курфирсту право выбрать изъ ихъ среды комиссію для содѣйствія ему въ исполненіи его плана.

Въ маѣ пріѣхалъ въ Боннѣ Меланхтонъ и вмѣстѣ съ Буцеромъ составилъ проектъ преобразованія церкви въ архіепископствѣ кельнскомъ. Въ концѣ іюня архіепископъ созвалъ своихъ духовныхъ и свѣтскихъ совѣтниковъ для разсмотрѣнія этого проекта; они пять дней слушали чтеніе его, дѣлали свои замѣчанія; дѣлалъ замѣчанія и архіепископъ, высказывавшій трогательное благочестіе и совершенную чистоту намѣреній. Онъ дѣйствовалъ единственно по желанію блага своимъ подданнымъ, безъ всякихъ эгоистическихъ мотивовъ; старикъ и человѣкъ скромный, онъ лично для себя не желалъ ничего.

Проектъ реформаціи былъ составленъ въ очень умѣренномъ духѣ, какъ и слѣдовало ожидать по характеру Меланхтона и Буцера. Онъ сохранялъ епископскій санъ и всѣ права капитула, но въ догматикѣ и богослуженіи реформа была предположена полная. Проектъ былъ 26 іюля предложенъ сейму, снова созванному въ Боннѣ. Свѣтскія сословія приняли его безъ возраженій, но капитулъ и кельнскій городской совѣтъ протестовали. Капитулъ обратился къ императору съ просьбой о защитѣ. Карлъ, занятый войною съ Франціей и нуждавшійся въ расположеніи нѣмецкихъ протестантовъ, не захотѣлъ открыто вмѣшиваться въ дѣло, быть можетъ тайно ободрялъ оппозицію, но сказалъ въ Шпейерѣ архіепископу, что не воспрещаетъ ему ввести въ его государствѣ „проповѣдь чистаго слова Божія“.— Лютеръ порицалъ правила кельнской реформаціи, говорилъ, что въ нихъ повсюду слышенъ голосъ „пустомели Буцера“.

Архіепископъ сталъ вводить протестантское богослуженіе. Народъ вообще сочувствовалъ ему. Францъ, епископъ мюнстерскій, готовъ былъ послѣдовать примѣру архіепископа кельнскаго, если дѣло пойдетъ удачно. Въ сентябрѣ 1545 умеръ Альбрехтъ, архіепископъ Майнцскій. Вельможи, подъ вліяніемъ курфирста пфальцскаго и ландграфа гессенскаго, поддерживали партію реформаціи; она пріобрѣла большинство въ капитулѣ, былъ избранъ архіепископомъ Себастьянъ фонъ Гейзеншамъ, обратившійся къ ландграфу съ просьбой дать ему „хорошаго христіанина“ на должность канцлера и высказавшійся въ пользу протестантскаго богослуженія. Епископамъ удобно было тогда переходить на сторону реформаціи потому, что лютеране подъ вліяніемъ Меланхтона соглашались оставлять за ними епископскій санъ и административную власть въ ихъ епархіяхъ, оставлять за капитулами всѣ прежнія права и доходы.

Еслибы нѣмецкіе епископы, бывшіе государями, послѣдовали примѣру архіепископа кельнскаго, вся сѣверная и средняя Германія была бы соединена единствомъ исповѣданія; это спасло бы нѣмецкій народъ отъ тяжелыхъ бѣдствій. По несчастію для него, онъ имѣлъ тогда императоромъ государя, владычествовавшего надъ другими странами, стремившагося господствовать надъ всѣмъ континентомъ западной Европы; Карлъ не заботился о благѣ Германіи, хотѣлъ только пользоваться ея силами для интересовъ своего честолюбія. Если бы большая часть Германіи объединилась установленіемъ протестантскаго исповѣданія, это ослабило бы власть Карла надъ нею; онъ до сихъ поръ выказывалъ уступчивость шмалькальденскому союзу только потому, что нуждался въ помощи нѣмецкихъ протестантовъ противъ турокъ и опасался, что они вступятъ въ союзъ съ королемъ французскимъ. Теперь для него миновалась надобность щадить ихъ: онъ помирился съ Францискомъ и при посредничествѣ французскаго посла въ октябрѣ 1545 заключилъ съ турками перемиріе. Оно было куплено постыднымъ условіемъ: чтобы сохранять за собою хотя нѣкоторыя пограничныя венгерскія крѣпости, Фердинандъ обязался платить дань султану. Это униженіе дало Карлу свободу обратить свои силы на подавленіе протестантства въ Германіи.

Онъ думалъ прекратить религіозный раздоръ посредствомъ вселенскаго собора, который устранилъ бы важнѣйшія причины недовольства католическою церковью. Павелъ III, уступая требованіямъ императора, обнародовалъ буллу, созывавшую вселенскій соборъ на 13 марта 1545 въ Тріентъ «для окончанія религіозныхъ споровъ, улучшенія нравовъ христіанъ и устройства всеобщаго похода противъ невѣрныхъ». Въ концѣ марта началъ свои засѣданія нѣмецкій сеймъ въ Вормсѣ. Императоръ лежалъ тогда больной въ Брюсселѣ, представителемъ его на сеймѣ былъ Фердинандъ. Главной заботой Карла и Фердинанда было склонить протестантовъ къ признанію власти тріентскаго собора. Но они не могли признать свободнымъ и безпристрастнымъ собраніе, созванное папой, совѣщающееся подъ предсѣдательствомъ его легатовъ, готовое принимать свои рѣшенія по его инструкціямъ. Лютеръ написалъ чрезвычайно рѣзкую брошюру «Противъ папства, установленнаго чортомъ». Съ первыхъ засѣданій сейма стало ясно, что протестантскіе члены его не согласятся признать тріентскій соборъ; а свобода исповѣданія была предоставлена имъ только до созванія вселенскаго собора, потому отказъ признать его подвергалъ ихъ опасности, что они будутъ объявлены мятежниками. Императоръ выздоровѣлъ и 16 мая пріѣхалъ въ Вормсъ въ сопровожденіи папскаго легата Александра Фарнезе (племянника Павла III). Проѣзжая черезъ Кельнъ, онъ выразилъ гнѣвъ на архіепископа за введеніе реформаціи, одобрилъ сопротивленіе капитула и городского совѣта. По пріѣздѣ императора въ Вормсъ протестантскіе

члены сейма потребовали, чтобы свобода исповѣданія была продлена для нихъ до окончанія религіознаго несогласія, но получили отвѣтъ, что императоръ по уваженію къ другимъ народамъ не можетъ дать имъ такой отсрочки. Онъ не хотѣлъ однакоже раздражать ихъ, желалъ дѣйствовать черезъ сеймъ на тріентскій соборъ, пугать протестантовъ соборомъ, соборъ сеймомъ, чтобы господствовать и надъ Германіей и надъ католической церковью. Онъ 4 августа 1545 объявилъ, что назначаетъ въ Регенсбургъ религіозное собесѣдованіе для примиренія несогласій, и поѣхалъ черезъ Кёльнъ обратно въ Нидерланды.

Въ Кёльнѣ онъ 15 августа пригласилъ къ себѣ архіепископа, сталъ упрекать его за религіозныя нововведенія, потребовалъ отмѣны ихъ. Германъ отвѣчалъ, что отмѣнилъ только злоупотребленія, которыя всѣми признаны за дурныя, и велѣлъ проповѣдывать чистое слово Божіе, на что имѣетъ право по рѣшенію регенсбургскаго сейма, потому не отмѣнить преобразованія, введеннаго имъ сообразно Священному писанію и правиламъ апостольскимъ по согласію съ своимъ сеймомъ. Императоръ далъ ему черыре дня срока обдумать дѣло; онъ остался твердъ. Императоръ сказалъ ему, что когда папа лишитъ его архіепископскаго сана, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ лишится и сана курфюрста. Германъ отвѣчалъ, что, если будетъ такъ, то онъ не станетъ жалѣть, будетъ, какъ былъ прежде, просто графомъ Видомъ.

По пріѣздѣ въ Брюссель Карлъ потребовалъ Германа къ своему императорскому суду. Германъ отвѣчалъ и на эти вызовы протестомъ, какъ прежде на вызовы къ папскому суду, и обратился съ просьбой о защитѣ къ шмалькальденскому союзу. Союзъ отправилъ къ императору посольство объявить, что курфюрстъ Германъ не дѣлалъ ничего такого, на что не имѣлъ права, и потребовать отмѣны процесса противъ него. Но межъ тѣмъ, какъ посольство союза убѣждало императора согласиться на это, легатъ кардиналъ Вералли обнародовалъ въ Мاستрихтѣ папскую буллу, устранявшую Германа отъ должности архіепископа, а черезъ три мѣсяца была обнародована булла о его отлученіи отъ церкви, лишавшая его архіепископскаго сана. Управление архіепископствомъ было передано папскимъ брeве графу Адольфу Гольштейнъ-Шауэнбургскому, занимавшему должность коадьютора. Германъ обнародовалъ (3-го іюля) протестъ, говорившій, что онъ не признаетъ папу судьей дѣла и апеллируетъ къ законному нѣмецкому собору. Около этого времени началась война императора со шмалькальденскимъ союзомъ; пока она шла не рѣшительно, Карлъ щадилъ Германа, чтобы онъ не послалъ своихъ войскъ на помощь шмалькальденцамъ; но, увидѣвъ, что одолѣетъ своихъ враговъ, велѣлъ продолжать процессъ противъ Германа и лишилъ его сана курфюрста. Сеймъ архіепископства хотѣлъ поддер-

жать Германа, не давалъ присяги его преемнику, но, какъ мы увидимъ, принужденъ былъ уступить силѣ.

2. Приготовленія къ войнѣ. Смерть Лютера.

Подавленіе реформациі въ Кёльнѣ было вступленіемъ къ репрессіи, рѣшенной императоромъ по согласію съ папой. Александръ Фарнезе, братъ котораго Оттавіо былъ женатъ на побочной дочери Карла Маргаретѣ, пріѣхалъ къ императору легатомъ папы съ предложеніемъ 100,000 дукатовъ пособія для войны противъ турокъ; подарокъ папы расположилъ Карла благосклонно принять его желанія: папа просилъ императора отдать династіи Фарнезе въ ленное владѣніе Парму и Піаченцу и подавить лютеранъ, если они не покорятся рѣшеніямъ тріентскаго собора; въ замѣнъ того обѣщался послать Карлу 12,000 человѣкъ пѣхоты и 500 всадниковъ, дать 300,000 дукатовъ и дозволить обложеніе духовенства въ его государствахъ податью. Совѣщанія между императоромъ и Александромъ Фарнезе шли въ маѣ 1545; лишь не многіе совѣтники императора были посвящены въ этотъ секретъ. Переговоры кончились полнымъ согласіемъ; но Карлъ не далъ формальнаго утвержденія заключенному тогда договору, желая свалить вину войны на лютеранъ и держать тріентскій соборъ въ зависимости отъ себя.

Онъ созвалъ сеймъ въ Регенсбургѣ и объявилъ, что исполнить свое обѣщаніе устроить религіозное собесѣдованіе; но ему трудно было найти протестантскихъ богослововъ, которые согласились бы участвовать въ этой попыткѣ примиренія. Епископы съѣзжались въ Тріентъ очень медленно; наконецъ, 13 декабря (1545 года) соборъ открылъ свои засѣданія. Протестанты понимали, что религіозное собесѣдованіе должно кончиться однимъ изъ двухъ: или признаніемъ власти этого собора, или формальнымъ разрывомъ съ императоромъ. Ораторами съ католической стороны были выбраны Кохлей, кармелитскій монахъ Эбергартъ Билликъ, отличавшійся фанатизмомъ въ оппозиціи Герману Виду, и испанскій доминиканецъ Мальвенда, непоколебимый защитникъ всей церковной старины. Курфирстъ саксонскій хотѣлъ послать на диспутъ Меланхтона, но Лютеръ сказалъ, что такое общество недостойно имѣть Меланхтона своимъ соучастникомъ, и посланъ былъ, какъ представитель саксонскихъ лютеранъ, Георгъ Майоръ; другими защитниками аугсбургскаго исповѣданія были въ Регенсбургѣ Буцеръ, Бренцъ и Шнепфъ. Императоръ потребовалъ, чтобы совѣщанія диспутирующихъ были секретныя; это желаніе было исполнено: участники собесѣдованія рѣшили, что акты его будутъ

храниться подъ тремя замками и не могутъ быть показываемы никому безъ согласія обѣихъ сторонъ.

Регенбургскій диспутъ съ самаго начала велся раздраженнымъ тономъ. Майоръ писалъ виттенбергскимъ друзьямъ: „противники — истинное сѣмя змѣи; они вовсе не похожи на людей. Мальвенда — надменный испанецъ раздулся больше прежняго, гордясь благосклонностью императора и пугаетъ всё“. Владычествуя надъ другими католическими богословами, Мальвенда требовалъ отъ протестантскихъ полного признанія римскаго ученія о спасеніи человѣка заступничествомъ церкви, соблюденіемъ ея обрядовъ и пожертвованіями въ ея пользу. Протестантскіе богословы увидѣли, что продолжать совѣщанія бесполезно, и въ мартѣ 1546 разѣхались по домамъ.

Какимъ фанатизмомъ были проникнуты горячіе католики мы видимъ по дѣлу, произошедшему тогда. Въ Регенбургъ пріѣхалъ съ Буцеромъ молодой испанецъ Хуанъ Діасъ, учившійся въ Парижѣ и усвоившій тамъ себѣ реформатскія убѣжденія. Увидѣвъ его, Мальвенда разразился рѣзкой бранью на еретика, запятнавшаго честь испанскаго усердія къ истинной вѣрѣ. Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ повидаться съ Хуаномъ его братъ Алонсо, служившій по судебному вѣдомству при папскомъ дворѣ; но Хуанъ былъ тогда не въ Регенбургѣ, а въ Нейбургѣ, куда уѣхалъ наблюдать за печатаніемъ новой книги Буцера. Алонсо поѣхалъ въ Нейбургъ, сталъ убѣждать брата возвратиться къ католичеству, или хотя поѣхать съ нимъ въ Италію. Хуанъ, жившій въ нищетѣ, не обольстился выгодами, какія предлагалъ ему братъ. Увидѣвъ его непоколебимость, Алонсо на разсвѣтъ дня 27 марта 1546 вошелъ съ вооруженнымъ служителемъ въ его домъ, остался стеречь дверь, а слугу послалъ убить Хуана. Слуга подалъ Хуану письмо, онъ сталъ читать; слуга, ставшій позади, убилъ его топоромъ. Алонсо и слуга сѣли на лошадей, уѣхали изъ Нейбурга, были арестованы въ Инсбрукѣ, но освобождены подъ тѣмъ предлогомъ, что оба они — лица духовнаго званія, потому не подлежатъ свѣтскому суду. Они остались безнаказанны. Алонсо Діасъ черезъ много лѣтъ рассказывалъ о своемъ поступкѣ исторію Сепульведе, и выказывалъ удовольствіе, что дѣло удалось ему.

Убійство Хуана Діаса могло служить предзнаменованіемъ того, что предстоитъ испытать Германію. Императоръ увѣрялъ лютеранскихъ государей, что не имѣлъ враждебныхъ замысловъ противъ нихъ и, взвѣсивая шансы войны, отлагалъ ее; но всѣ предчувствовали, что она неизбежна. Карлъ былъ окруженъ фанатичными папистами, убѣждавшими его не колебаться; главными изъ нихъ были: легатъ и Педро де Сото, духовникъ Карла; испанскіе вельможи вообще были за войну; Гранвелла и Герцогъ Альба, долго отклонявшіе отъ нея Карла, теперь перешли на сторону возбуждавшихъ къ ней. Испанскіе и итальянскіе солдаты, пришедшіе въ Германію, хвалились, что покорятъ ее своему государю, сдѣлаютъ его истиннымъ императоромъ.

На итальянской, бургонской и нидерландской границахъ собирались войска; а съ Франціей былъ миръ, съ турками было перемиріе; ясно было, на кого пойдутъ эти войска.

Весною императоръ поѣхалъ къ Рейну, направляясь въ Регенсбургъ на сеймъ. Въ Шпейерѣ встрѣтили его Филиппъ гессенскій и пфальцграфъ Фридрихъ, родственникъ и усердный слуга императора, навлекшій на себя его немилость покровительствомъ протестантству, которое формально приняла его жена. Императоръ принялъ ландграфа милостиво, увѣрялъ его, что будетъ во всемъ дѣйствовать по согласію съ сеймомъ. Съѣздъ государей въ Регенсбургѣ былъ не великъ; протестантскіе государи не поѣхали на сеймъ лично. Католическихъ было тамъ больше. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ Вильгельмъ баварскій, ставшій по смерти брата государемъ всей Баваріи. Карлъ сталъ искать опоры въ немъ, обѣщалъ передать ему санъ курфюрста, который будетъ отнять у пфальцграфа за отступничество отъ католичества, отдать Нейбургъ и Амбергъ, которые будутъ отняты у его родственниковъ за ту же вину, и женить его старшаго сына Альбрехта на старшей дочери Фердинанда. Вильгельмъ за это обѣщалъ Карлу войско и денежную помощь. Этотъ договоръ былъ тайный. Другіе католическіе государи держали себя осторожно, опасаясь, что война со шмалькаденскимъ союзомъ кончится неудачно для императора.

И дѣйствительно, она была бы очень опасна для него, и едва ли онъ рѣшился бы на нее, если бы искусные испанскіе совѣтники его не перессорили протестантовъ между собою. Іоахимъ курфюрстъ бренденбургскій и братъ его маркграфъ Гансъ (Іоаннъ) остались нейтральны; ту же политику принялъ глава франконской линіи гоэнцольнерновъ, маркграфъ Альбрехтъ, или, какъ его называли, Алкивиадъ байрѣйтъ—кульмбахскій. Ихъ нейтралитетъ былъ большой выгодой для императора; еще важнѣе было то, что Морицъ, герцогъ саксонскій, вступилъ съ нимъ въ союзъ.

Морицъ былъ отваженъ и честолюбивъ, прославился на войнѣ съ турками. Гранвелла разгадалъ его желанія, обѣщалъ ему исполненіе ихъ. Морицъ завидовалъ главѣ старшей (эрнестинской) линіи своей династіи, курфюрсту саксонскому; курфюрстъ не довѣрялъ Морицу; выказывая себя усерднымъ протестантомъ, Морицъ не присоединялся къ шмалькаденскому союзу; только благодаря вліянію ландграфа гессенскаго, зятемъ котораго былъ Филиппъ, и Лютера ссора герцога съ курфюрстомъ еще не доходила до войны.

Здоровье Лютера давно было разстроено, но онъ оставался дѣятеленъ по прежнему. Въ февралѣ 1546 года онъ отправился въ Эйслебенъ, свой родной городъ, мирить графа Мансфельдскаго съ родственниками (ссора была изъ за рудниковъ). Погода стояла сырая и холодная, Лютеръ простудился и 18-го февраля 1546 умеръ съ тя-

желымъ предчувствіемъ великихъ опасностей для протестантства. Онъ умеръ утромъ, а наканунѣ вечеромъ еще молился съ открытой головой у окна. Тѣло его при громадномъ стеченіи народа было привезено изъ Эйслебена въ Виттенбергъ и погребено въ дворцовой церкви. Меланхтонъ произнесъ на похоронахъ латинскую рѣчь, въ которой говорилъ: «Какъ возсозидавшіе Іерусалимъ работали одной рукой, а въ другой держали мечъ, такъ и Лютеръ долженъ былъ сражаться противъ враговъ чистаго ученія и однако же при этомъ написалъ много прекрасныхъ толкованій Священнаго Писанія, исполненныхъ отраднаго поученія, и помогалъ христіанскими совѣтами и утѣшеніями многимъ заблуждавшимся и обремененнымъ. Въ немъ было вѣрное сердце, безъ лжи; у него были уста привѣтливыя и любезныя. Мы вѣчно сохранимъ память о немъ и будемъ признавать, что онъ былъ прекраснымъ и спасительнымъ орудіемъ Божиимъ».

Въ исторіи человѣчества мало людей равныхъ Лютеру славой. Она имѣетъ главнымъ своимъ источникомъ то, что онъ основалъ церковь, носящую его имя. Человѣкъ творческаго ума и неутомимой дѣятельности, онъ имѣлъ громадное вліяніе на свою эпоху. По страстности натуры онъ часто поступалъ слишкомъ круто; мысли его мѣнялись иногда подъ вліяніемъ обстоятельствъ; но большинство нѣмецкой націи чтитъ его какъ пророка и законодателя. Онъ искренно стремился къ душевному спасенію, основой котораго считалъ вѣру въ Спасителя, сына Божія, будучи убѣжденъ, что эта вѣра производитъ христіанскую любовь и нравственную чистоту. Онъ признавалъ права человѣческой природы, сочувствовалъ радостямъ жизни у другихъ и самъ позволялъ себѣ ихъ. Онъ любилъ общество, былъ добродушенъ въ кругу семейства и друзей, любилъ музыку и пѣніе, не чуждался умѣреннаго употребленія вина. Онъ хотѣлъ, чтобы люди, сохраняя нравственную чистоту, наслаждались жизнью; этимъ своимъ стремленіемъ онъ преобразовалъ жизнь большинства своей націи. Онъ былъ не похожъ на суроваго Кальвина, считавшаго всякую земную радость грѣхомъ, желавшаго подавить ее неумолимой церковной дисциплиной. Нѣтъ, Лютеръ любилъ невинное веселье и училъ, что оно позволительно людямъ. Онъ самъ былъ музыкантъ, ввелъ музыку въ богослуженіе, содѣйствовалъ развитію поэзіи, содалъ нѣмецкую церковную пѣсню, хвалилъ писавшихъ басни для народа, возбуждалъ къ заботамъ о развитіи народнаго театра. Онъ былъ очень добродушенъ; его сострадательная щедрость часто превышала богатія его денежныя средства. Онъ обладалъ еще небывалымъ въ Германіи талантомъ народнаго краснорѣчія, писалъ съ силой проникавшей до глубины сердца, сталъ вождемъ большинства своего народа и до конца жизни исполнялъ это свое призваніе безъ страха и лицепріятія передъ людьми. Ему было тяжело порвать свою связь съ католическою церковью, но ея ученіе, что человѣкъ спасается исполненіемъ обрядовъ и пожертвованіями въ ея пользу, казалось ему ведущимъ къ вѣчной гибели, и онъ сталъ считать главу этой церкви врагомъ христіанства и въ особенности нѣмецкаго народа. Въ этомъ онъ былъ правъ: папы дѣйствительно вредили нѣмецкой націи; онъ повелъ ее на борьбу противъ папства; онъ бился мужественно, но не одержалъ полной побѣды: когда онъ умиралъ, врагъ готовился сдѣлать на Германію нападеніе сильнѣе всѣхъ прежнихъ.

Смерть Лютера избавила Морица отъ всякаго стѣсненія. Гранвелла пригласилъ герцога прїѣхать на регенсбургскій сеймъ, увѣряя, что онъ найдетъ въ императорѣ милостиваго монарха и заботливаго друга. Въ то же время ландграфъ гессенскій приглашалъ зятя на конференцію въ Наумбургъ для примиренія съ курфюрстомъ саксонскимъ. Морицъ предпочелъ заслужить милость императора, поѣхалъ въ Регенсбургъ (въ іюнѣ 1546). Императоръ и Гранвелла приняли его чрезвычайно любезно. Карлъ рѣшилъ въ его пользу давній споръ его съ Іоанномъ Фридрихомъ о ленной власти надъ владѣніями магдебургской и гальберштадской каѳедръ, обѣщалъ ему санъ курфюрста подъ условіемъ, что онъ признаетъ власть трієнтскаго собора; онъ былъ равнодушенъ къ религіи, и согласился.

3. Военныя дѣйствія въ южной Германіи.

Въ концѣ мая императоръ ужь твердо рѣшился возстановить силой единство церкви. Папа давалъ ему большую денежную субсидію и сильный корпусъ войска, у него было очень много денегъ на вербовку наемниковъ въ Италіи, Нидерландахъ, Германіи. Сеймъ продолжалъ въ іюнѣ начатыя съ самаго его открытія совѣщанія о помощи императору на войнѣ съ турками; но видно было, что война, къ которой готовится Карлъ, будетъ не съ турками. Протестантскіе члены сейма вновь попросили императора обезпечить миръ и созвать національный нѣмецкій соборъ для соглашенія по религіознымъ дѣламъ; онъ усмѣхался, слушая это предложеніе. Дѣйствительно, въ то время онъ ужь послалъ своему главнокомандующему въ Нидерландахъ, Максимилиану Бюрену приказаніе вести войско въ Германію. Одно изъ условій, на которыхъ онъ былъ выбранъ императоромъ, говорило, что онъ не будетъ безъ согласія сейма вводить иноземныхъ войскъ въ Германію; но онъ не поцеремонился нарушить свою присягу. Уполномоченные протестантскихъ государей и городовъ повторили свою просьбу, чтобъ онъ далъ дѣламъ направленіе, которое сохранило бы для нѣмецкой націи миръ. Онъ отвѣчалъ, что сохраненіе мира всегда было и теперь остается усерднѣйшей его заботой, что онъ будетъ милостивъ къ повинующимся ему въ этомъ отношеніи, а съ нарушителями мира поступить по закону. Въ рескриптѣ, отправленномъ 16 іюня городамъ Страсбургу, Нюрнбергу, Аугсбургу и Ульму, онъ выражалъ порицаніе нарушителямъ спокойствія и закона, которые подъ предлогомъ религіи захватываютъ чужія владѣнія, и говорилъ что если не остановитъ ихъ, то скоро они отнимутъ свободу у имперскихъ городовъ. Онъ хотѣлъ этимъ возбудить въ

протестантскихъ городахъ недовѣріе къ сосѣднимъ протестантскимъ государямъ, отвлечь ихъ отъ шмалькальденскаго союза; но горожане поняли хитрость и остались усердными защитниками національной и религіозной независимости: они отвѣчали, что дѣло государей шмалькальденскаго союза считаютъ собственнымъ своимъ дѣломъ. Всѣ члены этого союза поклялись другъ другу жертвовать имуществомъ и жизнью за свободу и вѣру, и не сказавшись императору уѣхали изъ Регенсбурга.

Іоаннъ Фридрихъ и Филиппъ переговорили между собою въ Ихтерсгаузенѣ (близъ Готы), и по ихъ предложенію шмалькальденскій союза двинулъ въ поле свои войска, обнародовалъ манифестъ, оправдававшій его распоряженіе. Манифестъ говорилъ: уполномоченные союза не получили удовлетворительнаго отвѣта на свой вопросъ о цѣли, съ которой императоръ собираетъ войска; Гранвелла и другой министръ императора, Навесъ, сообщили депутатамъ многихъ городовъ намѣреніе его наказать какихъ-то непокорныхъ государей, и поэтому совѣтъ шмалькальденскаго союза рѣшилъ защищать ученіе слова Божія и нѣмецкую свободу; императоръ обвиняетъ государей шмалькальденскаго союза въ непокорности, не выслушавъ ихъ; а между тѣмъ они всегда исполняли всѣ свои обязанности относительно имперіи; по внушенію папы, императоръ хочетъ подавить ихъ евангельское исповѣданіе; они съ Божіею помощію будутъ обороняться противъ этого.—На югѣ отъ тюрингскаго лѣса собрались войска сѣверно-нѣмецкихъ и средне-нѣмецкихъ членовъ союза; численность этой арміи, хорошо вооруженной и храброй, простиралась до 16.000 пѣшихъ и 5.000 конныхъ воиновъ.—Южно-нѣмецкіе города и герцогъ вюртембергскій вывели въ поле свои войска еще раньше; численность ихъ арміи была почти такая же; главнокомандующимъ ея былъ Себастіанъ Шертлинъ фонъ Буртенбахъ, опытный вождь наемниковъ. Буцеръ говорилъ, что должно поручить общее начальство надъ всѣми войсками союза Филиппу гессенскому; это и было бы лучше всего: но, къ несчастію, было рѣшено иначе: управленіе военными дѣйствіями было поручено военному совѣту. Еще вреднѣе было самообольщеніе, въ которомъ находились шмалькальденцы: они не догадывались, какіе успѣхи пріобрѣлъ императоръ своими переговорами съ другими нѣмецкими государствами: считали вѣроятнымъ, что Фердинандъ не будетъ помогать брату, и оставляли его въ покоѣ приготовиться къ войнѣ; имъ былъ неизвѣстенъ союзъ Вильгельма баварскаго съ императоромъ; они не воображали, что Морицъ измѣнилъ имъ.

Незнаніе истиннаго положенія дѣлъ погубило ихъ. Войска императора были еще далеко или еще только формировались; если бы шмалькальденцы остановили или разогнали эти разбросанныя войска, положеніе Карла стало бы отчаяннымъ. Шертлинъ совѣтовалъ имъ

напасть на сборные пункты императорскихъ войскъ въ южной Германіи, занять граубюнденскіе и тирольскіе проходы черезъ Альпы, и тѣмъ отрѣзать императора отъ войскъ, шедшихъ къ нему изъ Италіи. Военный совѣтъ согласился: Шертлингъ 9 іюля пошелъ съ войскомъ Аугсбурга и Ульма къ одному изъ сборныхъ пунктовъ императорскихъ наемниковъ, они ушли за баварскую границу; онъ легко могъ бы настичь и разсѣять ихъ, но военный совѣтъ велѣлъ ему не переходить баварской границы, чтобы не оскорбить герцога Вильгельма, котораго считалъ желающимъ сохранять нейтралитетъ. Шертлингъ пошелъ занять проходы черезъ тирольскія горы изъ Италіи въ Германію; но военный совѣтъ велѣлъ ему возвратиться, чтобы не оскорбить Фердинанда (владѣвшаго Тиролемъ). Шмалькальденцы мечтали, что Фердинандъ не будетъ помогать брату. Шертлингъ съ досадою пошелъ назадъ.

Сборнымъ пунктомъ всѣхъ войскъ союза былъ назначенъ Донаувертъ. Курфирстъ саксонскій и ландграфъ двигались медленно, пришли въ Донаувертъ только 4 августа. Теперь оказалось, что многіе протестантскіе государи не хотятъ помогать шмалькальденцамъ: курфирсты бранденбургскій и пфальцскій, герцоги померанскіе, мекленбургскіе, брауншвейгскіе, князья ангальтскіе, богатый городъ Нюрнбергъ не захотѣли участвовать въ войнѣ съ императоромъ. Но у шмалькальденцевъ было войско, простиравшееся до 40.000 человекъ, а у императора въ Регенсбургѣ лишь нѣсколько тысячъ. Они безъ труда одолѣли бы его, если бы быстро пошли къ Регенсбургу. Но они бездѣйствовали. Отпраздновавъ свадьбы двухъ своихъ племянницъ—старшей, съ старшимъ сыномъ Вильгельма баварскаго, младшей съ герцогомъ клевскимъ, императоръ 20 іюля, въ тотъ самый день, какъ Шертлингъ взялъ Донаувертъ, объявилъ мятежниками курфирста саксонскаго и ландграфа гессенскаго. Манифестъ объ этомъ возводилъ на нихъ множество обвиненій, но по дѣламъ мелочнымъ и ужь прекращеннымъ примиреніями на сеймахъ, и лишь слегка упоминалъ объ истинной причинѣ разрыва съ ними, объ отказѣ ихъ признать власть тріэнтскаго собора. Этимъ умолчаніемъ Карлъ хотѣлъ убѣдить протестантовъ, что война ведется не за вѣру.

Вскорѣ по объявленіи главныхъ членовъ шмалькальденскаго союза мятежниками, Карлъ покинулъ Регенсбургъ, гдѣ непріятель могъ бы окружить его; онъ пошелъ на встрѣчу войскамъ, шедшимъ къ нему изъ Италіи и Венгріи. Въ Ландсгутѣ пришелъ къ нему мужъ его побочной дочери Оттавіо Фарнезе съ папскими войсками, пришли другіе итальянскіе и испанскіе отряды. Его разноплеменное войско простиралось теперь до 35.000 человекъ пѣхоты и 5.000 конницы; изъ Нидерландовъ шли къ нему подкрѣпленія. Онъ пошелъ опять въ Регенсбургъ; но услышавъ, что непріятель идетъ туда, пошелъ по сѣверному берегу Дуная въ Ингольштадтъ.

Шмалькальденцы дѣйствовали медленно и вяло, не напали на императора, когда у него было мало войска, не остановили отрядовъ, шедшихъ къ нему изъ Италіи, между тѣмъ какъ это было бы легко сдѣлать, занявъ переходы черезъ Бреннеръ; причиной было отсутствіе согласія между ними. Шертлингъ, искусный полководецъ, напрасно доказывалъ военному совѣту ихъ, что надобно быстро напасть на Карла; большинство голосовъ рѣшило, что нельзя идти на него, потому что пришлось бы идти по баварскимъ владѣніямъ, а не должно нарушать нейтралитетъ Баваріи и Тироля. Объявленіе ихъ мятежниками смутило многихъ. Манифестъ императора объ этомъ говорилъ, что война не имѣетъ религіознаго характера, и многіе повѣрили тому, видя въ императорскомъ лагерѣ Ганса маркграфа кюстринскаго и нѣкоторыхъ другихъ усердныхъ протестантовъ. Только когда увидѣли шмалькальденцы папскую буллу, прямо говорившую, что цѣль войны искорененіе ереси, прекратилось ихъ колебаніе.

Въ концѣ августа шмалькальденцы подошли къ Ингольштаду, гдѣ находился Карлъ; ландграфъ гессенскій нашелъ переходъ черезъ болото, поставилъ артиллерію въ выгодную позицію; Шертлингъ совѣтовалъ напасть на непріятельскій лагерь. Императоръ самъ полагалъ, что подвергнется нападенію; но курфюрстъ саксонскій и большинство членовъ шмалькальденскаго военнаго совѣта рѣшили, что мѣстность неудобна для общаго штурма. Время шло въ бесполезныхъ мелкихъ схваткахъ, пока Максимилианъ ванъ Бюренъ съ нидерландскими войсками перешелъ у Майнца Рейнъ и 15 сентября присоединился къ императору. Теперь Карлъ могъ самъ дѣйствовать наступательно. Онъ двинулся въ Швабію; шмалькальденцы шли за нимъ; онъ сталъ укрѣпленнымъ лагеремъ при Лаунгенѣ и Зонтгеймѣ; шмалькальденцы стали при Гингенѣ. Аугсбургцы отозвали Шертлина на защиту своего города. Наступила осень. Шмалькальденцы пропустили время, когда могли бы легко побѣдить Карла; но ихъ положеніе и теперь было еще не дурно. У нихъ было не меньше войска, чѣмъ у Карла. Ноябрьскія непогоды страшно дѣйствовали на испанцевъ и на итальянцевъ. Въ этихъ частяхъ императорскаго войска умирало много людей. Протестанты могли рассчитывать, что императоръ увидитъ себя въ надобности предложить имъ выгодныя условія мира. Но въ это время пришло извѣстіе объ измѣнѣ Морица; шмалькальденцы испугались, католики пріобрѣли увѣренность въ побѣдѣ.

Подданные Морица были усердно преданы общему протестантскому дѣлу: когда при началѣ войны онъ далъ духовенству приказаніе «не говорить дурно объ императорѣ» Лейпцигскіе священники имѣли мужество отвѣчать ему, что будутъ исполнять свою обязанность, будутъ молиться о побѣдѣ своихъ единовѣрцевъ надъ императоромъ, потому что измѣняющій въ этомъ случаѣ дѣлу Евангелія долженъ ожидать себѣ гибели въ земной и будущей жизни. Когда импера-

торъ объявилъ шмалькальденцевъ мятежниками и Фердинандъ сталъ собирать войско на границѣ Богеміи съ герцогствомъ саксонскимъ, Морицъ (въ октябрѣ 1545) созвалъ сеймъ своего государства, далъ ему отъ имени Карла увѣреніе, что протестантству не угрожаетъ никакое стѣсненіе со стороны императора, но встрѣтилъ въ сеймѣ сильную оппозицію. Онъ сталъ объяснять, что герцогство саксонское подвергнется великому бѣдствію, если Фердинандъ пойдетъ черезъ него въ курфиршество саксонское, что въ этомъ случаѣ и династія курфирста пострадаетъ: занявъ ея владѣнія, Фердинандъ не возвратитъ ихъ ей; единственное средство предотвратить эти несчастія состоитъ въ томъ, чтобъ онъ самъ занялъ своими войсками владѣнія своего родственника, курфирста. Сеймъ герцогства саксонскаго повѣрилъ добросовѣстности его словъ, что онъ хочетъ только сохранить для своихъ родственниковъ владѣнія ихъ, и далъ свое согласіе на то, чтобъ онъ занялъ своими войсками землю курфирста. Супруга курфирста Елизавета не протестовала противъ этого, полагаясь на честность Морица. Фердинандъ между тѣмъ выпросилъ у богемскаго сейма дозволеніе двинуть свои войска во владѣнія курфирста. Онъ и Морицъ условились между собою, какія области взять кому изъ нихъ: Морицъ уступилъ Фердинанду всѣ тѣ земли курфирста, которыя были ленами богемской короны; остальные части владѣній курфирста Фердинандъ отдалъ на произволъ Морица. Заключивъ этотъ тайный договоръ съ Фердинандомъ, Морицъ повелъ свои войска въ курфиршерство, объявляя, что дѣлаетъ это для спасенія владѣній своего родственника отъ завоеванія Фердинандомъ, для сохраненія ихъ курфирсту; а между тѣмъ въ лагерь императора былъ подписанъ (27 октября) договоръ, по которому Карлъ обѣщалъ Морицу за его услуги санъ курфирста и большую часть владѣній его мятежнаго двоюроднаго брата. Одновременно съ Морицомъ пошелъ въ государство курфирста Фердинандъ. Ужасъ, наводимый чешскимъ войскомъ, заставлялъ города торопливо сдаваться Морицу, чтобы спастись отъ грабежа.

Въ лагерь протестантовъ увидѣли, что дѣло принимаетъ дурной оборотъ. Притомъ отъ непогоды и голода свирѣпствовали болѣзни и у шмалькальденцевъ, какъ и въ католическомъ войскѣ; но особенно плохо было то, что у нихъ не доставало денегъ. Южнонѣмецкіе города перестали давать имъ субсидіи, наемники, не получая жалованья, уходили толпами. Курфирстъ саксонскій хотѣлъ идти на защиту своихъ владѣній. Такимъ образомъ 22-го ноября шмалькальденцы рѣшили отложить борьбу съ императоромъ до слѣдующей весны, разойдтись по домамъ; это погубило ихъ, отдало императору побѣду, когда его собственные затрудненія росли и между прочимъ долженъ былъ онъ отпустить папскія войска. Онъ не могъ даже идти за отступающимъ курфирстомъ саксонскимъ. Іоаннъ Фридрихъ, не встрѣчая сопротив-

ленія, пришелъ въ свое государство. — Филиппъ Гессенскій тоже ушелъ домой. Такимъ образомъ протестанты южной Германіи остались беззащитны. Нёрдлингенъ, Ротенбургъ, Швабскій Галль покорились императору. Когда подагра принудила его остановиться въ Галль, туда пріѣхалъ къ нему курфирстъ пфальцскій просить извиненія за помощь, посланную герцогу вюртембергскому, и явились депутаты Ульма просить прощенія.

Карлъ требовалъ отъ южно-нѣмецкихъ городовъ безусловной покорности и отказа отъ участія въ шмалькальденскомъ союзѣ. Они покорялись. Ульмъ 14-го декабря отдалъ свою артиллерію, заплатилъ большой штрафъ. На тѣхъ же условіяхъ покорились Гейльбронъ, Эслингенъ, Рейтлингенъ. Укрѣпленія Аугсбурга были сильны, артиллерія хороша, запасъ провіанта великъ; Шертлинъ говорилъ горожанамъ, что городъ можетъ держаться дальше года, а къ тому времени протестанты возобновятъ наступленіе, придутъ на выручку. Но робость горожанъ поддавалась внушеніямъ Фугерровъ, державшихъ сторону императора, и получивъ отъ Гранвеллы увѣреніе, что протестанство не будетъ стѣснено. Аугсбургъ 29-го января 1547 отворилъ ворота императору. Шертлинъ, объявленный мятежникомъ, бѣжалъ и поступилъ во французскую службу. Франкфуртъ сдался ранѣе Аугсбурга (21-го января 1547). Скоро послѣдовалъ этому примѣру и Страсбургъ; самъ Штурмъ пріѣхалъ съ другими депутатами заявить императору покорность города (21-го марта). Герцогство вюртембергское было покорено еще въ концѣ 1546 года. Когда императоръ пошелъ изъ Ульма въ эту землю, Ульрихъ явился къ нему, упалъ въ ноги ему, обѣщался отдать въ его распоряженіе все свое войско и уплатить 300.000 гульденовъ контрибуціи (24-го декабря). Кристофъ, бѣжавшій въ Базель, прислалъ свое согласіе на этотъ договоръ.

Въ началѣ 1547 была рѣшена и судьба Германа, архіепископа кѣльнскаго. Видя невозможность сопротивляться, онъ 25-го февраля сложилъ съ себя санъ, передалъ управленіе государствомъ своему коадьютору Адольфу Шаумбургу. Въ курфиршествѣ кѣльнскомъ было восстановлено католическое богослуженіе. Германъ уѣхалъ въ свое родовое владѣніе Видъ и черезъ пять лѣтъ (въ августъ 1552) умеръ тамъ на 76 году жизни; даже враги признавали его человѣкомъ честнымъ и благочестивымъ.

Такимъ образомъ къ веснѣ 1547 года вся южная и западная Германія покорилась императору. Онъ такъ страдалъ подагрой, что лежалъ будто разбитый параличемъ и говорилъ слабымъ голосомъ, но былъ радостенъ въ сознаніи великаго успѣха.

4. Отношенія императора къ папѣ.

Папа, какъ мы говорили, опасался императора и не довѣрялъ ему. При самомъ открытіи тріэнтскаго собора (13 декабря 1545) уже выказалось это. На соборъ пріѣхали почти одни итальянцы и испанцы; нѣмецкихъ епископовъ не было, французскихъ и англійскихъ было очень мало; большинство присутствующихъ составляли доминиканцы и другіе фанатичные монахи. Совѣщанія собора съ самаго начала пошли не соотвѣтственно желаніямъ императора. Представитель его при соборѣ Діэго Гуртадо де Мендоса требовалъ, чтобы собраніе провозгласило, что власть вселенскаго собора выше папской; но его не поддерживали, даже и высше сановники испанской церкви Пачеко, Сото, Карранса, съ которыми раздѣляли вліяніе на испанскихъ епископовъ іезуиты Лайнесъ и Сальмеронъ. Папскіе легаты, важнѣйшимъ изъ которыхъ былъ кардиналъ Червино, хорошій гуманистъ и богословъ, далеко превосходившій опытностью и ловкостью своихъ двухъ товарищей кардиналовъ—легатовъ Дель Монте и Реджинальда Поля, предложили собору порядокъ совѣщаній, обезпечивавшій побѣду папистовъ. Императорская партія требовала, чтобы соборъ занялся прежде всего преобразованіемъ церковнаго устройства. Паписты говорили, что онъ прежде всего долженъ заняться рѣшеніемъ догматическихъ споровъ. По предложенію епископа фальтрскаго соборъ рѣшилъ заниматься одновременно и установленіемъ догматовъ и преобразованіемъ устройства церкви. Но сущность дѣла состояла въ томъ, что право вносить предложенія было предоставлено исключительно легатамъ и вотированіе было установлено не такъ, чтобы прелаты каждой націи составляли одну группу, имѣющую одинъ голосъ, а такъ, что считались голоса всѣхъ присутствующихъ каждого отдѣльно. Массу присутствующихъ образовали итальянцы, усердные паписты; голоса малочисленныхъ нѣмецкихъ и французскихъ прелатовъ потеряли значеніе. Притомъ все было рѣшаемо въ комитетахъ (конгрегаціяхъ), члены которыхъ были выбраны легатами, а въ общихъ засѣданіяхъ собора только получали формальное утвержденіе рѣшенія конгрегацій. Понятно, что ходъ дѣлъ на соборѣ былъ враждебенъ протестантамъ, и они не могли признать власти собора.

Уполномоченные императора напрасно добивались измѣненія правилъ совѣщаній собора или хотя отсрочки обнародованія его рѣшеній. Въ то время какъ начиналась шмалькальденская война было обнародовано соборное опредѣленіе догмата о грѣхонаденіи, бывшее результатомъ первыхъ пяти засѣданій. Во время войны соборъ принималъ рѣшенія, расширявшія пропасть, которая уже отдѣляла протестантовъ отъ католиковъ. Кардиналъ Поль говорилъ: „Прежде чѣмъ начинать борьбу съ врагомъ, надобно запасться оружіемъ“; сообразно этому соборъ занялся установленіемъ уче-

нія о томъ, какое значеніе имѣютъ апокрифическія книги и церковное преданіе. Онъ призналъ всѣ апокрифическія книги имѣющими полный авторитетъ, предалъ проклятію отрицающихъ это, постановилъ, что латинскій переводъ Священнаго писанія, называющійся Вульгатой, навсегда сохраняетъ авторитетъ равный еврейскому и греческому подлинникамъ. (Это было нужно для устраненія всѣхъ результатовъ новыхъ филологическихъ изслѣдованій, для отрицанія всѣхъ выводовъ новой экзегетики); соборъ призналъ церковное преданіе имѣющимъ авторитетъ равный Священному писанію, то есть постановилъ, что всѣ подробности ученія римской церкви неопровержимы и опредѣлилъ, что исключительно церкви (то-есть, церковному правительству, римской куріи) принадлежитъ право истолковывать смыслъ Священнаго писанія и опредѣлять, въ чемъ состоитъ церковное преданіе.

Еще рѣзче выказалась непримиримость собора съ протестантствомъ, когда онъ занялся догматомъ о спасеніи человѣка. Соборъ безусловно отвергъ протестантское ученіе, что благодать пріобрѣтается исключительно вѣрою, потому что это ученіе отнимало важность у таинствъ и молитвъ церкви, у пожертвованія въ пользу ея. Соборъ постановилъ учить, что смертью Христа сокрушена сила первороднаго грѣха и дана человѣку возможность пріобрѣтать вѣчное блаженство, но что эта возможность осуществляется только заступничествомъ церкви за человѣка и свободнымъ содѣйствіемъ его вліянію благодати. Изъ этого слѣдовало признаніе всего схоластическаго ученія о церкви за истину.

Во время войны непріязнь между императоромъ и папой выказывалась все сильнѣе, и по покореніи южной Германіи Карломъ произошла у него формальная ссора съ Павломъ III. Причины ея были главнымъ образомъ политическія. Императоръ и Гранвелла обѣщали протестантамъ неприкосновенность ихъ религіи, не спрашивая мнѣнія папы. Императорская партія въ Тріентѣ требовала, чтобъ епископы обязаны были жить въ своихъ епархіяхъ; этимъ отнималась у папы возможность давать доходы епископскихъ кафедръ людямъ, служащимъ въ римской куріи. Паписты были раздражены оппозиціей, отрицавшей, что папа имѣетъ епископскую власть надъ всей церковью, что всѣ другіе епископы только намѣстники его, не имѣющіе никакихъ самостоятельныхъ правъ. Павелъ III находилъ опаснымъ для римской куріи то, что соборъ засѣдаетъ въ Тріентѣ, городъ подвластнымъ Фердинанду. Онъ боялся, что подъ защитой императора и Фердинанда будетъ принято въ Тріентѣ рѣшеніе, ставящее власть вселенскаго собора выше папской. Императоръ, подчинивъ своей волѣ нѣмецкихъ протестантовъ, хотѣлъ, чтобы католическая церковь примирилась съ ними и для этого требовалъ, чтобы не были обнародуемы рѣшенія собора, мѣшающія примиренію. Изъ всего этого папа выводилъ, что онъ хочетъ ограничить папскую власть, ввести въ католической церкви такія преобразованія, которыя расположили бы протестантовъ возвратиться къ ней. Кромѣ того были у папы другія причины ссоры съ императоромъ. Павелъ обѣщалъ отдать императору свои войска для войны на полгода; когда прошелъ этотъ

срокъ, онъ отозвалъ ихъ изъ Германіи; онъ уплатилъ не всю ту сумму субсидіи, какую обѣщалъ дать; относительно подати съ духовенства императорскихъ владѣній, которую разрѣшилъ взять императору, онъ постановилъ такія правила, что Карлъ получилъ гораздо меньше, нежели надѣялся; желаніе Карла требовать новыхъ денежныхъ пожертвованій съ духовенства его владѣній встрѣтило сопротивленіе со стороны папы. Но главной причиной разрыва была досада Павла на то, что императоръ, соглашаясь отдать фамиліи Фарнезе Парму и Піаченцу съ титуломъ герцогства, хотѣлъ оставить эти земли имперскими ленами, а по смерти маркиза Гуасто не назначилъ, какъ надѣялся папа, миланскимъ намѣстникомъ его племянника Оттавіо Фарнезе, отдалъ эту должность Гонзагѣ, врагу Фарнезе, и вообще хотѣлъ совершенно подчинить своему владычеству всю Италію.

Раздраженный всѣми этими опасностями и досадами, Павелъ отдѣлился отъ императора и сблизился съ королемъ французскимъ, съ которымъ вступили тогда въ переговоры нѣмецкіе протестанты. Онъ 13 января 1547 обнародовалъ тѣ рѣшенія тріентскаго собора, которыя были непріятны Карлу, и рѣшился перенести соборъ изъ подвластнаго Фердинанду Тріента въ Болонью, папскій городъ. Большинству находившихся на соборѣ епископовъ жизнь въ Тріентѣ была непріятна; тѣмъ легче было папѣ исполнить свое давнее желаніе. Предлогъ онъ нашелъ въ томъ, что нѣсколько епископовъ и другихъ участниковъ собора умерли въ Тріентѣ; это было названо появленіемъ заразы, и въ засѣданіи 11 марта (1547 года) легаты объявили, что папа переноситъ соборъ въ Болонью. На другой день большинство прелатовъ уже уѣхало изъ Тріента по дорогѣ въ Болонью. Императорскіе уполномоченные протестовали, заявили повелѣніе Карла, чтобы соборъ оставался въ Тріентѣ, но этому повиновалось только меньшинство. Такимъ образомъ соборъ распался на два собора, враждебные одинъ другому. По всей Италіи господствовала ненависть къ испанскому владычеству. Сіэна отказалась исполнять распоряженіе императора. Въ Генуѣ графъ Фіэско, глава французской партіи, отважный молодой человекъ, поднялъ въ январѣ 1547 возстаніе противъ Андреа Доріи, правившаго городомъ подъ покровительствомъ императора; возстаніе было подавлено только потому, что Фіэско, захватывая стоявшій въ гавани флотъ, случайно утонулъ. Въ Венеціи испанскій посланникъ, искусный дипломатъ Мендоса, съ трудомъ удерживалъ правительство отъ союза съ нѣмецкими городами. Если бы не умеръ въ это время Францискъ, дѣла могли бы получить оборотъ опасный для императора. Услышавъ о сближеніи Павла съ королемъ французскимъ, Карлъ съ гнѣвной насмѣшкой сказалъ: «Часто заражаются французской болѣзнію въ молодости; папа заражается ею въ старости». По всѣмъ признакамъ слѣдовало ожидать возобновленія войны на французской гра-

ницѣ и въ Италіи, когда пришло къ императору и шмалькальденцамъ извѣстіе о вторженіи Морица въ курфиршество саксонское.

5. Походъ на Эльбу.

Курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ пошелъ въ Саксонію съ 20 тысячнымъ войскомъ наказать «измѣнника своему роду и вѣрѣ», который «за мзду іудину привелъ въ Саксонію злодѣйское безбожное гусарское войско». На Дунаѣ Іоаннъ Фридрихъ дѣйствовалъ вяло; въ походѣ для возвращенія себѣ государства онъ выказалъ энергію. На новый годъ онъ пришелъ въ Галле, заставилъ архіепископа майнцскаго отказаться отъ всѣхъ притязаній на области архіепископства магдебургскаго и епископства гальберштадскаго, принялъ городъ Магдебургъ подъ свое покровительство, быстро выгналъ Морица изъ своихъ владѣній, пошелъ въ его герцогство, осадилъ Лейпцигъ, но согласился на просьбы своихъ генераловъ пощадить этотъ городъ, пошелъ изъ-подъ него въ Альтенбургъ, занялъ городъ Рохлицъ, принадлежавшій вдовствующей принцессѣ Елизаветѣ, сестрѣ Филиппа Гессенскаго. (У нея въ Рохлицѣ стоялъ Альбрехтъ, маркграфъ кульмбахскій, съ отрядомъ императорскаго войска; она отвлекла пирами его вниманіе отъ военныхъ извѣстій и благодаря тому курфирстъ взялъ его въ плѣнъ со всѣмъ отрядомъ). Города герцогства саксонскаго радостно сдавались курфирсту, защитнику протестантсва; онъ приближался къ Богеміи. Тамъ пробудился гуситскій духъ, зазвучали старыя пѣсни. Дворяне и солдаты отказались служить противъ государя, защищающаго причащеніе по гуситскому обряду; сеймъ, не спрашивая согласія Фердинанда, собрался въ Прагъ, хотѣлъ вступить въ союзъ съ курфирстомъ, отнять корону у Фердинанда. Собралось городское ополченіе отразить приближавшихся «нехристей испанцевъ». Въ Силезіи и Лаузицѣ народъ подымался противъ габсбургскаго владычества. Гамбургъ, Бременъ, Люнебургъ, Ганноверъ, Брауншвейгъ и другіе сѣверно-нѣмецкіе города объявляли, что не покорятся императору, будутъ защищать слово Божіе и нѣмецкую свободу. Короли французскій и англійскій обѣщали помощь нѣмецкимъ противникамъ императора.

Но Іоаннъ Фридрихъ былъ человекъ недаровитый и непредпріимчивый; онъ взялся за оружіе только на защиту своей вѣры. Въ немъ сохранилось уваженіе къ императорской власти; онъ не воспользовался помощью, которую предлагали ему иностранцы и не былъ способенъ соединить вокругъ себя нѣмцевъ для рѣшительной борьбы. Онъ колебался, тратилъ время, и побѣда досталась Карлу, далеко

превосходившему его умомъ и энергіей. Морицъ и Фердинандъ соединили свои войска въ Богеміи, но не имѣли силъ подавить волненіе, остановить курфирста, просили Карла поспѣшить на помощь имъ; онъ пошелъ, хотя былъ не совсѣмъ здоровъ и желалъ бы подольше остаться въ Ульмѣ, оправляясь отъ болѣзни. Онъ назначилъ главнокомандующимъ своего испанско-итальянскаго войска герцога Альбу, и въ мартѣ (1547 года) Альба пошелъ съ императоромъ черезъ Нюрнбергъ въ Богемію. Альба не встрѣчалъ на пути такихъ отрядовъ, которые могли бы задержать его; главнокомандующій богемскихъ инсургентовъ Каспаръ Пфлугъ Рабенштейнъ не успѣлъ принять достаточныхъ мѣръ обороны. Притомъ у инсургентовъ не было единомыслия и твердой рѣшимости сражаться съ императоромъ. Карлъ безъ большихъ затрудненій соединился съ Фердинандомъ и Морицемъ въ Эгерѣ. На походѣ туда онъ получилъ извѣстіе о смерти Франциска; оно дало ему увѣренность въ побѣдѣ: онъ рассчиталъ, что при переходѣ власти во Франціи отъ прежняго короля къ новому онъ будетъ имѣть время подавить своихъ нѣмецкихъ противниковъ, не опасаясь французскаго нашествія. Отпраздновавъ пасху въ Эгерѣ, Карлъ съ Фердинандомъ и Морицемъ двинулся въ Саксонію. Онъ имѣлъ 17.000 человѣкъ пѣхоты и 10.000 конницы. Слабые саксонскіе отряды, стоявшіе въ проходахъ пограничнаго хребта были безъ труда прогнаны. Курфирстъ съ небольшимъ войскомъ стоялъ у Мейсена, гдѣ былъ мостъ черезъ Эльбу. Онъ все еще надѣялся, что къ нему придутъ богемскіе инсургенты. Но вмѣсто того шли форсированными маршами императорскія войска по лѣвому берегу Эльбы. Услышавъ о ихъ приближеніи, курфирстъ увидѣлъ необходимость отступить; у него было только 3.000 человѣкъ пѣхоты, 1.000 всадниковъ и 11 пушекъ. Онъ хотѣлъ уйти въ Виттенбергъ, сильно укрѣпленный, созвать туда свои разстановленные по разнымъ позиціямъ отряды. Но императорское войско было отважно; въ особенности храбры были испанцы. Поселянинъ, хорошо знавшій теченіе рѣки, показалъ имъ бродъ черезъ Эльбу; испанская конница перешла рѣку утромъ въ воскресенье 24 апрѣля. Конница курфирста уже начала тогда отступление къ Виттенбергу. Курфирстъ слушалъ богослуженіе, когда ему сказали, что непріятельская кавалерія настигла его конницу на Лохаускомъ полѣ у селенія Мюльберга. Императоръ, хотя и страдалъ падагрой, сидѣлъ на конѣ, участвовалъ въ сраженіи. Пѣхота его навела понтонный мостъ, перешла рѣку, пришла на помощь конницѣ. Небольшое войско курфирста было разбито подъ Мюльбергомъ. Само по себѣ это сраженіе было незначительно, но оно рѣшило судьбу войны. Курфирстъ, человѣкъ тяжелый, неуклюжій, поспѣшилъ съ богослуженія на поле битвы, сражался очень храбро. Съ самаго начала было видно, что войско его будетъ поражено; но въ началѣ битвы еще была свободна для хорошихъ лоша-

дей дорога въ Виттенбергъ; курфирстъ могъ бы ускакать; ему совѣтовали спасти отъ плѣна или смерти; онъ отвѣчалъ: «Но какъ же покинулъ бы я мою вѣрную пѣхоту?» Онъ былъ раненъ въ лицо; непріятель окружилъ его, онъ снялъ съ руки перстень и подалъ Тило фонъ Тротъ, офицеру войска Морица, въ знакъ того, что сдается. Трота повелъ его къ герцогу Альбъ, герцогъ къ императору, стоявшему съ Фердинандомъ подъ группою деревьевъ. «Всемиловѣйшій императоръ» — началъ курфирстъ; императоръ прервалъ его: «Если я вамъ милостивый императоръ, то давно вы не называли меня такъ». Курфирстъ продолжалъ: «Я бѣдный плѣнникъ вашего величества и прошу васъ поступать со мною, какъ съ государемъ по праву рожденія». — «Я поступлю съ вами, какъ вы заслужили», отвѣчалъ императоръ; Фердинандъ прибавилъ: «Вы относительно меня милый человѣкъ, вы хотѣли прогнать, сдѣлать нищими меня и моихъ дѣтей». Курфирстъ былъ отданъ подъ стражу герцогу Альбъ; ему же подъ стражу были отданы герцогъ Эрнстъ Брауншвейгъ - Люнебургскій, три графа Глейхены и графъ Бейхлингенъ, тоже взятые въ плѣнъ. — Герцогъ Морицъ превосходилъ всѣхъ императорскихъ генераловъ усердіемъ въ этомъ сраженіи: онъ 20 часовъ не сходилъ съ коня и два раза его считали погибшимъ. Онъ сражался за полученіе курфиршества. — У императора не осталось въ Саксоніи непріятелей, которые могли бы сражаться на открытомъ полѣ.

Католики были въ восторгѣ отъ побѣды. Туманъ, покрывавшій утромъ долину, былъ передъ битвой разсѣянъ лучами солнца, а въ ночь послѣ сраженія рѣка поднялась такъ, что перейти ее въ бродъ было бы невозможно; католики видѣли въ этомъ явные знаки милости Божіей. Императоръ, какъ говорятъ, примѣнялъ къ своей побѣдѣ знаменитыя слова Цезаря, видоизмѣняя ихъ во славу Божію: «Я пришелъ, увидѣлъ, а Богъ побѣдилъ». Онъ и его помощники сначала хотѣли казнить курфирста; былъ уже и подписанъ смертный приговоръ. Іоаннъ Фридрихъ держалъ себя въ это время съ безтрепетнымъ спокойствіемъ. Онъ и товарищъ его плѣна Эрнстъ Брауншвейгскій играли въ шахматы, когда имъ было объявлено, что они приговорены къ смерти. Онъ принялъ это извѣстіе совершенно спокойно и продолжалъ игру. Но императоръ, обдумавъ рѣшеніе, принятое въ горячности не отважился исполнить его: Вильгельмъ Клевскій и Іоachimъ Бранденбургскій, помогавшіе императору, отклоняли его отъ казни курфирста саксонскаго; онъ разсудилъ, что она возбудила бы протестантовъ къ упорной оборонѣ и что въ особенности непреклонно защищался бы до послѣднихъ силъ Виттенбергъ, гдѣ находилось семейство плѣннаго курфирста съ сильнымъ гарнизономъ. Соображенія объ этомъ принудили пощадить жизнь плѣннаго курфирста. Карлъ замѣнилъ смертный приговоръ вѣчнымъ плѣномъ подъ условіемъ, что Іоаннъ Фридрихъ сдастъ ему Виттенбергъ и другія

свои крѣпости, откажется отъ сана курфюрста и большей части своихъ владѣній. Этотъ договоръ былъ подписанъ 18 мая. Бывшему курфюрсту и его брату Іоанну Эрнсту была оставлена часть тюрингскихъ владѣній (города Гота, Веймаръ, Эйзенахъ, Зальфельдъ, Кобургъ и нѣкоторые другіе съ ихъ округами). Императоръ требовалъ также, чтобъ Іоаннъ Фридрихъ призналъ власть трієнтскаго собора; но онъ отвѣчалъ на это твердымъ отказомъ.—Такимъ образомъ санъ курфюрста и большая часть владѣній перешла отъ эрнестинской линіи саксонской династіи къ альбертинской. Гарнизонъ и жители Виттенберга хотѣли обороняться и сдали городъ только по личному приказанію своего плѣннаго государя. Императоръ 23 мая торжественно вступилъ въ Виттенбергъ, выказалъ рыцарскую учтивость относительно супруги плѣннаго курфюрста. Онъ посѣтилъ дворцовую церковь, въ которой рядомъ съ прежними курфюрстами былъ погребенъ Лютеръ. Сынъ Гранвеллы, епископъ Аррасскій, и другіе фанатики говорили, что надобно выбросить изъ церкви, сжечь кости еретика. Карлъ отвѣчалъ: «Оставьте его въ покоѣ, онъ имѣетъ другого судью. Я воюю съ живыми, а не съ мертвыми». Въ іюнѣ Карлъ пошелъ въ Галле готовиться къ полному покоренію Германіи.

6. Полное торжество императора.

Оставалось побѣдить даровитѣйшаго и храбрѣйшаго изъ государей шмалькальденскаго союза, Филиппа Гессенскаго. Нѣкоторые изъ гессенскихъ вельможъ передались императору. Филиппъ сталъ подозрителенъ, воображалъ себя окруженнымъ измѣнниками; но у него были заступники въ императорскомъ лагерѣ: Морицъ, которому Карлъ былъ обязанъ своей побѣдой, былъ зять ландграфа; Іоахимъ Бранденбургскій, давшій своимъ нейтралитетомъ императору возможность побѣды, тоже убѣждалъ его пощадить Филиппа. Карлъ, уступая требованіямъ Іоахима и Морица, далъ имъ обѣщаніе, что если ландграфъ сдастъ свои крѣпости и самъ отдастся во власть его, то не подвергнется ни казни, ни вѣчному лишенію свободы. Продолжая свои настойчивыя требованія, Іоахимъ и Морицъ добились отъ императора изустнаго обѣщанія, что ландграфъ вовсе не будетъ отданъ подъ стражу и не будетъ лишенъ никакой части своихъ владѣній. Карлъ и его защитники утверждали потомъ, будто Іоахимъ и Морицъ, повторяя его обѣщанія въ этой формѣ, придали имъ безусловный смыслъ, какого не имѣли его слова. Но по крайней мѣрѣ относительно Іоахима нѣтъ сомнѣнія, что онъ дѣйствительно понималъ слова императора въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ повторялъ ихъ.—Итакъ Іоахимъ

и Морицъ поручились ландграфу, что онъ не будетъ арестованъ и сохранить всѣ свои владѣнія. Надѣясь на ихъ ручательство, ландграфъ принялъ предложенныя ему императоромъ условія, подписалъ договоръ, по которому сдавался на милость императора, обязывался скрыть всѣ свои крѣпости кромѣ одной, выдать свою артиллерію и заплатить опредѣленную сумму контрибуціи императору, освободить своихъ плѣнныхъ и явиться къ императору, чтобы на колѣнахъ просить прощенія. Іоакимъ и Морицъ прислали ему охранную грамоту, въ которой ручались, что онъ будетъ имѣть «свободный, безопасный, почетный, безвредный для него проѣздъ», и онъ отправился къ императору въ Галле, увѣренный, что исполнивъ церемонію вассальской просьбы о прощеніи, будетъ безъ всякихъ стѣсненій отпущенъ въ свои владѣнія.

Въ сопровожденіи Іоакима и Морица Филиппъ, одѣтый въ черное бархатное платье, изъ-подъ котораго была видна красная военная перевязь, вошелъ 19 іюня въ великолѣпный залъ дворца, гдѣ императоръ сидѣлъ на престолѣ, покрытомъ золотой парчой; по сторонамъ престола стояли испанскіе и итальянскіе вельможи, нѣмецкіе государи, стояли епископы и послы. Ландграфъ былъ веселъ, улыбался. Исполняя форму вассальскаго примиренія съ сюзереномъ, онъ сталъ на колѣна передъ императоромъ. Его канцлеръ Гюндероде, ставъ на колѣна подлѣ него, прочелъ формулу вассальской просьбы о прощеніи. Императорскій канцлеръ отвѣчалъ, что его величество согласно заключенному договору не накажетъ ландграфа ни вѣчнымъ заключеніемъ, ни лишеніемъ владѣній. Ландграфъ полагалъ, что дѣло кончено, всталъ и пошелъ. Императоръ молчалъ, не пригласилъ его встать, не подалъ ему руки въ знакъ примиренія. Герцогъ Альба пригласилъ ландграфа Іоакима и Морица къ себѣ кушать; они пошли съ нимъ въ старый дворецъ, гдѣ жилъ онъ. Это былъ поздній обѣдъ, называвшійся тогда ужиномъ. По окончаніи стола гости разговаривали съ хозяиномъ и играли до поздней ночи, но когда встали, чтобы проститься, услышали съ изумленіемъ, что ландграфъ не можетъ удалиться, долженъ остаться плѣнникомъ въ этомъ дворцѣ. Всѣ протесты ихъ были напрасны. Альба согласился только на то, чтобы Морицъ остался ночевать съ своимъ тестемъ. Приказаніе удержать ландграфа подъ стражей было дано Карломъ наперекоръ совѣту Фердинанда не дѣлать этого.

На слѣдующее утро Іоакимъ и Морицъ пришли во дворецъ императора требовать освобожденія ландграфа. Императорскіе совѣтники отвѣчали, что онъ останется подъ стражей и, на рѣзкіе упреки въ вѣроломствѣ отвѣчали, что никакого вѣроломства тутъ нѣтъ, потому что въ письменномъ условіи сказано: императоръ не подвергнетъ ландграфа «вѣчному лишенію свободы», а это не исключаетъ временнаго лишенія свободы (у тогдашнихъ историковъ говорится, что

съ вѣроломствомъ былъ соединенъ подлогъ: въ договорѣ слово «никакой» было фальшиво замѣнено словомъ «вѣчный», (по нѣмецки эти слова, ewig и einig, очень сходны видомъ въ рукописномъ почеркѣ). Но это выдумка порожденная желаніемъ объяснить вѣроломство, ясное и безъ того. Императоръ подобно своимъ совѣтникамъ сказалъ Іоахиму и Морицу, что никакого вѣроломства въ арестованіи ландграфа нѣтъ. Имъ оставалось только жалѣть о своей довѣрчивости. Они просили императора по крайней мѣрѣ сказать, сколько времени онъ будетъ держать ландграфа подъ стражей. Онъ не далъ опредѣленнаго отвѣта и на эту просьбу, сказалъ, что освободить ландграфа, когда удостовѣрится въ искренности его и покорности. Іоахимъ и Морицъ уѣхали изъ Галле, раздраженные тѣмъ, что коварство Карла бросило и на нихъ тѣнь безчестія. Императоръ пошелъ черезъ Наумбургъ и Нюрнбергъ въ южную Германію. Его иноземныя войска грабили и всячески буйствовали надъ безоружнымъ населеніемъ. При войскѣ везли Іоанна Фридриха и Филиппа; съ курфирстомъ обращались не очень дурно, съ ландграфомъ гораздо хуже.

Когда Карлъ пошелъ на югъ, еще оставались протестантскія войска въ Богеміи и Сѣверной Германіи; но битва при Мюльбергѣ, плѣнъ курфирста и арестованіе ландграфа отняли бодрость у инсургентовъ; Карлъ видѣлъ, что Фердинандъ и Морицъ легко одолѣютъ ихъ собственными силами. Фердинандъ повелъ въ Богемію большое войско, при которомъ находились 20 знаменъ (ротъ) и 1.000 всадниковъ, присланныхъ Морицомъ подъ начальствомъ его брата, Августа. Чешскіе инсургенты уже ссорились между собой. Болѣе 200 вельможъ и дворянъ, бывшихъ на сторонѣ сейма, передались Фердинанду; онъ пошелъ на Прагу, и 8 іюля она была принуждена сдаться. Другіе города и сельское населеніе продолжали сопротивляться, но быстро были подавлены. Фердинандъ отнялъ у городовъ важнѣйшія ихъ права, обратилъ аллодіальныя имѣнья въ лены (то-есть свободныхъ землевладѣльцевъ обратилъ въ вассаловъ, у которыхъ могъ отнимать имѣнья въ случаѣ недовольства ими), казнилъ нѣкоторыхъ вождей возстанія, конфисковалъ имѣнья другихъ, уничтожилъ ограниченія своей власти, объявилъ санъ короля богемскаго наследственнымъ. Главнокомандующаго инсургентовъ Каспара Пфлуга до самой его смерти Фердинандъ держалъ въ подземной темницѣ. Много казней и конфискацій произвелъ Фердинандъ и въ Лаузицѣ. Чешскій сеймъ и сеймъ земель, принадлежавшихъ къ владѣніямъ чешской короны, были запуганы такъ, что не протестовали противъ самовласти и жестокости Фердинанда. вмѣстѣ съ политической шла религіозная реакція; утраквисты эмигрировали тысячами, чтобъ избавиться отъ угнетенія. —Сѣверно-нѣмецкіе города мужественно оборонялись. Герцогъ Эрихъ Брауншвейгскій и другіе императорскіе полководцы, подступивъ съ 29-тысячнымъ войскомъ къ Бремену, были отражены его гражда-

нами, пришедшими на помощь имъ отрядами другихъ городовъ. Соединившись съ бременцами это городское войско подъ начальствомъ графовъ Кристофа Ольденбургскаго и Альбрехта Мансфельдскаго преслѣдовало отступающаго врага и 23 мая (1547 года) нанесло ему на крепельской горѣ (у Дракенбурга) полное пораженіе.—Магдебургъ непоколебимо сопротивлялся побѣдоноснымъ войскамъ императора. Граждане его остались вѣрны дѣлу протестантства послѣ битвы при Мюльбергѣ и провозгласили свой городъ независимымъ отъ архіепископа. Карлъ объявилъ ихъ мятежниками, лишенными всѣхъ правъ; Магдебургъ сталъ пріютомъ усердныхъ протестантовъ, бѣгущихъ отъ преслѣдованій.

Магдебургцы мужественно оборонялись отъ сосѣднихъ вельможъ и отъ герцога Мекленбургскаго, нанятаго на службу капитуломъ, имѣнія котораго конфисковали они. Осада длилась четыре года. Императоръ поручилъ покореніе мятежнаго города новому курфюрсту Морицу. — Онъ собралъ сильное войско, окружилъ городъ; въ Магдебургѣ были заготовлены большіе запасы продовольствія; онъ былъ хорошо укрѣпленъ. Граждане и наемники ихъ были мужественны, дали другъ другу клятву держаться единомышленно, отбивали всѣ приступы, дѣлали удачныя вылазки, отвергали предложенія Морица сдаться, не вѣря его обѣщанію оставить неприкосновеннымъ протестантское богослуженіе.

XX. ИНТЕРИМЪ И ПАССАУСКІЙ ДОГОВОРЪ.

1. Аугсбургскій сеймъ 1548 года.

Главнымъ желаніемъ Карла было возстановить прежнее могущество императоровъ. Онъ хотѣлъ покорить Германію своей власти въ государственномъ отношеніи; но былъ въ его войнѣ съ нѣмецкими протестантами и религіозный мотивъ. Очень долго онъ выказывалъ уступчивость протестантскому исповѣданію, но только по политической необходимости; у него постоянно было желаніе возстановить единство церкви; на сколько допускали политическіе расчеты, онъ фанатично защищалъ католичество. Въ тѣхъ своихъ государствахъ, надъ которыми имѣлъ полную власть, онъ безпощадно истреблялъ еретиковъ, потому что съ понятіемъ объ императорскомъ санѣ соединялось у него представленіе объ охранѣ церкви, владыкою которой хотѣлъ онъ быть по примѣру прежнихъ императоровъ. Во всѣхъ договорахъ съ королемъ французскимъ онъ помѣщалъ условіе о взаимной помощи для искорененія ереси. Ссоры съ папой раздражали его, онъ запугивалъ римскую курію уступками протестантамъ и передъ войной обѣщалъ вѣротерпимость тѣмъ протестантскимъ государямъ, которые не станутъ помогать шмалькальденскому союзу. Но все это было только хитростью.

Изъ средней Германіи Карлъ пошелъ, какъ мы говорили, черезъ Нюрнбергъ въ Аугсбургъ, куда былъ созванъ имъ сеймъ. Съѣздъ на сеймъ былъ многочисленъ: кто отважился бы ослушаться призыва побѣдителя? Императоръ лично открылъ засѣданіе сейма 1 сентября (1547 года). Плотной оппозиціонной партіи на сеймъ не было; католическіе члены его соперничали между собою въ заявленіяхъ преданности императору; изъ протестантскихъ государей одни были побѣждены, другіе связаны договорами съ императоромъ и легко согласились на предложеніе покориться вселенскому собору, если онъ возобновитъ свои засѣданія въ Триэнтѣ и подвергнетъ пересмотру свои прежнія постановленія. Депутаты городовъ говорили, что рѣшеніе религіозныхъ дѣлъ не должно быть предоставлено папѣ и его приверженцамъ, должно быть поручено «благочестивымъ ученымъ лицамъ, избраннымъ для этого всѣми членами сейма». На это Карлъ не согласился, но далъ увѣреніе, что соборъ будетъ засѣдать въ Триэнтѣ, будетъ вести и закончить свои совѣщанія благочестиво по святому ученію древнихъ отцовъ церкви и Священному писанію. Скоро оказалось, что онъ не въ силахъ исполнить это обѣщаніе. Нѣмецкіе епископы по желанію императора послали 14 сентября папѣ просьбу, чтобъ онъ возвратилъ соборъ изъ Болоньи въ Триэнтъ; того же требовалъ посланникъ императора, Мендоса; но папа остался упоренъ, потому что былъ раздраженъ противъ императора дѣломъ, произошедшимъ незадолго передъ тѣмъ. Его сынъ Піэрлунджи Фарнезе, герцогъ пармскій и піаченцскій, навлекшій на себя всеобщую ненависть развратомъ и тиранствомъ, былъ убитъ нѣсколькими вельможами, которыхъ оскорбилъ; по извѣстію объ этомъ Ферранте Гонзага, императорскій намѣстникъ въ Миланѣ, занялъ своими войсками Парму и Піаченцу, какъ имперскіе лены. Папа подозрѣвалъ, что Гонзага участвовалъ въ заговорѣ вельможъ, убившихъ Піэрлунджи. Подозрѣніе подкрѣплялось тѣмъ, что императоръ не передалъ занятыхъ леновъ Оттавіо Фарнезе, сыну убитаго герцога, и далъ уклончивый отвѣтъ легату Сфондратѣ, требовавшему инвеституры Оттавіо. Папа боялся рѣшительной ссоры съ императоромъ; потому велѣлъ прелатамъ, собравшимся въ Болоньѣ, не принимать никакихъ соборныхъ рѣшеній, но они отказались возвратиться въ Триэнтъ, и было извѣстно, что они сдѣлали это сообразно съ желаніемъ папы. Императоръ разсердился, и его уполномоченные передали 16 января (1548 года) болонскому собранію прелатовъ протестъ, въ которомъ онъ называлъ перенесеніе собора изъ Триэнта противозаконнымъ и требовалъ немедленнаго возвращенія прелатовъ туда, объявляя, что въ случаѣ ихъ ослушанія всѣ ихъ постановленія будутъ незаконными и не имѣющими силы. Кардиналъ-легатъ Дель-Монте возразилъ на это, что перенесеніе собора въ Болонью было дѣломъ законнымъ, и сказалъ, что скорѣе потерпитъ мученичество, чѣмъ допустить, чтобы

свѣтская власть присвоивака себѣ владычество надъ соборомъ, который обязанъ отчетомъ за свои дѣйствія только Богу и папѣ. Мендоса повторилъ 1 февраля императорскій протестъ на аудіенціи у папы въ собраніи кардиналовъ. Павелъ выслушалъ рѣзкія слова протеста спокойно и въ умѣренныхъ, но твердыхъ выраженіяхъ отвѣчалъ объясненіемъ неприкосновенности правъ папской власти управлять дѣйствіями собора.

Разгнѣванный упорствомъ папы и болонскаго собора, императоръ по совѣту Фердинанда рѣшился безъ содѣйствія папы устроить дѣла нѣмецкой церкви, постановить съ согласія преданнаго ему сейма временныя правила примиренія, которыя должны будутъ сохранять силу до рѣшенія религіознаго спора вселенскимъ соборомъ. Духовникъ императора Сото и другіе фанатики совѣтовали ему принудить протестантовъ къ полному возстановленію католичества; но это было невозможно, потому что содѣйствіе Морица и нейтралитетъ Іоахима Бранденбургскаго были пріобрѣтены договорами, гарантировавшими сохраненіе протестантства въ ихъ земляхъ, и были заключены такіе же договоры съ многими городами; притомъ, сѣверно-нѣмецкіе города еще не покорились, и требованіе возвратиться къ католичеству заставило бѣ ихъ упорно обороняться. Итакъ императоръ не потребовалъ замѣны лютеранскаго богослуженія католическимъ и возвращенія конфискованныхъ протестантами церковныхъ имѣній духовнымъ сановникамъ, а только принялъ мѣры, подготовлявшія это въ будущемъ. Онъ надѣялся склонить папу и прелатовъ болонскаго собора къ согласію на его политику. При одобреніи папы и тѣхъ католическихъ епископовъ, которые сами признавали необходимость преобразовать церковь, онъ могъ бы примирить съ нею нѣмецкихъ протестантовъ временными уступками, которыя были бѣ отмѣнены, когда возсоединившіеся съ папской церковью лютеране привыкли бы подчиняться папѣ и религіознымъ распоряженіямъ императора.

Въ сеймѣ императоръ не встрѣтилъ сопротивленія своей политикѣ. Когда Карлъ предложилъ сейму совѣщаться съ нимъ о примиреніи протестантовъ съ католической церковью, сеймъ предоставилъ ему выработать проектъ этого дѣла. Онъ поручилъ составленіе проекта комитету трехъ богослововъ умѣреннаго образа мыслей. Это были Юліусъ Пфлугъ, которому онъ возвратилъ епископство наумбургское, прогнавъ Амсдорфа; викарный епископъ (помощникъ) майнцаго архіепископа Гельдингъ и придворный проповѣдникъ курфирста Іоахима Йоганнъ Агрикола, человѣкъ очень расположенный угождать приказаніямъ высшихъ. Они составили временныя правила примиренія лютеранъ съ римской церковью. Этотъ актъ, называющійся аугсбургскимъ интеримомъ, былъ написанъ по всей вѣроятности почти исключительно Пфлугомъ, хотя Агрикола хвалился, что очень много участвовалъ въ его составленіи. Императоръ отдалъ представленный ему

комитетомъ трехъ нѣмецкихъ богослововъ проектъ на разсмотрѣніе своему духовнику Сото и другому испанскому богослову, Мальвенде, о которомъ упоминали. Одобренный ими проектъ былъ предложенъ императоромъ на утвержденіе сейму.

Въ догматикѣ проектъ дѣлалъ нѣкоторыя впрочемъ незначительныя уступки лютеранскимъ понятіямъ; такъ напримѣръ онъ нѣсколько смягчалъ принятыя тріэнтскимъ соборомъ формулы догматовъ о спасеніи чело-вѣка заступничествомъ церкви и о значеніи таинства эвхаристіи, замѣнивъ опредѣленные выраженія католическихъ понятій неопредѣленными. Но само собою разумѣется, вся догматика проекта имѣла католическій характеръ. Онъ требовалъ признанія папской власти, возстановленія епископской власти, признанія за церковью исключительнаго права истолковывать Священное писаніе и устанавливать истины вѣры, требовалъ возстановленія, отвергнутыхъ лютеранами богослужебныхъ обрядовъ, почитанія иконъ, соблюденія постовъ и такъ далѣе. Уступки протестантамъ ограничивались дозволеніемъ причащать мірянъ Св. Дарами подъ обоими видами, сохранить женатыхъ священниковъ и пользоваться нѣкоторыми смягченіями католическихъ правилъ въ соблюденіи постовъ.

Протестантскіе члены сейма почти безъ сопротивленія приняли предложенный императоромъ проектъ. Правда, Морицъ сказалъ, что прежде чѣмъ одобрить его долженъ посоветоваться съ своимъ областнымъ сеймомъ, а зять Филиппа Гессенскаго Вольфгангъ, пфальцграфъ цвейбрюкенскій и маркграфъ кюстринскій Іоаннъ дѣлали возраженія; но Іоаннъ и Вольфгангъ были незначительные государи, а отсрочка, которой просилъ Морицъ, была только формальностью; огромное большинство протестантскихъ государей, въ томъ числѣ курфирсты бранденбургскій и пфальцскій одобрили проектъ; но католическіе государи порицали уступки, дѣлаемыя протестантству, не хотѣли допускать ихъ въ своихъ владѣніяхъ. Вильгельмъ Баварскій, досадовавшій тогда на Габсбурговъ, объявилъ, что долженъ спросить папу, можетъ ли быть одобренъ проектъ. Папа отвѣчалъ, что не слѣдуетъ принимать этого проекта. Тогда католическое большинство сейма стало говорить противъ дозволенія причащенія мірянъ по протестантскому обряду и противъ разрѣшенія брака священникамъ. Духовникъ императора сталъ даже говорить, что не дастъ ему отпущенія грѣховъ на исповѣди (то-есть не дозволитъ ему причащаться) и едва согласился отбросить эту угрозу. Духовные курфирсты говорили, что лютеране должны вовсе отказаться отъ Аугсбургскаго исповѣданія и возвратить церковнымъ сановникамъ конфискованныя имѣнья. Императоръ принужденъ былъ согласиться, что католическіе государи не будутъ обязаны допускать въ своихъ владѣніяхъ тѣ уступки, какія даетъ протестантамъ интеримъ, что подчиненіе ему обязательно только для протестантскихъ государей и городовъ. Съ этой оговоркой интеримъ (временный законъ) былъ принятъ сеймомъ и 15-го мая (1548 года) былъ обнародованъ какъ имперскій законъ.

Аугсбургскій интеримъ подчинялъ нѣмецкихъ протестантовъ властямъ католической церкви. За исключеніемъ немногихъ лютеранскихъ земель, относительно которыхъ была установлена договорами временная уступка въ этомъ отношеніи, повсюду возстановлялась власть епископовъ. Императоръ, одолѣвъ безъ помощи папы сопротивленіе лютеранъ, хотѣлъ безъ его помощи, наперекоръ его упрямству, преобразовать католическую церковь въ Германіи такъ, чтобъ устранились главныя причины недовольства протестантовъ ею. По его порученію была составлена «формула реформации» (преобразованія католической церкви). Онъ надѣялся принудить папу къ согласію на это преобразование.

Но прежде всего ему было нужно упрочить политическое и военное владычество надъ Германіей, данное ему побѣдами. Сеймъ казался готовымъ расширить императорскую власть и сдѣлать ее наслѣдственной въ габсбургской династіи. Карлъ старался укрѣпить преданность вліятельнѣйшихъ государей ему любезностями, почестями и матеріальными выгодами.

Онъ торжественно возвелъ Морица въ санъ курфюрста саксонскаго и, въ угожденіе Іоахиму Бранденбургскому, объявилъ, что не будетъ исполненъ приговоръ, объявлявшій Альбрехта, герцога прусскаго, мятежникомъ (за признаніе Пруссіи леномъ польской короны, то есть за ея отторженіе отъ нѣмецкой имперіи). Императоръ защитилъ Фридриха, курфюрста пфальцскаго отъ притязаній Вильгельма Баварскаго, заявлявшаго, что курфюршескій санъ, принадлежащій роду Виттельсбаховъ, долженъ быть отнятъ у Фридриха и переданъ ему. Сопротивленіемъ этому притязанію Вильгельма Карлъ раздражилъ его; Вильгельмъ говорилъ о неблагодарности императора, приписывая своему содѣйствію побѣду надъ протестантами. Другой причиной досады Вильгельма было то, что по прекращеніи нейбургской линіи смертью пфальцграфа Оттона Генриха императоръ не призналъ его права наслѣдовать умершему родственнику, взялъ Нейбургъ въ свое распоряженіе, какъ выморочный ленъ, и отдалъ его потомъ герцогу Альбѣ.

Нѣмецкіе государи на аугсбургскомъ сеймѣ выказывали большую преданность императору; но не допустили исполненія того плана, которымъ онъ наиболѣе дорожилъ. Швабскій союзъ былъ, какъ мы видѣли, очень полезенъ расширенію власти габсбургскаго дома. Карлъ уже давно желалъ устроить новый союзъ въ томъ же родѣ. Онъ хотѣлъ, чтобы бывшіе члены швабскаго союза и другіе нѣмецкіе государи составили федерацію, которая имѣла бы постоянное войско; главнокомандующаго этимъ войскомъ назначалъ бы императоръ. Карлъ хотѣлъ, чтобы въ составъ союза были приняты всѣ нѣмецкія владѣнія Фердинанда. Было ясно, что войска всѣхъ другихъ членовъ союза будутъ служить только вспомогательной арміей императора и Фердинанда. Нѣмецкіе государи поняли, что они попали бы въ полную зависимость отъ Габсбурговъ, и проектъ Карла рушился.

Но вообще сеймъ былъ очень уступчивъ. Онъ молча смотрѣлъ на то, что императоръ противозаконно ввелъ въ Германію иноземныя войска, и лишь немногіе голоса просили императора удалить ихъ теперь. Карлъ нуждался въ деньгахъ; контрибуціи взятыя имъ съ протестантскихъ государей и городовъ были уже израсходованы; онъ желалъ приобрѣсти большіе постоянные доходы въ Германіи. Усердіе къ церкви не мѣшало ему захватывать ея имѣнья. Теперь онъ думалъ произвести секуляризацию ихъ въ Германіи въ очень широкомъ размѣрѣ; но сначала взялся за другое дѣло, исполнить которое было легче. Онъ потребовалъ, чтобы сеймъ опредѣлилъ собрать «запасъ» денегъ для сформированія войска, которое охраняло бы миръ. Сеймъ опасался этого войска, но согласился дать довольно большую сумму на его содержаніе.—Сеймъ предоставилъ императору назначеніе новыхъ членовъ имперскаго камеральнаго суда. Само собою разумѣется, что императоръ далъ эти должности своимъ усерднымъ слугамъ. Ему хотѣлось также поставить свои нидерландскія владѣнія подъ защиту Германіи. Сеймъ послѣ долгихъ совѣщаній исполнилъ и это его желаніе. По рѣшенію 26-го іюня (1548 года) было постановлено, что всѣ владѣнія, наслѣдованныя Карломъ отъ бургонской династіи, будутъ составлять округъ нѣмецкой имперіи, и представителемъ ихъ на сеймѣ будетъ Карлъ; эта такъ называемая прагматическая санкція обезпечила бургонскимъ его владѣніямъ защиту имперіи отъ нападеній короля французскаго.

Такимъ образомъ Карлъ въ значительной степени упрочилъ свое владычество надъ Германіей. Почти всѣ нѣмецкіе государи на аугсбургскомъ сеймѣ услужливо исполняли желанія императора. Онъ за это угощалъ ихъ пирами и награждалъ своими милостями.

2. Введеніе интерима.

Курфирстъ майнцскій отъ имени государей нѣмецкой имперіи благодарилъ императора за его заботливость объ интересахъ католической церкви. Карлъ надѣялся, что его угрозы и стоявшія по городамъ южной Германіи испанскія войска устранятъ всякое сопротивленіе интериму. Когда Морицъ и маркграфъ Іоаниъ Кюстринскій сказали, что должны испросить согласія своихъ областныхъ сеймовъ на принятіе интерима, имъ было объявлено, что рѣшенія, принятые императоромъ и нѣмецкимъ сеймомъ должны быть предметомъ не разсужденій, а исполненія; пфальцграфу Вольфгангу была даже высказана угроза занять его владѣнія испанскими войсками. Почти всѣ протестантскіе государи согласились на введеніе интерима. Ульрихъ,

герцогъ вюртембергскій, велѣлъ обнародовать и исполнять его въ своемъ герцогствѣ. Ландграфъ Филиппъ сказалъ, что не будетъ противиться его введенію въ гессенскихъ владѣніяхъ. Онъ надѣялся, что императоръ за это освободитъ его, но ошибся. Ландграфиня Христина на колѣнахъ просила Карла возвратить свободу ея мужу, но и эта мольба осталась напрасной.—Плѣнный и низложенный курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ отказался признать интеримъ. Императоръ велѣлъ отнять у него лютеранскія книги; онъ спокойно смотрѣлъ, какъ брали ихъ, чтобъ унести и сказалъ: «Чему научился я изъ нихъ, того не вырвать изъ моего сердца». Его сыновья и братъ Іоаннъ Эрнстъ Кобургскій тоже отказались признать интеримъ. Города упорно протестовали, покорялись только угрозамъ. Почти во всѣхъ надобно было смѣнять городскіе совѣты и бургомистровъ, назначать насильственными мѣрами новыхъ правителей, чтобы добиться повиновенія интериму. Такъ напримѣръ аугсбургскимъ гражданамъ императоръ объявилъ, что преобладаніе цеховъ (массы простолюдиновъ) подвергло городъ безпорядкамъ и войнѣ, и назначилъ новое правительство изъ Фуггеровъ, Вельсеровъ и другихъ патриціевъ. То же было сдѣлано въ Ульмѣ. Особенно тяжело пострадалъ Констанцъ, на который давно сердились Габсбурги; когда граждане его отказались принять интеримъ, императоръ объявилъ ихъ мятежниками, послалъ на нихъ Вивеса съ испанскимъ войскомъ; они очень храбро оборонялись; 6 августа, когда испанцы прорвались по мосту къ воротамъ, одинъ изъ гражданъ охватилъ руками двухъ испанцевъ, шедшихъ впереди и бросился съ ними въ рѣку, чтобы дать согражданамъ время затворить ворота. Наконецъ 15 октября Констанцъ принужденъ былъ сдаться Фердинанду, пришедшему съ австрійскимъ войскомъ. Въ городѣ было восстановлено католическое богослуженіе; черезъ нѣсколько времени было запрещено лютеранское. Фердинандъ отнялъ у Констанца самоуправленіе, сдѣлалъ его австрійскимъ городомъ.—Генрихъ, герцогъ брауншвейгскій, отпущенный изъ плѣна Филиппомъ, овладѣлъ своимъ герцогствомъ, восстановилъ въ немъ католичество, прогналъ вельможъ, помогавшихъ врагамъ его, разрушилъ ихъ замки.

Папа увидѣлъ надобность подчиниться волѣ побѣдоноснаго императора, послалъ къ нему легатовъ уполномоченныхъ дать разрѣшеніе на тѣ уступки, какія были сдѣланы протестантамъ въ интеримѣ и помогать императору въ произведеніи того преобразованія нѣмецкой церкви, какой онъ считалъ надобнымъ. Прелаты, находившіеся въ Болоньѣ, получили отъ папы приказаніе разѣхаться; онъ надѣялся созвать соборъ въ Римѣ, гдѣ безусловно владычествовалъ бы надъ ходомъ совѣщаній. Но это не удалось по тому, что не поправилось ни императору, ни королю французскому.—Давая свое согласіе на интеримъ, Павелъ III рассчитывалъ, что сами лютеране разстроятъ

это неприятное ему дѣло. Надежда его была основательна, но онъ не дожился до ея исполненія; онъ умеръ 10 ноября 1549 года. Кардиналъ Дель-Монте, управлявшій совѣщаніями болонскаго собора, былъ выбранъ папой и принялъ имя Юлія III. Въ это время уже было видно, что въ Германіи возобновится религіозная борьба. Карлъ считалъ всякое сопротивленіе волѣ его мятежомъ, не допуская ни малѣйшей свободы совѣсти. Въ государствахъ, въ которыхъ пользовался прочной властью, абсолютной, если не по формѣ, то на дѣлѣ, онъ свирѣпо преслѣдовалъ всякое уклоненіе отъ вѣры, которой велѣлъ держаться. Его раздражало то, что интеримъ, который былъ составленъ по его мыслямъ, встрѣтилъ въ Германіи рѣзкое порицаніе. Карлъ преслѣдовалъ лютеранскихъ священниковъ не подчинявшихся интериму. Многіе изъ нихъ бѣжали за границу, въ томъ числѣ Бунцеръ. Еще больше было число бѣжавшихъ въ Магдебургъ; оттуда расходились по всей протестантской Германіи памфлеты, сатиры, карикатуры, осмѣивавшія интеримъ. Но ходъ дѣла зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, какой оборотъ получить оно въ Саксоніи. Морицъ при возвращеніи изъ Аугсбурга встрѣтилъ дурной пріемъ; недовольство увеличилось, когда онъ сталъ исполнять волю императора. Герцогъ предложилъ интеримъ комитету саксонскаго сейма, въ который были приглашены Меланхтонъ и нѣсколько другихъ богослововъ. Комитетъ выказалъ рѣзкое сопротивленіе. Меланхтонъ написалъ разборъ интерима, выставившій на видъ несообразность его съ лютеранскимъ ученіемъ; эта брошюра была напечатана въ Магдебургѣ. Комитетъ сейма сослался на обѣщаніе Морица, что до рѣшенія религіозныхъ споровъ свободно совѣщающимся соборомъ не будетъ сдѣлано никакого измѣненія въ религіи. Морицъ увидѣлъ себя въ затруднительномъ положеніи. Императоръ требовалъ, чтобъ онъ немедленно ввелъ интеримъ, наказалъ Меланхтона и другихъ вождей оппозиціи. Но этимъ Морицъ возстановилъ бы противъ себя все населеніе, могъ бы подняться мятежъ въ пользу прежняго курфюрста, къ которому народъ сохранялъ расположеніе. Изворотливый Морицъ придумалъ средство угодить императору, не подвергая себя опасности. По смерти Лютера авторитетнѣйшимъ лютеранскимъ богословомъ былъ Меланхтонъ, человѣкъ мягкаго характера, всегда желавшій примиренія; Морицъ всегда былъ любезенъ съ нимъ, показывалъ видъ будто уважаетъ его совѣты и между прочимъ прислалъ ему изъ Аугсбурга проектъ интерима, спрашивая его мнѣнія. Все это располагало Меланхтона въ пользу Морица; притомъ онъ во многомъ не раздѣлялъ мнѣній Лютера, имѣлъ понятія менѣе узкія, былъ менѣе деспотиченъ въ религіозныхъ вопросахъ. При жизни Лютера Меланхтонъ вообще уступалъ ему въ спорахъ, чтобы не производить распада между нѣмецкими протестантами, но очень тяготился деспотическимъ фанатизмомъ своего друга (онъ высказываетъ это въ письмѣ

отъ 28 апрѣля 1548 къ главному министру Морица, Карловицу). Хитрый Морицъ сталъ просить содѣйствія Меланхтона, увѣрялъ его въ своей преданности евангельскому ученію, говорилъ о необходимости предотвратить гнѣвъ императора, просилъ передѣлать интеримъ такъ, чтобы примирить съ нимъ лютеранскихъ богослововъ. При посредничествѣ Меланхтона началъ конференціи съ другими богословами, съ комитетомъ сейма. Наконецъ интеримъ былъ передѣланъ такъ, что могъ получить одобреніе саксонскаго сейма, былъ предложенъ ему въ этой редакціи, называющейся лейпцигскимъ интеримомъ и прикрывающей всѣ тяжелыя для протестантовъ уступки католичеству туманными, двусмысленными выраженіями. Подъ давленіемъ обстоятельствъ саксонскій сеймъ принялъ лейпцигскій интеримъ.

По вопросамъ о богослуженіи лейпцигскій интеримъ дѣлалъ очень много уступокъ католичеству; Меланхтонъ всегда держался мнѣнія, что обряды не составляютъ ничего существеннаго въ религіи, что они „безразличны“, *adiaphora*. Въ догматикѣ лейпцигскій интеримъ удерживалъ всѣ существенныя черты аугсбургскаго исповѣданія, только смягчалъ ихъ снисходительностью къ католическимъ понятіямъ. Относительно устройства церкви онъ признавалъ административную власть епископовъ и папы, но подчинялъ ее вселенскому собору и дѣлалъ оговорку, что вселенскій соборъ не можетъ постановлять ничего противнаго Священному писанію, а папа и епископы должны исполнять свои административныя обязанности сообразно заповѣдямъ божіимъ.

Но хотя лейпцигскій интеримъ сохранялъ основные догматы лютеранства, прикрывая ихъ оговорками и темными выраженіями, масса населенія и въ особенности проповѣдники понимали, что онъ ведетъ къ возстановленію католичества. Протестанты негодовали, видя, что реакція производится въ томъ городѣ, который былъ колыбелью новаго ученія. Когда Морицъ, ѣздившій въ Триэнтъ представиться сыну императора, Филиппу, возвратился, лейпцигскій интеримъ былъ введенъ въ Саксоніи (въ маѣ). Сопротивлявшіеся ему подвергались преслѣдованію; многіе изъ нихъ бѣжали въ Магдебургъ. Меланхтонъ мучился раскаяніемъ въ уступчивости, подвергнувшей его всеобщему порицанію протестантовъ, у которыхъ до того времени онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ.

3. Планы Карла V.

Карлъ V стоялъ тогда на верху могущества. Онъ достигъ своей цѣли возстановить ту власть, какая принадлежала императорамъ первой половины среднихъ вѣковъ. Король французскій, занятый войной съ Англіей и досадовавшій на нѣмецкихъ протестантскихъ

государей за ихъ участіе въ походѣ императора въ Шампань, не вмѣшался въ шмалькальденскую войну. Въ Италіи національная партія, желавшая опираться на Францію, была подавлена императоромъ. Генуя и Венеція держались его политики. Власть Медичи надъ Флоренціей была восстановлена имъ; въ самомъ Римѣ Колонны были его приверженцами. Въ Испаніи соперничество грандовъ съ городами дало Карлу возможность ввести абсолютизмъ. Намѣстница нидерландовъ, сестра Карла, Марія была искусной исполнительницей его плановъ, пользуясь содѣйствіемъ Гранвеллы Младшаго, епископа arrasского, который по смерти отца занялъ первое мѣсто между совѣтниками Карла. Фердинандъ, государь австрійскихъ земель габсбургской династіи, слѣдовалъ иногда охотно, иногда по принужденію, но всегда усердно политикѣ брата, держалъ въ покорности ему южную Германію. Фердинанду необходимо было исполнять волю брата, потому что только благодаря помощи Карла онъ держался противъ турокъ, по истеченіи перемирія возобновившихъ нападенія на него въ Трансильваніи и Венгріи. Большинство нѣмецкихъ государей имѣло личную выгоду усердно помогать императору: ихъ младшіе сыновья были на его службѣ; онъ давалъ пенсіи самимъ имъ и ихъ министрамъ. Папу онъ подчинялъ себѣ, запугивая нѣмецкими протестантами, а протестантовъ держалъ въ покорности себѣ угрозою, что въ случаѣ послушанія впольнѣ восстановитъ въ ихъ земляхъ католичество.

Своихъ успѣховъ Карлъ достигъ не столько силой оружія, сколько умомъ, искусствомъ прилекать къ себѣ людей любезностью и матеріальными выгодами, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Онъ велъ много войнъ, былъ храбрый воинъ, одерживалъ много побѣдъ быстротою дѣйствій или твердостью въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; но любимымъ мѣстомъ его дѣятельности былъ не лагерь, а кабинетъ; въ немъ одержалъ онъ важнѣйшія свои побѣды. Скрытный, молчаливый, онъ, завершивъ отъ всѣхъ въ кабинетѣ, обдумывалъ планы, излагаемые ему на бумагѣ министрами, читалъ депеши, которыхъ получалъ множество и между которыми особенно цѣнилъ письма своей сестры, Маріи. Обдумавъ все самъ, онъ принималъ рѣшенія. Въ началѣ царствованія онъ подчинялся вліянію Шьевра, Гаттинары, Кобоса, но среди великихъ событій умъ его созрѣлъ, онъ сдѣлался самостоятельнымъ мастеромъ политики. Даже Гранвелла, человекъ очень умный, классически образованный, глубоко понимавшій людей и дѣла, былъ вообще только исполнителемъ его соображеній и приказаній. Онъ былъ наслѣдникомъ политическихъ правилъ своего дѣда, Фердинанда Католическаго, ученикомъ Комина и Макіавелли. Политическое искусство его времени состояло въ томъ, чтобы перехитрить противника, пріобрѣтать союзниковъ обманчивыми обѣщаніями, возбуждать соперничество между противниками, пользоваться обстоятельствами; Карлъ слѣдовалъ этимъ правиламъ, хитрилъ, коварствовалъ; но по вспыльчивости характера часто самъ разрушалъ свои льстивые обманы вспышками гнѣва, неожиданность которыхъ иногда изумляла его министровъ и иностранныхъ пословъ. Обширности и отважности его плановъ странно противорѣчила мелочность интригъ, которыми онъ хотѣлъ осуществить ихъ.

Пользуясь могуществомъ, которое дала ему побѣда надъ нѣмецкими протестантами, Карлъ желалъ теперь исполнить свой давній замыселъ: возстановить единство церкви, подчинить ее своему владычеству, стать императоромъ въ средневѣковомъ смыслѣ слова и сдѣлать императорскій санъ наслѣдственнымъ въ своей династіи. Все, казалось, благопріятствовало осуществленію этого плана. Выгодно было для Карла и то, что по смерти Павла III былъ послѣ долгихъ колебаній и интригъ выбранъ (7 февраля 1550) кардиналъ Дель-Монте, прежній предсѣдатель болонскаго собора. Лично онъ не былъ расположенъ служить императору, но Карлъ владычествовалъ теперь надъ Италіей; новый папа руководился въ своихъ дѣйствіяхъ только заботой объ интересахъ родственниковъ и сталъ угождать ему, выпрашивая милостей для нихъ. Династія Фарнезе не могла удержаться въ Пармѣ и Піаченцѣ безъ покровительства императора; Оттавіо Фарнезе, мужъ побочной дочери Карла, Маргареты, и его братъ кардиналъ Алессандро, содѣйствовавшій передъ войною заключенію союза между императоромъ и папой, забыли убійство своего отца и еще при жизни Павла III сблизились съ Гонзагой, миланскимъ намѣстникомъ императора. Когда новый папа перешелъ на сторону Карла, они вступили въ сношенія съ французами и нѣмецкими протестантами. Французская партія противилась вселенскому собору, требовала, чтобы каждой націи предоставлено было устроить церковныя дѣла по своей волѣ; но Юлій вскорѣ по своемъ вступленіи на папскій престолъ объявилъ императорскому посланнику, что согласенъ на возобновленіе засѣданій собора въ Тріэнтѣ. Нѣмецкіе протестанты, подчинившіеся интериму, ставили условіемъ своего участія въ соборѣ пересмотръ рѣшеній принятыхъ имъ; по католическому принципу непогрѣшимости церкви, нельзя было исполнить этого требованія; потому надобно было найти какой нибудь средній путь, по которому протестанты могли бы прійти къ участию въ соборѣ. Императоръ и папа согласились на желаніе нѣкоторыхъ протестантскихъ курфюрстовъ и другихъ государей, чтобы выслушаны были мнѣнія ихъ уполномоченныхъ по рѣшеніямъ, какія были приняты соборомъ. Императоръ былъ очень радъ этому обороту дѣла и справедливо считалъ торжествомъ своей политики то, что прелаты, бывшіе въ Болоньѣ возвратились въ апрѣлѣ 1551 года въ Тріэнтъ и соединились съ остававшейся тамъ императорской партіей епископовъ, которыхъ прежде называли схизматиками. Соборъ постановилъ отсрочить свои засѣданія до 1 сентября, чтобы дать нѣмецкимъ протестантамъ время пріѣхать. Императоръ далъ нунцію обѣщаніе привести въ исполненіе рѣшенія собора, не уѣзжать раньше того изъ Германіи, а протестантовъ, принявшихъ интеримъ, увѣрялъ, что соборъ внимательно выслушаетъ ихъ мнѣнія.

Карлъ считалъ покровительство католической церкви, то-есть вла-

дычество надъ нею полезнымъ для расширенія своего могущества и для интересовъ габсбургской династіи, за которой онъ хотѣлъ упрочить преобладающее положеніе въ западной Европѣ. Онъ и Фердинандъ дѣйствовали заодно; надобно было, чтобъ и дѣти ихъ держались той же политики, необходимой для обезпеченія владычества ихъ династіи надъ Европой. Потому Карлъ хотѣлъ, чтобъ его сынъ Филиппъ вмѣстѣ съ его государствами наслѣдовалъ и санъ императора, то есть владычество надъ Германіей и сюзеренную власть надъ государствами младшей линіи Габсбурговъ, а за Максимилиана, сына Фердинанда, онъ хотѣлъ отдать свою дочь Марію.

Вызвавъ теперь Филиппа изъ Испаніи въ Германію, императоръ на время его отсутствія назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Испаніи Максимилиана.—Филиппъ пріѣхалъ въ Сѣверную Италію, оттуда проѣхалъ въ Тріэнтъ; тамъ встрѣтилъ его Морицъ и вмѣстѣ съ нимъ Филиппъ отправился въ Германію подготовить свое владычество надъ ней. Императоръ созвалъ въ Аугсбургъ новый сеймъ, на которомъ хотѣлъ взять съ курфирстовъ обѣщаніе, что по его смерти они выберутъ императоромъ Филиппа. Но этотъ планъ не удался по нерасположенію нѣмцевъ къ Филиппу, мрачному и коварному, отчасти по сопротивленію Фердинанда и Максимилиана, котораго нѣмцы любили за прямоту, любезность и вѣротерпимость. Они рассчитывали, что императорскій санъ по смерти Карла перейдетъ въ ихъ линію и были раздражены намѣреніемъ Карла отнять у нихъ эту надежду. Говорятъ, что у императора были бурныя сцены съ Фердинандомъ. Марія, правительница Нидерландовъ, пользовавшаяся величайшимъ довѣріемъ обоихъ братьевъ, не разъ пріѣзжала изъ Брюсселя въ Аугсбургъ мирить ихъ, склонять Фердинанда къ уступкѣ желанію Карла. Фердинандъ наконецъ согласился, далъ обѣщаніе, что если переживетъ Карла, то будетъ помогать выбору Филиппа въ императорскій санъ. Такимъ образомъ возстановилось полное согласіе между Карломъ и Фердинандомъ, и они снова стали дѣйствовать единодушно по всѣмъ дѣламъ.

Филиппъ 25 мая поѣхалъ изъ Аугсбурга обратно въ Испанію. Отецъ проводилъ его за городъ. На дорогѣ встрѣтился имъ низложенный курфирстъ саксонскій Іоаннъ Фридрихъ, снялъ шляпу, сдѣлалъ низкій поклонъ; Филиппъ слегка приподнял шляпу, императоръ отвѣчалъ на поклонъ своего плѣнника только милостивымъ движеніемъ руки.

Карлъ воображалъ свое владычество надъ Германіей прочнымъ, но скоро стали появляться признаки того, что лютеране задумываютъ свергнуть съ себя его иго. Когда онъ пригласилъ ихъ къ участію въ тріэнтскомъ соборѣ, то уже ясно выказалось, что они намѣрены возстановить свою религіозную свободу. Многіе католики сочувствовали имъ въ желаніи возстановить національную независимость. На

аугсбургскій сеймъ 1550—1551 годовъ не пріѣхалъ ни одинъ изъ свѣтскихъ курфирстовъ. Это было рѣзкое выраженіе недовольства самовластіемъ императора. Лютеранскіе государи и города дали своимъ уполномоченнымъ на сеймѣ инструкціи, которыми ограждали свою независимость. Въ такъ называемомъ актѣ распущенія сейма (окончательномъ сводѣ его рѣшеній, получившемъ силу закона) говорилось: «Императоръ употребитъ всѣ заботы о томъ, чтобы члены сейма, принадлежавшіе прежде къ аугсбургскому исповѣданію и ихъ послы имѣли безопасный путь на соборъ и съ собора, чтобъ они были должнымъ образомъ заслушаны на немъ, чтобы совѣщанія собора и его рѣшенія были сообразны съ божественнымъ писаніемъ и ученіемъ древнихъ отцовъ церкви, чтобъ онъ произвелъ полезное преобразование духовнаго устройства и мірскихъ отношеній церкви и устранилъ всѣ неправильныя ученія и обычаи». Но протестанты нашли неудовлетворительнымъ это заявленіе, сдѣланное при окончаніи засѣданій сейма (14 февраля 1551). Меланхтонъ написалъ «саксонское исповѣданіе», въ которомъ возстановлялись всѣ ученія аугсбургскаго исповѣданія; въ томъ же духѣ были составлены записки другими лютеранскими богословами. Уполномоченный Морица саксонскаго заявилъ на сеймѣ его требованіе, чтобъ евангелическимъ богословамъ былъ данъ на соборѣ голосъ въ рѣшеніи спорныхъ дѣлъ, чтобы совѣщаніями собора руководили и предсѣдателями его были безпристрастные государи и прелаты, которые для этого должны быть освобождены отъ повиновенія папѣ, и чтобы рѣшеніе дѣлъ было передано имъ. Такимъ образомъ эта записка Морица, въ составленіи которой несомнѣнно участвовалъ Меланхтонъ, требовала, чтобы католики и протестанты были на соборѣ равноправными партіями. Ясно было, что лютеране оправились отъ робости, въ которую впали отъ военныхъ неудачъ, и готовятся свергнуть съ себя интеримъ, возстановить лютеранство въ прежнемъ его видѣ.

Императоръ не замѣчалъ опасности, возникавшей для него. Угодливость многихъ нѣмецкихъ государей ослѣпляла его. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы протестантамъ легче было принять участіе въ соборѣ, далъ охранныя грамоты ихъ уполномоченнымъ для поѣздки въ Тріэнтъ, вытребовалъ отъ собора отсрочки рѣшенія по догмату объ эвхаристіи. Когда пріѣхали на соборъ уполномоченные курфирстовъ бранденбургскаго и нѣкоторыхъ южно-нѣмецкихъ городовъ, легать, предсѣдательствовавшій на соборѣ, хотѣлъ протестовать противъ ихъ инструкцій, казавшихся папистамъ оскорбительными для римской церкви, но замолчалъ уступая требованію императорскихъ уполномоченныхъ. Посолъ Морица Саксонскаго произнесъ въ засѣданіи собора рѣчь одинаковую съ заявленіемъ, сдѣланнымъ на сеймѣ. Паписты были рады тому, что король французскій прислалъ собравшимся въ Тріэнтѣ епископамъ письмо, объявлявшее, что онъ не

признаетъ ихъ собраніе вселенскимъ соборомъ и не пришлетъ на него своихъ уполномоченныхъ. Варгасъ, Мальвенда и другіе испанскіе прелаты, исполняя волю императора, требовали, чтобы соборъ занялся устраненіемъ злоупотребленій, вкравшихся въ папскую администрацію.—Мысль о томъ, что католическая церковь нуждается въ преобразованіи была не нова между ея сановниками. По мнѣнію Карла, основой для ея преобразованія долженъ былъ служить интересъ имперіи. Онъ хотѣлъ, какъ мы говорили, подчинить церковь императорской волѣ, ограничить власть папы. Ему казалось, что онъ близокъ къ достиженію этой цѣли. Но его владычество надъ Германіей неожиданно рушилось.

4. Морицъ Саксонскій.

Императоръ воображалъ, что упрочилъ свое господство надъ Германіей, но нѣмецкіе государи тяготились его владычествомъ, опасались быть совершенно подавлены имъ; квартировавшія въ Германіи испанскія и итальянскія войска возбуждали ненависть къ императору: ихъ содержаніе было обременительно для населенія; буйство ихъ росло съ каждымъ днемъ. Притѣсненія и наказанія, какимъ подвергались протестанты, не хотѣвшіе принимать интерима, раздражали всѣхъ лютеранъ, и даже католики одинаково съ ними возмущались мыслью, что Германія станетъ провинціей испанской монархіи. Являлось много памфлетовъ, говорившихъ объ уничтоженіи Германіи испанцами. Негодованіе лютеранъ достигло высшей степени, когда Морицъ, ненавистный измѣнникъ дѣлу протестантства, принялъ на себя порученіе императора исполнить приговоръ сейма объ усмирении Магдебурга и осадилъ этотъ городъ, послѣдній пріютъ лютеранства. Протестанты восхищались подвигами храбрости магдебургцевъ, отбивавшихъ приступы, дѣлавшихъ, какъ мы говорили, удачныя вылазки. Въ саксонскомъ сеймѣ уже являлась мысль низложить Морица, передать управленіе государствомъ его брату, Августу. Когда Морицъ потребовалъ отъ саксонскихъ дворянъ, чтобы они шли съ нимъ на Магдебургъ, они отвѣчали, что не пойдутъ. Человѣкъ умный, онъ понялъ опасность своего положенія и увидѣлъ, что долженъ сойти съ пути, на которомъ покрылъ себя позоромъ и который ведетъ его къ гибели.

Вся нѣмецкая нація возмущалась тѣмъ, какъ гнусно поступаетъ Карлъ съ ландграфомъ Филиппомъ, энергичнѣйшимъ и популярнѣйшимъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей, котораго онъ заманилъ въ свои сѣти коварствомъ и держалъ подъ стражей съ варварской суровостью, не давая обѣщанія

хоть когда нибудь освободить его. Иоахимъ и Морицъ, которые своей доверчивостью къ императору вовлекли ландграфа въ это бѣдствіе, много разъ требовали его освобожденія; но Карлъ не уважалъ ихъ протестовъ. Супруга ландграфа Христина падала, какъ мы говорили, на колѣна передъ императоромъ. Старшій сынъ Филиппа Впльгельмъ вызывался идти въ темницу вмѣсто него; но Карлъ и его совѣтники Альба и Гранвелла оставались глухи ко всѣмъ просьбамъ. Грубые испанскіе солдаты неотступно стерегли ландграфа день и ночь. Они жили въ его комнатѣ и часто ночью подходили къ его постелѣ ощупывать, тутъ ли онъ. Филиппъ не имѣлъ такой апатіи, какъ Іоаннъ Фридрихъ, выражалъ негодованіе на коварство императора, и за каждую всышку гнѣва подвергался новымъ стѣсненіямъ; у него отняли врача, секретаря, служителей, не давали ему чернилъ и бумаги. Сначала императоръ возилъ его при своей главной квартирѣ. Въ январѣ 1548 его отвезли въ нидерландскую крѣпость Мехельнъ. Гессенъ подвергался самому тяжелому угнетенію; всѣ споры гессенской династіи съ сосѣдами были самовластно рѣшаемы императоромъ въ пользу ихъ; ландграфа заставили подписать убыточный договоръ. Ландграфиня Христина, сохранившая преданность мужу и по вступленіи его въ бракъ съ другой женой, занемогла отъ печали и чувствуя приближеніе смерти написала 19 марта 1549 просьбу къ императору, говорила въ ней, что теперь всѣ условія капитуляціи исполнены, потому она умоляетъ возвратитъ ей мужа по уваженію къ услугамъ, какія оказалъ императору ея отецъ, герцогъ Георгъ. И эта просьба ея осталась неисполненной. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ она умерла. Въ декабрѣ 1550 ландграфъ хотѣлъ бѣжать. Эта попытка не удалась. Два гессенца, помогавшіе ей, были повѣшены передъ глазами ландграфа. Число его иноземной стражи было увеличено. Испанскій монахъ надоѣдалъ ему убѣжденіями принять католичество. Карлъ совѣщался съ своими министрами, не отослать ли его въ Испанію, и самъ отдалъ приказаніе дѣлать всяческія непріятности плѣннику, внушить ему опасеніе, что онъ будетъ подвергнутъ пыткамъ. Ландграфъ впалъ въ меланхолію, заставлявшую бояться, что онъ сойдетъ съ ума.

Морицъ понималъ, что останется навѣки обезчещенъ, если не возстановитъ свою репутацію важной услугой протестантству. Онъ вступилъ въ сношенія съ государями, которымъ особенно ненавистенъ былъ интеримъ: маркграфомъ кюстринскимъ, герцогомъ прусскимъ, герцогомъ Іоанномъ Альбрехтомъ Мекленбургскимъ, маркграфомъ Бейрейтъ-Кульмбахскимъ и сѣверно-нѣмецкими городами. Большой удачей для его замысла было то, что ему попались въ плѣнъ начальники магдебургскихъ отрядовъ, Іоаннъ Гейдекъ и Фольрадъ Мансфельдъ. Гейдекъ, сражавшійся съ императоромъ на Дунаѣ, былъ объявленъ мятежникомъ, бѣжалъ въ Магдебургъ и главнымъ образомъ ему городъ былъ обязанъ успѣшностью своей обороны. Взявъ его въ плѣнъ, Морицъ открылъ ему свой замыселъ освободить Германію отъ ига Карла и при его посредничествѣ вступилъ въ сношенія съ Гансомъ, маркграфомъ кюстринскимъ, союзникомъ Магдебурга. Маркграфъ пріѣхалъ къ Морицу въ Дрезденъ и заключилъ съ нимъ договоръ (въ февралѣ 1551). Морицъ обѣщался начать войну съ императоромъ, для возстановленія независимости Германіи и спасенія протестантства. Онъ и маркграфъ стали дѣятельно искать союзниковъ

себѣ. Когда ландграфу Филиппу сообщили замыселъ зятя, онъ съ насмѣшкой сказалъ: «Не понимаю какъ воробей хочетъ побѣдить коршуна, отогнавъ отъ себя лучшихъ птицъ и вредя имъ». Морицъ теперь примирялся съ этими птицами. Іоахимъ Бранденбургскій былъ соединенъ съ нимъ надобностью возстановить свою честь, опозоренную вѣроломнымъ арестованіемъ ландграфа, за безопасность котораго они ручались; оба они отказались ѣхать на аугсбургскій сеймъ, пока императоръ не дастъ обѣщанія освободить ландграфа; старшій сынъ Филиппа Вильгельмъ вступилъ въ союзъ съ Морицемъ. Маркграфъ Гансъ сталъ мирить сыновей плѣннаго Іоанна Фридриха съ Морицемъ, требовавшимъ, чтобы Іоаннъ Фридрихъ обѣщался оставить за нимъ санъ курфирста. Морицъ зналъ всю хитрость испанской политики, понималъ, что императоръ, открывъ его заговоръ, можетъ освободить Іоанна Фридриха, помириться съ своимъ плѣнникомъ и что Іоаннъ Фридрихъ при содѣйствіи императора легко отниметъ свои владѣнія у хищника. Дѣйствительно, когда проникательная Марія Нидерландская и осторожный Фердинандъ разгадали замыселъ Морица и стали предостерегать брата, Карлъ сказалъ: «Я вожу на цѣпи медвѣдя; стоитъ мнѣ освободить его, и онъ задавитъ своего саксонскаго соперника». Сыновья Іоанна Фридриха дали за себя и за него обѣщаніе оставить отнятыя у него владѣнія за Морицемъ; обезпечивъ себя этимъ договоромъ, хитрецъ дѣятельно занялся приготовленіями къ войнѣ противъ императора, продолжая выказывать преданность ему. Война съ Магдебургомъ служила Морицу предлогомъ увеличивать число своего войска. Лѣтомъ 1551 года онъ отправилъ агента просить денежной помощи у англійскаго короля. Но больше всего онъ позаботился о томъ, чтобы пріобрѣсти помощь короля французскаго.—Императоръ досадовалъ на то, что почти всѣ владѣнія его родственника, герцога савойскаго, находятся въ рукахъ короля французскаго, думалъ выгнать французовъ изъ Италіи; досадовалъ на дружбу французовъ съ турками, врагами габсбургской династіи. Султанъ готовился тогда возобновить войну въ Венгріи. Мусульманскій корсаръ, котораго европейцы называли Драгуномъ, бывшій невольникъ на генуэзской галерѣ, основалъ въ африканскомъ городѣ Мегдін новое пиратское государство, велъ морской разбой въ размѣрѣ еще большемъ, чѣмъ прежде Хайреддинъ; эскадры его имѣли иногда до 40 кораблей. Іоанниты, которымъ Карлъ отдалъ Мальту, Гоццо и Триполи, постоянно заняты были войной съ нимъ, но онъ все таки грабилъ берегъ Валенсіи, гдѣ имѣлъ тайныхъ союзниковъ въ моряхахъ, генуэзскую Ривіэру и другіе берега Испаніи, Италіи. Карлъ не могъ одолѣть турокъ, пока ихъ поддерживали французы. Генрихъ II зналъ, что императоръ, упрочивъ свое владычество въ Германіи и въ Италіи, пойдетъ войной на него, потому считалъ надобностью помогать всѣмъ его противникамъ. Въ Италіи естествен-

ной союзницей короля французскаго была династія Фарнезе, у которой хотѣли отнять владѣнія императоръ и папа; въ Германіи онъ желалъ пріобрѣсти содѣйствіе протестантовъ, тяготившихся своимъ порабощеніемъ, потому любезно принялъ ихъ посла и отправилъ Жана де Фресса, епископа байоннскаго заключить договоръ съ ихъ вождемъ, Морицемъ.

Императоръ въ это время сталъ строже прежняго требовать введенія интерима. Новый канцлеръ его, Гранвелла Младшій, говорилъ: «Если нѣмецкіе государи станутъ противны императору въ дѣлахъ религіи, то Германія будетъ залита кровью, чтобы вынудить покорность императорскому повелѣнію». Карлъ все настойчивѣе и настойчивѣе хлопоталъ о томъ, чтобы власть надъ Германіей была наследована его сыномъ. Фердинандъ, разсчитывавшій стать императоромъ по смерти брата, досадовалъ на это; еще больше сердился Максимилианъ, падѣявшійся стать императоромъ послѣ отца. Морицъ былъ друженъ съ Максимилианомъ и зналъ, что помѣшавъ выбору Филиппа пріобрѣтетъ благодарность Фердинанда и Максимилиана. Взвѣсивъ всѣ шансы успѣха, Морицъ видѣлъ, что при союзѣ съ королемъ французскимъ одолѣетъ императора, которому Фердинандъ не будетъ помогать. Онъ нашелъ хорошаго посредника для окончательнаго устройства дѣла. Альбрехтъ Алквивіадъ, маркграфъ кульмбахъ—байрѣйтскій, отважный авантюристъ, бывшій, подобно Морицу, союзникомъ императора въ шмалькальденской войнѣ, поссорился съ Карломъ. Онъ пользовался любовью наемниковъ и надѣялся въ случаѣ побѣды Морица надъ императоромъ увеличить свое небольшое государство, захвативъ владѣнія сосѣднихъ епископовъ и имперскіе города. Рекомендованный Шертлиномъ королю французскому, Альбрехтъ былъ хорошо принятъ имъ и много помогъ заключенію договора между Генрихомъ и протестантскимъ союзомъ, главою котораго былъ Морицъ. Этотъ трактатъ былъ подписанъ въ Фридевальдѣ 5-го октября 1551 и ратификованъ Генрихомъ II въ Шамбрѣ 15-го января 1552. Король французскій обѣщался дать Морицу и его союзникамъ большое денежное пособіе на войну съ императоромъ; они обѣщались при слѣдующемъ выборѣ императора отдать голоса Генриху или кандидату, котораго онъ будетъ поддерживать, и дали свое согласіе на то, чтобы онъ занялъ имперскіе города, Мецъ, Туль, Вердёнъ и Камбрэ, населеніе которыхъ было французской національности; города эти должны были оставаться принадлежащими къ нѣмецкой имперіи; король французскій долженъ былъ считаться только императорскимъ викаріемъ въ нихъ.

Меланхтонъ отклонялъ Морица отъ дружбы съ королемъ французскимъ. Когда обнаружилось, что Морицъ и его союзники отдали Генриху имперскіе города, ихъ стали горько порицать за это. Разумѣется, нельзя хвалить Морица, коварно обманувшаго протестантовъ и съ

такимъ же коварствомъ измѣнившаго теперь императору. Но должно сказать, что онъ былъ лишь ученикомъ Карла въ вѣроломствѣ. А другіе нѣмецкіе государи, заключившіе тогда союзъ съ Генрихомъ, могутъ быть отчасти оправдываемы тѣмъ, что дѣло шло о восстановленіи независимости Германіи. Карлъ самъ былъ виноватъ въ томъ, что они приняли помощь короля французскаго: Карлъ сталъ врагомъ Германіи, его владычество надъ нею было порабощеніемъ ея испанскому игу.

Ведя переговоры съ Генрихомъ, Морицъ продолжалъ осаду Магдебурга, но очень слабо; она только служила ему предлогомъ держать большое войско, не возбуждая подозрѣній императора. Заключивъ договоръ съ Генрихомъ, онъ черезъ Гейдеки увѣрилъ гражданъ Магдебурга, что оставитъ имъ свободу исповѣданія; они признали его своимъ бургграфомъ; онъ 9 ноября вступилъ въ Магдебургъ, и поставилъ свой гарнизонъ въ этой крѣпости, въ которой могъ, при неудачѣ похода противъ императора, найти убѣжище себѣ. Не распуская войска послѣ этого, онъ обманывалъ императора увѣреніемъ, что дѣлаетъ такъ лишь потому, что еще не имѣетъ денегъ расплатиться съ наемниками.

Зимою онъ сообщилъ саксонцамъ и гессенцамъ, что хочетъ силой оружія вынудить у императора освобожденіе Іоанна Фридриха и Филиппа, потребовалъ на это денегъ и войска отъ сеймовъ саксонскаго и гессенскаго. Гессенскій сеймъ охотно исполнилъ его желаніе, саксонскій—послѣ нѣкотораго противорѣчія. Король французскій собиралъ большое войско. Карлъ жилъ тогда въ Инсбрукѣ, по содѣйствію съ Тріэнтомъ, слѣдя за ходомъ дѣлъ на соборѣ. Онъ не имѣлъ при себѣ войска. Ему доносили о замыслѣ Морица, о переговорахъ протестантскихъ государей съ Генрихомъ; но онъ и Гранвелла не вѣрили или не придавали важности этимъ слухамъ. Хитрецъ Морицъ умѣлъ разсѣивать подозрѣнія императора: пировалъ, охотился, волочился за женщинами, такъ что казалось, что онъ думаетъ только о веселостяхъ и любовныхъ интригахъ. Карлъ приглашалъ его въ Инсбрукъ; онъ обѣщался пріѣхать; но встрѣчались разныя задержки, потому онъ и медлилъ ѣхать, какъ онъ объяснялъ. Тріэнтскій соборъ рѣшилъ выслушать протестантскихъ богослововъ;—имъ даны были охранныя грамоты; Меланхтонъ съ двумя другими саксонскими богословами поѣхалъ въ Тріэнтъ. Карлъ былъ спокоенъ, воображая, что нѣмецъ не можетъ перехитрить его; онъ говорилъ: «Дураки, пьяницы нѣмцы неспособны такъ хитрить». Требованіе Морица, чтобъ освобождены были Іоаннъ Фридрихъ и Филиппъ онъ считалъ только формальностью, которою Морицъ обманываетъ протестантовъ; чтобъ успокоить ихъ, императоръ велѣлъ своему гофмаршалу говорить, что Іоаннъ Фридрихъ и Филиппъ скоро будутъ освобождены; а чтобъ это не казалось уступкой угрозѣ, сказалъ,

что если хотять силой заставить его освободить Филиппа, то онъ разрубить Филиппа пополамъ и пошлетъ одну половину курфирсту бранденбургскому, другую Морицу. Тѣ войска, которыя собиралъ король французскій, императоръ считалъ предназначенными для войны съ нимъ въ Италіи и въ Нидерландахъ, не предполагалъ, что они пойдутъ на востокъ, и что нѣмцы будутъ дѣйствовать за одно съ ними.

Но скоро Карлъ увидѣлъ, что надъ нимъ собирается гроза, которой онъ не ожидалъ и ужъ не можетъ отвратить. Въ мартѣ (1552 года) одновременно двинулись саксонскія и гессенскія войска. Сынъ Филиппа, Вильгельмъ, перешелъ Рёнъ, Морицъ Тюрингскій лѣсъ; они соединились въ Бишофстеймъ; въ Ротенбургъ къ нимъ присоединился съ третьимъ войскомъ маркграфъ Альбрехтъ. Они обнародовали манифестъ, объявлявшій, что взяли за оружіе для избавленія Германіи отъ «скотскаго наслѣдственнаго рабства», которое наложилъ на нее властелинъ, прикрывающій заботой о церковномъ единствѣ свое самовластіе, угнетающій страну иноземнымъ войскомъ, «высасывающимъ кровь изъ всѣхъ», подвергающій нѣмцевъ безчестью отказомъ освободить ландграфа; такого позора нельзя выносить дольше; кто будетъ помогать государямъ, рѣшившимся свергнуть это тяжелое иго, найдутъ у нихъ дружбу и защиту; кто воспротивится имъ, тѣхъ накажутъ они огнемъ и мечомъ. Въ началѣ апрѣля союзники подошли къ Аугсбургу, угнетаемому своимъ католическимъ правительствомъ. Граждане собрались и объявили, что не хотять подвергать себя осадѣ; испанскій гарнизонъ ушелъ, отрядъ войска союзниковъ вступилъ 4 апрѣля въ городъ, радостно привѣтствуемый населеніемъ, возстановившимъ у себя протестантское богослуженіе. — А французы между тѣмъ вошли въ Лотарингію и начали войну, о которой мы расскажемъ ниже.

Въ шмалькальденской войнѣ протестанты погубили себя вялостью и безсистемностью дѣйствій. Морицъ дѣйствовалъ иначе. На свиданіи съ Фердинандомъ въ Линцѣ 18 апрѣля онъ условился объ основаніяхъ религіознаго мира, и было рѣшено созвать на 26 мая съѣздъ нѣмецкихъ государей въ Пассау «для прекращенія бѣдствій нѣмецкой націи». А между тѣмъ войска Морица двигались впередъ; онъ повелъ ихъ къ Инсбруку, перешелъ тирольскую границу, разсѣялъ малочисленное императорское войско при Рейте, взялъ штурмомъ Эренбергскій горный проходъ, отрѣзалъ этимъ Карлу путь изъ Инсбрука въ Нидерланды. Извѣстія объ успѣхахъ Морица произвели переворотъ въ ходѣ дѣлъ тріэнтскаго собора. Бывшіе тамъ духовные нѣмецкіе государи спѣшили возвратиться въ свои владѣнія; представители протестантскихъ государей, возбуждавшіе своими возраженіями бурныя сцены на соборѣ, тоже уѣхали; папа 28 апрѣля отсрочилъ засѣданія собора, и участники его торопливо разѣхались, опасаясь

быть захвачены Морицемъ; Легатъ Кретенціо, больной старикъ, бѣжалъ въ Верону и умеръ тамъ.—Меланхтонъ и его товарищи, медленно ѣхавшіе въ Тріэнтъ, и доѣхавшіе еще только до Нюрнберга, возвратились домой.—Императоръ думалъ уйдти въ Нидерланды, но взятіе Эренбергскаго дефілѣ отрѣзало ему путь туда, какъ мы говорили. Трудно было ему уйти и въ Италію, опасно идти черезъ нее, потому что должно было ожидать тамъ возстаній противъ его владычества; а еслибъ ему и удалось достигнуть моря, отплыть въ Испанію, должно было опасаться, что его захватятъ въ плѣнъ французскіе корабли или африканскіе корсары. Онъ безпомощно оставался въ Инсбрукъ, не имѣя ни войска, ни денегъ. Перемиріе, заключенное въ Линцѣ Морицемъ съ Фердинандомъ, приближалось къ концу. Морицъ могъ нѣсколькими форсированными переходами окружить Инсбрукъ и «поймать старую лисицу въ ея норѣ». Къ счастью Карла, ландскнехты Морица произвели въ лагерьъ безпорядокъ, не получивъ требуемой награды, и нѣсколько дней не хотѣли идти впередъ. Это дало императору время спастись бѣгствомъ. Онъ объявилъ Іоанну Фридриху, что освобождаетъ его, и ночью 19 мая бѣжалъ черезъ покрытыя снѣгомъ тирольскія горы по пути въ Каринтію. Онъ страдалъ подагрой, не могъ сѣсть на лошадь; его несли въ носилкахъ. Дождь и буря гасили факелы; нѣсколько всадниковъ упали въ пропасти. Іоаннъ Фридрихъ поѣхалъ вмѣстѣ съ отступающимъ императорскимъ войскомъ; онъ ненавидѣлъ Морица и говорилъ, что если императоръ прекратитъ свою вражду противъ протестантскаго исповѣданія, то легко привлечетъ нѣмецкій народъ на свою сторону; въ доказательство своей вѣротерпимости, онъ долженъ объявить, что возвращаетъ Герману Виду курфиршество кѣльнское, а самому Іоанну Фридриху отнятыя у него владѣнія. Но императоръ думалъ теперь ужъ о примиреніи съ Морицемъ, который былъ сильнѣе его. Морицъ 23 мая вступилъ въ Инсбрукъ, отдалъ въ добычу своимъ ландскнехтамъ все имущество испанцевъ, оставшееся въ этомъ городѣ, но запретилъ касаться собственности гражданъ и Фердинанда.

5. Пассаускій договоръ.

Карлъ былъ упоренъ въ своихъ планахъ; когда обстоятельства принуждали его уступать противникамъ, онъ лишь отсрочивалъ исполненіе своихъ замысловъ до болѣе благопріятнаго времени, и старался приблизить его, ссоря враговъ, склоняя нѣкоторыхъ изъ нихъ измѣнить другимъ. Такъ дѣйствовалъ онъ и теперь. Онъ далъ Фердинанду полномочіе вести съ Морицемъ переговоры о перемиріи; но

хотѣлъ этимъ только выиграть время, собрать войско, обмануть и побѣдить противника. Морицъ не согласился остановить военныя дѣйствія до рѣшенія дѣла съѣздомъ государей, который соберется въ Пассау и быстрыми своими движеніями разрушилъ хитрости Карла. Только увидѣвъ себя въ безпомощномъ положеніи, Карлъ уполномочилъ Фердинанда вести переговоры о мирѣ, но предоставилъ себѣ окончательное рѣшеніе дѣла. Онъ не довѣрялъ брату, сердился на Максимилиана, уговарившаго свою жену (Марію) потребовать у отца недоданную имъ сумму приданого; онъ зналъ, что Максимилианъ друженъ съ Морицемъ, что и самъ Фердинандъ сталъ въ такія отношенія къ Морицу, которыя свидѣтельствовали, что онъ радъ униженію старшаго брата. Дѣйствительно, оно было выгодно для Фердинанда, разрушая планъ Карла передать Филиппу императорскій санъ, который надѣялся получить Фердинандъ. Но при всемъ недовѣріи къ младшему брату, императоръ принужденъ былъ просить его о посредничествѣ.

Перемиріе было заключено; въ іюнѣ Фердинандъ, Морицъ, другіе курфирсты, герцоги Вюртембергскій, Клевскій, Баварскій, многіе другіе государи пріѣхали или прислали уполномоченныхъ въ Пассау для установленія мира въ Германіи. Король французскій досадовалъ на переговоры, угрожавшіе остановкою его завоеваніямъ; но прислалъ своего уполномоченнаго, Фресса, участвовать въ нихъ. Нѣмецкіе государи были проникнуты желаніемъ прекратить религіозныя войны. Католики были убѣждены опытомъ, что отъ папы нельзя ждать примиренія съ протестантами, что лютеранство не можетъ быть подавлено; государи обѣихъ религіозныхъ партій понимали теперь, что единодушіе необходимо для спасенія Германіи, что иноземцы мѣшаютъ ему. Потому они рѣшили не допускать никакого иноземнаго вмѣшательства въ свои совѣщанія; французскій посланникъ даже мало и зналъ о ходѣ ихъ; послы императора и папы были устранены отъ участія въ переговорахъ; нѣмецкіе государи рѣшили покончить дѣло исключительно по своей волѣ. Католики желали мира. Глава фанатической партіи, герцогъ Вильгельмъ баварскій, умеръ въ 1550 году; преемникъ его, Альбрехтъ, былъ человѣкъ умѣреннаго образа мыслей. Пониманію потребности внутренняго мира много содѣйствовали опасности, угрожавшія Германіи: Фердинандъ нуждался въ помощи нѣмцевъ для отраженія турокъ, возобновившихъ войну; рейнскіе курфирсты были запуганы приближеніемъ французскихъ войскъ къ ихъ границамъ. Морицъ говорилъ, что пріиметъ на себя посредничество между императоромъ и королемъ французскимъ, если нѣмецкія дѣла будутъ устроены.

Опытъ показалъ, что аугсбургскій интеримъ не можетъ дать мира Германіи, что надобно возвратиться къ тому положенію дѣлъ, какое было установлено на шпейерскомъ сеймѣ въ 1544 году, когда импера-

торъ предоставилъ лютеранамъ свободу исповѣданія. Они были теперь побѣдители и могли бы требовать большаго, но выказали умѣренность, объявивъ, что удовольствуются этимъ. Пассаускій съѣздъ рѣшилъ, что до возстановленія религіознаго единства вселенскимъ или національнымъ нѣмецкимъ соборомъ, совѣщаніемъ богослововъ или сеймомъ, предоставляется свобода вѣры послѣдователямъ аугсбургскаго исповѣданія. Эта свобода предоставлялась собственно членамъ нѣмецкаго сейма, государямъ и имперскимъ городамъ; то есть, каждому правительству, держащемуся аугсбургскаго исповѣданія, была гарантирована неприкосновенность лютеранства въ его владѣніяхъ. Государи, совѣщавшіеся въ Пассау, постановили, что интеримъ отмѣняется, что императоръ долженъ освободить ландграфа гессенскаго, что всѣ, кого онъ во время шмалькальденской войны объявилъ мятежниками, возстановляются во всѣхъ своихъ правахъ, что всѣ споры по поводу религіозныхъ дѣлъ передаются на рѣшеніе сейма. Католики и протестанты, постановившіе эти рѣшенія, обязались общими силами усмирять всякаго, противящагося принятому ими соглашенію.

Маркграфъ кульмбахскій во время войны съ императоромъ принудилъ городъ Нюрнбергъ и епископовъ бамбергскаго и вюрцбургскаго заключить договоры, по которымъ они уступали ему много владѣній и обязывались заплатить большія контрибуціи. Онъ хотѣлъ теперь, чтобъ эти договоры были утверждены совѣщавшимися въ Пассау государями; получивъ отказъ, онъ объявилъ, что не принимаетъ пассаускаго соглашенія. Генрихъ брауншвейгскій тоже былъ недоволенъ рѣшеніемъ пассаускаго съѣзда по его ссорамъ съ вельможами и городами его герцогства.

Склонить императора къ принятію пассаускаго договора было очень трудно. Но и союзники Морица не желали мира. Онъ поѣхалъ въ свой лагерь уговаривать ихъ, а государи пассаускаго съѣзда отправили къ императору настойчивую просьбу принять составленный ими договоръ, и Фердинандъ самъ поѣхалъ къ брату въ Виллахъ доказать ему, что онъ долженъ согласиться. Карлъ думалъ, что его положеніе не безнадежно; полагалъ, что можетъ привлечь на свою сторону Альбрехта кульмбахскаго, негодовавшаго на пассаускій договоръ, ходившаго съ большимъ наемнымъ войскомъ по Франконіи, продолжавшаго грабить владѣнія своихъ враговъ. Императоръ надѣялся также, что если объявитъ Морица лишеннымъ курфиршества, то бывшіе подданные Іоанна Фридриха будутъ помогать своему прежнему государю отнять владѣнія у хищника. Фердинандъ доказывалъ брату, что если онъ возобновитъ войну, то католическіе государи не будутъ помогать ему, и онъ будетъ окончательно побѣжденъ. Карлъ остался упрямъ, говорилъ, что интеримъ, установленный сеймомъ, можетъ быть отмѣненъ только сеймомъ, отказался принять пассаускій договоръ, сталъ готовиться къ войнѣ. Фердинандъ, опечаленный, возвра-

тился въ Пассау Морицъ, рѣшилъ немедленно возобновить военныя дѣйствія и пошелъ на Франкфуртъ. Но тамъ стоялъ сильный гарнизонъ и отбилъ его нападенія (25 и 26 іюля).—Государи, продолжавшіе совѣщаться въ Пассау, сдѣлали въ угожденіе императору перемѣну въ своемъ договорѣ: по ихъ новому соглашенію, вѣротерпимость устанавлилась только на время, до рѣшенія сейма; такимъ образомъ, императоръ могъ пайти себѣ то утѣшеніе, что дѣло, согласно съ его словами, передастъ сейму. Эта новая редакція договора была прислана Морицу и его союзникамъ въ лагерь подъ Франкфуртомъ; союзники послѣ жаркихъ споровъ согласились на убѣжденія Морица принять ее (29 іюля). Только Альбрехтъ Кульмбахскій и Генрихъ Брауншвейгскій остались при своемъ отказѣ примириться съ врагами. Альбрехтъ пошелъ на Рейнъ, грабитъ духовныхъ государей, взялъ большую контрибуцію съ епископа вормскаго, сжегъ архіепископскіе дома въ Майнцѣ, разграбилъ монастыри въ Трирѣ, граждане котораго отворили ему ворота.

Императоръ отвергъ и новую редакцію договора. Фердинандъ былъ очень раздосадованъ этимъ, потому что Морицъ обѣщался по примиренію между нѣмцами идти съ нимъ въ Венгрію, вести туда все свое войско для отмщенія туркамъ, вѣроломно перерѣзавшимъ темешварскій гарнизонъ. Упрямство императора разстроивало этотъ походъ. Фердинанду удалось наконецъ вразумить брата, доказать ему, что онъ повредитъ себѣ возобновленіемъ войны. Императоръ 15 августа подписалъ договоръ, «изъ уваженія къ Фердинанду», какъ выражался онъ.

Въ глубинѣ души Карлъ вѣроятно сохранялъ замыселъ возстановить свое прежнее владычество надъ Германіей, но сталъ показывать видъ, что желаетъ соблюдать миръ съ своими побѣдителями. Прощаясь въ Аугсбургѣ съ Іоанномъ Фридрихомъ, уѣзжавшимъ въ оставленное за нимъ государство, императоръ взялъ съ него и сыновей его обѣщаніе соблюдать договоры съ Морицемъ, не дѣлать попытокъ возвратитъ себѣ утраченныя владѣнія. Іоаннъ Фридрихъ, терпѣливо, твердо выносившій свой плѣнъ, былъ встрѣченъ подданными съ радостью; они чтили его, какъ мученика за вѣру. Ландграфъ Филиппъ тоже былъ освобожденъ, возвратился въ свою столицу, Кассель, и помолился надъ могилой Христины, сохранявшей преданность ему, повѣнчавшемуся съ другой женщиной. Маргарета фонъ деръ Заль стала теперь ландграфиней.—Филиппъ много повредилъ протестантству своимъ двоеженствомъ. Но онъ былъ честный, правдивый человекъ. Онъ говорилъ: «Я не умѣю лгать; да и нехорошо это». Одинъ изъ министровъ Карла писалъ о немъ императору: «Я нашелъ въ этомъ государѣ два качества: первое—правдивость; что онъ говоритъ и дѣлаетъ, все это у него прямодушно: у него нѣтъ того, чтобы говорить одно, а думать другое; второе его качество—

постоянство; у него не бываетъ, чтобъ нынѣ онъ дѣлалъ или говорилъ одно, а завтра не то». Филиппъ говорилъ: «кто поступаетъ противъ Бога и совѣсти, навлекаетъ на себя вѣчную дурную память въ исторіи». Послѣ тяжелыхъ страданій, онъ провелъ остатокъ жизни спокойно.

XXI. ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ ПРАВЛЕНІЯ КАРЛА V.

1. Походы Альбрехта кульмбахскаго. Смерть Морица.

Императоръ подписалъ пассаускій договоръ лишь по необходимости, съ намѣреніемъ нарушить его при первой возможности; потому не заботился прекратить въ Германіи раздоры; онъ надѣялся воспользоваться ими для ея покоренія. Но прежде всего ему надобно было обратить свои силы противъ короля французскаго.

Карлу невыносима была мысль, что французы отняли у него нѣсколько областей, принадлежавшихъ нѣмецкой имперіи. Герцогство лотарингское фактически давно стало независимымъ отъ императоровъ, но юридически оставалось имперскимъ леномъ. Епископы мецкій, тульскій и вердѣнскій, владѣнія которыхъ лежали въ герцогствѣ лотарингскомъ, были князья нѣмецкой имперіи, получили инвеституру отъ императора; Мецъ, Туль и Вердѣнъ были имперскіе города, подвластные только императору и признавшіе своей высшей судебной инстанціей имперскій камеральный судъ. Граждане Меца оставались неизмѣнно преданы нѣмецкой имперіи. Морицъ, покупая помощь Генриха II согласіемъ на занятіе Меца, Туля и Вердѣна французскими войсками, дѣлалъ оговорку, что эти города будутъ заняты французами лишь „на время“ и останутся принадлежащими къ нѣмецкой имперіи. Генрихъ II передъ походомъ въ Лотарингію обнародовалъ на нѣмецкомъ языкѣ манифестъ, говорившій: до короля дошли тяжкія жалобы многихъ князей и другихъ почтенныхъ людей нѣмецкой націи, угнетаемыхъ несноснымъ тиранствомъ императора, поработаемыхъ имъ; ихъ бѣдствія обращаются во вредъ Франціи, потому что нѣмецкая нація—крѣпкій оплотъ всего христіанства; по этой причинѣ король не отказалъ въ своей помощи нѣмецкимъ государямъ и другимъ членамъ имперіи, заключилъ съ нимъ союзъ и твердо рѣшилъ защищать ихъ всѣми своими силами, не щадя и собственной жизни; единственная цѣль его—охранять свободу нѣмецкой націи, избавить ея государей отъ бѣдственного рабства, въ которое поставлены они, освободить Іоанна Фридриха, герцога саксонскаго, и Филиппа, ландграфа гессенскаго, отъ продолжительнаго плѣна и тѣмъ пріобрѣсти безсмертное имя, какъ нѣкогда прославилъ себя Фламиніусъ освобожденіемъ Греціи; пусть никто не опасается отъ него насплія, потому что онъ предпринялъ войну лишь для возвращенія всѣмъ утраченныхъ ими имуществъ, правъ и свободы. Онъ называлъ себя въ заглавіи манифеста „спасителемъ нѣмецкой свободы и плѣнныхъ государей.“—Морицъ и его союзники, какъ мы говорили, согласились, чтобы Генрихъ на время занялъ Мецъ, Туль и Вердѣнъ, какъ викарій нѣмецкой имперіи, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ имперіи надъ этими городами. Генрихъ дѣлалъ приговора къ войнѣ. Одновременно съ тѣмъ, какъ Морицъ пошелъ на императора, коннетабль Монморанси повелъ многочисленное войско въ

Лотарингію; онъ покорилъ Туль, Вердёнъ, Нанси. По случаю смерти герцога Франциска (умершаго въ 1545 году) правила за малолѣтняго сына, Карла, герцогиня Христина, племянница императора; Монморанси отнялъ у нея регентство, передалъ управленіе герцогствомъ графу Водемону, усердному слугѣ короля французскаго, поставилъ гарнизонъ въ Нанси, отослалъ малолѣтняго герцога въ Парижъ (впослѣдствіи связь Лотарингіи съ Франціей была упрочена женитьбой Карла на дочери короля, Маргаретѣ). Оставалось овладѣть Мецемъ, сильной крѣпостью. Это было трудно, потому что населеніе города рѣшилось упорно сопротивляться. Но французы безъ труда покорили Мецъ хитростью, какъ въ слѣдующемъ столѣтіи Страсбургъ. Католическое духовенство города желало отдаться подъ покровительство короля французскаго, усерднаго католика, опасалось нѣмецкаго сейма, въ которомъ было много протестантовъ. Епископъ Робертъ при помощи нѣсколькихъ патриціевъ сформировалъ въ городскомъ совѣтѣ французскую партію. Получивъ увѣренность въ ея поддержкѣ, коннетабль потребовалъ дозволенія провести войско черезъ Мецъ; французская партія уговорила горожанъ согласиться, чтобы прошелъ черезъ крѣпость коннетабль съ небольшимъ отрядомъ. Этого было достаточно. Когда ворота были отворены, французы пошли въ нихъ отрядъ за отрядомъ. Горожане стали говорить коннетаблю, что дозволили идти только одному отряду; Монморанси притворился досадующимъ, что войско идетъ черезъ городъ безъ его приказанія, но прибавилъ, что бѣды городу отъ этого не будетъ: войско только „пройдетъ“ черезъ него. Когда все оно вошло, Монморанси поставилъ солдатъ на квартиры у горожанъ, и закончилъ комедію трагедіей: подъ вымышленнымъ предлогомъ, онъ пригласилъ къ себѣ тѣхъ членовъ городского совѣта, которые не желали отдать городъ французамъ, убилъ своей рукой старшаго изъ нихъ, а тѣлохранители его изрубили другихъ. Въ Мецъ пріѣхалъ (18 апрѣля 1552) король, „защитникъ священной римской имперіи“, какъ называла его надпись на триумфальныхъ воротахъ. На просьбу городского совѣта о сохраненіи правъ города, онъ далъ отвѣтъ: „Я буду поступать съ вами, какъ съ моими“. Это значило, что онъ оставитъ за ними лишь тѣ права, какія имѣютъ другіе его подданные. Онъ надѣялся овладѣть и Страсбургомъ, довелъ войско до Цаберна; но страсбургцы выказали рѣшимость обороняться, и онъ удовольствовался тѣмъ, что ему дозволили пріѣхать съ небольшою свитой въ городъ и угостили его. Онъ предложилъ государямъ рейнскихъ земель составить союзъ подъ покровительствомъ Франціи. Но рейнскіе курфирсты и другіе государи, собравшіеся въ Вормсѣ, отвѣчали на это рѣшительнымъ отказомъ и заявленіемъ, что останутся вѣрны имперіи, а заключеніе пассаускаго договора отняло у него надежду на легкіе успѣхи; онъ сказалъ посламъ вормскаго съѣзда, что считаетъ исполненнымъ свое обѣщаніе защитить нѣмецкую имперію и выведетъ войско изъ Лотарингіи. На обратномъ пути онъ опустошилъ герцогство люксембургское. Епископства мецское, тульское и вердѣнское остались заняты французами, города Мецъ, Туль и Вердёнъ были присоединены къ Франціи; такимъ образомъ у нѣмецкой имперіи было отнято 50 квадратныхъ миль съ 300.000 населенія. Въ особенности важно было для французскаго короля пріобрѣтеніе Меца, опорнаго пункта для обороны Франціи и для нападений на Германію. Онъ назначилъ коммendanтомъ этой крѣпости человека, способнаго энергически защищать ее, герцога Франсуа Гиза. Герцогъ поправилъ, увеличилъ укрѣпленія Меца, собралъ въ немъ сильный гарнизонъ. По трактату съ Морицемъ, Мецъ, Туль и Вердёнъ были отданы Генриху, „на время“. Императоръ по заключеніи пассаускаго договора потребовалъ, чтобы король вывелъ свои войска изъ этихъ городовъ. Онъ отвѣчалъ от-

казомъ. Карлъ пошелъ къ Мецу; но шелъ медленно; Гизъ имѣлъ время приготовиться къ оборонѣ. Карлъ подступилъ къ Мецу осенью. Альбрехтъ Кульмбахскій, послѣ пассаускаго договора грабившій, какъ мы говорили, духовныхъ государей по Рейну, и вскорѣ поступившій съ большимъ войскомъ ландскнехтовъ на французскую службу, могъ бы сильно вредить Карлу; но къ счастью для него поссорился съ французами; разсердившись на нихъ, неожиданнымъ нападеніемъ захватилъ въ плѣнъ герцога Омальскаго (брата герцога Гиза) и отослалъ его въ свою крѣпость Плассенбургъ; предложилъ свои услуги императору, былъ представленъ ему Альбой въ лагерь подъ Мецемъ, получилъ отъ него большія обѣщанія и поступилъ на его службу. Осада Меца началась въ октябрѣ (1552 года). Ею управлялъ герцогъ Альба. Она была трудна. Гизъ выгналъ изъ города всѣхъ жителей, неспособныхъ помогать оборонѣ, всѣхъ способныхъ взялъ въ службу, отдавъ ихъ подъ вѣдомство военнаго суда, сжегъ всѣ сосѣдніе селенія, чтобъ отнять у непріятеля всякія удобства. Императоръ самъ стоялъ подъ Мецемъ; численность войска его, съ наемниками Альбрехта и нидерландскимъ корпусомъ графа Эгмонта, простиралась до 40.000 человекъ пѣхоты и 10.000 конницы. Но осада шла безуспѣшно. Гизъ задымлялъ бреши, строилъ позади ихъ новыя укрѣпленія. Осеннія непогоды, потомъ морозы суровой зимы губили осаждающихъ, въ особенности испанцевъ и итальянцевъ; топлива для костровъ было мало, тысячи солдатъ замерзали; еще больше умирало отъ появившихся въ лагерь эпидемическихъ болѣзней. Половина арміи погибла. Въ январѣ (1553 года) Карлъ принужденъ былъ отступить. Онъ пошелъ въ Тіонвилль. Отступление скоро превратилось въ бѣгство. Всѣ дороги были покрыты мертвыми и умирающими людьми и лошадьми, брошенными фурами обоза, брошеннымъ оружіемъ. Французы забирали плѣнныхъ и добычу.—Епископъ мецскій, слуга короля, получилъ свѣтскую власть надъ городомъ, назначилъ новый городской совѣтъ и всѣми силами помогалъ королю сдѣлать Мецъ французскимъ городомъ. вмѣстѣ съ независимостью погибло въ Мецѣ и протестантство; у жителей отнимали и жгли лютеранскія книги. Императоръ былъ подавленъ своей неудачей, которую приписывалъ недостатку стратегическаго искусства у герцога Альбы. Нѣмцы, играя словами, насмѣшливо пѣли.:

Die Metz und die Magd (то есть, Магдебургъ)
Haben dem Kaiser den Tanz versagt.

„Дѣвка (распутная) и дѣвица (честная) отказались танцевать съ императоромъ“.—Такимъ образомъ имперія навсегда утратила свой сильный оплотъ въ Лотарингіи, Мецѣ. Духовенство и вельможи этого города были рады что присоединились къ Франціи; граждане долго печалились о потерѣ самоуправленія. Много разъ они усилъвали наперекоръ строгому надзору французскаго начальства посылать нѣмецкому сейму просьбы о восстановленіи ихъ свободы и принадлежности къ нѣмецкой имперіи; но Габсбурги думали только о своихъ династическихъ выгодахъ, другіе нѣмецкіе государи ссорились между собою и Мецъ остался подъ французскою властью. Впрочемъ и онъ и Туль, Вердёнъ и владѣнія епископовъ этихъ городовъ до самаго вестфальскаго мира считались принадлежащими къ имперіи; но это была только фикція, и ея отмѣна вестфальскимъ миромъ была лишь формальностью.

Междоусобіе, возбужденное въ Германіи стремленіемъ Карла поработить ее, произвело дурные результаты и на востокѣ, какъ на за-

падѣ. Пользуясь этимъ раздоромъ, турки взяли Темешваръ, овладѣли Банатомъ, дошли до Эрлау. Милиція ципскаго комитата, составлявшая гарнизонъ этой крѣпости, храбро оборонялась. Пришелъ наконецъ Морицъ съ нѣмецкимъ войскомъ. Турки отступили отъ Эрлау. Подвластные туркамъ африканскіе корсары грабили итальянскіе берега и острова. При возобновленіи войны императора съ Франціей, ободрились противники испанскаго владычества въ Неаполѣ, Тосканѣ, Генуѣ; изгнанники возвратились, подготавливали возстанія. Сіэна прогнала императорскій гарнизонъ, отдалась подъ покровительство Франціи; въ Пармѣ и Мирандолѣ французская партія усиливалась; герцогъ салернскій, глава неаполитанской аристократіи поссорился съ вице-королемъ, сталъ формировать французскую партію. На тосканскомъ морѣ крейсировалъ французско-турецкій флотъ; Драгутъ безнаказанно занимался своимъ разбойничьимъ ремесломъ. Испанское владычество надъ Италіей колебалось. Карлъ въ досадѣ проникся подозрѣніемъ противъ усерднѣйшихъ слугъ своихъ въ Италіи: Мендоса, посланникъ его въ Венеціи и Римѣ, искусный дипломатъ, попалъ въ немилость къ нему; онъ отнялъ у Гонзага должность миланскаго намѣстника. Казалось, что французы, владѣвшіе Піэмонтомъ, получаютъ преобладаніе въ Италіи.

Но всѣ эти неудачи и опасности не склонили Карла къ искренней заботѣ о примиреніи раздоровъ въ Германіи; напротивъ, онъ самъ возбуждалъ ихъ, надѣясь, что они облегчатъ ему ея покореніе. Мы говорили, что онъ убѣдилъ маркграфа Альбрехта Кульмбахскаго, имѣвшаго 10.000 наемниковъ, поступить на службу къ нему. Императоръ за это утвердилъ договоры, вынужденные маркграфомъ у епископовъ, и призналъ его законнымъ владѣтелемъ всѣхъ земель, захваченныхъ имъ. Союзъ съ этимъ авантюристомъ, котораго вся Германія считала врагомъ, отнялъ у Карла довѣріе нѣмецкихъ государей. При томъ они замѣчали, что онъ готовится нарушить пассаускій договоръ, что собственно для порабоженія Германіи нужна ему помощь маркграфа. Фердинандъ и Максимилианъ снова поссорились съ нимъ за то, что онъ возобновилъ хлопоты о томъ, чтобы сдѣлать Филиппа своимъ преемникомъ въ императорскомъ санѣ, и сблизились тѣснѣе прежняго съ Морицемъ, котораго ненавидѣлъ императоръ.

Альбрехтъ Кульбахскій былъ человекъ даровитый, храбрый; религію онъ презиралъ; когда онъ шелъ помогать осадѣ Магдебурга, лютеранскій священникъ Рупертусъ сказалъ ему, что этотъ походъ вреденъ для души; онъ отвѣчалъ: „Если мы пойдемъ къ чорту, то и ты пойдешь съ нами“, и взялъ Рупертуса въ походъ съ собой. На замѣчаніе другого священника о наказаніи въ будущей жизни онъ сказалъ: „Когда умру, моя душа сядетъ на заборѣ между небомъ и адомъ и посмотритъ, кто сильнѣе, Богъ или сатана.“ Солдаты любили его. — Онъ своими руками поджигалъ селенія, которыя грабилъ. Сильный, ловкій и отважный, онъ съ своею рыжей бородой и длинными развѣвающимися волосами ввергалъ въ ужасъ враговъ, когда мчался на боевомъ конѣ въ ряды ихъ.

Императоръ очевидно готовился къ войнѣ съ Морицемъ и другими протестантами. Маркграфъ Альбрехтъ, въ надеждѣ на его покровительство, продолжалъ грабить католическихъ духовныхъ государей. Союзъ съ нимъ очень много повредилъ императору. Католики и протестанты, забывая религіозную вражду, собирались на совѣщанія, заключали между собою договоры о возстановленіи спокойствія въ Германіи на основаніи пассаускаго трактата. Въ мартѣ 1553 герцоги вюртембергскій, баварскій, юлихскій и Фридрихъ курфирстъ пфальцскій условились дѣйствовать общими силами, предложили свое посредничество Альбрехту и епископамъ вюрцбургскому и бамбергскому; обѣ стороны отвергли составленныя ими условія. Альбрехтъ ходилъ по Франконіи, собиралъ контрибуціи съ монастырей и городовъ, разрушалъ замки, жегъ селенія своихъ противниковъ. — Генрихъ Брауншвейгскій воевалъ съ своими вельможами. Морицъ пошелъ на помощь ему, принудилъ вельможъ покориться и, считая личной своей обязанностью установить въ Германіи миръ, хотѣлъ идти на маркграфа Альбрехта, противъ котораго имѣлъ и личную досаду за ругательства, съ какими говорилъ о немъ этотъ авантюристъ. Альбрехтъ не сталъ ждать Морица во Франконіи, пошелъ на его союзника, Генриха. Врагъ Генриха Эрихъ, герцогъ каленбергскій, присоединился къ нему; онъ выставлялъ себя защитникомъ протестантства, которое преслѣдовалъ Генрихъ, фанатичный католикъ, потому многіе брауншвейгскіе вельможи и города приняли его сторону. Морицъ пошелъ на него въ сѣверную Германію. Война съ Альбрехтомъ была для Морица только прикрытіемъ борьбы противъ императора, покровительствововшаго Альбрехту. Маркграфъ хотѣлъ идти въ Саксонію опустошать владѣнія Морица, но у Сиверсгаузена Морицъ неожиданно напалъ на него. Войска ихъ были почти равны числомъ; только конницы было больше у курфюрста. Сраженіе было очень упорное. Современникъ, рассказывающій о немъ, говоритъ: «Это была такая упорная битва, ка кой не запомнятъ многіе старые войны». До 150 знатныхъ людей было убито. Передніе ряды обоихъ войскъ такъ перемѣшались въ рукопашномъ бою, что трудно было различить своихъ отъ чужихъ. Сначала выгода была на сторонѣ маркграфа; Морицъ бросился въ самое опасное мѣсто, остановилъ своихъ отступающихъ солдатъ, ободрялъ ихъ; непріатели начинали отступать, въ это время ружейная пуля попала въ Морица. Онъ былъ унесенъ тяжело раненный; солдаты его довершили побѣду. Число убитыхъ на сторонѣ Альбрехта простиралось до 2.000. Морицъ еще успѣлъ самъ написать епископу вюрцбургскому извѣщеніе о побѣдѣ. Рана его оказалась опаснѣй, чѣмъ думали сначала; на другой день онъ умеръ. Ему было тогда только 32 года. — Онъ былъ человѣкъ необыкновеннаго ума. Протестанты не прощали ему того, что онъ измѣнилъ имъ въ шмалькальденской войнѣ; но только онъ могъ бы вывести Германію

изъ разстройства, въ какое повергъ ее своей измѣной, установить въ ней спокойствіе и государственное единство. Вѣроятно онъ и думалъ объ этомъ. Ученикъ Карла въ политикѣ, Морицъ подобно императору дѣйствовалъ по эгоистическимъ расчетамъ, не придавалъ важнаго значенія разницамъ вѣроисповѣданія, думалъ только о своихъ выгодахъ. Нравственныхъ мотивовъ у него не было, какъ и у Карла; но достигнувъ могущества измѣной родинѣ, онъ хотѣлъ употребить его на пользу нѣмецкаго народа, потому что теперь она соответствовала его личной выгодѣ. Говорятъ, что при извѣстіи о смерти Морица Карлъ воскликнулъ: «Авессаломъ, сынъ мой!»—Это примѣненіе словъ Давида по поводу гибели мятежнаго сына показываетъ, что императоръ понималъ намѣреніе Морица возобновить борьбу съ нимъ.

Если бы Морицъ остался живъ послѣ своей побѣды, положеніе Карла сдѣлалось бы очень опасно. Генрихъ II уже возобновилъ войну, желая овладѣть Камбре, который считался тогда имперскимъ городомъ и былъ подобно Мецу уступленъ ему Морицемъ. Во французскомъ войскѣ были нѣмецкіе ландскнехты Рейфенберга и графа Рейнскаго. Если бы Морицъ пошелъ на помощь Генриху, императоръ, стоявшій у Валансьена, едва ли могъ бы удержать за собой южную Фландрію.—Альбрехтъ полагалъ, что по смерти Морица легко побѣдить герцога Брауншвейгскаго, у котораго не будетъ денегъ на жалованье наемникамъ. Но франконскіе государи и города, по удаленіи Альбрехта возвратившіе себѣ тѣ владѣнія, которыя онъ отнялъ у нихъ, дали герцогу брауншвейгскому средства успѣшно продолжать войну. Онъ разбилъ Альбрехта при Штетербургѣ; маркграфъ ушелъ на Майнъ защищать свои наслѣдственные владѣнія. Старикъ Генрихъ Брауншвейгскій помирился съ своими подданными, предоставилъ городу Брауншвейгу свободу исповѣданія и вообще сталъ добрѣе прежняго.—Братъ Морица Августъ, наслѣдовавшій ему, нашелъ государство изнуреннымъ войнами, желалъ мира, былъ готовъ сдѣлать уступки Іоанну Фридриху и его сыновьямъ, чтобъ они совершенно отказались отъ намѣренія возвратить себѣ курфиршество саксонское, и при посредничествѣ Фердинанда заключилъ съ Іоанномъ Фридрихомъ (24 февраля 1554) договоръ, по которому отдалъ эрнестинской линіи нѣсколько округовъ. Черезъ недѣлю послѣ того Іоаннъ Фридрихъ умеръ (3 марта). Онъ былъ человѣкъ не даровитый, но честный, искренно благочестивый; ему приписываютъ прекрасную церковную пѣсню, начинающуюся ея словами:

Wie's Gott gefällt, so g'fällt's mir auch!—

«Какъ угодно Богу, такъ угодно и мнѣ.»—

Эта мысль дѣйствительно выражаетъ господствующее чувство Іоанна Фридриха.

Альбрехтъ, пришедши на Майнъ, билъ слабыхъ своихъ франконскихъ противниковъ; но осенью пришелъ во Франконію Генрихъ Брауншвейгскій съ большимъ наемнымъ войскомъ, разбилъ Альбрехта 7 ноября (1553 года) при Лихтенфельсѣ, овладѣлъ Кульмбахомъ и другими городами его, такъ что у него осталась только крѣпость Плассенбургъ. Онъ рассчитывалъ на покровительство императора, но Карлъ, женивъ Филиппа на Маріи Англійской, сталъ меньше прежняго интересоваться тѣмъ, чтобы Филиппъ наследовалъ имперскій санъ, помирился съ Фердинандомъ, оставилъ Альбрехта на произволъ своего брата и другихъ нѣмецкихъ государей. Имперскій камеральный судъ объявилъ Альбрехта, какъ нарушителя мира, мятежникомъ, далъ всѣмъ право овладѣвать его землями и убить его. Онъ сначала насмѣхался надъ этимъ приговоромъ; услышавъ о немъ на пиру въ Швейнфуртѣ, онъ играя двойнымъ значеніемъ формулы смертнаго приговора *Acht und Aberacht*, — «опала и усиленная опала» или «восемь и еще восемь» (*aber Acht*), сказалъ пировавшимъ съ нимъ вождямъ наемниковъ: *Acht und Aberacht is Sechzehn; die Wollen wir miteinander vertrinken. Jemehr Feinde, desto mehr Glück*; — Восемь и еще восемь — шестнадцать (подразумѣется: стакановъ); разопьемъ ихъ. Чѣмъ больше враговъ, тѣмъ больше удачи». Но за шуткой послѣдовали у него яростныя угрозы врагамъ; онъ послалъ сказать Гранвеллѣ, что своей рукой убьетъ его, предателя, притворявшагося другомъ. Родственники убѣждали Альбрехта сдѣлать уступки противникамъ; онъ отвергъ ихъ предложенія, не захотѣлъ ни отказаться отъ договоровъ, вынужденныхъ имъ у епископовъ, ни обѣщаться, что прекратитъ войну. Въ слѣдующемъ году король французскій, готовясь воевать съ Карломъ искалъ себѣ союзниковъ въ Германіи, вербовалъ тамъ наемниковъ. Альбрехтъ могъ быть очень полезенъ ему, потому что еще имѣлъ нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ наемниковъ и могъ созвать гораздо больше, лишь бы имѣть деньги; ландскнехты любили его; Генрихъ вступилъ съ Альбрехтомъ въ переговоры черезъ герцога Омальскаго, котораго онъ освободилъ за выкупъ. Но императоръ рѣшилъ исполнить приговоръ суда надъ авантюристомъ, который велъ переговоры съ его врагомъ; собралось имперское войско для наказанія Альбрехта, напало на него 13 іюня 1554 года у монастыря Шварцаха (во Франконіи), нанесло ему полное пораженіе; Альбрехтъ бѣжалъ во Францію. По заключеніи мира между императоромъ и королемъ французскимъ, онъ получилъ дозволеніе возвратиться въ Германію. Его желѣзное здоровье было уже сломано пьянствомъ, хотя онъ былъ еще молодъ, и въ началѣ 1557 онъ умеръ на 35 году жизни. Когда счастье измѣнило ему, въ немъ пробудилась набожность; ему приписываютъ церковную пѣсню начинающуюся словами:

Was mien Gott will, gescheh' allzeit.

«Да будетъ воля Бога моего.»

Фердинандъ, которому императоръ передалъ завѣдываніе дѣлами Германіи, старался прекратить раздоры въ ней; въ концѣ 1554 года почти повсюду они прекратились, и можно было заняться приготовленіями къ окончательному примиренію религіозныхъ партій на сеймѣ. Императоръ не хотѣлъ участвовать въ составленіи закона, предоставляющаго свободу лютеранскому исповѣданію, потому не поѣхалъ на сеймъ, созванный въ началѣ 1556 въ Аугсбургѣ. Онъ и вообще пересталъ интересоваться нѣмецкими дѣлами, увидѣвъ что курфюрсты не выберутъ Филиппа его преемникомъ въ императорскомъ санѣ.

2. Аугсбургскій миръ.

По пассаускому договору было постановлено, что религіозныя несогласія будутъ окончательно рѣшены сеймомъ. Междоусобія долго мѣшали созыву этого сейма; наконецъ онъ собрался въ январѣ 1555 въ Аугсбургѣ и 5 февраля его засѣданія были открыты Фердинандомъ, дѣйствовавшимъ теперь уже не въ качествѣ императорскаго уполномоченнаго, а по собственной власти въ качествѣ короля нѣмецкаго. Обѣ религіозныя партіи были утомлены войнами и раздорами, на пассаускомъ съѣздѣ и на слѣдующихъ частныхъ конгрессахъ католическихъ и лютеранскихъ государей владычествовало миролюбивое настроеніе. Оно господствовало и на сеймѣ, совѣщавшемся теперь въ Аугсбургѣ. Правда, были фанатичные католики, желавшіе помѣшать окончательному религіозному примиренію; папскій легатъ кардиналъ Мороне убѣждалъ ихъ говорить, что сеймъ не имѣетъ права рѣшать религіознаго дѣла, что оно должно быть предоставлено собору. Кардиналъ Оттонъ, епископъ аугсбургскій объявилъ, что скорѣе лишится владѣній и жизни, чѣмъ сдѣлаетъ какія нибудь уступки протестантамъ; другіе духовные государи дѣлали оговорку, что подчиняются рѣшенію сейма лишь на сколько это согласно съ ихъ церковными обязанностями. Но они были безсильны передъ твердымъ желаніемъ свѣтскихъ католическихъ государей прекратить религіозный раздоръ. Послѣ долгихъ совѣщаній сеймъ рѣшилъ не вдаваться ни въ какіе богословскіе споры.

Незадолго передъ сеймомъ лютеранскіе богословы на съѣздѣ въ Наумбургѣ рѣшили, что должно быть восстановлено аугсбургское исповѣданіе. Подъ вліяніемъ Меланхтона въ его новой редакціи были приняты выраженія, облегчавшія примиреніе лютеранъ съ кальвинистами. Лютеранскіе государи потребовали на сеймѣ, чтобы послѣ-

дователямъ этого исповѣданія была предоставлена свобода и чтобы рѣшеніе сейма объ этомъ было закономъ для всѣхъ частей нѣмецкой имперіи. Согласно ихъ требованію, сеймъ постановилъ, что члены нѣмецкой имперіи, держащіеся Аугсбургскаго исповѣданія, не могутъ быть подвергаемы никакому притѣсненію за свою вѣру. (Дѣло шло только о предоставленіи религіозной свободы правительствамъ, объ огражденіи протестантскихъ государей и имперскихъ городовъ отъ вражды католическихъ государей).

О возвращеніи должностей епископамъ, прогнаннымъ лютеранами не могло быть и рѣчи. Но лютеранскіе государи согласились на то, чтобъ объявлены были неприкосновенными резиденціи и имѣнья тѣхъ капитуловъ, которые еще уцѣлѣли въ протестантскихъ городахъ. Относительно того, какія церковныя имѣнья должны считаться конфискованными, нормою было принято положеніе дѣлъ во время пасаускаго съѣзда. Большую важность представлялъ вопросъ, имѣютъ ли право вводить въ своихъ владѣніяхъ реформацію тѣ государи, которые оставались теперѣ католическими. Католики опасались, лютеране надѣялись, что впослѣдствіи могутъ быть избираемы въ санъ духовныхъ государей люди лютеранскаго исповѣданія и что они будутъ поступать, какъ думалъ сдѣлать Германъ Видъ. Католическая партія предложила постановить, что если духовный государь перейдетъ въ лютеранство, то лишается сана и владѣній, и что при выборѣ духовныхъ государей не допускаются кандидаты протестантскаго исповѣданія. Сеймъ не могъ прійти ни къ какому постановленію по этому вопросу и предоставилъ рѣшеніе его Фердинанду. Онъ сказалъ, что совѣсть не дозволяетъ ему допустить перехода духовныхъ государствъ въ руки протестантовъ, но предложилъ католикамъ согласиться на требованіе протестантскихъ государей, чтобы вельможи церковныхъ владѣній и города, принявшіе реформацію, пользовались правомъ сохранить ее. Католики согласились на это въ изустныхъ совѣщаніяхъ, но съ той оговоркой, что ихъ согласіе не должно быть вносимо въ письменныя постановленія сейма. Воспрещеніе духовнымъ государямъ принимать реформацію и постановленіе, что въ случаѣ нарушенія этого закона они лишаются владѣній, было внесено въ письменныя рѣшенія сейма, но съ оговоркой, что протестантскіе члены сейма не согласились на это правило, извѣстное подъ названіемъ *Reservatum ecclesiaticum* (исключеніе относительно духовныхъ государей). Фердинандъ сдѣлалъ къ этому закону прибавленіе, говорившее, что онъ будетъ «наблюдать за тѣмъ, чтобы подданные духовныхъ государей, города, рыцари, общины, издавна принявшіе Аугсбургское исповѣданіе, не были принуждаемы отступить отъ него, а были оставляемы при немъ безъ стѣсненія до окончательнаго рѣшенія этого дѣла сеймомъ». Такимъ образомъ вопросъ о томъ, воспрещено или нѣтъ духовнымъ государямъ сохранять свои

владѣнія въ случаѣ принятія протестантства, остался предметомъ спора; изъ этого возникало впослѣдствіи много войнъ. Право протестантскихъ городовъ и вельможъ подвластныхъ духовнымъ государямъ оставаться при лютеранскомъ вѣроисповѣданіи также не было гарантировано формальнымъ порядкомъ.

Шиллеръ справедливо говоритъ: „Аугсбургскій миръ былъ временнымъ соглашеніемъ, дѣломъ вынужденнымъ обстоятельствами, а не результатомъ правильныхъ понятій о свободѣ совѣсти. Католики не допустили бы мира, признающаго свободу совѣсти; да и протестанты еще не признавали ея. Аугсбургскій договоръ былъ основанъ на тогдашнемъ отношеніи между силами католической и протестантской партій, и каждая изъ нихъ могла сохранять свои права только пока имѣла силу защитить ихъ; при каждой перемѣнѣ въ пропорціи силъ трактатъ долженъ былъ подвергаться нарушенію. Граница между двумя церквами была проведена мечомъ и надобно было мечомъ охранять ее или — горе было слабымъ. Аугсбургскій договоръ оставлялъ дѣло въ положеніи сомнительномъ, угрожавшемъ Германіи ужасными бѣдствіями“. — Дѣйствительно, аугсбургскій миръ былъ лишь временный компромиссъ, вынужденный утомленіемъ, заставлявшимъ желать спокойствія. И католики и протестанты приняли его только потому, что не имѣли тогда надежды побѣдить противниковъ. Законъ, что церковный государь, принимая протестантство, лишается своихъ владѣній и останавливаетъ распространеніе реформаціи. Аугсбургскій миръ давалъ свободу совѣсти только государямъ и имперскимъ городамъ; подданнымъ ихъ онъ предоставлялъ только право эмигрировать, если государь потребуетъ, чтобы они отреклись отъ своего исповѣданія. Притомъ, и эта ограниченная свобода давалась только послѣдователямъ Аугсбургскаго исповѣданія; кальвинисты не получили ея. — Общимъ правиломъ былъ постановленъ принципъ „Господинъ земли—господинъ вѣры“, *Cujus regio, ejus religio*. Это значительно увеличивало власть областныхъ государей.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ аугсбургскій миръ былъ важнымъ пріобрѣтеніемъ для лютеранъ и доставилъ большую пользу всей нѣмецкой націи. Онъ гарантировалъ лютеранскимъ государствамъ Германіи безопасность отъ притязаній папистовъ. Правда, о свободѣ совѣсти отдѣльныхъ лицъ не было въ немъ и рѣчи. Имъ предоставлялось только право эмигрировать, если они не хотятъ принять религію своего государя или городского правительства. Но и это было великимъ благомъ сравнительно съ прежнимъ правиломъ: «Еретиковъ должно жечь, *haereticos comburendos esse*. Правда, недостаточность постановленій аугсбургскаго мира произвела впослѣдствіи Тридцатилѣтнюю войну, но онъ далъ нѣмецкому народу семьдесятъ лѣтъ спокойствія, во время котораго развилось благосостояніе націи. Онъ даже не вполне остановилъ расширеніе реформаціи. Правда, лютеране не могли становиться епископами духовныхъ государствъ, но они были назначаемы администраторами ихъ; императоръ давалъ разрѣшеніе на это, и лютеранскій администраторъ вводилъ въ епископскомъ государствѣ реформацію.

3. Отречение Карла V. Жизнь его въ монастырѣ и смерть.

Карлъ не пріѣхалъ на аугсбургскій сеймъ, не желая лично участвовать въ дѣлѣ противниковъ его желанію. Онъ жилъ тогда въ Брюсселѣ и большей частью былъ боленъ. Извѣстія о ходѣ дѣла въ Аугсбургѣ должны были увеличивать меланхолію, которой онъ уже давно страдалъ. Его политическая система въ Германіи рушилась. Аугсбургскій сеймъ, устанавливая военную организацію для обороны Германіи не включилъ бургонскихъ владѣній императора въ число областей, которыя обязана защищать вся Германія. Такимъ образомъ эти владѣнія Карла не получили пользы отъ того, что считались округомъ нѣмецкой имперіи. Правда, онъ самъ былъ виноватъ въ томъ, давъ имъ исключительное положеніе, не хотѣвъ, чтобы на нихъ распространялась власть нѣмецкаго сейма и имперскаго суда; но онъ не могъ недосадовать, что Германія отказалась защищать ихъ. Впрочемъ вознагражденіемъ за это служила ему и потомъ Филиппу свобода убивать и жечь въ нихъ еретиковъ, которой не было бы, если бъ законы, устанавливаемые нѣмецкимъ сеймомъ, распространялись на эти земли.—Кромѣ неудовольствія видѣть прекращеніе религіозныхъ раздоровъ въ Германіи было много другихъ причинъ, располагавшихъ изнуреннаго болѣзнью императора сложить съ себя, на сына управленіе дѣлами.

Въ 1554, при женитьбѣ Филиппа на королевѣ англійской, Карлъ, желая сравнять его саномъ съ невѣстой, передалъ ему свои итальянскія владѣнія съ титуломъ Короля неаполитанскаго. Управление ими было поручено герцогу Альбѣ (ему было подчинено и герцогство миланское, прежній правитель котораго Гонзага получилъ отставку, былъ отозванъ изъ Италіи и Мендоса, чтобы не мѣшалъ Альбѣ). Императоръ былъ въ восхищеніи отъ женитьбы Филиппа на Маріи, надѣясь, что у нихъ родится сынъ, подъ властью котораго Англія станетъ провинціей испанской монархіи. Онъ былъ въ восторгѣ отъ извѣстія, что Марія беременна. Еслибъ это мнѣніе оказалось вѣрнымъ и еслибъ Марія родила сына, императоръ вѣроятно не допустилъ бы аугсбургскаго мира. Но то, что было принято за беременность Маріи, оказалось болѣзненной опухолью; болѣзнь ея была такова, что стало невозможно ожидать дѣтей отъ нея. Императоръ былъ очень опечаленъ утратой надежды, что надъ Англіей будетъ царствовать внукъ его. Около того же времени умерла несчастная мать Карла, томившаяся въ Тордесильясѣ. Государыней Испаніи считалась она; Карлъ правилъ лишь какъ намѣстникъ ея. Сдѣлавшись теперь королемъ испанскимъ по собственному праву, онъ раздумывалъ о томъ, ѣхать ли въ Испанію ему самому или снова ему назначить Филиппа правителемъ ея; но разсудилъ, что Филиппу нельзя надолго уѣхать изъ Англіи, потому, что при ненависти англичанъ къ нему, его вліяніе на англійскія дѣла держалось только присутствіемъ его при женѣ. По слабости здоровья Маріи должно было ожидать, что она проживетъ недолго и надежда Карла на присоединеніе Англіи къ испанскому государству обратилась въ досадное разочарованіе.

Изъ Италіи онъ получалъ тоже пріятныя извѣстія. Юлій III, помогавшій ему во всемъ, умеръ во время Аугсбургскаго сейма. Папой былъ выбранъ кардиналъ Червино, принявшій имя Марцела II, дряхлый старикъ; онъ умеръ 1 мая, вскорѣ послѣ своего избранія; національная партія, находившаяся въ сношеніяхъ съ королемъ французскимъ, выбрала папой кардинала Караффу, неаполитанскаго вельможу, ожесточеннаго противника испанскаго владычества надъ Италіей. Онъ былъ старикъ, но сохранялъ страстную горячность характера и былъ безжалостнымъ фанатикомъ. Тотчасъ по избраніи новый папа, принявшій имя Марцелла III, началъ дѣйствовать противъ габсбургской династіи, старался мѣшать въ Аугсбургѣ хлопотамъ Фердинанда о религіозномъ примиреніи, протестовалъ противъ признанія за государями и городскими правительствами права вводить реформацію, отозвалъ изъ Аугсбурга своего легата, возбуждалъ неаполитанцевъ къ заговорамъ, старался подготовить изгнаніе испанцевъ изъ всей Италіи, интриговалъ противъ Карла даже въ Англіи.

Непріятности укрѣпили императора въ давней его мысли отказаться отъ правленія, удалиться въ монастырь. Онъ не думалъ выпустить власть изъ своихъ рукъ, желалъ только сложить на молодые плеча сына обременительныя мелкія заботы, оставивъ за собою верховное управленіе политикой. Онъ созвалъ 21 сентября 1555 года рыцарей Золотого руна въ Брюсселѣ и передалъ съ ихъ согласія санъ гротмейстера ордена Филиппу. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ онъ собралъ (25 октября) сеймы и нотаблей всѣхъ бургонскихъ областей въ томъ великолѣпномъ залѣ дворца, гдѣ за 40 лѣтъ передъ этимъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ. Въ ихъ собраніи былъ прочтенъ знаменитый актъ отреченія его отъ управленія Нидерландами и другими землями бургонской династіи. Поддерживаясь съ лѣвой стороны рукою положенною на плечо Вильгельма Оранскаго, а правой рукою опираясь на посохъ, Карлъ произнесъ рѣчь, перечислявшую главныя событія его царствованія, напоминавшую о его трудахъ и подвигахъ, объ экспедиціяхъ въ Африку для распространенія христіанства; прославивъ свои намѣренія и дѣла, онъ дальше говорилъ въ ней, что всѣ результаты его усилій разрушены религіозными раздорами нѣмцевъ и соперничествомъ другихъ государей, что изнуренный болѣзнями онъ не можетъ оставить на себѣ отвѣтственности передъ Богомъ за дальнѣйшее управленіе дѣлами, потому рѣшилъ передать его въ болѣе крѣпкія руки сына, на котораго нидерландцы должны перенести вѣрность, какую всегда находилъ онъ въ нихъ и особенно должны сохранять католическую вѣру, и заключилъ просьбой, что если онъ поступилъ съ кѣмъ-нибудь несправедливо, то простить ему и быть увѣренными что онъ сдѣлалъ несправедливость не преднамѣренно, а по незнанію. Рѣчь его сначала была едва слышна, но одушевляясь онъ пріобрѣталъ силу голоса и кончилъ громко. Собраніе слышало съ тяжелымъ чувствомъ сожалѣнія о прекращеніи его царствованія и съ тревогою за будущее. У самого императора навернулись на глазахъ слезы. По окончаніи его рѣчи

Марія сложила съ себя управленіе бургонскими землями, и собраніе присягнуло на вѣрность Филиппу.

Отреченіе простиралось только на бургонскія земли. Итальянскія, какъ мы говорили, были уже раньше отданы Филиппу. Испанію Карлъ еще оставлялъ за собой. Но онъ ввелъ систему управленія всѣми своими государствами, какъ одной монархіей; потому невозможно было ему долго вести управленіе Испаніей по уступкѣ другихъ частей монархіи сыну. Возстановить единство управленія было тѣмъ необходимѣе, что угрожала война съ Франціей; потому императоръ рѣшился отдать сыну и Испанію. Онъ хотѣлъ плыть туда, но бури и противный вѣтеръ задерживали его въ Нидерландахъ, потому 15 января слѣдующаго (1556) года онъ въ Брюсселѣ объявилъ, что отдаетъ сыну Испанію и принадлежащія ей владѣнія въ Новомъ свѣтѣ. Теперь у него оставалась только императорская корона; она со времени аугсбургскаго сейма потеряла для него всякую цѣну. Онъ не принималъ никакого участія въ нѣмецкихъ дѣлахъ, передавъ ихъ Фердинанду, согласіе съ которымъ возстановилось у него теперь. Готовясь въ сентябрѣ 1556 отплыть изъ Нидерландовъ въ Испанію, онъ отправилъ въ Германію посольство передать курфирстамъ, что онъ отрекается отъ императорскаго сана въ пользу своего брата, Фердинанда. Главою посольства былъ Вильгельмъ Оранскій.

Нѣмцы приняли отреченіе Карла, но рѣшили держать себя такъ, чтобы нельзя было говорить будто императорская корона перешла къ Фердинанду по волѣ прежняго императора, а не по выбору курфирстовъ. Они пропустили полтора года и только послѣ этой длинной отсрочки, въ мартѣ 1558 курфирсты съѣхались во Франкфуртѣ выбрать Фердинанда. Передъ выборомъ они взяли съ него присягу охранять религіозный миръ, рѣшать тяжбы по политическимъ дѣламъ не иначе, какъ съ одобренія имперскаго камеральнаго суда и не дѣлать ничего важнаго безъ воли сейма. Курфирсты заключили между собою союзъ защищать общими силами спокойствіе имперіи противъ всякаго нарушителя (то есть между прочимъ и противъ императора). Нѣмецкіе государи были единодушны въ рѣшимости охранять независимость Германіи и отъ папы и отъ Габсбурговъ.

Карлъ тогда уже давно удалился отъ свѣта въ мѣстность, которую еще за много лѣтъ выбралъ мѣстомъ своего будущаго уединенія. Въ горахъ на границѣ Эстремадуры близъ Пласенсіи стоялъ монастырь св. Юста (Санъ-Хусте), принадлежавшій ордену Іеронимитовъ. Горы защищаютъ ту долину отъ сѣвернаго вѣтра; съ ихъ скалъ течетъ много ручьевъ, освѣжающихъ воздухъ, производящихъ роскошную растительность въ долинѣ. Монастырь былъ окруженъ прекрасными лимонными, апельсинными садами, рощами лѣсныхъ деревьевъ, миртовыми кустарниками. Подлѣ монастырской церкви Карлъ построилъ себѣ прекрасный домъ, множество пристроекъ для много-

численной прислуги. Теперь все это было давно готово, потому что выборъ уединенной мѣстности для покоя былъ сдѣланъ за много лѣтъ. Карлъ въ сопровожденіи обѣихъ своихъ сестеръ—Маріи, бывшей правительницы Нидерландовъ, и Элеоноры, вдовствующей королевы французской, отплылъ съ многочисленной свитой 13 сентября 1566 изъ нидерландской гавани Влиссингена къ сѣверному берегу Испаніи. Съ берега онъ отправился въ Бургось. Его несли на носилкахъ. Въ Торкемадѣ онъ принялъ грандовъ, выѣхавшихъ на встрѣчу ему; въ Вальядолидѣ простился съ сестрами и направился оттуда въ монастырь св. Юста. Съ нимъ былъ довольно большой придворный штатъ и много прислуги. Онъ не былъ похожъ на Діоклеціана, удалившагося въ свой салонскій загородный дворецъ для того, чтобы совершенно сложить съ себя управленіе государственными дѣлами; еще меньше походилъ онъ на отшельниковъ, уходящихъ въ пустыню для спасенія души. Онъ жилъ въ своемъ монастырѣ, какъ государь; придворные и прислуга соблюдали всѣ правила дворцоваго этикета. Послы и курьеры ѣхали съ докладами къ Карлу, ѣхали съ повелѣніями отъ него. Онъ принималъ самое живое участіе въ управленіи войною съ Франціей; рекомендовалъ португальцамъ назначить его внука, Дона Карлоса, наслѣдникомъ ихъ короны; постоянно занимался дѣлами Вестъ-Индіи. Филиппъ не дѣлалъ ничего важнаго, не спросившись у отца. Карлъ сложилъ съ себя только бремя мелкихъ правительственныхъ заботъ; крупными дѣлами правилъ онъ самъ; но имѣлъ теперь досугъ отдыхать. Изъ своей тихой комнаты, которую украсилъ множествомъ стѣнныхъ и карманныхъ часовъ, еще бывшихъ рѣдкостями въ то время, и нѣсколькими картинами Тиціана, онъ смотрѣлъ на прекрасный монастырскій садъ; онъ проводилъ много времени, ухаживая за цвѣтами и деревьями въ одной изъ частей сада, отдѣленной отъ остального высокой стѣной; когда позволяло здоровье, онъ ходилъ пѣшкомъ или ѣздилъ въ сосѣднюю пустынную мѣстность, гдѣ навилась ему прохлада въ густой каштановой рощѣ. Онъ аккуратно ходилъ на богослуженіе въ монастырскую церковь; онъ любилъ хорошее церковное пѣніе, и монахи заботились, чтобъ оно у нихъ было хорошо; онъ самъ участвовалъ въ немъ; голосъ у него былъ чистый, звонкій; когда не могъ по болѣзни идти въ церковь, онъ слышалъ пѣніе изъ своей комнаты. Фальшивыя ноты онъ умѣлъ различать и дѣлалъ замѣчанія о нихъ. Кромѣ молитвы онъ особенно занимался механическими работами, въ которыхъ помогалъ ему знаменитый тогдашній инженеръ Торріано. У многихъ историковъ повторяется анекдотъ, что онъ очень хлопоталъ уровнять ходъ часовъ въ своей комнатѣ и не достигнувъ успѣха въ этомъ, воскликнулъ: «Какъ глупо было мое стремленіе сдѣлать людей имѣющими одинаковыя религіозныя понятія, когда я не могу привести въ полное согласіе даже произведеніе

рукъ человѣческихъ!» Но Карлъ до конца жизни оставался чуждъ этой разсудительной мысли. Онъ постоянно раздражался тѣмъ, что ересь, съ которой боролся онъ во все свое царствованіе, укореняется даже въ святой Испаніи. Дѣйствительно, хотя католичество соотвѣтствовало привычкамъ и характеру испанцевъ, хотя чистота вѣры подобно чистотѣ крови была предметомъ самохвальства ихъ и фанатизмъ у нихъ доходилъ, какъ мы видѣли до того, что братъ убилъ брата за ересь (стр. 472). Но по сношеніямъ съ Германіей, лютеранскія понятія и книги проникали въ Испанію и тайно распространялись въ ней. Въ Севильѣ и Вальядолидѣ образовались маленькія протестантскія общины. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ сосѣднихъ съ монастыремъ, гдѣ жилъ Карлъ, тоже обнаружили слѣды новой религіи; даже священникъ Касалья, сопровождавшій Карла въ шмалькальденской войнѣ, говорившій проповѣди при немъ въ монастырѣ Юста, оказался зараженъ лютеранской ересью. Два другіе священника, стоявшіе у постели умирающаго Карла, были впоследствии подобно Касальѣ преданы суду инквизиціи за ересь. Карлъ очень печалился, что она проникаетъ въ Испанію, и внушалъ своей дочери Іоаннѣ, бывшей намѣстницею въ Вальядолидѣ, что надобно истребить инквизиціею лжеученіе, пока оно не распространилось, а къ своему завѣщанію сдѣлалъ прибавку, возлагавшую на Филиппа обязанность строжайшимъ образомъ истребить всякій слѣдъ ереси въ испанской монархіи. По словамъ Сандовалья, онъ однажды высказалъ сожалѣніе, что не нарушилъ данной Лютеру охранной грамоты, не арестовалъ и не умертвилъ его въ Вормсѣ.

Спокойная жизнь сначала поправила здоровье Карла, но улучшеніе было непродолжительно. Кромѣ физическаго разстройства, у него появились и припадки меланхолическаго помѣшательства, наслѣдованнаго имъ отъ матери. Ему мечталось, будто онъ слышитъ ея голосъ, зовущій его за нею. Кажется много содѣйствовала развитію его меланхоліи смерть любимой сестры Элеоноры, вдовствующей королевы французской, умершей въ февралѣ 1558. При извѣстіи о ея кончинѣ онъ сказалъ: «Она была годомъ съ четвертью старше меня и прежде чѣмъ пройдетъ это время, я вѣроятно буду съ ней.» Предсказаніе сбылось. Въ августѣ возобновилась у Карла старая болѣзнь, подагра; неосторожность въ пищѣ усилила ее до такой степени, что было видно, онъ не проживетъ долго. Есть разсказъ, будто онъ велѣлъ отслужить похороны по немъ и самъ со всей свитой присутствовалъ на этомъ обрядѣ; говорятъ, что похороны происходили за нѣсколько дней до его смерти и потрясли его такъ, что ускорили ее. Но этотъ анекдотъ не достовѣренъ. Какъ бы то ни было, но 21 сентября 1558 года, пособоровавшись масломъ и причастившись, онъ умеръ со взглядомъ устремленнымъ на распятіе. Тѣло его было погребено подъ главнымъ престоломъ монастырской церкви, но впо-

слѣдствіи перенесено Филиппомъ въ Эскориаль и положено въ великолѣпномъ мавзолеѣ рядомъ съ тѣломъ его супруги Изабеллы.

Когда Карлъ жилъ въ монастырѣ, къ нему часто привозили рѣзваго 12 лѣтняго мальчика, воспитывавшагося въ Вальядолидѣ. Это былъ его побочный сынъ отъ дочери регенсбургскаго гражданина, красавицы Барбары Бломбергъ, родившійся въ 1545 году. Ребенка звали Хуаномъ. Карлъ признавалъ его своимъ сыномъ, но только воспитатель его Кихада и немногіе другіе знали эту тайну; впослѣдствіи Филиппъ далъ своему побочному брату санъ инфанта. Нѣсколько старше Хуана была побочная дочь Карла отъ другой любовницы, фламандки, Маргарета, которую онъ выдалъ, какъ мы говорили, за Оттавіо Фарнезе. Отъ жены, португальской принцессы Изабеллы, красивой лицомъ и скромной женщины, умершей въ 1538 у Карла были сынъ Филиппъ, наслѣдовавшій ему, и двѣ дочери: Марія, выданная за Максимилиана Австрійскаго, и Іоанна, выданная за наслѣдника португальской короны, но вскорѣ овдовѣвшая и бывшая при Филиппѣ правительницею Нидерландовъ. Жена Филиппа Марія Англійская пережила Карла лишь нѣсколькими недѣлями.

Около четырехъ десятилѣтій Карлъ имѣлъ преобладающее вліяніе на судьбу Европы; по его дѣйствіямъ мы ясно видимъ его характеръ. Физическое развитіе его шло медленно, и очень рано показались у него признаки одряхлѣнія; когда ему было 40 лѣтъ, свѣтлорусые волосы его уже посѣдѣли, болѣзни изнурили его хилый организмъ, онъ ходилъ сгорбленный. Умственные способности его развивались тоже медленно, но развившись довольно долго сохраняли энергію. Первый свой девизъ *Nondum*. («Еще не») скоро замѣнилъ онъ другимъ *Plus ultra*. («Дальше») и, увѣренный въ своихъ силахъ, онъ надѣялся преодолѣть всѣ препятствія на пути къ всемірному владычеству. Контрастъ между его физической слабостью и душевной энергіей былъ поразителенъ. Хилый человѣкъ, который часто не могъ путешествовать иначе, какъ на носилкахъ, онъ выказывалъ въ сраженіяхъ, на охотѣ, на турнирахъ изумительную живость и отвагу. Молчаливо, съ видомъ апатіи онъ выслушивалъ доклады министровъ и пословъ, и по его вялому равнодушію казалось, что онъ мало интересуется ими и мало понимаетъ ихъ; но потомъ его министры видѣли, что онъ превосходно знаетъ все о чемъ докладывали ему. Онъ долго обдумывалъ дѣла, взвѣшивалъ всѣ шансы успѣха и неудачи, иногда записывалъ эти соображенія, старался какъ можно дольше отлагать рѣшенія; часто курьеры, которымъ велѣлъ онъ быть готовыми къ полученію депешъ, по цѣлымъ суткамъ ждали ихъ. Но разъ принявъ рѣшеніе, онъ уже былъ непоколебимъ въ немъ. Въ молодости онъ руководился чужими мнѣніями, но достигнувъ умственной зрѣлости рѣшалъ все самъ. Если онъ совѣтовался тогда съ Гранвеллой отцомъ и преемникомъ отца въ должности канцлера, Гранвеллой Младшимъ, епископомъ аррарскимъ, то онъ хотѣлъ только выслушать ихъ мнѣніе, а не брать ихъ совѣты за руководство себѣ.

Принявъ рѣшеніе, онъ дѣйствовалъ быстро и былъ веселъ. Онъ хотѣлъ самъ видѣть все, управлять всѣмъ, не тяготился никакими трудами, не боялся никакихъ опасностей. На совѣты, беречь себя въ сраженіяхъ, онъ отвѣчалъ: «Слыхали ли вы, чтобы какой нибудь императоръ былъ застрѣленъ въ битвѣ?». Главнымъ мотивомъ его политики было властолюбіе; онъ хотѣлъ довершить начатое Фердинандомъ и Изабеллой, доставить себѣ и навѣки упрочить за своимъ потомствомъ владычество надъ Европой, хотѣлъ господствовать надъ нею не только въ политическихъ, но и въ церковныхъ дѣлахъ, религія была для него только средствомъ къ достиженію политическаго всемогущества, онъ выставлялъ себя защитникомъ вѣры, предпринималъ въ духѣ крестоносцевъ экспедиціи противъ мусульманъ, истреблялъ еретиковъ; но все это было только прикрытіемъ политическихъ плановъ. Онъ усвоилъ себѣ правила Фердинанда и стремился къ своей цѣли неутомимо. Онъ справедливо хвалился въ прощальной брюссельской рѣчи своей энергической дѣятельностью, перечисляя свои разбѣзды и походы по европейскимъ землямъ, свои морскія путешествія и экспедиціи. Онъ побывалъ въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ своихъ разбросанныхъ владѣній, посѣтилъ Францію и Англію, сражался на африканскомъ берегу, остановилъ въ Венгріи наступленіе Сулеймана. Своей неутомимости онъ былъ обязанъ значительной частью успѣховъ; она ознакомила его съ національными особенностями всѣхъ западныхъ народовъ и съ личными качествами множества людей. Онъ хорошо изучилъ человѣческое сердце, умѣлъ силой своего личнаго вліянія подчинять себѣ людей, бывшихъ его противниками. Онъ дѣйствовалъ, льстя слабостямъ, давая удовлетвореніе своекорыстію людей, на благодарныя чувства ихъ онъ не считывалъ. Вѣра въ честность людей была чужда ему. И самъ онъ думалъ только о своихъ выгодахъ. Всякаго, мѣшавшаго имъ, онъ преслѣдовалъ съ непримиримой ненавистью; и если обстоятельства принуждали его на время скрывать ее, онъ при первой возможности мстилъ противнику, обманутому притворнымъ примиреніемъ. Жалости онъ не зналъ. И никогда не забывалъ обидъ. Хилое тѣло его не могло безнаказанно выносить излишества въ чувственныхъ наслажденіяхъ; но онъ предавался имъ, не щадя своего здоровья, развратничалъ; еще больше, чѣмъ женщинъ, любилъ обжорство, и нерѣдко объѣдался до того, что становился боленъ; повара истощали свою изобрѣтательность, придумывая лакомыя кушанья для него. — Въ тѣ времена была мода интересоваться наукой и искусствомъ; Карлъ подчинялся ей, былъ меценатомъ, хотя не въ такой степени, какъ Францискъ I или Генрихъ VIII. Онъ любилъ музыку, живопись, поэзію; Тиціанъ и Лука Кранахъ написали много портретовъ его и его супруги; лежа на одрѣ смерти, онъ смотрѣлъ на картину Тиціана Gloria. Его камергеръ, Ванъ Мале (по латинской формѣ фа-

милиш, Малиней), извѣстный въ свое время ученый, говоритъ, что онъ перевелъ на испанскій языкъ французскій романъ, прославлявшій подвиги Карла Смѣлаго, и что съ этого перевода было сдѣлано Акуньею переложеніе разсказа въ стихи; говоритъ также, что императоръ написалъ свои мемуары; если это правда, то они погибли. Карлъ особенно любилъ читать политическія и историческія книги; чрезвычайно уважалъ мемуары Комина и трактатъ Макиавелли «Государь». Часто бывало, что онъ велѣлъ во время обѣда читать ему вслухъ какую нибудь книгу; это обыкновеніе онъ сохранилъ и въ монастырѣ. Онъ поручилъ Сепульведѣ написать исторію его жизни и самъ сообщалъ ему свѣдѣнія для этого труда. Онъ называлъ Слейдана клеветникомъ, Павла Ювія льстецомъ. Признательность и щедрость были не въ характерѣ Карла; онъ былъ скупъ на награды, долго задерживалъ обѣщанныя платежи. Многими чертами характера онъ напоминаетъ Фердинанда Католическаго; между прочимъ и бережливостью. Однажды засталъ его на дорогѣ дождь; онъ спряталъ подъ плащъ свою шитую золотомъ виррету (барреть, шапку) и послалъ въ городъ за старой. Въ Германіи не любили его; онъ зналъ это, и обращался съ нѣмецкими государями и вельможами холоднѣе, чѣмъ съ фламандцами и испанскими грандами, съ которыми часто бывалъ привѣтливъ, непритязателенъ: когда они провожали его, онъ на прощанье обыкновенно пожималъ имъ руку. Съ плѣнными нѣмецкими государями онъ поступалъ неблагородно.

4. Царствованіе Филиппа II до като-камбрэзійскаго мира.

Межь тѣмъ какъ Карлъ V отдыхалъ отъ трудовъ въ монастырѣ св. Юста, по границамъ его государства свирѣпствовала опустошительная война. Онъ покинулъ Нидерланды спокойными: въ началѣ того года было заключено перемиріе съ Франціею на пять лѣтъ (оно было подписано 5 февраля 1556, въ монастырѣ Воселлѣ, близъ Камбрэ). Но горячій старикъ Павелъ IV не соглашался на перемиріе, оставлявшее родину его, Неаполь, подъ испанской властью. Онъ былъ Караффа; всѣ члены этой фамиліи принадлежали къ анжуйской партіи, ненавидѣли испанцевъ; а самъ онъ имѣлъ и личную злобу на Карла, который въ прежніе годы не согласился назначить его архіепископомъ неаполитанскимъ. Неаполь продолжалъ считаться папскимъ леномъ; Павелъ воображалъ, что имѣетъ право отнять это королевство у Карла, какъ у мятежнаго вассала. Онъ полагалъ, что призвать французовъ въ Италію—дѣло не опасное для ея независимости: французовъ можно будетъ прогнать, говорилъ онъ, а испанцы, какъ

сорная трава, укореняются вездѣ, куда попали. Онъ считалъ оскорбленіемъ своей папской власти то, что Карлъ и Фердинандъ вступили въ переговоры съ нѣмецкими еретиками, протестовалъ противъ аугсбургскаго мира, раздражился тѣмъ, что преданные императору Колонны, которыхъ отлучилъ онъ отъ церкви и у которыхъ отнялъ владѣнія въ церковномъ государствѣ, нашли покровительство себѣ въ Неаполѣ; онъ утверждалъ, что Карлъ, не платя вассальской дани за Неаполь папѣ, потерялъ всѣ права на владѣніе этимъ государствомъ; онъ при послахъ Карла говорилъ объ испанцахъ въ самыхъ обидныхъ выраженіяхъ. Его чувство раздѣляли племянники, старшему изъ которыхъ онъ далъ титулъ герцога Монтебелло и отнятыя у Колоннъ огромныя имѣнья, а младшему, не смотря на его распутство, санъ кардинала. Младшій велъ переговоры съ французскимъ правительствомъ, въ которомъ папа имѣлъ своими сторонниками могущественнаго герцога Гиза и его брата, кардинала лотарингскаго. Фамилія Гизовъ была связана съ папой интересами своего честолюбія и, между прочимъ, приписывала себѣ права на неапольскій престолъ, по своему происхожденію отъ Іоланты, дочери Ренé I, короля неаполитанскаго. Благодаря Гизамъ, былъ заключенъ союзъ между королемъ французскимъ и папой. Павелъ освободилъ короля отъ его присяги соблюдать перемиріе, король объявилъ, что разрываетъ его, и въ іюлѣ 1556 года заключилъ съ Павломъ трактатъ, опредѣлявшій, сколько войска выставятъ союзники и какъ раздѣлятъ они между собой королевство неаполитанское. Договоръ этотъ былъ подписанъ въ Римѣ.—Папа не огорчался ни тѣмъ, что Генрихъ II по примѣру отца вступилъ въ союзъ съ Сулейманомъ, ни тѣмъ, что главную силу арміи Генриха составляли нѣмецкіе ландскнехты, лютеране, смѣявшіеся надъ образами и католической литургіей.

У Филиппа II было гораздо больше уваженія къ католичеству и папѣ, чѣмъ у его отца; ему было очень огорчительно начинать свое царствованіе войной съ главою церкви; но Павелъ IV вывелъ его изъ терпѣнія: оскорблялъ его угрозами, нарушалъ въ своей ненависти всѣ правила приличія, арестовалъ испанскаго посланника Гарсиласа де ля Вегу; Филиппъ увидѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать такія распоряженія, чтобъ Альба, бывший теперь вице-королемъ неаполитанскимъ, могъ по первому приказанію идти на Римъ; король созвалъ въ Испаніи соборъ, объяснилъ ему положеніе дѣлъ, получилъ отъ него церковное ободреніе войнѣ съ папой. Въ сентябрѣ 1556 года Альба перешелъ неаполитанскую границу; большинство его арміи образовали неаполитанцы; но главную силу ея составляли испанскіе ветераны, лучшіе солдаты того времени. Онъ неудержимо шелъ къ Риму. Взявъ штурмомъ Ананьи, онъ отдалъ его на разграбленіе; это запугало другіе города, они сдавались, когда Альба подступалъ къ нимъ. Въ октябрѣ онъ сталъ въ Тиволи; его конница

разъѣзжала передъ воротами Рима; жители въ трепетѣ требовали, чтобы папа вступилъ въ переговоры; онъ не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ, отвергъ посредничество, предложенное венеціанскимъ посломъ, самъ сдѣлалъ на площади передъ храмомъ Петра смотръ своей конницѣ, послалъ съ нею своего племянника на врага; она была разбита; гарнизонъ Остіи послѣ храброй обороны сдался (19 ноября). Старикъ продолжалъ упрямиться. Риму угрожало опустошеніе. Но Альба, преданный сынъ церкви, тяготился тѣмъ, что воюетъ противъ главы ея. Дядя его, кардиналъ Джакомо, напоминалъ ему, какъ бѣдственно погибъ герцогъ бурбонскій и погибло все войско, нашедшее тогда Римъ. Альба не хотѣлъ быть причисленъ къ опустошителямъ города апостола Петра, далъ представителю папы, кардиналу Караффѣ, перемиріе на два мѣсяца и возвратился въ Неаполь. Гизъ съ французскимъ войскомъ перешелъ Альпы, и, пользуясь перемиріемъ шелъ безпрепятственно впередъ. Карлъ, жившій тогда ужъ въ монастырѣ, сильно порицалъ Альбу за перемиріе.

Зимой Гизъ пришелъ въ Ломбардію. У него было 12.000 человекъ пѣхоты и 2.000 всадниковъ. Почти половину пѣхоты составляли швейцарцы. Въ кавалеріи было очень много дворянъ; они надѣялись пріобрѣсти славу подъ предводительствомъ своего знаменитаго главнокомандующаго. Италія волновалась. Герцогъ феррарскій, женатый на дочери Гиза, принялъ сторону французовъ; Оттавіо Фарнезе, герцогъ пармскій, сталъ союзникомъ испанцевъ, получивъ отъ Филиппа Піаченцу, отнятую у него Карломъ, и согласился отослать своего сына Александра на воспитаніе въ Мадридъ. Козимо Медичи, герцогъ тосканскій, тоже сталъ на сторону испанцевъ, получивъ за это Сіэну. Венеціанское правительство, напрасно предлагавшее папѣ свое посредничество, осталось нейтральнымъ.

Герцогъ феррарскій совѣтовалъ Гизу быстро идти на Миланъ; онъ разсудилъ дѣйствовать иначе, хотѣлъ идти въ Неаполь; пошелъ черезъ Болонью и Равенну къ морю, потомъ адріатическимъ побережьемъ, черезъ Римини и Пезаро пришелъ въ Йези, разстановилъ свое войско на хорошихъ квартирахъ и поѣхалъ въ Римъ, условиться съ папой о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Павелъ принялъ могущественнаго друга съ большимъ почетомъ и велѣлъ своему войску возобновить войну; оно взяло Тиволи и Остію. Павелъ надѣялся, что скоро испанцы будутъ прогнаны изъ всей Италіи. Подкрѣпленный папскимъ отрядомъ, Гизъ пошелъ на югъ, взялъ штурмомъ богатый городъ Кампи, куда укрылись съ имуществомъ своимъ поселяне сосѣдней плодородной мѣстности, отдалъ городъ на грабежъ, перерѣзалъ гарнизонъ; солдаты насиловали женщинъ, жгли разграбленные дома. Съ дымящихся развалинъ Кампи Гизъ пошелъ къ Чивителлѣ, городу, стоящему на горѣ, имѣвшему тогда сильную цитадель, въ которой стояли 1.200 испанцевъ. Они мужественно оборонялись. Жители города тоже храб-

ро защищали его; женщины сражались вмѣстѣ съ мужчинами; судьба Кампи показала, что нельзя ожидать пощады. Нападенія французовъ были отбиваемы, проломы въ стѣнахъ быстро задѣлывались; артиллерійскій огонь съ высоты наносилъ много вреда осаждающимъ въ ихъ лагерьѣ. Неудачи произвели ропотъ въ войскѣ Гиза; французы негодовали на папу, плохо исполнявшаго свои обѣщанія. Гизъ въ спорѣ съ начальникомъ папскаго отряда, герцогомъ Монтебелло, такъ оскорбилъ его; что онъ ушелъ съ своимъ отрядомъ. Надежда Гиза, что неаполитанскіе вельможи анжуйской партіи подымутъ возстаніе, не оправдалась; напротивъ того, собраніе бароновъ, созванное Альбой, и называвшееся парламентомъ, дало ему денежную поддержку, уполномочило его требовать налога и займовъ отъ духовенства.

Ободренный преданностью населенія королевства, Альба въ апрѣлѣ 1557 года повелъ на сѣверовостокъ свое войско, состоявшее изъ неаполитанцевъ, испанскихъ ветерановъ и нѣмецкихъ наемниковъ. Его отряды собрались на адриатическомъ берегу въ Пескарѣ. Оттуда онъ пошелъ къ Чивителлѣ, на которую снова сдѣлали неудачный штурмъ французы, и принудилъ ихъ отступить съ большими потерями. Чивителлѣ, въ награду за геройскую оборону, онъ далъ важныя права. На Тронто и у Асколи онъ и Гизъ сходились такъ близко, что надобно было ожидать сраженія, но Альба ограничился обороной неаполитанской границы, далъ французамъ уйдти спокойно, въ порядкѣ; онъ говорилъ, что не хочетъ рисковать королевствомъ неаполитанскимъ изъ-за расшитаго золотомъ плаща герцога Гиза. Папа просилъ Гиза подойти ближе къ Риму для защиты его отъ подвигавшагося къ нему Антоніо Колонны, союзника испанцевъ. Гизъ исполнилъ просьбу, сталъ въ Тиволи. Колонна взялъ Сеньи; римляне ужасались, слыша о грабежѣ и убійствахъ, произведенныхъ въ этомъ городѣ. Альба соединился съ Колонной въ римской Кампаньѣ и въ дождливую ночь 26 августа подступилъ къ Риму. Городу угрожала та судьба, которую испыталъ онъ при взятіи его войскомъ Карла Бурбона. Жители трепетали. Но, по желанію ли пощадить папу или по опасенію нападенія французовъ, Альба отступилъ. Римляне требовали мира; лучший изъ итальянскихъ генераловъ, Строцци, доказывалъ папѣ, что онъ не долженъ ждать отъ войны ничего кромѣ бѣдъ, но упрямый старикъ не слушался. Наконецъ Гизъ сообщилъ ему, что получилъ приказаніе поспѣшно идти во Францію, которой угрожаетъ непріятель съ сѣвера. Онъ отвѣчалъ упрекомъ, что герцогъ не сдѣлалъ ничего ни для короля, ни для церкви, ни для своей чести, и послалъ племянника въ Кави, квартиру Альбы, заключить миръ.

Но условія, на которыхъ хотѣлъ онъ мириться, были такія, какъ будто онъ побѣдитель. Первымъ изъ нихъ было, чтобъ Альба публично просилъ у него прощенія за то, что поднялъ оружіе противъ

главы церкви. Альба считалъ оскорбленіемъ себѣ мысль о такомъ униженіи. Но Филиппъ, желавшій жить въ мирѣ съ папой, прислалъ ему приказаніе покориться требованію Павла. Альба сказалъ: «Если бѣ я былъ король, то папѣ пришлось бы послать своего племянника съ просьбой о прощеніи въ Брюсселѣ» (гдѣ находился тогда Филиппъ). И во всемъ остальномъ Филиппъ выказалъ такую уступчивость, что Альба съ горечью говорилъ: «трактатъ продиктованъ не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ». Филиппъ согласился дать Гизу свободный проходъ во Францію, предоставить третейскому суду рѣшеніе вопроса объ имѣньяхъ, отнятыхъ папой у Колоннъ, не требовать вознагражденія своимъ неаполитанскимъ подданнымъ за убытки, какіе потерпѣли они отъ вторженія французовъ, призванныхъ папой, отъ турецкаго флота и африканскихъ корсаровъ, союзниковъ короля французскаго, грабившихъ неаполитанскіе берега. По заключеніи мира, Альба съ досадой пріѣхалъ въ Римъ просить прощенія у папы; эта унижительная церемонія была исполнена въ Ватиканѣ 27 сентября 1557. Альба писалъ женѣ, что ни въ какой битвѣ не чувствовалъ онъ такого волненія, какъ въ этомъ случаѣ. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ ему могъ служить восторгъ, съ какимъ встрѣтили его римляне, благодарные за миръ.—Война, которую велъ Павелъ, была послѣднимъ сильнымъ проявленіемъ національной ненависти къ испанцамъ; послѣ того ужъ не было попытокъ прогнать «варваровъ» изъ Италіи.

Походъ въ Италію не доставилъ ни выгоды, ни славы французамъ. Еще хуже для нихъ шла война въ Пикардіи. Испанскіе кортесы дали Филиппу много денегъ, такъ что онъ набралъ въ Нидерландахъ большое войско. Жена Филиппа, Марія, помогала ему. Онъ жилъ большею частью въ Брюсселѣ, далеко отъ театра военныхъ дѣйствій. Арміей его командовалъ сынъ умершаго за четыре года передъ тѣмъ герцога савойскаго Карла, Эмминуэль Филибертъ, сражавшійся для возвращенія себѣ отцовскихъ владѣній, которыя все еще оставались заняты французами. Рано принявъ участіе въ походахъ Карла V, онъ былъ опытный полководецъ; физически слабый отъ природы, онъ силой воли и воздержнымъ образомъ жизни сдѣлалъ себя способнымъ выносить тяжесть военныхъ трудовъ. Онъ любилъ науки, въ особенности исторію и математику. Филиппъ былъ очень расположенъ къ нему, и поддерживалъ его сватовство, когда онъ искалъ руки Елизаветы, въ то время еще молодой принцессы; но Елизавета не хотѣла выходить замужъ. — Французскій главнокомандующій, коннетабль Монморанси, возвысился не столько заслугами, сколько умѣньемъ держаться въ милости у Франциска и потомъ у Генриха; но помощники его, адмиралъ Колиньи и герцогъ неверскій были храбрые воины, искусные полководцы; скоро оказалось, что генералы Филиппа превосходятъ Монморанси военнымъ искусствомъ; Колиньи очень мужественно защищалъ осажденную итальянцами крѣпость Сень-Каптенъ, Монморанси

пошелъ на выручку ему; но при переходѣ черезъ Сомму, стремительно атаковалъ его (10 августа 1557) начальникъ испанской конницы, графъ Эгмонтъ (правильнѣе: Эгмондъ); герцогъ савойскій быстро повелъ остальное войско; французы, въ особенности гасконцы, вооруженные аркебузами (тогдашними тяжелыми ружьями, изъ которыхъ стрѣляли съ подпорки) и пиками, сражались храбро, но потерпѣли полное пораженіе. Тысячи ихъ легло на полѣ битвы; еще больше было во время безпорядочнаго отступленія, подобнаго бѣгству, взято въ плѣнъ конницей Эгмонда и другого фландрскаго вельможи, графа Горна. Монморанси, бросившійся въ густые ряды непріятели, былъ раненъ пистолетной пулей и принужденъ сдаться. Герцоги Монпансье и Лонгвиль, маршалъ Сентъ-Андрѣ и многіе другіе вельможи также были взяты въ плѣнъ. Въ числѣ убитыхъ находился принцъ крови, Жанъ Бурбонъ, графъ Ангьенскій (Enghien, Ангенскій). Благодаря наступленію ночи, герцогъ неверскій и графъ Кондѣ успѣли увести часть войска въ крѣпость Ла-Ферь.—Со времени азенкурской битвы, французы не испытывали такого пораженія. Побѣдители взяли больше 80 знаменъ и весь обозъ. Филиппъ пріѣхалъ въ лагерь благодарить Филиберта, графа Эгмонда и все войско, и въ письмѣ къ отцу выразилъ сожалѣніе, что не раздѣлялъ съ своими генералами славу побѣды. Онъ остался теперь при войскѣ.—Простые солдаты, взятые въ плѣнъ, были отпущены, съ обязательствомъ не служить полгода противъ испанцевъ; офицеры и вообще дворяне должны были платить большой выкупъ.

Филибертъ хотѣлъ, пользуясь смущеніемъ французовъ, идти въ глубину Франціи. Карлъ спросилъ гонца, привезшаго ему извѣстіе о сенъ-кантенской побѣдѣ, гдѣ теперь Филиппъ, -- вѣроятно, ужь въ Парижѣ?—Но отвага была не въ характерѣ Филиппа; онъ нашелъ, что его войско подверглось бы слишкомъ большой опасности, зашедши далеко во Францію, будучи среди воинственнаго населенія, имѣя непріятельскія крѣпости въ тылу, могло бы подвергнуться недостатку провіанта; ему казалось, что лучше будетъ взять пограничныя крѣпости и прежде всего Сенъ-Кантенъ. Но осада затянулась. Колинъ и его братъ д'Андело, успѣвшій передъ битвой привести отрядъ войска въ Сенъ-Кантенъ, защищались очень искусно и мужественно; хотя укрѣпленія города были слабы, хотя провіантъ истощился, сталъ свирѣпствовать голодъ, они больше двухъ недѣль отбивали приступы. Наконецъ, 27-го августа, осаждающіе взяли городъ штурмомъ; они грабили, убивали безоружныхъ; неистовство прекратилось только когда въѣхалъ въ несчастный городъ Филиппъ.

Сенъ-Кантенская побѣда прославила начало его правленія. Европа ждала, что его царствованіе будетъ блистательно. Но только тѣмъ и ограничилась польза, полученная Филиппомъ отъ этого торжества надъ непріателемъ. Взявъ Сенъ-Кантенъ, армія, по его приказанію,

занялась осадой мелкихъ пограничныхъ крѣпостей; въ ней появились несогласія: Фламандцы обижались высокоуміемъ испанцевъ; англичане неохотно служили иноземцу, котораго королева сдѣлала ихъ государемъ; нѣмцы были недовольны несправностью въ уплатѣ жалованья и толпами переходили во французскій станъ, гдѣ хорошо платили имъ. Настали осеннія непогоды; Филиппъ нашелъ невозможнымъ продолжать военныя дѣйствія, отпустилъ войско на зимнія квартиры и возвратился въ Брюссель.

Французы оправились отъ удара, нанесеннаго имъ при Сень-Кантенѣ; всѣ сословія прониклись патріотическимъ усердіемъ служить королю. Дворяне шли въ войско, города давали деньги, духовенство горячо поддерживало правительство, преданное церкви. Генрихъ II-й правилъ государствомъ дурно; но опасность родины заставила французовъ забыть недовольство королемъ, и государственный сеймъ, созванный въ Парижѣ, далъ ему все, чего онъ просилъ. Надежда на успѣхъ увеличилась, когда Гизъ, знаменитый защитникъ Меца, привелъ свое войско изъ Италіи и былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ Франціи, съ титуломъ общаго королевскаго намѣстника (*général lieutenant*; это былъ чрезвычайный санъ, дававшій безграничное полномочіе дѣйствовать именемъ короля). Итальянскій походъ не повредилъ военной репутаціи Гиза, потому что доставилъ напѣ почетный миръ, и непріятель далъ французскому войску свободный путь возвращенія. Гизъ не обманулъ надеждъ націи. Зимой (8-го января 1558) онъ взялъ Кале, остававшійся въ рукахъ англичанъ со времени средневѣковыхъ войнъ. Французы были въ восторгѣ. Англичане негодовали на то, что ихъ правительство не позаботилось поправить укрѣпленія города и усилить его гарнизонъ; они были раздражены утратой послѣдняго остатка своихъ прежнихъ завоеваній, досадовали на Филиппа, вовлекшаго ихъ въ войну, и на королеву, предпочитавшую выгоды католичества и мужа интересамъ націи. Нидерланды тоже роптали на Филиппа. Маршалъ Де-Термъ, котораго Гизъ назначилъ коммендантомъ Кале, взялъ и отдалъ на разграбленіе солдатамъ Дюнкирхенъ, овладѣлъ сосѣдней частью западной Фландріи, дошелъ до Ньёпора, (Ніёвпорта, *Nieuport, Nieuwport*). Ропотъ въ Нидерландахъ увеличился.

Французы опустошили Фландрію. Фламандцы призвали Эгмонда, правителя ихъ области, и объявили, что готовы на всякія жертвованія. Подъ его знамя собралось 12.000 человекъ. Онъ занялъ дорогу изъ Дюнкирхена въ Кале, отрѣзалъ французамъ путь отступленія. Де-Термъ просилъ помощи у Гиза, взявшаго Тіонвилль и пошедшаго въ герцогство люксембургское. Гизъ не могъ немедленно идти къ Де-Терму, потому что нѣмецкіе наемники его, не получая жалованья, не слушались. Де-Термъ хотѣлъ возвратиться въ Кале по узкой полосѣ пути вдоль самаго берега моря; войско его равня-

лось числомъ непріятельскому, было одушевлено отвагой, потому что одержало большіе успѣхи. Оно шло изъ зажженного Дюнкирхена длинной колонной, за которой тянулся безконечный обозъ, нагруженный добычей; путь по тинистому приморью былъ труденъ; Де-Термъ, страдая подагрой, не могъ сидѣть на лошади, его несли на носилкахъ. Эгмондъ напалъ на него съ фронта и съ фланга при Гравелингенѣ (Gravelinghe, Гравелинге), гдѣ рѣчка Аа впадаетъ въ море. Сначала казалось, что побѣдятъ французы; стремительной атакой ихъ конницы и твердымъ натискомъ гасконской пѣхоты были опрокинуты напавшія на нихъ части непріятельскаго войска; подъ Эгмондомъ была убита лошадь; французы радостно кричали, что побѣдили; но Эгмондъ въ ту же минуту сѣлъ на свѣжаго коня, ободрилъ своихъ, остановилъ отступающіе ряды, повелъ ихъ снова въ атаку. Бой былъ упорный, побѣда колебалась; но неожиданно подошла къ берегу англійская эскадра и открыла огонь по правому флангу французовъ. Смущенные появленіемъ новаго врага, они разстроились, обратились въ бѣгство. Много ихъ было убито, много утонуло въ рѣчкѣ или въ морѣ; нѣсколько сотъ было перебито поселянами, раздраженными ихъ прежнимъ грабежомъ. Конница ихъ была почти вся истреблена. Маршалъ Де-Термъ и значительная часть войска его, вся артиллерія и обозъ со всей добычей были взяты побѣдителями, какъ подъ Сентъ-Кантенемъ.

Главные силы обѣихъ воюющихъ сторонъ были далеко отъ Гравелинге. Онѣ шли въ Пикардію. Французской арміей командовалъ Гизъ, испанской—Филибертъ савойскій. И Генрихъ и Филиппъ находились при своихъ войскахъ. Арміи сошлись такъ близко, что надобно было ожидать рѣшительной битвы. Но оба короля не имѣли денегъ; они оба брали съ своихъ подданныхъ налогами, займами, всяческими финансовыми хитростями и насиліями все, что могли; изнурили свои государства; и все таки у нихъ не доставало денегъ на жалованье наемникамъ. Продолжать войну было трудно обоимъ. Притомъ, она мѣшала имъ заняться искорененіемъ ереси въ своихъ государствахъ. Павелъ IV убѣдилъ ихъ помириться. Европа съ удивленіемъ услышала, что они заключили 15-го октября (1558 года) перемиріе и что ихъ уполномоченные ведутъ въ монастырь Серканъ (Sercamp, близъ Камбре) переговоры о мирѣ.

Кромѣ недостатка денегъ на продолженіе войны, были съ французской стороны и другія причины рѣшенія прекратить ее. Весной того года дофинъ Францискъ женился на Маріи Стюартъ, племянницѣ герцога Гиза; благодаря тому, вліяніе герцога и его братьевъ такъ усилилось, что возбуждало зависть любовницы короля, Діаны Пуатье, и всѣхъ вельможъ. Противникамъ Гиза хотѣлось прекратить войну, чтобъ отнять у него удобство упрочить свою власть побѣдами. — Монморанси опасался, что если его плѣнъ продлится, то онъ утратитъ вліяніе на короля. — Французскими уполномоченными на переговорахъ были: братъ герцога Гиза, кардиналъ

лотарингскій, и плѣнные полководцы, коннетабль Монморанси и маршалъ Сентъ-Андре. Филиппъ назначилъ своимъ уполномоченными Гранвеллу, герцога Альбу и Вильгельма Оранскаго. Англійскими послами на конференціи были тоже вельможи очень высокаго положенія. Знатность уполномоченныхъ ужь ясно показывала, что Генрихъ и Филиппъ твердо рѣшили заключить миръ.

Важность вопросовъ, которые должно было рѣшать, и упорство притязаній обѣихъ сторонъ замедляли ходъ переговоровъ. Карлъ V и Марія англійская умерли во время ихъ. Наиболѣе упрямы были споры о герцогствѣ савойскомъ и о Калѣ. Потеря послѣдняго остатка англійскихъ завоеваній во Франціи глубоко огорчила Марію; она говорила: «Когда я умру, найдутъ, что на моемъ сердцѣ написано: Калѣ». Елизаветѣ не хотѣлось начинать свое царствованіе уступкой этой крѣпости, 200 лѣтъ принадлежавшей англичанамъ. Филиппъ твердо поддерживалъ требованіе Елизаветы, чтобы Калѣ былъ возвращенъ Англіи. Прежде онъ защищалъ Елизавету отъ непріязни старшей сестры; теперь надѣясь жениться на пей, угождалъ ей. Пока не былъ подписанъ миръ, Елизавета не разрывала союза съ Филиппомъ, выказывала любезность его посланнику при ея дворѣ. — Упорно требовалъ Филиппъ и того, чтобы герцогство савойское было возвращено Эммануэлю Филиберту, его родственнику и главнокомандующему его войскъ. Переговоры, мѣсто которыхъ было перенесено изъ Серканскаго аббатства въ небольшой городъ Катѣ-Камбрези (тоже сосѣдній съ Камбрѣ), — длились нѣсколько мѣсяцевъ. Расходы на содержаніе войска были изнурительны для Филиппа, долги его наемникамъ росли; онъ говорилъ своимъ министрамъ, что находится на краю раззоренія, и только миръ можетъ спасти его. Положеніе французскихъ финансовъ было не лучше. Елизавета опасалась, что Филиппъ заключить отдѣльный миръ съ Генрихомъ, и вся тяжесть войны упадетъ на Англію, которая не могла бы одна выдержать борьбы съ Франціей, будучи разстроена религіозными раздорами; да и англійскіе финансы были въ безпорядкѣ. Такимъ образомъ, дѣло кончилось взаимными уступками, и въ началѣ апрѣля (1559 года) былъ подписанъ миръ. Генрихъ возвратилъ герцогу савойскому его владѣнія; только въ нѣсколькихъ крѣпостяхъ остались французскіе гарнизоны до разрѣшенія второстепенныхъ спорныхъ вопросовъ. Филиппъ, увидѣвъ, что Елизавета не пойдетъ за него, согласился, чтобы Калѣ остался во власти французовъ; для смягченія досады Елизаветы была придумана оговорка, подававшая ей призрачную надежду на возвращеніе этого города: въ трактатѣ было сказано, что Калѣ уступается только на восемь лѣтъ; если Франція не возвратитъ его Англіи по истеченіи этого срока, то должна будетъ заплатить 500.000 кропъ. По разрѣшеніи вопросовъ о герцогствѣ савойскомъ и о Калѣ, быстро было установлено соглашеніе по другимъ, менѣе

спорнымъ. Филиппъ возвратилъ Франціи тѣ города Пикардін, которые еще оставались заняты его войсками, и отказался отъ требованія, чтобы возвращены были нѣмецкой имперіи епископства мецское, тульское и вердѣнское; Генрихъ возвратилъ ему тѣ города, которые были заняты французскими гарнизонами въ Нидерландахъ и въ Италіи. Выгода была на сторонѣ Филиппа: онъ возвратилъ Генриху только пять или шесть городовъ, а Генрихъ ему до двухъ сотъ.

Герцогъ Гизъ рѣзко выражалъ негодованіе на постыдный миръ, говорилъ, что Монморанси дѣлалъ уступки по эгоистическимъ мотивамъ, по желанію освободиться изъ плѣна и возвратить себѣ вліяніе при дворѣ.—Филиппу като-камбресійскій миръ доставилъ, кромѣ матеріальныхъ выгодъ, и репутацію очень искуснаго дипломата: успѣхъ переговоровъ, веденныхъ по его инструкціямъ, заставилъ современниковъ думать, что онъ не уступаетъ отцу политическими дарованіями. Большія выгоды доставили ему свадьбы, о которыхъ условился онъ съ Генрихомъ: для упроченія союза Испаніи съ Франціей было рѣшено, что дочь Генриха, Елизавета, будетъ выдана за дона Карлоса, сына Филиппа; черезъ нѣсколько времени, предложилъ жениться на ней самъ Филиппъ; Генрихъ согласился на эту перемѣну прежняго брачнаго условія. Альба и князь Эволи (Evoli), въ сопровожденіи принца оранскаго, Эгмонда и другихъ вельможъ поѣхали съ блестящей свитой за невѣстой. Въ Парижѣ было совершено такъ называемое вѣнчаніе по представительству; представителемъ Филиппа въ этой церемоніи былъ герцогъ Альба. Молоденькая, милая красавица поѣхала въ Испанію, гдѣ ожидала ея печальная судьба. Около того же времени былъ заключенъ договоръ о другомъ бракѣ, выгодномъ для Филиппа: Генрихъ согласился выдать свою сестру Маргарету, герцогиню беррійскую, за герцога савойскаго, назначилъ ей богатое приданое, большіе доходы. Празднуя свадьбу ея, онъ, какъ мы говорили, получилъ на турнирѣ рану, отъ которой умеръ.

Като-камбресійскій миръ образуетъ важную эпоху въ исторіи XVI вѣка. Политика Карла V, охватывавшая своими планами всю западную Европу, исчезла вмѣстѣ съ нимъ; государи слѣдующаго времени не задумывали владычествовать надъ всѣмъ западомъ, ихъ политика была болѣе національная. Религіозные раздоры остались мотивами войнъ, но получили другой характеръ: арены войнъ за вѣру стали тѣснѣе, и съ тѣмъ вмѣстѣ борьба сдѣлалась ожесточеннѣй, потому что паписты, убѣдившись въ невозможности возсоединить съ католической церковью отдѣлившіеся отъ нея, хотѣли истребить ихъ. Като-камбресійскимъ миромъ началась эпоха католической реакціи, проявленіями которой были искорененіе реформациі въ Испаніи, дѣятельность ордена іезуитовъ, свирѣпости инквизиціи въ Италіи, гоненія на гугенотовъ во Франціи. Объ истребленіи приверженцевъ реформациі въ Испаніи мы расскажемъ на слѣдующихъ страницахъ,

потомъ сдѣлаемъ очеркъ борьбы между папизмомъ и реформаціею въ Англіи и Шотландіи.

5. Подавление реформации въ Испаніи. *)

Свирѣпость инквизиціи не могла совершенно предотвратить проникновенія реформаціонныхъ ученій въ Испанію. Наперекоръ запрещенію и надзору, въ Испаніи скоро появились иностранныя книги еретическаго содержанія и переводы ихъ. Въ 1525 году была ужь открыта въ Толедо пропаганда лютеранской ереси. Многіе изъ военныхъ, духовныхъ, ученыхъ, государственныхъ людей, сопровождавшихъ Карла въ Нидерланды и Германію, Филиппа въ Англію, возвращались домой съ убѣжденіями, на борьбу съ которыми отиравались въ эти земли. Три брата, фамилія которыхъ была Энсина, учившіеся въ нидерландскихъ и нѣмецкихъ университетахъ, приняли мнѣнія реформаторовъ и стали писать въ ихъ духѣ по-испански. Старшій, Хамме Энсина, другъ и соученикъ несчастнаго Діаса (стр. 472), умеръ въ 1546 году въ Римѣ мученикомъ за свои убѣжденія; второй братъ, Франсиско, другъ Меланхтона, человѣкъ обширныхъ знаній, подвергавшійся многимъ преслѣдованіямъ, перевелъ на испанскій языкъ Новый Заветъ; этотъ переводъ былъ напечатанъ въ 1543 году въ Амстердамѣ и проникъ въ Испанію.

Въ Севильѣ и Вальядолидѣ рано сформировались протестантскія общины, къ которымъ принадлежало много людей большой учености и высокаго положенія; при всей зоркости инквизиціи, онѣ долго укрывались отъ него и пріобрѣли послѣдователей своему ученію въ другихъ городахъ. Алонсо Вальдесъ, написавшій много книгъ въ духѣ прежнихъ мистиковъ и Лютера, сопровождавшій императора въ Вормсъ и Аугсбургъ, подружившійся тамъ съ Меланхтономъ, навлекъ на себя, по возвращеніи домой, подозрѣніе инквизиціи, и уѣхалъ изъ Испаніи. Родриго де Валера, свѣтскій человѣкъ, любившій веселиться, проникся правилами чистой нравственности, усвоивъ себѣ протестантскія убѣжденія, былъ брошенъ въ темницу инквизиціи за проповѣдываніе евангелическаго ученія, и умеръ тамъ. Хуанъ Хиль (Gil), по латинской формѣ фамиліи Эгидій, проповѣдникъ, славившійся ученостью и краснорѣчіемъ, назначенный епископомъ мормосскимъ, жившій раньше того въ Севильѣ, объяснялъ тамъ въ кругу надежныхъ знакомыхъ „Посланіе къ римлянамъ“ въ духѣ протестантства; до его проповѣдей, севильская евангелическая община была не велика; онъ привлекъ къ ней многихъ, и протестантство распространилось по сосѣднимъ мѣстностямъ; онъ подвергся преслѣдованію, былъ брошенъ въ темницу и умеръ отъ тифозной лихорадки въ 1555 году. Черезъ нѣсколько времени, его кости были вырыты изъ могилы и сожжены, его имущество конфисковано, его имя объявлено безчестнымъ. Хуанъ Пересъ, одинъ изъ его сотоварищей по убѣжденіямъ, бѣжалъ изъ отечества, печаталъ въ

*) M'Crie, History of the progress and suppression of the reformation in Spain (Edinburgh and London, 1829), Castro, Historia de los protestantes Espanoles (Cadiz, 1851); Dalton, Die evangelische Bewegung in Spanien (Wiesbaden, 1872); E. Böhmer, Spanish Reformers of two centuries (Strasburg and London (2 тома, 1883).

Женевѣ, Базелѣ, Феррарѣ книги въ протестантскомъ духѣ на испанскомъ языкѣ. Раньше Переса, печатали такія же книги Хуанъ Вальдесъ, братъ Алонсо Вальдеса; одна изъ нихъ, написанная имъ въ Неаполѣ и называющаяся „Сто десять божественныхъ размышленій“, стала очень популярна въ Испаніи.

Въ Вальядолидѣ первымъ распространителемъ евангелическаго ученія былъ Сантъ-Романъ, богатый купецъ, ознакомившійся съ лютеранствомъ въ Нидерландахъ и въ Бременѣ. Возвратившись домой, онъ сталъ открыто проповѣдывать, что спасеніе пріобрѣтается только вѣрою въ искупленіе души Христомъ, называлъ противорѣчащія этому католическія ученія грѣховными, былъ за это (въ 1544 году) осужденъ на сожженіе и умеръ геройски. Такихъ же мыслей держался Касалья, знаменитый проповѣдникъ, бывшій капелланомъ Карла V въ послѣдніе годы его жизни (см. выше). Домъ матери Касальи въ Вальядолидѣ служилъ мѣстомъ тайныхъ собраній послѣдователей евангелическаго ученія; оно пріобрѣтало приверженцевъ по городамъ и селеніямъ Леона, Старой Кастиліи, Новой Кастиліи. Передъ концомъ жизни Карлъ, какъ мы говорили, узналъ, что появилась въ Испаніи ересь, былъ сильно раздраженъ этимъ, убѣждалъ Филиппа и Іоанна искоренять ее.

Желаніе Карла было исполнено. Въ слѣдующемъ году Филиппъ, заключивъ миръ съ королемъ французскимъ, отпраздновалъ это радостное событіе новыми авто-да-фѣ. Хуліанъ Гернандесъ, бывшій писцомъ и корректоромъ у Хуана Переса въ Женевѣ, привезъ оттуда въ Севилью два боченка Библии и кальвинистскихъ книгъ на испанскомъ языкѣ, раздавалъ ихъ друзьямъ. Инквизиція узнала это, арестовала Гернандеса, нѣсколько лѣтъ мучила его, онъ твердо вынесъ всѣ страданія пытокъ и наконецъ былъ сожженъ. Розыски по его дѣлу показали, что ересь распространяется въ Испаніи; начался преслѣдованіе еретиковъ по всей странѣ. Въ Севильѣ въ нѣсколько дней были брошены въ темницы сотни людей, въ Вальядолидѣ 80 человекъ. По всей Испаніи производились аресты, повсюду владычествовалъ ужасъ. Многіе искали спасенія въ бѣгствѣ, изъ монастыря Св. Исидора (San Isidro) бѣжали разными дорогами двѣнадцать монаховъ; они всѣ добрались до Женевы. Великимъ инквизиторомъ былъ тогда Вальдесъ, безжалостный старикъ. Павелъ IV возобновилъ силу всѣхъ рѣшеній соборовъ и прежнихъ папъ противъ еретиковъ и схизматиковъ; Филиппъ говорилъ, что скорѣе откажется отъ короны, чѣмъ дозволить оскорблять католичество. Потому Вальдесъ могъ дѣйствовать безпощадно. У кого находили еретическую книгу, того наказывали конфискаціей имущества и заключеніемъ въ темницу. Духовникамъ было строго велѣно шпионить, доносить; инквизиція подвергала допросу даже высокыхъ церковныхъ сановниковъ. Допосчику была обѣщана часть конфискуемаго имущества еретика. Обвиненный въ ереси не могъ получить пощады даже отреченіемъ отъ нея. Терроризмъ былъ безграниченъ въ своей свирѣпости. Педро де ла Гаска, считавшійся добрымъ человекомъ, опозорилъ конецъ своей жизни безжалостной жестокостью, получивъ отъ Вальдеса должность предсѣдателя въ вальядолидскомъ инквизиціонномъ судѣ. Еще свирѣпѣе дѣйствовалъ Гонсалесъ Муневрега (Munébrega), архіепископъ таррагонскій, которому было поручено искорененіе ереси въ Севильѣ. Папа и король непрерывно другъ передъ другомъ увеличивали число инквизиторовъ и шпионовъ, награждали ихъ усердіе. Понсе де ла Фуэнте, одинъ изъ капеллановъ покойнаго императора, умеръ послѣ двухлѣтняго заключенія въ душевной темницѣ. Человекъ осторожный и ловкій, онъ долго умѣлъ опровергать всѣ обвиненія; наконецъ вѣроломный другъ передалъ инквизиціи рукопись, въ которой онъ изслѣдовалъ вопросы о спасеніи человека бла-

годатю и о догматѣ эвхаристіи и рѣшалъ ихъ въ реформатскомъ смыслѣ. Его осудили на сожженіе. Но онъ умеръ раньше, чѣмъ устроено было это ауто-да-фѣ; были сожжены книги и изображеніе его (въ декабрѣ 1560).

Для того, чтобы сожженіе еретиковъ сильнѣе дѣйствовало на народъ, оно было сдѣлано торжественнымъ зрѣлищемъ. Какъ римскіе императоры угождали жестокому вкусу народа гладіаторскими боями, такъ инквизиція устроивала „акты вѣры“ (зрѣлище вѣры), *auto da fé*, на которыхъ великолѣпіе древнихъ триумфовъ соединялось съ ужасами ада. пышная процессія сопровождала еретиковъ на площадь сожженія; впереди несли красную хоругвь инквизиціи; осужденные шли въ желтой одеждѣ, означавшей уличенныхъ еретиковъ; на головѣ каждого была высокая шляпа, на которой были нарисованы дьяволы и адское пламя; осужденныхъ обыкновенно было много. На площади толпился народъ. Кругомъ площади были разукрашенныя эстрады для королевскаго семейства и знатныхъ людей. Пришедши на площадь, инквизиторы передавали осужденныхъ представителямъ свѣтской власти; палачи завязывали осужденнымъ ротъ, привязывали ихъ въ столбамъ на кострѣ, зажигали его. Если уликъ противъ осужденныхъ вовсе не было, то имъ давалось помилованіе, обрекавшее ихъ на вѣчное лишеніе всѣхъ правъ; они должны были всю жизнь носить позорную одежду (*san benito*),—если была возвращаема имъ свобода; но вообще ихъ всю жизнь держали въ темницѣ. Лишенію всѣхъ правъ были подвергнуты въ Вальядолидѣ многіе вельможи, принадлежавшіе къ фамиліямъ Рохасъ, Уллоа Перейра, Вивера и нѣкоторымъ другимъ знатымъ родамъ. Касалья, его сестра Беатриса, бывшая за однимъ изъ Виверъ; братъ его и много другихъ священниковъ, гидальго, благородныхъ дамъ были удушены и сожжены 4 марта 1559; домъ матери Касальи былъ разрушенъ до основанія и на его мѣстѣ поставленъ былъ позорный столбъ съ надписью. Антонио Гересуэло, уважаемый юристъ, былъ сожженъ живой; радостное мужество, съ какимъ выносилъ онъ страданія на кострѣ, возбудило всеобщее удивленіе и сочувствіе. Его жена Леонора, урожденная Сиснерось, знатная молодая женщина, была брошена въ темницу, и послѣ восьмилѣтняго заключенія тоже сожжена. Когда Филиппъ, подписавъ като-камбрезійскій миръ, возвратился въ Испанію, его пріѣздъ былъ отпразднованъ (8 октября 1559) вторымъ ауто-да-фѣ въ Вальядолидѣ; онъ самъ, его сынъ донъ Карлосъ, его сестра и знатнѣйшіе вельможи присутствовали на этомъ зрѣлищѣ. Тутъ было сожжено 16 человекъ; въ числѣ ихъ находился Карлосъ де Сесо, вельможа, которому Карлъ поручалъ очень важныя дѣла. Незадолго передъ тѣмъ, 24 сентября, были сожжены въ Севильѣ 21 еретикъ, и еще гораздо большее число ихъ было подвергнуто позорнымъ наказаніямъ. Въ числѣ сожженныхъ находились Понсе де Леонъ, сынъ графа Вайлена (*Baylen*), знаменитый проповѣдникъ Хуанъ Гонсалесъ, шедшій на костеръ съ пѣніемъ псалмовъ, четыре монаха и нѣсколько знатныхъ дамъ. Въ концѣ слѣдующаго года (22 декабря 1560) въ Севильѣ было повторено такое же торжество вѣры. На этомъ ауто-да-фѣ было сожжено 14 человекъ. Въ числѣ ихъ находились мужественный распространитель испанскаго перевода Библии Хуліанъ Гернандесъ, врачъ Кристоваль де Лосада и монахъ Хуанъ де Леонъ, схваченный на нидерландскомъ берегу, съ котораго хотѣлъ отплыть въ Англію.—Вартоломѣ де Карранса, архіепископъ толедскій, считавшійся украшеніемъ испанской церкви, бывшій другомъ кардиналовъ Поля и Мороне, подвергся обвиненію, что въ своемъ „Катихизисѣ“ и другихъ книгахъ излагалъ еретическія ученія, былъ вызванъ въ Римъ; его томили тамъ допросами осьмнадцать лѣтъ, пока избавила его отъ нихъ смерть (въ 1576 году).

Сверѣпости инквизиціи, ужасы ауто-да-фѣ, ежегодно повторявшихся при

Филиппъ II въ разныхъ городахъ Испаніи, достигли своей цѣли. Реформація была подавлена. Испанскій фанатизмъ былъ разгоряченъ до ненависти ко всѣмъ, отваживавшимся отступить отъ папизма; клеветы раздражали противъ нихъ народъ. Пожаръ, произошедшій въ 1561 году въ Вальядолидѣ, былъ приписанъ тайнымъ еретикамъ, и было установлено ежегодно совершать благодареніе Богу за спасеніе города отъ ихъ умысла. Инквизиціонные трибуналы свирѣпствовали и въ американскихъ владѣніяхъ Испаніи; особенно подозрительно шпионила инквизиція за всѣми переселявшимися туда европейцами не-испанской національности. Мэтью Крей говоритъ, что 1570 годъ можно считать эпохой совершеннаго подавленія евангелическаго ученія въ Испаніи. Правда, и послѣ того инквизиція отъ времени до времени находила въ ней протестантовъ и устроивала авто-да-фэ; но это были колосья, подбираемые послѣ жатвы. — Многіе успѣли спастись бѣгствомъ. Въ Антверпенѣ составилаь община этихъ эмигрантовъ; но скоро была разсѣяна войной. Касидоро де Рейна, нашедшій себѣ пріютъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, перевелъ тамъ Библію; его переводъ былъ напечатанъ въ 1569 году въ Базелѣ. Многіе нашли себѣ убѣжище въ Англіи и въ Женевѣ, основывая и тамъ маленькія общины, въ которыхъ богослуженіе совершалось на испанскомъ языкѣ. Но отечество отвергло, ненавидѣло ихъ, и они мало по малу утратили свою національность, слившись съ населеніемъ земель, давшихъ имъ пріютъ.

XXII. ОСНОВАНІЕ АНГЛИКАНСКОЙ И ПРЕСВИТЕРІАНСКОЙ ЦЕРКВЕЙ.

1. Реформація въ Англіи при Эдуардѣ VI.

Генрихъ VIII отмѣнилъ папское супрематство, но оставилъ схоластическую догматику, бывшую основаніемъ его; этимъ онъ поставилъ англійскую церковь въ положеніе, которое не могло удержаться: она должна была или возвратиться къ папизму или перейти къ протестантству; борьба между этими направленіями шла въ слѣдующія два царствованія; наконецъ политическіе и династическіе интересы дали побѣду реформации.—Эдуардъ VI сталъ королемъ на десятомъ году жизни. По завѣщанію Генриха, въ малолѣтство его долженъ былъ править государствомъ совѣтъ регентства, состоящій изъ 16 членовъ, въ числѣ которыхъ находились Кранмеръ, канцлеръ Рейотсли и дядя молодого короля, графъ Гертфордъ; по важнымъ дѣламъ регентство должно было спрашивать мнѣнія тайнаго совѣта, вліятельнѣйшимъ лицомъ въ которомъ былъ другой дядя Эдуарда, сэръ Томасъ Симуръ (Seymour, Симоръ), лордъ-адмиралъ.—Генрихъ постановилъ, что дѣла въ совѣтѣ регентства будутъ рѣшаться по большинству голосовъ; но графъ Гертфордъ убѣдилъ или принудилъ товарищей признать его протекторомъ (регентомъ) королевства и опекуномъ короля, и взялъ управленіе государствомъ въ свои руки. Онъ и помогавшіе ему члены совѣта регентства наградили сами себя повышеніями сана; онъ сталъ титуловаться герцогомъ Сомерсетомъ, виконтъ Лейль—графомъ Уоруикомъ, Рейотсли—графомъ Сотемпто-

номъ. Все это было сдѣлано подъ предлогомъ, что такова была воля покойнаго короля. — Почти всѣ члены совѣта регентства были преданы реформаціи, хотѣли вести преобразование церкви дальше границы, поставленной ему Генрихомъ. Это выказалось при коронованіи новаго короля Кранмеромъ, 20 февраля (1547 года). Формы обряда были сокращены для устраненія католическихъ элементовъ его. Въ концѣ Кранмеръ сказалъ молодому королю рѣчь, въ которой объяснялъ ему, что онъ получилъ санъ и власть не черезъ этотъ обрядъ, а непосредственно отъ Бога, который поставилъ его своимъ намѣстникомъ въ королевствѣ; что подобно Іосіи, тоже ставшему царемъ въ дѣтскомъ возрастѣ, онъ долженъ ввести чистое богослуженіе, уничтожить идолопоклонство; за это низойдетъ на него благословеніе Божіе, и слава его продлится до конца вѣковъ. Это значило, что малолѣтнему королю принадлежитъ такое же право преобразовывать церковь, какъ совершеннолѣтнему. Регентъ отъ его имени сталъ вводить протестантскія учрежденія. Гардинеръ, епископъ уинчестерскій и Боннеръ, епископъ лондонскій, возражавшіе противъ этого, были посажены въ темницу; Тонстоль, епископъ доргэмскій, отказался отъ должности; Рейотсли, сторонникъ ихъ, былъ удаленъ изъ совѣта регентства. Намѣсто Боннера былъ назначенъ Ридли. У епископа уинчестерскаго была отнята значительная часть земель и доходовъ. Сопровиженіе реформаціи прекратилось. Наставники Эдуарда, Коксъ и Чикъ, воспитывали его въ реформатскомъ ученіи. Онъ былъ даровитый мальчикъ, на восьмомъ году ужъ писалъ латинскія письма, и дневникъ его показываетъ, что умъ его развивался очень быстро. Онъ проникся такимъ усердіемъ къ реформаціи, что самъ торошилъ дѣло преобразования.

Протекторъ совершенно раздѣлялъ высказанное Кранмеромъ при коронаціи мнѣніе, что религіозная власть соединяется съ политической въ рукахъ короля по божественному праву его. Герцогъ далъ ребенку подписать бумагу, уполномочивавшую его по собственному усмотрѣнію, безъ надобности въ согласіи совѣта регентства, дѣлать все, что почтетъ онъ полезнымъ для чести государя и блага страны. Неограниченная власть деспотичнаго протектора возбудила неудовольствіе во многихъ. Осособенно негодовалъ на герцога младшій братъ его, лордъ-адмиралъ Симуръ, не получившій участія во власти. Симуръ съ неприличнымъ нарушеніемъ уваженія къ сроку траура поспѣшилъ жениться на вдовѣ покойнаго короля, Катеринѣ Парръ, чтобы пріобрѣсти ея богатство, и задумалъ низвергнуть старшаго брата. Протекторъ повелъ войско въ Шотландію, чтобы вынудить у шотландцевъ согласіе на обрученіе ихъ королевы, маленькой дѣвочки, съ ребенкомъ Эдуардомъ и приготовить этимъ присоединеніе Шотландіи къ Англіи. Пользуясь отсутствіемъ герцога, Симуръ хотѣлъ отдѣлить опеку отъ регентства и взять должность опекуна себѣ.

Но протекторъ, разбивъ шотландцевъ при Пикни, быстро возвратился. Симуръ продолжалъ интриги противъ старшаго брата, и по смерти своей жены сталъ искать руки принцессы Елизаветы. Протекторъ обвинилъ его въ утайкѣ денегъ при чеканкѣ монеты, которой завѣдовалъ онъ. Симуръ не хотѣлъ признать себя виновнымъ и просить прощенія у брата; протекторъ обвинилъ его въ замыслѣ мятежа, и онъ былъ осужденъ на смерть. Всѣ члены совѣта регентства, въ томъ числѣ Кранмеръ и самъ протекторъ, подписали приговоръ, и 17 марта 1549 Симуръ былъ казненъ. Если бы братья были единодушны, владычество ихъ было бы непоколебимо; своей враждой оба они погубили себя.

Между тѣмъ въ Англіи была введена реформація, на основаніи понятій Сомерсета, Кранмера и ихъ сторонниковъ. Подготовленіемъ къ ней служила визитація (ревизія) всѣхъ церквей, на время которой было приостановлено дѣйствіе епископской власти и воспрещено говорить проповѣди безъ особаго разрѣшенія. Пользуясь этимъ, Кранмеръ принялъ мѣры, облегчавшія преобразование вѣроученія и богослуженія: его помощники, важнѣйшими изъ которыхъ были Ридли, Лэтимеръ, освобожденный изъ Тоуэра, и возвратившіеся въ Англію Кёвердель, Гуперъ, Роджерсъ развивали своими проповѣдями и книгами склонность къ реформациі; самъ Кранмеръ составилъ въ томъ же духѣ оффиціальную «Книгу проповѣдей», для всеобщаго употребленія въ богослуженіи, распространялъ въ народѣ англійскій переводъ Библии и переводъ написаннаго Эразмомъ парафразиса Новаго Завѣта. Послѣ того, въ ноябрѣ 1547, парламентъ отмѣнилъ прежніе законы противъ еретиковъ и кровавый статутъ Шести Статей, возстановилъ верховную власть короля надъ церковью, возвратилъ ему право назначать епископовъ. Введеніе причащенія мірянъ Св. даровъ подъ обоими видами подготовило народъ къ отмѣнѣ католической литургіи. Секуляризація католическихъ капеллъ, госпиталей, коллегіумовъ и другихъ учреждений, доходы которыхъ оставались въ распоряженіи духовенства, подала вельможамъ надежду получить новыя доли добычи отъ конфискаціи церковныхъ имуществъ, и расположила ихъ въ пользу реформациі. Дѣйствительно, было конфисковано множество церковныхъ домовъ, имѣній, капиталовъ, десятинъ, другихъ доходовъ, и значительная часть ихъ была роздана вельможамъ. Не забылъ себя при этомъ дѣлѣжъ и протекторъ: его великолѣпный дворецъ Сомерсетъ-Гаусъ, остающійся и теперь однимъ изъ замѣчательныхъ зданій Лондона, построенъ изъ матеріала церквей, капеллъ и епископскихъ домовъ, взятыхъ имъ.

По своему праву верховнаго правителя церкви король — то есть, именемъ ребенка короля протекторъ — велѣлъ удалить изъ храмовъ всѣ образа и другія католическія святыни; но съ тѣмъ вмѣстѣ запретилъ дальнѣйшія нововведенія, чтобы фанатики реформациі не раз-

дражали излишней торопливостью людей, ужь и безъ того досаждующихъ на мѣры, враждебныя католичеству. Такихъ людей было еще очень много. Правительство надѣялось склонить большинство ихъ въ свою пользу распространеніемъ въ народѣ реформатскихъ книгъ и брошюръ, и въ особенности «Катихизисомъ», который былъ составленъ Кранмеромъ на основаніи Лютерова. Коммиссія двѣнадцати прелатовъ подѣ предсѣдательствомъ Кранмера составила новый англійскій служебникъ, выбравъ и переведя на англійскій языкъ изъ католическихъ служебниковъ и въ частности изъ стариннаго Сэромскаго (Sarum, то есть Сольсберійскаго) служебника сообразнѣйшія съ реформатскимъ ученіемъ молитвы и обряды. Выборъ былъ сдѣланъ искусно, молитвы были переработаны сближеніемъ ихъ словъ съ выраженіями Священнаго писанія; языкъ новаго служебника — возвышенный, величественный; основныя мысли проведены черезъ весь составъ его послѣдовательно, такъ что всѣ подробности молитвъ и обрядовъ гармонируютъ между собою. На рождество 1548 года эта книга была поднесена королю, какъ рождественскій подарокъ. Король, выразивъ одобреніе ей, передалъ ее на разсмотрѣніе засѣдавшему тогда парламенту, который увидѣлъ въ ней такія высокія достоинства, что выказалъ сочувствіе ораторамъ, объяснявшимъ ихъ содѣйствіемъ Святаго Духа составленію ея. По рѣшенію парламента, утвержденному королемъ, она была подѣ названіемъ «Общей книги моленія», Common Prayerbook, введена какъ служебникъ во всемъ государствѣ и до сихъ поръ остается служебникомъ англиканской церкви.

„Общая книга моленія“ была составлена англійскими богословами независимо отъ всякаго иноземнаго вліянія. Они пользовались только однимъ иностраннымъ протестантскимъ служебникомъ, „реформаціонной книгой“, составленной Меланхтономъ и Буцеромъ по порученію принявшаго протестантство архіепископа кѣльнскаго Германа Внда и незадолго передъ тѣмъ переведенной на англійскій языкъ. — Въ той-же сессіи парламента былъ принятъ законъ, разрѣшавшій священникамъ и епископамъ брачную жизнь; но дозволеніе ея было высказано въ непріятной для нихъ формѣ: бракъ ихъ допускался какъ будто необходимое зло; потому впослѣдствіи законъ былъ пополненъ безоговорочнымъ разрѣшеніемъ.

Не вездѣ эти преобразованія нравились народу. Какъ при Генрихѣ VIII, такъ и теперь, католики въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ составляли въ защиту прежней церкви; съ религіознымъ мотивомъ соединились въ этихъ мятежахъ соціальныя. Секуляризація монастырей измѣнила положеніе ихъ фермеровъ въ очень невыгодную сторону. Многіе изъ новыхъ землевладѣльцевъ уничтожали мелкія фермы, раздавали землю крупнымъ арендаторамъ, нерѣдко сгоняли поселянъ съ участковъ, издавна бывшихъ въ ихъ пользованіи. Другіе новые землевладѣльцы обводили свое имѣніе и невоздѣланную общинную землю

изгородью, обращали большую часть огороженного пространства въ пастбище, разводили стада овецъ, потому что шерсть давала больше дохода, чѣмъ хлѣбъ; многіе превращали пашни въ парки для прогулокъ и для охоты, такъ что земля, дававшая пропитаніе десяткамъ семействъ, служила теперь жилищемъ дикихъ животныхъ. Народъ страдалъ отъ этого; горячіе католики, приверженцы Маріи и кардинала Поля, возбуждали его къ мятежамъ.

Волненіе было особенно сильно въ югозападной и въ сѣверной частяхъ Англіи, гдѣ католическое духовенство сохраняло большое вліяніе. Въ Корнуэллѣ, королевскій комиссаръ, велѣвшій унести чтимый народомъ образъ, былъ убитъ священникомъ; убійцу повѣсили; но волненіе продолжалось. Одинъ изъ старшихъ священниковъ (ректоровъ) въ Девонширѣ хотѣлъ на Троицу служить литургію по новому уставу; народъ потребовалъ, чтобы онъ служилъ католическую литургію, и поднялся мятежъ. Собралось 10.000 инсургентовъ; главнымъ вождемъ ихъ былъ вельможа, Гомфри Эрондель (Arundel); католическіе священники фанатизировали эту нестройную массу; передъ нею ѣхалъ на телѣгѣ священникъ, держа въ рукахъ дарохранительницу, несли святую воду, распятіе, свѣчи; инсургенты требовали отмѣны новаго богослуженія, «святочного шутовства», какъ они называли, возстановленія Шести Статей и католической литургіи, возстановленія двухъ аббатствъ въ каждомъ графствѣ и возвращенія половины конфискованнаго церковнаго имущества въ собственность католической церкви. Манифесты правительства, убѣждавшіе народъ положить оружіе, оставались напрасны. Инсургенты подошли къ Экситеру, осадили городъ. Лордъ Россель пошелъ на нихъ; но не могъ сдѣлать ничего, потому что имѣлъ слишкомъ мало войска; правительство принуждено было пригласить нѣмецкихъ и итальянскихъ наемниковъ; когда они приплыли, Россель (въ августѣ 1549) разбилъ инсургентовъ въ двухъ сраженіяхъ. Эрондель и восемь священниковъ, множество другихъ инсургентовъ были повѣшены.

Девонширское возстаніе было главнымъ образомъ религіозное; возстаніе въ графствѣ норфолькскомъ имѣло политическій и соціальный характеръ. Тамъ вождемъ инсургентовъ былъ Робертъ Кеттъ, богатый кожевникъ; къ нему собралось 20.000 человекъ. Онъ сталъ на холмѣ надъ Норвичемъ; поставилъ тронъ подъ дубомъ реформаціи, какъ называли это дерево, подлѣ трона поставилъ кресло, сидя на которомъ производилъ судъ. Капелланъ совершалъ въ станѣ инсургентовъ католическое богослуженіе. Кеттъ издавалъ прокламаціи, говорившія, что должно прогнать дурныхъ совѣтниковъ, обольщающихъ короля, угнетающихъ народъ, искореняющихъ святую вѣру, установить новое правительство. Агитаторы напоминали народу старое пророчество, что владычество вельможъ и короля разрушится, владыкою будетъ самъ народъ, говорили, что оно исполняется. Мэтью

Паркеръ (ставшій въ послѣдствіи архіепископомъ кентебрійскимъ) увѣщевалъ инсургентовъ прекратить мятежъ; нѣкоторые изъ нихъ направляли на него свои самострѣлы; онъ едва спасся бѣгствомъ. Норвичъ оборонялся отъ инсургентовъ; осада затянулась; графъ Уоруикъ, подкрѣпивъ свою конницу иноземными наемниками, пошелъ на выручку осажденнымъ, отрѣзалъ подвозъ продовольствія инсургентамъ. Принужденный голодомъ спуститься на равнину, Кеттъ потерпѣлъ пораженіе въ Доссингской долинѣ (Dussingdale). Уоруикъ обѣщалъ амністію тѣмъ мятежникамъ, которые разойдутся по домамъ, и почти всѣ разошлись. Вожди ихъ были схвачены. Кеттъ былъ повѣшенъ у Норвичскаго замка, братъ его—на Уиндгэмской колокольнѣ; девять другихъ главныхъ мятежниковъ были повѣшены на дубѣ реформаціи. Въ Норутчѣ и Экситерѣ до сихъ поръ празднуютъ годовщины ихъ освобожденія отъ осады. — Мятежи въ другихъ графствахъ тоже были усмирены.

Такимъ образомъ правительство при помощи иноземцевъ наемниковъ восторжествовало надъ своими противниками, и дѣло преобразованія церкви продолжалось. Къ «Общей книгѣ моленія» былъ прибавленъ утвержденный парламентомъ уставъ рукоположенія, давшій англиканской церкви епископальный характеръ. Но состояніе государства было дурно. Народъ былъ недоволенъ управленіемъ протектора; въ войнѣ съ французами и шотландцами англичане терпѣли неудачи; Французы осаждали Булонь. Во всемъ этомъ винили протектора. При началѣ мятежей онъ обнародовалъ прокламацію, воспрещавшую землевладѣльцамъ обводить изгородами—то есть, захватывать въ свое владѣніе—общинныя земли, обращать пашни въ луга, объявлявшую жалобы поселянъ на нихъ справедливыми. Это раздражило землевладѣльцевъ; они говорили, что онъ покровительствуетъ мятежникамъ, что собственно онъ и возбудилъ мятежи. Ихъ упреки находили сильное сочувствіе себѣ у членовъ совѣта регентства, обижавшихся надменностью и самовластіемъ протектора. Составилась сильная коалиція противъ него. Католики ненавидѣли его за введеніе реформаціи. Великолѣпный дворецъ, построенный имъ на Стрэндѣ изъ матеріала разрушенныхъ католическихъ церквей, оскорблялъ ихъ религіозное чувство. Сомерсетъ не устоялъ въ борьбѣ съ многочисленными врагами. Они арестовали его, отвезли въ Тоуэръ, предали суду. Онъ просилъ прощенія, признавалъ себя виновнымъ, отказался отъ сана протектора, униженно льстилъ вождю своихъ противниковъ, графу Уоруику; купилъ этимъ освобожденіе себѣ. Уоруикъ, получившій санъ герцога Нортomberланда, сталъ правителемъ Англіи; Сомерсетъ помирился съ нимъ, выдалъ свою дочь за его старшаго сына. Казалось, что дружба ихъ упрочена этимъ родствомъ. Но Сомерсетъ хотѣлъ возстановить свою власть, Нортomberландъ замѣтилъ это. Исходъ войны съ Франціей и Шотландіей былъ невыгоденъ для Англіи: она

отказалась отъ Булони; молодая королева шотландская была обручена съ дофиномъ. Англичане роптали на новое правительство за согласіе на такія условія мира. Въ Сомерсетѣ пробудилась надежда низвергнуть Нортomberлэнда, возвратить себѣ санъ протектора. Но Нортomberлэндъ былъ сильнѣе и хитрѣе, чѣмъ онъ думалъ, окружилъ его шпіонами, выманилъ у него улики замысла, возбудилъ въ королѣ недовѣріе къ дядѣ, и въ октябрѣ 1551 года онъ былъ преданъ суду по обвиненію въ злоумышленіи на жизнь Нортomberлэнда и въ другихъ преступныхъ намѣреніяхъ, снова брошенъ въ Тоуэръ и съ нарушеніемъ всякой справедливости осужденъ на смерть. Ребенокъ-король вѣрилъ всѣмъ клеветамъ на дядю, не вступился за него, и онъ былъ казненъ на Тоуэргиллѣ (Тоуэрскомъ холмѣ) утромъ 22-го января 1552; до послѣдняго дыханія онъ утверждалъ, что былъ вѣренъ королю и евангельскому ученію. Народъ, любившій его, глубоко печалился о его гибели, считалъ его невиннымъ и сохранилъ уваженіе къ его памяти, проклиная Нортomberлэнда.

Этотъ политическій переворотъ не имѣлъ вліянія на ходъ реформаціи. По релігіознымъ дѣламъ Нортomberлэндъ держался правилъ, одинаковыхъ съ Сомерсетомъ; оба они покровительствовали Кранмеру, помогали реформаціи, Сомерсетъ по искреннему убѣжденію, Нортomberлэндъ по политическимъ и личнымъ разсчетамъ.—Стѣсненіе, которому подвергалось евангелическое ученіе на континентѣ во время интерима, принудило многихъ протестантовъ уѣхать въ Англію; въ числѣ ихъ находились знаменитые богословы Буцеръ и другой страсбургскій проповѣдникъ Поль Фагій, итальянцы Піеро Мартиръ Вермили, Бернардо Окино и Эмилиа Тремелли. Кранмеръ гостепріимно принималъ этихъ ученыхъ въ свой домъ, помогалъ имъ, назначилъ ихъ профессорами въ англійскихъ университетахъ, чтобъ они своими лекціями противодѣйствовали вліянію профессоровъ, преданныхъ католичеству. Мартиръ, получившій каѣеду въ Оксфордѣ и терпѣвшій много непріятностей отъ католическихъ профессоровъ, защищалъ на публичномъ диспутѣ ученіе Кальвина объ эвхаристіи. Всѣ иноземные богословы, названные нами, держались реформатскаго, а не лютеранскаго ученія; ихъ вліянію должно приписывать то, что догматика англиканской церкви получила совершенно реформатскій характеръ. Кранмеръ и его англійскіе помощники держались прежде въ ученіи объ эвхаристіи лютеранской формулы, по которой принимается, что хотя хлѣбъ и вино не пресуществляются въ тѣло и кровь Христа, но тѣло и кровь его „сосуществуютъ“ съ ними; теперь эта формула была замѣнена реформатскою, по которой отвергается реальное присутствіе тѣла и крови Христа въ св. дарахъ, эвхаристія имѣетъ только значеніе воспоминанія объ искупленіи христіанина страданіями Спасителя. Въ Англію пріѣхалъ и знаменитый реформатскій богословъ Ласки (Ласкій; въ латинской формѣ имени „a Lasco“) полякъ знатной фамиліи, родившійся въ Варшавѣ въ 1499, еще въ ранней молодости возбуждавшій удивленіе Эразма и другихъ гуманистовъ своею ученостію и основавшій въ Эмденѣ кальвинистскую церковь. Въ Англіи онъ сдѣлался суперъ-интендентомъ нѣсколькихъ эмигрантскихъ церквей. Своимъ строгимъ кальвинизмомъ онъ подалъ поводъ къ возникновенію догматическаго спора, имѣвшаго важныя послѣдствія.

Въ „Общей книгѣ моленія“ и въ „Уставѣ рукоположенія“ было удер-

жано католическое епископское облаченіе; Гунеръ, послѣдователь понятій швейцарскихъ реформаторовъ, назначенный епископомъ глосстерскимъ, не хотѣлъ надѣть это облаченіе при своемъ рукоположеніи; его отвели въ темницу, онъ согласился надѣть предписываемое облаченіе; но споръ, поднятый имъ, не прекратился. Ласкій, священники, подвѣдомственные ему, и нѣкоторые другіе богословы, пріѣхавшіе съ континента, доказывали, что должно отбросить этотъ „шутовской нарядъ“ и всѣ „остатки папства“, поддерживающіе въ народѣ „прежнее заблужденіе“. Буцеръ и Мартиръ напрасно убѣждали ихъ не нарушать мира, подчиниться англиканскому уставу. Та часть англійскаго духовенства, которая имѣла склонность къ папизму, возставала противъ англиканскаго устава рукоположенія за его уклоненія отъ католическаго. Особенно рѣзко осуждалъ его Гитъ (Heath), епископъ уорстерскій; еще больше, чѣмъ этимъ уставомъ, Гитъ скандализировался тѣмъ, что изъ церквей были удалены престолы, съ которыми соединялась идея жертвоприношенія, и замѣнены простыми деревянными столами для причащенія. Воздемъ этой партіи былъ Де (Day), епископъ чичестерскій. Онъ и Гитъ были лишены должностей и посажены въ темницы за свою оппозицію. Въ то же время были сожжены за анабаптизмъ Джэнна Бочеръ, которую народъ, уважавшій ее, называлъ Джэнной Кентской, и голландецъ Парре. Вѣротерпимости тогда не было и у англиканцевъ, какъ у католиковъ и лютеранъ. Регентство оказывало снисходительность только къ принцессѣ Маріи, сохранявшей въ своемъ дворцѣ католическое богослуженіе и говорившей, что правительство не имѣло права измѣнять устройство, данное церкви ея отцомъ. Ее подвергали мелочнымъ непріятностямъ, но не смѣли принимать крутыхъ мѣръ противъ нея, потому что дядя ея, императоръ Карлъ, былъ тогда на верху своего могущества.

Такимъ образомъ, было быстро преобразовано богослуженіе, которое Генрихъ VIII оставлялъ въ прежнемъ видѣ. Для довершенія реформы, надобно было только преобразовать церковное право и установить официальную форму вѣроисповѣданія. Кранмеръ энергически занялся этимъ. Но не успѣлъ покончить дѣло вполнѣ. Въ церковномъ правѣ было только сохранено установленное Генрихомъ VIII ученіе о совершенномъ подчиненіи церкви и духовенства королю и парламенту. Изложеніе вѣроисповѣданія, формулированное въ 42 статьяхъ, было объявлено по королевскому повелѣнію символомъ вѣры англиканской церкви и предложено для подписи всему духовенству; но король умеръ прежде чѣмъ оно получило утвержденіе.

Это исповѣданіе вѣры было передѣлано при Елизаветѣ; въ новой своей редакціи, оно было раздѣлено на 39 статей; утвержденное парламентомъ, оно получило силу закона и сохраняетъ ее до сихъ поръ. Оно составлено подъ вліяніемъ богослововъ, переселившихся въ Англію съ континента. Въ богослуженіи и въ епископальномъ устройствѣ англиканской церкви осталось много католическаго; но вѣроисповѣданіе ея имѣетъ кальвинистскій характеръ.

2. Смерть Эдуарда VI. Борьба за престолъ.

Преобразование церкви производилось безъ затрудненій, потому что молодой король былъ горячимъ приверженцемъ евангелическаго ученія. Онъ былъ воспитанъ въ немъ и полюбилъ занятіе богословіемъ. Умъ его развился рано. Еще въ дѣтствѣ онъ ужъ имѣлъ много свѣдѣній; учителя удивлялись его любознательности. Письма и другія бумаги его показываютъ, что онъ былъ очень заинтересованъ религіозными и государственными дѣлами. Герцогъ Нортмберлэндъ пріобрѣлъ его довѣріе и поддерживалъ свое вліяніе на него именно тѣмъ, что выказывалъ себя усерднымъ приверженцемъ реформации. Эдуардъ хотѣлъ запретить католическое богослуженіе во дворцѣ своей сестры Маріи; его съ трудомъ отклонили отъ этого. Онъ считалъ важнѣйшей своей обязанностью просвѣтитъ всѣхъ своихъ подданныхъ тѣмъ вѣроученіемъ, которое считалъ истиннымъ; впрочемъ, ему не нравилось преслѣдовать людей за вѣру, потому что сердце у него было доброе. Правда, онъ лишалъ должностей, запиралъ въ темницы епископовъ и священниковъ, не подчинявшихся церковнымъ законамъ и распоряженіямъ, но дѣлалъ это по новымъ понятіямъ объ обязанности духовенства повиноваться коронѣ и парламенту. Казней за вѣру при немъ было очень мало. Его съ трудомъ убѣдили подписать смертный приговоръ двумъ анабаптистамъ. Благодаря доброму характеру его и тому, что Кранмеръ не былъ человѣкомъ жестокимъ, реформація была введена безъ большихъ насилій.

Эдуардъ и Кранмеръ не стѣсняли составившуюся въ Лондонѣ изъ эмигрантовъ кальвинистскую общину. Ласкій, главный руководитель ея, и другіе реформатскіе богословы, переселившіеся въ Англію, стремились, какъ мы говорили, ввести въ англиканскую церковь кальвинистское устройство. Быть можетъ, это и осуществилось бы, если бы продлилась жизнь Эдуарда. Послѣ него остались замѣтки о надобности продолжать преобразование церкви; онѣ составлены въ духѣ неблагопріятномъ епископальной системѣ; онъ хотѣлъ конфисковать тѣ имѣнья, какія еще оставались въ собственности церкви и уменьшить другіе доходы ея сановниковъ. Гибкій Кранмеръ едва ли сталъ бы упорно сопротивляться введенію кальвинистскаго устройства: онъ выказывалъ терпимость ко всѣмъ протестантскимъ исповѣданіямъ, дружески давалъ пріютъ въ своемъ дворцѣ и раздавалъ должности бѣжавшимъ въ Англію богословамъ всѣхъ направленій протестантства.

Эдуардъ былъ юноша даровитый, проникнутый горячимъ желаніемъ блага народу. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ имѣлъ и рыцарскія качества, какія казались тогда необходимыми для государя: ловко владѣлъ копьемъ и національнымъ англійскимъ оружіемъ, самострѣломъ, хорошо ѣздилъ верхомъ. На аудіэнціяхъ и въ парламентѣ онъ держалъ себя съ достоинствомъ; ему нравилось окружать себя блескомъ въ оф-

фициальныхъ случаяхъ. Кранмеръ угождалъ ему въ своемъ управленіи церковью, герцога Нортomberландъ въ управленіи политическими дѣлами; потому они пользовались неизмѣннымъ довѣріемъ его. Но съ тревогой видѣли, что молодой король не проживетъ долго. Онъ отъ природы былъ слабаго здоровья, изнурилъ его чрезмѣрными упражненіями въ рыцарскихъ искусствахъ и умственными занятіями; силы его быстро падали. Въ случаѣ бездѣтной смерти его, престолъ наслѣдовала по предсмертному распоряженію Генриха Марія, усердная католичка. Это угрожало Нортomberланду паденіемъ. Владычествуя надъ молодымъ королемъ, онъ безсовѣстно увеличивалъ свое богатство. Со времени Уольси, не сосредоточивалось въ рукахъ одного человѣка столько имѣній и доходовъ. Герцогъ породнился свадьбами съ знатнѣйшими фамиліями. Онъ придумалъ способъ сохранить за собой власть и по смерти короля, измѣнивъ порядокъ престолонаслѣдія. Можно было выставить юридическія возраженія противъ завѣщанія Генриха. Его бракъ съ Екатериной арагонской, матерью Маріи, былъ объявленъ незаконнымъ, Марія была лишена права престолонаслѣдія постановленіемъ парламента. То же самое было сдѣлано и относительно брака Генриха съ Анной Болинъ, относительно Елизаветы, дочери Анны Болинъ. Нортomberландъ безъ труда убѣдилъ молодаго короля, что онъ, по данной ему отъ Бога власти, имѣетъ такое же право распоряжаться наслѣдствомъ престола, какъ его отецъ. Эдуардъ не любилъ Марію, не покорявшуюся его требованіямъ отказаться отъ католичества. По внушенію Нортomberланда, онъ рѣшилъ, что Марія и Елизавета не имѣютъ права на престолъ, что не имѣетъ его и потомство старшей сестры Генриха VІІІ, Маргареты, вышедшей за короля шотландскаго и сдѣлавшейся иноземкой для Англіи. Младшая сестра Генриха, Марія, герцогиня Соффолькъ, имѣла только одну дочь, Франсиску, которой переданъ былъ ея титулъ; Франсиска, вышедшая за лорда Грѣ, имѣла только дочерей; на старшей изъ нихъ Дженъ (Іоаннѣ) Грѣ (Grey) Нортomberландъ женилъ своего четвертаго сына, Гильфорда Додли. Права потомства Маріи на престолъ были формально признаны Генрихомъ VІІІ. По совѣту Нортomberланда, Эдуардъ постановилъ, что въ случаѣ бездѣтной смерти его престолъ долженъ принадлежать потомству герцогини Соффолькъ, и что до рожденія мужчины въ этой династіи государствомъ будетъ править Іоанна Грѣ. Онъ велѣлъ приложить государственную печать къ распоряженію, назначавшему наслѣдницей его Іоанну Грѣ, подписалъ этотъ документъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; члены тайнаго совѣта и высшихъ трибуналовъ тоже подписали; послѣ нѣкотораго колебанія подписалъ и Кранмеръ. Члены тайнаго совѣта подписали и другой актъ, которымъ давали Нортomberланду обѣщаніе всѣми силами содѣйствовать исполненію воли Эдуарда и защищать противъ всѣхъ право Іоанны на престолъ.

Вскорѣ послѣ того здоровье короля сдѣлалось дурно. Нортмберлендъ принялъ мѣры для исполненія своего плана. Сыновья его стали по приказанію отца набирать конницу. Онъ назначилъ коммендантомъ Тоуэра усерднаго своего приверженца, великаго адмирала Лорда Клинтона, и послалъ обѣимъ сестрамъ короля приглашеніе, чтобъ онѣ пріѣхали ко двору въ Гринвичъ ухаживать за больнымъ братомъ. Онъ хотѣлъ захватить ихъ въ свои руки; Марія поѣхала; но на дорогѣ услышала, что братъ умираетъ; поняла намѣреніе Нортмберленда и уѣхала въ замокъ Кеннингголлъ, въ графствѣ норфолькскомъ, гдѣ у нея было много приверженцевъ. Эдуардъ умеръ 6 іюля 1553, на шестнадцатомъ году жизни. Получивъ извѣстіе объ этомъ, Марія отправила тайному совѣту письмо, объявлявшее, что она, сообразно распоряженію отца, приняла на себя правленіе. Но въ первые дни казалось, что она не получитъ власти. Правленіе оставалось въ рукахъ Нортмберленда; онъ спѣшилъ возвести на престолъ Грѣ. Молодая женщина изумилась, когда ей сказали, что она королева, привели ее въ собраніе вельможъ; они стали присягать ей; она была такъ взволнована, что съ крикомъ упала въ обморокъ. Ей было только шестнадцать лѣтъ; она была даровитая, благородная молодая женщина, красавица, нѣжнаго тѣлосложенія, блѣднаго цвѣта лица. Она мила до той поры въ тиши, занимаясь науками, читала Платона въ подлинникѣ, читала Библію, глубоко интересовалась религіозными вопросами, волновавшими тогда Англію, забывала для своихъ благородныхъ умственныхъ наслажденій всѣ развлеченія знатнаго общества. Неожиданно увидѣвъ себя вовлеченной въ пучину бурной политической борьбы, она, изумленная, покорила ужасавшей ее судьбѣ и приняла санъ королевы, моля Бога, чтобъ онъ далъ ей силу править государствомъ во славу его и во благо народа. Торопливо былъ исполненъ обрядъ коронаціи; новая королева поселилась въ Тоуэрѣ, который скоро долженъ былъ стать ея могилой.

Марія провела эти дни въ Норфолькѣ, близъ моря, ожидая помощи отъ своего дяди, императора. Но оказалось, что ей не нужна чужая помощь. Въ ея пользу дѣйствовали всеобщая ненависть къ надменному, деспотичному Нортмберленду и уваженіе народа къ законному порядку престолонаслѣдія. Реформація еще не пропикла въ массу народа такъ глубоко, чтобы произвести раздѣленіе націи на два лагеря: церковныя преобразованія производились до сихъ поръ по приказанію правительства, а не по переменамъ въ убѣжденіяхъ народа, и не успѣли укорениться. Притомъ Марія имѣла благоразуміе обѣщать, что никто не подвергнется стѣсненіямъ въ исполненіи обрядовъ своего исповѣданія; это успокоило протестантовъ. Нортмберлендъ собралъ войско на защиту королевы, отъ имени которой надѣялся владѣть; онъ держалъ членовъ тайнаго совѣта подъ надзоромъ въ Тоуэрѣ, чтобы никто изъ нихъ не могъ принять сто-

рону Маріи. Но вельможи и народъ были за законную наслѣдницу престола. Лорды отовсюду шли съ отрядами вооруженныхъ людей къ Маріи; начальники нѣкоторыхъ частей регулярнаго войска объявляли себя за нее. Нортomberлэндъ повелъ войско по дорогѣ въ Кембриджъ, остановить Марію, шедшую къ Лондону. Начальство въ Тоуэрѣ и охраненіе Лондона онъ поручилъ отцу Іоанны. Онъ полагался на вѣрность большинства членовъ тайнаго совѣта; но ошибся. Почти всѣ они уѣхали подъ разными предлогами изъ Лондона, собрались въ замкѣ графа Пемброка, признали королевой Марію, послали Нортomberлэнду требованіе, чтобъ онъ распустилъ свое войско. Народъ повсюду выражалъ громкое одобреніе тайному совѣту. А между тѣмъ Іоанна не соглашалась дать титулъ короля мужу (то-есть раздѣлить съ нимъ королевскую власть); это произвело ссору въ семействѣ, Нортomberлэндъ упрекалъ Іоанну, сталъ обращаться съ нею сурово. Войско покидало его. Онъ увидѣлъ, что его дѣло проиграно.

Съ надеждой на успѣхъ исчезло въ немъ чувство собственнаго достоинства. Онъ малодушно хотѣлъ заслужить прощеніе Маріи, провозгласилъ ее въ Кембриджѣ королевой, заливаясь слезами раскаянія. Но запоздавшее смиреніе не спасло его. Онъ былъ арестованъ и съ нѣсколькими родными и приверженцами отвезенъ въ Тоуэръ. Въ концѣ іюля Марія подошла къ Лондону. Елизавета съ вельможами выѣхала верхомъ на встрѣчу сестрѣ, и обѣ онѣ на иноходцахъ торжественно въѣхали въ столицу; улицы города были украшены, наполнены народомъ. Марія не имѣла ни величественной осанки отца, ни красоты и граціозности матери, говоритъ Линггардъ; она была маленькаго роста, дурна лицомъ, на которомъ печаль провела глубокія морщины, и пронзительный взглядъ ея темныхъ глазъ пугалъ всѣхъ, на кого обращался. Елизавета производила впечатлѣніе болѣе выгодное; она была молода; не будучи красавицей, имѣла пріятныя черты лица, большіе голубые глаза, стройный станъ, красивыя руки, которыя любила выставлять на показъ.—Первымъ дѣйствіемъ новой государыни было заявленіе благосклонности къ арестованнымъ защитникамъ ея правъ и католической церкви: она немедленно освободила Гардинера, Боннера, Тонстоля, Гита, Дэ и возвратила имъ должности. Гардинеръ въ октябрѣ короновалъ королеву по католическому обряду. Марія при коронаціи обнародовала амнистію, изъ которой однако же были исключены 62 человекъ, особенно виновные въ попыткѣ отнять у нея наслѣдованіе престола или бывшіе главными дѣятелями при введеніи реформаціи. Они были оставлены подъ стражей и преданы суду. Нортomberлэндъ говорилъ, что раскаивается въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Маріи, что всегда былъ преданъ католической церкви, что не принималъ никакого участія во введеніи реформаціи; онъ воображалъ спасти себя этимъ; но малодушіе не избавило его отъ смерти. Онъ и нѣсколько его приверженцевъ были

казнены. Ихъ казнь и многочисленные аресты были началомъ терроризма «Маріи Кровожадной», какъ стали называть протестанты свою гонительницу.

3. Царствованіе Маріи. Католическая реакція.

Марія давала увѣренія, что не будетъ стѣснять свободу совѣсти своихъ подданныхъ; это много помогло признанію ея королевой. Но скоро оказалось, что она считаетъ священнѣйшей своей обязанностью возстановить католическую церковь, за преданность которой подвергались преслѣдованіямъ ея мать и сама она. Карлъ V и Гардинеръ, котораго назначила она лордомъ канцлеромъ, совѣтовали ей быть осторожной въ своемъ усердіи къ католичеству, не производить никакихъ перемѣнъ въ церковныхъ дѣлахъ безъ согласія парламента. Она сердилась на это, хотѣла немедленно отказаться отъ титула «глава церкви», принадлежащаго, какъ она говорила, только одному папѣ; но Гардинеръ объяснилъ ей, что при сохраненіи этого титула она будетъ имѣть больше свободы возстановить католичество. Она поняла, что это такъ. Она стала удалять съ должностей епископовъ, назначенныхъ Кранмеромъ, замѣнять ихъ католиками. Погребеніе Эдуарда было совершено по католическому обряду. Въ нѣкоторыхъ капеллахъ было возобновлено католическое богослуженіе. Королева запретила безъ ея разрѣшенія говорить проповѣди, объяснять священное писаніе, печатать религіозныя книги; за ослушаніе назначила строгое наказаніе. Она велѣла арестовать усерднѣйшихъ дѣятелей реформации, епископовъ Ридли, Лэтимера, Гупера, Кокса, Кёверделя. Но она сначала щадила Кранмера, главнаго виновника развода Генриха VIII съ ея матерью и отторженія Англіи отъ римской церкви. Онъ былъ отвезенъ въ Тоуэръ лишь когда памфлетъ противъ католическаго богослуженія, напечатанный безъ его вѣдома, раздражилъ королеву. Марія вступила въ тайные переговоры съ папой. Кардиналъ Поль, уединенно жившій въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Могуццано, на берегу Гардскаго озера, занимавшійся тамъ учеными трудами, былъ выбранъ посредникомъ между папой и англійской королевой. Юлій III назначилъ его своимъ легатомъ въ Англіи, далъ ему обширныя полномочія. Карлъ V опасался, что онъ вовлечетъ королеву въ опрометчивыя дѣйствія и помѣшаетъ переговорамъ о женитьбѣ Филиппа на ней; потому задержалъ его на континентѣ, пока устроилъ дѣло о женитьбѣ своего сына.

Короновавшись, Марія созвала парламентъ. При Эдуардѣ государственное хозяйство пришло въ безпорядокъ, у церкви были отнимаемы

имущества, вообще было дѣлаемо много дурнаго и произвольнаго, возбуждавшаго сильное неудовольствіе. При такомъ настроеніи общества, выборы въ палату общинъ были бы благопріятны новому правительству, если бы оно и предоставило имъ свободу; но оно производило давленіе на нихъ, устранило оппозиціонныхъ кандидатовъ посредствомъ преданія суду; такимъ образомъ, оно пріобрѣло въ палатѣ общинъ очень сильное большинство. Изъ палаты пэровъ были удалены епископы, преданные реформациі. Марія хотѣла исполнить всѣ свои планы разомъ, думала провести черезъ парламентъ законъ, который постановлялъ бы все, чего желала она: объявлялъ бы разводъ Генриха съ ея матерью незаконнымъ и недѣйствительнымъ, отмѣнялъ бы всѣ церковныя нововведенія, возникшія изъ этого противозаконнаго дѣла, вполнѣ возстановлялъ бы въ Англіи католичество. Но она увидѣла, что парламентъ не согласится поступить такъ круто. Католической церкви были нанесены такіе удары, что невозможно было разомъ возстановить ее; нельзя было возвратить ей конфискованныхъ имуществъ, розданныхъ вельможамъ; да и казна не могла обойтись безъ доходовъ тѣхъ монастырскихъ имѣній, которыя оставило за собой правительство. Потому надобно было вести возстановленіе католичества постепенно, осторожно и отдѣлить это дѣло отъ провозглашенія незаконности развода отца королевы съ ея матерью. Парламентъ безъ оппозиціи принялъ билль, объявлявшій, что бракъ Генриха VIII съ Екатериной былъ законный; это устраняло всякія сомнѣнія въ правѣ Маріи наследовать престолъ. Довольно сильную оппозицію встрѣтилъ билль, возстановлявшій то положеніе церковныхъ дѣлъ, въ какомъ находились они при смерти Генриха VIII; но католическое большинство приняло его. Такимъ образомъ, были уничтожены всѣ преобразованія, сдѣланныя Кранмеромъ при Эдуардѣ, были отмѣнены законы, устанавливавшіе причащеніе подъ обоими видами и англиканское богослуженіе, новый обрядъ рукоположенія, позволявшіе священникамъ жениться, воспрещавшіе поклоненіе иконамъ и мощамъ. Парламентъ принялъ также билли, объявлявшіе Кранмера, Іоанну Грэ, ея мужа и его братьевъ виновными въ измѣнѣ, а Норфолька и Генри Кортне, маркиза Экситерскаго, невинными, казненными противозаконно. На первый разъ, Марія должна была удовольствоваться этими успѣхами, отложить до будущаго возстановленіе папской власти и монастырей, возвращеніе конфискованныхъ имѣній духовенству. Конвокація называла Марію Деворой, возстановившей истинное богопочитаніе, Юдифью, отсѣкшей голову врагу, благословенной дѣвой, очистившей церковь, невѣсту Христову отъ оскверненія.

«Благословенная дѣва» думала о замужствѣ. Нація желала, чтобъ она выбрала мужемъ себѣ англичанина. Нѣкоторое время казалось, что она выйдетъ за Эдуарда Кортне (сына казненаго маркиза эк-

ситерскаго); она дала Эдуарду титулъ графа девонширскаго. Но когда парламентъ выразилъ ей желаніе, чтобъ она вышла за него, то получилъ рѣзкій выговоръ, потому что императоръ предложилъ ей другого жениха, котораго она предпочла прежнему, —своего сына Филиппа, еще не имѣвшаго тридцати лѣтъ, и ужь давно бывшаго вдовцомъ. Карлъ хотѣлъ этимъ упрочить владычество своей династїи надъ западной Европой и сдѣлать Англію своей союзницей въ борьбѣ съ королемъ французскимъ.

Нельзя было сдѣлать выбора, болѣе дурнаго для Англіи: бракъ Марїи съ Филиппомъ велъ къ восстановленію папской власти надъ Англіею, всѣхъ обрядовъ и правилъ католической церкви; сочетаніе деспотизма Тюдоровъ и Габсбурговъ на борьбу противъ правъ народа угрожало подавленіемъ свободы, парламентскихъ учрежденій, даже національной независимости Англіи, превращеніемъ ея въ провинцію испанской монархіи. Этими опасеніями были возбуждены въ подавленной націи попытки сопротивленія гибельной политикѣ Марїи; французскій посланникъ, Ноаль, ободрялъ заговорщиковъ обѣщаніемъ помощи своего правительства. Вспыхнули мятежи въ Корнуэлѣ, Девонширѣ, Уэльзѣ, графствѣ Уоруикскомъ; но инсургенты взялись за оружіе, не обдумавъ дѣла; они были намѣрены возвести на престолъ Елизавету, предполагали выдать ее за Кортне; но ни она, ни онъ не захотѣли рисковать жизнью. Однимъ изъ вождей возстанія былъ герцогъ Соффолькъ, отецъ Іоанны Грѣ; онъ и нѣкоторые другіе были взяты въ плѣнъ и казнены; нѣкоторые успѣли бѣжать во Францію. Опаснѣе было возстаніе сэра Томаса Уэйета (Wyat) въ Кентѣ; инсургенты ворвались въ Лондонъ, дошли почти до Сенъ-Джемскаго дворца (6 февраля 1554). Но королева, благодаря твердости характера, восторжествовала надъ ними: она созвала гражданъ Лондона въ Гильдголль (ратушу Сити), убѣдила ихъ сражаться, не согласилась переѣхать для безопасности въ Тоуэръ, возвратилась во дворецъ; всѣ дивились ея мужеству.

Отъ природы суровая, она была раздражена возстаніями, утвердилась въ намѣреніяхъ выйти за Филиппа, восстановить католичество, наперекоръ недовольнымъ. Погибель Іоанны Грѣ была ускорена возстаніями: на другой день по взятїи Уэйета въ плѣнъ королева подписала смертный приговоръ ей и ея мужу, Гильфорду Додли. Главной причиной озлобленія Марїи на Іоанну было не возстаніе ея отца, а безстрашное прямодушіе, съ какимъ она и ея мужъ высказывали въ темницѣ свою непоколебимую преданность реформаціи. Они были казнены 12 февраля. Благородная семнадцатилѣтняя страдальца казнена была на дерновой полянѣ двора Тоуэра. Были казнены и отецъ ея, какъ мы говорили, и дядя, и Томасъ Грѣ. Томасъ Уэйетъ и множество инсурентовъ были повѣшены. Кортне и Елизавета были подвергнуты суду; но не нашлось никакихъ уликъ, что они имѣли

сношенія съ инсургентами; потому они были только отданы подъ строгую стражу.

Висѣлицы съ тѣлами погибшихъ еще стояли, когда Филиппъ, имѣвшій теперь титулъ короля неаполитанскаго и сицилійскаго въѣхалъ пышной процессіей въ Лондонъ. Бракъ его съ Маріей былъ совершенъ 25 іюля (1554 года) въ уинчестерскомъ соборѣ Гардинеромъ. Исполняя волю Маріи, парламентъ постановилъ законъ, говорившій, что царствующему лицу, если оно женщина, принадлежать всѣ права королевской власти въ полномъ ихъ размѣрѣ. Этимъ опровергались тѣ возраженія противъ права женщинъ управлять государствомъ, какія были дѣлаемы протестантскими писателями на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ Ветхаго завѣта.

Бракъ Маріи съ Филиппомъ подвергъ Англію всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ, какихъ ожидали отъ него патріоты. Онъ вовлекъ государство въ политическіе интересы Карла, постановилъ во враждебное отношеніе къ Франціи, неотвратимо привелъ къ возстановленію католичества, преслѣдованію протестантовъ. Вскорѣ послѣ бракосочетанія, королева, по своему праву главы церкви, назначила духовную комиссію для искорененія ереси, отмѣны всѣхъ религіозныхъ нововведеній, сдѣланныхъ по смерти Генриха VIII, устраненія отъ должностей всѣхъ женатыхъ священниковъ, возстановленія католическаго богослуженія. Комиссія состояла изъ фанатичныхъ католиковъ; вліятельнѣйшими людьми въ ней были Гардинеръ и Боннеръ. Она усердно исполнила свое порученіе. Не прошло еще года по смерти Эдуарда, какъ во всѣхъ англійскихъ церквахъ было уничтожено реформатское богослуженіе, введено католическое во всемъ его составѣ. Тринадцать епископовъ, преданныхъ реформациі, были брошены въ темницы или бѣжали изъ Англіи, болѣе 12,000 женатыхъ священниковъ и другихъ лицъ духовнаго званія были удалены отъ должностей; и какъ монахамъ при конфискаціи монастырей, такъ теперь имъ было назначено очень скудное содержаніе, на которое нельзя было пропитаться и одинокому человѣку, не только семейному; впрочемъ ихъ правительство и не признавало семейными людьми: оно называло ихъ женъ наложницами.

Труднѣе было возстановить папскую власть; на это было нужно согласіе парламента, а въ немъ слышались возраженія. Сопротивленіе происходило не изъ религіозныхъ мотивовъ: выборы произведены были подъ такимъ давленіемъ правительства, что въ числѣ депутатовъ было мало приверженцевъ реформациі; огромное большинство въ палатѣ общинъ, какъ и въ палатѣ пэровъ составляли люди, давно привыкшіе подчиняться въ религіозныхъ дѣлахъ королевской волѣ. Главнымъ источникомъ оппозиціи было опасеніе, что возстановленіе папской власти поведетъ къ возвращенію конфискованныхъ церковныхъ имѣній духовенству; почти всѣ вліятельныя фамиліи

получили долю изъ этой добычи, и не хотѣли лишаться ея. Потому лордъ-канцлеръ Гардинеръ убѣждалъ папу заявить утвержденіе конфискаціи церковныхъ имѣній, формально отказаться отъ притязаній на ихъ возвращеніе духовенству, говорилъ, что безъ этого невозможно возстановить папскую власть законнымъ порядкомъ. Римская курія находила, что формальное отреченіе отъ конфискованныхъ имѣній было бы опаснымъ примѣромъ для подобныхъ дѣлъ и надѣялась удалить затрудненіе туманными, двусмысленными выраженіями. Папа поручилъ кардиналу Полю (все еще остававшемуся въ Брюсселѣ) войти въ соглашеніе съ владѣльцами конфискованныхъ церковныхъ имѣній; но Гардинеръ сказалъ, что неопредѣленные заявленія, на которыя уполномоченъ Поль, недостаточны, и Марія, по совѣту лорда-канцлера объявила, что не дозволитъ Полю пріѣздъ въ Англію, пока новая булла не дастъ полной гарантіи, что папа не будетъ требовать возвращенія конфискованныхъ церковныхъ имѣній; Гардинеръ объявилъ папѣ, что безъ этого обезпеченія Англія, при всемъ своемъ желаніи примириться съ римской церковью, предпочтетъ оставаться отдѣленной отъ нея. Поль получилъ буллу, удовлетворявшую требованіямъ Маріи, пріѣхалъ въ Лондонъ, былъ встрѣченъ пышной церемоніей. Парламентъ, созванный послѣ того (въ ноябрѣ), составилъ законъ о возстановленіи папской власти такъ искусно, что опасность для владѣльцевъ церковныхъ имѣній совершенно устранялась: возстановленіе папской власти онъ обусловилъ сохраненіемъ церковныхъ имѣній въ собственности ихъ владѣльцевъ. Изъ всего хода дѣла ясно, что онъ интересовался только матеріальными выгодами, къ религіи былъ равнодушенъ. — Итакъ церковная власть была отдѣлена отъ королевской. Марія радостно сложила съ себя титулъ главы церкви. По окончаніи сессіи парламента, воссоединеніе съ римской церковью было отпраздновано торжественной процессіей въ январѣ 1555 года, а въ маѣ новый папа Павелъ IV принялъ изъ рукъ блестящаго посольства актъ, возстановлявшій его власть надъ англійской церковью, и въ благодарность утвердилъ сдѣланное Генрихомъ VIII прибавленіе ирландскаго королевскаго титула къ англійскому.

Воссоединяя англійскую церковь съ римской, парламентъ, по предложенію конвенціи, возстановилъ прежніе законы противъ еретиковъ. Это открыло широкое поле религіозному преслѣдованію. Гардинеръ, усердно помогавшій при Генрихѣ VIII установленію королевскаго супрематства надъ церковью, старался теперь загладить память объ этомъ удвоеннымъ усердіемъ къ папизму; костеръ по его мнѣнію былъ наилучшимъ средствомъ обращать еретиковъ, угроза пыткой была самой дѣйственной проповѣдью. Королева и ея мужъ держались тѣхъ же мыслей; попытки сопротивленія, проявлявшіяся по временамъ, усиливали фанатизмъ раздражительной Маріи и мрачнаго Филиппа. Поль, гуманистъ, былъ менѣе безжалостенъ.

Угодливость парламента вѣроятно привела королеву къ мнѣнію, что всѣ въ Англіи точно такъ же готовы переменить вѣру по приказанію и что нужна лишь твердая воля ей, чтобы уничтожилась въ англичанахъ всякая привязанность къ реформациі. Но скоро она увидѣла, что ошибалась. Реформатскіе священники, лишаемые должностей и бросаемые въ темницы, оставались вѣрны своему исповѣданію; враждебныя королевѣ чувства развивались и между мірянами; тысячи людей бѣжали въ Швейцарію, Германію, Фрисландію, и подъ защитой городскихъ правительствъ основывали тамъ реформатскія общины. Такія общины возникли во Франкфуртѣ, Страсбургѣ, Везелѣ, Базелѣ, Женевѣ, Цюрихѣ. Между этими эмигрантами было много ученыхъ людей; они печатали поученія и воззванія, распространявшіяся въ Англіи.

Эмигранты осыпали въ своихъ памфлетахъ проклятіями королеву и ея помощниковъ; Марія мстила за оскорбленія преслѣдованіемъ протестантовъ, остававшихся въ Англіи. Церковный судъ дѣйствовалъ безпощадно. Всѣ, участвовавшіе во введеніи реформациі, были призываемы въ этотъ судъ, и если не соглашались отречься отъ протестантства, принять католичество, признать верховную власть папы, были осуждаемы на смерть, какъ еретики. Первою жертвою былъ Роджерсъ, сотрудникъ Тиндэля въ переводѣ Библіи. Онъ былъ сожженъ на Смитфильдскомъ полѣ 4-го февраля 1555. У костра стояли его дѣти и жена, съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. Черезъ нѣсколько дней былъ сожженъ епископъ Гуперъ. Потомъ сожженія слѣдовали за сожженіями; по документальнымъ извѣстіямъ, въ послѣдніе четыре года царствованія Маріи было подвергнуто смерти за вѣру 288 человекъ. Они умирали, осыпаясь поруганіями, какъ мученики первыхъ временъ христіанства, и съ мужествомъ этихъ мучениковъ. Самымъ безжалостнымъ дѣятелемъ гнуснаго гоненія былъ Боннеръ, епископъ лондонскій, которому Гардинеръ передалъ предсѣдательство въ комиссіи, судившей еретиковъ. Его свирѣпая душа находила наслажденіе себѣ въ мукахъ протестантовъ. Во всѣхъ приходахъ были учреждены комитеты для разыскиванія еретиковъ; шпіоны епископскихъ трибуналовъ помогали имъ находить виновныхъ въ привязанности къ реформатскому ученію; это было похоже на испанскую инквизицію. Но гоненіе укрѣпляло духъ приверженцевъ реформациі, очищало ее отъ дурныхъ примѣсей, съ которыми было соединено введеніе ея произволомъ прежняго правительства. Историки англійской церкви съ любовью останавливаются на этой эпохѣ ея страданій; фанатикъ протестантства, Джонъ Фоксъ, написалъ мартилогъ ея, который ѣтотомительно читать людямъ нашего времени; но въ ту эпоху протестантскаго энтузіазма послѣднія рѣчи и молитвы умирающихъ за вѣру производили сильное впечатлѣніе на массу народа.

Изъ погибшихъ за реформацию наибольшее сочувствіе возбуждали трое: Крамеръ, Ридли и Лэтимеръ, на мѣстѣ сожженія которыхъ въ Оксфордѣ былъ впослѣдствіи поставленъ памятникъ. Они были главными

дѣятелями при введеніи реформаціи; ея враги не могли пощадить ихъ. Они были перевезены изъ Теуэра въ Оксфордъ, оплотъ консерватизма; тамъ изнуряли ихъ допросами и диспутами, стараясь вынудить у нихъ отреченіе. Послѣ спора о католической литургіи и догматѣ пресуществленія, длившагося нѣсколько дней, католическіе богословы объявили, что побѣдоносно изобличили заблужденія побѣдимыхъ. Кранмеръ, Ридли и Лэтимеръ были снова отведены въ темницу, заперты каждый въ особую камеру. Полтора года оставляли ихъ томиться тамъ. Когда провозглашено было воссоединеніе Англіи съ римской церковью и учреждены суды для наказанія еретиковъ, было рѣшено сжечь Кранмера и обоихъ его товарищей. Папистамъ хотѣлось не только отнять у нихъ жизнь, но и обезславить ихъ. Кранмеръ много разъ выказывалъ себя человѣкомъ гибкой совѣсти, мѣняющимъ свои религіозныя правила по волѣ правительства; можно было надѣяться, что онъ струситъ смерти, обезчеститъ себя отступничествомъ, которое обезславитъ и англиканскую церковь, основанную собственно имъ. Ридли и Лэтимеръ не поддались ни обѣщаніямъ, ни угрозамъ и были 16-го октября 1555 сожжены какъ упорные еретики. Оба они умерли геройски. Кранмеръ оказался менѣе твердымъ духомъ. Онъ оробѣлъ при мысли о смерти, писалъ королевѣ и кардиналу Полю, что раскаивается въ своемъ заблужденіи, отрекся отъ основанной имъ церкви, подписалъ семь формулъ отреченія; но напрасно умолялъ о пощадѣ: Марія хотѣла только, чтобъ онъ унизилъ себя, не могла простить человѣка, показавшаго Генриху способъ, объявить незаконнымъ и расторгнуть бракъ съ ея матерью, лишить ее права престолонаслѣдія, какъ дитя отъ незаконнаго брака. Она велѣла исполнить приговоръ о сожженіи Кранмера. Днемъ сожженія было назначено 21-го марта 1556 года. Паписты хотѣли, чтобы Кранмеръ съ костра прочелъ народу свое отреченіе отъ ереси. Но онъ вмѣсто того прочелъ заявленіе, говорившее, что раскаивается въ отступничествѣ отъ истины, что подписалъ отреченіе только по малодушному страху смерти, въ противность душевному убѣжденію, что онъ отвергаетъ папскую власть и римское вѣроученіе; когда прочелъ это, онъ протянулъ правую руку въ огонь, воскликнувъ: «Она согрѣшила, и пусть первая подвергнется наказанію!» Онъ мужественно выносилъ мученія, пока пламя взвилось надъ его головою и прекратило его жизнь. Англиканская церковь пережила своего основателя, возродилась, обновленная, какъ фениксъ, изъ праха его.

Гардинеръ умеръ за пять мѣсяцевъ до гибели Кранмера, 12 ноября 1555. На его мѣсто канцлеромъ былъ назначенъ Гитъ (Heath), архіепископъ йоркскій, при которомъ гоненіе на еретиковъ стало еще безжалостнѣе. Реджинальдъ Поль, сдѣланный архіепископомъ кентерберійскимъ, сталъ человѣкомъ жестокимъ, какимъ не казался прежде. Онъ даже не оставилъ кости умершихъ Будера и Фагія лежать въ могилахъ. Онъ вмѣстѣ

съ королевой заботился о возвращеніи католическому духовенству анна-товъ и десятины, которые были взяты въ государственный доходъ. Послѣ большихъ хлопотъ королева добилаcь согласія парламента на это. Она и Польъ возстановляли монастыри. Но Павелъ IV, врагъ Карла, доходилъ въ своей ненависти къ нему до того, что дѣлалъ непріятности даже Маріи, заслужившей такой признательности отъ папы, дѣлалъ непріятности не только ея мужу, сыну своего врага, но даже кардиналу Полю, за то, что онъ родственникъ ея. Папа отнялъ у Поля званіе легата, назначилъ легатомъ въ Англію Пито (Peyto), потребовалъ Поля къ своему суду въ Римъ. Марія вознегодовала. Началась перебранка между папой и возстановительницей папизма въ Англіи и ея помощникомъ; но скоро кончилась смертью всѣхъ ихъ, Павла, Маріи и Поля.

Жизнь Маріи была печальна. Молодость ея грустно прошла въ одиночествѣ подъ давленіемъ деспотизма безжалостнаго отца. Правленіе брата подвергло ее новому гоненію за несогласіе отречься отъ вѣры матери. Но еще печальнѣе для нея были годы ея царствованія. Личная жизнь ея была омрачена разочарованіемъ въ надеждѣ имѣть дѣтей, холодностью мужа: мнимая беременность ея, которую католики считали важнымъ политическимъ событіемъ, оказалась болѣзненной опухолью; Филиппъ въ сентябрѣ 1555 уѣхалъ изъ Англіи, сталъ государемъ отцовскаго царства и послѣ того только разъ пріѣхалъ въ Англію, чтобы вовлечь ее въ свою войну съ Франціей. Марія хотѣла безграничной преданностью пробудить любовь въ мужѣ, исполнила его желаніе: Англія вступила въ войну съ Франціей, какъ союзница Испаніи; графъ Пемброкъ помогъ войску Филиппа одержать побѣду при Сень-Кантенѣ; но вскорѣ послѣ того, въ январѣ 1558, герцогъ Гизъ взялъ Калѣ. Англичане, жившіе тамъ, были выгнаны, вмѣсто ихъ поселились французы. Въ Англіи утрата важнаго порта, послѣдняго остатка славныхъ завоеваній, считалась національнымъ несчастьемъ; Марія была огорчена ею, какъ великимъ стыдомъ своего царствованія. А во Франціи вмѣстѣ съ этой побѣдой праздновали обрученіе дофина съ Маріей Стюартъ. Печаль Маріи о военномъ несчастіи и о холодности мужа увеличивалась тѣмъ, что обнаружилось для нея, какую ненависть подданныхъ навлекла она на себя религіознымъ преслѣдованіемъ; она знала, что народъ желаетъ ея смерти, которая возведетъ на престолъ Елизавету. Эмигранты посылали въ Англію массаи памфлеты, предававшіе поруганію «новую Іезавель»; народъ читалъ ихъ съ сочувствіемъ. Открытъ былъ новый заговоръ, пользовавшійся, подобно прежнему, поддержкой французскаго правительства, и имѣвшій цѣлью женить Кортне на Елизаветѣ и возвести ее на престолъ. Марія предчувствовала, что по ея смерти рушится въ Англіи католичество, для возстановленія котораго она безпощадно убивала людей. Кортне принужденъ былъ уѣхать изъ Англіи и умеръ въ Италіи. Надзоръ за Елизаветой сталъ еще строже прежняго. Неудача войны съ Франціей ободряла противниковъ Маріи. Томасъ Стэффордъ, внукъ

герцога Бокингема, приплылъ изъ Франціи съ отрядомъ эмигрантовъ поднять народъ; но былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ съ 32 товарищами. Выходили новые памфлеты противъ Маріи; самымъ рѣзкимъ изъ нихъ былъ написанный Джономъ Ноксомъ, жившимъ тогда въ Женевѣ, «Трубный звукъ противъ чудовищнаго правленія женщины». Эти памфлеты были первыми проявленіями суроваго пуританства, англійскаго демократическаго кальвинизма, вступившаго впослѣдствіи въ борьбу съ англиканской епископальной, аристократической церковью.

Съ развитіемъ ненависти къ Маріи росла любовь народа къ Елизаветѣ, дочери Анны Болинъ. Упадокъ здоровья королевы и увѣренность, что у нея не будетъ дѣтей, обращали вниманіе націи на Елизавету, которая въ эти годы гоненія вела уединенную жизнь въ Тоуэрѣ, занимаясь изученіемъ классическихъ литературъ, Священнаго Писанія и отцовъ церкви. Не разъ Марія раздумывала о томъ, не казнить ли и Елизавету, какъ Іоанну Грѣ. Фанатичные католики говорили королевѣ, что преслѣдованіе протестантства останется безполезнымъ, если не будетъ казнена еретичка, наслѣдница престола. Елизавета исполняла католическіе обряды, но всѣ знали, что это лишь притворство. Заговоры, въ которые постоянно замѣшиваемо было ея имя, легко могли быть выставлены оправданіемъ казни ея. Но Филиппъ удерживалъ Марію отъ этого юридическаго убійства, потому что въ случаѣ смерти Елизаветы наслѣдницей англійскаго престола сдѣлалась бы Марія Стюартъ, жена дофина. Когда Филиппъ уѣхалъ изъ Англіи, и обнаружился новый заговоръ, надзоръ за Елизаветой, какъ мы говорили, сталъ строже прежняго; ее окружили шпионами, заманивали ее въ разговоры о догматѣ эвхаристіи, чтобъ уличить въ ереси. Но опасности приучили ее притворяться и владѣть собой, она избѣжала всѣхъ сѣтей.

Марія послѣ мучительной болѣзни умерла 17 ноября 1588, на 44 году жизни. Елизавета, бывшая по отцовскому распоряженію, утвержденному парламентомъ, наслѣдницей престола, дала умирающей сестрѣ увѣреніе, что держится католическаго исповѣданія; это было двухсмысленное выраженіе, потому что англиканская церковь тоже называла себя католической (то-есть, католической, вселенской). — Въ слѣдующую ночь умеръ кардиналъ Поль. Судьба какъ будто очищала мѣсто для новаго порядка вещей. — Католическіе писатели хвалятъ мужество, твердость воли, добросовѣстность Маріи, говорятъ, что она дѣйствовала по чистымъ мотивамъ, считая священнѣйшей царственной обязанностью сохранить для народа вѣру, въ истинѣ и божественности которой была глубоко убѣждена; но они не могутъ смыть чернаго пятна съ ея имени, потому что ужасенъ человекъ, имѣющій власть, когда онъ надменно полагаетъ, что безошибочно

постигъ волю Бога; онъ становится извергомъ, убивающимъ людей во славу божію. Память Маріи осталась проклинаема въ Англіи.

4. Царствваніе Елизаветы. Возстановленіе англиканской церкви.

Немедленно по смерти Маріи Елизавета была, при радостныхъ крикахъ народа, провозглашена королевой, и депутація государственнаго совѣта повезла это извѣщеніе ей въ Гэтфильдъ, гдѣ жила она. Черезъ полторы недѣли, 28 ноября (1558 года) Елизавета блистательной процессіей вступила въ Лондонъ. Народъ принялъ ее съ восторгомъ. Это укрѣпило ее въ мысли опираться исключительно на національное чувство, не искать иноземной поддержки. Даровитѣйшихъ членовъ тайнаго совѣта она оставила въ должности, другимъ дала отставку, замѣнила ихъ новыми, вліятельнѣйшимъ изъ которыхъ сталъ Уильямъ Сесиль, удаленный Маріей за преданность реформаціи. Новая королева сообщила иноземнымъ дворамъ о своемъ вступленіи на престолъ. Филиппъ II предложилъ ей свою руку. Онъ защищалъ ее отъ враговъ при Маріи; Англія была въ союзѣ съ Испаніей противъ Франціи. Потому Елизавета нашла неудобнымъ прямо отвергнуть предложеніе Филиппа; она отвѣчала его посланнику, герцогу Ферин, что если рѣшится на замужество, то не предпочтетъ никого Филиппу. По тюдоровской гордости, она не хотѣла выйти за государя второстепенной важности, и тѣмъ меньше одобряла проекты брака ея съ Кортне или другимъ подданнымъ; потому и прежде отказывала всѣмъ женихамъ. По своему высокому положенію, Филиппъ могъ казаться ей достойнымъ женихомъ; непріязненная Англіи Шотландія была союзницею Франціи, съ которой находилась во враждѣ Испанія, потому союзъ съ Испаніею представился полезнымъ для Англіи. Но Елизавета знала, что англичане не желали брака, который удерживалъ бы Англію подъ игомъ католичества и подчинялъ бы ее волѣ короля испанскаго. Притомъ, для брака съ мужемъ покойной сестры была бы нужна диспенсація папы, который потребовалъ бы за нее большихъ уступокъ. Потому Елизавета не хотѣла принять предложенія Филиппа. У нея было и вообще рѣшено не выходить замужъ, чтобы не дѣлиться властью съ мужемъ. Но по политическимъ расчетамъ она не давала рѣшительнаго отказа Филиппу до заключенія мира съ Франціей. Чтобы скорѣе прекратить войну, она согласилась, хоть это и было тяжело ей, оставить Калé во владѣніи короля французскаго. Стыдъ за эту потерю падалъ не на нее, а на Марію. Договоръ былъ подписанъ въ Като-Камбрези, въ 1559 году. Помирившись съ королемъ французскимъ, Филиппъ женился на его дочери (которую звали тоже Елизаветой). Дружескія отношенія Испаніи къ Англіи порвались.

Папой былъ тогда горячій и упрямый старикъ, Павелъ IV. Если бъ Елизавета не была съ молодости расположена къ протестантству, поступки Павла заставили бъ ее перейти на сторону реформаціи. Въ началѣ своего правленія, она еще продолжала исполнять католическіе обряды. Когда Англійскій посолъ Кернъ (Carne) передалъ папѣ извѣщеніе о ея вступленіи на престолъ и прибавилъ отъ ея имени увѣреніе, что она не будетъ дѣлать стѣсненія совѣсти своихъ подданныхъ, Павелъ отвѣчалъ ему безразсудно: Генрихъ II заявлялъ, что англійскій престолъ долженъ принадлежать Маріи Стюартъ, женѣ его старшаго сына, и объяснялъ папѣ, что признаніе королевой Елизаветы, подозрѣваемой въ еретичествѣ, повредитъ католической церкви, уронитъ и папскій авторитетъ, потому что будетъ равносильно признанію законности брака Анны Болинъ, отрицанію рѣшенія Климента VII и Павла III; поддавшись французскому вліянію, Павелъ IV отвѣчалъ послу Елизаветы, что не можетъ признавать наслѣдницей престола женщину, родившуюся отъ незаконнаго брака, что ближайшая законнорожденная родственница Генриха VIII—королева шотландская, поэтому ея притязанія на англійскую корону основательны; но если Елизавета отдастъ спорный вопросъ на его рѣшеніе, то можетъ быть увѣрена, что онъ справедливо разсмотритъ ея дѣла. Такимъ образомъ, онъ прямо выказалъ, что стоитъ на сторонѣ противницы Елизаветы, отдаетъ преимущество притязаніямъ Маріи Стюартъ, ужъ принявшей титулъ и гербъ королевы англійской и ирландской. Этимъ онъ ускорилъ окончательное отдѣленіе Англии отъ католической церкви. Елизавета не могла оставить господствующей церковь, говорившую, что она незаконнорожденная, не имѣющая права наслѣдовать престолъ; англичане не хотѣли стать подданными королевы шотландской, мужъ которой будетъ королемъ французскимъ; признать Марію Стюартъ значило бы подвергнуться французскому владычеству.

Такимъ образомъ, Елизавета и по религіозному убѣжденію и по политическимъ расчетамъ должна была возстановить въ своемъ государствѣ реформацію, введенную братомъ ея. Возстановляя ея церковныя учрежденія, она улучшила ихъ. Она вела это дѣло очень осмотрительно, чтобъ не раздражать папистовъ. Сначала она только дала протестантству равноправность съ католичествомъ: отмѣнила судебное преслѣдованіе протестантовъ, дозволила бѣжавшимъ возвратиться, но не мѣшала католическому богослуженію; потребовала только, чтобъ епископъ, служившій при ней католическую литургію, не совершалъ въ ея присутствіи обряда возношенія св. даровъ, съ которымъ соединялось произнесеніе словъ, выражавшихъ католическій догматъ пресуществленія; епископъ не согласился на эту уступку. Елизавета ушла изъ капеллы. Она возобновила повелѣніе Эдуарда, запрещающее произносить проповѣди безъ особаго разрѣшенія. Католическіе епископы, понимавшіе намѣреніе Елизаветы возстановить

реформацію, совѣщались между собой, не устранившись-ль имъ отъ участія въ ея коронованіи, но не рѣшились на это, опасаясь ускорить отказомъ паденіе своей церкви. Коронація была совершена 15 января 1559 по католическому обряду; Елизавета дала коронаціонную присягу по обычной формулѣ, заключавшей въ себѣ обѣщаніе охранять католическую церковь.

Черезъ десять дней открылись засѣданія перваго парламента новаго царствованія. Говорятъ, что выборы депутатовъ были произведены подъ давленіемъ правительства, какъ дѣлалось въ прежнія царствованія. Новый канцлеръ, Николасъ Бэконъ (отецъ Фрэнсиса Бэкона, знаменитаго философа) произнесъ рѣчь, убѣждавшую собраніе руководиться только страхомъ божіимъ и любовью къ родинѣ. Правительство внесло въ парламентъ предложенія, показывавшія намѣреніе преобразовать церковь и государство. Парламентъ объявилъ Елизавету родившейся отъ законнаго брака, имѣющей право наслѣдованія престола, и принялъ рядъ рѣшеній, низвергавшихъ католическое устройство церкви, возвратилъ коронѣ десятину, аннаты, патронатъ (право назначенія на церковныя должности), супрематство надъ церковью и всѣ другія права, уступленныя Маріей папѣ и католической іерархіи. Елизавета отклонила отъ себя титулъ «глава церкви», казавшійся имѣющимъ іерархическій характеръ, и удовольствовалась названіемъ «верховой правительницы церковныхъ и свѣтскихъ дѣлъ». Парламентъ постановилъ, что иноземный государь или прелать не можетъ имѣть церковной власти въ англійскомъ королевствѣ, что вся она принадлежитъ царствующему въ Англіи лицу, имѣющему право поручать завѣдываніе церковными дѣлами верховной комиссіи, съ тѣмъ ограниченіемъ, что комиссія не можетъ объявлять ересью никакого ученія, не оказывающагося ересью по положительному свидѣтельству Священнаго писанія или первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ. Парламентъ постановилъ также, что всѣ лица, занимающія церковныя или гражданскія должности, должны давать присягу на повиновеніе этому закону. Было назначено совѣщаніе (конференція) духовныхъ и свѣтскихъ представителей обоихъ вѣроисповѣданій, католическаго и евангелическаго. Послѣ того парламентъ отмѣнилъ католическую литургію и повелѣлъ, чтобы общественное богослуженіе совершалось по исправленному англійскому «Служебнику» (Common Prayerbook). Католическое духовенство всѣми силами защищало въ палатѣ пэровъ конвокаціи, римское богослуженіе и папское приматство. Разумѣется, его усилія остались напрасны. Елизавета изучила Библію и отцовъ церкви, потому возраженія католиковъ не могли поколебать ея религіозныхъ мнѣній. На убѣжденіе архіепископа Йоркскаго сохранить католичество, она отвѣчала, что намѣрена соединить себя и свой народъ съ Богомъ живымъ, а не съ папой, и кончила словами Іисуса Навина: «Я и домъ мой будемъ служить Господу». (Кн. Іисуса Навина, XXIV, 15).

По окончаніи сессіи парламента, королева потребовала отъ епископовъ присяги признавать ея супрематство. Большинство отказались, надѣясь, что ихъ твердость подѣйствуетъ на королеву, и она сдѣлаетъ исключеніе въ ихъ пользу. Но повелительный характеръ Елизаветы не допускалъ ослушанія; она отняла должности у пятнадцати епископовъ; нѣкоторые изъ нихъ уѣхали за границу, другіе были отданы подъ надзоръ или даже посажены въ темницу. Точно такъ же поступила Елизавета съ нѣкоторыми профессорами университетовъ и прелатами, отказывавшимися дать присягу супрематства. Низшее духовенство было вообще расположено къ реформациі и дало присягу. Гдѣ не доставало священниковъ, были назначаемы замѣстители изъ мірянъ, называвшіеся діаконами; они совершали тѣ части богослуженія, которыя могли быть совершаемы мірянами; таинствъ они не совершали, проповѣдывать тоже не имѣли права. Монастыри, возстановленные при Маріи, были вновь секуляризованы; монахи и монахини нашли хорошій пріемъ себѣ въ Нидерландахъ.

Низвергнувъ католическое устройство церкви и удаливъ отъ должностей его приверженцевъ, королева по соглашенію съ евангелическими богословами издала правила богослуженія и замѣстила вакантныя епископскія должности. Архіепископомъ кентерберійскимъ она назначила Мэтью Паркера, бывшаго капеллана ея матери, ученаго и почтеннаго человѣка. Англиканскіе епископы рукоположили его; потомъ онъ рукоположилъ новыхъ епископовъ.—Установленіе догматовъ англиканской церкви могло быть сдѣлано только съ утвержденія парламента. Потому, въ ожиданіи новой сессіи его, были временно введены такъ называемыя 42 статьи вѣроученія, утвержденныя парламентомъ при Эдуардѣ, и была приготовлена къ внесенію въ парламентъ улучшенная редакція ихъ. Она состоитъ изъ 39 статей. Будучи принята конвокаціей и утверждена парламентомъ, она стала и до сихъ поръ остается символомъ вѣры англиканской церкви. Парламентъ постановилъ, что всякое уклоненіе отъ 39 статей должно считаться ересью и подвергаться строгимъ наказаніямъ.

Эти наказанія были направлены не столько противъ папистовъ, противъ которыхъ достаточны были наказанія, установленныя за отказъ въ присягѣ супрематства, сколько противъ протестантскихъ нонконформистовъ, пуританъ, отвергавшихъ епископальное устройство англиканской церкви, видѣвшихъ въ англиканскомъ богослуженіи слишкомъ много остатковъ «папистскаго идолопоклонства», желавшихъ упростить обряды и ввести кальвинистское демократическое церковное устройство. Борьба съ папистами и пуританами шла черезъ все царствованіе Елизаветы и вызвала суровое церковное законодательство, отъ котораго очень долго страдала значительная часть англійскаго населенія. Реформація въ Англіи была произведена правительствомъ; потому церковные законы были государственными ста-

тутами (актами парламента, утвержденными королевскимъ одобреніемъ) и подобно другимъ статутамъ требовали отъ всѣхъ подданныхъ безусловнаго повиновенія; такимъ образомъ, ослушаніе имъ считалось мятежемъ, и при строгой охранѣ ихъ влекло за собой смертную казнь. Сообразно этому понятію, парламентъ въ 1563 году постановилъ, что первый отказъ дать присягу супрематства составляетъ нарушеніе статута *Præmunire* (воспрещенія признавать иноземную церковную власть), а второй отказъ—мятежомъ. Но Елизавета находила неблагоприятнымъ употреблять въ полномъ размѣрѣ противъ понкорформистовъ данную ей власть; она довольствовалась тѣмъ, что подвергала ихъ лишенію должностей, денежнымъ штрафамъ и заключенію въ темницу; казней собственно за вѣру при ней или вовсе не было, или было мало. Она любила церемоніальность богослуженія, считая пышность обрядовъ средствомъ держать народъ въ благоговѣніи къ религіи и въ послушаніи начальству; потому, католики были бы менѣе преслѣдуемы ею, чѣмъ пуритане съ ихъ демократическимъ церковнымъ устройствомъ и простымъ богослуженіемъ, если бы католическіе заговоры въ пользу Маріи Стюартъ не возбуждали гнѣва строгой властительницы.

По важности вліянія религіозныхъ понятій на дальнѣйшій ходъ англійской исторіи, мы считаемъ надобнымъ представить очеркъ устройства, богослуженія и вѣроученія англиканской (епископальной) церкви. Она сохранила названіе «католической» въ смыслѣ «вселенской», давая этому слову такое истолкованіе: каждый христіанскій народъ имѣетъ свою національную церковь; она для него часть вселенской церкви; въ дѣйствительности существуютъ только національныя церкви; вселенская церковь лишь идеальное единство ихъ; національная, «видимая» церковь, можетъ заблуждаться; идеальная, «невидимая», непогрѣшима. Каждая національная церковь имѣетъ по сущности дѣла и по Священному писанію видимую главу; это государь страны; ученіе о папскомъ приматствѣ—человѣческое изобрѣтеніе; всякое притязаніе какого-нибудь иноземнаго церковнаго сановника на власть надъ національной церковью—узурпація правъ государя страны и хула на Бога, потому что главой вселенской непогрѣшимой церкви не можетъ быть никто, кромѣ самого Христа. Соединеніе церкви и государства подъ однимъ главой даетъ государству характеръ христіанскаго. Христіанское государство состоитъ изъ души,—церкви, тѣла,—мірскаго государственнаго организма; всѣ принадлежащіе къ нему члены должны участвовать въ этомъ единствѣ души и тѣла, или должны быть отсѣкаемы, какъ нездоровые. Национальная церковь—часть основанной Христомъ вселенской, потому должна имѣть ея качества. Существеннѣйшее изъ нихъ—святость, даваемая божественнымъ поставленіемъ въ епископскій санъ и проявляющаяся дѣйствіемъ Святого Духа во всѣхъ дѣлахъ церковной жизни. Подобно вселенской, національная церковь имѣетъ божественное происхожденіе, потому что Духъ Святой данъ Христомъ всѣмъ апостоламъ, апостолами всѣмъ основаннымъ ими церквамъ; онъ дается черезъ посвященіе въ санъ возложеніемъ рукъ; такъ апостолы сообщили дарованный имъ духъ святой епископамъ, законнымъ правителямъ церкви. Всѣ апостолы были равны властью, потому равны и всѣ поставленные ими епископы, и римскій не имѣетъ никакого преимущества надъ другими. Правильно посвященные епископы имѣютъ сообщаемыя Святымъ Духомъ силы благодати, которыя сообщаютъ черезъ рукоположеніе священникамъ и черезъ конфирмацію всѣмъ членамъ церкви. Правильность посвященія, дающаго благодать Святого Духа епископамъ, основывается на непрерывномъ преемствѣ епископовъ отъ апостольскаго времени до на-

стоящаго;—этимъ догматомъ англиканская церковь существенно различается отъ лютеранской и реформатской. Одинаково съ католиками, англиканцы имѣютъ догматъ, что нѣтъ спасенія внѣ церкви, но они отвергаютъ посредничество священниковъ между богомъ и людьми, и не приписываютъ исключительно таинствамъ силу спасать человѣка, считаютъ необходимымъ для этого и его собственное содѣйствіе исправленіемъ отъ грѣховъ; такимъ образомъ они соединяютъ католическое ученіе о спасающей силѣ церкви съ протестантскимъ ученіемъ объ оправданіи человѣка дѣятельною вѣрой: это сочетаніе католическихъ понятій съ протестантскими произвело много раздоровъ въ англиканской церкви.—Рѣшенія конвокацій (соборовъ духовенства) получаютъ силу только по утвержденіи ихъ парламентомъ. Это мало по малу отняло всякое значеніе у конвокацій, сдѣлало ихъ совѣщанія пустой формальностью. Епископы остались членами палаты пэровъ; но они занимаютъ мѣста въ ней не какъ церковные сановники, а какъ правители имѣній, принадлежащихъ епископскимъ кафедрамъ, крупные землевладѣльцы, лорды.—Выборъ епископовъ кафедральными капитулами только формальность, потому что въ королевской грамотѣ, разрѣшающей капитулу произвести выборъ (*congé d'élire*) обозначается имя лица, которое должно быть выбрано. Присяга на вѣрность и присяга супрематства совершенно подчиняютъ духовенство свѣтской власти; низшее духовенство строго подчинено высшему, церковный судъ совершенно подвластенъ государю и тайному совѣту—все это даетъ англиканскому духовенству характеръ чиновничества, находящагося на государственной службѣ. Оно должно исполнять всѣ приказанія правительства. Община не имѣетъ никакого вліянія на назначеніе своего священника. Потому люди, желавшіе религіозной независимости, отдѣлялись отъ англиканской церкви, составляли секты.

По своему устройству, англиканская церковь занимаетъ средину между католической и реформатской; но догматика у нея совершенно протестантская. Ея символъ вѣры, называющійся 39 статьями, принимаетъ источникомъ вѣры только каноническія книги Священнаго Писанія, отвергая апокрифическія книги и преданіе; принимаетъ только тѣ догматы, которые подтверждаются ясными словами Священнаго Писанія; отвергаетъ всякое посредничество духовенства между вѣрующимъ и Христомъ, ставитъ душу въ непосредственное отношеніе къ Спасителю; отвергаетъ моленіе святымъ, не допускаетъ образовъ въ церквахъ, говоритъ, что спасеніе дается не дѣлами набожности (не исполненіемъ церковныхъ обрядовъ и пожертвованіями въ церковь), а исключительно вѣрою; что отпущеніе грѣховъ пріобрѣтается исправленіемъ отъ нихъ, душевнымъ покаяніемъ; удерживаетъ только два таинства, крещеніе и причащеніе, отвергаетъ догматъ пресуществленія и учитъ, что «тѣло Христово дается, принимается и снѣдается небеснымъ и духовнымъ образомъ посредствомъ вѣры»; міряне причащаются св. даровъ подъ обоими видами по примѣру апостольской церкви; таинство эвхаристіи совершается въ воспоминаніе о тайной вечери.

По богослуженію, какъ и по устройству своему, англиканская церковь занимаетъ средину между католической и реформатской; все, что въ ней взято изъ католическаго богослуженія, передѣлано; но общій характеръ обрядовъ похожъ на католическій. Большая часть ея «Служебника» («Книга Общей молитвы», *Book of Common Prayer*) составляютъ передѣлки католической литургіи и другихъ католическихъ службъ; къ мѣстамъ, заимствованнымъ изъ нихъ, сдѣланы прибавки, большею частью взятые изъ Священнаго Писанія. Характеръ богослуженія возвышенный и торжественный. Приверженцы англиканской церкви ставили въ достоинство ей то, что ея богослуженіе основано на прежнемъ; пуритане порицали ее за это, вводили въ своемъ богослуженіи «чистоту» (отъ католичества, или то, что они считали «евангельской чистотой», *puritas*; отъ этого и произошло названіе англійскихъ приверженцевъ кальвинизма пуританами); они скандализировались великолѣпнымъ богослужебнымъ облаченіемъ епископовъ и священниковъ англиканской церкви, преобладаніемъ обрядовъ надъ чтеніемъ священнаго писанія и проповѣдью въ ея богослуженіи. Католики порицали ее за то, что изъ ея храмовъ удалены образа и всякія украшенія, что въ ней нѣтъ ни свѣчь у престола, ни кажденія ошмѣломъ.

Мы говорили о мѣрахъ, которыми Генрихъ VIII хотѣлъ объединить Ирландію съ Англіей въ политическомъ и церковномъ отношеніяхъ. При Эдуардѣ усердно склонялъ ирландское духовенство на сторону реформаціи Джонъ Бель (Bale), долго жившій въ Германіи, и принявшій тамъ лютеранство. Назначенный епископомъ оссорійскимъ, онъ взывалъ къ католическимъ священникамъ: «Вы искуплены дорогой цѣной, не будьте рабами людей». Но при Маріи исчезли результаты его трудовъ: онъ принужденъ былъ бѣжать; протестантскіе епископы были прогнаны съ должностей, замѣщены католическими; народъ, сохранявшій привязанность къ прежнему богослуженію, враждебный къ реформаціи ужь и по тому самому, что она шла изъ Англіи, былъ радъ возстановленію католичества. При новомъ намѣстникѣ, лордѣ Физъ-Уольтерѣ, получившемъ впослѣдствіи титулъ графа Соссекса, и новомъ архіепископѣ дублинскомъ, Гью Корвинѣ (Corwin), ирландскій парламентъ въ 1556 году отмѣнилъ всѣ законы противъ папизма, постановленные съ 20-го года царствованія Генриха VIII, возстановилъ папскую власть и прежнее церковное устройство. Въ 1560 году произведенъ былъ обратный переворотъ: на Ирландію было распространено дѣйствіе англійскихъ законовъ, возвращавшихъ коронѣ супрематство и власть назначать епископовъ, отмѣнявшихъ всякую иноземную (то-есть, папскую) власть по церковнымъ дѣламъ, повелѣвавшихъ совершать богослуженіе по англиканскому служебнику (Book of Common Prayer); была сдѣлана только одна оговорка: по незнакомству ирландцевъ съ англійскимъ языкомъ было разрѣшено совершать богослуженіе на латинскомъ языкѣ (по англійскому переводу англиканскаго Служебника). Но вводимая только волей правительства реформація имѣла мало успѣха. Новое богослуженіе совершалось только тамъ, гдѣ правительство могло поддерживать его силой. Новый архіепископъ дублинскій, Лофтосъ и другіе англиканцы, назначенные епископами, напрасно старались обратить народъ въ свое вѣроисповѣданіе, онъ остался вѣренъ католичеству; прежняя національная непріязнь между кельтами и англичанами увеличалась религіозною враждой. Правительство только издавало законы противъ католичества, не заботясь о просвѣщеніи народа, и онъ сохранялъ привычную ему религію, отвергая непонятную новую, предпочиталъ священниковъ своего племени, дѣлвшихъ его страданія, чужеземнымъ, надменнымъ епископамъ. Богатые, гордые церковные сановники, окружающіе себя удовольствіями роскоши, не годились быть миссіонерами. Если бы англиканскіе епископы и священники въ Ирландіи имѣли хоть искру религіознаго одушевленія британскихъ миссіонеровъ, ходившихъ по лѣсамъ Германіи для проповѣди евангелія язычникамъ нѣмцамъ, ирландскій народъ принялъ бы реформацію, сталъ бы участникомъ въ умственной жизни Англіи. Тогда его судьба была бы счастливѣе, и единствомъ

вѣры англійское владычество было бы упрочено крѣпче, чѣмъ карательными законами, войсками и военнымъ судомъ.

5. Шотландія во время регентства. Борьба католичества съ реформаціей.

Въ половинѣ XVI вѣка, когда Марія Стюартъ, королева шотландская, невѣста дофина, воспитывалась въ Парижѣ, Шотландіей правили Гэмилтоны. Регентомъ былъ глава этой фамиліи, графъ Эррентъ (Arran), имѣвшій ближайшее право на престолъ въ случаѣ смерти малолѣтней королевы, получившій отъ французскаго короля титулъ герцога Шателеро. Братъ его получилъ по смерти Битона Сентъ-Эндрусскую архіепископскую кафедру и будучи умнѣе регента, владычествовалъ надъ нимъ. Потому реформація мало распространялась въ Шотландіи. Архіепископъ строго слѣдилъ за книгами и проповѣдями, велѣлъ составить и раздавалъ краткое изложеніе католической вѣры, назначилъ тяжелыя наказанія за оскорбленіе католическихъ святынь и духовенства, и въ 1551 году сжегъ въ Эдинбургѣ протестанта Адама Уоллеса.

Но черезъ нѣсколько времени вдовствующая королева, при помощи короля французскаго, вырвала власть изъ рукъ слабаго графа Эррена и стала править Шотландіей по внушеніямъ французскаго двора. По вступленіи Маріи, королевы англійской, въ бракъ съ Филиппомъ, французское правительство сдѣлалось непріязненно англійскому; враги королевы англійской стали казаться друзьями правительницѣ Шотландіи; многіе изъ преслѣдуемыхъ въ Англіи евангелическихъ проповѣдниковъ находили себѣ убѣжище въ Шотландіи, какъ папиръ бывшій францисканскій монахъ Джонъ Уиллокъ, ставшій важнѣйшимъ послѣ Нокса проповѣдникомъ реформаціи въ Шотландіи.

Скоро пріѣхалъ и самъ Ноксъ. Французское правительство держало его вмѣстѣ съ другими сентъ-эндрусскими плѣнными полтора года на галерахъ. Есть посланіе къ шотландскимъ протестантамъ, писанное имъ, „когда его ноги были въ оковахъ“. По освобожденіи онъ отправился въ Англію. Кранмеръ далъ ему должность священника въ Беруикѣ. Съ восшествіемъ Маріи на престолъ, дѣятельность его въ Англіи кончилась. Онъ уѣхалъ въ Женеву, сблизился съ Кальвиномъ; жилъ бѣдно, но усердно занимался изученіемъ Священнаго писанія и другими богословскими трудами. Онъ еще въ Беруикѣ находилъ слишкомъ неполнымъ преобразование церкви, сдѣланное Кранмеромъ; въ Женевѣ онъ совершенно усвоилъ себѣ понятія швейцарскихъ реформаторовъ. Онъ былъ демократъ, и ему правилось ученіе Кальвина о самоуправленіи каждой общины, о церковномъ равенствѣ всѣхъ христіанъ, о томъ, что каждый христіанинъ—священникъ, о служеніи Богу душевнымъ благочестіемъ, дающимъ освященіе человѣку безъ всякихъ обрядовъ, о простотѣ богослуженія. Аристократическій характеръ,

іерархическое устройство англиканской церкви казались Ноксу несравненно хуже демократизма кальвинистской церкви. Онъ походилъ на Кальвина послѣдовательностью ума въ выводахъ, непреклонностью воли, суровымъ характеромъ, и тоже не имѣлъ любви къ искусству, къ поэзіи. Неудивительно, что ихъ религіозныя системы одинаковы: шотландское пресвитеріанство, выработанное Ноксомъ, отличается отъ кальвинизма только тѣмъ, что еще суровѣе, потому что нравы Нокса были еще грубѣе привычекъ Кальвина, образованности у него было еще меньше.

Въ ноябрѣ 1554 Ноксъ поѣхалъ на предложенную ему должность проповѣдника общины англійскихъ эмигрантовъ, образовавшейся во Франкфуртѣ. По политическимъ и мѣстнымъ соображеніямъ она нѣсколько отклонилась въ обрядахъ отъ англиканскаго „Служебника“ и сблизилась въ нихъ съ французской реформатской общиной, въ канеллѣ которой совершала свое богослуженіе. Новые эмигранты, пріѣхавшіе во Франкфуртъ, стали говорить прежнимъ, что они не имѣли права сдѣлать эти уклоненія; винили за это Нокса, которому приписывали ихъ, представили франкфуртскому сенату оскорбительныя для королевы англійской, ея мужа Филиппа и для императора мѣста изъ сочиненія Нокса „Увѣщаніе исповѣдникамъ истины въ Англіи“. Сенатъ побоялся понасть въ непріятности изъ-за Нокса и велѣлъ ему удалиться изъ Франкфурта. Онъ уѣхалъ опять въ Женеву; многіе члены общины, раздѣлявшіе его мнѣнія, уѣхали съ нимъ, нѣкоторые переселились въ Базель. Изъ этого перваго спора англійскихъ протестантовъ о правѣ общины опредѣлять свое богослуженіе возникло ученіе англійскихъ пуританъ, утверждавшее, что каждая община имѣетъ власть устанавливать свое богослуженіе по собственнымъ понятіямъ.

Эмигранты, переселившіеся съ Ноксомъ въ Женеву, составили тамъ общину съ богослуженіемъ по кальвинистскому образцу. Устроивъ это дѣло, Ноксъ поѣхалъ въ Беруикъ, гдѣ оставалось его семейство, и оттуда пріѣхалъ въ Шотландію. Онъ нашелъ на родинѣ ужь очень много приверженцевъ реформаціи между вельможами и простолюдинами; его дѣятельность увеличивала число ихъ. По политическимъ соображеніямъ, королева мать, правившая государствомъ, не стѣсняла протестантовъ; благодаря тому, Ноксъ могъ соединить послѣдователей реформаціи въ союзъ для пропаганды; въ это общество вступили многіе вельможи, въ томъ числѣ побочный сынъ покойнаго короля, Джемсъ Стюартъ, получившій впослѣдствіи титулъ графа Морре (Murray), Джонъ Эрскейнъ, впослѣдствіи получившій титулъ графа Мара (Mar, Мэръ), графъ Гленкернъ. Они готовились къ вооруженной борьбѣ; Ноксъ былъ агитаторомъ, возбуждавшимъ народъ; масса дворянъ и простолюдиновъ была уже на сторонѣ реформаціи, побѣда была несомнѣнна; но католики еще оставались сильны; понятно было, что ихъ сопротивленіе будетъ упорно.

И въ такое важное время, Ноксъ уѣхалъ въ Женеву. Это было похоже на бѣгство изъ лагеря передъ рѣшительной битвой. Противники Нокса говорили, что у него нѣтъ особенно горячаго желанія пріобрѣсти мученическій вѣнецъ, что ему лучше нравится кричать послѣ побѣды, чѣмъ стоять съ опасностью жизни за истину. Вѣроятно онъ видѣлъ, что шотландскіе протестанты еще не имѣютъ твердой

воли, и не хотѣлъ преждевременно рисковать собой; послѣ, когда его окружали надежные воины вѣры, онъ выказалъ себя безстрашнымъ бойцомъ.

Изъ Женевы онъ сносился съ шотландскими протестантами, давалъ имъ совѣты, утѣшалъ, ободрялъ ихъ. Посланія его жадно читались; богослуженіе въ частныхъ домахъ было устроено по его указаніямъ. Регентша была нерасположена къ реформатамъ, но, какъ мы говорили, не стѣсняла ихъ. Ей очень хотѣлось, чтобы при бракосочетаніи ея дочери съ дофиномъ ему былъ данъ одинъ титулъ короля шотландскаго. На это нужно было согласіе парламента; а многіе вельможи были приверженцы реформаціи; Гэмилтоны, защитники католичества, были по династическимъ интересамъ, противниками желанія регентши. Она достигла своей цѣли: парламентъ далъ мужу королевы титулъ короля. Было рѣшено, что шотландцы будутъ пользоваться полными правами гражданства во Франціи, французы въ Шотландіи. Оба королевства какъ будто соединились въ одно. Для этого была необходима и церковная одинаковость, потому что люди разныхъ исповѣданій не умѣли тогда уживаться въ согласіи. Регентша сблизилась съ католиками, прекратила свою снисходительность къ реформатамъ. Ноксъ пріѣхалъ въ Діеппъ, чтобы быть ближе къ шотландскимъ протестантамъ и возвратиться на родину, если они рѣшатся на серьезную борьбу. Но это время еще не пришло, и въ декабрѣ 1557 года онъ уѣхалъ опять въ Женеву. Онъ продолжалъ быть совѣтникомъ своихъ реформатскихъ соотечественниковъ; они принимали его слова съ величайшимъ уваженіемъ. Въ это время ужъ видно было, что Марія, королева англійская, скоро умретъ; англійскіе протестанты надѣялись, что ея преемница, Елизавета, пріиметъ ихъ сторону; шотландскіе реформаты хотѣли при ея восшествіи на престолъ взяться за оружіе, рассчитывая на ея помощь.

Графы Эргейль (Argyle), Гленкертъ, Мортонъ, лорды Лорнъ, Эрскейнъ Донскій (of Dun), Джемсъ Стюартъ (побочный братъ королевы) и нѣкоторые другіе реформатскіе вельможи заключили между собою 3 декабря 1557 года ковенантъ (союзъ), по которому обязались «отречься отъ сомнѣнія антихристова со всѣми суевѣрными мерзостями и идолопоклонствами его и установить евангеліе Іисуса Христа и общину его». Это былъ первый ковенантъ. Онъ былъ заключенъ, вѣроятно, по совѣту Нокса. У вельможъ, основавшихъ этотъ союзъ, къ религіознымъ мотивамъ присоединялись политическіе. Они негодовали на то, что регентша дѣлала Шотландію провинціей Франціи.—Многіе вельможи ввели въ своихъ замкахъ англиканское богослуженіе. Они хотѣли пріобрѣсти покровительство Елизаветы, которая, какъ они знали, возстановитъ англиканскую церковь, послѣ смерти старшей сестры, безнадежно больной. Правительство преслѣдовало реформатскую пропаганду, гдѣ могло, и 28 апрѣля паписты сожгли

странствующаго реформатскаго проповѣдника Уольтера Милля; но это было послѣднее ихъ торжество. Усердные реформаты убѣждали другихъ присоединиться къ ковенанту. Тысячи людей подписывали его. Получивъ увѣренность въ поддержкѣ массы народа, лорды конгрегаціи, какъ назывались руководители ковенанта, представили регентшѣ просьбу, чтобы имъ и всѣмъ желающимъ было разрѣшено учреждать богослуженіе соотвѣтствующее требованію ихъ совѣсти и повелѣніямъ Священнаго Писанія, и «возстановить въ Шотландіи почтенную и божественную форму первоначальной церкви». Въ то время они представили парламенту проектъ, въ которомъ требовали себѣ права поступать въ дѣлахъ религіи такъ, какъ велитъ имъ совѣсть. Эти акты написаны въ отважныхъ выраженіяхъ и похожи на объявленіе войны.

Вскорѣ послѣ того вступила на англійскій престолъ Елизавета; династическіе и политическіе мотивы заставляли регентшу опираться на католиковъ, преслѣдовать реформатовъ. Въ мартѣ 1559 она созвала въ Единбургѣ парламентъ и соборъ. Послѣдователи новаго ученія представили парламенту записку, называвшуюся «реформаціонными статьями»; въ ней они требовали введенія богослуженія по англиканскому «Служебнику» и участія общинъ въ выборѣ священниковъ. Парламентъ отказалъ имъ, постановилъ, что должно быть сохраняемо прежнее богослуженіе. Регентша усердно поддерживала католиковъ, чтобъ они помогали ей въ дѣйствіяхъ пртивъ Елизаветы; она хотѣла получить отъ папы рѣшеніе, что Елизавета не имѣетъ правъ на англійскій престолъ, что онъ долженъ принадлежать Маріи Стюартъ. Династическіе, политическіе и религіозные интересы побуждали регентшу дѣйствовать заодно съ папой, королями французскимъ и испанскимъ противъ протестантовъ. Католическая коалиція хотѣла подавить реформацію въ Шотландіи, чтобы регентша имѣла свободу послать войско противъ Елизаветы. Шотландскіе реформаты искали покровительства Елизаветы; она, при всей своей антипатіи къ революціонерамъ и пуританамъ, нашла полезнымъ для себя соединиться съ ними противъ общихъ враговъ.

Въ Шотландіи началась вооруженная борьба. Ноксъ пріѣхалъ 3 мая 1559 года въ Литъ (Leith), гавань Единбурга. Надъ нимъ еще тяготѣлъ приговоръ, объявлявшій его мятежникомъ; но дѣла быстро получали такой оборотъ, что не могло быть и рѣчи объ арестованіи его. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Шотландію онъ произнесъ въ Пертѣ проповѣдь объ изгнаніи изъ храма Господня продающихъ и покупающихъ; она была наполнена рѣзкими нападеніями на «папистское идолослуженіе», и произвела такое сильное впечатлѣніе на слушателей, что они по окончаніи ея стали уничтожать образа и другія католическія святыни въ церкви, пошли въ другія церкви, произвести и тамъ такое же разрушеніе; съ грубымъ вандализмомъ

толпа ломала и жгла все, что считала принадлежащимъ католическому «суевѣрію» и «идолопоклонству». Такое же разрушеніе было произведено въ Донди и Домфрисѣ. Регентша вознегодовала, послала противъ разрушителей отрядъ шотландскихъ и французскихъ солдатъ. Но «Конгрегація Христова» призвала къ оружію реформатовъ, обнародовала манифесты, оправдывавшіе ея поступки; написанные грубымъ тономъ престопаднаго краснорѣчія и проникнутые демократическими идеями Нокса, эти прокламаціи увлекали массу простолюдиновъ; они наполнены цитатами изъ Библии; характеръ ихъ ужъ тотъ самый, какой имѣли впослѣдствіи демократическія проповѣди во время Кромвеля.

Воины конгрегаціи были одушевлены отвагой; потому войско регентства, хотя было вооружено лучше ихъ, не могло налѣяться на усиѣхъ, и регентша послушалась тѣхъ вельможъ, которые совѣтовали ей примириться съ конгрегаціей. Реформаты отдали ей Пертъ, но подъ условіемъ, что никто не будетъ наказанъ „за отмѣну идолослуженія“ и что проповѣдь реформациі будетъ свободна тамъ. Передъ тѣмъ, какъ разѣхались по домамъ, вожди конгрегаціи по совѣту Нокса подписали 31 мая (1559 года) второй ковенантъ, которымъ обязывались помогать другъ другу въ дѣлѣ введенія „чистаго богопочитанія“; множество вельможъ и дворянъ областей Шотландіи также подписали этотъ договоръ.

Перемиріе было непродолжительно. Ковенантеры винили регентшу въ вѣроломствѣ, снова взяли за оружіе, собрались на границѣ графства фейфскаго, въ Крелѣ. Ноксъ возбуждалъ ихъ прогнать французовъ. Они уничтожили въ Крелѣ и Энструтерѣ всѣ католическія святыни, которыя называли принадлежностями идолопоклонства и служенія Антихристу, и пошли въ Сентъ-Эндрусъ. Тамъ, въ каѳедральномъ архіепископскомъ соборѣ Ноксъ произнесъ 10 іюня (1559 года) пламенную рѣчь объ изгнаніи изъ храма продающихъ и покупающихъ; народъ разрушилъ все въ каѳедральномъ соборѣ—не только образа, но и памятники, разрушилъ самый соборъ, опустошилъ другіе церкви и монастыри, разрушилъ нѣкоторые изъ нихъ до основанія, потомъ разрушилъ великолѣпное аббатство Линдорсъ, находившееся въ 12 англійскихъ миляхъ отъ Сентъ-Эндруса. Регентша собрала войско; но въ немъ былъ надеженъ только небольшой французскій отрядъ; вѣрность шотландцевъ, собравшихся на призывъ регентши, была сомнительна; даже на Гэмилтоновъ не могла она положиться: шотландскіе католики не хотѣли, чтобы отечество ихъ было провинціей Франціи. Потому Сентъ-Эндрусъ остался въ рукахъ ковенантеровъ; они заняли и Пертъ. Въ трехъ миляхъ отъ этого города находилось знаменитое аббатство Сконъ, въ каѳедральномъ храмѣ котораго короновались шотландскіе короли. Ковенантеры пошли туда, разрушили образа, украшенія и сожгли храмъ они считали погибель этого великолѣпнаго зданія дѣломъ воли Господа, ис-

требяющей вертепы идолослуженія, и построили на развалинахъ маленькую пресвитеріанскую церковь, самой простой архитектуры, безъ всякихъ украшеній; они разрушили до основанія прекрасное кэмбоскеннетское аббатство, очистили отъ римскаго богослуженія Стирлингъ. Когда они подошли къ Эдинбургу, регентша съ своими тѣлохранителями удалилась изъ Голирудскаго дворца; они вошли въ городъ, простолудины соединились съ ними на уничтоженіе всѣхъ католическихъ святынь въ церквахъ. Много прекрасныхъ произведеній искусства погибло въ эти дни опустошенія церквей. Ноксъ былъ назначенъ проповѣдникомъ въ церкви Св. Эгидія, каѳедральномъ храмѣ столицы государства. По всей южной и средней Шотландіи народъ опустошалъ церкви, уничтожалъ утварь, образа, католическіе украшения; были опустошены великолѣпныя аббатства Донфермлейнское, мельрозское и стояли пустыя, ветшали, обрушивались. Тѣ церкви, которыя были только опустошены, а не разрушены, были мало по малу приспособлены къ реформатскому богослуженію.

Регентша съ своимъ дворомъ и французскимъ отрядомъ поселилась съ Донберъ (Dunbar), обнародовала прокламацію, говорившую, что цѣль конгрегационистовъ не преобразование церкви, а низверженіе законнаго правительства. Опустошеніе церквей не правилось многимъ; вліяніе вождей конгрегации на народъ ослабѣло; Елизавета не посылала помощи имъ. Регентша возвращалась въ Голпрудскій дворецъ. Ноксъ и его товарищи печатали объясненія въ защиту своихъ дѣйствій, стараясь по возможности смягчать ихъ грубость. Въ это время умеръ (10 іюня 1559) Генрихъ II и мужъ Маріи, Францискъ, сталъ королемъ французскимъ. Гизы, получившіе господствующее вліяніе на французскія дѣла, собрали войска для отправленія въ Шотландію; оттуда оно должно было идти въ Англію, низвергнуть Елизавету, пріобрѣсти Маріи англійскую корону. Шотландскіе католики ободрились. Въ Эдинбургъ пріѣхалъ французскій епископъ, возстановилъ католическое богослуженіе въ каѳедральномъ храмѣ, вызвалъ реформатскихъ богослововъ на диспутъ. Реформаты заключили 1 августа (1559 года) третій ковенантъ. Елизавета открыто приняла ихъ сторону. Даже Гэмилтоны сблизились съ лордами конгрегации: графъ Эррентъ, сынъ бывшаго регента, принялъ реформатское ученіе и присоединился къ ковенанту; онъ рассчитывалъ получить руку Елизаветы. Англо-протестантская и французско-католическая партіи собрали свои войска.

Регентша съ французскимъ отрядомъ и нѣсколькими епископами ушла въ Литъ; лорды конгрегации заняли Эдинбургъ и послали регентшѣ требованіе, чтобъ она отослала изъ государства иноземное войско и прекратила работы для укрѣпленія Лита. Она отвѣчала отказомъ. «Лорды и общины шотландской протестантской церкви», какъ называли себя члены конгрегации, рѣшили отнять у нея регентство. Ноксъ и другой проповѣдникъ, Уиллокъ, по порученію конгрегации,

составили записку, въ которой цитатами изъ книгъ Ветхаго завета доказывали, что низлагать правителей или правительницъ, служащихъ идоламъ, дѣло богоугодное. Лорды конгрегаціи, называвшіе себя «по праву рожденія совѣтниками королевства», объявили 21 октября, что регентша устраняется отъ власти и выбрали комитетъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ для управленія государствомъ и церковью до собранія парламента. Однимъ изъ членовъ этого временнаго правительства былъ Ноксъ, превосходившій всѣхъ энергіей. Онъ былъ душа конгрегаціи, руководилъ ея совѣщаніями, велъ ея корреспонденцію, составлялъ прокламаціи, хлопоталъ о союзѣ съ Англіей, говорилъ пламенные рѣчи войску и народу, выказывалъ неутомимую дѣятельность.

Въ прежней шотландской исторіи было много примѣровъ того, что вельможи возставали противъ королей, объявляли ихъ низложенными. При слабомъ правленіи женщины непокорность вельможъ увеличилась, а религіозный фанатизмъ заглушилъ послѣдніе остатки почтенія къ регентшѣ, «идолопоклонницѣ» и покровительницѣ «жрецовъ вааловыхъ»; коалиція шотландскихъ вельможъ, возставшихъ противъ регентши, считала себя имѣющей право низложить ее; притомъ они не отвергали правъ королевы, дѣйствовали отъ ея имени; потому низложеніе регентши не имѣло въ себѣ ничего несообразнаго съ мыслями, привычными шотландскому народу; притомъ, во главѣ ихъ союза стоялъ ближайшій родственникъ королевы, которому по закону слѣдовало быть регентомъ; Марія Гизъ представлялась народу несправедливо отнявшей у него регентство. Къ этимъ старымъ понятіямъ шотландцевъ присоединилась теперь политическая теорія Бокэнэна (Buchanan) и другихъ гуманистовъ, говорившихъ, что источникъ королевской власти—договоръ, что верховная власть принадлежитъ народу, что законы обязательны и для государей, какъ для подданныхъ; присоединялись и заимствованныя изъ Ветхаго Завета теократическія идеи о томъ, что царемъ должно признавать только Бога, и что онъ открываетъ народу свою волю черезъ вдохновляемыхъ имъ учителей.

Но все-таки многимъ не понравилось рѣшеніе лордовъ конгрегаціи, что регентша низлагается. Нѣкоторые вельможи и дворяне удалились изъ ихъ войска. Дѣла ихъ получили дурной оборотъ: нападеніе ихъ на Литъ было отражено; они принуждены были отступить изъ Эдинбурга и Стирлинга; регулярное войско регентши, въ которомъ кромѣ шотландцевъ были французы, одерживало успѣхи въ схваткахъ съ неопытной, нестройной милиціей ковенантеровъ. Роялисты сохранили за собой перевѣсъ даже и послѣ того, какъ Елизавета, раздраженная враждебными дѣйствіями французскаго короля и руководившихъ имъ Гизовъ, преодолѣла свое нерасположеніе къ Ноксу и конгрегаціи, стала посылать эскадры и отряды войска на помощь имъ. Но ре-

гентша умерла (11-го іюня 1560), и ходъ дѣлъ измѣнился. Марія Гизъ была женщина умная и образованная; реформаты, ненавидѣвшіе ее за преданность католичеству, выставляли ее въ самомъ дурномъ видѣ. Проповѣдники ихъ не допустили похоронить ея тѣло въ Эдинбургѣ по католическому обряду. Оно было отвезено во Францію и погребено въ одномъ изъ реймскихъ монастырей.

По смерти регентши выказалось всеобщее желаніе примириться. Французское правительство понимало, что ему трудно продолжать войну въ отдаленной землѣ противъ массы населенія, поддерживаемой англичанами. Шотландцы и Елизавета склонили уполномоченныхъ королевы шотландской и ея мужа къ большимъ уступкамъ. Послы Маріи и Франциска дали отъ ихъ имени полную амнистію конгрегационистамъ, согласились удалить изъ Шотландіи французскія войска; еще важнѣе было согласіе ихъ на то, чтобы собрался въ Эдинбургѣ конвентъ для устройства государственныхъ и церковныхъ дѣлъ и чтобы до утвержденія его рѣшеній королевой правилъ государствомъ верховный совѣтъ, часть членовъ котораго будетъ назначена королевой, другая часть лордами конгрегациі; французскіе послы согласились и на то, что Марія и Францискъ должны признать право Елизаветы на англійскій престолъ, отказаться отъ титула королевы и короля англійскихъ. Этотъ договоръ былъ подписанъ въ Эдинбургѣ. Елизавета немедленно ратификовала его. Но Марія и Францискъ не хотѣли отречься отъ притязаній Маріи на англійскій престолъ, сказали что ихъ послы превысили свои полномочія и отказались утвердить трактатъ.

Конвентъ собрался въ Эдинбургѣ въ августѣ. Нѣкоторые лорды и епископы не поѣхали въ это собраніе; они говорили, что оно не имѣетъ права постановлять законы, потому что не созвано королевой, и самый договоръ, по которому было условлено созвать его, не утвержденъ королевой. Но такихъ людей было мало. Съѣздъ на конвентъ былъ чрезвычайно многочисленный. Въ обыкновенные парламенты низшее дворянство посылало депутатовъ; въ конвентѣ могъ засѣдать каждый дворянинъ; ихъ съѣхалось очень много, потому что всѣмъ была понятна важность этого собранія: отъ его рѣшеній зависѣла вся будущность государства. Реформаты составляли въ немъ такое огромное большинство, что оппозиція была ничтожна. Результатъ совѣщаній не могъ подлежать сомнѣнію. Конвенту была представлена просьба отмѣнить римское вѣроученіе и власть папы, возстановить первоначальную христіанскую церковь; конвентъ поручилъ Ноксу и нѣсколькимъ другимъ проповѣдникамъ составить исповѣданіе вѣры и правила церковнаго устройства и внести свой проектъ на разсмотрѣніе собранія. У Нокса и его товарищей все было ужь подготовлено, такъ что черезъ четыре дня они представили свой проектъ. Ихъ исповѣданіе вѣры, основанное на кальвинистскомъ учении, было

принято конвентомъ почти единогласно. Никто не хотѣлъ навлекать на себя гнѣвъ фанатизированнаго народа изъ-за вѣры. Многіе прелаты ужь обезпечили себѣ большіе доходы чрезъ договоры съ лордами. Но правила церковнаго устройства, составленныя тоже по принципамъ кальвинизма, встрѣтили сильное сопротивленіе: вельможамъ не нравилась вводимая ими суровая духовная дисциплина; еще непріятнѣе было имъ то, что церковныя имущества предназначились на содержаніе духовенства, школъ и благотворительныхъ учреждений; на это они не согласились, остались глухи къ увѣщаніямъ Нокса, и распредѣлили между собой большую часть церковныхъ имѣній; судьбой реформатскаго духовенства стала нищета. Конвентъ отмѣнилъ всѣ статуты, изданные прежде въ пользу католической церкви, отмѣнилъ власть папы, уничтожилъ монастыри, запретилъ католическую литургію, какъ «идолослуженіе»; наказаніемъ за первое нарушеніе этого запрещенія онъ называлъ темницу и конфискацію имущество, за второе—изгнаніе, за третье—смерть. Установивъ эти законы, конвентъ отправилъ къ Елизаветѣ извѣщеніе о преобразованіи церкви съ выраженіемъ благодарности за помощь и съ просьбой, чтобъ она отдала свою руку графу Эррену и тѣмъ укрѣпила союзъ между одноплеменными народами, исповѣдующими теперь одну вѣру. Къ своей королевѣ конвентъ отправилъ въ Парижъ только одного посла, бывшаго мальтійскаго рыцаря Джона Сэнтэйлэндса, съ извѣщеніемъ о произведенномъ преобразованіи. Марія и ея мужъ, имѣвшій титулъ короля шотландскаго, отказали въ утвержденіи рѣшеніямъ конвента. Гизы, владычествовавшіе тогда во Франціи, не хотѣли признать самовластныхъ распоряженій конвента, нарушавшихъ права ихъ племянницы и уничтожавшихъ въ ея королевствѣ ея религію. Они готовили флотъ и войско для отправленія въ Шотландію; но смерть короля отняла у нихъ власть во Франціи; молодая вдова Франциска осталась безпомощна. Вожди конгрегаціи радостно восклицали, что рука Божія охраняла истинную церковь.

Итакъ, по рѣшенію конвента, было введено въ Шотландіи кальвинистское вѣроученіе, богослуженіе и церковное устройство; прежнее «идолослуженіе» было запрещено подъ страхомъ конфискаціи и смертной казни. Съ фанатическимъ вандализмомъ были опустошены церкви и монастыри; была установлена суровая нравственная дисциплина, завѣдываніе которой было ввѣрено духовенству, оставленному въ нищетѣ алчностью дворянъ, проповѣдывавшему равенство всѣхъ вѣрующихъ и безпощадно преслѣдовавшему всякое нарушеніе религіозныхъ законовъ. Эта церковь, управляемая собраніями священниковъ, пресвитеріями, и потому получившая названіе пресвитеріанской, имѣла основной своею мыслью: «одинъ у насъ господинъ, Христосъ, всѣ мы братья», не допускала никакого вмѣшательства мірской власти въ свои дѣла. Суровый духъ ея основателя Нокса, безчувственнаго

къ страданіямъ и радостямъ жизни, остался наслѣдіемъ пресвитеріанскаго духовенства, и гоненія, какимъ подверглись ея послѣдователи, усилили мрачную суровость ихъ.

XXIII. НѢМЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ЭПОХУ РЕФОРМАЦІИ.

Литература. Кромѣ трудовъ Гервинуса, Коберштейна, Гёдеке, Курца Шаде и другихъ, упомянутыхъ нами въ прежнихъ обзорахъ, пособіями при изложеніи исторіи нѣмецкой литературы въ эпоху реформаціи служили намъ: новыя изданія произведеній того времени въ *Bibliothek des litterarischen Vereins Zu Stuttgart*, въ *Neudrucke deutscher Litteraturwerke des XVI und XVII Jahrhunderts* (изданіе Нимейера), въ *Das Kloster* (изданіе Шейбле),—и новыя изданія отдѣльныхъ книгъ того времени: *Thomas Murners Ulenspiegel* (изданіе Лаппенберга, Leipzig, 1854); *Brants Narrenschiff* (изданіе Царнке, Leipzig, 1854), переложеніе этой книги на нынѣшній литературный нѣмецкій языкъ, Зимрока (Berlin, 1872); *Reineke Fuchs*, изданіе Люббена (Oldenburg, 1867); *Gödike und Tittmann*, *Bibliothek deutscher Dichter des XVI Jahrhunderts* (Leipzig, 1866 и слѣд. годы); *Hans Sachs' Werke*, herausgegeben von Keller und Götze; *Niklas Manuel*, herausgegeben von Bächtold (Fraudenburg, 1878); *Wackernagel*, *Das deutsche Kirchenlied von der ältesten Zeit bis zu Anfang des XVII Jahrhunderts* (томы 1—3, Leipzig, 1864—1870); *Koch*, *Geschichte des Kirchenlieds und Kirchengesanges* (томы 1—3, Stuttgart, 1852, 1853); *Stinzing*, *Geschichte der popularen Litteratur des römisch—kanonischen Rechts in Deutschland am Ende des XV und Anfang des XVI Jahrhunderts* (Leipzig, 1867); *Paur*, *Sleidans Kommentare über die Regierungszeit Karls V* (Leipzig, 1843).

1. Характеръ и развитіе литературы и образованности.

Гуманисты вырабатывали космополитическую цивилизацію; она стремилась создать новую умственную аристократію на основаніи древней образованности и охватывала высшіе классы общества. Гуманизмъ распространялся и въ Германіи, какъ въ романскихъ земляхъ. Но въ Италіи, въ Испаніи, Португаліи, во Франціи онъ пріобрѣлъ владычество, подавилъ народную поэзію; а въ Германіи встрѣтилъ простонародную оппозицію, которой не могъ одолѣть, и принужденъ былъ принять ея понятія, чтобы не лишиться всякаго вліянія на средній классъ націи. Она проявлялась рѣзкой разницей народной литературы отъ рыцарской. Средневѣковая эпическая поэзія почти исчезла изъ общественной жизни въ Германіи; даже романы объ Амадисахъ, еще остававшіеся любимымъ чтеніемъ въ романскихъ земляхъ, перестали нравиться нѣмцамъ. Взамѣнъ рыцарской литературы развилась въ Германіи въ началѣ XVI вѣка простонародная, грубая и по понятіямъ и по языку, осмѣивавшая нравы высшихъ классовъ, нападавшая на существующій порядокъ. Она была реакціей народныхъ понятій и нравовъ противъ надменности и изысканной образованности высшихъ классовъ и ученыхъ. Нѣмецкая сатира

любила облекать истину и мудрость въ одежду шутовства, перевозносить грубый здравый смысл простолюдиновъ. Самымъ популярнымъ представителемъ этого рода сатиры сталъ легендарный шутъ и бродяга Тилль Эйленшпигель; сборникъ анекдотовъ о его продолжкахъ очень долго оставался любимымъ чтеніемъ простолюдиновъ. Даже гуманисты писали въ этомъ вкусѣ. Мы ужъ упоминали о Facetiae Бебеля; его книга была переведена на нѣмецкій языкъ. Появилось нѣсколько подобныхъ ей сборниковъ анекдотовъ о смѣшныхъ приключеніяхъ жепщинъ, монаховъ, поселянъ, слугъ, простолюдиновъ всяческихъ профессій, въ особенности мельниковъ; въ этихъ разсказахъ, грубыхъ до крайняго неприличія, природный умъ хитрецовъ, притворяющихся простяками, дураками, побѣдоносно выходитъ изъ всѣхъ затрудненій и опасностей. Одною изъ любимѣйшихъ книгъ этого рода послѣ Тилля Эйленшпигеля было собраніе смѣшныхъ разсказовъ, составленное капуцинскимъ монахомъ Паули Schimpf und Ernst («Потѣха и дѣло»; Schimpf тутъ имѣетъ старинное свое значеніе, смѣхъ, насмѣшка, а не «позоръ» или «ругательство»). Авторъ жилъ въ Страсбургѣ, главномъ центрѣ простонародныхъ юмористическихъ выдумокъ. Тамъ жилъ и современникъ Паули, Себастьянъ Брантъ, человѣкъ серьезный, юристъ, изобразившій въ своемъ «кораблѣ дураковъ» всѣ пороки и заблужденія своего времени; онъ возставалъ противъ грубаго тона простонародной сатиры; но вкусъ къ этому тону такъ укоренился, что онъ самъ писалъ простонароднымъ, грубымъ языкомъ. Онъ выставляетъ порочныхъ людей глупцами. Это было не новостью: Эразмъ ужъ далъ своему описанію пороковъ форму похвалы глупости.

Въ насмѣшкахъ сатириковъ надъ высшими классами и господствующимъ порядкомъ дѣлъ было, вообще говоря, мало политическихъ идей; представители простолюдиновъ только восхваляли грубый, но ясный здравый смыслъ необразованныхъ людей. Была однакожъ и политическая сатира, требовавшая реформъ. Мы ужъ говорили о памфлетахъ и пасквиляхъ противъ католичества, множество которыхъ являлись въ первое время реформаціоннаго движенія; мы видѣли, что главнымъ дѣятелемъ этой литературы сталъ гуманистъ Гуттенъ. Но, принявъ простонародный тонъ, гуманизмъ скоро утратилъ свое значеніе; оно перешло къ произведеніямъ, выработаннымъ простонародными силами. Такова поэма о Рейнеке Лисицѣ, спокойнымъ тономъ разсказывающая обо всемъ дурномъ государственномъ и церковномъ устройствѣ. Буркардъ Вальдисъ, Эразмъ Альберъ и потомъ Георгъ Ролленгагенъ писали подражанія этой народной эпопеѣ, изображающей пороки и глупости людей подъ формой разсказовъ о животныхъ.

Среди борцовъ полемической литературы стоитъ могущественная фигура Лютера. Онъ вышелъ не изъ круга гуманистовъ, но пони-

малъ пользу ихъ дѣятельности; онъ не сочувствовалъ простонародной сатирѣ, но писалъ простонароднымъ языкомъ, чтобы быть понятнымъ народу. Его проповѣди—простонародныя рѣчи. Его полемическія брошюры написаны грубымъ языкомъ «Ганса Мотыки» и другихъ памфлетовъ, издававшихся для чтенія простонародью. Но главная его литературная дѣятельность имѣла иной характеръ. Онъ далъ основной тонъ нѣмецкой церковной пѣснѣ; своимъ переводомъ Библии онъ создалъ литературный языкъ нѣмецкой прозы; много содѣйствовали сформированію этого языка и его письма, его разговоры, записанные впослѣдствіи по воспоминаніямъ собесѣдниковъ и собранные подъ заглавіемъ «застольныхъ рѣчей», *Tischreden*.

Слейданъ
1506—1556.

Нѣмцы начали писать на родномъ языкѣ историческія и другія ученыя книги. Филипсонъ, принявшій латинскую фамилію Слейданъ, по названію мѣстечка Шлейдена, въ которомъ родился, юристъ и государственный человѣкъ, находившійся на службѣ французскаго короля, потомъ шмалькальденскаго союза, бывшій представителемъ Страсбурга на тридентскомъ соборѣ, написалъ на латинскомъ языкѣ исторію своего времени, подъ заглавіемъ *De statu religionis et Reipublicae Carolo V Caesare Commentarii*, и другое обширное сочиненіе, всеобщую исторію, раздѣленную, по старому обычаю, на четыре періода преобладанія четырехъ монархій. Но при составленіи городскихъ и областныхъ хроникъ и въ автобіографіяхъ вошелъ въ употребленіе нѣмецкій языкъ. На немъ написаны «Гельветская» (то есть, швейцарская) «хроника» Эгидія Чуди, хроника Авентина, хроника Себастіана Франка, анабаптиста, подвергавшагося тяжелымъ преслѣдованіямъ. Гёцъ Берлинхигенъ, Шертлинъ и нѣкоторые другіе военные люди написали свои воспоминанія неуклюжимъ, но живымъ нѣмецкимъ языкомъ. Составители «Магдебургскихъ Центурій», перваго труда по исторіи церкви, написаннаго съ критикой, были воспитанники Лютера.

Гансъ Заксъ.

Всѣ направленія поэзіи эпохи реформациі нашли себѣ полное выраженіе въ произведеніяхъ Ганса Закса (*Sachs*). Гражданинъ Нюрнберга, сапожникъ, бывшій членомъ городского совѣта, онъ обладалъ всей образованностью, какая проникала тогда въ сословіе горожанъ, и писалъ произведенія во всѣхъ видахъ поэзіи. Къ прежней народной дидактикѣ, состоявшей изъ старыхъ преданій и сказокъ, присоединились теперь переводы древнихъ писателей; Гансъ Заксъ пользовался обоими этими источниками мірской поэзіи, Священнымъ писаніемъ и религіозными легендами. Бóльшая часть его произведеній имѣетъ дидактическій характеръ. Онъ былъ усердный приверженецъ лютеранства, принятаго въ Нюрнбергѣ, написалъ много религіозныхъ пѣсень, множество комичныхъ рассказовъ и пѣсень, комедій, трагедій, эпическихъ и лирическихъ стихотвореній въ разговорной формѣ, святочныхъ фарсовъ. Творческой изобрѣтательности у него не было; онъ только пересказывалъ своему кругу публики содержаніе литера-

туры, съ которой ознакомился, вульгарнымъ и часто болтливымъ, растянутымъ тономъ приближая ее къ пониманію малообразованнаго сословія. Поэтическій талантъ виденъ у него лишь въ веселыхъ, простодушно-чувственныхъ разсказахъ и картинахъ. Онъ очень мило описываетъ зелень густыхъ лѣсовъ, майскій воздухъ луговъ, красоту и наряды дѣвушекъ. Онъ былъ выразителемъ веселаго довольства имперскихъ горожанъ, простонароднаго юмора, чистоты семейнаго быта честнаго, трудолюбиваго средняго сословія. За это и хвалятъ его Гёте.

Гуманизмъ не преобразовалъ поэзію въ Германіи, какъ въ романскихъ земляхъ, но вліяніе его на развитіе нѣмецкой образованности было довольно сильно. Въ IX томѣ нашего труда мы говорили, что гуманисты въ Германіи улучшили прежнія школы и основывали новыя; такъ, напримѣръ, были основаны высшія училища въ Марбургѣ, Страсбургѣ, Кёнигсбергѣ, Іенѣ. Меланхтонъ и Цвингли, бывшіе гуманистами, не забыли интересовъ своей молодости, вовлекшись въ религіозное движеніе: Цвингли основалъ высшее училище въ Цюрихѣ, Меланхтонъ имѣлъ такое сильное вліяніе на улучшение школъ, что получилъ названіе Учителя Германіи, *praeseptor Germaniae*.

Онъ плодотворно дѣйствовалъ не только въ областяхъ богословія и филологіи; онъ всю жизнь усердно занимался древней философіей, особенно аристотелевской; онъ писалъ учебники, излагавшіе философію, стремился примирить ее съ откровеніемъ. Виттенбергскій университетъ, ставшій для лютеранъ авторитетомъ по богословію, желалъ пользоваться славой и по другимъ наукамъ; всѣ факультеты его соревновали между собою. Виттенбергскій профессоръ Іоахимъ Ретикъ участвовалъ въ обнародованіи системы Коперника; Матезій и Виландъ, знаменитые виттенбергскіе богословы, приобрѣли также извѣстность трудами по минералогіи и ботаникѣ; другой богословъ, Круцигеръ, усердно занимался физикой, астрономіей, математикой; о знаменитомъ ботаникѣ Валеріѣ Кордѣ мы будемъ говорить ниже. — Меланхтонъ былъ центромъ всей умственной жизни лютеранской Германіи и распространителемъ гуманизма въ сѣверной половинѣ ея. Іоахимъ Камерарій, Геронимъ Вольфъ, прославившійся своимъ латинскимъ переводомъ Демосѳена, Родоманнъ, друзья или ученики Меланхтона, не уступали обширностью и глубиной знанія великимъ филологамъ Италіи и Франціи. Изученіе классическихъ языковъ и литературъ надолго стало основаніемъ научной жизни. Оно разрушало предразсудки, наслѣдованные отъ среднихъ вѣковъ.

Классицизмъ преобразовалъ не одно богословіе, но и юриспруденцію. Какъ ученіе Священнаго писанія было затемнено схоластическими богословами, такъ источники римскаго права были затемнены средне-вѣковыми глоссаторами; компиляція, составленная Аккурсіемъ изъ трудовъ прежнихъ глоссаторовъ, и называвшаяся по преимуществу

просто «Глоссой», даже получила въ Германіи силу закона. Это была замѣна реального содержанія римскаго права формалистикой; изучались не подлинныя законы, а лишь комментаріи на нихъ. Только въ началѣ XIV вѣка возникло въ Италіи болѣе внимательное изученіе самихъ источниковъ права; основателями этой школы были итальянскіе юристы Бартолъ и ученикъ его, Бальдъ. Съ того времени нѣмцы стали больше прежняго ѣздить для изученія юриспруденціи въ Италію. Римское право стало пріобрѣтать все больше и больше авторитета въ Германіи; изъ университетскихъ лекцій оно проникло въ судебную практику, особенно въ имперскихъ городахъ, ученые судьи которыхъ примѣняли его къ рѣшенію дѣлъ, не слушая ропота засѣдателей на это. Популярныя руководства къ его изученію, важнѣйшими изъ которыхъ были «Зеркало для мірянъ», *Laienspiegel*, Ульриха Теуглера и служившее дополненіемъ къ нему «Зеркало тяжбъ», *Klagspiegel*, знаменитаго юриста и поэта Себастіана Бранта, ознакомили массу грамотныхъ людей съ римскими законами. Гуманизмъ преобразовалъ изученіе римскаго права. Гофманъ, или, по латинской своей фамиліи Голоандеръ, издалъ въ Нюрнбергѣ при пособіи городского совѣта Юстиніановъ кодексъ по исправленному итальянскими учеными тексту; это ослабило авторитетъ «Глоссы»; подлинный кодексъ замѣнилъ ее въ рукахъ нѣмецкихъ юристовъ. Французскій ученый Куяцій (Кюжасъ) и другіе юристы продолжали исправлять и объяснять текстъ Юстиніанова кодекса; онъ мало по малу пріобрѣталъ силу закона въ Германіи, на-перекоръ сопротивленію Готомана и другихъ защитниковъ обычнаго нѣмецкаго права, называвшихся анти-трибонианцами. Такъ было не въ одной Германіи, но и почти во всѣхъ земляхъ континентальной западной Европы. Старые суды засѣдателей (шѣппеновъ), державшіеся обычнаго права, потеряли значеніе; за ними были оставлены только маловажныя дѣла, и они мало по малу вымерли. Владычество римскаго права и юристовъ по профессіи было очень вредно; но оно внесло порядокъ въ производство судебныхъ дѣлъ и подготовило отмѣну нѣкоторыхъ дурныхъ юридическихъ обычаевъ; ужъ начиналась рѣчь о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, о безчеловѣчности и бесполезности пытки.

Уголовный кодексъ, обнародованный при Карлѣ V и называющійся по его имени „карловскимъ“, *Carolina*, имѣетъ еще средневѣковой характеръ: онъ сохраняетъ свирѣпыя наказанія и пытку; но прежніе законы были еще болѣе свирѣпы; сравнительно съ ними, должно признать его гуманнымъ. Онъ состоитъ изъ смѣси римскаго права съ нѣмецкимъ обычнымъ. Главнымъ составителемъ его былъ баронъ Йоганъ Шварценбергъ, занимавшій должность ландгофмейстера (министра внутреннихъ дѣлъ), князя — епископа бамбергскаго. Его кодексъ получилъ силу имперскаго закона черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти, по рѣшенію регенсбургскаго сейма, въ 1532 году. Любовь нѣмецкихъ государей къ сохраненію полной независимости долго задерживала принятіе его. — Гуманизмъ стремился

смягчить законы, но имѣлъ мало успѣха въ этомъ, не могъ прекратить преслѣдованія вѣдьмъ; напротивъ, оно усилилось въ эпоху реформаціи, достигло размѣра эпидемическаго свирѣпаго сумасбродства. Жгли какъ вѣдьмъ и колдуновъ восьмилѣтнихъ дѣтей и восьмидесятилѣтнихъ старухъ, жгли нищихъ и богатыхъ, дворянокъ, дворянъ, бургомистровъ, юристовъ, врачей, канониковъ и фокусниковъ. Въ небольшомъ епископствѣ бамбергскомъ въ пять лѣтъ было сожжено до 600 вѣдьмъ и колдуновъ; въ епископствѣ вюрцбургскомъ, которое лишь немного побольше бамбергскаго, тоже въ пять лѣтъ до 900 человѣкъ, въ епископствѣ фульдскомъ, очень маленькомъ, до 200 человѣкъ въ три года. Въ Брауншвейгѣ число сжигаемыхъ было громадно. Въ „Гёттингенской Хроникѣ“ подъ 1561 годомъ говорится: „Гёттингенскій магистратъ былъ такъ занятъ преслѣдованіемъ вѣдьмъ, что ни одна старуха не была въ безопасности отъ пытокъ и костра“.

Гуманизмъ оказалъ вліяніе на развитіе всѣхъ отраслей знанія. Медицина, ставшая въ рукахъ арабовъ и евреевъ собраніемъ преданій и эмпирическихъ правилъ, снова направилась на указанный Гиппократомъ и Галеномъ путь изученія человѣческаго тѣла. Парацельсъ ужь началъ ея преобразование; онъ искалъ медицинскаго знанія въ наблюденіи природы, доводя до фантастической крайности пренебреженіе къ книжнымъ свѣдѣніямъ. Виттенбергскій профессоръ Іоаннъ Корнаръ возстановилъ текстъ Гиппократа; сочиненія Галена были изданы въ истинномъ своемъ видѣ; тогда медицина стала правильно развиваться на основаніи законовъ человѣческой природы, открытыхъ греками, терминологію которыхъ она усвоила, пополняя ихъ труды новыми наблюденіями. Важнымъ средствомъ ея улучшенія было то, что врачи стали изучать анатомію по трупамъ. Въ Германіи это начали первые дѣлать виттенбергскіе профессеры. Везалій (Везали), врачъ императора Карла, далъ медицинѣ прочную основу своими анатомическими изслѣдованіями. Онъ происходилъ изъ рода, жившаго прежде въ Везелѣ, и взявшаго названіе этого города своей фамиліей; родился въ 1514 году, въ Брюсселѣ. Послѣ многолѣтнихъ внимательныхъ изслѣдованій онъ издалъ трактатъ объ устройствѣ человѣческаго тѣла, съ точными изображеніями, нарисованными Калькаромъ, ученикомъ Тиціана. Изученіе природы, которымъ занимался Парацельсъ для улучшенія медицины, приобрѣло характеръ научнаго изслѣдованія животнаго, растительнаго и минеральнаго царствъ. Основой естествознанія служили греческіе трактаты; свѣдѣнія, получаемыя изъ нихъ, были пополняемы новыми наблюденіями. Этимъ путемъ Агрикола создалъ, какъ мы говорили, научную минералогію. Конрадъ Геснеръ (родившійся въ 1516 году, въ Цюрихѣ) приобрѣлъ своей «Естественной исторіей животныхъ» и другими трудами по зоології и ботаникѣ имя нѣмецкаго Плинія. Виттенбергскій профессоръ Валерій Кордъ такъ усердно занимался ботаническими изслѣдованіями въ саксонскихъ горахъ и въ Италіи, что преждевременно умеръ (въ 1541 году). Скоро оказалось, что свѣдѣнія грековъ по естествен-

нымъ наукамъ были очень неполны; новые натуралисты стали по-полнять ихъ. Открытіе Америки доставило естествознанію множество новыхъ свѣдѣній. Начались наблюденія надъ магнетизмомъ. Были открыты нѣкоторые изъ основныхъ законовъ физики. Былъ улучшенъ компасъ. Фламандскій ученый Гергардъ Меркаторъ сталъ чертить карты по способу, остающемуся въ употребленіи до сихъ поръ. Всѣ отрасли званія развивались.

2. П о д р о б н о с т и .

1. Шутливая поэзія и книги для простона- родья.

Борьба простолюдиновъ съ дворянами, гуманистовъ съ представителями схоластики, религіозныхъ нововводителей съ прелатами передъ эпохой реформациіи и во время ея оживила простонародную шутливую литературу, противоположную рыцарской поэзіи по своему характеру. Изысканное изящество обычаевъ высшаго общества она замѣняла грубостью народныхъ нравовъ, школьную ученость самодовольныхъ схоластическихъ богослововъ и философовъ врожденнымъ здравымъ смысломъ, наивностью, подъ которой скрывались у простолюдиновъ хитрость, притворнымъ дурачествомъ. Это направленіе проникло и во дворцы; государи держали при себѣ шутовъ, умныхъ простолюдиновъ, игравшихъ роль дураковъ. Появилось много книгъ написанныхъ въ этомъ простонародномъ вкусѣ. Самыя старыя изъ нихъ: „Поинъ Амисъ“, о которомъ упоминали мы въ VII томѣ (стр. 408) и поэма „Соломонъ и Морольфъ“ (или Маркольфъ), переработка очень давняго, вѣроятно восточнаго народнаго разсказа, сдѣланная въ половинѣ XV вѣка.

Амисъ, англійскій священникъ, былъ сначала очень хорошимъ человекомъ; начальники, завидуя уваженію, какимъ онъ пользуется за свою благотворительность и другія добродѣтели, притѣсняютъ его. Епископъ подвергаетъ его экзамену, предлагаетъ ему чрезвычайно трудные вопросы; напримѣръ, сколько дней прошло отъ созданія Адама; онъ ловко отвѣчаетъ на нихъ во вкусѣ простонароднаго шутовства. Видя, что за добродѣтель преслѣдуютъ его, онъ становится плутомъ, торгуетъ поддѣльными святынями, становится купцомъ, живописцемъ, обманываетъ всѣхъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; наконецъ раскаивается, идетъ въ монахи, испрашивать прощенія у Бога.—Маркольфъ, представитель простонароднаго ума, вынужденнаго прикрываться глупостью;—осмѣиваетъ, посрамляетъ придворную образованность въ лицѣ ея представителя, Соломона. Имя „Маркольфъ“ стало названіемъ придворныхъ шутовъ,—Шутовская поэма о посрамленіи мудрости Соломона Маркольфомъ составляетъ продолженіе серьезной эпической поэмы о Соломонѣ. Связь между этими двумя частями разсказа та, что Соломонъ въ войнѣ съ Фараономъ, похитившимъ его жену, попадаетъ въ плѣнъ; Маркольфъ спасаетъ его.

Изъ слѣдующихъ книгъ подобнаго направленія самой любимой былъ сборникъ разсказовъ о Тиллѣ Эйленшпигелѣ, имѣвшій потомъ много пере-дѣлокъ, множество изданій, переведенный почти на всѣ европейскіе языки. Эйленшпигель—представитель бродягъ, онъ фигляръ, врачъ, придворный шутъ, воинъ, живописецъ, продавецъ святынь, ученый,—онъ берется за

всякое ремесло, исполняетъ всякія порученія, но шутовски, не по мысли поручающихъ, а по буквальному смыслу словъ, потому всѣ остаются недовольны его услугами; онъ отваженъ, всѣмъ говоритъ рѣзкую правду.—Сборникъ анекдотовъ объ этомъ легендарномъ представителѣ простонароднаго ума составленъ Томасомъ Мурнеромъ по всей вѣроятности изъ нижненѣмецкихъ народныхъ разсказовъ. По географическимъ именамъ видно, что родиной ихъ были магдебургская и брауншвейгская области.

Множество шутовскихъ продѣлокъ было приписано Эзопу, вымышленная біографія котораго была переведена съ латинскаго на нѣмецкій въ XV столѣтіи. Онъ посрамляетъ ученыхъ своимъ природнымъ умомъ и знаніемъ жизни. Есть шутовскія продѣлки и въ простонародной книгѣ о чародѣѣ докторѣ Йоганнѣ Фаустѣ, хотя легенда о немъ имѣетъ серьезный смыслъ, изображаетъ борьбу жажды чувственныхъ наслажденій съ влеченіемъ узнать истину.—Шутовскихъ книгъ было много; всѣ онѣ выставляютъ превосходство природнаго ума надъ пустой формалистикой, которую свѣтскіе люди и педанты считали образованностью.

Простонародная литература, превозносившая грубость нравовъ, вызвала противодѣйствіе себѣ. Неудовольствіе, возбужденное ею, придало большую историческую важность плохой поэмѣ Себастіана Бранта „Корабль дураковъ“. Брантъ былъ человѣкъ практической жизни, юристъ и патріотъ. Сначала онъ жилъ въ Базелѣ; тамъ и напечаталъ онъ свою поему (въ 1499 году); раздосадованный тѣмъ, что Базель отложился отъ нѣмецкой имперіи, онъ переселился (въ 1500 году) въ свой родной городъ, Страсбургъ, получилъ тамъ должность городского секретаря и оставался на ней до конца жизни; хотя Максимилианъ далъ ему титулы пфальцграфа, императорскаго совѣтника и назначилъ его членомъ имперскаго камеральнаго суда. Въ своей поэмѣ онъ рѣзко порицаетъ пороки всѣхъ сословій грубымъ тономъ простонародной сатиры, которую осуждаетъ за то, что она нападая на обычаи свѣтскаго общества учитъ отдаваться необузданнымъ влеченіямъ и порокамъ. Пороки онъ считаетъ не грѣхами, а глупостями, противорѣчащими разсудку; уважаетъ набожность, но выставляетъ пороки духовенства. Онъ постоянно хвалитъ древнихъ грековъ за ихъ житейскую мудрость, порождавшую патріотизмъ, общественное благоустройство, порядокъ и свободу, которыхъ нѣтъ у нѣмцевъ, хвалитъ скромность и умеренность.—Поэма Бранта лишена поэтического достоинства; но она очень нравилась, имѣла множество подражаній. Знаменитый страсбургскій проповѣдникъ Гейлеръ Кайзерсбергъ взялъ ее текстомъ, который комментировалъ въ своихъ проповѣдяхъ.

Однимъ изъ подражаній „Кораблю дураковъ“ Бранта была сатира Мурнера „Заклинаніе дураковъ“, *Narrenbeschwörung*.—Томасъ Мурнеръ, францисканскій монахъ, человѣкъ даровитый, имѣвшій очень обширныя, но не глубокія знанія, велъ бродячую жизнь, странствовалъ по Эльзасу, Швейцаріи, по другимъ рейнскимъ землямъ, по Англіи. Понятія его были непостоянныя, какъ и его характеръ. Сначала онъ писалъ сатиры противъ пороковъ духовенства; таково его „Заклинаніе дураковъ“. Но онъ оставался усерднымъ католикомъ и, когда началась въ Швейцаріи реформація, сдѣлался ея противникомъ, сталъ брать деньги отъ Генриха VIII, писалъ очень рѣзкія памфлеты противъ Лютера; изъ нихъ особенно знаменитъ пасквиль „О большомъ дуракѣ Лютерѣ, какъ заклиналъ его докторъ Мурнеръ“ (*Von dem grossen lutherischen Narren wie ihn Dr. Murner beschworen hat*). Лютеръ ругалъ его такимъ же площаднымъ тономъ, называя „ворчащимъ дуракомъ“, *Murnarr*.

Въ концѣ XV вѣка получила свою нынѣшнюю форму нѣмецкая перелатка нидерландской поэмы о Рейнеке Лисицѣ. Она была напечатана въ

2 «Корабль дураковъ». Себастіанъ Брантъ 1458—1521.

Томасъ Мурнеръ 1475—1536.

3. Рейнеке Лисица.

1498 году, въ Любекѣ. Гиприкъ Алькмаръ, написавшій предисловіе къ ней, говоритъ, что перевелъ ее съ французскаго языка на нѣмецкій. Основная мысль этой аллегорической сатиры та, что умъ и хитрость одолеваютъ физическую силу и знатность. Рейнеке Лисица постоянно побѣждаетъ своихъ враговъ, волка (Изегрима) и медвѣдя (Брауна). Историки литературы находятъ въ этой сатирѣ намеки на дѣла бургонскаго двора.

Содержаніе поэмы таково: Нобель («Благородный»; левъ), царь звѣрей, воспретилъ всякія междоусобія и насплія въ своемъ царствѣ. Рейнеке нарушаетъ это новелѣніе, дѣлаетъ всяческія беззаконія, обольщаетъ чужую жену, грабитъ, совершаетъ убійства. Всѣ животныя жалуются на него Нобелю. Только Гримбартъ (барсукъ), ловкій адвокатъ, племянникъ Рейнеке, защищаетъ его передъ царемъ. Но едва защитникъ кончилъ свою рѣчь, печальная процессія приносятъ на погребальномъ одрѣ бездыханное тѣло курпцы, погибшей отъ коварства злодѣя Рейнеке. Посылаютъ преступнику вызовъ къ суду. Отнести вызовъ поручено Брауну (Медвѣдю), одному изъ сильнѣйшихъ и непримиримѣйшихъ противниковъ Рейнеке. Но Хитрецъ обольщаетъ и его и второго вѣстника, Гинце (кота), предлагая имъ лакомое кушанье; вводитъ ихъ въ страшныя бѣды; они со стыдомъ возвращаются, избитые. Вызовъ несетъ Гримбартъ, защитникъ злодѣя. Рейнеке идетъ съ нимъ къ суду; на дорогѣ исповѣдывается ему и получаетъ отпущеніе грѣховъ. Когда Рейнеке приходитъ къ царю, обвиненій оказывается такъ много, что оправдаться невозможно. Царь осуждаетъ злодѣя на висѣлицу. Рейнеке взводятъ на лѣстницу висѣлицы, котъ беретъ веревку, накинуть на шею ему; онъ проситъ позволенія говорить; оно дано; онъ рассказываетъ, что открылъ и разстроилъ заговоръ, пмѣвшій цѣлью низвергнуть Нобеля и посадить на престолъ Брауна; однимъ изъ участниковъ заговора Хитрецъ называетъ своего отца, Рейнеке-старшаго. Заговорщики рассчитывали овладѣть сокровищемъ; Рейнеке, подслушавъ ихъ, перенесъ его на другое мѣсто; безъ сокровища они не могли начать мятежъ; старикъ Рейнеке былъ такъ опечаленъ неудачей, что повѣсилъ. Нобель прощаетъ своему спасителю всѣ его преступленія. Всѣ животныя досадуютъ на это. Рейнеке долженъ показать Нобелю спрятанное имъ сокровище. Но онъ за одно изъ своихъ преступленій былъ отлученъ отъ церкви папой; это такъ мучитъ его душу, что онъ не можетъ заняться никакимъ дѣломъ, пока не будетъ снято съ него отлученіе; потому онъ проситъ у Нобеля дозволенія идти въ Римъ, чтобы примириться съ церковью. Царь отпускаетъ его; Беллинъ (баранъ), придворный священникъ Нобеля, благословляетъ его въ путь и по его просьбѣ идетъ проводить его. Рейнеке уходитъ въ свой замокъ и совершаетъ новыя убійства. Кроликъ и ворона жалуются на него Нобелю. Царь клянется, что накажетъ лицемеръ и злодѣя, созываетъ своихъ вассаловъ идти войной на Рейнеке. Барсукъ бѣжитъ увѣдомить его объ этомъ. Рейнеке отирается съ племянникомъ къ царю оправдываться. На дорогѣ снова исповѣдывается барсуку и прибавляетъ, что царь и его бароны дѣлаютъ то же самое, грабятъ и убиваютъ, но никто не смѣетъ говорить имъ правду; мелкихъ воровъ вѣшаютъ, а большіе воры управляютъ государствомъ; прелаты не лучше бароновъ, развратничаютъ и обогащаютъ своихъ побочныхъ дѣтей. Племянникъ совѣтуетъ ему молчать объ этомъ. Имъ встрѣчается Мартинъ (мартышка, обезьяна), отирающийся въ Римъ, говоритъ о своей женѣ, что она имѣетъ большое вліяніе на царицу и царя, совѣтуетъ Рейнеке просить ея покровительства, а самъ обѣщаетъ выхлопотать въ Римѣ прощеніе ему: тамъ всѣмъ управляетъ кардиналъ Ненасытныи и другіе такіе же люди; у нихъ все продажно; притомъ Мартинъ пріятель съ наложницей Ненасытнаго.—Рейнеке является къ Нобелю, вызывается доказать свою невинность судебнымъ поединкомъ; ворона и кроликъ робѣютъ, удаляются. Но другіе обвинители, Изегримъ и Браунъ, требуютъ смерти злодѣя. Жена Мартина убѣждаетъ раздраженнаго Нобеля выслушать оправданіе обвиняемаго, напоминаетъ ему, что Рейнеке часто выводилъ его умными совѣтами изъ затрудненій, что наказаніе Рейнеке сдѣлаетъ многочисленныхъ родныхъ и друзей его врагами царя, что волкъ и медвѣдь постоянно дѣлаютъ насилія. Рейнеке сваливаетъ на канеллана Беллина преступнѣйшее изъ убійствъ, которыя совершилъ, говоритъ что съ отирающимся къ царю своимъ спутникомъ послалъ

драгоценные подарки для царя и царицы, и Беллинъ убилъ этого несчастнаго, чтобы овладѣть подарками: въ числѣ ихъ находился перстень, имѣвшій волшебную силу; онъ назначался для царя; а царицѣ были посланы гребень съ прекрасной рѣзьбой, изображавшей судъ Париса, и волшебное зеркало, дававшее красоту смотрящемуся въ него лицу. Царь смягчается, велитъ вести дѣло правильнымъ судебнымъ порядкомъ, Изегримъ и его жена рассказываютъ суду, въ какія бѣды вводилъ ихъ Рейнеке; онъ даетъ каждому ихъ обвиненію такой оборотъ, что они сами оказываются виноваты въ своихъ бѣдахъ. Изегримъ говоритъ, что ему наскучило слушать ложь и вызываетъ Рейнеке на судебный поединокъ. По совѣту жены Мартина, Рейнеке мараетъ въ песокъ мокрый хвостъ, бьетъ имъ по глазамъ Изегрима; совершенно засоривъ глаза противнику, прыгаетъ на него, царапаетъ, кусаетъ его, выцарапываетъ ему глазъ; Изегримъ наконецъ схватываетъ Рейнеке, опрокидываетъ на землю Рейнеке клянется быть вассаломъ Изегрима, обѣщается идти на богомолье за него, достать ему индульгенцію, уважать его папу. Изегримъ съ презрѣніемъ отвергаетъ всѣ его предложенія, хочетъ убить его. Онъ передней лапой царапаетъ подъ брюхомъ Изегрима, такъ что волкъ отъ боли выпускаетъ его лапы и валится на землю; Рейнеке терзаетъ его, онъ воетъ. Царь велитъ прекратить поединокъ. Рейнеке объявленъ побѣдителемъ, всѣ льстятъ ему, царь дѣлаетъ его канцлеромъ.

Басня, тоже стала средствомъ выставлѣть на видъ дурныя стороны церковнаго и государственнаго быта. Первымъ хорошимъ баснописцемъ былъ Буркардъ Вальдисъ, уроженецъ Гессена, монахъ, принявшій лютеранство, подвергавшійся преслѣдованіямъ, много путешествовавшій, бывшій протестантскимъ проповѣдникомъ въ Ригѣ, потомъ священникомъ на родинѣ. Въ своемъ „Новомъ Эзонѣ“ онъ собралъ 400 басень изъ Эзопа и народныхъ книгъ. Въ нихъ много намековъ на современныя дѣла. Онъ пересказываетъ басни очень живо; учитъ мужеству, трудолюбію, довольству скромной доли, изобличаетъ несправедливости сильныхъ людей, пороки католическаго духовенства. — Басни Эразма Альбера (умершаго въ 1553 году) направлены противъ католичества и противъ анабаптистовъ. Георгъ Ролленгагенъ въ своей „Войнѣ мышей съ лягушками“ (Froschmäuler), передѣлалъ „Батрахоміомахію“, изобличаетъ дурныя стороны общественнаго быта.

4. Басни и
пословицы.
Вальдисъ
1490—1556

Йоганнъ Агрикола (умершій въ 1566), одинъ изъ составителей интерима, и Себастьянъ Франкъ, историкъ, многосторонній писатель, анабаптистъ, издали сборникъ нѣмецкихъ пословицъ съ объясненіями.

Ролленгагенъ
1512—1609.

Гансъ Заксъ родился въ Нюрнбергѣ; это былъ тогда одинъ изъ центровъ умственной жизни Германіи. Тамъ жили Альбрехтъ Дюреръ и Цельтесъ, многіе другіе художники и поэты; тамъ было широко развито мейстерзингерство; образованные патриціи, какъ напримѣръ Пиркгеймеръ, покровительствовали даровитымъ людямъ; торговля и промышленность создали тамъ благосостояніе, упрочили независимость города, произвели хорошее общественное устройство, дали гражданскую свободу простолюдинамъ. Гансъ Заксъ былъ представителемъ честнаго, миролюбиваго, но мужественнаго, патріотичнаго населенія нѣмецкихъ городовъ. Онъ былъ народный поэтъ; но свободенъ отъ простонародной грубости тона. Онъ былъ приверженецъ реформаціи, видѣлъ въ ней зарю новаго дня. Въ 1523 году онъ привѣтствовалъ дѣятельность Лютера стихотвореніемъ о „Виттенбергскомъ соловьѣ, слышномъ теперь повсюду“. Оно быстро распространилось по всей Германіи. Прославляя реформацію, онъ оставался чуждъ безразсудныхъ увлеченій, и въ элегіи на смерть Лютера порицалъ ссоры протестантскихъ богослововъ. Онъ былъ патріотъ, скорбѣлъ о томъ, что у нѣмцевъ нѣтъ единоподушія, на которомъ основывается благо народовъ, говорилъ, что эгоизмъ вышнихъ сословій коренная причина упадка нѣмецкаго государства; но сохранялъ въ своихъ порицаніяхъ разсудительность и умѣренность,

5. Гансъ Заксъ
1494—1576.

характеризовавшую среднее сословіе, чьи понятія онъ раздѣлялъ. Главной цѣлью его поэтической дѣятельности было улучшение нравовъ и просвѣщеніе горожанъ. Онъ говорилъ имъ, что супружеская вѣрность, вообще семейныя добродѣтели и любовь къ ближнему—основы общественнаго благосостоянія, прославлялъ довольство скромной долей и простоту жизни. Источниками его нравственнаго ученія были переводы классическихъ писателей и Библія. Языкъ его часто неуклюжъ и многословенъ; стихотворенія его часто бываютъ лишь рѣмованной прозой. Но онъ хорошъ, какъ честный и умный совѣтникъ своихъ соотечественниковъ. Въ первое время своей литературной дѣятельности онъ болѣе занимался общественной жизнью, потомъ больше описывалъ бытъ простолюдиновъ, ремесленниковъ, поселянъ, солдатъ; многіе его рассказы о нихъ веселы, но есть и грустные. Напримѣръ, въ одной изъ его элегій пять разрядовъ „бѣдняковъ“—ландскнехты, священники, поселяне, ремесленники и нищіе—жалуются, что имъ тяжело жить. Во всѣхъ его стихотвореніяхъ есть дидактическая тенденція, простодушная и честная. Онъ писалъ рассказы, басни, лирическія стихотворенія, драмы всяческихъ формъ. Число его произведеній громадно, и до сихъ поръ не всѣ они изданы.

Онъ напечаталъ три фоліанта своихъ сочиненій; вскорѣ по его смерти было напечатано еще два фоліанта. Въ этомъ изданіи находится: больше 480 историческихъ и мѣтологическихъ рассказовъ, 210 рассказовъ изъ Библіи, церковныхъ легендъ и благочестивыхъ размышленій; 286 басенъ и шутокъ, множество псалмовъ, разговоровъ, анекдотовъ, другихъ мелкихъ стихотвореній, 56 трагедій, 68 комедій, 62 карнавальные представленія (Fastnachtsspiele).

6. Драматическая поэзія. Романическая поэзія занималась прошедшимъ, была по преимуществу эпическая; поэзія XVI вѣка въ противоположность ей интересовалась больше всего настоящимъ и обратилась къ драматической формѣ. Мы рассказывали въ IX томѣ (стран. 222) о происхожденіи драмы во Франціи; въ Германіи драма тоже развилась изъ обрядовъ католическаго богослуженія. На страстной недѣлѣ нѣсколько человѣкъ посмѣнно речитировали исторію страданій Спасителя; это вело къ переложенію рассказа въ разговоръ. Потомъ религіозныя драмы (мистеріи) были составлены и для другихъ праздниковъ; интересъ ихъ былъ увеличенъ введеніемъ забавныхъ дѣйствующихъ лицъ, шутниковъ (joculatores), разыгрывавшихъ смѣшныя эпизодическія сцены въ мистеріяхъ веселаго масляничнаго времени. Впослѣдствіи мѣсто представленій было перенесено изъ церкви на площадь, и къ религіозной драмѣ были прибавлены фарсы. Въ XV вѣкѣ комическая честь мистерій была отдѣлена отъ серьезной, возникли самостоятельныя комическія драмы; онѣ назывались у нѣмцевъ карнавальными представленіями, Fastnachtsspiele. Сценой служили доски, положенныя на скамьи. Сначала карнавальные фарсы были импровизаціи, потомъ стали играть ихъ по писанному тексту; главнымъ содержаніемъ ихъ служили смѣшныя процессы, уличные приключенія, обманы мужей. Эти спектакли развились особенно въ Нюрнбергѣ; тамъ въ XV вѣкѣ мейстерзингеры Фольцъ и Розенблютъ написали множество карнавальныхъ фарсовъ. Во время реформаціи эти представленія стали осмѣивать папу и римскую церковь. Такіе фарсы писалъ, между прочимъ, Мануэль, членъ бернскаго городского совѣта, государственный человѣкъ, воинъ и ученый (умершій въ 1530). Въ то же время распространялось знакомство съ классической драмой; воспитанники ученыхъ школъ играли на латинскомъ языкѣ комедіи Плавта и Теренція; появились переводы греческихъ и латинскихъ драмъ; они были

ставимы на сцену. Цельтесъ, Рейхлинъ и нѣкоторые другіе гуманисты писали оригинальныя драмы на латинскомъ языкѣ. Между ними были хорошія; нѣкоторыя изъ нихъ были играны; нѣкоторыя другія были для постановки на сцену переведены на нѣмецкій, какъ на примѣръ драмы Фришлина „Ревекка“ и „Сусанна“; наконецъ гуманисты стали писать драмы прямо на нѣмецкомъ языкѣ; лучший изъ этихъ драматурговъ—Ребгунтъ, учившійся въ Виттенбергѣ во времена Лютера, писавшій драмы изъ библейской исторіи.

Но въ особенности много сдѣлалъ для развитія нѣмецкой драматической поэзіи Гансъ Заксъ. Кромѣ религіозныхъ рассказовъ, которые были исключительнымъ матеріаломъ для прежнихъ нѣмецкихъ драматурговъ, онъ бралъ сюжеты драмъ изъ древней исторіи, изъ мифологій, средневѣковыхъ рассказовъ; піэсы его плохи; это лишь переложенія рассказовъ въ разговоры; но все такъ онъ основатель нѣмецкой драматургіи; слѣдующіе драматурги подражали ему. Лучшимъ изъ нихъ былъ Айреръ, занимавшій должность нотаріуса въ Нюрнбергѣ и умершій въ 1606 году. Драммы Айрера написаны грубымъ языкомъ и переполнены кровавыми ужасами, но не лишены трагизма. Юлій, герцогъ брауншвейгскій (умершій въ 1613 году), основалъ придворный театръ въ своей столицѣ, Вольфенбюттелѣ, и самъ писалъ драмы (одна изъ нихъ называется „Вияценцій Владиславъ, сатранъ мантуанскій“. Въ Германію пріѣзжали труппы англійскихъ актеровъ. Но при низкомъ состояніи образованности въ ней, нѣмецкая драма не могла тогда получить такого развитія, какъ испанская и англійская. Она сохранила простонародную грубость, представителемъ былъ Гансвурстъ «Гансъ Калбаса», нѣмецкій полищипель.

Существенной частью лютеранскаго богослуженія было пѣніе. Лютеръ переводилъ псалмы и прежнія латинскія церковныя пѣсни, самъ писалъ новыя пѣсни для богослуженія, возбуждалъ къ этому другихъ, самъ слагалъ простыя мелодіи для своихъ пѣсень или бралъ у гуситовъ. Подъ вліяніемъ его развилась въ протестантской Германіи религіозная поэзія. Самыя старыя и прекрасныя изъ лютеранскихъ богослужебныхъ пѣсень были непосредственными внушеніями чувства. Многія изъ нихъ, какъ мы говорили, были передѣлками народныхъ свѣтскихъ. Богослужебныя пѣсни писали сначала почти исключительно священники; когда лютеранское богослуженіе стало привычно народу, религіозныя пѣсни стали слагать люди всякихъ сословій; это повело къ тому, что рядомъ съ богослужебной, торжественной поэзіей возникла житейская религіозная поэзія, близкая ко всѣмъ домашнимъ дѣламъ; главными представителями ея въ XVI вѣкѣ были Николай Германъ, Рингвальдъ и Гельмбольдъ. Богослужебная поэзія держалась тона псалмовъ. Буркардъ Вальдисъ переложилъ всю Псалтырь въ безыскусственные нѣмецкіе стихи; переложенія многихъ псалмовъ были сдѣланы имъ „въ тяжкихъ узахъ темничныхъ и въ пасти смертной“. Въ концѣ XVI вѣка переводъ его былъ вытѣсненъ изъ употребленія болѣе изящнымъ переводомъ Лобвассера, который образцомъ слога для своего переложенія взялъ французскій переводъ Маро. Это было началомъ перехода нѣмецкой поэзіи къ подражанію французской.

7. Церковныя пѣсни.

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стан.			
505	Драчунъ	вмѣсто	Драчутъ.
534	Эминуэль	»	Эмануэль.
544	Осособенно	»	Особенно.

- Куно-Фишера.** Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. *И. П. Рассадина*. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Курціуса.** Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсакъ*. М. 1880 г. Цѣна 12 р.
- Левитова.** Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ Лейпцигѣ и статьею о жизни его, *Ф. Д. Нефедова*. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 5 р.
- Лессинга, Г. Э.** Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Рассадина*. М. 1883 г. Ц. 3 р.
- Лотце.** Микрокосмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Любке.** Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Часва*. М. 1873 г. Цѣна 6 руб.
- Магаффи.** Исторія классич. періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовской*. М. 1883 г. Ц. 6 р.
- Марта.** Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1879 г. Ц. 2 р.
- Моммсена.** Римская исторія. Перев. *В. Н. Невъдомскаго* и *А. Н. Веселовскаго*, т. I. Ц. 6 р., т. II и III. Ц. 7 р., т. V. Ц. 3 р. 50 к. М. 1887 г.
- Морлея, Дж. Руссо.** Пер. съ англійскаго *В. Н. Невъдомскаго*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- **Дидро и Энциклопедисты.** Перев. *В. Н. Невъдомскаго*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Маурера.** Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша*. М. 1880 г. Цѣна 2 р. 75 к.
- Ольденберга, Г.** Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. съ нѣмецкаго М. 1884 г. Ц. 2 р.
- Огарева, Н.** Стихотворенія. М. 1863 г. Ц. 50 к.
- Пешель, Оск.** Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1885 г. Ц. 3 р.
- Полонскаго, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.
- Рибо.** Современная Англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина*. М. 1882 г. Цѣна 2 р.
- Риля А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. *Е. Корша*. М. 1888 г. Ц. 2 руб.
- Рѣшотникова, Ѳ.** Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.
- Саади-Ширази.** Гюлистанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1881 г. Ц. 1 р.
- Страбона.** Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Пер. съ греческаго *Ѳ. Г. Мишенка*. М. 1879 г. Цѣна 10 р.
- Сурикова, И. З.** Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. Изд. 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.
- Стихотв., изданіе 3-е, полное. М. 1877 г. Ц. 1 р.
- Тикнора.** Исторія испанской литературы. Т. I и II. Пер. *Н. И. Стороженко*. М. 1886 г. Ц. 6 р.
- Тренделенбурга.** Логическія изслѣдованія. I и II части. М. 1868 г. Ц. 4 р.
- Тьюка.** Духъ и тѣло. Перев. *П. Викторова*. М. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тэна.** Титъ Ливій. Критическ. изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Финлея. Греція подь римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. Москва. 1876 г. Цѣна 4 р.

Фойгта, Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *И. И. Рассадина*. М. 1884 г. Т. I и II. Ц. 6 р. 50 к.

Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.

Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Пер. *Н. Кетчера*. 9 частей. Ц. 10 р.

Шмидта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ламе*, пер. *Э. Циммермана*. Томъ II, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ), М. 1880 г. Цѣна за все томы 16 р.

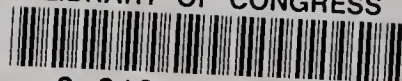
Печатаются слѣдующія сочиненія:

Веберъ Г. Всеобщая Исторія, т. XI.

Гаймъ. Гердеръ, его жизнь и сочиненія, т. II.

Файфъ. Исторія Европы XIX в.

LIBRARY OF CONGRESS

0 018 487 242 0

